ДРЕВНЕРУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ ПСКОВА

X – начала XI века

II

КАМЕРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПСКОВА
по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг.
у Старовознесенского монастыря

Археологический центр Псковской области

ДРЕВНЕРУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ ПСКОВА X — НАЧАЛА XI ВЕКА

ТОМ 2

Камерные погребения Пскова

По материалам археологических раскопок 2003–2009 гг.
у Старовознесенского монастыря

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 930.26(470+571)
ББК 63.48(2)
Д 73

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ): проект № 12-01-16098

Работы по комплексным исследованиям и подготовке рукописи настоящего издания выполнены в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) 2009–2010 гг. № 09-01-00362 а «Комплексное изучение Псковского некрополя X–XI вв.», руководитель Е. А. Яковлева.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *И. К. Лабутина*

Редакционная коллегия
И. О. Колосова, Э. В. Королева, И. К. Лабутина, Т. А. Пушкина, Е. А. Яковлева (составитель)

Рецензенты
доктор исторических наук *А. Н. Кирпичников;*
кандидат исторических наук *В. В. Мурашева*

Д73 **Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века:** В 2 т. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). — СПб. : Нестор-История, 2016. — 624 с., ил.

ISBN 978-5-4469-0826-4

Второй том издания посвящен неизвестному ранее некрополю, открытому в ходе спасательных раскопок в начале текущего столетия на территории южной части Окольного города, у Старовознесенского монастыря. К моменту публикации из состава кладбища выявлено 8 камерных захоронений 2-й половины X века. Богатый вещевой инвентарь, значительные по размерам погребальные сооружения позволяют отнести псковские камеры к числу наиболее представительных памятников этой группы.

Книга состоит из введения, историко-топографического очерка территории Старовознесенского некрополя и трех разделов. Первый содержит публикацию отдельных погребальных комплексов (полевые исследования и их результаты с приложениями чертежей, списка и каталога находок). Авторы раздела – открыватели памятника. Во втором разделе помещены статьи, в которых анализируются обряд и инвентарь камерных погребений. Третий раздел целиком посвящен результатам естественнонаучных исследований материалов некрополя. Книга подробно иллюстрирована. В работе над изданием приняли участие ведущие специалисты научно-исследовательских центров Москвы, С.-Петербурга, Пскова.

УДК 930.26(470+571)
ББК 63.48(2)

ISBN 978-5-4469-0826-4

9 785446 908264

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

Содержание

Введение 5
Е. А. Яковлева. Историко-топографический очерк территории Старовознесенского некрополя 7

I. КАМЕРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СТАРОВОЗНЕСЕНСКОГО НЕКРОПОЛЯ ИЗ РАСКОПОК 2003, 2004, 2006–2009 гг. (полевые исследования, описание, чертежи, списки и каталоги находок)

Е. А. Яковлева. Камерное погребение 1. 28
Чертежи 54
Список находок 62
Каталог. 67
А. В. Михайлов. Камерное погребение 2 84
Чертежи 99
Список находок 104
Каталог. 106
Е. А. Яковлева. Камерное погребение 3. 109
Чертежи 140
Список находок 148
Каталог. 151
Т. Е. Ершова, Е. А. Яковлева. Камерное погребение 4. 166
Чертежи 203
Список находок 213
Каталог. 220
Т. Е. Ершова. Камерное погребение 5 235
Чертежи 245
Список находок 249
Каталог. 251
Т. Е. Ершова. Камерное погребение 6 257
Чертежи 278
Список находок 289
Каталог. 293
Т. Е. Ершова. Камерное погребение 7 309
Чертежи 324
Список находок 331
Каталог. 335
Т. Е. Ершова. Камерное погребение 8 347
Чертежи 357
Список находок 366
Каталог. 368
Условные обозначения 372

II. ОБРЯД И ИНВЕНТАРЬ КАМЕРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ СТАРОВОЗНЕСЕНСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Е. С. Зубкова, О. В. Орфинская. Текстиль из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова . . . 373
Т. Е. Ершова, А. В. Яковлев. Подвеска со знаком Рюриковичей и изображением птицы с крестом из камерного погребения 6 Старовознесенского некрополя Пскова . . . 395
К. А. Михайлов. Костюм из псковских камерных погребений 2-й пол. X в. на фоне раннесредневековых европейских аналогий . . . 415
Н. М. Ткачева. Опыт реставрации и попытка атрибуции доски с полихромией из камерного погребения 6 Старовознесенского некрополя . . . 428
В. М. Горюнова. Раннегончарная керамика из камерных погребений Старовознесенского некрополя древнего Пскова . . . 441
Я. В. Френкель. Изделия из стекла и янтаря из камерных погребений Старовознесенского некрополя: опыт культурно-хронологической атрибуции . . . 445
С. А. Салмин. Оружие псковского некрополя X — нач. XI в. . . . 466
А. В. Яковлев. Торговый инвентарь из камерных погребений Старовознесенского некрополя . . . 476
Е. А. Яковлева. Деревянные сооружения камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова. Конструкции и вопросы сохранности . . . 484
К. А. Михайлов. Следы средневековых грабителей камерных погребений Старовознесенского некрополя древнего Пскова . . . 506
А. А. Александров. К вопросу о семантике и генезисе «сидячих» погребений (по материалам скандинавских саг и письменных источников) . . . 513

III. ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ КАМЕРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ СТАРОВОЗНЕСЕНСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Н. В. Ениосова. Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского некрополя . . . 518
Д. В. Пежемский. Опыт антропологического исследования останков из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова . . . 560
О. М. Татарников, Е. А. Яковлева. Геолого-геоморфологические и палеоландшафтные особенности территории и окрестностей некрополя на Старовознесенской возвышенности . . . 579
М. И. Кулакова. Дендрохронологическое изучение дерева конструкций камерного погребения 3 . . . 583
А. А. Гольева. Археоботанические исследования материалов камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова . . . 588

Список сокращений . . . 604
Архивные материалы . . . 605
Литература . . . 606

Введение

Второй том настоящего издания является результатом комплексного исследования части древнерусского некрополя Пскова конца I тыс. н. э., изученной раскопками нач. XXI в. на так называемой «Старовознесенской» возвышенности[1].

В 2003–2009 гг. в Пскове в ходе спасательных археологических работ на территории южной части Окольного города, у древнего Старовознесенского монастыря, был открыт могильник, из состава которого ко времени выхода этой книги были выявлены 8 камерных захоронений.

Камерные захоронения с богатым инвентарем в подземных деревянных склепах конца I тыс. н. э. хорошо известны на территории Северной и Восточной Европы. В исторических пределах Древней Руси такие погребения обнаружены в составе больших могильников крупных торгово-ремесленных центров и значительных раннегородских образований: Киева, Гнездова, Чернигова, Шестовиц, Тимерева, Пскова, в урочище Плакун под Старой Ладогой. На текущем этапе исследований этот список представляется неполным. В значительной мере он определяется степенью археологической изученности территорий и, несомненно, будет расширяться за счет новых открытий и публикаций.

Исследованию деталей и особенностей камерного погребального обряда, его историческим и этническим характеристикам посвящено значительное количество общих и специальных исследований российских и зарубежных авторов, при этом ряд вопросов по-прежнему остается дискуссионным. Вероятно, в обозримом будущем проблематика интерпретаций камерных погребальных древностей Руси X в. будет разрешаться по мере накопления материалов и применения новых методик с учетом многофакторности исторических условий их возникновения.

Раскопки камерных погребений в Пскове, несмотря на относительную немногочисленность захоронений, позволили получить объемную информацию и значительный вещевой материал[2], представляющий интерес не только в рамках изучения региональной тематики и особенностей этого своеобразного погребального обряда.

Открытие в Пскове еще одного памятника «камерного» круга дало новые материалы по наиболее значительным вопросам отечественной истории периода становления русской государственности, возникновения первых городов, христианизации, развития властных и общественных институтов Древней Руси.

Размеры самых крупных погребальных сооружений Старовознесенского некрополя и состав находок позволяют отнести их к группе наиболее представительных памятников своего круга на территории Древней Руси.

Работа выполнена коллективом авторов в рамках проекта РГНФ № 09–01–00362а «Комплексное изучение псковского некрополя X–XI вв.» в 2009–2010 гг. и является второй частью этого исследования[3].

---

[1] Условное название в системе обозначений элементов Модели первоначального рельефа Пскова (Яковлева, Татарников, 2010. С. 541).

[2] В результате раскопок погребений получена коллекция индивидуальных находок, состоящая из 343 номеров хранения. Под одним номером может быть учтено несколько единиц хранения — предметов, связанных друг с другом, крупных фрагментов или элементов одного изделия. В коллекции — более 500 единиц хранения.

[3] Первая часть работы посвящена комплексному изучению городского некрополя X — начала XI в., открытого на территории Среднего города в 1974 г. и изучавшегося в 70–90-х гг. XX в. (см. т. I настоящего издания).

Помимо авторов, публикующих результаты своих тематических изысканий по наиболее значительным аспектам темы и отдельным категориям инвентаря, это издание было бы невозможно без участия специалистов, обеспечивших хранение и сохранность археологических находок, оформление графических приложений и изготовление иллюстраций, техническое сопровождение проекта, консультативную помощь и личное участие в раскопках. Глубокая благодарность за творческое и профессиональное отношение к делу, всемерную помощь и поддержку в реализации проекта:

реставраторам Псковского археологического центра и Псковского музея-заповедника: С. А. Салмину, Н. Н. Серовой (работа 2004–2006 гг.), Н. М. Ткачевой, М. И. Владыкину, Е. С. Зубковой, а также О. В. Орфинской, сотруднику РНИИ природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева;

хранителям Псковского музея-заповедника — О. Н. Николенко, Э. В. Королевой, Л. В. Воронцовой;

художникам — Е. В. Клевцовой, И. А. Жигаловой, Т. Ф. Прибуровой;

руководителю технической группы проекта Р. Г. Подгорной за изготовление и организацию подготовки графических приложений и иллюстраций издания.

Отдельные слова благодарности — коллегам-археологам, принявшим личное участие в раскопках в свободное от основной работы время. Подчеркну, что из-за дефицита времени, связанного со спасательным характером полевых работ, они проходили в несколько смен и, как правило, в сложных погодных условиях. Спасибо С. Г. Попову, З. Р. Румянцевой, К. А. Михайлову — сотрудникам ИИМК РАН, псковским коллегам: Р. Г. Подгорной, Э. В. Королевой, Е. С. Зубковой, А. В. Яковлеву за профессиональную поддержку.

Сердечная признательность — за консультации и информационно-методическую поддержку: И. К. Лабутиной, А. Н. Кирпичникову, Т. А. Пушкиной, А. А. Александрову.

Основной целью коллективного исследования камерных захоронений древнего Пскова, открытых в первом десятилетии XXI в. у Старовознесенского монастыря, является публикация материалов раскопок и результатов тематических изысканий в целях оперативного введения полученных данных в научный оборот. Важной задачей всей работы было выявление общих черт, определение места и особенностей псковского камерного некрополя в ряду известных памятников этого круга на территории России, Украины, стран Северной Европы. Публикуемый материал значительно дополняет археологическую информацию о Пскове X в.

Момент написания этой книги выбран не случайно. В 2009 г. завершился цикл полевых исследований памятника, связанный с охранными раскопками на месте строительства ресторанно-гостиничного комплекса «Двор Подзноева». В ближайшей временной перспективе, с учетом инвестиционных планов и возможностей строительно-хозяйственной деятельности, на прилегающей к участку открытого некрополя территории новых масштабных спасательных раскопок не предвидится.

Продолжение полевых исследований на территории Старовознесенского могильника и его ближайших окрестностей, вероятно, будет связано со специальными научными изысканиями. Именно поэтому, на наш взгляд, важно, чтобы новому этапу изучения памятника предшествовало комплексное осмысление материалов, полученных в ходе охранных археологических работ первого десятилетия текущего века.

Е. А. Яковлева

Introduction[1]

Summary

The second volume of the book represents publication of field research and results of complex study of materials from eight chamber graves of the necropolis found at excavations of 2003–2009 on the territory of historical part of Pskov at the ancient monastery of Old Ascension.

The size of the largest funeral constructions of the “Old Ascension” burial ground and finds composition allow us to attribute them as a group of the most representative sites of its type of the 2nd half of the Xth century on the territory of Ancient Rus.

Alongside with the study of categories of objects taken separately and funeral ceremony features as well as natural-scientific and anthropological research, one of the main objectives of the group of the authors was the identification of general characteristics, definition of the place and features of the Pskov chamber necropolis among other known monuments of this type on the territory of Russia, the Ukraine and countries of Northern Europe.

The material published is a considerable supplement to the archaeological information about Pskov of the Xth century.

[1] Перевод резюме на английский язык здесь и далее в томе выполнен С. Ф. Мацевич, доцентом, зав. кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественных факультетов ПсковГУ.

Е. А. Яковлева

Историко-топографический очерк территории Старовознесенского некрополя

Оставляя за рамками настоящего раздела анализ вещевого инвентаря, деревянных конструкций, других особенностей изучаемого погребального памятника, подчеркнем еще раз значение самого факта открытия некрополя с камерными захоронениями на конкретном участке исторической части города Пскова.

Анализ внешнего историко-топографического контекста и внутренней планиграфии могильника с привлечением данных о топографии погребальных комплексов с камерными захоронениями на территории Древней Руси и Северной Европы позволяет выявить особенности псковского варианта и обозначить черты, наиболее характерные для всех памятников изучаемого круга.

1. Положение в современном городе

Некрополь, из состава которого в настоящее время изучено 8 захоронений, располагается в историческом центре г. Пскова, в квартале, ограниченном улицами Советской, Некрасова, Свердлова и Музейным переулком (рис. 1). В настоящее время на территории этого микрорайона сформировалась довольно плотная историческая застройка (XVI — нач. XXI в.).

Следует подчеркнуть, что возможность открытия и изучения неизвестного ранее древнего погребального комплекса, сохранившегося на территории современного города, обусловлена прежде всего тем, что исследуемый участок находится в границах объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой Пскова». Благодаря усилиям нескольких поколений археологов, с 60-х гг. XX в. все виды хозяйственной деятельности, связанные с земляными работами, и прежде всего новое строительство на территории этого уникального археологического объекта, предваряются спасательными (охранными) исследованиями (рис. 2).

В 2003 г., когда на первом Старовознеском раскопе (рис. 3) началось изучение некрополя, в западной — северо-западной части квартала еще со времен Великой Отечественной войны продолжали существовать обширные пустыри. В развалинах стояли так называемые «палаты Подзноевых» (комплекс каменных гражданских построек, получивших название по имени последнего владельца XIX в.), находившиеся к тому времени уже несколько десятилетий в состоянии консервации. В центре микрорайона размещались пришедшие в негодность старые хозяйственные постройки и дровяные сараи жителей окрестных домов. Дом с адресом Советская, 60а, на месте которого проходили раскопки, был разобран на основании заключения об аварийном состоянии его надземной части[1].

Несмотря на определенную запущенность территории, в новых экономических условиях приватизации недвижимости земли квартала обладали несомненной инвестиционной привлекательностью. Она определялась центральным положением местности, близостью к наиболее значительным улицам города (Некрасова и Советская), а также концентрацией в ее ближайшем окружении известных памятников архитектуры

[1] Здание имеет ленточные фундаменты и подвальную часть. Никаких археологических исследований в подвалах не производилось. Не исключаю возможности сохранения под зданием древних погребальных объектов.

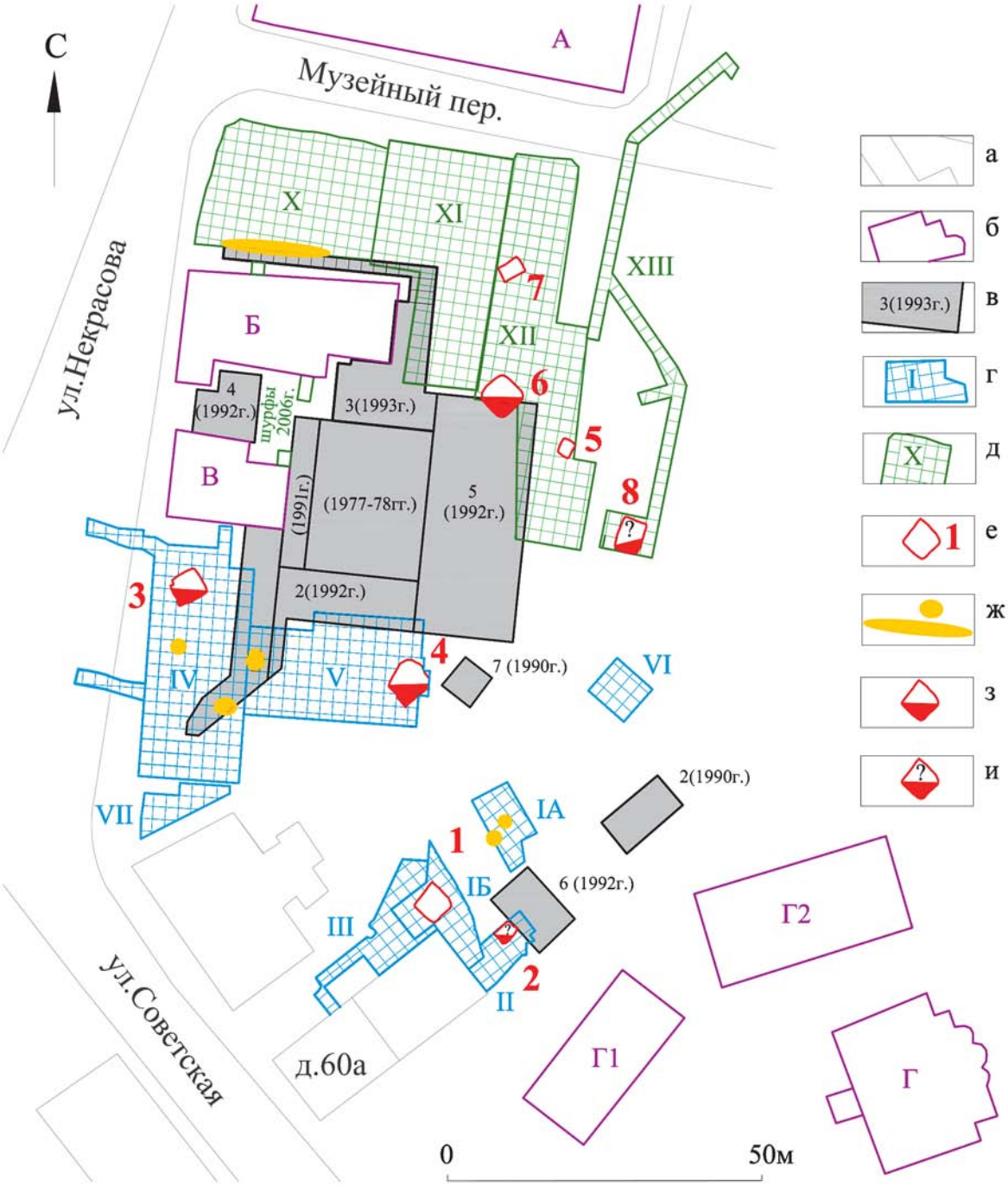


Рис. 1. Схема расположения Подзноевских и Старовознесенских раскопов в г. Пскове. Условные обозначения: а — городская застройка и планировка на момент археологических исследований 2003–2009 гг.; б — существующие памятники архитектуры: А — Поганкины палаты; Б — 1-е палаты Подзноевых; В — 2-е палаты Подзноевых; Г — ц. Старое Вознесение; Г1–2 — постройки ансамбля Старовознесенского монастыря; в — раскопы 70–90-х гг. XX в.; г — Старовознесенские раскопы 2003–2007 гг.; д — Подзноевские раскопы 2006–2009 гг.; е — камерные погребения; ж — находки отдельных переотложенных человеческих костей; з — ограбленные камеры; и — предполагаемое ограбление

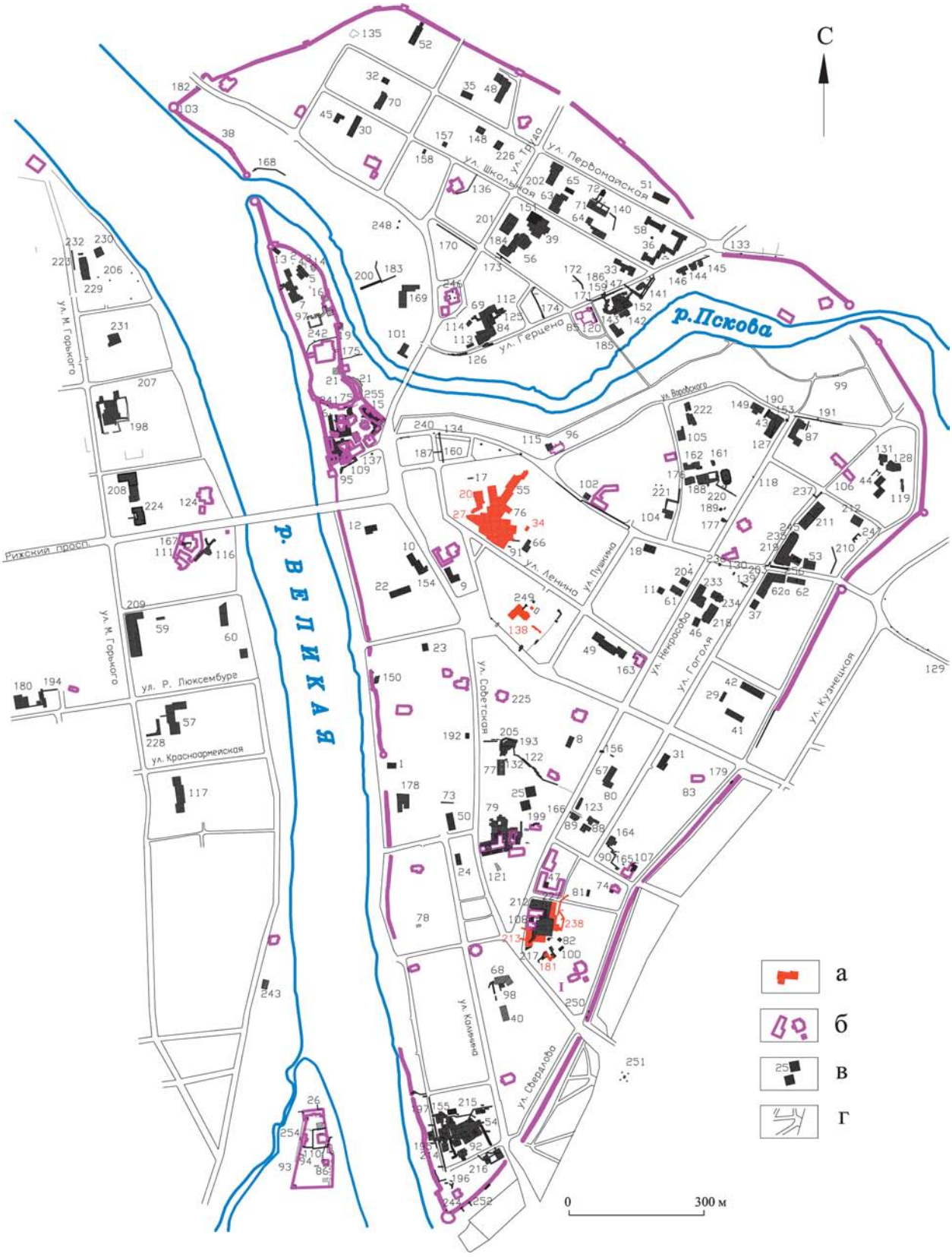


Рис. 2. Схема расположения раскопов в г. Пскове.
Условные обозначения: а — раскопы с погребальными комплексами, упоминаемыми в статье: на улице Ленина 1967–1992 гг., Трупеховские раскопы 1998 г., Старовознесенские и Подзноевские раскопы 2003–2010 гг.,Богоявленские раскопы 2005 г., Изборские раскопы 2006 г.; б — памятники архитектуры XII–XIX вв. (выборочно); в — раскопы 1912–2010 г. (нумерация приводится по схеме расположения раскопов в г. Пскове. Составители — Б. Н. Харлашов, с 2009 г. Р. Г. Подгорная); г — элементы планировки современного города

Рис. 3. Местоположение первого Старовознесенского раскопа. Вид на Палаты Подзноева и Поганкины палаты. Вид с юга. Декабрь 2003 г.

(Поганкины палаты, двор Подзноевых, ц. Старое Вознесение, стены Окольного города, ц. Успения, участки сохранившейся застройки губернского периода и др.).

С первых лет нынешнего века пустующие участки северо-западной части восточного квартала у пересечения ул. Советской и Некрасова стали объектами активного хозяйственного освоения, что явилось отправной точкой для многолетних масштабных археологических исследований (рис. 1), в ходе которых и был открыт неизвестный ранее некрополь.

2. Территория могильника в системе исторической топографии Пскова

Переходя к характеристике внешних историко-топографических ориентиров могильника, нужно отметить, что никакой конкретной информации о некрополе или о местности, в которой он расположен, ранее начала XV в. псковские летописи не содержат.

Первые сведения об исследуемом участке связаны с монастырем Старое Вознесение (рис. 4), впервые упомянутом в земельном акте 1417–1419 гг. и в близком по времени псковском летописном известии 1420 г. Точное время основания монастыря неизвестно. Старый Вознесенский монастырь располагался на Полонище, в южной его части, вблизи внешней стены псковских укреплений на участке между Сокольими и Великими воротами, ближе к последним. Примечательно, что уже в первых упоминаниях обители присутствует название «Старое», что говорит о несомненной древности монастыря. По-видимому, определение «Старое» стало употребляться после основания другого Вознесенского монастыря на Полонище (Новое Вознесение). В момент возникновения, а также в течение XIV и части XV в. монастырь располагался вне города и посада. Лишь с постройкой деревянной стены вокруг Полонища в 1465 г. монастырь вошел в городскую черту. Во второй половине XV в. Старое Вознесение стало местом встречи владык и князей при вступлении в город (Лабутина, 1985, с. 171; Она же, 2011, с. 209, 217–219). По письменным источникам, никаких следов связи древнего некрополя и существовавшего в непосредственной близости от места его расположения монастыря пока проследить не удалось. Разрешить этот вопрос смогут только новые археологические исследования на территории верхней части холма, на котором располагаются остатки монастырского ансамбля.

Для более раннего «долетописного» периода и начальных этапов существования монастыря

Рис. 4. Храмы ансамбля Старовознесенского монастыря. Вид с северо-запада. 2012 г.

можно предполагать, что где-то здесь проходила граница летописных топонимов «Полонище» и «Поле», которая смещалась вследствие роста города (Лабутина, 1985, с. 109) в южном направлении.

Во время совершения захоронений некрополь располагался почти в полутора километрах от синхронного ему центра города, находившегося на мысе у слияния рек Псковы и Великой, примерно в километре от городского кладбища древнего Пскова, у дороги, ставшей затем, в XIV–XV вв., главной магистралью средневекового города — ул. Великой (Лабутина, 1985, с. 122). За пределами городского освоения улица переходила в главную средневековую магистраль южного направления (рис. 5).

Дорога, проходившая мимо курганного кладбища, вдоль правого (восточного) берега р. Великой, соединяла раннегородское поселение Псков не только с южными землями (Полоцк, Витебск, Киев и др.), но и с западными. Вероятно, она приводила к древнейшей переправе через Великую в районе д. Выбуты, расположенной в 13 км от Пскова, вверх по течению. Это было место, где издревле сходились сухопутные и водный пути. Здесь, по обоим берегам реки, отмечается высокая концентрация археологических памятников 2-й пол. I тыс. н .э. — 1-й пол. II тыс. (Плоткин, 1989, с. 165) (рис. 6)[1]. В составе исследованных погребальных памятников ближайшей округи Пскова и Выбут камерные погребения пока неизвестны.

Псковская земля в X в. была включена в систему международных торговых коммуникаций, в первую очередь, благодаря пути, соединявшему центр исторического микрорегиона с Балтийским морем по Псковско-Чудскому озеру, ближний берег которого расположен в 10 км к северо-западу от города. Свидетельством устойчивых торговых отношений являются клады восточного серебра, активное поступление которого в регион начинается с третьей четверти X в., вещевые клады X–XI вв., содержащие предметы скандинавского импорта (Жаркова, А2007). О развитии торговли, в особенности международной, свидетельствуют находки складных весов и гирек, арабских дирхемов и византийских монет в погребениях Изборска, Пскова и Причудья (Залахтовье). К числу привозных предметов относятся янтарные поделки, прибалтийские булавки, спиральные браслеты, пряслица волынского розового шифера, стеклянные бусы, фрагменты амфор, изделия северо-европейских типов — равноплечные фибулы, булавки с декоративным кольцом, железные шейные гривны и амулеты. Последние находки говорят не только о торговых контактах псковичей с Фенно-Скандией, но и о присутствии в городе, по-видимому, сравнительно немногочисленного скандинавского этнического элемента (Седов, 2003, с. 15).

3. Природно-географическая характеристика местности

Несмотря на скудость информации письменных источников о территории могильника, значительными ориентирами окрестностей с древнейших времен до настоящего времени являются такие крупные природные объекты, как река Великая и наиболее выраженные элементы рельефа местности. На начальной стадии развития городской территории они, оказав определенное влияние на формирование планировочной структуры, стали важнейшими составными элементами, определяющими облик природно-культурного ландшафта этой части Пскова (рис. 5).

Могильник расположен на правом берегу р. Великой, примерно в 350 м к востоку от нее, на небольшом всхолмлении, ставшем почти незаметным в облике современного города. Возвышенность имеет условное название в системе ориентиров Модели погребенного рельефа Пскова — Старовознесенская. Ныне она довольно плотно застроена и погребена под толщей культурного слоя. Палеоповерхность территории некрополя имеет преобладающие абсолютные отметки +44,00–+45,00 м (максимальные — в районе храма Старое Вознесение — около +48,00 м (в Балтийской системе высот)) и находится на 15–17 м выше современного уровня воды в Великой. На вершине возвышенности, имеющей максимальные высотные значения, возник Старовознесенский монастырь.

Еще одной, более крупной возвышенностью ближайших окрестностей могильника, расположенной также по правую сторону от пути (средневековая улица Великая) к центру Пскова, является так называемая Романова горка. Она находится примерно в 150–170 м к северу от Старовознесенской.

[1] Местная традиция, закрепленная в многочисленных устных преданиях и топонимах, связывает селения Выбуты и Будник с именами кн. Ольги и кн. Владимира. Время возникновения традиции точно не устанавливается. Большинство преданий известно в записях XIX–XX вв. В основе — сообщения Повести временных лет под 903 г. о женитьбе кн. Игоря на Ольге из Пскова. Подробно: Александров, 2001.

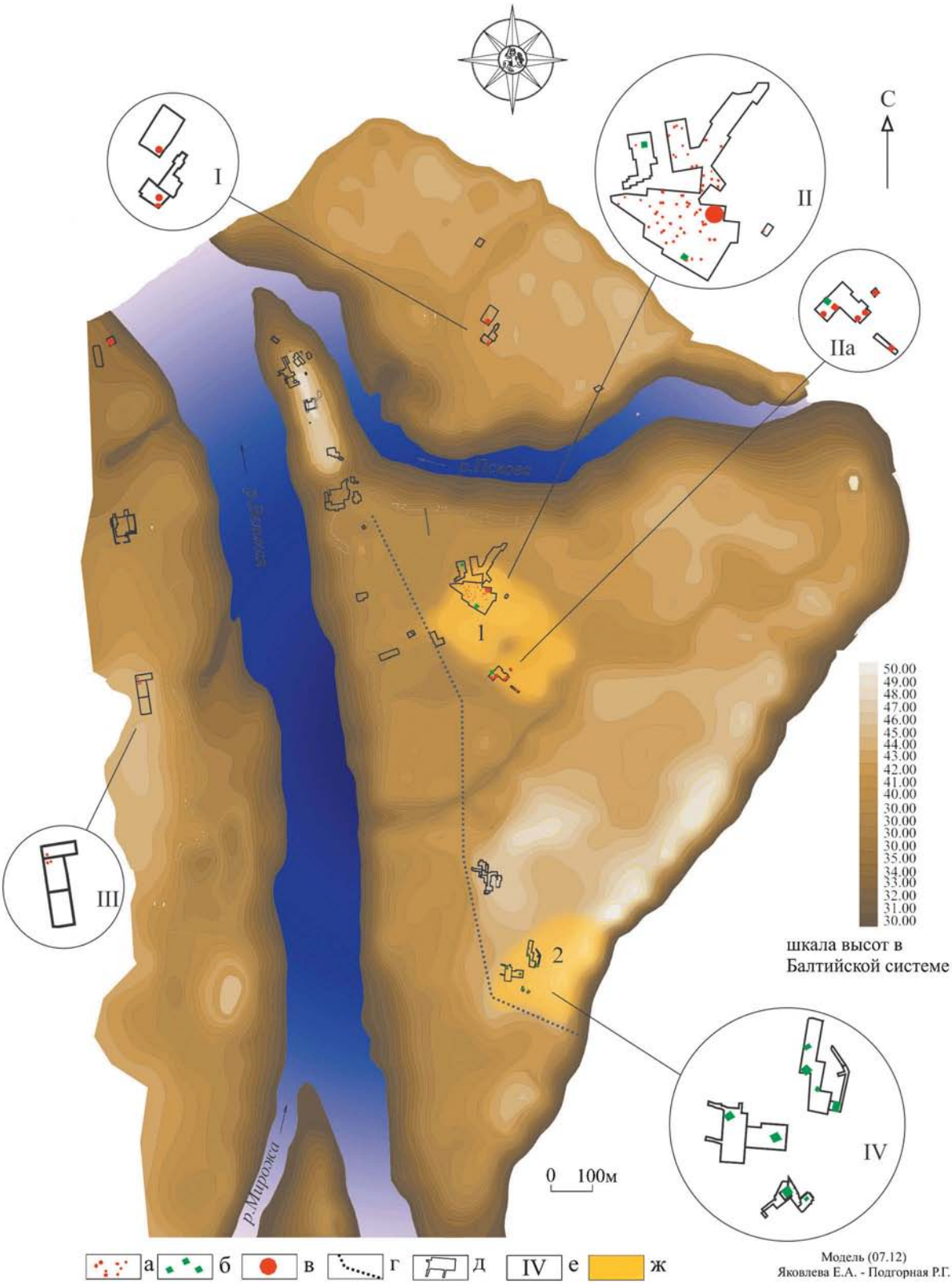


Рис. 5. Погребенный рельеф исторической части Пскова. Условные обозначения: а — захоронения X — нач. XI в.; б — камерные захоронения; в — святилище; г — реконструируемая трасса дороги южного направления (ул. Великая — Советская); д — раскопы, где обнаружены находки и (или) участки культурного слоя X в.; е — участки древнерусского некрополя Пскова X — начала XI в.: I — Богоявленские XXXI и XXXIV раскопы, 2004, 2005 г.; II — раскопы на ул. Ленина в 70–90-х гг. XX в.; IIа — Трупеховские раскопы 1998 г.; III — Изборские IX–XI раскопы, 2007 г.; IV — Старовознесенские и Подзноевские раскопы 2003–2009 гг.; ж — возвышенности палеорельефа: 1 — «Городецкая»; 2 — «Старовознесенская»

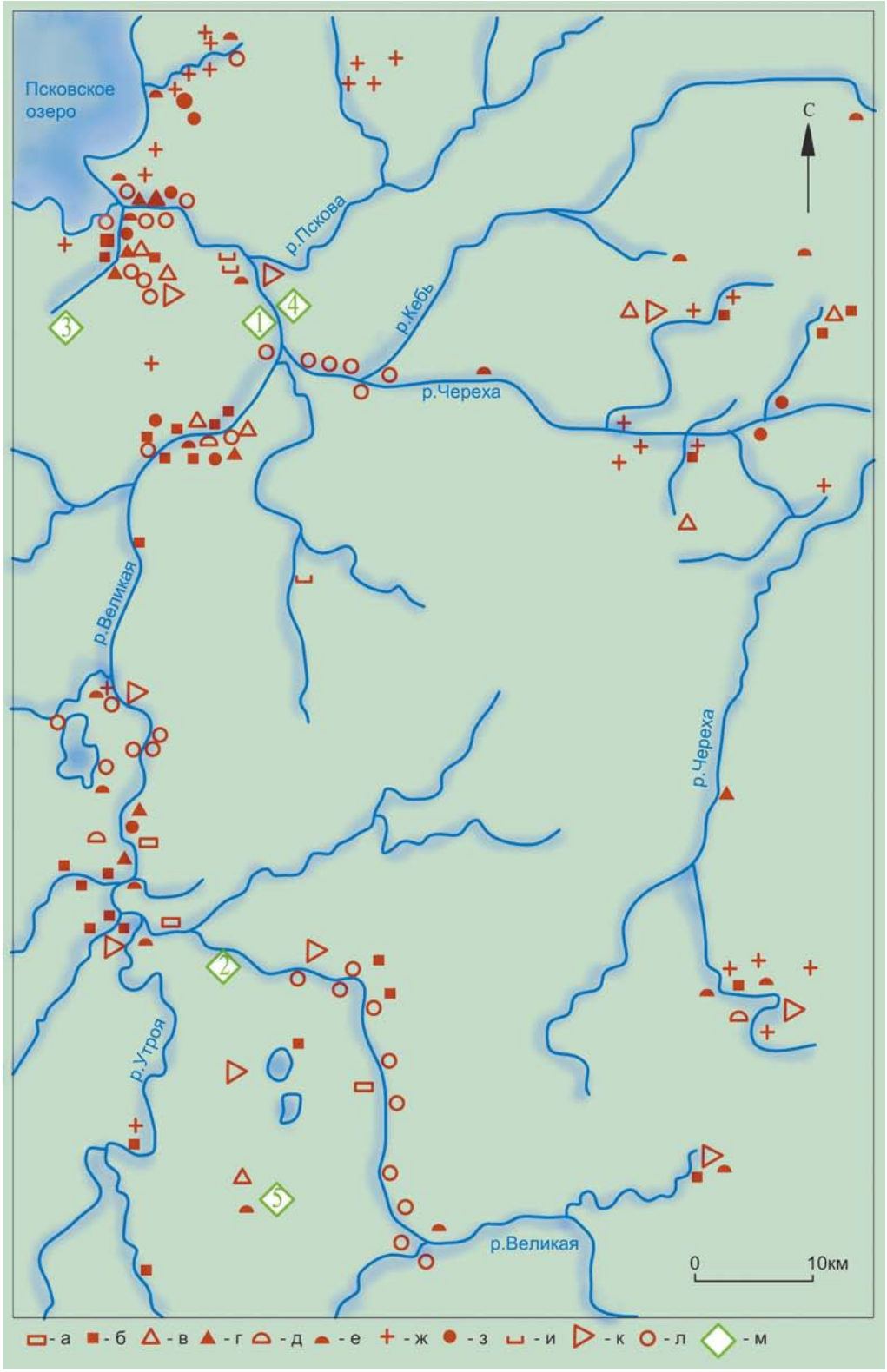


Рис. 6. Схема расположения археологических памятников округи Пскова X в.:
а — одиночный курган; б — могильник с длинными курганами; в — одиночный сопковидный курган; г — могильник с сопковидными курганами; д — одиночный полусферический курган; е — могильник с полусферическими курганами; ж — курганно-жальничный могильник; з — жальничный могильник; и — грунтовый могильник; к — городище; л — селище (а–л по: Плоткин, 1989, с. 162); м — клады X в. в окрестностях Пскова: 1 — 1835 г., близ г. Пскова; 2 — 1837 г., г. Остров; 3 — 1845 г., с. Булаево, Псковский уезд; 4 — 1881 г., г. Псков, во дворе Дома дворянского собрания; 5 — 1928 г., близ д. Скадино в районе г. Остров, Псковский округ, Ленинградская область (по: Жаркова, А2007)

Приуроченность погребальных объектов древнего Пскова к возвышенностям имеет неоднократные подтверждения, отмеченные при комплексном изучении первоначального рельефа средневекового города (рис. 5). Локализация палеовсхолмления Старовознесенской возвышенности позволяет на уровне анализа природных условий уточнить границы открытого кладбища. Естественные пределы открытого могильника определяются окружающими Старовознесенское всхолмление низинами. Именно в пределах этой относительной возвышенности, на наш взгляд, поиск новых камерных захоронений будет наиболее перспективным.

Трассы древнейших псковских улиц-путей, в основном радиального направления, на этапе их формирования в значительной мере были обусловлены особенностями природного рельефа. Анализ кровли геологических пород в районе предполагаемой трассы улицы Великой показывает, что она проложена по оптимальной траектории: огибая низины и возвышенности в средней и нижней части склонов последних. В районе некрополя дорога проходила по подножию западного склона возвышенности, на которой стояли курганы.

4. Археологическое изучение участка

Археологическое изучение территории некрополя и его ближайших окрестностей в большей части связано с планировавшимися в разные годы реставрацией и приспособлением комплекса гражданских каменных построек двора Подзноевых (рис. 3).

История возникновения частично дошедшей до нас застройки территории двора Подзноевых в письменных источниках представлена отрывочными сведениями. В конце XIX в. известный псковский краевед И. Ф. Годовиков писал о палатах как о «весьма древнем каменном здании», «с незапамятных времен остававшемся выморочным, приобретенным с аукциона в XVIII веке дедом настоящего владельца псковского купца Подзноева, которому теперь более 70 лет отроду» (Годовиков, 1881, с. 106). Другой знаток псковских древностей Н. Ф. Окулич-Казарин, уже в начале XX в., описывает это место города так: «Еще не так давно вся правая сторона улицы от Великолуцкой (Великая — Советская. — *Е. Я.*) до Поганкина переулка была застроена древними домами, принадлежавшими купцу Подзноеву. Все они теперь настолько переделаны, что осмотр их был бы совершенно бесполезен» (Окулич-Казарин, 1913, с. 131).

Первые археологические исследования, наиболее приближенные к известным границам камерного некрополя, проводились в 1976 г., когда у палат Подзноевых был заложен «ряд архитектурно-археологических шурфов» (рис. 1, в) силами Псковских научно-реставрационных мастерских под руководством архитектора Б. А. Постникова (Плоткин, 1992, с. 91). В 1977–1978 гг. у каменных палат Подзноева были проведены охранные раскопки под руководством А. В. Никитина (Институт археологии АН СССР). Они были связаны с планировавшейся реконструкцией и приспособлением комплекса палат Подзноевых для нужд общественного питания (устройство ресторана). Раскоп под строительство кухни (по проекту Б. А. Постникова) площадью 432 кв. м располагался между первыми (в 20 м от южной стены) и вторыми (в 4 м от восточной стены) палатами, во дворе (рис. 1). В ходе этих работ было установлено, что культурный слой на территории раскопа сильно нарушен поздними перекопами XVIII–XX вв. и сохранился фрагментарно. О северной части раскопа сообщалось, что культурный слой здесь был уничтожен в результате прокладки коммуникаций в 40–50-х гг. XX в. Работами 70-х гг. зафиксированы фундаменты нескольких несохранившихся пристроек, прорезавших в том числе и материковые отложения.

В раскопе собрана коллекция полихромных и красноглиняных рельефных неполивных изразцов XVII в. Из индивидуальных находок как наиболее значительные отмечены костяной нательный крест XVI–XVII вв. и бронзовый перстень — печатка с растительным орнаментом на щитке того же времени. Данных об исследованиях предматериковых отложений и характере археологического материка нет (Никитин, А1977, А1978).

Следующий этап археологического исследования территории некрополя связан с продолжением раскопок в районе палат Подзноевых под руководством К. М. Плоткина в 1991–1992 гг. (рис. 1). Раскопки проводились в связи с планировавшимся возобновлением реставрационно-строительных работ по проекту Б. А. Постникова.

Культурный слой на площади этих раскопов, как и на участке, исследованном в 1977–1978 гг. в верхней части был значительно нарушен, сохранился фрагментарно. Культурные отложения датированы автором отчета XVI–XVIII вв. Раскопками были раскрыты подвальные ямы и ямы хозяйственного назначения времен освоения

и застройки этой территории, а также остатки деревянного сооружения XVII в. на каменном подклете, примыкавшего к восточной стене второго дома Подзноевых. Данных об исследованиях предматериковых отложений и характере археологического материка нет (Плоткин, А1991, А1992).

В 1990 г., Ю. Бирюковым на участке между палатами Подзноевых и церковью Старое Вознесение были заложены два раскопа (рис. 1). Раскоп 7 предварял планировавшееся (но несостоявшееся) строительство насосной станции, раскоп 6 — центральной трансформаторной подстанции для обслуживания проектируемого приспособления комплекса палат Подзноевых. Культурный слой на территории этих раскопов, как и в других местах исследуемого квартала, сохранился фрагментарно, хотя, по мнению автора, на участке раскопа он был почти не потревожен. Культурный слой мощностью 40–60 см датирован XVI–XVIII вв. Данных об исследованиях предматериковых отложений и характере археологического материка нет (Бирюков, А1990).

Таким образом, раскопками третьей четверти XX в. следов освоения территории ранее XVI в. зафиксировать не удалось (Плоткин, 1994, с. 23–25).

Территория стала считаться неперспективной для археологического поиска реалий древнерусского времени из-за значительной нарушенности слоя и его относительно поздних датировок.

Основной объем полевых изысканий, в ходе которых были открыты камерные захоронения, выполнялся в процессе охранных раскопок, сопровождавших два крупных частных инвестиционных проекта первого десятилетия XXI в.

В 2003–2004 гг. в ходе строительства офисного здания на ул. Советской, 60а (заказчик — ООО «Эликон»), к юго-востоку от раскопов XX в., были проведены охранные исследования на Старовознесенских I–III раскопах (рис. 1). На первом (I) раскопе зимой 2003/2004 г. было открыто погребение 1 (рук. Е.А. Яковлева). На втором (II) — в мае–июне 2004 г. исследовалось погребение 2 (рук. А.В. Михайлов). Третий (III) раскоп, заложенный под инженерные коммуникации с северо-восточной стороны уже существующего здания, не затронул новых погребальных объектов. Археологическое сопровождение этих строительных работ обеспечивал Псковский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник (директор — О.К. Волочкова) (Яковлева, А2003; А2004; Михайлов А.В., А2004).

В 2006–2009 гг. реконструкции подвергся комплекс палат Подзноевых, расположенный севернее пятна застройки, исследованного в 2003–2004 гг. Заказчиком многолетних масштабных спасательных археологических работ на месте будущего ресторанно-гостиничного комплекса «Двор Подзноева» выступило ЗАО «Северо-западная инвестиционная компания» (директор Н.И. Загоруй). Археологические исследования организовывало АНО «Псковский археологический центр» (директор — Е.А. Яковлева, с 2008 г. — О.К. Волочкова).

Спасательные раскопки, в ходе которых были открыты: третье (Старовознесенский IV раскоп, 2006 г. Руководитель — Е.А. Яковлева) и все остальные погребения (4-е погребение — Старовознесенский IV раскоп, 2007 г.; 5–7 погребения — Подзноевский XII раскоп, 2008 г.; 8-е погребение — Подзноевский XIV раскоп, 2009 г. Руководитель раскопов — Т.Е. Ершова), прошли в границах пятен строительства новых зданий и трасс инженерных коммуникаций. Старовознесенские IV–VII и Подзноевские X–XIV раскопы располагались в непосредственной близости от массива раскопов XX в., местами примыкая, а в ряде случаев вследствие погрешностей геодезической привязки даже перекрывая их. К сожалению, повторного вскрытия старых раскопов с целью доследования сохранившихся участков первоначальной погребенной почвы и материковой поверхности провести не удалось.

К моменту издания этой книги в районе открытых камерных захоронений у Старовознесенского монастыря раскопами XX — нач. XXI в. разными археологами исследовано ок. 5,5 тыс. кв. м[1]. Из них на раскопы нынешнего века приходится 3378 кв. м. На их территории, изученной Старовознесенскими I–VII и Подзноевскими X–XIV раскопами[2], открыто 8 погребений, расположенных друг от друга на расстоянии от 5 до 40 м (рис. 2). Все погребальные объекты обладают признаками, позволяющими бесспорно отнести их к категории «камерных». Синхронных захоронений, совершенных по иному обряду, в составе некрополя у Старовознесенского монастыря не обнаружено[3].

---

[1] Подсчет площади, исследованной раскопами, проведен на основании общих планов раскопов, включенных в Схему расположения раскопов в г. Пскове (сост. Б.Н. Харлашов).

[2] На Подзноевских I–IX раскопах конца XX в. никаких следов древнего некрополя зафиксировано не было.

[3] Остатки двух ингумаций в неглубоких ямах обнаружены к северо-западу от погребения 4 на Старовоз-

Следует отметить, что пространство между отдельными погребениями раскопано не сплошной площадью (рис. 1). Помимо неисследованных участков на территории раскопов разных лет имеются места, где материковые отложения, в которых потенциально могли находиться древние захоронения, были уничтожены разновременной хозяйственной деятельностью — многочисленными перекопами. К недоисследованным можно отнести и участки раскопов прошлого века на площади ок. 2170 кв. м (рис. 2), в границах которых предматериковые отложения, вероятно, не изучались.

В связи с этим есть основания предполагать помимо зафиксированных погребальных объектов существование в пределах открытой раскопами территории других несохранившихся или неизвестных захоронений. Кроме того, следует учитывать и угадываемые «прямые попадания» поздних хозяйственных ям в древние могилы, проявившиеся в находках переотложенных человеческих останков, как в заполнении этих ям, так и в составе культурного слоя XV–XX вв. на Старовознесенском I раскопе (Яковлева, А2004а).

Таким образом, учитывая плотность выявленных погребений, остается только предполагать, что на раскрытой археологами территории могло существовать большее, чем известно на текущий момент, количество захоронений.

5. История освоения участка некрополя по археологическим данным

На фоне скудости данных письменных источников особую ценность и значение для характеристики истории освоения местности имеет археологическая информация.

Первые археологически уловимые следы значительной антропогенной деятельности на этом участке пригородной территории древнего Пскова связаны с возникновением кладбища с камерными погребениями. Открытые захоронения располагались на западном пологом склоне холма, по подножию которого проходила дорога, ведущая от Пскова в южном направлении. Вероятно, могильник функционировал недолго. Палеоповерхность этого времени маркирована погребенным дерном, сохранившимся участками в понижениях рельефа под слоями погребенной почвы последующих периодов освоения. В этот период, когда насыпи курганов еще были заметны, а подземные погребальные камеры еще не заполнились грунтом, происходило разграбление могил, имевших наиболее представительные внешние признаки.

На изученном раскопами участке сохранились следы его освоения под селитьбу пригородным населением уже на рубеже XI–XII вв. Вероятно, непосредственно «перед» заселением и в ходе этого этапа освоения территории проводилась целенаправленная вертикальная планировка «проблемных» участков, начался снос курганных насыпей, возможно, продолжилось ограбление наиболее сохранившихся деревянных гробниц.

К этому периоду относятся несколько хозяйственных ям с керамическим материалом XI–XIII вв. (рис. 7, 8). На всех раскопах XXI в. собрана достаточно представительная коллекция осколков гончарных горшков древнерусского облика из нижнего слоя погребенной почвы (рис. 8). Границы зоны освоения описываемого периода на данном этапе исследований точно не устанавливаются. Наиболее яркая стратиграфическая картина была зафиксирована на уч. Б первого Старовознесенского раскопа, где одна из ям древнерусского времени располагалась в десятке метров от уже заполненной грунтом камеры погребения 1 (рис. 9,*1*; рис. 10*, яма 44, кв. К12*). Яма была вырыта в мощном (до 0,45 м) слое перемещенной материковой породы (гумусированном песке), заполнявшей неровности палеорельефа и имевшей ровную поверхность (рис. 9, 10).

Судя по характеру отложений этого периода (тонкие, слабогумусированные) и немногочисленности археологического материала, поселение существовало недолго, его освоение носило «разреженный» характер. Точная причина прекращения хозяйственной активности на изученной территории пока не установлена.

Подобная картина (появление многочисленных очагов селитьбы XI — нач. XIII в. и недолгое их существование) зафиксирована на многих раскопах, расположенных на территории Окольного города, в древнерусский период являвшейся псковским окологородьем. Вероятно, не последнюю роль в «свертывании» пригородных поселений сыграл фактор внешней угрозы, особенно возросший во 2-й трети XIII в.

После затухания селитебной активности наступил длительный этап запустения территории, во время которого изученный участок, вероятно, выполнял функции сельхозугодий. В это время

несенском V раскопе. Руководитель раскопок Т. Е. Ершова относит их к типу так называемых «каменных эстонских могильников» и датирует VI–VII вв. (подробнее см. Погребение 4).

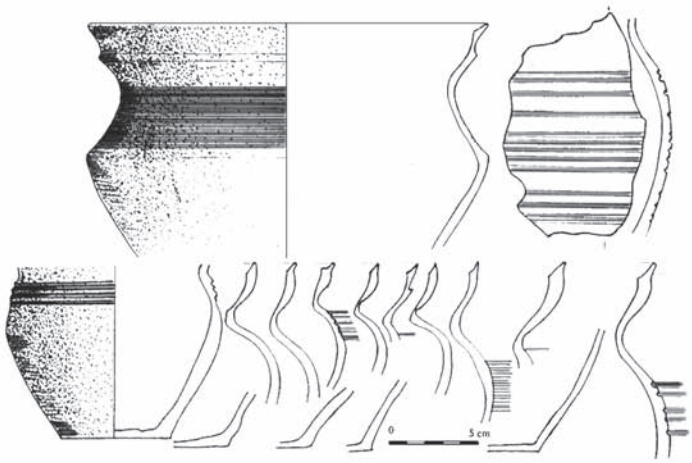


Рис. 7. Керамика XI–XII вв. Старовознесенский I раскоп (2003 г.), уч. Б, кв. К12, яма 44

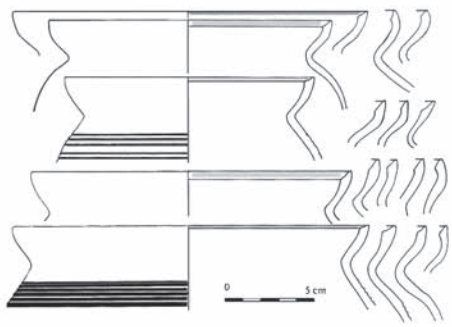


Рис. 8. Керамика XII–XIII вв. Старовознесенский II раскоп (2004 г.)

Рис. 9. Южная часть уч. Б Старовознесенского раскопа 2003 г.
В профиле раскопа — разрез перемещенного материкового грунта. Вид с севера. 1 — яма 44; 2 — перемещенные материковые отложения; 3 –культурный слой посада Пскова XV–XVIII вв.

происходит окончательное исчезновение в результате антропогенной деятельности и естественных процессов внешних признаков курганного могильника. На поверхности культурных отложений предшествующего периода формируется новый почвенный горизонт. Значительный объем перемещенного грунта, заполнившего понижения и неровности, мог быть получен за счет сноса как природных возвышений, так и остатков насыпей курганов. Вероятно, планировке подвергались наиболее «проблемные» неровные участки, связанные в том числе и с существованием на них древних могил. Следует отметить, что к моменту проведения повторных планировочных работ камеры, скорее всего, уже были плотно заполнены просевшими курганными насыпями.

На поверхности слоя, образовавшегося в результате вторичного выравнивания «проблемных» участков, на верхнем слое погребенной

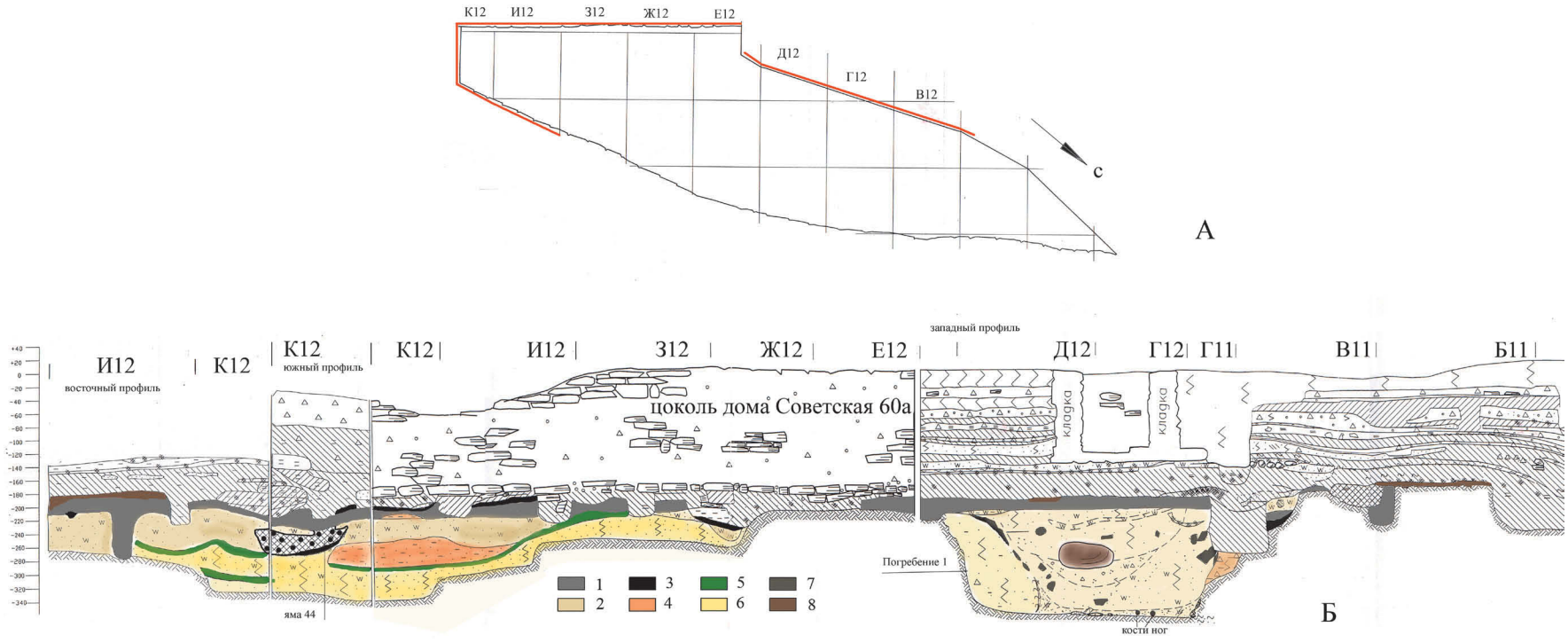


Рис. 10. Развертка профиля южной части уч. Б Старовознесенского раскопа 2003 г.:
А. Схема участка Б с обозначением линии развертки. Б. Развертка профиля.
Специальные обозначения для данного чертежа: 1 — серая гумусированная супесь (погребенная почва); 2 — слабогумусированные перемещенные материковые породы (песок); 3 — уголь; 4 — суглинистый слой; 5 — погребенный дерн; 6 — перемещенные материковые породы; 7 — включения серой супеси в заполнении погребения 1; 8 — коричневатая гумусированная супесь (погребенная почва). Условные обозначения (общие) — см. раздел I данного издания (с. 372)

Рис. 11. Старовознесенский IV раскоп. Общий вид на уровне палеоповерхности, сформированной в результате засыпки траншей «догородского» периода. Вид с северо-востока. Цветом на фотографии обозначены: красным — трассы траншей; синим — контуры могильной ямы погребения 3, находящейся под засыпкой траншей

почвы в ряде случаев прослежены следы распашки (Старовознесенский I раскоп, уч. Б, В; Подзноевский XI раскоп). Горизонт, местами сформированный в результате «разглаживания» поверхности могильника, маркирован слоем коричневой погребенной почвы (супеси) (рис. 9, 10), особенности стратиграфического залегания которой свидетельствуют о дальнейшем запустении «выровненных» угодий.

Изученная часть могильника занимает довольно значительную по протяженности территорию: около 120 м — с севера на юг и около 80 м — с запада на восток. В разных частях она имела свои особенности освоения и использования. Так на раскопах, расположенных вдоль ул. Некрасова (Старовознесенский IV и Подзноевский X), были обнаружены некие протяженные траншеи, имевшие направление, параллельное современной улице (рис. 1, 11). Донные части траншей были маркированы погребенным дерном, указывающим на достаточно длительное существование этих объектов. В заполнении траншеи на Старовознесенском IV раскопе собраны немногочисленные фрагменты тонкостенных сосудов, в том числе украшенные зонным линейным орнаментом, визуально соотносимые с посудой «древнерусского» облика[1], известной по находкам в культурном слое разных частей городской и пригородной территории Пскова XI–XIII вв. Следует подчеркнуть, что керамика найдена в слое засыпки траншеи и, вероятно, относится к перемещенному культурному слою древнерусского поселения.

Назначение и датировка выявленных линейных понижений пока не выяснены, а интерпретация остается за рамками настоящего исследования. Для нас важно, что одна такая траншея, параллельная современной улице Некрасова, перерезала уже заполненную грунтом и ограбленную камеру 3 (рис. 11). По времени траншея появилась несколько позже древнерусского поселения, но до начала освоения территории городским поселением, которое началось не ранее нач. XV в. Важно, что к моменту появления на ее трассе дворов первых горожан на поверхности уже засыпанных понижений образовался последний (верхний) горизонт погребенной супесчанистой почвы.

В этот «догородской» период недалеко от исследованной части некрополя, примерно в 40 м к востоку от местоположения самой южной, второй камеры, появляется Вознесенский монастырь, впервые упомянутый в псковском акте и летописной записи первого десятилетия XV в. уже как «Старое Вознесение» и определенно существовавший еще в XIV в. Монастырь в момент создания был расположен «вне посада». Соседство «старого» монастыря и древнего некрополя может быть и не случайно. Однако в настоящее время данных для каких-либо выводов на эту тему недостаточно.

[1] Керамика мелко фрагментирована. Венчиков не встречено.

В начале XV в. на изучаемом участке Полонища появляются первые дворы пригородного посада. После строительства последнего кольца укреплений в 1465 г. начинается новый этап освоения уже городской территории. Его пик приходится на XVI–XVIII вв. Именно в это время формируется основной объем культурного слоя. Следует отметить, что культурные отложения начали накапливаться на поверхности, сформировавшейся в результате предшествующих этапов освоения территории. К этому времени уже все камеры были заполнены слежавшимся грунтом просевших насыпей. Ни в одном случае не прослежено проседание средневекового «городского» культурного слоя в объемы могил. Хозяйственная активность этого периода оставила после себя тысячи хозяйственных и строительных ям, чудом не разрушивших ни одно из обнаруженных нами древних захоронений[1]. В совокупности с техногенными отложениями последних веков антропогенный слой исследуемого участка имеет мощность до 2,5 м.

В настоящее время территория представляет собой довольно плотно освоенный квартал современного города в границах улиц Советской, Некрасова, Свердлова и Музейного переулка.

На текущем этапе исследования представляется возможным выделить следующие условные периоды освоения изученной территории в хронологических рамках «базового» памятника — культурного слоя древнего Пскова:

1. Первоначальное освоение, связанное с существованием некрополя — 2-я пол. X в.
2. Этап древнерусского пригородного поселения.
3. Первый период запустения территории с XIII (?) в.
4. Этап сельскохозяйственного (?) использования. Время появления траншей.
5. Второй период запустения территории — длится до нач. XV в. Вероятное время появления Старовознесенского монастыря.
6. Освоение территории населением пригородного посада — не ранее нач. XV в.
7. Развитие в составе защищенной крепостными стенами городской территории — с 1465 г.

Таким образом, местность, на которой в X в. существовал камерный некрополь, имеет длительную и сложную историю освоения, повлиявшую на сохранность погребального комплекса.

6. Псков X в. и его кладбище на Городецкой возвышенности (по материалам раскопок 2-й пол. XX в. на ул. Ленина)

И всё же внешний топографический контекст некрополя определяется прежде всего относительно Пскова, крупного поселения городского типа, ядро которого располагалось на мысу у слияния рек Псковы и Великой, примерно в 1,5 км к северу от открытого могильника (рис. 2) (Яковлева, Салмина, Королева, 2012, с. 139–159).

Что же представлял собой Псков в X в.? Основным источником информации о его начальной истории являются археологические данные. Точное время превращения древнего поселения в город неизвестно и маловероятно, что когда-либо будет обозначено абсолютной датой. Уже в VIII–IX вв. Псковское городище было крупным поселением в низовьях Великой, существовавшим между двумя микрорегионами плотного освоения (в низовьях Великой и у Выбутских порогов) (Лабутина, 2003, с. 24). В конце IX или на рубеже IX–X вв. за пределами городища начало формироваться древнейшее посадское селение (Седов, 2003, с. 15). По мнению большинства исследователей, к концу X в. Псков представлял собой значительный центр на северо-западных границах Древнерусского государства. Поселение имело за плечами длительную историю развития. Это было крупное раннегородское образование с развитыми ремеслом, торговыми связями, выраженной планировочной структурой и растущим посадом в междуречье рек Псковы и Великой. В X в. признаки городской структуры отчетливо проявляют себя в кремле и к югу от него. На старом городище у слияния р. Псковы и р. Великой, по-видимому, формируется детинец (Лабутина, 2003, с. 25). В это время город активно разрастается в южном и юго-восточном направлениях, вдоль правого берега р. Великой и левого р. Псковы. Местоположение и направление роста освоенных участков в значительной мере обусловлены рельефом местности и другими природными условиями территории (Татарников, Яковлева, 2003а, с. 290–298, рис. 1–3; 2003б, с. 292–298). Участки начального освоения пригородной территории связаны с берегами рек и основными сухопутными путями, проходившими вдоль них.

[1] Лишь в третьей камере колодец XVI–XVII вв. прорезал могильную яму и уничтожил угол сруба — гробницы, что, как это ни странно, способствовало созданию своеобразного благоприятного инженерно-геологического режима, способствовавшего сохранению дерева и тканей.

К юго-востоку от поселения на мысу (на месте будущего Кремля) в X — начале XI в. существовал языческий некрополь (см. т. I). Он располагался, как и в случае со Старовознесенским кладбищем, на возвышенности, ныне скрытой под толщей культурного слоя (Вязкова, Милютина, 1996, с. 91–100). Комплексные исследования палеорельефа древнего города позволили создать виртуальную Модель погребенного рельефа Пскова (рис. 5). Повышенное плато, занятое кладбищем, получило условное название в системе Модели — «Городецкая» возвышенность.

Раскопками 70-х — начала 90-х гг. XX в. экспедициями ПГПИ, ИА СССР и Псковского музея-заповедника под руководством В. В. Седова и И. К. Лабутиной, на площади 9268 кв. м (Лабутина, 1996а, с. 30) были исследованы языческие курганный некрополь городского населения и святилище (рис. 2). В 1998 г. при масштабных археологических раскопках к югу от участка кладбища, открытого ранее, на Трупеховских раскопах, были выявлены еще 6 подкурганных захоронений. Всего из состава могильника, расположенного на территории повышенного «Городецкого» плато, изучено 80 захоронений (см. т. I настоящего издания). Основную часть составляют захоронения по обряду кремации (71), из которых бóльшая часть сожжена на стороне.

Ингумации в составе городского кладбища близ Пскова X — начала XI в., исследованного на территории Среднего города, немногочисленны (9 погребений). Среди них есть три камерных захоронения, описания которых помещены в т. I настоящего издания (прил. 2. Каталог погребений). Основные характеристики этих трех камер приводятся ниже для сравнения с материалами Старовознесенского камерного некрополя[1].

Первая камера (1/1974) была обнаружена в 1974 г. по провалившемуся в яму настилу из березовых бревен (рис. 12). В яме размером ок. 2,7 × 1,38–1,76 м и глубиной ок. 0,8 м, ориентированной по оси З (ЮЗ) — В (СВ), со стенками, облицованными деревом и деревянным полом, находились останки мужчины 30–50 лет, в сопровождении копья и берестяного туеса (?) (Милютина, 1994, с. 135). Из-за плохой сохранности древесины способ крепления углов камеры не устанавливался. Перекрытие и пол были ориентированы вдоль длинной оси захоронения. На дне ямы обнаружены «следы костра, горевшего до помещения в нее деревянной камеры и до предания земле тела умершего» (Милютина, 1994, с. 136).

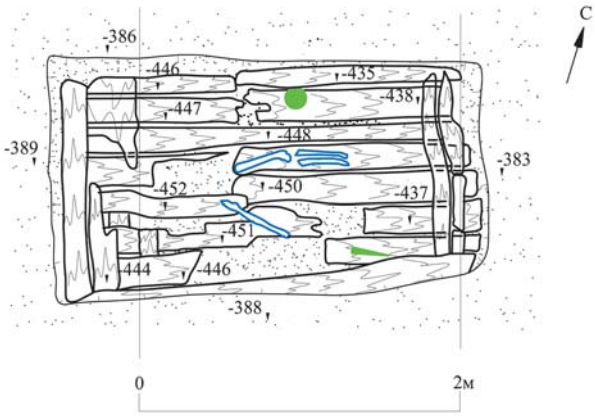


Рис. 12. Погребение 1/1974. План

Вторая камера (15/1976) в раскопах на ул. Ленина была открыта в 1976 г. (рис. 13). Она определена по деревянной облицовке «скошенных» стен неглубокой (не более 0,4 м) ямы, имевшей размеры 2,5 × 1,4 м. Погребение было ориентировано по оси СВ–ЮЗ. Погребенный мужчина 25–30 лет лежал на спине с согнутыми ногами. Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая лежала в области таза. Погребальный инвентарь состоял из ножа с остатками деревянной рукояти, бронзовой дуговидной пластинчатой фибулы с ромбовидным расширением в средней части и железного футляра для трута (Милютина, 1994, с. 136).

Третья камера (74/1998), частично разрушенная фундаментом позднего здания, была обнаружена в 1998 г. на Трупеховском раскопе (Закурина, Кулакова, Яковлева, 2000, с. 156). В яме глубиной ок. 1,3 м, ширина которой определялась как «не менее 3,2 м», находились останки мужчины 35–45 лет, занимавшие центральное положение в камере и ориентированные по оси ЮЗ–СВ (рис. 14).

Со своей стороны заметим, что зафиксированные в третьем случае габариты, вероятнее всего, касаются размеров деревянной камеры, а не ямы. Крайне плохая сохранность дерева позволила уловить лишь контуры конструкции[2], а границы ямы «не читались» ни в плане, ни в профиле раскопа. Аналоговый ряд и технология строительства деревянных гробниц говорят о том, что, как правило, яма должна быть несколько больше усыпальницы. Пылеватые пески, в слое которых было произведено захоронение, могли

[1] Первая камера — раскоп на ул. Ленина, 1974. Погребение 1; Вторая камера — раскоп II на ул. Ленина, 1976. Погребение 15; Третья камера — Трупеховский I раскоп, 1998. Погребение 1.

[2] Автор статьи являлся участником работ на Трупеховском раскопе.

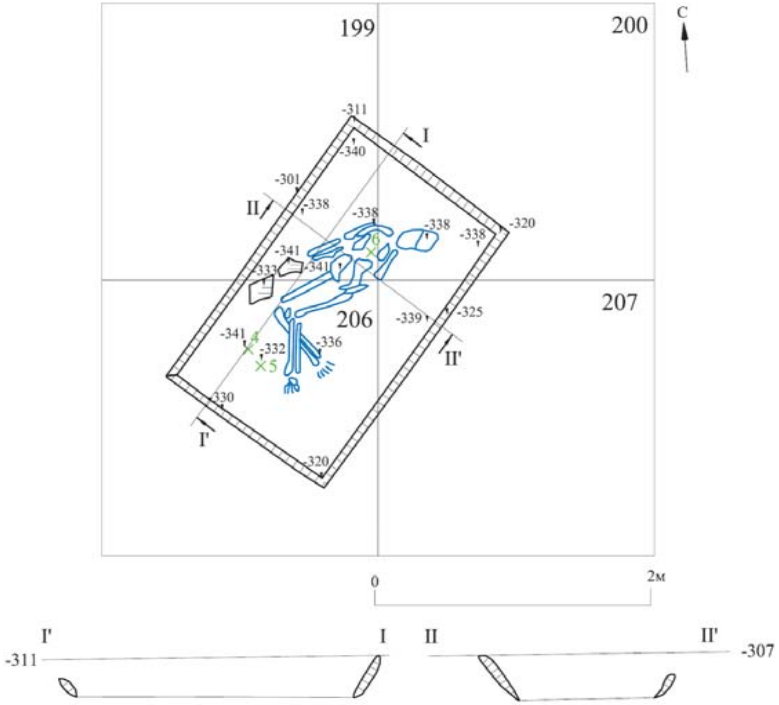


Рис. 13. Погребение 15/1976. План и разрезы

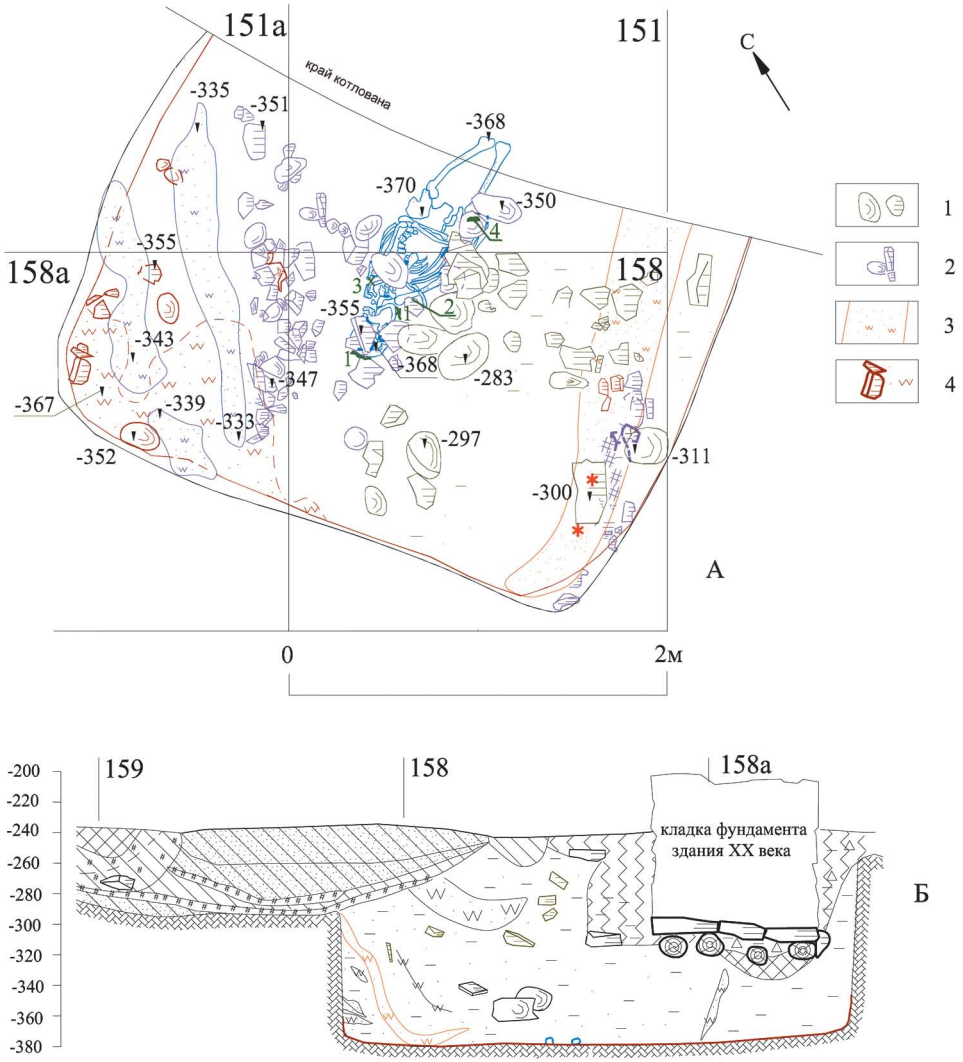


Рис. 14. Погребение 74/1998. План (А) и разрез (Б) заполнения. Специальные обозначения для данного чертежа: 1, 2 — горизонты камней и пятен в заполнении камеры; 3 — гумусированный песок; 4 — пятна и объекты на дне ямы

«бесследно» заполнить межстенный зазор между деревянной конструкцией и стеной ямы. Также есть основания для предположений по поводу длины камеры, которая с учетом традиционных для камерных конструкций пропорций должна была быть не менее ширины, т. е. не менее 3,2 м. Расчеты соотношения длины к ширине наиболее значительных по размеру, срубных гробниц некрополя у Старовознесенского монастыря дают значение 1,01–1,15, что позволяет определить предполагаемый размер третьей гробницы с Городецкой возвышенности, как близкое по значению к 3,23 × 3,68 м. Это параметры, сопоставимые с усыпальницами женских захоронений 1 и 7 и лишь на несколько сантиметров уступающие габаритам более крупных, мужских погребений (см. статью Е. А. Яковлевой, т. II настоящего издания, раздел II).

Правая рука погребенного была вытянута вдоль, а левая — поперек туловища. Костяной односторонний составной гребень-расческа с рожками, обнаруженный под правой кистью, датирован автором раскопок 2-й пол. X — перв. пол. XI в. (Лабутина, Малышева, Закурина и др., 2009, с. 393). На костях черепа и в районе шейного отдела позвоночника обнаружены остатки ткани, из состава которой сохранились золотые нити[1] (Лабутина, Малышева, Закурина и др., 2009, с. 393). Скопление нитей в области шеи и плеч свидетельствовали, по мнению автора, о существовании шелкового плаща, расшитого драгоценными нитями. Одежда с золотыми нитями (Фехнер, 1993, с. 4), размеры погребального сооружения и сам характер погребального обряда позволяют предположить принадлежность погребенного к древнерусской знати. В центральной части курганной насыпи, в момент обнаружения фиксировавшейся как заполнение ямы, отмечено два горизонта камней: гранитных валунов размером до 0,3 м в поперечнике и известняковых плиток. Деревянные конструкции камеры, сохранившиеся в виде прослоек древесного тлена, достоверно свидетельствовали о наличии пола, нижней части стен и верхних перекрытий. Стратиграфические наблюдения и разрез заполнения могильной ямы (рис. 14) напоминают камеры у Старовознесенского монастыря. Скудость обнаруженного инвентаря в столь значительном по размерам сооружении наталкивает на мысль об ограблении захоронения в историческом прошлом или близости погребенного христианскому мировоззрению (Gräslund A.-S., 1980, p. 84–85).

***

Автор комплексного исследования некрополя на территории древнейшей части Среднего города Н. Н. Малышева считает его кладбищем и культовым центром городского, в основном славянского по этнической принадлежности населения Пскова и датирует погребальный комплекс X — нач. XI в. (Малышева, 2003, с. 109, 110).

В его составе выделяется 5 захоронений, содержащих предметы, связанные со скандинавской культурной традицией (№ 4, 1976; № 15, 1976; № 20, 1978; № 46, 1985; № 57, 1988). Камерные могилы, кроме № 15, не соотнесены авторами исследований с этим этническим компонентом населения древнего Пскова. Социальный статус погребенных в рамках указанного исследования не определялся, поскольку в качестве основного критерия был избран размер курганной насыпи, несохранившейся в условиях последующего функционирования городского посада (Малышева, 2003, с. 110).

Небогатый вещевой комплекс захоронений, всё же, на наш взгляд, позволяет характеризовать социально-имущественный статус большей части погребенных как рядовых жителей. Немногочисленность погребального инвентаря и относительно небольшие размеры первой и второй камеры подчеркивают это предположение. Следует отметить, что камерные погребения в некрополе с Городецкой возвышенности были расположены среди других захоронений, не создавая скоплений. Поскольку могильник исследован не полностью, а лишь в пределах раскопов, говорить о положении камер относительно его границ сложно. Тем не менее обращает на себя внимание удаленность камерных захоронений от площадки предполагаемого святилища как ядра культового центра (рис. 5). Это позволяет связать время их возникновения не с начальными этапами функционирования кладбища.

Уже на рубеже X–XI вв. на территорию города мертвых начинают вторгаться окраины растущего псковского посада. Насыпи языческого могильника уничтожаются в процессе селитебного освоения территории (см. т. I данного издания).

***

Таким образом, внешний топографический контекст Старовознесенского некрополя позволяет выделить наиболее существенные черты его местоположения.

[1] По определению О. В. Орфинской, золотыми нитями «в прикреп» и «в прокол» была расшита шелковая одежда, вероятно плащ.

Прежде всего камерный могильник возник возле Пскова, представлявшего собой к концу X в. значительный раннегородской центр у северо-западных пределов Древнерусского государства. Это было крупное поселение с развитыми ремеслом, торговыми связями, выраженной планировочной структурой и растущим посадом в междуречье р. Псковы и р. Великой. В X в. Псков существовал в довольно плотно освоенном регионе. Он, несомненно, был связан водными и сухопутными путями с крупнейшими раннегородскими образованиями формирующегося русского государства.

Относительно единые хронологические рамки функционирования городского некрополя на Городецкой возвышенности (X — нач. XI в.) и камерных погребений у Старовознесенского монастыря (2-я пол. X в.) соответствуют ранним этапам развития Пскова и позволяют объединить эти два участка под условным названием «древнерусский некрополь Пскова X — нач. XI в.[1]» (Лабутина, Малышева, Закурина и др., 2009, с. 388, 404). При этом каждое из кладбищ имеет значительные отличия, не позволяющие связать их в единый памятник.

7. Топография могильников с камерными погребениями на территории Древней Руси и некрополь у Старовознесенского монастыря Пскова

С топографией отдельных, наиболее известных могильников на территории Древней Руси, в составе которых существуют камерные захоронения, связаны соответствующие разделы в работах исследователей этих погребальных комплексов. В т. I настоящего издания помещена обзорная статья Т. А. Пушкиной, впервые обобщившей информацию о раннегородских некрополях Древней Руси. Анализу именно топографического аспекта камерных захоронений посвящена специальная статья К. А. Михайлова «Топография могильников с камерными погребениями в Северной и Восточной Европе» (Михайлов К. А., 2008)[2].

Одно из самых значительных скоплений камерных могил зафиксировано в Киеве в составе так называемого могильника I (Каргер, 1958), разделенного в результате строительства укреплений на несколько участков. Киевские камеры рассредоточены среди других инообрядных захоронений на площади ок. 100 га, от Десятинной церкви на севере до Софийского собора на юге. В его составе известны две группы скоплений камер: рядом с Михайловским Златоверхим собором (3 захоронения) и вокруг Десятинной церкви (5 захоронений) (Ивакин, 2003, с. 73–86). В обоих случаях погребения в деревянных гробницах занимали одни из лучших, возвышенных участков могильника. Эту обособленность К. А. Михайлов связывает с особо почитаемым статусом погребенных (Михайлов К. А., 2008, с. 59).

Значительное число камер исследовано на территории Шестовицкого археологического комплекса, расположенного на правом берегу р. Десны, притоке Днепра, в 12–15 км от Чернигова, в урочище Коровель (Бліфельд, 1977, с. 5–9; Коваленко, 2001, с. 176–181). Могильник находится на песчаных грядах, расположенных на расстоянии 50–150 м друг от друга. Большинство шестовицких камер рассредоточены достаточно бессистемно среди других погребений. Лишь четыре захоронения (два мужских и два женских), по-видимому, образуют небольшое скопление (Михайлов К. А., 2008, с. 58).

Огромный курганный могильник древнерусского Чернигова исследован слабо. До сих пор каких-либо закономерностей в расположении камер Чернигова не зафиксировано. Погребальные камеры рассредоточены на разных могильниках, расположенных в значительной удаленности друг от друга (Бліфельд, 1965; Михайлов К. А., 2008, с. 59). Параллели черниговской топографической ситуации К. А. Михайлов видит в расположении могильников в Дании, где захоронения в камерах рассредоточены по сельским некрополям. Еще более близкие параллели автор обнаруживает в округе города Хедебю в провинции Шлезвиг-Гольштейн, где вокруг торгового города и его могильников сосредоточено несколько поселений-спутников, в могильниках которых обнаружены камерные захоронения (Михайлов К. А., 2008, с. 59).

[1] В это понятие входят и отдельные захоронения X — нач. XI в., обнаруженные при раскопках на Запсковье (Салмина, 2007) и Завеличье (Закурина, Степанов, 2008) (рис. 5). Контекст и находки позволили датировать завеличенский могильник (3 погребения и два скопления переотложенных костей) 2-й пол. X — XI в. Одно из погребений, сильно нарушенное поздними перекопами, — юноши с топориком, авторы интерпретируют как камерное со знаком «?». Частичная сохранность захоронения не позволяет однозначно определить камерный характер обряда.

[2] Материалы статьи взяты за основу в приведенном топографическом обзоре некрополей Древней Руси.

Один самых значительных в России памятников круга «камерных древностей» Гнёздовский археологический комплекс расположен на правом берегу Днепра в 15–20 км от Смоленска. Он включает в себя несколько крупных, топографически обособленных могильников (Булкин, Лебедев, 1974). Длительная история его формирования определяет сложную топографию всего погребального ансамбля Гнёздово и камерных могил в частности. Для последних характерна наибольшая концентрация по сравнению с исследованными участками некрополей Киева и Чернигова. По мнению К.А. Михайлова, господствующим является хронологический фактор размещения захоронений. Топография камер, по мнению исследователя, указывает на их позднее появление в некрополе (Михайлов К.А., 2008, с. 61).

В некрополе Тимерево, расположенном в 12 км от Ярославля, на берегу р. Сечки — притока Которосли, камерные могилы были рассредоточены в составе большого кладбища, «между ними лежали значительные пространства, и никаких заметных групп они в могильнике не образуют» (Михайлов К.А., 2008, с. 61).

В известном могильнике Плакун, на правом берегу Волхова, напротив Земляного городища Старой Ладоги, насчитано 18 курганных насыпей (Назаренко, 1985, с. 63). Из их состава изучено два камерных захоронения, одно из которых на настоящий момент является древнейшим погребением этого типа на Руси. Границы и площадь некрополя, его соотношение с другими погребальными объектами пока не выяснены (Михайлов К.А., 2008, с. 64). Поэтому данных для выводов об особенностях топографии камерных могил, вероятно, пока недостаточно.

Расположение камерных погребений в составе могильников крупных торгово-ремесленных центров и первых городов, ориентированных на международную торговлю, характерно для территории Древней Руси. Географическое положение этих древних населенных пунктов характеризуется близостью к значительным рекам и сопутствующим им сухопутным путям, торгово-коммуникационным артериям, определявшим развитие поселений. В этом отношении Псковский камерный некрополь находится в рамках отмеченной закономерности. В составе наиболее значительных погребальных комплексов Киева или Гнёздова камерные захоронения обнаруживались в различных, зачастую отдаленных друг от друга курганных группах, что зафиксировано и в Пскове.

Приведенные данные исследования К.А. Михайлова по топографии могильников с камерными погребениями показывают, что чаще всего такие кладбища расположены сразу же за границей поселения, иногда даже рядом с жилой зоной. Камерные могилы, находящиеся в их составе, как правило, бессистемно рассредоточены среди инообрядных захоронений. Они часто тяготеют к краям кладбищ, что отражает, по мнению исследователей, их появление на финальных этапах существования некрополей. Всё это касается и псковского некрополя на Городецкой возвышенности.

Случаи концентрации камер в одной зоне или обособление этих погребений отмечаются крайне редко и являются исключительными как на Руси, так и в Северной Европе. Такие исключения на территории России составляют курганная группа в урочище Плакун, Правобережный Ольшанский могильник Гнёздова, отделенные от поселения рекой, а также компактные группы из нескольких камер в составе Киевского некрополя (Михайлов К.А., 2008, с. 65). Следует подчеркнуть, что во всех приведенных случаях камеры существуют в окружении иных по обряду захоронений.

Псковский Старовознесенский некрополь, несмотря на ряд схожих черт с топографией других древнерусских могильников, выделяется из общего ряда следующими особенностями своей топографии: отдаленностью от раннегородского поселения, подчеркнутой обособленностью от синхронного курганного кладбища, достаточно высокой концентрацией камер и отсутствием захоронений, совершённых по иному обряду.

В связи с этим становится небесспорным предположение К.А. Михайлова о том, что «население, сооружавшее погребения в камерах, не дистанцировало себя и своих покойников от основной части “дружинных” могильников» (Михайлов К.А., 2008, с. 65). В псковском варианте довольно отчетливо прослеживается разница между людьми, захороненными на городском курганном могильнике, и теми, кто погребен на территории небольшого камерного некрополя. Эта дистанция подчеркнута и территориально — значительным расстоянием между их последними пристанищами.

На микроуровне, на текущем этапе исследований представляется, что некрополь был приурочен к небольшой локальной Старовознесенской возвышенности и значительной сухопутной дороге южного направления, при этом располагаясь всего в 350 м и от основной водной магистрали — р. Великой. Он преднамеренно обособлен от городского кладбища, расположенного под стенами города.

Автор не исключает существования небольшой обособленной селитебной зоны, связанной с камерным могильником.

В настоящий момент в ближайших окрестностях погребального комплекса в раскопах, расположенных в радиусе ок. 750 м, культурного слоя X в. не обнаружено.

Дальнейшие исследования прилегающих территорий, вероятно, позволят получить новую информацию о некрополе древнего Пскова и об иных топографических ориентирах камерного могильника, неизвестных сегодня: предполагаемой селитебной зоне, пристани, первой христианской церкви или временном лагере людей, тысячу лет назад оставивших свои могилы на придорожном холме недалеко от Пскова.

E. A. Yakovleva

Historical and Topographical Survey of the Territory of the Necropolis

Summary

Leaving behind the framework of the present section the analysis of ware stock, wooden constructions, other features of the funeral site under study, the author analyzes the very fact of necropolis with chamber graves discovery on a definite site of the historical part of the city of Pskov in the context of historical topography.

The data on the landscape and topography, and also the main stages of the territory of the burial ground development are provided.

This analysis and the study of internal planning of the burial ground with the attraction of the data on topography of funeral complexes with chamber burials from the territory of Ancient Rus and Northern Europe allowed us to define the features of the Old Ascension necropolis.

I. КАМЕРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СТАРОВОЗНЕСЕНСКОГО НЕКРОПОЛЯ ИЗ РАСКОПОК 2003, 2004, 2006–2009 гг. (полевые исследования, описание, чертежи, списки и каталоги находок)

Данный раздел книги содержит описания восьми камерных захоронений, исследованных на Старовознесенских и Подзноевских раскопах нач. XXI в. Описания каждого погребения представлены последовательно в порядке их обнаружения в виде отдельных статей, авторами которых являются руководители раскопок погребального объекта.

Статьи, входящие в I раздел II тома, имеют единообразную плановую структуру. Каждый подраздел содержит авторское описание условий и особенностей проведения работ, методики полевых исследований, основных структурных элементов, топографии погребальных комплексов и находок.

Текстовые описания сопровождаются фотоматериалами, отражающими последовательность раскопок и особенности камерных погребений. Глубины, упоминаемые в текстах описаний, имеют общий условный «0» отсчета, (+46.02 в Балтийской системе высот). Значение глубин приводится в сантиметрах в рамках условных горизонтальных пластов толщиной 20 см, нумерация которых начинается с уровня условного «0» (например: 1-й пласт 0–20; 2-й пласт –20–40 и т. д.).

После текста каждый подраздел имеет приложения: 1 — наиболее показательные и информативные чертежи и планы; 2 — список находок; 3 — каталог, включающий обнаруженный в камерах вещевой инвентарь.

Каталоги каждого погребального комплекса имеют собственную нумерацию, единую со списком, планом и нумерацией находок, упоминаемых в тексте. В каталогах приводятся практически все артефакты, обнаруженные в ходе раскопок, за исключением нескольких незначительных по размеру, неопределяемых фрагментов железных изделий крайне плохой степени сохранности.

При ссылке соавторов в рамках настоящего издания на материалы I раздела используются следующие формы:

при ссылке на текст — (см. Погр. 1[1], с. 65);

при ссылке на фотоматериалы в тексте описания — (см. Погр. 1, с. 45, рис. 2);

при ссылке на чертеж — (см. Погр. 1, Прил. 1, *1*);

при ссылке на Список находок — (см. Погр. 1, Прил. 2, *10*);

при ссылке на Каталог — (см. Погр. 1, Прил. 3, Каталог, ***5***).

---

[1] Подразделы раздела I, представляющие камерные погребения 1–8, таким образом, называются сокращенно. Этим сокращениям соответствуют следующие библиографические описания (представляются названия) трудов, публикуемых в настоящем томе и отраженных в его структуре (см.: содержание):

Погребение 1 — Яковлева Е. А. Камерное погребение 1;

Погребение 2 — Михайлов А. В. Камерное погребение 2;

Погребение 3 — Яковлева Е. А. Камерное погребение 3;

Погребение 4 — Ершова Т. Е., Яковлева Е. А. Камерное погребение 4;

Погребение 5 — Ершова Т. Е. Камерное погребение 5;

Погребение 6 — Ершова Т. Е. Камерное погребение 6;

Погребение 7 — Ершова Т. Е. Камерное погребение 7;

Погребение 8 — Ершова Т. Е. Камерное погребение 8.

Е. А. Яковлева

Камерное погребение 1
(ул. Советская, 60а; Старовознесенский I раскоп, 2003/2004 гг., уч. Б, В; кв. В11–13, Г11–13, Д11–13, пл. 9–17)

Обстоятельства находки и условия проведения работ

Погребение 1 было открыто 22 декабря 2003 г., в процессе выборки материковой ямы *21*, расположенной под стеной раскопа и большей частью находившейся за пределами исследуемого участка. Это был завершающий день спасательных исследований на месте планируемого строительства офисного здания на ул. Советской, 60а. В связи с настоятельным требованием заказчика о скорейшем завершении охранных исследований раскопки велись в двухсменном режиме. Работы на Старовознесенском раскопе были начаты в самом конце осени и велись в каркасных павильонах, обтянутых полиэтиленовой пленкой, при искусственном освещении и отоплении (рис. 1).

Раскопки производились в пределах одного котлована на двух участках (А и Б), разделенных участком Г, в пределах которого культурные отложения были нарушены ниже уровня поверхности материка[1] (Прил. 1, *1*). В пределах этого «пустого» участка, располагавшегося в центральной части раскопа, существовал значительный перекоп, полностью уничтоживший культурный слой и верхнюю часть материковых отложений. Зона разрушения, вероятно, была связана с существовавшим здесь зданием XX в.[2] и определялась по границе с соседними участками по сохранившимся стенкам, сложенным из известняковой плиты на известково-цемяночном растворе.

Рис. 1. Старовознесенский I раскоп, павильон над уч. Б. Декабрь 2003 г. Вид с юго-востока

Погребение было выявлено после завершения исследования культурного слоя городского посада XV–XVIII вв. и снятия сохранившихся участков погребенной почвы (серой гумусированной супеси), сформировавшейся в «догородской» период освоения территории.

Под западной стенкой раскопа (кв. Г12,13, Д12,13), в северной части уч. Б на уровне материка, скорее интуитивно была определена граница пятна, распространявшегося за пределы раскопа и имевшего овальную форму. Пятно состояло из однородно-аморфной смеси материковых пород (супесь, песок). До глубины ок. 1,8 м в составе заполнения не было обнаружено ни одной находки, не отмечалось следов каких-либо конструкций.

---

[1] Материковая поверхность участка Г исследовалась отдельно сплошной зачисткой и контрольными траншейками. Следов каких-либо ям (в том числе погребальных) на нем обнаружено не было.

[2] После завершения раскопок на участках А и В была предпринята зачистка поверхности этого перекопа с целью выявления сохранившихся археологических объектов. Перекоп уничтожил не только культурный слой, но и материковые отложения на глубину до 0,5 м.

Рис. 2. Юго-восточная часть камерного погребения 1, открытая на участке Б. Старовознесенский I раскоп. Вид с северо-востока. Места нахождения: 1 – латунного таза; 2 – весов

Первым было найдено коромысло весов для малого взвешивания (Прил. 3, Каталог, ***32***), находившееся, как потом выяснилось, в ногах захоронения. В момент рассмотрения находки[1] лопата землекопа задела крупный металлический предмет, оказавшийся большой латунной миской — тазом. Затем были раскрыты остатки костей ног и следы деревянного настила пола (рис. 2).

На фоне полного отсутствия в раскопе материалов ранее XV в.[2] эти находки были неожиданностью. Стало понятно, что исследования неизвестного ранее памятника на почти завершенном охранном Старовознесенском раскопе только начинаются.

Договорная дисциплина и сроки планировавшегося нового строительства значительно осложнили переговоры с заказчиком раскопок (ООО «Эликон») о необходимости доисследования выявленного уникального погребального объекта и его полном раскрытии. Благодаря активному содействию директора Псковского музея-заповедника О. К. Волочковой и начальника отдела археологии музея Б. Н. Харлашова были достигнуты необходимые договоренности о продолжении и финансировании археологических работ.

Раскоп был расширен в западном направлении, построен новый павильон, созданы приемлемые температурные условия и световой режим. Размеры дополнительного вскрытия (уч. В — 36 кв. м) определялись максимальными размерами известных аналогов камерных захоронений и выявленными параметрами исследуемого погребения, при этом — ограничены финансовыми возможностями заказчика. С Нового года установились сильные морозы. Павильон был дополнительно утеплен (рис. 3, 4). Исследования на участке В были начаты 26 декабря 2003 и завершены 14 февраля 2004 г., с перерывом на новогодние праздники, при постоянном отоплении раскопа газовыми тепловыми пушками. На завершающем этапе в ночное время безопасность археологического объекта обеспечивал специальный наряд милиции.

Это был первый в Пскове опыт проведения раскопок в зимних «павильонных» условиях,

[1] В момент завершения работ на раскопе присутствовали: начальник раскопа Е. А. Яковлева и А. В. Михайлов, выполнявший функции начальника участка.

[2] Исключение составляет яма 44 с керамическим материалом XII в. Подробнее см. выше: Историко-топографический очерк.

Рис. 3. Павильон над раскопками первого камерного погребения на Старовознесенском I раскопе. Вид с востока. Январь 2004 г.

Рис. 4. Интерьеры павильона над раскопками первого камерного погребения на Старовознесенском I раскопе

на момент начала работ получивший неоднозначную оценку коллег-археологов. Однако работы начала 2004 г. и последующие раскопки погребений Старовознесенского некрополя показали, что изучение таких сложных объектов, как камерные захоронения в условиях города, как правило, должны вестись в закрытых, охраняемых павильонах, позволяющих обеспечить лучшую по сравнению с условиями открытого раскопа сохранность результатов ежедневной работы от неблагоприятных погодных условий и нежелательных вторжений посторонних лиц[1].

Поскольку исследование захоронения проходило в 2 этапа: до момента идентификации памятника и позже — в режиме специальных исследований, полевая документация об этих раскопках имеет свои особенности (Яковлева, А2003, А2004). В чертежных материалах по участку Б отсутствует пластовая фиксация выборки заполнения могильной ямы вплоть до уровня костяка и пола. Ее слой представлял собой перемещенный материковый песок, несколько более темного оттенка по сравнению с природным окружением. При выборке этой части ямы, учитывая однородный характер ее заполнения и отсутствие объектов, мы посчитали излишней пластовую фиксацию, поскольку вся стратиграфия отражалась в соответствующем профиле раскопа.

К сожалению, в результате постоянного искусственного отопления павильона, приведшего к быстрому осушению грунтов на участке исследования без подтока грунтовой влаги извне в условиях суровой зимы, произошло обрушение стратиграфической бровки, заложенной по стене раскопа, разделявшей участки Б и В. Поэтому фотоизображения завершенного разреза отсутствуют.

Методика проведения работ

Основная часть погребения 1 (уч. В) исследовалась в соответствии с обратной последовательностью возведения и существования погребального сооружения. После изучения позднесредневековых отложений городского посада XV–XVIII вв.[2], имевших мощность до 1,4 м (без учета верхних техногенных отложений), на уровне 9–10 пластов по всей площади участков Б и В раскрывалась погребенная почва начальных этапов освоения территории. Ее поверхность была относительно ровной, почти горизонтальной. Некоторое понижение уровня от –160 до –183 отмечалось по оси северо-запад — юго-восток. Погребенная почва была представлена гумусированными супесчаными отложениями двух цветов: серого и коричневатого. На отдельных участках отмечались различные оттенки основных цветов. Местами предматериковые отложения имели серо-коричневый цвет. Над погребением мощность древнего почвенного горизонта местами достигала 20 см. Он состоял из смеси материковых пород: пылеватого песка и супеси. Погребенные отложения были сильно разрушены разновременными перекопами. Сохранность палеоповерхности определялась участками размером от нескольких десятков сантиметров до 2,5 × 1,3 м (Прил. 1, *2*). Перекрытия слоев серой и коричневой супеси удалось зафиксировать лишь на незначительных по протяженности участках. Верхний слой — коричневый. Он более тонкий — до 7 см. Формирование погребенных почвенных горизонтов связано с историей освоения местности и отражает периоды запустения или рекреационно-сельскохозяйственного использования изучаемого микрорайона. Стратиграфия раскопа свидетельствует о том, что супесь серых оттенков маркирует более древние горизонты и участки непотревоженной палеоповерхности, а коричневая — сформировалась после проведения планировочных работ, включавших в себя и нивелировку насыпей курганов при подготовке участка к новому этапу хозяйственного освоения в древнерусское время (см. Историко-топографический очерк, рис. 10). В кв. Г13 на поверхности пятна заполнения могильной ямы зафиксированы следы распашки в виде небольших по протяженности (ок. 60 см) отрезков двух параллельных полос (Прил. 1, *2*). Каждая полоса также состоит из двух параллельных полос шириной 3–4 см, которые местами сливаются друг с другом. Ширина основных полос — ок. 18 см. Глубина вторжения в предматериковые отложения — ок. 4 см.

После снятия слоев погребенной почвы и выборки ям, открывшихся под ними, выявлялось

[1] Значительной проблемой при работе во всех павильонах являются малая площадь и специфическое освещение, затрудняющее фотофиксацию.

[2] Исследования культурного слоя городского посада XV–XVIII вв. производились по традиционной для древнерусских городов методике — горизонтальными пластами по 20 см толщиной, с учетом внутрипластовой стратиграфии: фиксацией пятен и прослоек. Погребенная почва изучалась по слоям.

Рис. 5. Пятно камерного погребения 1. Старовознесенский I раскоп, уч. В. Вид с северо-запада. Цветом обозначены границы пятна погребения 1

пятно погребального объекта (рис. 5; Прил. 1, *3*). По периметру оно было маркировано полосками серой гумусированной супеси, представлявшей собой горизонтальный срез верхней части слоя, заглубляющегося вглубь могильной ямы[1]. Несомненно, этот слой серой супеси связан с конструкциями верхних перекрытий.

Изучение погребения велось по комбинированной послойно-пластовой методике. Пятно, состоящее в своей основе из смеси материковых пород: песка и супеси, выбиралось по пластам. Оно представляло собой курганную насыпь, большей частью просевшую в камеру после разрушения деревянных перекрытий, удерживавших ее при создании погребения. По мере углубления по поверхности гумусированного слоя, залегавшего наклонно-вертикально, формировались временные стенки, маркированные участками серой супеси в верхней и средней частях глубины ямы. В придонной части при завершении выборки слоя заполнения по серой супеси вдоль стен открывались остатки конструкций сруба — усыпальницы. Остатки деревянных конструкций находились почти в одной наклонно-вертикальной плоскости с поверхностью, маркированной супесью, смыкаясь или взаимно перекрываясь на стыке. В границах деревянного погребального сооружения расчищалось само погребение. После фиксации захоронения, снятия находок и костных останков разбирались остатки деревянных конструкций усыпальницы: фрагментов верхних перекрытий и пятен темно-серой супеси на временных стенках, стенки сруба и пол гробницы. В завершении работы раскрывалась материковая яма, в которой находилась деревянная погребальная камера: выбиралось заполнение между деревянной камерой и грунтовыми стенами ямы, имевшей значительно бóльшую площадь.

[1] Все погребения Старовознесенского некрополя археологически улавливались именно по тонким прослойкам серой супеси, маркировавшей границы погребальных ям на поверхности материка.

Пятно погребения 1

Контуры погребального объекта были выявлены после снятия участков слоя погребенной почвы — супеси серого и коричневого цветов мощностью 12–17 см. Нижняя граница супеси, просматриваемая в профиле раскопа и стенках ям, была неровная, мелкозубчатая, местами расплывчатая. Она свидетельствовала о довольно длительном, естественном формировании этих отложений над захоронением.

Восточная часть пятна погребения, первоначально выявленная на уч. Б, имела в плане более округлую форму, вероятно, частично наследующую форму основания кургана. Всё пятно заполнения (на уч. Б и В) имело неправильную форму размером до 5,6 м в поперечнике (рис. 5, Прил. 1, *3*). Погребение фиксировалось на участке материковой поверхности, имевшем некоторый наклон по оси З—В (с –163 до –200 соответственно). По отношению к окружающей материковой поверхности пятно не имело видимых высотных отличий.

Сохранность поверхности пятна указывала на то, что потревоженной поздними перекопами оказалась только верхняя часть заполнения камеры на глубину не более 60 см.

Локализовать могильную яму, имевшую заполнение, почти неотличимое от материка, помогли полоски серого опесчаненного гумуса (супеси), местами маркирующие северо-восточный и частично юго-западный края ямы. Толщина этих полос была от нескольких миллиметров до 25 см. По мере углубления при выборке пятна внутри контура, очерченного этой полосой, она расширялась по площади в вертикально-наклонном направлении, превращаясь в слой (рис. 6, 7), маркирующий стенки некой ямы-воронки, в которой и залегало описываемое заполнение. Этот наклонный, местами вертикально лежащий слой не был сплошным, в нем существовали значительные «дыры», отдельные его участки не были связаны между собой. В кв. В11, В12 на поверхности такой полосы-слоя с верхнего уровня фиксировалась тончайшая (менее 1 мм) прослойка древесного тлена.

По составу пятно внутри контуров, обозначенных серой полосой, состояло из перемещенного материкового пылеватого желтого песка и супеси.

Рис. 6. Раскрытие слоя серой супеси из-под песчаного заполнения (просевшая курганная насыпь) ямы погребения 1. Старовознесенский I раскоп, уч. В, северная (северо-западная) стенка ямы

Рис. 7. Участок полосы серого гумуса, маркирующего захоронение с уровня материка. Остатки древесного тлена на его поверхности. Старовознесенский I раскоп, уч. В, кв. В 11, 12. Вид с севера

Заполнение камеры

Выборка заполнения погребальной ямы проводилась по слою серого гумуса, вертикально или немного наклонно уходящего вглубь, горизонтальными пластами по 20 см с фиксацией внутрипластовых особенностей. Слой заполнения представлял собой аморфную смесь материковых осадочных пород. Он был практически однородным, рыхлым, с редкими включениями мелкого гравия и гальки, характерными для геологических пород участка (рис. 8–10).

У западного края ямы (кв. Г12), на глубине ок. 30 см от поверхности пятна, была обнаружена небольшая (до 40 см в поперечнике), округлая в плане ямка (***45***). В заполнении — сероватая, аморфная супесь, вдоль стенок пронизанная остатками волокон или корней растений. Дно ямы — конусовидное, закончилось примерно на уровне верхних отметок деревянных стенок камеры (–300). Заполнение отражало этапы установки столба.

С уровня –220–240 (1–2 пласта после начала выборки) в слое заполнения начали встречаться включения «кусков» серого гумуса, визуально идентичного слою гумуса, по которому осуществлялась выборка заполнения. Куски имели различные форму и размер. В большинстве случаев это были микропятна размером до 0,15 м в поперечнике, протяженностью (в вертикальном направлении) до 0,3 м, имевшие ровные, словно обрезанные, края. «Куски» были хаотично рассредоточены в слое заполнения, имея большую протяженность в горизонтальном, а иногда в вертикальном направлении. Куски гумуса, имевшие чаще всего угловатую в плане форму, напоминали фрагменты дерново-почвенного слоя. Волокон древесного тлена в их составе визуально не определялось (рис. 9).

Характер заполнения был практически неизменным в глубинном диапазоне 9–17 пластов. По мере углубления серый слой оформил своеобразные временные стенки ямы, которые отражали разрушение верхних перекрытий. Эти стенки сужались книзу, вырисовывая прямоугольный контур нижней части камеры (Прил. 1, *7*).

В центре северо-восточной части, в слое заполнения, на глубине –240–278, находился большой гранитный валун размером до 0,8м в поперечнике. Его невозможно было извлечь из почти уже выбранной ямы, не повредив рыхлые стенки и остатки деревянных конструкций. Поэтому камень оставили в камере, перемещая с места на место по мере раскрытия погребения. На уровне завершения работ валун был уложен в восточном углу сруба на месте, где был обнаружен металлический таз.

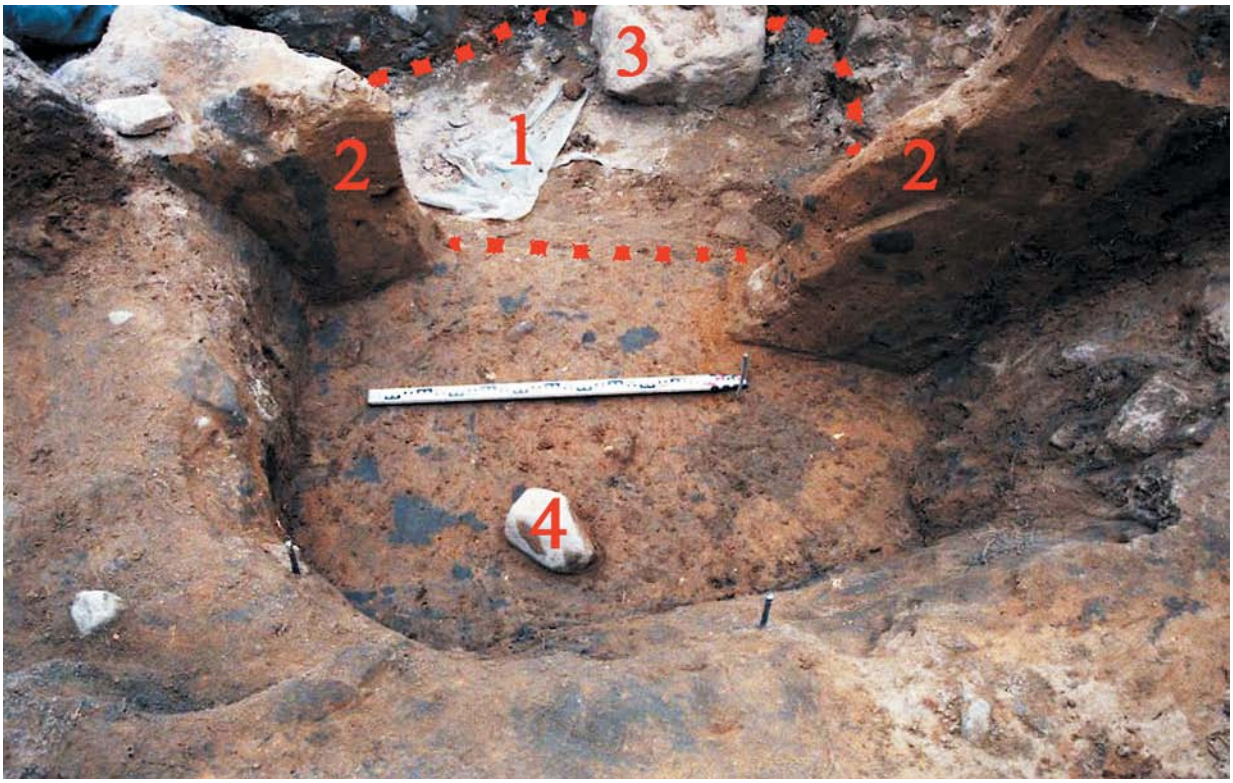


Рис. 8. Выборка заполнения камеры погребения 1. Старовознесенский I раскоп, уч. В, пласт 12. Вид с юга. 1 — часть Погребения, раскрытая первоначально на уч. Б; 2 — стратиграфические бровки; 3 — гранитный валун из слоя заполнения ямы, перемещенный на место, где находился латунный таз ; 4 – камень, пятна серого гумуса в слое заполнения

Рис. 9. Куски серой гумусированной супеси в слое заполнения камеры погребения 1. Старовознесенский I раскоп, уч. В, западный угол погребальной камеры

По мере углубления несколько увеличилось количество серых микропятен, имевших округло-вытянутую, подпрямоугольную и круглую в плане форму. Их размер — от 3–4 см в поперечнике до 12–15. В основном они имели вертикальную направленность и «высоту» — от 5 до 12 см. Нижние срезы пятен — косонаклонные, системы в их расположении по-прежнему не отмечалось. На уровне –315–320 см, на глубине 1,6–1,2 м от верхних краев ямы, почти над самым погребением, количество серых пятен увеличилось (рис. 10, Прил. 1, *4*). Примерно на этом уровне закончился описываемый слой заполнения, на наш взгляд, представлявший собой просевшую в камеру курганную насыпь. Под ним открылась поверхность более гумусированного серо-коричневого песчаного слоя, непосредственно перекрывавшего захоронение и попавшего в гробницу на начальной стадии разрушения перекрытий до их обрушения.

Гумусированный серо-коричневый слой

В 17 пласте на уровне –339–343 открылся слой серо-коричневого песка с примесью древесного тлена, визуально отличимый от вышележащего на уровнях 9-го — начала 17-го пластов слоя предполагаемой курганной насыпи. Он имел большую степень гумусирования и распространялся по всему объему камеры, маркированной на этом уровне остатками стенок деревянного сруба-усыпальницы. Наиболее высокие отметки этот слой имел у стен камеры, которые к уровню 17-го пласта обозначились на всех стенках в виде тонких прослоек древесного тлена (Прил. 1, *4*). В отличие от заполнения камеры в серо-коричневом песке не встречались куски серого гумуса. Он имел однородную консистенцию и ровный цвет, мощность от 1 до 10 см. После его снятия и — частично — в нем открылись погребение и деревянные конструкции камеры.

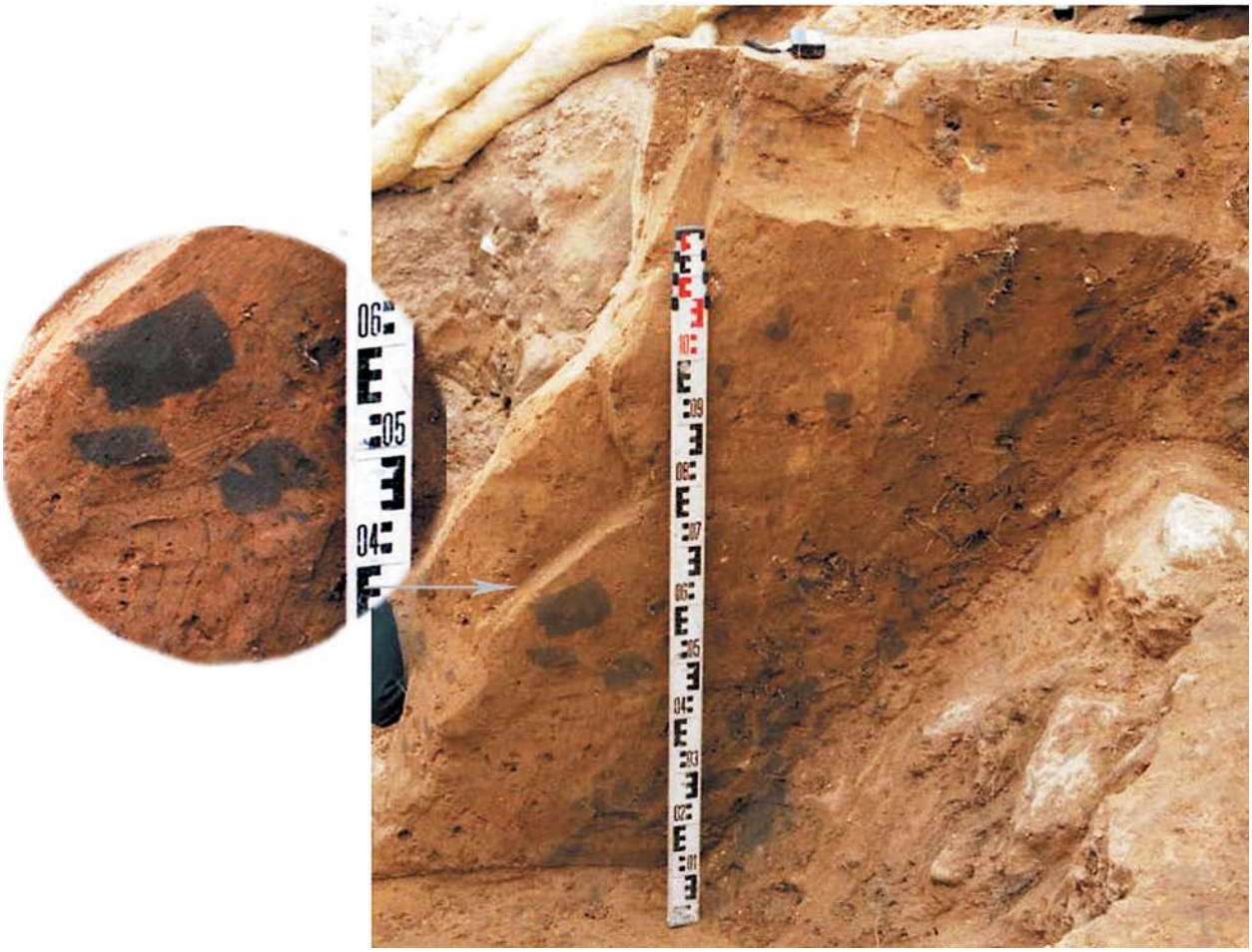


Рис. 10. Стратиграфическая бровка у южной (юго-восточной) стенки камеры. Старовознесенский I раскоп, уч. В. На врезке: куски серой гумусированной супеси в слое заполнения ямы погребения 1 (увеличено)

В этом слое находились верхняя часть черепа (верхн. отм. — 332), костей правого плеча и ног. Следует отметить, что над участками сохранившихся досок, лежавших на уровне размещения останков, прослеживалась бóльшая, чем в «серо-коричневом» слое, гумусированность, а песчаный в своей основе слой заполнения имел более темный оттенок.

Камера (перекрытие, конструкция, пол)

Следы верхнего перекрытия

После выборки слоя просевшей в камеру курганной насыпи исследовался гумсированный серо-коричневый песок, непосредственно перекрывавший погребение. В этом слое отмечались примеси древесного тлена, придававшего песку коричневый цвет (Прил. 1, *5*). Мы связываем их с почти полностью истлевшими конструкциями верхнего перекрытия камеры, рухнувшими на захоронение. Достоверно следы существования верхнего настила прослежены по небольшому фрагменту доски (?), направления СВ—ЮЗ, перекрывавшему костяк в районе таза и упавших наплечных фибул. Доска залегала по рельефу перекрытых ею костей и предметов (–340–343). Такая локальная сохранность доски, вероятно, объясняется бактерицидными свойствами золота, присутствовавшего в виде покровного слоя на скорлуповидных застежках. Толщина обломка доски достигала 1 см, фиксируемая ширина — до 0,12 м. Длина сохранившегося фрагмента — до 0,7 м. Северный конец доски, примыкавший к соответствующей стенке камеры, был перекрыт серо-коричневым гумусированным песком, в южном направлении — истлел.

На временных стенах открылась поверхность, маркированная серым гумусом (рис. 11, Прил. 1, *6–7*).

Конструкция камеры

Погребальная камера представляла собой деревянную конструкцию срубного типа (Прил. 1, *6–7*), выполненную, очевидно, из соснового горбыля или бревен. Доказательством срубного характера конструкции являются зафиксированные в СЗ, ЮВ и ЮЗ углах ямы следы

Рис. 11. Участки слоя серой супеси, по которой шла выборка заполнения ямы погребения 1. Старовознесенский I раскоп, уч. В, северная (северо-западная) стенка ямы

угловых выпусков длиной 0,15–0,3 м, маркированных пятнами коричневатой гумусированной супеси и песка (рис. 12). Эти пятна в плане имели вид «заячьих ушей». «Уши» — концы выпусков венцов, на момент фиксации располагались под острым углом друг к другу, что объясняется деформацией конструкции сруба под давлением материковой породы на стены сооружения в направлении «внутрь» объема сруба (Прил. 1, *6*). Верхние отметки узлов пересечений стенок в углах: — 276 (ЮВ), 283 (ЮЗ), 306 (СЗ).

Размеры внутреннего пространства сруба по прямым промерам от угла к углу 3–3,3 (с ЮЗ на СВ) × 2,6–2,64 (с СЗ на ЮВ) м. Стенки камеры, как и выпуски венцов сруба, были деформированы. Они парусовидно были вогнуты во внутренний объем камеры (Прил. 1, *7*). Промер по длине бревен дает несколько иные размеры камеры: 3,2–3,45 (с ЮЗ на СВ) × 2,68–2,75 (по оси СЗ–ЮВ) м. Древесина стенок камеры фиксировалась фрагментами с уровня –276–280, что соответствует уровню выявления углов сруба. Дерево сохранилось плохо, небольшими тонкими пятнами древесного тлена, а также в виде отдельных нитевидных волокон на поверхности серой супеси и песка на стенах ямы. До уровня проявления стенок камеры выборка шла по слою серой гумусированной супеси, на уровне появления древесного тлена на стенках серая супесь заканчивалась (Прил. 1, *6–7*).

В пользу того, что стены камеры могли быть выполнены из плах (выпуклой стороной наружу), свидетельствуют характерные «полукруглые» вертикальные поперечные разрезы элементов стен конструкции. При разборке остатков сруба после выборки древесного тлена на стенах оставались продольные, немного вдавленные полосы глубиной до 3 см.

При этом следует отметить, что идентичные наблюдения по поводу характера элементов сруба были сделаны при изучении верхних венцов погребальной камеры 3, имевших плохую сохранность дерева, сходную с ситуацией в камере 1. По ряду указанных признаков казалось, что конструкция усыпальницы сложена из полубревен, почти полностью истлевших к моменту находки. Однако эти предположения были опровергнуты обнаружением целых бревен на уровне нижних венцов сруба, имевших хорошую сохранность и несколько меньший

Рис. 12. Северный угол погребальной камеры. Угловые выпуски нижнего венца сруба. Вид сверху. Старовознесенский I раскоп, уч. В, кв. Г13

по сравнению с шириной плах диаметр. Вероятно, археологизированные следы деревянных элементов претерпевают определенные деформации при изменении структуры материала (от древесины до гумусных включений в рыхлой осадочной породе) и не всегда могут напрямую свидетельствовать об их первоначальной форме и размерах.

Стенки сруба сохранились на высоту 0,8–1,2 м. На юго-западной стене (Прил. 1, *6б*) в составе пятен тлена удалось выделить три полосы, в составе которых определяются несколько элементов. Ширина полос от 0,1 до 0,28 м. Наилучшая сохранность древесины была в северном и восточном углах, где прослеживались фрагменты (длиной до 1–1,4 м) отдельных элементов (?), при толщине гумусных пятен 1,5–3 см.

Вдоль длинной оси сруба, примерно в середине, несколько ближе к юго-восточной стене, на остатках пола лежала широкая доска (Прил. 1, *7*). Она как бы делила внутреннее пространство сруба на две части: большую — северную с костяком (шириной до 1,2 м), и меньшую — южную (шириной 0,7–0,8 м). Доска сохранилась на протяжении 1,95 м, ее ширина — до 0,25 м, толщина — до 3 см. Способов крепления доски с восточной и западной стенками не прослежено. В северо-восточном направлении она почти примыкала к деревянной стене камеры. Примерно в середине длины камеры, в восточной части доски, имелось сквозное щелевидное прямоугольное отверстие, расположенное поперек доски. Длина отверстия — 7 см, ширина — 1 см. Разделяющая камеру доска, вероятно, была установлена на ребро и упала в юго-восточном направлении, о чем свидетельствуют кости животного, лежавшие на деревянном полу южной части камеры, перекрытые доской, и прослойка песка, залегающая между ней и полом (рис. 13, 14). Учитывая относительно хорошую сохранность древесины и ширину доски, а также наличие такой конструктивной особенности, как отверстие, предполагаю, что это была деталь развалившегося погребального ложа. В пользу этого также говорит ее соотношение с пятном железных оковок сундука у юго-западной стенки сруба. Стоявшая на ребре доска не могла быть перегородкой, поскольку тогда бы ей мешал сундук, положение же сундука под ложем возможно. Доска такой же значительной ширины и относительно хорошей сохранности была найдена в 3-й камере.

Рис. 13. Захоронение камерного погребения 1. Доска, занимающая центральное положение во внутреннем пространстве камеры. Старовознесенский I раскоп, уч. Б, В. Вид с востока

Рис. 14. Песок между доской, занимающей центральное положение во внутреннем пространстве камеры, и остатками пола. Старовознесенский I раскоп, уч. Б, В, кв. Д12. Вид с юга

Рис. 15. Общий вид погребения 1. Старовознесенский I раскоп, уч. Б, В. Вид с северо-запада

Пол — настил

Камера имела деревянный пол, не связанный с конструкцией сруба. Древесный тлен прослеживался почти по всему дну материковой ямы, превосходившему по размерам габариты сруба (Прил. 1, *7–9*).

Пол сохранился фрагментарно (рис. 14–16), местами, особенно в юго-восточной части сруба, в виде полос гумусированного песка, маркировавшего местоположение отдельных элементов. Зафиксированные участки досок и полосы древесного тлена имели поперечное длинной оси сруба направление: СЗ—ЮВ. Ширина полос — до 20–25 см. Исключение по сохранности составляют фрагменты двух досок, на которых стоял таз, в восточном углу камеры. Ширина досок — 20 и 15 см, толщина — ок. 2 см. Отметки поверхности настила южной части — 338–342.

В северо-западной части усыпальницы, где находился костяк, настил пола также имел плохую сохранность. Он был представлен пятнами органического тлена, подстилающего захоронение, и небольшими, не связанными друг с другом фрагментами досок.

Помимо самого покрытия следов переводин или иных конструктивных элементов пола достоверно не прослежено.

Захоронение

(рис. 15, 16; Прил. 1, *7–8*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог)

В северо-западной части камеры находился скелет женщины. Кости лежали на темно-коричневом, почти черном тлене мощностью 1–1,5 мм. Положение костей свидетельствовало о том, что захоронение было совершено в сидячем положении. Череп и ключицы упали в область грудной клетки и брюшной полости. Соответственно были смещены кости верхних конечностей. Кисти рук сложены приближенно друг к другу, на передней поверхности верхней части бедренных костей. Положение костей ног указывало на то, что при погребении они были согнуты в коленях. Максимальные размеры пятна, в котором находились кости скелета, — 1,4 (ЮЗ—СВ) × 0,7 м.

На костяке было обнаружено 48 находок (Прил. 1, *7–8*; Прил. 2): целых предметов или фрагментов вещей.

Всего в камере было обнаружено более 60 предметов (в том числе фрагменты), среди которых, помимо ювелирных украшений, хозяйственный инвентарь, декоративные детали одежды и утвари. Некоторые вещи сохранились целиком. В основном это изделия из цветных

Рис. 16. Общий вид погребения 1. Старовознесенский I раскоп, уч. Б, В. Вид с юго-запада

и драгоценных металлов. Другие находки дошли до наших дней в виде небольших фрагментов, тлена или ржавчины. Бóльшую часть сохранившегося погребального инвентаря составляли ювелирные украшения (рис. 17). Из них более двух десятков — это изделия из серебра, некоторые украшения со следами позолоты. В целом все типы вещей из захоронения известны по материалам некрополей Гнёздова, Шестовиц, Киева, Тимерева, Бирки и других памятников. Традиционна для камерных захоронений и сама «комплектность» набора предметов, сопровождающих умершую «в мир иной». Богатство и разнообразие комплекса свидетельствуют о высоком социальном статусе и материальном достатке семьи, к которой она принадлежала.

Наиболее интересные и важные для понимания этого памятника предметы находились на костяке[1]. В районе шеи, у основания черепа была найдена серебряная гладкая гривна из ромбического в сечении дрота с застежкой в виде двух крючков со спирально закрученными наружу концами (Прил. 1, *8*; рис. 18, 19; Прил. 3, Каталог, ***18***). Там же, частично под черепом, были обнаружены элементы ожерелья. Центральное место в нем занимала большая серебряная лунница (4,2 × 3,2 см), украшенная орнаментом из треугольников, выложенных регулярной зернью (Прил. 1, *8*; рис. 18; Прил. 3, Каталог, ***11***). С двух сторон, симметрично от нее, размещались: две византийские монеты с ушками для привешивания (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***12, 13***) и далее от центра — подвески-маски (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***8, 9***).

Монеты представляют собой позолоченые серебряные милиарисии Романа I (920–945 гг.) (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***12***) и Константина VII и Романа II (945–959 гг.)[2] (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***13***). Ожерелье с этими монетами могло сформироваться не ранее чем в середине X в. Наличие монет с изображением крестов и христианских императоров само по себе значимо и информативно. Несомненно, они выполняли важную символическую и меморативную функцию для своей хозяйки как при жизни, так и после кончины. Контекст погребального комплекса — датировка, особенности обряда, наличие серебряного креста — позволяет отнести их к предметам личного благочестия одной из первых русских христианок. Как справедливо отметил А. Е. Мусин, серии монет из погребений соответствуют не только известным фактам из истории византийско-скандинавских отношений, но и основным событиям христианизации Руси (Мусин, 2002, с. 172). В данном случае представляется возможным соотнесение находок из камеры 1 с известным фактом раздачи милиарисиев Константином VII во время посольства княгини Ольги в Константинополь в 957 г. (Литаврин, 1982, с. 74).

Редкими для погребений находками являются подвески-маски (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***8, 9***). Это полые серебряные украшения с рельефной основой лицевой пластины, на которой в технике зерни и скани изображены черты бородатого мужского лица. Предметы относятся к «гибридному» типу ювелирных изделий, совместивших в себе славянско-русскую ювелирную технологию и скандинавскую тематику. Подобные изделия известны в кладах и погребениях Швеции, Восточной Прибалтики и Древней Руси и являются эволюционной стадией развития типа подвесок с изображением человеческого лица (или божества), распространенного в Скандинавии в эпоху викингов (Новикова, 1999, с. 47–52). Е. Ю. Новикова считает, что этот тип подвесок сложился на о. Готланд к концу X в., откуда с 1-й половины — середины XI в. он распространился на Русь и в Восточную Балтику.

На погребенной было ожерелье из 21 бусины (Прил. 1, *8*: 1–7; Каталог, ***1–7***). В основном это были бусы из цветного матового и прозрачного стекла. В их составе выделяется зеленая, пастовая, на золотом колечке с завязанными концами (Прил. 3, Каталог, ***2***), обнаруженная под черепом. Ее назначение небесспорно. Она могла быть как частью ожерелья, так и использоваться как отдельное украшение (например, височное кольцо). Помимо стеклянных изделий ожерелье включало в себя одну биконическую янтарную бусину (Прил. 3, Каталог, ***6***), а также две серебряные полые бусины, орнаментированные геометрическим зерненым орнаментом (Прил. 3, Каталог, ***1а***, *7*). Аналоги одной из них (Прил. 3, Каталог *7*) есть в кладе из Фелхагена с Готланда (ок. 1000 г.) (Наследие варягов, 1996, с. 53) и камерном погребении 124 из Киева (Каргер, 1958, с. 210, табл. XXVIII).

Под нижней челюстью была найдена маленькая подковообразная спиралеконечная круглая в сечении серебряная фибула (Прил. 1, *8*: 20; Прил. 3, Каталог, ***20***). Вероятно, с учетом размера и наличия в комплекте других, более крупных и декоративных застежек, она использовалась

[1] Детальный анализ технологии и состава металлов ювелирных изделий погребения 1 приведен в специальной статье Н. В. Ениосовой.

[2] Выражаю сердечную благодарность за определение нумизматического материала П. Г. Гайдукову.

Рис. 17. Женский ювелирный убор. Камерное погребение 1. Старовознесенский I раскоп, 2003/2004 гг.

Рис. 18. Фрагменты досок, перекрывающие останки в районе местонахождения парных овальных фибул. Гривна и бусы (in situ). Старовознесенский I раскоп, уч. Б, кв. Г12. Вид с юго-запада

для застегивания ворота нижней рубахи. Помимо находок подобных фибул в погребальных памятниках Швеции и России, в Новгороде же этот тип встречается в слоях X–XI вв. (Седова, 1981, с. 81). По данным С. А. Авдусиной и Н. В. Ениосовой, распространение этого типа фибул из серебра практически ограничивается Биркой (Авдусина, Ениосова, 2001, с. 94). По наблюдениям Ю. Э. Жарнова, подобные маленькие подковообразные фибулы являются несомненной принадлежностью женского скандинавского костюма (Жарнов, 1991, с. 208–210).

В районе тазобедренного сустава, предплечий и кистей рук наблюдалось скопление перемещенных при посмертном изменении костей, предметов, перекрытых органическим тленом и фрагментами досок настила (рис. 18–20). Этот участок погребения был взят монолитом размером 0,4 × 0,4 м и разобран реставраторами в камеральных условиях.

В монолите помимо фибул были расчищены некоторые предметы, видимые на поверхности при раскопках (рис. 19, 20), а также обнаружены новые. Среди них: круглая фибула с колечком (Прил. 3, Каталог, ***19***); равносторонний крест (Прил. 3, Каталог, ***10***); проволочные браслеты на обеих руках (Прил. 3, Каталог, ***14, 15***); костяной гребень — расческа в футляре (рис. 21; Прил. 3, Каталог, ***48***); железный нож с железной рукоятью и костяной ручкой, обвитой серебряной проволокой (Прил. 3, Каталог, ***35***); костяная копоушка (Прил. 3, Каталог, ***21***); каменный брусочек-оселок на бронзовом колечке (Прил. 3, Каталог, ***27***); железное кольцо в петле-шпильке, вставленной во фрагмент железного предмета (Прил. 3, Каталог, ***24***); обоймицы, украшавшие кожаный предмет, вероятно, кошелек (Прил. 3, Каталог, ***26***); два перстня с безымянных пальцев правой и левой руки (Прил. 3, Каталог, ***16, 17***); предмет, напоминающий головку железного ключа (Прил. 3, Каталог, ***22***), серебряная обоймица деревянного сосуда (Прил. 3, Каталог, ***25***).

Одной из наиболее информативных находок этого условного топографического комплекса является серебряный нательный крестик, (Прил. 3, Каталог, ***10***), размером 2,8 × 2,8 см. Крест с четырьмя лопастями первоначально был обнаружен при рентгенограмме монолита. При раскрытии обнаружилось, что одна из лопастей крайней степени минерализации не сохранилась в материале. Лопасти креста несколько расширены и имеют треугольное окончание, орнаментированы круглым пуансоном. В средокрестии — рельефный полусферический выступ. Крест подвешивался за такое же «накладное» ушко, как и на монетах. Подобные кресты известны

Рис. 19. Общий вид захоронения (область туловища). Старовознесенский I раскоп, уч. В. кв. Г12. Вид с юго-запада

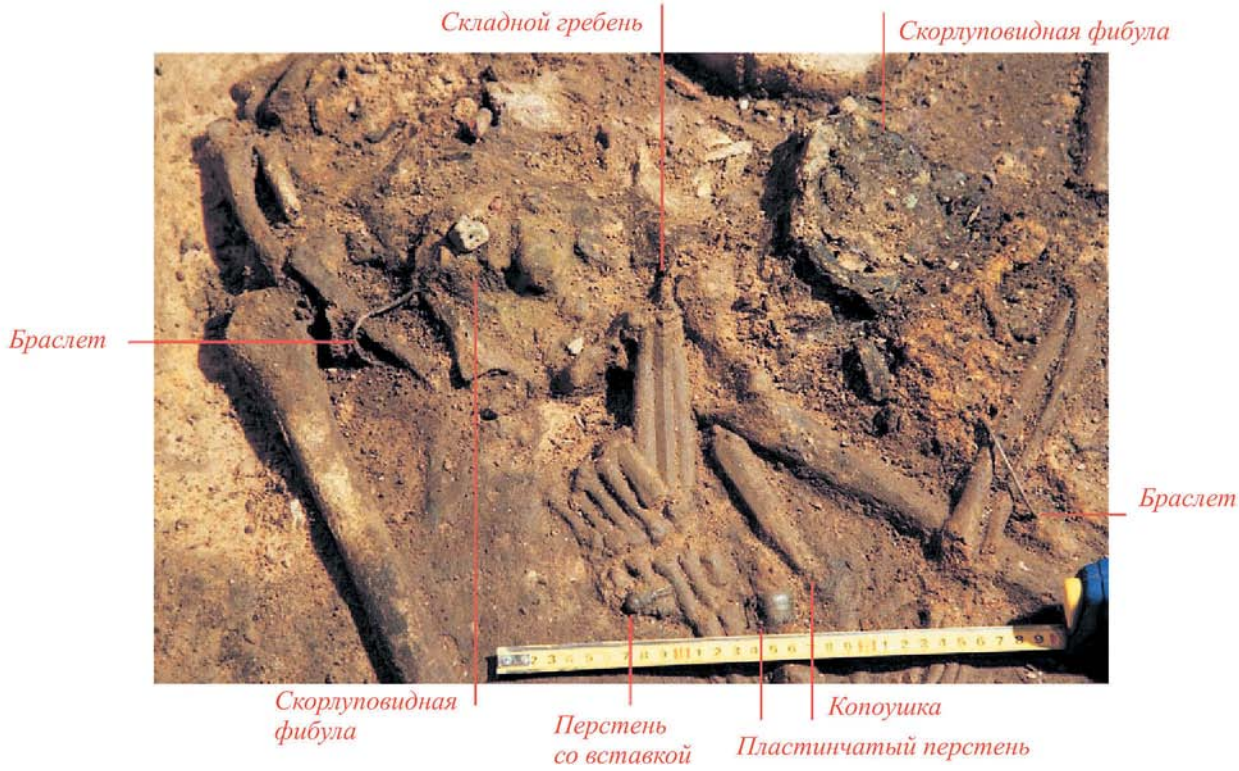


Рис. 20. Скопление предметов в области кистей рук. Погребение 1. Старовознесенский I раскоп, участок В, кв. Г12

Рис. 21. Гребень наборный односторонний в футляре (до реставрации). Погребение 1. Старовознесенский I раскоп

в погребениях, в том числе камерных, на территории Северной Европы и Древней Руси. По данным А. Е. Мусина, находки такого типа, согласно исследованию Й. Стеккера, были распространены в X–XI вв. (тип. 1.2.1) (Мусин, 2002, с. 138).

В области таза погребенной находились две скорлупообразные овальные позолоченные бронзовые фибулы (левая — в границах монолита), относящиеся к типу ЯП 52 Е (2-я пол. X в.) (Petersen, 1928, s. 67–68; Jansson, 1985, p. 88–89) (рис. 18–20; Прил. 3, Каталог, ***36, 37***). В нижнюю часть ранта обеих вдеты серебряные кольца с завязанными концами, вокруг «правого» — еще 5 маленьких колечек из более тонкой проволоки для привешивания мелких несохранившихся предметов (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***36***). Рядом с левой фибулой была найдена удлиненная узкая серебряная обоймица, вероятно, охватывавшая край небольшого деревянного сосуда (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***25***). Обе стороны предмета орнаментированы по краю комбинированным мелким орнаментом «волчий зуб» и линией квадратиков.

Между парными фибулами находилась серебряная круглая фибула (диам. — 3,8 см), декорированная рубчатой проволокой (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***19***). Композиция этого украшения состоит из четырех симметричных радиальных сегментов, в которых расположены схематичные изображения, напоминающие стилизованные медвежьи морды (?). На обратной стороне застежки сохранились элементы крепления иглы и спиралевидное 5-оборотное ушко, в которое вставлено серебряное кольцо с завязанными концами. Вероятно, застежка занимала центральное положение на костюме и использовалась для скрепления углов накидки или плаща из не очень тяжелых материалов.

На запястьях — два серебряных гладких дротовых круглых в сечении (до 1,5 мм в диаметре) браслета (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***14, 15***). Застежки браслетов выполнены в виде крючков, как и у гривны, что позволяет отнести их к единому ювелирному ансамблю. Под правой кистью, как и в погребении 74/1998 (Трупеховский I раскоп), — односторонний составной гребень в футляре (рис. 21; Прил. 1, *8*: 48; Прил. 3, Каталог, ***48***).

На безымянном пальце левой руки находился серебряный широкосрединный перстень с завязанными концами (Прил. 3, Каталог, ***16***). Максимальная ширина пластины — 1,2 см. Устанавливаемый ювелирный размер — 17–18,5.

На безымянном пальце правой руки — перстень с бирюзовой вставкой на высоком касте (рис. 23, Прил. 3, Каталог, ***17***). Вставка — округловыпуклая, диаметром 0,8 см. На цилиндрике каста высотой 0,7 см «вертикально» припаяно 4 миниатюрных ушка-петельки. Кольцо имеет ширину до 0,4 см.

В районе кистей рук компактно, вытянуто по оси З–В, лежали три небольших, удлиненных предмета: широколезвийный нож с костяной рукоятью, оплетенной серебряной проволокой (рис. 23; Прил. 3, Каталог, ***35***), костяная копоушка (дл. 9,5 см) с широкой округлой на конце ручкой (Прил. 3, Каталог, ***21***) и небольшой каменный оселочек-брусок (Прил. 3, Каталог, ***27***), крепившийся за бронзовое кольцо с завязанными концами. Вероятно, именно эти предметы были подвешены к колечкам на фибуле с левого плеча. Там же найден фрагмент железной, округло согнутой полосы с закрепленной в ней проволочной петлей с проволочным колечком. Сохранившийся фрагмент, вероятно, является центральной частью пружины ножниц (Прил. 3, Каталог, ***24***), широко известных в древностях Восточной Европы X в. Экземпляры пружинных ножниц с колечком для привешивания найдены в Новгороде, курганах Смоленщины, на Рюриковом городище (например: Носов, 1990, с. 75, рис. 31).

Под правой фибулой обнаружено 8 маленьких серебряных обоймиц (Прил. 3, Каталог, ***23***), размером 7 × 9 мм, которые располагались на расстоянии 3–4 мм друг от друга, обрамляя край несохранившегося кожаного изделия, вероятно, кошелька (?) или небольшой сумочки.

Под костями ступней ног найдены два «ледоходных» шипа, представляющие собой треугольные рамки с длиной сторон 4–5,8 см (Прил. 3, Каталог, ***45, 46***).

По образцам органического тлена с предметов из области грудной клетки определялись ткани, из которых была сшита одежда погребенной (исследования выполнены Е. С. Зубковой и О. В. Орфинской)[1]. Удалось установить четыре типа текстиля различной расцветки и типов переплетения. Кусочки шелковой ткани сохранились на обратной стороне овальных фибул (Прил. 3, Каталог, ***52***). Кроме этого, в слое были встречены отдельные волокна хлопка и неопределимые растительные волокна. Образец тлена с доски, подстилавшей кости, показал наличие остатков красной шерстяной ткани.

Вокруг костяка в той же северной части было найдено еще 10 предметов.

У юго-западного края доски, занимавшей центральное положение во внутреннем объеме, находился развал железных деталей и оковок деревянного сундучка (рис. 22; Прил. 1, *8*), состоящий из 171 фрагмента (Прил. 3, Каталог, ***53***)[2]. Большая часть из них представляет собой фрагменты и целые экземпляры железных полос и пластин различных размеров. В составе фрагментированных остатков выделяется несколько групп:

1. Полосы оковки стенок сундука. Полосы имеют ширину от 1,9 до 2,2 см, длина фрагментов — до 7,5 см. Сохранились отверстия, несколько стержней и шляпки гвоздиков, крепивших полосы оковки к сундуку (Прил. 3, Каталог, ***53.16–27***). На отдельных фрагментах просматриваются отпечатки дерева и тканей.

2. Оковка углов крышки сундука в виде перекрытия полос под прямым углом с заклепками в месте пересечения (например Прил. 3, Каталог, ***53.20, 53.22, 53.27***) над загнутыми краями пластин (Прил. 3, Каталог, ***53.13***, ***53.14***).

3. Железные уголки, закрывавшие углы сундука (Прил. 3, Каталог, ***53.6–9***). Сохранились 2 целых, и восстанавливаются части еще двух уголков. Угловые детали шире полос оковки (2,5–3 см) и дают возможность восстановить высоту сундука (без крышки) — 13–13,5 см. Уголки крепились тремя заклепками в ряд на одинаковом расстоянии друг от друга по каждой стенке сундука. В поперечном сечении эти детали

[1] Детальный анализ текстиля и результаты его исследования приведены ниже в специальной статье Е. С. Зубковой и О. В. Орфинской.

[2] В Каталоге приведены наиболее информативные фрагменты.

Рис. 22. Развал железных оковок сундучка у западной стенки камеры. Погребение 1. Старовознесенский I раскоп, участок В. Вид с юго-востока

имеют угол несколько больше 90 градусов. Вероятно, к нижней части относится небольшой напуск, частично закрывавший угол на дне.

4. Сохранились фрагменты ручки (Прил. 3, Каталог, ***53.2***), крепившейся железными пробоями, вероятно, к крышке. Ручка выполнена из круглого в сечении тордированного железного дрота, изогнутого «П»-образно, с загнутыми крючками концами.

5. Остатки ригельного замочного устройства: механизма, лицевой пластины накладки, щеколд (Прил. 3, Каталог, ***53.4а, б***).

6. Фрагменты петель, крепивших щеколды к крышке, или саму крышку к сундуку (Прил. 3, Каталог, ***53.3***).

7. Фрагменты, назначение которых достоверно не определяется. Они представляют собой различные по размерам тонкие пластины, по толщине соответствующие полосам оковки, уголкам, накладке, деталям замка.

8. Зафиксированы следы использования 74 гвоздей.

Пятно развала оковок имело в плане почти правильные очертания восьмиугольника, отражающие процесс разрушения предмета. Внутри контуров развала в беспорядке находились сильно корродированные, не связанные друг с другом детали. Анализ сохранившегося материала, формы и стратиграфии пятна позволяет говорить о прямоугольной форме всех сторон сундука, включая основание. Длина сторон основания сундучка по пятну развала — ок. 20–25 × ок. 40 см. Высота вместилища без крышки ок. 15 см (±1–3 мм). Сундучок запирался на ригельный замок двумя щеколдами (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***53.4***).

У противоположной месту находки сундука восточной стены сруба, на доске пола (?), была найдена бронзовая «П»-образная в продольном сечении обоймица с отверстием и вставленным в него серебряным колечком для привешивания (Прил. 3, Каталог, ***28***). Изделие украшено пуансонным орнаментом «волчий зуб».

По периметру северной части камеры, в которой находились останки, отделенные центральной доской, было найдено 8 кованых железных гвоздей (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***39, 41–44, 49, 54, 55***). Четыре гвоздя попарно располагались вдоль северо-западной стены: «в головах» и «в ногах» места захоронения. Три других связаны с местом залегания центральной доски: один в развале оковок сундука, два других — «в ногах», напротив пары, находившейся у стены. Один из них был забит с северо-западной стороны в широкую доску, лежавшую вдоль длинной оси сруба. Рядом с одним из гвоздей лежал узколезвийный ножичек с длинным черешком (Прил. 3, Каталог, ***29***). В незначительном отдалении от лезвия находилась его костяная рукоять, плотно обмотанная серебряной проволокой (Прил. 3, Каталог, ***30***).

По обеим сторонам от костей стоп найдены предметы торгового инвентаря: справа — компактно сложенные, одна в другую, бронзовые чашечки весов с находящимся в них складным коромыслом (Прил. 3, Каталог, ***31***); слева — две железные цилиндрические гирьки в медной обтяжке (Прил. 3, Каталог, ***34***). По сохранившимся участкам гирьки имели высоту ок. 1,5 и 1,2 см. Верхние круглые площадки, частично выступающие из куска железа, орнаментированы по периметру пуансонным орнаментом.

В южном «помещении», как бы отгороженном продольной доской от местоположения останков, найдено пять предметов. В восточном углу камеры стоял латунный таз диаметром 0,5 и высотой 0,12 м, заполненный органическим тленом и фрагментами упавших сверху досок. Дно тазика с двух сторон усилено полосками-пластинами, приклепанными по периметру основания тонкими штифтиками (Прил. 3, Каталог, ***47***). На поверхности тлена, заполнявшего сосуд, лежали осколок его же донной части и железная пряжка в виде прямоугольной рамки размером 7 × 4,5 см (рис. 24, 25; Прил. 3, Каталог, ***38***).

В западной части этой же половины камеры лежали железные детали (дужка, части обода и проушин) истлевшего деревянного ведра (рис. 27, Прил. 3, Каталог, ***52***). У самой западной стенки, частично на ней, были обнаружены се-

Рис. 23. Нож с рукоятью, обвитой серебряной проволокой (до реставрации). Прил. 3, Каталог, ***35***

Рис. 24. Обломок латунного таза, лежавший на поверхности его заполнения (до реставрации)

Рис. 25. Железный предмет — пряжка (?), лежавший в латунном тазу (Прил. 3, Каталог, ***38***)

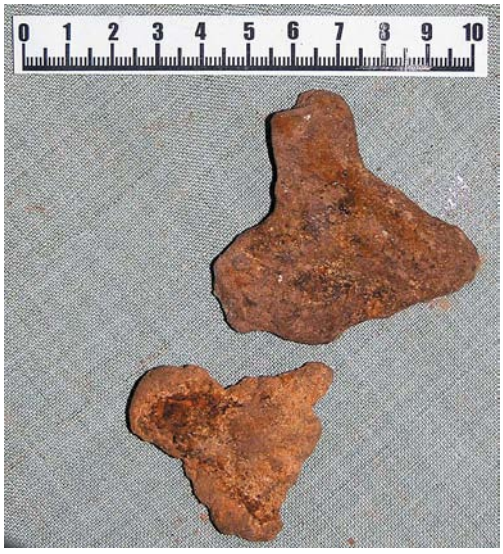


Рис. 26. Шипы железные. Погребение 1

ребряные детали, украшавшие несохранившиеся предметы из органических материалов. Это тонкая полоса (Прил. 3, Каталог, ***33***) листового серебра длиной до 22 и шириной 1 см, вероятно, окантовывавшая край небольшого деревянного сосуда, и маленькая обоймица размером 1,5 × 1,1 см, орнаментированная по периметру точечным пуансоном (Прил. 3, Каталог, ***26***), крепившаяся к краю кожаного кошелька. Обоймица представляла собой увеличенную копию маленьких обоймиц края кошелька(?)-сумочки, найденных на костяке, что снова, как и в случае с ювелирным убором, указывает на единый источник покупки (изготовления) предметов обихода. Обоймица крепилась к кожаному краю серебряными штифтиками с расклепанными концами. Способ крепления серебряной декоративной полосы к изделию неясен, на нем нет никаких отверстий или иных конструктивных особенностей. Возможно, край небольшого по диаметру сосуда был окован (обтянут) тонкой серебряной полоской. Подобное оформление верхнего края деревянных

Рис. 27. Ручка и фрагменты железной оковки деревянного ведра (in situ). Старовознесенский I раскоп, участок В, кв. Д12 (Прил. 3, Каталог, ***52***)

сосудов, в частности ковша, известно: например по погребению № 122 в Киеве (Каргер, 1958, табл. XXVI.2; а—е). Однако рельеф сохранившейся части не подтверждает это предположение — полоса имела лишь небольшой плавный изгиб по длине в средней части протяженности, который отражал ее положение в момент находки: частью на стене, частью на полу. Не исключено использование полосы как декора кошелька, обоймица от которого была найдена рядом.

Следует подчеркнуть, что в момент находки серебро полосы имело очень «мягкую» консистенцию и «затвердело» лишь после реставрационных мероприятий и длительного пребывания на воздухе.

Погребальное ложе

Само погребальное ложе при раскопках обнаружено не было. Однако о существовании в камере неких приспособлений, особо оформлявших место последнего упокоения погребенной, свидетельствовал ряд наблюдений и находок.

Поза погребенной (полусидячая) и заключение Д. В. Пежемского о посмертном расположении костей указывали на наличие некого возвышения, на котором изначально находилось тело, а также конструкции, поддерживавшей его при совершении обряда погребения (см. статью Д. В. Пежемского в т. II настоящего издания).

Вероятно, с остатками оформления места захоронения связаны фрагменты досок, прослеженные под костяком и имеющие направление, перпендикулярное настилу пола (Прил. 1, *7*). Возможно, с этим же связана часть деревянных фрагментов, лежащих вдоль захоронения: между костяком и стенками сруба с трех сторон и между останками и широкой «центральной» доской. Несколько обломков досок такого же направления прослежено «в ногах» и непосредственно под скелетом. Еще одна доска, поперечная указанным, также может быть связана с ложем. Она, отличная по сохранности от состояния пола, но совпадающая с ним по направлению, находилась в районе тазобедренного сустава.

Не исключено и существование «мягких» приспособлений типа подушек. «За головой», на уровне пола, частично под верхним отделом грудной клетки и «в ногах» фиксировались пятна темно-коричневого гумуса, структура которого отличалась от древесного тлена настила пола. Мощность этого слоя была ок. 1—1,5 мм. Особенно плотным он был «в головах». Вокруг костей плечевых суставов и позвоночника пятно гумуса имело рваные края, частично подстилало их. Размеры пятна по крайним точкам промера 0,65 × 0,65 м. Подобные пятна отмечены в камерном захоронении 4 и, вероятно, связаны с устройством погребального ложа.

Маркировка положения гвоздей указывает на их использование в целях специального оформления той части усыпальницы, где находилось тело. Гвозди могли крепить деревянную обшивку (доски) нижней части усыпальницы к стенам сруба. Правда, при таком варианте остается необъяснимой находка гвоздя в «центральной» доске, отдаленной от стен усыпальницы. Вероятно, гвоздями могли быть прибиты ткань или шкуры, выстилавшие пол северо-восточной части погребальной камеры, в которой находилось захоронение.

Это косвенно подтверждается и относительно небольшим количеством гвоздей, достаточных для крепежа текстиля или кожи, но малочисленных для устройства каких-либо самостоятельных деревянных конструкций.

Оснований для детальной реконструкции ложа недостаточно.

Кости животных

При выборке заполнения камеры в кв. Г12 на уровне –265 была найдена небольшая косточка.

В кв. Д12 под разделяющей камеру доской, в слое, идентичном слою заполнения, найдено несколько костей животного (–342). Рядом, в 0,2 м к юго-востоку от них, на доске настила южной части камеры лежала кучка мелких костей птицы, среди которых узнавались бедренные кости. Наличие песка между доской и костями указывает на то, что он просыпался на кости до того, как упала доска.

Фрагмент неопознанной трубчатой кости найден в 0,2 м к северу от костей левой стопы скелета.

Материковая яма

После снятия останков погребенной и сопровождающих находок были разобраны остатки пола на дне камеры и деревянные стены (рис. 28). При зачистке стало ясно, что гумусированные пятна с включениями древесного тлена, соотнесенные с полом камеры, распространяются за пределы сруба (Прил. 1, *9*). Края настила пола были перекрыты слоем, заполнявшим пространство между стенками ямы и сруба.

Рис. 28. Западная стенка ямы погребения 1. Слой серой супеси и остатки сруба-гробницы (в нижней части стены). Старовознесенский I раскоп, участок В. Вид с востока

Далее снимался слой серого гумуса, залегавший по стенам ямы, маркировавший погребение на поверхности, по которому выбиралось заполнение (Прил. 1, *7 а*, *б*). Толщина вертикально, а местами наклонно залегавшего слоя серого гумуса была от 0,01 до 0,18 м. Он состоял из различных по площади участков, как бы облицовывавших стенки ямы. Эти пятна имели размер от 0,4–0,5 м в поперечнике. Восточную стенку слой покрывал полностью. На северной стене усматривались отдельные пятна подчетырехугольной формы размером 0,5 × 0,8 — 0,4 × 0,7 м.

Под серым слоем на стенках открылась перемещенная материковая порода, заполнявшая пространство между срубом и стеной ямы. Это был слой пылеватого желтого песка, под ним пятна — затеки белесого мелкого кварцевого песка, очень похожие на песок на дне.

После снятия этого песка открылись достоверные стенки ямы, вырытой в плотном, глинисто-каменистом моренном горизонте, залегающем в этой местности под шлейфом пылеватых песков с прослоями пластичных супесей. Морена была представлена очень плотным слоем, состоящим из линз и кусков красной глины, щебня, гранитных валунов разного размера, известняковых плит, разноразмерного щебня, гравия и гальки. Этот слой трудно, практически невозможно было копать даже современными лопатами, поэтому границы ямы на нижнем уровне, располагавшемся в плотном суглинке, устанавливались безошибочно. Интересно, что слой заполнения камеры, некогда бывший насыпью кургана, не содержал этой тяжелой породы, а полностью был представлен рыхлым песчано-супесчаным грунтом (Прил. 1, *9*).

Трудозатратность устройства погребального сооружения, в частности рытья самой ямы, вероятно, также подчеркивает определенный социальный статус погребенной. Вероятно, захоронение производилось на территории уже существовавшего некрополя и главным для его устроителей было совершение захоронения именно в этом месте, а не «удобство или легкость» устройства погребального сооружения.

На дне ямы, ниже уровня остатков пола открылись пятна слабогумусированной материковой породы, вероятно, маркирующие уровень начала строительства камеры.

В придонной части яма приобрела более правильные очертания — прямоугольные со скругленными углами. Размеры ямы на уровне погребения (по осям): 3,6–4 (С—Ю) × 4,5 (З—В) м. Глубина от поверхности материка — до 1,8 м (с учетом существования погребенной почвы — до 2 м), от современной дневной поверхности — до 4 м. Ее размеры значительно превосходили

Рис. 29. Яма камерного погребения 1. Старовознесенский I раскоп, участок Б, В. Вид с севера

размеры деревянного сруба, занимавшего в ней центральное положение. Яма имела вертикальные стенки, аккуратно вырезанные в плотной геологической породе округлые углы. Дно ямы было ровным, горизонтальным (рис. 29).

Выводы

Вещевой материал и особенности обряда первого камерного погребения из Старовознесенского раскопа определяют хронологические рамки времени захоронения как «не ранее сер. X — нач. XI в.». Ряд наблюдений за особенностями вещевого материала, отраженных в описании и других статьях этой книги, позволяет сузить временну́ю границу до 3-й четверти — конца X в.

Этническая принадлежность погребенной довольно полно характеризуется позой и элементами ювелирного набора как скандинавская. Однако обращает на себя внимание присутствие «гибридных» ювелирных украшений с регулярной «славянской» зернью, лунницы и наличие ножей «нескандинавского» типа.

Размеры погребального сооружения, богатый сопровождающий инвентарь, состоящий из представительного ювелирного убора (в том числе украшений из серебра и золота), объемной утвари и разнообразных бытовых вещей (таз, ведро, сундучок, ножи, кошелек, деревянные сосуды с металлическими оковками), предметов торговли (весовой набор), позволяют уверенно определить достаточное материальное положение и соответствующий ему значительный социальный уровень женщины, захороненной в погребении 1.

Характер прослеженного обряда, несомненно, дуалистичен. Он в равной мере совместил в себе следы уходящего, языческого мировоззрения и элементы нового — христианского. В пользу последнего достаточно веско свидетельствуют наличие крестов (в том числе и на византийских монетах), ориентация костяка, а также сама датировка памятника.

В историческом контексте он соответствует временам Ольги, Святослава и Владимира, ранним периодам христианизации (подробно: Мусин, 2002), затронувшей в первую очередь элитные слои полиэтничного общества Древней Руси, в котором значительную роль играл скандинавский элемент, уже теряющий свою обособленность в условиях становления восточнославянской государственности в рамках формирующейся древнерусской народности.

Неожиданная находка 1-го камерного захоронения, сделанная при охранных раскопках у Старовознесенского монастыря на территории, ставшей лишь на рубеже XV–XVI вв. Окольным

городом Пскова, на месте, где археологи не предполагали обнаружить ничего ранее XV в., свидетельствовала о существовании рядом с открытым захоронением других значительных погребальных древностей «камерного» круга, что и подтвердилось последующими находками.

E.A. Yakovleva

Chamber Grave 1

(60a, Sovetskaya str.
Old Ascention excavation I, 2003/2004)

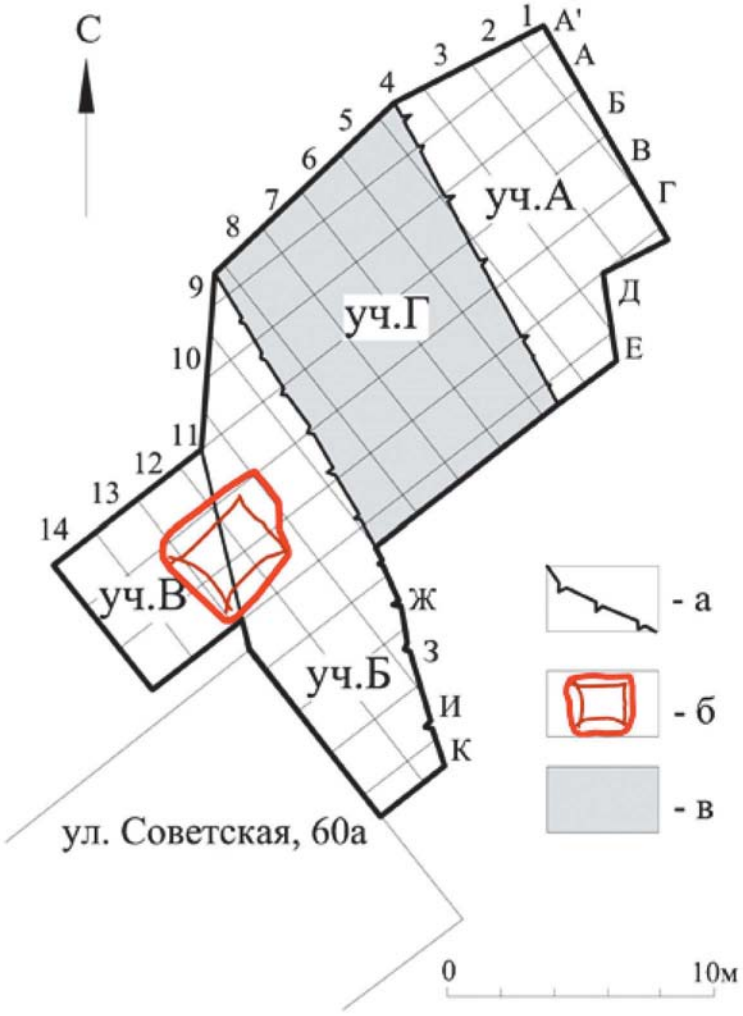
Summary

The first chamber grave was discovered in December 2003 at the completion of the excavations that preceded the construction of a new building in Sovetskaya street, 60. The discovery of a woman's burial of the second half of the Xth century, in the area of the historical center of Pskov, which became an urban area only in the third quarter of the XVth century was a surprise even to archaeologists. The grave had all features allowing to attribute it to the type of chamber graves. In a large-sized wooden frame about 3.4 × 2.7 m size, there were found alongside with the human remains more than 60 items (including fragments), among which, besides jewelry, household equipment, decorative items of clothing and utensils were kept.The richness and diversity of the complex testify to a high social status and material prosperity of the family to which the woman belonged. The presence of a silver crucifix and a number of other finds and observations suggest that she was one of the first Russian Christians. The discovery of the first burial allowed to ascertain as early as in 2003 that a previously unknown necropolis, which could have included other chamber graves was found in Pskov.

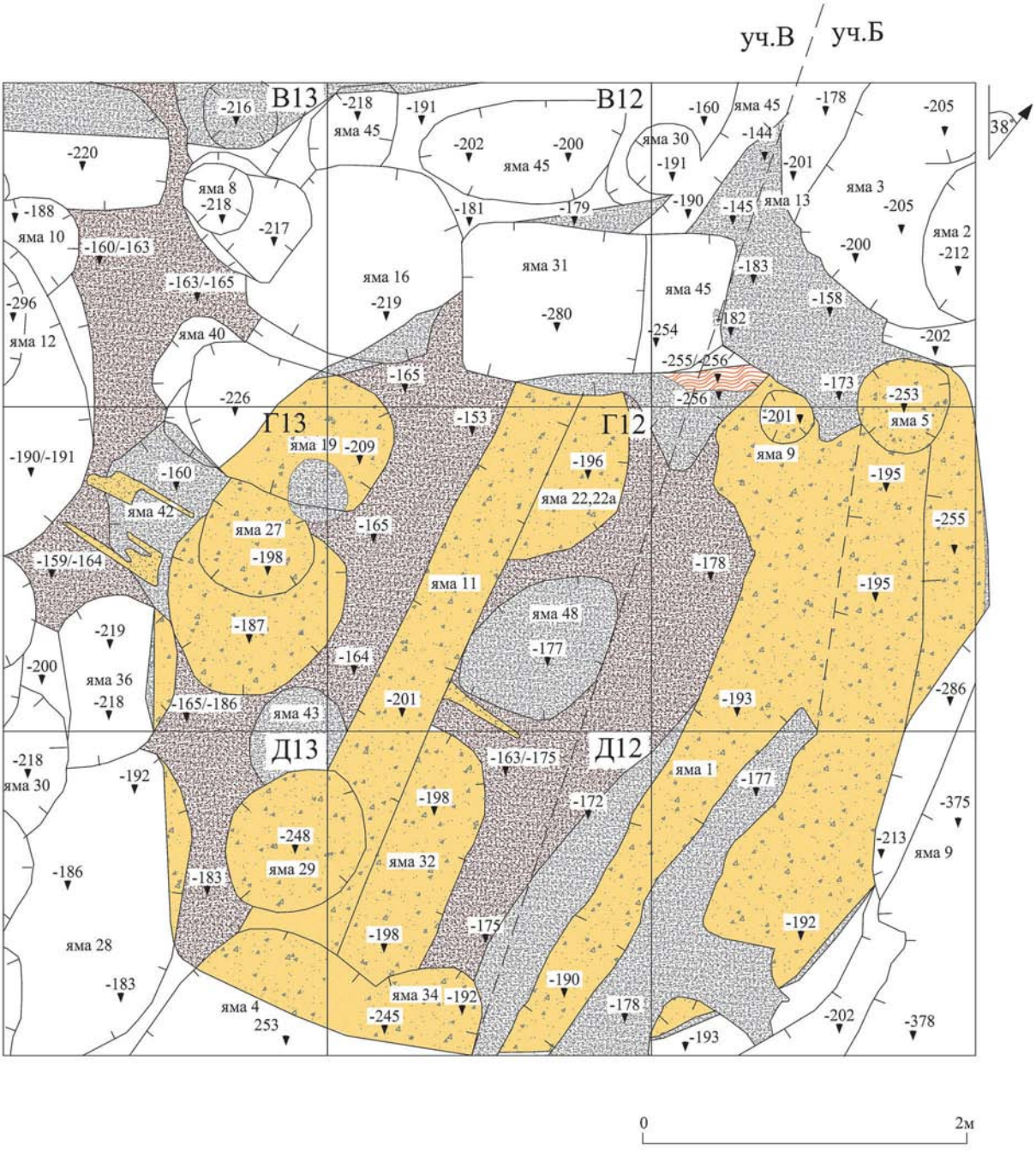
Приложение 1

ЧЕРТЕЖИ
Камерное погребение 1
Старовознесенский I раскоп, 2003–2004 гг.

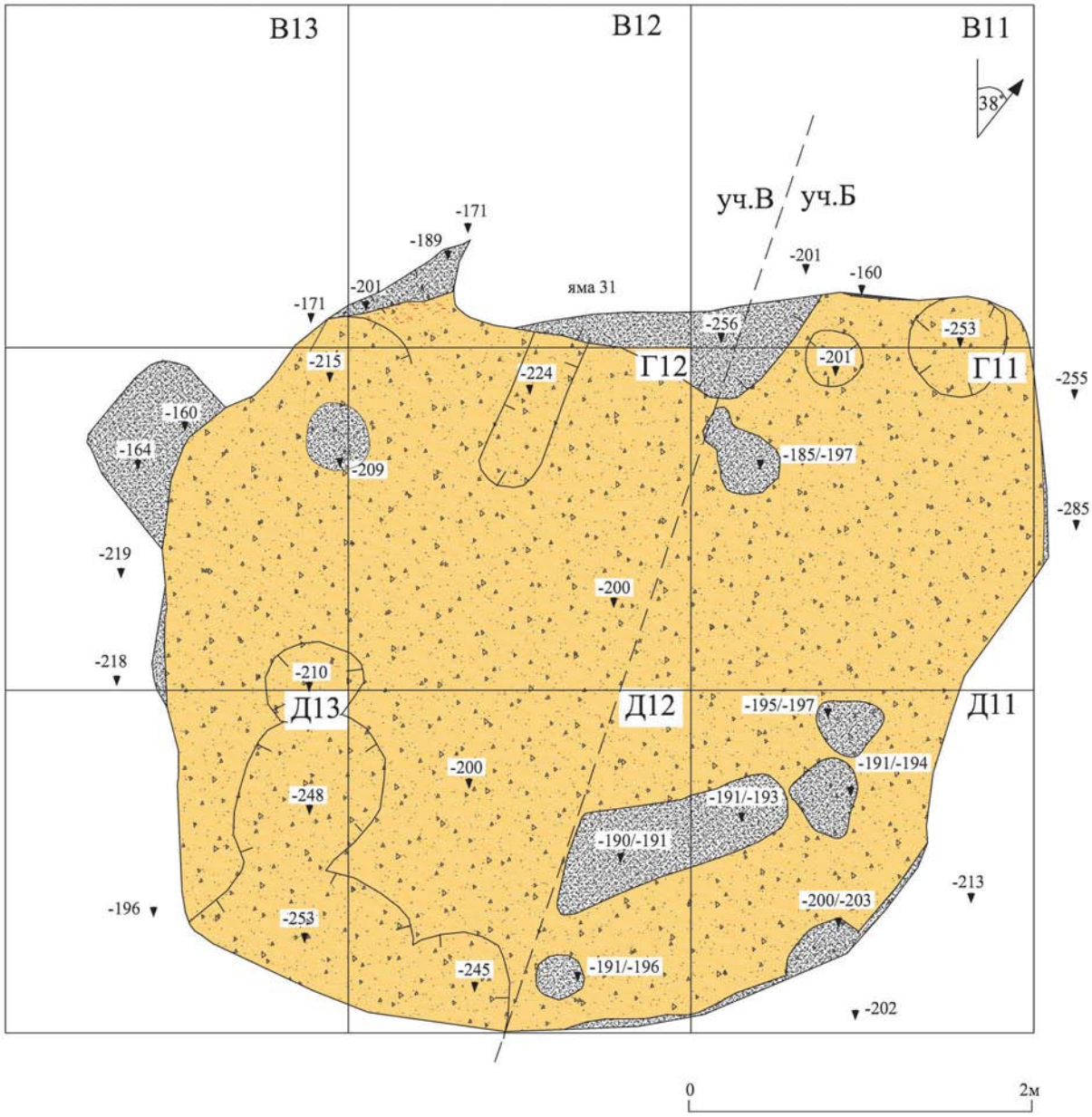
DRAUGHTS
Chamber Grave 1
Starovoznesensky I excavation, 2003–2004 years



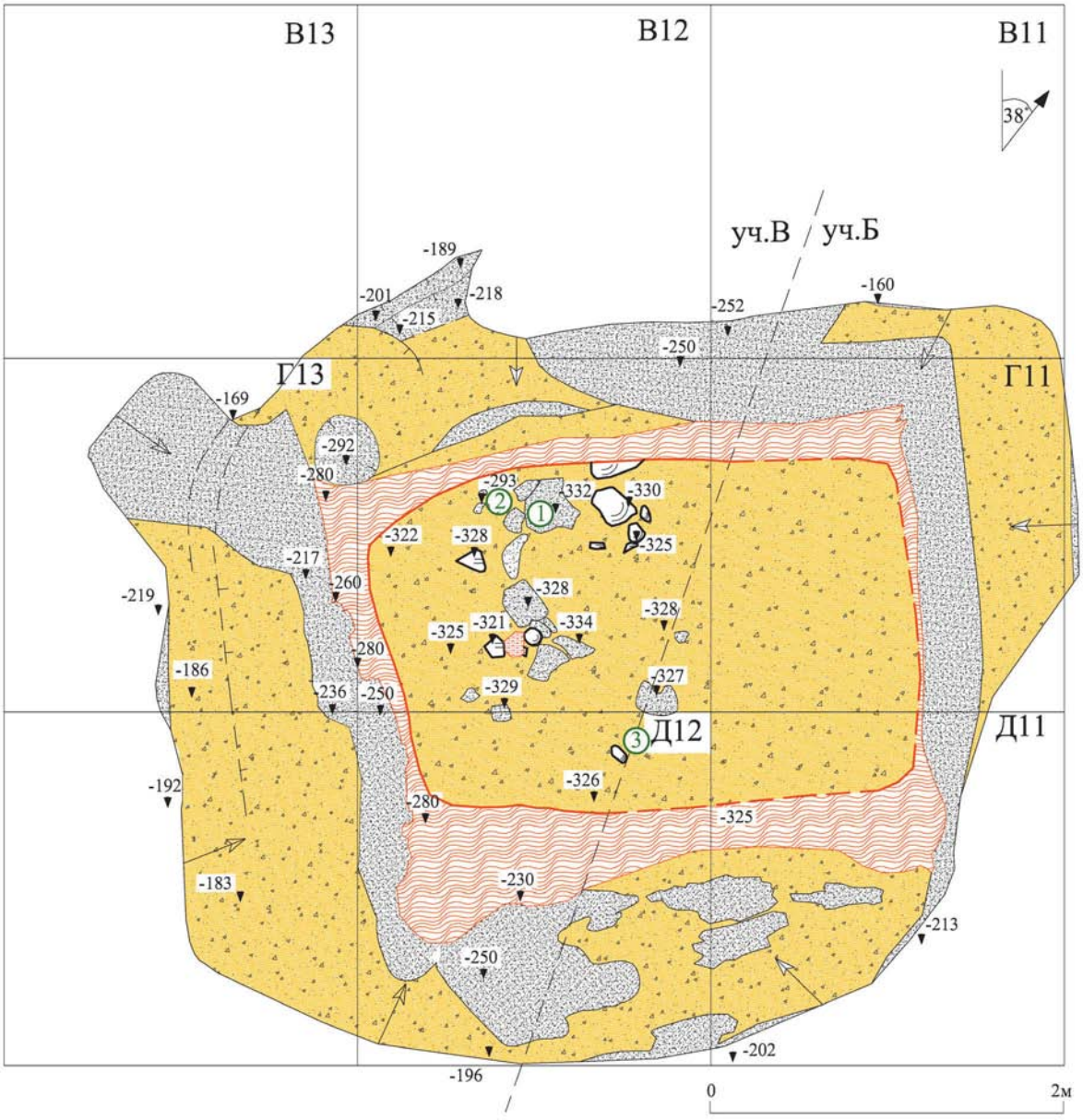
1. Схема Старовознесенского I раскопа. Условные обозначения: а — линия кладки стен здания XIX–XX вв.; б — погребение 1; в — зона перекопа



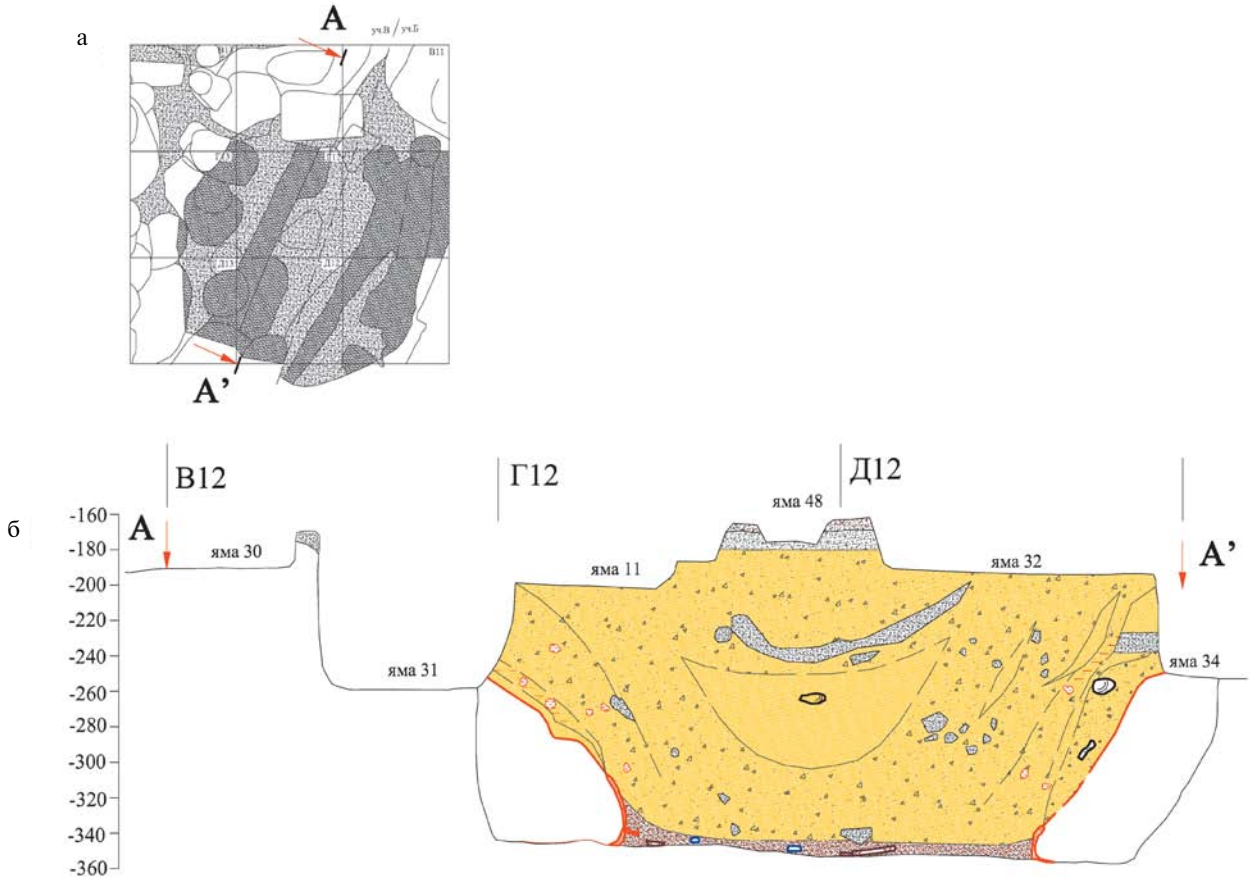
2. Предматериковые отложения над погребением 1.
Старовознесенский I раскоп, участки Б, В, пласты 8–10



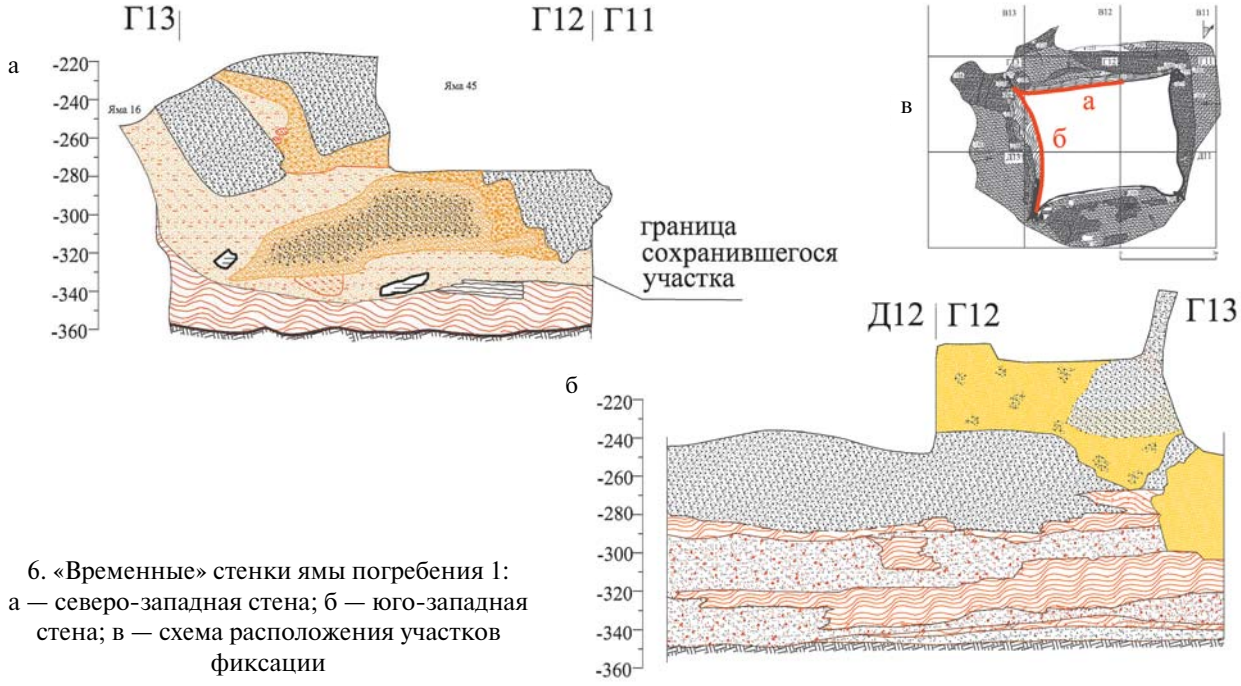
3. Пятно камерного погребения 1 на уровне 8–10 пластов. Старовознесенский I раскоп, участки Б, В



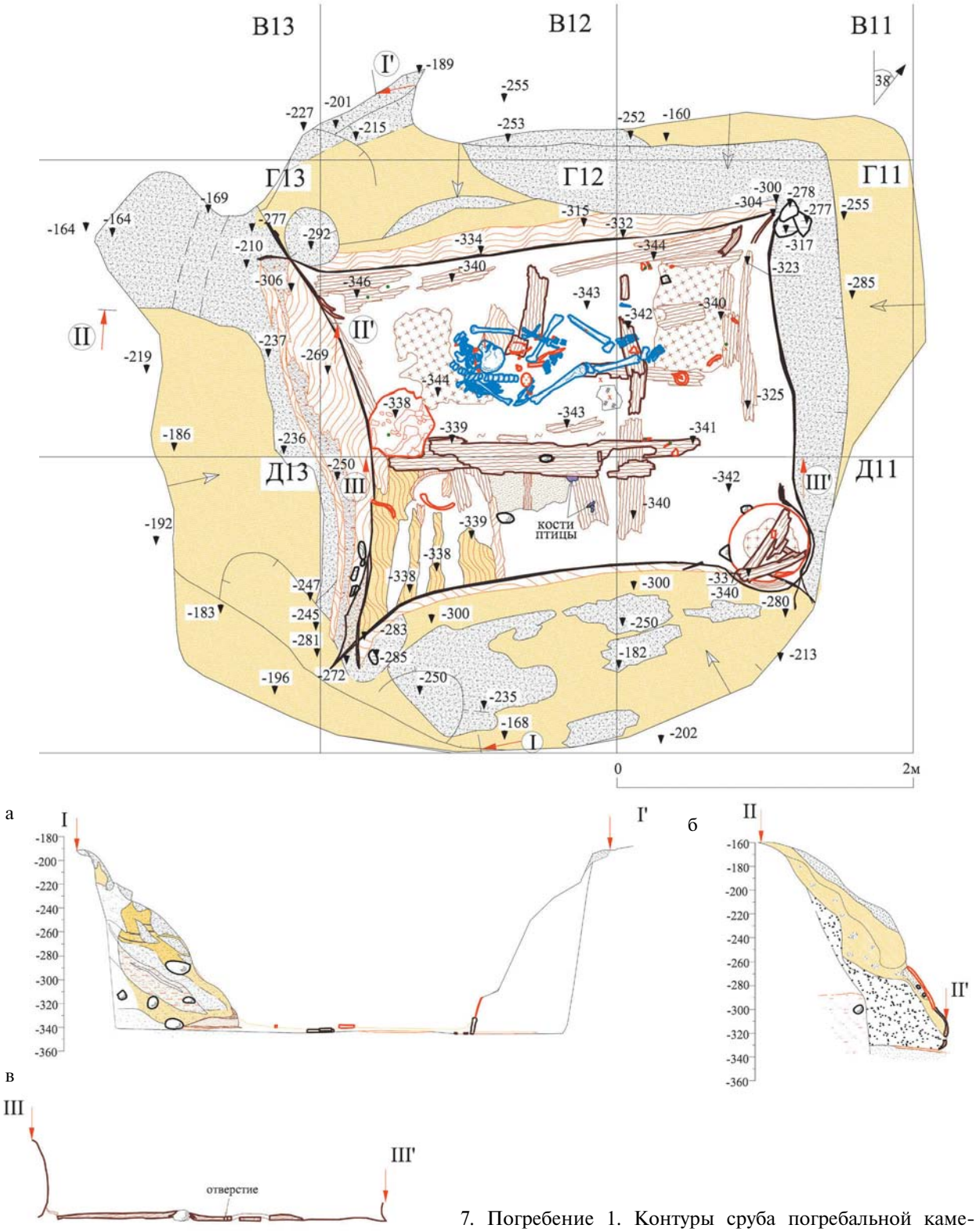
4. Серая супесь и остатки деревянных конструкций перекрытия камеры погребения 1. Старовознесенский I раскоп, участок Б, В



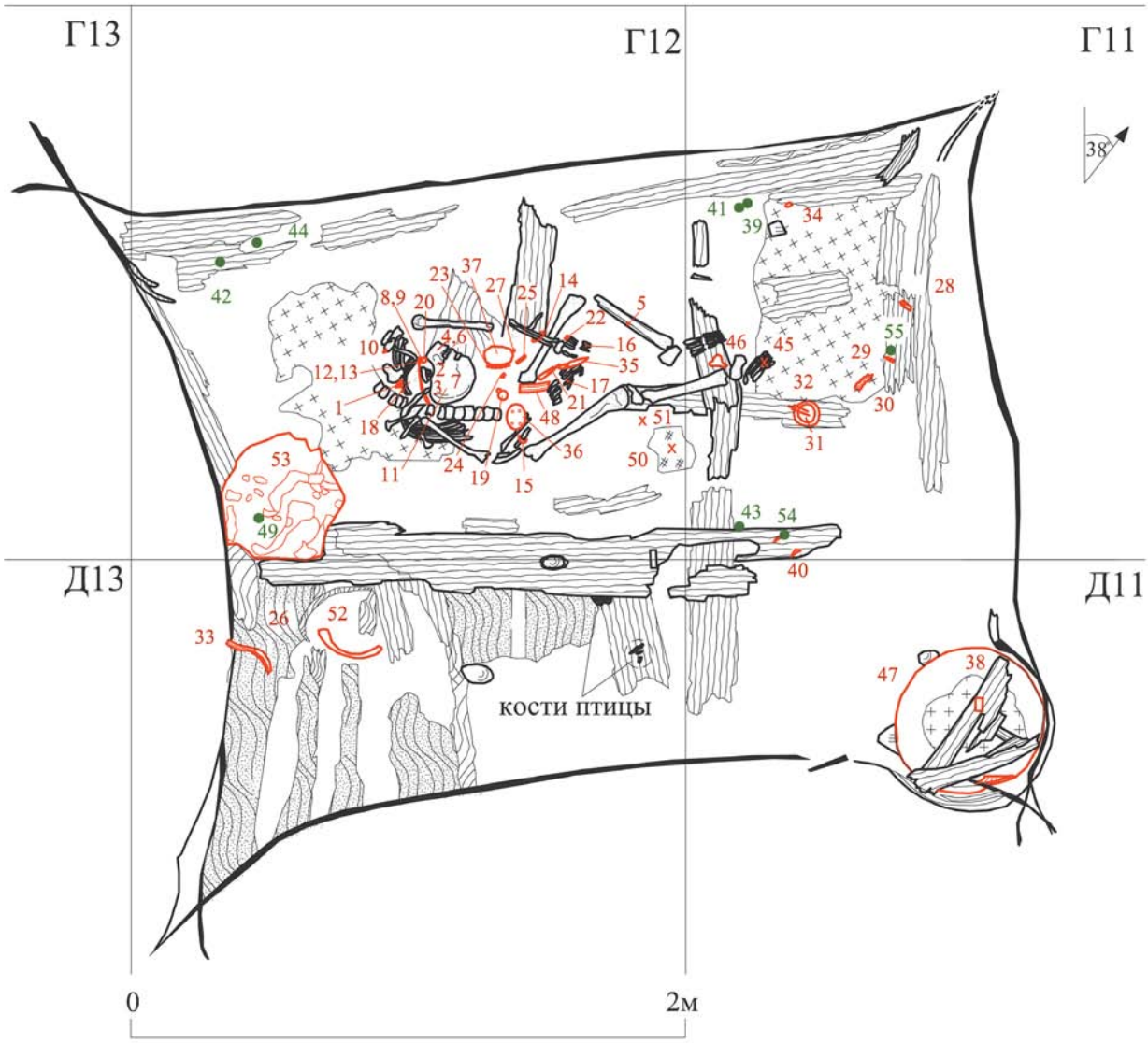
5. Разрез заполнения камерного погребения 1 (стратиграфическая бровка), уч. В:
а — схема расположения разреза



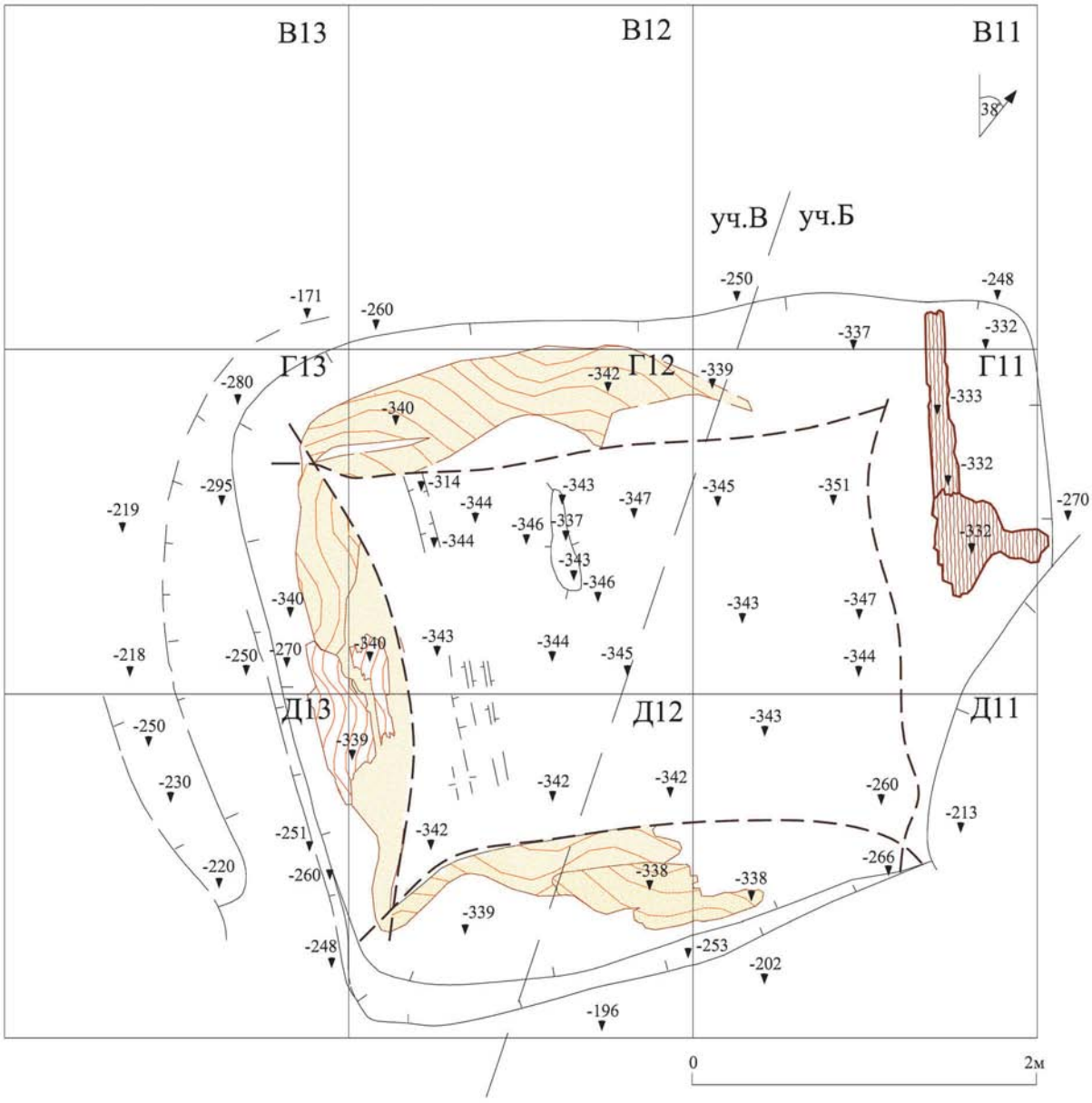
6. «Временные» стенки ямы погребения 1:
а — северо-западная стена; б — юго-западная стена; в — схема расположения участков фиксации



7. Погребение 1. Контуры сруба погребальной камеры 1 и пятна серой супеси на временных стенках ямы. Старовознесенский I раскоп, участки Б, В. План и разрезы нижней части заполнения камеры и слоя, залегающего между серой супесью и материковыми стенками ямы: а — разрез I–I; б — разрез II–II; в — разрез III–III



8. Схема расположения находок. Камерное погребение 1. Старовознесенский I раскоп, участки Б, В



9. Яма камерного погребения 1. Пятна гумуса и древесного тлена на дне, за пределами сруба

Приложение 2

СПИСОК НАХОДОК
Камерное погребение 1
Старовознесенский I раскоп, 2003–2004 гг.
(учетный шифр раскопа: П-03-СтВз)
Коллекция находится в фондах
Псковского государственного музея-заповедника

LIST OF FINDS
Chamber Grave 1
Starovoznesensky I excavation, 2003–2004 years
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
1	**Ожерелье из 15 бус** (кв. Г12, вокруг черепа). Серебро — а, стекло цветное — б–п. *Necklace with fifteen beads.* *Silver — a, coloured glass — б–п.*	_43_ 28
2	**Бусина зонная зеленая на проволочном кольце с завязанными концами** (кв. Г12, под черепом). Золото, стекло. Волочение, ковка. *Green zone bead on the wire ring with knotted terminals.* *Gold, glass. Drawing, forging.*	_54_ 38
3	**Бусина ребристая зеленая** (кв. Г12, под черепом). Стекло. *Green ribbed bead.* *Glass.*	_27_ 51
4	**Бусина зонная красная** (кв. Г12, под нижней челюстью). Стекло. *Red zone bead.* *Glass.*	_28_ 52
5	**Бусина зонная белая с инкрустацией** (кв. Г12). Стекло. *White bead with inlay.* *Glass.*	_44_ 29
6	**Бусина биконическая граненая** (кв. Г12, под нижней челюстью). Янтарь. *Biconical faceted bead.* *Amber.*	_26_ 50
7	**Бусина круглая, орнаментированная зернью** (кв. Г12, под черепом). Серебро. Штамповка, зернь. *Boll-shaped bead decorated with granulated ornament.* *Silver. Stamping, granulation.*	_53_ 37
8	**Подвеска-маска** (кв. Г12). Серебро. Штамповка, скань, зернь. *Pendant-mask.* *Silver. Stamping, filigree, granulation.*	_46_ 31
9	**Подвеска-маска** (кв. Г12, под черепом). Серебро. Штамповка, скань, зернь. *Pendant-mask.* *Silver. Stamping, filigree, granulation.*	_56_ 41
10	**Крест (**кв. Г12, между ребрами). Серебро. Ковка, чеканка. *Cross.* *Silver. Forging, punching.*	_24_ 54
11	**Подвеска-лунница (**кв. Г12, под черепом). Серебро. Ковка, золочение, скань, зернь. *Lune pendant.* *Gilded silver. Forging, filigree, granulation.*	_57_ 42

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
12	**Монета-подвеска. Милиарисий. Византия, Роман I (920–945 гг.) (**кв. Г12, под черепом). Серебро. Чеканка, золочение. *Coin-pendant of Byzantine Emperor Roman I.* *Gilded silver. Minting.*	_52_ 39
13	**Монета-подвеска. Милиарисий. Византия, Константин VII и Роман II (945–959 гг.) (**кв. Г12, под черепом). Серебро. Чеканка, золочение. *Coin-pendant of Byzantine Emperors Konstantine VII and Roman II.* *Gilded silver. Minting.*	_55_ 40
14	**Браслет (**кв. Г12). Серебро. Ковка. *Armring.* *Silver. Forging.*	_40_ 25
15	**Браслет (**кв. Г12). Серебро. Ковка. *Armring.* *Silver. Forging.*	_58_ 43
16	**Перстень пластинчатый широкосрединный (**кв. Г12). Серебро. Ковка. *Lamellate fingerring with wide middle part.* *Silver. Forging.*	_41_ 26
17	**Перстень со вставкой (**кв. Г12). Серебро, голубой фаянс. Ковка, скань, пайка. *Fingerring with a bezel.The bezel is set with a blue faience.* *Silver, blue faience. Forging, filigree, soldering.*	_42_ 27
18	**Гривна шейная (**кв. Г12). Серебро. Ковка. *Neckring.* *Silver. Forging.*	_45_ 30
19	**Фибула с кольцом, орнаментированная рубчатой и гладкой проволокой и зернью** (кв. Г12, между фибулами). Серебро. Штамповка, ковка, волочение, скань, зернь, пайка. *Brooch with a ring decorated with beaded and plane wire and granulation.* *Silver. Stamping, forging, drawing, filigree, granulation, soldering.*	_60_ 45
20	**Фибула подковообразная (**кв. Г12, под верхней челюстью). Серебро. Ковка, волочение. *Annular brooch.* *Silver. Forging, drawing.*	_21_ 53
21	**Копоушка с отверстием для подвешивания (**кв. Г12). Кость. Резание, сверление, шлифовка. *Kopoushka (little spade for cleaning ears) with hole for hanging.* *Bone. Carving, drilling, polishing.*	_48_ 33
22	**Ключ. Фрагмент (**кв. Г12). Железо. Ковка. *Key. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_59_ 44
23	**Обоймицы края кошелька (?) (**кв. Г12, под левой фибулой). Серебро. Ковка, чеканка. *Cramps of the purse (?) edge.* *Silver. Forging, punching.*	_49_ 34
24	**Ножницы пружинные с колечком для привешивания. Фрагменты (**кв. Г12). Железо, серебро. Ковка. *Shears with wire ring for hanging in fragments.* *Iron, silver. Smithing.*	_61_ 46
25	**Обоймица края сосуда (?) с кусочком дерева (**кв. Г12, у левой фибулы). Серебро, дерево. Ковка, чеканка. *Cramp of the vessel brim (?) with the bit of wood.* *Silver, wood. Forging, punching.*	_29_ 48

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
26	**Обоймица края кошелька (?) с остатками кожи (**кв. Д12, из западной стенки сруба (?)). Серебро, кожа. Ковка, чеканка. *Cramp of the purse (?) edge with the remains of leather.* *Silver, leather. Forging, punching.*	_33_ 19
27	**Брусочек точильный на проволочном колечке (**кв. Г12). Сланец, бронза. Сверление, шлифовка. *Pendant-whetstone with wire ring for hanging.* *Slate, bronze. Drilling, polishing.*	_23_ 55
28	**Обоймица с кольцом (**кв. Г11). Серебро, бронза. Чеканка. *Cramp with ring.* *Silver, bronze. Punching.*	_1_ 1
29	**Лезвие ножа** (кв. Г11). Железо. Ковка. *Blade of the knife.* *Iron. Smithing.*	_17_ 183
30	**Рукоять ножа, обвитая проволокой (**кв. Г11). Дерево, серебро. Волочение. *Knife handle twined round with wire.* *Wood, silver. Drawing.*	_5_ 5
31	**Чашечки весов. Фрагменты** (кв. Г11). Латунь. Токарный станок. *Pans of the balance in fragments.* *Brass. Lathe spinning.*	_14_ 14
32	**Коромысло весов (**кв. Г11). Латунь. Литье, чеканка. *Folding beam of the balance.* *Brass. Casting, punching.*	_6_ 6
33	**Предмет пластинчатый — накладка (?). Фрагменты** (кв. Д12). Серебро. Ковка. *Lamellate mount (?) in fragments.* *Silver. Forging.*	_37_ 22
34	**Гирьки (**кв. Г11). Железо, медная оболочка. Литье, чеканка. *Small weights.* *Iron, copper. Casting, punching.*	_15_ 15
35	**Нож с деревянной рукоятью, обвитой проволокой (**кв. Г12). Железо, дерево, серебро. Ковка, волочение. *Knife with the handle twined round with wire.* *Iron, wood, silver. Smithing, drawing.*	_47_ 32
36	**Фибула овальная двускорлупная с кольцом для цепочки (**кв. Г12). Латунь, позолота, серебро. Литье, штамповка, волочение. *Double-shelled oval brooch with wire ring for a chain.* *Gilded brass, silver. Casting, stamping, drawing.*	_38_ 23
37	**Фибула овальная двускорлупная с кольцом для цепочки (**кв. Г12). Латунь, позолота, серебро. Литье, штамповка, волочение. *Double-shelled oval brooch with wire ring for a chain.* *Gilded brass, silver. Casting, stamping, drawing.*	_39_ 24
38	**Рамка прямоугольная (**кв. Д11, в чаше). Железо. Ковка. *Rectangular frame.* *Iron. Smithing.*	_3_ 3
39	**Гвоздь (**кв. Г11). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_4_ 4

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
40	**Предмет (**кв. Г11). Железо. Ковка. *Object.* *Iron. Smithing.*	_2_ 2
41	**Гвоздь (**кв. Г11, на досках настила). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_8_ 8
42	**Гвоздь (**кв. Г12, под доской). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_35_ 20
43	**Гвоздь. Фрагмент (**кв. Г11, в доске настила). Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_13_ 13
44	**Гвоздь (**кв. Г12, под доской). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_36_ 21
45	**Шип ледоходный (**кв. Г11, под фалангами правой стопы). Железо. Ковка. *Crampon.* *Iron. Smithing.*	_10_ 10
46	**Шип ледоходный (**кв. Г11, под фалангами левой стопы). Железо. Ковка. *Crampon.* *Iron. Smithing.*	_9_ 9
47	**Таз (**кв. Д11). Латунь. Ковка, клепка. *Basin.* *Brass. Smithing, riveting.*	_12_ 12
48	**Гребень односторонний в футляре (**кв. Г12). Кость. Резание. *Single-sided comb in the case.* *Bone. Carving.*	_51_ 36
49	**Гвоздь (**кв. Г12, слой заполнения камеры). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_18_ 180
50	**Сосуд гончарный. Фрагмент (**кв. Г12, слой заполнения камеры). Глина. *Wheel-thrown vessel. Fragment.* *Clay.*	_20_ 182
51	**Сосуд гончарный. Фрагмент (**кв. Г12, слой заполнения камеры). Глина. *Wheel-thrown vessel. Fragment.* *Clay.*	_19_ 181
52	**Дужка ведра (**кв. Д12). Железо. Ковка. *Bail of the bucket.* *Iron. Smithing.*	_32_ 18
53	**Детали сундука: оковки, ручка, замок. Фрагменты (**кв. Г12). Железо. Ковка. *Details of the chest: bindings, holder, lock in fragments.* *Iron. Smithing.*	_30_ 17

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
54	**Гвоздь (**кв. Г11, в доске настила). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	–11– 11
55	**Гвоздь (**кв. Г11). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	–16– 16
56	**Ткань. Фрагменты (**кв. Г12, с внутренней стороны левой фибулы). Шелк. *Textile in fragments.* *Silk.*	–22– 56

Приложение 3

КАТАЛОГ

Камерное погребение 1

Старовознесенский I раскоп, 2003–2004 гг.
(учетный шифр раскопа: П-03-СтВз)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

CATALOGUE

Chamber Grave 1

Starovoznesensky I excavation, 2003–2004 years
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

Ожерелье из 15 бус (кв.Г12, вокруг черепа).
Серебро – а, стекло цветное – б-п.
Necklace with fifteen beads.
Silver – а, colored glass – б-п.

Бусина зонная зеленая на проволочном кольце с завязанными концами
(кв.Г12, под черепом).
Золото, стекло.
Волочение, ковка.
Green zone bead on the wire ring with knotted terminals.
Gold, glass. Drawing, smithing.

0 1см

Бусина ребристая зеленая
(кв.Г12, под черепом).
Стекло.
Green ribbed bead. Glass.

Бусина зонная красная
(кв.Г12, под нижней челюстью).
Стекло.
Red zone bead. Glass.

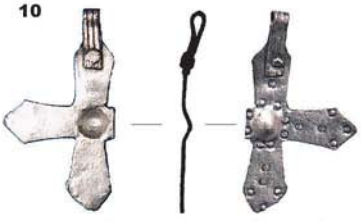
Бусина зонная белая с инкрустацией
(кв.Г12).
Стекло.
White bead with inlay. Glass.

Бусина биконическая граненая
(кв.Г12, под нижней челюстью).
Янтарь.
Biconical faceted bead. Amber.

Бусина круглая, орнаментированная зернью
(кв.Г12, под черепом).
Серебро. Зернь.
Boll-shaped bead decorated with granulated ornament. Silver. Granulation.

Подвеска-маска
(кв.Г12).
Серебро. Литье, скань, зернь.
Pendant-mask.
Silver. Casting, filigree, granulation.

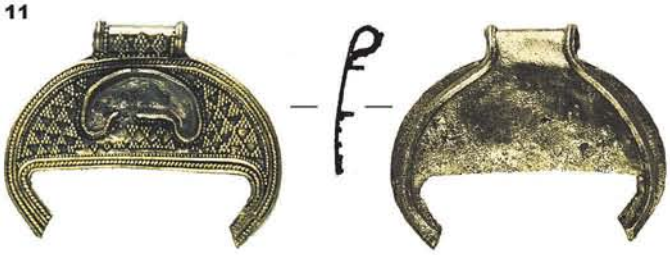
Подвеска-маска
(кв.Г12, под черепом).
Серебро. Литье, скань, зернь.
Pendant-mask.
Silver. Casting, filigree, granulation.



Крест *(кв.Г12, между ребрами).*
Серебро. Литье, чеканка.
Cross. Silver. Forging, punching.

0 1см 3см

11



Подвеска-лунница
(кв.Г12, под черепом).
Серебро. Ковка, золочение, скань, зернь.
Lune pendant. Gilded silve. Smithing, filigree, granulation.

12

Монета-подвеска. Милиарисий. Византия, Роман I (920-945 гг.)
(кв.Г12, под черепом).
Серебро. Чеканка, золочение.
Coin-pendant of Byzanthine Emperor Roman I. Gilded silver. Minting.

13

Монета-подвеска. Милиарисий. Византия, Константин VII и Роман II (945-959 гг.)
(кв. Г12, под черепом).
Серебро. Чеканка, золочение.
Coin-pendant of Byzantine Emperors Konstantine VII and Roman II. Gilded silver. Minting.

14

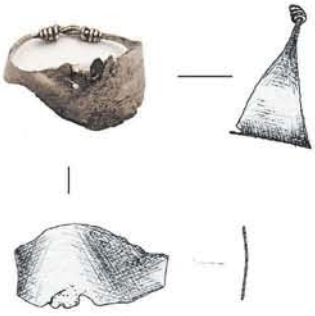
Браслет (кв.Г12).
Серебро. Ковка.
Armring. Silver. Forging.

15

Браслет (кв.Г12).
Серебро. Ковка.
Armring. Silver. Forging.

0 1см 3см

16

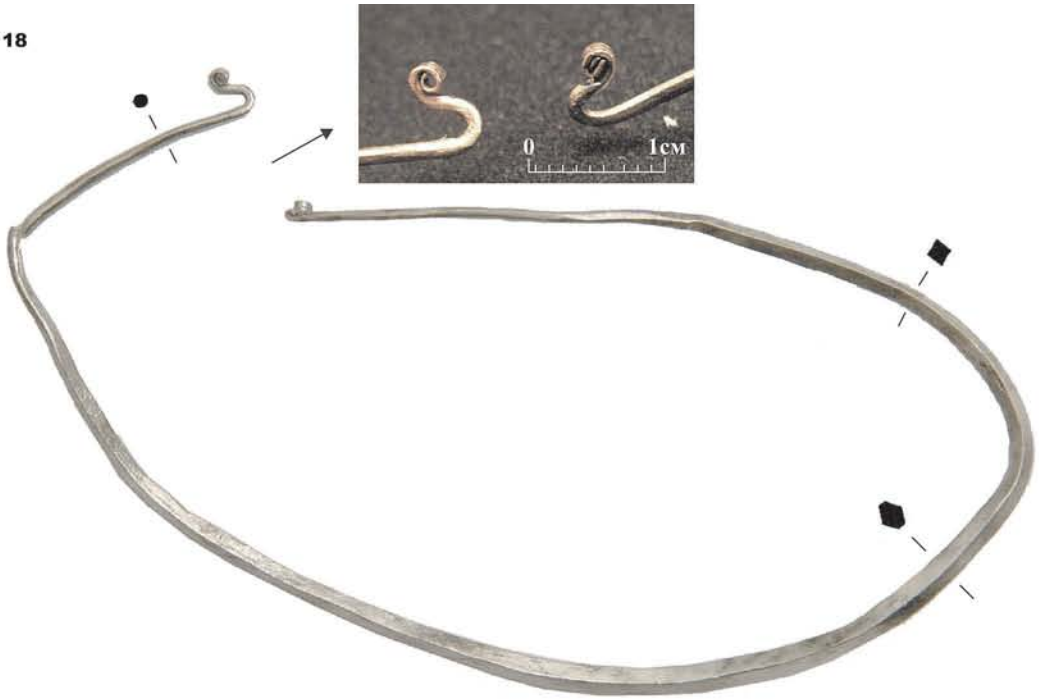


Перстень *пластинчатый широкосрединный* *(кв.Г12).*
Серебро. Литье.
Lamellate fingerring with wide middle part. Silver. Forging.

17

Перстень со вставкой (кв. Г12).
Серебро, голубой фаянс. Ковка, скань, пайка.
Fingerring with a bezel.The bezel is set with a blue faience. Silver, blue faience. Forging, filigree, soldering.

18

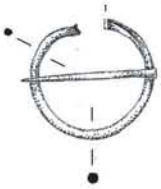


Гривна шейная (кв.Г12).
Серебро. Ковка.
Neckring. Silver. Forging.

19

Фибула с кольцом, орнаментированная рубчатой и гладкой проволокой и зернью (кв. Г12, между фибулами). Серебро. Штамповка, ковка, волочение, скань, зернь, пайка.
Brooch with a ring decorated with beaded and plane wire and granulation. Silver. Stamping, forging, drawing, filigree, granulation, soldering.

20



Фибула подковообразная (кв. Г12, под верхней челюстью).
Серебро. Ковка, волочение.
Annular brooch.
Silver. Forging, drawing.

22

Ключ. Фрагмент (кв.Г12).
Железо. Ковка.
Key. Fragment.
Iron. Smithing.

21

Копоушка с отверстием для подвешивания (кв.Г12).
Кость. Резание, сверление, шлифовка.
Kopoushka (little spade for cleaning ears) with hole for hanging. Bone. Carving, drilling, polishing.

0 1см 3см

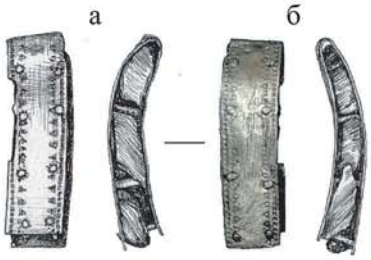
23

Обоймицы края кошелька(?)
(кв.Г12, под левой фибулой).
Серебро. Ковка, чеканка.
Cramps of the purse (?) edge.
Silver. Forging, punching.

24

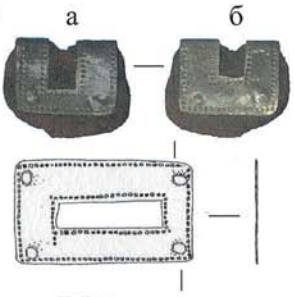
Ножницы пружинные с колечком для привешивания.
Фрагменты (кв.Г12).
Железо, серебро. Ковка.
Shears with wire ring for hanging in fragments.
Iron, silver. Smithing.

25



Обоймица края сосуда (?) с кусочком дерева
(кв.Г12, у левой фибулы).
Серебро, дерево. Ковка, чеканка.
Cramp of the vessel brim (?) with the bit of wood.
Silver, wood. Forging, punching.

26



Обоймица края кошелька (?) с остатками кожи
(кв.Д12, из западной стенки сруба (?)).
Серебро, кожа. Ковка, чеканка.
Cramp of the purse (?) edge with the remains of leather.
Silver, leather. Forging, punching.

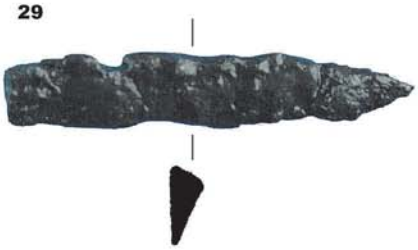
28

Обоймица с кольцом
(кв.Г11).
Серебро, бронза.Чеканка.
Cramp with ring.
Silver, bronze. Punching.

27

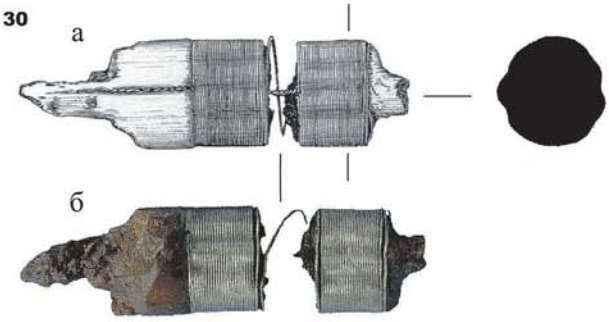
Брусочек точильный на проволочном колечке
(кв.Г12).
Сланец, бронза. Сверление, шлифовка.
Pendant-whetstone with wire ring for hanging.
Slate, bronze. Drilling, polishing.

29



Лезвие ножа (кв.Г11).
Железо. Ковка.
Blade of the knife. Iron. Smithing.

30



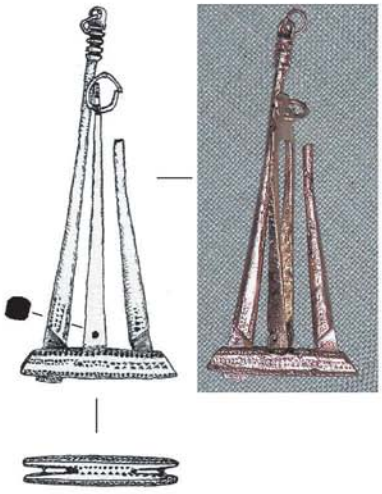
Рукоять ножа, обвитая проволокой (кв.Г11).
Кость, серебро. Волочение.
Knife handle twined round with wire. Wood, silver. Drawing.

0 1см 3см

31

Чашечки весов (кв.Г11).
Фрагменты. Бронза. Литье, ковка.
Pans of the balance in fragments.
Bronze. Casting, smithing.

32



Коромысло весов (кв.Г11).
Бронза. Ковка, гравировка.
Folding beam of the balance.
Bronz. Smithing, engraving.

33

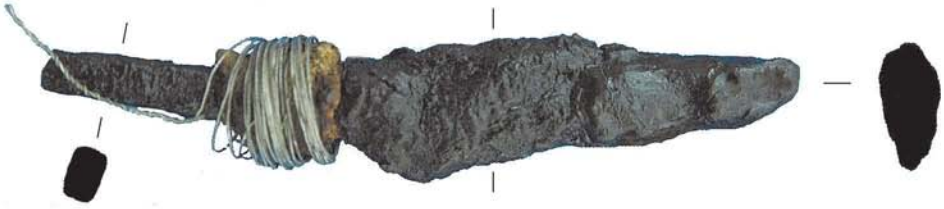
Предмет пластинчатый – накладка (?) (кв.Д12).
Фрагменты. Серебро. Ковка.
Lamellate mount (?) in fragments. Silver. Forging.

34

34.1 34.2

Гирьки
(кв.Г11). Железо,
медная оболочка.
Литье, чеканка.
Small weights.
Iron, copper. Casting,
punching.

35



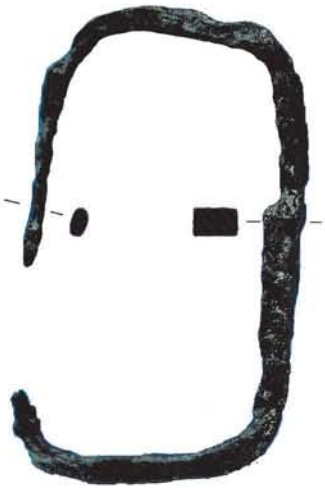
Нож с костяной рукоятью, обвитой проволокой (кв.Г12).
Железо, дерево, серебро. Ковка, волочение.
Knife with the handle twined round with wire.
Iron, wood, silver. Smithing, drawing.

0 1см 3см

Фибула овальная двускорлупная с кольцом для цепочки (кв.Г12).
Латунь, позолота, серебро. Литье, штамповка, волочение.
Double-shelled oval brooch with wire ring for a chain.
Gilded brass, silver. Casting, stamping, drawing.

Фибула овальная двускорлупная с кольцом для цепочки (кв.Г12).
Латунь, позолота, серебро. Литье, штамповка, волочение.
Double-shelled oval brooch with wire ring for a chain.
Gilded brass, silver. Casting, stamping, drawing.

38

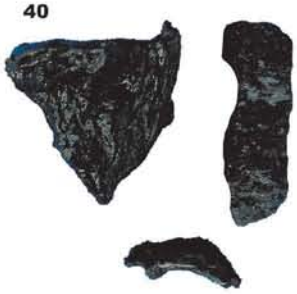


Рамка прямоугольная
(кв.Д11, в чаше).
Железо. Ковка.
Rectangular frame.
Iron. Smithing.

39

Гвоздь (кв.Г11).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

40



Предмет *(кв.Г11).*
Железо. Ковка.
Object. Iron. Smithing.

41

Гвоздь (кв.Г11, на досках настила).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

43

Гвоздь (кв.Г11, в доске настила).
Фрагмент. Железо. Ковка.
Fragment of the nail.
Iron. Smithing.

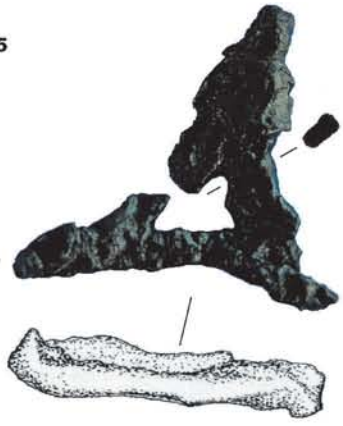
42

Гвоздь (кв.Г12, под доской).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

44

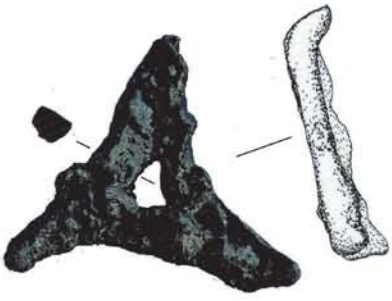
Гвоздь (кв.Г12, под доской).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

45



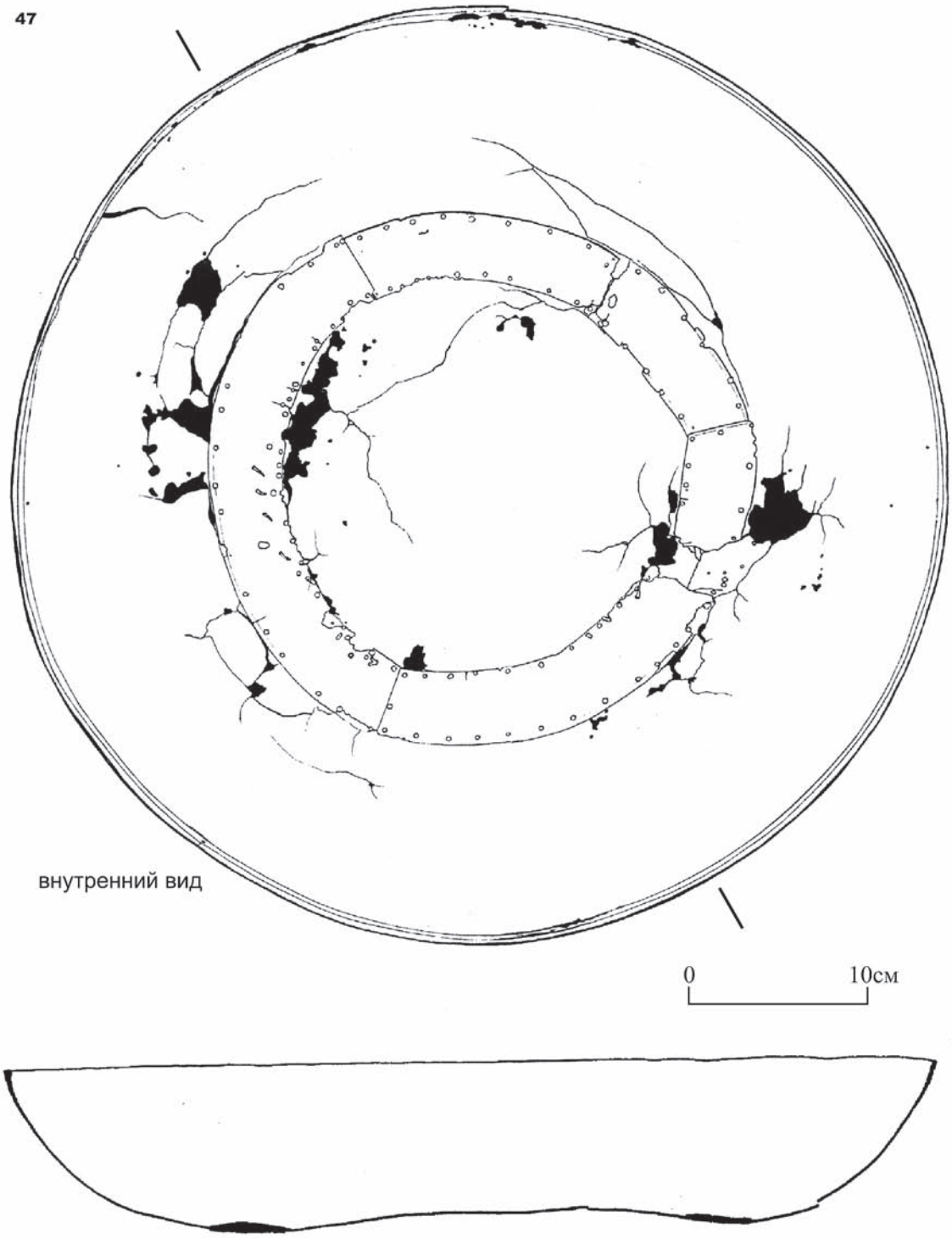
Шип ледоходный
(кв.Г11, под фалангами правой стопы).
Железо. Ковка.
Crampon. Iron. Smithing.

46



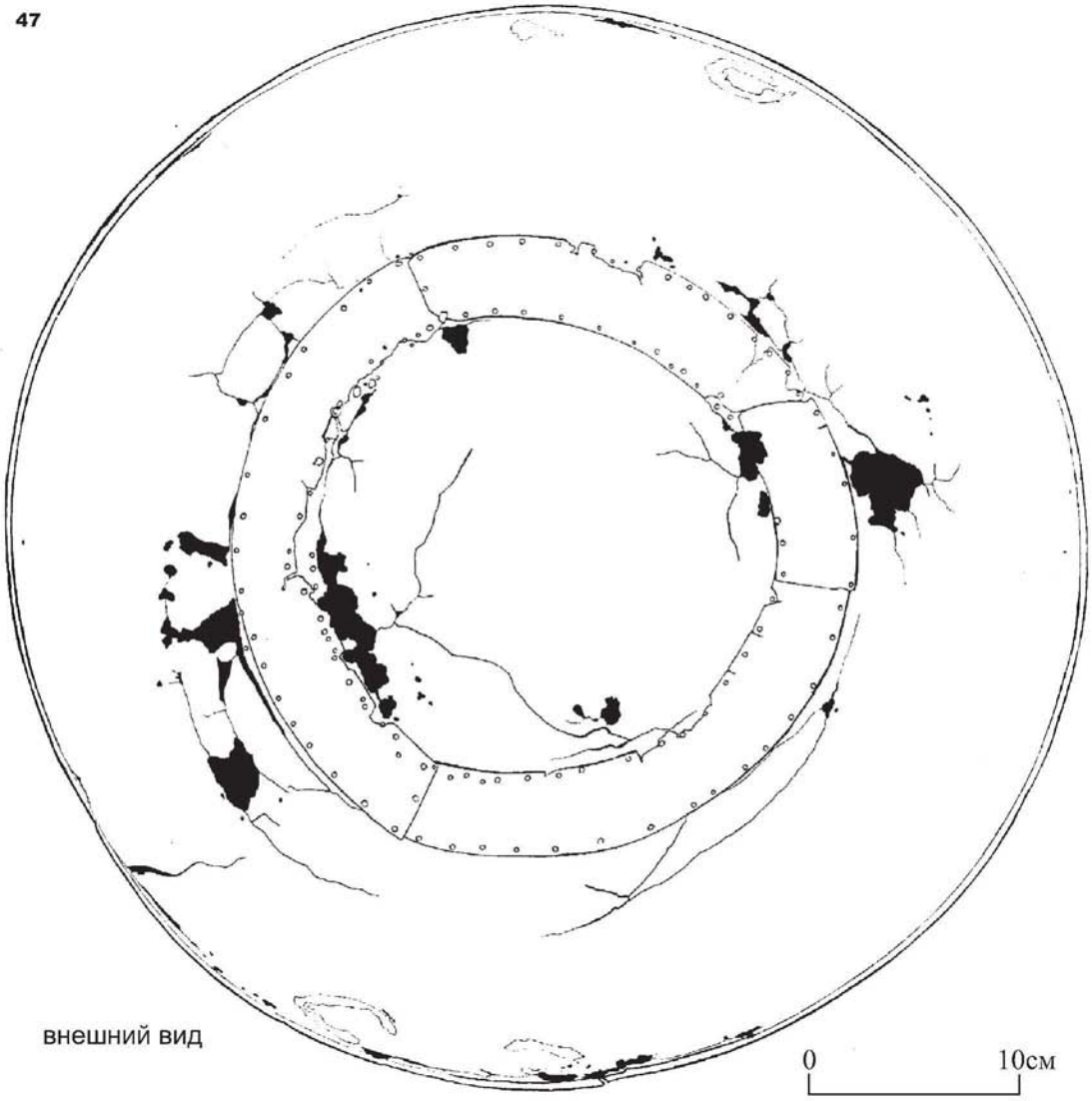
Шип ледоходный
(кв.Г11, под фалангами левой стопы).
Железо. Ковка.
Crampon. Iron. Smithing.

0 1см 3см

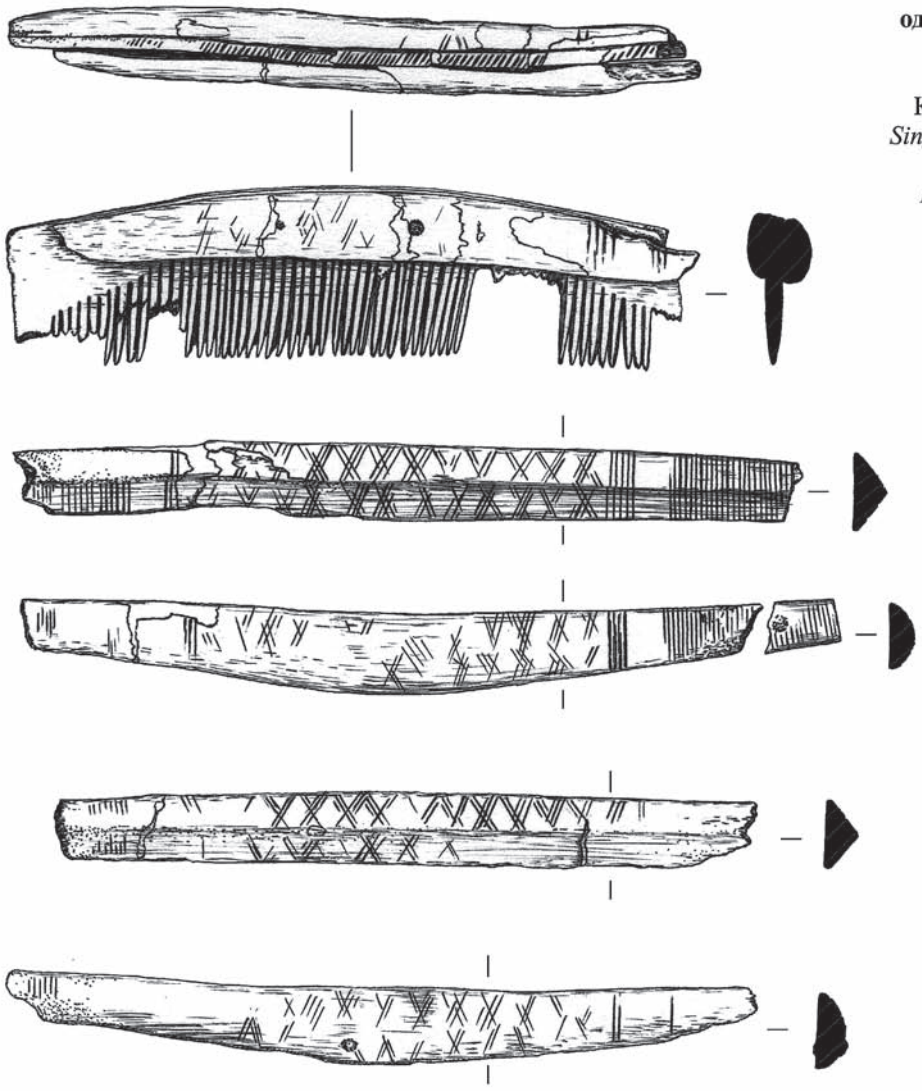


Таз
(кв.Д11).
Бронза. Ковка, клепка.
Basin. Bronze. Smithing, riveting.

47

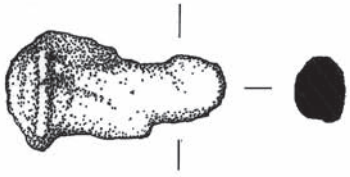


48



Гребень односторонний в футляре
(кв.Г12).
Кость. Резание.
Single-sided comb in the case.
Bone. Carving.

49

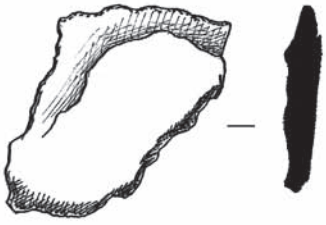


Гвоздь
(кв.Г11, слой заполнения камеры).
Железо. Ковка. Nail.
Iron. Smithing.

50

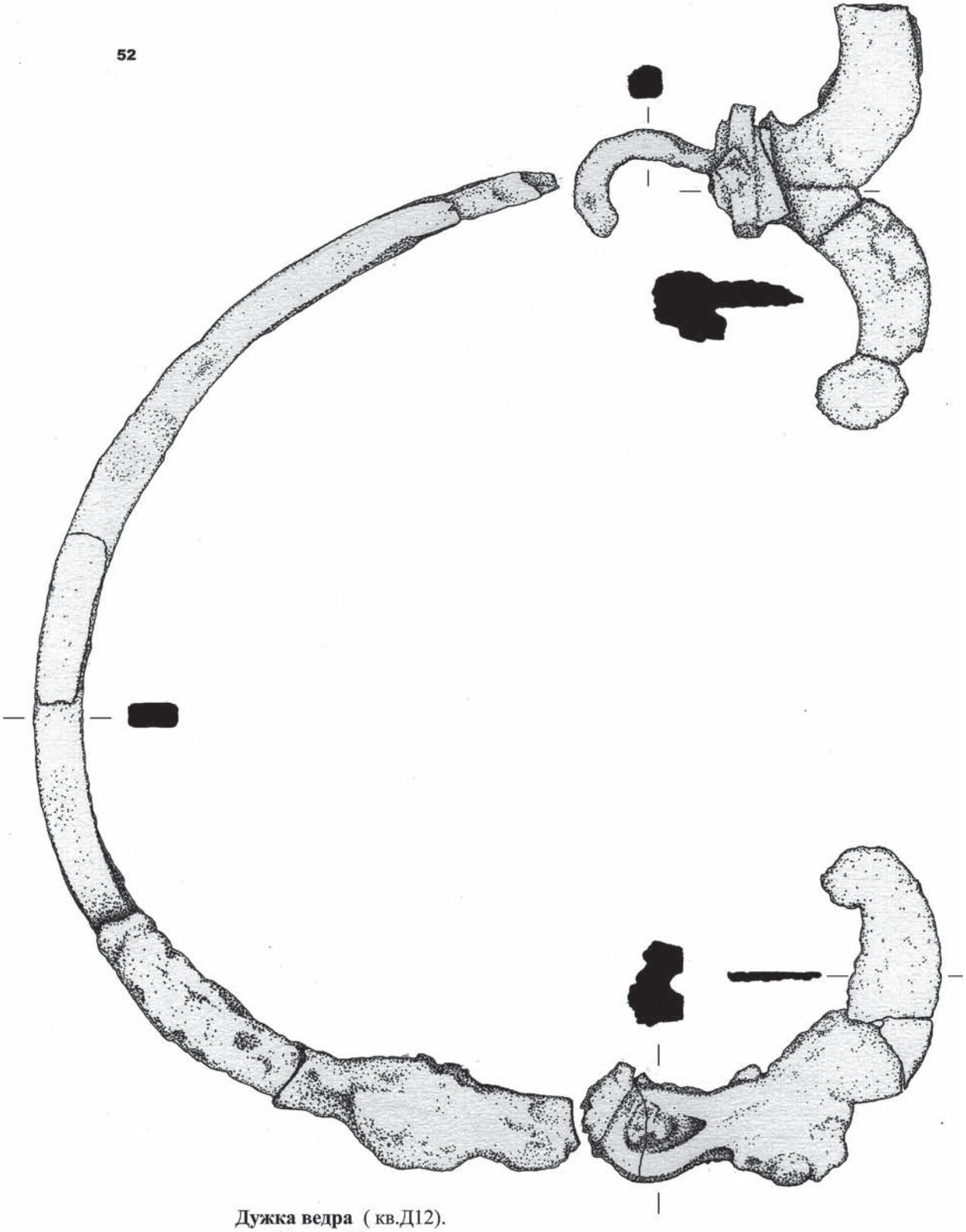
Сосуд гончарный. Фрагмент
(кв.Г12, слой заполнения камеры).
Глина.
Fragment of the wheel-thrown vessel.
Clay.

51



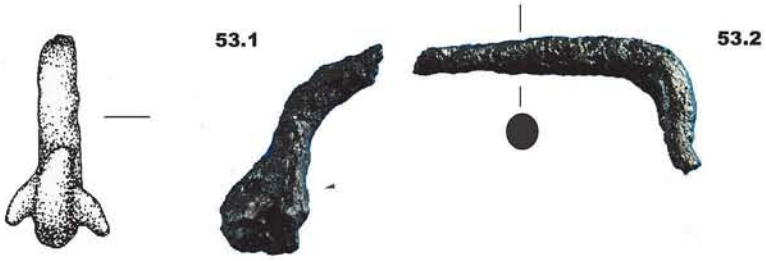
Сосуд гончарный. Фрагмент (кв.Г12, слой заполнения камеры). Глина.
Fragment of the wheel-thrown vessel.
Clay.

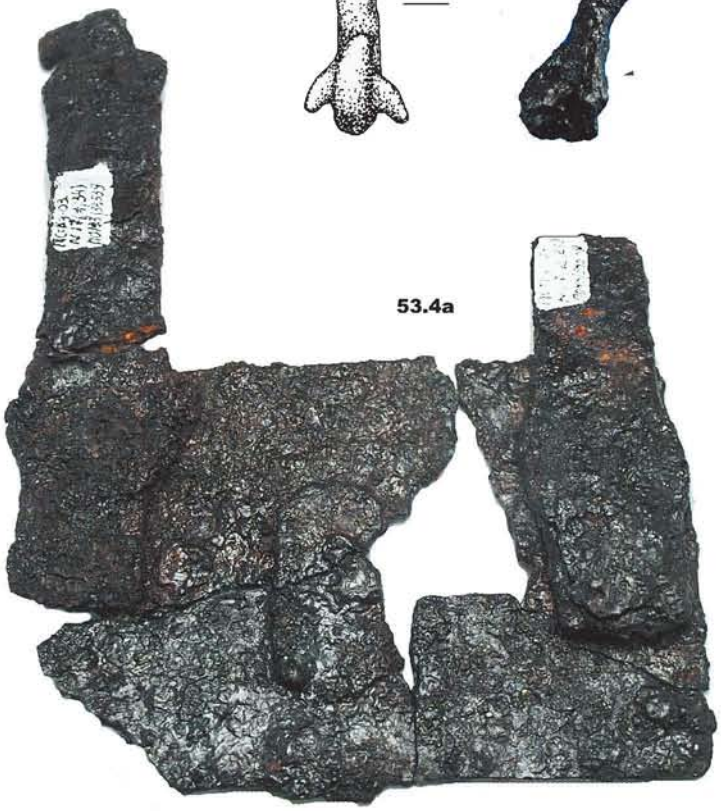
0 1см 3см

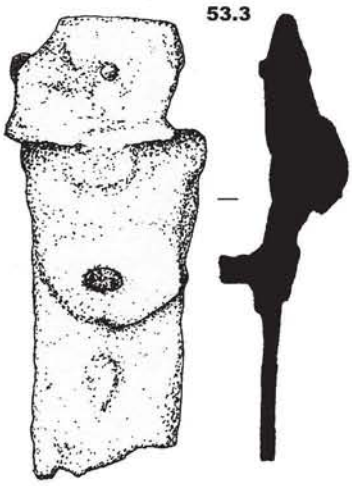


Дужка ведра (кв.Д12).
Железо. Ковка.
Bail of the bucket.
Iron. Smithing..

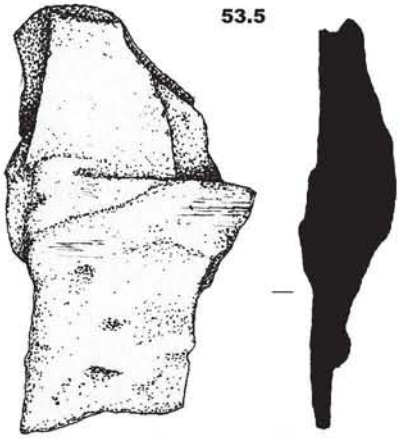
0 1см 3см

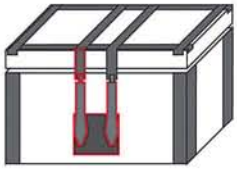






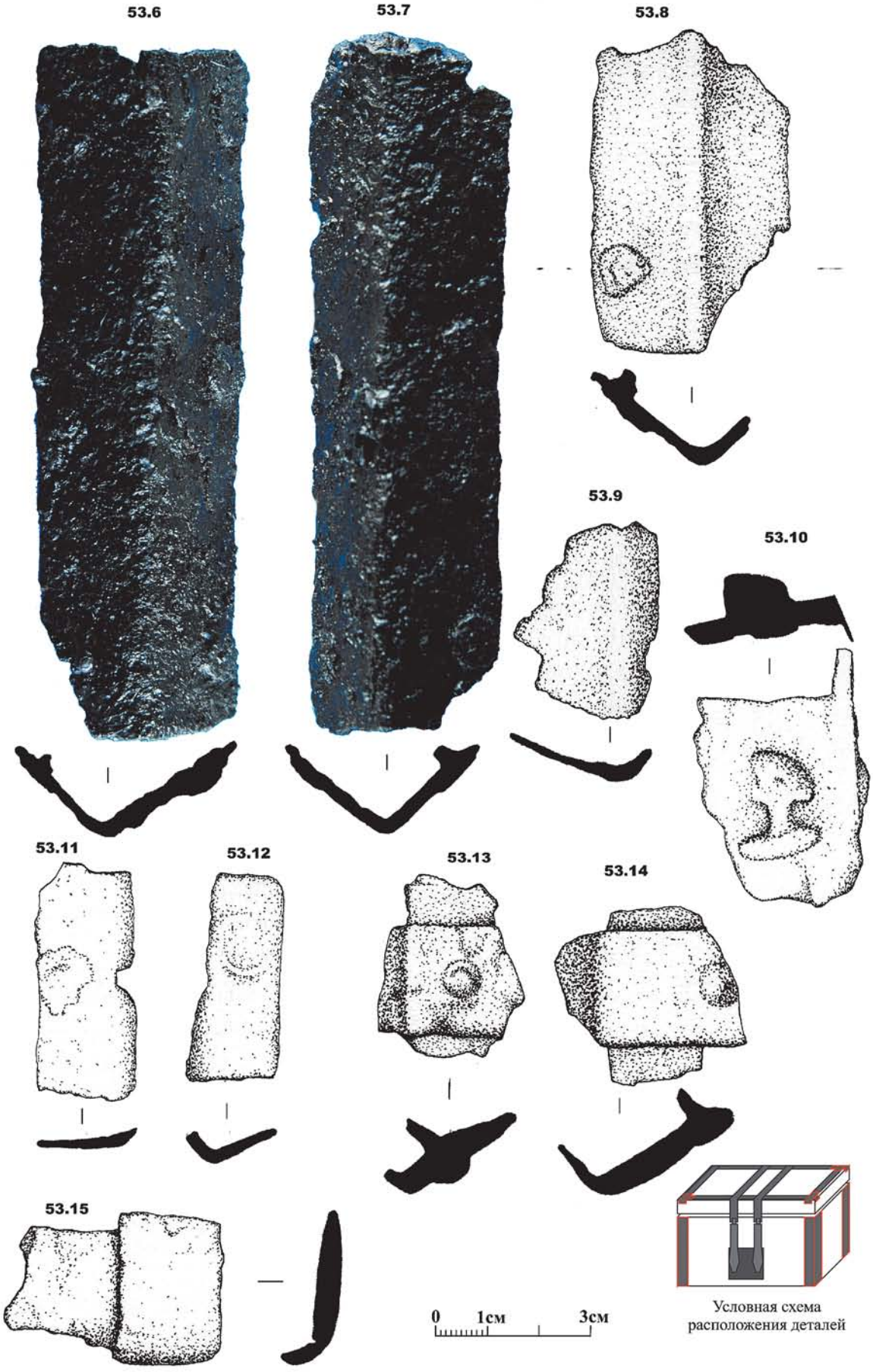
Детали сундука: оковки, ручка, замок
(кв.Г12).
Фрагменты. Железо. Ковка.
Details of the chest: bindings, holder, lock in fragments.
Iron. Smithing.

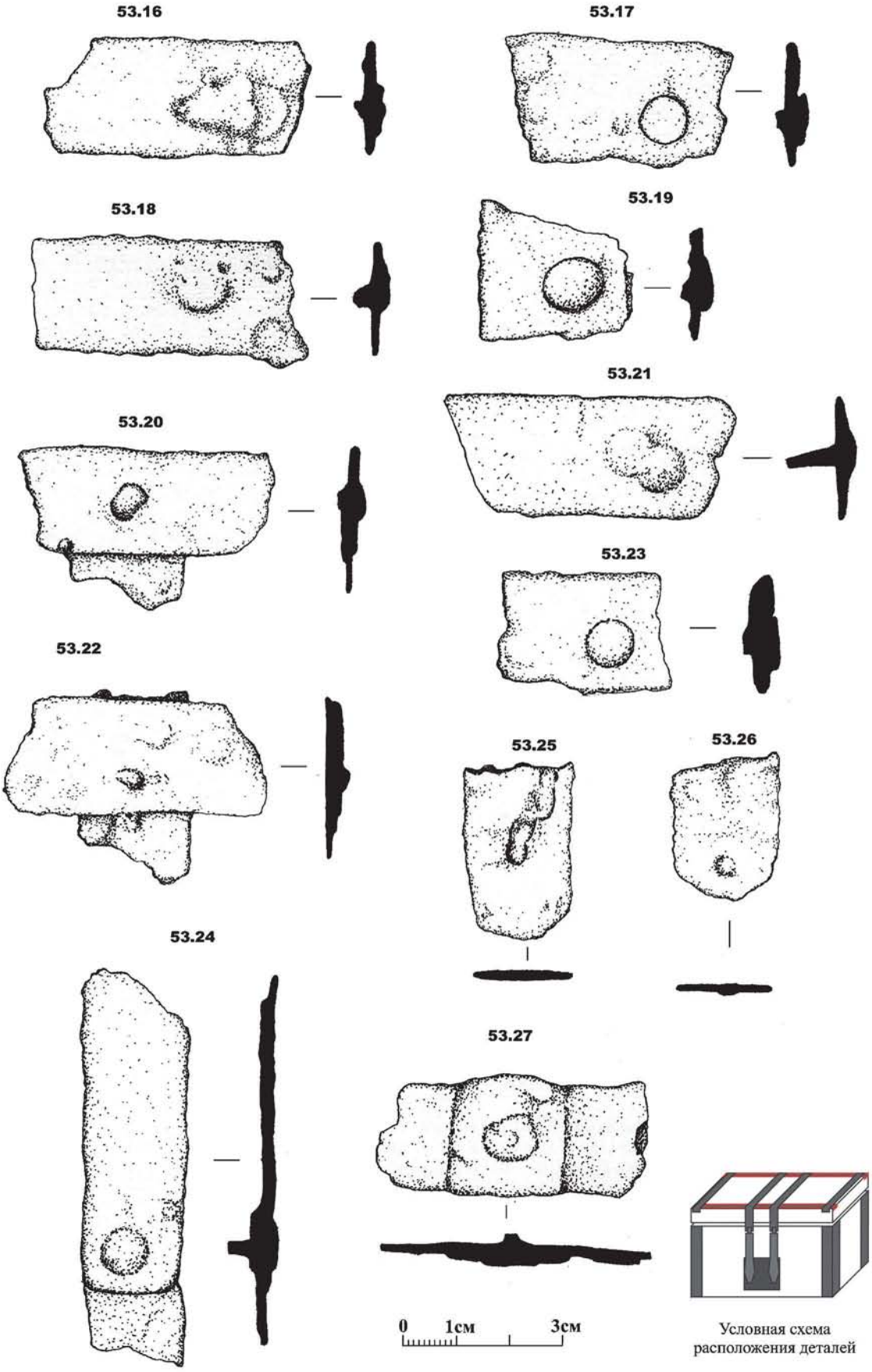


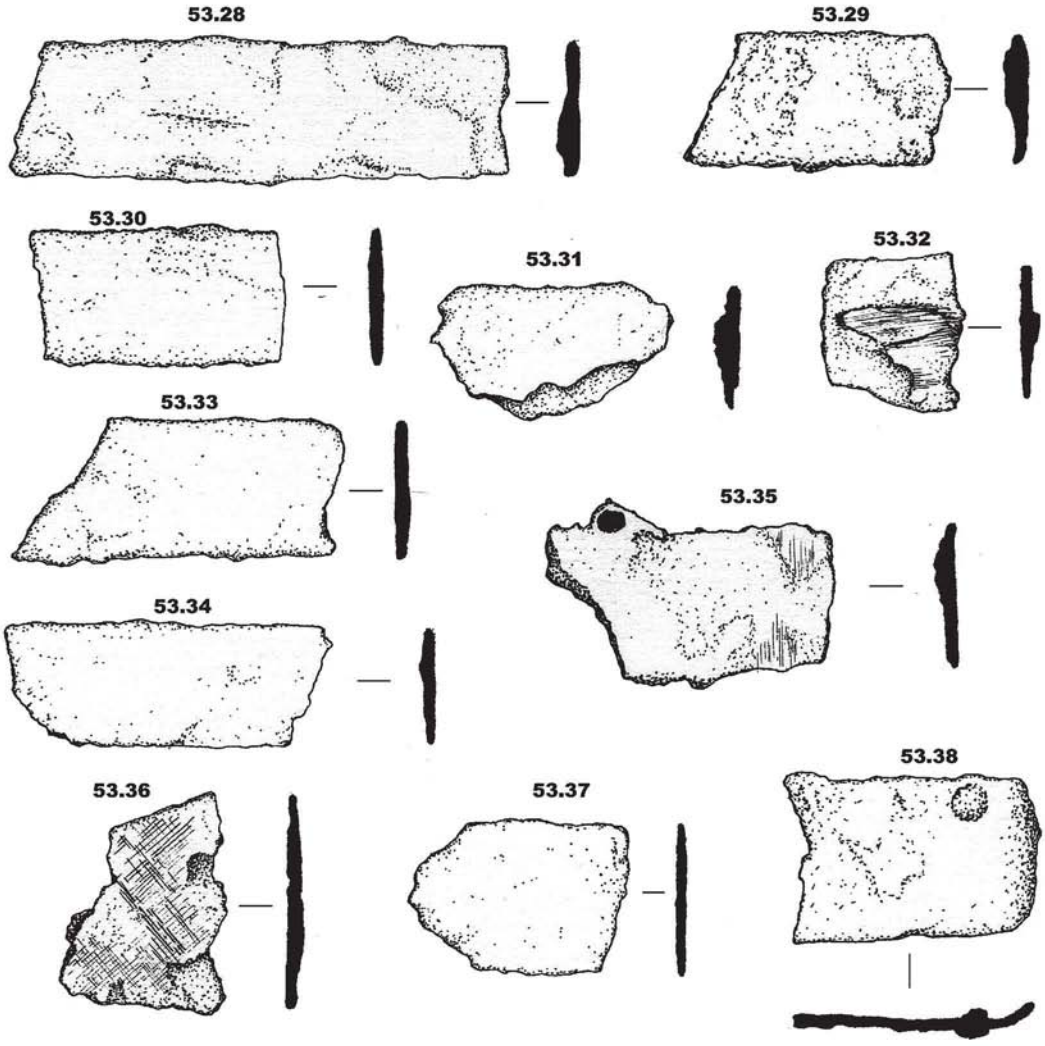


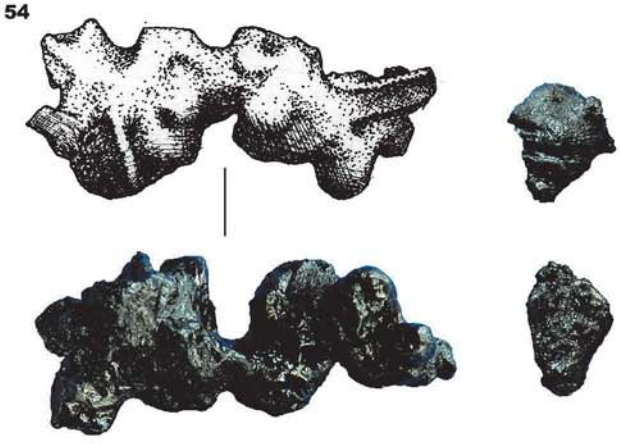
Условная схема расположения деталей

0 1см 3см


53.6
53.7
53.8
53.9
53.10
53.11
53.12
53.13
53.14
53.15
0 1см 3см
Условная схема расположения деталей

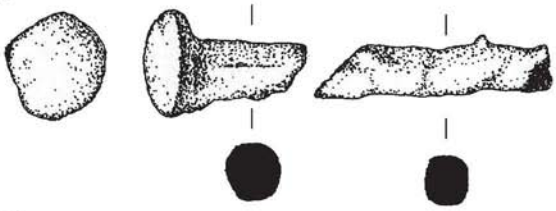

53.16
53.17
53.18
53.19
53.20
53.21
53.22
53.23
53.24
53.25
53.26
53.27
0 1см 3см
Условная схема расположения деталей





Гвоздь
(кв.Г11, в доске настила).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

55



Гвоздь (кв.Г11).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

56

Ткань. Фрагменты
(кв.Г12, с внутренней стороны
левой фибулы). Шелк.
Textile in fragments. Silk.

0 1см 3см

А. В. Михайлов

Камерное погребение 2
(ул. Советская, 60 а, Старовознесенский II раскоп, 2004 г., кв. К-8, К-9, И-8, И-9, яма 31)

Обстоятельства находки и условия проведения работ

В июне 2004 г. были продолжены охранные археологические исследования на месте строительства офисного центра по ул. Советской, д. 60 а, в непосредственной близости от того участка, где в декабре 2003 г. состоялось открытие камерного погребения 1. Новый раскоп получил обозначение Старовознесенский II. Общая площадь исследованной территории составила 67,7 кв. м. Мощность культурного слоя на участке раскопа не превышала 1,2 м. При снятии балластного слоя выяснилось, что в восточной части раскопа 2004 г. в недавнем времени проводились значительные земляные работы, в ходе которых культурные отложения были уничтожены до уровня материка. Существует вероятность, что восточная часть раскопа 2004 г. частично попала в пятно раскопа 1991 г. (Прил. 1, *1*) (раскопки К. М. Плоткина под здание трансформаторной подстанции)[1]. Именно под засыпкой предполагаемого раскопа начала 90-х гг. при зачистке материка был обнаружен северный угол второго камерного погребения. Камерное погребение 1 находилось всего в 9 м к северо-западу от камеры 2 (Михайлов А. В., А2004).

[1] Особенности топографической привязки раскопа под трансформаторную подстанцию (1991 г.) не позволяют точно осуществить совмещение планов раскопов разных лет в квартале улиц Советской, Некрасова, Музейного пер., Свердлова.

Пятно погребения 2

На уровне материка могильная яма читалась в виде подпрямоугольного со скругленными углами пятна слабогумусированного песка, вытянутого по оси юго-запад — северо-восток. Размеры пятна — 2,9–3,1 × 2,2–2,4 м. Северный и западный края пятна были окаймлены тонкой полоской серого супесчаного слоя шириной 6–12 см (рис. 1–5, Прил. 1, *2*). Над пятном могильной ямы средневековые культурные напластования были уничтожены в Новое и Новейшее время при строительстве каменного дома XVIII–XIX вв. и при земляных работах в начале 90-х гг. XX в. Исключение составляло заполнение материковых ям, одна из которых (частокольная канавка) пересекала по диагонали пятно могильной ямы (рис. 5). Частокольная канавка, заполненная гумусированным песком, вероятно, относилась к периоду существования на этом месте поселения XII–XIII вв. Оба угла у восточного края могильной ямы (в верхней части) был потревожены ямами XVI–XVII вв. (рис. 1, Прил. 1, *2*).

Остатков курганной насыпи на поверхности материка не сохранилось. То, что захоронение в камере 2 было совершено под курганом, подтверждают остатки ровика, выявленные в 2,5 м к юго-западу от соответствующего угла могильной ямы. Ровик сохранился на протяжении 3 м между двумя подвальными ямами XVII в. Его ширина — 1,1–1,2 м, глубина — около 0,3 м. Ровик был заполнен гумусированным песком, под которым была выявлена тонкая прослойка погребенного дерна, маркировавшая его дно. Таким образом, предполагаемый диаметр кургана составлял (принимая за центр кургана центр

Рис. 1. Старовознесенский II раскоп. Общий вид на раскоп на уровне материка. Вид на пятно камеры 2

Рис. 2. Пятно камеры 2 на уровне материка. Вид с юго-востока

Рис. 3. Пятно камеры 2. Северо-западный угол пятна. Вид с юго-востока

Рис. 4. Пятно камеры 2 на уровне материка. Вид с севера

Рис. 5. Пятно камеры 2 на уровне материка. Контуры пятна дополнительно обведены. Вид с северо-востока

могильной ямы) около 8 м. Очевидно, ровик был засыпан при нивелировке кургана, которая, по всей видимости, была связана с поселением XII–XIII вв. Следы существования поселения древнерусского времени с характерным набором находок (шиферные пряслица, фрагменты амфоры, орнаментированная гончарная керамика, в том числе с клеймеными донцами) были зафиксированы в Старовознесенском I и II раскопах (рис. 6).

Последовательность и методика проведения работ

Последовательность исследования камеры 2 была следующей: после раскрытия пятна могильной ямы в плане и исследовании поздних вторжений, частично затрагивавших выявленное пятно, были начаты работы в западной части ямы. Таким образом, был получен разрез ее заполнения. Выборка велась по пластам в 0,2 м до тех пор, пока не были выявлены первые остатки деревянных конструкций. После фиксации стратиграфии полученного разреза аналогичным образом выбиралось заполнение восточной части камеры. Для продолжения наблюдений за стратиграфией и конструкцией стенок камеры на месте первоначального разреза у северной и южной стенок были оставлены две бровки толщиной 0,4–0,45 м. Далее производились расчистка нескольких ярусов деревянных конструкций и выявление фрагментов деревянных стенок камеры. После того как были раскрыты погребение и погребальный инвентарь, фиксировалась конструкция пола. На заключительном этапе была проведена окончательная зачистка могильной ямы, в которую и были впущены деревянные конструкции камеры.

Заполнение камеры

Камера 2 была заполнена слабогумусированным сероватым материковым песком с редкими включениями материкового суглинка. В заполнении камеры также встречались отдельные включения серого супесчаного слоя в виде небольших комочков или полосок размерами до 10 × 5 см в поперечнике. Кроме того, в заполнении встречались незначительные включения мелких угольков и кусочков желто-красной глины, тонкие

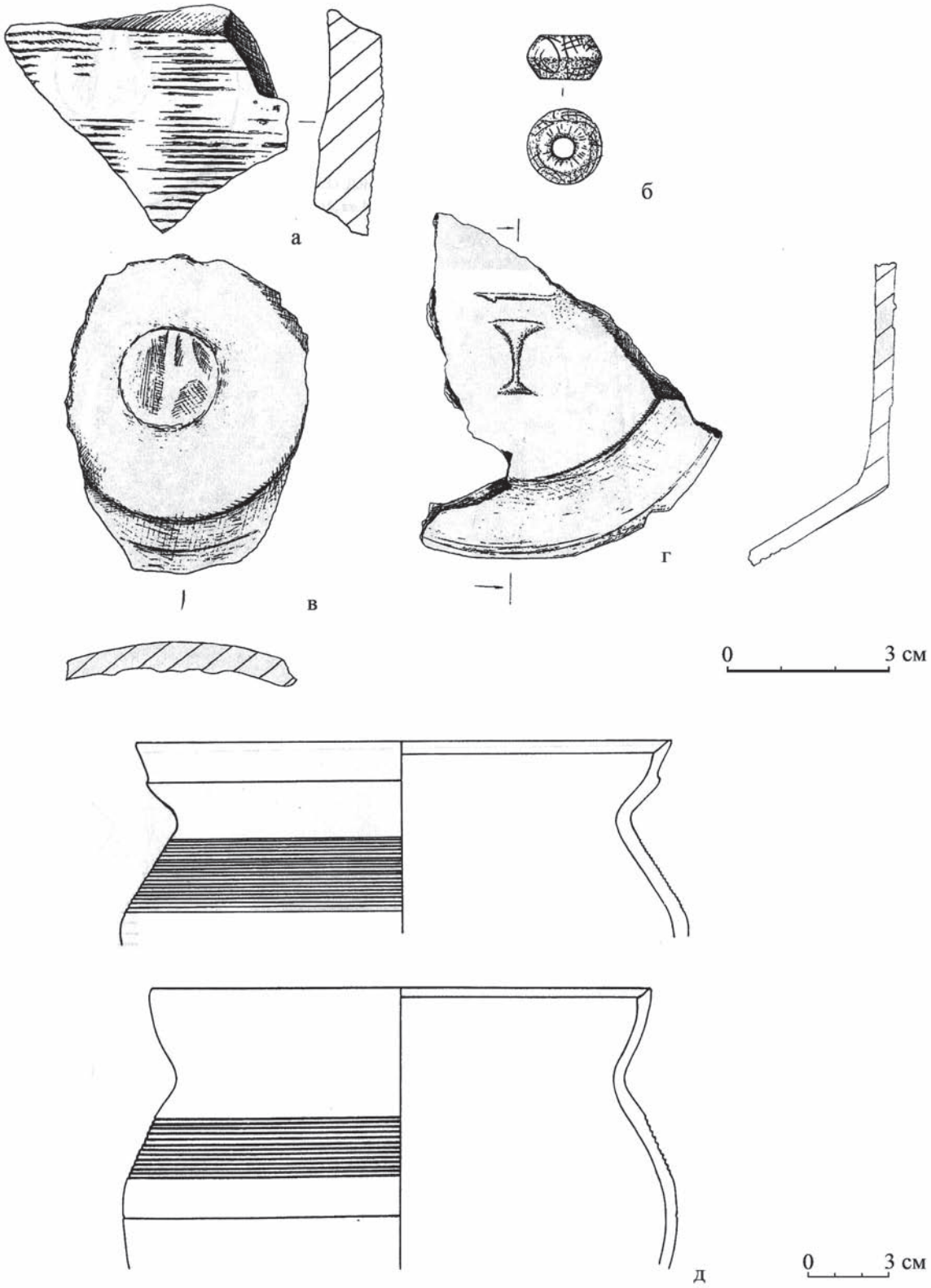


Рис. 6. Старовознесенский II раскоп. Находки древнерусского времени. Буквами обозначены: а — фрагмент амфоры (П-04-СтВз-II, кв. Л-12, яма 10, гл. –280, № 12); б — шиферное пряслице орнаментированное (П-04-СтВз-II, кв. Л-12, яма 10, гл. –273, № 14); в, г — донца гончарных сосудов с клеймами (П-04-СтВз-II, кв. Л-12, яма 10, гл. –285, № 17), (П-04-СтВз-II, кв. Л-12, яма 10, гл. –263, № 16); д — реконструкция распространенных керамических форм

Рис. 7. Разрез слоя заполнения камеры 2. Вид с юго-запада

прослойки белого и желтого материкового песка шириной не более 5–7 см, залегавшие параллельно дну камеры (рис. 7, 8, Прил. 1, *5*). Вдоль стенок камеры встречались небольшие прослойки белого материкового песка. В северо-восточном и северо-западном углах ямы на уровне –340 зафиксированы включения мелкого белого материкового песка, что, очевидно, связано с затеканием материковой породы из-под деревянных стенок камеры.

Камера (перекрытие, конструкция, пол)

От деревянных конструкций камеры сохранились фрагменты верхних перекрытий, стенок и пола. Деревянные элементы имели очень плохую сохранность и, как правило, представляли собой пятна органического тлена темно-коричневого цвета. Вместе с тем сохранились фрагменты отдельных досок, которые позволяют более или менее определенно говорить о конструктивных особенностях погребального сооружения.

Стенки камеры фиксировались по пятнам органического тлена, обнаруженным при расчистке на всех четырех стенках ямы (рис. 8, 9). Вдоль южного края ямы была выявлена материковая ступенька длиной ок. 2 м и шириной 0,25–0,5 м (расширение к западу). На ее восточной и западной оконечностях сохранились небольшие пятна

Рис. 8. Бровка у северной стенки могильной ямы камеры 2. Вид с юго-запада

Рис. 9. Южная стенка камеры 2. Вид с северо-востока

органического тлена размерами 0,2 × 0,1–0,3 × 0,15 м. Мощность их не превышала 3 см (рис. 7, Прил. 1, *4*). На самих стенках камеры отдельные пятна органического тлена прослеживались на высоту 0,6–0,8 м от дна могильной ямы. Пятна органического тлена были разделены выходами материкового песка желтого или белого цветов либо же прослойками гумусированного песка. Лучше всего остатки деревянных стенок сохранились на северной и южной стенах камеры. Мощность этих пятен не превышает 1,0–2,5 см (рис. 9). Исключение составляет мощная прослойка органического тлена вдоль восточной стенки камеры. Ее мощность — ок. 5 см.

Из-за трансформации деревянных стенок под тяжестью материкового грунта не представляется возможным установить первоначальные размеры погребального сооружения. Зафиксированные в ходе раскопок размеры камеры — 2,45 × 1,5–1,6 м. Стенки камеры были сложены из досок или нетолстых плах шириной около 3–4 см. Ям от угловых столбов, следов выпусков бревен или плах, а также железных гвоздей в конструкции камеры не встречено — конструктивные особенности крепления стенок камеры между собой достоверно не устанавливаются. Следует отметить, что подобная ситуация была отмечена и в погребении 1 псковского некрополя — первой погребальной камере, обнаруженной на территории Пскова (Лабутина, 1983а, с. 151–153).

Конструктивные особенности *верхнего перекрытия* камеры достоверно не восстанавливаются. Остатки верхних перекрытий, просевших под тяжестью курганной насыпи, были выявлены только в западной части камеры, немногим выше уровня пола. Это скопление хаотично расположенных досок очень плохой сохранности черного цвета. Доски верхнего перекрытия выявлены в двух ярусах. Наиболее значительное скопление досок отмечалось в северной части кв. К-9. В общей сложности оно включало свыше 10 досок и их фрагментов. Максимальная длина досок — до 1 м, при ширине в 8–10 см, толщина — ок. 2 см (глубина –323–335) (рис. 10, 11, Прил. 1, *3*).

Пол камеры. Погребальная камера, по всей видимости, имела дощатый пол на дощатых же лагах (рис. 12–14, Прил. 1, *4*). Элементы пола были наиболее отчетливо зафиксированы в восточной части камеры, где сохранился фрагмент лаги длиной 0,25 м и лежащие на ней три доски пола шириной от 4 до 10 см. В западной части камеры уровень пола фиксировался по пятну органического тлена, занимающего квадраты И-9,

К-8, К-9. Его размеры — 0,7–1,4 × 0,6–0,85 м. К северной стенке камеры пятно имело выступ шириной 0,15 м. В пятне тлена также зафиксирована одна доска пола, лежащая вдоль, и несколько небольших фрагментов досок, расположенных перпендикулярно, которые можно интерпретировать как подкладки под доски пола (см. статью А. А. Гольевой в настоящем издании). Размеры сохранившихся фрагментов не превышают 0,22 × 0,03 м. Вероятнее всего, доски пола лежали вдоль длинной оси камеры, по оси юго-запад — северо-восток. В ходе работ было выявлено небольшое понижение уровня пола камеры к северо-востоку — с уровня –335 до уровня –352. Под доски пола была произведена подсыпка из материкового песка, чтобы выровнять первоначальное понижение дна ямы к западу.

Кроме уже отмеченных элементов конструкции камеры следует упомянуть другие объекты, раскрытые на уровне пола погребального сооружения (Прил. 1, *4*): параллельно северной стенке камеры, на расстоянии 0,15 м от нее, проходит тонкая полоса органического тлена. Ее длина — 1,7 м при ширине ок. 3 см. В западной части камеры от нее под прямым углом отходит такая же полоса органического тлена. Ее размеры — 0,55 × 0,05 м. В юго-западном углу камеры прослежена тонкая полоска органического тлена, образующая полукруг в плане. Ее длина — ок. 0,6 м, толщина не превышает 2 см.

Рис. 10. Камера 2 на уровне обнаружения остатков верхних перекрытий. Вид с северо-востока

Рис. 11. Остатки верхних перекрытий в юго-западной части камеры 2. Вид с северо-востока

Рис. 12. Элементы деревянных конструкций на уровне раскрытия погребения в камере 2. Общий вид. Вид с северо-востока

Рис. 13. Элементы деревянных конструкций на уровне раскрытия погребения в камере 2. Общий вид. Вид с юго-запада

Рис. 14. Элементы деревянных конструкций на уровне раскрытия погребения в камере 2 в юго-западной части камеры. Вид с юго-запада

Рис. 15. Элементы деревянных конструкций на уровне раскрытия погребения в камере 2 в юго-западной части камеры. Деревянный сосуд (?) у южной стенки камеры. Вид с запада

Около южной стенки камеры (кв. К-9) при расчистке остатков деревянных конструкций на глубине –339 был обнаружен округлый в плане деревянный предмет (внешний диаметр — 0,12 м) (рис. 15, Прил. 1, *4*), который может быть атрибутирован как небольшой столбик с выгнившей серединой, хотя функциональное назначение его в этом месте остается неясным, либо же как остатки небольшого деревянного сосуда.

Материковая яма

Общие размеры ямы, в которую была опущена камера 2, составили 2,95–3,2 × 2,3–2,4 м, глубина — 1,1–1,3 м (Прил. 1, *6*). Яма — подпрямоугольная в плане со скругленными углами. Западная и восточная стенки ямы немного выгнуты внутрь. Вдоль всей южной стенки с уровня –244 прослеживается небольшая ступенька размерами 1,6 × 0,15–0,35 м. Стенки ямы — прямые, дно — ровное. При этом фиксировалось незначительное понижение дна ямы к западу.

Погребение (костяк, находки)

Остатки погребения выявлены в восточной части камеры (кв. И-8, К-8, отм. –349–353). От костяка сохранились только кости обеих ног, включая мелкие кости стопы и фаланги пальцев ног, расположенные в анатомическом порядке (рис. 16, 17, Прил. 1, *5*). Сохранность костей крайне плохая. Ориентировка погребения — юго-запад — северо-восток. Верхняя часть костяка не обнаружена. По определению Д. В. Пежемского, можно с большой долей вероятности говорить о женском поле погребенного индивида. Биологический возраст определяется в широких пределах зрелого возраста (35–55 лет), с предпочтением интервала 35–45 лет (см. статью Д. В. Пежемского в настоящем издании).

Погребальный инвентарь. Встреченный в погребении инвентарь топографически сгруппирован в двух комплексах (Прил. 1, *7*). Исключение составляет железное навершие, которое было обнаружено в западной части камеры (кв. К-9) отдельно от вещевых комплексов (Прил. 3, Каталог, ***1***). Навершие имеет железную скобку в верхней части, внутри сохранились остатки дерева, снаружи на небольшом участке сохранился отпечаток ткани.

Вещевой комплекс I выявлен у правого бедра погребенного (кв. К-9) и включает 4 предмета: кресало с бронзовой рукоятью (Прил. 3, Каталог, ***2***), небольшой ножик с костяной рукоятью и перевитием серебряной проволокой у основания рукояти (2 фрагмента) (Прил. 3, Каталог, ***3а***, ***3б***) железный ключ (Прил. 3, Каталог, ***4***), а также неатрибутируемый железный предмет, у которого отчетливо читается черешок (Прил. 3, Каталог, ***5***) (рис. 18, Прил. 1, *8*). Все предметы очень плохой сохранности, за исключением огнива с бронзовой рукоятью. Рукоять кресала несет стилизованные изображения двух звериных голов, повернутых друг к другу, раскрытые пасти зверей образуют прорезь в форме ромба. Кресало относится к группе II, типу 5, варианту 2 по Л. А. Голубевой (Голубева, Варенов, 1993, с. 100–101) и датируется 2-й пол. X — нач. XI в. Подобные огнива производились в Прикамье, Среднем Поволжье, Среднем Зауралье, возможно, в Западной Финляндии и имели широкий ареал распространения. В частности, по одному такому огниву обнаружено в Тимерево и Старой Ладоге, два — происходят из Новгорода, пять — с территории Финляндии и Аландских островов (Голубева, Варенов, 1993, с. 100). Кроме того, кресало этого типа встречено и в камерном погребении 644 в Бирке (Hårdh, 1984, S. 158–159). Аналогичный нож с костяной рукояткой с перевитием у основания тонкой серебряной проволокой происходил из соседнего погребения Старовознесенского могильника – камеры 1.

Вещевой комплекс II располагался справа от костяка, в ЮВ углу камеры (кв. К-8) (рис. 18, Прил. 1, *7*, Прил. 3, Каталог, ***6–9***). Он представляет фрагменты крышки деревянного сосуда с железными оковками. К моменту обнаружения ларец представлял округлое пятно органического тлена диаметром ок. 0,3 м, в котором располагались металлические элементы крышки. В процессе расчистки отчетливо прослеживались две треугольные железные пластины, расположенные под прямым углом друг к другу (восточный и южный сектора). В центре пятна фиксировался округлый железный предмет (центральное кольцо). В северной части массива скопление железных деталей (как выяснилось впоследствии, детали замка) на 0,15 м выступало за границы круглого пятна. В северо-западном секторе был встречен небольшой фрагмент бронзовой тисненой накладки, частично перекрытый прослойкой древесного тлена. По границе окружности повсеместно встречались сильно корродированные железные гвозди.

Рис. 16. Камера 2 на уровне погребения и остатков пола. Общий вид. Вид с юго-запада

Рис. 17. Камера 2 на уровне погребения и остатков пола. Общий вид. Вид с северо-востока

Рис. 18. Остатки погребения и комплексы находок в камере 2. Вид с северо-востока

Вещевой комплекс II был извлечен из раскопа массивом (вместе с подстилающим грунтом). Перед изучением комплекса находок в реставрационной мастерской была выполнена рентгенограмма массива (рис. 19). В дальнейшем это позволило реконструировать внешний облик крышки деревянного ларца.

В результате проведенных реставрационных работ была получена дополнительная информация о внешнем виде и конструкции ларца (Михайлов, Салмин, 2010) (Прил. 3, Каталог, рис. 1). На поверхности крышки маленькими гвоздиками были укреплены четыре треугольные железные пластины, орнаментированные по краям двойной полосой насечек. В центре крышки крепилось железное кольцо на скобке. Между треугольными накладками расположены тонкие бронзовые пластинки, орнаментированные в стиле Еллинг (Прил. 3, Каталог, *7*). Как показали результаты рентгенографии, бронзовые пластины первоначально также были треугольными. Бронзовые пластины были прибиты железными гвоздями с широкими шляпками. Расстояние между гвоздями составляет ок. 1 см. По внешнему краю крышку окаймлял ободок из таких же гвоздей с широкими шляпками.

Замок крепился в стенке ларца. Его конструкция состоит из железного штифта с пружиной, упорной пластины для пружины и железного основания для ключа (Прил. 3, Каталог, рис. 1). Штифт прикреплен к внешней стороне крышки железной цепочкой. Для того чтобы крышка надежнее фиксировалась в закрытом положении, на противоположной от замка стороне на корпусе ларца расположена железная скобка, к которой мог крепиться кожаный ремешок, который не позволял крышке отойти от корпуса.

Аналогии подобным сосудам с крышками, имеющими треугольные железные накладки, известны в Дании и Швеции. Так, в могильнике Тюмби-Бинебек (Thumby-Bienebeck) (Южная Ютландия) в камерных погребениях 51 и 54а, которые датируются 1 пол. — сер. X в., встречены аналогичные сосуды, внутри которых хранились деревянные чаши, украшенные серебряными гвоздиками. Сосуд из погребения 51 имел две треугольные накладки, а ларец из камеры 54а — четыре накладки, орнаментированные по периметру двумя рядами насечек (Müller-Wille, 1987, S. 66–68, Taf. 85, 93; Eisenschmidt, 1994, S. 105). Находки треугольных железных накладок известны и в Бирке в камерных погребениях 585 и 965. Вместе с накладками в погребениях встречены и орнаментированные в стиле Еллинг бронзовые пластинки (Müller-Wille, 1987, S. 68). Для всех описанных выше камер характерно присутствие среди погребального инвентаря железных ключей, аналогичных найденному среди вещей комплекса I.

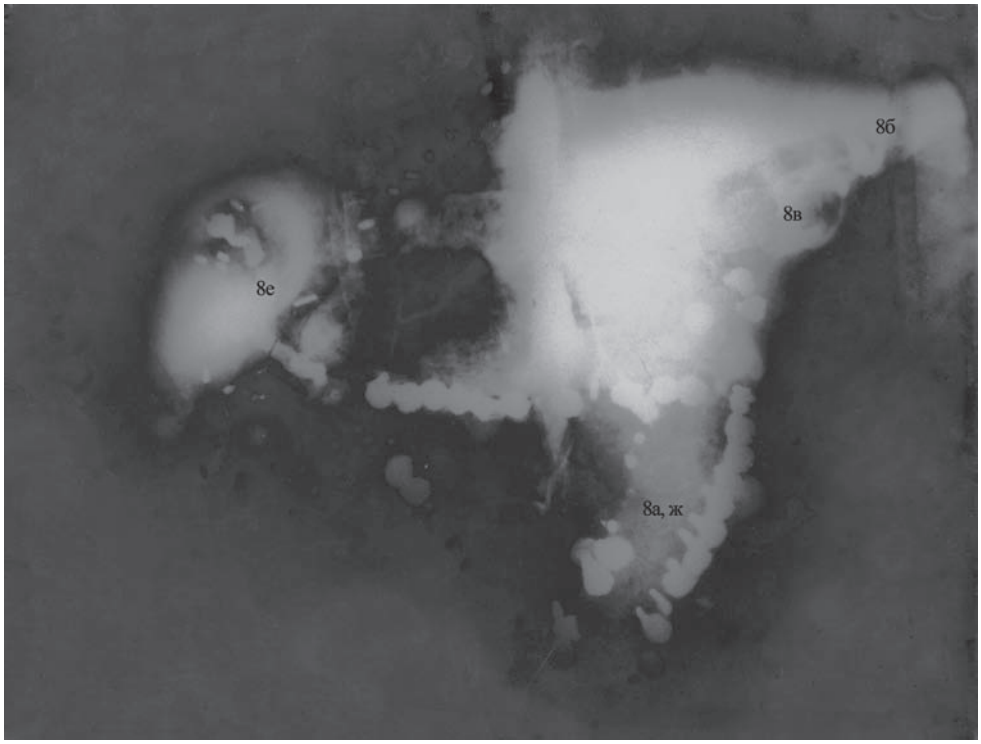


Рис. 19. Рентгенограмма крышки ларца (камера 2, комплекс II) в монолите

Если вещи, входящие в состав комплекса I, встречаются как в мужских, так и в женских погребениях, то сосуды с крышками, украшенными треугольными пластинами из Бирки и могильника Тюмби-Бинибек, встречены только в женских погребениях. Со значительной долей вероятности можно предположить, что во второй камере Старовознесенского II раскопа была похоронена женщина. Предлагаемая датировка погребения в камере 2 — вторая пол. — конец X в.

Выводы

Обнаружение второй камеры на Старовознесенских раскопах подтвердило высказанную ранее точку зрения о существовании на этом месте могильника X в.

По своим параметрам (размеры, отношение длины камеры к ее ширине) погребение, изученное на Старовознесенском II раскопе, вполне соответствует характеристикам погребальных сооружений, получивших в литературе обозначение «камерные погребения» (рис. 20).

Тот факт, что остатки верхних перекрытий были обнаружены лишь в западной части камеры в виде хаотичного скопления досок, а остатков верхней части костяка (и возможного инвентаря), которая и должна была залегать под этими

Рис. 20. Общий вид ямы камеры 2.
Вид с северо-востока

досками, в дальнейшем обнаружено не было, как будто бы наводит на мысль о частичном разграблении погребения в древности. Полностью эту версию исключать нельзя, однако никаких других следов вторжения в погребальную камеру не зафиксировано.

Отдельные находки, в частности ларец с железными и бронзовыми накладками, позволяют предположить определенный достаток погребенной здесь женщины, а также ее принадлежность к скандинавской культурной традиции.

A. V. Mikhailov

Chamber Grave 2

(60a, Sovetskaya str.
Old Ascention excavation II, 2004)

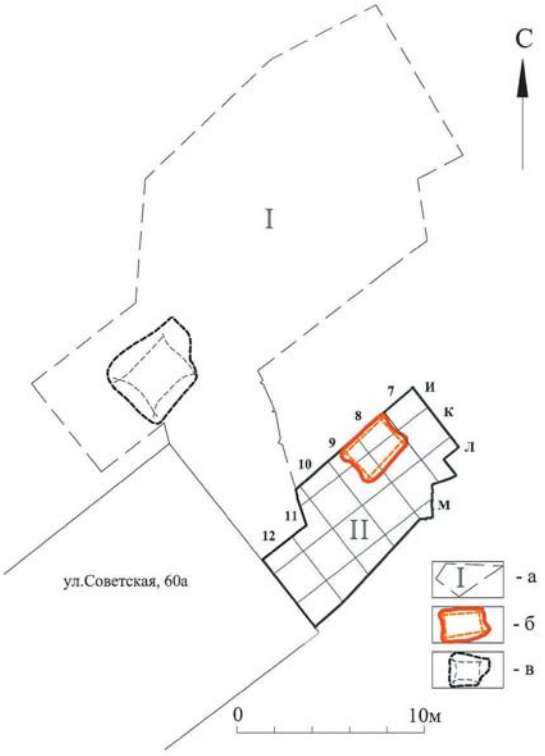
Summary

Chamber grave 2 was found in 9 m south of the grave 1. The burial pit sub rectangular in terms of a form was detected at the subsoil level. Any remnants of the mound had not been preserved. However, the remains of a trench allow us to suggest its existence. The size of the chamber is 2.45 × 1.5–1.6 m. The walls of the chamber, in the form of organic decay strips, were traced to a height of 0.6–0.7 m from the bottom of the burial pit. The pattern of their attachment in the corners is impossible to determine exactly. The remains of the upper floors have been preserved in the western part of the chamber, just above the floor level. The burial chamber, apparently, had a wooden plank floor on the plank joists. The human remains were found in the eastern part of the chamber. Only the bones of both legs are preserved of the bone material. The burial inventory of the grave is grouped in two complexes. The first set of goods was found at the right thigh of the buried, and includes five items: a flint with a bronze handle, the iron key, a knife, an awl with a bone handle, and a non attributed iron object. The second complex was located in the south-east corner of the chamber. It presents fragments of a lid of a wooden vessel with forged iron. The reconstructed vessel diameter is about 0.3 m. In the chamber of the Old Ascention excavation 2 a woman was buried. The proposed burial dating is the second half — the end of the Xth century.

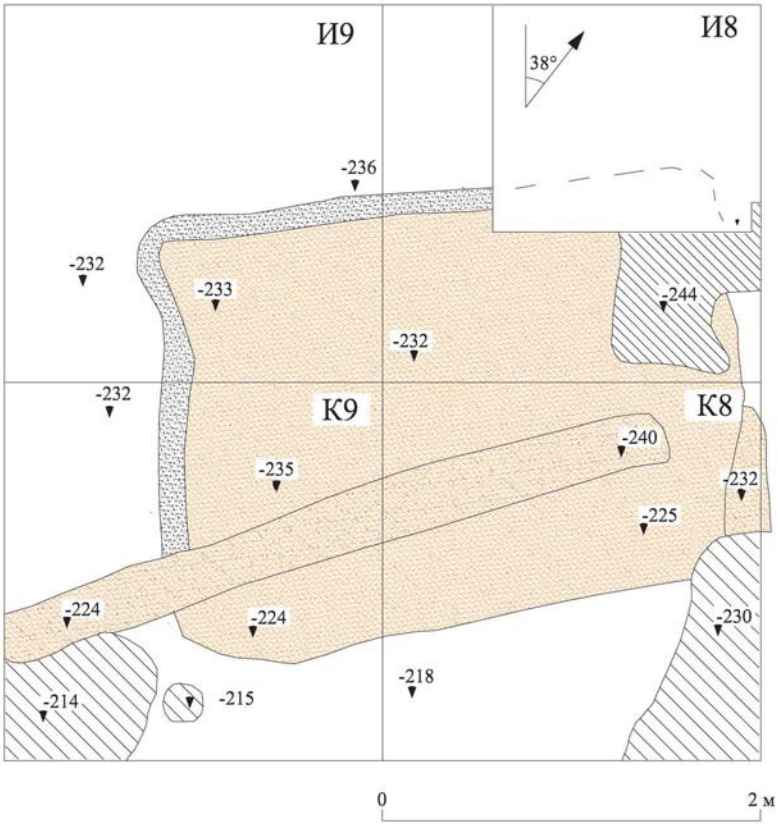
Приложение 1

ЧЕРТЕЖИ
Камерное погребение 2
Старовознесенский II раскоп, 2004 г.

DRAUGHTS
Chamber Grave 2
Starovoznesensky II excavation, 2004 year

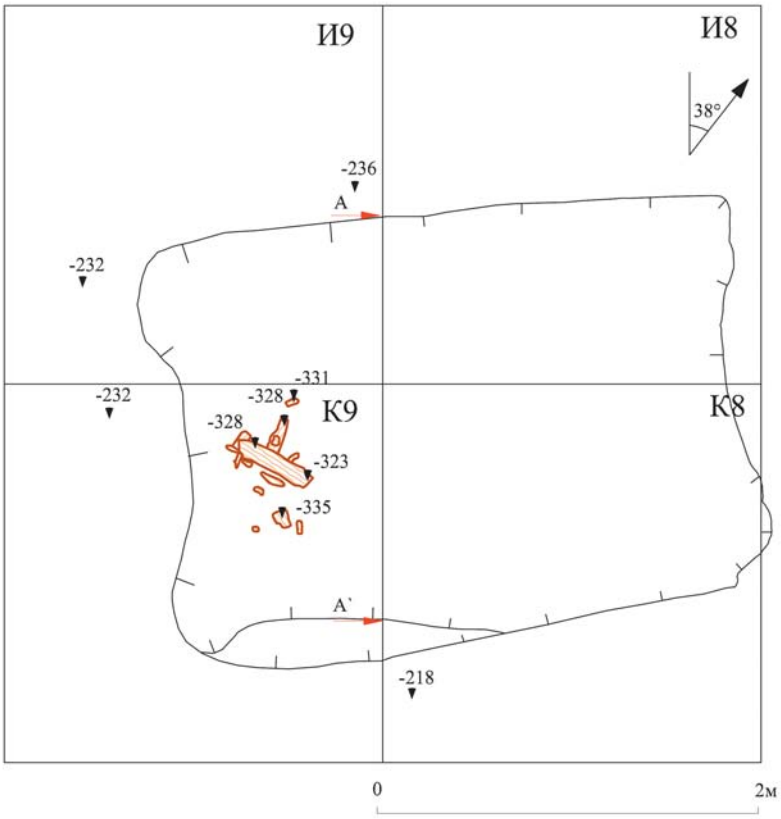


1. Схема расположения Старовознесенского II раскопа: I — Старовознесенский I раскоп, II — Старовознесенский II раскоп; а — границы Старовознесенского I раскопа, б — погребение 2, в — погребенние 1

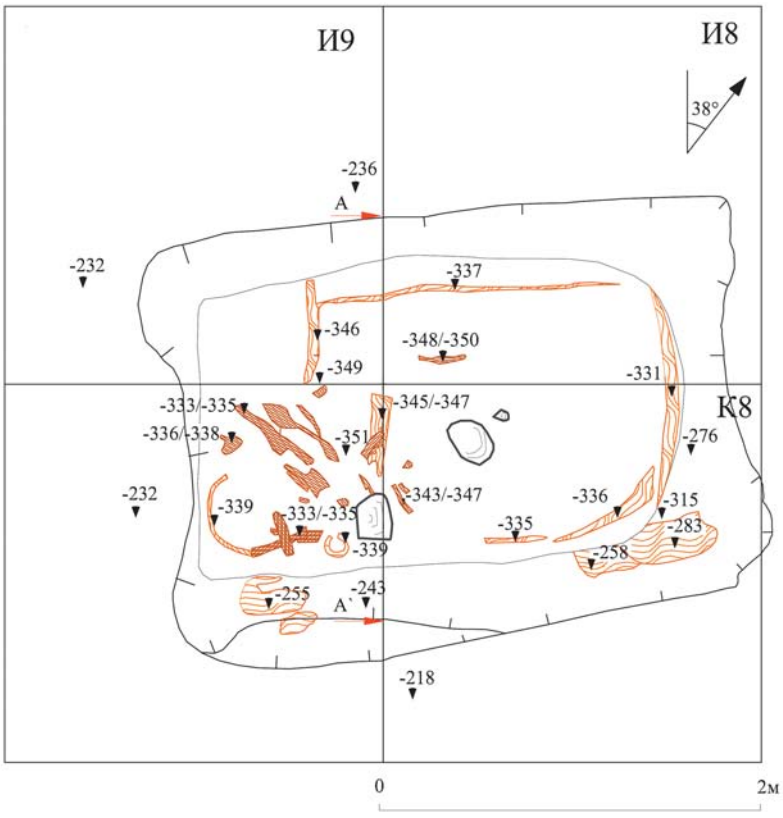


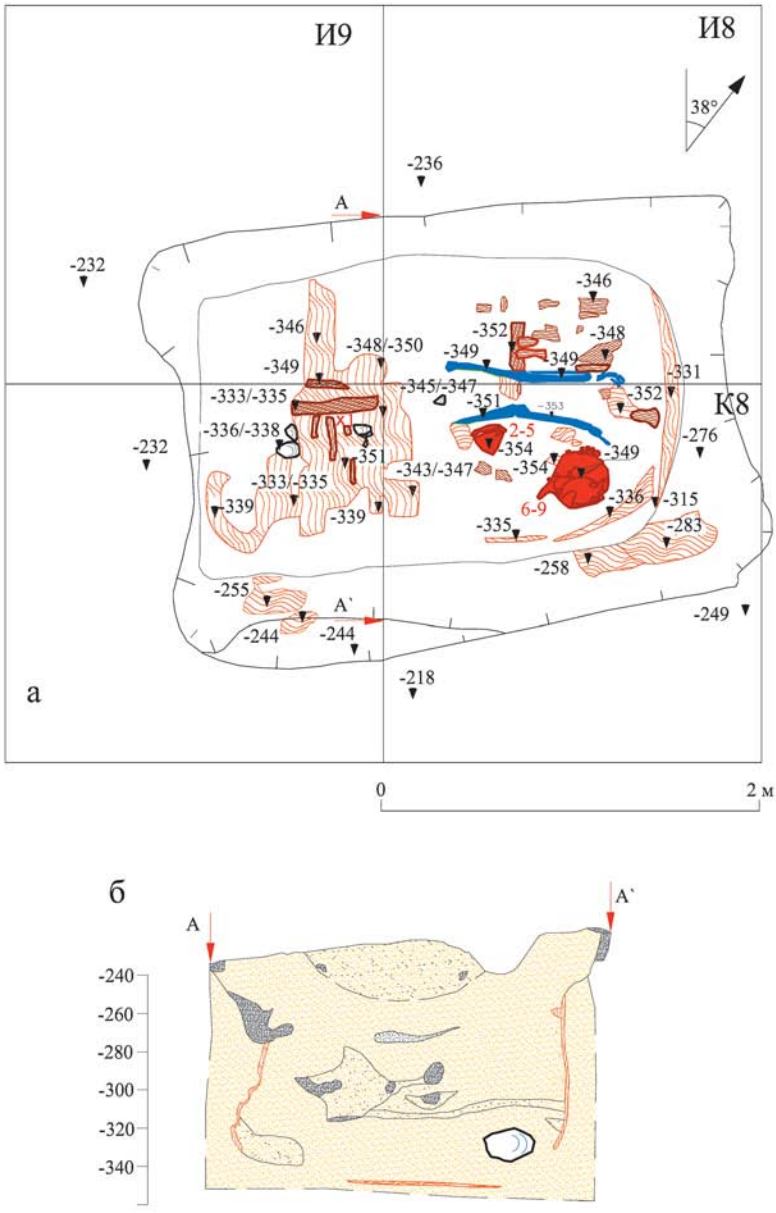
2. Пятно камерного погребения 2 на уровне материка. Старовознесенский II раскоп, 2004 г.

3. Конструкции верхнего перекрытия камерного погребения 2, Старовознесенский II раскоп, 2004 г.

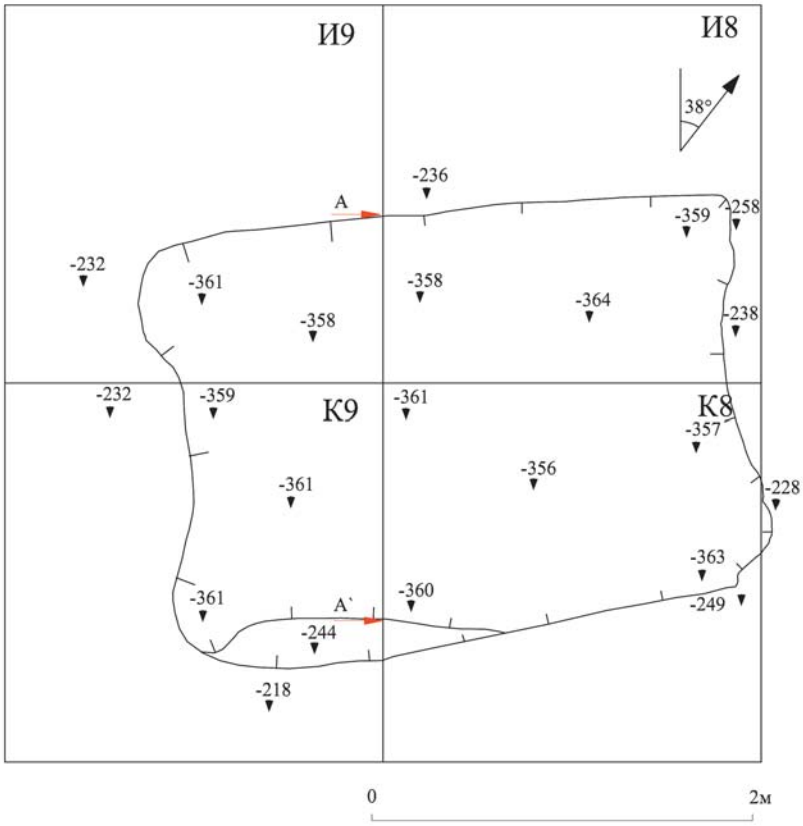


4. Элементы деревянных конструкций камерного погребения 2, Старовознесенский II раскоп, 2004 г.

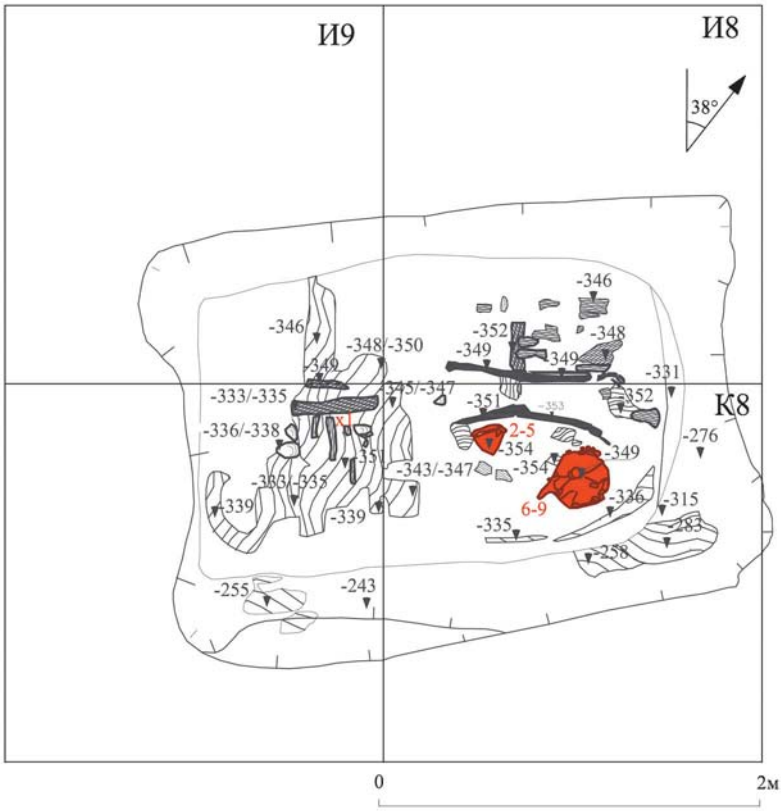




5. Камерное погребение 2 на уровне раскрытия костяка, Старовознесенский II раскоп, 2004 г.: А — план; Б — разрез



6. Яма камерного погребения 2 (яма 31),
Старовознесенский II раскоп, 2004 г.



7. План находок камерного погребения 2.
Старовознесенский II раскоп, 2004 г.

Приложение 2

СПИСОК НАХОДОК
Камерное погребение 2
Старовознесенский II раскоп, 2004 г.
(учетный шифр раскопа: П-04-СтВз-II)
Коллекция находится в фондах
Псковского государственного музея-заповедника

LIST OF FINDS
Chamber Grave 2
Starovoznesensky II excavation, 2004 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
1	**Навершие (?) с остатками рукояти (?) (**кв. К9). Железо, дерево. Ковка. *Pommel (?) with the remains of the handle (?).* *Iron, wood. Smithing.*	1/18
2	**Кресало (**кв. К8, комплекс I). Свинцовая латунь, железо. Литье, ковка. *Strike-a-light.* *Lead brass, iron. Casting, smithing.*	2/19
3а	**Лезвие ножа (**кв. К8, комплекс I). Железо. Ковка. *Blade of the knife.* *Iron. Smithing.*	4/21
3б	**Рукоять ножа, обвитая проволокой (**кв. К8, комплекс I). Железо, дерево, серебро. Ковка, волочение. *Knife handle twined round with wire.* *Iron, wood, silver. Casting, drawing.*	5/22
4	**Ключ (**кв. К8, комплекс I). Железо. Ковка. *Key.* *Iron. Smithing.*	3/20
5	**Предмет (**кв. К8, комплекс I). Железо. Ковка. *Object.* *Iron. Smithing.*	6/23
6	**Скобка (**кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка. *Cramp.* *Iron. Smithing.*	8/25
7	**Орнаментированная накладка крышки ларца.** **Фрагменты** (кв. К8, комплекс II, ларец). Бронза. Тиснение. *Ornamented mount of the chest cover in fragments.* *Bronze. Stamping.*	9/26
8а	**Треугольная накладка крышки ларца.** **Фрагменты** (кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка. *Triangular mount of the chest cover in fragments.* *Iron. Smithing.*	12/29/1–3
8б	**Запор с пружиной (**кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка. *Bolt with spring.* *Iron. Smithing.*	12/29/7

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
8в	**Цепочка для крепления запора на крышке ларца.** **Фрагмент** (кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка. *Chain for holding bolt on the chest cover. Fragment.* *Iron. Smithing.*	12/29/6
8г	**Деталь замка: упор (?) для пружины (**кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка. *Part of the lock: support (?) for the spring.* *Iron. Smithing.*	12/29/4
8д	**Скоба для крепления крышки ларца (**кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка. *Cramp for fixing the chest cover.* *Iron. Smithing.*	12/29/5
8е	**Кольцо с петлей и фрагментом пластины (**кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка. *Ring with the loop and fragment of the plate.* *Iron. Smithing.*	11/28
8ж	**Треугольные накладки крышки ларца (**кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка. *Triangular mounts of the chest cover.* *Iron. Smithing.*	10/27/1–3
9	**Гвоздики оковки крышки ларца (**кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка. *Small nails of the chest cover.* *Iron. Smithing.*	7/24

Приложение 3

КАТАЛОГ

Камерное погребение 2

Старовознесенский II раскоп, 2004 г.
(учетный шифр раскопа: П-04-СтВз-II)
Коллекция находится в фондах
Псковского государственного музея-заповедника

CATALOGUE

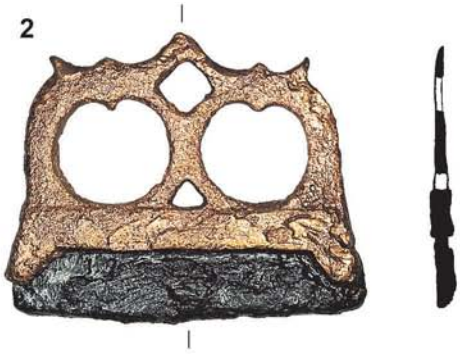
Chamber Grave 2

Starovoznesensky II excavation, 2004 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

1

Навершие (?) с остатками рукояти (?)
(кв. К9).
Железо, дерево. Ковка.
Pommel (?) with the remain of the handle (?).
Iron,wood. Smithing.

2



Кресало (кв. К8, комплекс I).
Свинцовая латунь, железо. Литье, ковка.
Strike-a-light. Lead-brass,iron. Casting, smithing.

3

а б

Лезвие ножа (кв. К8, комплекс I).
Железо. Ковка.
Blade of the knife. Iron. Smithing.

Рукоять ножа, обвитая проволокой (кв. К8, комплекс I).
Железо, кость, серебро. Ковка, волочение.
Knife handle twined round with wire.
Iron, bone, silver. Casting, drawing.

4

Ключ
(кв. К8, комплекс I).
Железо. Ковка.
Key. Iron. Smithing.

5

Предмет (кв. К8, комплекс I).
Железо. Ковка.
Object. Iron. Smithing.

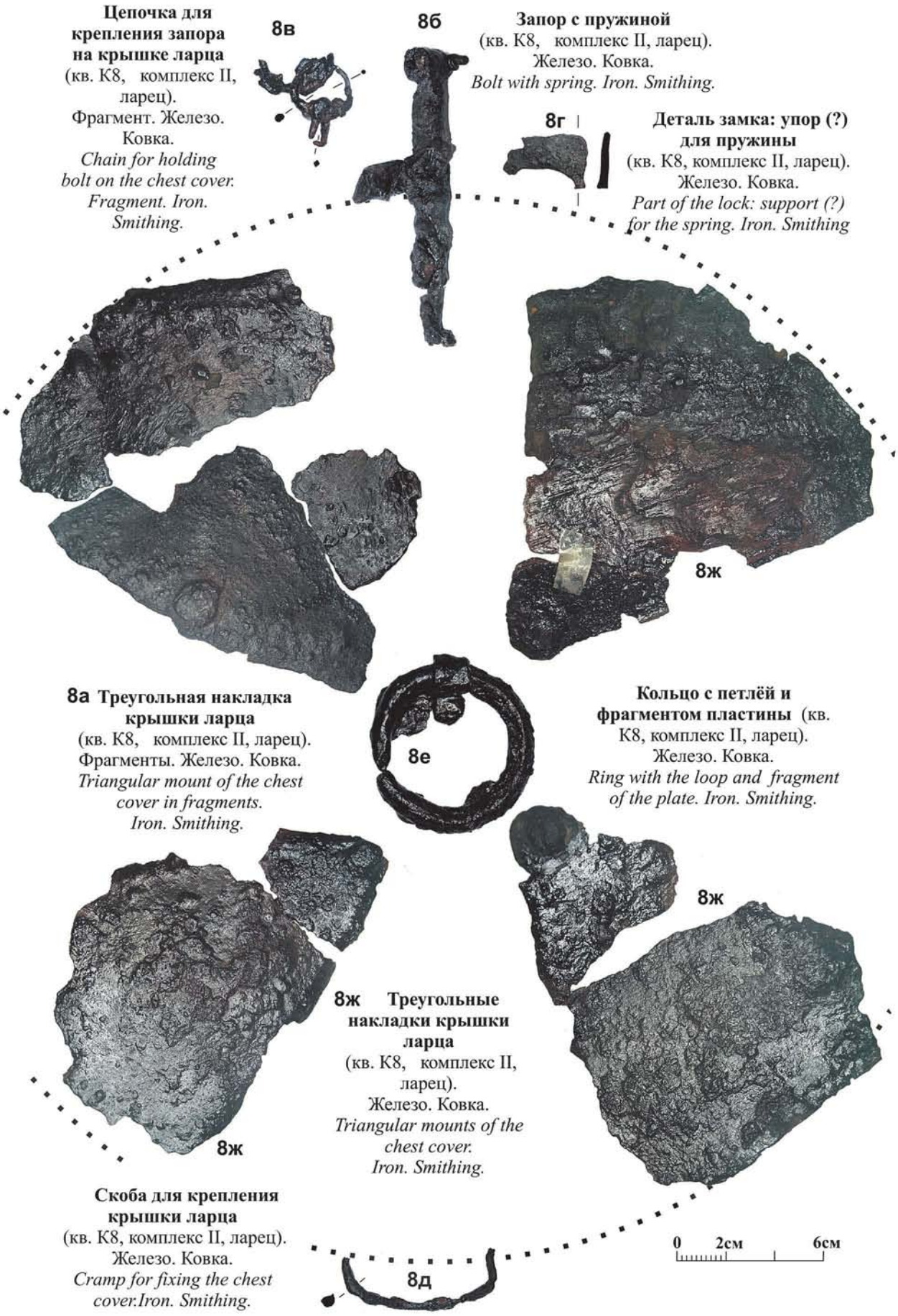
6

Скобка
(кв. К8, комплекс II, ларец).
Железо. Ковка.
Cramp. Iron. Smithing.

7

Орнаментированная накладка крышки ларца
(кв. К8, комплекс II, ларец).
Фрагменты. Бронза, тиснение.
Ornamented mount of the chest cover in fragments. Bronze. Pressing.

0 1см 3см



Цепочка для крепления запора на крышке ларца (кв. К8, комплекс II, ларец). Фрагмент. Железо. Ковка.
Chain for holding bolt on the chest cover. Fragment. Iron. Smithing.

Запор с пружиной (кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка.
Bolt with spring. Iron. Smithing.

Деталь замка: упор (?) для пружины (кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка.
Part of the lock: support (?) for the spring. Iron. Smithing

8а Треугольная накладка крышки ларца (кв. К8, комплекс II, ларец). Фрагменты. Железо. Ковка.
Triangular mount of the chest cover in fragments. Iron. Smithing.

Кольцо с петлёй и фрагментом пластины (кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка.
Ring with the loop and fragment of the plate. Iron. Smithing.

8ж Треугольные накладки крышки ларца (кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка.
Triangular mounts of the chest cover. Iron. Smithing.

Скоба для крепления крышки ларца (кв. К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка.
Cramp for fixing the chest cover.Iron. Smithing.

Гвоздики оковки крышки ларца (кв.К8, комплекс II, ларец). Железо. Ковка.
Small nails of the chest cover. Iron. Smithing.

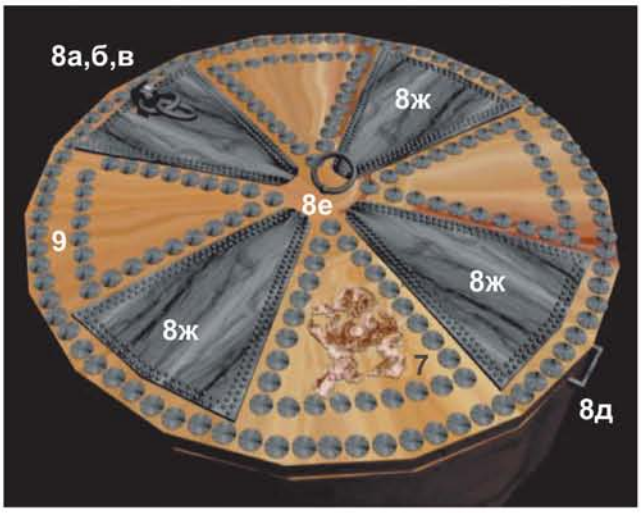
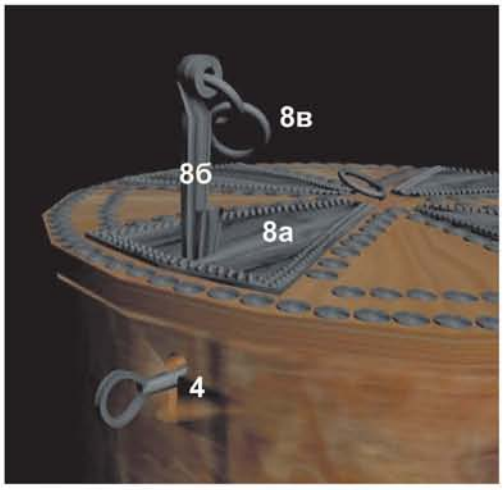


Рис.1.
3D реконструкция ларца.
3D reconstruction of the chest.



Е. А. Яковлева

Камерное погребение 3

(ул. Некрасова, 1; Старовознесенский IV раскоп, 2006 г., уч. Б, яма 21, кв. 10–12, 18–21, 26–29, 34–36; разграбленное женское захоронение с остатками костюма)

Обстоятельства находки и условия проведения работ

Погребение было открыто через два года после обнаружения предыдущего[1], примерно в 70 м к северо-западу от него, в ходе спасательных раскопок (рис. 1) на месте строительства ресторанно-гостиничного центра «Двор Подзноева»[2]. Исследование погребального объекта, располагавшегося в северо-западном углу раскопа (Прил. 1, *1*), проходило в конце августа — начале сентября в условиях крытого павильона (рис. 2) в сжатые сроки, предусмотренные договором. Уже в октябре начались строительные работы в котловане бывшего раскопа (рис. 3).

Камерное захоронение было зафиксировано после завершения исследований культурных отложений псковского посада XV–XVIII вв., выборки заполнения крупного линейного понижения (траншеи) древнерусского периода (рис. 4) и снятия остатков погребенной почвы, маркировавшей сложный микрорельеф участка погребенной материковой поверхности (подробнее см. Яковлева Е. А. Историко-топографический очерк..., т. II данного издания).

Линейное локальное понижение, больше всего напоминающее широкую пологую траншею, проходило вдоль всей северо-западной границы раскопа, параллельно линии ул. Некрасова. Участок траншеи шириной до 5–6 м прослеживался на протяжении более 100 м и имел несомненно рукотворный характер. Траншея была засыпана перемещенными материковыми породами без примеси культурного слоя. В заполнении прослеживался слой известнякового щебня и некрупных плит, залегавших по рельефу траншеи, вероятно являвшийся остатками и следами разрушения некоего несохранившегося сооружения (рис. 5). В засыпке обнаружены единичные фрагменты тонкостенной гончарной керамики, соотносимые с образцами XI–XIII вв. Назначение и датировка траншеи, выявленной на Старовознесенском раскопе, до сих пор являются предметом обсуждения (см. Яковлева Е. А. Историко-топографический очерк..., т. II данного издания).

В отношении погребального объекта важно, что траншея пересекла захоронение в период, когда курганная насыпь уже просела внутрь могилы и плотно заполнила ее грунтом. Поверхность пятна погребения имела рукотворный рельеф, определяемый тем, что это был участок склонов и дна указанного линейного понижения. Некоторое время траншея функционировала. На ее поверхности сформировалась погребенная почва (рис. 5). Затем (вероятно, в связи с началом освоения территории населением растущего посада) понижение засыпали, и на его поверхности появились дворы первых горожан (около середины XV в.). Западный угол камерной гробницы был нарушен ямой и связанным с ней колодцем XVI–XVII вв.

Методика и последовательность проведения работ

Раскопки захоронения проводились в последовательности, обратной порядку сооружения погребального объекта. После выборки заполнения

[1] Погребение 2, Старовознесенский II раскоп, 2004 г., руководитель раскопок — А. В. Михайлов.

[2] Шифр раскопа П-06-СтВзIV.

Рис. 1. Северо-западная часть Старовознесенского IV раскопа. Поверхность раскопа после снятия погребенной почвы, подстилавшей культурный слой посада XV–XVIII вв. Вид с северо-востока, сверху. Красным цветом обозначено место расположения погребения 3

Рис. 2. Установка павильона над местом раскопок камерного погребения 3. Старовознесенский IV раскоп, уч. Б. Вид с юго-запада

Рис. 3. Современный вид места расположения Старовознесенского IV раскопа — ресторанно-гостиничный комплекс «Двор Подзноева». Вид с северо-запада, с ул. Некрасова. а – проекция на место нахождения в 2006 г. погребения 3

Рис. 4. Выборка заполнения западной траншеи. Раскрытие погребенного дерна и остатков каменных конструкций. Вид с севера, сверху от вторых палат Подзноевых. Цветом обозначено: *синим* — границы траншеи; *зеленым* — контуры наиболее крупных подвальных ям построек XVI–XVII вв., приближенных к месту расположения погребения; *красным* — место расположения погребения 3

Рис. 5. Разрез заполнения понижения — траншеи, нарушившей верхнюю часть заполнения могильной ямы погребения 3. Старовознесенский IV раскоп, уч. Б, А. Вид с севера

понижения древнерусского времени на открывшейся материковой поверхности, имевшей сложный рельеф (понижение по оси В–З), выявились границы ПЯТНА могильной ямы. По ПЯТНУ горизонтальными пластами выбирался СЛОЙ ЗАПОЛНЕНИЯ ЯМЫ, представлявший собой часть просевшей в камеру курганной насыпи. В процессе этих работ выявлялись ОСТАТКИ ВЕРХНЕГО ПЕРЕКРЫТИЯ. После их изучения добирался грунт, просыпавшийся в яму в процессе их разрушения и заполнявший углы ПОГРЕБАЛЬНОЙ

Рис. 6. Участок пятен заполнений ямы камерного погребения 3 и линейного понижения — траншеи после снятия погребенной почвы. Старовознесенский IV раскоп, уч. А, Б, кв. 12, 13, 20, 21, 28, 29, 36, 37. Вид с северо-востока

КАМЕРЫ. Далее велось раскрытие самого ЗАХОРОНЕНИЯ и ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ, находившихся на полу. После снятия останков и фиксации ПОЛА последний был разобран. Также демонтированы нижние, сохранившиеся венцы СРУБА и расчищены предметы, скрытые под полом, в своеобразном ПОДПОЛЬЕ. После чего фиксировались дно и стенки ЯМЫ.

В ходе исследования из разных мест погребального сооружения и заполнявшего его слоя были собраны образцы грунта, угольков для микробиоморфных исследований (см. далее в настоящем томе статью А. А. Гольевой). С бревен пола погребальной камеры получена серия дендроспилов (см. далее в настоящем томе статью М. И. Кулаковой). Обнаруженные в захоронении остатки текстиля были взяты грунтовым монолитом и разобраны в камеральных условиях с последующей реставрацией (см. далее в настоящем томе статью Е. С. Зубковой, О. В. Орфинской).

Пятно

Погребение было выявлено по пятну слабогумусированного пылеватого песка с примесью супеси, со следами перемешанности на фоне материковой породы (рис. 6; Прил. 1, *2*). Его поверхность, нарушенная в верхней части траншеей, имела видимый наклон по оси ЮВ—СЗ, с перепадом высот с –140 до –220. Пятно в плане — околоквадратной формы, со скругленными углами, имело размеры прим. 4,8 × 4,8 м. По периметру пятна фиксировались тонкие серые гумусные прослойки толщиной от 1 до 12 см. Они прослеживались отрезками протяженностью до 50 см почти по всей границе. В плане серый гумус граничил с одной стороны с материком, с другой — с заполнением ямы. В юго-восточной, наиболее повышенной части на поверхности серой супеси прослеживались тончайшие

пятна древесного тлена, маркировавшего фрагменты трех элементов верхнего перекрытия. Пятно имело несколько бóльшие размеры в плане, чем открывшаяся под ним яма погребения, заполненная просевшей в нее частью курганной насыпи.

Слой заполнения ямы
(рис. 7)

Выборка заполнения производилась по поверхности серой гумусированной супеси, маркировавшей яму. Этот слой наклонно-вертикально заглублялся, образуя «временные» стены ямы. На краях ямы отмечался древесный тлен, по мере раскрытия оказавшийся остатками верхнего перекрытия. В составе грунта просевшей насыпи преобладали коричневый и желтый пылеватый песок, мелкие гравий и галька. В заполнении на разных уровнях, в том числе и среди обломков верхнего перекрытия, непосредственно на нем, под ним и даже на полу камеры-сруба, попадались отдельные гранитные валуны. Преобладали небольшие по размеру камни ок. 12 см в поперечнике, но встречались и довольно крупные экземпляры — до 25–45 см. Камни могли преднамеренно использоваться при устройстве насыпи, а могли попасть в нее и в составе грунта, поскольку моренные отложения, в которых вырыта яма, включали значительное количество камней. Обращает на себя внимание, что насыпь в основном была создана из рыхлой супесчанистой смеси, а не из тяжелого суглинка, в котором была вырыта могильная яма.

Вокруг захоронения отмечались участки материковой поверхности, лишенные плаща пылеватых песков. На этих местах поверхность кровли геологических пород была представлена моренным суглинком с довольно частыми включениями гранитных и известняковых камней. Возможно, это свидетельствует о преднамеренном перемещении (срезке) верхнего слоя геологической кровли, в том числе и о возможном избирательном использовании именно песка для устройства курганных насыпей.

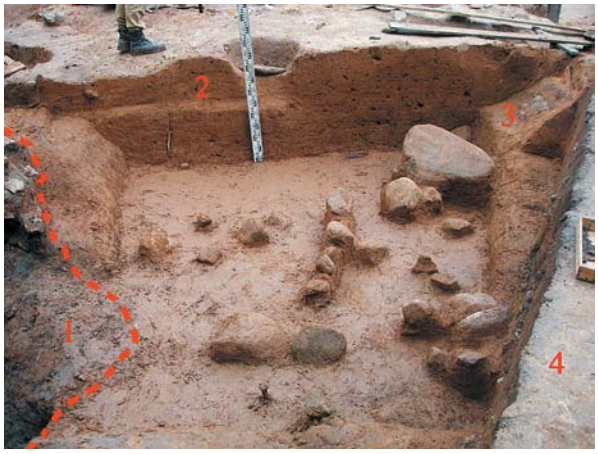


Рис. 7. Слой заполнения ямы погребения 3. Старовознесенский IV раскоп, уч. Б, вид с края раскопа, с северо-востока.Цветом и цифрами на фотографии обозначены: 1 — зона нарушения погребения позднесредневековой постройкой и колодцем; 2 — стратиграфический разрез заполнения ямы погребения; 3 — следы древесного тлена — остатков верхнего перекрытия на краю юго-восточной стенки ямы; 4 — стратиграфический разрез заполнения траншеи, прорезавшей погребение

Остатки верхнего перекрытия
(рис. 8–11)

Остатки деревянных конструкций верхнего перекрытия камеры раскрывались с 9-го по 14-й пласт (рис. 8, 9; Прил. 1, *3, 4*). Его сохранившаяся in situ часть зафиксирована на северо-западном (рис. 10) и юго-восточном краях ямы в виде древесного тлена, перекрывавшего серую супесь, маркировавшую габариты ямы. Лучшую сохранность имели те части, которые просели в камеру и были законсервированы рухнувшей на них курганной насыпью.

Рис. 8. Разрез слоя заполнения ямы погребения 3 до уровня верхнего яруса разрушения перекрытий

Рис. 9. Раскрытие яруса разрушения верхнего перекрытия в центральной части ямы. Старовознесенский IV раскоп, уч. Б, вид с востока

Рис. 10. Ярус разрушения верхнего перекрытия погребальной камеры. Старовознесенский IV раскоп, уч. Б, вид с северо-востока

Рис. 11. Ярус разрушения верхнего перекрытия погребальной камеры.
Старовознесенский IV раскоп, уч. Б, вид с юго-запада

Рис. 12. Разрез остатков просевшего в погребальную камеру верхнего перекрытия.
Старовознесенский IV раскоп, уч. Б, вид на северо-западную стенку ямы.
1 — чашеобразное проседание в поверхности остатков деревянного перекрытия

Рис. 13. Элементы верхнего перекрытия камерного погребения 3, в северном углу ямы. Старовознесенский IV раскоп, уч. Б, вид с северо-запада

Перекрытие представляло собой настил из плах или горбыля, уложенный по оси СВ–ЮЗ на поперечные переводины, опирающиеся на края ямы. Концы плах, первоначально лежавшие горизонтально, опирались на края ямы. При обнаружении они залегали наклонно, по рельефу «временных» стенок, местами почти вертикально, отражая процесс проседания и разрушения перекрытия (рис. 12–14). На наиболее сохранившихся участках можно было проследить, что при строительстве плахи были плотно подогнаны друг к другу по длинной оси, местами, вероятно, даже перекрываясь краями. Поперечные разрезы плах (рис. 15) позволяют предполагать, что они были уложены «кузовком», попеременно одна к одной, округлой стороной то вверх, то вниз. Переводины сохранились частично в виде фрагментов истлевшей древесины, подстилающих остатки настила поперечного направления (рис. 16, 17). Лучшая сохранность дерева конструкций верхнего перекрытия отмечалась на склонах, вдоль стен (рис. 18). На северо-западной стене участок верхнего настила в продольном направлении был перекрыт слоем (полосой) красноватой глины (Прил. 1, *4*, *а*, *б*). Использование глины в конструкциях верхнего перекрытия также отмечалось в первой, четвертой и седьмой камерах.

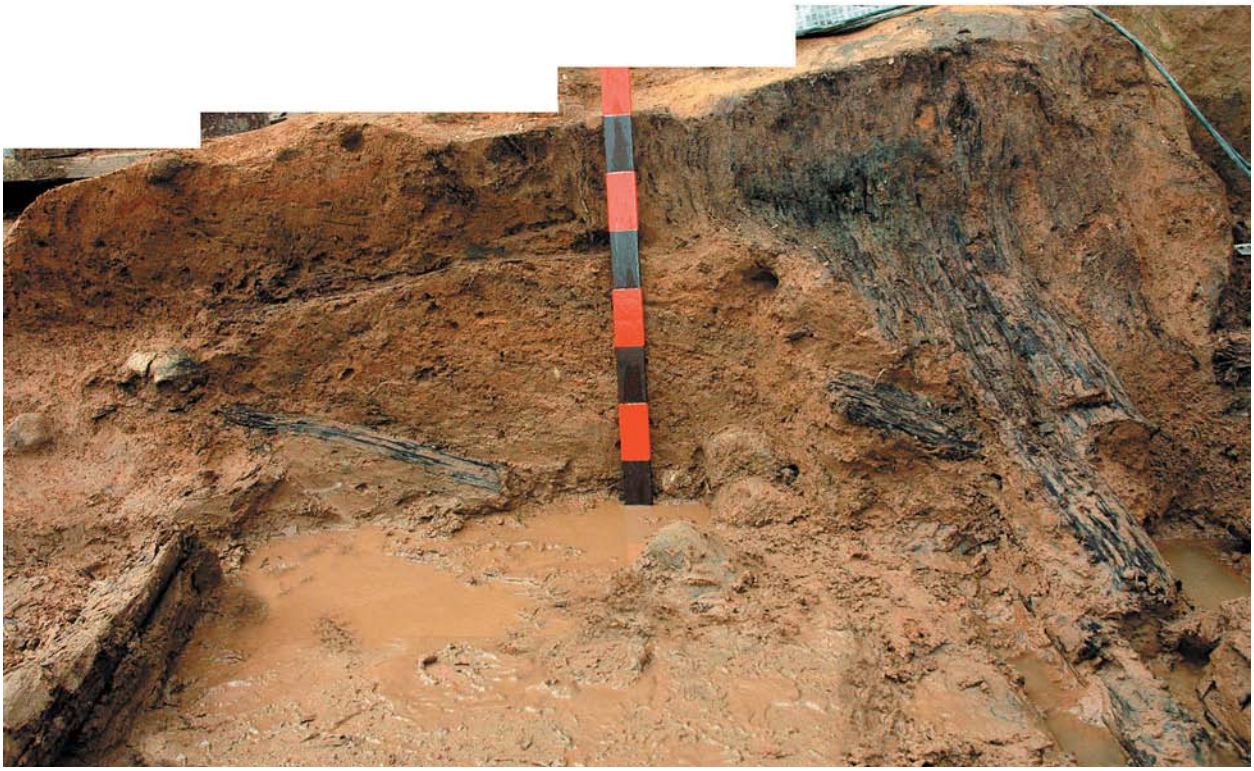


Рис. 14. Плахи верхнего перекрытия на северо-западной «временной» стенке камеры. Верхняя часть стены уничтожена траншеей древнерусского времени

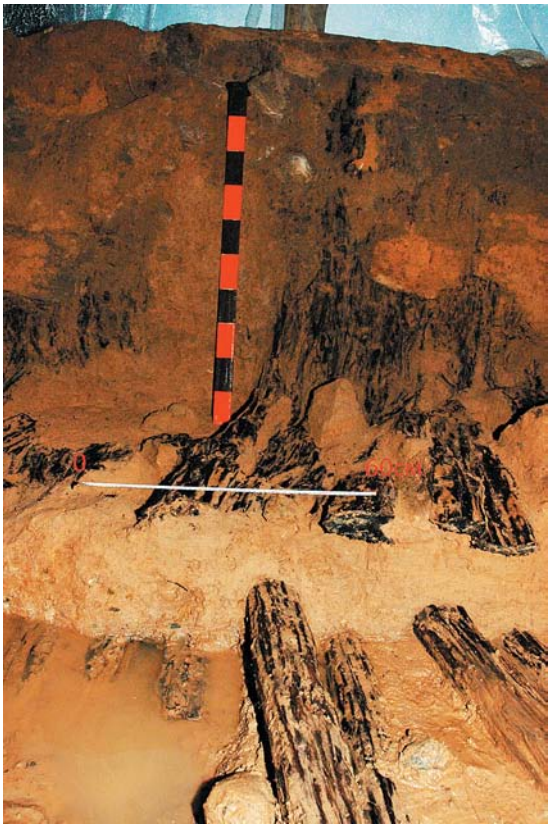


Рис. 15. Элементы верхнего перекрытия в разрезе (кв. 20). Вид с юго-запада

Рис. 16. Остатки конструктивного узла верхнего перекрытия: фрагмент переводины (черная) и плах настила (кв. 20). Северо-восточная «временная» стенка

Рис. 17. Остатки верхнего перекрытия на северо-восточной «временной» стенке камеры (кв. 12, 20). Вид с юго-запада

Рис. 18. Раскрытие остатков верхнего перекрытия на северо-западной «временной» стенке камеры (кв. 11, 12). Вид с юго-востока

Рис. 19. Камень на плахах верхнего перекрытия в северном углу камеры (кв. 11, 12). Вид с юга

Рис. 20. Свечи в слое песка между и под остатками верхнего перекрытия (кв. 27, в процессе разборки остатков верхнего перекрытия). Вид с северо-запада

Рис. 21. Слой серой супеси под остатками деревянного перекрытия погребальной камеры на северо-западной «временной» стенке ямы. Вид с юго-запада

Характер переводин, от которых сохранились лишь пятна древесного тлена (рис. 16), не установлен. Их фрагменты на краях ямы имели черный цвет, как и в четвертой камере, что свидетельствовало о соприкосновении с огнем. Однако плохая сохранность древесины этих деталей говорит о том, что они были лишь обожжены, вероятно, только по поверхности. Следов выпусков переводин за границы полотна настила не прослежено.

Длина верхнего настила (по торцам просевших элементов перекрытия, вдоль плах), по оси СВ–ЮЗ — до 4,3–4,5 м. Ширина всего перекрытия по перпендикулярному (поперечному) направлению — до 4 м (Прил. 1, *3*). Ширина сохранившихся частей плах — 10–22 см, толщина — до 3 см. Торцевые линии границ настила — относительно ровные. В составе перекрытия было использовано более 20 плах. На поверхности перекрытия и его остатков повсеместно лежали гранитные валуны размером от 5 до 30 см в поперечнике, оказавшиеся затем в составе заполнения ямы (рис. 19).

В горизонте, маркированном остатками деревянного перекрытия, выделяется зона наибольших разрушений (Прил. 1, *3*). Именно здесь, в центральной части камеры, наблюдается концентрация камней, деревянных фрагментов небольшого размера, залегающих вне системы устройства перекрытия. Среди них — несколько осколков и большая берцовая человеческая кость. В южном углу, ближе к юго-восточной стенке, под и между деталями перекрытия, в песке, заполнявшем объем камеры, находились восковые свечи: одна коническая и две удлиненно-цилиндрические (рис. 20). Зафиксированная зона хаотичного залегания остатков верхнего перекрытия указывала на неестественный характер разрушения конструкции лишь в определенном месте и, как выяснилось при последующем раскрытии, подтверждала факт ограбления могилы в историческом прошлом, указывая на предполагаемое место устройства грабительского лаза.

В отличие от других камерных погребений здесь в составе заполнения центральной части

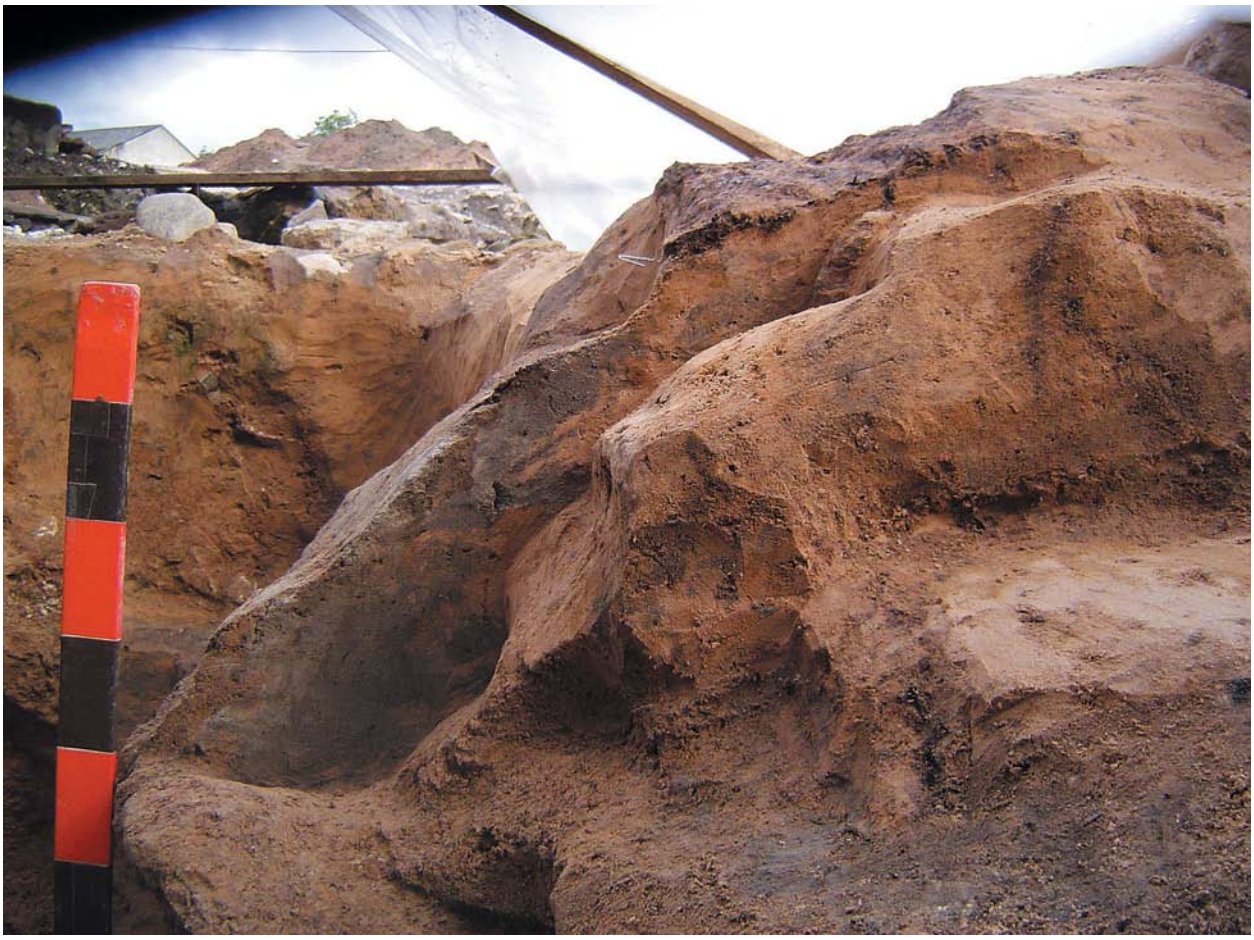


Рис. 22. Слой серой супеси и остатки деревянного перекрытия погребальной камеры в верхней части юго-восточной «временной» стенки ямы (кв. 28). В разрезе. Вид с северо-запада

ямы почти не отмечались куски серой гумусированной супеси. Этот слой в основном залегал вдоль стен ямы, распространяясь под деревянный настил верхнего перекрытия, закрывая верхнюю часть грунтовой стенки ямы, не защищенную стеной сруба (рис. 21, 22).

Сруб

(Прил. 1, *5, 6*)

Камера представляла собой сруб, сложенный из бревен длиной 4,5–4,9 м, диаметром 10–14 см. Размеры внутреннего пространство сруба,

Рис. 23. Общий вид погребальной камеры 3 на уровне пола. Вид с северо-восточной стенки раскопа

Рис. 24. Общий вид погребальной камеры 3 на уровне пола. Вид с юго-западной стенки раскопа

Рис. 25. Восточный угол (с выпусками) верхних венцов сруба (кв. 21). Вид с запада

ориентированного по оси СВ–ЮЗ: 4,15 × 3,5 м. Сруб занимал центральное положение в яме. Зазоры между стенками сооружения и грунтом в нижней части ямы составляли от 5 до 20 см. Бревна стен камеры сохранились лишь в нижней части (рис. 23, 24). О наличии деревянных стен на более высоком уровне свидетельствовал древесный тлен, маркировавший не только местоположение бревен, но и углов с выпусками. На верхних уровнях (Прил. 1, *5*, *а*) следы от стен, обозначенных тонкими прослойками древесного тлена, казалось бы, свидетельствовали о том, что постройка была выполнена из толстых досок или плах (рис. 25, 26). На самом деле два нижних венца усыпальницы были выполнены из крепких бревен (рис. 27) диаметром ок. 12 см, позволивших получить серию дендродат. Общее количество венцов сруба-камеры точно не установлено. Учитывая верхние отметки сруба и диаметр сохранившихся бревен, предполагается, что в постройке было не менее 7 венцов. Высота сруба составляла не менее 0,8 м.

Западный угол конструкции разрушен колодезной ямой XVII в. (рис. 28). При этом стоит отметить наилучшую сохранность бревен камеры именно на границе с колодцем.

Рис. 26. Северный угол верхних венцов сруба (кв. 12). Вид с севера, сверху

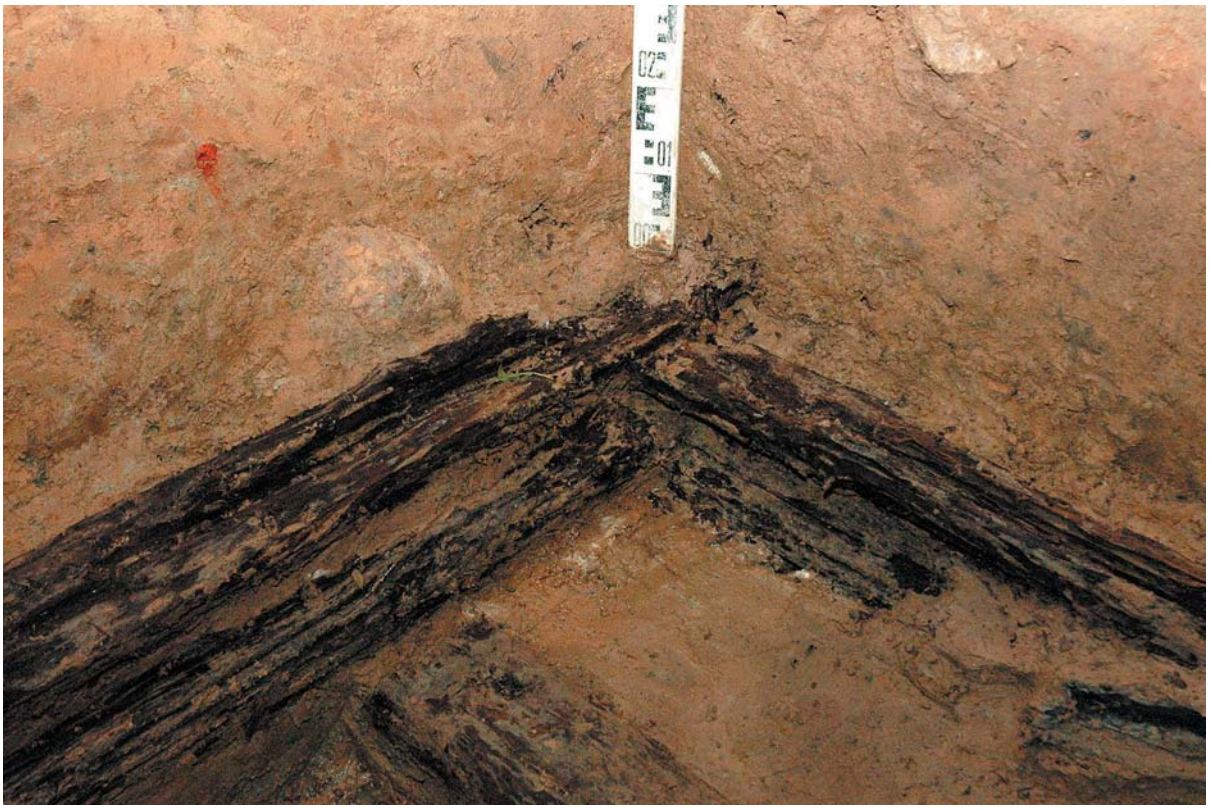


Рис. 27. Восточный угол сруба. Нижние венцы. Вид с запада

Рис. 28. Западный угол погребальной камеры 3, разрушенный колодцем XVIII в. (кв. 18). Вид с востока

Рис. 29. Восточный угол нижнего венца сруба (кв. 21). Вид с северо-запада

В углах сруба в бревнах имелись конструктивные «круглые» чашки-выборки. Неравномерная сохранность разных участков бревен постройки свидетельствовала о том, что усыпальница была сооружена из деталей разобранной срубной постройки, рубленой «в обло», с выпусками 25–30 см (рис. 29), определенное время подвергавшейся воздействию внешних погодных условий.

Нижний венец сруба был установлен прямо на суглинистое выровненное дно ямы без каких-либо подкладок.

Пол

Внутри сруба по длинной оси сооружения (СВ–ЮЗ) было выполнено сплошное замощение бревнами, уложенными на поперечные бревенчатые лаги (рис. 23, 24; Прил. 1. *6*). Бревна пола длиной до 4 м, диаметром 10–12 см не имели соединений со стенами. Подкладки лежали на (в) глинистом дне ямы, немного ниже уровня основания сруба. Они располагались параллельно вдоль более коротких (северо-восточной и юго-западной) стен на расстоянии 30 см от них. Сохранность дерева пола и переводин хорошая.

Некоторые бревна лежали поверх основного полотна пола с нарушением общего направления настила. Вероятно, эти перемещения были связаны с действиями грабителей, знавших о том, что под полом могут быть спрятаны привлекательные для них вещи.

С конструкцией пола связано 22 бревна, 5 из них перемещены, вероятно, во время ограбления, остальные лежали in situ. Концы всех бревен вдоль ЮЗ стены аккуратно отпилены, образуя довольно ровную линию, параллельную стене, в 2–4 см от нее (рис. 30). В СВ направлении некоторые концы неравномерно прогнили, часть бревен уложена вплотную к нижнему венцу. На одном бревне прослежен косой спил

Рис. 30. Край настила пола в западном углу сруба. Вид с юго-востока

Рис. 31. Северный угол погребальной камеры 3, в месте проседания верхнего перекрытия. Остатки несохранившегося деревянного объекта (?) (кв. 11, 12). Вид с юго-востока

Рис. 32. Посинение глины в месте контакта с нижней частью перводины пола в восточном углу камеры 3 (кв. 20). Вид с востока

длиной ок. 55 см. Бревна, вероятно, являлись деталями сруба, часть которого использовалась для сооружения гробницы. В мощении пола бóльшая часть бревен была уложена одним концом — круглой чашкой на переводину, в другом направлении — часть с чашкой и угловым выпуском была отпилена и также уложена на бревно-переводину. Бревна, уложенные чашкой или отпиленным концом на одной подкладке, чередовались. В двух бревнах имелись продольные пазы на всю длину бревна размером ок. ¼ диаметра. В восточном углу камеры отсутствовало мощение. На этом участке площадью ок. 0,6 кв. м зафиксировано проседание грунта, напоминающее оттиск некоего округлого предмета (под таким же чашеобразным прогибом остатков верхнего перекрытия) (рис. 12, *1*). В грунтовом чашеобразном углублении находились многочисленные деревянные обломки мелких досочек (рис. 31). В зоне грабительского лаза, прямо на бревнах пола (кв. 19), — несколько гранитных валунов.

Рис. 33. Общий вид ямы погребения 3. Нижние венцы сруба, переводины пола, пятна и деревянные лопаты на дне ямы. Вид с северо-восточной стенки ямы

Рис. 34. Общий вид ямы погребения 3. Нижние венцы сруба, переводины пола, пятна и деревянные лопаты на дне ямы. Вид с юго-западной стенки ямы

Вдоль торцевой части бревенчатого настила отмечены лежащие поверх них поперечные обломки досок (?). Эти обломки находились у самых стен сруба (кв. 20, 27) и, возможно, представляли собой остатки либо поперечных перекладин верхнего настила, либо каких-то других, несохранившихся элементов конструкции камеры или погребального ложа. Подобные доски (?) и фрагменты вдоль стен сруба, поперечного полу направления, фиксировались в камерах 1 и 4.

Обратило на себя внимание «посинение» материковой глины в местах непосредственного, плотного контакта с нижними частями деревянных элементов пола и основания сруба, объяснимое, вероятно, особенностями геохимических процессов, происходивших в анаэробных условиях погребального объекта (рис. 32).

«Подполье»

После снятия бревен пола открылось земляное дно ямы, вырытой в слоистом коричневатом суглинке. Его поверхность, относительно горизонтальная, была покрыта микронеровностями, перепад высот в которых составлял ок. 5 см. Примерно по диагонали (С–Ю), определялась граница между более гумусированной зоной, занимавшей несколько бóльшую площадь (восточную часть), и западным углом, где дно ямы было представлено чистой природной глиной.

По всей площади дна ямы фиксировались несколько бессистемно расположенных пятен (рис. 33, 34). Пятна в плане располагались без привязки к контурам сруба, местами распространяясь под бревна нижнего венца и переводин пола (Прил. 1, *6*). Основой состава пятен являлась окружающая материковая порода различной степени гумусированности и перемешанности грунта.

В южном углу находилась «цепочка» из небольших гранитных валунчиков размером ок.

10 см в поперечнике (кв. 27). Протяженность «цепочки», залегавшей параллельно юго-восточной стенке сруба, примерно в 1 м от нее, — ок. 1,3 м. Камни частично перекрывали пятно 1 (кв. 27), расположенное под юго-западными стеной сруба и переводиной пола. Оно состояло из слабогумусированного песка с примесью микрочастиц древесного угля и имело достаточно четкие границы. Мощность пятна — 2–3 см.

В северной части ямы, в пределах сруба, — пятно 2 серого аморфного гумусированого песчанистого грунта (кв. 19) размером до 60 см в поперечнике с включением мелких угольков. Мощность пятна — до 6 см. Оно залегало в неглубоком микропонижении материка.

Пятно 3 (кв. 26, 27), неправильной в плане формы, размером ок. 1 м в поперечнике, примыкало к первому с северо-запада. Оно также было перекрыто бревнами стены сруба и переводины. В его составе отмечался несколько более темный по цвету (по сравнению с материковой породой), сероватый опесчаненный субстрат (рис. 35).

Пятно 4 располагалось в северо-восточном углу кв. 27, в гумусированной зоне. Оно имело неправильную, округлую в плане форму, размером до 0,4 м в поперечнике и состояло из перемешанного песка.

Вероятно, пятна представляют собой следы устройства погребального сооружения либо могли быть связаны с желанием обозначить пространство под полом как «подполье» погребальной камеры. В кв. 19, вне границ пятен, обнаружены две скорлупки лещины и 7 маленьких щепок (пятна древесного тлена размером ок. 5 × 1 см).

Останки

Останков, расположенных в анатомическом порядке, в традиционном месте их размещения — на полу погребальной камеры — обнаружено не было (рис. 23, 24).

Отдельные кости находились в слое заполнения среди камней и остатков верхнего перекрытия, разрушенного временем и грабителями (Прил. 1, *3, 4*). Поврежденный череп был обнаружен в слое засыпки, у юго-западной стены (рис. 12, *1*). Бедренные кости — в восточной части камеры. Несколько осколков различных костей были рассредоточены в слое заполнения ямы на разных глубинах, в пределах предполагаемой зоны вторжения.

Рис. 35. Юго-восточная стена сруба, переводина пола, пятно 3 и 4 на дне ямы. Вид с северо-запада

Погребальный инвентарь[1]

Несмотря на ограбление, произошедшее в историческом прошлом, отдельные находки сохранились. Поскольку предметы оказались перемещенными, восстановить их первоначальное положение затруднительно. В разных местах погребального объекта были обнаружены 33 находки. Тем не менее в расположении предметов выделяются несколько топографических комплексов, обусловленных стратиграфией заполнения могильной ямы:

1. В составе заполнения камеры, в слое просевшей насыпи, в «зоне вторжения» (Прил. 1, *4*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***2***, ***4***, *7*, ***12***, ***14***).

2. На деревянном полу камеры и между бревен, а также на участках, где бревна отсутствовали (Прил. 1, *5*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***1***, ***3***, ***5***, ***8***, ***13***, ***16***, ***18–22***, ***31–33***).

3. Под полом, на дне ямы (Прил. 1, *6*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***6***, ***9–11***, ***15***, ***17***, ***23–30***).

Среди предметов, обнаруженных в разных частях погребального сооружения и его

[1] Все вещи прошли реставрацию и консервацию на базе мастерской АНО «Псковский археологический центр». Реставраторы Н. Н. Серова, С. А. Салмин.

заполнении, выделяются ***восковые свечи*** (Прил. 1, *4–6*, Прил. 3, Каталог, ***12–21***). Всего 10 находок: целые формы (рис. 37), обломки, свечные подтеки воска. Некоторые из них были открыты на уровне остатков верхнего перекрытия и в слое заполнения могильной ямы (Прил. 1, *4*; Прил. 2, Прил. 3, Каталог, ***12***, ***14***), другие — на полу и под полом (Прил. 1. *5, 6*; Прил. 3, Каталог, ***13***, ***15–21***)[1].

Комплекс 1. В заполнении камеры, в слое просевшей насыпи, в «зоне вторжения»

Осколок сланцевого оселка (Прил. 2; Прил. 3, Каталог, *7*; кв. 20, гл. –178). Сохранилась центральная часть точильного камня, концы обломаны. В поперечном сечении предмет имеет трапециевидную форму. Длина фрагмента 4,3 см, ширина — 1–1,4, толщина — 1 см. Все четыре грани хорошо обработаны. Вероятно, оселок привешивался на серебряное колечко, из-за которого и был разбит сам камень.

Кольцевидная фибула с завязанными концами, ***иглой и цепочкой*** (Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***2***; кв. 19, гл. –262), в песчанистом слое заполнения, между обломками верхнего перекрытия). Фибула и игла выполнены из серебряной проволоки круглого сечения диаметром чуть более 1 мм. Игла крепилась к кольцу расплющенным закрученным концом. Спинка иглы — со следами использования — прогнутая. От серебряной цепочки сохранился фрагмент длиной 6,5 см. Ее 14 звеньев выполнены из сплющенных колечек, согнутых пополам, и петлевидно соединенных одно с другим.

Серебряное колечко диаметром 2 см для привешивания неких мелких предметов с сомкнутыми концами (Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***4***) выполнено из серебряной проволоки, круглой в сечении, диаметром ок. 1 мм, было обнаружено в кв. 19.

В слое заполнения над остатками верхних перекрытий и непосредственно между его фрагментами найдены фрагменты восковых свечей. В квадрате 20 в песке выявлен свечной подтек — ***капли воска*** (Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***12***; гл. –284). В квадрате 27 обнаружен ***обломок свечи*** (Прил. 2; 3, Каталог, ***14***; гл. –283).

[1] Восковые капли и свечные подтеки в районе «зоны вторжения» говорят о возможном использовании свечей (найденных в камере и (или) принесенных с собой) самими грабителями.

Комплекс 2. На деревянном полу камеры

Круглая подвеска (Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***1***, кв. 19, гл. –289), украшенная зернью, найдена на доске — детали погребального ложа. Круглая пластинка подвески диаметром 2,1 см по краю орнаментирована рельефным периметральным желобком, оформленным двумя выпуклыми валиками. В желобок уложена витая проволока. С внутренней стороны внутреннего валика по поверхности основного поля уложена цепочка из одного ряда зерни. Композиция декорирования сложная, симметричная по вертикальной оси. Напоминает орнаменты крупных серебряных лунниц. Нижняя часть подвески шириной в периметральный желобок не сохранилась. Пластина-основа подвески, единая с ушком для подвешивания, тонкая (ок. 0,5 мм), сплошная.

В северной части сруба, у восточной стенки, в кв. 20, на бревнах пола, среди обрывков бересты найден ***развал керамического сосуда*** (32 фр-та) (рис. 36; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***22***; гл. –293), позволяющий воссоздать его первоначальный облик. Высота сосуда почти равна диаметру по венчику — ок. 13,5 см. Диаметр дна — 9,7 см. Диаметр по плечику на 4 мм меньше верхнего. Гончарный горшок украшен по шейке волнистым орнаментом, плечико и верхняя половина тулова декорированы линейным широкополосным орнаментом. Зона линейной орнаментации шириной 6 см включает 10 параллельных полос. В. М. Горюновой данный экземпляр отнесен к группе «S»-видных горшков выраженной профилировки и приземистых пропорций, бытовавших в конце X в. (см. ниже в настоящем томе статью В. М. Горюновой).

У северо-восточной стенки сруба, на уровне пола, между бревнами, найдены три тонкие пластинчатые ***серебряные накладки*** (Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***5***; гл. –290), вероятно, оформлявшие край сосуда из органического материала. Судя по характерному изгибу пластин, диаметр края сосуда небольшой — не более 6–8 см, вероятно, это был рог. Накладки имеют форму равнобедренных прямоугольных треугольников, с усеченными уголками и ступеневидно вырезанными краями «катетов» (по 4 прямоугольных ступеньки с каждой стороны и вершина — в виде прямоугольника). Пластины крепились к органической основе с помощью серебряных гвоздиков (сохранилось 6 экз.) с расклепанными шляпками и загнутыми остриями. Гвоздики вбивались в отверстия диаметром ок. 1 мм, расположенные на ступеневидных выступах краев. Накладки декорированы треугольным пуансоном. Равнобедрен-

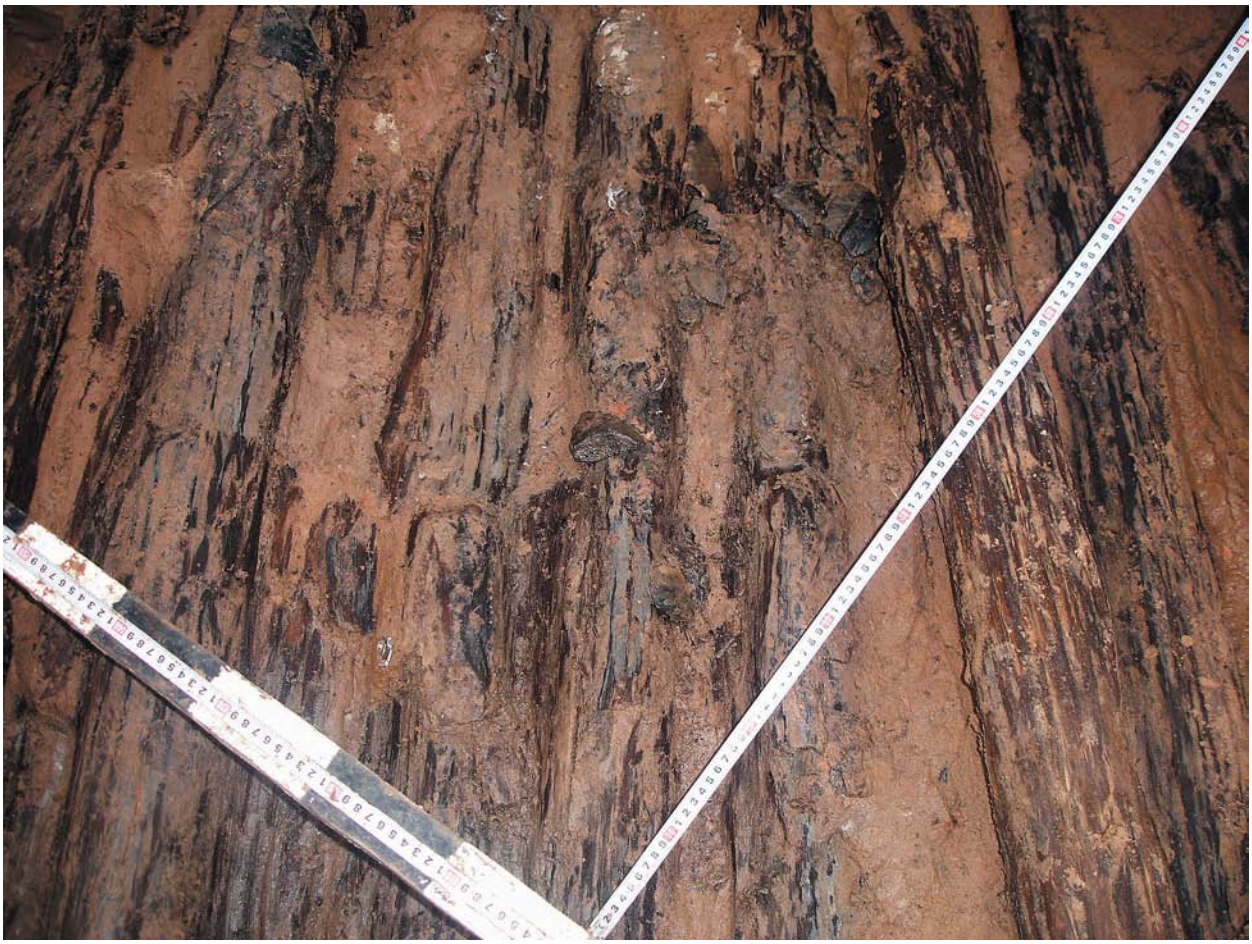


Рис. 36. Осколки керамического горшка на бревнах пола камеры (кв. 20). Вид с северо-востока

ные треугольнички (со сторонами ок. 3 мм) штампа состоят из «уложенных пирамидкой» в 3 ряда 6 кружочков. Треугольные штампики набиты бессистемно, заполняя основное поле, на расстоянии 1–3 мм один от другого. По периметру треугольной пластины линией выполнена точечная прокатка — частый, мелкий «волчий зуб». Основание треугольника пластины оформлено полосой из двух линий прокатки. В центре накладок, над полосой, в основании, выполнено «Т»-образное сквозное отверстие, оформленное по краю мелкой ретушью. «Перекладиной» отверстие направлено к вершине треугольника пластины, по периметру также прокатано пуансоном. Пластины очень тонкие, сохранность плохая. Одна — почти целая, вторая — с утратой одного угла, третья представлена двумя фрагментами. Размеры пластин: высота — ок. 2,5 см, длина основания — ок. 4 см.

Похожие «городчатые» накладки известны, например, в материалах Гнёздовского могильника. Одна из них, найденная еще в начале XX в. В. И. Сизовым при раскопках «большого» кургана с кремациями, соотнесена с «женской частью» вещевого комплекса (Сизов, 1902, с. 10, табл. IV, № 5). Она представляет собой часть полосы, состоящей из двух треугольников. Их декорирование выполнено более аккуратно, чем у псковского экземпляра, «Т»-образная прорезь, напоминающая «молоточек Тора», направлена перекладиной к предполагаемому краю сосуда, гвоздики крепили накладку к основе только за вершины треугольничков и по основанию «катетов». Декоративная пластина из «большого» кургана, несомненно, выполнена высокопрофессиональным ювелиром и в сравнении с нашей находкой выглядит как образец псковского прототипа. При этом обращает на себя внимание, что работа мастера по декорированию «псковского» рога была более кропотливой — накладка крепилась к изделию большим количеством гвоздиков, вбитых почти в каждый выступ-ступеньку по краям — катетам треугольных накладок.

Возле доски (на которой найдена подвеска), на уровне ее поверхности, в перемешанном песке, в зоне ограбления, найдена раздавленная ***серебряная сканная бусина*** (Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***3***; кв. 19, гл. –291). Бусина состояла из 4 «S»-видно изогнутых элементов, со спиралевидно (в 2,5 обо-

рота), вовнутрь закрученными концами. Элементы выполнены из рубчатой проволоки.

В квадрате 19, между бревнами, находился небольшой железный гвоздик (Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***8***; гл. –294).

Коническая свеча (рис. 37; Прил. 1, *5*, Прил. 3, Каталог, ***18***; кв. 27, гл. –288), найдена под доской частично просевшего перекрытия, на тонкой прослойке песка, на бревнах пола, у юго-восточной стенки камеры. Высота свечи 12,5 см, диаметр основания — 9 см, диаметр канала — ок. 1,7 см, канал — не сквозной, открыт в сторону вершины. Свеча — без следов использования. Поверхность воска на тулове свечи и в основании — неровная со сглаженными вдавлениями. Свеча подобной формы была найдена на уровне верхнего перекрытия богатого парного погребения 100 в Тимереве. Арабские монеты, обнаруженные в погребении, позволили датировать комплекс 60–70-ми гг. X в. (Недошивина, Фехнер, 1985, с. 111–112).

Самая ***большая цилиндрическая свеча*** (рис. 37; Прил. 1, *5*; Прил. 2, Прил. 3, Каталог, ***20***, кв. 27, гл. –288) без следов использования найдена на полу у восточной стенки сруба. Ее длина — 40 см, диаметр основания — 5, вершины — 4,4, диаметр устья — 1,8 см, канал — не сквозной, открыт в сторону вершины. Поверхности гладкие, относительно неровные, со следами в виде разводов и складок в нижней части, оставленными при заливке в форму.

Рис. 37. Свечи из погребения 3

Сломанная свеча (рис. 37; Прил. 1, *5*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***21***; кв. 27, гл. –281) почти такого же размера найдена недалеко от предыдущей на уровне пола. Диаметр канала в средней части этой свечи достигает 3 см.

Эти три перечисленные свечи были найдены недалеко друг от друга при расчистке бревен пола от слоя просевшей насыпи и остатков верхних перекрытий (рис. 20).

Вероятно, такой же по размеру свече принадлежал ***обломок*** (Прил. 1, *5*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***19***), найденный в южном углу сруба, между бревнами пола. Фрагмент длиной 18 см при диаметре ок. 4,5 имел устье размером до 2,5 см в поперечнике (кв. 27, гл. –296).

На полу сруба найден еще один ***обломок*** (2,5 × 3 см) ***тонкостенной*** (ок. 0,5 см) ***свечи*** (Прил. 1, *5*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***16***, кв. 28, гл. –290).

У юго-западной стены сруба, в зазоре между стеной и краем бревенчатого настила пола, находился небольшой обломок нижней части свечи, с закрытым снизу каналом (Прил. 1, *5*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***13***, кв. 26, гл. –290).

Обращает на себя внимание, что целые свечи найдены в южном углу камеры, в районе верхнего перекрытия, не затронутого ограблением. Места их находок соответствуют щелям между элементами верхнего настила. Сохранность таких крупных и, вероятно, ценных кусков воска, при том что из усыпальницы было вынесено практически всё, удивляет. Возможно, в Старовознесенском некрополе свечи, как и в Тимерево, были положены на верхнее перекрытие, откуда упали после его разрушения. Находясь на краю настила верхнего перекрытия, они остались нетронутыми грабителями, будучи скрыты под насыпью кургана.

С некоей мебельной конструкцией, вероятно, выполнявшей функцию погребального ложа, связаны доски, обнаруженные в северо-западной половине внутреннего пространства сруба.

Доски лежали на бревнах пола и между ними, в песке (рис. 23, 24, 43), почти параллельно друг другу и направлению бревен, образуя прямоугольное в плане пятно несплошного «замощения» размером 1,4 × 1,5 м. Первоначально доски были приняты за участок «чистого» пола, нетронутого грабителями, поскольку лежали наверх той стороной, на которой не было каких-

Рис. 38. Мебельные доски на бревнах пола. Погребение 3. Вид с юго-запада

либо особенностей. Лишь при разборке пола выяснилось, что это мебельные детали. Сохранность древесины в пределах пятна «замощения» была различной и во многом обусловлена тем, что доски лежали на бревенчатом настиле, имевшем глубокий, сложный рельеф поверхности. Края, перекрывающие зазоры между бревнами, пострадали больше всего. В зоне замощения определялось 4 доски. На чертеже (Прил. 1, *5*) дана условная нумерация доскам: № 1–4 — слева от стены сруба направо. Одна из них (№ 3), лежавшая на краю участка бревенчатого настила, была крайне плохой сохранности.

Из описываемых деревянных остатков сохранилась большая часть 3 досок (Прил. 1. *5*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***31–33***), имеющих конструктивные особенности, позволяющие связать их с погребальным ложем (скамьей, кроватью (?)). В самих досках не зафиксировано ни гвоздей, ни отверстий от них. Доски лежали, не перекрываясь, местами длинными сторонами соприкасаясь между собой (рис. 38)[1]. Других сходных фрагментов в погребальной камере обнаружено не было.

[1] Сохранность досок по краям и с торцов была значительно хуже.

Приводим описания основных параметров мебельных досок в соответствии с нумерацией (Прил. 1, *5*).

№ 1. Фиксируемая максимальная длина доски — 1,65 м, ширина — до 0,25 м (Прил. 3, Каталог, ***31***). Доска имеет сложный профиль. Вдоль края одной из длинных сторон в доске выбран паз протяженностью по краю 1,12 м. Ширина паза — до 11 см. Глубина — до 2 см. «В плане» паз напоминает профиль лодки-плоскодонки с симметрично загнутыми кверху носовыми частями, округло переходящими в ровное дно. На доске точечно сохранился красочный красный пигмент. Толщина доски вне паза — до 4 см.

№ 2. Доска лежала между бревнами пола, в песке, несколько ниже уровня поверхности пола и остальных досок, конструктивными элементами вниз. Сохранившаяся, бóльшая часть доски имеет длину ок. 2,15 м при ширине 0,2 и толщине ок. 3 см (Прил. 3, Каталог, ***32***). На концах располагаются конструктивные узлы, обеспечивавшие прочность всему изделию и возможность крепежа к другим деталям. Каждый узел состоит из прямоугольных сквозных отверстий (примерно 5 × 7 см), расположенных попарно вдоль длинной оси детали на расстоянии 1,36 м одни от других, и находящегося между

ними рельефно выступающего шипа-вкладыша. В каждой паре прорези расположены примерно в 10 см одна от другой. Шип-вкладыш каждого конструктивного узла имеет форму равнобедренной трапеции с очень узким верхним основанием. Высота шипа над поверхностью доски — до 1,2 см. Узкой частью он находится между прорезями, а широким основанием направлен к краю доски. «Высота» трапеции — 13 см, длина широкого основания — 8–10, узкого — 1,5–3 см.

№ 4. Сохранившаяся, бóльшая часть доски имеет длину 1,72 м при максимальной ширине 0,4 м (Прил. 3, Каталог, ***33***) и толщине до 4 см. Толщина доски у краев длинных сторон уменьшается. Некогда достаточно прочная и упругая доска хорошо обработана с двух сторон. Одна поверхность («наружная», по обстоятельствам находки) слегка волнистая в поперечном направлении, что, на мой взгляд, отражает рельеф поверхности бревенчатого пола, на котором лежала деталь. В поперечном разрезе доска напоминает неглубокую скобку с прямой спинкой. Одна краевая сторона доски имеет значительные утраты. На другой — в 15 см от конца сделана скобкообразная вырезка глубиной ок. 5 см, длиной 30 см.

Конструктивно доски непосредственно не соединяются друг с другом и не являются полным набором деталей изделия. Предполагается, что ложе было разобрано (или разломано[1]) при ограблении, а недостающие элементы изделия были перемещены и (или) вынесены из камеры. Возможно и изначальное помещение в могилу лишь основных элементов ложа для символического обозначения его наличия в «доме для мертвых».

Ряд особенностей доски № 2 (Прил. 1, *5*; Каталог, ***32***), являющейся, вероятно, боковиной ложа, позволяют реконструировать его в общих чертах как кровать каркасной конструкции.

В процессе реконструктивного моделирования[2] (рис. 39) было установлено, с достаточно высокой степенью вероятности, что боковины кровати (доска № 2) могли соединяться друг с другом в раму-каркас без использования гвоздей, посредством 4 поперечных перекладин, вставлявшихся в парные отверстия, и угловых опор-ножек, крепившихся к боковинам с внутренней стороны пазами, соответствующими по форме и размеру шипам-вкладышам. Жесткость конструкции придавали система деревянных замков-клиньев и дополнительные пазы в ножках в местах пересечения с поперечными перекладинами. В каркас на поперечные перекладины, вероятно, укладывались 2 доски основания ложа (доска № 4). Ширина ножек (толстые доски) определена по размерам выреза в доске № 4, толщина соразмерна высоте шипа-вкладыша — не менее 2 см и не более 5 см (глубина выреза в доске № 4). Для точного воспроизведения высоты и оформления верхних частей угловых опор-ножек не имеется никаких данных, но, вероятно, всё же оно было и имело декоративно-символический характер. Реконструированная модель оказалась достаточно простой в сборке, при этом обладает значительными жесткостью и устойчивостью. Остался открытым вопрос о необходимости еще одной, центральной перекладины или иного поддерживающего устройства. Поскольку в доске-боковине не прослежено никаких дополнительных отверстий, высказываем как предположение два варианта способов предотвращения прогиба основания ложа в середине. Во-первых, могла существовать некая деревянная поперечная опора, крепившаяся к боковинам без гвоздей[3]. Во-вторых, основание ложа могло поддерживаться ремнями, перекинутыми через боковины. В связи с этим обращает на себя внимание **железное кольцо** диаметром ок. 6 см, найденное под доской № 2, между бревен, на дне ямы (Прил. 1, *6*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***6***; кв. 11, гл. –301), которое могло быть связано с крепежом ременной подвесной системы досок основы ложа.

Назначение доски № 1, лежавшей между стеной сруба и доской № 2, не определено.

Несмотря на отсутствие в камере на ожидаемом уровне посткраниальных останков, расположенных в анатомическом порядке, элементы погребального ложа указывают на место их изначального расположения. Косвенно положение досок свидетельствует об ориентации захоронения: в северо-западной части погребальной камеры, вдоль соответствующей стены сруба, параллельно бревнам настила пола.

Известные образцы североевропейской мебели IX–X вв., найденные в богатых погребениях Осеберга (800–850 гг.) и Гокстада (ок. 900 г.) (например, по: Vikingatidens. ABC. P. 181, 267), имеют схожие друг с другом принципиальные

[1] Об этом свидетельствуют сломы краев доски № 2 (верхние углы боковины кровати). При естественном разложении древесины концы доски, вероятно, сгнили бы одинаково по всей ширине.

[2] Реконструктивное моделирование по эскизам автора статьи выполнено А. М. Васильевым. Автор благодарит мастера за консультации и предложения, позволившие воссоздать конструкцию погребального ложа.

[3] Что при реконструктивном моделировании было успешно реализовано. Вследствие гипотетичности наличия и конструкции еще одной поперечной опоры в конструкции публикуемой модели не приводится.

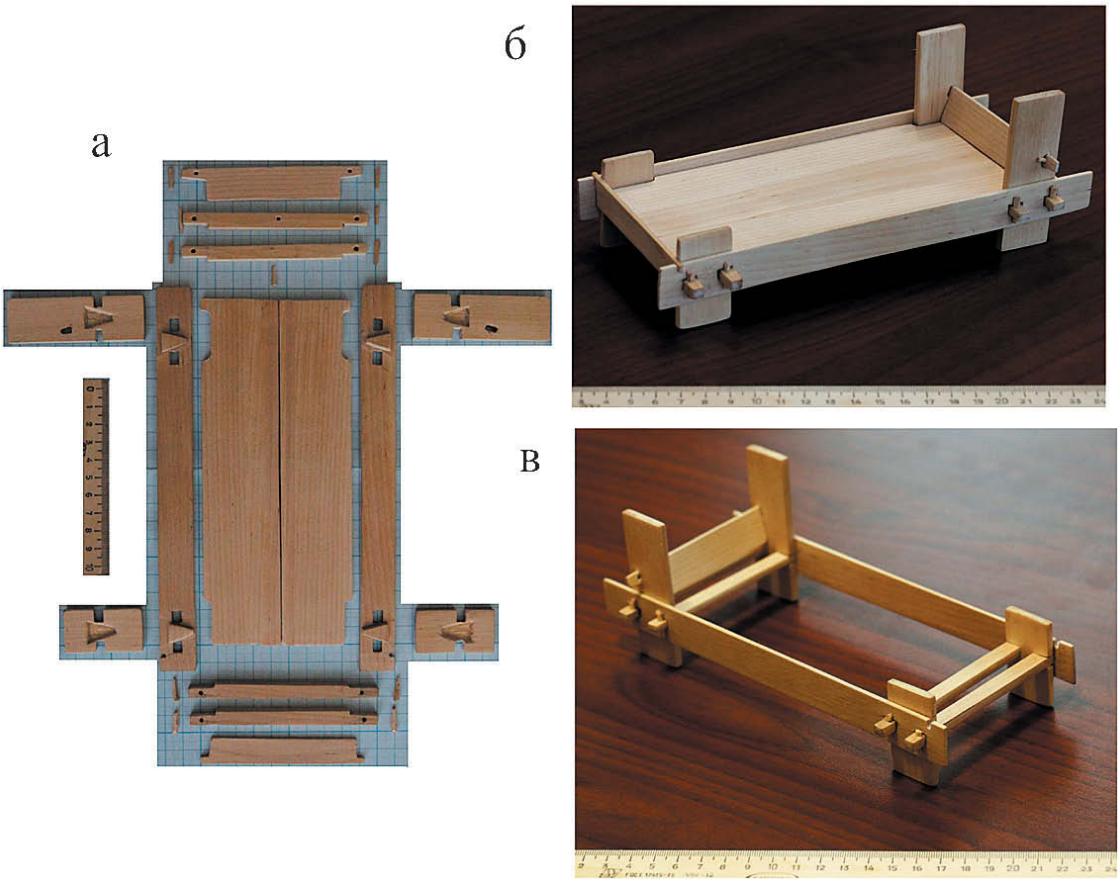


Рис. 39. Модель погребального ложа из погребения 3. Масштаб 1:10.
Реконструкция: Яковлева Е. А., Васильев А. М.:
а — детали модели; б — модель в собранном виде; в — каркас модели

конструкции. Их основа — «каркасно-столбовая» система, при которой в угловые опоры — ножки-столбики — впущены доски каркаса. Боковины кровати из Осеберга в изголовье крепились к ножкам-опорам, представляющим собой толстые доски, несколько иным способом — с помощью деревянных штифтов. Само ложе выполнялось или в виде прочной сетки, натянутой через отверстия в досках каркаса, как в Гокстаде, или, как в Осеберге, с применением нескольких поперечных перекладин (Ödman A., 1992, s. 140–141).

В псковском варианте, с учетом сохранившихся конструктивных элементов, «неизбежным» становится применение вертикальных опор в виде широких досок (для вставки шипов-вкладышей на доске № 2), использование деревянных замков-клиньев на концах поперечин, выпуск концов поперечных перекладин через отверстия в боковинах (как в Осеберге). При этом отверстия в боковинах для дополнительного крепления основания ложа каким-либо из известных способов не прослежено. Использование широких досок в качестве опор, как в Осеберге, позволяет предполагать наличие резных завершений досок-опор в изголовье, вероятно, имевших не только декоративный, но и сакрально-семантический смысл[1] (Симпсон, 2005, с. 47).

С учетом произошедшего разграбления усыпальницы большинство вопросов, связанных с характером погребального ложа камеры 3, носят предположительный характер.

Комплекс 3. Под полом — «подполье»

Сосредоточение большей части предметов под полом деревянной усыпальницы позволяет предположить, что эта часть погребального сооружения воспринималась его строителями как образ подполья жилого дома, выполняющего

[1] На некоторых деталях рам разборных постелей из Гокстада и Осеберга вырезаны и раскрашены звериные головы. Предназначение их — охранять спящих людей от зла (Симпсон, 2005, с. 47).

Рис. 40. Лопата (?) на дне могильной ямы

функцию хозяйственного хранения или своеобразного чулана.

Под бревенчатым полом в западной части сруба, на глиняном дне ямы были обнаружены три ***деревянных изделия весловидной формы*** (рис. 34, 35; Прил. 1, *6*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***25–27***)[1]. Они бессистемно лежали на расстоянии более 1 м одно от другого (рис. 33, 34) в юго-западной части сруба[2] (рис. 40). Длина целых изделий была, очевидно, около 1 м (плохо сохранились концы рукоятей и края лопастей). Сохранившаяся часть имеет длину около 80–90 см. Ширина лопастей — 12,3–16 см, длина — более 30 см. Все они выполнены из древесины ели. Изделия, несмотря на внешнюю схожесть, имеют ряд особенностей, позволяющих предположить их различное функциональное назначение.

Два изделия, найденные в западном углу подполья, напоминают весла. Их лопасти более узкие (12,3 см) и длинные (32–33 см). Переход от рукояти к лопасти оформлен по-разному. В одном случае (Прил. 3, Каталог, ***25***) обе поверхности лопасти одинаковы, ее толщина постепенно истоньшается к торцу; в другом (Прил. 3, Каталог, ***26***) — выделяются «лицевая» — плоская поверхность и «тыльная» — округло-выпуклая в поперечном сечении плоскость. Экземпляр № 25 по Каталогу больше напоминает лопату. Находки весел различных конфигураций в древнерусских городах, в слоях X в. не единичны. Изделие подобной формы найдено в Старой Ладоге и интерпретировано как весло IX–X вв. (Sorokin, 2011, p. 109).

Третья деревянная находка (рис. 40, 41; Прил. 3, Каталог, ***27***) больше всего напоминает лопату. У нее самая широкая лопасть (до 16 см). Одна поверхность лопасти продолжает плоскость рукояти. Другая, «тыльная», расположена под тупым углом к оси рукояти. На «тыльной» стороне — слабые следы обугливания и истертости. Обращает на себя внимание топография находки. Она обнаружена рядом с углистым пятном 1 и компактной россыпью небольших гранитных валунов (рис. 40). Если принимать во внимание то, что камерная гробница являлась моделью жилого дома, имевшего в том числе и хозяйственную

[1] Одно из них (Прил. 3, Каталог, ***26***), находившееся в западном углу сруба, было обнаружено под слоем глины, на глубине 1–1,5 см от уровня дна ямы.

[2] В кв. 19, недалеко от места находок деревянных изделий, фиксировались остатки деревянного предмета, размерами напоминающего рукоять еще одной, вероятно, несохранившейся «лопатки» или «весла» (см. Прил. 1, *6*).

Рис. 41. Расчистка лопаты и снятие пятна 1

часть — подполье, то пятно с углем[1] и хлебная лопата, уложенная в него, могли обозначать зону символичной печи или подпечья. Небольшое дополнение к предложенной версии было обнаружено в южной части камеры, ближе к юго-восточной стене сруба, в районе валунов, недалеко от лопаты, на поверхности суглинка. Здесь находился тонкий ***кремневый отщеп*** (Прил. 1. *6*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***11***; кв. 28, –310) неправильной формы размером ок. 3 × 1,2 см, который традиционно связывают с высечением огня.

Таким образом, указанные особенности весловидных деревянных изделий, найденных под полом погребальной камеры, позволяют предположить, что два из них — это весла (Прил. 1. *6*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***25–26***) и одно — хлебная лопата (рис. 41; Прил. 1. *6*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***27***). При этом ввиду схожести простоты технологий изготовления и морфологических характеристик все предметы могли использоваться и как небольшие весла-гребки, и как лопаты для выемки продукции из печи.

Под северо-восточной подкладкой пола, частично под соответствующей стеной сруба, сохранились остатки ***двух тонких узких деревянных планок***, уложенных в одну линию общей протяженностью ок. 3,6 м. Каждая планка имела ширину ок. 5 см, прослеживалось незначительное заужение к концам, хотя это могло быть обусловлено и плохой сохранностью древесины. Никаких конструктивных особенностей на планках прослежено не было. Больше всего они напоминали лыжи (?) (рис. 42; Прил. 1, *7*).

В восточной части камеры, ближе к центру, вдалеке от других находок, на поверхности, найден сильно корродированный ***железный предмет*** (Прил. 1, *6*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***30***, кв. 20, гл. –303) неправильной округло удлиненной формы (5 × 2,5 см). После реставрации он оказался фрагментом прямоугольного в сечении

[1] Огонь, следы горения которого прослежены в пятне 1, мог быть разведен на незначительное время и на дне ямы. Однако следов прокаливания глины под пятном 1 не было прослежено. Вероятно, углистый субстрат был принесен извне (Прил. 1, *6*).

Рис. 42. Деревянные планки на дне ямы, под северо-восточной стеной сруба погребальной камеры 3. Вид с северо-восточной стены сверху

стержня. Длина фрагмента 4 см, ширина ок. 1, толщина менее 0, 5 см.

В северном углу камеры, на краю гумусированного пятна 2, на глинистом дне ямы, лежал плоский дисковидный железный предмет с отверстием. После расчистки он оказался ***железным кольцом***, упоминавшимся при описании погребального ложа. Диаметр кольца, выкованного из полосы шириной ок. 7 мм, — ок. 6 мм. Толщина железной полосы — 5 мм (Прил. 1, *6*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***6***; кв. 11, гл. –301). На кольце сохранились фрагменты, указывающие на крепление иглы (перемычки, пробоя или другого меньшего по диаметру колечка) небольшого диаметра, охватывавшие рамку кольца.

В северной части камеры, в зоне разрушения пола, на поверхности суглинка, компактно, на расстоянии 20–40 см один от другого, лежали 2 ***железных гвоздика*** (Прил. 1, *6*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***9***, ***10***; кв. 19, гл. –302; кв. 11, гл. –301). Вероятно, они упали с уровня пола. Таким образом, в камере найдено всего 3 гвоздя (с учетом обнаруженного между бревнами — см. Прил. 3, Каталог, ***8***). Диаметр их шляпок ок. 1–1,5 см. Стержень почти целиком сохранился лишь у одного, с меньшей шляпкой (Прил. 3, Каталог, ***8***). Длина гвоздя — ок. 3 см. Достоверно прослежена квадратная (3,5 × 3,5 мм) форма сечения стержней (Каталог, ***10***). Сохранность железа плохая. Гвоздики найдены рядом с (под) досками, которые мы связываем с конструкцией погребального ложа. Вероятно, функционально их можно охарактеризовать как мебельные.

Между северо-восточным бревном-переводиной и соответствующим бревном сруба найдены остатки берестяного короба, в котором находились археологизированные текстильные материалы (рис. 43). При разборке и реставрации (подробно: см. статью Е. С. Зубковой, О. В. Орфинской в настоящем издании) установлено, что текстиль представлял собой аккуратно сложенный ***комплект женского костюма*** (Прил. 1, *6*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***28***; кв. 12, гл. –302), состоящего из двух предметов: рубахи и верхнего «фартука-сарафана». В него были завернуты две скорлупообразные бронзовые фибулы со следами позолоты (кв. 12, гл. –303) (Прил. 1, *6*; Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***23***, ***24***) — тип ЯП 52 А (Petersen, 1928, s. 67–68; Jansson, 1985, p. 88). Фибулы слегка деформированы. Центральные «шишечки» в симметричной композиции декоративного оформления ажурных лицевых «скорлупок» отсутствуют. При этом на площадке — месте, где они должны были бы находиться, присутствуют отверстия, предназначенные для крепежа детали к изделию. В нижнем ранте обеих — отверстия, вероятно, для колец, к которым традиционно могли крепиться цепочки или отдельные предметы. Судя по положению отверстий (смещенно от центральной продольной оси фибулы), они предназначались для подвешивания цепочки, соединявшей две бронзовые скорлуповидные застежки. На рентгенограмме свертка текстиля с фибулами внутри до реставрации отчетливо читается след одного из колец[1]

[1] След четвертой лопасти серебряного креста из погребения 1 также был виден лишь на рентгеноснимке. При раскрытии предмета оказалось, что сохранились лишь 3 лопасти.

Рис. 43. Текстиль с фрагментами берестяного сосуда (in situ, кв. 12). Вид с юго-запада

(рис. 44). Отверстия с большой долей вероятности указывают на то, какая часть овальных застежек находилась внизу. У одной из фибул сохранилась игла (Прил. 3, Каталог, ***24***). От короба сохранились куски бересты и фрагмент лыковой веревки (Прил. 3, Каталог, ***29***).

Под полом обнаружены ***2 фрагмента*** нижней части одной или двух свечей (Прил. 1. *6;* Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***15***; кв. 19, гл. –309 и Каталог, ***17***; кв. 27, гл. –309). Толщина стенок одного из них достигает 1,8 см, диаметр — не менее 5 см, ширина канала — ок. 2,5 см в поперечнике.

Яма

Могильная яма имела подпрямоугольную со скругленными углами форму и размеры 5,2 × 4,2 м при глубине 1,7 м (рис. 45). Она была ориентирована, как и сруб, по оси восток/северо-восток — запад/юго-запад. Яма несколько превосходила сруб по размерам — на 10–20 см (Прил. 1, *6–8*). В углах сруб почти примыкал к грунтовым стенкам. В отличие от других камер в данном случае стенки ямы сохранились лишь в северо-восточной части, поскольку противоположная была уничтожена более поздней траншеей. Стенки и дно ямы были относительно

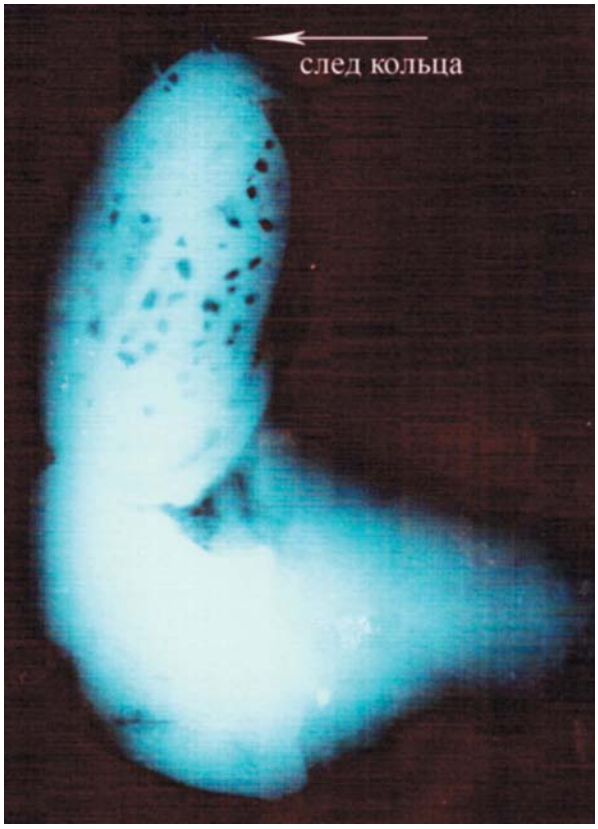


Рис. 44. Рентгенограмма свертка текстиля (до реставрации). След серебряного кольца, вставленного в фибулу

Рис. 45. Яма камерного погребения 3 после завершения раскопок. Вид с запада

ровными. Яма выкопана в слоистом, плотном моренном суглинке, лишь в верхней части перекрытом тонкой прослойкой пылеватого песка. В стенах ямы и вокруг нее в геологической породе отмечалось большое количество разноразмерных, в том числе и крупных гранитных валунов.

Выводы

Погребение 3 Старовознесенского некрополя было разграблено в историческом прошлом. Вторжение в погребальную камеру произошло на этапе, когда еще сохранялись курганная насыпь и перекрытия, удерживавшие ее. Для проникновения в гробницу, вероятно, была срыта большая часть насыпи и прорублены достаточно крепкие верхние деревянные перекрытия над центральной частью усыпальницы, в которой находилось захоронение женщины в сопровождении интересующего грабителей имущества.

С достаточной степенью уверенности мы вправе предполагать значительное разнообразие и богатство вещевого комплекса, изначально находившегося в могиле. В пользу этого свидетельствуют уже достаточно определенно установленные атрибутивные признаки «камерного» обряда, размеры самой гробницы и характер единичных сохранившихся вещей. Точное время вторжения в могилу не устанавливается, однако над поверхностью ее пятна, под слоем заполнения линейного понижения, прорезавшего верхнюю часть могильной ямы, был найден небольшой фрагмент гончарного керамического сосуда, соотносимый с формами XII в. (см. Прил. 3, рис. 5, *а*). Это устанавливает верхнюю хронологическую рамку и завершения разрушения погребального объекта (обрушение остатков перекрытий, заполнение объема камеры грунтом), и ограбления, произошедшего, несомненно, ранее.

Несмотря на немногочисленность сохранившихся находок, среди них обращают на себя внимание такие уникальные артефакты, как мебельные доски, большие восковые свечи, части женского костюма неизвестного ранее фасона (см.

ниже статью Е. С. Зубковой, О. В. Орфинской). В третьей камере отмечена наилучшая сохранность древесины погребального сооружения, что позволило получить дендроспилы с бревен пола и сруба.

Хронология комплекса ориентировочно устанавливается по времени бытования фибул типа ЯП 52 А и серебряной сканной бусине в рамках 2-й половины X в. Этой дате не противоречат дендрохронологические исследования, определяющие время вторичного использования бревен из погребальной камеры этим же временем (см. ниже в настоящем издании статью М. И. Кулаковой).

Важнейшим основанием для датировки, интерпретации дуалистической мировоззренческой основы обряда и определения значительного социально-имущественного статуса погребенной являются восковые свечи. Обоснованная интерпретация находок свечей и воска в камерных гробницах как свидетельства близости таких захоронений христианской религии, а также датировка этой группы погребений (Гнёздово: Ц-301, Ц-306, Дн-4; погребение в Маммене; кургана 100 из Тимерева и др.) 70-ми гг. — концом X в. (Авдусин, Пушкина, 1989, с. 203, 204) позволяет распространить выводы этих исследователей и на камерное погребение 3 Старовознесенского могильника.

На данном этапе изучения объекта можно достаточно уверенно говорить о том, что в камерном погребении 3 Старовознесенского псковского некрополя была захоронена женщина, тесно связанная со скандинавской культурной традицией (обряд, костюм, овальные фибулы), значительного социального и имущественного статуса, несмотря на языческий по сути характер «камерного» обряда, воспринявшая основы христианского миропонимания (находки свечей).

E. A. Yakovleva

Chamber Grave 3

(1, Necrasova str.
Old Ascension excavation IV, 2006)

Summary

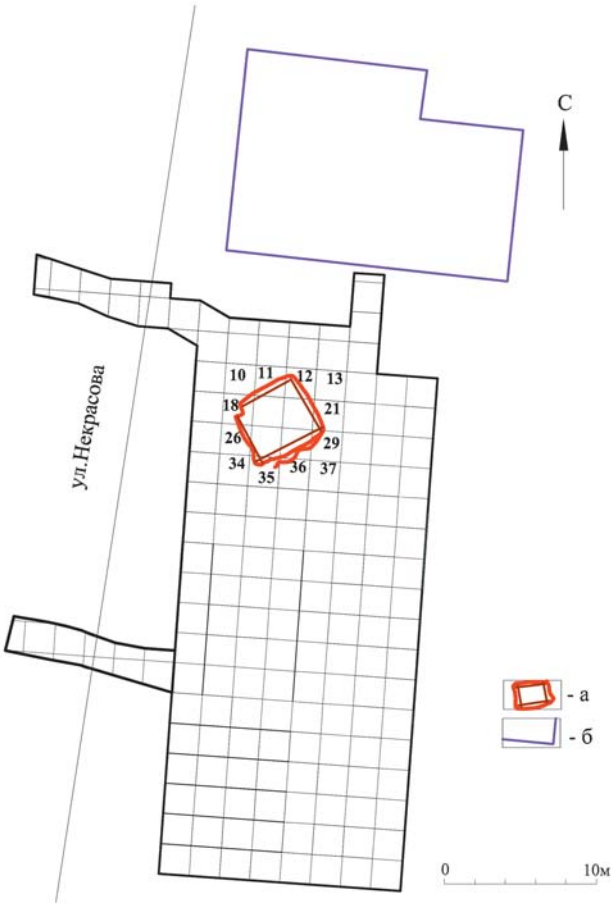
Grave 3 was discovered about 70 meters north-west of grave 2, during rescue excavations at the construction site of the restaurant — hotel center “Podznoev’s Yard”. It was fixed after the completion of cultural deposits studies of Pskov Posad of the XVth — XVIIIth centuries. The chamber grave of a woman was robbed in historical past. However, some unique artifacts: furniture boards, large wax candles, part of a silk costume of a style previously unknown etc have preserved. A series of dendro saw cuts from the frame logs and the floor of the tomb has been done. The research has allowed us to determine the degree of confidence that in the third chamber grave of Old Ascension necropolis of Pskov in the second half of the Xth century there was buried a woman of a meaningful social and property status, closely connected with the Scandinavian cultural tradition.

The author thinks, that the presence of large wax candles convincingly reflects the process of Christianization of Ancient Rus society, reflected in the dualistic nature of the “chamber” funeral rite.

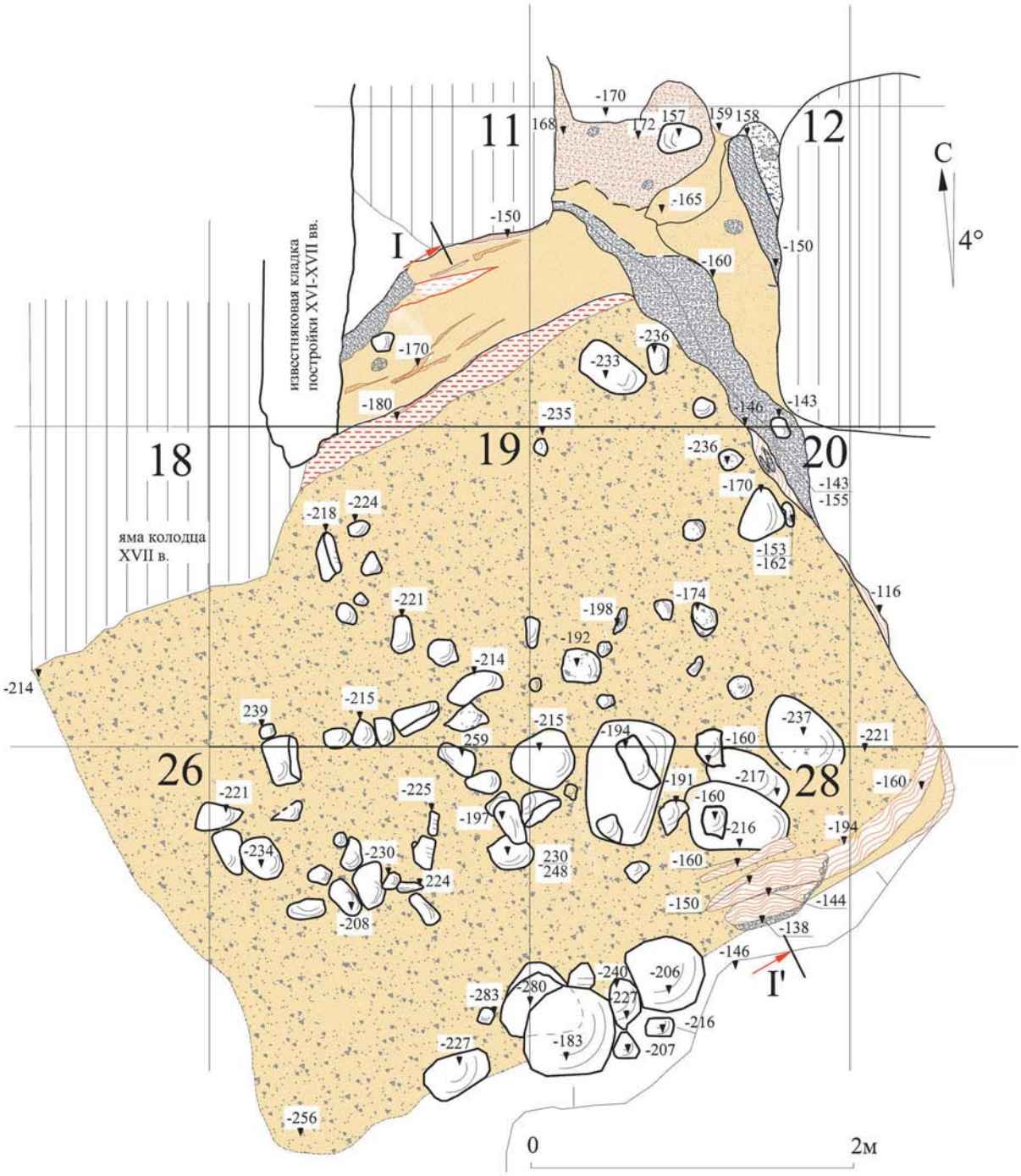
Приложение 1

ЧЕРТЕЖИ
Камерное погребение 3
Старовознесенский IV раскоп, 2006 г.

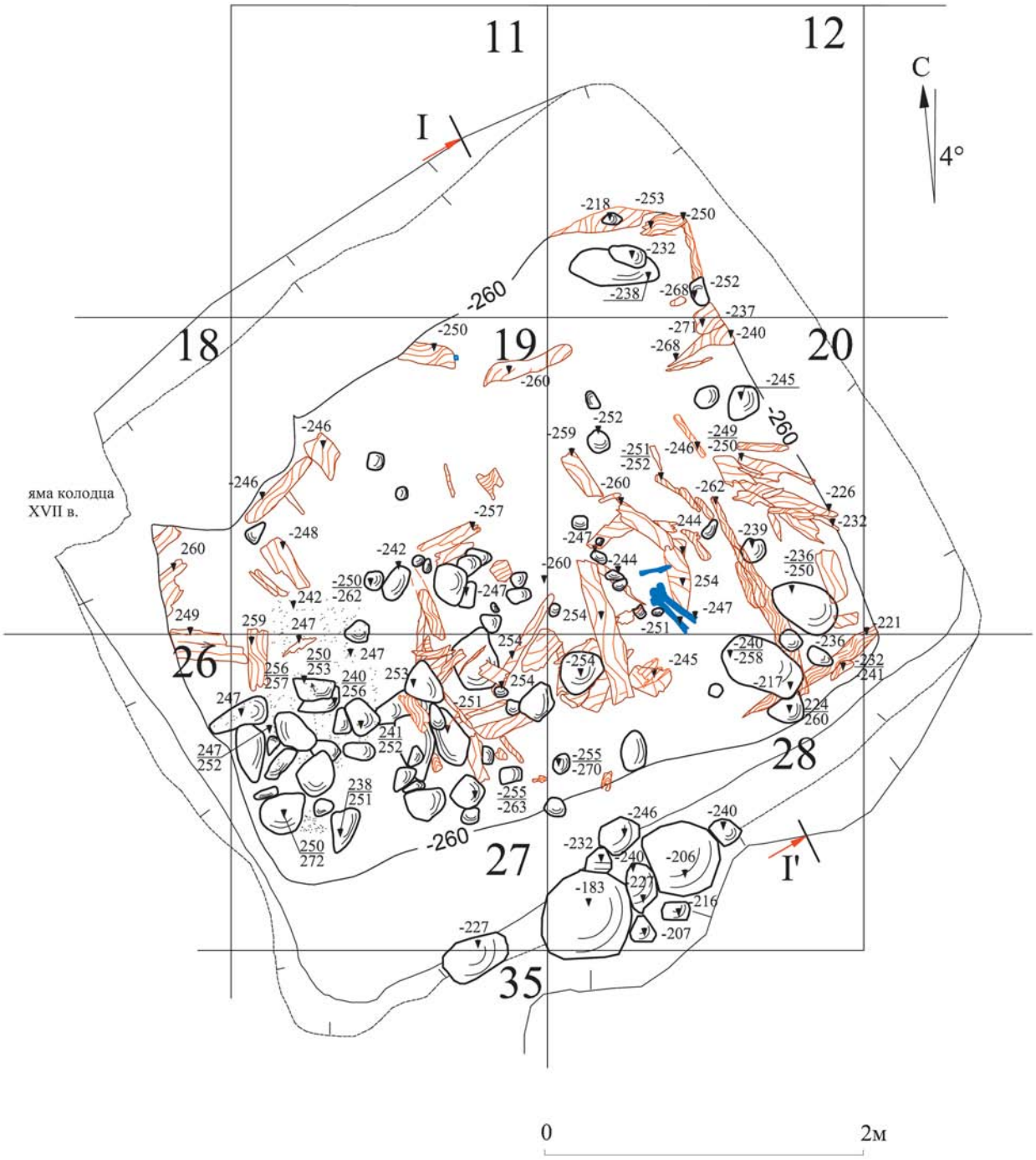
DRAUGHTS
Chamber Grave 3
Starovoznesensky IV excavation, 2006 year



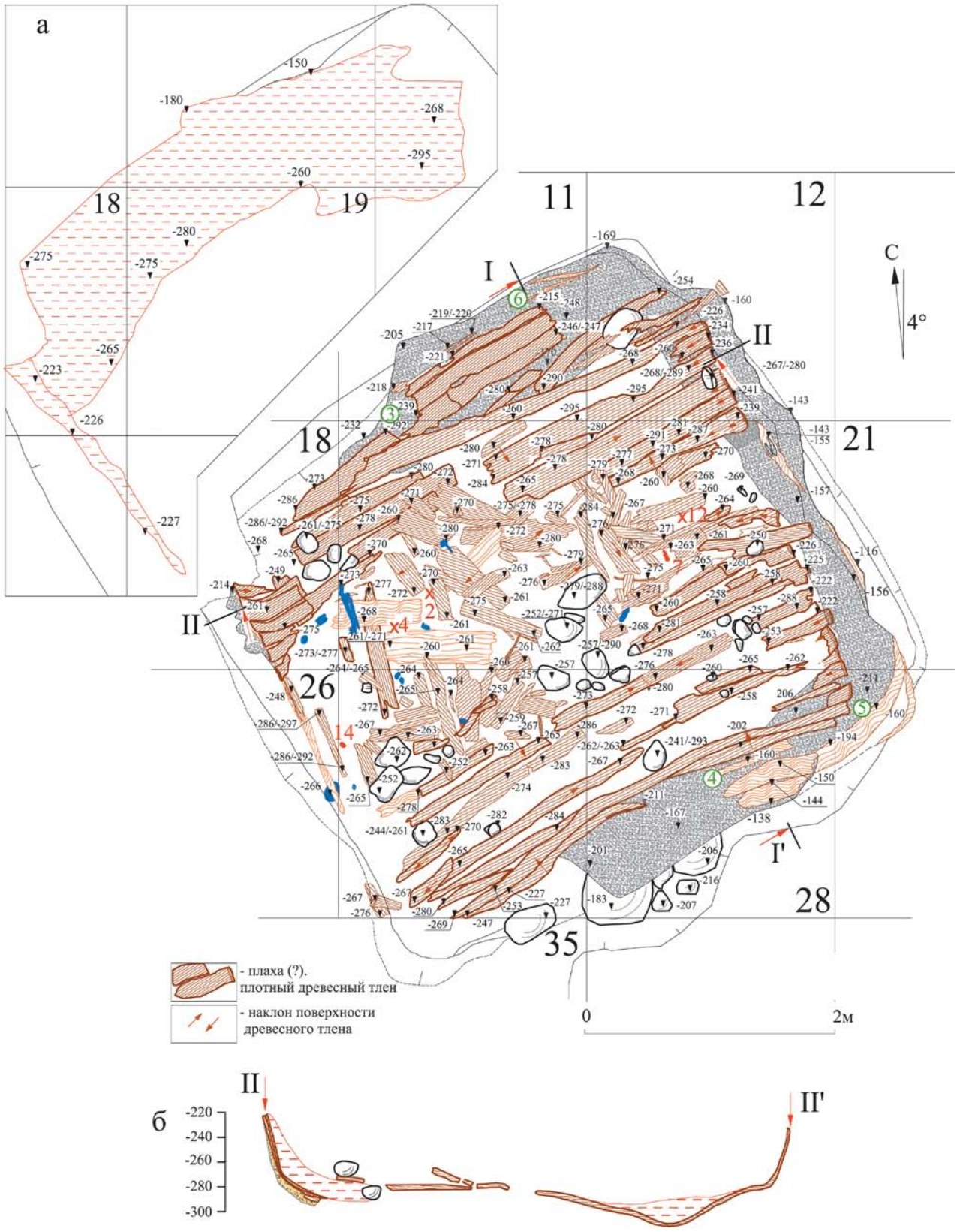
1. Схема Старовознесенского IV раскопа:
а — Камерное погребение 3;
б — вторые палаты Подзноевых



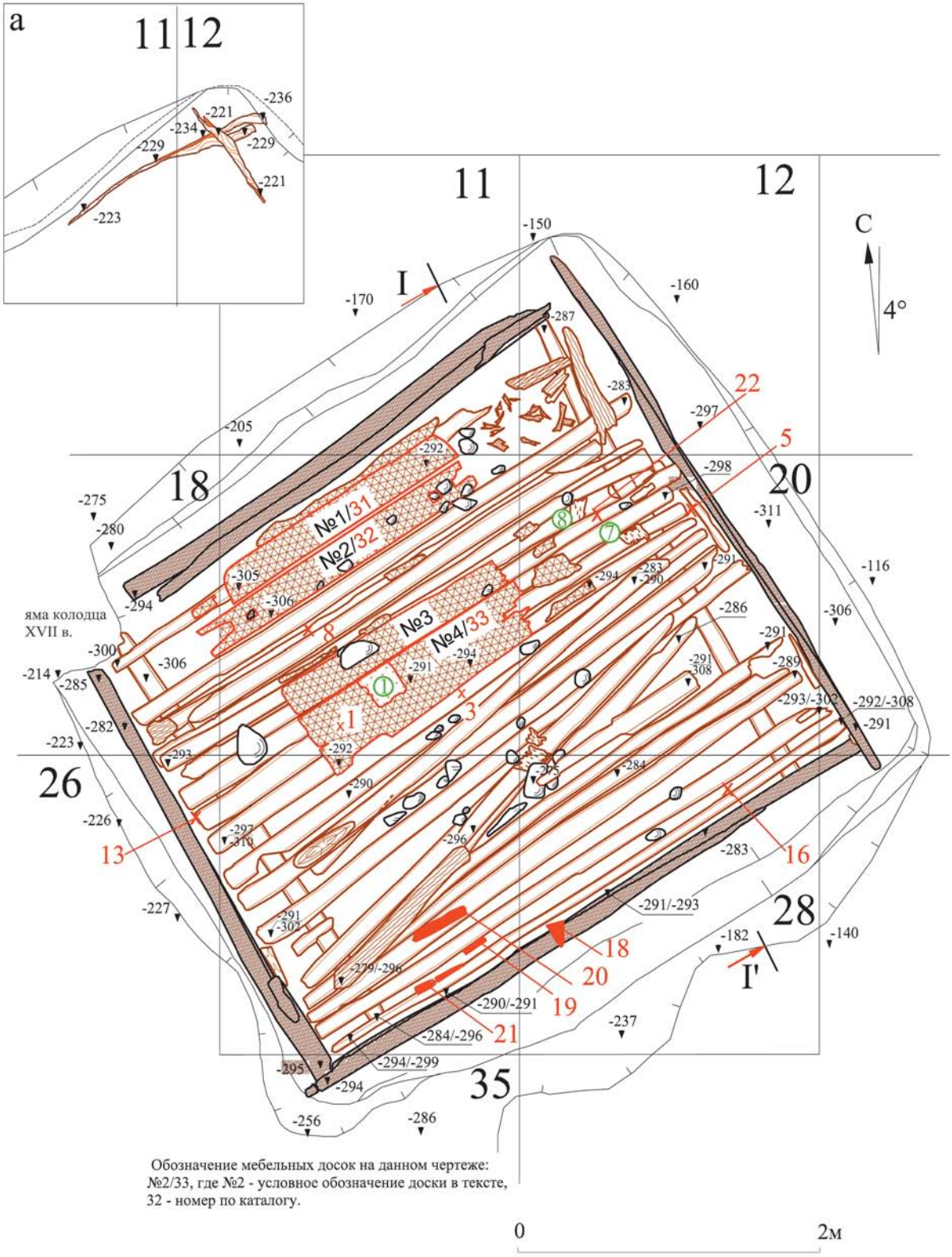
2. Границы ямы погребения 3 на уровне материка. Заполнение ямы, ярус камней. 8-й–13-й пласты



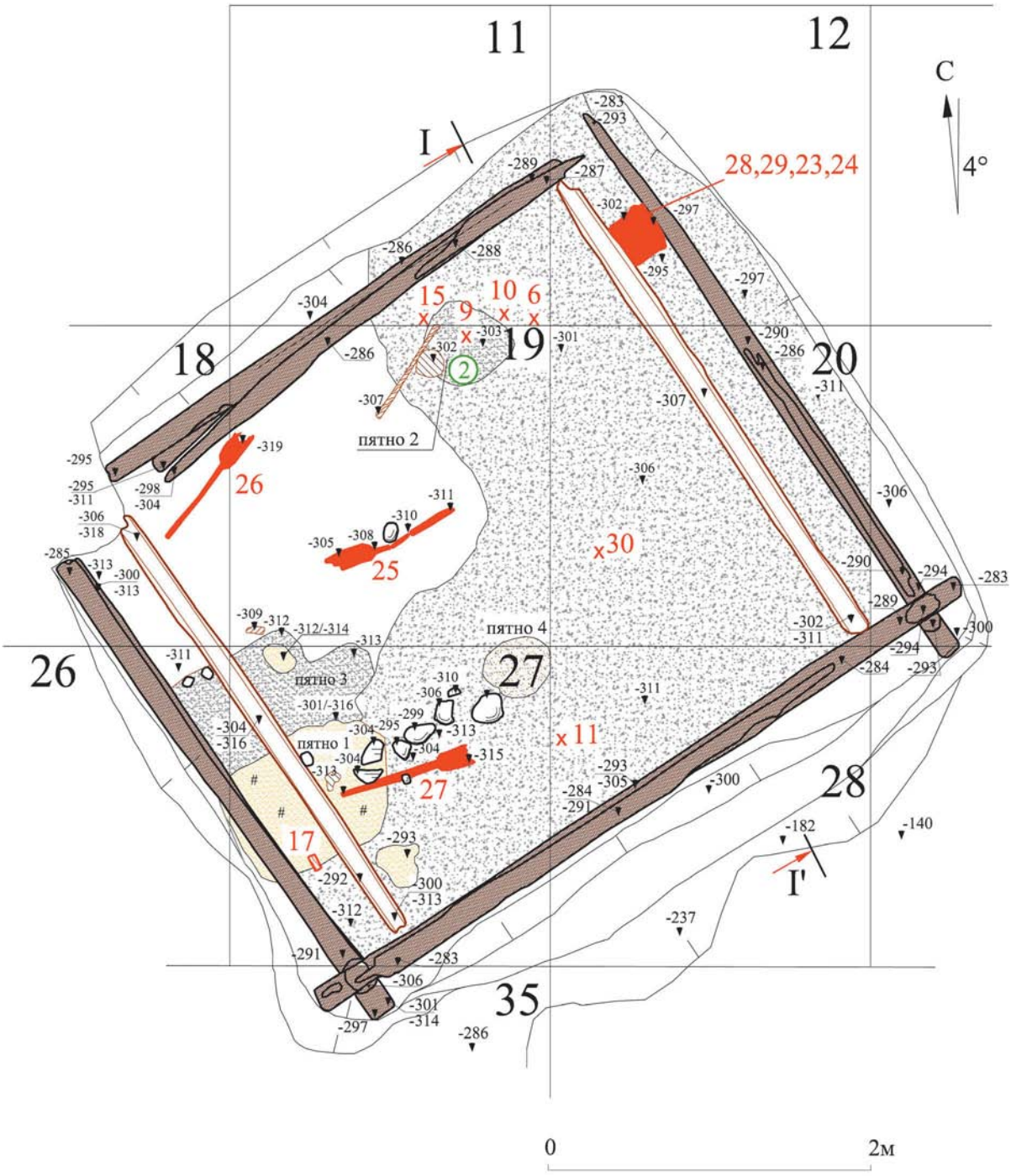
3. Сводный план заполнения ямы погребения 3 (пласты 11–13).
Верхний ярус остатков просевшего и разрушенного перекрытия



4. Основной ярус остатков просевшего и разрушенного верхнего перекрытия погребальной камеры 3: а — пятно красной глины; б — разрез горизонта остатков перекрытия

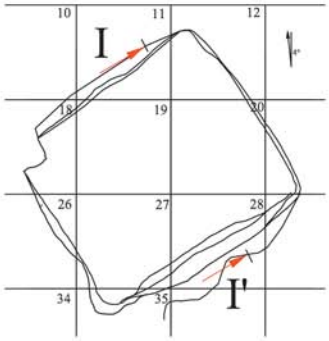


5. Погребальная камера 3. Нижние венцы сруба, пол:
а — дополнение: северный угол сруба (12-й пласт)

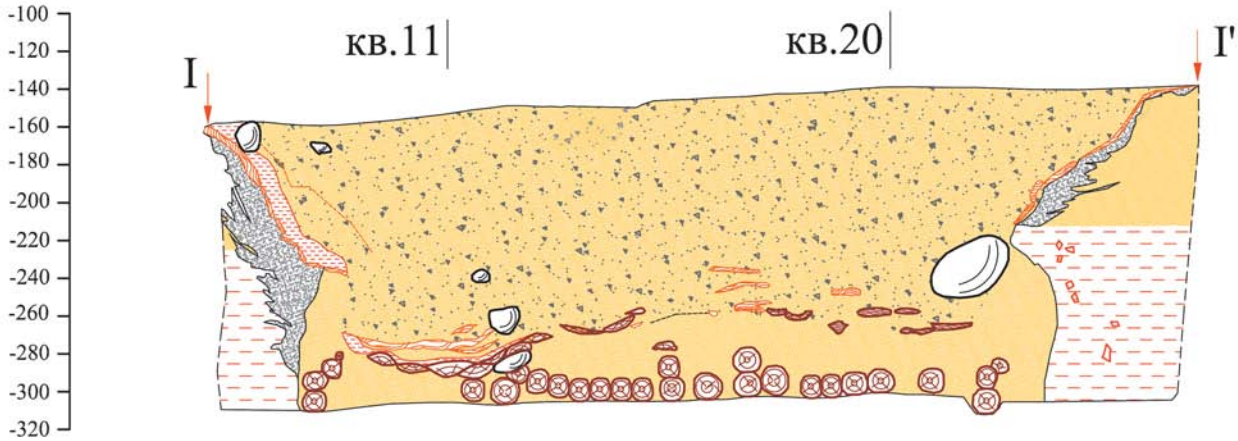


6. Нижние венцы сруба погребальной камеры 3 и переводины пола. «Подполье» погребальной камеры 3

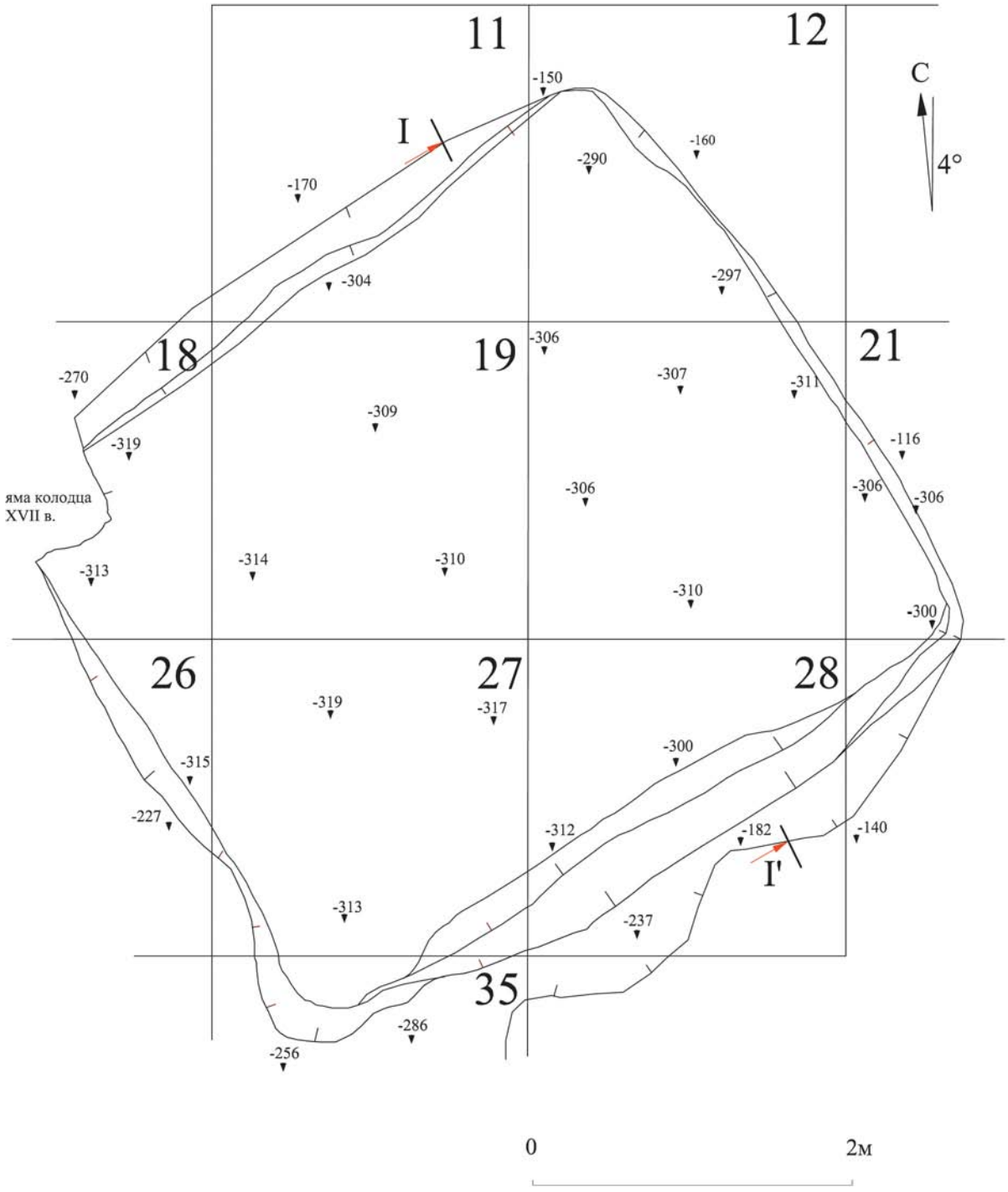
а



б



7. Разрез заполнения ямы погребальной камеры 3



8. Материковая яма камерного погребения 3

Приложение 2

СПИСОК НАХОДОК
Камерное погребение 3
Старовознесенский IV раскоп, 2006 г.
(учетный шифр раскопа: П-06-СтВз-IV)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

LIST OF FINDS
Chamber Grave 3
Starovoznesensky IV excavation, 2006 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
1	**Подвеска круглая (**кв. 19, на доске). Серебро. Скань, зернь. *Circular pendant. Silver. Filigree, granulation.*	1/528
2	**Фибула кольцевидная с завязанными концами и цепочкой (**кв. 19, над остатками верхнего перекрытия). Серебро. Волочение, ковка. *Ring-headed pin with knotted terminals and chain.* *Silver. Drawing, smithing.*	5/532
3	**Бусина полая (**кв. 19, между бревнами пола). Серебро. Тиснение, волочение, пайка, скань, зернь. *Hollow bead.* *Silver. Pressing, drawing, soldering, filigree, granulation.*	2/529
4	**Кольцо разомкнутое (**кв. 19, слой заполнения камеры). Серебро. Волочение. *Circular gauge ring.* *Silver. Drawing.*	4/531
5	**Накладки с геометрическим орнаментом, гвоздики крепления и фрагмент органического материала (**кв. 20, между бревнами пола). Серебро. Тиснение. *Mounts with geometric ornament, fixing nails and fragment of organic material.* *Silver. Pressing.*	6/533
6	**Кольцо (**кв. 11, под бревнами пола). Железо. Ковка, лужение. *Ring.* *Iron. Smithing, tinning.*	19/741
7	**Камень точильный. Фрагмент (**кв. 20, слой заполнения камеры). Камень. Шлифовка. *Fragment of the whetstone.* *Slate. Polishing.*	8/730
8	**Гвоздь (**кв. 19, между бревнами пола). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	3/530
9	**Гвоздь** (кв. 19, под бревнами пола). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	18/740
10	**Гвоздь** (кв. 11, под бревнами пола). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	20/742
11	**Отщеп кремневый (**кв. 28, под бревнами пола). *The flake of flint.*	21/743
12	**Капли (?) воска (**кв. 20, слой заполнения камеры). *The drops (?) of wax.*	13/735

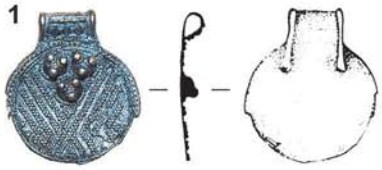
Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
13	**Свеча с фитилем. Фрагмент (**кв. 26, между бревнами пола). В о с к. *Fragment of the candle with wick.* *Wax.*	_11_ 733
14	**Свеча. Фрагмент (**кв. 27, слой заполнения камеры). В о с к. *Fragment of the candle.* *Wax.*	_14_ 736
15	**Свеча. Фрагмент (**кв. 19, под бревнами пола). В о с к. *Fragment of the candle.* *Wax.*	_26_ 748
16	**Свеча. Фрагмент (**кв. 28, между бревнами пола). В о с к. *Fragment of the candle.* *Wax.*	_12_ 734
17	**Свеча. Фрагмент (**кв. 27, под бревнами пола). В о с к. *Fragment of the candle.* *Wax.*	_25_ 747
18	**Свеча коническая (**кв. 27, на бревнах пола). В о с к. *Cone-shaped candle.* *Wax.*	_16_ 738
19	**Свеча. Фрагмент (**кв. 27, между бревнами пола). В о с к. *Fragment of the candle.* *Wax.*	_31_ 753
20	**Свеча цилиндрическая (**кв. 27, на бревнах пола). В о с к. *Cylindrical-shaped candle.* *Wax.*	_15_ 737
21	**Свеча удлиненно-усеченноконическая. Два фрагмента (**кв. 27, на бревне). В о с к. *Prolong truncated cone-shaped candle. Two fragments.* *Wax.*	_17_ 739
22	**Сосуд гончарный (**кв. 20, на бревнах пола). Г л и н а. *Wheel-thrown vessel.* *Clay.*	_7_ 718
23	**Фибула овальная двускорлупная (**кв. 12, под полом в ткани). Б р о н з а, п о з о л о т а. Л и т ь е, ш т а м п о в к а, з о л о ч е н и е. *Double-shelled oval brooch.* *Gilded bronze. Casting, stamping, gilding.*	_23_ 745
24	**Фибула овальная двускорлупная (**кв. 12, под полом в ткани). Б р о н з а, п о з о л о т а. Л и т ь е, ш т а м п о в к а, з о л о ч е н и е. *Double-shelled oval brooch.* *Gilded bronze. Casting, stamping, gilding.*	_24_ 746
25	**Весло (?) (**кв. 19, под бревнами пола). Д е р е в о. *Paddle (?).* *Wood.*	_27_ 749
26	**Весло (?) (**кв. 18, под бревнами пола в глине). Д е р е в о. *Paddle (?).* *Wood.*	_28_ 750

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
27	**Лопата (**кв. 27, под бревнами пола). Дерево. *Spade.* *Wood.*	_30_ 752
28	**Детали одежды (**кв. 12, под бревнами пола). 1–9 — шелк, 10–11 — лен. *Dress details.* *1–9 –silk, 10–11 — flax.*	_22_ 744/1–11
29	**Веревка. Фрагмент (**кв. 12, под бревнами пола). Лыко. *Fragment of the rope.* *Bast.*	_22_ 744/12
30	**Предмет (**кв. 20, под бревнами пола). Железо. Ковка. *Object.* *Iron. Smithing.*	_29_ 751
31	**Деталь погребального ложа (?) (**кв. 19, на бревнах пола). Дерево. *Part of the funeral bed (?).* *Wood.*	_34_ 756
32	**Деталь погребального ложа (?) (**кв. 19, на бревнах пола). Дерево. *Part of the funeral bed (?).* *Wood.*	_32_ 754
33	**Деталь погребального ложа (?) (**кв. 19, на бревнах пола). Дерево. *Part of the funeral bed (?).* *Wood.*	_33_ 755

Приложение 3

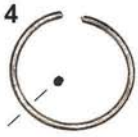
КАТАЛОГ
Камерное погребение 3
Старовознесенский IV раскоп, 2006 г.
(учетный шифр раскопа: П-06-СтВз-IV)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

CATALOGUE
Chamber Grave 3
Starovoznesensky IV excavation, 2006 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve



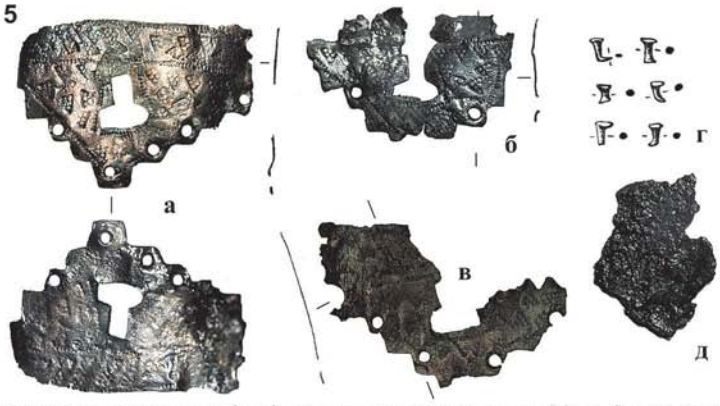
Подвеска круглая. (кв.19, на доске). Серебро. Скань, зернь. *Circular pendant. Silver. Filigree, granulation.*

Фибула кольцевидная с завязанными концами и цепочкой (кв.19, над остатками верхнего перекрытия). *Серебро. Волочение, ковка. Ring-headed pin with knotted terminals and chain. Silver. Drawing, smithing.*



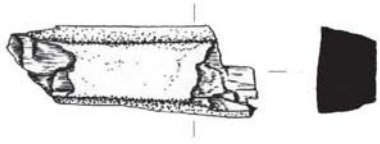
Кольцо разомкнутое (кв.19, слой заполнения камеры). Серебро. Волочение. *Circular gauge ring. Silver. Drawing.*

Бусина полая (кв.19, между бревнами пола). Серебро. Тиснение, волочение, пайка, скань, зернь. *Hollow bead. Silver. Pressing, drawing, soldering, filigree, granulation.*

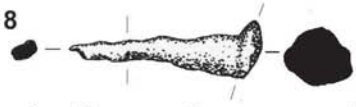


Накладки с геометрическим орнаментом (а-в), гвоздики крепления (г) и фрагмент органического материала (д) (кв.20, между бревнами пола). Серебро. Тиснение.
Mounts with geometric ornament, fixing nails and fragment of organic material . . Silver. Pressing.

Кольцо (кв.11, под бревнами пола). Железо. Ковка, лужение. *Ring. Iron. Smithing, tinning.*

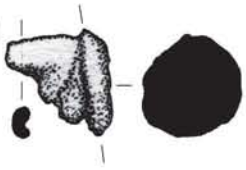


Камень точильный. Фрагмент (кв.20, слой заполнение камеры). Камень. Шлифовка. *Fragment of the whetstone. Slate. Polishing.*



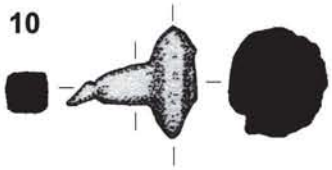
Гвоздь (кв.19, между бревнами пола). Железо. Ковка. *Nail. Iron. Smithing.*

9



Гвоздь (кв.19, под бревнами пола). Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

10



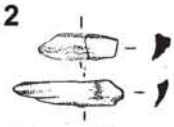
Гвоздь (кв.11, под бревнами пола). Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

11

Отщеп кремневый (кв.28, под бревнами пола).
The flake of flint.

0 1см 3см

12

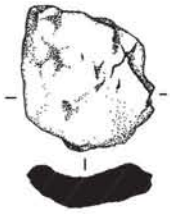


Капли (?) воска (кв.20, слой заполнения камеры).
The drops (?) of wax.

13

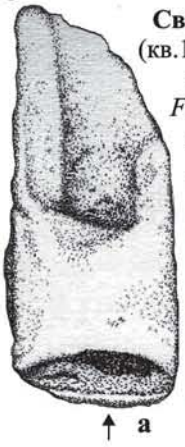
Свеча с фитилем. Фрагмент (кв.26, между бревнами пола). Воск.
Fragment of the candle with wick. Wax.

14



Свеча. Фрагмент (кв.27, слой заполнения камеры). Воск.
Fragment of the candle. Wax.

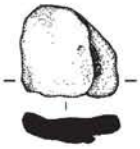
15



Свеча. Фрагмент (кв.19, под бревнами пола). Воск.
Fragment of the candle. Wax.

↑ а

16



Свеча. Фрагмент (кв.28, между бревнами пола). Воск.
Fragment of the candle. Wax.

17

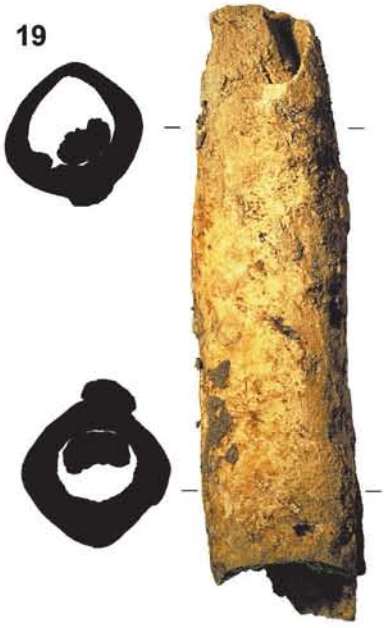
Свеча. Фрагмент (кв.27, под бревнами пола). Воск.
Fragment of the candle. Wax.

18

↑ б

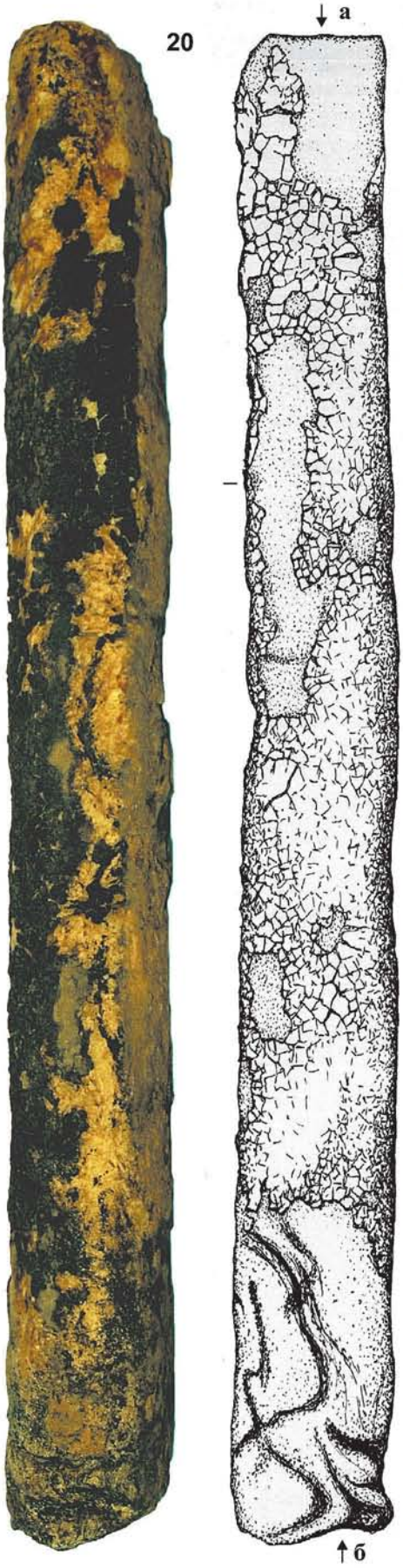
Свеча коническая (кв.27, на бревнах пола). Воск.
Cone-shaped candle. Wax.

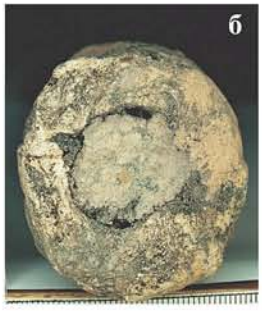
19



Свеча. Фрагмент (кв.27, между бревнами пола). Воск.
Fragment of the candle. Wax.

0 2см 6см



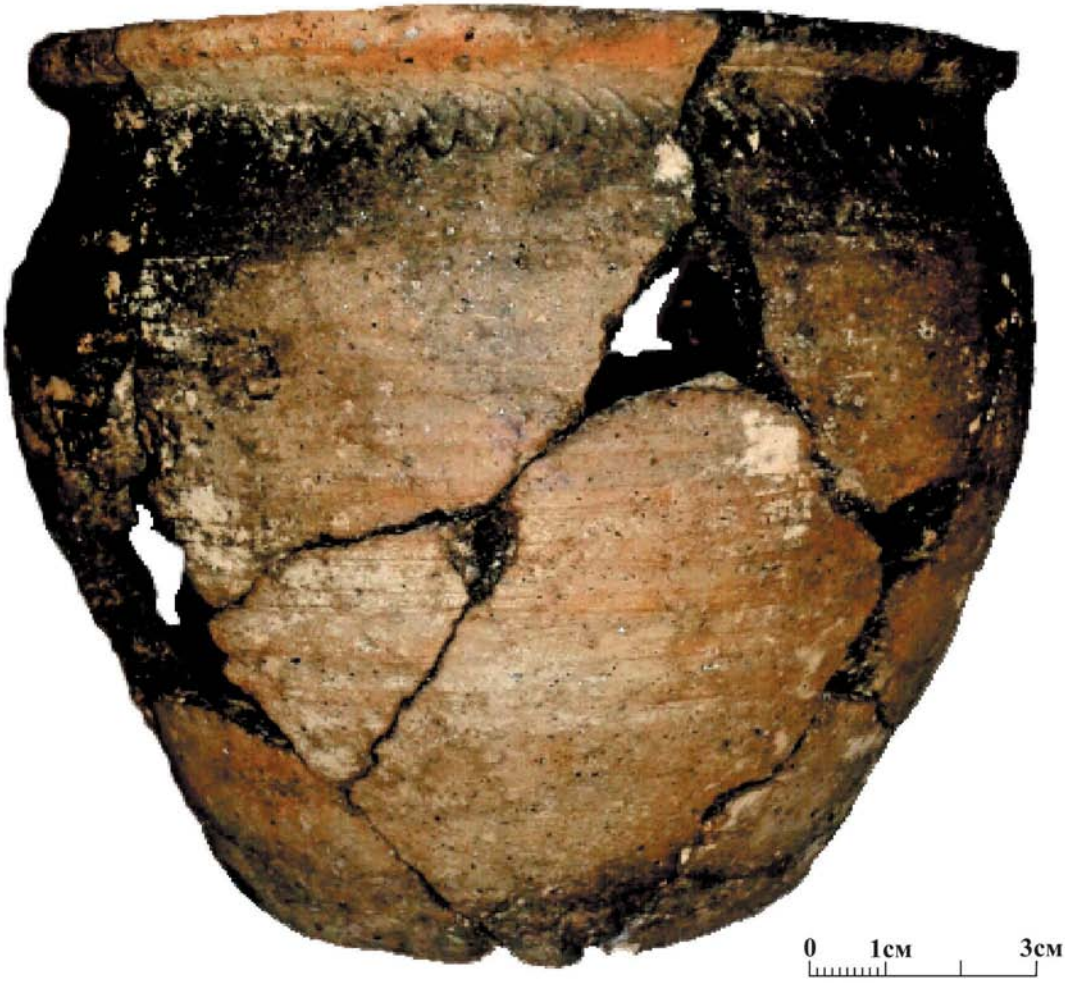


Свеча цилиндрическая (кв.27, на бревнах пола). Воск.
Cylindrical-shaped candle. Wax.

Свеча удлиненно-усеченноконическая. Два фрагмента (кв.27, на бревне). Воск.
Prolong truncated cone-shaped candle. Two fragments. Wax.

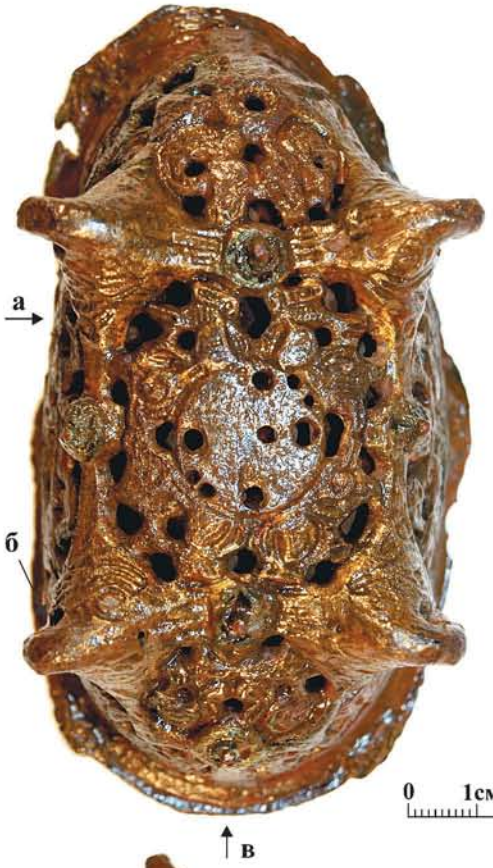
0 2см 6см

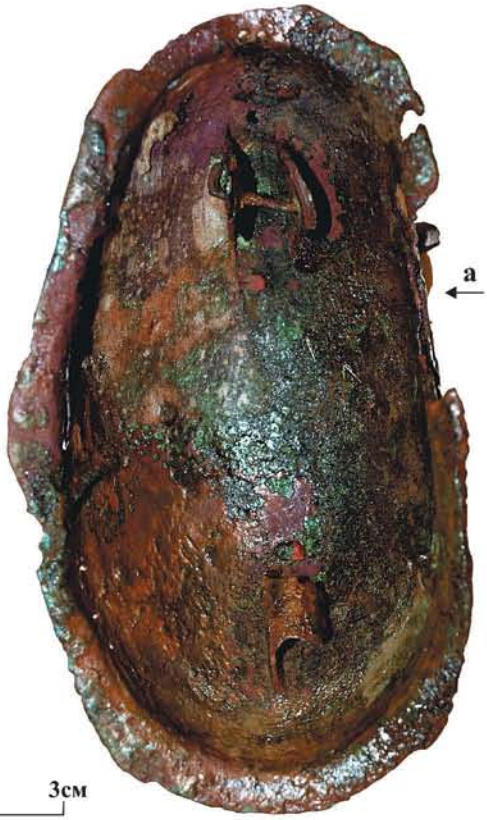
22



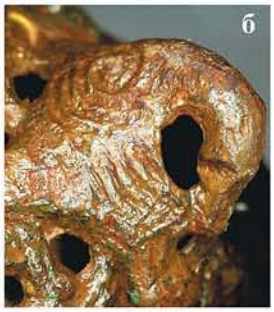
Сосуд гончарный (кв.20, на бревнах пола). Глина.
Wheel-thrown vessel. Clay.

23

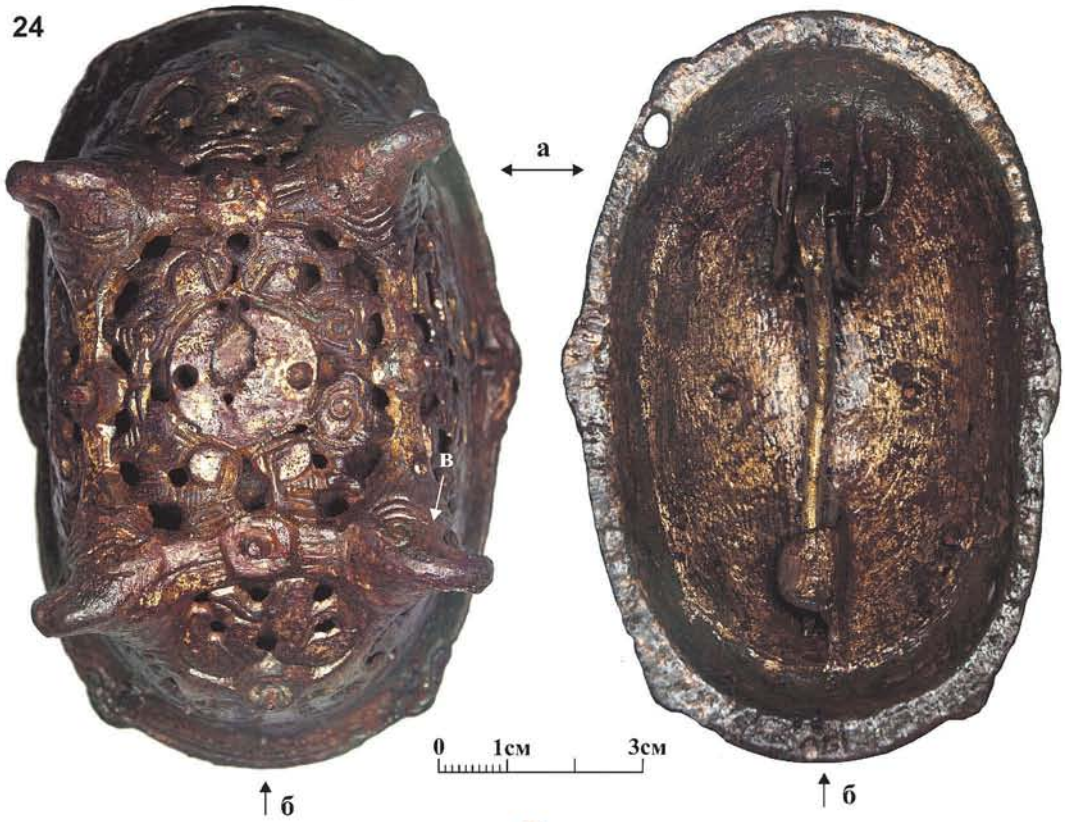




0 1см 3см

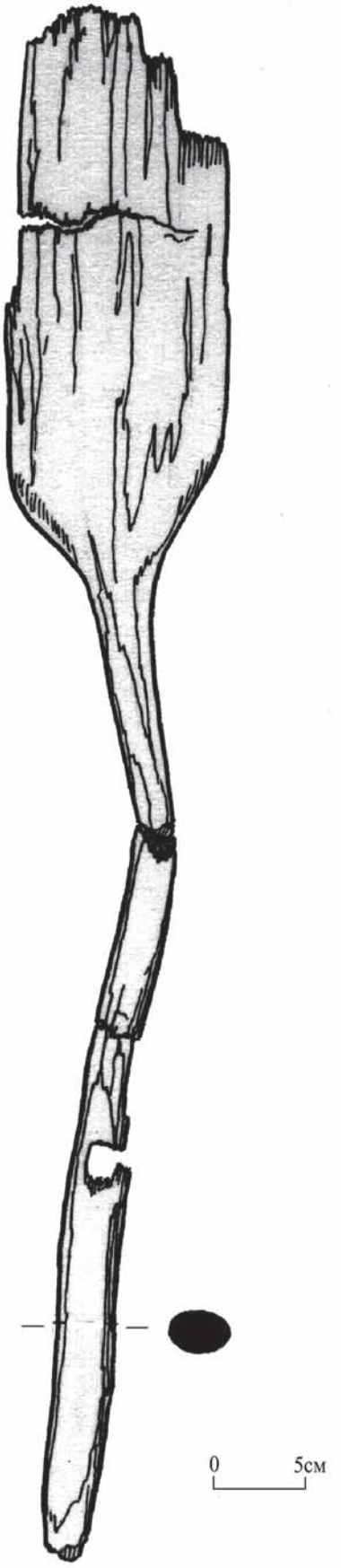


Фибула овальная двускорлупная (кв.12, под полом в ткани). Бронза, позолота. Литье, штамповка, золочение.
Double-shelled oval brooch. Gilded bronze. Casting, stamping. gilding.



Фибула овальная двускорлупная (кв.12, под полом в ткани). Бронза, позолота. Литье, штамповка, золочение.
Double-shelled oval brooch. Gilded bronze. Casting, smithing, gilding.

25



Весло (?)
(кв.19, под бревнами пола).
Дерево.
Paddle (?). Wood.

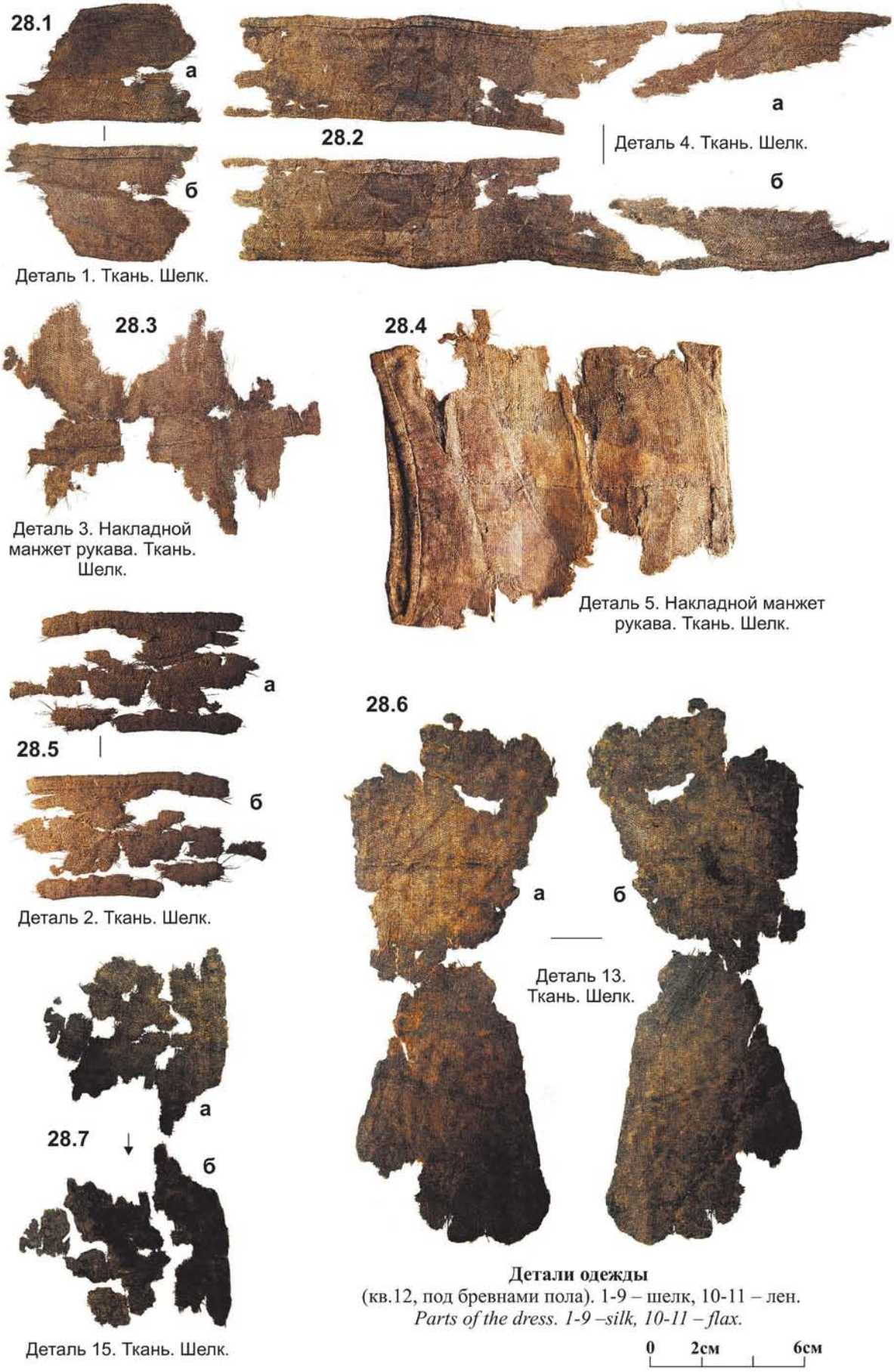
26

Весло (?)
(кв.18, под бревнами пола, в глине).
Дерево.
Paddle (?). Wood.

0 5см

27

Лопата (?)
(кв.27, под бревнами пола).
Дерево.
Spade. Wood.



Детали одежды
(кв.12, под бревнами пола). 1-9 – шелк, 10-11 – лен.
Parts of the dress. 1-9 –silk, 10-11 – flax.

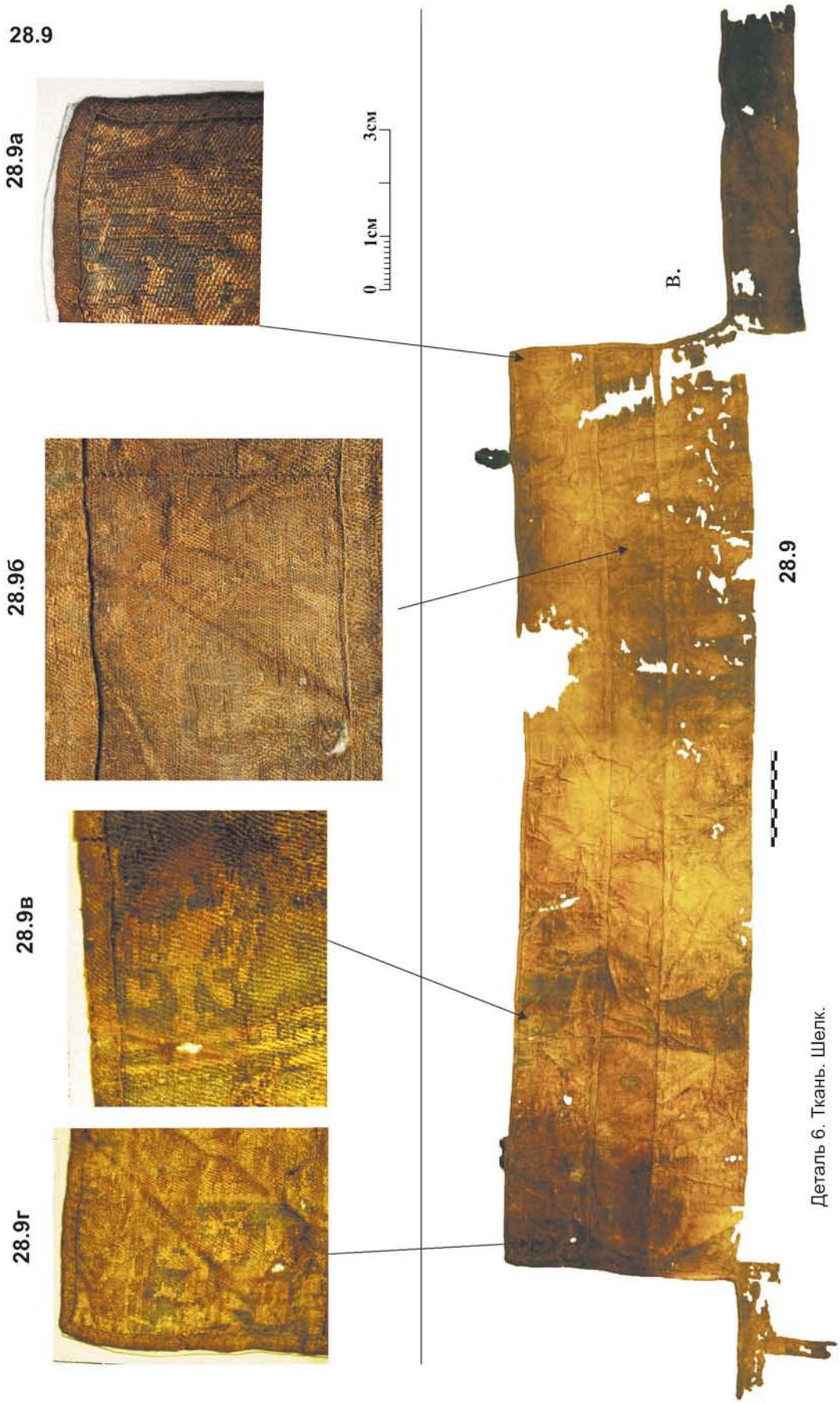
28.8

а

Деталь 14. Ткань. Шелк.

б

0 1см 3см



Деталь 6. Ткань. Шелк.

28.10

Деталь 8. Ткань. Лен.

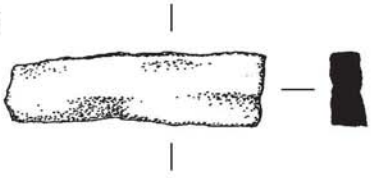
28.11

Деталь 7. Ткань. Лен.

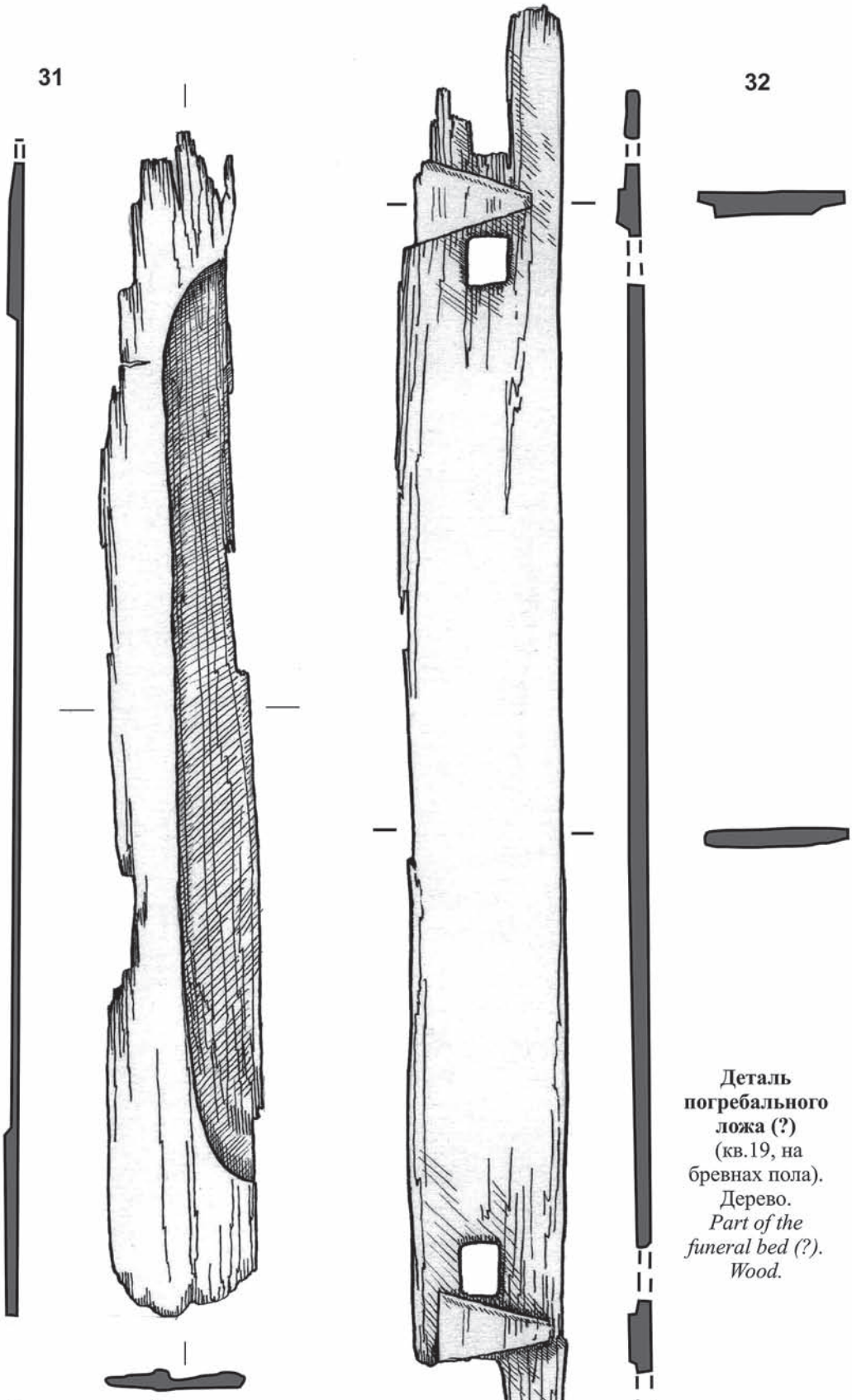
29

Веревка. Фрагмент
(кв.12, под бревнами пола).
Лыко.
Fragment of the rope. Bast.

30



Предмет
(кв.20, под бревнами пола).
Железо. Ковка.
Object. Iron. Smithing.



Деталь погребального ложа (?)
(кв.19, на бревнах пола).
Дерево.
Part of the funeral bed (?).
Wood.

Деталь погребального ложа (?)
(кв.19, на бревнах пола).
Дерево.
Part of the funeral bed (?).
Wood.

33

Деталь погребального ложа (?)
(кв.19, на бревнах пола). Дерево.
Part of the funeral bed (?). Wood.

Т. Е. Ершова, Е. А. Яковлева

Камерное погребение 4

(ул. Некрасова, 1; Старовознесенский V раскоп, 2007 г., уч. В, яма 25, кв. 51–53, 61–64, 71–73, 81–83; захоронение мужчины со скрамасаксом и мальчика в лодке-долбленке)

Обстоятельства находки и условия проведения работ

Четвертое камерное погребение, как и другие, было открыто при завершении спасательных исследований культурного слоя псковского посада XV–XVIII вв. Оно находилось между 1-м и 3-м захоронениями, к северу от первого и к юго-востоку от второго, примерно на равном расстоянии (ок. 30 м) от них (рис. 1; Прил. 1, *1*; см. также рис. 1 к статье Е. А. Яковлевой «Историко-топографический очерк...»).

На уровне материковых отложений, в 20 м к западу от местоположения четвертой камерной могилы, у западной границы раскопа, на участке «А», были открыты остатки двух захоронений, мужчины и женщины 50–60 лет, совершенных по обряду ингумации. Захоронения были нарушены траншеей древнерусского времени[1], проходившей вдоль западной границы раскопа. Вокруг останков прослежено значительное количество камней. В мужском захоронении обнаружено 3 фрагмента лепных сосудов. Руководитель раскопок Т. Е. Ершова относит открытые захоронения к культуре прибалтийско-финских каменных могильников (Ершова, А2007, л. 72–74).

Исследования камерного захоронения велись с середины октября по конец ноября. 3 ноября над раскопом был установлен первый павильон. Поздним вечером начался аномально ранний и мощный снегопад. Под тяжестью мокрого снега первый павильон обрушился[2]. В ночь на 4 ноября, во время строительства второго павильона[3], установился мороз и продолжал идти снег. Все последующие работы над четвертым погребальным комплексом Старовознесенского некрополя прошли в условиях зимней погоды.

Рис. 1. Место проведения раскопок камерного погребения 4. Территория ресторанно-гостиничного центра «Двор Подзноева», восточный торец офисно-гостиничного корпуса. Вид с северо-запада

К началу исследований захоронения восточный угол камеры находился за пределами охранного раскопа (Прил. 1, *2*). Вопрос о возможности

[1] Уничтожены области верхней части туловища и головы.

[2] Это значительно осложнило продолжение работ и сказалось на сохранности уже открытых объектов. Особенно пострадала верхняя часть пола, временных стенок и стратиграфического разреза, заложенного вдоль длинной оси камеры.

[3] Силами участников раскопок за ночь под снегом было сооружено новое временное укрытие, простоявшее до конца полевых исследований.

расширения исследуемой площади решался не в пользу археологов[1]. Однако впоследствии, на этапе работы во втором павильоне, произошел обвал стены раскопа, при разборке которого удалось открыть камеру полностью[2].

Особенностью самого объекта исследования была крайне плохая сохранность древесины, за исключением отдельных участков бревен пола. Геологическая порода, в которой было устроено погребальное сооружение, — суглинок с прослоями глины, примесью супесей, гравия и гальки. В условиях постоянной обводненности мягкие неструктурированные органические остатки, древесный тлен, находившиеся в вязком грунте, при неосторожной попытке зачистки снимались с него вместе с глиной. В «подсушенном» состоянии удавалось раскрывать следы деревянных конструкций и частей захоронения более успешно. Для просушки уровней зачистки использовались поролоновые губки. При работах на дне ямы роль дренажа выполняла фундаментная траншея поздней постройки, перерезавшая восточный угол камеры. Постоянно поступающая в раскоп вода отводилась и откачивалась из приямка, вырытого с противоположной стороны каменной стены, за пределами исследуемого объекта, куда влага поступала через рукав грязевой помпы, проведенный под фундаментом.

Методика и последовательность проведения работ

Погребенная почва над захоронением была полностью уничтожена постройкой XX в., основание которой находилось в яме неправильной в плане формы, прорезавшей песчаный материк до уровня 10-го пласта (рис. 2, Прил. 1, *2*).

Исследование погребения велось в следующей последовательности. По внешним признакам, отмеченным во всех случаях обнаружения камерных погребений Старовознесенского некрополя, как то: значительное по площади ПЯТНО, состоящее из перемешанных материковых пород, маркированное по периметру полосками серой гумусированной супеси и древесного тлена (рис. 3).

По этим установленным маркерам (полоса серой гумусированной супеси и микропрослойки древесного тлена по периметру ПЯТНА), связанным с просевшим вовнутрь камеры верхним перекрытием, шло раскрытие остатков верхнего настила, залегавшего под слоем (и в слое) просевшей курганной насыпи, являвшейся основным СЛОЕМ ЗАПОЛНЕНИЯ могильной ямы. Слой заполнения выбирался «по пластам». Первоначально в целях заложения стратиграфического разреза через однородное заполнение выборка осуществлялась лишь в юго-восточной части ямы. Затем, после фиксации разреза, добиралась вторая половина объема (рис. 4). По краям углубление производилось по поверхности, отмеченной тонкой прослойкой древесного тлена (рис. 5), залегавшего наклонно вертикально, либо на участках с худшей сохранностью по поверхности гумусированного древесным детритом

Рис. 2. Пятно камерного погребения 4 на уровне материка. Старовознесенский V раскоп, вид с севера

Рис. 3. Участок полосы древесного тлена остатков верхних перекрытий на уровне выявления пятна, маркировавший контуры северо-западной части могильной ямы. Старовознесенский V раскоп, кв. 61. Вид с северо-востока

[1] Значительная высота стены раскопа, увеличенная за счет планировочных работ на строительной площадке, вследствие сдвижки отвала на край котлована раскопа не позволяла расширить площадь исследования вручную.

[2] Поэтому профили раскопа не соответствуют стратиграфическому разрезу над ямой погребения.

Рис. 4. Выборка заполнения юго-восточной части могильной ямы, заложение стратиграфического разреза. Старовознесенский V раскоп. Вид с юга

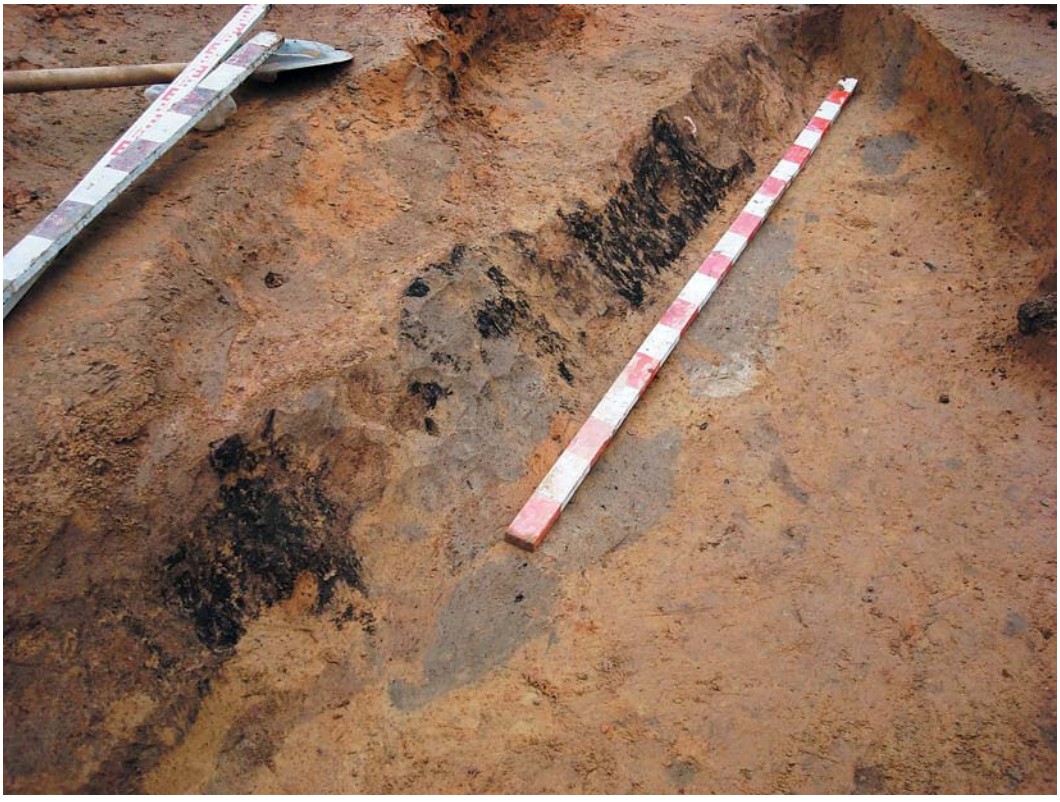


Рис. 5. Раскрытие древесного тлена — остатков верхних перекрытий, просевших в яму под тяжестью курганной насыпи. Старовознесенский V раскоп, кв. 61. Вид с юга

Рис. 6. Разрез заполнения могильной ямы (до уровня остатков верхних перекрытий). Старовознесенский V раскоп. Вид с юго-востока

грунтового субстрата, идентичного слою заполнения ямы. В результате выборки заполнения по периметру открывались временные стенки, оформленные залегавшим наклонно горизонтом остатков просевших перекрытий.

После фиксации горизонта просевшего ВЕРХНЕГО ПЕРЕКРЫТИЯ и снятия его остатков добирался слой курганной насыпи, просыпавшийся в камеру до полного обрушения верхнего настила.

Под этим слоем открывались конструкции деревянной гробницы (СРУБ И ПОЛ) и само основное ЗАХОРОНЕНИЕ № 1.

После исследования ЗАХОРОНЕНИЯ № 1 и СРУБА и снятия остатков этих объектов раскрывались габариты погребальной ЯМЫ. Выбиралось заполнение межстенных пространств между земляными стенами ямы и деревянными — сруба. Исследовались раскрытые при этом новые объекты и особенности погребального сооружения (ЗАХОРОНЕНИЕ № 2).

Пятно

Пятно погребения было выявлено после разборки цементного основания постройки трансформаторной подстанции. Под этим поздним сооружением сохранились разновременные хозяйственные ямы. В результате многочисленных перекопов XV–XX вв. в районе древнего захоронения была уничтожена почти вся палеоповерхность, верхняя часть пятна и края ямы на глубину до 0,6 м (Прил. 1. *2*). Небольшие ямы прорезали заполнение камеры до глубины –215–250.

Таким образом, бóльшая часть пятна погребального объекта открылась на дне слившихся друг с другом перекопов на уровне –215–250. Лишь в северо-восточной части сохранился участок первоначального рельефа местности (на глубине –140).

Непотревоженные фрагменты палеоповерхности, сохранившиеся в непосредственной близости от погребения, позволяют реконструировать участок как имевший небольшой наклон по оси северо-восток—юго-запад, от –146 (в кв. 53) до –176–180 (в кв. 81, 82).

Пятно погребального объекта имело неправильную подпрямоугольную со скругленными углами форму. Максимальные размеры пятна: ок. 7,6 (С—Ю) × 6,5 (З—В) м. Юго-восточная часть пятна оказалась расположенной на границе раскопа и почти совпала с линией каменного фундамента здания XX в.

На поверхности состав пятна был представлен желтым пылеватым песком, отличавшимся от окружающей геологической породы перемешанностью, включениями кусочков суглинка, несколько более темным оттенком (рис. 3, 5). По периметру пятна, наиболее выраженно — вдоль северо-западной и юго-западной стенок, по границе с материковым песком, отмечались нитевидные прослойки древесного тлена и более мощные (до 1–5 см) полосы серой гумусированной супеси, распространявшиеся вглубь ямы (рис. 4, Прил. 1, *2*).

Слой заполнения

Слой заполнения могильной ямы в основном представлял собой грунт курганной насыпи, просевшей во внутренний объем камеры после разрушения верхнего перекрытия (рис. 4, 6). Зона выборки со всех сторон была ограничена некими

Рис. 7. Участок юго-восточной временной стенки ямы, ограниченный фундаментом поздней постройки и стенкой раскопа (до обвала стены раскопа), маркированной древесным тленом и серой супесью. Вид с юга

временными стенками, образованными остатками просевшего верхнего настила (рис. 7–11). С самого верхнего уровня в заполнении фиксировались микропятна серой гумусированной супеси. Вдоль стен этот слой залегал наклонно-вертикально, вследствие чего по мере углубления площадь выборки уменьшалась. Северо-западная временная стенка с самого верха была образована тончайшим слоем более темного органического тлена с участием микрочастиц угля (рис. 9). На северо-восточной (рис. 10) и юго-западной (рис. 11) стенах тлен сохранился хуже, и выборка заполнения велась по слою супеси и встречающимся на ее поверхности пятнам тлена.

Слой заполнения камеры был одинаковым, практически на всю глубину ямы — пылеватый песок с равномерной примесью суглинка и супесей. В его составе, особенно в центральной части выбираемого объема, с самого верхнего уровня, прослеживались пятна — «обрывки» серой гумусированной супеси, отдельных небольших гранитных валунчиков, обломков деревянных элементов в виде полос древесного тлена (Прил. 1, *3*).

«Обрывки» супеси размером от нескольких сантиметров, до 0,3–0,6 м в поперечнике были хаотично рассредоточены в слое заполнения как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях. Они имели неправильную форму, разную толщину и протяженность.

Рис. 8. Поверхность части временной юго-западной стенки ямы (со стратиграфической бровкой). Старовознесенский V раскоп, кв. 73, 74. Вид с юго-запада

Рис. 9. Поверхность северо-западной временной стенки ямы. Пятна тлена, маркирующие элементы верхних перекрытий. Старовознесенский V раскоп, кв. 52, 62, 71. Вид с юго-востока

Концентрация пятен супеси, деревянных обломков, камней в довольно ограниченной зоне юго-восточной части объема камеры (Прил. 1, *4*), с учетом установленного в ходе раскопок факта ограбления погребения, вероятно, маркирует место вторжения. В пользу этого также свидетельствуют находки деревянных фрагментов на уровне уже верхней части заполнения. При естественном проседании перекрытия остатки верхнего настила камеры должны были бы быть погребены в средней и нижней частях ямы.

В кв. 62, в слое заполнения, в зоне грабительского лаза, на уровне –265 найден бронзовый стержень с заостренным концом. Изделие (Прил. 3, Каталог, ***1***) длиной 13 см, с одной стороны уплощенно заострено, с другой — расширяется в виде лопаточки (плоской с одной стороны и округло выпуклой — с другой). Расширение по выпуклой стороне орнаментировано насечками в виде косой неплотной решетки. Орнаментированный конец имеет «ровносрезанное» завершение. По основным характеристикам, в том числе по заостренно уплощенному острию, длине, материалу, орнаменту, стержень напоминает фибульную иглу. Однако отсутствие следов (и возможностей) крепления к рамке фибулы позволяет назвать его скорее булавкой (?).

С глубины 50–60 см от основного уровня поверхности (–200) началось сильное обводнение слоя, что наряду с постоянной сменой температур привело к обрушению стратиграфического разреза заполнения[1].

[1] За ночь температура в павильоне снижалась до уровня уличной — отрицательной. На время работы включалось отопление тепловентиляторами.

Рис. 10. Поверхность участка северо-восточной временной стенки ямы (со стратиграфическим разрезом). Старовознесенский V раскоп, кв. 63. Вид с юга

На уровне –297–303 в слое заполнения увеличилась степень гумусированности, что, вероятно, объяснялось близостью деревянного настила пола и других органических объектов, лежавших на нем.

Конструкции погребальной камеры

Верхнее перекрытие

Остатки конструкций верхнего настила прослеживались в слое заполнения могильной ямы в виде хаотично рассредоточенных пятен серой гумусированной супеси и древесного тлена, обломков элементов (рис. 12). Вдоль стен (в верхней и средней частях их высоты) по мере выборки проявлялись части перекрытий, упавших на них (рис. 11, 13; Прил. 1. *4*, *а*, *б*).

Верхний ярус перекрытия, по которому шла выборка заполнения могильной ямы, был выполнен из элементов (плах или досок), уложенных плотно друг к другу (Прил. 1, *4*, *б*), местами перекрытых серо-пепельной супесью или гумусированным древесным детритом песком (рис. 14). Повсеместно отмечался черный цвет остатков этого яруса (рис. 11–13). Сохранность их древесины — тонкий слой рыхлого тлена. Толщина элементов достоверно не определялась, мощность слоя тлена, маркирующего их, — не более 1–3 мм. Первоначальные размеры элементов, определялись приблизительно. Пятна тлена, соотносимые с отдельными элементами, имели ширину от 15 до 30 см. Остатки верхнего яруса перекрытия сохранились на стенах на «глубину» ок. 1,2–1,5 м от краев ямы. На уровне пола участки перекрытий, залегавшие на стенках, обрывались, незначительно краями перекрывая расположенные ниже объекты, в том числе стенки и пол погребальной камеры, местами сливаясь с ними (рис. 16; Прил. 1, *7*, *б*, *в*).

Направление элементов верхнего яруса настила — СВ–ЮЗ. В его конструкции использованы, очевидно, не менее трех перекладин, перекинутых через яму. Центральная прослежена достоверно на северо-восточной временной стенке (рис. 13). Фрагмент одной крайней — на останце юго-восточной стены (рис. 14), второй — на северо-западной. Ширина балок-перекладин — ок. 14 см. Их тлен также имел черный цвет.

При разборке остатков верхнего яруса перекрытий, сохранившегося на стенах, было установлено, что они, как и в третьей камере, залегали **на** слое серой гумусированной супеси (рис. 14, 15, 17–20; Прил. 1, *2*, *б*), при этом такая же серая супесь местами фиксировалась и над ними (рис. 4, 5). В верхней части северо-западной и юго-восточной стен, **под** верхними слоями серой супеси и древесного тлена, были выявлены прослои красной глины (рис. 21, Прил. 1, *7*). Красная глина, **перекрывающая** края верхнего настила вдоль длинной оси нетолстым слоем, неширокой полосой (до 60 см) по периметру ямы, была прослежена в третьей и небольшим участком в первой камере. Возможно, глина использовалась для обеспечения некой «герметичности» гробницы в тех местах, где толщина насыпи кургана обладала меньшими защитными свойствами: под полами, по периметру ямы. Под красной глиной залегал третий слой серой супеси (рис. 21; Прил. 1, *2*, *б*). В основании нижнего серого слоя определялась коричневатая гумусированная поверхность материковой супеси. Зафиксированная стратиграфия ставит вопрос: на чем лежали слои супеси и глины, обнаруженные под остатками верхних перекрытий? Вероятны два варианта решения либо комбинация следующих приемов устройства верхних частей камеры.

1. У обнаруженных погребальных сооружений существовали своеобразные «завалинки» —

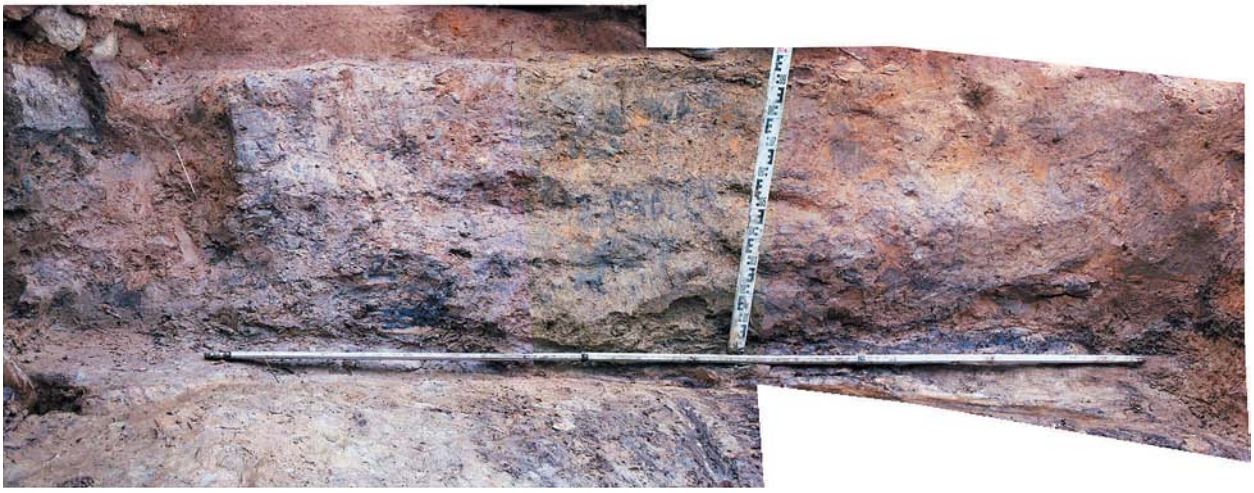


Рис. 11. Поверхность юго-западной временной стенки ямы. Старовознесенский V раскоп, кв. 82, 83. Вид с северо-востока

Рис. 12. Раскрытие остатков верхних перекрытий пятен серой супеси и древесного тлена на дне ямы. Старовознесенский V раскоп, юго-восточная часть камеры. Вид с юго-запада

Рис. 13. Элементы верхних перекрытий на северо-восточной временной стенке ямы. Старовознесенский V раскоп, кв. 52, 53, 63. Вид с юго-запада

пространства между стенами сруба-камеры и ямы, плотно заполненные грунтом (песком и супесями) при создании деревянных гробниц. В районе этой «завалинки» формировался склон, проходивший от края ямы до верхних венцов сруба-усыпальницы. Поверхность склона могла быть оформлена дерном (серая супесь), а также «прокладкой» слоя глины.

2. Верхние перекрытия четвертого камерного погребения имели два яруса либо более сложную конструкцию, нежели простой однослойный настил на перекладинах. Об этом косвенно свидетельствуют несколько наблюдений:

— положение прослоек глины **под** древесным тленом предполагаемого первого яруса (рис. 21): отчетливо выраженный слой древесного тлена

Рис. 14. Древесный тлен остатков двух ярусов верхних перекрытий на части временной юго-восточной стенки ямы. Старовознесенский V раскоп, кв. 73. Вид с юго-востока

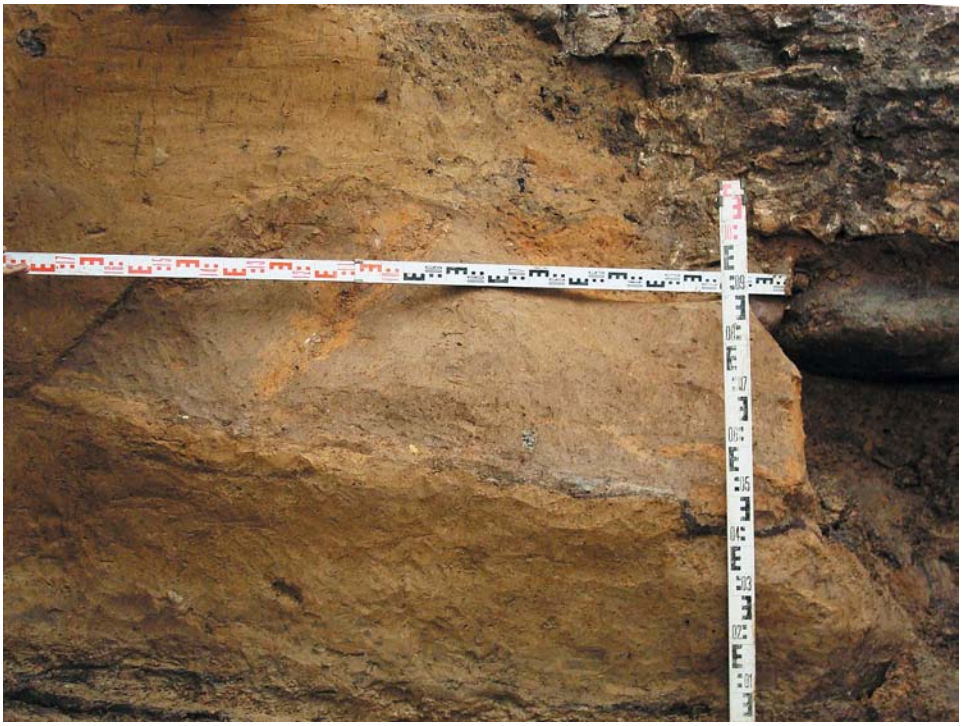


Рис. 15. Серая супесь под остатками верхнего перекрытия на части временной юго-восточной стенки ямы. Старовознесенский V раскоп, кв. 73. Вид с юго-востока

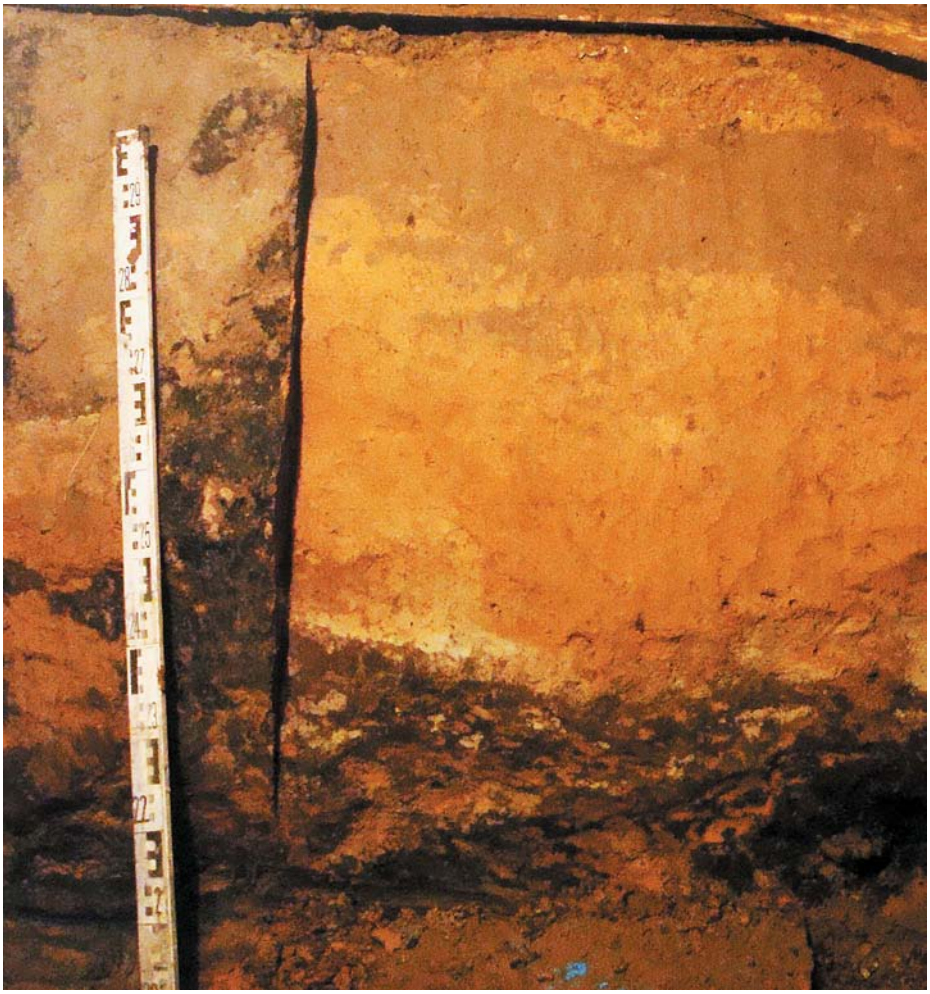


Рис. 16. Остатки верхних перекрытий на стратиграфической бровке у северо-западной стенки ямы. В нижней части — остатки стенок сруба погребальной камеры. Старовознесенский V раскоп, кв. 62. Вид с юго-востока

Рис. 17. Северо-восточная временная стенка после снятия древесного тлена остатков верхних перекрытий. Старовознесенский V раскоп, кв. 52, 63, 64. Вид с юга

Рис. 18. Северо-западная временная стенка после снятия древесного тлена остатков верхних перекрытий. Старовознесенский V раскоп, кв. 52, 61, 62, 71. Вид с юго-востока

Рис. 19. Участок юго-западной временной стенки в процессе выборки заполнения межстенного пространства. Раскрытие стенки сруба. Старовознесенский V раскоп, кв. 71, 82. Вид с северо-востока

под фрагментом обугленной юго-восточной перекладины верхнего яруса на юго-восточной временной стенке и под фрагментами настила на северо-восточной стенке (рис. 14, 17);

— слабо выраженные следы-вдавления, как бы маркирующие залегание элементов настила, поперечного направлению верхнего на северо-западной временной стенке, открывшиеся под прослойками супеси и древесного тлена (рис. 18). Это же наблюдение иллюстрируется нижней границей нижнего слоя серой супеси в стратиграфическом разрезе межстенного пространства у северо-западной стенки, где были отмечены характерные для отпечатков бревен или

Рис. 20. Раскрытие верхнего слоя серой гумусированной супеси на северо-западном краю ямы в процессе снятия древесного тлена остатков верхних перекрытий и подстилающих слоев

б

а

Рис. 21. Прослойки серой супеси и красной глины на юго-восточной временной стенке. Старовознесенский V раскоп, кв. 73. Вид с юго-востока: а — общий вид; б — увеличенно, в разрезе

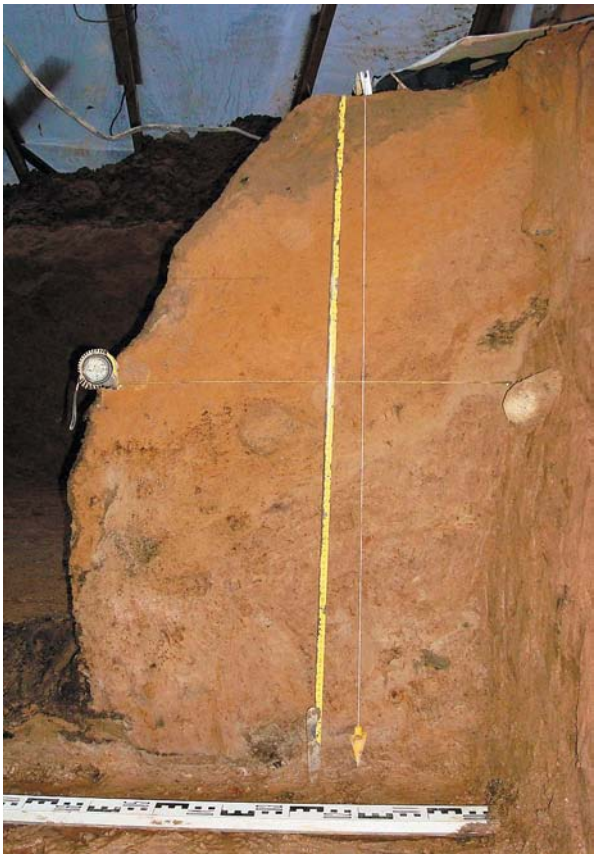


Рис. 22. Стратиграфия разреза слоя заполнения пространства между стеной сруба камеры и стенкой материковой ямы. Старовознесенский V раскоп, стратиграфическая бровка у северо-западной стенки, кв. 52, 62. Вид с северо-востока

Рис. 23. Стратиграфия разреза слоя заполнения пространства между стеной сруба камеры и стенкой материковой ямы. Старовознесенский V раскоп, стратиграфическая бровка у северо-западной стенки, кв. 52, 62. Вид с юго-запада

Рис. 24. Нижняя часть разреза слоя заполнения пространства между стеной сруба камеры и стенкой материковой ямы. Слой древесного тлена, перекрывающий стену сруба и пол. Старовознесенский V раскоп, стратиграфическая бровка у северо-западной стенки, кв. 52, 62. Вид с юго-запада

полубревен полукруглые следы, заполненные на момент фиксации серой гумусированной супесью (рис. 22, 23; Прил. 1, *9*, *б*, *в*);

— факт **перекрытия** глиной остатков конструкций деревянных перекрытий в 1-й и 3-й камерах.

Возможно, с существованием именно нижнего яруса верхних перекрытий связан слой древесного тлена, перекрывавший бревна пола у самой стены сруба, возле захоронения № 1. В нижней части ямы, внутри камеры, где сохранность органики была несколько лучшей, слой древесного тлена заполнял угол между полом и стеной сруба. Он буквально «слипся» с остатками погребальной камеры. Проследить четкое разделение на отдельные элементы в этой зоне не удалось (рис. 24).

Таким образом, на юго-восточной и северо-западной временных стенах, под слоем насыпи кургана, были прослежены свидетельства более сложного устройства верхних перекрытий усыпальницы. Вероятно, необходимые аргументы в пользу одного из высказанных предположений могут внести только новые полевые исследования с фокусировкой внимания на изучение верхней части заполнения могильных ям камерных погребений.

Сруб

Камера имела срубную конструкцию (рис. 25; Прил. 1, *5*). Достоверно прослежены угловые выпуски, свидетельствующие о способе крепления «в обло» (рис. 26). В северном и восточном углах сруба сохранились отпечатки венцов в виде характерных пятен древесного тлена в составе грунта (рис. 27). В качестве более плотного субстрата тлена, по форме соотносимого с формой бревна, сохранились лишь нижние 1–2 венца. Верхние представляли собой тонкие нерегулярные прослойки тлена на песчаных стенках, маркирующие габариты сруба (рис. 28–31). Зафиксированы следы не менее чем 7 венцов. Внутреннее пространство почти квадратного в плане

Рис. 25. Погребальная камера 4 «Старовознесенского» некрополя. Общий вид с севера

Рис. 26. Древесный тлен западного угла сруба. Угловые выпуски бревен. Старовознесенский V раскоп, кв. 71. Вид с севера

Рис. 27. Древесный тлен — остатки северного угла сруба (5 венцов). Старовознесенский V раскоп, кв. 52, средняя часть высоты ямы

Рис. 28. Древесный тлен — остатки восточного угла и примыкающих стен сруба. Старовознесенский V раскоп, кв. 64, нижние венцы

сруба имело размеры ок. 3,8 × 3,85 м (рис. 25). Длина бревен сруба — 4,4–4,8 м. Длина выпусков разная: от 20 до 37 см. Диаметр бревен по сохранившимся частям и отпечаткам — до 11–18 см. Сруб был установлен на настил пола (Прил. 1, *5*, *а*), превосходивший по площади основание постройки. Конструкция деревянных стен прослежена на высоту не менее 0,9 м: от –238 (восточный угол) до основания нижнего венца — –330 (Прил. 1, *5*).

Верхняя часть, а местами и все стены сруба были перекрыты остатками верхнего настила. В большинстве случаев граница между ними не устанавливалась (например: рис. 24, Прил. 1, *5*, *а*).

Пол

Пол представлял собой бревенчатый настил, уложенный на бревенчатые лаги (Прил. 1, *5*, *9*, *а*). Направление настила — юго-запад — северо-восток (рис. 32). Сохранность дерева — органический аморфный субстрат. На тлене некоторых бревен остались фрагменты еловой коры, сохранившейся лучше самой древесины. В некоторых местах от бревен остались лишь характерные вдавления в суглинке дна ямы. Определяемый диаметр бревен — около 10–12 см. Длина бревен настила — 4,3–4,6 м. Лаги пола располагались попарно параллельно стенам, примерно в районе стоявших над ними стен сруба: северо-восточной и юго-западной (внутри габаритов сруба

Рис. 29. Древесный тлен, маркирующий северо-западную стенку сруба. Старовознесенский V раскоп, кв. 52, 61, 62, 71. Красным цветом на фотографии выделено место обнаружения скопления гвоздей (Прил. 3, Каталог, ***14***)

Рис. 30. Древесный тлен, маркирующий северо-восточную стенку сруба. Старовознесенский V раскоп, кв. 52, 53, 63, 64

Рис. 31. Древесный тлен, маркирующий сохранившуюся часть юго-западной стенки сруба. Старовознесенский V раскоп, кв. 73, 74

Рис. 32. Настил пола в срубе камерного погребения 4. Старовознесенский V раскоп. Вид с северо-запада

Рис. 33. Следы бревен переводин пола у юго-западной стенки, в районе восточного угла сруба. Старовознесенский V раскоп. Вид с северо-запада

и снаружи). Мощение пола выходило за габариты сруба (рис. 34): в продольном направлении на 30–48 см (у северного угла сруба), а в поперечном — на 30–40 см (Прил. 1, *5*, *а*, *в*). Местами, на полу и между бревнами, в грунте отмечалась более значительная, чем в верхних слоях заполнения, гумусированность. Возможно, это связано с существованием в погребении деревянной тары или иных предметов из органических материалов.

Следует отдельно упомянуть об изменении цвета глины с красного на голубой в местах контакта этой геологической породы с деревянными деталями погребальной постройки[1]. Вероятно, подобное изменение цвета связано со специфическими химическими реакциями, произошедшими в анаэробной среде склепа. Это явление прослеживалось наиболее отчетливо под торцами бревен пола, вдоль стен и на дне ямы в районе захоронений № 1 и 2 (см. далее) четвертой камеры (Прил. 1, *9*).

[1] Подобное явление отмечалось и в погребении 3. Изменение цвета глины замечено в тех местах, где древесина имела наилучшую сохранность: в основании нижних венцов сруба и переводин пола.

Рис. 34. Концы бревен мощения пола за пределами сруба, в северном углу ямы. Старовознесенский V раскоп, кв. 52, 53. Вид сверху, с северо-востока

Рис. 35. Камерное погребение 4, общий вид. Снятие остатков пола и стен внутри сруба. Наиболее сохранившиеся участки пола на месте расположения остатков погребения № 1. Старовознесенский V раскоп, вид с юго-востока

Захоронения
(Прил. 1, *5*, 7)

В погребальном комплексе были открыты два захоронения: основное (захоронение № 1) — мужчины в срубе-усыпальнице, и сопровождающее (захоронение № 2) — мальчика в лодке-долбленке за пределами сруба.

Захоронение № 1

Первоначально, при раскрытии сруба-усыпальницы никаких следов погребения не было обнаружено, что сразу натолкнуло на мысль об ограблении могилы. На полу, в северо-западной части внутреннего пространства сруба, отмечалось бóльшее количество фрагментов досок и тлена, образующих значительное по площади пятно (рис. 35, Прил. 1, *4*). На его поверхности, в центральной части, через некоторое время после расчистки стали проступать пятна тлена, маркирующие отдельные кости. По рельефу костные остатки никак не выделялись на поверхности пятна, они имели лишь несколько более светлый оттенок по сравнению с древесным тленом.

Это были отдельные кости скелета мужчины 45–50 лет[1], залегавшие в порядке, в общих чертах приближенном к анатомическому (Прил. 1, *5*, *а*). От черепа сохранились фрагменты черепной коробки, осколки нижней и верхней челюстей. Отдельные кости были явно перемещены. Части скелета лежали в направлении юго-запад—северо-восток вдоль бревен пола, параллельно ближней стене сруба. Состояние костей — плотный тлен. Некоторые сохранились в виде отпечатков, отдельные — представлены осколками (подробно см. ниже в настоящем издании статью Д. В. Пежемского).

Кости фиксировались в границах компактного пятна размером 2 × 0,6 м, вытянутого вдоль северо-восточной стенки в 0,2 м от нее. В районе примерно определяемого местоположения туловища останки были перекрыты слоем рыхлого органического тлена, толщина которого достигала 0,7 см (рис. 36). Автор отчета сравнивает этот

[1] Определение Д. В. Пежемского.

Рис. 36. Разрез пятна древесных остатков (в том числе бревен пола) в зоне расположения костей захоронения № 1. Старовознесенский V раскоп, кв. 62

своеобразный «покров» с лубом (Ершова, А2007, л. 87). Поверхность тлена была неровной, вероятно, сохранившей рельеф костей и предметов, некогда погребенных под ним. В области ног в зоне лучшей сохранности «покрова» был взят монолит-вырезка для разборки в камеральных условиях. В составе монолита помимо перечисленных далее находок были раскрыты фрагменты текстиля: шелковой и шерстяной тканей с участием пуха (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***13***) (подробно см. ниже статью Е. С. Зубковой, О. В. Орфинской).

В составе монолита между слоями текстиля сохранилась часть деревянной рукояти ножа (?) длиной чуть более 6 см с фрагментом бронзовой оковки (Прил. 3, Каталог, ***12***).

В районе предполагаемого положения стоп были обнаружены два треугольно-рамочных шипа, крепившихся к обуви для облегчения ходьбы в сложных погодных условиях (гололед и слякоть), а также на подъемах и спусках (Петров, 2006, с. 178). Одно приспособление фиксировалось лишь по пятну окислов ржаво-рыжего цвета характерной формы, другое — удалось отреставрировать и сохранить (Прил. 3, Каталог, ***11***). Длина сторон треугольной рамки обоих экземпляров ок. 4 × 4 × 4 см[1]. Высота шипов, размещенных в углах рамки, — до 0,5 см. Шипы с треугольной основой известны по находкам в Северной Европе, Прибалтике, на территории Древней Руси (Петров, 2006, с. 172). Из опубликованных материалов морфологически наиболее близки псковскому экземпляру находки X в. из Бирки (Arwidsson, 1986, S. 112, Abb. 12 : 2) и Новгорода (Петров, 2006, с. 172, 173), а также шипы из первого камерного погребения Старовознесенского некрополя. Две последние находки из Пскова датируются 2-й половиной X в.

В средней части пятна, связанного с останками, находилось инкрустированное чернью серебряное с золочением колпачковидное навершие костяной рукояти несохранившегося клинка холодного оружия (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***3***). Навершие литое, украшено рельефным орнаментом, обрамленным чернью. Тыльная сторона рукояти позолочена. Центральное место в композиции орнамента занимает стилизованное изображение лилии.

Технология декорирования навершия указывает на значительную ценность оружия, украшенного им. В монографии Т. И. Макаровой, посвященной развитию черневого дела Древней Руси, приведен полный на момент опубликования Каталог древнерусских ювелирных изделий с чернью X–XIII вв. Он насчитывает 317 предметов (Макарова, 1986, с. 6). Древнейшим и единственным образцом изделия с чернью, которое изготовлено в древнерусской княжеской мастерской X в., исследовательница считает оковки рога из Черной могилы — княжеского погребения под Черниговом (Там же, с. 29, 30). Чернь (и перегородчатая эмаль), по мнению Т. И. Макаровой, — технологии, которые в X–XII вв. применялись только в княжеских мастерских и лишь позже начали проникать в городское ремесло (Там же, с. 116). Даже если навершие — фрагмент импортного оружия, не вызывают сомнения его элитарный статус и редкость.

Рис. 37. Участок пола и пятна захоронения № 1 с останками. Вид с северо-востока

В средней части пятна захоронения, в непосредственной близости от навершия (рис. 38), располагались серебряные колечки с завязанными концами, интерпретированные как подвески для ножен холодного оружия, рукояти которого принадлежал черненый колпачок (Прил. 3, Каталог, ***5, 6***). Обоймицы декорированы точечным круглым пуансоном. На одной из обоймиц (Прил. 3, Каталог, ***5***) сохранились 3 серебряных штифтика, крепившие серебряную фурнитуру к изделию из органического материала (кожи?).

Недалеко от находок, связанных с оружием, обнаружено отдельное проволочное серебряное колечко с сомкнутыми концами диаметром

[1] С учетом состояния предмета состояние находки стабилизировано реставраторами без расчистки металлического ядра.

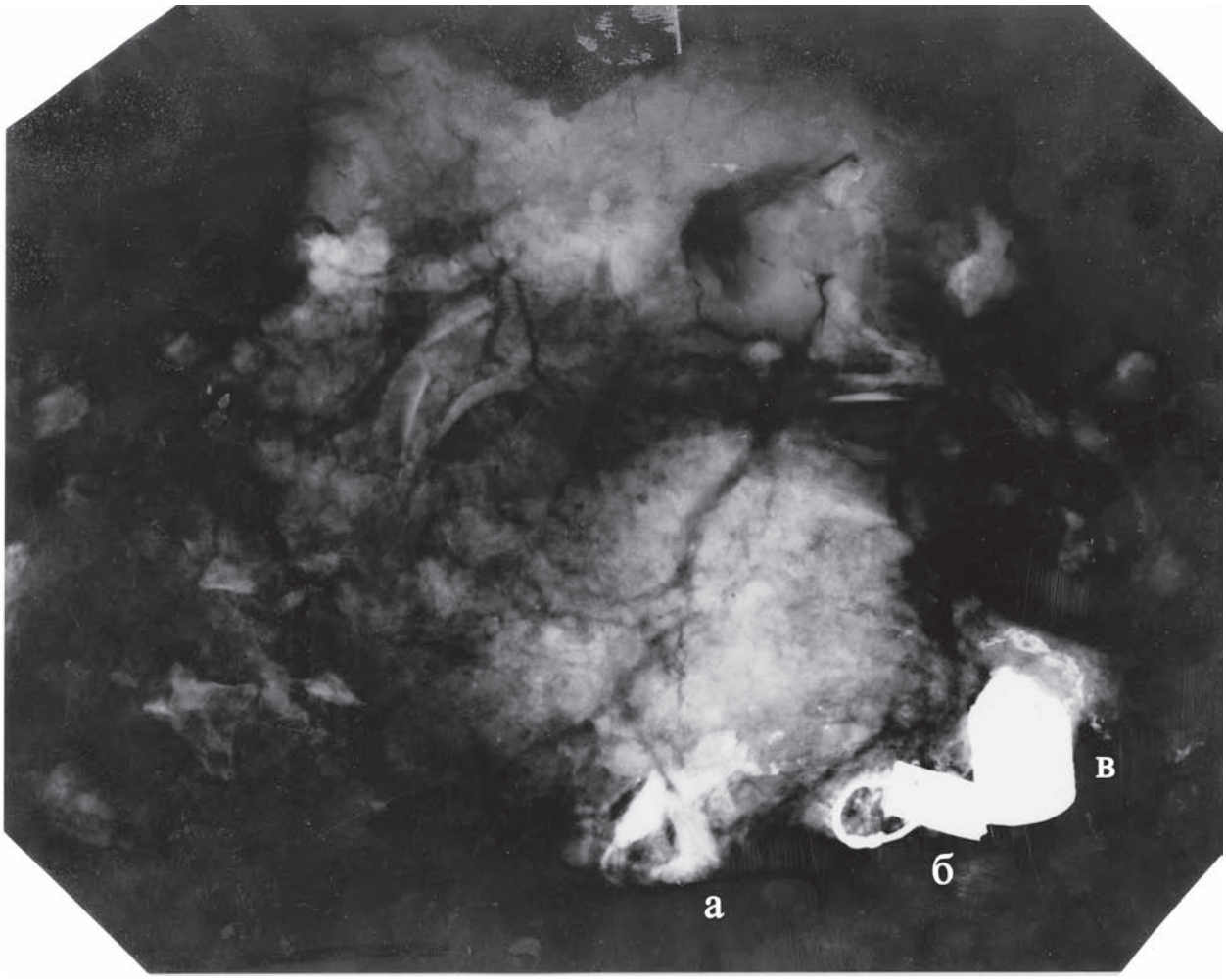


Рис. 38. Рентгенограмма части монолита с обоймицами и навершием (Прил. 3, Каталог, ***3, 5, 6***): а, б — обоймицы; в — навершие

1,8 см, служившее для подвешивания какого-то несохранившегося предмета (Прил. 3, Каталог, *7*) и, вероятно, относящееся к системе подвешивания ножен.

Примерно на месте вероятного изначального положения головы обнаружен костяной шарик диаметром ок. 3,5 см с круглым сквозным отверстием (диаметром ок. 1 см) (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***10***).

К востоку от верхней части костяка, между бревнами пола, лежала полая тростниковая трубочка (?) со следами крестообразной обмотки, несохранившимся шнуром или нитью (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***9***). Длина трубочки — 13 см, толщина стенок — 2–3,5 мм. В противоположные стороны трубочки в ряд по длине вставлены 3 тонких штифтика (на всю толщину стенки) диаметром ок. 1 мм. Назначение предмета пока не установлено. Штифты могли удерживать несохранившуюся ажурную оплетку, а также крепить трубочку к некому стержню, находившемуся внутри. Таким образом, трубочка могла быть рукоятью какого-то тонкого стержня, функциональное назначение которого точно не определяется[1].

Рядом с трубочкой, в слое песка с примесью органики, найдены обрывки золото- и серебрянопряденных нитей, а также несколько серебряных и золотых проволочек (Прил. 3, Каталог, ***4***). Вероятно, они представляют собой остатки парчовой ткани (подробнее см. ниже статью Е. С. Зубковой и О. В. Орфинской). Как известно, в X в. парчовые ткани, поступавшие на Русь, производились в Византии, где их изготовление являлось государственной монополией. Экспорт из Византии подобных материй был сильно ограничен, и они попадали в Западную и Восточную Европу преимущественно в числе посольских даров, в качестве военной добычи или торговых пошлин (Фехнер, 1982, с. 59). Находки нитей

[1] Может быть, это был небольшой хлыст (?).

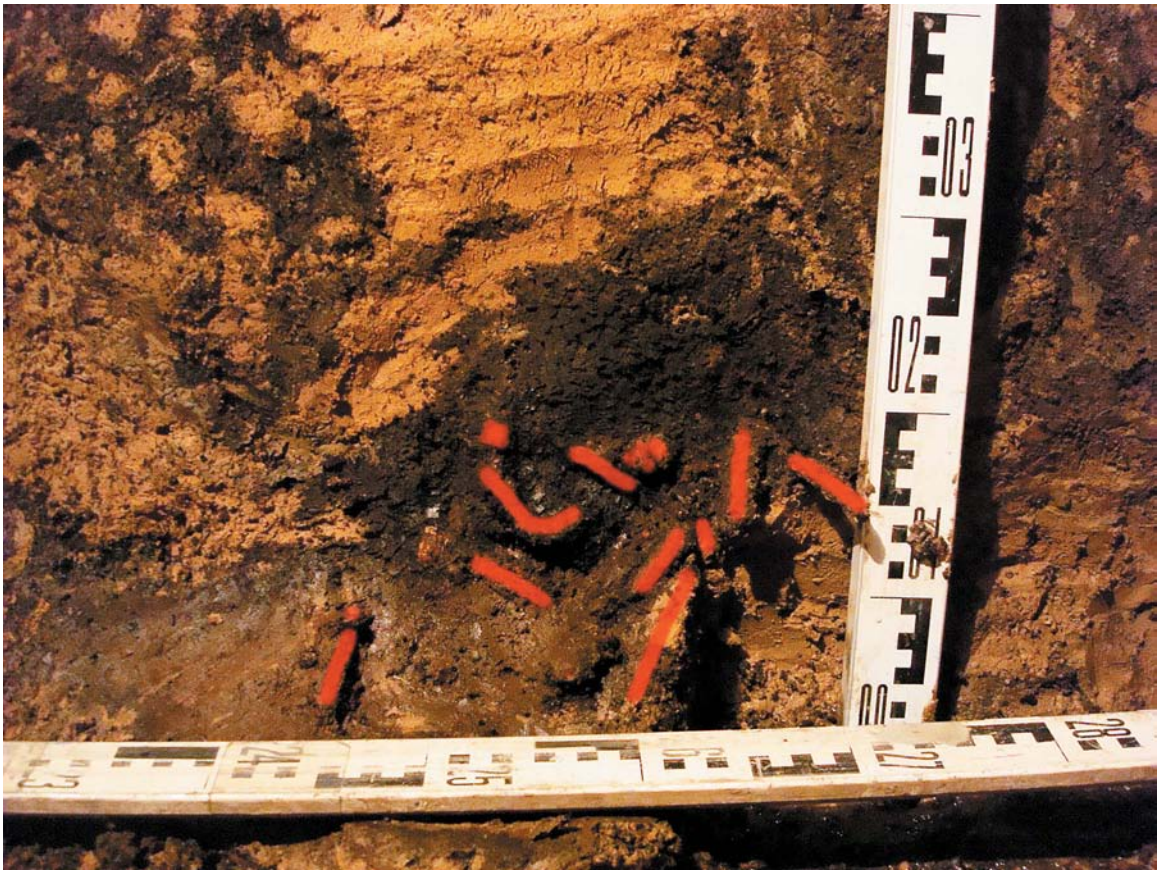


Рис. 39. Скопление гвоздей в древесном тлене северо-западной стены сруба. Старовознесенский V раскоп, кв. 62, 52. Цветом обозначено местоположение гвоздей

из драгоценных металлов, свидетельствующие о существовании в гробнице богатой шелковой одежды, довольно определенно говорят о достатке и нерядовом положении мужчины, погребенного в четвертой камере.

Отдельно следует отметить следы вероятного существования в срубе других, фрагментарно сохранившихся предметов. Например, к востоку от местоположения ног, на бревнах пола, было зафиксировано скопление мелких деревянных обломков, соединившихся с пятном ожелезнения характерного рыжего цвета. В зоне концентрации остатков верхнего перекрытия, в песке, почти над самым полом, найдено два небольших свечных восковых подтека. На некоторых органических объектах читались пятна цветных пигментов: красного и белого. Они были встречены небольшими участками площадью 1–2 см в поперечнике: на органике, подстилающей погребение в районе ног и тазобедренного сустава; на отдельных древесных обломках в районе стоп; на микрообрывке бересты, лежавшем на бревнах пола в кв. 73.

По периметру сруба, на бревнах пола, между ними, в слое песка на дне ямы, в стенах (древесном тлене) собрана значительная коллекция кованых гвоздей (ок. 96 экз.[1]). Основная их часть сконцентрирована вокруг местоположения останков и связанного с ним пятна плотной органики, вдоль северо-западной и юго-западной стен и в древесном тлене самих стен, разрозненно — в юго-восточной части камеры (Прил. 1, *8*).

Большинство гвоздей представляет собой достаточно крупные экземпляры, преимущественно длиной ок. 10 см, со шляпкой — до 2,5 см в диаметре. Из общего числа гвоздей выделяются две группы: меньших и бóльших по длине стержня, чем преобладающий размер.

В северо-западной стене, ближе к северному углу, в районе ног захоронения, в нижней части стены сруба, перекрытой слоем органики (остатки погребального ложа или верхнего перекрытия), зафиксировано скопление из 11 гвоздей, вбитых в тлен, примерно в одном месте (рис. 39; Прил. 1, *8*). Направление острых концов говорит

[1] Приблизительность подсчета связана с фрагментированностью отдельных экземпляров и невозможностью точного определения принадлежности фрагмента тому или иному гвоздю.

Рис. 40. Один из гвоздей в северо-западной стене сруба (?).
Старовознесенский V раскоп, кв. 62

о том, что гвозди были вбиты «веерно», с разных сторон несохранившегося предмета или стенки сруба, а может быть, перекрытия, упавшего на стену. Состояние древесных остатков не позволило определить это более точно.

Меньшие по размеру гвозди (наиболее достоверно определяемые экземпляры: Прил. 3, Каталог, ***61***, ***62***, ***73***, ***76***, ***83***) имели длину ок. 4 см и меньше, более тонкий стержень. Один экземпляр (Прил. 3, Каталог, ***83***), найденный в пятне древесного тлена, маркировавшего некий несохранившийся предмет в кв. 72, почти в метре к юго-востоку от зоны захоронения, напоминает мебельный гвоздик из камеры 3 и, вероятно, использовался для более тонких работ. Топографически большая часть гвоздей располагалась вдоль юго-западной стены, за которой находилось захоронение № 2, и вдоль противоположной — северо-восточной стены сруба. Большинство гвоздей находилось внутри сруба. Несколько гвоздей обнаружено «в изголовье» и в «ногах» основного погребения, а также за пределами пятна органики, связанного с местоположением останков (?), в юго-восточной половине камеры. Несомненно, гвозди свидетельствуют о неком оформлении усыпальницы. Гвозди, расположенные в непосредственной близости к останкам, могут быть связаны с конструкцией погребального ложа, часть, обнаруженная у стен, — с оформлением мест захоронений (облицовка стен (?), рис. 40), другая — возможно, с устройством верхних перекрытий.

Как уже отмечалось, останки лежали на слое плотного органического тлена толщиной от 1 мм до 2 см. Его пятно в плане имело подчетырехугольную форму и размеры 1,9 × 0,7 м (Прил. 1, *5*, *а*). По сторонам от этого основного пятна («слева», «справа» и «в ногах») фиксировались такие же по составу, но отличные по толщине органические пятна. «В ногах» пятно длиной 75 см также имело подпрямоугольную форму и совпадало с основным по ширине. «Слева» слой органики распространялся до стены сруба и частично перекрывал ее основание. «Справа» сохранилось пятно неправильной формы размером 0,35 × 1,1 м, примыкающее к зоне погребения. Вероятно, пятна тлена связаны с элементами разрушившегося погребального ложа. Пятна напоминали выкройку некой «коробки», у которой распались боковые стенки.

Захоронение № 2

Второе захоронение мальчика-подростка (захоронение № 2) в камерном погребении 4 было обнаружено за пределами юго-восточной стены сруба-усыпальницы (Прил. 1, *5*, *а*; *7*, *а*, *б*).

Как уже упоминалось, по мере выборки слоя заполнения вдоль всех стен ямы (и камеры) формировались временные стенки, маркированные остатками просевшего верхнего перекрытия. После фиксации остатков перекрытия они были разобраны для раскрытия конструкций усыпальницы, скрытых под ними.

На юго-западной временной стенке «деревянные следы» перекрытия сохранились хуже всего. На большей части поверхности это был тончайший (иногда толщиной менее 1 мм), нерегулярный слой органического тлена, местами лишь немного изменивший окраску геологических пород.

На этой стене выборка основного заполнения шла по поверхности некого «пятнистого горизонта», соотносимого с более выраженными деревянными остатками на других стенах. «Пятнистая» поверхность была образована перемешанными кусочками геологических материковых пород: песка и суглинка, местами с неравномерной, слабой примесью органики. Следы элементов верхнего перекрытия залегали условно параллельными полосами горизонтального направления по поверхности временной стены. В юго-восточной части поверхность этого горизонта была неровной, местами она представляла собой очень тонкий слой голубоватого глинистого субстрата материковых пород, покрытый тончайшим древесным тленом[1].

Средняя часть стены ямы в районе второго захоронения имела небольшой отступ наружу как в вертикальной, так и горизонтальной проекции (Прил. 1, *7*). В нижней части описываемой временной стенки, примерно в 30 см от пола, вдоль стены, по мере снятия «пятнистого горизонта» проявилась полоса древесного тлена, первоначально принятая за остатки нижних венцов сруба-камеры. Однако, как выяснилось в результате дальнейшего раскрытия объектов, достоверные остатки стены (рис. 19) находились ниже верхних отметок обнаружения тлена[2].

После раскрытия всех стен сруба и исследования основного погребения были начаты разборка деревянных остатков стен самой камеры и выявление стен могильной ямы, вырытой в материковой породе. Непосредственно за вертикальным слоем тлена, сопоставленного с остатками юго-западной стены сруба, открылся мешаный слой заполнения межстенного пространства (между остатками деревянной стены сруба и грунтовой стенкой ямы).

Основу этого слоя составляли смесь материковых пород: пылеватого песка, супесей и суглинка с примесью гальки и гравия, небольшие гранитные валунчики. Встречались крупные пятна серой гумусированной супеси, соотносимой с пластами (кусками) дерна (рис. 41), использовавшегося при устройстве перекрытий. Непосредственно над захоронением, в слое заполнения межстенного зазора, отмечались отдельные угольки размером до 1 см в поперечнике.

Ширина зазора между юго-восточной грунтовой стенкой ямы и соответствующей стеной сруба составляла 0,45–1,2 м. Подпрямоугольные границы нижней части ямы всего камерного погребения охватывали и место расположения захоронения№ 2 без изменения линии контура.

Первоначально были выявлены юго-восточная и центральная части захоронения (рис. 42). Северо-западная часть и оголовье оказались расположенными в границах бровки, заложенной для фиксации стратиграфии межстенного пространства (рис. 43). Крайне плохая сохранность органики, в том числе древесины и костей погребения, первоначально затруднила даже опознание выявляемого объекта[3].

В пространстве между юго-западной стеной сруба и грунтовой стенкой большой ямы, в ее придонной части, было раскрыто вытянутое в плане пятно древесного тлена (рис. 44, 45), в котором размещались остатки костей человеческого скелета, в основном сохранившие анатомический порядок (рис. 46). Пятно занимало всю ширину межстенного зазора и имело размеры 0,5–0,65 × 3–3,2 м (Прил. 1, *5*, *7*). По длине оно на 2/3 заполняло межстенное пространство, в юго-восточном направлении почти примыкая к восточному углу сруба[4].

---

[1] Такое явление отмечалось во всех погребениях, в зонах непосредственного длительного контакта дерева с глиной и суглинком.

[2] Непосредственно в районе погребения сохранность древесины верхней части стены сруба была крайне плохой. Слой тлена фиксировался небольшими участками. Его толщина местами не превышала 0,5 мм и при попытке более тщательной зачистки исчезала.

[3] Расчисткой центральной части объекта занималась Э. В. Королева, тщательность и профессионализм работы которой позволили раскрыть и зафиксировать останки крайне плохой сохранности.

[4] Восточный угол погребения был значительно нарушен каменным фундаментом поздней постройки.

Рис. 41. Пятна серой супеси на юго-западной стенке ямы. Старовознесенский V раскоп, кв. 71, 72

Рис. 42. Общий вид юго-западной стены ямы. Вид с северо-запада

Рис. 43. Древесный тлен, маркирующий носовую корму лодки-долбленки. Старовознесенский V раскоп, кв. 72. Вид с юго-запада

Рис. 44. Южная часть и оголовье лодки-долбленки. Старовознесенский V раскоп, кв. 72, 82. Вид с юга, сверху

Таким образом, было выявлено второе захоронение камерного погребения 4, совершенное за стеной сруба-камеры в отдельном погребальном ложе. Никаких следов дополнительных погребальных конструкций (второй камеры) вокруг этого захоронения зафиксировано не было.

Сохранность костей захоронения № 2 была такой, что рельефно они почти не выделялись над поверхностью погребального ложа, а лишь читались в виде пятен органического тлена, незначительно отличавшихся по цвету от древесного (рис. 47). Костяк находился в положении на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками

Рис. 45. Пятно древесного тлена (остатки лодки-долбленки) за юго-западной стеной сруба камерного погребения 4. Старовознесенский V раскоп, кв. 72, 82. Вид с северо-востока

Рис. 46. Останки захоронения № 2, за юго-восточной стенкой сруба камерного погребения 4. Старовознесенский V раскоп, кв. 72, 82. Вид с юга, сверху

и занимал центральное положение в межстенном пространстве (Прил. 1, *5*, *а*; *7*, *а*).

Останки располагались по оси, перпендикулярной направлению основного погребения, т. е. по линии СЗ—ЮВ. По определению Д. В. Пежемского (см. ниже статью упомянутого автора), захоронение № 2 принадлежало мальчику 8–9 лет. Сохранились не все кости скелета.

Верхняя часть костяка (череп и позвонки шейного отдела, область ключиц) сильно пострадала вследствие двух обстоятельств. Во-первых, в межстенном пространстве, над этим местом, в слое заполнения, находился значительный

по размерам гранитный валун размером до 0,5 м в поперечнике. Во-вторых, погребенный находился в положении «с приподнятой головой». В результате посмертных изменений череп упал в область верхнего отдела грудной клетки и шеи, перевернувшись теменной частью вниз, а лицевой частью — в обратную естественному положению сторону. Кости черепа практически не сохранились. На момент раскрытия удалось зафиксировать лишь остатки нижней челюсти и несколько зубов (рис. 49; Прил. 1, *5*, *а*; *7*, *а*).

Комментируя положение останков, следует отметить, что, вероятно, сначала произошли изменения, связанные с распадом мягких тканей, затем камень раздавил уже смещенные кости. Возможно, камень над головой погребенного до какого-то момента мог удерживаться на неком деревянном перекрытии погребального ложа и лишь после истления дерева упал на останки. Однако достоверных следов такого перекрытия, могущего выполнять роль крышки погребального ложа, прослежено не было[1].

Помимо остатков черепа сохранились основные кости конечностей, фаланги пальцев ног, фрагменты ребер, отдельные части более мелких костей. У левого колена погребенного был найден железный топор, длинным острием «воткнутый» в дно деревянного ложа (Прил. 1, *8*; Прил. 3, Каталог, ***8***). Положение топора позволяло реконструировать положение несохранившейся рукояти — «к правой руке». Под костяком, в составе древесного тлена поверхности ложа, были отмечены многочисленные мельчайшие угольки, вероятно, связанные с обожженностью дна ложа. Симметрично относительно оси погребения, у левого колена, на поверхности древесного тлена, находился некий предмет, сохранность которого не позволила его определить. Объект фиксировался в виде более плотного органического субстрата.

Древесный тлен, маркировавший погребальное ложе, сохранился неравномерно. Он представлял собой мягкую аморфную субстанцию, покрывающую поверхность суглинистого дна и стенки ямы. Толщина органического слоя на дне — от значений менее одного миллиметра до 1–0,5 см. Всё пятно органических остатков, образовывавших ложе, сохранило сложный рельеф, свидетельствовавший о том, что захоронение было совершено в лодке (рис. 48, 50, 53). Об этом свидетельствовали монолитность слоя

Рис. 47. Дно погребального ложа захоронения № 2. Старовознесенский V раскоп, кв. 72, 82. Вид с северо-запада, с уровня пола

тлена, характерная форма оголовья, размеры всего объекта.

Лодка была установлена за юго-восточной стеной камеры, на край бревенчатого настила пола основного сруба. Под бревнами, под погребением, находилась дополнительная переводина пола, уложенная параллельно стене сруба (см. выше — ПОЛ; Прил. 1, *5*, *а*, *в*; *9*). Сохранность древесины в районе захоронения была очень плохой и неравномерной. Так, «внешний» борт судна, примыкавший к грунтовой стене ямы, сохранился хуже, но на бóльшую высоту, в виде тончайшего слоя, покрывающего грунт. «Внутренний» борт, примыкавший к стене сруба, сохранился на меньшую высоту, но по нему определялась толщина борта. «Юго-восточная»[2] часть лодки и соответствующая корма, примыкавшие к восточному углу сруба, сохранились хуже всего — в виде тончайших пятен тлена на материковом суглинке, маркировавших габариты объекта (рис. 52). В значительной степени слабая сохранность дерева была связана с дренирующим воздействием фундаментной траншеи

[1] При этом всё же следует учитывать крайне плохую сохранность древесины вдоль юго-западной стены, когда даже от несомненно существовавших бревен сруба сохранились лишь миллиметровые прослойки.

[2] Поскольку лодка являлась частью «недвижимого» погребального сооружения, названия ее частей в ряде случаев даны в системе обозначения сторон света.

Рис. 48. Захоронение № 2. Лодка-долбленка. Старовознесенский V раскоп, кв. 71, 72, 82. Вид с юга, сверху

Рис. 49. Область расположения головы и шеи захоронения № 2.
Старовознесенский V раскоп, кв. 72. Вид с севера, сверху

Рис. 50. Общий вид лодки — погребального ложа захоронения № 2 камерного погребения 4.
Старовознесенский V раскоп, кв. 71, 72, 82. Вид с севера

Рис. 51. Носовая корма лодки — погребального ложа захоронения № 2 камерного погребения 4. Старовознесенский V раскоп, кв. 72. Вид с севера

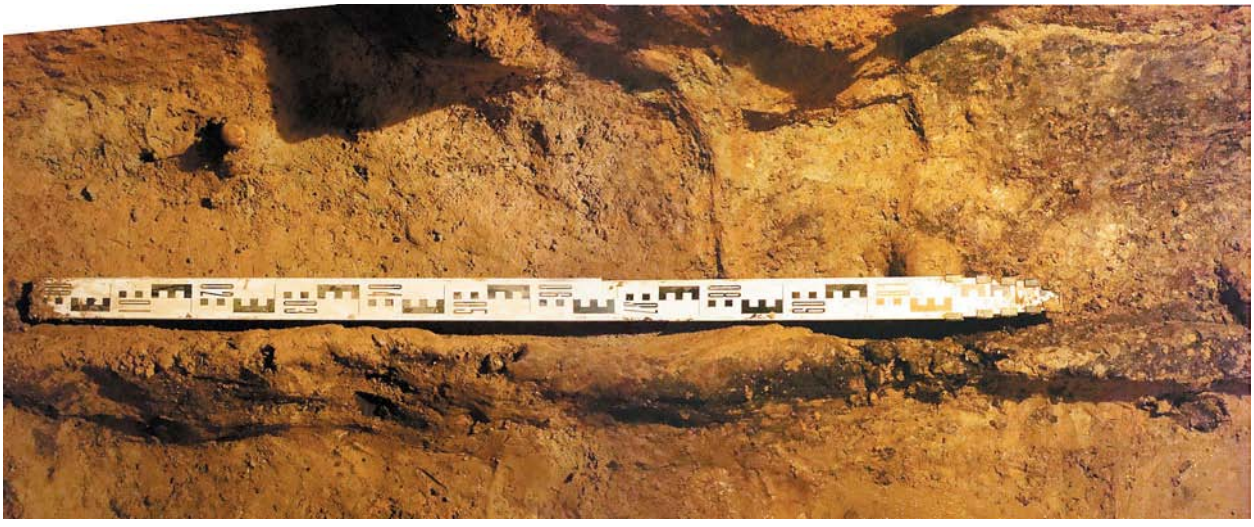


Рис. 52. Юго-восточная часть лодки — погребального ложа захоронения № 2 камерного погребения 4. Старовознесенский V раскоп, кв. 72, 82. Вид с севера

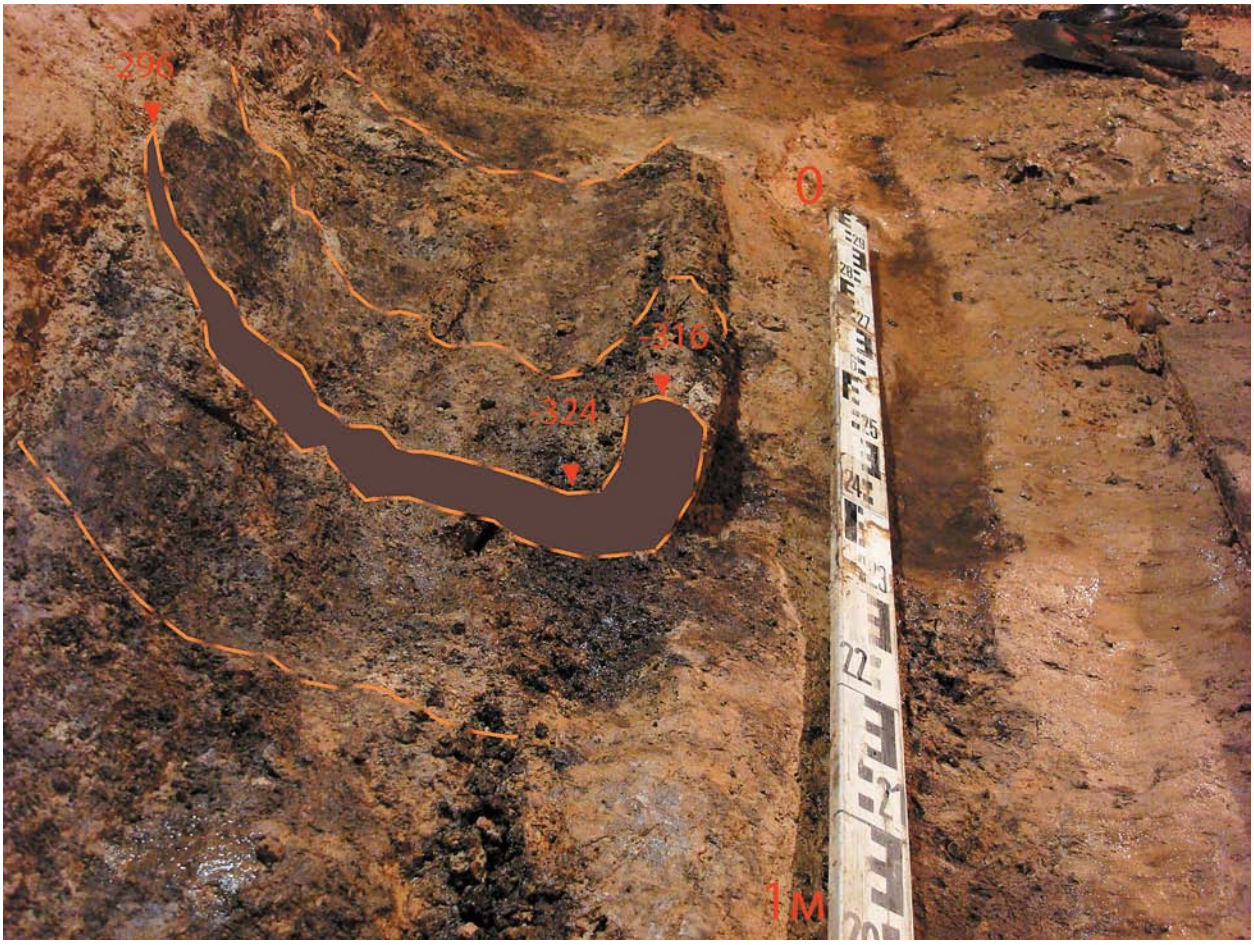


Рис. 53. Внутренняя поверхность лодки — погребального ложа в районе захоронения № 2 камерного погребения 4. Старовознесенский V раскоп, кв. 72. Вид с северо-востока

здания XVIII в., пробившей восточный угол камеры и нарушившей гидрологический режим археологического объекта. Наилучшая сохранность органики была у донной части судна под погребением, кормы в изголовье, части «внутреннего» (примыкавшего к срубу) борта[1] (рис. 52). Детальная реконструкция облика лодки в силу указанных обстоятельств несколько затруднена. Однако общие параметры судна устанавливаются достаточно определенно.

Длина лодки точно не определялась, поскольку юго-восточная корма не сохранилась совсем. Однако этот линейный параметр реконструируется по размерам ямы и ограничению в виде углового внешнего выпуска бревен восточного угла сруба как не менее 3,2 м. Ширина (на участке наилучшей сохранности в районе «оголовья» — кормы) между сохранившимися частями бортов достигает 0,52–54 см, что также соответствует ширине межстенного зазора между стенкой ямы и сруба в месте измерения. Ширина донной части непосредственно под погребением — не менее 0,38 м. Максимальная зафиксированная глубина лодки: в средней части — до 30 см, в кормовой части — до 55 см. Толщина тлена стенок отличалась в различных частях судна. Наибольшая — в районе «внутреннего» борта — до 4,5 см, минимальная — на дне — ок. 1, на корме — 2,5–3,8 см. Местами, в кормовой части, под дном, в районе местоположения останков отмечался тонкий слой голубой глины[2].

Наиболее характерной частью объекта, являлась «северо-западная» кормовая часть (рис. 51, 54, 55). Она сохранилась в виде рельефно залегающего слоя интенсивных, равномерных включений древесного тлена в слое заполнения межстенного пространства (рис. 56). Удалось полностью раскрыть для фиксации

[1] Достоверно «разделить» древесный тлен, связанный со стеной сруба и бортом лодки, не удалось.

[2] Голубой цвет глины наблюдался в зонах контакта с древесиной в анаэробных условиях (в нижних частях срубов). Эта особенность прослежена при разборке деревянных конструкций погребений 1, 3, 4, 7.

Рис. 54. Обвод кормы лодки — погребального ложа захоронения № 2 камерного погребения 4 в процессе расчистки. Старовознесенский V раскоп, кв. 72. Вид с северо-востока, сверху

округлый в плане и продольном (вертикальном) сечении обвод (рис. 51, 54; Прил. 1, *7*, *а*, *б*). В этой части достоверно определялась переборка, расположенная примерно в 45–50 см от края кормы (по верхнему срезу), «монолитно» связанная с бортами. Переборка прослеживалась на всю глубину судна. Ее толщина составляла 2–3 см. Фиксируемая ширина всей лодки в районе переборки на уровне сохранности древесины — ок. 35 см. Важно отметить не вертикальное, а наклонное положение переборки, послужившей «подголовьем» для погребенного. Переборка имела наклон в сторону носа и располагалась под углом ок. 135° к плоскости дна (Прил. 1, *7*, *б*). В горизонтальном срезе нос с переборкой фиксировались в виде овала.

Наряду с плохой сохранностью древесины была прослежена значительная деформация юго-западного «внешнего» борта вследствие выпирания грунтовой стенки ямы в стороны внутреннего объема межстенового пространства, заполненного более мягким субстратом.

Следов деревянных «сторожков», «рыбин», шпангоутов, набоев, других элементов и деталей не зафиксировано, что может объясняться состоянием сохранности объекта. Незначительные рельефные возвышения поверхности древесного тлена в области плечевого пояса и стоп захоронения дают основания для предположения о существовании клампов (Прил. 1, *5*, *а*).

Захоронение № 2, вероятно, не было ограблено в отличие от основного. В пользу этого прежде всего свидетельствует анатомический порядок и «комплектность» останков.

Таким образом, приведенные наблюдения позволяют установить следующее.

1. Над захоронением № 2 существовало деревянное перекрытие, являвшееся общим для всего камерного погребения.

2. В месте захоронения существовала деревянная стена сруба (высотой ок. 1 м), отделявшая захоронение № 2 от основного.

3. Захоронение совершено одновременно с основным, в единой яме.

Рис. 55. Разборка древесного тлена, маркировавшего корму лодки — погребального ложа захоронения № 2 камерного погребения 4. Старовознесенский V раскоп, кв. 72, 82. Вид с северо-востока

4. Лодка с захоронением была «установлена» на деревянном полу камеры (на выпуски бревен пола за пределы сруба). С учетом этапности создания погребального объекта, захоронение произведено «до возведения сруба» или одновременно и «ранее устройства основного захоронения».

5. В районе захоронения не прослежено специальных деревянных конструкций, выполнявших функцию отдельной усыпальницы или дополнительной камеры. Грунтовая стенка ямы в районе погребения не имела деревянной облицовки.

6. Останки находились в центральной части лодки-долбленки, вероятно, имевшей две переборки.

7. Следов крышки или отдельного перекрытия не прослежено.

8. Наклонные переборки в лодках-долбленках в настоящее время неизвестны. Такое положение поперечной перегородки в захоронении № 2 может быть объяснено крайне плохой сохранностью древесины. Переборка могла наклониться при проседании носа вместе с основным объемом носовой части.

9. Значительное количество гвоздей вдоль юго-восточной стены сруба, с внутренней стороны камеры, указывает на некое дополнительное усиление или оформление конструкций в районе захоронения мальчика.

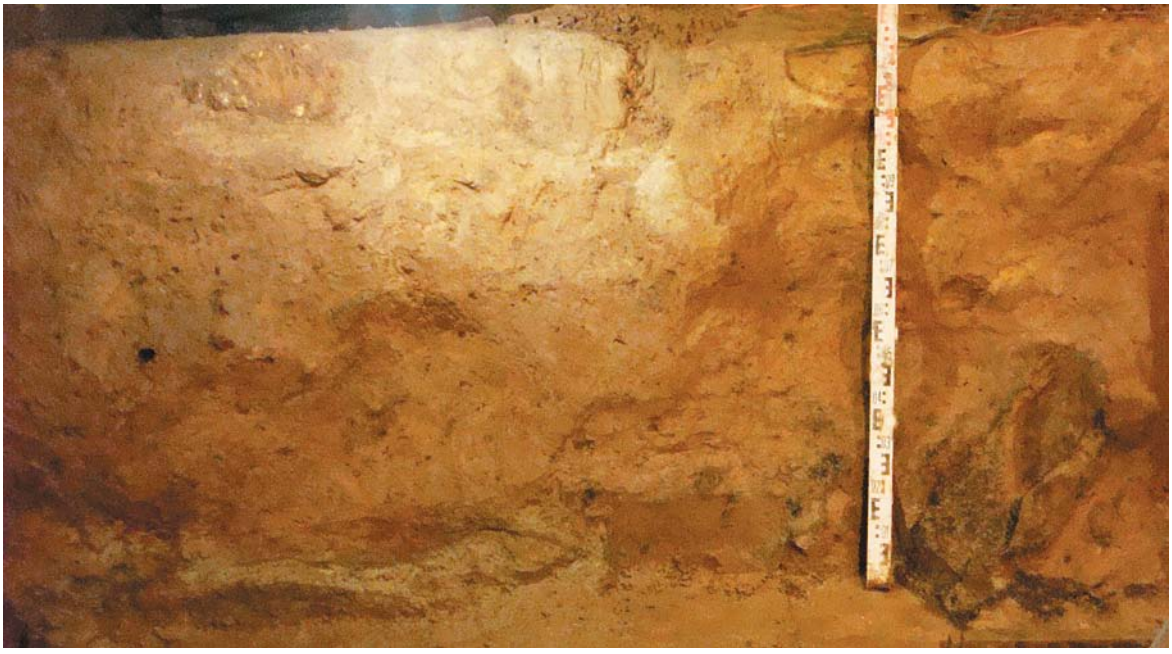


Рис. 56. Стенка материковой ямы камерного погребения 4 с остатками лодки — погребального ложа захоронения № 2 (в процессе разборки). Старовознесенский V раскоп, кв. 72, 82, 83. Вид с севера

Простые модификации лодок-долбленок достаточно хорошо известны по этнографическим и археологическим материалам в самых различных местах. Они имеют широкие хронологические рамки бытования: от эпохи камня до наших дней. Наиболее близкими аналогами псковской лодки являются древние долбленки с перегородками, известные исследователям истории отечественного судостроения: ладожский челн (III тыс. н. э.), окский 1 челн (VI в. до н. э.), деснинская лодка (III в. до н. э.), челн, обнаруженный у о. Хортица на Днепре (XI в.), фрагмент долбленки из Новгорода (XI в.) с Троицкого XI раскопа (Дубровин, Окороков, Старков, 2001, с. 351; Дубровин, 1998, с. 133).

Обнаруженное в четвертом камерном погребении малое судно по типологии указанной коллективной работы по истории судостроения Русского Севера, вероятно, относится к типу «нераспаренных однодеревок с перегородками» (Дубровин, Окороков, Старков и др., 2001, с. 351), выполненными как единое целое с корпусом (Дубровин, 1998, с. 133), до момента псковской находки представленному одним экземпляром. Речь идет о куске отколовшейся части днища одной из оконечностей лодки с незначительными остатками бортов, обнаруженном в Новгороде в 1997 г. на Троицком XI раскопе в напластованиях 60–80-х гг. XI в. Анализ найденного фрагмента, а также сопоставление его с археологическими и этнографическими аналогами показал, что вероятные габариты судна были порядка: 350 × 70 × 35–48 см. Лодка обладала плоским днищем толщиной около 2 см. Толщина бортов в месте перехода к днищу 2–2,5 см, толщина перемычки-переборки — 6–7 см. У оконечности наблюдался подзор, обвод корпуса — плавный. Никаких следов смоления или металлического крепежа на корпусе лодки не обнаружено. Это был наиболее архаичный тип новгородских однодеревых судов (Дубровин, 1998, с. 132–138) с плоским дном. Кстати, достоверно определить характер дна у псковского варианта было невозможно, поскольку «плоскодонность», фиксируемая на момент раскрытия, могла быть обусловлена и разложением древесины. Тем не менее аналоговый ряд и характер использования лодки в качестве гроба склоняют к признанию обнаруженной однодеревки плоскодонкой.

Среди опубликованных древних лодок есть еще одна, близкая нашей находке, — так называемый «2-й сеймский челн» (Журавлева, Чубур, 2005), обнаруженный в обвале правого берега Сейма в 1964 г. Длина его сохранившейся части 3,88 м. У лодки утрачены нос и часть правого борта. Оставленные внутри корпуса две переборки толщиной 0,1 м, расположенные в 1 и 2,9 м от кормы, делали судно прочнее. Его высота составляет лишь 0,3 м, ширина — до 0,75 м, толщина бортов и днища — 1–3 см.

Учитывая этот небольшой аналоговый ряд, есть основания предположить у псковской находки наличие еще одной, несохранившейся (а возможно, и незамеченной вследствие крайне плохой сохранности) переборки в юго-восточной части лодки из захоронения № 2. Об этом косвенно свидетельствует линия «обрыва» пятна древесного тлена в нескольких сантиметрах от фаланг пальцев ног погребенного, в 1,8 м от юго-восточной кормы, а также отсутствие вариантов лодок-долбленок с одной переборкой.

В таком случае погребенный был уложен в центральный отсек, ограниченный с двух сторон переборками.

Переходя к интерпретации захоронения № 2, следует обратить внимание на сам факт находки долбленки. На первый взгляд наличие лодки в погребении, совершенном по «камерному» обряду, определяемому на данном этапе изучения темы как свойственному части древнерусского общества, близкого скандинавской культурной традиции, не вызывает вопросов и представляется естественным и не противоречащим контексту. Погребения в судах (лодках, ладьях) эпохи викингов хорошо известны. Считается почти решенным вопрос о скандинавской культурно-этнической принадлежности людей, захороненных в конце I тыс. на территории Европы в ладьях.

Значение и роль кораблей в жизни викингов: торговцев, мореплавателей, воинов — хорошо изучены и не нуждаются в дополнительных характеристиках в рамках данной статьи. Погребения с частями судов сложных конструкций и значительного для своего времени водоизмещения известны в Северной и Восточной Европе, Великобритании. Существует обширная литература, посвященная исследованиям этого погребального обряда (Фиркс, 1982; Роэсдаль, 2001, Симпсон, 2005 и др.).

Информацией о камерных захоронениях с лодками-долбленками эпохи викингов на данном этапе исследований авторы не обладают[1]. Погребенный в лодке за стеной четвертой псковской камеры — мальчик-подросток, тогда как

[1] Есть упоминания о нескольких погребениях в лодках, датируемых ок. 1000 г. у г. Скара (Южная Швеция) (Vikingatidens, 1995, p. 240) — рис. 57, однако с развернутыми публикациями этого материала нам не удалось познакомиться.

Рис. 57. Захоронение в лодке-долбленке (Швеция, Скара, ок. 1000 г., по: Vikingatidens, P. 240)

другие захоронения в лодках, по известным данным, — это могилы взрослых людей.

Лодка-долбленка как элемент материальной культуры, на наш взгляд, не обладает ярко выраженной этнической окраской. При этом характеристики судна однозначно определяют условия территории его использования. Это небольшие реки, ручьи, внутреннее водное сообщение, незначительная грузоподъемность. Условия эксплуатации указывают на близость или даже единство места изготовления и места использования таких лодок. Этнографические и археологические экземпляры малых судов-однодеревок, обнаруженные на территории Севера — Северо-Запада России, скорее связаны с аборигенными финскими народами (саамы, корелы, финны) и славянами Древней Руси (например: Дубровин, Окороков, Старков и др. 2001, с. 351–352). Известный текст главы 9 «О росах, отправляющихся из Росии с моноксилами в Константинополь» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», описывающей маршрут и способы преодоления пути из «варяг в греки», напрямую говорит о широком использовании славянами долбленок. Однако вероятнее всего, с учетом характера использования этих моноксил в качестве торговых судов, в тексте упоминаются лодки комбинированного типа: долбленые челны с набойными бортами[1]. Простые, небольшие однодеревки вряд ли могли выдержать дальние переходы и быть полезны для транспортировки товаров. Таким образом, имеющиеся данные не позволяют считать захоронение в лодке-долбленке однозначным признаком «скандинавского» характера захоронения № 2, при достаточно определенных североевропейских корнях камерного обряда в целом.

Вне учета этнического фактора, тем не менее, псковская долбленка, на наш взгляд, подчеркивает идею А. Стальсберг, которая не соглашается с интерпретацией ладьи в погребении как *выражением богатства и власти* и считает, «что ладья как таковая в эпоху викингов не делает погребение богатым, не изменяет остальной погребальный инвентарь и устройство погребения по сравнению с безладейными погребениями, а следовательно, не является признаком богатства» (Стальсберг, 1998, с. 283).

Помещение лодки в погребение в нашем случае может быть интерпретировано в двух вариантах: во-первых, более в рамках языческой мировоззренческой модели — связано с желанием обеспечить покойного «на том свете» всеми наиболее важными, привычными вещами, чаще других (или постоянно) используемыми человеком при жизни; во-вторых, и это ближе христианским нормам, лодка могла быть использована непосредственно в качестве гроба, в отрыве от ее функционального назначения как средства передвижения. Возможно также слияние семантики, особенно на фоне духовного дуализма времени камерных могил.

Значение лодки как средства попадания (доставки) души умершего в иной мир имеет глубокие корни. Использование лодок (кораблей) в погребальной обрядности известно у многих народов: скандинавов, германцев, японцев и др. (например: Петрухин, 1980, с. 71–79).

Нам представляется возможной интерпретация лодки-долбленки в захоронении № 2 как погребального ложа-гроба. Учитывая мировоззренческий дуализм Древней Руси X в., в рамках зарождающейся, но уже известной христианской религиозной традиции лодка — вместилище тела, в системе ориентиров уходящего язычества — средство передвижения «на тот свет» и необходимое в «ином мире».

Парный характер четвертого захоронения ставит вопрос о взаимоотношениях и социальном положении погребенных.

«Сопровождающий» характер захоронения № 2 недвусмысленно указывает на более низкий по сравнению с погребенным в срубе человеком статус подростка, подчеркнутый особым расположением — за пределами «дома», за стеной сруба-камеры. Можно полагать, что мальчик — не сын и не близкий родственник мужчины из основной усыпальницы.

Дополнительную информацию о том, кем же был «мальчик в лодке», дает находка боевого железного топорика (подробно см. ниже статью С.А. Салмина). Топор принадлежит к типу II (X — начало XI в.) по типологии А.Н. Кирпичникова: топорики-чеканы с трапециевидным плоским выступом на обухе (Кирпичников, 1966а,

[1] Возможно, славяне сплавляли к Киеву полуфабрикаты — так называемые «трубы», а росы, как сказано в источнике, «купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их» (Константин Багрянородный, 1991, с. 47).

с. 34). Они имели широкое распространение в Центральной и Восточной Европе (Древнерусское государство, Швеция, Пруссия, Чехия, Венгрия, Северо-Восточная Болгария) — буквально «от варяг до греков» (см., например: Arbman, 1940, Taf. 14, *9*; Йотов, 2004, с. 97, обр. 51, тип 4, вариант А по Йотову). Находки топориков в погребениях мальчиков известны.

К.А. Михайлов, автор специальной статьи о детских погребениях X в. в составе некрополей древнерусских городов, упоминает четыре захоронения мальчиков с топориками (Михайлов К.А., 2010б, с. 53–55): 1 — киевское камерное погребение № 110 на Старокиевской горе; 2 — еще одно киевское камерное погребение, обнаруженное в 1984 г. на Михайловской площади, в 300 м от Десятинной площади; 3 — шестовицкое камерное погребение № 61; 4 — древнерусское сожжение № 4 из могильника у с. Клонов близ Чернигова. В Гнёздовском некрополе погребения с топорами, определяемые как детские, неизвестны. В двух перечисленных случаях — в Шестовицах и в Киеве на Михайловской площади — установлено наличие гробов, все камерные погребения сопровождал разнообразный инвентарь, и захоронения были одиночными. Михайлов обоснованно считает, что захоронение детей в камерах свидетельствует об их высоком положении, а топор, по-видимому, символизирует статус погребенных как свободных людей, замечая при этом, что «некоторые датские исследователи считают, что при переходе от язычества к христианству топор заменяет весь комплекс вооружения» (Михайлов К.А., 2010б, с. 55).

В связи с этим особую информативность имеет факт существования в составе открытой части Старовознесенского некрополя **двух** захоронений мальчиков с топорами примерно одной возрастной группы: 8 и 12 лет. При этом один из них погребен в отдельной усыпальнице (камера 5), другой — за пределами деревянной гробницы взрослого мужчины (камера 4) значительного достатка и нерядового социального статуса.

Если принимать во внимание, что набор оружия профессионального воина отражает его квалификацию, то топор, вероятно, соответствует начальной ступени посвящения в воинскую специальность. Известно, что боевые топоры в Древней Руси были основным оружием младших дружинников — «отроков». Н.А. Макаров, анализируя значение древнерусских амулетов-топориков, распространение которых он относит к XI в., отмечает, что в бронзовых топориках-амулетах можно видеть своеобразные знаки принадлежности к воинскому сословию, которые давались сыновьям дружинников при постригах — обрядах, сопровождавших первое обрезание волос у ребенка (Макаров, 1992, с. 51). И хотя для X в. бронзовые амулеты неизвестны, а имеющиеся в детско-подростковых захоронениях этого времени топоры отличаются по типу от более поздних миниатюрных амулетов, можно предполагать единые корни семантического значения топора как первого, этапного оружия подрастающих мужчин.

Наличие топора в захоронениях подростков свидетельствует об определенном возрастном уровне (достигавшемся после свершения неких обрядов — инициаций), воинской профессиональной ориентации и несомненном статусе свободного человека, имевшего право носить оружие.

На наш взгляд, наличие топорика у подростка, с учетом приведенного контекста и установленного факта ограбления, достаточно определенно говорит об изначальном существовании в могиле другого оружия профессионального воина.

На основании приведенных наблюдений считаем возможным в общих чертах определить социальный статус «мальчика в лодке» как свободного человека, связанного отношениями подчинения (субординации) с влиятельным и состоятельным мужчиной, похороненным в основной камере[1].

Четвертое камерное захоронение, оказавшееся парным, является одним из самых значительных в Старовознесенском некрополе по размерам погребальной камеры. Несмотря на малочисленность сохранившегося инвентаря, есть все основания для предположения изначального наличия в камере богатого и разнообразного имущества, малыми частицами которого являются обрывки драгоценных тканей и элемент оформления дорогого оружия. Гробница была ограблена в историческом прошлом, когда еще существовала возможность перемещения между верхними перекрытиями и полом сруба.

Крайне плохая сохранность древесины конструкций камеры не позволила установить всех их особенностей. Однако обращает на себя вни-

[1] Их «топография» размещения в погребальном комплексе, возможно, отражает и реальную, прижизненную картину расположения этих людей в случае совместного пребывания в одном жилище: мальчик — «в сенях», мужчина — «в основном помещении».

мание большое количество кованых гвоздей, обнаруженных вокруг захоронений, которые, вероятно, отражают сложное обустройство «интерьеров» усыпальницы[1].

Принципиальное единообразие, прослеженное в устройстве четвертой камеры и остальных камерных усыпальниц Старовознесенского некрополя, позволяет отнести их к одному погребальному комплексу и распространить на него датировку окружающих захоронений — 2-я пол. — конец X в. Хронологическая типология топорика-клевца из захоронения № 2 лишь немного приподнимает верхнюю границу датирования до нач. XI в. Общим временным рамкам могильника не противоречит время бытования треугольных ледоходных шипов и распространения парчи. Остальные найденные предметы, включая гвозди, не обладают выраженными датирующими признаками. Отдельные восковые капли, прослеженные в слое заполнения могильной ямы, могут учитываться как аргумент в пользу раннехристианско-древнерусского, хотя и во многом дуалистичного характера обряда погребения.

[1] В качестве предположения возможно использование набойных бортов для оформления стен возле захоронений № 1 и 2.

T.E. Yershova, E.A. Yakovleva

Chamber Grave 4

(1, Nekrasova str.
Old Ascension excavation V, 2007)

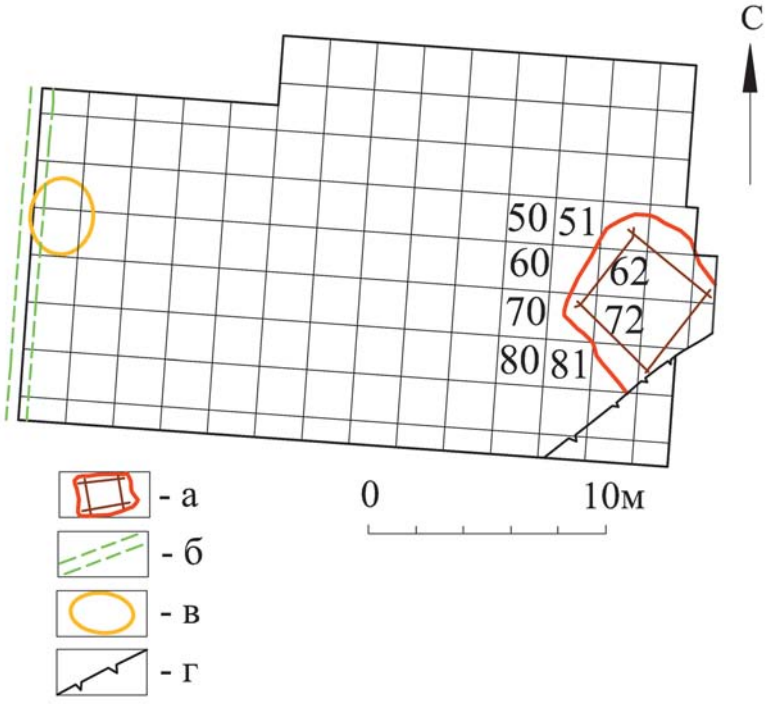
Summary

The fourth burial, like others, was revealed at the end of rescue excavations of cultural layer of Pskov Posad of the XVth–XVIIIth centuries. It is one of the largest chamber graves of the Old Ascension necropolis. The sides length of an almost square log frame exceeded 4 ms. In the burial there were two graves: of an adult male and a teenage boy. The main, an adult's burial was placed inside a log frame, and the second — outside the construction, in a dugout boat. The grave underwent robbery in historical past. The largest category of objects preserved are dozens of iron nails. The most valuable find is a hollow cast silver nielloed pommel hilt of a lost blade. The size of the burial structure and the presence of an accompanying grave indicate a high social and property status of the buried man. The analogs and the context of detection of the fourth chamber grave in the Old Ascension necropolis allow us to date it approximately by second half of the Xth century.

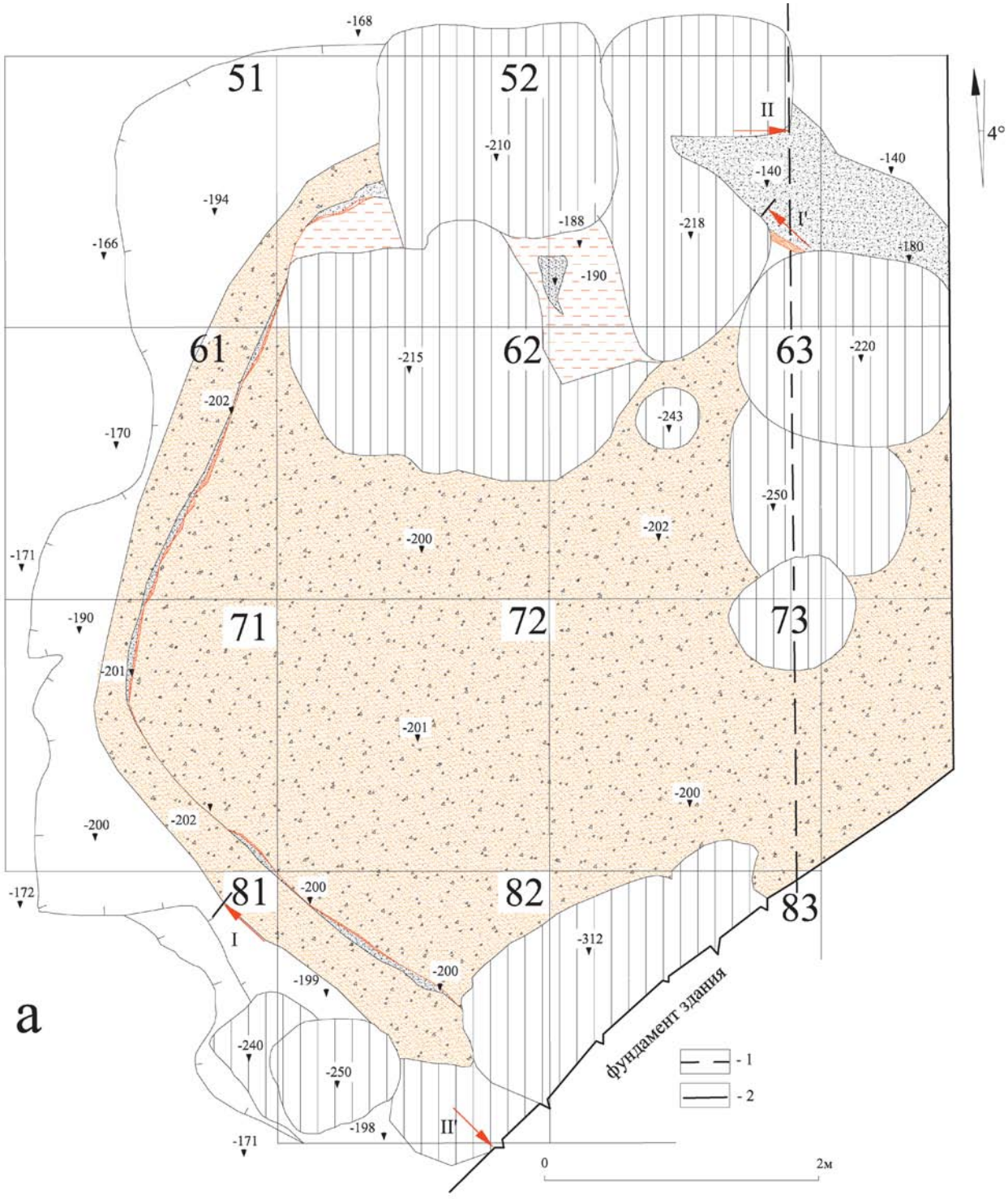
Приложение 1

ЧЕРТЕЖИ
Камерное погребение 4
Захоронение № 1, № 2
Старовознесенский V раскоп, 2007 г.

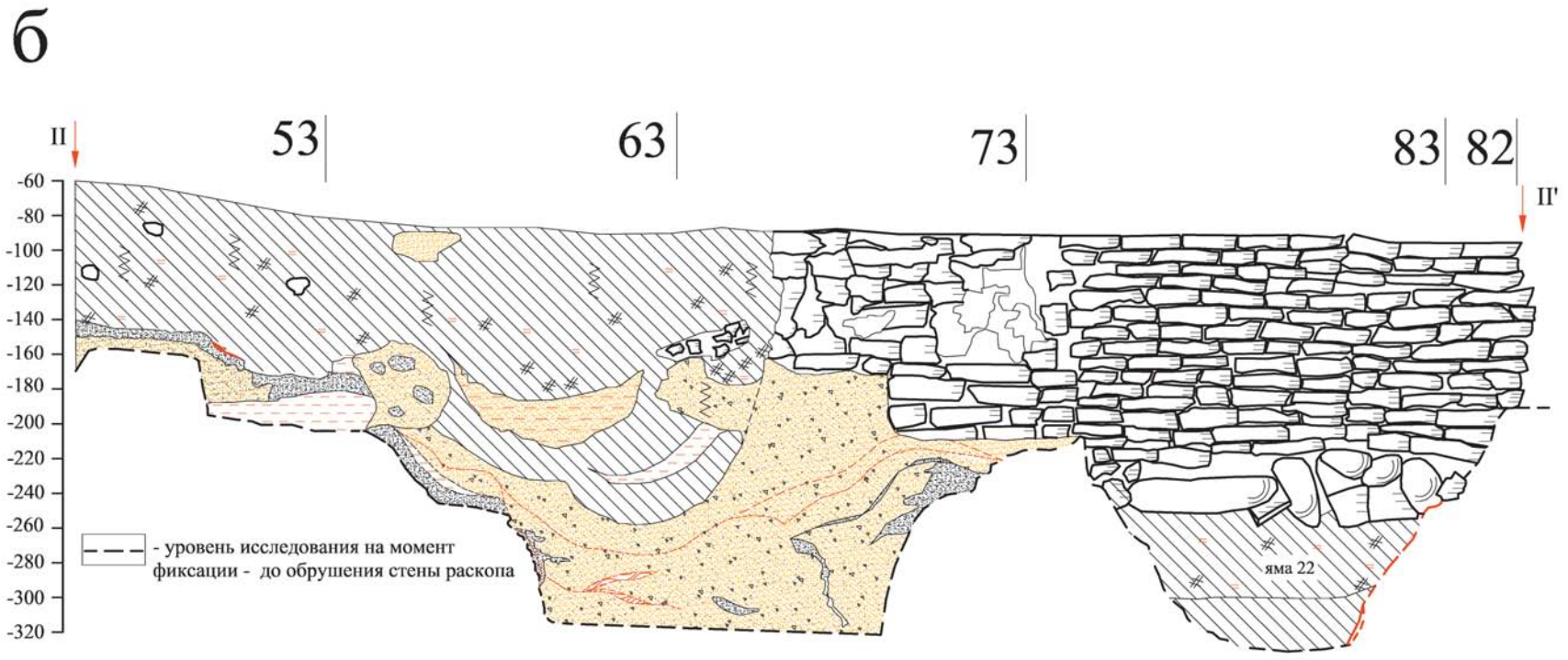
DRAUGHTS
Chamber Grave 4
Burial № 1, № 2
Starovoznesensky V excavation, 2007 year



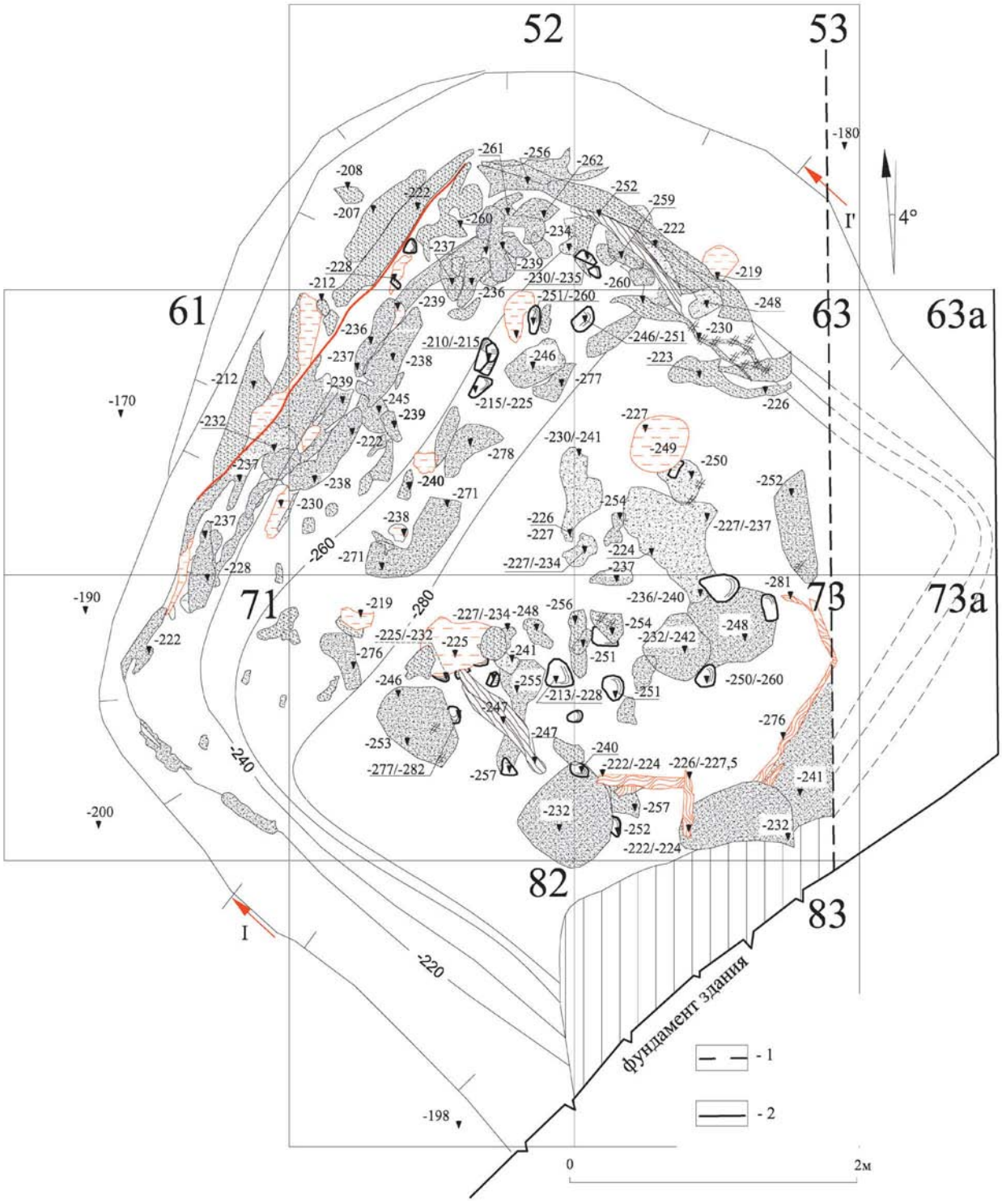
1. Схема Старовознесенского V раскопа:
а — камерное погребение 1; б — трасса траншеи древнерусского времени;
в – захоронения типа каменных могильников эстов; г — каменный фундамент позднего здания



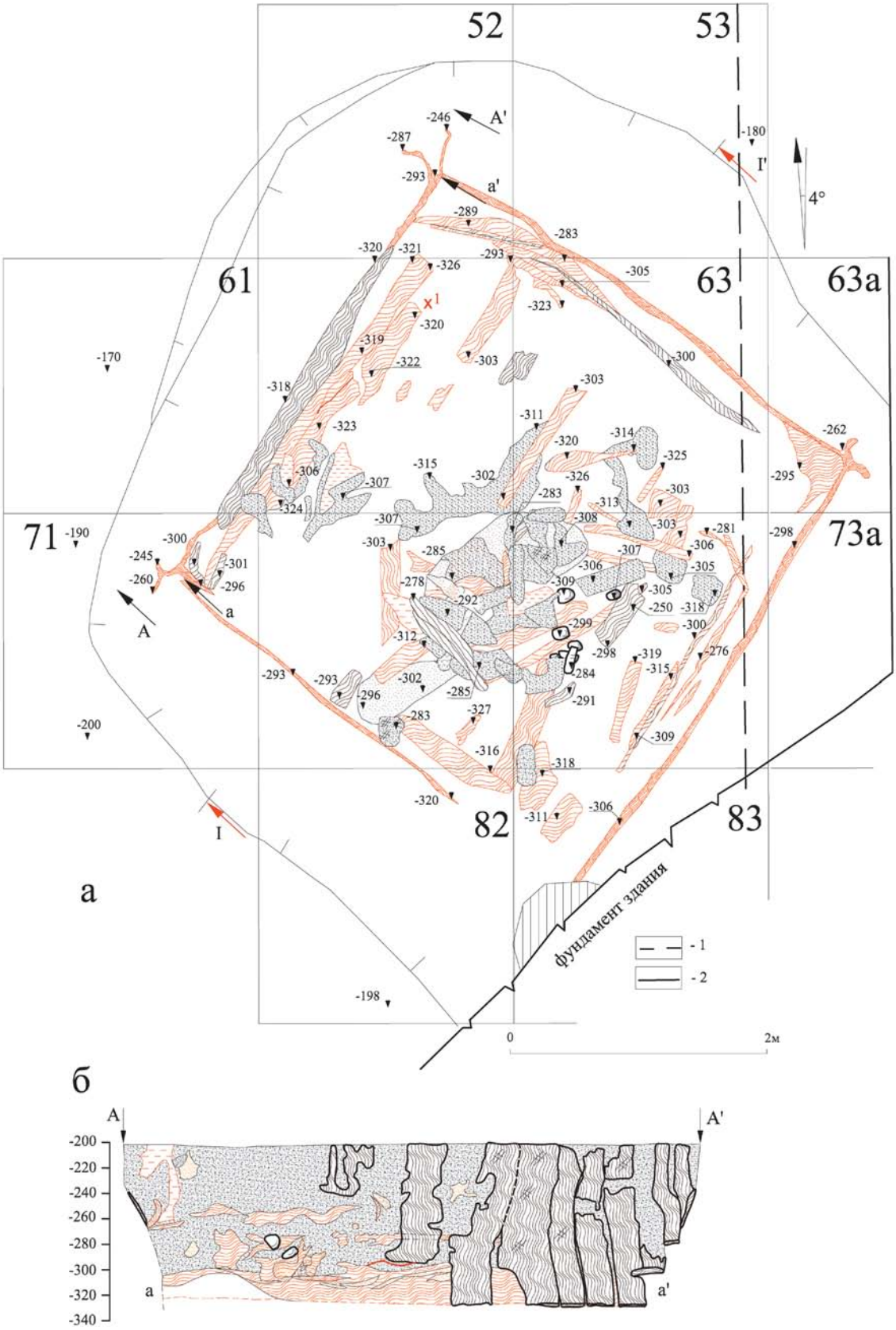
2а. Пятно погребения 4 на уровне обнаружения. 7-й–11-й пласты: план:
1 — граница раскопа до обрушения профиля; 2 — граница раскопа на момент завершения работ



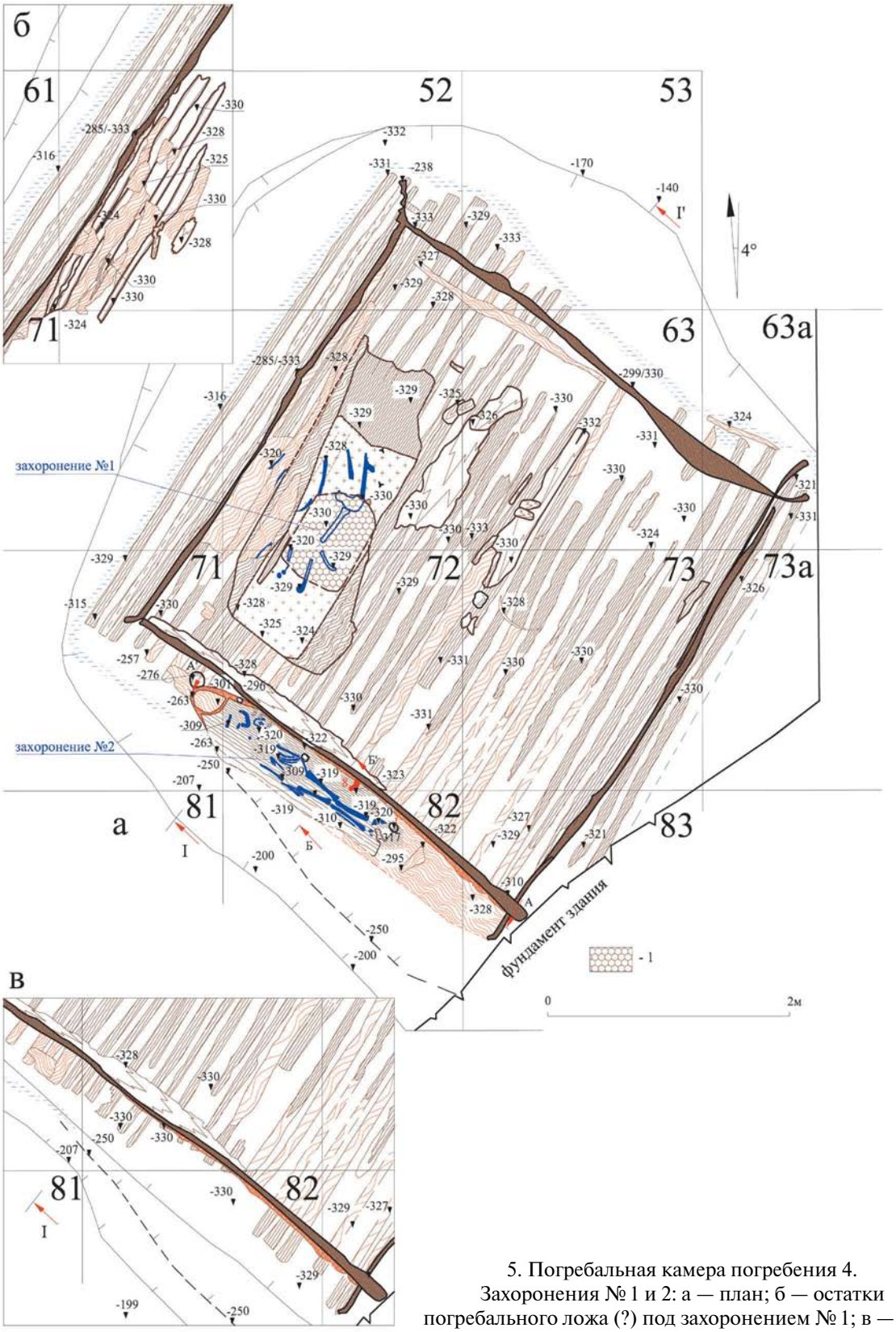
2б. Пятно погребения 4 на уровне обнаружения. 7-й–11-й пласты: развертка стратиграфии заполнения могильной ямы погребения 4 на участке восточного профиля раскопа и под фундаментом здания XVIII в. (до обрушения профиля)



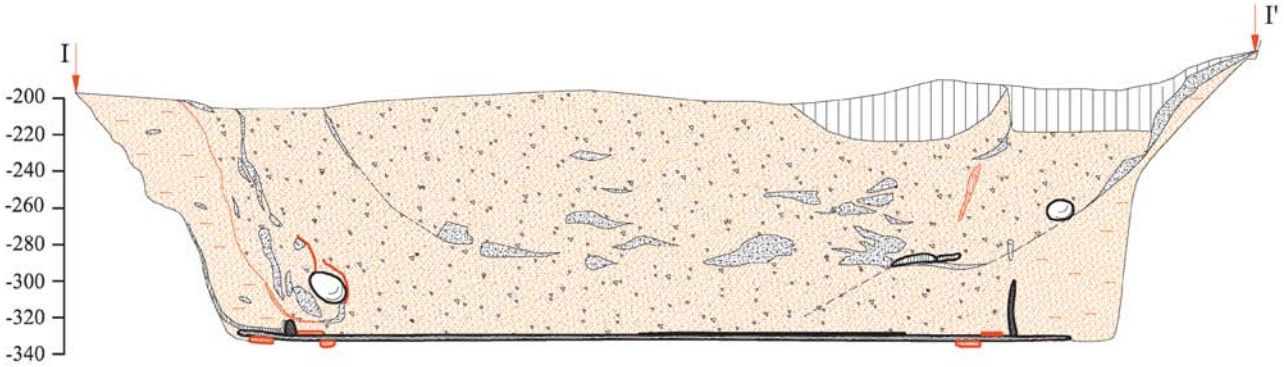
3. Пятна серой супеси и фрагменты верхнего перекрытия в заполнении могильной ямы погребения 4. Пласты 11–14: 1 — граница раскопа до обрушения профиля; 2 — граница раскопа на момент завершения работ



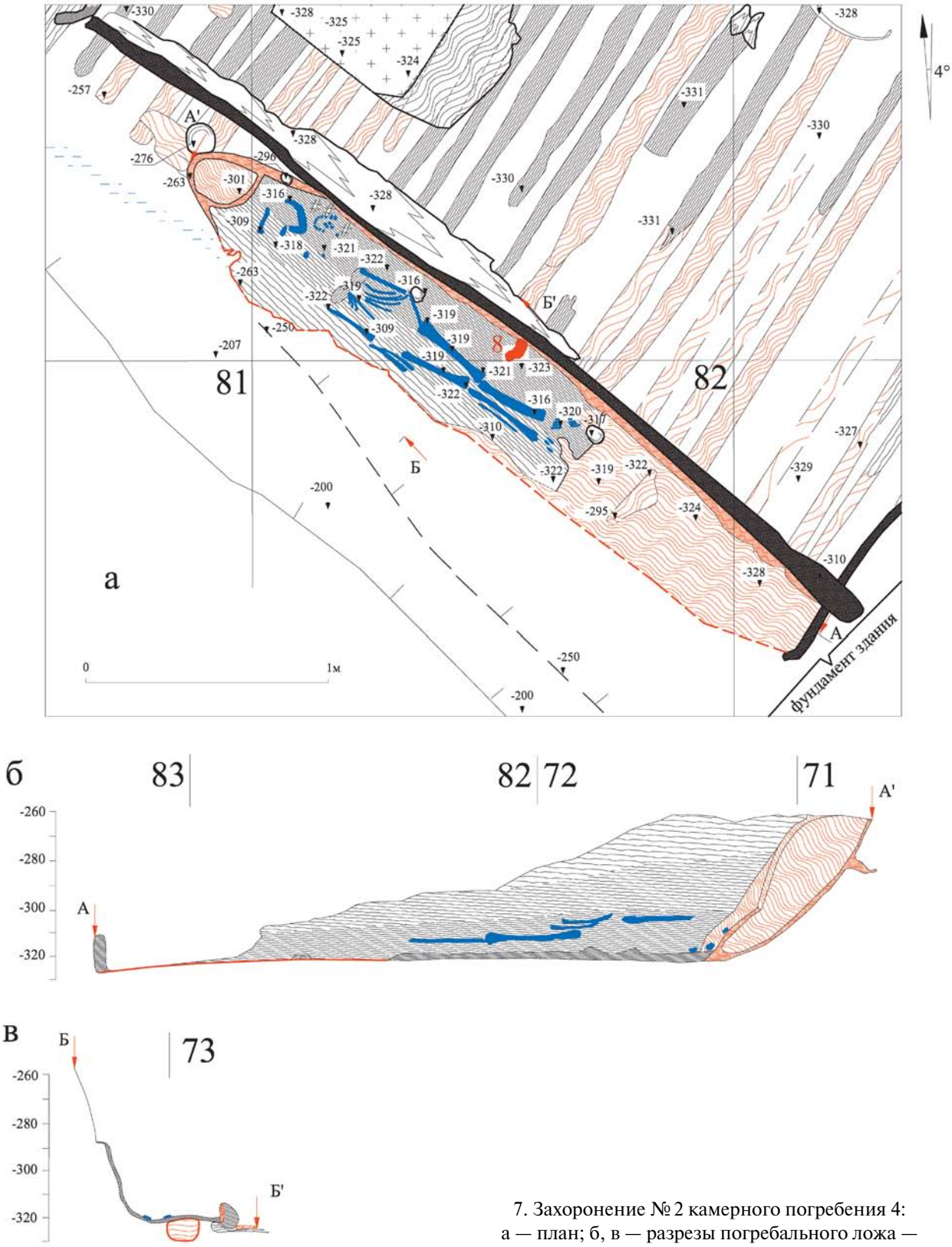
4. Остатки верхних перекрытий и верхней части сруба в заполнении ямы погребения 4:
а — план; б — остатки верхних перекрытий на северо-западной временной стенке ямы;
1 — граница раскопа до обрушения профиля; 2 — граница раскопа на момент завершения работ



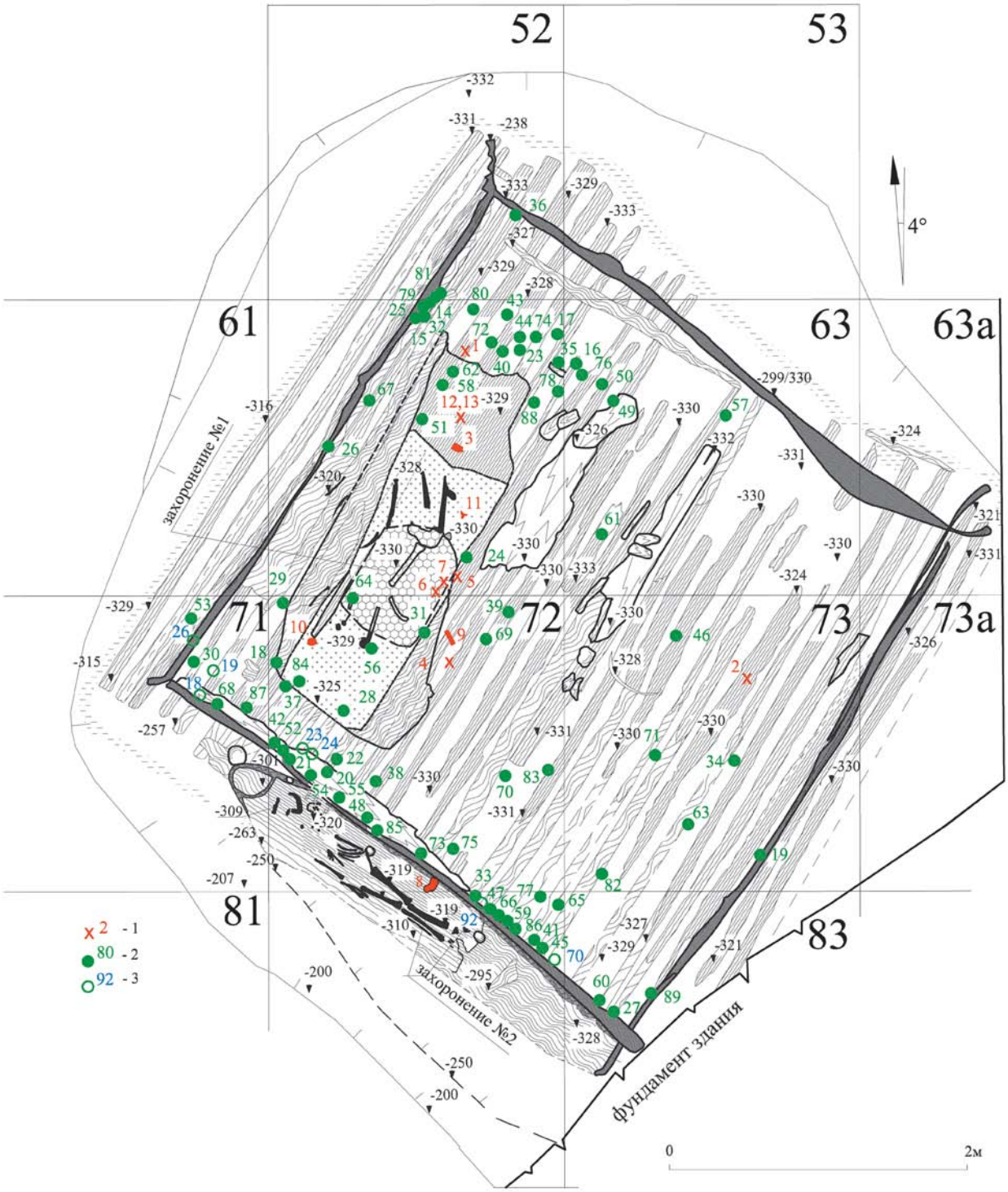
5. Погребальная камера погребения 4. Захоронения № 1 и 2: а — план; б — остатки погребального ложа (?) под захоронением № 1; в — края бревен пола под захоронением № 2; 1 — органический тлен, перекрывающий останки



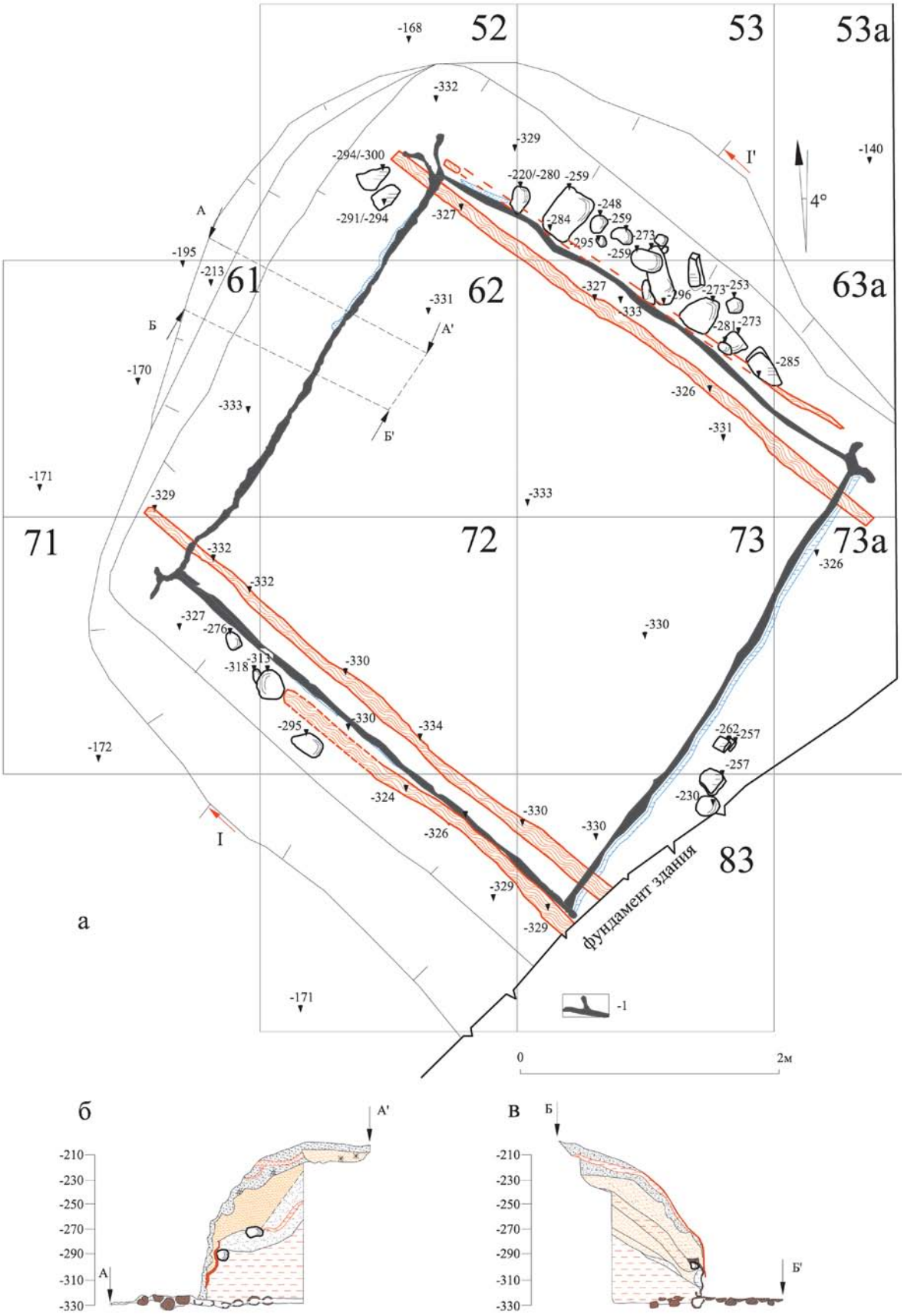
6. Разрез заполнения погребальной камеры 4



7. Захоронение № 2 камерного погребения 4:
а — план; б, в — разрезы погребального ложа — лодки-долбленки



8. Схема расположения находок, обнаруженных в погребальной камере, на уровне пола.
Условные обозначения: 1 — находка; 2 — гвоздь; 3 — места находок гвоздей, не подлежащих реставрации



9. Переводины пола. Яма камерного погребения 4: а — план; б, в — разрезы отложений между временной стенкой (поверхностью, образовавшейся в результате выборки заполнения могильной ямы) и стенами материковой ямы; 1 — проекция контуров сруба

Приложение 2

СПИСОК НАХОДОК
Камерное погребение 4
Захоронение № 1, № 2

Старовознесенский V раскоп, 2007 г.
(учетный шифр раскопа: П-07-СтВз-V)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

LIST OF FINDS
Chamber Grave 4
Burial № 1, № 2

Starovoznesensky V excavation, 2007 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
1	**Игла фибулы. Два фрагмента** (кв. 62, слой заполнения камеры) Бронза. Литье. *Pin of the brooch. Two fragments.* *Bronze. Casting.*	_9_ 12
2	**Накладка (?)** (кв. 73) Железо. Ковка. *Onlay (?).* *Iron. Smithing.*	_63_ 65
3	**Навершие рукояти клинка** (кв. 62) Серебро, свинец. Литье, золочение, чернь. *Pommel of the battle-knife handle.* *Silver, lead. Casting, gilding, niello.*	_99_ 106
4	**Золотные нити и серебряная проволока.** **Фрагменты** (кв. 72, в пятне органического тлена) 1 – золото, 2 – серебро. Волочение. *Gilded threads and silver wire in fragments.* *1 – gold, 2 – silver. Drawing.*	_2_ 3
5	**Обоймица с кольцом** (кв. 62, вместе с № 85 и № 89*) Серебро.Чеканка. *Cramp with ring.* *Silver. Punching.*	_90_ 89
6	**Обоймица с кольцом** (кв. 62, вместе с № 89 и № 90**) Серебро. Чеканка. *Cramp with ring.* *Silver. Punching.*	_85_ 107
7	**Кольцо с сомкнутыми концами** (кв. 62, вместе с № 85 и № 90***) Серебро. Волочение. *Ring with adjoined terminals.* *Silver. Drawing.*	_89_ 108
8	**Топор боевой** (кв. 72, захоронение № 2) Железо. Ковка. *Battle-axe.* *Iron. Smithing.*	_81_ 82
9	**Трубочка со следами оплетки. Четыре фрагмента** (кв. 72, на бревне пола) Тростник (?). *Tube with braid traces. Four fragments.* *Reed.*	_21_ 25
10	**Шарик с отверстием** (кв. 72) Кость. *Small ball with a hole.* *Bone.*	_106_ 8
11	**Шип ледоходный** (кв. 62) Железо. Ковка. *Crampon.* *Iron. Smithing.*	_59_ 4

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
12	**Рукоять ножа (?) с фрагментом оковки** (кв. 62) Дерево, бронза. *Knife handle (?) with fragment of the cramp.* *Bronze, wood.*	_67_ 68/1
13	**Ткань. Три фрагмента** (кв. 62) 1–2 – шелк, 3 – шерсть. *Textile. Three fragments.* *1–2 – silk, 3 – wool.*	_67_ 68/2-4
14	**Гвозди. Фрагменты** (кв. 62, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры) Железо. Ковка. *Nails in fragments.* *Iron. Smithing.*	_69_ 71
15	**Гвоздь** (кв. 62, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_14_ 17
16	**Гвоздь** (кв. 63) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_15_ 18
17	**Гвоздь** (кв. 62, в песке под полом) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_44_ 47
18	**Инструмент (?)** (кв. 72, в изголовье, слева) Железо. Ковка. *Instrument (?).* *Iron. Smithing.*	_98_ 97
19	**Гвоздь** (кв. 73, в стенке) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_101_ 98
20	**Гвоздь** (кв. 72) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_37_ 40
21	**Гвоздь** (кв. 72) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_27_ 31
22	**Два гвоздя** (кв. 72) Железо. Ковка. *Two nails.* *Iron. Smithing.*	_58_ 61
23	**Гвоздь** (кв. 62, на уровне пола) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_11_ 14
24	**Гвоздь** (кв. 62, между бревнами) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_3_ 5
25	**Гвоздь** (кв. 62, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_88_ 102

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
26	**Гвоздь** (кв. 62) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_74_ 76
27	**Гвоздь** (кв. 83) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_87_ 88
28	**Два гвоздя** (кв. 72) Железо. Ковка. *Two nais.* *Iron. Smithing.*	_95_ 93
29	**Гвоздь** (кв. 72, западная стенка) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_97_ 95
30	**Гвоздь** (кв. 71, песок под полом) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_16_ 19
31	**Гвоздь** (кв. 72, в тлене) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_29_ 33
32	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 62, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_32_ 36
33	**Гвоздь** (кв. 82, в стене) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_91_ 104
34	**Гвоздь** (кв. 73) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_56_ 59
35	**Гвоздь** (кв. 62, в песке под полом) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_46_ 49
36	**Гвоздь (**кв. 52, в стенке) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_75_ 77
37	**Гвоздь** (кв. 72) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_96_ 94
38	**Гвоздь** (кв. 72, между бревнами) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_103_ 100
39	**Гвоздь** (кв. 72) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_71_ 73

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
40	**Гвозди. Два фрагмента** (кв. 62, в дереве) Железо. Ковка. *Nails. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_13_ 16
41	**Гвоздь** (кв. 82, над пятном черного тлена наклонно) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_5_ 7
42	**Гвоздь** (кв. 72) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_43_ 46
43	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 62, в песке под полом) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_47_ 50
44	**Гвоздь** (кв. 62, в песке под полом) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_48_ 51
45	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 82) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_83_ 85
46	**Гвоздь** (кв. 73) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_40_ 43
47	**Гвоздь. Два фрагмента** (кв. 82, в пятне черного тлена наклонно) Железо. Ковка. *Nail. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_7_ 10
48	**Гвоздь** (кв. 72) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_60_ 62
49	**Гвоздь** (кв. 63, в песке под полом) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_54_ 57
50	**Гвоздь** (кв. 63) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_52_ 55
51	**Два гвоздя** (кв. 62, в слое рухнувшего перекрытия) Железо. Ковка. *Two nais.* *Iron. Smithing.*	_68_ 70
52	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 72, в древесном тлене) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_22_ 26
53	**Предмет** (кв. 71, в песке между пятнами древесного тлена) Железо. Ковка. *Object.* *Iron. Smithing.*	_25_ 29

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
54	**Гвоздь** (кв. 72, пятно тлена пола) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_28_ 32
55	**Гвоздь** (кв. 72, в древесном тлене у стены камеры) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_30_ 34
56	**Гвоздь** (кв. 72, в тлене) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_31_ 35
57	**Гвоздь. Два фрагмента** (кв. 63) Железо. Ковка. *Nail. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_42_ 45
58	**Гвоздь** (кв. 62, в древесном тлене пола) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_50_ 53
59	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 82) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_84_ 86
60	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 83) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_86_ 87
61	**Гвоздь** (кв. 63 в песке между бревнами пола) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_51_ 54
62	**Гвоздь. Два фрагмента** (кв. 62, в слое под полом) Железо. Ковка. *Nail. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_10_ 13
63	**Гвозди. Три фрагмента** (кв. 73) Железо. Ковка. *Nails. Three fragments.* *Iron. Smithing.*	_61_ 63
64	**Гвозди. Два фрагмента** (кв. 72, между бревнами) Железо. Ковка. *Nails. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_105_ 101
65	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 82) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_82_ 83
66	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 82, в доске) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_80_ 81
67	**Гвоздь. Два фрагмента** (кв. 62, в песке между стеной и полом) Железо. Ковка. *Nail. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_104_ 103

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
68	**Гвоздь. Три фрагмента** (кв. 71, юго-западный угол) Железо. Ковка. *Nail. Three fragments.* *Iron. Smithing.*	_17_ 20
69	**Гвозди. Два фрагмента** (кв. 72) Железо. Ковка. *Nails. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_33_ 37
70	**Гвоздь. Три фрагмента** (кв. 72) Железо. Ковка. *Nail. Three fragments.* *Iron. Smithing.*	_93_ 90
71	**Гвоздь. Два фрагмента** (кв. 73, из засыпки) Железо. Ковка. *Nail. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_94_ 91
72	**Гвоздь. Два фрагмента** (кв. 62, в слое под полом) Железо. Ковка. *Nail. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_12_ 15
73	**Гвоздь** (кв. 72, западная стенка) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_79_ 96
74	**Гвоздь. Три фрагмента** (кв. 62, в песке под полом) Железо. Ковка. *Nail. Three fragments.* *Iron. Smithing.*	_49_ 52
75	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 72) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_57_ 60
76	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 63, в песке под полом) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_53_ 56
77	**Гвоздь** (кв. 82) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_107_ 84
78	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 62) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_62_ 64
79	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 52, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_72_ 74
80	**Гвоздь. Три фрагмента** (кв. 62, в песке под полом) Железо. Ковка. *Nail. Three fragments.* *Iron. Smithing.*	_55_ 58
81	**Гвоздь. Три фрагмента** (кв. 52, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры) Железо. Ковка. *Nail. Three fragments.* *Iron. Smithing.*	_73_ 75

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
82	**Гвоздь** (кв. 73, над бревном в слое глины) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_4_ 6
83	**Гвоздик** (кв. 72, в пятне коричневого тлена) Железо. Ковка. *Small nail.* *Iron. Smithing.*	_8_ 11
84	**Предмет. Два фрагмента** (кв. 72) Железо. Ковка. *Object. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_35_ 38
85	**Предмет. Два фрагмента** (кв. 72) Железо. Ковка. *Object. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_36_ 39
86	**Гвоздь. Два фрагмента** (кв. 82, в пятне черного тлена наклонно) Железо. Ковка. *Nail. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_6_ 9
87	**Предмет** (кв. 71) Железо. Ковка. *Object.* *Iron. Smithing.*	_20_ 23
88	**Предмет** (кв. 62, в песке под полом) Железо. Ковка. *Object.* *Iron. Smithing.*	_45_ 48
89	**Сосуд гончарный.** **Фрагмент** (кв. 83, восточная стенка в песке, слой заполнения камеры) Глина. *Wheel-thrown vessel. Fragment.* *Clay.*	_76_ 78

* полевые номера предметов ***6*** и ***7*** по Каталогу
** полевые номера предметов ***7*** и ***5*** по Каталогу
*** полевые номера предметов ***6*** и ***5*** по Каталогу

Приложение 3

КАТАЛОГ

Камерное погребение 4
Захоронение № 1, № 2

Старовознесенский V раскоп, 2007 г.
(учетный шифр раскопа: П-07-СтВз-V)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

CATALOGUE

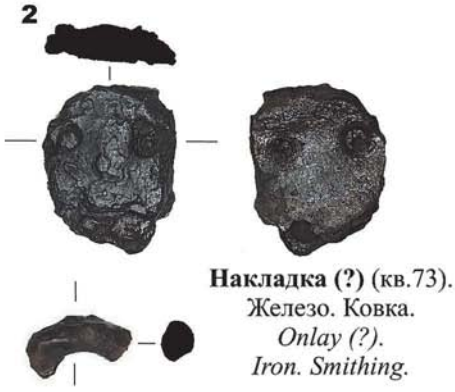
Chamber Grave 4
Burial № 1, № 2

Starovoznesensky V excavation, 2007 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

1

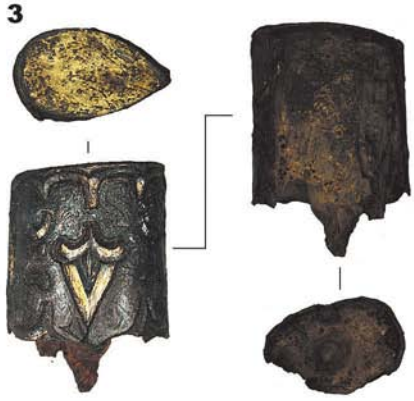
Игла фибулы. Два фрагмента (кв. 62, слой заполнения камеры). Бронза. Литье.
Pin of the brooch. Two fragments. Bronze. Casting.

2



Накладка (?) (кв.73).
Железо. Ковка.
Onlay (?).
Iron. Smithing.

3



Навершие рукояти клинка (кв.62).
Серебро, свинец. Литье, золочение, чернь.
Pommel of the battle-knife handle. Silver, lead. Casting, gilding, niello.

4.1 4.2

Золотные нити и серебряная проволока. Фрагменты (кв.72, в пятне органического тлена). 1 – золото, 2 – серебро. Волочение.
Gilded threads and silver wire in fragments. 1 – gold, 2 – silver. Drawing.

5

Обоймица с кольцом (кв. 62, вместе с № 85 и № 89*). Серебро.Чеканка.
Cramp with ring. Silver. Punching.

6

Обоймица с кольцом (кв. 62, вместе с № 89 и № 90**). Серебро. Чеканка.
Cramp with ring. Silver. Punching.

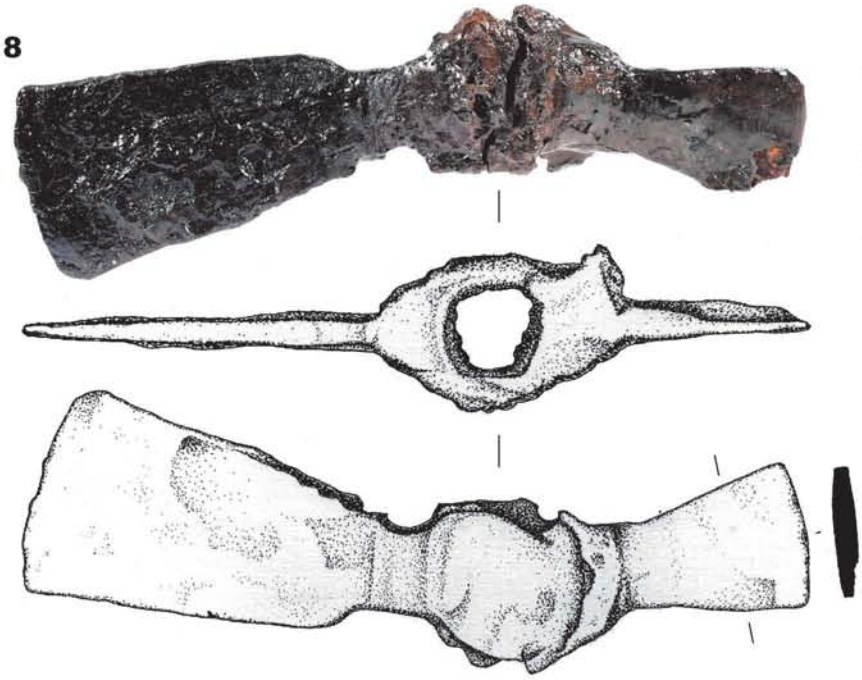
7

Кольцо с сомкнутыми концами (кв. 62, вместе с № 85 и № 90***). Серебро. Волочение.
Ring with adjoined terminals.
Silver. Drawing.

0 1см 3см

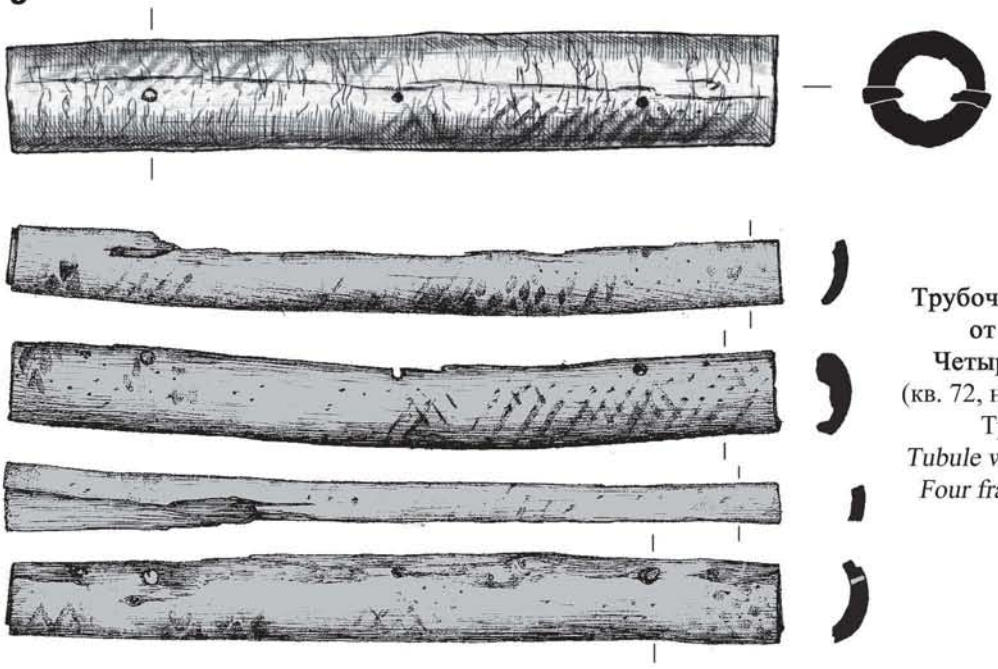
*, **, *** - полевые номера предметов Каталога

8



Топор боевой
(кв.72,
погребение 2).
Железо. Ковка.
Battle-axe.
Iron. Smithing.

9



Трубочка со следами от оплетки.
Четыре фрагмента
(кв. 72, на бревне пола).
Тростник.
Tubule with braid traces.
Four fragments. Reed.

10

Шарик с отверстием
(кв. 72) Кость.
Small ball with a hole.
Bone.

0 1см 3см

11

Шип ледоходный (кв.62).
Железо. Ковка.
Crampon. Iron. Smithing.

12

Рукоять ножа (?) с фрагментом оковки
(кв. 62.). Дерево, бронза.
Knife handle (?) with fragment of the cramp.
Wood, bronze.

13.1

13.2

13.3

Три фрагмента ткани (кв. 62).
1-2 – шелк, 3 – шерсть.
Three fragments of textile. 1-2 – silk, 3 – wool.

0 1см 3см

14

Фрагменты гвоздей (кв.62, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры).
Железо. Ковка.
Nails in fragments . Iron. Smithing.

15

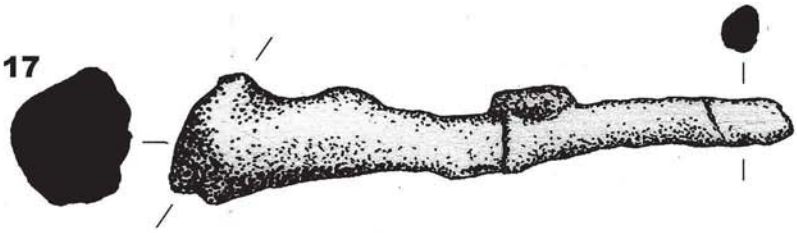
Гвоздь
(кв. 62, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

0 1см 3см

16

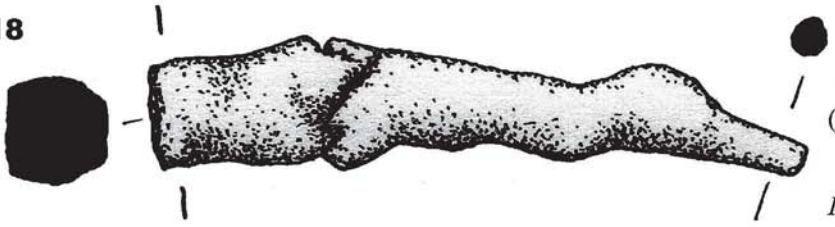
Гвоздь
(кв.63).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing

17



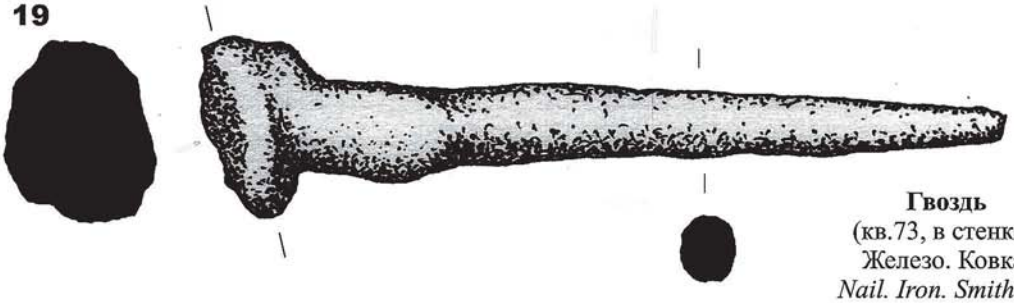
Гвоздь
(кв. 62, в песке под полом).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

18



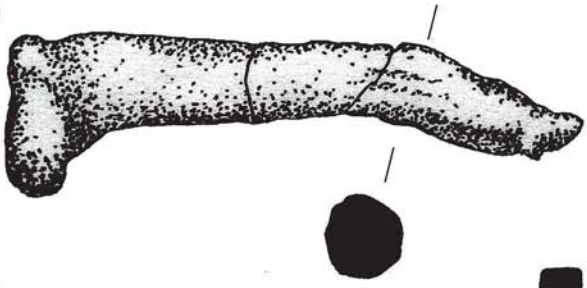
Инструмент (?)
(кв. 72, в изголовье, слева).
Железо. Ковка.
Instrument (?). Iron. Smithing.

19



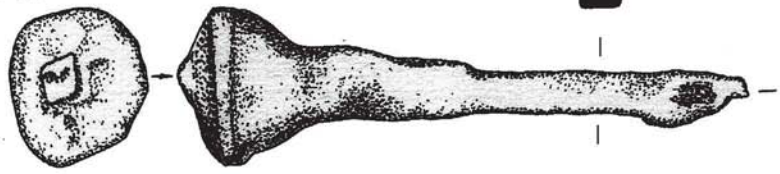
Гвоздь
(кв.73, в стенке).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

20



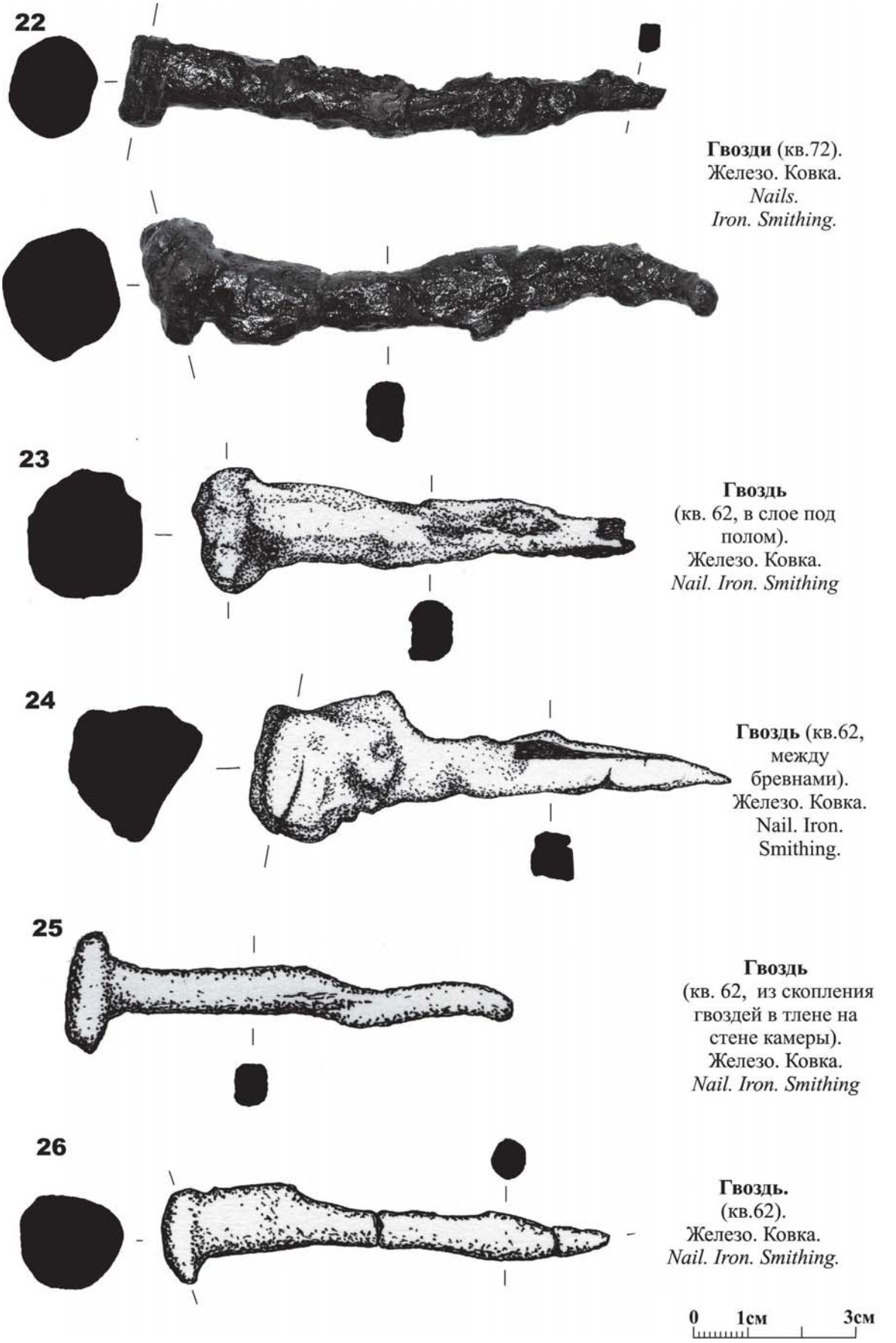
Гвоздь (кв.72).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

21



Гвоздь (кв.72).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

0 1см 3см



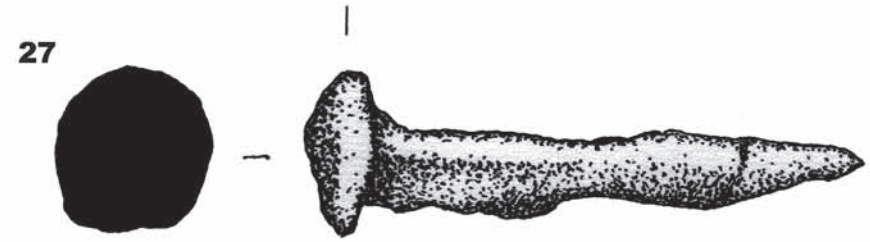
Гвозди (кв.72).
Железо. Ковка.
Nails.
Iron. Smithing.

Гвоздь
(кв. 62, в слое под полом).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing

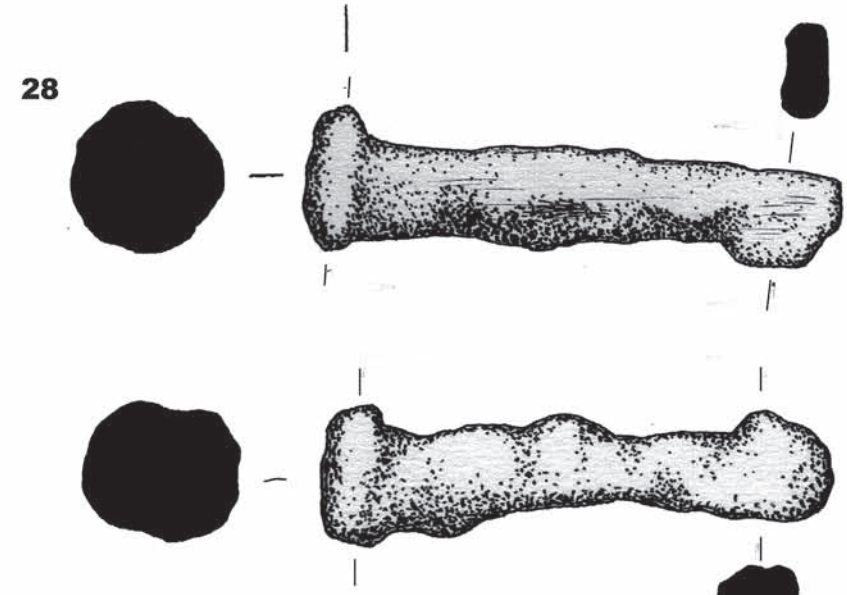
Гвоздь (кв.62, между бревнами).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

Гвоздь
(кв. 62, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing

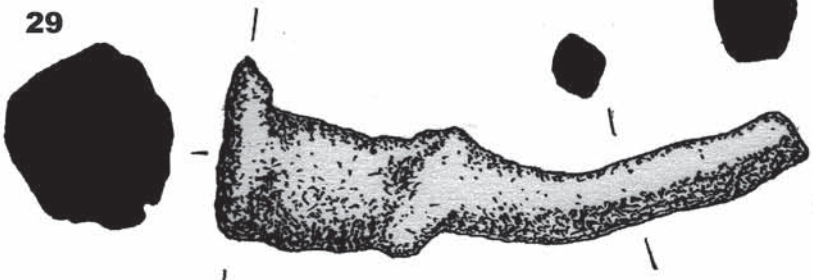
Гвоздь.
(кв.62).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.



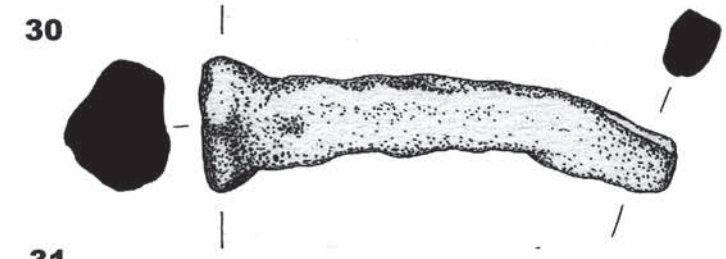
Гвоздь
(кв.83).
Железо. Ковка.
Nail. Iron.
Smithing.



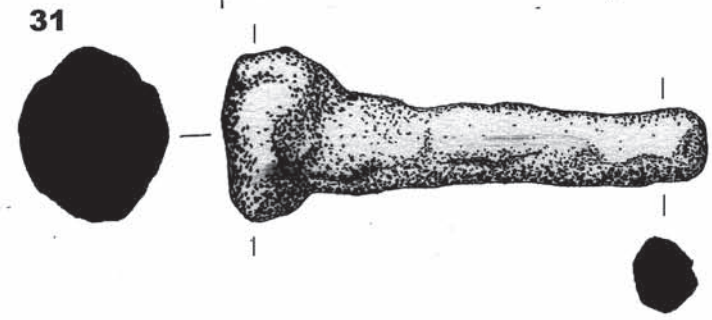
Два гвоздя (кв.72).
Железо. Ковка.
Two nails.
Iron. Smithing.



Гвоздь
(кв. 72, западная стенка).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

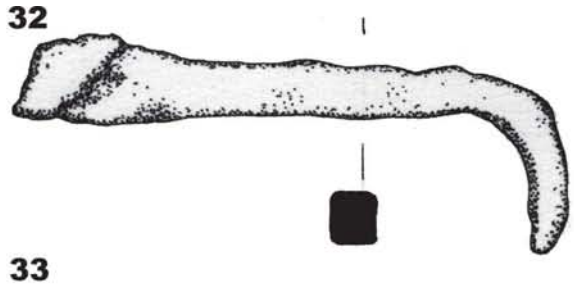


Гвоздь
(кв. 71, песок под полом).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.



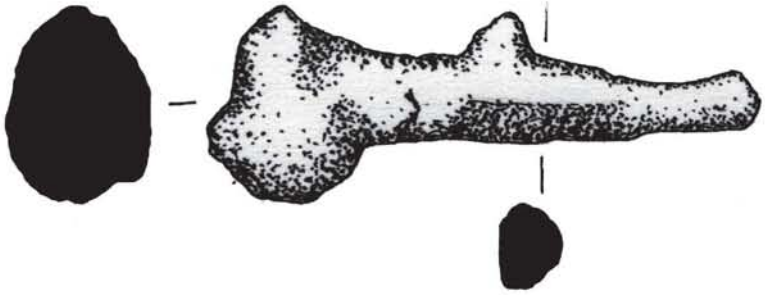
Гвоздь
(кв. 72, в тлене).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

0 1см 3см



32

Гвоздь. Фрагмент
(кв.62, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры).
Железо. Ковка.
Fragment of the nail.
Iron. Smithing.

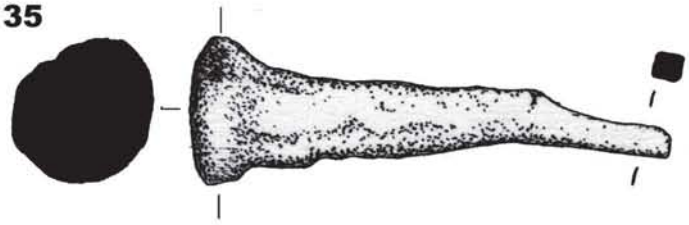


33

Гвоздь
(кв. 82, в стене).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

34

Гвоздь
(кв.73).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.



35

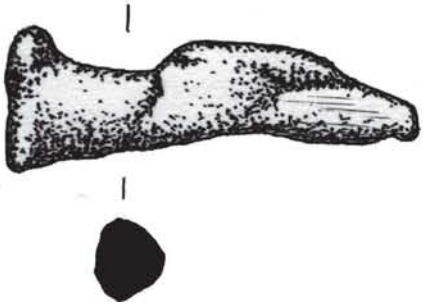
Гвоздь
(кв. 62, в песке под полом).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

36

Гвоздь
(кв. 52, в стенке).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

37

Гвоздь
(кв.72).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

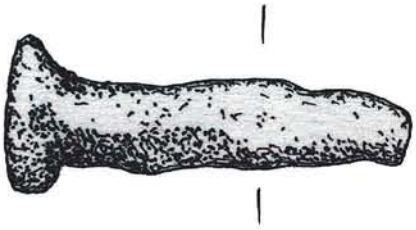


38

Гвоздь
(кв.72, между бревнами).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

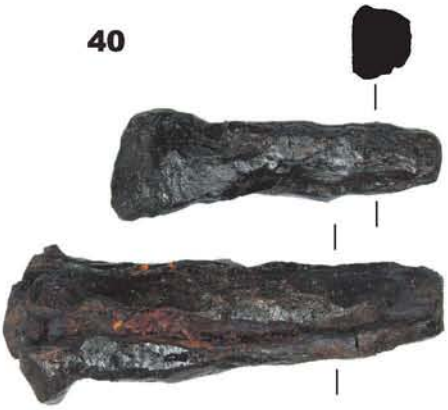
0 1см 3см

39



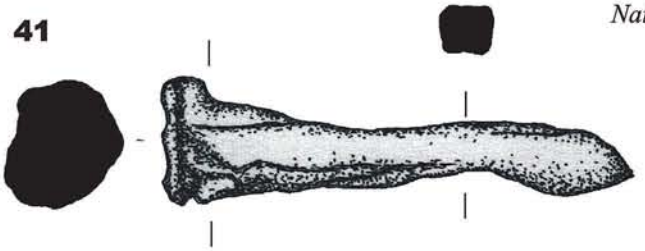
Гвоздь
(кв.72).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

40



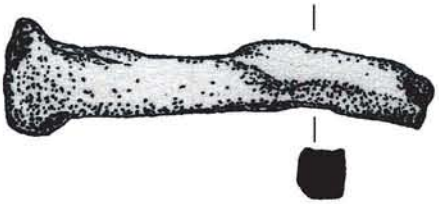
Гвозди.
(кв. 62, в дереве). Железо.
Ковка.
Nails. Iron. Smithing.

41

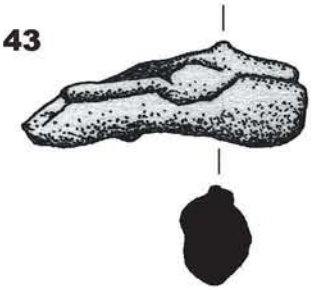


Гвоздь
(кв. 82, над пятном черного тлена).
Железо. Ковка. *Nail. Iron. Smithing.*

42 **Гвоздь** (кв.72).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.



43

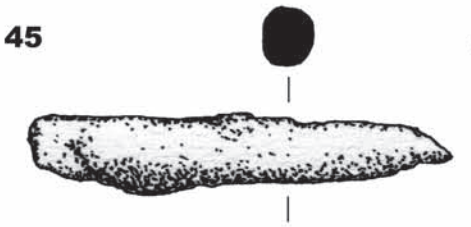


Гвоздь. Фрагмент
(кв. 62, в песке под полом).
Железо. Ковка.
Fragment of the nail. Iron. Smithing.

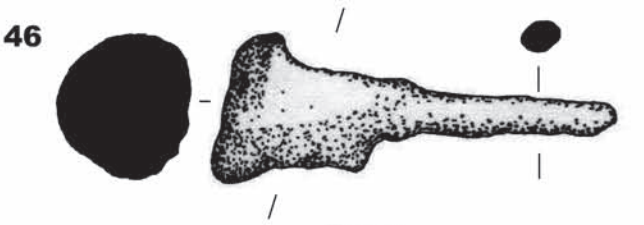
44

Гвоздь. (кв. 62, в песке под полом).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

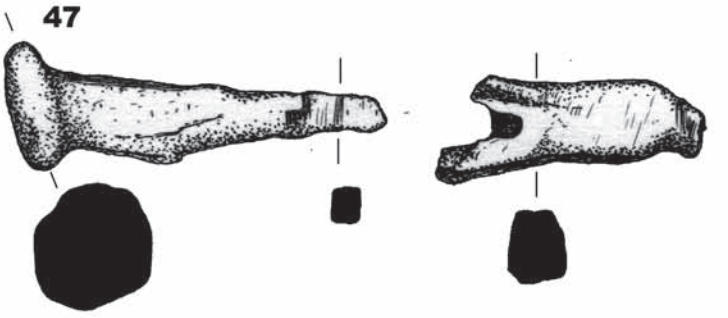
0 1см 3см



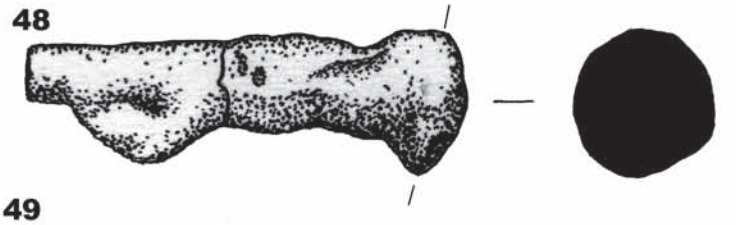
Гвоздь. Фрагмент
(кв.82). Железо. Ковка.
Fragment of the nail. Iron. Smithing.



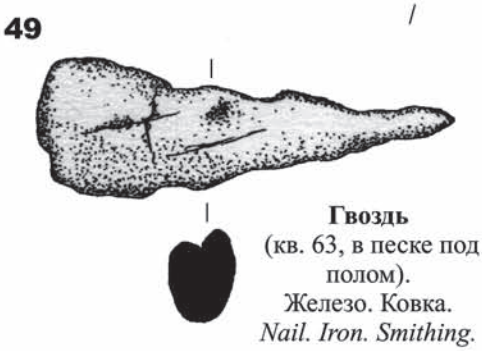
Гвоздь
(кв.73). Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.



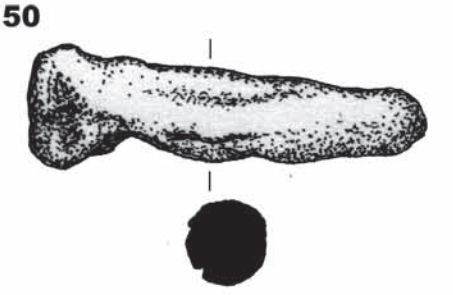
Гвоздь. Два фрагмента
(кв. 82, в пятне черного тлена наклонно). Железо. Ковка.
Nail. Two fragments. Iron. Smithing.



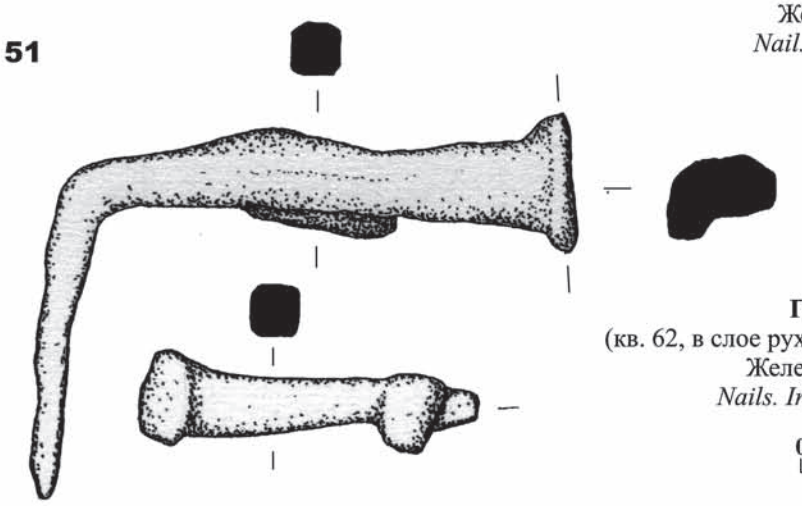
Гвоздь.
(кв.72).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.



Гвоздь
(кв. 63, в песке под полом).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.



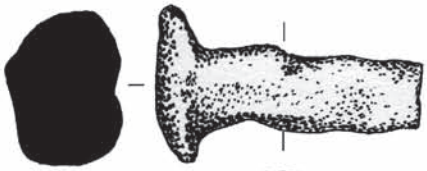
Гвоздь
(кв.63).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.



Гвозди
(кв. 62, в слое рухнувшего перекрытия).
Железо. Ковка.
Nails. Iron. Smithing.

0 1см 3см

52

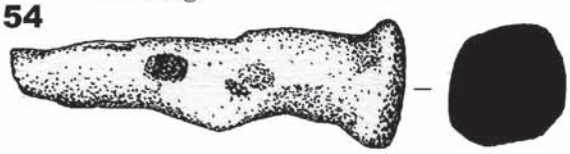


Гвоздь. Фрагмент (кв. 72, в древесном тлене). Железо. Ковка. *Fragment of the nail. Iron. Smithing.*

53

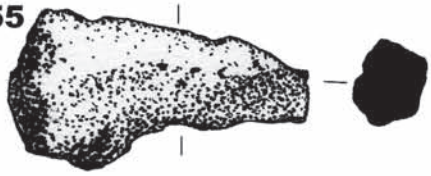
Предмет (кв. 71, в песке между пятнами древесного тлена). Железо. Ковка. *Object. Iron. Smithing.*

54



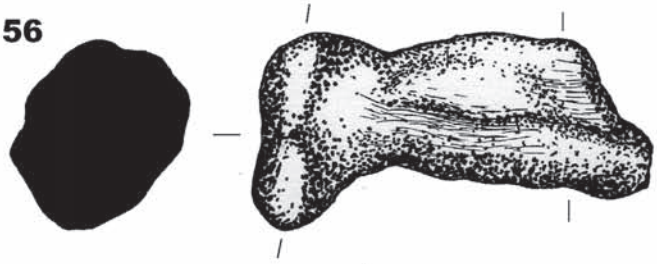
Гвоздь (кв. 72, пятно тлена пола). Железо. Ковка. *Nail. Iron. Smithing.*

55



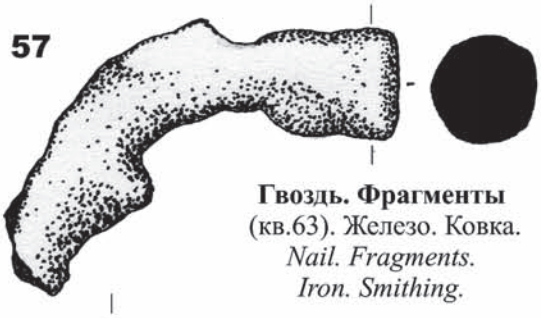
Гвоздь (кв. 72, в древесном тлене у стены камеры). Железо. Ковка. *Nail. Iron. Smithing.*

56



Гвоздь (кв. 72, в тлене). Железо. Ковка. *Nail. Iron. Smithing.*

57

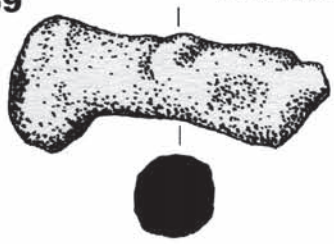


Гвоздь. Фрагменты (кв.63). Железо. Ковка. *Nail. Fragments. Iron. Smithing.*

58

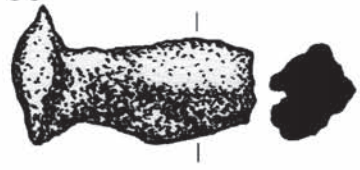
Гвоздь (кв. 62, в древесном тлене пола). Железо. Ковка. *Nail. Iron. Smithing.*

59



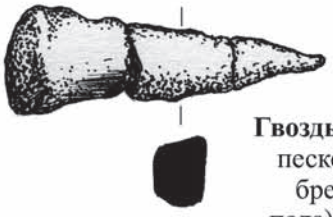
Гвоздь. Фрагмент (кв.82). Железо. Ковка. *Fragment of the nail. Iron. Smithing.*

60



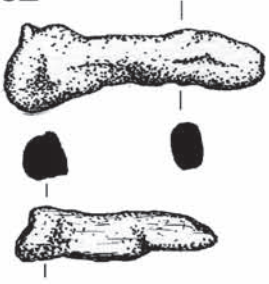
Гвоздь. Фрагмент (кв.83). Железо. Ковка. *Fragment of the nail. Iron. Smithing.*

61



Гвоздь. (кв. 63 в песке между бревнами пола).Железо. Ковка. *Nail. Iron. Smithing.*

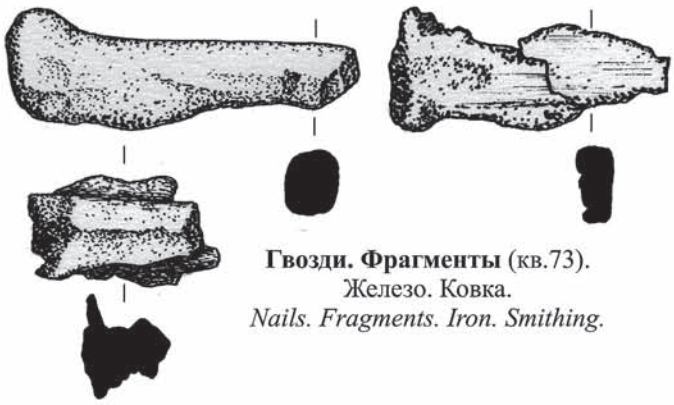
62



Гвоздь. Фрагменты (кв. 62, в слое под полом).Железо. Ковка. *Nail. Fragments. Iron. Smithing.*

0 1см 3см

63



Гвозди. Фрагменты (кв.73).
Железо. Ковка.
Nails. Fragments. Iron. Smithing.

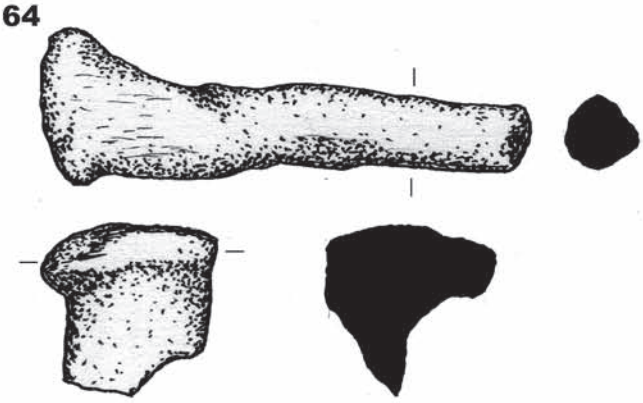
65

Гвоздь. Фрагмент (кв.82).
Железо. Ковка.
Fragment of the nail. Iron. Smithing.

66

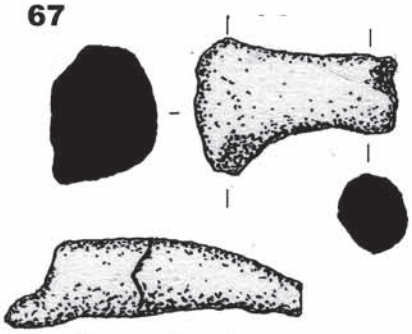
Гвоздь. Фрагмент
(кв. 82, в доске).
Железо. Ковка.
Fragment of the nail. Iron. Smithing.

64



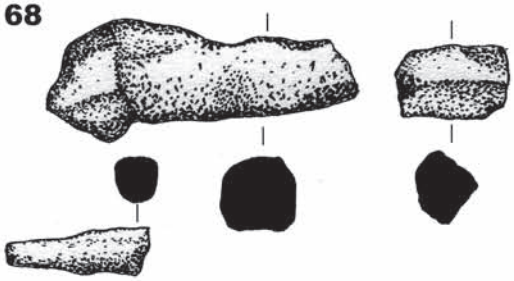
Гвозди. Фрагменты (кв.72, между бревнами). Железо. Ковка.
Nails. Fragments. Iron. Smithing.

67



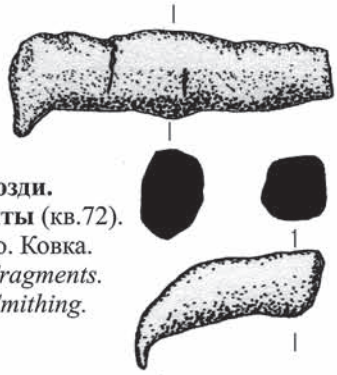
Гвоздь. Два фрагмента
(кв. 62, в песке между стеной и полом). Железо. Ковка.
Nail. Two fragments. Iron. Smithing.

68



Гвоздь. Три фрагмента
(кв. 71, юго-западный угол). Железо. Ковка.
Nail. Three fragments. Iron. Smithing.

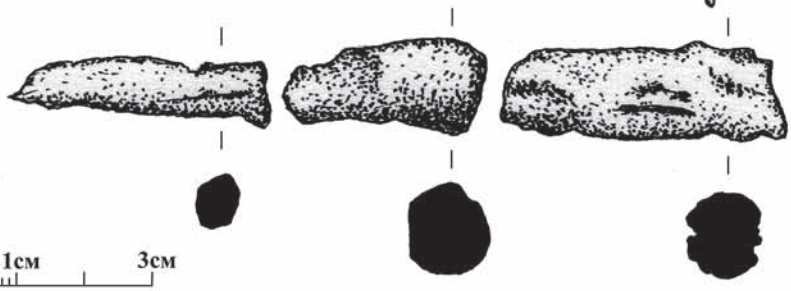
69



Гвозди. Фрагменты (кв.72).
Железо. Ковка.
Nails. Fragments. Iron. Smithing.

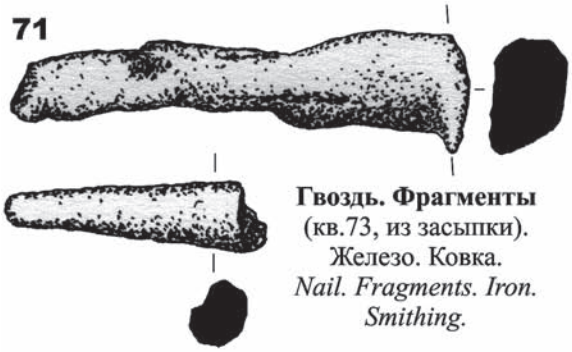
70

Гвоздь. Фрагменты
(кв.72).
Железо. Ковка.
Nail. Fragments. Iron. Smithing.



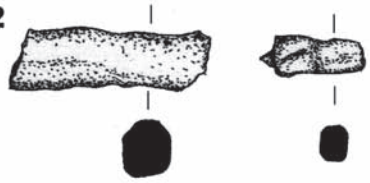
0 1см 3см

71



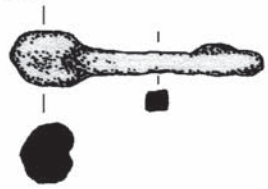
Гвоздь. Фрагменты (кв.73, из засыпки). Железо. Ковка.
Nail. Fragments. Iron. Smithing.

72



Гвоздь. Фрагменты (кв. 62, в слое под полом). Железо. Ковка.
Nail. Fragments. Iron. Smithing.

73

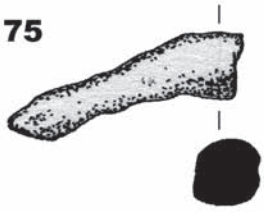


Гвоздь (кв. 72, западная стенка). Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing

74

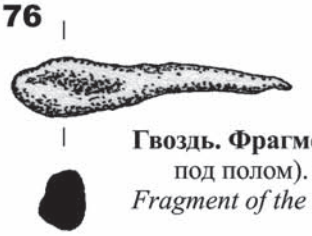
Гвоздь. Фрагменты (кв. 62, в песке под полом). Железо. Ковка.
Nail. Fragments. Iron. Smithing.

75



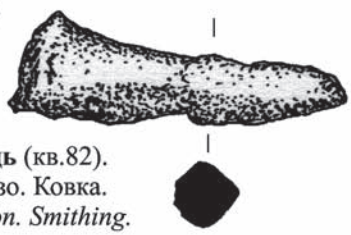
Гвоздь. Фрагмент (кв.72). Железо. Ковка.
Fragment of the nail. Iron. Smithing.

76



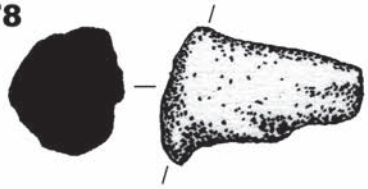
Гвоздь. Фрагмент (кв. 63, в песке под полом). Железо. Ковка.
Fragment of the nail. Iron. Smithing.

77



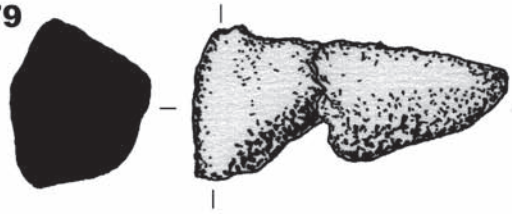
Гвоздь (кв.82). Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

78



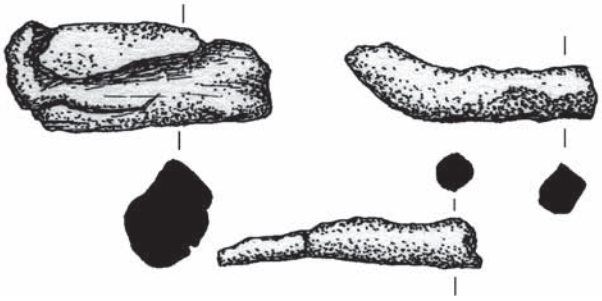
Гвоздь. Фрагмент (кв.62). Железо. Ковка.
Fragment of the nail. Iron. Smithing.

79



Гвоздь. Фрагмент (кв. 52, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры). Железо. Ковка.
Fragment of the nail. Iron. Smithing.

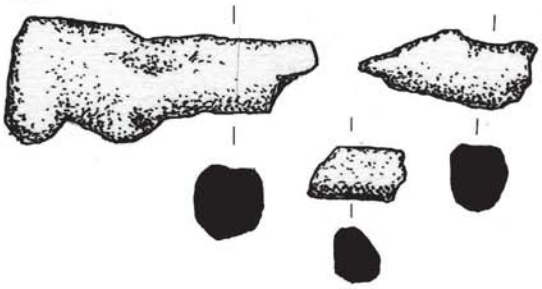
80



Гвоздь. Фрагменты (кв. 62, в песке под полом). Железо. Ковка.
Nail. Fragments. Iron. Smithing.

0 1см 3см

81

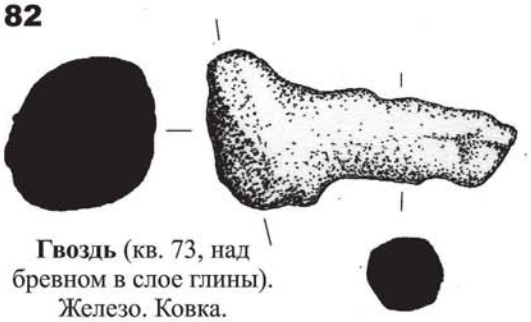


Гвоздь. Фрагменты (кв. 52, из скопления гвоздей в тлене на стене камеры). Железо. Ковка. *Nail. Fragments. Iron. Smithing.*

83

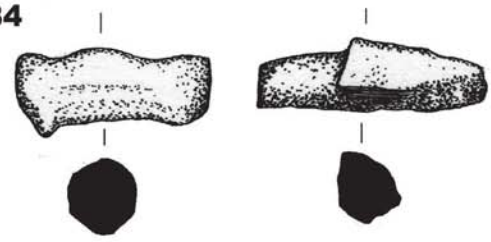
Гвоздик (кв. 72, в пятне коричневого тлена). Железо. Ковка. *Small nail. Iron. Smithing.*

82



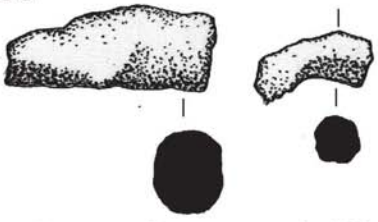
Гвоздь (кв. 73, над бревном в слое глины). Железо. Ковка. *Nail. Iron. Smithing.*

84



Предмет. Фрагменты (кв.72). Железо. Ковка. *Object. Fragments. Iron. Smithing.*

85

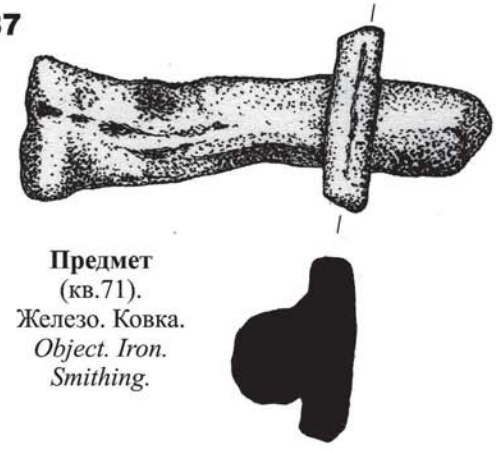


Предмет. Фрагменты (кв.72). Железо. Ковка. *Object. Fragments. Iron. Smithing.*

86

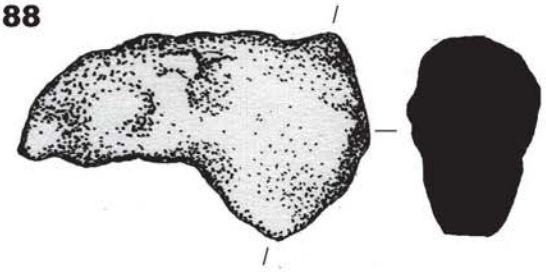
Гвоздь. Фрагменты (кв. 82, в пятне черного тлена наклонно). Железо. Ковка. *Nail. Fragments. Iron. Smithing.*

87



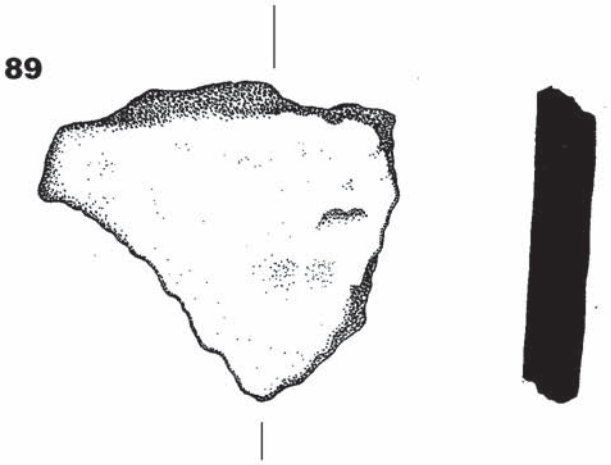
Предмет (кв.71). Железо. Ковка. *Object. Iron. Smithing.*

88

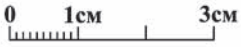


Предмет (кв. 62, в песке под полом). Железо. Ковка. *Object. Iron. Smithing.*

0 1см 3см



Сосуд гончарный.
Фрагмент (кв.83, восточная стенка в песке, слой заполнения камеры).
Глина.
Fragment of the wheel-thrown vessel.
Clay.



Т. Е. Ершова

Камерное погребение 5

(ул. Некрасова, 3, Подзноевский XII раскоп, 2008 г., участок Д, яма № 22, кв. 156, 157, 162, 163, пласты 11–16; погребение мальчика-подростка с топором и поясным бронзовым набором)

Обстоятельства находки и условия проведения работ

Камерное погребение 5 было открыто после завершения спасательных археологических раскопок на месте строительства бассейна гостинично-ресторанного комплекса «Двор Подзноева». После изучения культурных отложений посада, основная часть которых сформировалась в XV–XVII вв., в процессе зачистки материковой поверхности, в юго-восточной части раскопа, на уровне одиннадцатого пласта было выявлено пятно погребального объекта (Прил. 1, *1*). Хозяйственные перекопы XVI–XVII вв. частично повредили верхний слой заполнения северо-восточной части могильной ямы. Следов курганной насыпи над погребением не сохранилось. При написании статьи автор опирался на данные научного отчета о раскопках (Ершова, А2008).

Последовательность проведения работ

Исследование погребения проводилось в несколько этапов. Первоначально внутри контура, маркированного прослойками серой гумусированной супеси, по периметру ПЯТНА выбирался основной СЛОЙ ЗАПОЛНЕНИЯ могильной ямы. После выборки этого слоя, сформировавшегося, вероятно, в результате проседания в погребальную камеру курганной насыпи, разбирались остатки системы ВЕРХНИХ ПЕРЕКРЫТИЙ, некогда удерживавших надмогильный холм. Затем раскрывались остатки КОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРЫ и ЗАХОРОНЕНИЯ, находившегося на полу. После исследования ЗАХОРОНЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ и частей деревянной усыпальницы расчищалась материковая ЯМА, в которой была устроена могила.

Пятно

Пятно заполнения могильной ямы, на уровне материка имевшее относительно ровную, горизонтальную поверхность, состояло из пылеватого желтого песка с примесью материкового суглинка, супесей и редких точечных включений отдельных мелких угольков. По периметру пятна отмечались прослойки серой супеси (рис. 1), распространявшиеся вглубь заполнения. В восточной части пятна, в пределах общего контура, фиксировалось пятно глины с включениями микрочастиц угля и древесного тлена (Прил. 1, *2*). Это пятно незначительной мощности (не более 1 см) имело вытянутую по оси север—юг форму и размеры до 1,8 × 0,3 м.

Слой заполнения

Слой заполнения ямы выбирался в несколько этапов. Сначала — по вертикально-наклонной поверхности, маркированной серой супесью с включениями древесного тлена, распространявшейся вглубь могилы. Заполнение исследовалось горизонтальными пластами по 20 см.

По мере заглубления по поверхности серой супеси открывающимися «временными»

стенками оформлялся объем, близкий полусферической форме, занимавший центральное положение в заполнении всей могильной ямы. Его рельеф и стратиграфия заполнения указывали на возможность существования курганной насыпи и ее проседания в погребальную камеру после разрушения конструкций перекрытий, на которых она была изначально устроена.

Основной слой заполнения ямы представлял собой смесь желтого пылеватого песка, материковых супесей и суглинка. В его составе определялись частые включения пятен серой гумусированной супеси, отдельных мелких угольков и редких микропятен древесного тлена. Пятна располагались бессистемно в горизонтальной и вертикальной проекциях.

Супесные гумусные пятна имели неправильную, в большинстве случаев вытянутую форму и различные размеры: от нескольких сантиметров до 1–1,5 × 0,25–0,72 м при мощности до 0,25 м.

В глубинном диапазоне 11-го–13-го пластов, в слое песчаного заполнения, присутствовали небольшие валуны и известняковые плиты. На уровне –245–260 интенсивность включений небольших известняковых плит, угля и древесного тлена в северо-восточной части ямы увеличивалась. Пятна серой супеси в нижней части заполнения имели преимущественно удлиненную форму, вероятно, маркировавшую обломки рухнувших верхних перекрытий (Прил. 1, *3*).

Рис. 1. Граница пятна заполнения могильной ямы и материка в западной части могильной ямы камерного погребения 5 (кв. 156, 157). Вид с востока

Конструкции погребальной камеры

1. Верхние перекрытия

Как уже отмечалось, с остатками конструкций верхних перекрытий связаны, на наш взгляд, пятна серой гумусированной супеси (рис. 2) и включения древесного тлена (рис. 3), отмеченные в составе заполнения. Они фиксировались с уровня выявления пятна ямы на материке (–218–220, преимущественно по периметру ямы) до отметок –293–300 в центральной части, непосредственно над полом погребальной камеры (Прил. 1, *3*). Вероятно, конструкции деревянных перекрытий опирались на древнюю дневную поверхность по краям могилы. Площадь верхнего «настила» составляет ок. 8 кв. м. Предполагаемое направление мощения — северо-восток — юго-запад (рис. 4; Прил. 1, *3*). По определению А.А. Гольевой, образцы серой супеси содержат остатки травы, соломы, веточек кустарника. Вероятно, серая супесь, местами перекрывавшая пятна древесного тлена (Прил. 1, *3*), некогда была кусками дерна, уложенными на деревянный настил перекрытия. Следует отметить наличие отдельных мелких угольков в составе супеси (Прил. 1, *2*, *б*).

Вероятно, при устройстве перекрытий использовались гвозди, часть которых обнаружена в древесном тлене, который мы связали с этой частью погребальной конструкции (Прил. 3, Каталог, ***13–16***, ***18***, ***20–24***).

2. Стенки камеры

Стены камеры сохранились в виде тонких прослоек древесного тлена только на уровне нижнего венца (рис. 4, 5). Они были зафиксированы на разных уровнях: юго-западная –278; юго-восточная –284; северо-западная –293; северо-восточная –289. Учитывая эти показатели, можно предполагать высоту стенок около 40 см, что примерно соответствует трем венцам. Стены, судя по всему, находились на расстоянии 15–20 см от стен ямы. Конструкция была установлена

Рис. 2. Заполнение могильной ямы камерного погребения 5.
Стратиграфический разрез верхней части заполнения (кв. 156, 162). Вид с северо-востока

Рис. 3. Пятна серой супеси и древесного тлена в нижней части заполнения могильной ямы. Вид с северо-востока

Рис. 4. Пятна серой супеси в заполнении могильной ямы, маркирующие остатки верхних перекрытий и стен погребальной камеры. Вид с северо-запада

Рис. 5. Древесный тлен северо-западного угла и западной стены погребальной камеры. Вид с юго-востока

на настил пола. В процессе давления окружающего камеру материкового грунта и разложения древесины стены погребальной камеры сильно деформированы. Северо-западный и юго-восточный углы сруба оказались вытянутыми и прижатыми к глиняным стенам ямы, а стены самой камеры — вогнутыми внутрь. Размеры погребальной постройки составляют примерно 2 × 1,6 м (Прил. 1, *4*). Внешних угловых выпусков бревен, характерных для срубных конструкций, собранных «в обло», достоверно зафиксировать не удалось. В северо-восточном, юго-восточном и юго-западном углах постройки отмечены достаточно мощные пятна древесного тлена удлиненной формы толщиной до 19 см, залегавшие приближенно к линиям биссектрис внутренних углов камеры, длиной от 20 до 80 см (Прил. 1, *4*).

2. Пол

Настил пола сохранился в виде полос древесного тлена и пятен насыщенной древесным детритом супеси. Его остатки были раскрыты на дне ямы на глубине –310–320. Направление и форма пятен, а также фрагменты, сохранившиеся под костяком (Прил. 1, *5*), позволяют говорить о том, что пол был устроен из плотно пригнанных друг к другу элементов, вид которых (доски, бревна, плахи?) вследствие плохой сохранности древесины достоверно не определялся. Вероятнее всего, элементы настила были ориентированы по оси юго-запад — северо-восток. Остатки этого настила (пятна древесного тлена) зафиксированы по всей площади дна могильной ямы (в том числе и за пределами деревянной камеры).

Захоронение

(рис. 6; Прил. 1, *4*)

Останки располагались в западной части камеры на уровне пола (кв. 156, 162). Кости сохранились в виде отпечатков в подстилающих слоях и пятнах органического тлена. Среди них: кости конечностей, тазовая кость, несколько зубов и фрагментов черепа. Судя по расположению сохранившихся костей, захоронение было ориентировано головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, но поскольку фрагменты нижних конечностей лежали у колен, можно предположить, что погребенный, вероятно, был помещен в камеру в положении полусидя. По определению Д. В. Пежемского, несмотря на низкую степень сохранности палеоантропологических

Рис. 6. Камерное погребение 5 (кв. 156, 162): 1 — топор, 2 — оселок, 3, 4 — кости нижних конечностей, 5 — глиняный сосуд. Вид с северо-запада

материалов, можно утверждать, что погребение содержало останки мальчика возраста второго детства (infantilis II). Развитие зубной системы позволяет говорить о возрасте в 11–12 лет.

Погребальный инвентарь

(Прил. 1, *4*)

1. Погребальное ложе (?)

Вероятно, захоронение было совершено на (в) некоем погребальном ложе, о существовании которого свидетельствуют следующие наблюдения.

Скелет лежал на плотном древесном тлене толщиной ок. 1,5 см (без учета древесного тлена пола). В верхней части скелет был перекрыт слоем органического тлена (рис. 6). Тлен очень плотный и напоминал луб. В его составе определялились древесный и травянистый детрит, а также корни трав.

Подобный органический «покров» отмечался также в камерных погребениях 4, 6–8.

Находки

У ног погребенного было найдено два треугольных железных ледоходных шипа и судовая заклепка (Прил. 1, *4*; Прил. 3, Каталог, ***1***, ***2***, ***17***). С левой стороны от предполагаемого расположения черепа, в кв. 162, на уровне –314, находился развал глиняного сосуда (рис. 7) с «S»-видным профилем, орнаментированного однорядной волной по плечику и многорядным линейным орнаментом по тулову (Прил. 1, *4*; Прил. 3, Каталог, ***25***). Горшок имеет многочисленные аналогии в раннекруговой керамике древнерусских городов и могильников подобного типа X в. (см. статью В. М. Горюновой в настоящем томе).

В районе таза был обнаружен набор бронзовой поясной гарнитуры (Прил. 1, *4*). В полевых условиях был расчищен только поясной

Рис. 7. Развал глиняного сосуда в юго-восточной части погребения, кв. 162. Вид с севера

наконечник. Слой с находками из области таза погребенного взят монолитом, на рентгеновском снимке полностью выявлен поясной набор in situ — рис. 8 (Прил. 3, Каталог, *7*). Комплект ременной гарнитуры состоит из поясного наконечника (Прил. 3, Каталог, ***7, ж***); 8 пятиугольных бляшек с растительным орнаментом (Прил. 3, Каталог, *7*, ***з***); одной бляшки иного типа (Прил. 3, Каталог, ***7, и***); двух колец, соединявших отдельные части ремня (Прил. 3, Каталог, ***7, г, н***) и служивших для прикрепления предметов, носимых у пояса; двух обоймиц вытянуто-овальной формы (Прил. 3, Каталог, ***7, в, м***); восьми сердцевидных бляшек, украшенных растительным криновидным орнаментом (Прил. 3, Каталог, *7*, ***а, б, д, е, к, л, о, п***). Широкое распространение ременных украшений и самостоятельное их бытование на Руси начинается с конца IX в. В это время на полиэтничной основе (славяне, финны, угры, тюрки, скандинавы) формируется древнерусская знать. К середине X в. окончательно складывается древнерусская «дружинная культура», открытая внешним влияниям и включившая в себя элементы различной этнической окраски (Мельникова, Петрухин, Пушкина, 1984, с. 58). Одним из наиболее ярких, социально значимых элементов «дружинной культуры» был наборный пояс. Он состоял из пряжки, обязательной принадлежностью которой являлись рамка и язычок, имеющей иногда щиток для прикрепления к ремню; бляшек, украшающих ремень и закреплявшихся на нем с помощью штифтов и заклепок; поясных наконечников, которые помещались на концах ремней, колец, соединявших отдельные части ремня и служивших для прикрепления мелких предметов. В нашем случае скрепление ремней бронзовыми кольцами — конструктивная особенность, не совсем обычная для древнерусского наборного пояса, но и не уникальная. Подобная конструкция, правда с тремя кольцами, встречена в Гнёздове, в кургане Ц-191, исследованном А.Д. Авдусиным в 1976 г. По мнению В.В. Мурашевой, использование колец скорее свойственно традиции раннесредневековых балтов и в меньшей степени финно-угров (Мурашева, 2000, с. 74–75).

Согласно классификации Мурашевой, пояс с наборными металлическими бляшками из 5-го псковского погребения относится к типу III (Мурашева, 2000, с. 70). Бляшки поясной гарнитуры изготовлены в технике литья по восковой модели, для получения которой использовалась матрица: технологическая схема III (Мурашева, 2000, с. 10–12). Сердцевидные бляшки с ободком из крупных перлов в центре декорированы углубленной криновидной фигурой. Все они, и поясной наконечник, имеют характерный, отогнутый вниз бортик. На оборотной стороне каждой — негативный рельеф и штифты для крепления к ремню, отлитые одновременно с бляшкой, в единой форме; у двух — заметны отпечатки ткани, использованной при изготовлении восковой модели.

Поясной наконечник (Прил. 3, Каталог, ***7, ж***) сконструирован из трех соединенных вместе пятиугольных бляшек. Они относятся к периферии класса VII — их орнамент состоит из сердцевидной и двух остроовальных фигур (Мурашева, 2000, с. 3–34).

Пояс застегивался металлической пряжкой с подпрямоугольным щитком. Фрагменты рамки и щиток хорошо видны на рентгеновском снимке (рис. 8, *1*), но, к сожалению, их не удалось сохранить при реставрации, так как они прослежены лишь в виде солей металла. Поясные бляшки и наконечник из погребения 5 могут быть отнесены к изделиям волжско-болгарской школы изготовления ременной гарнитуры (Мурашева, 2000, с. 92–93).

К поясу привешивался каменный оселок на колечке из цветного металла (рис. 6, *2*; 8, *3*). Оселок изготовлен из бруска плотного слоистого известняка, прямоугольного в сечении, со скругленными углами (Прил. 1, *4*; Прил. 3, Каталог, *№3*). Брусок слегка сужался в верхней части, где располагалось отверстие для колечка.

У пояса, у левой руки, найден железный боевой топорик плохой сохранности (Прил. 1, *4*; Прил. 3, Каталог, ***6***) с бронзовым кольцом (Прил. 3, Каталог, ***5***). Он, вероятнее всего, висел на этом достаточно мощном бронзовом кольце (рис. 9). Подобные узколезвийные топоры с вырезным обухом А.Н. Кирпичников относит к типу III. Исследователь признает за таким типом топоров исключительно боевое назначение. В X–XI вв. эти топорики встречаются в дружинных погребениях большинства русских областей. Почти половина находок обнаружена во Владимирских курганах (Кирпичников, 1966а, с. 27, 28, 34).

У правой руки погребенного находились наконечник стрелы и железный нож (Прил. 1, 4; Прил. 3, Каталог, ***4, 12***). Общая длина железного наконечника — 9,7 см, длина пера — ок. 5,3, черешка — ок. 3,3 см. Подобные наконечники стрел отнесены А.Н. Кирпичниковым и А.Ф. Медведевым к типу 52, распространенному повсеместно в VIII–XIII вв. (Кирпичников, Медведев, 1985, с. 348).

Здесь же, слева у пояса, лежали равноплечные весы в футляре из кожи (Прил. 1, 4; Прил. 3, Каталог, ***8.2***). Частично сохранились

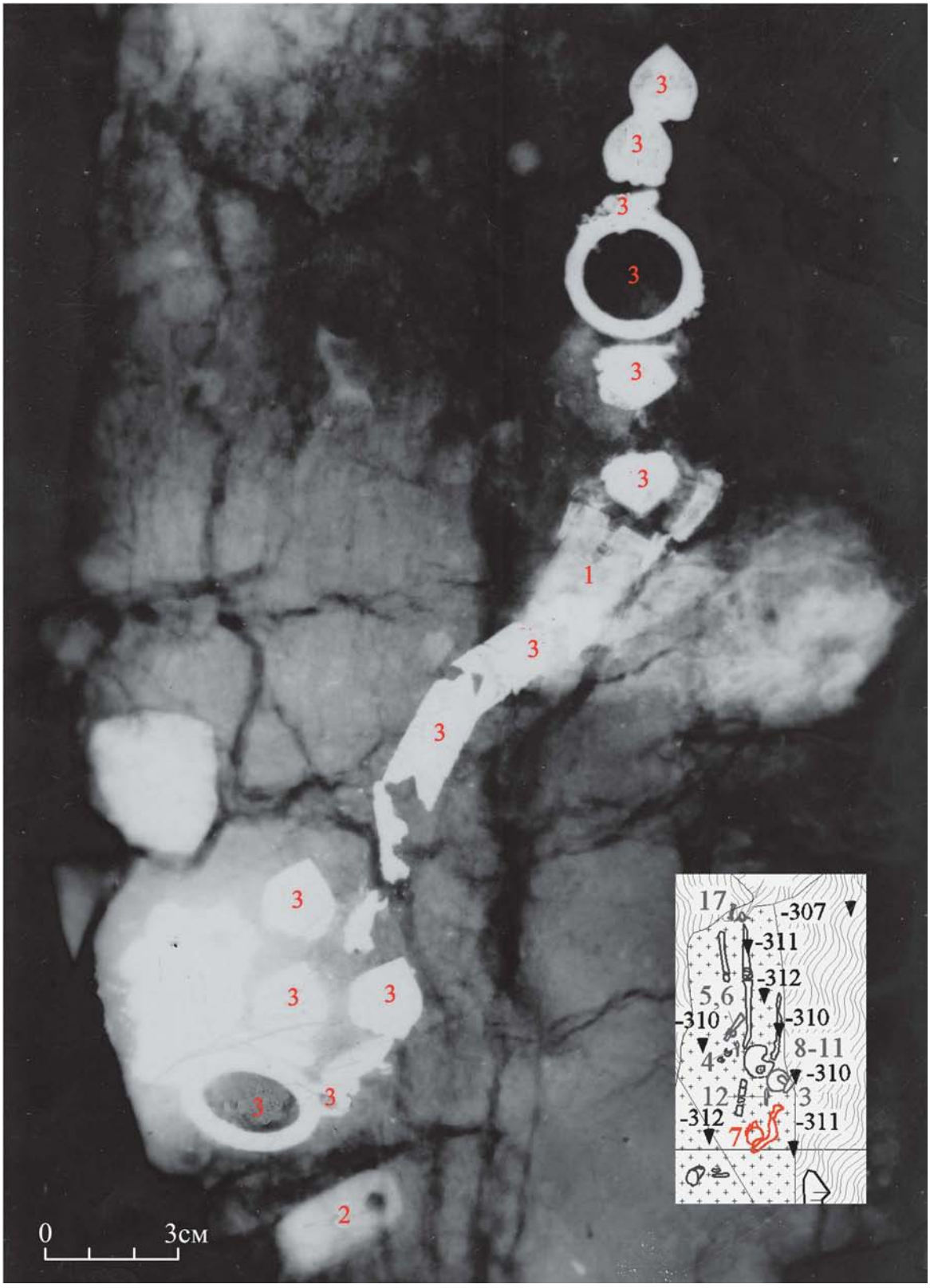


Рис. 8. Рентгенограмма грунтового монолита с поясным набором из камерного погребения 5:
1 — след несохранившейся металлической пряжки; 2 — оселок; 3 — поясной набор (соединительные кольца, обоймицы, составной поясной наконечник, сердцевидные бляшки).
На врезке — схема расположения пояса в погребении

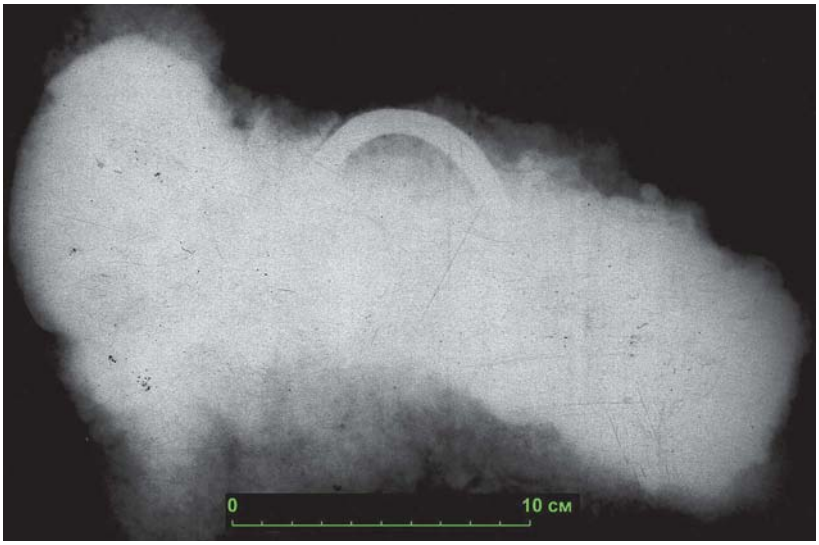


Рис. 9. Рентгенограмма топора с бронзовым кольцом из камерного погребения 5. До реставрации

Рис. 10. Фрагмент футляра и бронзовых весов с чашечками из камерного погребения 5

бронзовые чашечки, орнаментированное бронзовое коромысло и вилка (Прил. 3, Каталог, ***8.1***) — рис. 10. В чашечках найдены пять бочковидных железных, обтянутых бронзой гирек и один фрагмент гирьки (Прил. 3, Каталог, ***9***). Внутри весов после реставрации выявлена половина серебряного дирхема (Прил. 3, Каталог, ***10***). По определению Г. Рисплинга[1], это монета Саманидов, халифа ал-Мукстафи, эмира Нух ибн Насра, чеканка аш-Шаш, дата хиджры 340 г., дата Р.Х. 951/52.

Маленький фрагмент другого дирхема, крайне плохой сохранности, «приплавился» к одной из гирек (Прил. 3, Каталог, ***11***).

[1] Сердечно благодарим хранителя Королевского нумизматического кабинета Стокгольма (Kungliga Myntakabinettet, Stockholm) господина Герта Рисплинга за определение арабских монет из погребения 5, специально сделанное для этой публикации.

Яма

Могильная яма в плане имела почти прямоугольную, со скругленными углами форму. Размеры и форма ямы на уровне погребения почти не изменились: 2,7 × 2,2 м (СВ—ЮЗ). Она была прослежена в плотном суглинке на глубину до 1 м от материковой поверхности (Прил. 1, *б*). Стенки ямы были вертикальные, дно горизонтальное, практически ровное, с небольшими впадинами в северо-западной части (понижение около 3 см) (рис. 11).

Выводы

Камерное погребение 5 относительно небольшое и сравнительно неглубокое сооружение (Прил. 1, *б*) в сравнении с самыми крупными захоронениями Старовознесенского некрополя (погр. 1, 3, 4, 6, 8). Похороненный в ней мальчик 10–12 лет был в возрасте, позволяющем начать жизнь воина. Найденные при погребенном боевой топор, наконечник стрелы, нож, полный весовой набор с дирхемами, поясная гарнитура подтверждают это, а также свидетельствуют и об определенном, «выше среднего», социально-имущественном статусе подростка.

В. В. Мурашева, опираясь на статистико-комбинаторное исследование погребений с поясной гарнитурой из могильников Ярославского Поволжья, Гнёздова, Бирки и Ижорского плато, отмечает, что наличие стрел и торгового инвентаря в древнерусских погребениях с поясами III типа может указывать на принадлежность погребенного к младшей дружине (Мурашева, 2000, с. 80–84). Вещевой инвентарь датирует памятник второй половиной X в., монетная находка определяет время не ранее 952 г.

T. E. Ershova

Chamber Grave 5

(3, Nekrasova str.,
Podznoevsky excavation XII, 2008)

Summary

Chamber grave 5 was discovered in the course of the completion of the rescue archaeological excavations at the site of the pool of the hotel and restaurant complex center «Podznoev's Yard». Under the Posad's cultural layer a spot of a burial was revealed. The basic layer filling of the pit was a mixture of

Рис. 11. Могильная яма камерного погребения 5. Вид с юго-запада

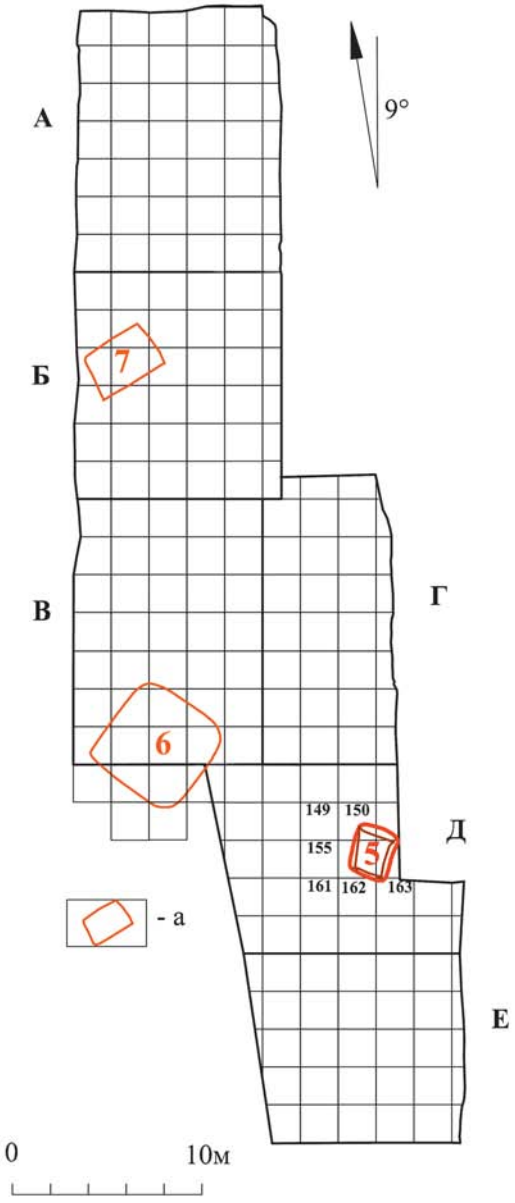
yellow silty sand, continental sandy loam and loam. Wooden floor structures relied on the ancient day surface at the edges of the grave. The area of the upper «deck» was about 8 square meters. The walls of the burial chamber remains are preserved in the form of thin layers of wood decay only at the level of the bottom row of logs. The construction size is approximately 2 × 1,6 m. The flooring remains were observed in the whole area of the bottom of the burial pit (including the place outside the wooden frame).

The plan shows a rectangular burial pit, with rounded corners, 2.7 m long and 2.2 m wide in the north and 2 m in the south, with the depth of 1 m from the surface of the mainland. The human remains were located in the western part of the chamber at the floor level. The bones have been preserved in the form of prints. The grave contained the remains of a child of the second childhood age (infantilis II). The burial was committed on (in) a certain funeral bed. Found near the buried boy: a battle ax, an arrowhead, a knife, a full weight set with dirhams, the belt headset — indicate a significant social and property status of the teenager. The site is dated by the second half of the Xth century and the coin find attributes it to the time not earlier than the year 952.

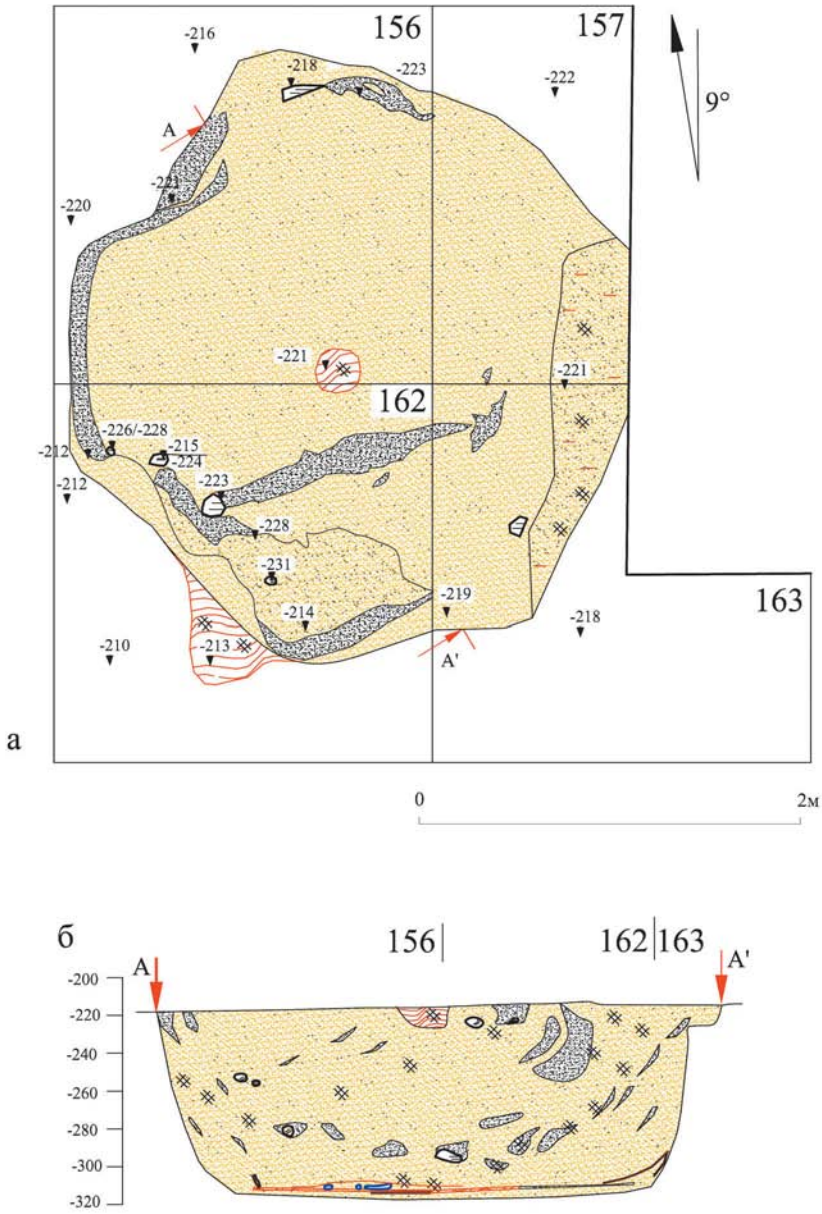
Приложение 1

ЧЕРТЕЖИ
Камерное погребение 5
Подзноевский XII раскоп, 2008 г.

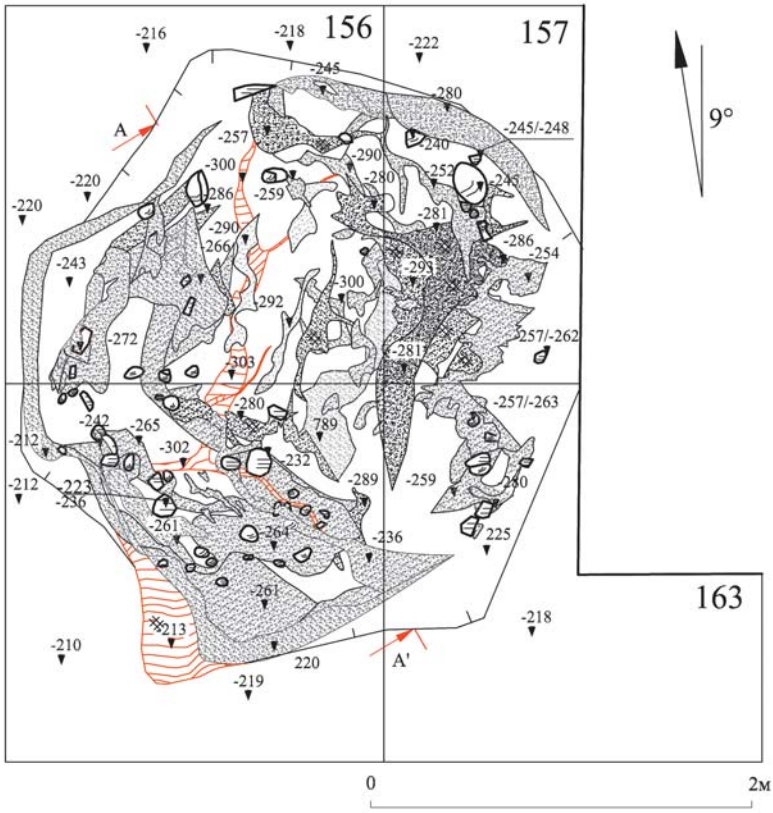
DRAUGHTS
Chamber Grave 5
Podznoevsky XII excavation, 2008 year



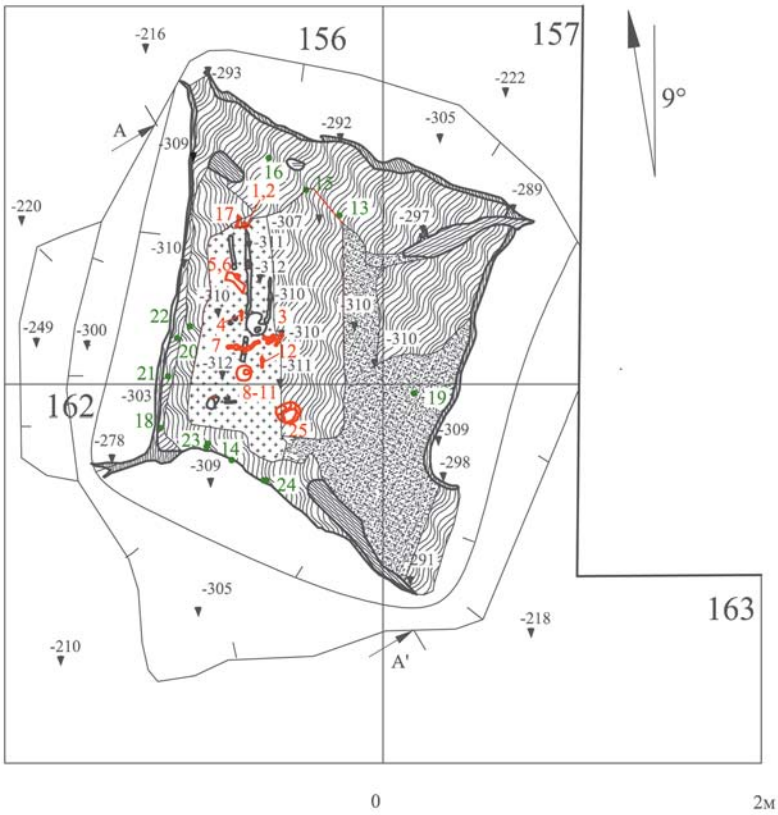
1. Схема расположения камерного погребения 5 на территории Подзноевского XII раскопа:
а — камерные погребения 6 и 7



2. Пятно ямы погребения 5 на уровне материка, пласт 11:
а — план пятна погребения 5; б — стратиграфический разрез заполнения ямы

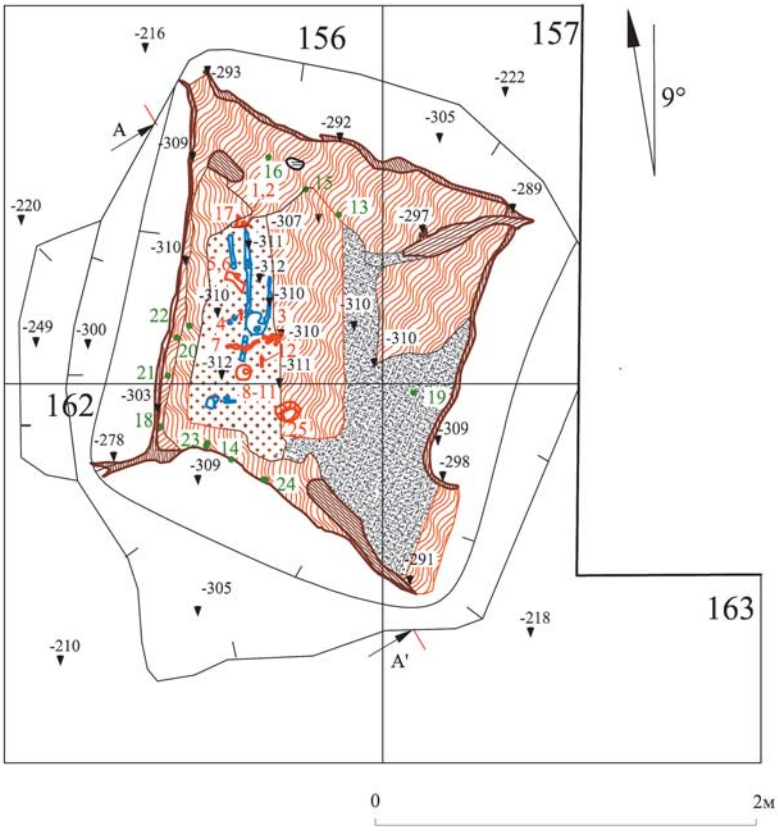


3. Верхние перекрытия на временных стенах камеры

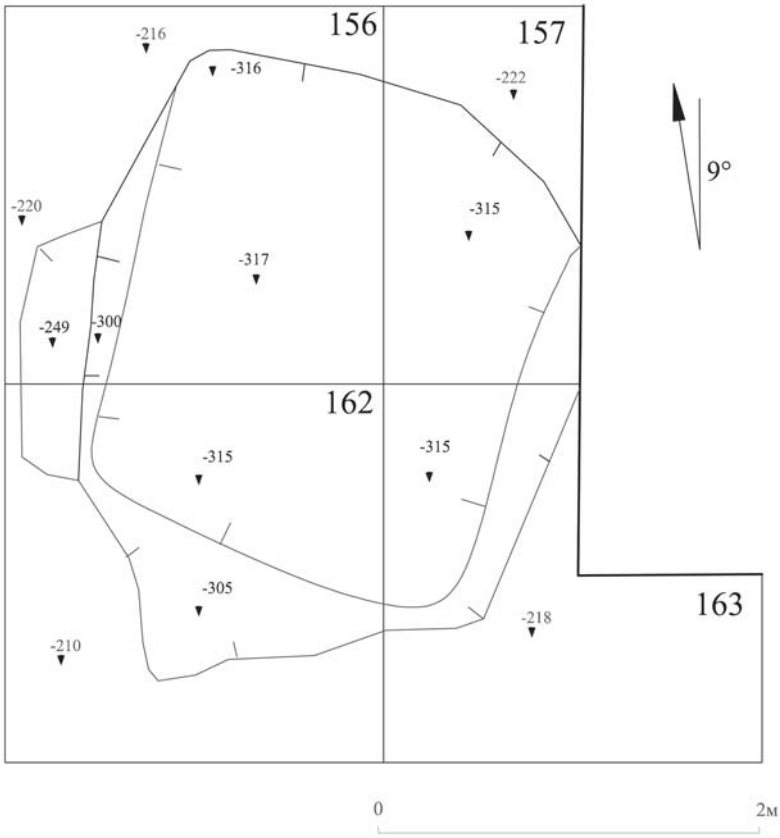


4. Камерное погребение 5; план находок

5. Остатки настила пола камеры



6. Материковая яма камерного погребения 5



Приложение 2

СПИСОК НАХОДОК
Камерное погребение 5
Подзноевский XII раскоп, 2008 г.
(учетный шифр раскопа: П-08-ПДП-XII)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

LIST OF FINDS
Chamber Grave 5
Podznoevsky XII excavation, 2008 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой / Номер по описи
1	**Шип ледоходный (**кв. 156). Железо. Ковка. *Crampon.* *Iron. Smithing.*	_1_ 1
2	**Шип ледоходный (**кв. 156). Железо. Ковка. *Crampon.* *Iron. Smithing.*	_3_ 3
3	**Оселок (**кв. 156). Камень. Шлифовка. *Whetstone.* *Slate. Polishing.*	_6_ 4
4	**Наконечник стрелы (**кв. 156). Железо. Ковка. *Arrow-head.* *Iron. Smithing.*	_21_ 19
5	**Кольцо поясное (**кв. 156, в топоре). Бронза. Литье. *Belt-ring.* *Bronze. Casting.*	_22_ 20
6	**Топор боевой (**кв. 156). Железо. Ковка. *Battle-axe.* *Iron. Smithing.*	_20_ 18
7	**Поясной набор, 22 детали (**кв. 156). Бронза. Литье. *Belt-set, 22 parts.* *Bronze. Casting.*	_5_ 16
8.1	**Весы — две чашечки и коромысло. Фрагменты (**кв. 156). Бронза, железо. Литье, ковка. *Balance — two pans and folding beam in fragments.* *Bronze, iron. Casting, smithing.*	_18_ 17/1–5
8.2	**Футляр весов. Фрагменты (**кв. 156). Дерево, кожа. *Balance case in fragments.* *Wood, leather.*	_18_ 17/6–8
9	**Гирьки (**кв. 156). Железо, медь. *Small weights.* *Iron, copper.*	_23_ 21
10	**Монета. Дирхем. Саманиды, халиф аль-Мустафи, эмир Нух ибн Наср. Чеканка аш-Шаш (951–952 гг.)** (кв. 156). Серебро. Чеканка. *Arabic coin dirhem.* *Silver. Minting.*	_19_ 24

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
11	**Дирхем. Фрагмент (**кв. 156, на гирьке). Серебро. Чеканка. *Arabic coin dirhem. Fragment.* *Silver. Minting.*	_24_ 22
12	**Нож (**кв. 156). Железо. Ковка. *Knife.* *Iron. Smithing.*	_25_ 23
13	**Гвоздь (**кв. 156). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_14_ 12
14	**Гвоздь (**кв. 162). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_15_ 13
15	**Предмет (**кв. 156, в перекрытии). Железо. Ковка. *Object.* *Iron. Smithing.*	_8_ 6
16	**Предмет (**кв. 156). Железо. Ковка. *Object.* *Iron. Smithing.*	_7_ 5
17	**Заклепка лодейная (**кв. 156). Железо. Ковка. *Boat rivet.* *Iron. Smithing.*	_2_ 2
18	**Гвоздь (**кв. 162). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_16_ 14
19	**Гвоздь. Фрагмент (**кв. 163). Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_17_ 15
20	**Гвоздь (**кв. 156, в перекрытии). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_9_ 7
21	**Гвоздь (**кв. 156, в перекрытии). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_10_ 8
22	**Гвоздь (**кв. 156, в перекрытии). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_11_ 9
23	**Два гвоздя (**кв. 162). Железо. Ковка. *Two nails.* *Iron. Smithing.*	_12_ 10
24	**Два гвоздя (**кв. 162). Железо. Ковка. *Two nails.* *Iron. Smithing.*	_13_ 11
25	**Сосуд гончарный (**кв. 162, у изголовья справа). Глина. *Wheel-thrown vessel.* *Clay.*	_4_ 25

Приложение 3

КАТАЛОГ

Камерное погребение 5

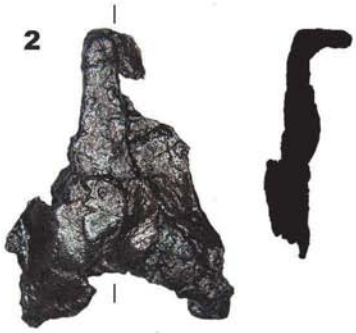
Подзноевский XII раскоп, 2008 г.
(учетный шифр раскопа: П-08-ПДП-XII)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

CATALOGUE

Chamber Grave 5

Podznoevsky XII excavation, 2008 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

Шип ледоходный
(кв.156). Железо. Ковка.
Crampon. Iron. Smithing.



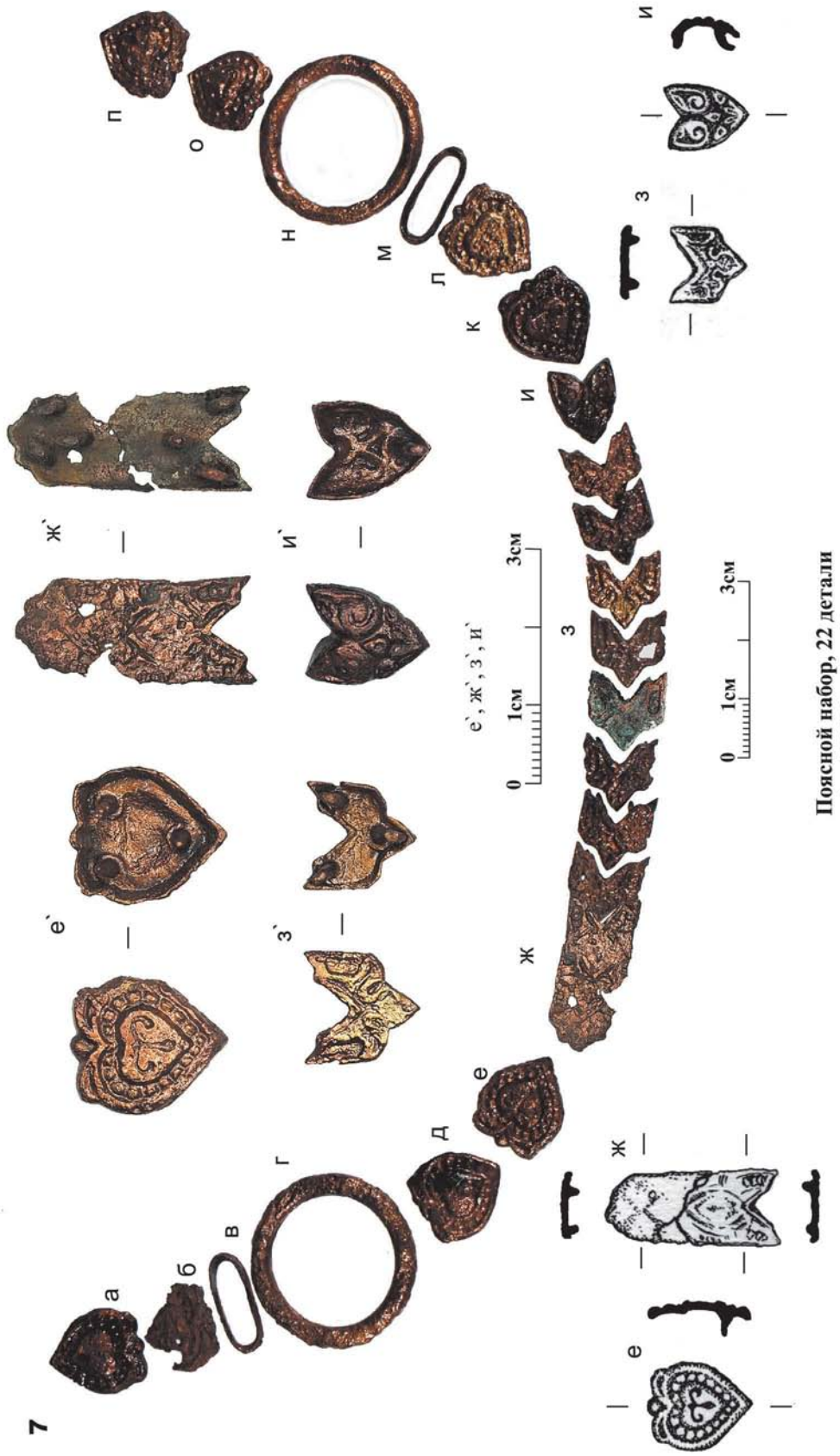
Шип ледоходный
(кв.156). Железо. Ковка.
Crampon. Iron. Smithing.

Оселок
(кв.156). Камень. Шлифовка.
Whetstone.
Slate. Polishing.

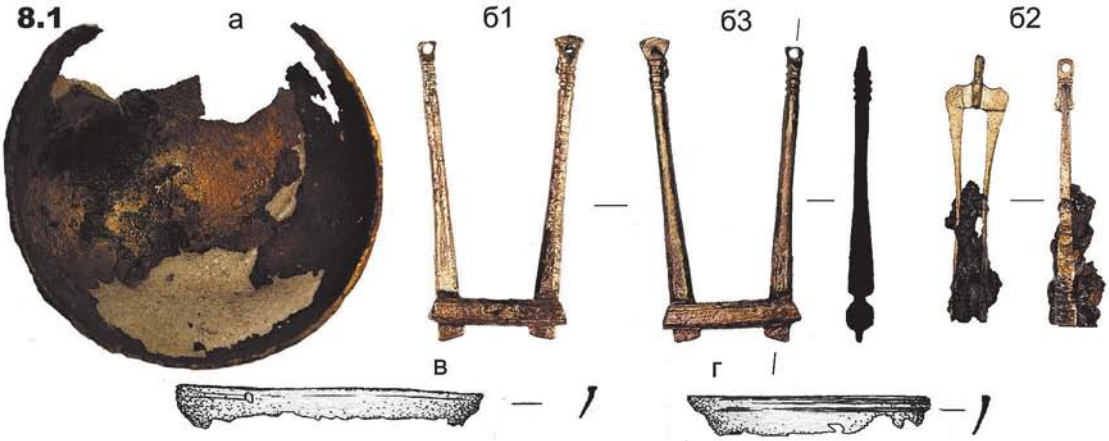
Наконечник стрелы
(кв.156). Железо. Ковка.
Arrow-head. Iron. Smithing.

Кольцо поясное
(кв.156, в топоре).
Бронза. Литье.
Belt-ring. Bronze. Casting.

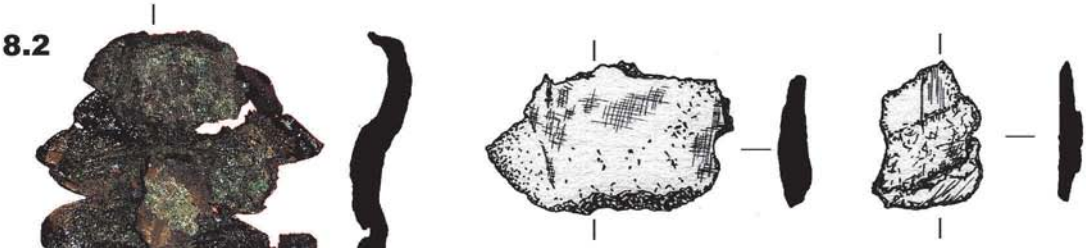
Топор боевой
(кв.156). Железо. Ковка.
Battle-axe. Iron. Smithing.



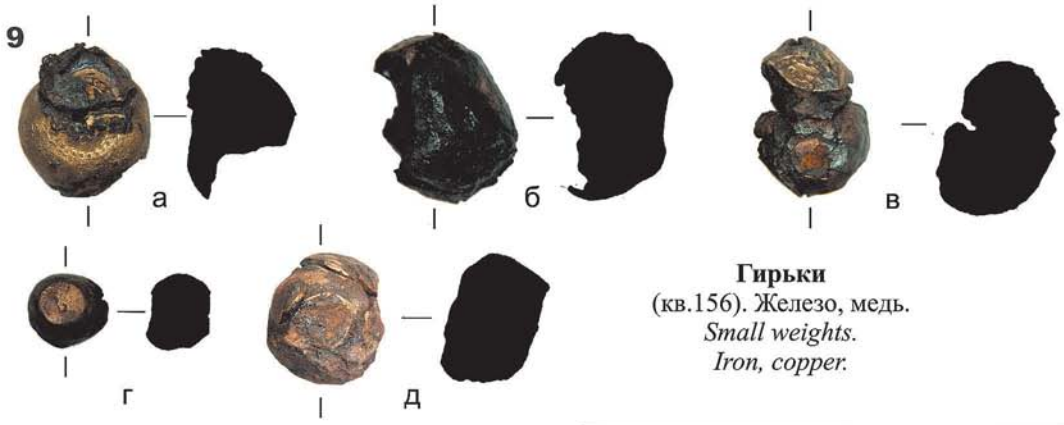
Поясной набор, 22 детали
(кв.156). Бронза. Литье.
Belt-set, 22 parts. Bronze. Casting.
е`, ж`, з`, и` - увеличение в 1,5 раза



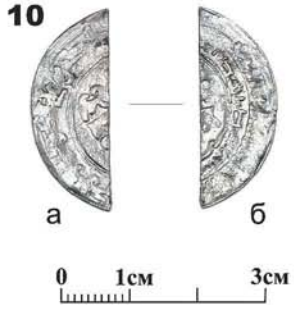
Весы – две чашечки и коромысло. Фрагменты
(кв.156). Бронза, железо. Литье, ковка.
Balance – two pans and folding beam in fragments. Bronze, iron. Casting, smithing.



Футляр весов. Фрагменты
(кв.156). Дерево, кожа.
Balance case in fragments. Wood, leather.

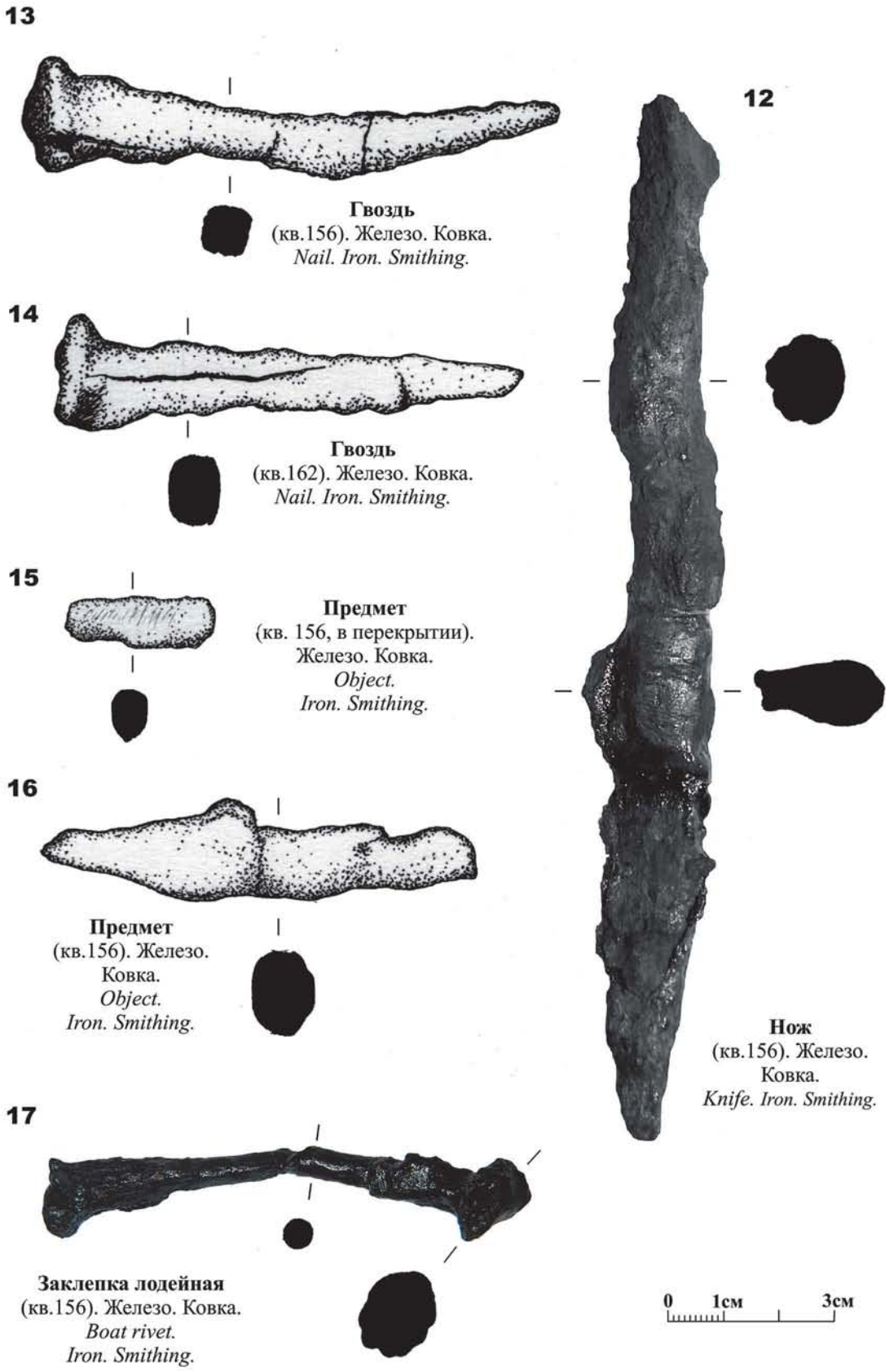


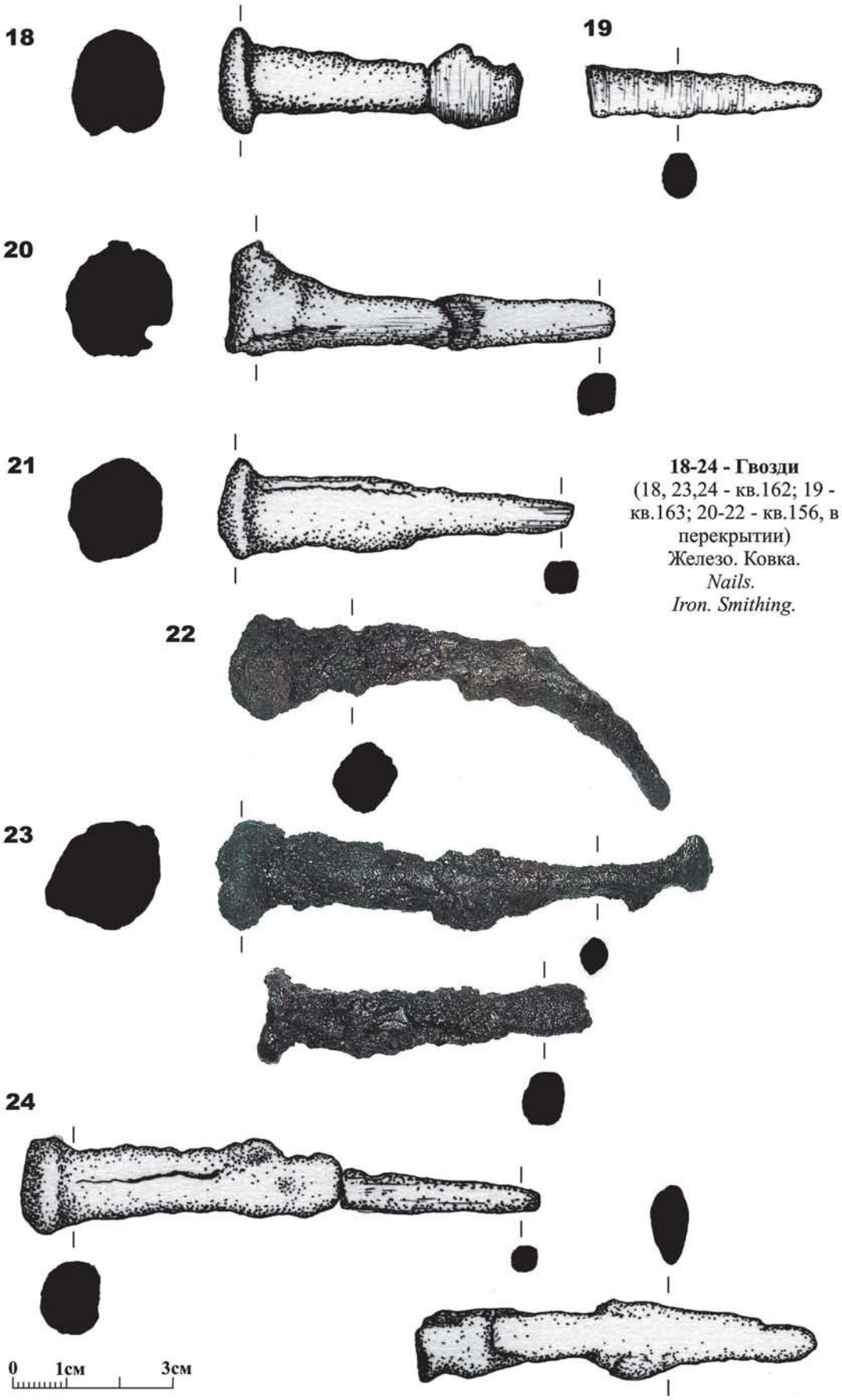
Гирьки
(кв.156). Железо, медь.
Small weights.
Iron, copper.



Дирхем. Саманиды, халиф аль-Мустафи, эмир Нух ибн Наср. Чеканка аш-Шаш (951–952). Фрагмент
(кв.156) Серебро. Чеканка.
Arabic coin dirhem. Fragment.
Silver. Minting.

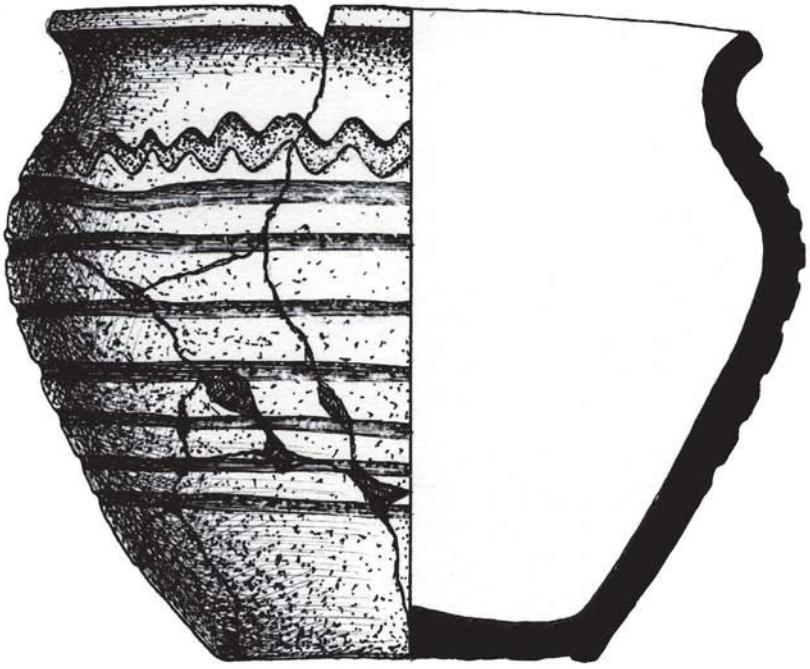
Дирхем. Фрагмент
(кв.156, на гирьке). Серебро. Чеканка.
Arabic coin dirhem. Fragment.
Silver. Minting.


13
Гвоздь
(кв.156). Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.
14
Гвоздь
(кв.162). Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.
15
Предмет
(кв. 156, в перекрытии).
Железо. Ковка.
Object.
Iron. Smithing.
16
Предмет
(кв.156). Железо.
Ковка.
Object.
Iron. Smithing.
17
Заклепка лодейная
(кв.156). Железо. Ковка.
Boat rivet.
Iron. Smithing.
12
Нож
(кв.156). Железо.
Ковка.
Knife. Iron. Smithing.
0 1см 3см



18-24 - Гвозди
(18, 23,24 - кв.162; 19 - кв.163; 20-22 - кв.156, в перекрытии)
Железо. Ковка.
Nails.
Iron. Smithing.

25



Сосуд гончарный
(кв.162, у изголовья справа).
Глина.
Wheel-thrown vessel.
Clay.

0 1см 3см

Т. Е. Ершова

Камерное погребение 6

(ул. Некрасова, 3; Подзноевский XII раскоп, 2008 г., участок В, яма № 17, кв. 105–107,115–117, 125–127, пласты: 9–21; захоронение мужчины с серебряной подвеской со знаком Рюриковичей)

Обстоятельства находки и условия проведения работ

Камерное погребение 6 было открыто летом 2008 г. одновременно с пятым и седьмым в ходе охранных археологических раскопок на месте строительства ресторанно-гостиничного комплекса «Двор Подзноева», в южном секторе «Т»-образного перекрестка улицы Некрасова и Музейного переулка. Захоронение было обнаружено после завершения изучения культурных отложений средневекового городского посада в 16 м к востоку от юго-восточного угла первых «Палат Подзноевых», в 10 м к юго-востоку от пятого захоронения и в 14 метрах к югу от седьмого (Прил. 1, *1*). Культурный слой на участке исследований был значительно нарушен в результате интенсивной хозяйственно-строительной деятельности XVIII–XIX вв. Исследование камерного захоронение проходило в августе, в условиях крытого павильона.

Последовательность проведения работ

Погребение исследовалось в несколько этапов. Сначала внутри овального контура, выделявшегося в составе ПЯТНА и маркированного полосой белого крупного песка, выбирался по пластам основной СЛОЙ ЗАПОЛНЕНИЯ могильной ямы (рис. 1). Выборка этой центральной части пятна заполнения велась по наклонно-вертикальной поверхности, маркированной прослойкой белого песка, местами контактировавшего с пятнами серой супеси и древесного тлена, создающими с песком единую плоскость «временных стенок» ямы. В результате выборки, которая производилась горизонтальными пластами (по 20 см), формировался объем, ограниченный «временными стенками» (рис. 2, 3). В составе заполнения камеры на разных уровнях (начиная с 11–12-го пластов) были зафиксированы переотложенные кости погребенного (следы разграбления?). После изучения этого слоя, образовавшегося, вероятно, в результате проседания в яму курганной насыпи, исследовались остатки ВЕРХНИХ ПЕРЕКРЫТИЙ, некогда закрывавших погребальную камеру (рис. 2). Затем

Рис. 1. Пятно могильной ямы камерного погребения 6 на уровне материка. Вид с юго-запада

Рис. 2. Стратиграфический разрез заполнения могильной ямы камерного погребения 6 (пл. 9–14) внутри «временных стенок». Вид с северо-запада

Рис. 3. Пятна серой супеси на «временных» стенках и в заполнении ямы (пл. 16). Вид с юго-запада

фиксировались следы КОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРЫ, остатки самого ЗАХОРОНЕНИЯ, погребального ложа и ИНВЕНТАРЯ. После завершения исследований частей деревянной усыпальницы расчищалась материковая ЯМА, в которой была устроена могила.

Пятно

Пятно заполнения могильной ямы, не отличающееся по высотным отметкам от уровня материковой поверхности, зафиксировано на уровне –173–182 (Прил. 1, *2*). Материк по всей площади раскопа был представлен плотным желто-коричневым суглинком с прослоями песка различных фракций и супесей.

В плане пятно имело почти квадратную, со скругленными углами форму, ориентированную диагоналями по сторонам света. Максимальные размеры пятна в поперечнике — до 7,2 м. В северо-западной части поверхность пятна на глубину до 0,3 м нарушена разновременными хозяйственными ямами (рис. 1).

По периметру в составе пятна выделялась овальная в плане полоса замкнутого контура шириной до 80 см, состоящая из белого крупного песка. Неправильный по форме «овал» размером до 7,2 м в поперечнике был «вписан» в «квадрат» основного пятна (Прил. 1, *2*). По краям окружности, в верхней части заполнения могилы отмечались включения серой супеси. Состав пятна внутри «овала» не отличался от участков в углах «квадрата».

Слой заполнения
(Прил. 1, *5*)

В основном он состоял из желтого, достаточно рыхлого, пылеватого песка с незначительной примесью гумуса, придававшего породе местами коричневатые оттенки. Стратиграфия слоя заполнения была сформирована прослойками серой супеси, рельеф залегания которых отражал процесс проседания в яму грунта курганной насыпи, некогда удерживавшегося на перекрытиях на одном уровне с супесью. Пятна серой супеси располагались в слое заполнения бессистемно, относительно равномерно распределяясь в центральной части в толще заполнения ямы, а по краям маркируя поверхность одного из горизонтов «временных стенок» выбираемого объема. Серая супесь встречалась по всей глубине; от верхних отметок поверхности пятна до уровня пола гробницы. Вероятно, она была связана с устройством системы перекрытий.

В юго-восточной части могильной ямы уже на уровне верхних отметок были обнаружены пятна коричневого тлена, соотносимые с обломками древесины (рис. 2; Прил. 1, *3*). Кроме древесного тлена и супеси по всей толще заполнения фиксировались включения отдельных мелких угольков (до 1 см в поперечнике), известняковых плит и небольших валунов, расположенных бессистемно. В составе серой супеси отмечались мельчайшие частицы угля и небольшие по протяженности тонкие прослойки сырой серой глины.

Конструкции погребальной камеры

1. Верхние перекрытия

В процессе выборки заполнения в составе слоя встречались прослойки серой супеси и древесного тлена (см. СЛОЙ ЗАПОЛНЕНИЯ), которые, на наш взгляд, свидетельствуют об изначальном существовании и обрушении впоследствии верхних перекрытий погребальной камеры

Основной объем заполнения камеры был насыщен прослойками (пятнами) серой супеси (рис. 3, 4; Прил. 1, *3*). При этом в южной и юго-восточной частях (кв. 126, юго-восточная часть кв. 116) на всю глубину ямы состав и структура заполнения были аморфными, здесь отсутствовали какие-либо стратифицирующие прослойки (рис. 2; Прил. 1, *4*). Совмещение этого «пробела» в супесном горизонте и сводного плана находок костей достаточно уверенно позволяет определить зону нарушения стратиграфии, связанную, возможно, с организацией ограбления могилы, факт которого стал очевиден при последующем изучении захоронения.

На отметках –340–360 в центральной части выбираемого объема была выявлена верхняя часть развала остатков деревянных перекрытий (рис. 4). Ниже, до уровня –380, особенно в юго-восточной части ямы, прослойки серой супеси и древесного тлена стратиграфически перемежались: то супесь подстилала тлен, то наоборот (рис. 5–7; Прил. 1, *3*, *4, 6*).

Сохранность древесины не позволила детально воссоздать конструктивные особенности перекрытия. Однако бесспорно, что деревянный настил в момент сооружения был перекрыт серой супесью. Достаточно уверенно можно говорить о том, что настил, перекрывавший пролет столь значительной ширины, равной габаритам ямы, держался не менее чем на 3 переводинах. Предполагаемая ориентация элементов настила: северо-восток — юго-запад (Прил. 1, *3*).

Рис. 4. Камерное погребение 6 в процессе выборки заполнения ямы (пл. 18). Вид с северо-востока

Рис. 5. Пятна серой супеси — остатков верхних перекрытий — на северо-восточной «временной» стенке (кв. 104–106). Вид с юго-запада

Рис. 6. Пятна серой супеси с прослойкой белого песка на северо-западной «временной» стенке погребальной ямы (кв. 106, 107, 117). Вид с юго-востока

2. Сруб

Верхний уровень остатков стен деревянной камеры определяется с трудом. Верхние перекрытия при обрушении легли непосредственно на стены и по мере распада органики превратились в единый массив и пятна тлена (Прил. 1, *6*). Прослойки детрита, маркирующие габариты усыпальницы в плане, на большей части периметра сооружения выявились на уровне –340–362. В южном углу гробницы зафиксированы наиболее высокие отметки стен камеры –329–333. Гробница имела срубную конструкцию. Размеры сруба — 4 × 3,9 м с учетом угловых выпусков. Вероятно, постройка была сложена из бревен диаметром не менее 10 см. Стены фиксировались на высоту ок. 80 см (рис. 4; Прил. 1, *7*).

Сохранность всей древесины сруба — тлен. Юго-западная стенка сруба претерпела значительные деформации вследствие давления грунта извне — вовнутрь пространства погребальной камеры.

Внутреннее пространство деревянной гробницы разделялось установленной на ребро доской на два помещения: «усыпальницу» и «кладовую». Ширина «кладовой» — ок. 1,3 м, а усыпальницы — ок. 1,7 м (рис. 8; Прил. 1, *7*).

В доске-перегородке были обнаружены лодейная заклепка и гвоздь (рис. 9; Прил. 3, Каталог, ***24, 41***; Прил. 1, *8*). Не исключено, что при устройстве камеры была использована корабельная доска. Перегородка из хвойной древесины имела высоту около 21 см. В образцах для биоморфного анализа из «усыпальницы» в значительном количестве обнаружен мох. Возможно, этот природный материал использовался для устройства подстилки.

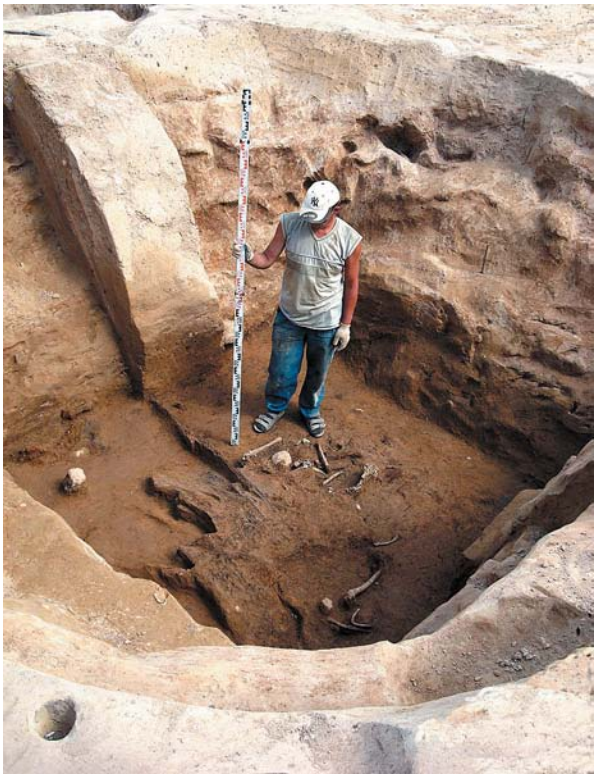


Рис. 7. Перемещенные останки камерного погребения 6 в слое заполнения могильной ямы (кв. 105, 106, 115–117, 125, 126, пласты 19–20). Вид с юго-востока

Сруб занимал центральное положение в яме, его стены располагались на расстоянии 75–83 см от ее материковых стен (рис. 8; Прил. 1, *7*).

Рис. 8. Камерное погребение 6: 1 — разделительная доска; 2 — фрагменты досок с остатками красочного слоя; 3 — кости глухаря; 4 — сундук; 5 — деревянная чаша — блюдо; 6 — свеча; 7 — чаша с серебряной оковкой; 8 — нож; 9 — кости человека. Вид с юго-востока

Рис. 9. Корабельная заклепка и гвоздь в доске — перегородке внутри сруба (кв. 116). Вид с запада

3. Пол
(Прил. 1, *7*)

В камере прослежены остатки настила, который, судя по отпечаткам в материковом дне ямы (рис. 10; Прил. 1, *9*), состоял из бревен или плах шириной 16–20 см, длиной до 2,1 м в сохранившихся фрагментах. Ориентирован он по оси северо-восток — юго-запад. Элементы настила пола опирались, вероятно, на три переводины. Юго-западное и северо-восточное бревна-переводины сохранились фрагментарно, лишь в древесном тлене. Бревно, занимавшее центральное положение в сооружении, также сохранилось в древесном тлене и отпечатке на дне могильной ямы, но есть возможность определить его длину. Длина его отпечатка составляет 380 см (рис. 8, 10; Прил. 1, *9*). Края настила пола, сохранившегося в виде древесного тлена, немного выходили за габариты сруба (Прил. 1, *7*). Выше на настиле пола были раскрыты деревянные конструкции, выполненные из элементов шириной 12–20 см, сохранившихся в длину до 2,35 м, при этом доски слегка заходили друг на друга (рис. 11; Прил. 1, *7*). Ориентирована конструкция так же, как настил пола: по оси северо-восток — юго-запад. Выложена она не на всю площадь погребального помещения и зафиксирована в северо-западной и в юго-восточной частях сруба. В центральной части, где предположительно находилось «ложе», досок пола верхнего яруса не отмечено. К северо-западной части конструкции примыкает доска-перегородка, стоящая на ребре. В доску вбита ладейная заклепка (рис. 9). Стратиграфически настил пола и деревянные конструкции были разделены прослойкой песка мощностью 3–5 см. На уровне этой деревянной конструкции, как и в доске-перегородке, была найдена корабельная заклепка. Не исключено, что рассматриваемая конструкция могла включать детали небольшой ладьи или лодки.

По определению А. А. Гольевой, при устройстве настилов использовалась древесина хвойных пород.

Захоронение

Останки в анатомическом сочленении на месте их первоначального положения отсутствовали. Отдельные целые кости и их обломки были обнаружены в слое заполнения могилы на разных высотах, в глубинном диапазоне –213–398, преимущественно в юго-восточной части могилы (рис. 7, 12; Прил. 1, *10*).

Рис. 10. Остатки центральной переводины и отпечатки пола сруба на дне ямы. Вид с северо-запада

Рис. 11. Элементы пола в юго-восточном углу сруба (кв. 115, 125, 126). Вид с северо-запада

Рис. 12. Переотложенные останки и фрагменты конструкций верхних перекрытий (серая супесь и древесный тлен) в слое заполнения могильной ямы, пл. 19. Вид с запада

Наибольшее количество костей находилось в нижней части заполнения камеры среди остатков перекрытий, в ряде случаев — над ними (рис. 7). Часть костей, видимо, не извлекалась из могилы, а была разбросана внутри камеры, в центральной части гробницы (рис. 8, 13). У юго-западной стены камеры в пределах усыпальницы на остатках дерева были обнаружены следы красочного слоя (рис. 14). Костные останки открыты за доской перегородки, делящей камеру на «усыпальницу» и «кладовую»; в пределах «усыпальницы», юго-восточнее доски-перегородки, найдены кости позвоночника, лопатки и ребра, ключица, кости руки, много фрагментов мелких разрушенных костей, нижняя челюсть (Прил. 1, *10*).

По определению антрополога Д. В. Пежемского, останки принадлежали мужчине позднего зрелого возраста — 45–55 лет (см. статью Д. В. Пежемского в настоящем томе).

Погребальный инвентарь

(Прил. 1, *8*)

Поскольку захоронение было разграблено в историческом прошлом, то сохранившиеся (незамеченные или оброненные грабителями) предметы были бессистемно рассредоточены внутри заполнения ямы и самого погребального сооружения по различным глубинным и планиграфическим ориентирам.

Находки в слое заполнения могильной ямы

В заполнении камеры на уровне –180–200 см в восточной части пятна, в прослойке серой супеси, в кв. 116, найден фрагмент керамического кругового сосуда. Пластом ниже, в кв. 126, — еще один осколок гончарного горшка. В юго-восточной части могильной ямы на уровне –258 см, в кв. 116, обнаружен третий обломок керамики. Все три находки — это мелкие обломки стенок сосудов без орнамента, вероятно, они случайно попали в заполнение вместе с грунтом просевшей насыпи, включившей в себя слои времени ограбления камеры.

На уровне –314 см в слое заполнения найден сильно корродированный железный предмет, вероятно, гвоздь (Прил. 3, Каталог, ***33***).

На глубине –382 см обнаружен фрагмент тазовой кости с деталями одежды и шестью бронзовыми грибовидными пуговицами (Прил. 3, Каталог, ***15.1***).

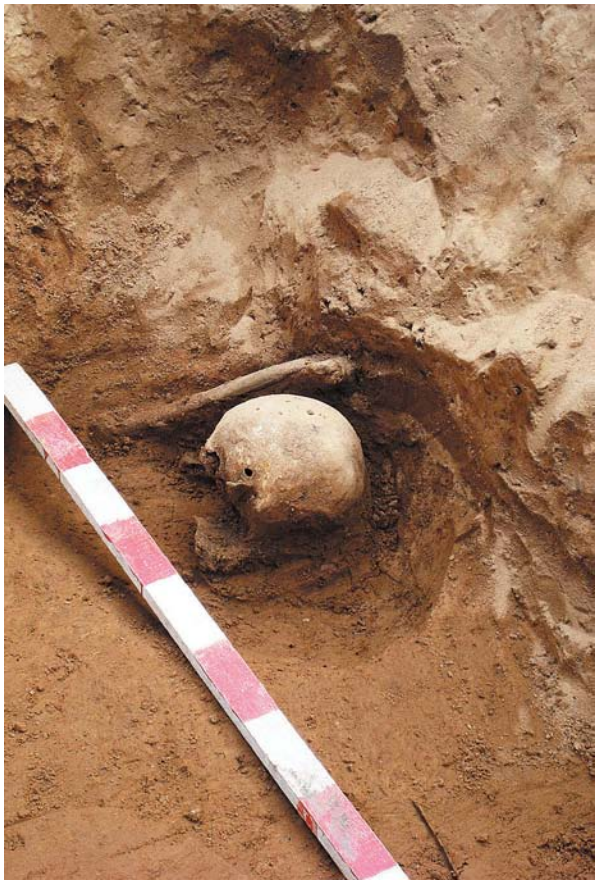


Рис. 13. Череп, кости предплечья правой руки в слое заполнения могилы (кв. 126, гл. –335). Вид с северо-запада

Рис. 14. Красочные пигменты на деревянных остатках у юго-западной стены сруба (кв. 115, 125). Вид с северо-востока

В нижней части заполнения, среди фрагментов рухнувшего деревянного перекрытия, над настилом пола находился ряд предметов, наиболее важных для датировки и интерпретации погребения. В этой стратиграфической позиции,

на уровне –394 см, в центре сруба раскрыт массивный серебряный позолоченный литой крест. (Прил. 3, Каталог, ***2***). Предмет личного благочестия имел литое овальное ушко и был снабжен серебряным кольцом для подвешивания. По лицевой поверхности украшен чернью и золочением (рис. 15). Кольцо из круглой проволоки диаметром 2 мм, овально-вытянутое, завязанное «скандинавским» узлом, с двойной петлей по верхнему краю (рис. 16). Общий вес предмета (с кольцом) — 14,97 г. Высота креста (с ушком) — 5,4 см, размах лопастей — 4,6 см.

Обнаруженный в погребении 6 крест относится к типу так называемых «скандинавских». Традиция такого типологического наименования восходит к работе А.А. Спицына о древностях Владимирских курганов (Спицын, 1905, с. 117). Наиболее обстоятельный обзор подобных артефактов выполнен М.В. Фехнер, которая описывает их как «подвески в виде равноконечного креста с рельефным орнаментом на лицевой стороне», расширенные концы которых украшены тремя выпуклыми дисками (рис. 17), а средокрестие имеет узор из концентрических кругов или

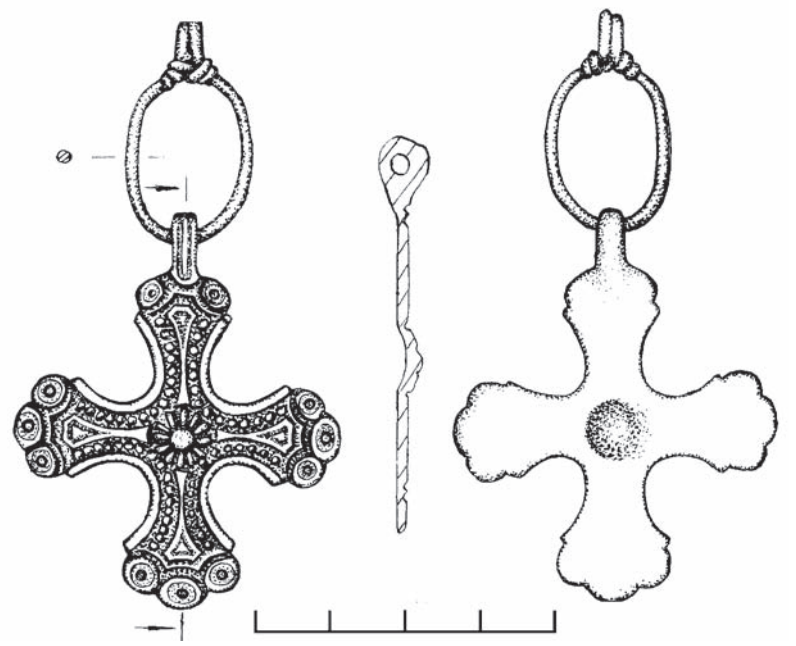


Рис. 15. Нательный серебряный крест из камерного погребения 6 (рисунок)

Рис. 16. Серебряное кольцо креста

Рис. 17. Лопасть нательного креста (серебро, позолота, чернь)

Рис. 18. Узор средокрестия (серебро, позолота, чернь)

из ромба с вписанными в него кругами (рис. 18). Все известные крестики изготовлены в технике литья из серебра или из бронзы. Их размеры варьируют в следующих пределах: высота — 2–6 см (с ушком), ширина — 1,6–5,4 см. Крупные кресты (5,4 × 6; 4,7 × 5,6 см) встречаются редко (Фехнер, 1968, с. 210). Исследовательница учла находки 73 экземпляров этого типа из более чем 32 пунктов. Она датировала большинство крестов «скандинавского» типа с территории Древней Руси XI и XII вв., а их появление относила к концу X в. М. В. Фехнер отмечала вслед за Спицыным немногочисленность крестиков «скандинавского» типа в Среднем Поднепровье (всего 4 находки) и выделила две зоны их концентрации — в бассейнах верхнего Днепра, Сожа, Ипути и в междуречье Нерли и Клязьмы — 13 находок из Владимирских курганов. Зона «разреженной» встречаемости таких крестиков охватывает Северо-Восток и Северо-Запад Руси — от Костромского и Ярославского Поволжья на востоке до Псковской земли на западе. Известны они и в 3 могильниках Карелии (Седов, 1984, с. 33, 34, 37). Вне территории Древней Руси крестики «скандинавского» типа найдены в Швеции — в 6 пунктах, Норвегии — в 3 пунктах, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии. Единичные находки известны в Западной Украине, в Пермском крае и в Боснии.

Кресты, типологически близкие экземпляру из 6-й камеры, найдены при раскопках в Пскове, Твери, Саркеле (Фехнер, 1968, с. 213) и в Новгороде (см. статью Н. В. Ениосовой в настоящем сборнике). Один из них, наиболее близкий псковской находке по стилистике оформления, встречен в составе клада XI — нач. XII в. близ с. Крыжово Новоржевского уезда Псковской губернии (Корзухина,1954, с. 99, 100, табл. XVI).

В диссертационной работе 2006 г. о христианских древностях населения Пскова и Псковской земли Ю. В. Колпакова отметила 8 экземпляров крестиков «скандинавского» типа кон. X — 1-й четв. XI в. География их распространения включает Псков (Довмонтов город и территорию восточной части древнейшего посада) и Труворово городище (Колпакова, 2007, с. 7). Анализируя материалы раннесредневекового Изборска относительно рассматриваемой группы предметов личного благочестия первых русских христиан, В. В. Седов считал, что «подобные крестики появились на территории Древней Руси в конце X в. и широко бытовали в основном в течение одного столетия. Из Руси они проникли в Скандинавию, где встречаются заметно реже, чем на Восточно-Европейской равнине (Седов, 2007, с. 393).

Крест из камерного погребения 6 выделяется на фоне остальных крупных образцов «скандинавского» типа редкими для своего времени приемами нанесения элементов декора — чернью и золочением. Этот драгоценный предмет, вероятно, мог быть изготовлен в великокняжеской мастерской. Не исключено, что этот крест и подобные ему драгоценные произведения искусства середины X в. послужили образцами для развития крестов «скандинавского» типа.

На отметке –400, в сером супесном слое обнаружен роговой складной гребень-расческа (рис. 19). Здесь же отмечены гвозди из конструкции камеры, свободно лежащие в нижнем слое заполнения камеры.

Рис. 19. Фрагменты складного костяного гребня до реставрации

Часть вещей была обнаружена на уровне пола гробницы. Внутренняя планировка погребальной камеры определила основные топографические комплексы находок, связанные с «кладовой» и «усыпальницей».

«Кладовая»
(Прил. 1, *8*)

У юго-западной стены камеры обнаружены металлические части чаши, изготовленной из дуба (определение выполнено доцентом ПГУ к. б. н. И. Г. Соколовой) (рис. 20). Чаша находилась в перевернутом положении. Край сосуда отделан серебряной оковкой, прикрепленной к деревянной основе серебряными гвоздиками. Диаметр оковки по внешнему краю — 13,8 см, ширина — 0,6, высота — 0,7–0,6 см. Толщина серебряной пластины — 0,5 мм, верхний край оковки закруглен. Общий вес декоративной части с ручкой и гвоздиками — 35,41 г. Оковка ручки была изготовлена отдельно и затем приварена к ободку чаши встык. Ширина ручки у основания — 8,7 см, длина в центральной части — 3,5 см. Пластина ручки украшена растительным орнаментом, обрамленным плетением из лент. Пространство между лентами, растительными завитками, криновидными фигурами и полупальметами заполнено чернью. Центр композиции составляют две криновидные фигуры, отделенные друг от друга по вертикали крупным узлом из двойных лент. По краям орнаментальная композиция завершается двумя длинными полупальметами (Прил. 3, Каталог, ***3а*, *б***).

Точенные на токарном станке плоскодонные деревянные чаши с плоской горизонтальной ручкой встречаются в Старой Ладоге в слоях IX в., в Новгороде — в слоях X и нач. XI в., известны в Скандинавии (Давидан, 1995. с. 162, 163).

Найденная чаша — довольно крупный предмет пиршественной утвари, изготовленный с большим мастерством в редкой и сложной технике, указывающей на его высокую стоимость. Шведские исследователи предположили, что «пиршественные наборы» с кубками, рогами, ведрами и чашами принадлежат к инвентарю только знатных скандинавов (Trotzig, 1991, p. 119–137).

Под чашей в остатках берестяного футляра лежали орнаментированное коромысло

Рис. 20. Серебряная оковка деревянной чаши с вложенными в нее бронзовыми чашечками весов (кв. 115, in situ). Вид с северо-востока

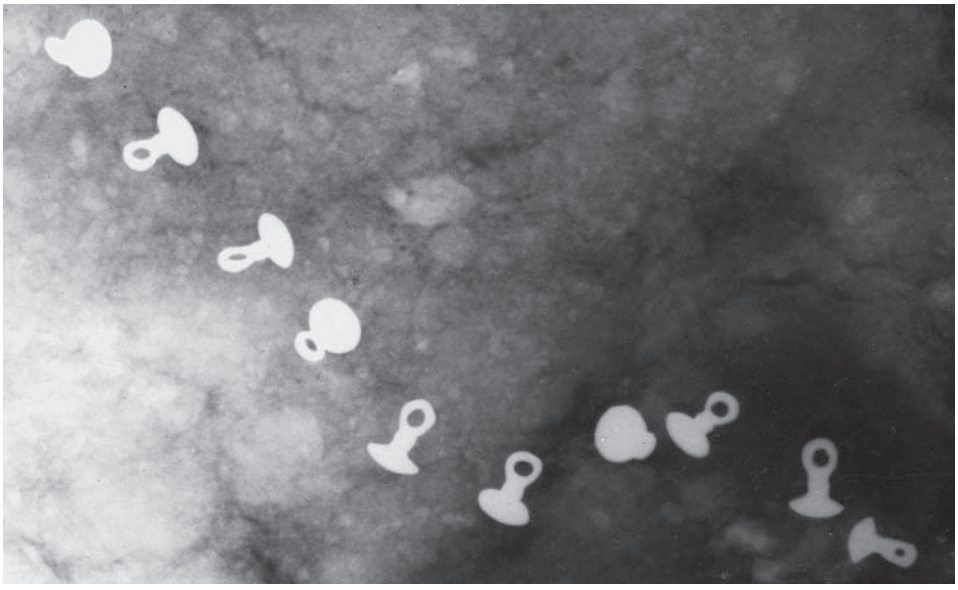


Рис. 21. Рентгенограмма грунтового монолита с серебряными пуговицами

и две чашки равноплечных бронзовых весов (Прил. 3, Каталог, ***9***). В чашечках весов находились два серебряных дирхема (половина дирхема и целая куфическая монета с двумя дырочками для привешивания) (Прил. 3, Каталог, ***5, 7***) и медная византийская монета (Прил. 3, Каталог, ***4***).

По определению Герта Рисплинга, половинка дирхема — монета Саманидов, халифа аль-Муктадира, эмира Насра ибн Ахмада, предположительно чеканенная в Балхе в 312–315 гг. хиджры (ок. 924–928? гг.), весом 1,48 г (Прил. 3, Каталог, *7*). Подвеска — монета Саманидов, халифа аль-Мустакфи, эмира Нух ибн Насра, чеканенная в Самарканде, датированная 342 г. хиджры (953/54 гг.), весом 2,45 г (Прил. 3, Каталог, *5*)[1]. Восточноримская монета плохой сохранности — византийский фоллис Романа I Лакапина, византийского императора (920–944 гг.). По определению П. Г. Гайдукова, этот монетный тип датируется 931–944[2] гг. (Прил. 3, Каталог, ***4***).

Таким образом, нумизматические находки по датам чеканки укладываются в интервал 924–953/54 гг. Наиболее поздняя монета — дирхем 953/54 гг., определяющая terminus post quem погребения, какое-то время находилась в составе ожерелья.

Под чашей лежала небольшая серебряная проволочная серьга с заходящими концами (Прил. 3, Каталог, ***17***). Рядом обнаружен железный нож с остатками деревянной рукояти (Прил. 3, Каталог, ***19***). Всё это, включая чашу, располагалось на остатках тканой одежды (подробно см. статью Е. С. Зубковоой, О. В. Орфинской в настоящем томе). От одежды сохранился фрагмент ткани с серебряными грибовидными пуговицами (всего 14 экземляров) (рис. 21; Прил. 3, Каталог, ***12, 13, 13.1***; Прил. 3, Каталог, ***14.1–14.5***). Примерно в центре «кладовой», ближе к разделительной доске, были выявлены остатки большой плоской деревянной чаши (или блюда?). От нее сохранилось лишь пятно тлена характерной круглой формы диаметром ок. 40 см. В пятне чаши лежали кости курицы.

У стены стояла большая конусовидная восковая свеча высотой 10,5 см, диаметром в основании — 10 см, в верхней части — до 4,3 см (рис. 22; Прил. 3, Каталог, ***10***).

У северо-восточной стены находился вместительный деревянный сундук с железными оковками и большим количеством крупных выпуклых железных заклепок по внешней стороне (рис. 23). По бокам в верхней части приклепаны массивные кольца для ручки. Ручка не сохранилась, железные оковки и заклепки плохой сохранности. Железо деструктурировано. Диаметр сундучных заклепок составляет 5–8 см (Прил. 3, Каталог, ***22***). Сундук округло-овальной формы. Диаметр в плане — около 57 см, высота

[1] Сердечно благодарим хранителя Королевского нумизматического кабинета Стокгольма (Kunigliga Myntakabinettet Stockholm) господина Герта Рисплинга за определение арабских монет из погребения 6, специально сделанное для настоящей публикации.

[2] Сердечно благодарим заместителя директора ИА РАН, члена-корреспондента РАН Петра Григорьевича Гайдукова за помощь в определении византийской монеты из камерного погребения 6.

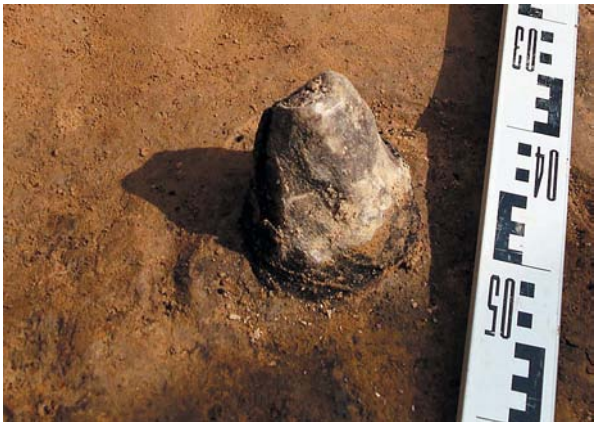


Рис. 22. Восковая свеча (кв. 105, in situ). Вид с юго-востока

на момент фиксации — 27 см. Внутри сундука ничего не сохранилось.

Около сундука стояло деревянное ведро с железными бондарными кольцами и ручкой. Диаметр по верхнему кольцу — около 20 см, по нижнему — 18 см. Найдено 5 бондарных колец. Реконструируемая высота ведра — 27 см (рис. 24; Прил. 3, Каталог, ***21***).

К местоположению ведра и сундука примыкала доска с красочным слоем. Вероятно, изначально она стояла вертикально и опиралась на сундук и ведро (Прил. 3, Каталог, ***23***). Этой удивительной находке посвящена отдельная статья Н. М. Ткачевой в настоящем издании. Сохранился фрагмент размером 3,5 × 24,3 см тончайшего древесного основания с темперной росписью. Красочный слой, нанесенный на незагрунтованную доску, выполнен с использованием нескольких пигментов: свинцовых белил, красной и желтой охры, угольного черного (рис. 25).

На сохранившемся фрагменте изображения видна часть окружности, состоящая из нескольких концентрических цветных линий.

По краю далее идет более широкая полоса дымчатого цвета (черная в разбеле), украшенная фактурно нанесенными белилами «жемчужинами». Далее — узкая полоса красной охры, затем — широкая, выполненная охрой желтой (в разбеле?), украшенная черными «жемчужинами». Внутренняя узкая полоса выписана красной охрой. Цвет фона внутри окружности почти не сохранился, но по отдельным фрагментам можно предположить, что он был желтым. Внутри окружности фрагментарно читаются изображения крупных завитков. Завитки выполнены фрактурно настенными белилами и обведены

Рис. 23. Железные оковки и заклепки сундука (in situ, кв. 106). Вид с юго-запада

красной охрой. С одной стороны окружности — большой фрагмент почти белого фона, на котором сохранилась часть изображения, имеющего одну наружную линию, перпендикулярную окружности. Внутри фрагмента просматриваются остатки изображения жемчужин и мелкого растительного орнамента, выполненного черной краской (рис. 26).

В византийской живописи IX–X вв. достаточно часто встречаются изображения нимбов, украшенных жемчужинами, а в изображении одеяний святых эта традиция продолжается и позднее.

Технологические и стилистические аналогии открытой росписи обнаруживаются в средневековой живописи Скандинавии. В частности, церковная роспись X в. на дереве, не имеющем грунта, на о. Готланд (Lagerlof, 1999, p. 54–72).

Допустимыми композиционными аналогиями нашему фрагменту могут быть и некоторые изображения в росписях церквей, выполненных византийскими мастерами в Гарде, Каллунге и Мастерби на Готланде.

Самая ранняя каменная церковь — в Гарде, датирована 1140 г. На одном из участков росписи между двумя святыми изображен крест, вписанный в круг. Между лопастями креста размещены крины.

Рис. 24. Оковки ведра in situ (кв. 106). Вид с юго-востока

Поясное изображение святого со щитом в руке, на котором изображен процветший кринами крест из церкви Каллунге, датировано 1100 г.

Рис. 25. Остатки доски с фрагментом полихромной росписи in situ (кв. 106) в процессе раскрытия. Вид сверху, с юго-запада. На фотографии: 1 — доска; 2 — ведро

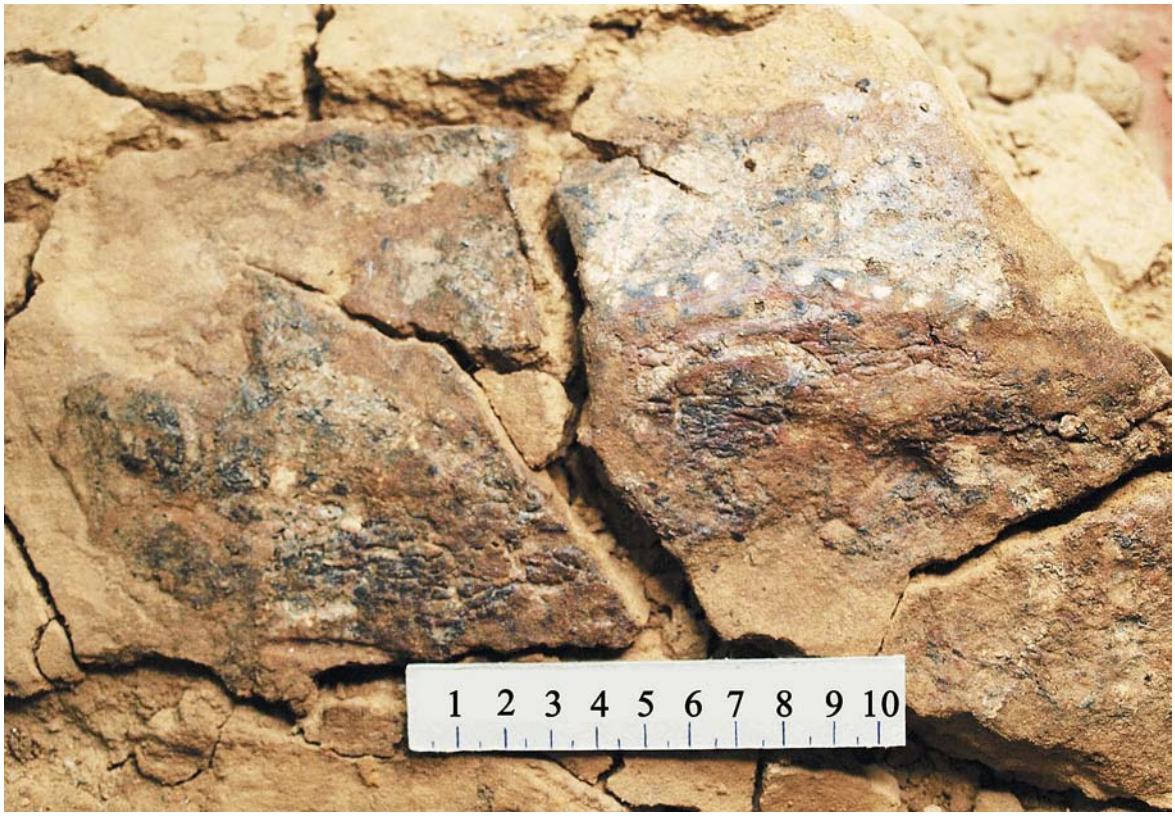


Рис. 26. Остатки доски с фрагментом полихромной росписи в процессе реставрации

Вероятно, более точных, прямых аналогий мы не найдем, но тематика и основа изображения на доске из шестого камерного погребения, на наш взгляд, лежат в рамках приведенных аналогий.

В северо-восточной части «кладовой», практически в стенке перегородки было найдены фрагменты двух треугольных ледоходных шипов очень плохой сохранности (Прил. 3, Каталог, ***25, 27***).

«Усыпальница»
(рис. 8; Прил. 1, *7–8*).

Место первоначального упокоения погребенного определяется по локализации темного органического слоя, который, вероятно, перекрывал костяк. Подобный слой зафиксирован и в камерах 4, 5, 7, 8. Положение костяка может быть определено и по остаткам деревянного расписного изделия, изготовленного из планок, — ложа или кресла, сделанного из сосны и занимавшего центральное положение у юго-западной стены гробницы (рис. 14; Прил. 3, Каталог, ***43***). Предположительно «в головах» и «в ногах» погребенного найдены скелеты обезглавленных птиц. «В изголовье» предполагаемого начального местоположения останков (у центральной части юго-западной стены) лежала часть костяка петуха, другая часть скелета осталась под «креслом». «В ногах», на полу камеры, — скелет глухаря-петуха (рис. 27)[1].

Находка этой птицы напоминает о представлениях скандинавской мифологии о петухе Сальгофнире, который пробуждает эйнхериев в Вальхалле, дворце Одина. Во второй песне о Хельги Убийце Хундинга есть такие слова: «Ехать пора мне по алой дороге на бледном коне по воздушной тропе. Путь мой направлю на запад от неба прежде, чем Сальгофнир героев разбудит» (Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга, с. 49). Однако еще более интересные и близкие аналогии использованию птиц в погребальном обряде просматриваются в другом, давно опубликованном памятнике средневековой литературы. В известном трактате арабского дипломата Ахмеда Ибн Фадлана о путешествии на Волгу в 921–922 гг. и сделанном им описании похорон знатного руса жертвоприношения петухов и кур (с отрубанием им голов и помещением в погребальный корабль) фигурируют

[1] Определение костей птиц выполнено орнитологами, кандидатами биологических наук Л. С. Щеблыкиной, Л. П. Урядовой (кафедра зоологии ПсковГУ).

Рис. 27. Скелет глухаря на месте предполагаемого местоположения погребенного, предположительно «в ногах» (кв. 116). Вид с северо-востока

трижды в ходе описания обряда (Ковалевский, 1956, с. 145, прим. 802). «Когда же они с этим делом покончат (подготовка наложницы, “снаряжение корабля”. — *Авт.*), то, разделив пополам собаку, бросают ее внутрь корабля, а также, отрезав голову петуху, бросают [его и его голову] справа и слева от корабля» (Ковалевский, 1956, с. 145).

Помещение двух ритуально обезглавленных птиц в «усыпальницу» камеры 6, на наш взгляд, свидетельствует о схожести элементов обряда перехода в потусторонний мир с приведенными в рассказе Ибн Фадлана. Наличие в конструкции камеры 6 судовых деталей предполагает уместность сопоставления зафиксированных здесь особенностей ритуальных действий с обрядом похорон знатного руса.

Некоторые предметы, вероятно, изначально находились на останках погребенного, но при вторжении были перемещены.

В центральной части усыпальницы обнаружен небольшой комплекс находок. Всего в его составе: железный нож с деревянной рукоятью, обвитой серебряной проволокой (рис. 28; Прил. 3, Каталог, ***18***); содержимое кожаного кошелька или небольшой сумы: дирхем (Прил. 3, Каталог, ***6***) и маленький золотой самородок (слиток?) (Прил. 3, Каталог, ***16***); серебряная подвеска со знаком Рюриковичей.

Дирхем — эмира Наср ибн Ахмада, аш-Шаш (914–943 гг.), вес 4,48 г[1].

Подвеска, обнаруженная на полу камеры, связана с фрагментом одежды из ткани полотняного переплетения (рис. 29) (подробно см. статью Е. С. Зубковой, О. В. Орфинской в настоящем томе). Подвеска представляет собой цельнолитую трапециевидную серебряную пластину со слегка выпуклыми краями и слабо скругленными углами. Высота трапеции — 4,2 см, длина верхнего, меньшего основания — 2,3, нижнего — 3,2 см. Подвеска увенчана подтреугольным ушком высотой 0,7 см, развернутым в плоскости перпендикулярно полю подвески. Толщина ушка от 0,15 см вверху до 0,7 см внизу. Диаметр отверстия — 0,25 см. В отверстие продето кольцо из серебряной проволоки, завязанное «скандинавским узлом». Диаметр кольца — 1,5 см. Сечение проволоки — 0,15 см. Сохранность металла хорошая, лишь местами пластина покрыта небольшой темной патиной. Обе стороны подвески

[1] Определение господина Герта Рисплинга, хранителя Королевского нумизматического кабинета, Стокгольм.

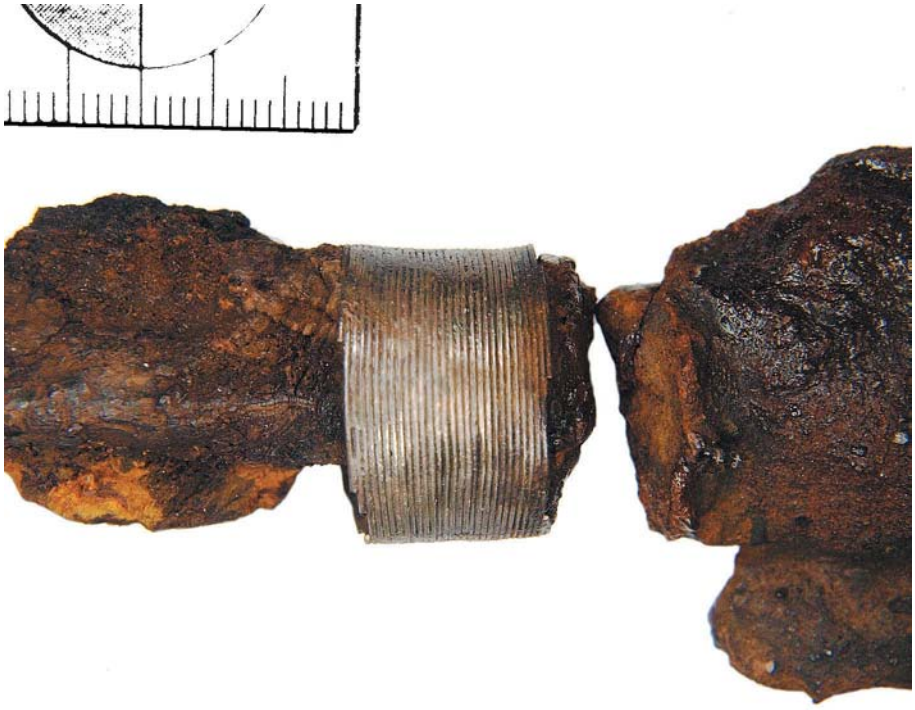


Рис. 28. Деревянная рукоять ножа, обвитая серебряной проволокой (фрагмент)

Рис. 29. Комплекс предметов из центральной части «усыпальницы»: 1 — серебряная подвеска; 2 — диргем; 3 — бронзовое кольцо для привешивания предметов; 4 — нож железный (кв. 116). Вид с юго-востока

содержат изображения, выполненные в технике черни (Прил. 3, Каталог, ***1***).

На одной стороне изображен двузубец — родовой знак Рюриковичей. Между отрогами помещено изображение ключа, в котором узнается ключ от нутряного замка первого типа по Б.А. Колчину (Колчин, 1982, с. 161).

На другой стороне — схематичное изображение хищной птицы с головой, повернутой влево. Голова увенчана крестом с расширяющимися лопастями. Две поперечные черточки на шее, вероятнее всего, обозначают ошейник охотничьей птицы. Туловище передано двумя параллельными линиями в виде подтреугольной фигуры с небольшим заостренным выступом внизу (хвост?). Парные косые линии по углам внутреннего треугольника, скорее всего, изображают лапы. Столь обобщенное изображение птицы крайне необычно для европейской иконографии X в.

Мы считаем, что подвеска из шестой камеры предназначена для ношения поверх одежды. Многочисленные микродефекты — потертости и небольшие утраты черни со стороны птицы, могут указывать на то, что подвеска чаще всего носилась двузубцем к зрителю, птицей — к владельцу.

Вероятно, подвеска — инсигния власти, делегированной погребенному в шестой камере лицу князем — обладателем двурогой эмблемы с ключом. Может ли ключ служить знаком «должности» погребенного? Исходя из того, что мы знаем о подобных предметах, скорее всего — нет. Во всех известных нам случаях княжеские двузубцы и трезубцы на монетах, подвесках, печатях не осложнены какими-либо «посторонними» знаками, не относящимися к символике суверена. В настоящее время известны лишь три подобные подвески X в. с изображением двузубца: две серебряные и одна костяная.

Первая — случайная находка из Гнёздова. На лицевой стороне изображен двузубец, на оборотной — стяг. Подвеска хранится в частной коллекции (Белецкий, 2003, с. 385).

Вторая найдена при раскопках городища Каукай (Литва) в слое, широко датируемом VIII–XIV вв. (Белецкий, 2003, с. 385). На лицевой стороне — изображение двузубца с крестовидной ножкой, на оборотной — рисунок стяга, перекрытого схематичным изображением «турьего рога» (Белецкий С. 2003, с. 385).

Третья — костяная подвеска с Троицкого раскопа в Новгороде — происходит из слоя третьей четверти X в. Комментируя подвеску, В.Л. Янин пишет: «На одной ее стороне изображен простой двузубец; впоследствии другая сторона была снабжена рисунком трезубца, а на знаке лицевой стороны дополнительно процарапан средний зубец, что было сделано очень легким штрихом. Поскольку дата слоя совпадает со временем перехода Новгорода от Святослава к Владимиру, а трезубец является, несомненно, тамгой Владимира, двузубец лицевой стороны может быть отнесен только к Святославу» (Янин, 1982, с. 149).

На нашей подвеске между двумя зубцами помещен ключ. Среди знаков Рюриковичей такое изображение встречено впервые. Наиболее вероятным кажется предположение о значении ключа на подвеске как символа регентских полномочий Ольги, которая должна была распоряжаться родовым двузубцем ранних Рюриковичей по праву замужества и материнства, пока наследник был малолетним (945–964 гг.).

Что касается родового двузубца ранних Рюриковичей, то он входит в небольшую группу «парадных» изображений, в которых «ножка» знака оформлена в виде характерного узла. Эта серия начинается изображением на гнёздовской подвеске, знаки на которой, скорее всего, относятся к временам Игоря (до 945 г.), и продолжается двузубцами на монетах Святополка Ярополчича (1015–1019 гг.).

Аналогии изображению птицы с крестом на голове с оборотной стороны подвески находим в статье Г. Рисплинга «Монеты с крестами и головами птиц — христианские имитации исламских монет?» (Rispling, 1987, p. 78–79). Г. Рисплинг среди прочих выделяет тип северных подражаний куфическим дирхемам с изображением птицы с крестом. Исследователь предлагает версию чеканки монет с изображением птицы, увенчанной крестом, одним из русских князей. Сообразуясь с датировками, он считает, что монету мог чеканить Игорь (Rispling, 1987, p. 84). На монете изображен крест, но, согласно источникам, русские князья до Владимира не были крещены. Первой христианкой в великокняжеской семье была Ольга. Вероятнее всего, эта эмиссия исходила от княгини Ольги. На наш взгляд, есть все основания считать птицу на псковской подвеске репликой изображения, аналогичного встреченному на монетах первого вида, или предположить для них общий прототип. Мастер, изготовивший подвеску, тщательно повторил все основные детали изображения на монете, слегка упростив и схематизировав их (подробнее см. статью Т.Е. Ершовой, А.В. Яковлева в настоящем томе).

Яма

Обширная яма, в которой помещался погребальный комплекс, размером 5,40 × 5,47 м была вырыта в плотном красноватом суглинке (рис. 30, Прил. 1, *11*). Почти квадратная в плане, со скругленными углами и обрывистыми неровными стенками сложного профиля. В верхней части, до уровня –210–220, стенки образуют пологую ступеньку. Дно плоское, зафиксировано на глубине –2,2–2,45 м от уровня материковой поверхности, довольно ровное. Вдоль центральной оси, под бревном-переводиной, образовалось неглубокое (4–5 см) вдавление-отпечаток, свидетельствующее о значительной нагрузке на конструкцию в этом месте (рис. 10).

Заключение

Погребение 6 — захоронение мужчины 45–55 лет, выполненное в одной из наиболее значительных по размерам деревянных камер в составе открытой части Старовознесенского некрополя. На основании нумизматического материала очевидно, что погребение относится ко времени после 953/954 г. (дата чеканки самой младшей из монет, вошедшей в состав погребального инвентаря).

Несмотря на ограбление, сохранившиеся находки достаточно представительны и информативны. Можно предполагать, что при расхищении были взяты оружие и наиболее драгоценные вещи.

Наиболее ценной находкой вещевого комплекса, на наш взгляд, является раритетная подвеска с изображениями двузубца «старших Рюриковичей» и птицы с крестом на голове. Она прежде всего характеризует своего хозяина как человека, имевшего высокий социальный статус и неразрывно связанный с ним значительный уровень достатка. Это подтверждают и другие предметы.

В погребении найдены три драгоценных серебряных предмета с чернью: нательный крест, подвеска со знаком Рюриковичей и оковка деревянной чаши. Серебряные вещи с чернью в инвентаре погребений X в. крайне редки и необычны. Т. И. Макарова, изучая становление черневого дела Древней Руси, пришла к выводу, что эта элитная технология декорирования драгоценных изделий была прочно освоена русскими ремесленниками только во второй половине XI в. (Макарова, 1986, с. 33). К этому времени относятся первые небольшие серии серебряных витых щитковоконечных браслетов с очень небольшими черневыми элементами на щитках. Появление отдельных вещей с черневым декором в X — нач. XI в. исследовательница объясняла деятельностью высококлассных иноземных мастеров, которых первым киевским князьям удавалось разными способами заполучить для работы в своих мастерских. Т. И. Макарова отмечает, что на первых порах своего развития черневое дело связано в первую очередь с изготовлением драгоценных атрибутов княжеско-дружинного быта и оружия, а не ювелирных изделий (Макарова, 1986, с. 33). Ближайшим «донором» этого сложного ремесла стали, вероятнее всего, мастерские Хазарского каганата. В этом государстве к X в. существовала уже не менее чем 200-летняя традиция черневого дела. Чернью украшались прежде всего элементы поясной гарнитуры. К X в. относится единственный браслет, декорированный в этой технике (Макарова, 1986, с. 25–33).

Древнейшим русским изделием, изготовленным с применением черни, является знаменитый рог из кургана Черная могила. Черневый декор использован не на центральном панно с мифо-

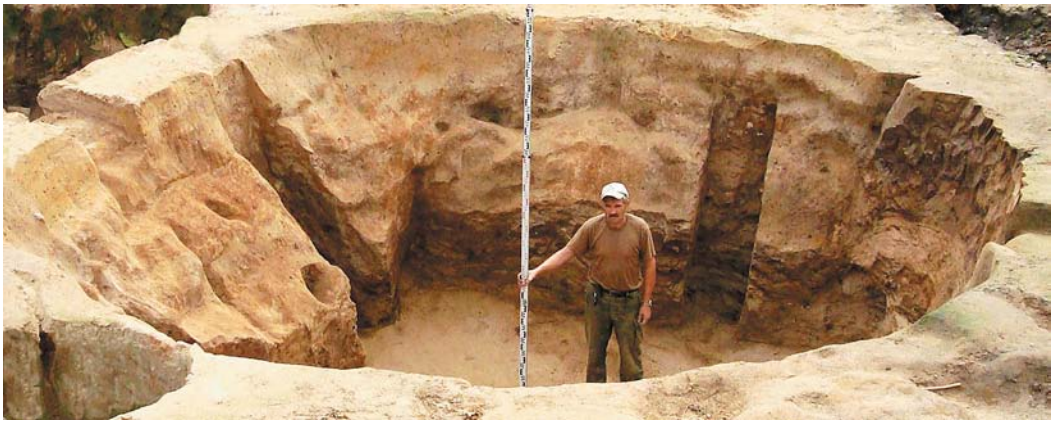


Рис. 30. Общий вид ямы после снятия деревянных остатков сруба. Вид с юга

логическими сюжетами, а на пояске, обрамляющем верхнюю часть рога. Чернь применялась и в декоре поясных бляшек из кургана Гульбище. Изделия с чернью из камерного погребения 6 — символ религиозной принадлежности (крест), атрибут властных полномочий (подвеска), предмет драгоценной пиршественной утвари (оковка чаши) — соответствуют представлениям о продукции великокняжеской мастерской X в. как «тесно связанной с воинским бытом» (Макарова, 1986, с. 29). Наличие трех столь незаурядных вещей с чернью подчеркивает высокое общественное положение погребенного, его тесную связь с великокняжеской семьей.

T. E. Ershova

Chamber Grave 6

(3, Nekrasova str.,
Podznoevsky excavation XII, 2008)

Summary

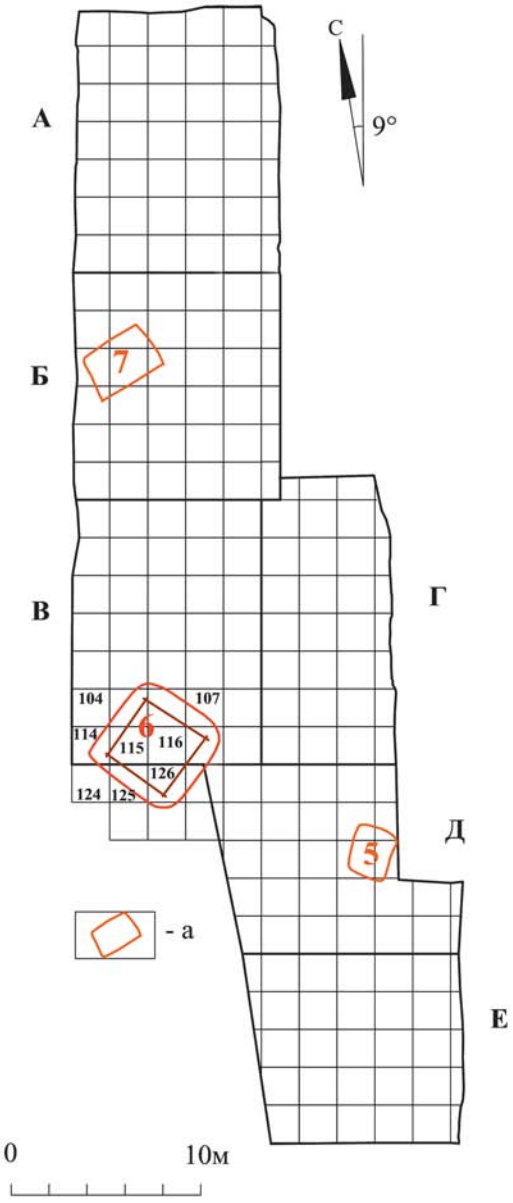
The sixth chamber grave was discovered in summer 2008, in the course of rescue archaeological excavations at the construction site of the cultural and entertainment complex "Podznoev's Yard". The chamber grave was discovered after completion of the study of cultural deposits of the medieval city posad.

The burial spot in a plan was limited by an oval closed-loop bandwidth, up to 0.8 m wide, consisting of large white sand. The maximum spot size in length was up to 7.2 m. The layer stratigraphy reflected the process of soil mound, once held on the decks, sinking into a pit. The upper deck of the grave chamber was kept on at least 3 joists. The tomb was of carcass construction. The log frame occupied the central position in the pit, the walls were located at a distance of 0.75–0.83 m from its mainland walls. The size of the frame was 4 m × 3.9 m with the angle issues. Probably the construction was built of logs with a diameter of not less than 10 cm. The walls were fixed approximately 0.8 m high. The interior of the wooden tomb was divided into two "rooms": "a tomb" and "a store room" by a ship board from softwood placed on the edge. The size of the "store room" on a plan is approximately 1,1 × 2.6 m, of the "tomb" — approximately 2.8 × 1.75 m. In the chamber the remains of the floor, which consisted of logs or timbers 0.16–0.20 m wide and 2.1 m long were traced. The remains of the buried in the original position were absent. Separate whole bones were found in the grave filling layer at different altitudes, mainly in the south-eastern part of the grave. Part of bones, apparently, was not removed from the grave, and they were scattered in the chamber, in the central part of the grave. The remains belonged to a man in his late adulthood of 45–55 years of age. Though being robbed, the preserved things complex is representative enough. The most valuable find is a rarity silver pendant with a picture of a dyodent (two pronged) of "senior Rurikovichi" on one side and a bird with a cross on the head on the other. It characterizes its owner as a person of high social status. In addition, in the grave there were found two more precious silver nielloed objects: a body cross, and a binding of a wooden bowl. The presence of the three so exceptional nielloed things highlights the high social position of the buried, perhaps, his close relations with the ruling Princely dynasty. The numismatic material allows to date the grave by the third quarter of the Xth c. (after the year 953/954, the date of minting of the "youngest" of the coins later used as a pendant).

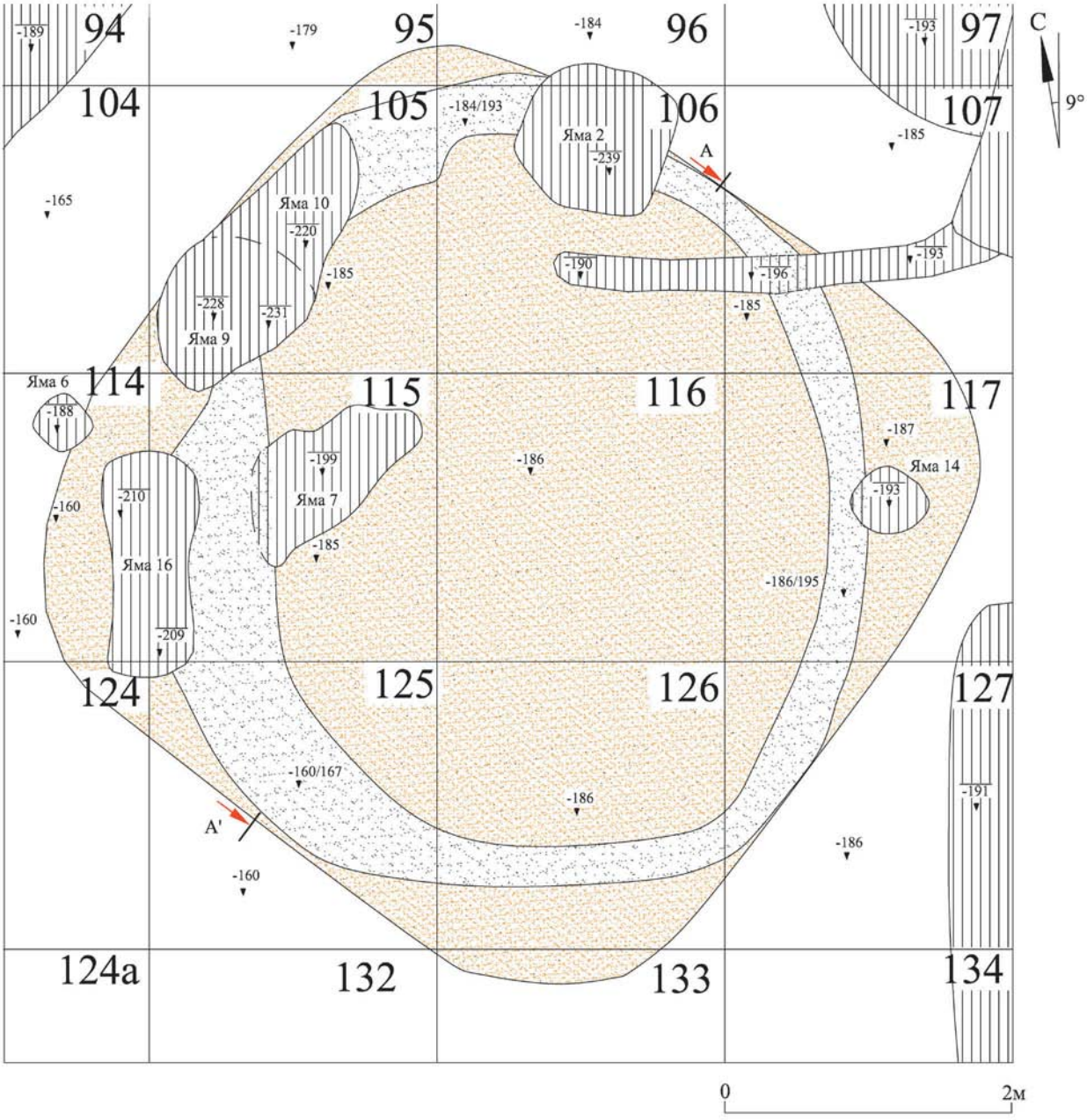
Приложение 1

ЧЕРТЕЖИ
Камерное погребение 6
Подзноевский XII раскоп, 2008 г.

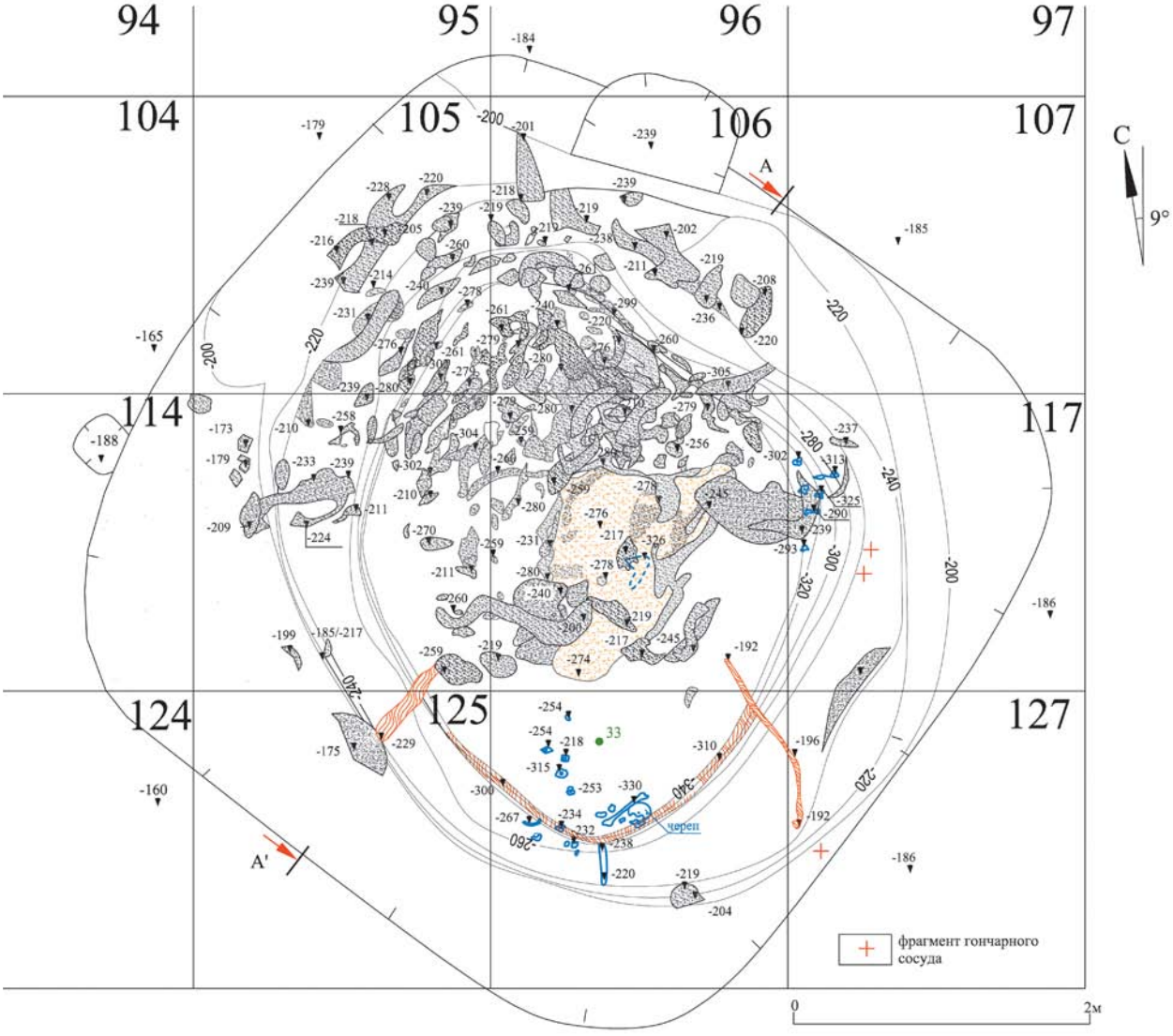
DRAUGHTS
Chamber Grave 6
Podznoevsky XII excavation, 2008 year



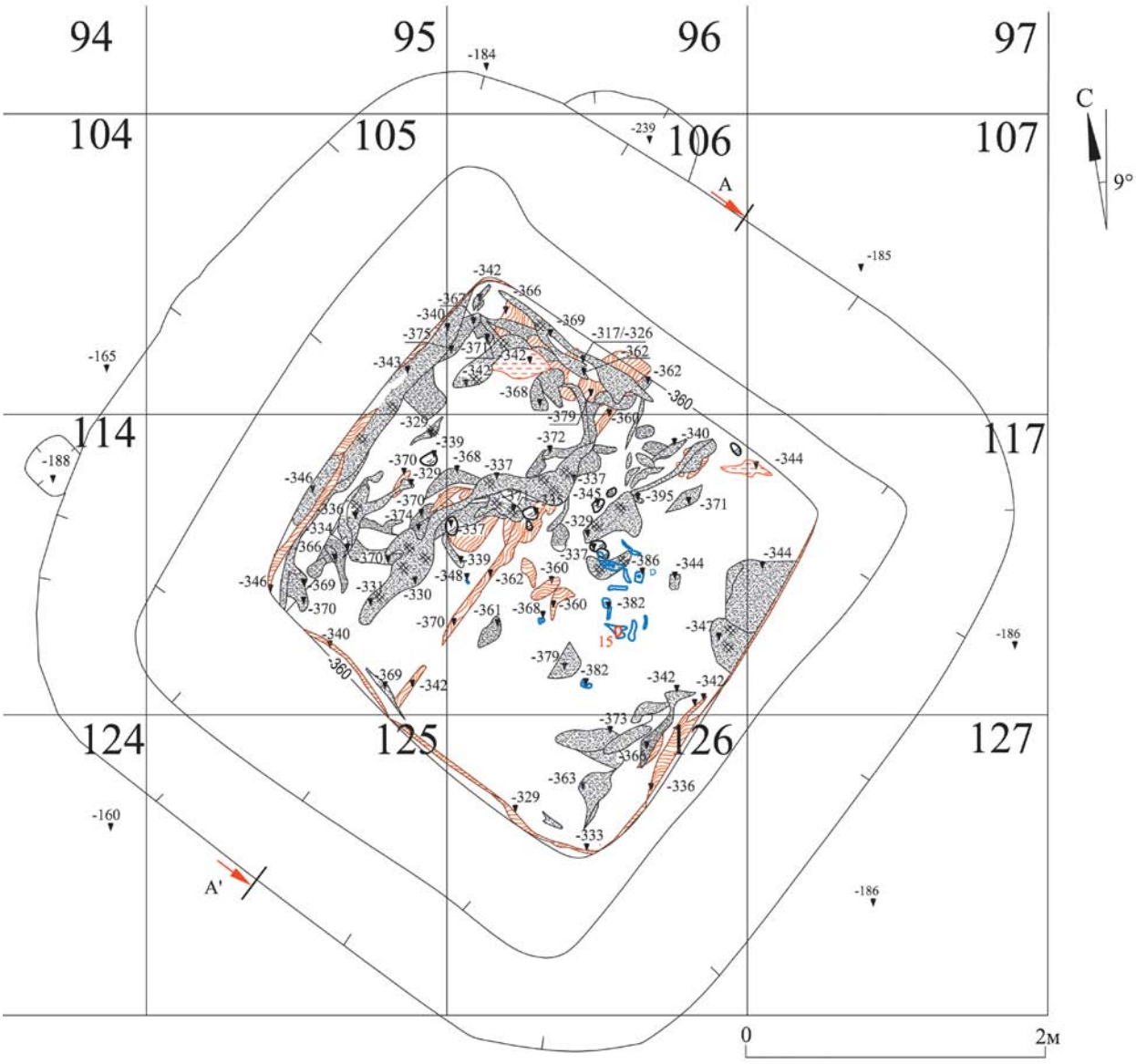
1. Схема расположения камерного погребения 6. Подзноевский XII раскоп:
а — камерные погребения 5 и 7



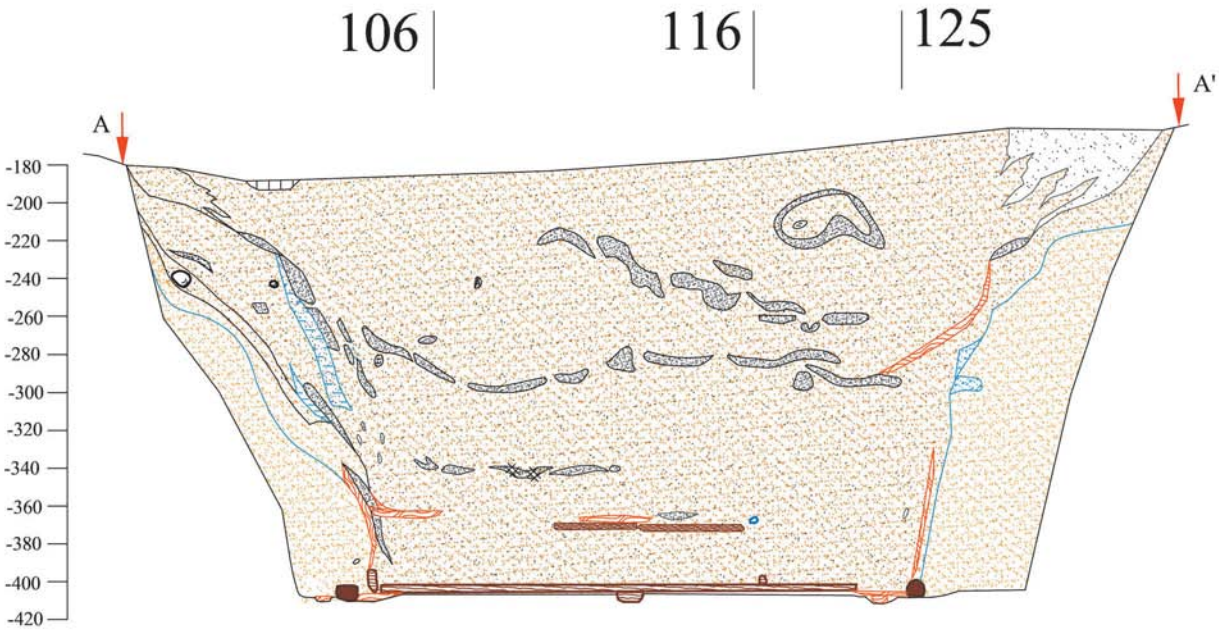
2. Пятно ямы камерного погребения 6 на уровне материка



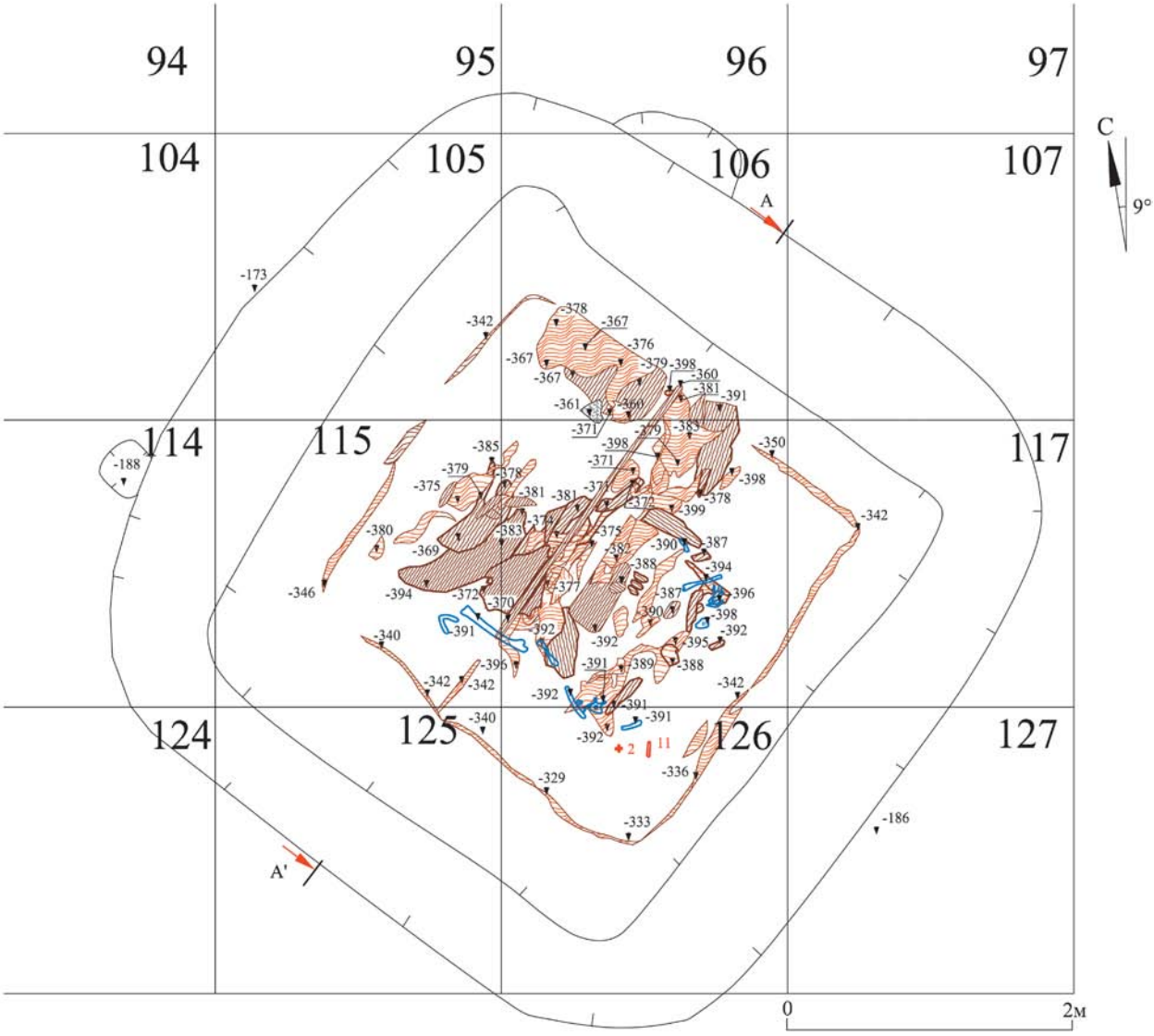
3. Сводный план пятен серой супеси, фрагментов деревянных перекрытий, отдельных разрозненных костей в заполнении и на «временных» стенках ямы. 9-й–17-й пласты



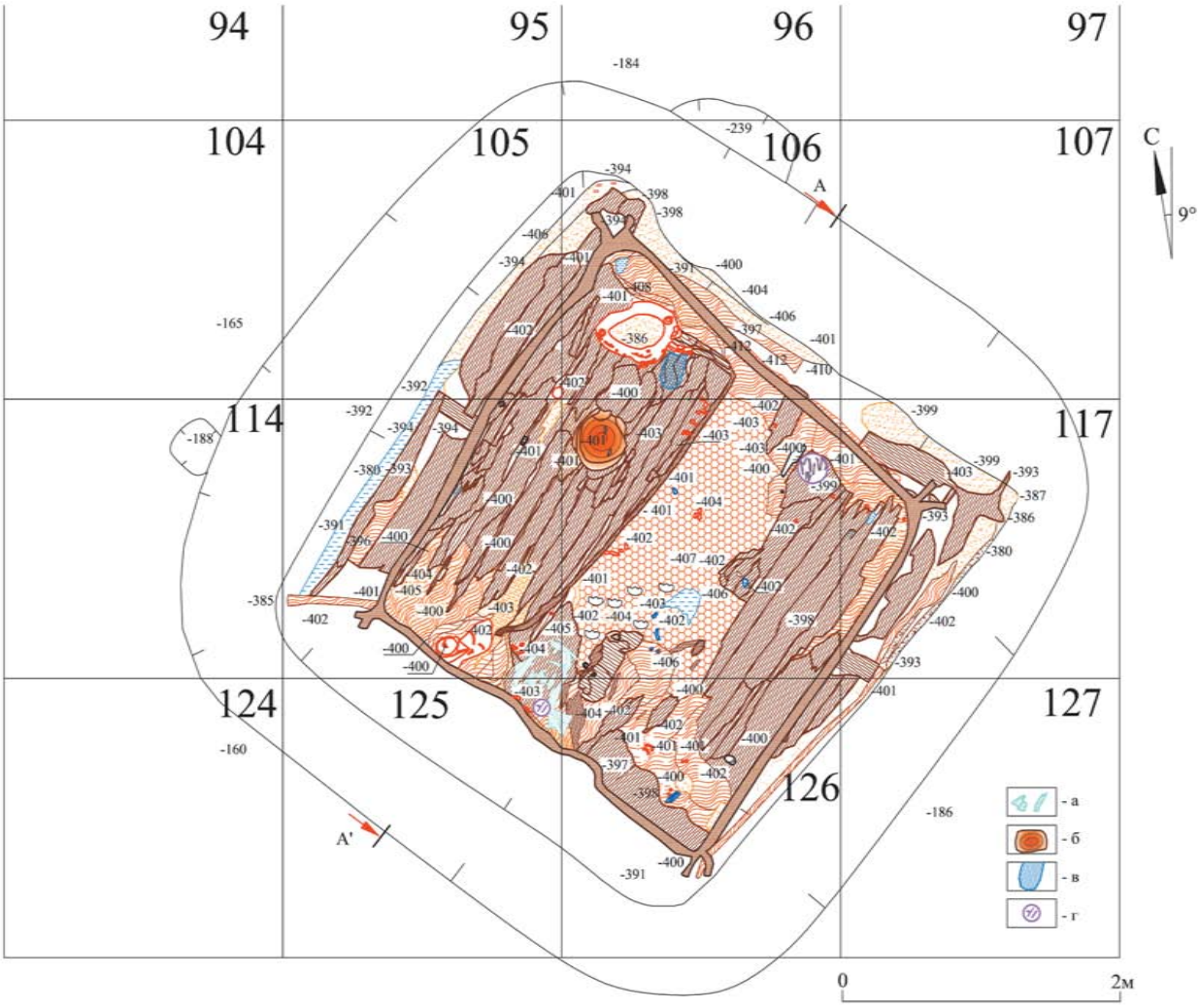
4. Сводный план пятен серой супеси, остатков деревянных перекрытий, отдельных разрозненных костей в нижней части заполнения погребальной камеры, внутри сруба (17-й–20-й пласты)



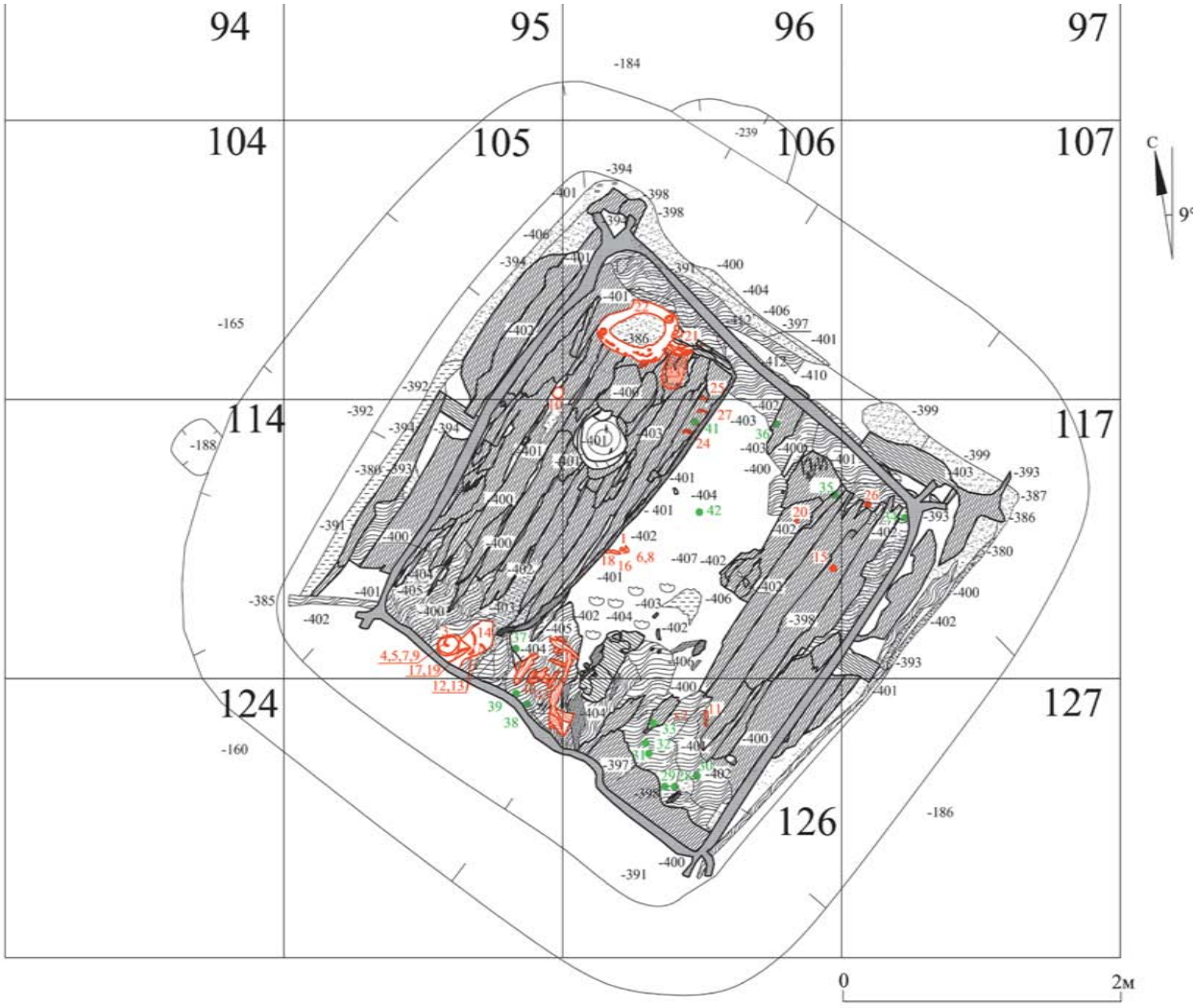
5. Стратиграфический разрез заполнения могильной ямы камерного погребения 6



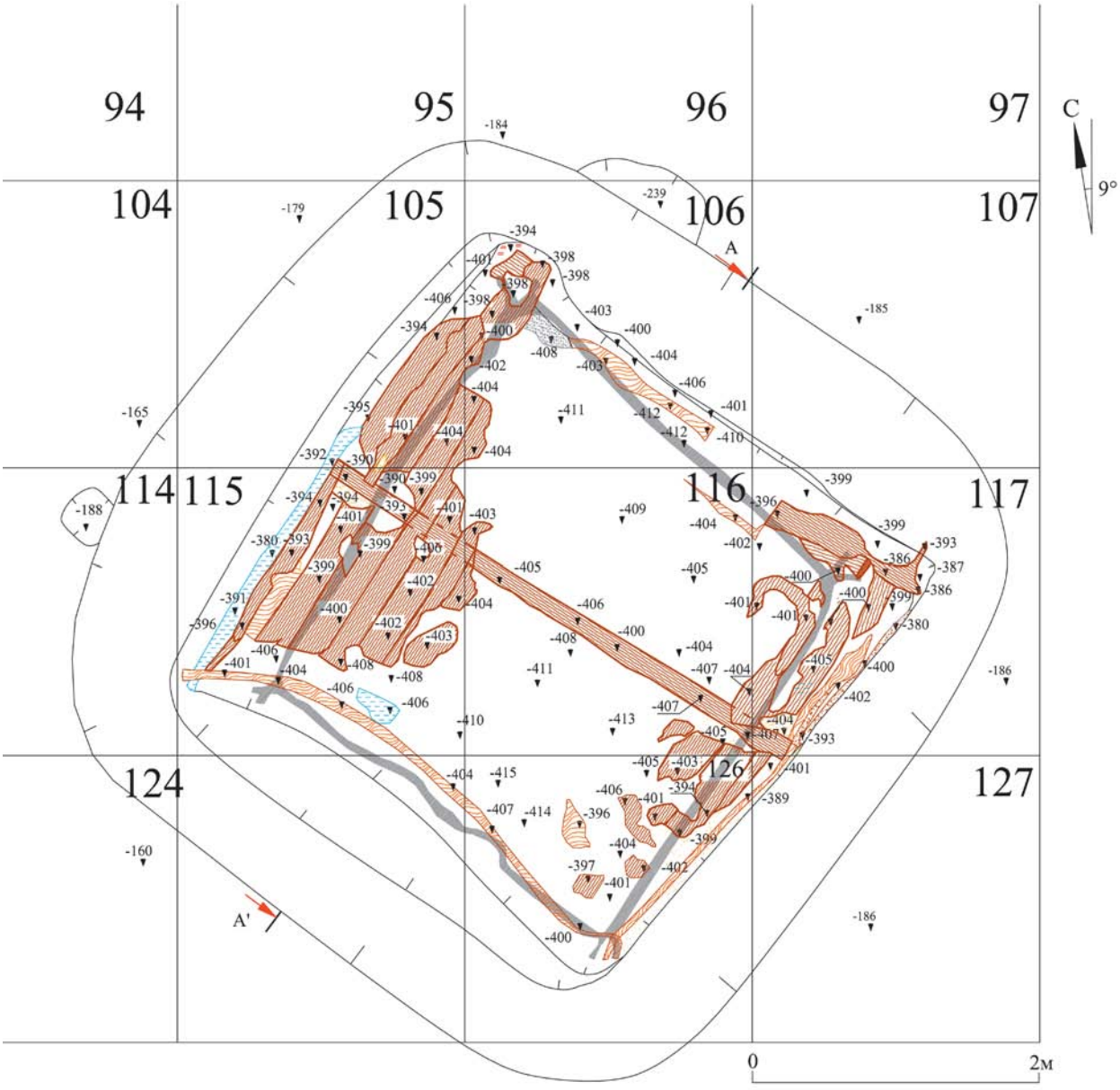
6. Деревянные фрагменты верхних перекрытий в основании заполнения погребальной камеры. Пласты 18–20



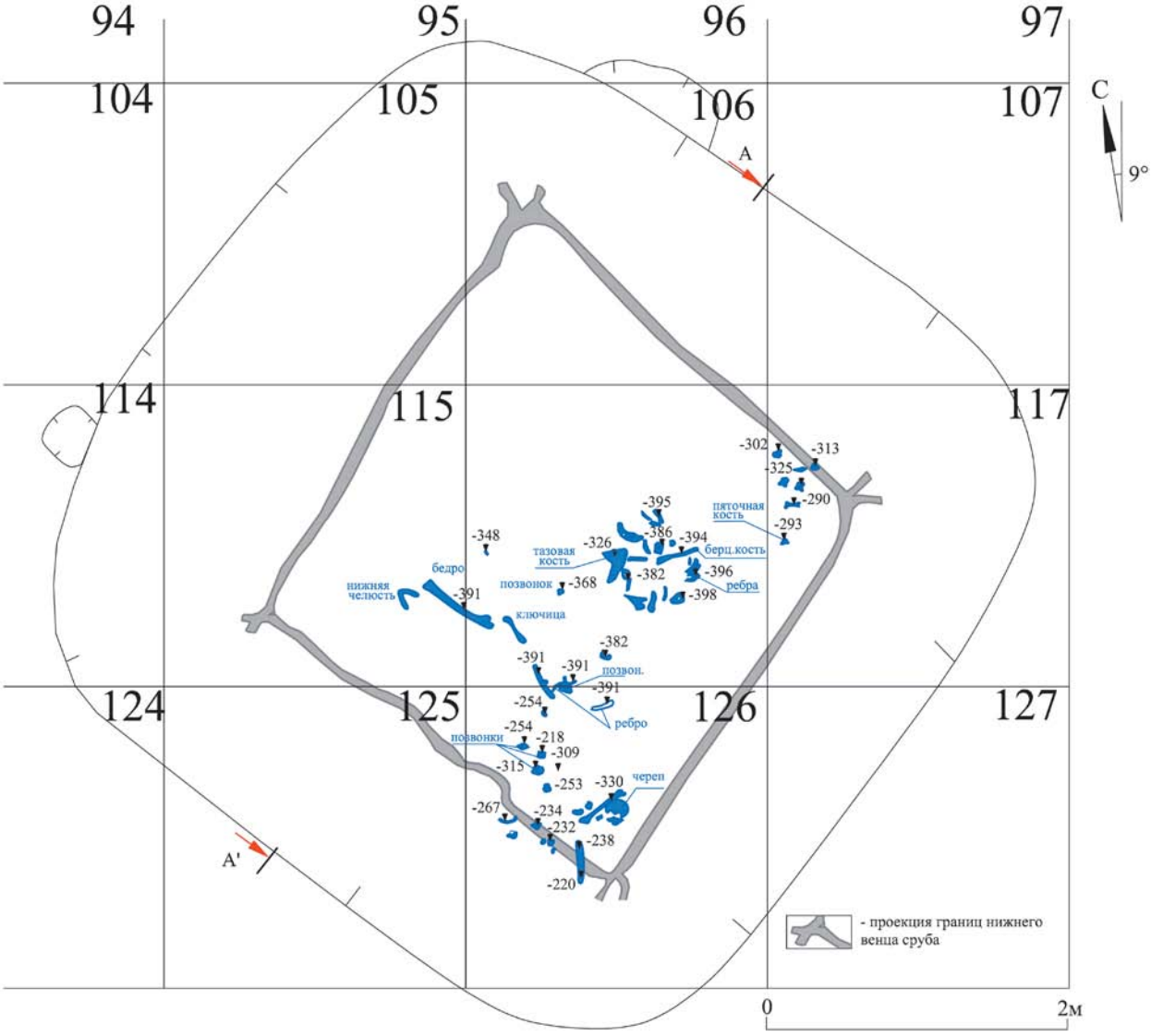
7. Камерное погребение 6:
а — остатки красочного слоя на фрагментах досок; б — след от деревянной чаши-блюда;
в — доска с остатками красочного слоя (фрагмент); г — кости птицы



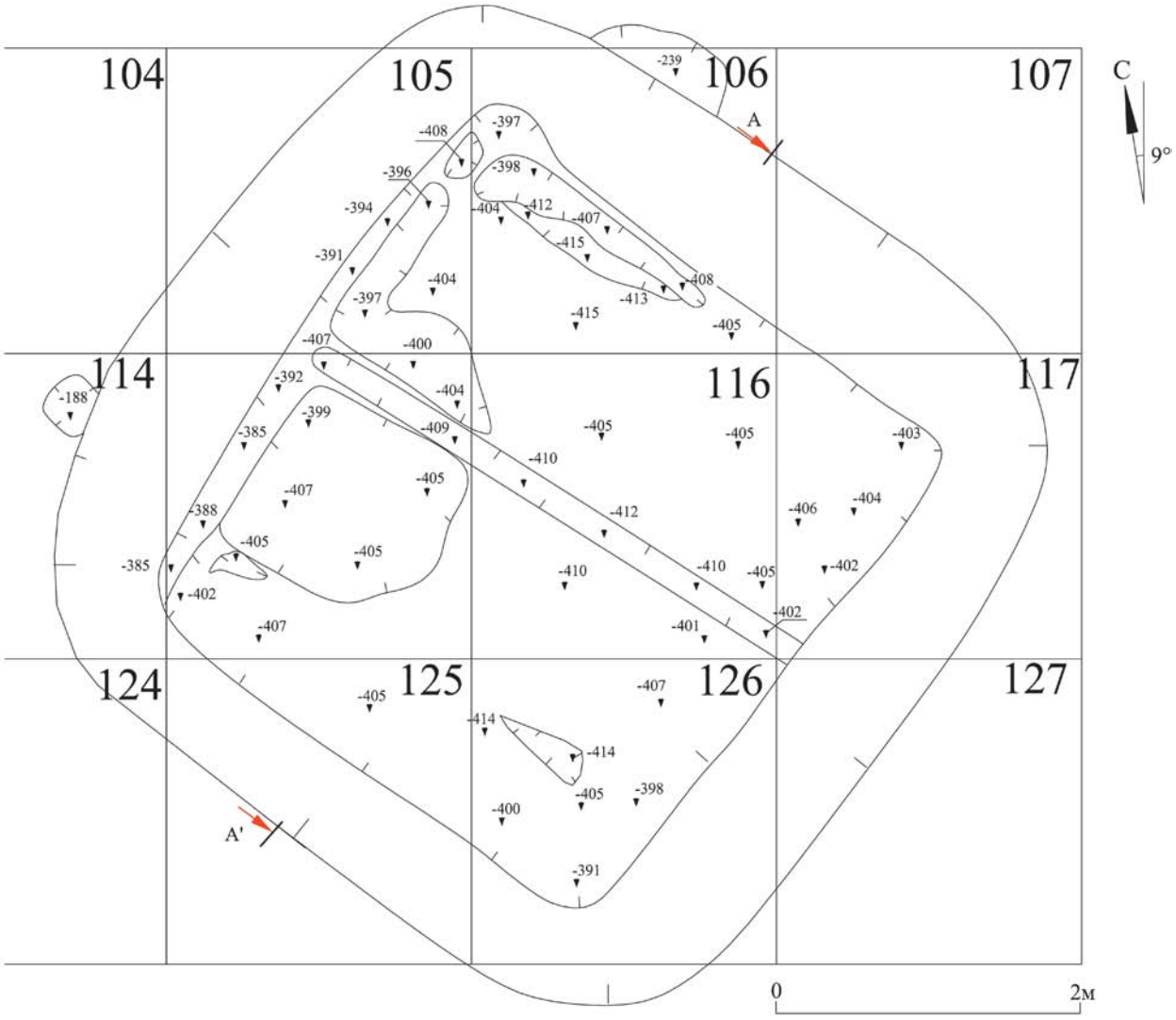
8. План расположения находок. Камерное погребение 6



9. Деревянные остатки настила пола погребальной камеры



10. Планиграфия костей, найденных в засыпке камеры. Сводный чертеж (12-й–20-й пласты)



11. Яма камерного погребения 6

Приложение 2

СПИСОК НАХОДОК
Камерное погребение 6
Подзноевский XII раскоп, 2008 г.
(учетный шифр раскопа: П-08-ПДП-XII)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

LIST OF FINDS
Chamber Grave 6
Podznoevsky XII excavation, 2008 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
1	**Двусторонняя трапециевидная подвеска на кольце (**кв. 116) Серебро. Литье, ковка, чернь. *Double-sided trapezoid pendant with wire ring.* *Silver. Casting, smithing, niello.*	_26_ 23
2	**Крест нательный на кольце (**кв. 126) Серебро. Литье, гравировка, чернь, позолота, волочение. *Cross with wire ring.* *Silver. Casting, engraving, niello, gilding, drawing.*	_31_ 28
3	**Оковка чаши** (кв. 115) Серебро. Ковка, гравировка, чернь. *Bowl rim.* *Silver. Smithing, engraving, niello.*	_27_ 24
4	**Монета, фоллис. Византия, Роман I (931–944 гг.) (**кв. 115, в чаше) Медь. Чеканка. *Coin.* *Copper. Minting.*	_28_ 25
5	**Монета с двумя отверстиями, дирхем. Саманиды, халиф аль-Мустакфи, эмир Нух ибн Наср. Чеканка Самарканд (953–954 гг.) (**кв. 115, в весах) Серебро. Чеканка. *Arabic-coin with two holes.* *Silver. Minting.*	_29_ 26
6	**Монета, дирхем. Саманиды, эмир Наср ибн Ахмад. Чеканка аш-Шаш (914–943 гг.)** **(**кв. 116, рядом с подвеской) Серебро. Чеканка. *Arabic coin dirhem.* *Silver. Minting.*	_25_ 22
7	**½ монеты, дирхем. Саманиды, халиф аль-Муктадир; эмир Наср ибн Ахмад. Чеканка предположительно Балх (ок. 924–928 (?) гг.)** (кв. 115, в весах) Серебро. Чеканка. *½ arabic coin dirhem.* *Silver. Minting.*	_30_ 27
8	**Кольцо проволочное с завязанными концами (**кв. 116, рядом с подвеской) Бронза. Волочение, ковка. *Wire ring with knotted terminals.* *Bronze. Drawing, smithing.*	_43_ 40
9	**Весы — две чашечки и складное коромысло (**кв. 115, в чаше) Бронза. Литье, ковка. *Balance — two pans and folding beam.* *Bronze. Casting, smithing.*	_41_ 38
10	**Свеча коническая (**кв. 104, на поверхности бревенчатого пола) Воск. *Cone-shaped candle.* *Wax.*	_23_ 21

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
11	**Гребень односторонний в футляре. Фрагменты (**кв. 126) Кость. Резание. *Single-sided comb in the case in fragments.* *Bone. Carving.*	_32_ 29
12	**Пуговицы (**кв. 115, в ткани) Серебро. Литье. *Buttons.* *Silver. Casting.*	_24_ 19
13	**Пуговицы. Деталь одежды с пуговицами. Фрагмент (**кв. 115, у чаши) Серебро. Литье. Шелк. *Buttons. Dress detail with buttons. Fragment.* *Silver. Casting. Silk.*	_35_ 32/1-9
14	**Детали одежды. Фрагменты (**кв. 115, у чаши) Шелк. *Dress details in fragments.* *Silk.*	_35_ 32/10-16
15	**Деталь одежды с пуговицами и деталь изделия.** **Фрагменты (**кв. 116, с тазовой кости) 1 – шелк, бронза. Литье. 2 – кожа. *Dress detail with buttons and detail of product in fragments.* *1 – silk, bronze. Casting. 2 – leather.*	_46_ 43
16	**Самородок (**кв. 116) Золото. *Nugget.* *Gold.*	_45_ 42
17	**Серьга с заходящими концами,** (кв. 115, в чаше) Серебро. Волочение. *Wire ear-ring with simple terminals.* *Silver. Drawing.*	_40_ 37
18	**Нож с рукоятью, обвитой проволокой. Фрагменты (**кв. 116, рядом с подвеской) Железо, дерево, серебро. Ковка, волочение. *Knife with handle twined round with wire in fragments.* *Iron, wood, silver. Smithing, drawing.*	_33_ 30
19	**Нож с остатками рукояти. Три фрагмента (**кв. 115, под весами) Железо, дерево. Ковка. *Knife with the trace of handle. Three fragments.* *Iron, wood. Smithing.*	_34_ 31
20	**Предмет (**кв. 116) Железо. Ковка. *Object.* *Iron. Smithing.*	_19_ 16
21	**Обручи и дужка ведра. Фрагменты (**кв. 105) Железо. Ковка. *Hoops and bail of the bucket in fragments.* *Iron. Smithing.*	_36_ 33
22	**Оковки сундука. Фрагменты (**кв. 105) Железо. Ковка. *Bindings of the chest in fragments.* *Iron. Smithing.*	_37_ 34
23	**Доска с остатками красочного слоя. Фрагмент (**кв. 105) Дерево. Темпера. *Board with the remnants of the paint layer. Fragment.* *Wood. Tempera.*	_38_ 35
24	**Заклепка лодейная (**кв. 116) Железо. Ковка. *Boat rivet.* *Iron. Smithing.*	_5_ 3

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
25	**Шип ледоходный. Три фрагмента (**кв. 116) Железо. Ковка. *Crampon. Three fragments.* *Iron. Smithing.*	_14_ 11
26	**Заклепка лодейная. Два фрагмента (**кв. 117) Железо. Ковка. *Boat rivet. Two fragments.* *Iron. Smithing*	_22_ 18
27	**Шип ледоходный. Два фрагмента (**кв. 116) Железо. Ковка. *Crampon. Two fragments.* *Iron. Smithing.*	_13_ 20
28	**Гвоздь (**кв. 126) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_3_ 1
29	**Гвоздь (**кв. 126) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_4_ 2
30	**Гвоздь (**кв. 126) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_6_ 4
31	**Гвоздь (**кв. 126) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_7_ 5
32	**Гвоздь (**кв. 126) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_8_ 6
33	**Предмет (**кв. 126) Железо. Ковка. *Object.* *Iron. Smithing.*	_9_ 7
34	**Гвоздь. Фрагмент (**кв. 117) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_10_ 8
35	**Гвоздь (**кв. 116) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_11_ 9
36	**Гвоздь. Фрагмент (**кв. 116) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_12_ 10
37	**Гвоздь (**кв. 115) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_15_ 12
38	**Гвоздь (**кв. 125) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_16_ 13

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
39	**Гвоздь (**кв. 125, среди фрагментов досок с остатками красочного слоя) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_17_ 14
40	**Предмет (**кв. 125, среди фрагментов досок с остатками красочного слоя) Железо. Ковка. *Object.* *Iron. Smithing.*	_18_ 15
41	**Гвоздь (**кв. 116, из лодейной доски) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_20_ 17
42	**Гвоздь (**кв. 116) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_44_ 41
43	**Фрагменты досок с остатками красочного слоя (**кв. 125) Дерево. Темпера. *Fragments of the boards with the remains of the paint layer (in fragments).* *Wood. Tempera.*	_42_ 39

Приложение 3

КАТАЛОГ

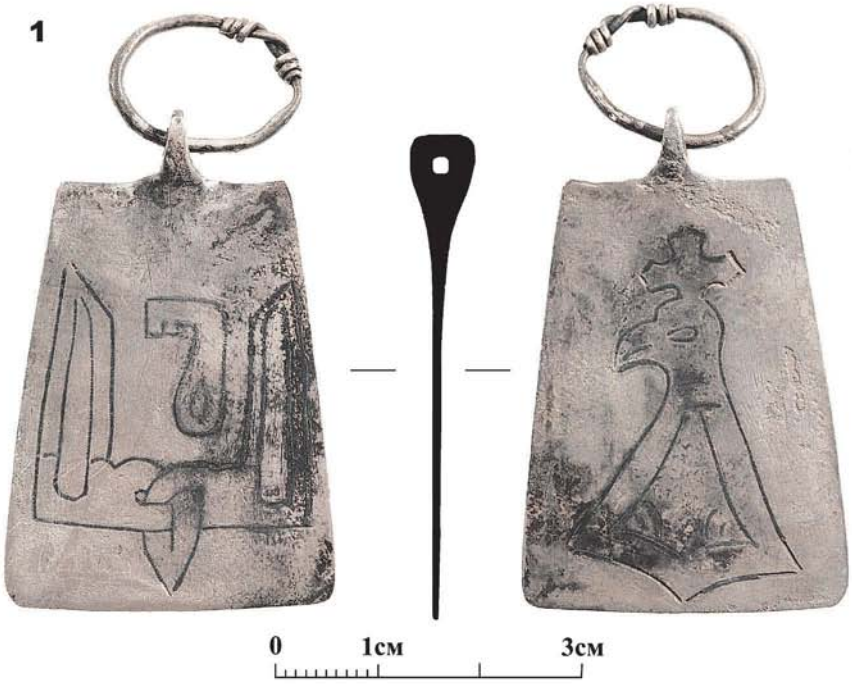
Камерное погребение 6

Подзноевский XII раскоп, 2008 г.
(учетный шифр раскопа: П-08-ПДП-XII)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

CATALOGUE

Chamber Grave 6

Podznoevsky XII excavation, 2008 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve



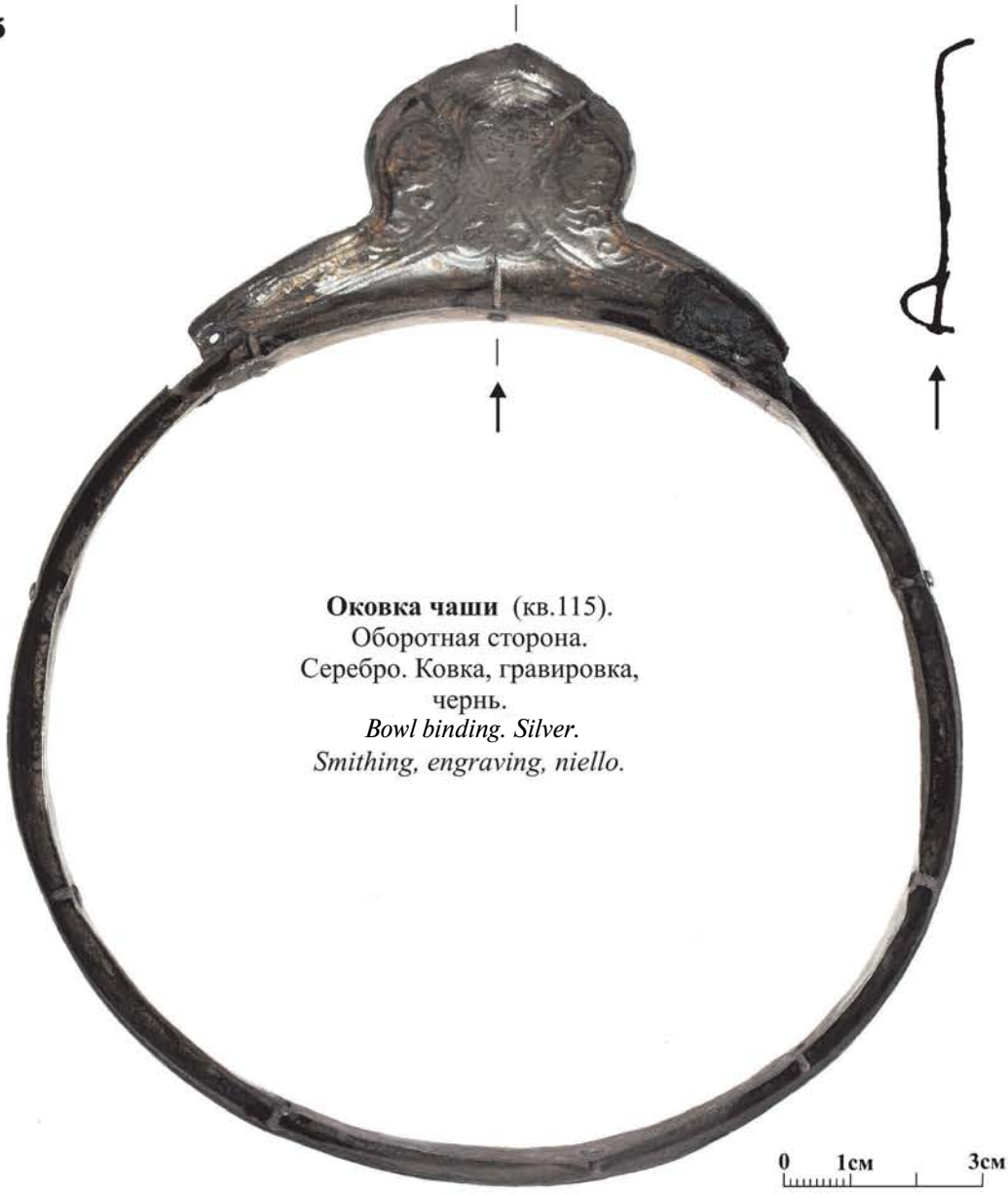
Подвеска с кольцом (кв.116). Серебро. Литье, ковка, чернь.
Pendant with ring. Silver. Casting, smithing, niello.

Крест нательный на кольце
(кв.126). Серебро. Литье, гравировка, чернь, позолота, волочение.
Cross with wire ring.
Silver. Casting, engraving, niello, gilding, drawing.

0 1см 3см

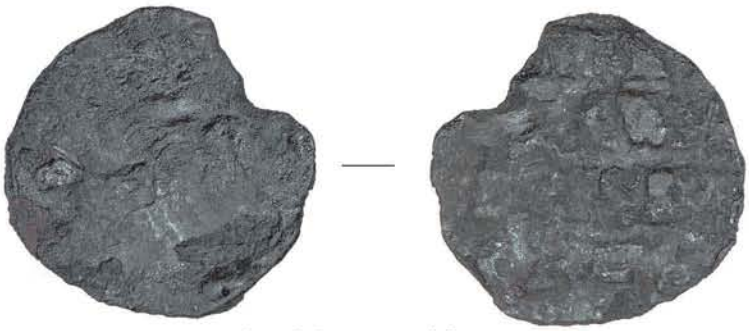
Оковка чаши (кв.115).
Серебро. Ковка, гравировка, чернь.
Bowl binding. Silver.
Smithing, engraving, niello.

36



Оковка чаши (кв.115).
Оборотная сторона.
Серебро. Ковка, гравировка, чернь.
Bowl binding. Silver.
Smithing, engraving, niello.

4



Монета, фоллис. Византия, Роман I (931-944 гг.), (кв. 115, в чаше). Медь. Чеканка.
Coin. Copper. Minting.

0 0,5 см 1,5 см

5

Монета с двумя отверстиями, дирхем. Саманиды, халиф аль-Мустакфи, эмир Нух ибн Наср. Чеканка Самарканд (953-954 гг.) (кв. 115, в весах). Серебро. Чеканка.
Arabic coin with a two holes. Silver. Minting.

6

Монета, дирхем. Саманиды, эмир Наср ибн Ахмад. Чеканка аш-Шаш (914-943 гг.) (кв. 116, рядом с подвеской). Серебро. Чеканка.
Arabic coin dirhem. Silver. Minting.

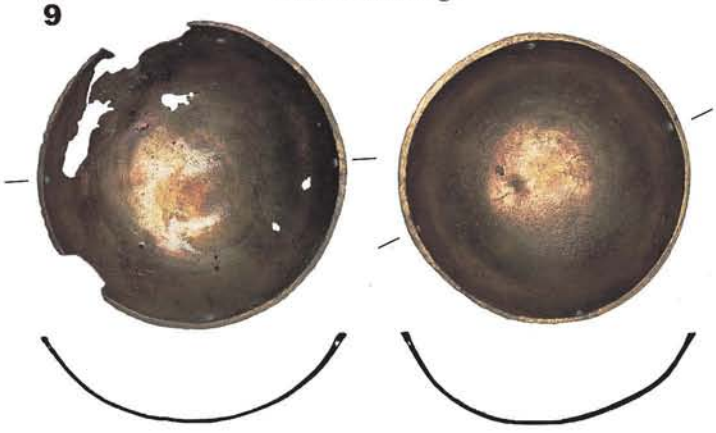
7

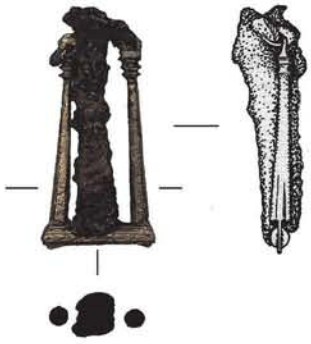
Фрагмент монеты, дирхем. Саманиды, халиф аль-Муктадир; эмир Наср ибн Ахмад. Чеканка предположительно Балх (ок.924-928 (?)гг.) (кв. 115, в весах). Серебро. Чеканка.
arabic coin dirhem. Silver. Minting.

8

Кольцо проволочное с завязанными концами (кв. 116, рядом с привеской). Бронза. Волочение, ковка.
Wire ring with knotted terminals. Bronze. Drawing, smithing.

9





Весы – две чашечки и складное коромысло (кв. 115, в чаше). Бронза, железо. Литье, ковка.
Balance – two pans and folding beam. Bronze. Casting, smithing.

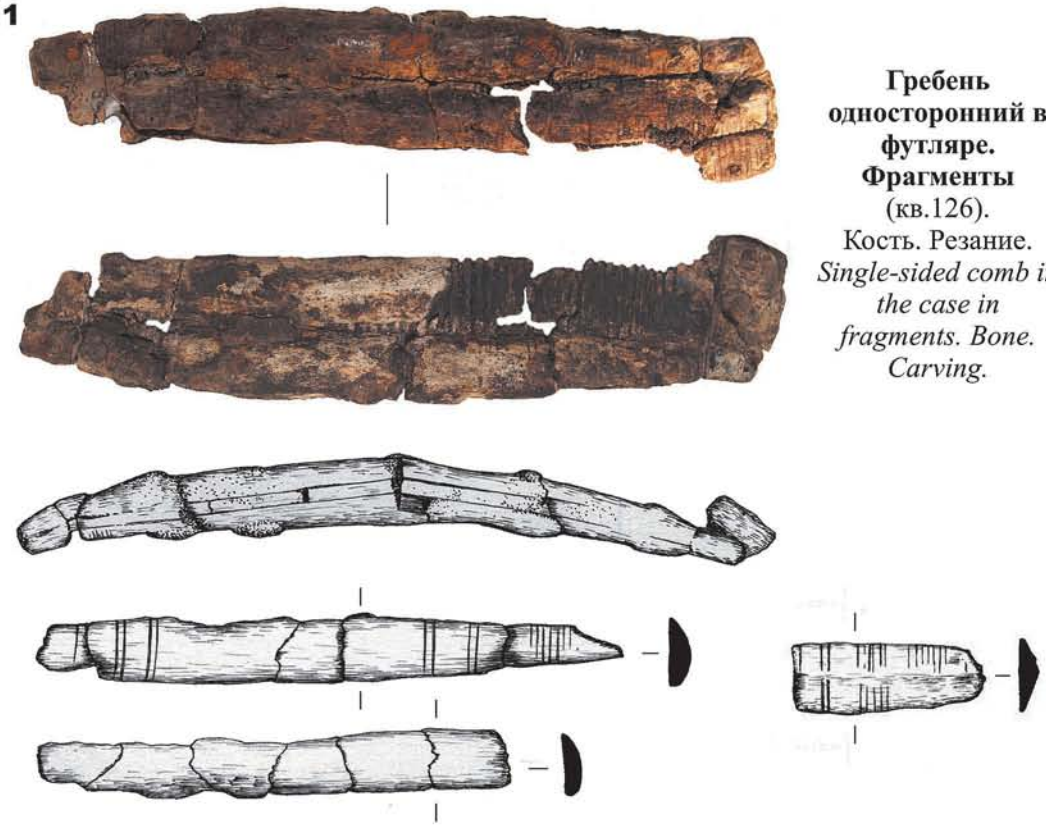
0 1см 3см

10

Свеча коническая (кв.105, на поверхности бревенчатого пола).
Воск.
Cone-shaped candle. Wax.

0 1см 3см

11



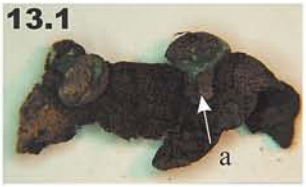
Гребень односторонний в футляре. Фрагменты (кв.126). Кость. Резание. *Single-sided comb in the case in fragments. Bone. Carving.*

12

Пуговицы (кв.115, в ткани). Серебро. Литье. *Buttons. Silver. Casting.*

13

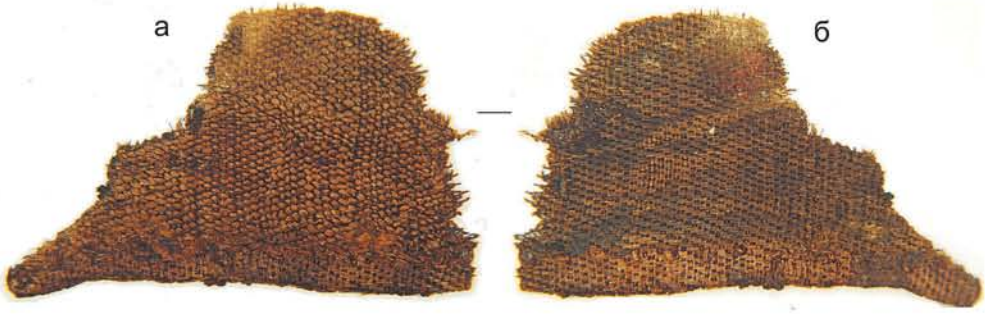
13.1

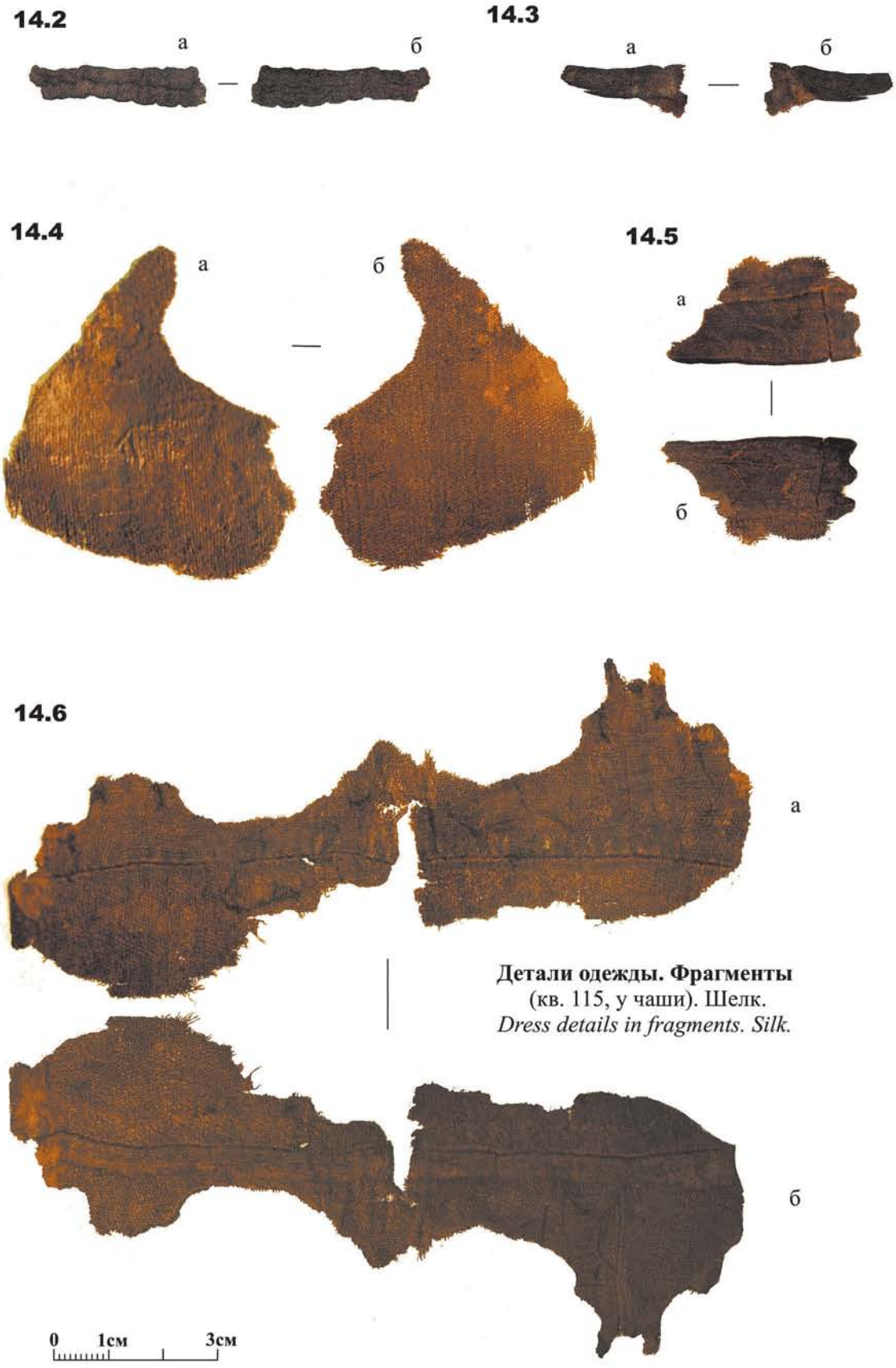


Пуговицы. Деталь одежды с пуговицами. Фрагмент (кв. 115, у чаши). Серебро. Литье. Шелк. *Buttons.Dress detail with buttons. Fragment. Silver. Casting. Silk.*

0 1см 3см

14.1

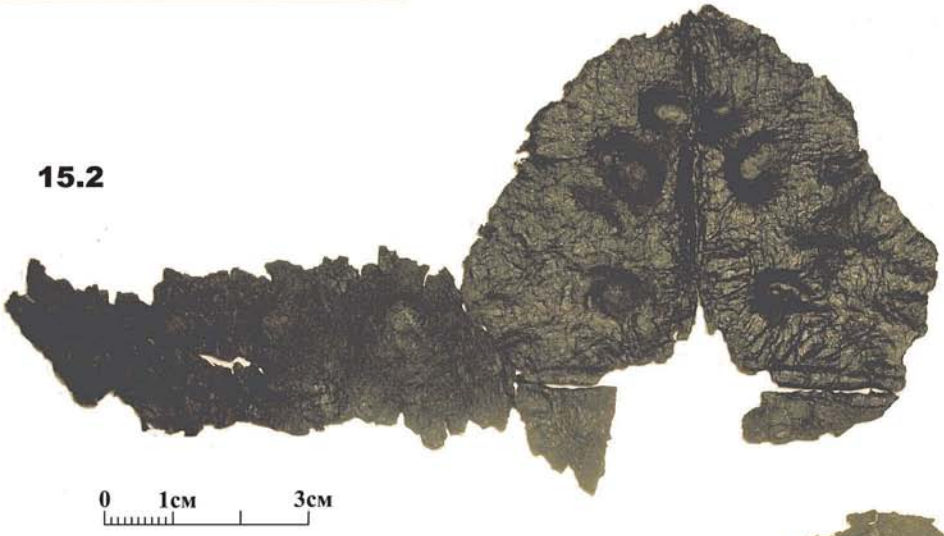




Детали одежды. Фрагменты
(кв. 115, у чаши). Шелк.
Dress details in fragments. Silk.

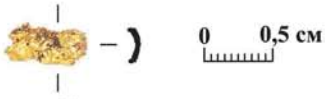
15.1

15.2



Деталь одежды с пуговицами и деталь изделия. Фрагменты
(кв. 116, с тазовой кости).
1 – шелк, бронза: литье. 2 – кожа.
Dress detail with buttons and detail of product in fragments.
1 – silk, bronze: casting. 2 – leather.

16



Самородок
(кв. 116).
Золото.
Nugget. Gold.

17

Серьга с заходящими концами
(кв. 115, в чаше).
Серебро. Волочение.
Wire ear-ring with simple terminals.
Silver. Drawing.

18

19

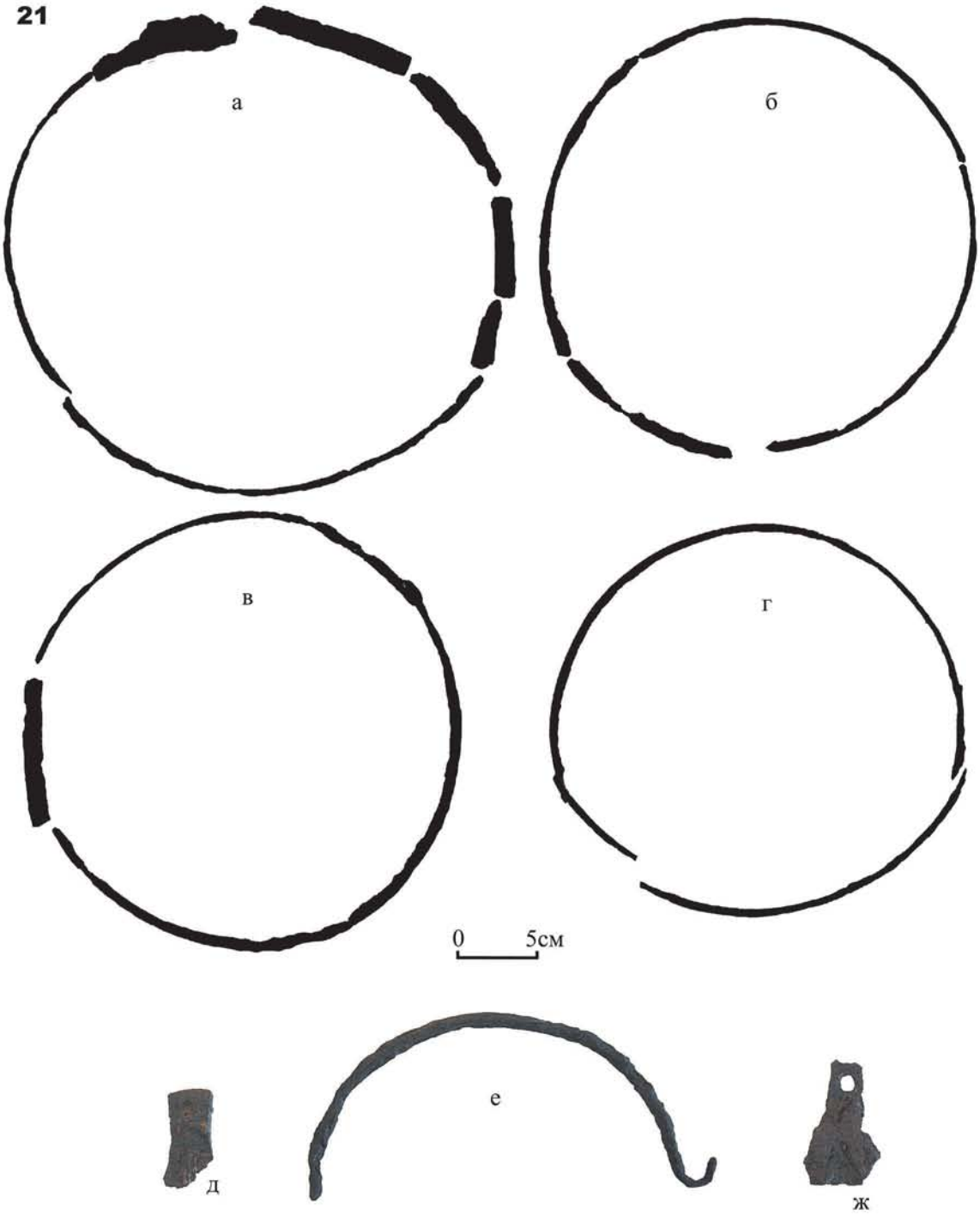
Нож с рукоятью, обвитой проволокой. Фрагменты
(кв. 116, рядом с подвеской).
Железо, дерево, серебро. Ковка, волочение.
Knife with handle twined round with wire in fragments.
Iron, wood, silver. Smithing, drawing.

Нож с остатками рукояти. Три фрагмента
(кв. 115, под весами).
Железо, дерево. Ковка.
Knife with the trace of handle. Three fragments.
Iron, wood. Smithing.

20

Предмет (кв.116).
Железо. Ковка.
Object. Iron. Smithing.

0 1см 3см



Обручи и дужка ведра. Фрагменты
(кв. 106). Железо. Ковка.
Hoops and bail of the bucket in fragments.
Iron. Smithing.

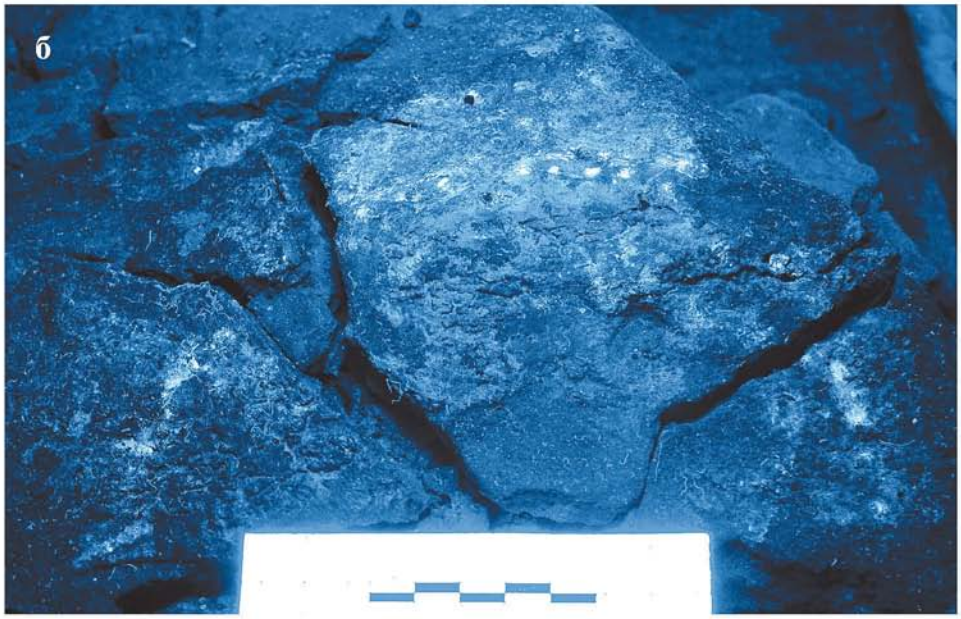
Обручи и дужка ведра. Фрагменты
(кв. 105). Железо. Ковка.
Hoops and bail of the bucket in fragments.
Iron. Smithing.

22

Оковки сундука (in situ)
(кв. 106).
Железо. Ковка.
Bindings of the chest (in situ)
Iron. Smithing.

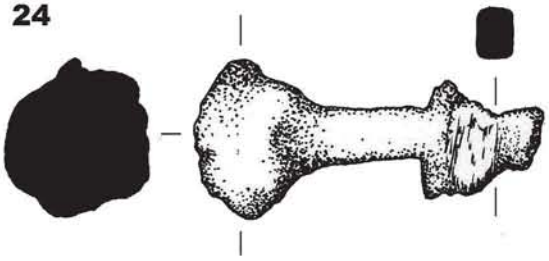
23

Доска с остатками красочного слоя. Фрагмент
(кв. 106). Дерево. Темпера.
Board with the remnants of the paint layer. Fragment.
Wood. Tempera.



Съемка при ультрафиолетовом освещении.

24

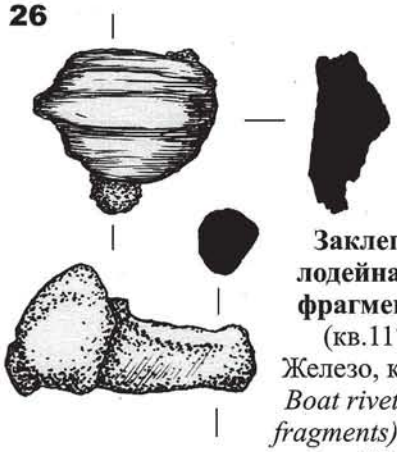


Заклепка лодейная
(кв. 116). Железо. Ковка.
Boat rivet.
Iron. Smithing.

25

Шип ледоходный. Фрагменты
(кв. 116). Железо. Ковка.
Crampon. Three fragments.
Iron. Smithing.

26

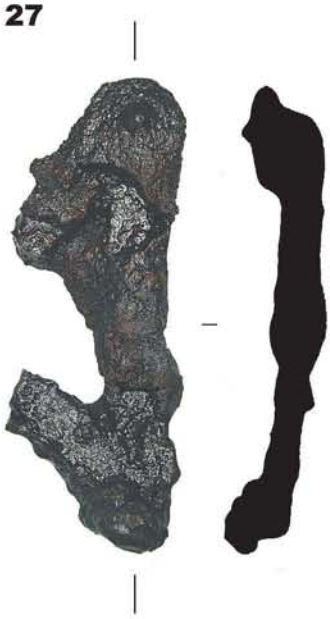


Заклепка лодейная. 2 фрагмента.
(кв.117)
Железо, ковка.
Boat rivet (two fragments). Iron, smithing

28

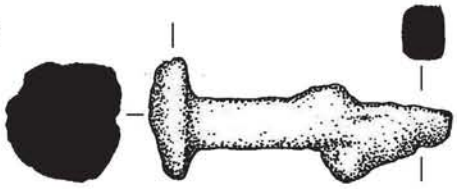
Гвоздь.
(кв. 126).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

27



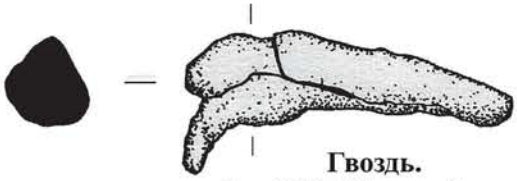
Шип ледоходный.
2 фрагмента. (кв. 116).
Железо. Ковка.
Crampon. Two fragments.
Iron. Smithing.

29



Гвоздь.
(кв. 126). Железо. Ковка.
Nail.
Iron. Smithing.

30



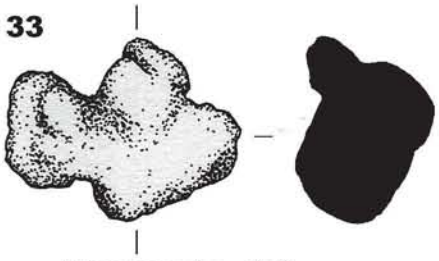
Гвоздь.
(кв. 126). Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

0 1см 3см

31

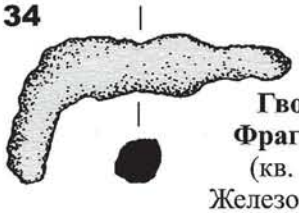
Гвоздь. (кв. 126).
Железо. Ковка.
Nail.
Iron. Smithing.

33



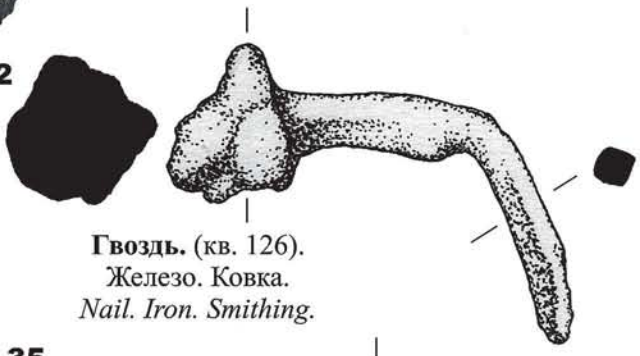
Предмет. (кв. 126).
Железо. Ковка.
Object. Iron. Smithing.

34



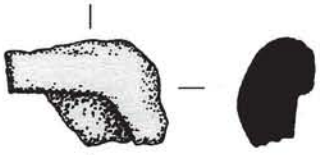
Гвоздь. Фрагмент.
(кв. 117).
Железо. Ковка.
Nail. Fragment.
Iron. Smithing.

32



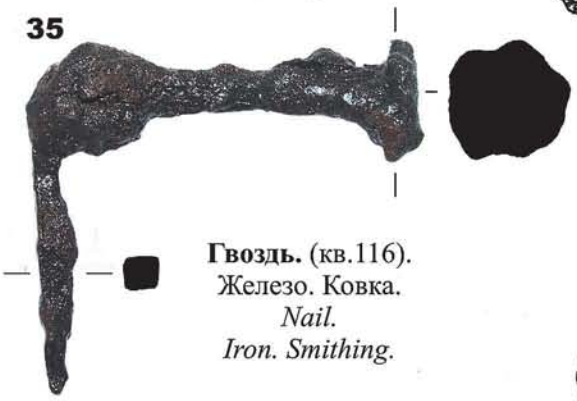
Гвоздь. (кв. 126).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

36



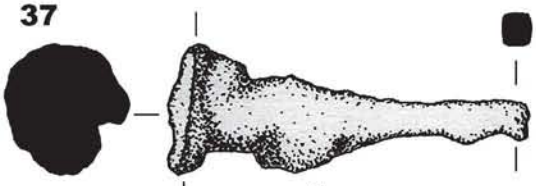
Гвоздь. Фрагмент. (кв.116)
Железо, ковка.
Fragment of the nail. Iron, smithing.

35



Гвоздь. (кв.116).
Железо. Ковка.
Nail.
Iron. Smithing.

37

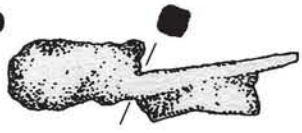


Гвоздь.
(кв. 115). Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing

38

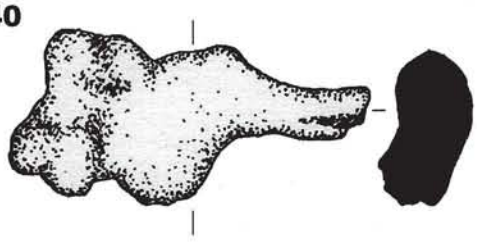
Гвоздь.
(кв. 125). Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

39



Гвоздь.
(кв. 125, среди фрагментов досок с красочным слоем).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

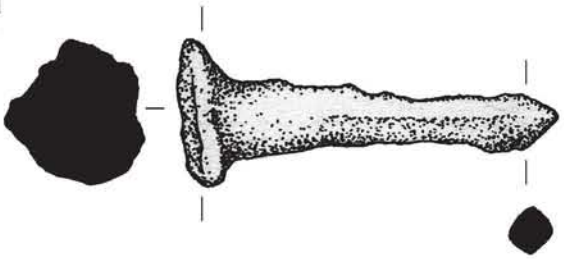
40



Предмет.
(кв. 125, среди фрагментов досок с красочным слоем).
Железо. Ковка.
Object.
Iron. Smithing.

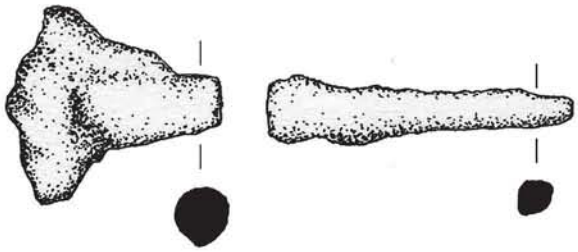
0 1см 3см

41



Гвоздь.
(кв. 116, из лодейной доски).
Железо. Ковка.
Nail.
Iron. Smithing.

42



Гвоздь.
(кв. 116). Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing.

0 1см 3см

43

Фрагменты досок с остатками красочного слоя.
(кв. 125). Дерево. Темпера.
Fragments of boards with the remains of the paint layer. Wood. Tempera

Т. Е. Ершова

Камерное погребение 7

(ул. Некрасова, 3; Подзноевский XII раскоп; 2008 г.; участок Б; яма № 16; кв. 46–48, 51–53, 59–61; пласты 10–18; захоронение девочки)

Обстоятельства находки и условия проведения работ

Камерное погребение 7 было открыто одновременно с погребениями 5 и 6 в июле-августе 2008 г. в ходе охранных археологических раскопок на месте строительства ресторанно-гостиничного комплекса «Двор Подзноева» (Прил. 1, *1*).

Подзноевский XII раскоп находился к юго-востоку от перекрестка улицы Некрасова и Музейного переулка, у первых палат Подзноевых — памятника архитектуры XVII в. Общая мощность культурных напластований — от 1,5 до 2 м. Бóльшую часть археологически ценных отложений составляли слои XVI–XVII вв. На изученном участке сохранились следы его использования под селитьбу на рубеже XI–XII вв. Выявлены и напластования начального периода городского освоения этой части исследуемой территории (рис. 1) (Ершова, А2008).

В основании культурного слоя по всей площади раскопа залегал плотный желто-коричневый пылеватый песок с включениями суглинков. На исследованном раскопом участке прослежено незначительное понижение материковой поверхности с юга на север (к Поганкиным палатам) с уровня –198–230 до –250–275.

Контуры могильной ямы камерного погребения 7 были открыты в северо-западной части раскопа, в 26,5 м к северо-западу от погребения 5 и в 14 метрах к северу от погребения 6 (Прил. 1, *1*).

Рис. 1. Подзноевский XII раскоп. Камерные погребения 6 и 7 в процессе исследований. Вид с северо-востока

В верхней части пятно погребальной ямы нарушено хозяйственными ямами XV–XVII вв. С западной стороны оно частично прорезано современным перекопом на глубину ок. 1 м (Прил. 1, *2*).

Последовательность проведения работ

Погребение исследовалось в несколько этапов. Сначала внутри неправильно-прямоугольного контура выявленного ПЯТНА, маркированного по краям полосами серой супеси и гумусированного песка с небольшими включениями угля в центральной части пятна, выбирался основной СЛОЙ ЗАПОЛНЕНИЯ. Прослойки серой супеси и древесного тлена, по которым шла выборка, залегали наклонно-вертикально. По мере углубления горизонтальными пластами (по 20 см) формировался подпрямоугольный объем выборки, «временные» стенки которого были маркированы по периметру пятнами серой супеси и древесного тлена, связанными с остатками конструкций ВЕРХНИХ ПЕРЕКРЫТИЙ. В составе слоя заполнения были выявлены человеческие кости и находки, связаные с ВПУСКНЫМ ПОГРЕБЕНИЕМ. После изучения слоя заполнения, образовавшегося в результате проседания в яму курганной насыпи, исследовались остатки ВЕРХНИХ ПЕРЕКРЫТИЙ, некогда закрывавших погребальную камеру. Затем фиксировались следы КОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРЫ, остатки основного ЗАХОРОНЕНИЯ, погребального ложа и ИНВЕНТАРЯ. После завершения исследований частей деревянной усыпальницы расчищалась материковая ЯМА, в которой была устроена могила.

Пятно

Погребение было выявлено после снятия участков погребенной почвы, представленной серо-коричневой гумусированной супесью. В юго-западной части участка Б, на материковой поверхности (–197–200), выделялось большое пятно подпрямоугольной со скругленными углами формы, вытянутое в направлении северо-восток—юго-запад. Максимальные размеры пятна на уровне обнаружения — 4,6 × 3,8 м. Пятно состояло из желтого пылеватого материкового песка, перемешанного с частицами супеси и суглинка (Прил. 1, *2*). При дальнейшей расчистке пятна в его составе по всему периметру, с отступом от внешней границы на 20–40 см, фиксировались полосы — прослойки темно-серой супеси, шириной в плане от 1 до 17 см. Они располагались относительно параллельно внешним контурам пятна (рис. 2;

Рис. 2. Пятно могильной ямы камерного погребения 7 на уровне пл. 12. Вид с северо-запада

Прил. 1, *2–4*). В центральной части пятно по составу почти не отличалось от породы, залегавшей «снаружи» от полосы гумусированной супеси, но в пределах внешнего контура пятна здесь отмечались редкие включения мелких угольков.

Заполнение могильной ямы

(Прил. 1, *2–4*)

Основу заполнения ямы составлял желтый пылеватый песок, перемешанный с микрочастицами других материковых пород, суглинка и супеси. Слой заполнения был относительно однородным на всю глубину ямы. В нем отмечались многочисленные пятна серой супеси, в составе многих из них присутствовали мелкие угольки. Согласно определению А.А. Гольевой, среди углей из заполнения могильной ямы выявлены остатки ели, липы и какого-то кустарника (см. статью А.А. Гольевой в настоящем томе). Пятна имели в основном неправильную вытянутую форму и располагались внутри серого супесного контура, зафиксированного на уровне материка. Преимущественно супесь располагалась по краям выбираемого контура. По мере выборки заполнения серая супесь образовывала некие «временные» наклонные стенки, сужающиеся книзу. Среди пятен серой супеси, в центральной части ямы, уже с уровня 13-го пласта фиксировались отдельные небольшие пятна древесного тлена. Включения детрита определялись и в составе некоторых супесных полос. По мере углубления пятна супеси и тлена вытянутой формы увеличивались в размерах, в них всё определеннее узнавались остатки деревянных элементов разрушенных перекрытий.

Впускное захоронение

(рис. 3; Прил. 1, *3*)

В юго-западной части ямы, в юго-восточном углу кв. 52, на уровне –246–256 в песчаном слое заполнения ямы, т.е. в составе просевшей в могильную яму полы кургана, было выявлено скопление хаотично расположенных костей ребенка (перемещенное впускное погребение?). Останки слегка обгоревшие, часть из них кальцинирована. Выявлены тонкие пластинки черепной коробки, «закладки» зубов и фрагмент челюсти. На уровне –246 найден небольшой детский бронзовый браслет. Это несомкнутый пластинчатый браслет диаметром 3,1 см, высотой 0,4, толщиной 0,2 см, прямоугольный в сечении. Один конец обрублен прямо, другой — наискось. Орнамент состоит из мелких вертикальных желобков шириной 0,25 см. Браслет охватывал фрагмент длинной кости, вероятно, руки (Прил. 3, Каталог, ***40***). На уровне –253 найден железный предмет очень плохой сохранности, определение его назначения затруднено. Обе находки связаны со скоплением костей (рис. 3). По определению антрополога Д.В. Пежемского, это погребение недоношенного ребенка (подробнее см. статью Д.В. Пежемского в настоящем томе).

Рис. 3. Отдельные кости человека (впускное погребение ?), железный предмет и бронзовый браслет в заполнении могильной ямы камерного погребения 7 (in situ), в кв. 52 (пласт 13)

Конструкции погребальной камеры

1. Верхние перекрытия
(Прил. 1, *3*, *4*)

С остатками рухнувших верхних перекрытий, на наш взгляд, связаны прослойки серой супеси и включения древесного тлена, зафиксированные в слое заполнения могильной ямы. Фрагменты, сохранившие стратиграфическую информацию, позволяют предполагать, что изначально надмогильная насыпь, просевшая затем в яму, была отделена от деревянного перекрытия дерновой выкладкой. Это подтверждают и микробиоморфные определения проб супеси из слоя заполнения, сделанные А.А. Гольевой. Наиболее разрушенной являлась центральная часть перекрытий, что объяснимо, учитывая механизм разрушения и распределение нагрузки, максимальные показатели которой приходились на центр верхнего настила. Вдоль стен, в наклонно-вертикальном положении, удалось проследить достаточно протяженные по площади пятна супеси и фрагменты деревянных элементов (бревен или плах) конструкций перекрытий. Большая часть пятен древесного тлена, маркировавшего элементы настила, залегала вдоль длинных сторон ямы по оси юго-запад — северо-восток. Однако и вдоль короткой, юго-западной стены также отмечены параллельные краю ямы древесные остатки (Прил. 1, *4*). Длина деревянных элементов, определяемая по тлену, вдоль протяженных северо-западной и противоположной юго-восточной стен достигала 3,4 м, вдоль юго-западной стены — 2,1 м. Часть пятен древесного тлена этих элементов имела полукруглые поперечные разрезы, часть — подпрямоугольные. Максимальная ширина — ок. 17–18 см (рис. 4).

2. Сруб
(Прил. 1, *5*)

Погребальная камера представляла собой сруб размером 3,4 × 2,2 м. Сруб рублен «в обло», длина угловых выпусков бревен составляла 20–30 см (рис. 5). Углы зафиксированы на уровне –343–348. Бревна сохранились в виде полос тлена толщиной около 10 см. Достоверно прослежено два нижних венца. Стены усыпальницы были установлены на деревянный пол на расстоянии 30–35 см от стен ямы (рис. 6).

Рис. 4. Пятна серой супеси и древесного тлена, связанные с остатками верхних перекрытий на юго-восточной временной стенке. Вид с севера — северо-запада

Рис. 5. Центральная часть камерного погребения 7 на уровне пола, юго-восточная стена камеры. Находки в северо-восточной части: 1 — гвозди; 2 — сундучная накладка; 3 — гвозди; 4 — след деревянного сосуда; 5 — железные оковки деревянного ведра; 6 — железный засов; 7 — стекла-вставки и чашечки весов. Вид с северо-запада

Рис. 6. Пятна древесного тлена, маркирующие габариты сруба камеры 7 на дне могильной ямы. Вид сверху, с севера

3. Пол
(Прил. 1, *5*)

Настил пола камеры прослеживался почти по всему дну ямы, распространяясь за контуры сруба на площади ок. 2,6 × 4 м. Сохранность древесины — крайне плохая. Контуры элементов пола и наличие древесины местами определялись по незначительным включениям детрита, придававшим материковой породе характерный коричневатый оттенок. Пятна, маркировавшие детали пола, имели ширину от 12 до 16 см и были ориентированы в направлении северо-восток — юго-запад (рис. 5). Длина настила составляла ок. 3,8 м. Наиболее отчетливо контуры элементов пола прослеживались по краям ямы за пределами сруба (рис. 6). В центральной части настил сохранился значительно хуже. По определению А.А. Гольевой, в устройстве пола была использована древесина хвойных пород (см. статью А.А. Гольевой в настоящем томе).

Захоронение
(Прил. 1, *5*)

В центральной части камеры на уровне пола, большей частью в отпечатках, зафиксированы остатки детского скелета. Сохранились лишь отдельные антропологические фрагменты: часть кости руки, челюсти и зубы, осколки покровных костей черепа (рис. 7). Ориентация погребения устанавливается ориентировочно, по фрагментам костей. Вероятнее всего, захоронение было совершено головой на юго-запад.

Скелет и сопровождающий инвентарь были перекрыты органическим тленом. Согласно микробиоморфным анализам А.А. Гольевой, в составе тлена присутствовали древесный детрит, травы, солома и (или) сено. Кроме того, в пробах грунта, взятых рядом с останками, обнаружены следы животной органики (например, кожи или шерсти) (см. статью А.А. Гольевой в настоящем томе).

По определению антрополога Д.В. Пежемского, костные останки позволяют сделать лишь общее заключение о том, что в седьмой камере был захоронен ребенок в возрасте от 3 до 7–8 лет (см. статью Д.В. Пежемского в настоящем томе).

Погребальный инвентарь
(Прил. 1, *6*)

Погребение не было разграблено. Сопровождающий инвентарь насчитывает более сорока находок. Предметный состав комплекса убедительно указывает на то, что в седьмом погребении была захоронена девочка.

Вдоль юго-западной стенки камеры, в кв. 51, 59, 60 в придонной части заполнения и на полу, обнаружено 16 железных гвоздей (рис. 5; Прил. 1, *6*; Прил. 3, Каталог, ***14***, ***16–19***, ***24–34***). Такой же ряд гвоздей выявлен и в восточной части этого древесного пятна (рис. 5; Прил. 1, *6*; Прил. 3, Каталог, ***11***, ***13***, ***15***, ***21***, ***22***). Возможно, гвоздями было скреплено ложе, на котором располагался большой сундук, где лежала погребенная девочка. В центре условного ложа, видимо «на ногах» погребенной, поперек пятна древесного тлена, связанного с погребальным ложем, найден большой железный продолговатый сильно корродированный предмет. После реставрации из состава окислившегося конгломерата удалось выделить несколько предметов (Прил. 3, Каталог, ***37.2***, ***9***). Самый крупный, вероятно, — сундучная накладка (рис. 5; Прил. 1, *6*). Длина железной пластины — 30,5 см, ширина — 3,5 см, толщина — от 0,6 до 1 см. На одной из поверхностей накладки сохранились «прикипевшие» к остаткам деструктурированного железа фрагменты полотняной ткани двух видов (Прил. 3, Каталог, ***37.1***, ***2***). Непосредственно на поверхности окислов

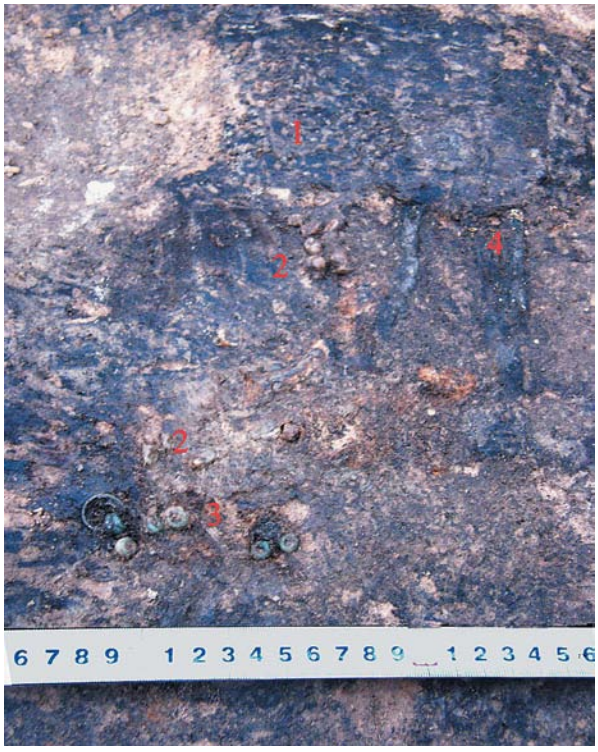


Рис. 7. Скопление находок в области черепа и остатки перекрывающего их покрова: 1 — покров; 2 — зубы человека; 3 — стеклянные бусы; 4 — фрагмент златотканой тесьмы очелья. Вид с северо-запада

Рис. 8. Фрагменты полотняной ткани двух видов на сундучной накладке

железа видна довольно грубая ткань с толщиной нитей 0,8–1 мм. Поверх нее местами сохранились фрагменты гораздо более тонкого текстиля, выполненного из нитей толщиной 0,25–0,3 мм (рис. 8). На противоположной поверхности накладки прослежены отпечатки фрагментов волокон древесины лиственных пород, из которой был выполнен сундук (определение доцента ПГУ, кандидата биологических наук И. Г. Соколовой). Прослеженная стратиграфия позволяет предполагать, что сундук был накрыт тканями.

В составе конгломерата вокруг накладки ларя обнаружены два железных ключа. Один из них — ключ от навесного замка типа А по Б. А. Колчину (Колчин, 1982, с. 161) длиной 8 см (Прил. 3, Каталог, ***37.3***). Второй — пластинчатый ключ с кольцом для подвешивания, рабочая часть которого не сохранилась (Прил. 3, Каталог, ***37.4***). С ключами оказались «сплавлены» окислами фрагменты железных шарнирных ножниц (Прил. 3, Каталог, ***37.7***). От ножниц сохранился один конец с колечком и небольшая часть лезвий.

Самая странная и интересная находка в этом скоплении — бронзовый вертлюг, найденный в комке какого-то пропитанного твердыми железными окислами органического вещества (Прил. 3, Каталог, ***37.5***). Согласно консультации Виктора Михайловича Федорова, известного специалиста по истории охоты с хищными птицами, который осмотрел находку из камеры 7, этот вертлюг очень похож на те, которые традиционно использовались в средневековой Западной Европе. В современной соколиной охоте такие вертлюги также используются у нас в России, в Европе и США. В. М. Федоров отмечает, что подобного типа вертлюг изображен в трактате XIII в. о птицах и соколиной охоте императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена. В вертлюгах подобного типа средняя часть между кольцами представляет собой форму небольшого шара. Вертлюг в современной соколиной охоте устанавливается между путцами (они вплетаются в одно кольцо) и должиком — длинным ремнем с узлом (вставляется во второе кольцо), которым птица привязывается к присаде или к руке. «Правила охоты, сформировавшиеся в глубокой древности, обусловили неизменность охотничьего инвентаря, что подтверждается этнографическими сведениями и археологическими находками. К примеру, тип кроя клобучка или форма вертлюга на протяжении веков остаются практически неизменными» (Федоров, 2011, с. 69). В европейской соколиной охоте вертлюг делается из металла, чаще из латуни, в азиатской — используются вертлюги из кости и рога (Федоров, 2011, с. 69–71). Вероятно, что подобные устройства могли использоваться и в X в. Вертлюги, известные в археологических коллекциях Новгорода, Белоозера и Ярославля, изготовлены из дерева или кости и принадлежат азиатской традиции охотничьего инвентаря (Федоров, 2011, с. 70–71).

Здесь же, недалеко от скопления, в пятне древесного тлена, т. е. в сундуке, обнаружен раздавленный фрагмент стеклянного цилиндрического

Рис. 9. Находки в центральной части камерного погребения 7: 1 — развал стеклянного сосудика; 2 — фрагмент железной сундучной накладки. Вид сверху

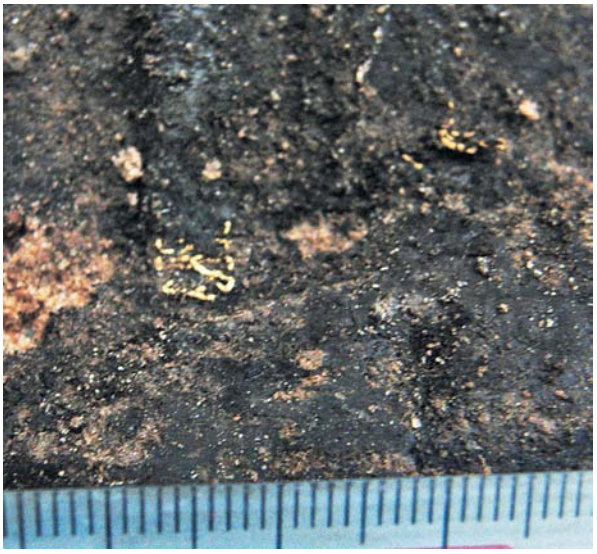


Рис. 10. Фрагмент златотканой тесьмы, кв. 52, in situ. Вид сверху

сосудика из тонкого прозрачного бесцветного стекла (рис. 9) диаметром ок. 1,5 см, длиной ок. 6 см.

В восточной части пятна древесного тлена в кв. 52, в районе, где найдены пластинки свода черепа, выявлены остатки очелья, сверху и снизу обрамленного златотканой тесьмой (рис. 7, 10; Прил. 1, ***5***, выноска). Ширина тесьмы — 0,6 см. Золотная нить утка изготовлена из плоской в сечении полоски золотой фольги (бити), спирально обернутой вокруг нитки из органического материала. Длина верхней тесьмы — 30 см, нижней —

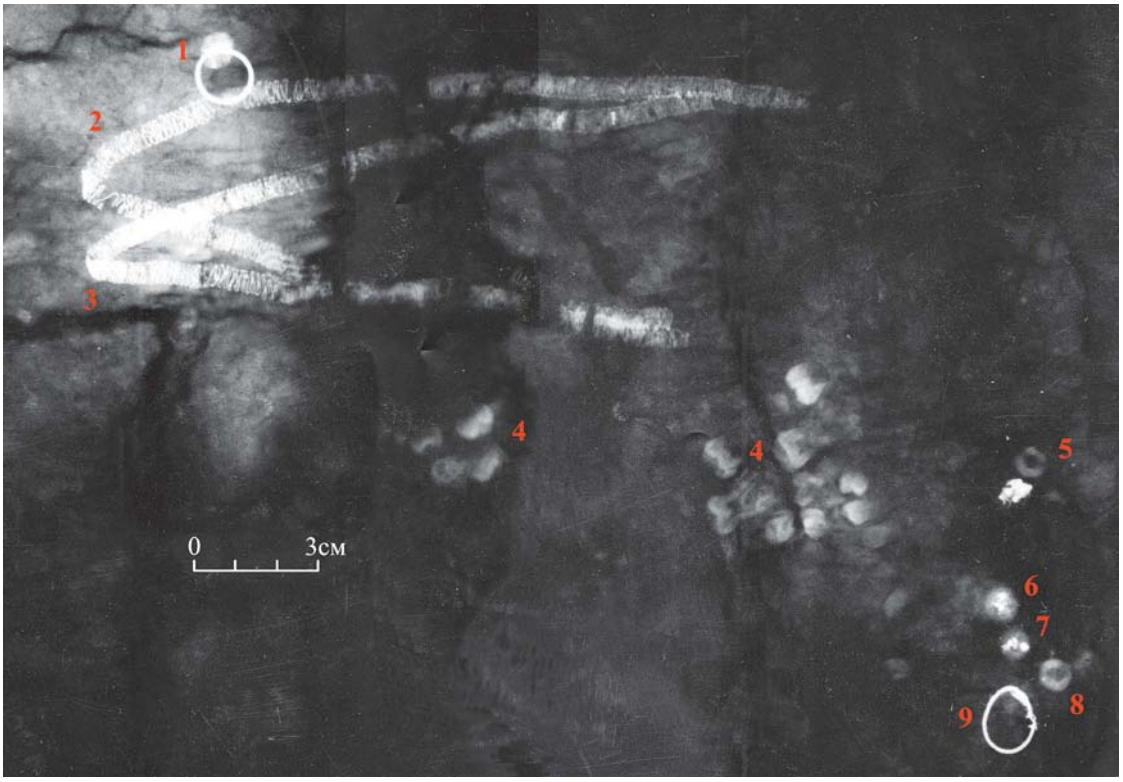


Рис. 11. Рентгенограмма грунтового монолита со скоплением бус и зубов:
1 — золотое колечко с нанизанной стеклянной бусиной; 2, 3 — златотканая тесьма; 4 — зубы человека; 5–8 — «тусклые» зеленые стеклянные бусы; 9 — серебряное колечко с нанизанной стеклянной бусиной

24 см (рис. 11). К одной из тесемок было прикреплено височное кольцо из золота с нанизанной стеклянной бусиной. Кольцо завязано так называемым «скандинавским узлом» (рис. 11). Диаметр кольца — 1,3 см, диаметр сечения золотой проволоки — 0,1 см (Прил. 3, Каталог, ***4***).

Инга Хэгг выделяет двадцать захоронений Бирки, где имеются остатки женских головных уборов с тесьмой из золота и серебра. Например, в парном захоронении (Bj 750), у похороненной женщины вокруг головы серебряная лента с двумя свисающими концами. На затылке концы ленты завязывали в позументный узел. Подобный головной убор, возможно, был и в захоронении Bj 967. На некоторых планах погребений (Bj 707, 823, 845 и 967) изображены in situ тесьма или ее фрагменты, плотно охватывавшие лоб и затылок, как очелье. В некоторых случаях (Bj 823 и 845) сохранились также остатки шелка, на который тесьма была нашита (Hägg, 1986, S. 65).

Похожий комплекс украшений головного убора обнаружен в камерном погребении № 49 киевского некрополя у Михайловского Златоверхого монастыря (Ивакин, 2005, с. 287–304). На черепе погребенной там девушки зафиксированы следы матерчатого с серебряной нитью ленточного венца шириной 15 мм с крупной серебряной листовой аппликацией (подвеской?) ромбической формы (40 × 35 мм). У правого виска найдено височное кольцо из рубчатой золотой проволоки с завязанными простым узлом концами с зонной пастовой оранжевой бусиной (Ивакин, 2005, с. 297).

К настоящему времени по литературе и археологическим отчетам известно не менее 70 географических пунктов, из которых происходит более 155 образцов древнерусского золотного шитья X–XIII вв. (Михайлов К. А., 2007а, с. 193). К наиболее раннему периоду, т. е. к X в., относится 15 случаев обнаружения золотных нитей. Из них 7 — из Гнёздовского могильника, 5 — из Тимерево, 1 — из Чернигова (Черная могила), 1 — в Пскове (погребение 74, Трупеховский I раскоп), 1 — в Киеве, в погребении 123 у Десятинной церкви (Михайлов К. А., 2007а, с. 194–195; Ивакин, 2005, с. 287).

К северу от очелья, в непосредственной близости от него, в кв. 52, выявлено ожерелье из пяти стеклянных зеленых бус (рис. 11; Прил. 3, Каталог, ***1***). В состав ожерелья также входила бусина на серебряном колечке из рубчатой проволоки, с так называемым «скандинавским узлом» (рис. 12). Диаметр кольца — 1,5 см, диаметр проволоки — ок. 1 мм (Прил. 3, Каталог, ***37.5***). Правее, предположительно в области груди, найдена небольшая серебряная подковообразная загну-

Рис. 12. Стеклянные бусы из ожерелья in situ, кв. 52. Вид сверху

токонечная фибула, треугольная в поперечном сечении. Диаметр фибулы — 2 см, длина иглы — 2,3, ширина иглы в основании — 0,35 см. Это довольно грубое изделие (Прил. 3, Каталог, ***38***). При внимательном рассмотрении хорошо видно, что восковая модель, по которой изготовлена застежка, была сделана небрежно, нижняя и боковые поверхности неровные, со множеством дефектов, один из загнутых концов при отливке не заполнился металлом. Готовая отливка не обрабатывалась напильником и не шлифовалась. Примерно в 40 см к северо-востоку от очелья лежал серебряный сегментовидный в сечении браслет с несомкнутыми концами диаметром 5 см, шириной 4, толщиной от 4 в центре до 2,5–3 мм у концов (Прил. 3, Каталог, ***39***).

На расстоянии около 1 м к северо-западу от черепа (предположительно в ногах погребенной), на расстоянии 30 см одна от другой, обнаружены две синие стеклянные ребристые бусы. Возможно, они украшали подол платья или полы верхней одежды (Прил. 3, Каталог, ***2***, ***3***).

Судя по расположению остатков костей и сопровождающего инвентаря в слое древесного тлена, девочка лежала в деревянном сундуке с железными оковками; по сохранившимся отпечаткам ткани на внешней части оковок он был перекрыт тканями.

Другое скопление находок выявлено в северо-восточной части камеры за большим сундуком-гробом. Его границы определяются скоплением разложившихся железных предметов и древесного тлена (Прил. 1, *6*).

В северо-восточной части погребальной камеры, в 80 см от большой сундучной накладки, найдены остатки ларца с железным засовом, замком и кольцом (Прил. 1, *6*). В пределах пятна древесного тлена, маркировавшего местоположение ларчика, располагалось скопление разноцветных пластинок. В некоторых из них определяются закраины и венчики стеклянных сосудов (Прил. 3, Каталог, *7*).

Ближайшие аналогии подобным стеклянным украшениям известны в Гнёздовском курганном могильнике, в камерном захоронении кургана 30 Ольшанской группы, исследованного в 1988 г. под руководством Д.А. Авдусина (Меч и златник, 2012, с. 88, № 207) и в камерном погребении № 49 (1999 г.) в районе Михайловского Златоверхого монастыря (Ивакин, 2005, с. 287–304). Отдельные стеклянные бляшки округлой формы есть в некоторых захоронениях Бирки (Arbman, 1940, Taf. 195).

Гнёздовское и киевское камерные захоронения со стеклянными пластинами — могилы взрослых людей, содержащие богатый инвентарь, являются одними из самых представительных в составе своих некрополей.

Размеры могильной ямы киевского погребения — 4 × 3,5 м, камеры — 3,2 × 2,7 м. По своим размерам псковское погребение 7 близко указанным параметрам: яма — размером 4,4 × 3,7 м, камера — 3,4 × 2,2 м. Погребение № 49, принадлежавшее молодой женщине 16–18 лет, содержало более 70 находок — один из наиболее богатых и интересных вещевых комплексов Киевского некрополя X в.

Погребальное сооружение камерного захоронения Оль-30 также принадлежит к числу наиболее представительных. Длина ямы — 6,9 м, ширина — более 4,9, глубина — 2 м. Конструкция имела опорный столб диаметром около 0,5 м для поддержания перекрытий (Жарнов, 1998, с. 97). Состав погребенных определен «с некоторой долей условности» (Жарнов, 1998, с. 98) Предполагается погребение двух женщин и двух мужчин в сопровождении двух лошадей (Жарнов, 1991, с. 208). Там вместе с остатками деревянной коробки-ларца и золотыми нитями нашли плоские стеклянные пластинки различных геометрических форм.

В погребении № 49 из Киева пластинки, как предполагают, византийского стекла красного, желто-оранжевого и синего цветов обнаружены в коробке или шкатулке рядом с останками молодой женщины (Ivakin, 2004, p. 52–53, Ивакин, 2005, с. 287–304). Всего их найдено 27. Пластинки сегментовидной, трапециевидной и прямоугольной формы.

Из гнёздовской камеры происходят 81 стеклянная пластинка: 9 сиреневых, 10 бирюзовых, 12 голубых, 5 зеленых, 12 синих, 33 темно-желтых, прямоугольной, ромбовидной, круглой, каплевидной формы.

В псковском погребении 7 найдены 54 стеклянные пластинки (рис. 13, 14; Прил. 3, Каталог *7*). Из них: синих — 18, голубых 1, фиолетовых 14, зеленых 5, желтого стекла (коричневые и желтые) 6, оранжевая 1, бесцветного прозрачного стекла разных оттенков 9. Форма стеклянных пластинок разная: круглых — 7, овальных — 1, полукруглая (сегметовидная) — 15, остальные — четырехугольные (подпрямоугольные и трапециевидные) и 2 обломка прозрачного стекла неправильной формы. На большинстве бляшек по краям заметна ретушь. Лишь одна оранжевая пластинка правильной овальной формы имеет тщательно зашлифованные края. Скорее всего, по первоначальному назначению она была ювелирной вставкой.

Рис. 13. Камерное погребение 7: 1 — железный засов; 2 — стекла-вставки; 3 — развал деревянной чаши с серебряными украшениями; 4 — железные оковки деревянного ведра; 5 — развал глиняного сосуда; 6 — след деревянного сосуда; 7 — железная накладка на сундук. Вид с северо-востока

Рис. 14. Стекла-вставки и чашечки весов in situ, кв. 52. Вид с востока

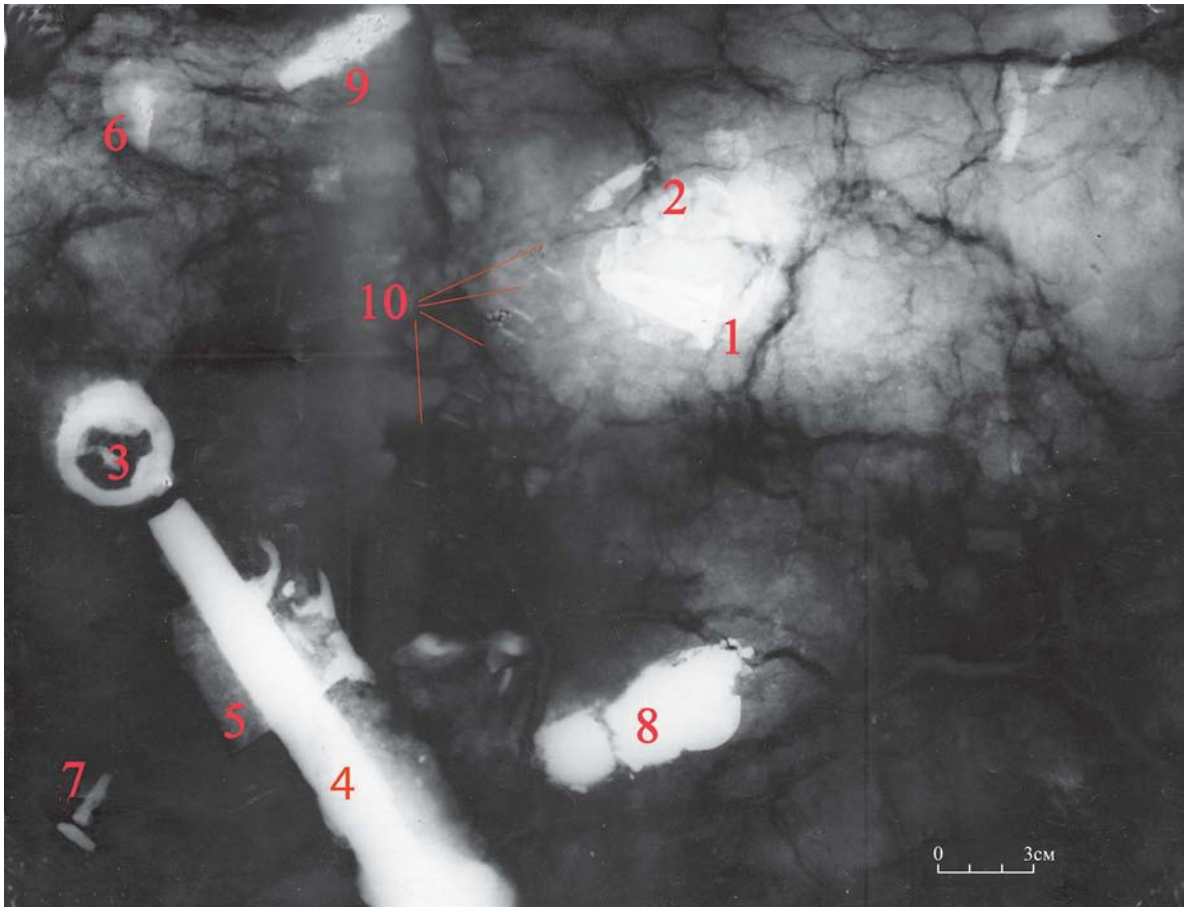


Рис. 15. Рентгенограмма грунтового монолита: 1 — коромысло весов; 2 — бронзовые чашки весов; 3 — железное кольцо; 4 — железный засов с замочной пружиной; 5 — железная квадратная пластина с гвоздями; 6 — гвоздь железный; 7 — гвоздь железный; 8 — фрагмент железных оковок; 9 — фрагмент железных оковок; 10 — остатки тонких серебряных скобок

Т.А. Пушкина и Н.В. Ениосова определили назначение стеклянных пластинок из камеры кургана Оль-30 следующим образом: бляшки найдены вместе с золотыми нитями, «с помощью которых они, вероятно, нашивались на текстильную основу, являясь субститутами драгоценных камней, украшавших парадную одежду византийской знати. Возможно, одеяния, расшитые фрагментами цветного стекла, изготавливались в императорских мастерских как дипломатические дары для варварской знати» (Меч и златник, 2012, с. 88, № 207).

Основываясь на опубликованных Г.Ю. Ивакиным данных о погребении № 49 Михайловского Златоверхого монастыря и материалах погребения 7 Старовознесенского камерного могильника определяется иная версия применения цветных стеклянных пластинок. Думаю, как и в Киеве (Ивакин, 2005, с. 287–304), стеклышки являются элементами декора ларцов, снабженных характерными железными засовами. Эти засовы крепились к ларцу с помощью прямоугольных пластин на гвоздях (Прил. 3, Каталог, ***10***). Длина засова из седьмой камеры — 16 см, ширина — 1,5–2 см. Засов оснащен раздвоенной пластинчатой пружиной — элементом запирающего механизма. Размеры пластины — крепления с гвоздями 5 × 5 см. У конца засова на рентгеновском снимке хорошо различимо железное кольцо с пробоем. Диаметр кольца — 3,7 см, его толщина — 0,6 см. Металл кольца деструктурирован (рис. 15).

Кстати, размеры прямоугольной пластины и засова из киевского погребения № 49 близки нашим находкам. Ларец из псковской камеры 7, украшенный стеклянными вставками, кроме засова, имел и другие железные детали, которые сохранились лишь в виде «рыжих» окислов. Приблизительные размеры ларца в плане реконструируются по пятну древесного тлена — ок. 40 × 40 см.

В ларце лежали металлические весы (рис. 14, 15; Прил. 3, Каталог, ***8***). Частично сохранились бронзовые чашечки, орнаментированное ко-

ромысло и вилка. В чашечках лежал фрагмент дирхема. На его поверхности заметны насечки, вероятно, оставленные пробирным камнем (Прил. 3, Каталог, ***9***). По определению Г. Рисплинга — это фрагмент монеты без текста, вероятно, чеканенной в Волжской Булгарии в 940–960 гг. (330–350 гг. хиджры)[1].

К северо-западу от ларца найдены остатки несохранившейся деревянной чаши диаметром около 9 см, украшенной серебряными с позолотой оковками (рис. 16). Все элементы ее металлического декора in situ зафиксированы на рентгеновском снимке (рис. 17).

Драгоценный декор края чаши состоял из 5 подтреугольных и одной пятиугольной обоймиц, крепившихся штифтами-заклепками к краю: по одной серебряной заклепке в каждом декоративном элементе. Кроме этого, в составе комплекта присутствуют квадратная серебряная позолоченная пластина размером 2,2 × 2,2 см, с круглым отверстием в центре диаметром 0,8 см и пластина неправильной полуокруглой формы с бортиком по краю, украшенная растительным орнаментом, со следами черни (Прил. 3, Каталог, ***6***). Последний предмет наиболее интересен. Размеры орнаментированной пластины — 2,3 × 3,4 см, высота бортика — 0,3–0,4, толщина пластины — 0,3 мм.

Бортик пробит пятью серебряными гвоздиками для крепления к деревянной основе. Предмет представляет собой оковку горизонтальной ручки деревянной чаши, подобную той, которая была обнаружена в «кладовой» камерного погребения 6. Чаша из камеры 7 — «видавший виды» сосуд, не раз подвергавшийся ремонту. Оковка ее ручки почти утратила черневой декор, в горизонтальной пластине по краям видны 2 отверстия от утраченных раньше гвоздиков. Относительно прямоугольной пластины с отверстием, найденной в центре чаши, мы предполагаем ее использование в качестве каста, который удерживал вставку (драгоценный камень или жемчужину), утраченную в древности. Профиль краев отверстия имеет характерную усеченно-коническую форму, обеспечивавшую надежное крепление вставки. По углам пластина была прибита к деревянной основе с помощью миниатюрных серебряных гвоздиков, два из которых сохранились.

Рядом находилась большая деревянная чаша, вероятно, — блюдо, которое сохранилось

Рис. 16. Серебряные элементы деревянной чаши in situ. Вид с юго-востока

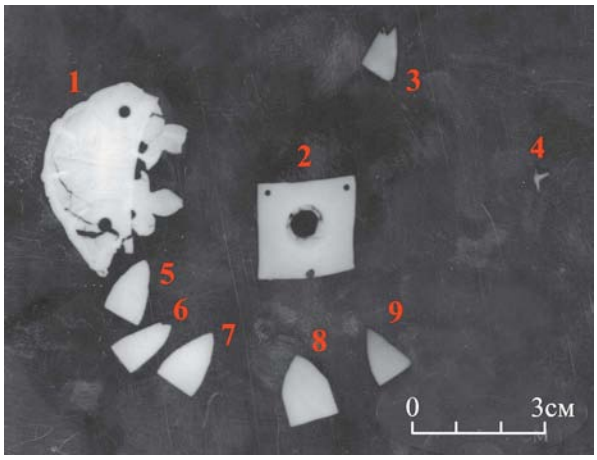


Рис. 17. Рентгенограмма грунтового монолита с серебряными украшениями деревянной чаши: 1 — накладка для ручки чаши с остатками черни; 2 — квадратная пластина — каст; 3, 5–9 — оковки-обоймицы со штифтами-заклепками по краю чаши; 4 — гвоздик

в виде тлена. Диаметр ее составлял не менее 45 см (рис. 13).

Поблизости стоял гончарный сосуд с клеймом на днище в виде солярного знака «свастики посолонь» (рис. 18; Прил. 3, Каталог, ***36***). Подобное клеймо имеет аналогии прежде всего в могильнике Гнёздова (Сизов, 1902, с. 113). Горшок сохранился в развале, но был воссоздан. Это глиняный сосуд X в. с «S»-видным профилем, орнаментированный однорядной волной при переходе от плечика к шейке и многорядным линейным орнаментом по тулову. Высота горшка — 10,5 см, диаметр донца — 6,3, максимальное расширение тулова — в верхней трети, на высоте 7–11,5, диаметр венчика по внешнему краю — 11, толщина стенок от 0,6 у плечика до 1,2 см в придонной части. По мнению Е. В. Каменецкой, смена лепной

[1] Сердечно благодарим хранителя Королевского нумизматического кабинета Стокгольма (Kungliga Myntakabinettet, Stockholm) господина Герта Рисплинга за определение арабских монет из погребения 5, специально сделанное для этой публикации.

Рис. 18. Развал глиняного сосуда в северо-восточной части погребения, в кв. 47. Вид с юго-востока

керамики гончарной в Гнёздово произошла в 20–30-х гг. X в., и уже в третьей четверти X в. появляются развитые формы круговой посуды с гончарными клеймами (Каменецкая, 1991, с. 157, 159).

По определению В.М. Горюновой, сосуд из погребения может принадлежать к типологическому разряду «S»-видных горшков выраженной профилировки приземистых пропорций и соотнесен с формами 2-й группы I типа варианта I-Б Рюрикова городища, получившими наибольшее распространение на третьем этапе развития керамического комплекса этого памятника (после 979 г.) (см. подробнее статью В.М. Горюновой в настоящем томе).

Около горшочка стояло небольшое деревянное ведерко с железными оковками и шумящими привесками в виде железных колечек (рис. 5, 13; Прил. 3, Каталог, ***35***).

Деревянные ведра достаточно часто встречаются в могильниках подобного типа. Большинство из них помимо оковок имели плоскую выгнутую железную ручку. Средний диаметр ведер достигал 20–26 см. В могильнике Шестовица остатки ведер были найдены в 17 захоронениях, из них 6 — в погребальных камерах (Бліфельд, 1977, с. 89–90). В шведском могильнике Бирка ведра с металлическими оковками найдены в 75 погребениях. Большинство древнерусских находок по шведской классификации для могильника Бирка относится к типу B. Это самый распространенный тип ведер для этого периода (Arbman, 1940, Taf. 209–212). Скорее всего, деревянные ведра предназначались, так же как и керамическая посуда, для хранения заупокойной пищи. Возможно, для хранения жидкостей.

Экземпляр, найденный в камере 7, значительно меньше обычно встречаемых в погребениях ведер, это скорее не ведро, а ведерко. Диаметр верхней оковки с колечками — 13,6 см, высота оковки — 6,5, диаметр колечек — 1,7, их толщина — 0,4 см. Интервалы между железными гвоздиками, с помощью которых колечки крепились к оковке и к деревянным клепкам, — от 2,6 до 3 см. Два нижних обода узкие, прямоугольные или близкие к прямоугольному в сечении, шириной от 0,7 до 1 см, толщиной 0,2–0,3 см. Это ведерко с колечками не может считаться тарной посудой. Без сомнения, его следует отнести к категории пиршественной, ритуальной утвари, при использовании которой колечки выполняли роль шумящих привесок. По-видимому, их было не менее 14 штук, целиком сохранилось 10. Ведерко могло служить и своеобразным «музыкальным инструментом».

Яма

(Прил. 1, *7*, *8*)

Яма для устройства погребального сооружения была вырыта в плотном слоистом суглинке. В плане она имела почти правильную подпрямоугольную форму и была ориентирована в направлении юго-запад — северо-восток с небольшим отклонением. Размеры на уровне обнаружения пятна — 440 × 370 см, в придонной части — 410 × 275 см. Глубина ямы от уровня обнаружения — около 150 см. Стены ровные, почти вертикальные, с уступом в верхней части. Дно плоское, довольно ровное.

Заключение

Погребение 7 являет весьма редкий пример камерного захоронения ребенка. Это погребальное сооружение достаточно большого размера с богатым и разнообразным инвентарем. Захоронение девочки сопоставимо с богатыми могилами взрослых людей.

Среди известных камерных усыпальниц Древней Руси детские составляют незначительную часть. Так, например, среди гнёздовских камер, по данным Ю.Э. Жарнова (Жарнов, 1998, с. 97), детских погребений нет совсем. Из 71 древнерусского камерного погребения, материалы которых

использованы в диссертации К.А. Михайлова (Михайлов К.А., 2005, с. 11), детских только 6: три принадлежали мальчикам, три — девочкам. Средняя длина тела девочек 3–7 лет, по современным данным, находится в пределах 93–126 см. При этом по размерам камеры (340 × 220 см) и ямы по верхнему контуру (440 × 370 см) сооружение принадлежит к числу наиболее значительных даже в ряду захоронений взрослых. Есть основания предполагать, что девочка была положена в сундук-гроб. Большая железная накладка, занимающая поперечное положение в самом центре сруба, скорее всего, являлась элементом конструкции этого большого сундука. Инвентарь включает венчик, обшитый златотканой тесьмой, золотое колечко с бусиной, серебряный браслет и фибулу, чашу с серебряной черненой отделкой, ларец, украшенный разноцветными стеклянными пластинами, весы, ключи, вертлюг, который, скорее всего, является элементом оснащения ловчей птицы, ведро с колечками, деревянные блюда, горшочек. Находка ларца со стеклянными цветными накладками позволяет поставить погребение 7 в один ряд с такими незаурядными камерами, как ОЛЬ-30 из Гнёздово и погребение 49 Михайловского Златоверхого монастыря (Жарнов, 1998, с. 97, Ивакин, 2005, с. 287–304). Всё это заставляет предполагать значительный социальный статус погребенной девочки в сообществе, оставившем псковский старовознесененский могильник. По совокупности признаков погребение датируется последней четвертью X в.

T.E. Ershova

Chamber Grave 7

(3, Nekrasova str.,
Podznoevsky excavation XII, 2008)

Summary

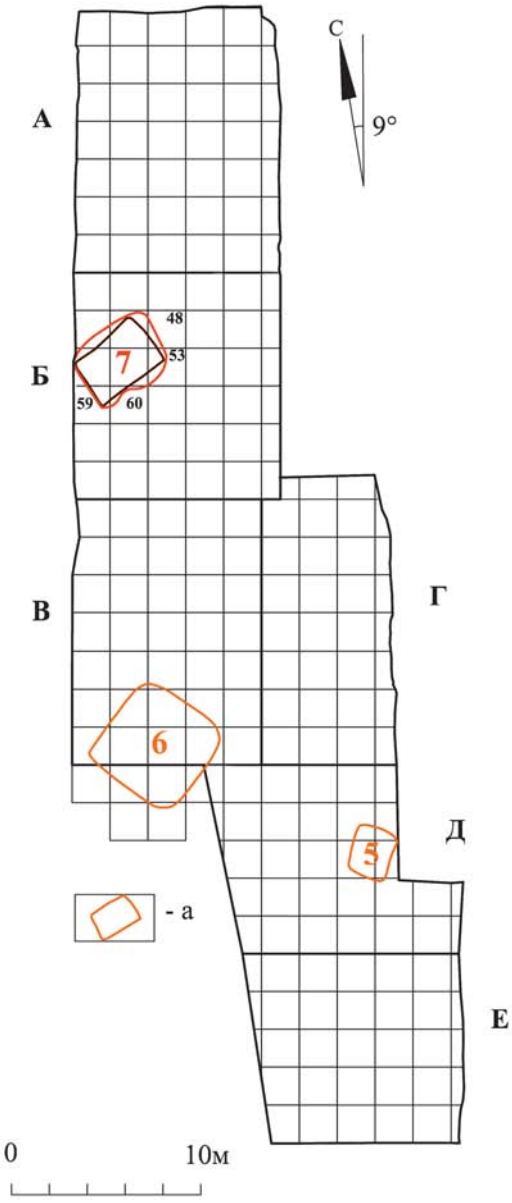
Chamber grave 7 was found in 2008 in the course of protection archaeological excavations at the site of construction of cultural and entertainment complex “Podznoev’s Yard”. The burial spot was discovered after the removal of the buried soil areas. The spot consisted of a yellow continental sand mixed with particles of sandy loam and clay loam. The maximum spot size is 4,6 × 3,8 m. The basis of the pit filling was yellow silty sand, mixed with microparticles of other continental rocks, clay loam and sandy loam, lying below, under the sand.The layers of gray sandy loam and the inclusion of wood decay, fixed in the layer of the grave pit filling are connected with the remains of the collapsed upper floors. Originally, the grave stone mound, then sagging in the pit, was separated from the wooden floors by a turf laying. The length of wooden elements along the extensive north-western and the opposite south-eastern walls reached 3.4 m and along the south-western wall — 2.1 m. The chamber grave was a log cabin 3.4 × 2.2 m in size. The logs were connected “in oblo”. The floor of the chamber was traced almost across the whole bottom of the pit, extending the contours of the construction on the area of approximately 4 × 2.6 m. in the central part of the chamber on the floor level, there were fixed, mostly in prints, the remains of a child’s skeleton. Most likely, the skeleton was lying with its head in the south-west direction.The skeleton and the burial inventory were blocked by organic decay. Burial 7 — is a rare example of a girl being buried in a chamber grave. The burial chamber was large in size and with a very rich and diverse inventory. The girl was placed in the trunk which served a chamber. The inventory includes a small crown decorated with gold weaven braid, a gold ring with a bead, a silver bracelet and a brooch, a bowl with a nielloed silver decor, a casket, decorated with multicolored glass plates, the scales, keys, a swivel, which is likely to be identified as an element of a hunting bird equipment, a bucket with rings — an object of feast utensils.

All this makes us assume quite an exceptional role of the buried girl in the society that left us the Old Ascension necropolis. By a set of attributes the burial is dated by the last quarter of the Xth century.

Приложение 1

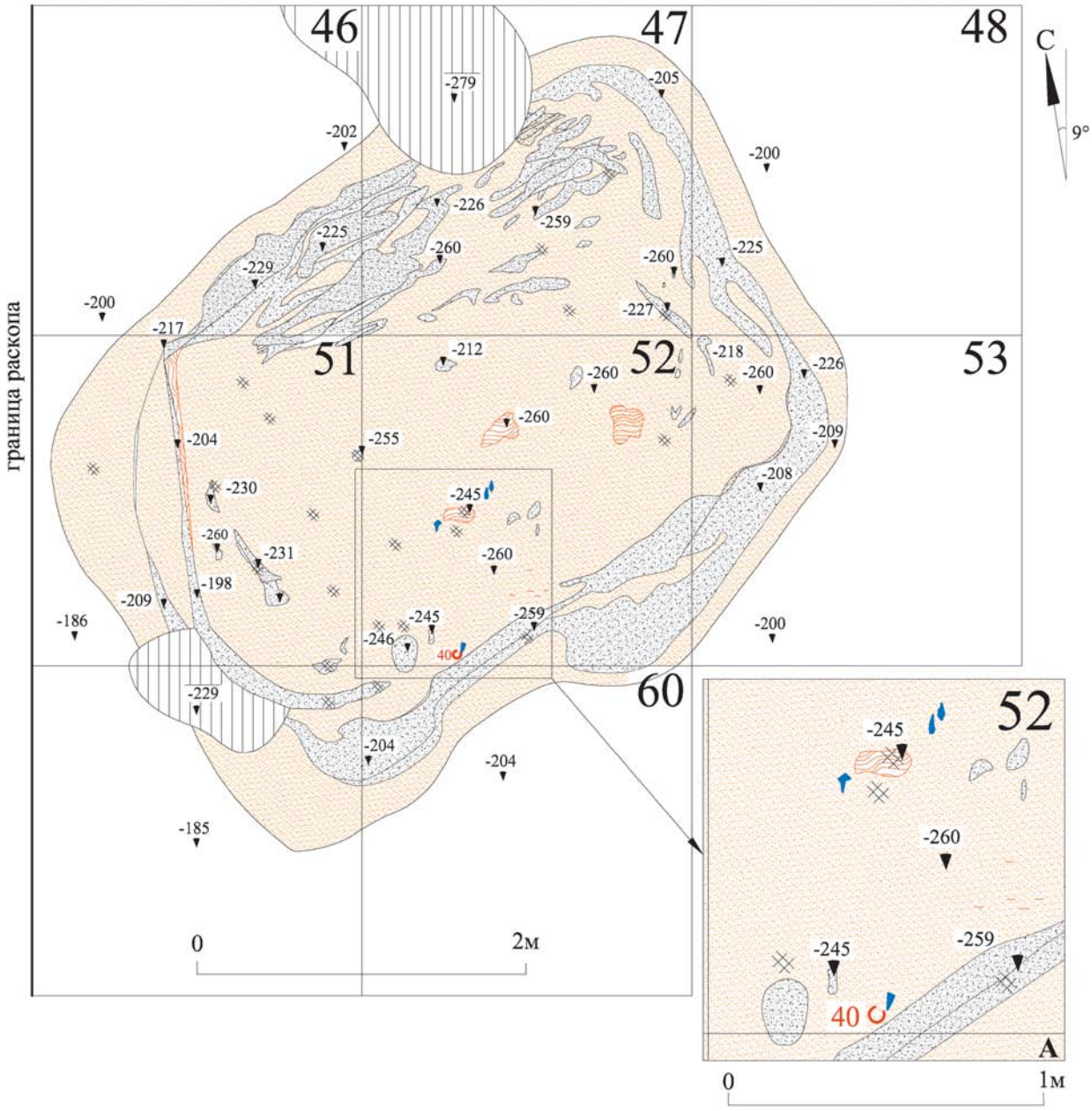
ЧЕРТЕЖИ
Камерное погребение 7
Подзноевский XII раскоп, 2008 г.

DRAUGHTS
Chamber Grave 7
Podznoevsky XII excavation, 2008 year

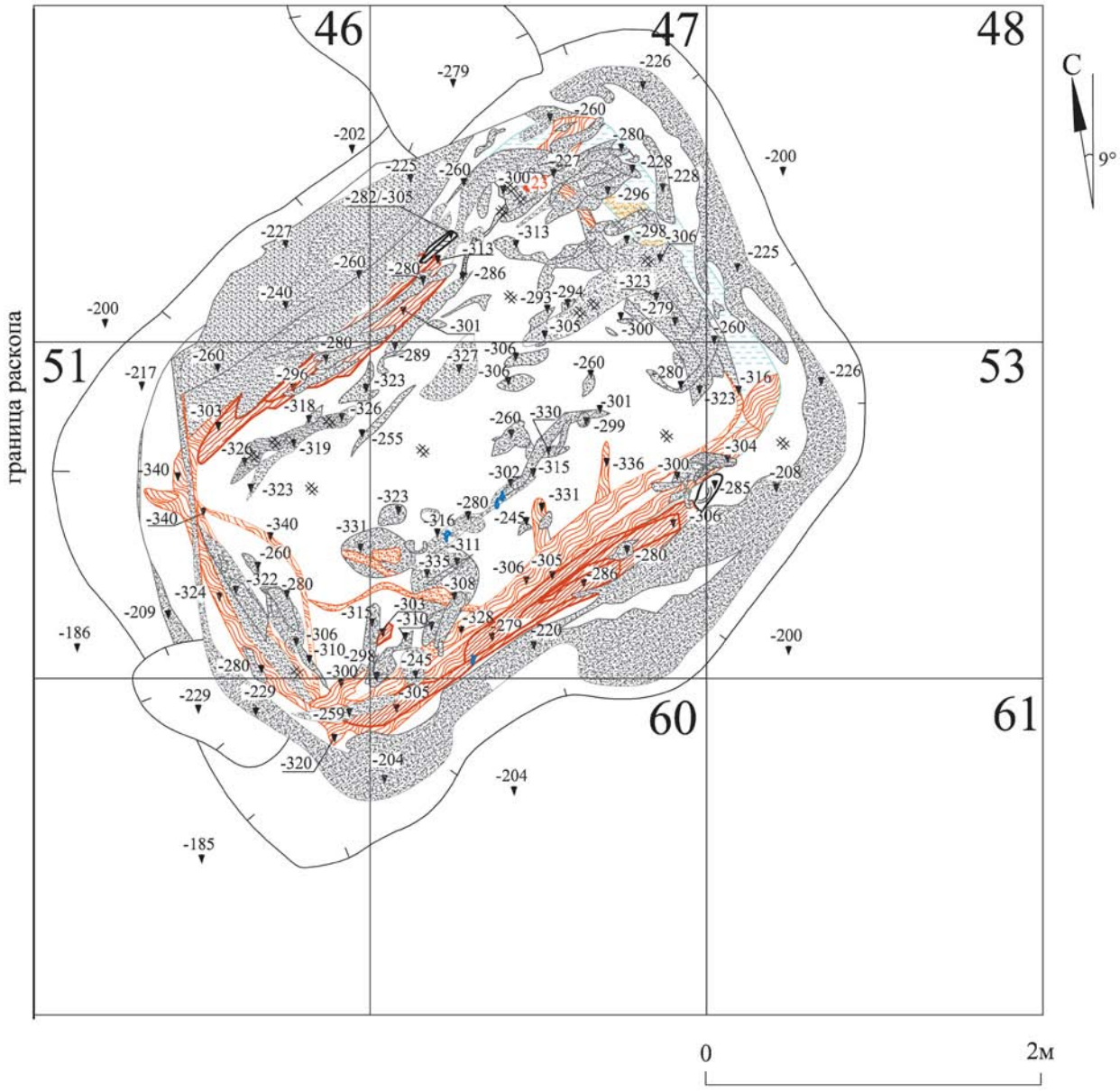


1. Схема расположения 7 камерного погребения. Подзноевский XII раскоп:
а — камерные погребения 5 и 6

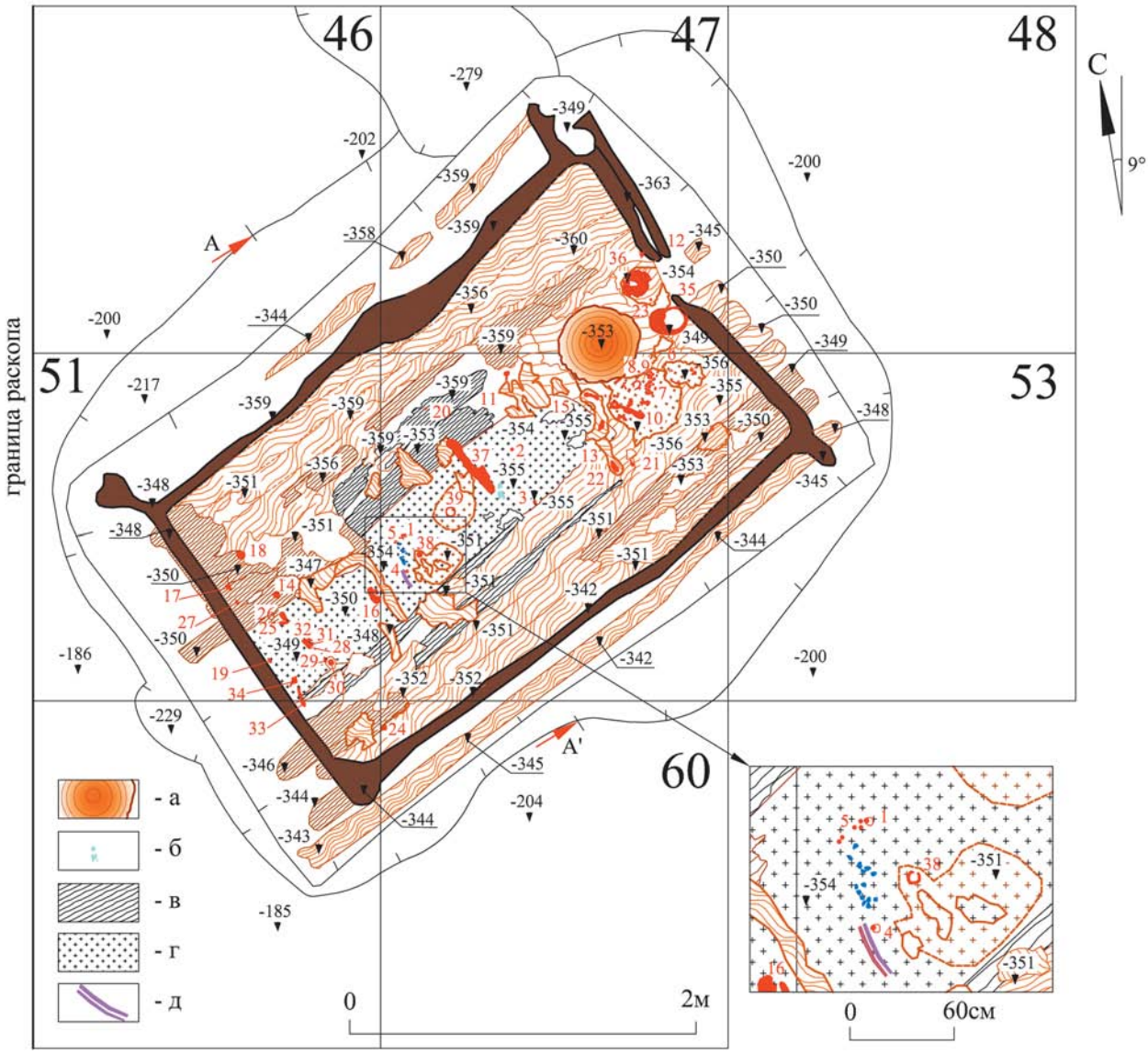
2. Пятно ямы камерного погребения 7 на уровне материка



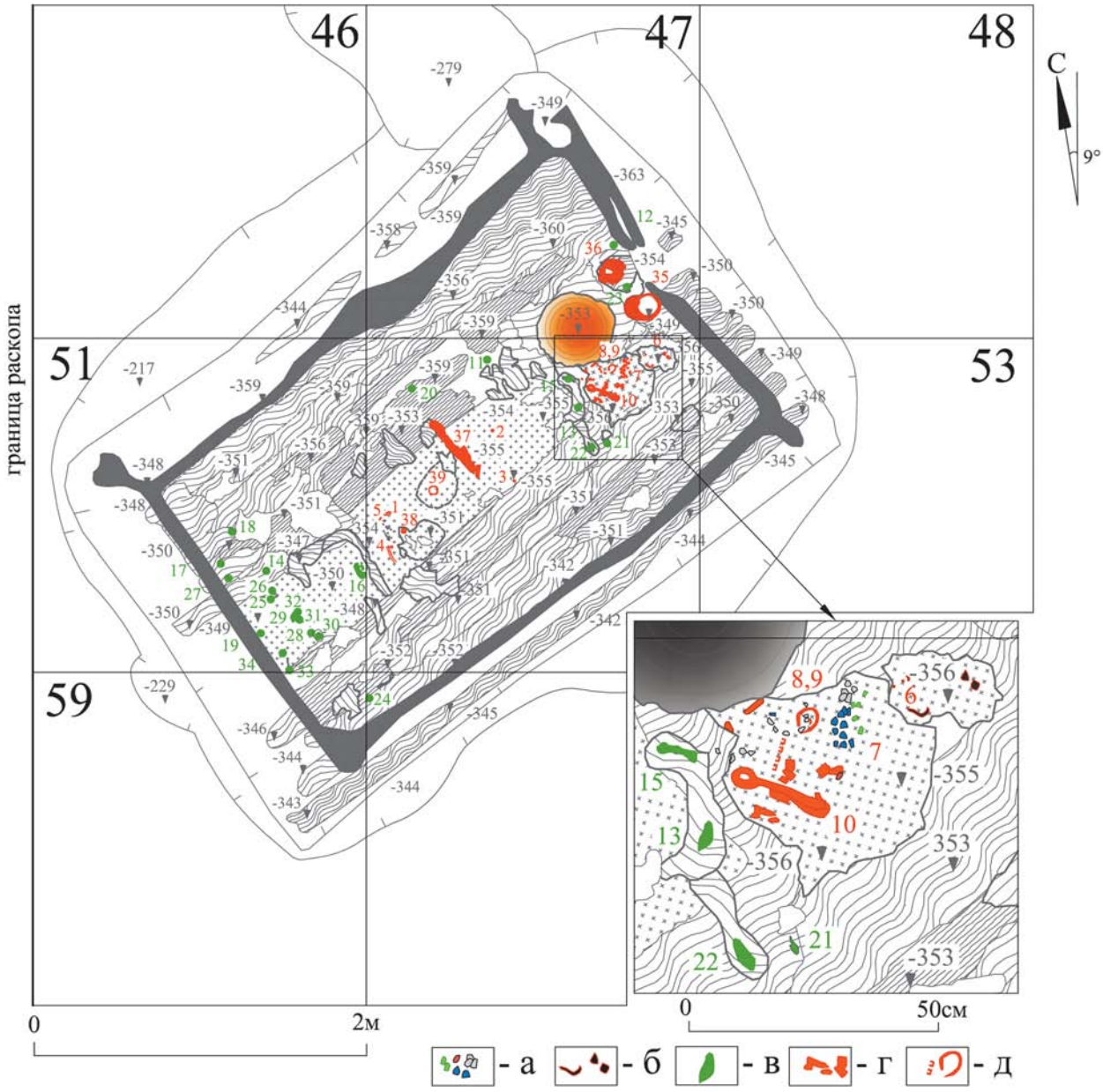
3. Пятна серой супеси и впускное захоронение (пл. 11–13) в заполнении камерного погребения. Выноска — впускное захоронение



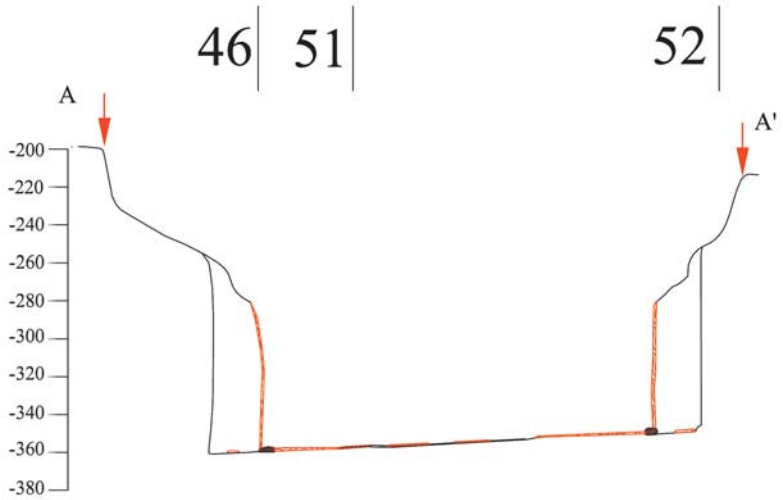
4. Сводный план пятен серой супеси, фрагментов деревянных перекрытий в заполнении и на «временных» стенках ямы. 11-й–17-й пласты



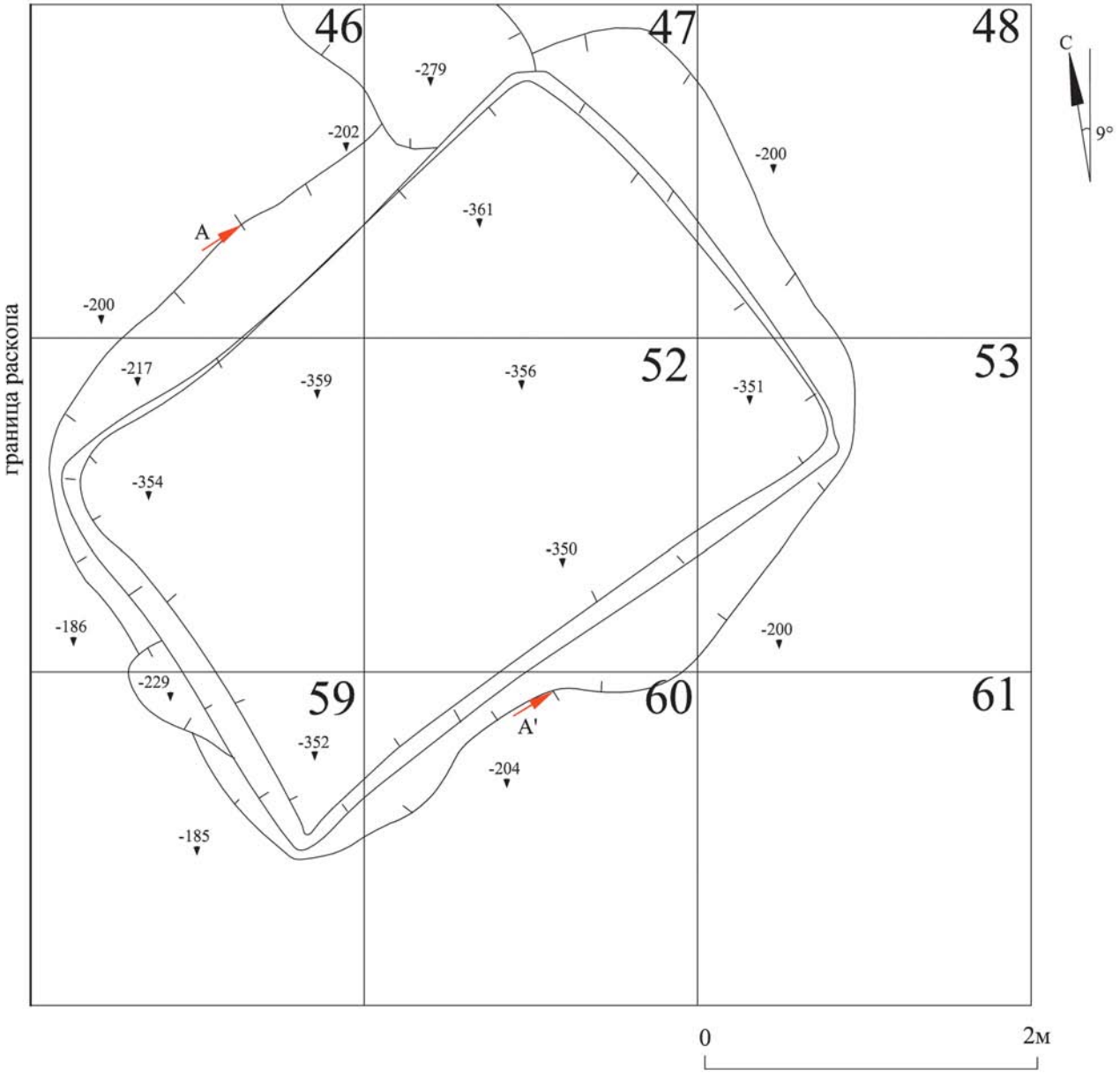
5. Камерное погребение 7: а — след от деревянной чаши-блюда; б — фрагменты стеклянного сосудика; в — древесный тлен черного цвета; г — очень плотный древесный тлен черного цвета; д — тесьма. Выноска – место выявления зубов погребенной и ближайших к ним находок



6. План расположения находок. Камерное погребение 7: а — стекла-вставки; б — серебряные обоймицы деревянной чаши; в — гвозди; г — железная накладка на сундук и оковки сундука; д — весы



7. Разрез могильной ямы и сруба камерного погребения 7



8. Яма камерного погребения

Приложение 2

СПИСОК НАХОДОК
Камерное погребение 7
Подзноевский XII раскоп, 2008 г.
(учетный шифр раскопа: П-08-ПДП-XII)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

LIST OF FINDS
Chamber Grave 7
Podznoevsky XII excavation, 2008 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
1	**Бусы** (кв. 52) Стекло цветное. *Beads.* *Coloured glass.*	_13_ 12
2	**Бусина ребристая** (кв. 52) Стекло цветное. *Ribbed bead.* *Colored glass.*	_43_ 41
3	**Бусина ребристая** (кв. 52) Стекло цветное. *Ribbed bead.* *Colored glass.*	_44_ 42
4	**Бусина с инкрустацией на кольце с завязанными концами** (кв. 52, в тесьме) Золото, стекло. Волочение, ковка. *Inlaid bead on the wire ring with knotted terminals.* *Gold, glass. Drawing, smithing.*	_11_ 10
5	**Бусина на кольце с завязанными концами** (кв. 52) Серебро, стекло. Волочение, ковка. *Bead on the wire ring with knotted terminals.* *Silver, glass. Drawing, smithing.*	_14_ 13
6	**Накладки и обоймицы края чаши (?)** (кв. 52) Серебро. Ковка, чеканка, золочение, чернь. *Mounts and cramps edge of the bowl.* *Silver. Smithing, minting, gilding, niello.*	_17_ 16
7	**Пластинки** (кв. 52) Стекло цветное. *Plates.* *Coloured glass.*	_19_ 18
8	**Весы с коромыслом, футляр весов. Фрагменты** (кв. 52) Бронза, железо, дерево. Литье, ковка. *Balance with folding beam, balance case in fragments.* *Bronze, iron, wood. Casting, smithing.*	_20_ 19
9	**Монета. Дирхем. Волжская Булгария (?) (940–960 гг.). Фрагмент** (кв. 52, в весах) Серебро. Чеканка. *Arabic coin dirhem.* *Silver. Minting.*	_12_ 11
10	**Запор с пружиной** (кв. 52) Железо. Ковка. *Bolt with spring.* *Iron. Smithing.*	_18_ 17
11	**Гвоздь** (кв. 52) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_3_ 2

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой / Номер по описи
12	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 47) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	4/3
13	**Гвоздь (?). Фрагмент** (кв. 52) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	5/4
14	**Гвоздь** (кв. 51) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	7/6
15	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 52) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	6/5
16	**Гвозди** (кв. 51) Железо. Ковка. *Two nails.* *Iron. Smithing.*	8/7
17	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 51, в стене сруба) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	38/36
18	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 51, в досках пола) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	33/31
19	**Гвоздь** (кв. 51, в стене сруба) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	39/37
20	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 52, в досках пола) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	41/39
21	**Гвоздь** (кв. 52, в досках пола) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	37/35
22	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 52) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	9/8
23	**Гвоздь** (кв. 47) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	26/25
24	**Гвоздь** (кв. 60, в стене сруба) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	32/30
25	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 51) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	25/24

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
26	**Гвоздь** (кв. 51) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_27_ 26
27	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 51) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_24_ 23
28	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 51, в досках пола) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_34_ 32
29	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 51, в досках пола) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_35_ 33
30	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 51, в досках пола) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_36_ 34
31	**Гвоздь** (кв. 51) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_28_ 27
32	**Гвоздь. Фрагмент** (кв. 51) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_29_ 28
33	**Гвоздь** (кв. 59, в стене сруба) Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_31_ 29
34	**Гвоздь (?). Фрагмент** (кв. 51, в досках пола) Железо. Ковка. *Nail. Fragment.* *Iron. Smithing.*	_40_ 38
35	**Оковка ведра с подвесками-кольцами** (кв. 47) Железо. Ковка. *Bucket rim with hanging rings.* *Iron. Smithing.*	_22_ 21
36	**Сосуд гончарный с клеймом на дне** (кв. 47) Глина. *Wheel-thrown vessel with brand-stamp on the bottom.* *Clay.*	_23_ 22
37.1	**Накладка сундучная с отпечатками ткани и остатками древесины** (кв. 52) Железо, дерево. Ковка. *Chest mount with textile stamps and wood remains.* *Iron, wood. Smithing.*	_21_ 20/1
37.2	**Деталь оковки сундука с заклепками, отпечатками ткани и остатками древесины** (кв. 52) Железо, бронза, дерево. Ковка. *Detail of the chest binding with small rivets, textile stamps and wood remains.* *Iron, bronze, wood. Smithing.*	_21_ 20/2
37.3	**Ключ** (кв. 52) Железо. Ковка. *Key.* *Iron. Smithing.*	_21_ 20/3

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
37.4	**Ключ (?)** (кв. 52) Железо. Ковка. *Key.* *Iron. Smithing.*	21/20/4
37.5	**Вертлюг** (кв. 52) Бронза. Литье, ковка. *Swivel.* *Bronze. Casting, smithing.*	21/20/5
37.6	**Предмет с кольцом** (кв. 52) Железо, серебро. Ковка, волочение. *Object with ring.* *Iron, silver. Smithing, drawing.*	21/20/6
37.7	**Ножницы шарнирные (?). Фрагмент** (кв. 52) Железо. Ковка. *Swivel shears. Fragment.* *Iron. Smithing.*	21/20/7
37.8	**Пружина замка. Фрагмент** (кв. 52) Железо. Ковка. *Lock spring. Fragment.* *Iron. Smithing.*	21/20/8
37.9	**Предметы. Фрагменты** (кв. 52) Железо. Ковка. *Objects. Fragments.* *Iron. Smithing.*	21/20/9
37.10	**Звено костыльковой цепи** (кв. 52) Свинцово-оловянистый сплав. Литье, ковка. *Chain link.* *Alloy of lead and tin. Casting, smithing.*	21/20/10
38	**Фибула подковообразная** (кв. 52) Серебро. Литье, ковка. *Penannular brooch.* *Silver. Casting, smithing.*	15/14
39	**Браслет** (кв. 52) Серебро. Литье. *Bracelet.* *Silver. Casting.*	16/15
40	**Браслет детский** (кв. 52, заполнение камеры) Бронза. Литье. *Baby's bangle.* *Bronze. Casting.*	1/1

Приложение 3

КАТАЛОГ
Камерное погребение 7
Подзноевский XII раскоп, 2008 г.
(учетный шифр раскопа: П-08-ПДП-XII)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

CATALOGUE
Chamber Grave 7
Podznoevsky XII excavation, 2008 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

1

Бусы(кв.52).
Стекло цветное.
Beads. Coloured glass.

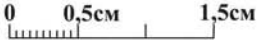
2

Бусина ребристая (кв.52).
Стекло цветное.
Ribbed bead.
Colored glass.

3

Бусина ребристая (кв.52).
Стекло цветное.
Ribbed bead.
Colored glass.

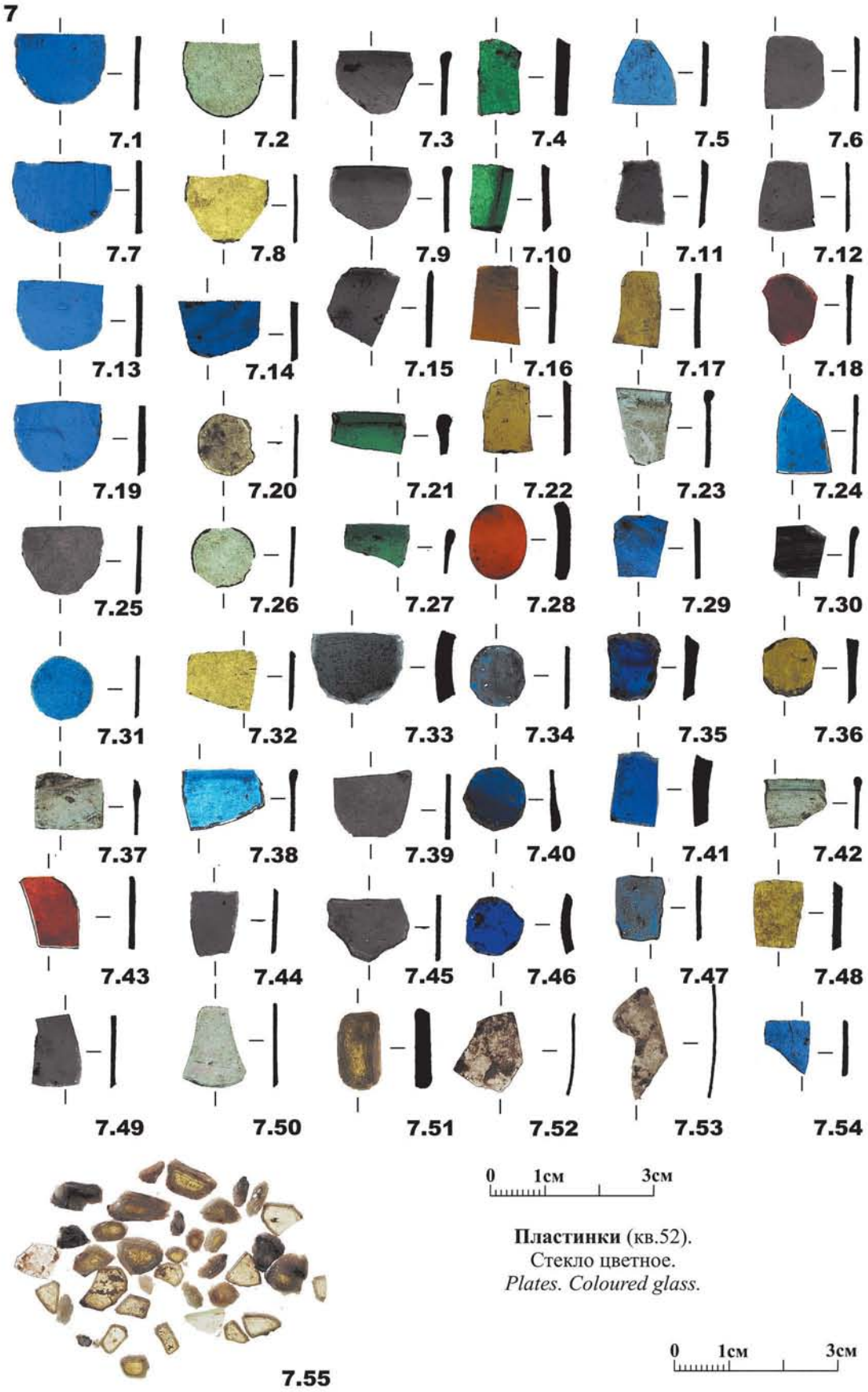
4



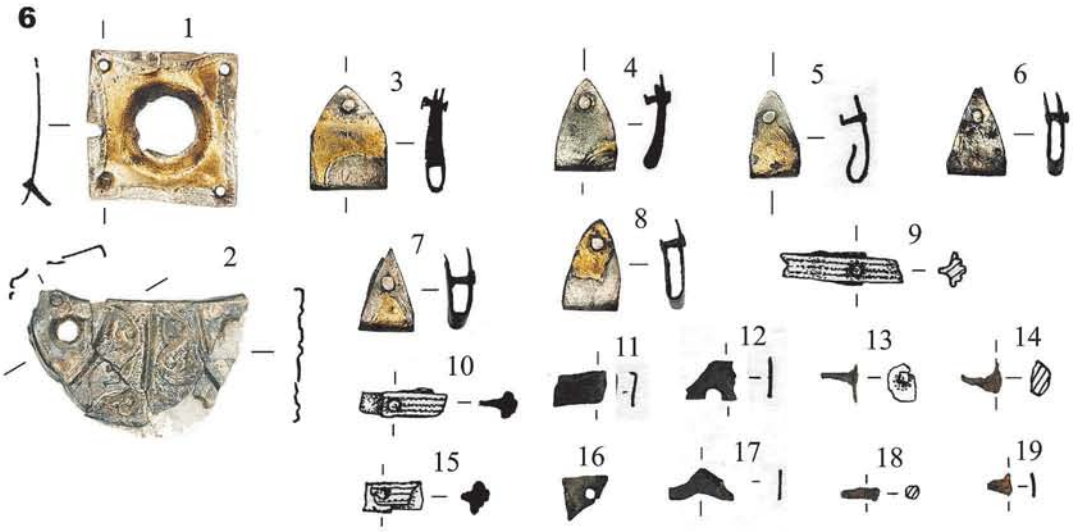
Бусина с инкрустацией на кольце с завязанными концами (кв.52, в тесьме).
Стекло, золото.. Волочение, ковка.
Inlaid bead on the wire ring with knotted terminals. Glass, gold. Drawing, smithing.

5

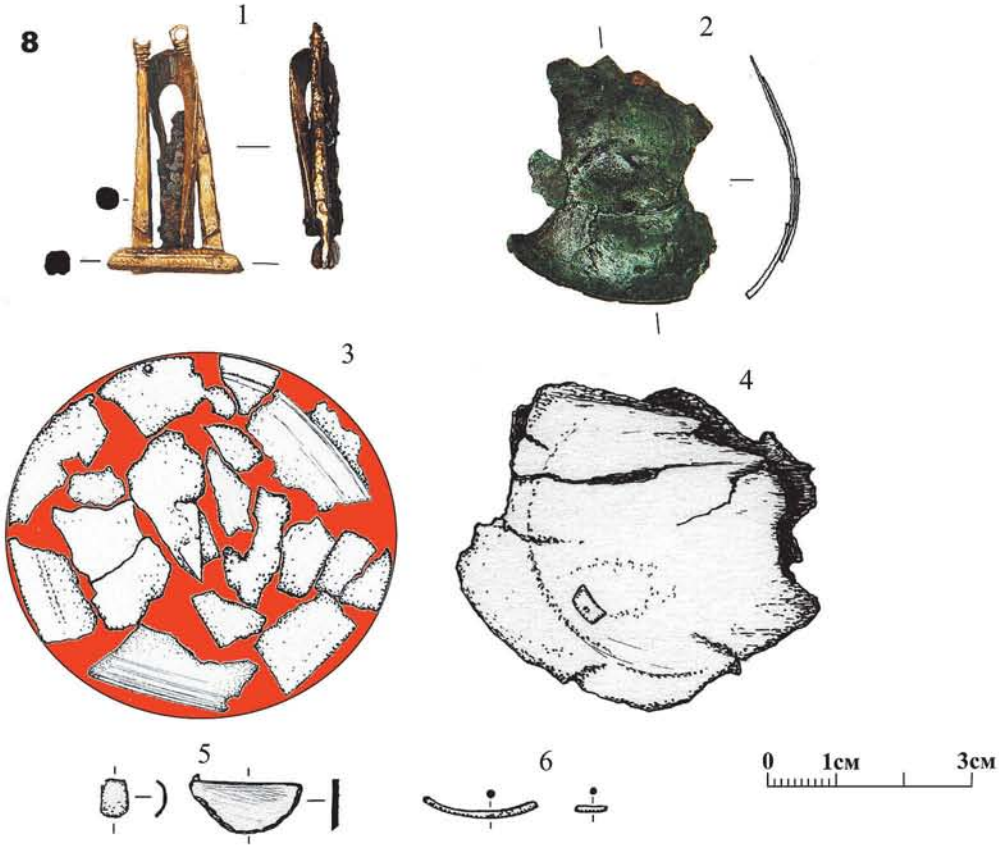
Бусина на кольце с завязанными концами (кв.52).
Стекло, серебро. Волочение, ковка.
Bead on the wire ring with knotted terminals. Glass, silver.. Drawing, smithing.



Пластинки (кв.52).
Стекло цветное.
Plates. Coloured glass.



Накладки (1-2) и обоймицы края (3-19) чаши (?) (кв.52).
Серебро. Ковка, чеканка, золочение, чернь.
Mounts and cramps of the purse in fragments. Silver. Smithing, minting, gilding.

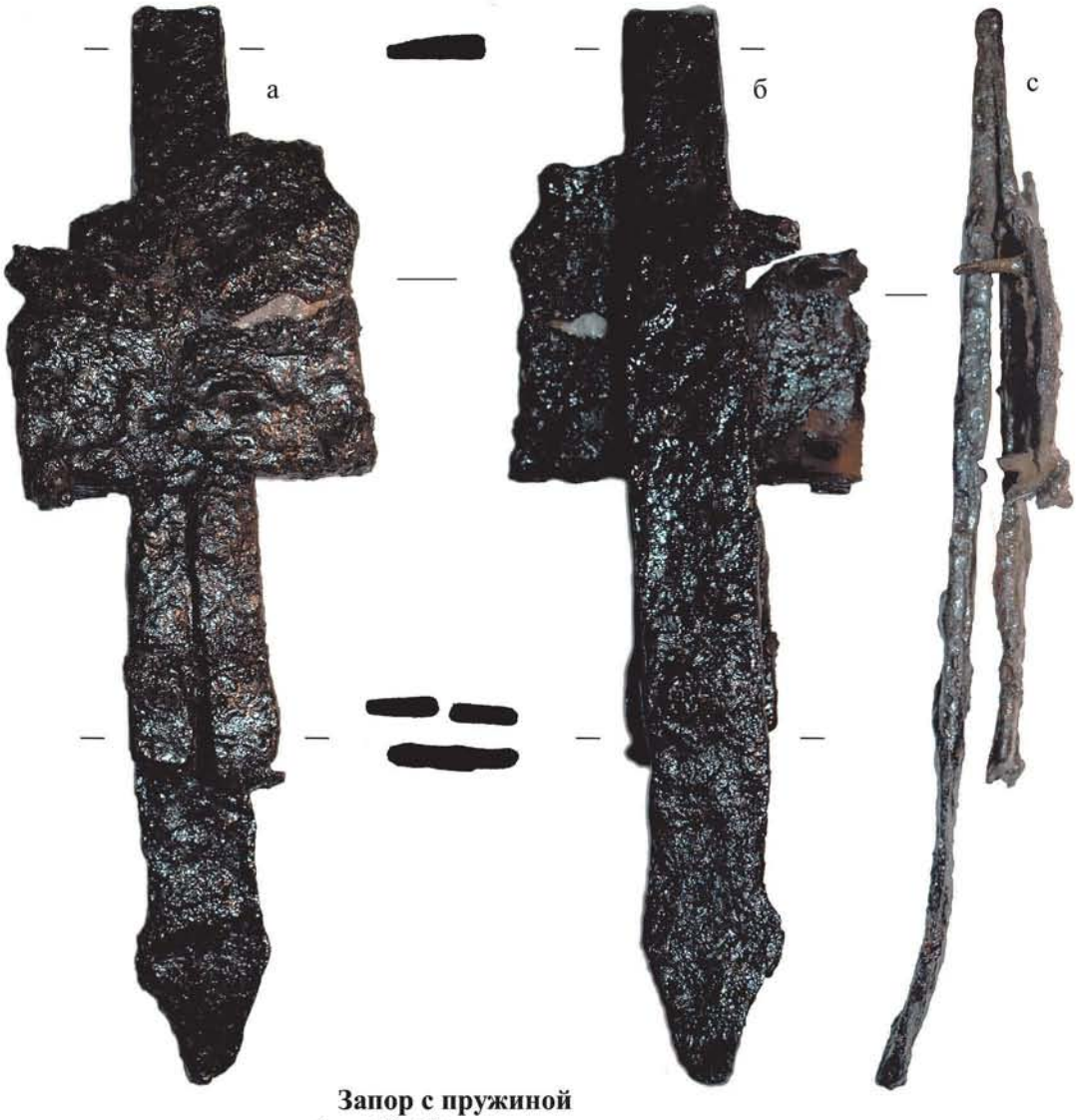


Весы с коромыслом, футляр весов. Фрагменты
(кв. 52).
Бронза, железо, дерево. Литье, ковка.
Balance with folding beam, balance case in fragments.
Bronze, iron, wood. Casting, smithing.

9

Монета. Дирхем. Волжская Булгария (?) (940-960 гг.). Фрагмент (кв. 52, в весах)
Серебро. Чеканка.
Arabic coin dirhem.
Silver. Minting.

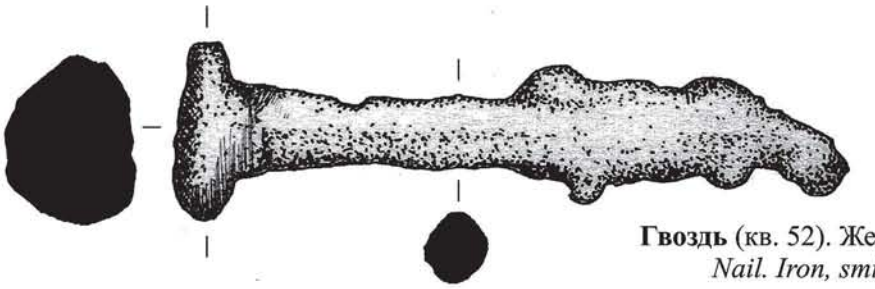
10



Запор с пружиной
(кв. 52). Железо, ковка.
Bolt with spring. Iron, smithing.

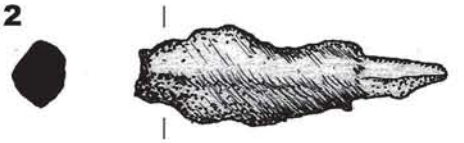
0 1см 3см

11



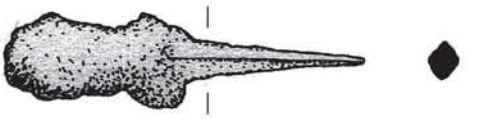
Гвоздь (кв. 52). Железо, ковка.
Nail. Iron, smithing.

12



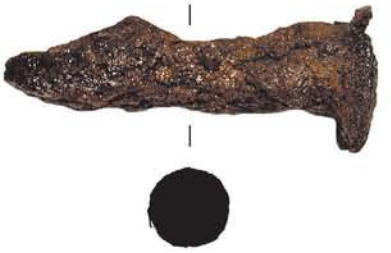
Гвоздь. Фрагмент (кв. 47).
Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

13



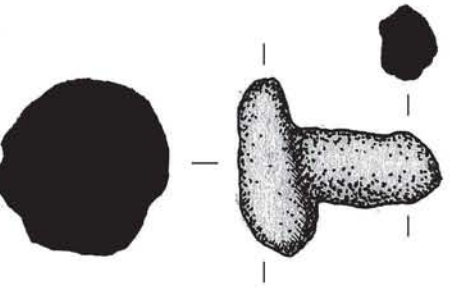
Гвоздь (?). Фрагмент (кв. 52).
Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

14



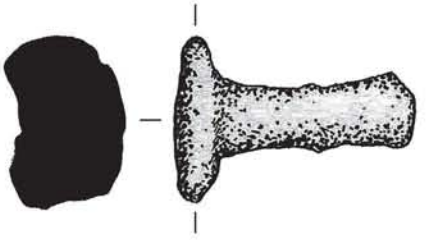
Гвоздь (кв. 51).
Железо, ковка.
Nail. Iron, smithing.

15



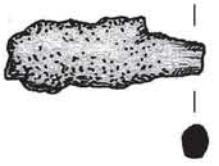
Гвоздь. Фрагмент (кв. 52).
Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

16



Гвозди (кв. 51).
Железо, ковка.
Nais. Iron, smithing.

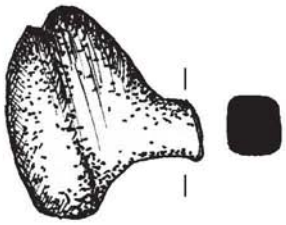
17



Гвоздь. Фрагмент
(кв. 51, в стене сруба). Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

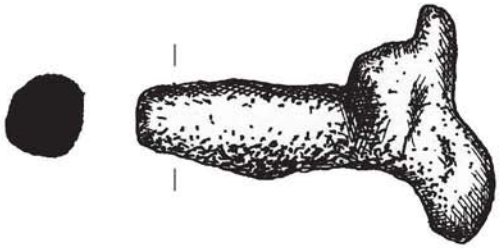
0 1см 3см

18



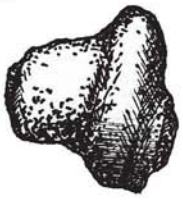
Гвоздь. Фрагмент
(кв. 51, в досках пола).
Железо, ковка.
Nail. Fragment.
Iron, smithing.

19



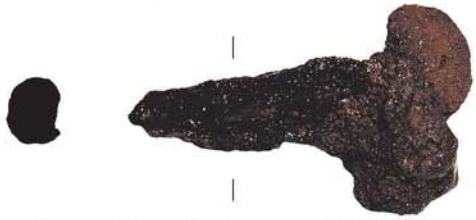
Гвоздь (кв. 51, в стене сруба).
Железо, ковка.
Nail. Iron, smithing.

20



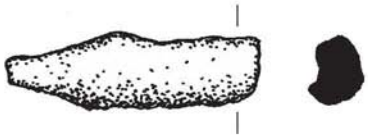
Гвоздь. Фрагмент
(кв. 52, в досках пола).
Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

21



Гвоздь (кв. 52, в досках пола).
Железо, ковка.
Nail. Iron, smithing.

22



Гвоздь. Фрагмент (кв. 52).
Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

23

Гвоздь (кв. 47).
Железо, ковка.
Nail. Iron, smithing.

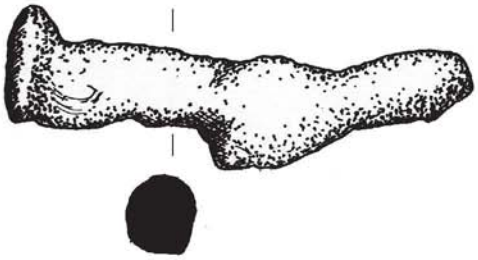
24

Гвоздь (кв. 60, в стене сруба).
Железо, ковка.
Nail. Iron, smithing.

25

Гвоздь. Фрагмент (кв. 51).
Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

26



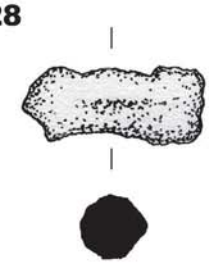
Гвоздь (кв. 51).
Железо, ковка.
Nail. Iron, smithing.

0 1см 3см

27

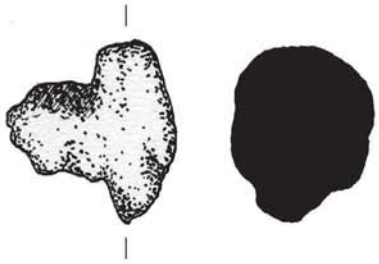
Гвоздь. Фрагмент (кв. 51).
Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

28



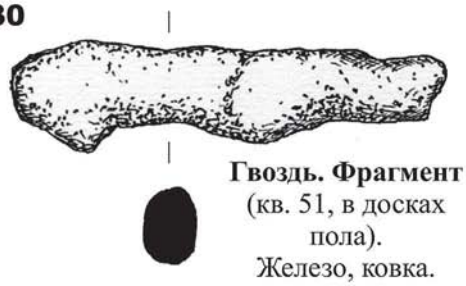
Гвоздь. Фрагмент
(кв. 51, в досках пола).
Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

29



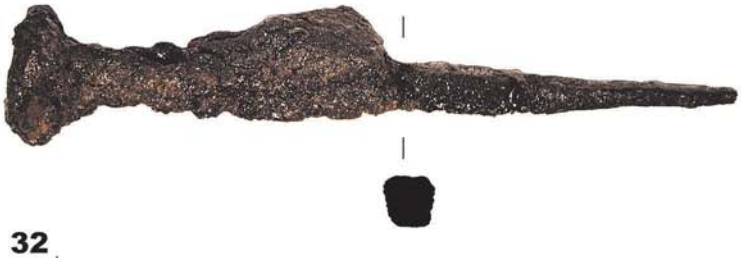
Гвоздь. Фрагмент
(кв. 51, в досках пола). Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

30



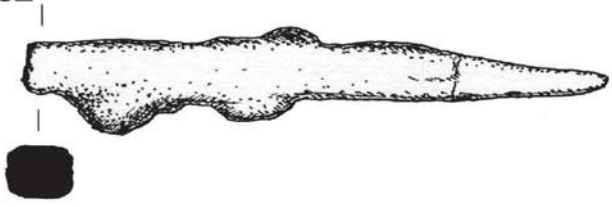
Гвоздь. Фрагмент
(кв. 51, в досках пола).
Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

31



Гвоздь (кв. 51).
Железо, ковка.
Nail. Iron, smithing.

32

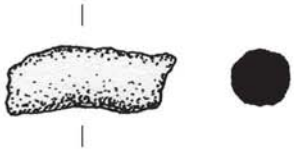


Гвоздь. Фрагмент (кв. 51).
Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

33

Гвоздь
(кв. 59, в стене сруба).
Железо, ковка.
Nail. Iron, smithing.

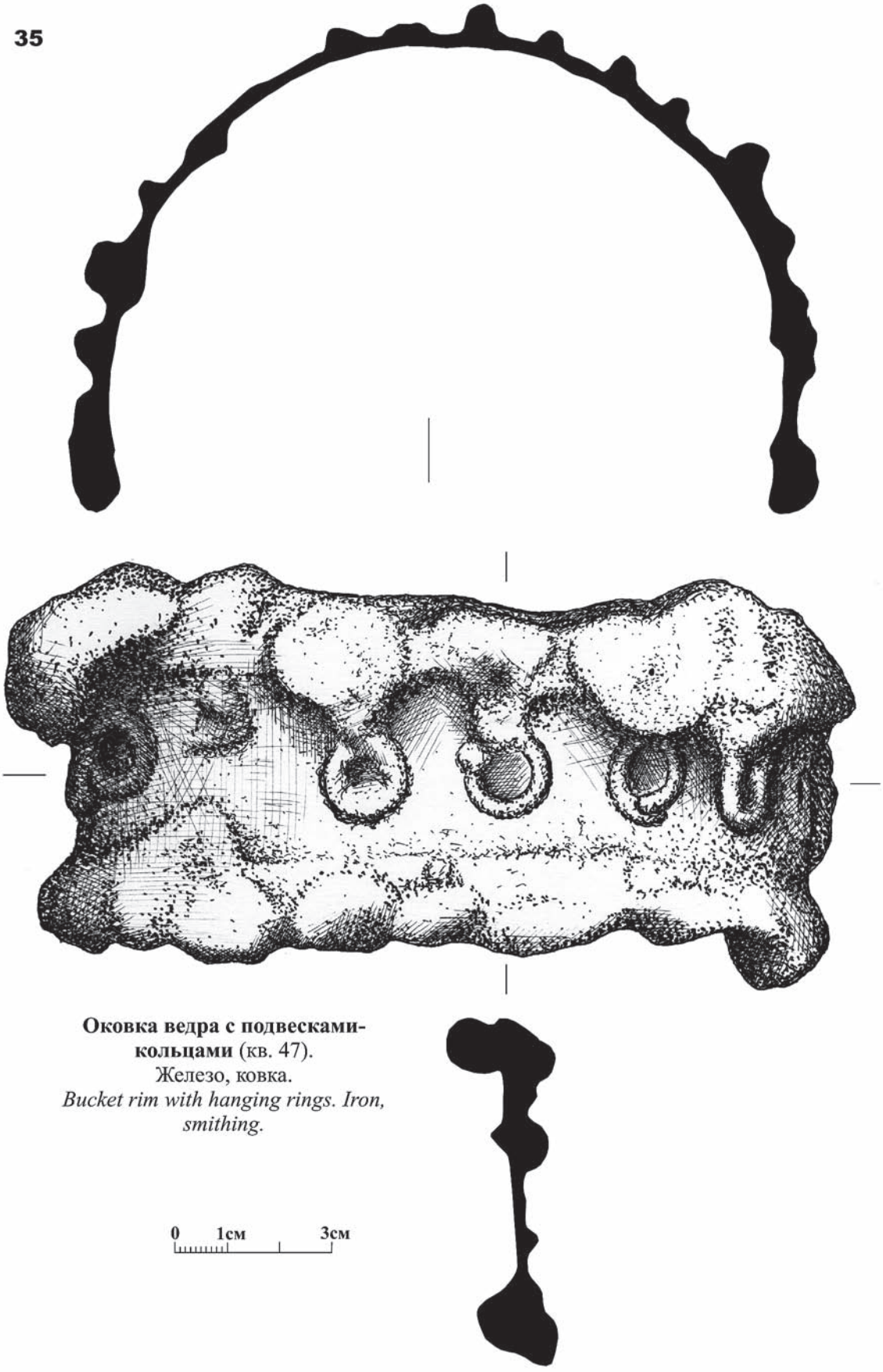
34



Гвоздь. Фрагмент (кв. 51, в досках пола).
Железо, ковка.
Nail. Fragment. Iron, smithing.

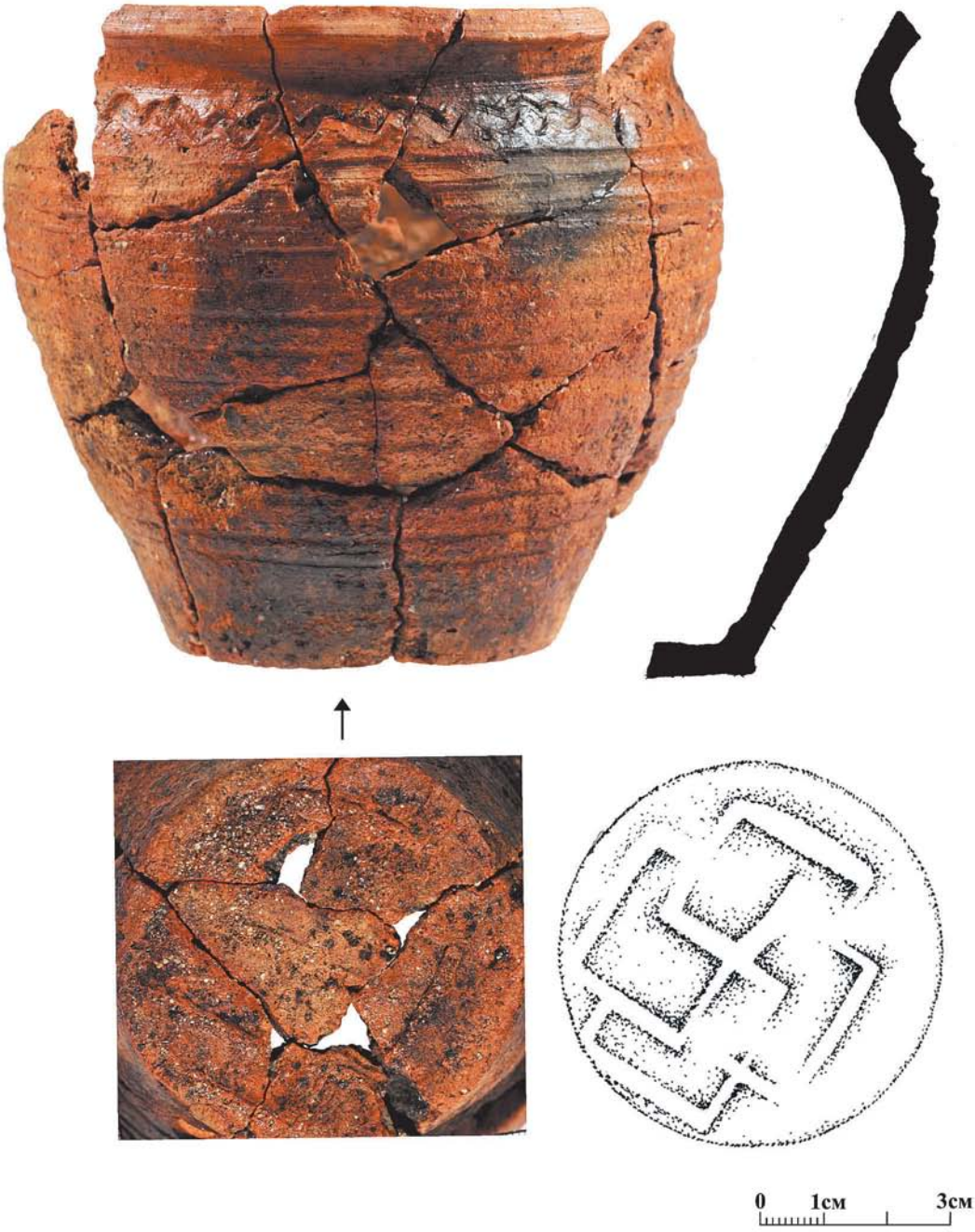
0 1см 3см

35

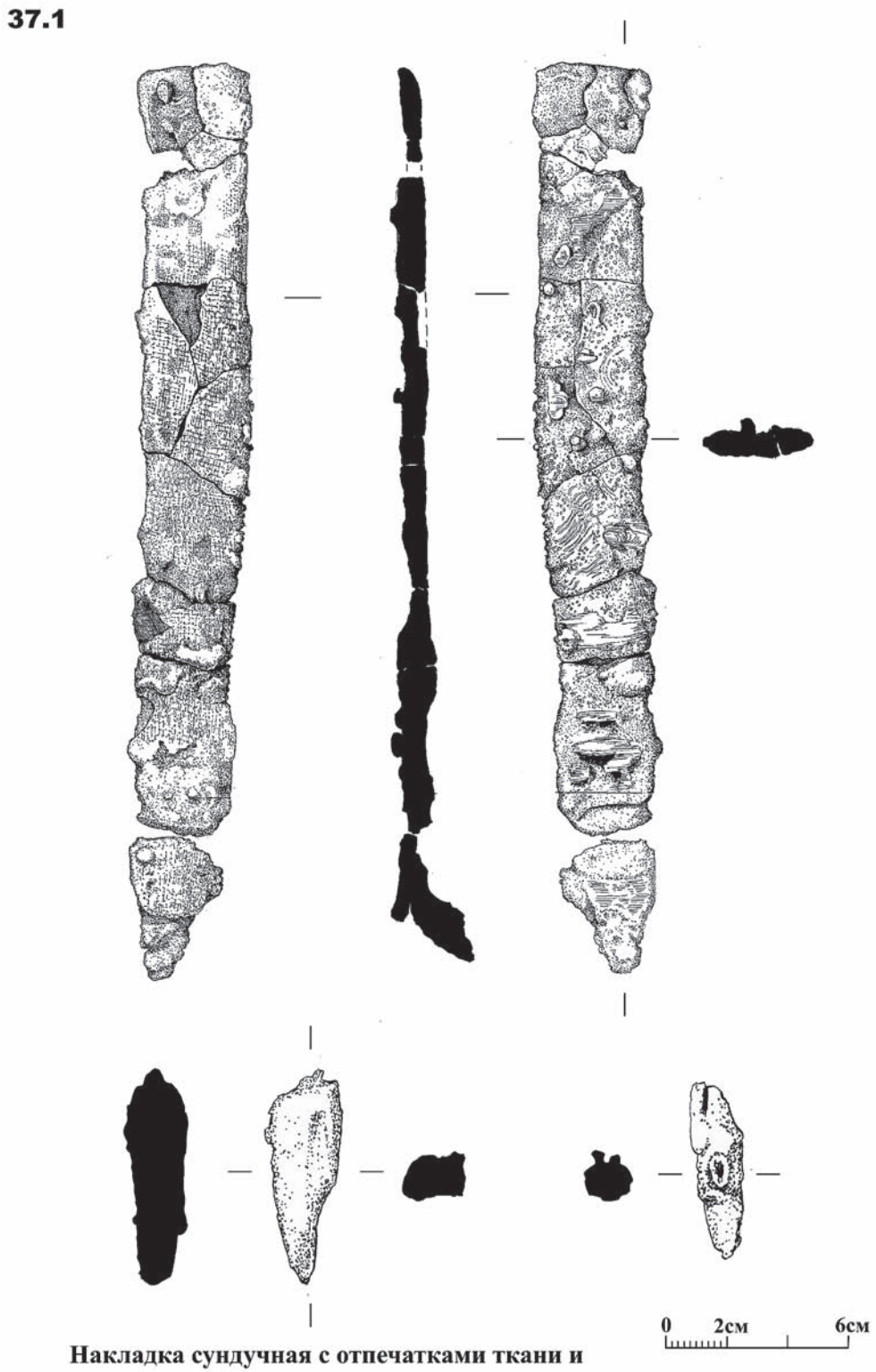


Оковка ведра с подвесками-кольцами (кв. 47).
Железо, ковка.
Bucket rim with hanging rings. Iron, smithing.

36



Сосуд гончарный с клеймом на дне (кв. 47).
Глина.
Wheel-thrown vessel with brand-stamp on the bottom.
Clay.



Накладка сундучная с отпечатками ткани и остатками древесины (кв. 52).
Железо, дерево. Ковка.
Chest mount with textile stamps and wood remains.
Iron, wood. Smithing.

37.2

Деталь оковки сундука с заклепками, отпечатками ткани и остатками древесины (кв. 52).
Железо, бронза, дерево. Ковка.
Detail of the chest binding with small rivets, textile stamps and wood remains.
Iron, bronze, wood. Smithing.

37.3

Ключ (кв. 52).
Железо. Ковка.
Key. Iron. Smithing.

37.4

Ключ (?) (кв. 52).
Железо. Ковка.
Key. Iron. Smithing.

37.5

Вертлюг (кв. 52).
Бронза. Литье, ковка.
Swivel. Bronze. Casting, smithing.

37.6

Предмет с кольцом (кв. 52, усыпальница).
Железо, серебро. Ковка, волочение.
Object with ring.
Iron, silver. Smithing, drawing.

37.7

Ножницы шарнирные (?). Фрагмент (кв. 52). Железо. Ковка.
Swivel shears. Fragment.
Iron. Smithing.

0 1см 3см

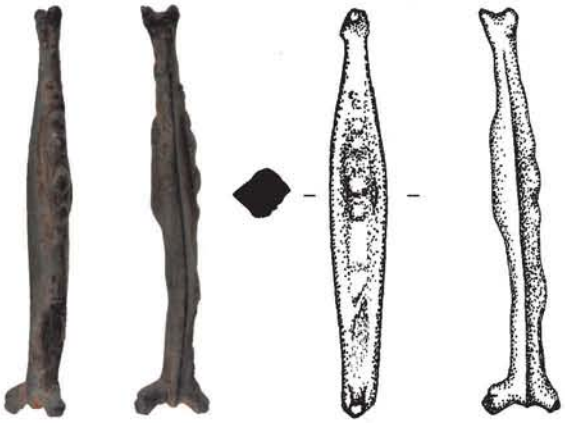
37.8

Пружина замка. Фрагмент
(кв. 52). Железо. Ковка.
Lock spring. Fragment. Iron. Smithing.

37.9

Предметы. Фрагменты
(кв. 52). Железо. Ковка.
Objects. Fragments. Iron. Smithing.

37.10



Звено костыльковой цепи
(кв. 52). Свинцово-оловянистый сплав. Литье, ковка.
Chain link. Alloy of lead and tin. Casting, smithing.

38

Фибула подковообразная
(кв. 52).
Серебро. Литье, ковка.
Penannular brooch.
Silver. Casting, smithing.

39

Браслет
(кв. 52).
Серебро. Литье.
Bracelet.
Silver. Casting..

40

Браслет детский
(кв. 52, заполнение камеры).
Бронза. Литье.
Baby's bangle.
Bronze. Casting.

0 1см 3см

Т. Е. Ершова

Камерное погребение 8

(ул. Некрасова, 16; Подзноевский XIV раскоп; 2009 г.; участок Г; яма № 18; кв. 55–59, 58а, 59а, 58б, 59б, 60, 60а, 60б; пласты 8–16; захоронение женщины с крестом из золотой бити)

Обстоятельства находки, условия и последовательность проведения работ

В 2009 г. продолжались охранные археологические раскопки на месте строительства культурно-развлекательного комплекса «Двор Подзноева». Подзноевский XIV раскоп представлял собой траншею, заложенную на трассах инженерных коммуникаций, первоначально имевшую ширину 2 м (Прил. 1, *1*). Участок, на котором находилось камерное захоронение, располагался примерно в 50 м к востоку от соответствующего торца вторых палат Подзноевых (рис. 1).

Культурный слой посада Пскова XV–XVIII вв. на исследованном участке имел мощность от 1,8 до 2,5 м. В основании средневековых отложений, непосредственно над захоронением, зафиксирован слой погребенной почвы со следами распашки (кв. 58, 58а, 58б). Из этого серо-коричневого опесчаненного горизонта происходят фрагменты древнерусских керамических сосудов конца XII — начала XIII в.

Материковые отложения по всей площади раскопа были представлены плотной слоистой желто-коричневой супесью с примесью гравия и гальки с линзами желтого пылеватого песка. На уровне материка после снятия слоя

Рис. 1. Общий вид места обнаружения в 2009 году 8-го камерного погребения. Гостиничный корпус с бассейном, восточная сторона. Вид с юго-востока

Рис. 2. Пятно могильной ямы камерного погребения 8 на уровне материка. Вид с юго-востока

погребенной почвы выявилась южная часть могильной ямы. После ее обнаружения траншея была расширена на 3 м в северном направлении (Ершова, А2009).

Периметр могилы был маркирован, как и в других случаях, пятнами серой гумусированной супеси, заглубляющейся в яму. На месте расположения камерного погребения существовало несколько разновременных перекопов, расположенных в основном по периметру пятна могилы и нарушивших верхнюю часть заполнения ямы в северной и юго-восточной частях (рис. 2). В западной части края ямы были срезаны котлованом дома, выстроенного в расширенном строителями объеме Подзноевского XII раскопа[1].

Раскопки захоронения, проходившие в августе–сентябре, сильно осложняла избыточная влагонасыщенность грунта. На уровне нижней части заполнения ямы постоянно стояла вода[2]. При этом обращала на себя внимание крайне плохая сохранность дерева, фиксировавшегося в основном в виде тлена и гумусированных пятен.

Исследование погребения было начато с выборки СЛОЯ ЗАПОЛНЕНИЯ могильной ямы внутри почти квадратного контура выявленного ПЯТНА (Прил. 1, *2*), маркированного по периметру прослойками серой супеси с включением древесного тлена. В процессе выборки заполнения по этим прослойкам открывалась поверхность «временных стенок», сформированных остатками просевших в могилу ВЕРХНИХ ПЕРЕКРЫТИЙ. После снятия супеси и древесного тлена, залегавших наклонно-вертикально, раскрывались остатки КОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРЫ и само ЗАХОРОНЕНИЕ, находившееся на полу. После исследования ЗАХОРОНЕНИЯ и ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ проводилась разборка зафиксированных частей деревянной усыпальницы и расчищалась материковая ЯМА, в которой была устроена могила.

Пятно

(Прил. 1, *2, 3*)

На фоне желтого цвета материковых пород, на уровне –157–183, отчетливо фиксировались контуры пятна подпрямоугольной формы, вытянутого по оси север/северо-восток — юг/юго-запад. Размеры пятна по верхнему контуру 5,4 × 4, 6–4,78 м. Как и в других камерных погре-

[1] Расширение котлована было произведено застройщиком без участия археологов.

[2] Уровень постоянного стояния грунтовых вод в августе–сентябре 2009 г. в яме погребения определялся на значениях –225–230 м от условного репера (значение репера в Балтийской системе высот +46,13 м).

бениях, по периметру пятна читалась прослойка темно-серой супеси с включениями древесного тлена и мелких единичных угольков (рис. 2; Прил. 1, *3*). Этот слой залегал наклонно-вертикально вдоль стенок, углубляясь в заполнение могильной ямы. Обращали на себя внимание форма и расположение пятен серой супеси. Цепочки из небольших округло-удлиненных пятен вдоль северной и южной коротких стен ямы, вероятно, являлись отпечатками концов элементов верхнего перекрытия и указывали на направление его настила.

На уровне фиксации, внутри контура, маркированного серой супесью, пятно состояло из желтого песка со следами перемешанности. В песке усматривались отдельные редкие угольки.

Слой заполнения

(Прил. 1, *3, 4*)

Слой заполнения представлял собой довольно рыхлый аморфный песчаный субстрат с включениями пятен серой супеси и древесного тлена, отдельных камней и единичных угольков (рис. 2). Наиболее интенсивные включения пятен и прослоек серой супеси были отмечены на уровне –180–190. Бóльшая часть пятен концентрировалась по периметру ямы. В центральной и южной частях могилы в глубинном диапазоне –205–254, на 50–70 см выше уровня пола камеры, в песке, лежали небольшие валуны и известняковые плиты. В подавляющем большинстве случаев камни перекрывали супесь и древесный тлен (Прил. 1, *3*).

Непосредственно над захоронением прослежены фрагменты деревянного настила верхних перекрытий (Прил. 1, *3*, *4*).

Конструкции погребальной камеры

1. Верхние перекрытия

(Прил. 1, *3, 4*)

С остатками верхнего перекрытия связаны прослойки серой супеси и древесного тлена, прослеженные на «временных стенках» (рис. 3, 4) и в нижней части заполнения, в центре могилы (Прил. 1, *5*). На стенках удалось зафиксировать несколько слоев перекрытия погребальной конструкции. На сохранившихся фрагментах стратиграфическая последовательность этих слоев устанавливалась в следующем порядке: сверху — древесный тлен с примесью супеси (1), ниже — серая супесь (2) и затем опять древесный тлен (3) с небольшими включениями серой супеси (рис. 3, 4).

В плане направление следов конструкций верхнего яруса настила, параллельное длинной оси ямы, прослеживалось уже на верхнем уровне фиксации по пятнам древесного тлена и подстилающей его серой супеси (Прил. 1, *1– 4*).

В нижнем слое направление элементов настила было таким же, как и сверху (Прил. 1, *5*).

2. Сруб

(рис. 5–7; Прил. 1, *6*)

Остатки самой деревянной усыпальницы сохранились неравномерно. Наиболее отчетливо в виде выраженных прослоек древесного тлена шириной и толщиной до 10 см ее конструкции фиксировались в юго-восточной части, в том числе достаточно четко определялись восточный и южный углы, вся восточная стенка и бóльшая часть южной. Остальная часть периметра стен конструкции усыпальницы

Рис. 3. Пятна древесного тлена и серой супеси — остатки верхних перекрытий на юго-западной «временной» стенке погребальной ямы

Рис. 4. Фрагмент остатков верхних перекрытий на юго-западной «временной» стенке над южной стеной камеры (кв. 58, 59). Слой серой супеси (2), перекрывает древесный тлен (3). Вид с северо-востока

Рис. 5. Выборка заполнения могильной ямы (пласт 15).
Раскрытие южной и западной стен сруба (кв. 58, 59, 59а, 59б). Вид с востока

улавливалась с трудом, по более темному гумусированному песку, содержавшему незначительное количество древесного детрита. Эти участки на чертежах показаны пунктиром (Прил. 1, *6*). Погребальная камера представляла собой сруб с углами, соединенными «в обло», с выпусками до 27 см (по северным и юго-восточному углу). Размеры почти квадратной в плане усыпальницы, с учетом длины угловых выпусков: ок. 3,8 × 3,75–4 м (рис. 6) Внутренние габариты сруба — ок. 3,2 × ок. 3,4 м. Погребальная конструкция занимала центральное положение в яме, с некоторым смещением по длинной оси ямы к северной стенке. Сруб был установлен на настил пола (рис. 7; Прил. 1, *6, 7*). Сохранность дерева позволила проследить высоту стен примерно на два-три венца по всему периметру, однако первоначальная высота сруба была больше. Наиболее высокая отметка остатков стен сруба зафиксирована в северной части — –253. Нижние отметки стен (дно ямы) находились на уровне от –310 до –320. Таким образом, высота сруба превышала 60 см, и вся конструкция, по-видимому, состояла не менее чем из 4–5 венцов. В древесном тлене остатков южной и западной стен сруба в кв. 58, 59а (Прил. 3, Каталог, ***10***, ***19***) обнаружены гвозди.

3. Пол

(Прил. 1, *6*, *10*)

Настил пола также сохранился фрагментарно, в виде полос тлена. Он состоял из бревен или плах шириной (диаметром) 16–18 см (рис. 6, 7). Элементы настила пола уложены вдоль длинной оси ямы, в направлении юг/юго-запад—север/северо-восток. На дне могильной ямы сохранились неглубокие вмятины-отпечатки от элементов настила. Пол по площади несколько превосходил размеры сруба. Приблизительные размеры настила пола — 3,46 × 3,43 м.

Захоронение

(рис. 7; Прил. 1, *6*)

В центральной части камеры на уровне настила пола выявлено захоронение. Останки ориентированы головой на юг — юго-запад. Кости довольно плохой сохранности. Нижняя часть костяка, т.е. кости нижних конечностей, лежали in situ. Кости рук, грудной клетки и таза перемещены относительно анатомического положения. Подвздошные кости — одна оказалась на месте

Рис. 6. Пятна древесного тлена, маркирующие остатки пола камеры 8. Вид с северо-запада

Рис. 7. Месторасположение останков. Вид с северо-востока

правой ключицы, другая — в 20 см слева у черепа. Несколько рёбер вместе с позвоночником сдвинуты к западу. Другая часть ребер оказалась под черепом. Под черепом находились и локтевые кости. Череп лежал на левой височной кости[1]. По предположению антрополога Д. В. Пежемского, который принимал участие в разборке погребения, кости верхней части костяка (до нижних конечностей) были перемещены. По определению Д. В. Пежемского, останки принадлежали женщине 25–35 лет.

Погребальное ложе

(Прил. 1, *6*)

Останки были перекрыты тонкой прослойкой плотного коричневого органического тлена. Микробиоморфные анализы, проведенные А. А. Гольевой, показали наличие в составе тлена над костяком помимо древесного детрита остатков различных трав, включая некоторую примесь тростника и присутствие ветвей деревьев хвойных пород. На костях погребенной этот покров зафиксирован фрагментарно в нижней части костяка, т. е. на костях ног, которые, по определению антрополога, оставались непотревоженными. Снизу кости подстилало вытянутое в плане вдоль направления настила пола пятно слоя, подобного верхнему. Максимальные размеры нижнего пятна в плане — 2, 2 × 0,95 м. Толщина — ок. 2 см. На пятнах тлена зафиксированы слабые следы красочных пигментов: охры красной и охры желтой (рис. 8).

[1] В расчистке и сборе палеоантропологического материала непосредственное участие принял антрополог Д. В. Пежемский.

Рис. 8. Красочные пигменты на деревянных остатках (погребального ложа?) в центральной части сруба (кв. 59а)

На наш взгляд, эти пятна органического тлена связаны с погребальным ложем, занимавшим центральное положение в срубе. Именно здесь было сосредоточено наибольшее количество гвоздей. Линия скопления гвоздей вытянута с севера на юг слева от останков погребенной (Прил. 3, Каталог, ***6, 9, 12–17, 23***). Четыре гвоздя образуют небольшое скопление к югу–юго-западу от черепа (Прил. 3, Каталог, ***3, 5, 18, 20***). Юго-восточнее погребения фиксируются три (?) гвоздя (Прил. 3, Каталог, ***8, 22***). Восточнее правой берцовой кости зафиксирован еще один гвоздь (Прил. 3, Каталог, *7*). В планиграфии перечисленных находок угадывается замкнутый подпрямоугольной контур, который, по-видимому, обозначает расположение погребального ложа, возможно и гроба.

Погребальный инвентарь

(Прил. 1, *6*, *7*)

Вещевой комплекс представлен всего несколькими предметами (Прил. 2). Самое большое количество сохранившихся находок из камерного погребения 8 — это железные гвозди. Под восемнадцатью номерами Каталога зафиксировано более двадцати целых гвоздей и их фрагментов (Прил. 2; Прил. 3, Каталог, ***3, 5–10, 12–23***). Гвозди найдены в перекрытиях камеры, в стенах. Самое большое их количество, вероятно, связано с погребальным ложем.

На остатках погребального ложа, а также на костях зафиксированы многочисленные микрофрагменты золотой бити, вероятно, связанные с отделкой верхней одежды. При расчистке скелета на затылочной части черепа най-

ден крест, изготовленный из двух поперечных тесемок-позументов, сплетенных из довольно толстых золотых нитей (рис. 9; Прил. 3, Каталог, ***1***). Длина позументов — 4 и 4,2 см, ширина — 0,5–0,7 см. Нити несохранившегося органического материала основы спирально обвиты полосками золотой фольги-бити. Толщина нитей достигает 1 мм. По заключению, приведенному в работе Н. В. Ениосовой (см. далее в настоящем издании), для изготовления фольги использовано золото очень высокой пробы. Нам известны только отдаленные аналогии этой находке. Кресты-аппликации в могильнике Бирки обнаружены в погребении 524. В погребениях 736, 542, 644, 710 обнаружены довольно длинные позументы с повторяющимися крестовидными фигурами. Они изготовлены из тонкой плетеной золотой проволоки (Geijer, 1938, Taf. 27, 28). В погребении 524 позумент с крестовидными фигурами служил украшением головного убора, вероятно, шапки, а сплетенные из золотых проволочек кресты декорировали кафтан в области груди (Geijer, 1938, 28:6, 7). В погребении 644 длинный золотой позумент с несколько иными крестовидными элементами тоже украшал головной убор, его дополняли нашивки в виде звезд на кафтане (Hägg, 1986, S. 70).

Шведская исследовательница И. Хэгг в работе, посвященной костюму некрополя Бирка, приводит данные о довольно многочисленных находках с золотыми нитями — известно около 100 фрагментов тесьмы с золотым утком и около 140 фрагментов вышивки золотой и серебряной проволокой. Тесьма с серебряным утком встречается еще чаще — около 600 фрагментов (Hägg, 1986, S. 52,Taf. 8: 1). Однако для нас особенно интересен тот факт, что абсолютное большинство золотых нитей из Бирки изготовлено с применением волоченой проволоки. Бить в шведских погребениях встречается редко: золото — в захоронениях Bj 561, 716, 731, 735; серебро — только в Bj 962 (Hägg, 1986, S. 57). К. А. Михайлов, отметив, что в Скандинавии эпохи викингов наибольшее число захоронений с золотым шитьем происходит именно из Бирки, приводит перечень 15 камерных погребений, где золотая нить использовалась в различных украшениях одежды (погребения № 524, 542, 551, 557, 561, 643, 644, 731, 735, 736, 750, 791, 824, 832, 844) (Михайлов К. А., 2007б, с. 145). Примечательно, что из более чем 100 камер этого могильника ткани с золотыми нитями встречены в 15, а золотая бить — только в трех из них (Bj 561, 731, 735).

В мужском погребении Bj 561 златотканая тесьма использована в декоре головного убора типа диадемы (Hägg, 1986, S. 70). В могиле также были найдены: щит, меч, кольцевидная фибула с длинной иглой, ведро (Arbman, 1940, S. 254, Abb. 206). Bj 731 — парное захоронение мужчины и женщины. Среди находок — меч, щит, копье, стрелы, овальные фибулы, пара пружинных ножниц (Arbman, 1940, S. 253–255, Abb. 206, S. 254). Bj 735 — погребение мужчины. На ступеньке могильной ямы — скелет коня со стременами, в камере — меч, щит, копье, скрамасакс, стремя, сундук и т. д. (Arbman, 1940, S. 256–259, Abb. 208, S. 257).. Рубаха мужчины «из серо-голубой шерстяной ткани с шелковой отделкой и галуном». Рукава украшены идущей вдоль и поперек тесьмой (Hägg, 1986, S. 69). В этом погребении обнаружена одна из двух известных в Бирке шелковых сумок с вышитым золотой проволокой оленем (Geijer, 1938, Taf. 36: 4).

Итак, все камерные погребения Бирки с находками золотой бити принадлежат хорошо вооруженным мужчинам, их инвентарь намного богаче «среднего уровня». Детали одежды с золотыми нитями, несомненно, должны относиться к категории драгоценностей. Стоимость золотной нити и изделий с ее использованием, судя по имеющимся данным, была исключительно высока. В конце X — начале XI в. золотную нить с примесью серебра, крученную с шелком, экспортировали из Багдада в Египет. Стоимость подобной нити в 20 раз превышала стоимость золота (Михайлов К. А., 2007а, с. 198–199).

Между костями ног погребенной обнаружено скопление железных предметов, «спекшихся» в единый конгломерат. В нем достаточно уверенно определялось лишь наличие ножа с узким лезвием и широкой спинкой длиной ок. 22 см. Лезвие по длине почти равно черешку (Прил. 3, Каталог, ***11а***). Подобные ножи, изготовленные в североевропейской традиции, датируются X–XI вв. (Колчин, 1959, с. 48).

После реставрации в составе скопления раскрыты еще и остатки пружинных ножниц и ключ (Прил. 3, Каталог, ***11б, в***). Вероятно, предметы висели на колечке у пояса погребенной. Остатки колечка сохранились на пружинных ножницах.

Пружинные ножницы (Прил. 3, Каталог, ***11б***) имеют широкую датировку. Они восходят к кельтскому ремеслу, в частности характерны для пшеворских древностей (Jamka, 1936, tab. 9: 3; Козак, 1984, с. 34, рис. 38: 6). Наиболее ранние

находки в лесной зоне Восточной Европы отмечены на территории Эстонии (Рыуге) и Латвии (Кентескалнс) и датируются концом I тыс. н. э. (Аун, 1992, с. 52; Stubavs, 1976, att. 82).

Ключ (Прил. 3, Каталог, ***11в***) — от нутряного замка первого типа по Б. А. Колчину. Такой примитивный тип замка, у которого ключ — единственная металлическая деталь, известен с древнейших времен и широко распространен по всей Европе. В хронологии Новгорода бытование этих предметов ограничено X — нач. XII в. (Колчин, 1982, с. 161). Ключ такого же типа изображен на подвеске со знаком Рюриковичей из погребения 6.

В ногах погребенной обнаружена сильнокорродированная двуперая пружина от нутряного замка (Прил. 3, Каталог, ***4***). Примерно в полуметре от скелета в северной части камерного помещения лежали небольшие бронзовые весы. Лучше всего сохранилось коромысло, а также вилка-держатель с остатками железной стрелки-указателя (Прил. 3, Каталог, ***2а***). Чашечки дошли до нас фрагментарно (Прил. 3, Каталог, ***2б***). В весах был обнаружен фрагмент веревочки. Это редкий случай, когда благодаря окислам меди сохранился фрагмент шнурка для подвешивания чашечек весов к коромыслу (Прил. 3, Каталог, ***2в***). Весы найдены в конгломерате древесного тлена: вероятно, они находились в деревянном футляре.

Погребальный инвентарь малочислен по сравнению с другими женскими погребениями этого же могильника. Мы связываем этот факт с тем, что, вероятно, погребение было разграблено. Прежде всего на эту мысль наводит потревоженность костяка, верхняя часть его явно была перемещена. Кроме того, небольшие фрагменты золотой бити, найденные в составе покрывала и на остатках ложа, предполагают наличие драгоценного покрова или плаща.

Яма

Могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами и вертикальными стенками была вырыта в плотном слоистом материковом суглинке на глубину до 1,4–1,52 м. В плане она имела размеры 5,3 × 4,7 м и была ориентирована, как и пятно, по оси север/северо-восток — юг/юго-запад. Дно плоское, с незначительным понижением к северу/северо-западу — от отметки –315 до –320 см (Прил. 1, *9*, *10*).

На дне ямы, в ее северной части, под остатками пола, выявлено довольно обширное пятно скопления мелких углей, не образующее четких контуров. В пределах скопления находились небольшие известняковые плиты, мелкие валунчи-

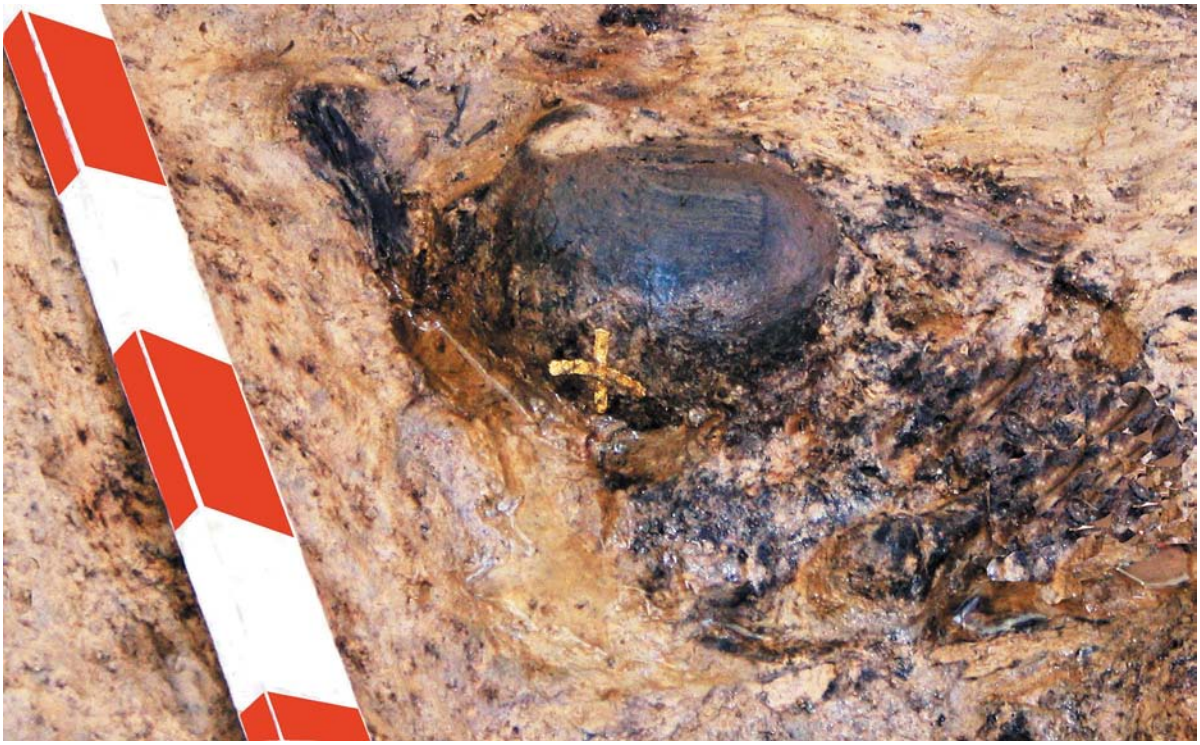


Рис. 9. Золотой крест из двух поперечных тесемок-позументов на затылочной части черепа. In situ. Вид с юго-востока

Рис. 10. Черное пятно с включением угля на дне ямы под полом погребальной камеры. Вид с юго-запада

ки, лежащие полукругом, это сооружение напоминает развал очага (рис. 10; Прил. 1, *8*). В составе этого пятна была найдена обожженная кость животного.

Выводы

Восьмое камерное погребальное сооружение — одно из больших в составе исследованной части Старовознесенского некрополя. По размеру ямы и погребальных конструкций оно уступает лишь четвертой и шестой камерам. В нем была захоронена женщина достаточно высокого социального и имущественного уровня. Об этом убедительно свидетельствуют немногочисленные, но «красноречивые» находки. Прежде всего это нашивной крест, некогда украшавший несохранившийся текстиль головного убора. Важно отметить, что и одежда погребенной, по-видимому, была украшена с помощью золотых нитей: при расчистке костяка зафиксированы небольшие фрагменты таких нитей. Известно, что дорогие ткани имели длительную жизнь. Находки дорогой тесьмы в кладах свидетельствуют о том, что она являлась предметом накопления (Энговатова, Орфинская, Голиков, 2005, с. 176–196). В высокой стоимости и возможности использования златотканой тесьмы и позументов в качестве средства накопления применительно к X в. не приходится сомневаться.

В Старовознесенском некрополе золотые нити встречены в трех погребениях — 4, 7, 8. В мужском погребении 4 найдены два вида золотных нитей, причем в обоих случаях использована круглая в сечении волоченая проволока. В погребениях 7 (девочка) и 8 найдены остатки изделий с использованием бити, когда нить из органического материала охвачена спиралью из полосок золотой фольги.

В сравнительно небольшой группе древнерусских памятников X в. с золотыми нитями, которая обозначена в работах К.А. Михайлова, бить, по-видимому, преобладает над нитью с волоченой проволокой (Михайлов К.А., 2007 а, с. 196, Михайлов К.А., 2010а, с. 266–277). К наиболее раннему периоду, т.е. к X в., относятся не очень многочисленные случаи находок золотных нитей из Гнёздовского могильника, из Тимерева, Чернигова (Черная могила), могильника Шестовица (Михайлов К.А., 2010а, с. 268), из Пскова (погребение 74, Трупеховский I раскоп) (Закурина, 2006, с. 62, 63), из Киева, в погребении 123 у Десятинной церкви (Михайлов К.А., 2007б, с. 193; Михайлов К.А., 2010а, с. 271–272), кроме того, есть находки из культурного слоя Рюрикова городища и Старой Ладоги (Михайлов К.А, 2010а, с. 272). В Бирке соотношение «волоченки» и бити совершено иное. И. Хэгг выделяет «маленькую группу захоронений (Bj 561, 628 и 716 (все мужские. — *Т.Е.*)), в которой обнаружена тесьма с утком из золотой бити, навитой на шелковый сердечник. Ее связывают с головными уборами (*тип С*) (Hägg, 1986, S. 75–76) в виде диадемы. Золотая или серебряная бить, навитая вокруг шелкового сердечника, в качестве утка в галунах из захоронений Бирки встречается редко, а на

кафтанах или рубахах вообще не обнаружена. Этот вид металлической нити, видимо, использовался скорее для головных уборов, сумок и кошельков» (Hägg, 1986, S. 70).

К. А. Михайлов склоняется к мысли, что и на Руси, и в Скандинавии X в. собственной традиции золотного шитья еще не было, тесьма, шнуры и изделия с вышивкой золотными нитями представляли собой импорт из общего зарубежного источника. Формирование местных школ золотного шитья началось не ранее конца XI в. (Михайлов, 2007а, с. 199). Несколько позднее, под влиянием находок с Рюрикова городища, он обращает внимание на то, что часть золотных нитей с использованием шелка и изделий из таких материалов уже в X в. могла изготавливаться «в первых княжеских резиденциях Древней Руси» (Михайлов, 2010а, с. 277). По мнению исследователя, основной же источник ввоза дорогих тканей с золотным шитьем на Русь и в Скандинавские страны — Византия.

Вещи с золотными нитями из Бирки Т. Арне считал импортом из Византии и Арабского халифата (Arne, 1914, S. 214). Напротив, А. Гейер придерживалась мнения, что хотя бы часть текстиля с использованием драгоценной проволоки-«волоченки» изготовлена на месте, т. е. в Бирке, как и сама проволока (Geijer, 1938, S. 132)[1]. Таким образом, находки изделий с золотными нитями в обширной камерной конструкции позволяют причислить 8 погребение Старовознесенского некрополя к весьма немногочисленной группе, включающей наиболее ценные элементы отделки костюма, в сочетании с такими «престижными» предметами инвентаря, как ларец и весы.

По погребальному инвентарю точно датировать камерное погребение 8 сложно. Вещи, найденные в нем, бытовали как в X в., так и позднее. Однако, по нашему мнению, найденный в погребении драгоценный крест не может быть семантически нейтральным. Несомненно, он обозначает принадлежность погребенной к христианской вере, несмотря на языческие элементы камерного обряда.

По совокупности признаков всего комплекса камерного могильника у Старовознесенского монастыря погребение возможно датировать второй половиной X в.

[1] На наш взгляд, вопрос об источниках поступления золотных нитей и шелка в Восточную Европу и Скандинавию на сегодняшний день еще далек от разрешения.

T.E. Ershova

Chamber Grave 8

(16, Nekrasova str.,
Podznoevsky excavation XIV, 2009)

Summary

Chamber grave 8 was discovered in the course of protection archaeological excavations at the constuction site of a cultural and entertainment complex "Podznoev's Yard". The contours of the burial pit (5.4 × 4, 6–4.78 m) were discovered under a layer of burial soil. Within the perimeter of the burial spot a layer of dark gray sandy loam with the inclusions of wood decay and single small pieces of coal was traced. The grave was filled with pretty loose amorphous sandy substrate with the inclusions of gray sandy loam and wood decay spots, occasional stones and single charcoal pieces.

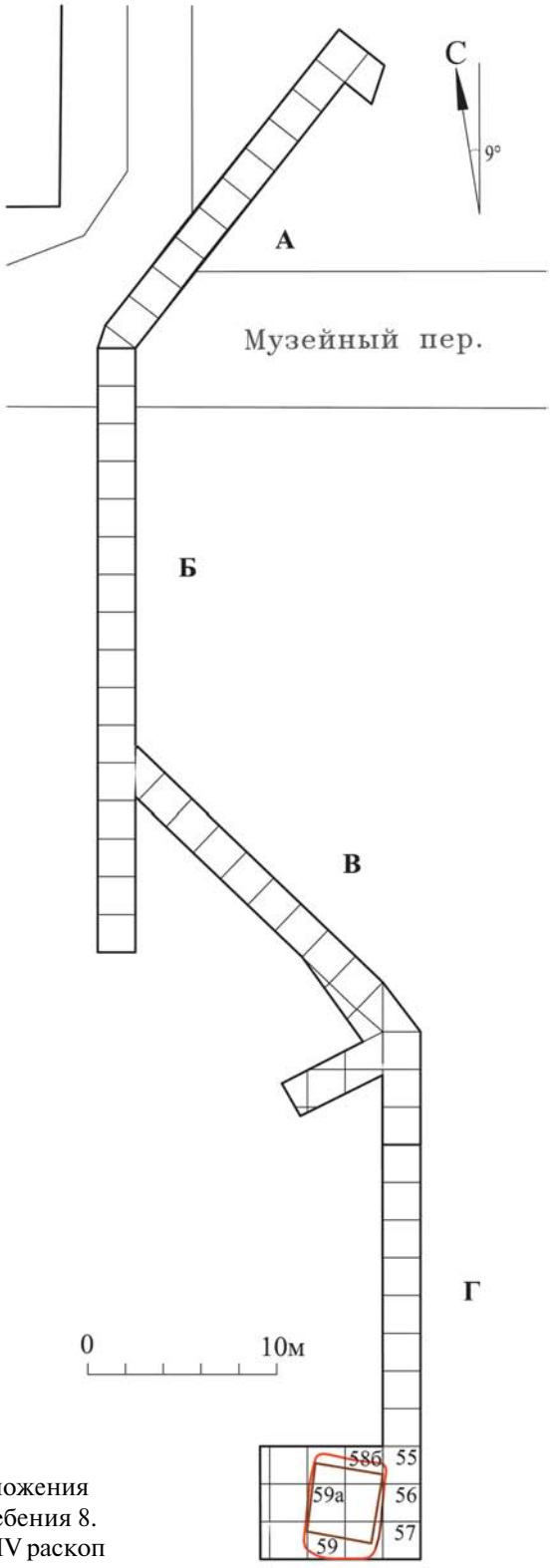
The remains of wooden upper floors are traced. The tomb was a log structure, with the rows of logs connected in the corners "in oblo". The inner size of the structure is about 3.2 × 3.4 m. The chamber grave occupied the central position in the pit, with some displacement along the long axis of the pit to the northern wall. The chamber was set on the flooring, which consisted of logs or timbers 16–18 cm wide.

In the central part of the chamber on the floor of the flooring there was a skeleton head oriented to the south-south-west revealed. The burial chamber of grave 8 is one of the big chambers found in the "Old Ascension" necropolis complex. Despite scarcity of the inventory one of the finds — an upper sewn cross that once decorated the lost textile of the headgear, characterizes social and material level of the buried woman as fairly high. In our opinion, the cross convincingly points to the fact that the buried woman belonged to the Christian church, despite the general pagan context of the chamber burial ritual.

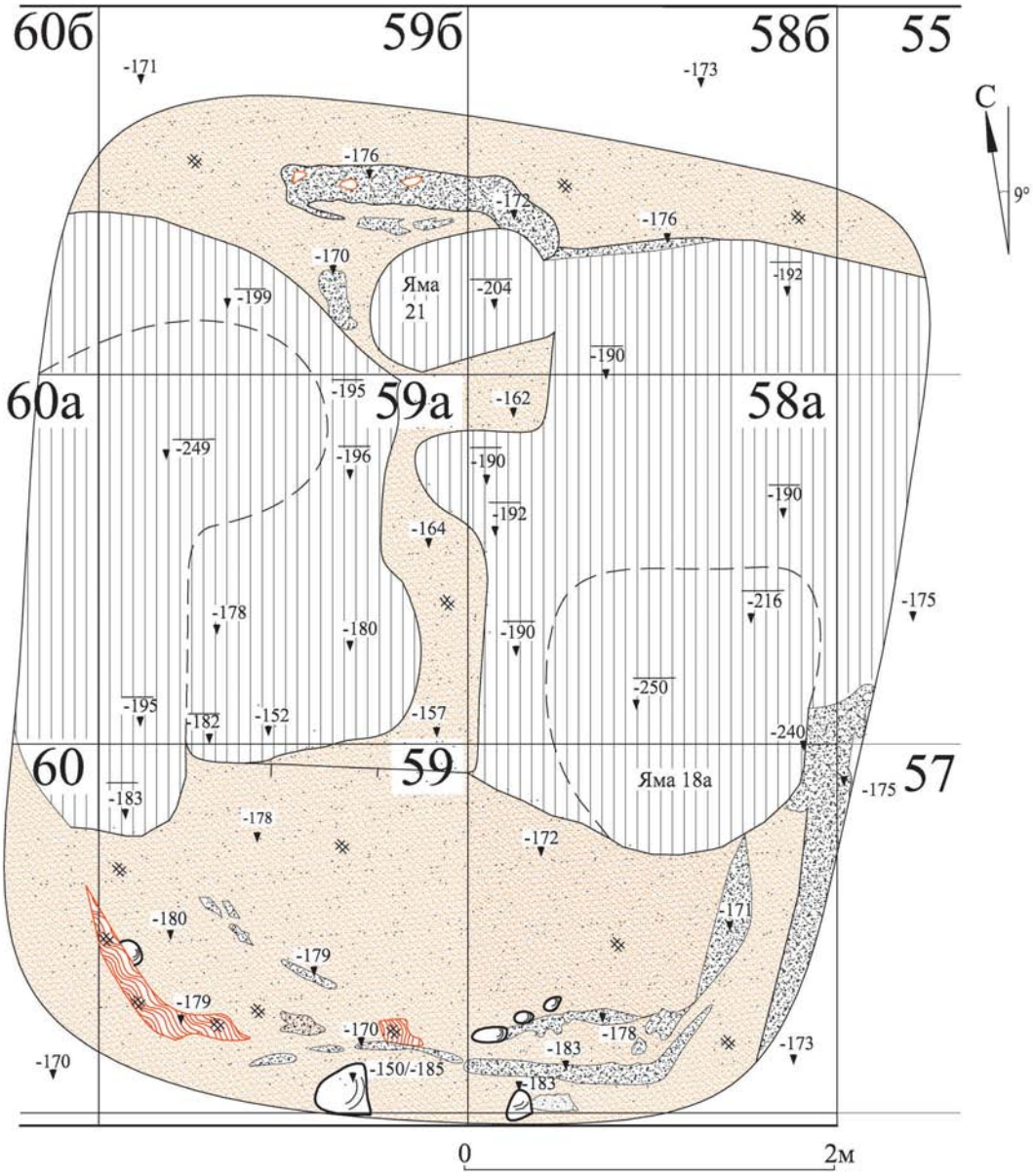
Приложение 1

ЧЕРТЕЖИ
Камерное погребение 8
Подзноевский XIV раскоп, 2009 г.

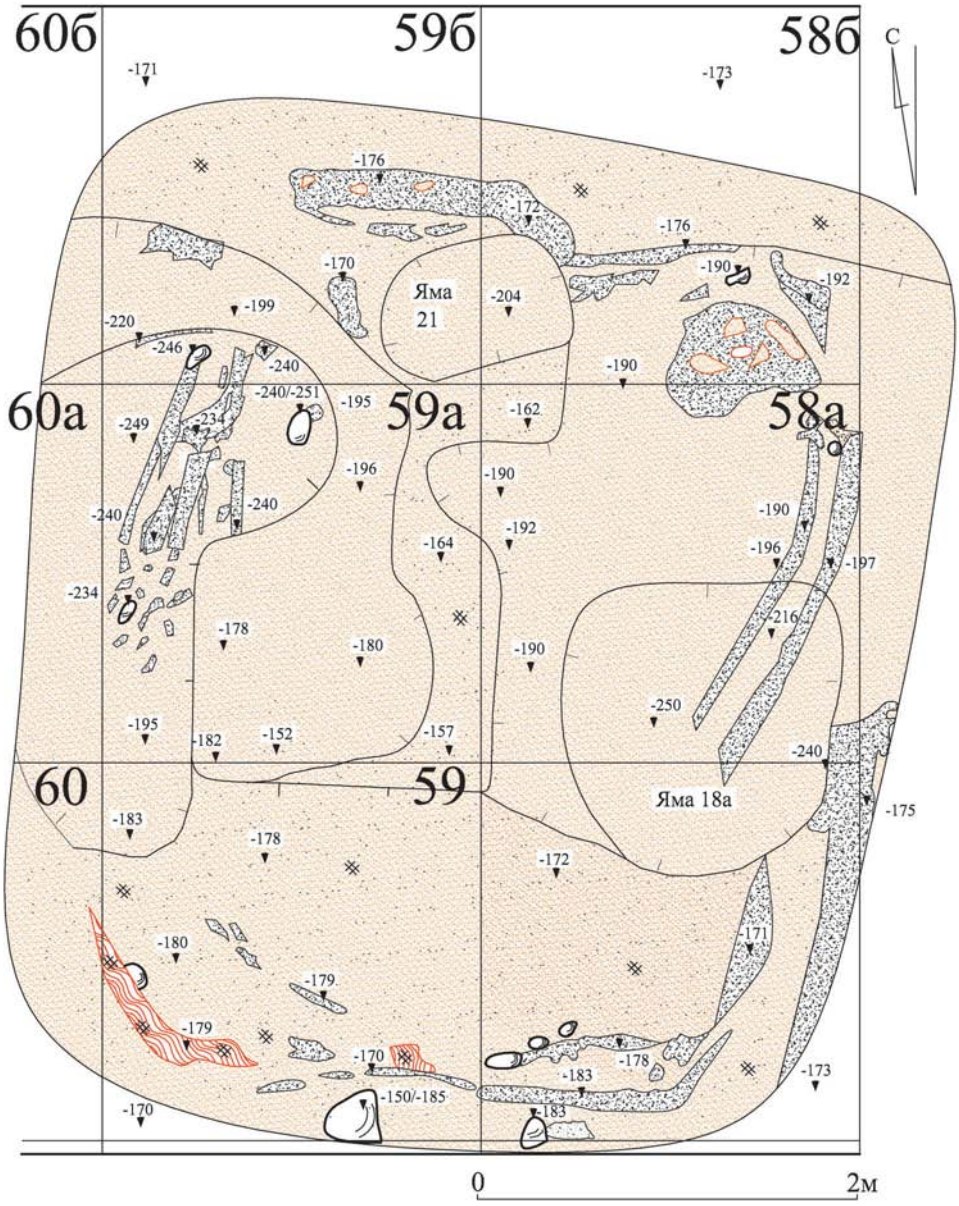
DRAUGHTS
Chamber Grave 8
Podznoevsky XIV excavation, 2009 year



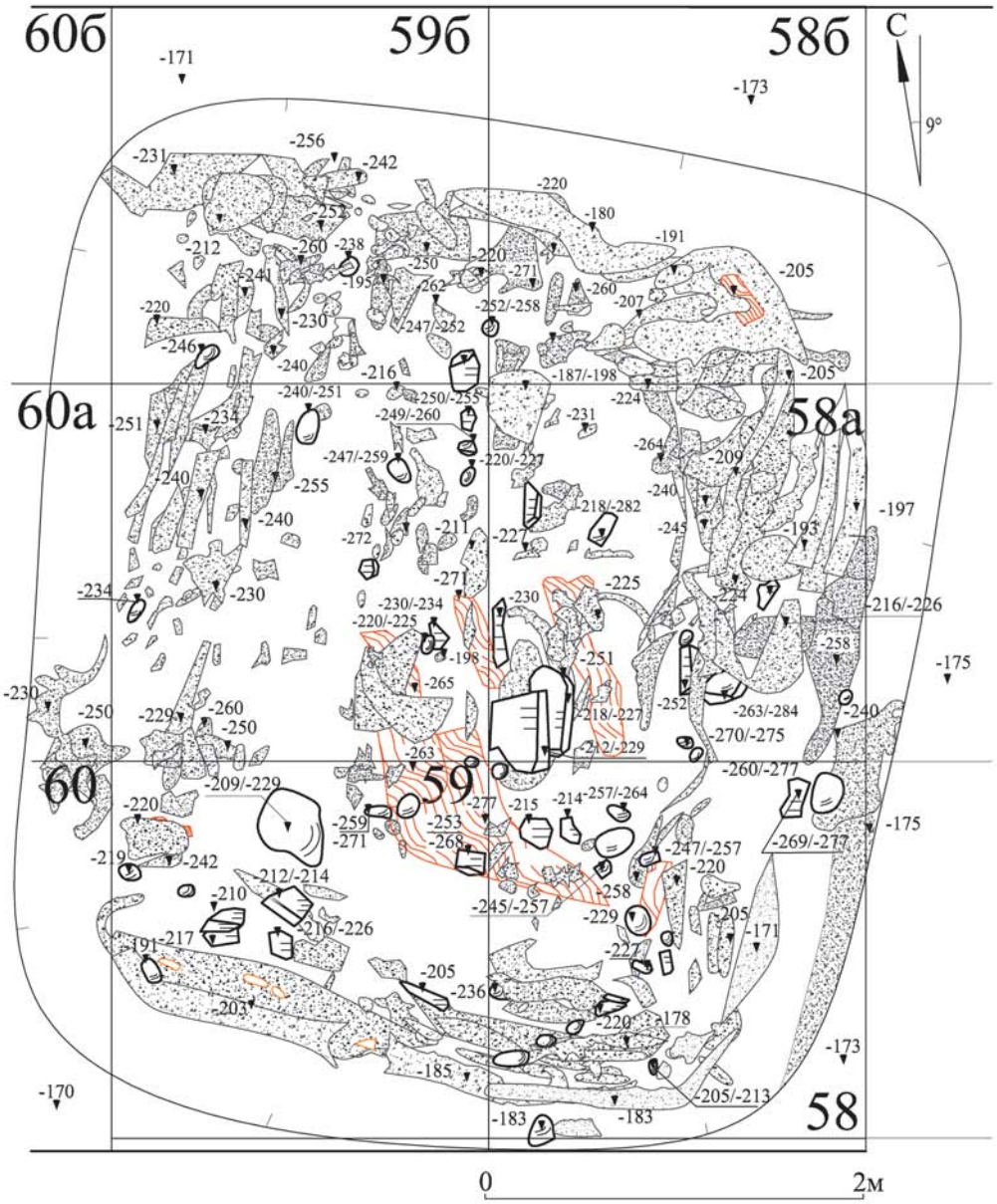
1. Схема расположения камерного погребения 8. Подзноевский XIV раскоп



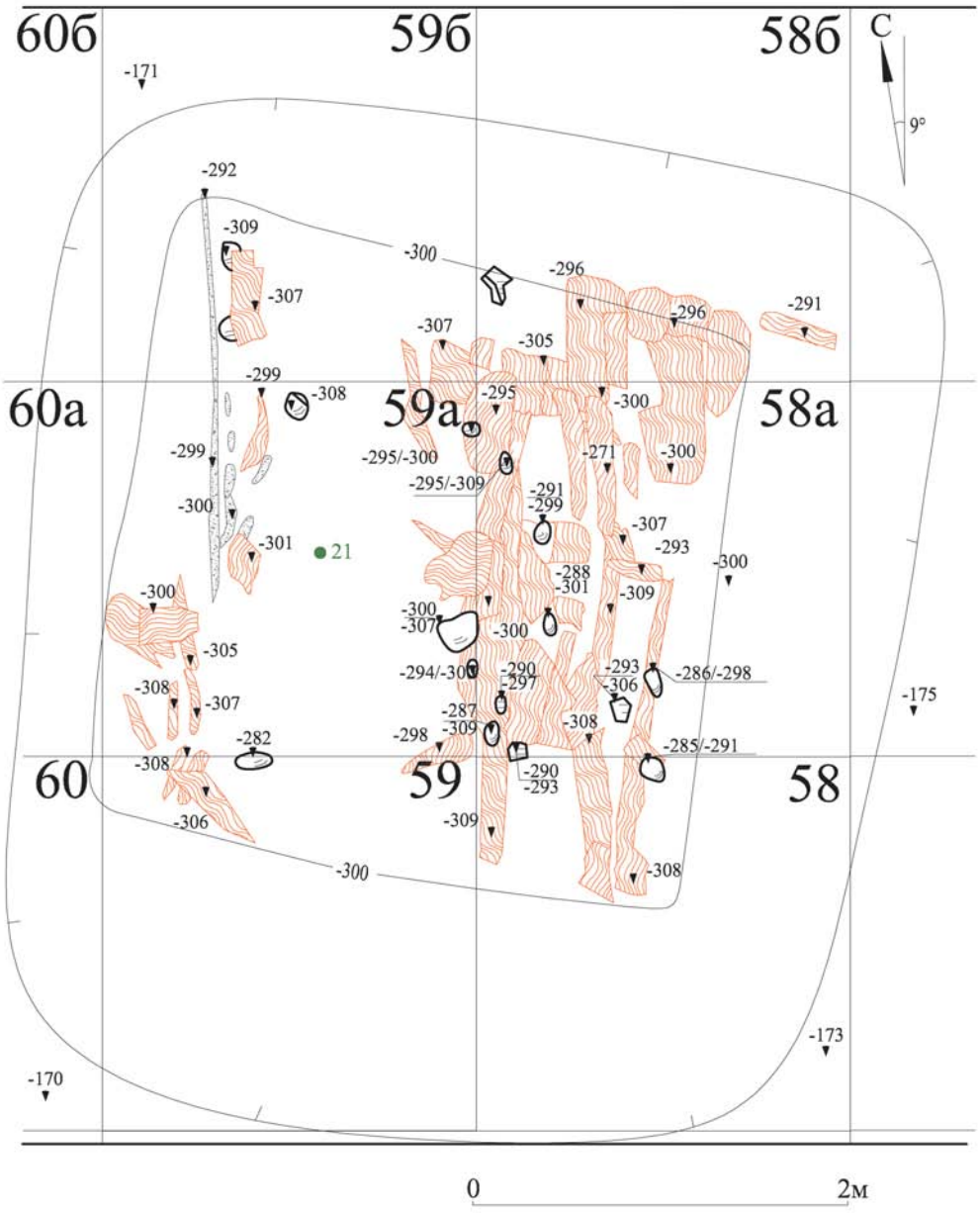
2. Пятно ямы камерного погребения 8 на уровне материка с пятнами ям — нарушений



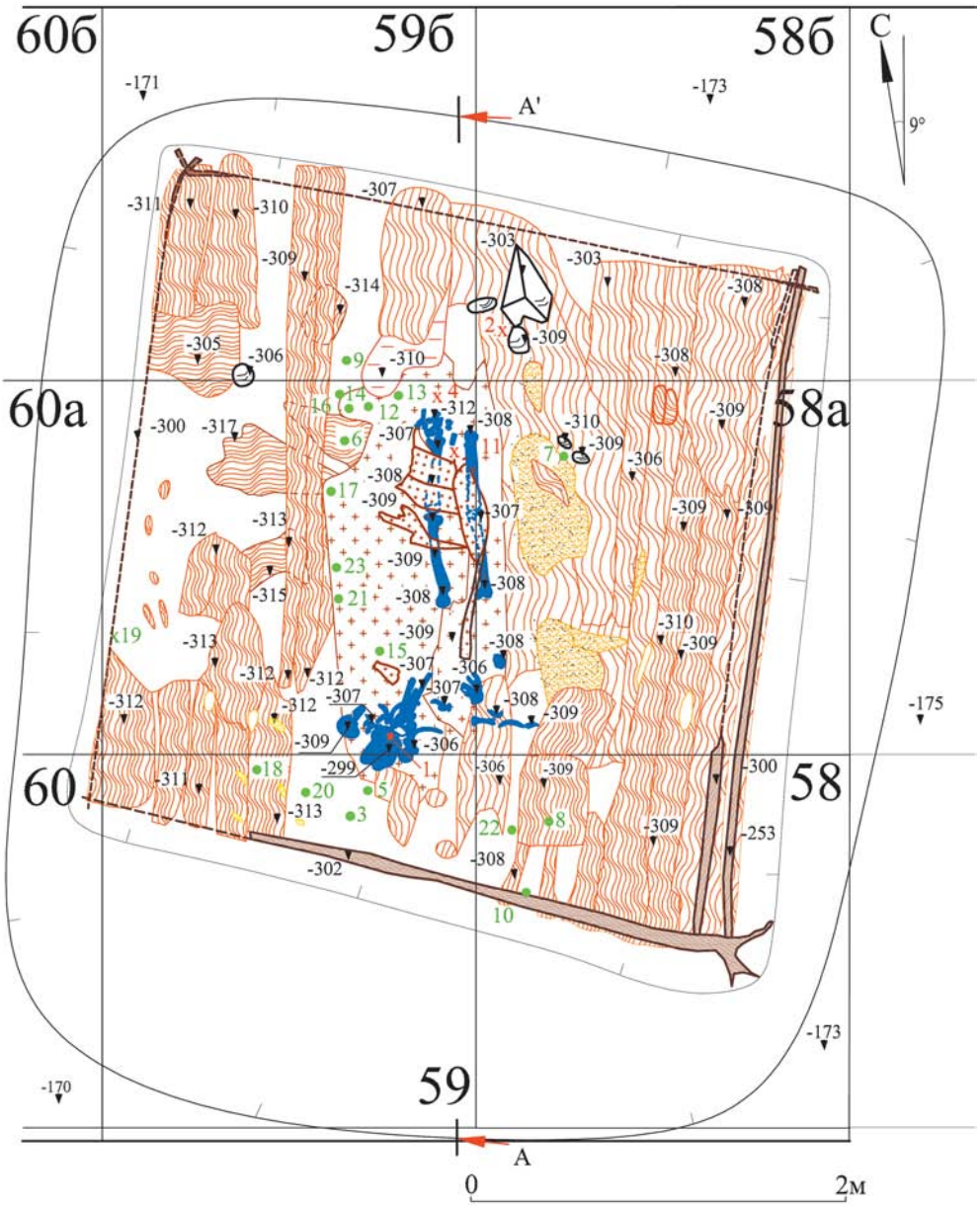
3. Пятно ямы камерного погребения 8 после выборки заполнения ям — нарушений



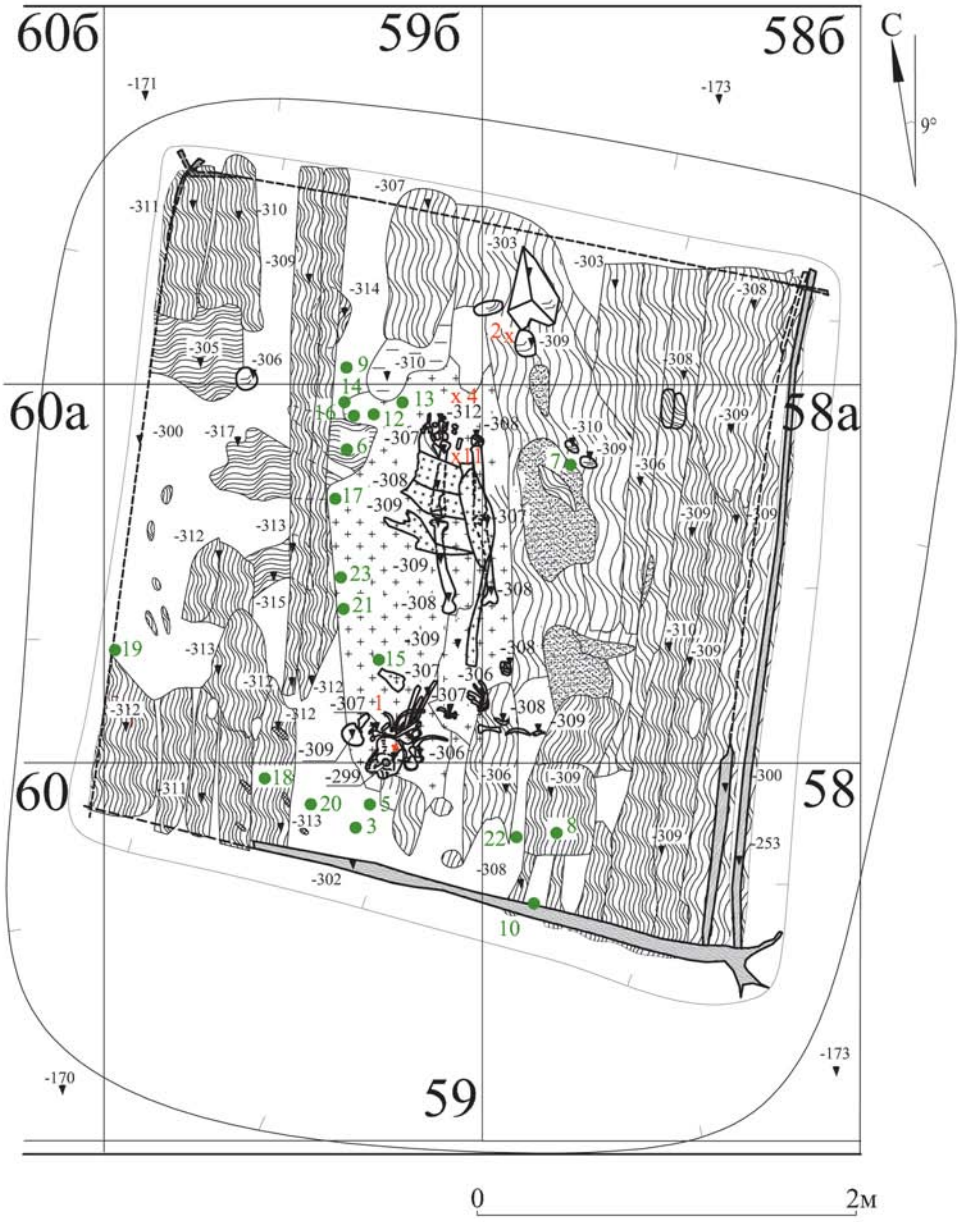
4. Сводный план (2) пятен серой супеси — остатков деревянных перекрытий в заполнении и на «временных» стенках ямы. 10-й–13-й пласты



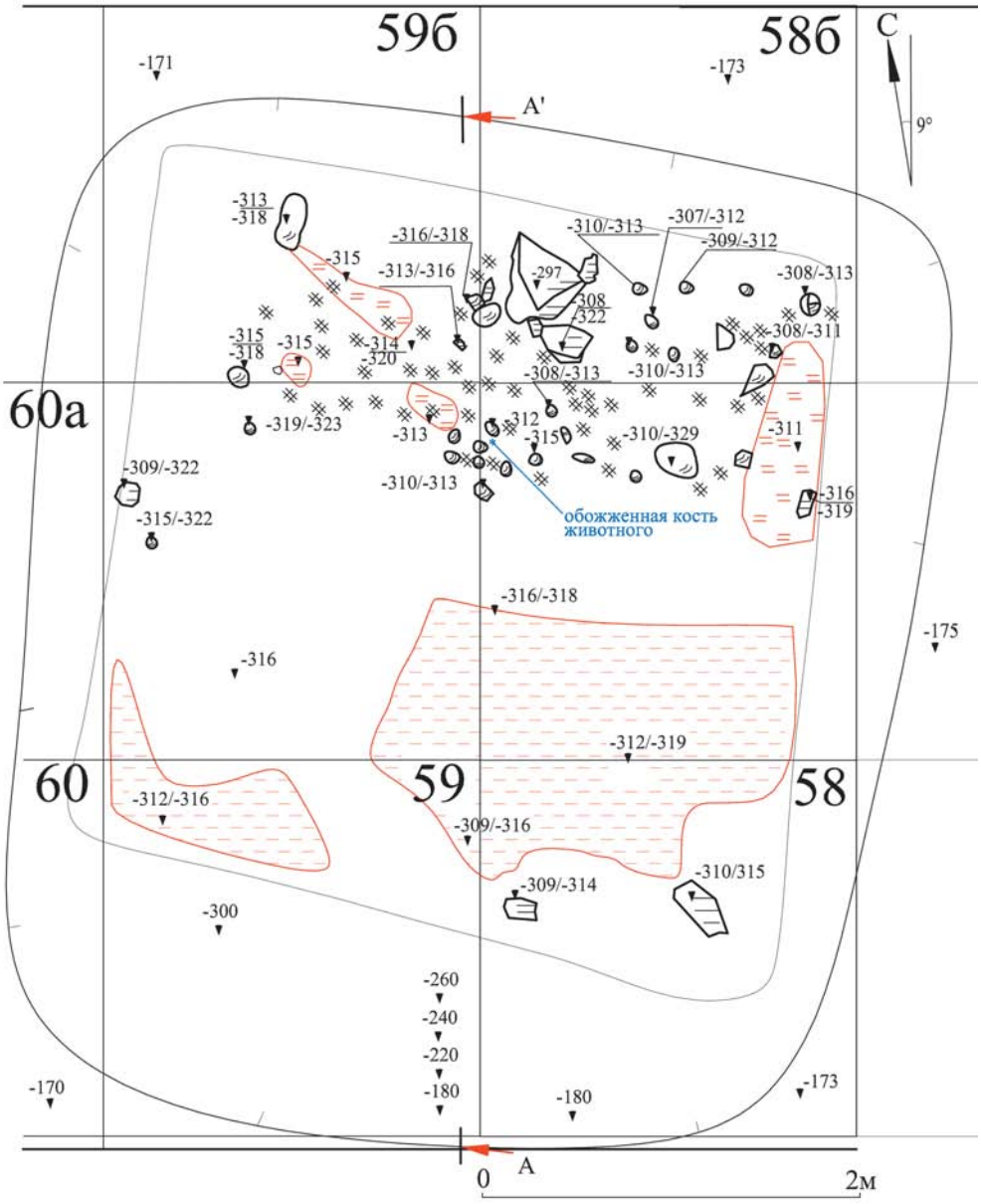
5. Сводный план пятен древесного тлена (3), серой супеси — остатков деревянных перекрытий, в нижней части заполнения погребальной камеры, внутри сруба. 14-й–16-й пласты



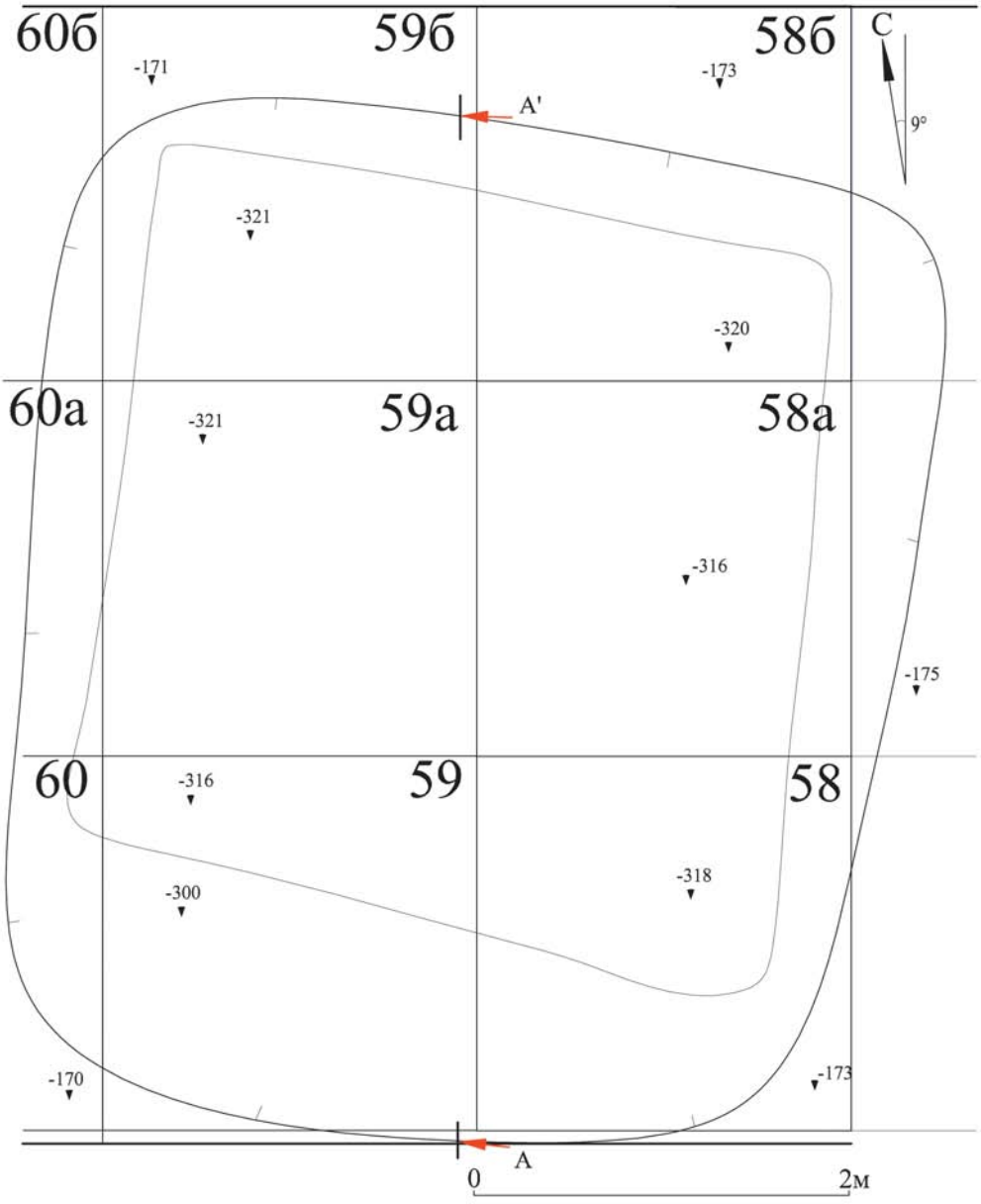
6. Камерное погребение 8



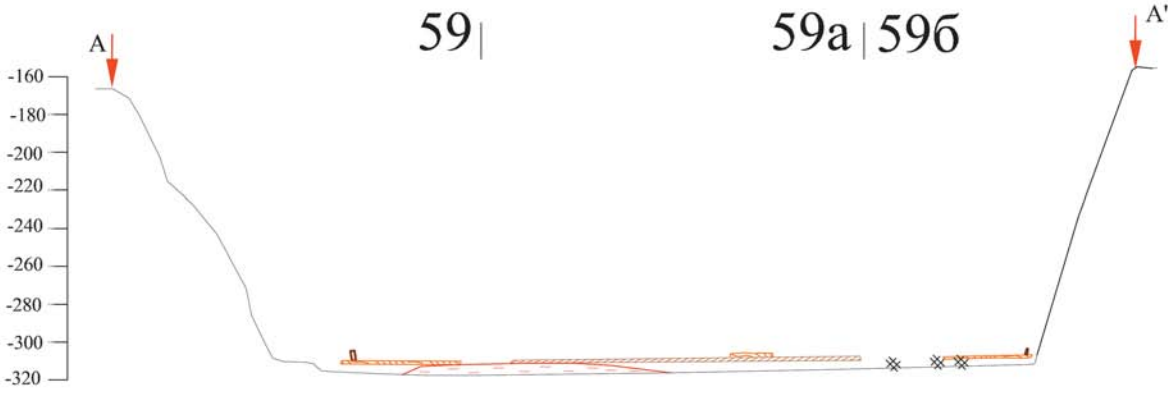
7. Камерное погребение 8. План расположения находок



8. Черное пятно мелких углей и прокаленной глины под полом, на дне ямы



9. Яма камерного погребения 8



10. Камерное погребение 8. Разрез могильной ямы, сруба и пола

Приложение 2

СПИСОК НАХОДОК
Камерное погребение 8
Подзноевский XIV раскоп, 2009 г.
(учетный шифр раскопа: (П-09-ПДП-XIV)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

LIST OF FINDS
Chamber Grave 8
Podznoevsky XIV excavation, 2009 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
1	**Крест нашивной (**кв. 59а, на затылочной части черепа). Позумент. Золото, плетение. *Sewn cross.* *Braid. Gold, plaiting.*	_8_ 8
2	**Весы (**кв. 58б). а — коромысло; б — фрагменты чашечек; в — фрагмент шнурка. Бронза, железо. Литье, ковка. *Balance.* *а — folding beam; б — pans in fragments; в — fragment of the lace.* *Bronze, iron. Casting, smithing.*	_10_ 10
3	**Гвоздь (**кв. 59). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_15_ 15
4	**Пружина замка (**кв. 59а). Железо. Ковка. *Lock spring.* *Iron. Smithing.*	_14_ 14
5	**Гвоздь (**кв. 59). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_24_ 24
6	**Гвоздь (**кв. 59а). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_23_ 23
7	**Гвоздь (**кв. 58а). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_5_ 5
8	**Гвоздь (**кв. 58). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_6_ 6
9	**Гвоздь. Фрагменты (**кв. 59б). Железо. Ковка. *Nail in fragments.* *Iron. Smithing.*	_4_ 4
10	**Гвоздь (**кв. 58, в стене сруба). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_7_ 7

Номер по каталогу	Наименование находки, местонахождение, материал и техника изготовления	Номер полевой Номер по описи
11	**Скопление предметов (**кв. 59а, рядом с костью голени левой ноги, под «покровом»). а — нож; б — ножницы; в — два фрагмента ключа. Железо. Ковка. *Objects gathering.* *а — knife; б — shears; в — two fragments of the key.* *Iron. Smithing.*	_12_ 12
12	**Гвоздь (**кв. 59а). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_1_ 1
13	**Гвоздь (**кв. 59а). Железо. Ковка. *Nail.* *Iron. Smithing.*	_2_ 2
14	**Гвоздь. Фрагмент (**кв. 59а). Железо. Ковка. *Nail in fragments.* *Iron. Smithing.*	_3_ 3
15	**Гвозди. Фрагменты (**кв. 59а). Железо. Ковка. *Nail in fragments* *Iron. Smithing.*	_22_ 22
16	**Гвоздь. Фрагмент (**кв. 59а). Железо. Ковка. *Fragment of the nail.* *Iron. Smithing.*	_17_ 17
17	**Гвоздь. Фрагмент (**кв. 59а). Железо. Ковка. *Fragment of the nail.* *Iron. Smithing.*	_18_ 18
18	**Гвоздь. Фрагмент (**кв. 59). Железо. Ковка. *Fragment of the nail.* *Iron. Smithing.*	_21_ 21
19	**Гвоздь. Фрагмент (**кв. 59а). Железо. Ковка. *Fragment of the nail.* *Iron. Smithing.*	_16_ 16
20	**Гвозди. Фрагменты (**кв. 59). Железо. Ковка. *Nail in fragments.* *Iron. Smithing.*	_19_ 19
21	**Гвозди. Фрагменты (**кв. 59а, в перекрытии последнего яруса). Железо. Ковка. *Nail in fragments* *Iron. Smithing.*	_9_ 9
22	**Гвозди. Фрагменты (**кв. 58). Железо. Ковка. *Nails in fragments.* *Iron. Smithing.*	_13_ 13
23	**Гвоздь. Фрагмент (**кв. 59а). Железо. Ковка. *Fragment of the nail.* *Iron. Smithing.*	_11_ 11

Приложение 3

КАТАЛОГ

Камерное погребение 8

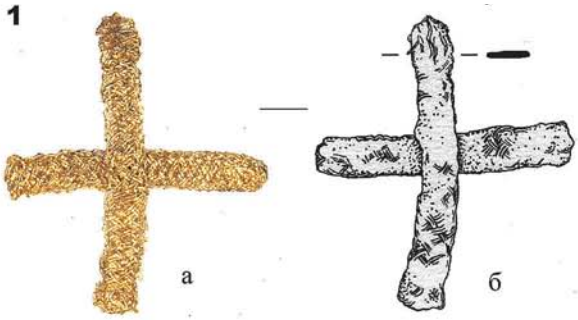
Подзноевский XIV раскоп, 2009 г.
(учетный шифр раскопа: (П-09-ПДП-XIV)
Коллекция находится в фондах Псковского государственного музея-заповедника

CATALOGUE

Chamber Grave 8

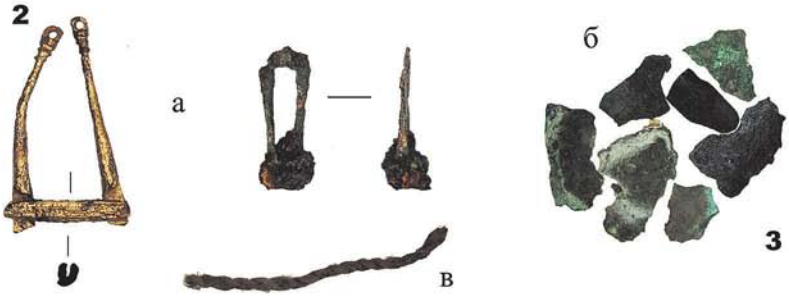
Podznoevsky XIV excavation, 2009 year
The collection is located in the Pskov State Museum-reserve

1



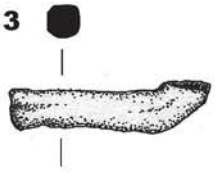
Крест нашивной (кв. 59а, на затылочной части черепа). Позумент. Золото, плетение.
Sewn cross.
Braid. Gold, plaiting.

2



Весы: а – коромысло; б – фрагменты чашечек; в – фрагмент шнурка
(кв. 58б). Бронза, железо. Литье, ковка.
Balance. а – folding beam; б – pans in fragments; в – fragment of the lace. Bronze, iron. Casting, smithing.

3



Гвоздь (кв.59).
Железо, ковка.
Object. Iron, smithing.

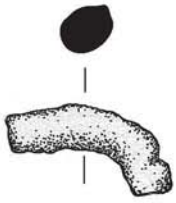
4

Пружина замка (кв.59а).
Железо, ковка
Two fragments of the lock spring. Iron, smithing.

5

Гвоздь (кв.59).
Железо, ковка
Object. Iron, smithing.

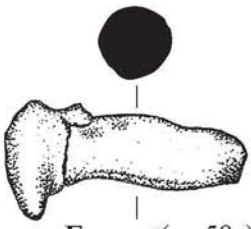
6



Гвоздь (кв. 59а).
Железо. Ковка.
Object. Iron. Smithing.

0 1см 3см

7

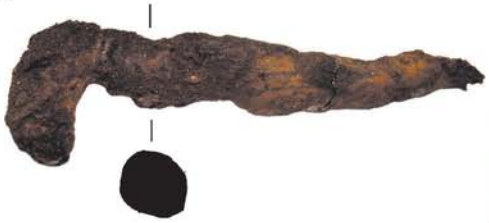


Гвоздь (кв.58а).
Железо, ковка
Nail. Iron, smithing.

8

Гвоздь (кв.58).
Железо, ковка
Nail. Iron, smithing.

9

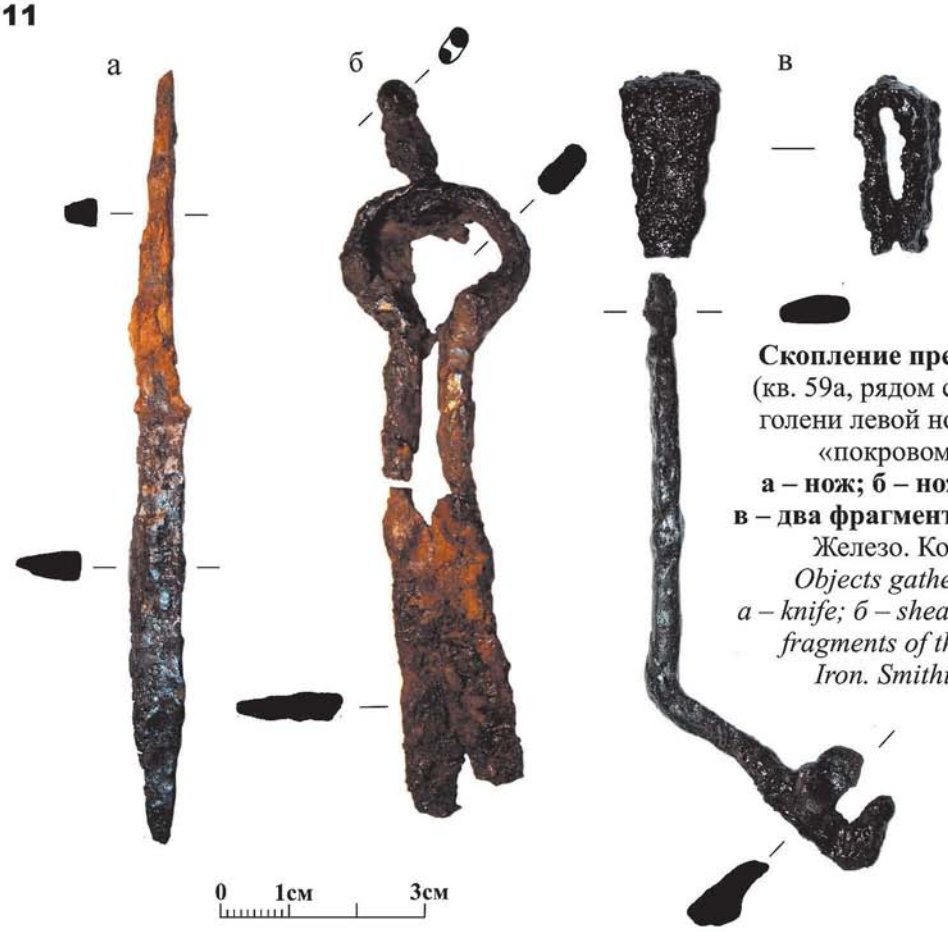


Гвозди. Фрагменты (кв. 59б).
Железо. Ковка.
Nail. Fragments.
Iron. Smithing.

10

Гвоздь
(кв. 58, в стене сруба).
Железо. Ковка.
Nail.
Iron. Smithing.

11

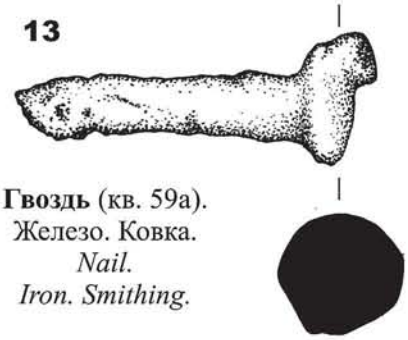


Скопление предметов
(кв. 59а, рядом с костью голени левой ноги, под «покровом»).
а – нож; б – ножницы;
в – два фрагмента ключа.
Железо. Ковка.
Objects gathering.
а – knife; б – shears; в – two fragments of the key.
Iron. Smithing.

12

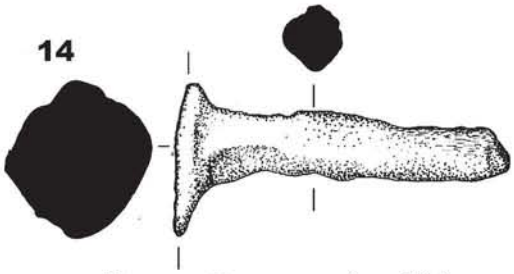
Гвоздь (кв. 59а).
Железо. Ковка.
Nail. Iron. Smithing. Iron, smithing.

13



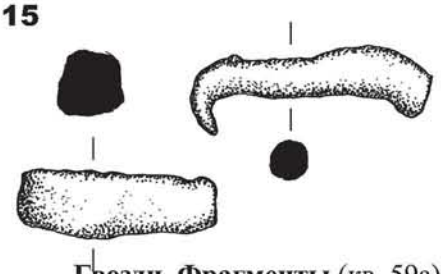
Гвоздь (кв. 59а).
Железо. Ковка.
Nail.
Iron. Smithing.

14



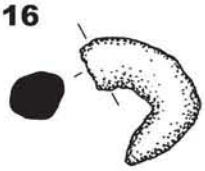
Гвоздь. Фрагмент (кв. 59а).
Железо. Ковка. *Nail. Two fragments.*
Iron. Smithing.

15



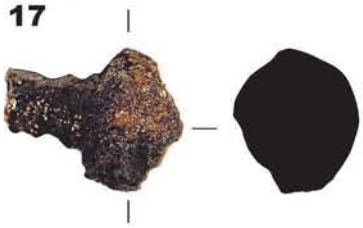
Гвозди. Фрагменты (кв. 59а).
Железо. Ковка.
Nails. Fragments.
Iron. Smithing.

16



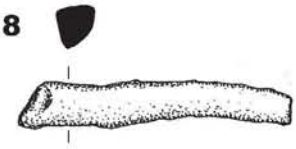
Гвоздь. Фрагмент
(кв. 59а).
Железо. Ковка.
Fragment of the nail.
Iron. Smithing.

17



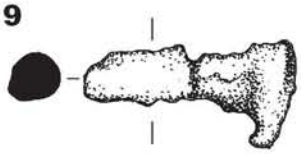
Гвоздь. Фрагмент (кв. 59а).
Железо. Ковка.
Fragment of the nail.
Iron. Smithing.

18



Гвоздь, фрагмент (кв.59).
Железо, ковка.
Fragment of the nail. Iron, smithing.

19



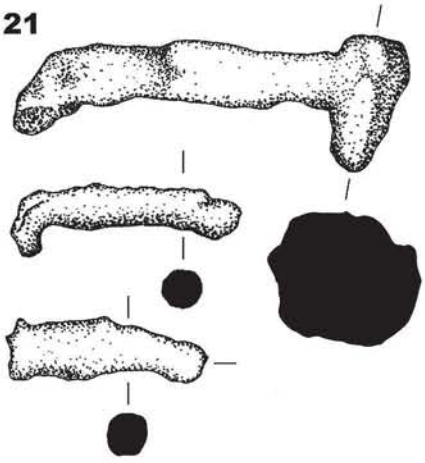
Гвоздь, фрагмент
(кв.59а).
Железо, ковка.
Fragment of the nail.
Iron, smithing.

20

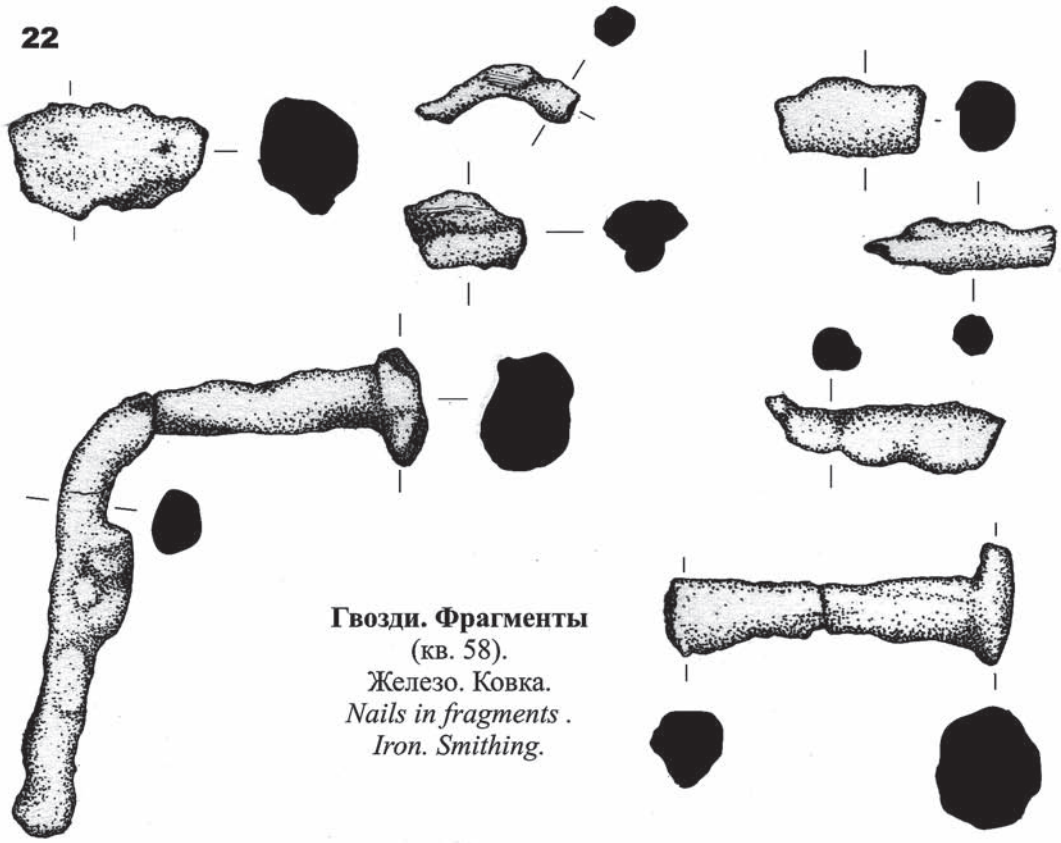
0 1см 3см

Гвозди. Фрагменты
(кв.59). Железо, ковка.
Nails (two fragments). Iron, smithing.

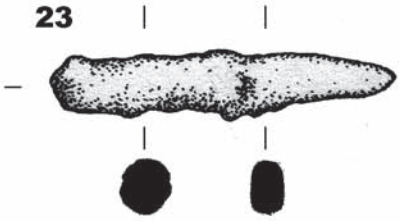
21



Гвозди. Фрагменты (кв.59а,
в перекрытии последнего яруса).
Железо, ковка.
Nail (three fragments). Iron, smithing.



Гвозди. Фрагменты
(кв. 58).
Железо. Ковка.
Nails in fragments .
Iron. Smithing.



Гвоздь. Фрагмент
(кв. 59а). Железо. Ковка.
Fragment of the nail.
Iron. Smithing.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- перемешанный слой
- темно-серый слой
- коричневый слой
- плотный древесный тлен
- древесный тлен
- очень плотный древесный тлен
- серо-коричневая супесь с примесью древесного тлена
- коричневая супесь
- серая супесь
- супесь с песком
- желтый песок
- белый песок
- песок с красной глиной
- гумусированный песок
- 6 — места взятия образцов
- обожженная глина
- доска
- 23 — гвозди
- древесный тлен в разрезе
- древесный уголь
- а – бревно в разрезе, столб; б – бревно в плане
- сруб
- известняк
- булыжник
- красная глина
- голубая глина
- x1 — индивидуальная находка
- II, II' — разрез
- -339 — нивелировочная отметка
- посткраниальные останки
- посткраниальные останки, перекрытые тленом
- кости птицы
- направление склона
- остатки деревянных элементов погребального ложа
- 12 — дендроспил
- камерное погребение

II. ОБРЯД И ИНВЕНТАРЬ КАМЕРНЫХ ПОГРЕБЕННИЙ СТАРОВОЗНЕСЕНСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Е. С. Зубкова, О. В. Орфинская

Текстиль из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова

Материалы археологических раскопок давно признаны исключительным по значимости источником для исследования многих проблем истории Древней Руси как экономического, так и социального характера. Текстиль (по большей части происходящий из погребальных памятников) в этом отношении не уступает множеству других археологических находок. Безусловно, в первую очередь находки тканей вызывают интерес у историков костюма. Привлечение данных археологии для исчерпывающего изучения древнего костюма началось уже в XIX в. Однако скудность археологических материалов, фрагментарность и плохая сохранность вынуждали исследователей при реконструкции одежд обращаться к фрескам, миниатюрам, памятникам письменности как к основным источникам. В XX в. с повышением уровня археологических знаний некоторые ученые пытались использовать материалы раскопок для реконструкции одежды (Арциховский, 1948, с. 362). Однако отсутствие четко разработанных методик консервации и реставрации, а также методик исследования археологического текстиля затрудняло активное привлечение материалов раскопок для реконструкции костюма. Ко второй половине XX в. методы исследования, консервации и реставрации археологического текстиля значительно усовершенствовались, что позволило историкам более активно использовать находки тканей в своих работах (и не только для реконструкции костюма).

В процессе археологических раскопок Старовознесенского камерного некрополя была сделана попытка, используя все известные к настоящему времени методы исследования, получить максимально полную информацию о текстиле в погребениях. Для этого при разборке заполнения камер 1, 3, 4, 6, 7 были взяты крупные монолиты и более мелкие образцы слоя, содержащие органику, для дальнейшего изучения в камеральных условиях.

Все объекты исследования были многослойными. В связи с этим первый этап работы заключался в послойном разделении монолитов и их отдельных фрагментов. Это позволяло с большой долей вероятности извлечь остатки тканей с сохранившейся структурой, не повредив их. При расчистке и разборке использовались жесткие флейцы. В процессе работы делалась графическая фиксация каждого нового слоя (что имело немаловажное значение для восстановления стратиграфии текстиля в погребении) с отбором образцов для подробного их изучения.

На втором этапе для получения необходимых характеристик каждого из выделенных слоев использовались оптические и микроскопические методы. Отобранные образцы были просмотрены под микроскопом МБС-10 при увеличении $10–100^{x}$ в отраженном неполяризованном свете. Природа текстильных волокон определялась с помощью микроскопа ПОЛАМ Р-211 при увеличении $400–600^{x}$ в проходящем поляризованном свете, для чего из каждого образца отбирались микропробы и изготовлялись постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме. Описанные методы позволяли:

— определить структуру слоев монолитов или их фрагментов;

— выявить отдельные волокна и определить их природу;

— выявить отдельные нити и определить их тип;

— определить структуру текстильных переплетений остатков тканей, изъятых из монолитов в процессе их расчистки;

— выявить наличие окраски волокон, нитей или остатков тканей, определить стадию их окраски.

Для идентификации природы текстильных волокон использовались методы гистохимии, микрохимии и термические методы анализа. Выявление и определение сохранившихся следов красителей проводилось с использованием микроскопии в отраженном и проходящем свете с увеличением 16–400^{x}, химических анализов и спектрометрии (детальное описание методов исследования см.: Владимирова, Голиков, Егоров и др., 2002).

Исследования проводились на базе Центра исследования исторических и традиционных технологий Российского научно-исследовательского института природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева по методике, разработанной Центром под руководством В. П. Голикова.

В результате тщательного изучения фрагментов тканей, сохранивших свою структуру, и анализов образцов слоя с мест положения костяков и с прилегавших к ним участков было выявлено несколько типов текстиля: из растительных, шерстяных и шелковых волокон. Всего в погребениях 1, 3, 4, 6, 7 обнаружено более 35 фрагментов тканей, 18 из которых — определяемые детали одежды (погребения 3, 6) или головного убора (погребение 7). Исследования показали, что во всех камерах (кроме камеры 4) присутствовали льняные (или из иных растительных волокон) ткани. Шерстяная ткань обнаружена в погребениях 1 и 4. Необходимо отметить, что в обоих случаях остатки шерстяной ткани фиксировались на фрагментах дерева. В камере 1 стратиграфическое положение остатков дерева с шерстяной тканью на них (под костяком погребенного) позволяет с большой долей вероятности говорить о некоем текстильном покрытии места непосредственного размещения покойника (Зубкова, Орфинская, 2009, с. 294–308). Стратиграфия остатков дерева с шерстяной тканью на нем в камере 4, к сожалению, недостаточно четкая, что не позволяет определенно говорить о роли текстиля из шерстяных волокон: являлась ли шерстяная ткань покрывалом места погребения или остатками деталей костюма погребенного.

Шелковые ткани присутствовали во всех камерах. Микроскопические анализы образцов позволили установить наличие нескольких видов этого типа тканей, отличающихся друг от друга по технологическим характеристикам. Кроме того, в погребении 7 обнаружены остатки парчовой ткани в виде узкой ленты.

В образцах слоя из трех погребений (1, 4 и 7) были выявлены «утеплители». В первом случае — в виде распушенных хлопковых и шелковых волокон, прошитых отдельными нитями (аналоги подобного вида текстиля до настоящего времени не были известны). В двух других случаях таковым являлся слой птичьего пуха, уложенный в довольно определенном порядке. Пуховые «утеплители» располагались: между слоями текстиля (камера 4) и на мездровой стороне остатков кожаного изделия (камера 7).

В двух погребениях (камеры 6 и 7) вместе с остатками текстиля обнаружены обрывки кожи. Судя по наличию на них следов от швов (камера 6 — рис. 1, А, Б, В) и следов позолоты (камера 7 — рис. 1, Г), обрывки являются фрагментами изделий. В первом случае на основании некоторых наблюдений можно предположить, что детали из кожи могли составлять единое целое с текстильным изделием, хотя не исключено, что кожаным было какое-то другое самостоятельное изделие. В погребении 7 остатки кожи на основании результатов анализов можно интерпретировать как подушку под головой покойника. Однако сохранность материала в обоих случаях не позволяет строить более точные предположения.

Наконец, следует отметить, что в процессе исследований была определена точная стратиграфия текстильных слоев там, где не удалось выявить остатков тканей с сохранившейся структурой (камера 1, слой, перекрывавший костяк). Эти результаты дают дополнительные сведения для реконструкции костюма (Зубкова, Орфинская, 2009, с. 301). Так коротко представляется обобщенный итог исследования остатков текстиля из погребений Старовознесенского камерного могильника.

Безусловно, что особый интерес вызывают материалы, содержащие сведения для реконструкции костюма. С этой точки зрения находки из погребальной камеры 3 представляются наиболее значимыми. Именно из этого погребения происходит наибольшее количество остатков текстильных изделий, среди которых четко выделяются детали одежды, довольно хорошо сохранившиеся. Вместе с фрагментами тканей были обнаружены две парные овальные фибулы, являвшиеся неотъемлемой частью костюма и выполнявшие функции застежек. Этот факт и ряд предметов из сопутствующего погребению инвентаря позволил соотнести обнаруженные детали с женской одеждой.

Всего было выявлено 16 деталей, изготовленных из двух типов тканей — льняной полотняной и шелковой. Вся масса текстиля некогда

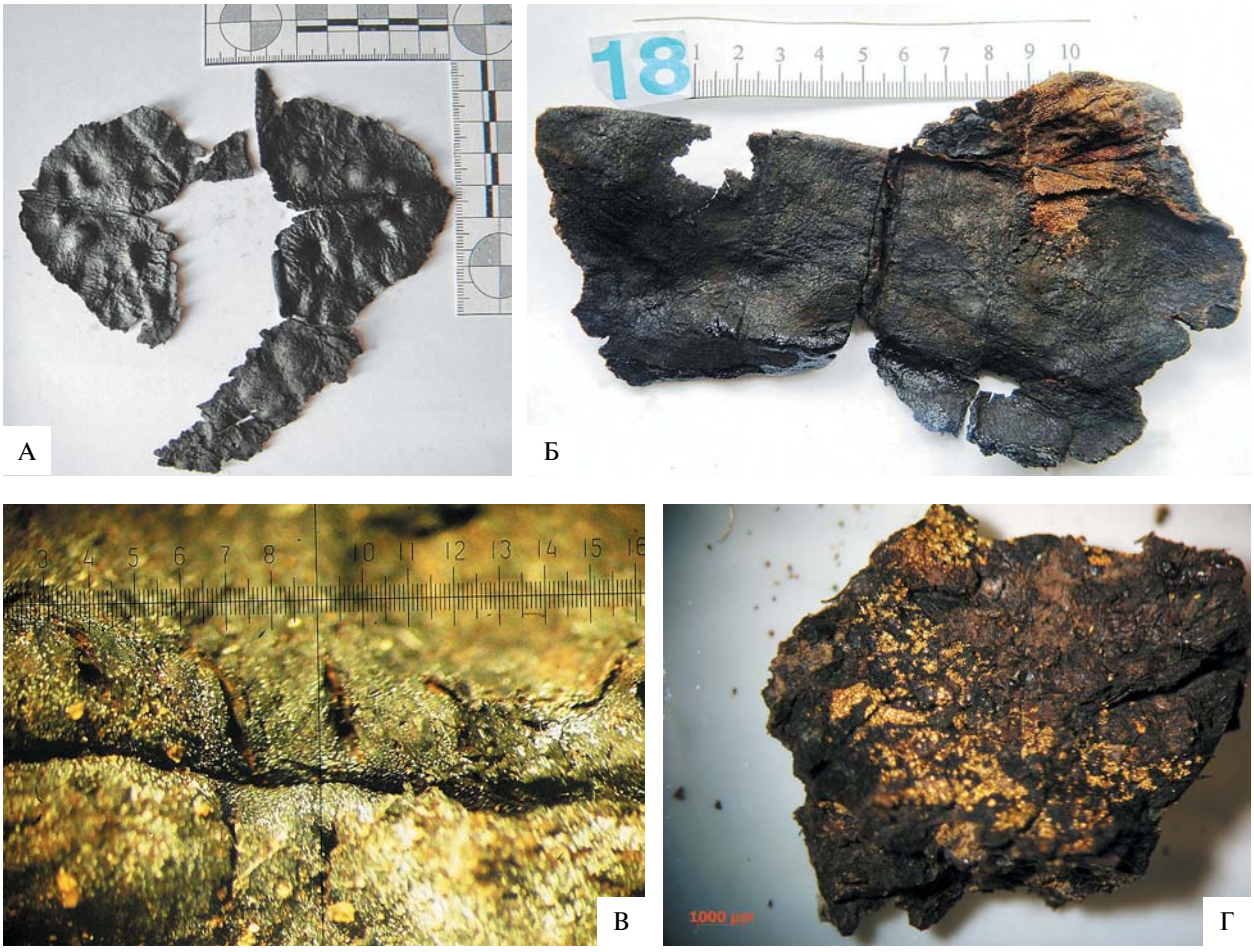


Рис. 1. Остатки кожаных изделий из погребений:
А, Б, В — детали из кожи со следами швов (погребение 6); Г — кожаные пластины с позолотой (погребение 7)

была уложена в берестяной короб (рис. 2, А—В) остатки которого были обнаружены при расчистке пола погребальной камеры (см. Погр. 3, Прил. 1, *7*) (Зубкова, Орфинская, 2010, с. 161). Опираясь на данные различных анализов, можно сказать, что основу ее составляла льняная полотняная ткань, сложенная в несколько слоев. Все детали, выполненные из шелка, как с лицевой, так и с изнаночной стороны покрыты тонким слоем деструктированной полотняной ткани. Кроме того, наличие открытых необработанных с изнанки швов и обработанных краев, а также следы от проколов иглой на ткани и остатки пришивных нитей свидетельствуют о том, что все детали из шелка являлись накладными и были нашиты на некое изделие из полотняной ткани. Стратиграфические наблюдения расположения слоев текстиля и анализ вышеизложенных фактов позволил довольно уверенно утверждать, что комплект женской одежды состоял из двух изделий, сшитых из тонкой льняной полотняной ткани, окрашенной в синий цвет. Датировка и тип погребального сооружения (камера), а также наличие двух овальных бронзовых фибул (см. Погр. 3, Прил. 3, Каталог, ***23***, ***24***), несомненно, относящихся к кругу древностей эпохи викингов, обусловил поиски аналогий псковской находке в первую очередь в скандинавских материалах.

В настоящее время существует несколько вариантов реконструкции женского костюма эпохи викингов, предложенных в разное время такими исследователями, как А. Гейер, И. Хэгг, М. Халд, Ф. Бау и др. Все они основаны на археологических и изобразительных источниках, в первую очередь — на материалах из крупнейшего могильника в Бирке (Швеция), а также памятников Дании и Норвегии. Несмотря на некоторую вариантность в деталях, в целом скандинавский женский костюм представлялся комплектом из четырех предметов. В него входила нижняя рубаха, поверх которой надевалось платье с длинными рукавами. На платье надевалось швейное изделие, известное в литературе под разными названиями: передник — *apron* или «юбка на бретелях». Оно закрывало туловище снизу: по грудь спереди и до лопаток сзади, удер-

Рис. 2. Остатки берестяного короба из камеры 3: А — фрагмент дна; Б — участок дна со следами от соединения со стенками; В — фрагменты стенок и дна

живаясь на фигуре при помощи перекинутых со спины через плечи бретелей, которые, в свою очередь, скреплялись парными черепаховидными фибулами с петлями на переднем полотнище юбки. Дополнением к костюму служила накидка (или плащ), края которой стягивались на груди равноплечей или круглой фибулой. Здесь следует отметить, что и археологический материал (в силу своей фрагментарности), и изобразительные источники (в силу определенной степени условности) не могут дать однозначного представления о деталях костюма и принципах покроя того или иного типа одежды. Особый интерес вызывал передник — *apron* (или «юбка на бретелях»). Первые попытки его реконструкции были сделаны А. Гейер (Geijer 1938, S. 139, 153–155) и И. Хэгг (Hägg 1974, S. 52, 53). Эта деталь женского костюма представляла собой отрезок ткани, свернутый пополам. Края сверху с одного из боков соединялись коротким швом и расходились книзу. Спереди и сзади к верхнему краю пришивались короткие и длинные петли, соединявшиеся с помощью фибул (рис. 3). Ф. Бау предложены еще несколько вариантов реконструкции *apron*. Они основаны на сравнительном анализе результатов изучения расположения остатков петель на иглах фибул из раскопок могильника Бирка и изображений валькирий, найденных на территории Скандинавии. В кратком изложении каждый из вариантов представляется следующим образом.

А. Передник представлял собой отрез ткани, который обертывался вокруг тела, прикрывая спину и бока, оставляя открытым переднюю часть туловища. На углах верхнего края пришивались петли. Две подобные же петли от середи-

ны верхнего края ткани перекидывались через плечи и скреплялись с угловыми при помощи фибул.

Б. К открытому переду передника варианта А добавлялся нагрудник, пристегивавшийся к фибулам дополнительными петлями. Именно такой передник якобы читается на фигурке валькирии из Туза (Дания).

В. И наконец, последний вариант, основанный на изучении фигурок валькирий из Туны и Грёдинге (Швеция). На них можно видеть, что передник с нагрудником дополнен еще одним элементом — шлейфом, прикреплявшимся сзади с помощью дополнительных длинных петель все к тем же фибулам (Bau, 1982, p. 14–16, 25, fig. 9).

Несомненно, одежда скандинавских женщин в эпоху викингов состояла из нескольких предметов. Возможно, количество их могло меняться, но наличие рубахи и (или) платья, поверх которых надевалась некая вещь, известная под названиями «юбка на бретелях» (*apron*), подтверждается всем комплексом источников (археологических, изобразительных), относящихся ко времени эпохи викингов. Однако (и об этом уже упоминалось выше) они не позволяют однозначно представить конструкцию того или иного типа одежды. Псковская находка в этом отношении значительно расширяет возможности реконструкции костюма в целом и такой его детали, как *apron* в частности.

Первое из двух изделий, составлявших костюм из погребения 3, — рубаха (или платье), с которым связываются детали № 3, 5, 7, 10. Последние представляют собой остатки ворота (Погр. 3, Прил. 3, Каталог, ***28.11***), который по краю выреза подвернут наизнанку и заложен мелкими складочками. Складки закреплены тонким руликом, который одновременно стягивал края ворота. Спереди по центру имелся вертикальный разрез. Микроскопическое исследование описываемой детали позволяет предположить, что рубаха (или платье) было сшито из двух ткацких кусков ткани, поскольку на месте разреза с обеих сторон фиксировались кромки. На территории Древней Руси аналогичная находка известна по материалам из Гнёздовского могильника (Орфинская, Пушкина, 2011, с. 92–99) в погребениях, по устройству и инвентарю относящихся к скандинавским (Жарнов, 1991, с. 211).

Детали № 3 и 5 из шелковой ткани — манжеты (Погр. 3, Прил. 3, Каталог, ***28.3, 28.4***), по всей видимости, были нашиты на длинные зауженные книзу рукава рубахи (или платья). Длина целого манжета — 12,5 см, ширина у запястья — 10 см (в сложенном виде). Нижние края манжет обрабо-

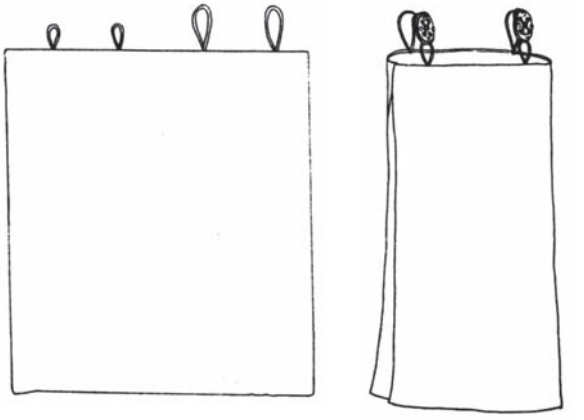


Рис. 3. Реконструкция «юбки на бретелях» по А. Гейер (по: Owen-Crocker, 1986, p. 29, fig. 20)

таны узкой полосой ткани, верхние — подогнуты наизнанку на 0,5 см.

Второе изделие, отождествляющееся с *юбкой на бретелях,* или с *apron*, (а в данном случае условно названное *сарафаном*) также было сшито из льняной ткани синего цвета. С ним связаны детали № 6 (Погр. 3, Прил. 3, Каталог, ***28.9***) и № 8 — петля (Погр. 3, Прил. 3, Каталог, ***28.10***). Деталь № 6 сшита из нескольких полос шелковой ткани и, по всей вероятности, служила отделкой верхнего края «сарафана» (с изнаночной стороны, как уже указывалось, по всей площади на ней фиксировались слой деструктированной синей льняной полотняной ткани и остатки пришивных нитей). На широкой центральной части детали на равных расстояниях от центра с одной стороны сохранилось основание петли, с другой — петля из льняной ткани синего цвета. На одной из узких боковых полос (V — рис. 4, Б) описываемой детали, на расстоянии 20 и 25 см от места соединения ее с широкой центральной частью, фиксируются остатки пришивных нитей и проколы от иглы — следы пришивания петель (или бретелей). Учитывая симметричность детали № 6 в целом, а также симметричное расположение остатков петель на центральной ее части, можно предполагать наличие таковых и на второй узкой боковой ее полосе. Такие петли упоминаются и А. Гейер, и И. Хэгг, и Ф. Бау (Geijer, 1938; Hägg, 1974; Bau, 1982) при описаниях конструкции *apron* (юбки на бретелях). Они представляли собой узкую длинную полосу ткани, сложенную в несколько слоев, перегнутую по центру пополам. Концы полосы (каждый в отдельности, вплотную друг к другу) пришивались к верхнему краю заднего полотнища юбки, таким образом образуя длинную петлю.

Принимая во внимание имеющиеся факты, можно предположить, что деталь № 6 пред-

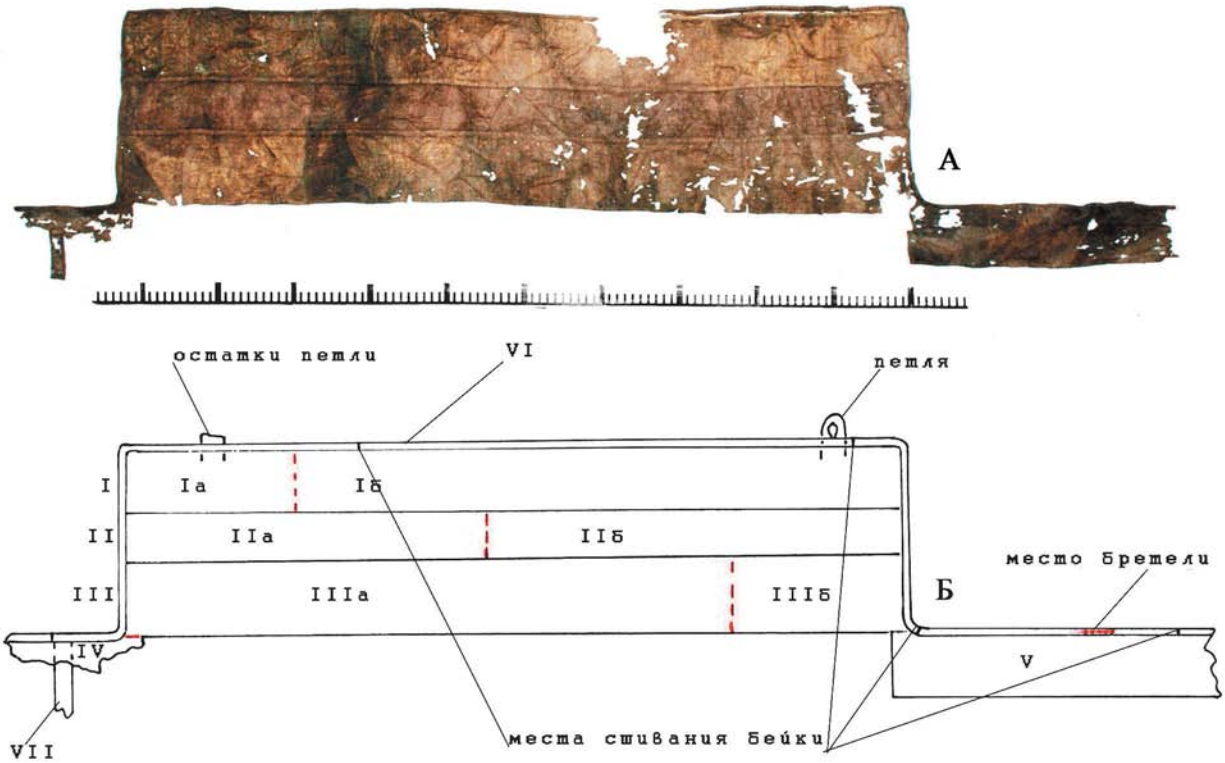


Рис. 4. Деталь 6 из камеры 3: А — общий вид детали 6; Б — схема детали 6

ставляет собой полную развертку верхней части «сарафана» — наиболее информативную для реконструкции этого типа одежды. Широкая центральная ее часть пришивалась к переду, переходя на спинку узкой полосой, замыкая контур. На груди к верхнему краю самого «сарафана» были пришиты короткие петли, со спины через плечи перекидывались длинные. Передние и задние петли соединялись с помощью фибул, позволяя, таким образом, сарафану удерживаться на фигуре. И передние (короткие), и задние (длинные) петли, очевидно, были пришиты к лицевой стороне сарафана, а место пришивания маскировалось декоративной деталью из шелка. Об этом свидетельствуют остатки коротких петель на изнаночной стороне широкой части детали № 6. Представляющаяся возможной реконструкция второго изделия из псковского погребения ближе всего стоит к *apron* варианта реконструкции А. Гейер (рис. 3). Полностью разложившаяся нижняя часть изделия из погребения 3 Старовознесенского некрополя не дает, к сожалению, представления ни о длине, ни об оформлении его по бокам ниже шелковой отделки. Однако небольшая деталь в виде полосы шириной 2 см (без учета подгибов), пришитая к одной из узких боковых частей детали № 6 (VII, рис. 4, Б), по всем расчетам могла служить либо отделкой разреза в боковом шве, либо, напротив, перекрывать боковой шов. Ни одно из этих предположений не противоречит предложенной А. Гейер реконструкции *apron*. Кроме того, подробное обследование внутренних частей фибул, на иглах которых фиксировались следы от одной пары петель, исключает наличие как нагрудника, так и шлейфа, предполагаемых Ф. Бау в реконструкциях этого типа одежды. Остальные же детали (№ 1, 2, 4), представляющие собой разной длины обрывки полос из шелковой ткани (см. Погр. 3, Прил. 3, Каталог, ***28.1***, ***28.2***, ***28.5***, ***28.7***), невозможно уверенно связать ни с одним из двух предметов описываемого костюма. По всей вероятности, полосы шириной от 4,5 см, подогнутые наизнанку с одной стороны и обработанные дополнительно подкройной деталью (бейкой или кантом) по противоположному краю, могли быть нашиты на подол либо рубахи (платья), либо «сарафана». На изнаночной стороне каждого из трех обрывков, так же как и на манжетах, и на детали № 6, фиксировались тончайший слой деструктированной льняной ткани и остатки пришивных нитей. Исходя из того что манжеты на рукавах платья изготовлены из шелковой ткани красного цвета, следует полагать, что, вероятнее всего, и описанные детали (тоже красного цвета) украшали подол именно платья. Общий вид одежды,

реконструируемой на основе неоспоримых фактов, представлен на рис. 5. В цвете выполнены детали, обнаруженные в ходе исследования погребения 3.

Значительное количество сохранившихся обрывков одежды выявлено и при изучении материалов из погребения 6. По сопутствующему инвентарю и результатам исследования остатков скелета погребение определено как мужское. Естественно, что обрывки деталей из текстиля, обнаруженные в процессе исследования, связываются в первую очередь с мужским костюмом. К сожалению, сохранность находок не позволяет сколь-нибудь достоверно представить конструкцию одежды, однако две детали и некоторые наблюдения, сделанные при исследовании остатков тканей из погребения 6, позволяют говорить о кафтане. Этим термином принято обозначать верхнюю мужскую запашную одежду с разрезом по центру спереди, застегивавшуюся на ряд металлических грибовидных пуговиц. Упомянутые выше обе детали (см. Погр. 6, Прил. 3, Каталог, ***13.1***, ***15.1***) представляют собой остатки отделки краев полочек и застежки «кафтана» вдоль разреза. Учитывая топографию находок и некоторые различия в способах пришивания пуговиц, можно предполагать, что сохранившиеся детали застежки принадлежали двум разным швейным изделиям.

Первое, вероятно, было уложено отдельно от покойника, в пользу чего свидетельствует место обнаружения одного из фрагментов ткани с пуговицами — у южной стены камеры вместе с фрагментами деревянной чаши в серебряной оковке и другими предметами (см. Погр. 6, Прил. 1, *8*). Второе швейное изделие находилось на покойнике непосредственно в момент его погребения: остатки ткани с пуговицами были сняты с тазобедренной кости скелета. Изучение остатков этих изделий показало, что они относятся к одежде одного типа — запашной с разрезом и застежкой по центру переда, однако прием оформления застежки на них различен в некоторых деталях. В первом случае по краям полочек вдоль разреза кафтана 1 были нашиты две узкие (шириной 0,5 см) бейки, изготовленные из шелковой ткани. Бейки сшиты между собой тайным подшивочным швом. На расстоянии 1,5–2 см друг от друга между бейками перпендикулярно протягивалась еще одна аналогичная бейка, сложенная вдвое и скрепленная нитями по линии соединения. На одном конце ее (у края разреза) пришивалась грибовидная пуговка. Место пришивания перекрывалось одной из вертикальных полос. Третья бейка пришивалась к кафтану от пуговицы поперек груди параллельно поясу. Какова была длина так называемых «разговоров» или «галунов» и сколько их было, установить невозможно. Однако их минимальное количество (10) определяется однозначно (по количеству обнаруженных пуговиц). На противоположной полé также были нашиты две спаренные бейки. В прорехи между ними аналогично протягивалась третья. Конец с петлей (образовавшейся при перегибе бейки пополам) выпускался за край полы и служил петлей для пуговицы (рис. 6, А, Б). В случае с кафтаном 2 зафиксирована несколько иная система оформления края полы и крепле-

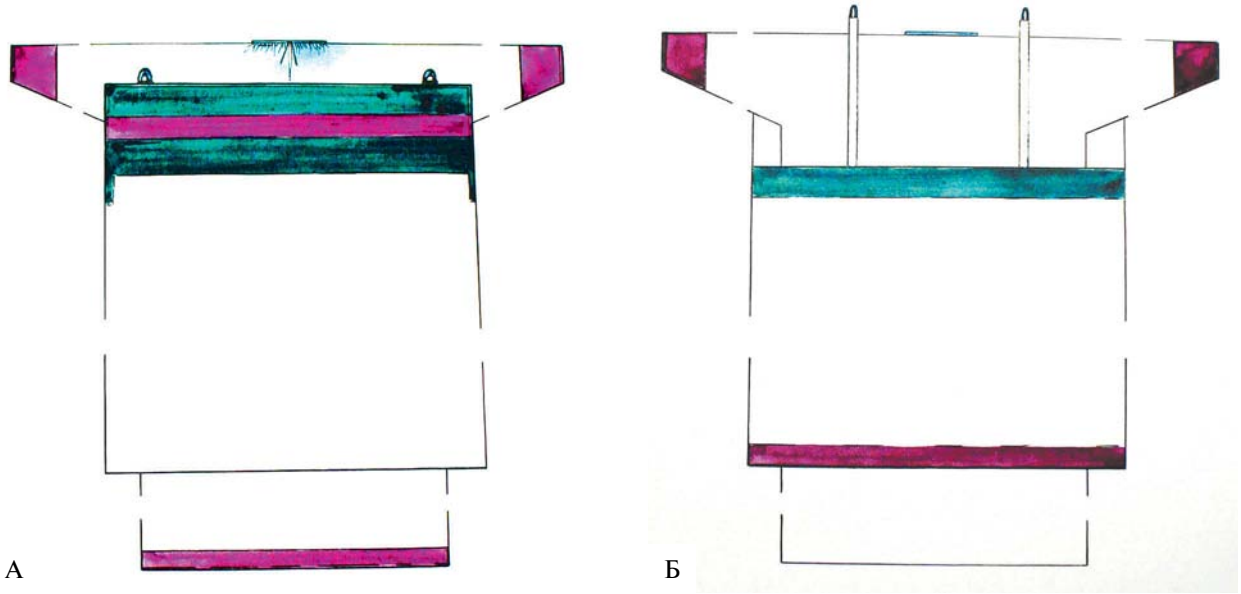


Рис. 5. Реконструкция женской одежды из камеры 3: А — вид спереди; Б — вид сзади

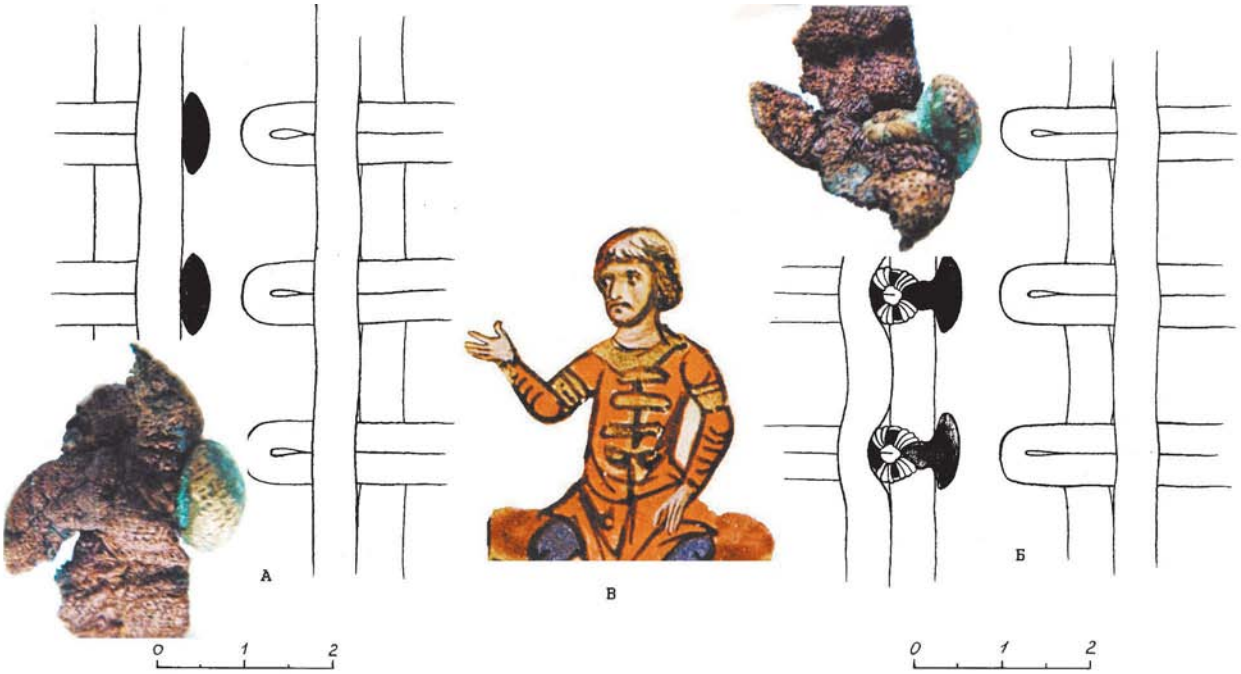


Рис. 6. Реконструкция оформления застежки «кафтана 1» из камеры 6: А — лицевая сторона; Б — изнаночная сторона; В — изображение Омуртага из византийских хроник Иоанна Скилицы (по: Божков, 1972, с. 37)

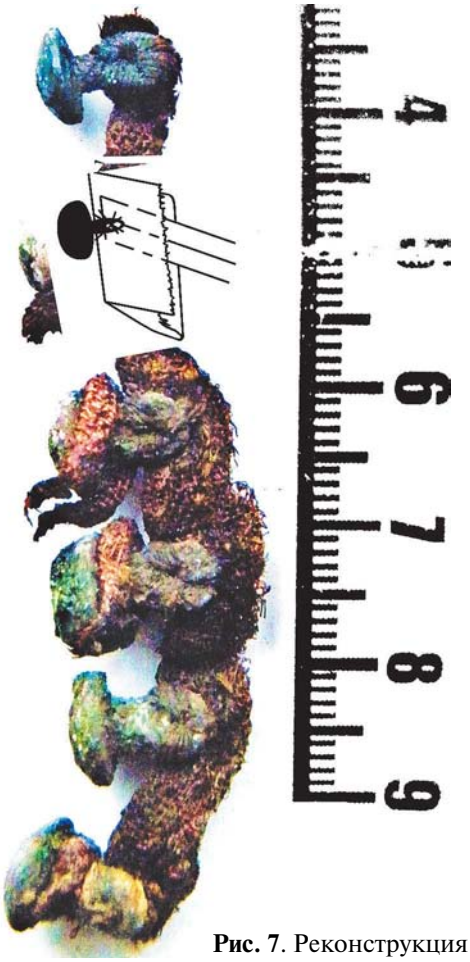


Рис. 7. Реконструкция застежки «кафтана 2» из камеры 6

ния застежки. Пуговицы (6 штук, возможно, их было больше) были пришиты к полосе шелковой ткани шириной 2–2,5 см, сложенной вдвое. Край полосы, обращенный налицо, подвернут еще раз. Пуговицы пришиты к нижней стороне. От каждой пуговицы, аналогично первому случаю, поперек груди нашивалась бейка, изготовленная из узкой полосы шелковой ткани (рис. 7). Как и в первом случае, эта бейка свертывалась пополам, образуя двойную полосу. У края полы место крепления конца галуна (бейки) скрывалось между слоями ткани, к которой пришивались пуговицы. Противоположный конец, как, видимо, и в первом случае, мог крепиться декоративным швом. К сожалению, сохранность материала не позволила на данном этапе определить, каким образом была оформлена противоположная пола с петлями. Если принять во внимание, что галуны на поле́ с пуговицами были из двойной бейки, то на стороне с петлями они должны быть аналогичными.

Прямой аналогией псковской находке на территории Древней Руси является находка остатков шелковой тесьмы с грибовидными пуговицами из кургана Поль-62 Гнёздовского могильника под Смоленском. Кроме того, металлические пуговицы фиксировались и в ряде других захоронений из этого же некрополя (Авдусин, Пушкина, 1989). Остатки шелковых тканей или тесьмы с нашитыми на них литыми пуговицами или просто ряды пуговиц, расположенных

на грудной клетке вдоль скелета, фиксировались в некоторых захоронениях могильников под Черниговом, в Шестовицком некрополе (Бліфельд, 1965, с. 43, 131). Аналогичные находки обнаружены при раскопках известного в Швеции могильника эпохи викингов Бирка (Gräslund, 1980, p. 79–82), в юго-восточной Словакии в местечке Сред в Карпатах (Nagy, Bíró, Bollók at al., 2010, p. 34). Однако во всех перечисленных археологических памятниках материалы для полной реконструкции верхней мужской одежды, называемой кафтаном, отсутствуют. В попытках представить внешний вид этого типа одежды исследователи обращаются к изобразительным источникам разного происхождения: фресковой живописи, миниатюрам в древних рукописях, каменным изваяниям, иконографии.

Подробное изучение деталей с пуговицами из погребения 6 приводит к выводу, что оформление нагрудной части одежды, с которой они некогда составляли единое целое, наиболее соответствует отделке одежд, изображенных прежде всего на миниатюрах в рукописи византийских хроник Иоанна Скилицы (Божков, 1972, с. 37, 59), в «Менологии Василия II», в «Изборнике Святослава» и на древнерусских миниатюрах XI в. (Кондаков, 1906, с. 99–101). И на одежде Омуртага, изображенного Иоанном Скилицей, и у болгарских воинов в «Менологии Василия II», а также на Святославе и у некоторых членов княжеской семьи полы одежд изображены одинаково: вдоль края осевого разреза, обшитого галуном, явно читается ряд пуговиц. От каждой пуговицы и симметрично от каждой петли на противоположной поле нагрудная часть украшена галунами, расположенными параллельно поясу.

Необходимо отметить, что все перечисленные изображения созданы гораздо позднее даты захоронения в погребении 6. Тем не менее реконструкция системы застежки одежды, основанная на фактическом материале, полученном при исследовании остатков текстиля из указанного погребения, наиболее близка версии Иоанна Скилицы (рис. 6, В) и древнерусских миниатюр. Подобную же систему застежки можно увидеть на кафтанах из могильника Мощевая Балка (Иерусалимская, 1992), захоронения в котором датируются гораздо более ранним временем, чем упомянутые выше изображения и исследованные захоронения псковского Старовознесенского некрополя. Однако по количеству пуговиц (и соответственно галунов), расстоянию между ними, а также их расположению (преимущественно в верхней части груди и асимметрично центру) упомянутые кафтаны отличаются от вышеописанных изображений этого типа одежды. Некоторое сходство в системе оформления застежки скорее говорит об общем происхождении типа одежды в целом. Но это отдельная тема (ей посвящены работы многих исследователей древнего костюма), выходящая за рамки настоящей публикации.

Обратиться, однако, к кафтанам из Мощевой Балки приходится еще раз в связи с тем, что обрывки шелковой тесьмы от кафтана 1 с нашитыми на нее пуговицами и остатками галунов вместе с обрывками других неопределенных деталей из шелковой ткани были обнаружены вместе с обрывками деталей из кожи (рис. 1, А, Б). На основании некоторых установленных в ходе исследования фактов (наличие следов соединительных швов на коже, следов льняной ткани полотняного переплетения на ней, пришивных нитей и следов швов от соединения с некоей несохранившейся тканью) можно предположить, что кожа каким-то образом была связана с одеждой. Одним из достоверных источников об использовании элементов кожи в верхней мужской одежде являются материалы из могильников Северного Кавказа, в частности — Мощевой Балки. В коллекции текстиля из этого могильника встречаются кафтаны из льняной ткани с полотняным переплетением, отделанные шелковыми тканями по лицевой стороне — чаще по краю рукавов (реже по всему), по подолу или по всему кафтану. Иногда под шелковую ткань подшивались куски кожи (Иерусалимская, 1961, с. 41).

Резюмируя коротко изложенные факты, можно сказать, что довольно скудные материалы из камеры 6 хотя и не дают возможности реконструировать мужскую одежду в той же мере, что и женскую из камеры 3, тем не менее позволяют фактически подтвердить некоторые детали, известные по изобразительным источникам, установить технологические приемы выполнения этих деталей. К сожалению, объем информации, полученный при исследовании текстильного материала из камеры 6, не позволяет подтвердить факт пошива мужской одежды (как и женской) целиком из льняной ткани, а использование шелка (как, возможно, и кожи) — всего лишь для отделки.

Если в погребениях 3 и 6 шла речь о такой детали костюма, как одежда, то в камере 7, возможно, были обнаружены остатки головного убора, о чем свидетельствует топография находки — на месте положения костяка, в области черепа (см. Погр. 7, Прил. 1, *6*). По определению Д. Пежемского, в камере 7 была захоронена девочка.

Находка представляла собой узкую ленту, вытканную из шелковых, золотых и серебряных нитей. Шелковые нити использовались в качестве осно́вных, золотые и серебряные — как уточные. Ширина ленты — 1 см. Длина, по всей вероятности, могла достигать 60–62 см. Из-за того что структура основы была полностью утрачена, сохранить тесьму в ее изначальном виде не удалось и она фиксировалась лишь на чертежах, сделанных в процессе разборки погребения (рис. 8). В процессе расчистки места погребения в области черепа вместе с остатками описываемой ленты были обнаружены два височных кольца в виде проволоки, завязанной узлом, с нанизанной на нее стеклянной бусиной (см. Погр. 7, Прил. 3, Каталог, ***4, 5***) и россыпь бусин (возможно, из ожерелья). Факт находки тесьмы в области черепа погребенного и рядом с височными кольцами, казалось бы, не оставляет сомнений в том, что она являлась головным убором. Исследователи среди различных типов этого элемента костюма выделяют головные уборы ленточной конструкции (Сабурова, 1997, с. 95). Венчики в виде нешироких полос (из различных материалов: металла, текстиля, кожи и т. п.), повязывавшиеся вокруг головы, оставлявшие неприкрытым ее верх и затылок, считаются девичьим головным убором как у славян, так и у многих других народов (Сабурова, 1974, с. 91; Нидерле, 1956, с. 241). И тем не менее о функциональном назначении парчовой ленты из камеры 7 однозначно говорить нельзя. На чертеже, фиксирующем слой места положения покойника в камере на уровне выявления лицевой поверхности ленты (рис. 8), видны как бы два фрагмента ленты с перегибами. Длина каждого — 30–32 см. Если предположить, что это — обрывки одной ленты, порвавшейся по каким-то причинам, то длина ее слишком велика, чтобы повязать голову маленькой девочки. Возможно, конечно, что головной венчик был изготовлен из двух узких парчовых лент, соединенных между собой вдоль длинных краев тайным подшивочным швом. С другой стороны, по мнению исследователей костюма, парчовая тесьма, особенно ленты малой ширины (до 1,6 см), могла использоваться для отделки детского платья (Фехнер, 1977, с. 140).

Конечно, находки из погребальных камер 3, 6 и 7 Старовознесенского некрополя в той или иной мере восполняют пробелы в представлениях о конструкции некоторых элементов костюма или подтверждают уже известные факты. Однако приходится сожалеть, что плохая сохранность текстиля не позволила определить детальных особенностей конструкции костюма погребенных.

Как уже отмечалось выше, в процессе исследования текстиля из погребений 1, 3, 4, 6 выявлено несколько типов тканей (см. сводн. таблицу):

— остатки тканей из растительных волокон, в том числе льняные;

— шерстяные;

— шелковые;

— парчовые.

Ткани первых двух типов практически не сохранились и представлены несколькими незначительными фрагментами (погребения 1, 3 и 6). Для льняных тканей характерны тонкие слегка крученые в S- или Z-направлении нити (рис. 9, А—В). Фрагмент льняной ткани из погребения 1 имел равную по основе и утку плотность, которая составляла 20 × 20 н/см². Плотность льняных тканей из погребения 3 составляла 25 × 20–40 н/см². Результаты исследований на примере погребения 3 показали, что из льняной ткани были сшиты как рубаха, так и «сарафан» женского костюма.

В скандинавском могильнике Бирка из 169 исследованных погребений в 70 обнаружены льняные ткани. Единого мнения об их происхождении у ученых, по всей вероятности, нет. Инга Хэг, исследовавшая текстиль из могильника Бирка, считает, что до VII в. лен импортировался на территорию Скандинавии из Северной Германии, но и в эпоху викингов льняные ткани здесь еще в большинстве случаев были привозными. В частности, исследовательница высказывает мысль о том, что льняные рубахи из могильника Бирка были импортированы из Киева (Hägg, 1974, s. 101; 1986, s. 62, 63). Однако некоторые исследователи считают, что льняные ткани в X в. могли быть и местного производства.

Лизе Б. Йоргенсен, изучавшая историю скандинавского текстиля, ссылается на материалы археологических раскопок в Дании (Arhus), где в постройке эпохи викингов были обнаружены льняная пряжа, остатки льняных нитей основы ткани, грузики, фрагменты льняной ткани и другие признаки текстильного производства. Плотность льняных тканей, о которых идет речь, одинакова по утку и основе: 20 н/см² (Jørgensen, 1986, p. 356).

По плотности, как видно, они схожи с фрагментами льняной ткани из погребения 1 Старовознесенского некрополя. Тем не менее приходится признать, что на данном этапе исследования надежных фактов для суждений о происхождении льняных тканей из погребений Старовознесенского некрополя пока нет.

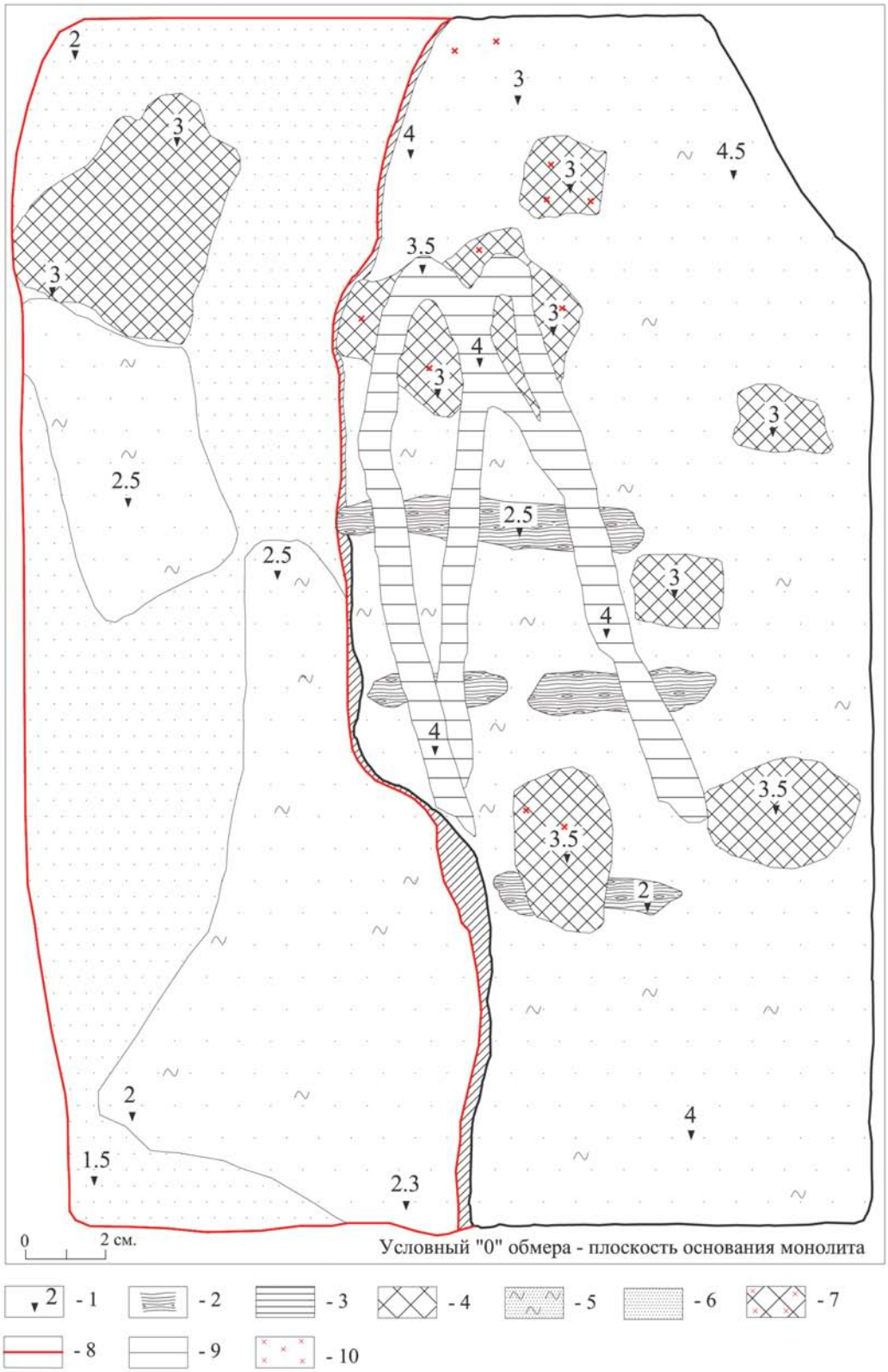


Рис. 8. Чертеж монолита с местоположения скелета в камере 7 на уровне обнаружения лицевой поверхности парчовой тесьмы. Условный «0» обмера — основание монолита. Условные обозначения: 1 — относительная высота (в см); 2 — дерево; 3 — остатки тесьмы с металлическими нитями; 4 — кожа; 5 — песок с органическим тленом и остатками дерева; 6 — песок; 7 — кожа с позолотой; 8 — граница разрушенной части монолита; 9 — граница монолита после изъятия височных колец; 10 — пластины золота

Сводная таблица некоторых технологических характеристик тканей из камерных погребений Старовознесенского некрополя в Пскове*

№ п/п	№ Погреб.	№ вида в погреб., волокно	Цвет**	Рисунок	Тип (д/шелк.), переплетен	Основы		Нити основ***						Утки		Плотность	
								внутренняя			связующая			кол-во	поряд., крут., толщ. (мм)	основа (н/1см)	уток (н/1см)
						вн.	св.	поряд	крут./шаг (мм)	толщ. (мм)	поряд	крут./шаг (мм)	толщ. (мм)				
1	1	1 шелк	красн	н/опр.	самит, сарж. 1:2,S	2	1	I	Z/0,7	0,12–0,15	I	Z/1,20	0,15	3	I, б/крут. 0,10–0,35	32–34	28
2		2 раст. вол	синий	нет	полот. 1:1	–	1	–	–	–	I	Z/не опр.	0,4–0,5	1	I, Z 0,4–0,5	20	20
3		3 шерсть	красн корич	нет	н/опр.	–	–	–	–	–	–	–	–	1	II, Zs/s 0,6–0,8	–	20
4	3	1 шелк	синий зелен желт. розов	медальон с всадник	самит, сарж. 1:2, S	2	1	I	Z/1,00	0,20–0,30	I	Z/0,60–0,80	0,25–0,35	4	б/крут, 0,25–0,35 0,25, 0,50–0,60 0,25	16 вн. 8 св.	18–40
5		2 шелк	красн-фиол зелен жёлт	медальон с птицей	самит, сарж. 1:2, S	2	1	I	Z/0,75	0,10–0,15	I	Z/1,00–0,80	0,20	3	б/крут, 0,35, 0,20–0,25, 0,50	40 вн. 20 св.	20–45
6		3 шелк	н/опр.	н/опр.	самит, сарж. 1:2, S	1	1	I	Z/1,00	0,25	I	Z/1,00	0,20–0,25	3	б/крут 0,20, 0,50, 0,35	20 вн. 20 св.	20–50
7		4 шелк	н/опр.	н/опр.	самит, сарж. 1:2, S	2	2	I	Z/1,00	0,20–0,25	I	Z/1,00–0,80	0,25	2 (3?)	б/крут 0,25–0,35 0,25–0,35	28 вн. 14 св.	40
8		5 раст. вол	синий	нет	полотнян. 1:1	–	1	–	–	–	I	Z/1,00 (н/равн.)	0,40	1	Z/1,00 (н/равн) 0,25–0,50	25	20–40
9	4	ткань 1 шелк	н/опр.	н/опр	самит, сарж. 1:2,S	2	1	–	Z/–	0,1–0,15	–	Z/–	0,25	3	б/крут. 0,25, 0,20–0,15, 0,25–0,30	22 вн. 11 св.	35–40
10		ткань 2 шерсть	н/опр.	н/опр.	– саржа 2:2,Z	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11		ткань 3 н/опр.	красн.		– полотн. 1:1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
12		ткань 4 шелк	н/опр.	н/опр.	самит, саржа 1:2,S	2	1	–	Z/–	0,15–0,20	–	Z/–	0,25–0,50	2	б/крут. 0,40, 0,25	52 вн. 26 св.	25–30

13	6	вид I, шелк	светло-кор.	н/опр.	самит, саржа 1:2,S	2	1	–	Z/–	0,25	–	Z/–	0,20–0,25	2	б/крут. 0,20–0,30, 0,30–0,40	28 вн. 14 св.	25
14		вид II, шелк	светло-кор.	н/опр.	самит, саржа 1:2,S	1	1	–	Z/–	0,20	–	Z/–	0,25	1	б/крут. 0,25	22 вн. 22 св.	40
15		вид III, шелк	светло-кор.	нет	уточн репс полотн. 1:1	–	1	–	–	–	–	Z/–	0,20–0,30	–	б/крут. 0,30–0,40	30–36	20
16		вид IV, шелк	светло-кор.	н/опр.	самит, саржа 1:2,Z	2	1	–	Z/–	0,20	–	Z/–	0,20	1?	б/крут. 0,20–0,25	28 вн. 14 св.	25
17		вид V, шелк	светло-кор.	н/опр.	самит, саржа1:2,Z	2	1	–	Z/–	0,20	–	Z/–	0,20	1?	б/крут. 0,20–0,25	28 вн. 14 св.	25
18		вид VI, шелк	красн. синий	нет	самит, саржа 1:2,S	2	1	–	Z/–	0,20	–	Z/–	0,20	2	Z/0,5 0,20–0,25	28 вн. 14 св.	25
19	7	вид I, шелк	светло-кор.	нет	самит, саржа 2:1,S	1	1	–	Z/–	0,20–0,25	–	Z/–	0,20–0,25	2	б/крут. 0,25–0,40	н/опр.	н/опр.
20		вид II, шелк	зелен. (?)	нет	самит, саржа 2:1,S	1	1	–	Z/–	0,15	–	Z/–	0,15	2	б/крут. 0,25, 0,54	н/опр.	н/опр.
21		вид III, шелк	красн.	нет	самит, саржа 2:1,S	1	1	–	Z/–	0,10–0,15	–	Z/–	0,10–0,15	1?	б/крут. 0,25	н/опр.	н/опр.
22		вид IV, шелк	н/опр.	нет	- полотн. 1:1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
23		парча	золот. сереб.	н/опр.	саржа (?)	–	–	–	–	–	–	–	–	2	S	–	–

* Более подробное описание тканей см.: Зубкова Е. С., Орфинская О. В., А2010.
** В большинстве случаев определяется визуально.
*** «—» Параметры не сохранились или не определяются.

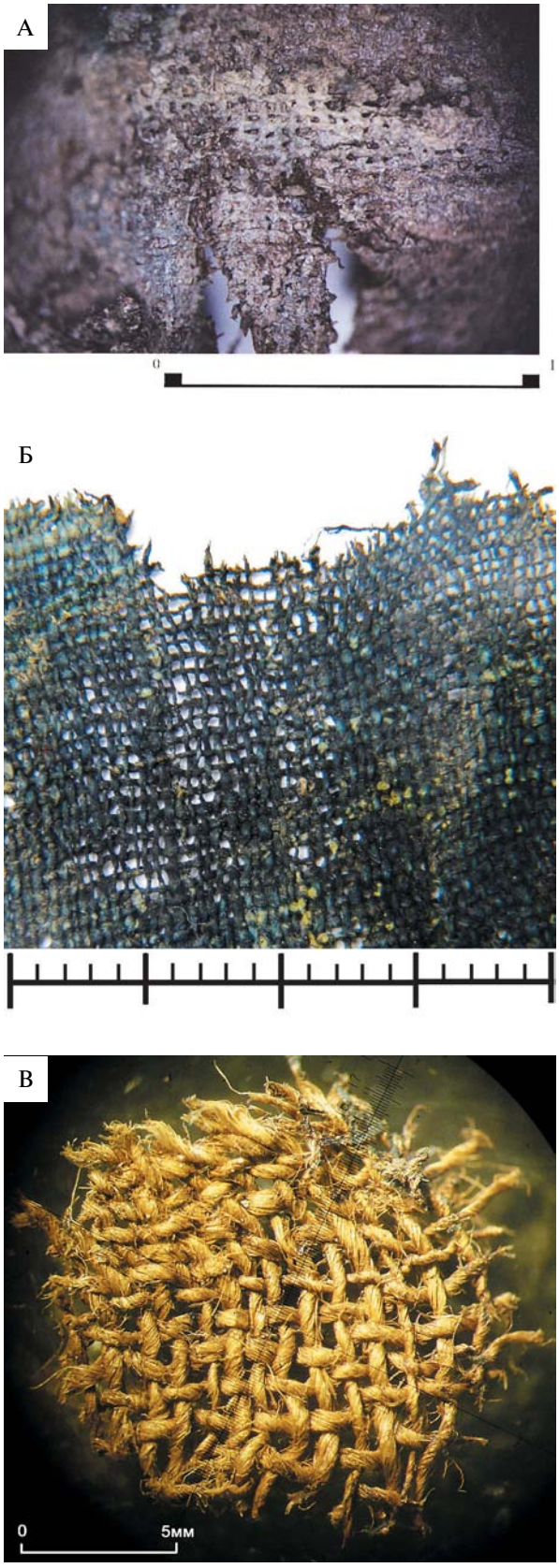


Рис. 9. Льняные ткани из погребений:
А — камера 1; Б — камера 3; В — камера 6

Рис. 10. Шерстяная ткань из камеры 1

Шерстяная ткань из погребения 1 (рис. 10) плохой сохранности, что не позволило определить ее полные характеристики. Возможно, по типу переплетения она могла относиться к гобеленовым тканям. Сохранившиеся нити утка — II порядка с круткой Z(S/S), толщина — 0,6–0,8 мм. Ткань из погребения 4, выполненная на основе аналогичной природы волокон (шерсть), также плохой сохранности. Однако в данном случае удалось установить тип переплетения: саржа 2 : 2 с Z-направлением рисунка.

Из более 30 фрагментов тканей с сохранившейся в той или иной мере структурой 25 являются шелковыми. Среди них в одном экземпляре обнаружен обрывок репса — шелковой ткани с полотняным переплетением нитей (погребение 6) (рис. 11, А). Остальные фрагменты шелка, присутствовавшие во всех исследованных погребениях, относятся к группе материи с саржевым переплетением нитей. Их характерной особенностью является наличие двух основ — внутренней и связующей. Первая из них не участвует в переплетении и свободно лежит между нитями двух утков. Вторая — создает структуру ткани, переплетаясь с нитями утков, как лицевыми, так и изнаночными. При саржевом переплетении на лицевой поверхности ткани образуются косые линии с наклоном вправо или влево (обозначаются латинскими буквами S, Z), что достигается за счет особого порядка переплетения осно́вных и уточных нитей. Шелковые ткани со сложным саржевым переплетением по международной классификации относят к самитам (Uitgerij, 1991, p. 145). Существует несколько видов тканей на основе саржевого переплетения.

В коллекции из камерных погребений Старовознесенского некрополя преобладающее большинство составляют ткани, у которых переплетением лицевой поверхности является саржа 1 : 2 с S-направлением рисунка саржи (рис. 11, Б—Г). Почти у всех тканей одинаковое соотно-

шение нитей внутренней и связующей основы — 2 : 1. Нити основ — тонкие и крученые, тогда как нити утка в подавляющем большинстве — без крутки и, как правило, толще, чем нити основ. Основные характеристики тканей приведены в сводной таблице.

В раннем Средневековье существовало несколько центров, экспортировавших шелк, — это Иран, Китай, Византия, Средняя Азия. Производство шелковых тканей со сложным саржевым переплетением и на Востоке, и в странах Средиземноморья было освоено уже в V–VI вв., и по технике их исполнения существенных различий между отдельными центрами, возможно, и не было. Однако А. А. Иерусалимская, исследовавшая восточные ткани, отмечала, что в мастерских Ирана и Средней Азии в отличие от византийских центров шелкоткачества существовала традиция использования некрученых нитей как для утков, так и для основ ткани (Иерусалимская, 1967, с. 60, 61, 75–78). Учитывая это, при изучении древнерусских тканей, М. В. Фехнер пришла к выводу, что все найденные на территории Руси шелковые ткани — византийского происхождения (Фехнер, 1977, с. 131–132, 139). Опираясь на данные, приведенные в сводной таблице, можно предположить, что и псковские двухосновные саржевые ткани не являются исключением.

Все ткани из погребений 1, 4 и 6, по всей вероятности, были гладкими, по преимуществу — окрашенными в красно-коричневые тона. М. В. Фехнер полагает, что гладкие безузорные ткани были значительно дешевле полихромных (поскольку работа с утками одного цвета значительно проще), а потому имели более широкое распространение и составляли основу визан-

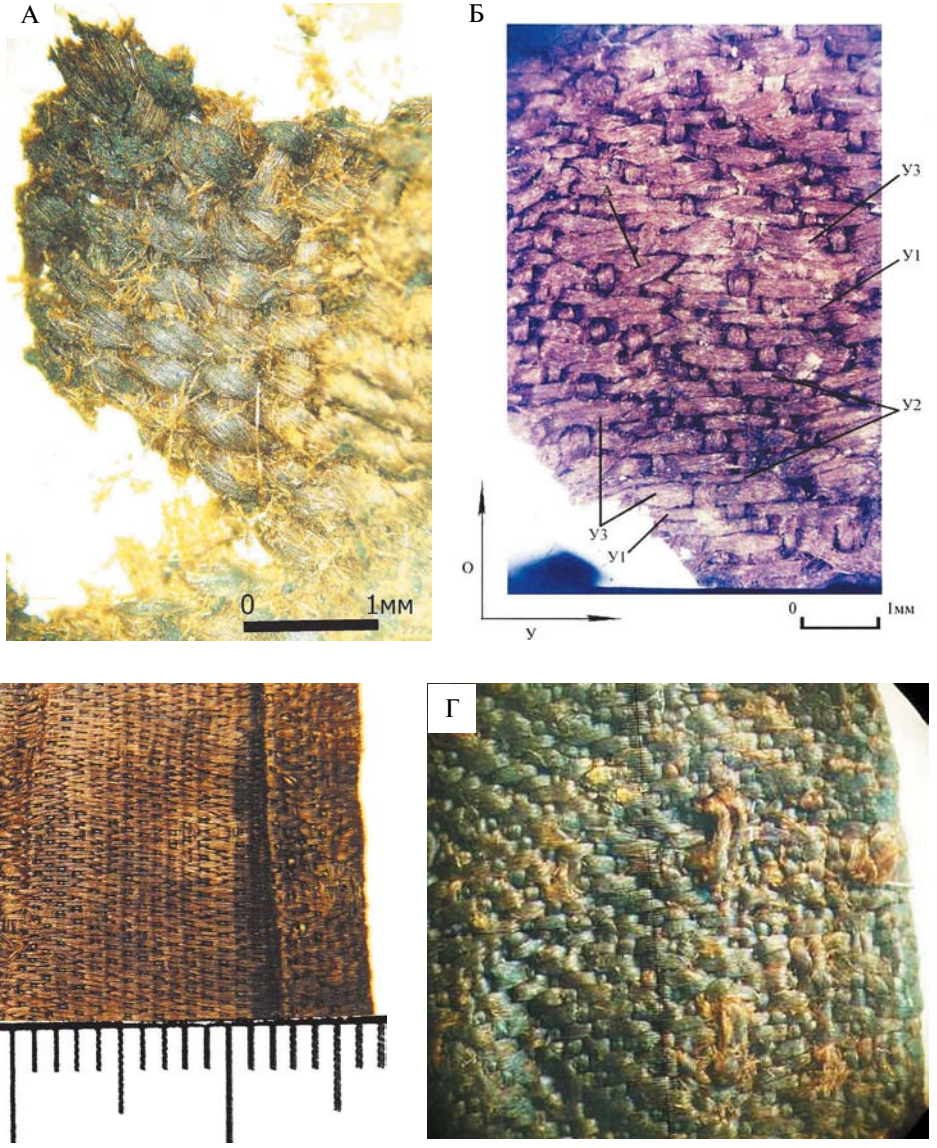
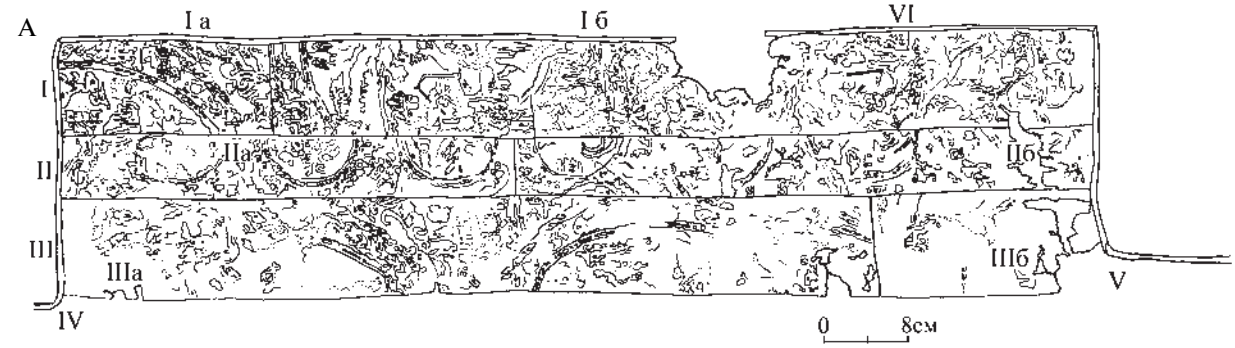
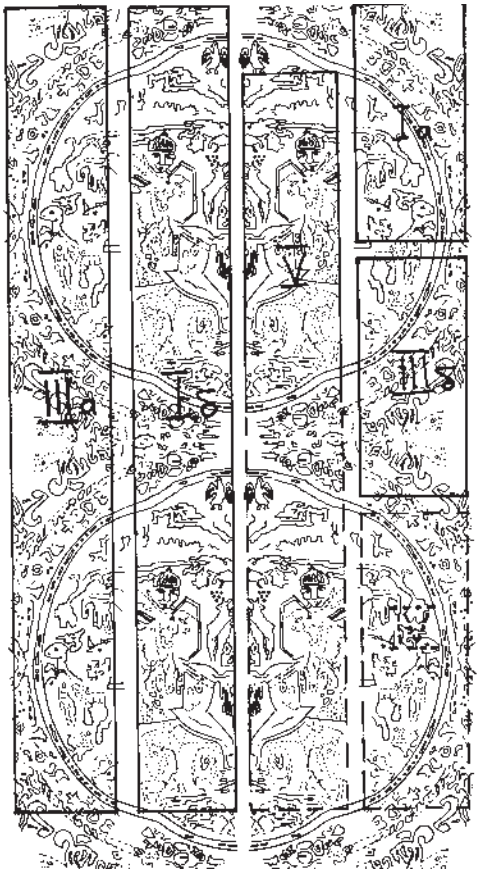


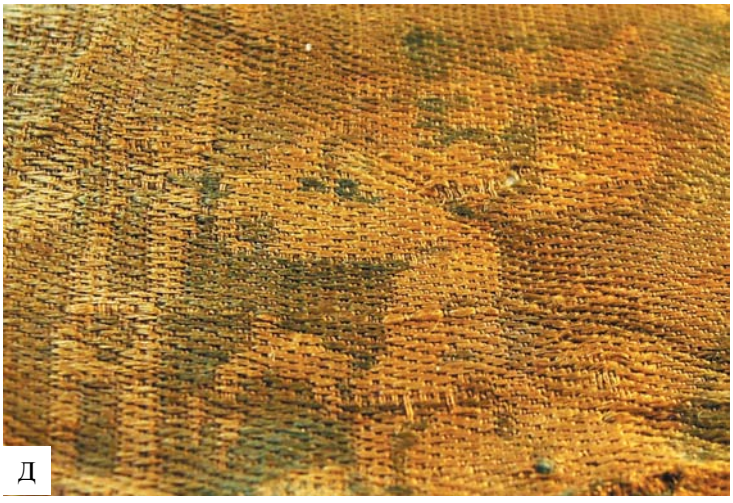
Рис. 11. Шелковые ткани из погребений:
А — микрофотография шелковой ткани типа репс (погребение 6);
Б — микрофотография шелковой ткани типа самит (погребение 1);
В — шелковая ткань типа самит из погребения 3;
Г — микрофотография шелковой ткани типа самит из погребения 6


А
I а
I б
VI
I
II
IIа
IIб
III
IIIа
IIIб
IV
V
0
8см

Б


В

Г


Д

тийского экспорта (Фехнер, 1977, с. 137, 139). Полихромные же ткани с изображениями птиц, зверей и растений, размещенными в медальонах с растительными и геометрическими орнаментами, были распространены лишь среди верхушки феодального общества. Производство таких тканей являлось государственной монополией, и в X в. торговля такими тканями была еще запрещена (Каждан, 1950; Méller, 1969, p. 55–57). За пределы империи подобные шелка, по всей вероятности, могли попадать лишь в качестве даров византийского императорского двора. В свете этого особый интерес представляют фрагменты ткани вида I из погребения 3, являющиеся составными частями детали 6 — отделки сарафана. На частях Iа, Iб, IIIа и IIIб (рис. 12, А) при предварительном обследовании выявлены разрозненные элементы рисунка с изображениями зверей, птиц, растительных орнаментов и людей. При попытке соединить все части детали № 6 из ткани вида I выяснилось, что фрагменты орнамента на них совпадают, дополняя друг друга, и представляют полный раппорт рисунка известного сюжета — сцены охоты сасанидского царевича Бахрама Гура (рис. 12, Б), повторяющийся при этом дважды по длине использованного отреза. Таким образом, зная ширину каждого отрезка ткани, удалось установить размеры ткацкого куска, из которого они были выкроены. Ширина его составляла примерно 46–48 см, длина — как минимум 1,05 м, которая обусловлена длиной центральных полос (I–III) детали 6 (рис. 12, В).

До недавнего времени было известно всего три образца тканей с этим сюжетом. Все три обнаружены среди церковных древностей: первый — в раке св. Куниберта в Кёльнском соборе (рис. 13, А) (Иерусалимская, 1992. с. 38), второй — в золотом алтаре церкви Сант-Амброджио в Милане (рис. 13, Б), а третий — на переплете рукописного Евангелия IX в в библиотеке Пражского собора. В 1961 г. А. А. Иерусалимская опубликовала фрагменты еще одного образца ткани с Бахрамом Гуром, обнаруженные в археологической коллекции из могильника Мощевая Балка в Прикубанье (Иерусалимская, 1961, с. 48). Существует и пятый фрагмент ткани с этим сюжетом (Демаков, Чумак, 1988). Он хранится в историческом музее Карачаево-Черкесской республики и происходит из скальных могильников Северного Кавказа. Все известные к настоящему моменту ткани с сюжетом охоты Бахрама Гура датируются не позднее IX в. и, вероятнее всего,

Рис. 13. Ткани с Бахрамом Гуром из Западной Европы: А — ткань из Кёльна (по: Иерусалимская, 1992, с. 38, кат. 51); Б — ткань из Милана (по: Early Dekorative Textiles, 1969, p. 101, fig. 46)

Рис. 12. Узорная ткань из камеры 3: А — схема детали 6 с прорисью орнамента; Б — реконструкция раппорта орнамента; В — реконструкция ткацкого куска и раскроя ткани для детали 6; Г — фрагмент детали 6 с элементами орнамента; Д — фрагмент орнамента на ткани детали 6

имеют византийское происхождение (Иерусалимская, 1961, с. 48).

Основные характеристики псковской ткани свидетельствуют в пользу происхождения ее из круга шелкоткацких мастерских с византийской традицией. Кроме того, гамма цветов (синежелтая) сближает ее с кёльнским и прикубанскими образцами тканей с Бахрамом Гуром, считающимися также византийского происхождения. Но датировка псковской находки обусловливается временем сооружения погребальной камеры, в которой она обнаружена: не ранее второй половины — конца X в. Помимо того, следует отметить, что размеры медальонов, а главное манера изображения фигур и лиц всадников, в некоторой мере отличают псковскую ткань от уже упомянутых ее аналогов, а также и от миланского образца. В рамках данной публикации невозможно решить проблему, поставленную находкой из погребения 3 (о происхождении и датировке). Возможно, что «псковский» Бахрам Гур — образец позднего подражания сасанидскому сюжету, которое как считает Н. П. Толль, переживает новый расцвет на тканях византийских ткачей в период VIII–X вв. (Толль, 1929, с. 191).

Так или иначе, ткань с Бахрамом Гуром — тема отдельного и скорее искусствоведческого исследования. Здесь же следует отметить, что факт наличия в камере 3 подобного уровня ткани является (наряду с остальным погребальным инвентарем) дополнительным свидетельством довольно высокого социального статуса погребенной здесь женщины.

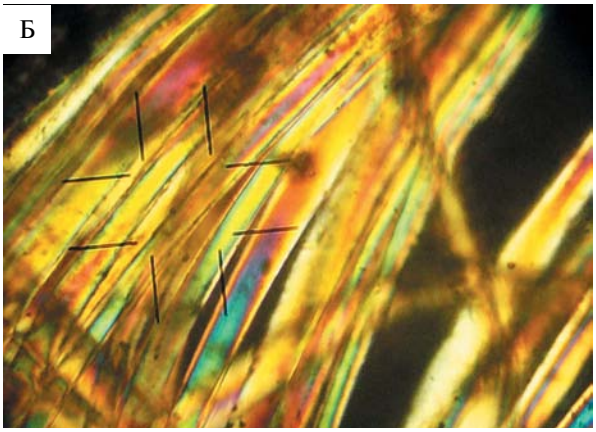
Среди фрагментов различных типов тканей, как уже отмечалось, были обнаружены остатки парчовой ленты-тесьмы (погребение 7) (рис. 14, А), использовавшейся в качестве головного венчика или отделки детского платья. Основу тесьмы составляли шелковые нити (количество осно́вных нитей определить не удалось из-за плохой сохранности) толщиной 0,5 мм (рис. 14, Б). Два утка — золотая и серебряная нити, отпряденные на льняной сердечник (рис. 14, В). Металлические (золотые и серебряные) полоски шириной 0,30 мм были навиты на него в S-направлении (рис. 14, Г). Рисунок в процессе ткачества создавался нитями основы, перекрывавшими нити утков по лицевой стороне так, что последние на основной площади ленты проходили только по лицевой стороне и лишь по краям при поворотах — по изнаночной. Плохая сохранность находки не позволяет уверенно определить тип переплетения. Однако на основании микроскопических исследований можно предположить, что перекрытие металлических нитей утков нитями основы (шелк) происходило в саржевой системе.

Находки подобных лент не редки при раскопках сельских и городских могильников Древней Руси X–XIII вв.: в Московской, Ярославской и Ленинградской областях, на Черниговщине. Во владимирских курганах парчовые ленты-венчики встречены в захоронениях, содержавших скандинавские украшения и дорогие византийские ткани (Левашова, 1968, с. 94, 95). В Гнёздовском могильнике близ Смоленска подобные находки происходят из камерных погребений в курганах Ц-198 и Ц-301 (Фехнер, 1999, с. 8). М. В. Фехнер, исследовавшая парчовые ленты из древнерусских курганов, отмечала общие для них технологические признаки: наличие двух основ из тонкой крученой шелковой нити и двух утков. Один из них — шелковая толстая некрученая нить, а второй — золотная нить, отпряденная на шелковый сердечник. Золотный уток плотно покрывал лицевую сторону тесьмы, отличавшейся высокой плотностью. Нередко на лентах встречается орнамент. Исследовательница считает, что большинство парчовых лент в Восточную Европу, и в частности на Русь, привозилось из Византии (Фехнер, 1977, с. 141, 142). К сожалению, парчовая тесьма из камеры 7 псковского могильника настолько фрагментарна, что полностью установить ее технологические характеристики не удалось. Неясным остался вопрос о количестве систем основы. Сохранность материала не позволила выяснить, была ли только одна система нитей основы или две, как у исследованных М. В. Фехнер лент. Отсутствие у псковской находки многих параметров, необходимых для сравнения ее с известными аналогичными лентами, не позволяет с уверенностью рассуждать и о месте ее производства. Однако наличие двух утков из золотных нитей явно отличают псковскую парчовую ленту от описанных М. В. Фехнер. В целом текстильный материал из погребальных камер псковского некрополя по предварительным данным подтверждает уже высказанные исследователями предположения, что шелковые ткани и золототканые ленты в раннем Средневековье ввозились на Русь преимущественно из Византии (Фехнер, 1982, с. 69). Однако не исключена возможность, что более пристальное изучение новых

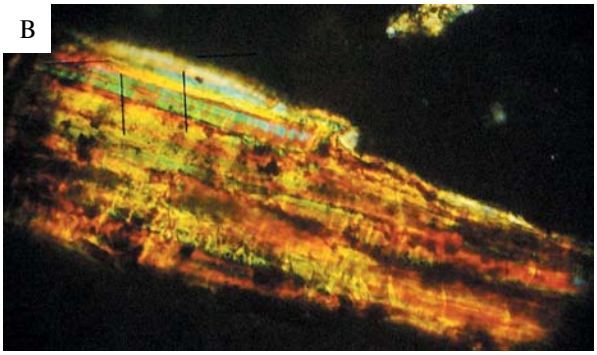
Рис. 14. Парчовая тесьма из камеры 7: А — микрофотография сохранившегося участка парчовой тесьмы; Б — микрофотография шелковых волокон несохранившейся основы тесьмы; В — микрофотография ядра льняной нити (сердечника металлических нитей); Г — микрофотография металлических нитей тесьмы (уточные)

А

Б



В



Г

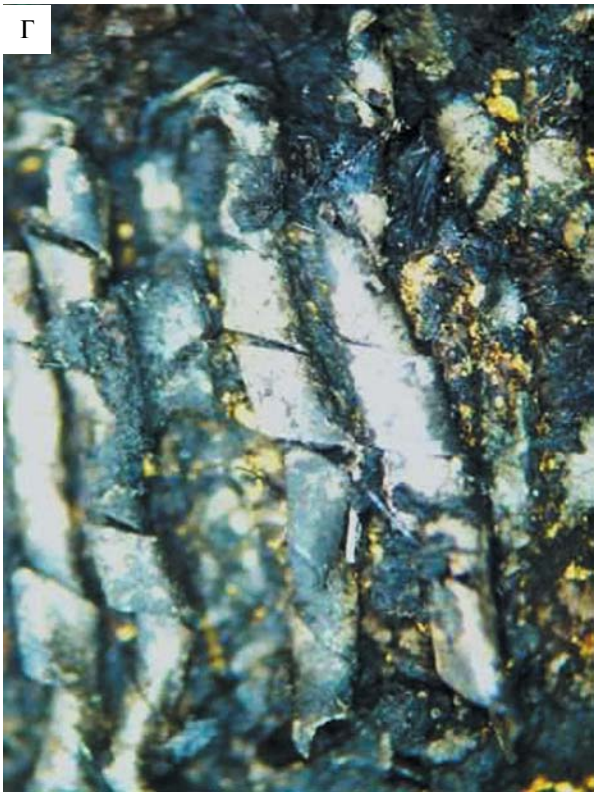


Рис. 15. Нетканый текстиль из камеры 1 (микрофотография)

находок специалистами поможет выявить еще неизвестные им факты.

Заканчивая описание тканей, выявленных в процессе исследования текстиля из камерных погребений Пскова, нельзя не упомянуть о фрагменте нетканого текстиля из погребения 1. Он представлял собой слой распушенных волокон растительной природы. При сильном увеличении на их поверхности прослеживались довольно систематические линии стежков, проложенных нитями (рис. 15). До настоящего времени аналогов такого типа текстилю не было известно. В некоторых византийских памятниках письменности (Никифор II Фока, 2005, с. 5) при перечислении набора вооружения и обмундирования, необходимого

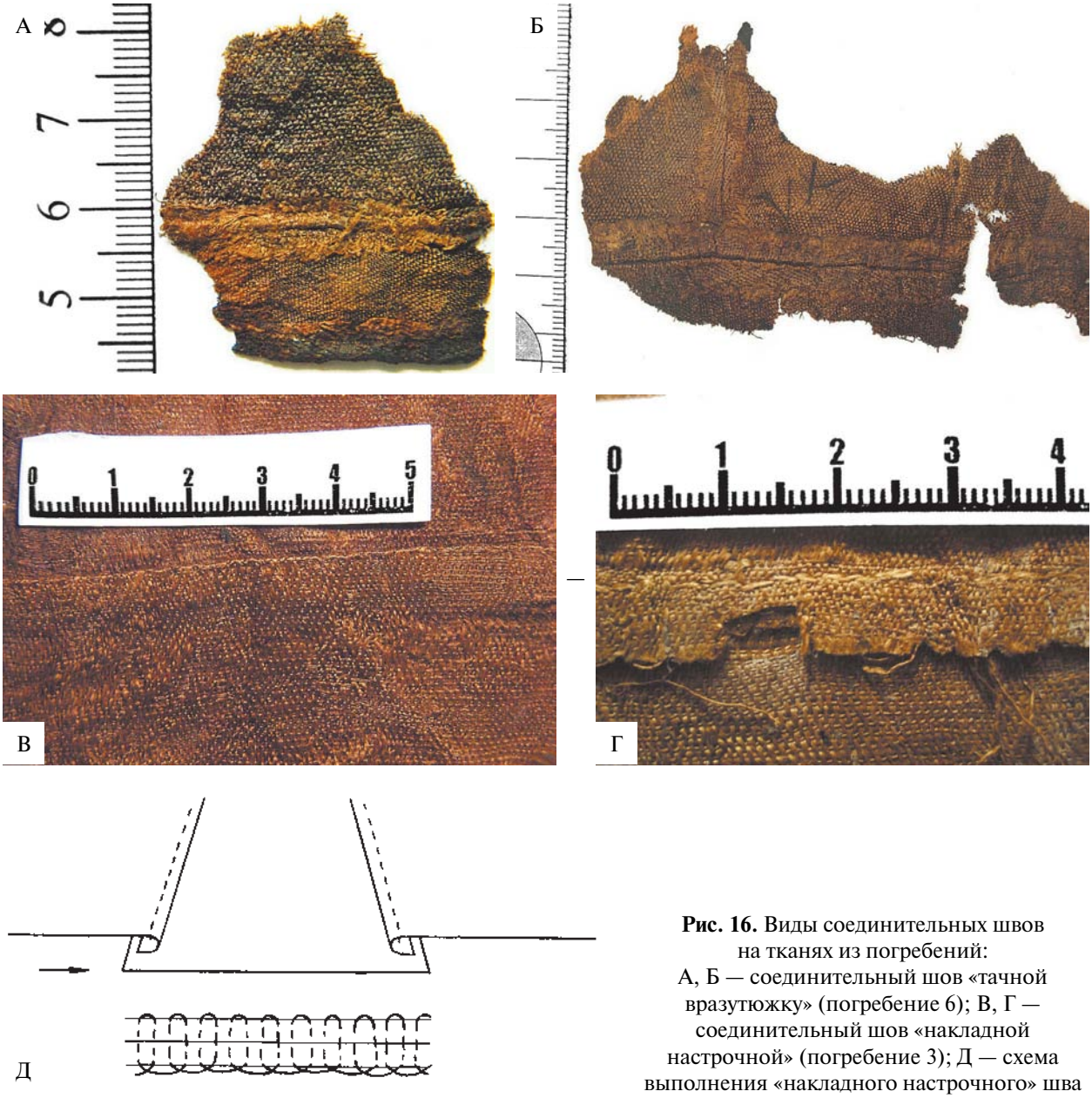


Рис. 16. Виды соединительных швов на тканях из погребений:
А, Б — соединительный шов «тачной вразутюжку» (погребение 6); В, Г — соединительный шов «накладной настрочной» (погребение 3); Д — схема выполнения «накладного настрочного» шва

для воинов, упоминается некое изделие (предназначенное, очевидно, для холодного времени) из шелковых или растительных распушенных волокон (не ткани в традиционном понимании). В свете этого представляется возможным предположить, что и в погребении 1 обнаружены остатки некоей утепленной одежды, однако фактов для таких предположений, безусловно, недостаточно.

При исследовании остатков текстиля из камерных погребений Старовознесенского некрополя было установлено, что многие образцы состоят из нескольких соединенных швами фрагментов ткани. У некоторых обрывков тканей один из краев был обработан подкройной деталью. В принципе, находки тканей со швами не так уж редки при археологических раскопках, и описываемый здесь текстиль с остатками швов не является исключительным открытием. Тем не менее выявленные на тканях при их исследовании несколько видов швов заслуживают внимания и, возможно, пополнят представления о некоторых приемах швейного мастерства в раннем средневековье.

В ходе исследования выделены два вида соединительных швов, а также прием обработки краев деталей швейных изделий. Особого внимания заслуживает деталь № 6 из камеры 3, состоящей из семи частей. При сшивании их использованы оба вида соединительных швов (выполненных, естественно, вручную).

Первый из них в современной терминологии швейного производства известен как «стачной вразутюжку» (Ханус, 1991). Именно таким образом соединены между собой части Iа и Iб, IIа и IIб, IIIа и IIIб, III и IV, III и V детали № 6, а также сшиты детали № 3 и 5 (манжеты), фрагменты разных тканей из других погребений. Сшиваемые детали сложены лицевыми сторонами вовнутрь и прошиты с отступом от края на 0,5 см. Шов разложен на две стороны (рис. 16, А, Б) Второй вид соединительного шва, который по современной терминологии называется «накладной настрочной» (рис. 16, В, Г) (Ханус, 1991), использован при соединении частей I–III детали № 6. Этот шов одновременно является как соединительным, так и декоративным. Один из краев частей I и III подвернут наизнанку, наложен на лицевую сторону по краям части II и пришит (рис. 16, Д). Оба вида шва выполнены стежками, называемыми в современной терминологии «назад иглу» или «за иглу» (Ханус, 1991). Такие стежки образуют очень прочную строчку. На изнаночной стороне длина их в два-три раза больше, чем на лицевой. В данном случае: по лицевой — 1 мм, по изнаночной — 2–3 мм.

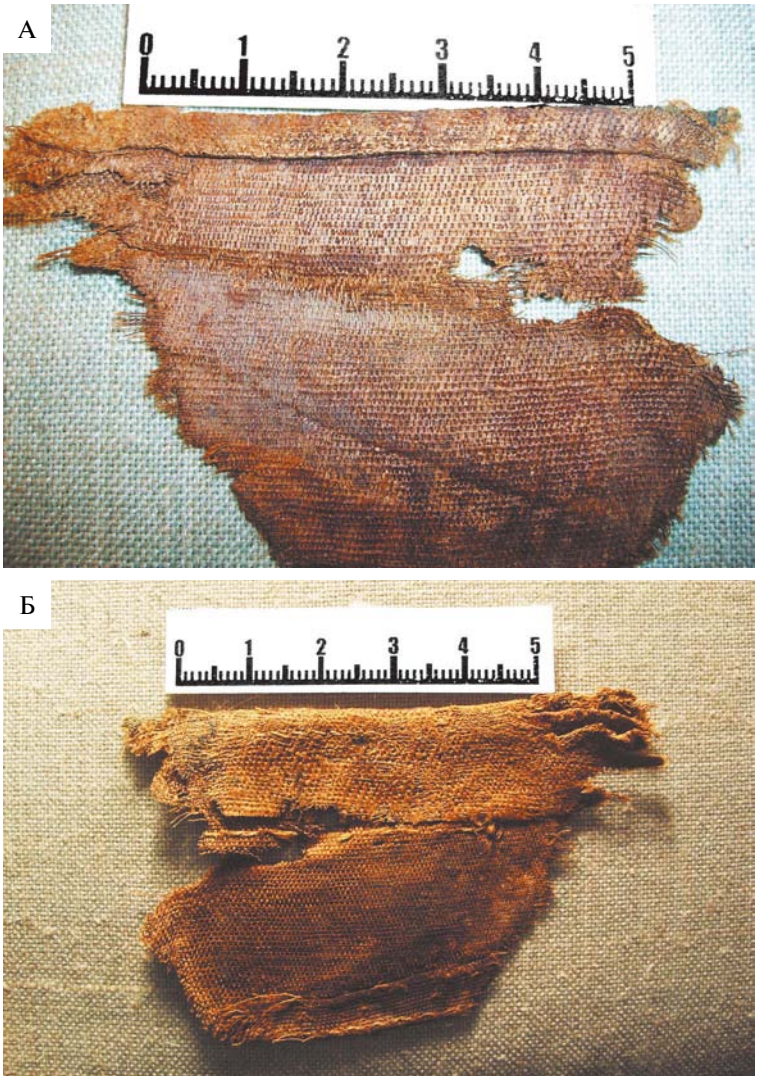
Верхний край детали № 6, а также края манжет у запястья, один из краев деталей № 1, 2, 4 (погребение 3) и отдельных фрагментов тканей из других погребений (1, 6) обработаны отдельно выкроенной полоской ткани, которая по способу пришивания напоминает современный кант (рис. 17, А—В). В этом случае полоска ткани шириной около 3 см изнаночной стороной накладывалась на лицевую сторону детали, перекрывая ее на 1 см от края, и пришивалась стежками «вперед игла». Свободный край полосы, огибая край обшиваемой детали, подвертывался таким образом, что соединительный шов оказывался с изнаночной стороны. Противоположный край канта подгибался и прикреплялся с лицевой стороны детали (ширина — 0,5 см) стежками «назад игла». Здесь можно добавить, что для шитья (изделий из шелка) использовались шелковые нити толщиной от 0,3 до 0,45 мм, II порядка с круткой SZ/Z (S — общее направление крутки; Z — направление крутки каждой отдельной нити). Шаг крутки в большинстве случаев не установлен, но в определяемых образцах составлял около 3,00 мм[1].

Наконец, заслуживает внимания и еще одно интересное наблюдение, сделанное в процессе изучения текстиля из Старовознесенского некрополя. Оно касается приема раскроя ткани и принципа подгонки деталей. Как уже упоминалось, среди текстильного материала камеры 3 одна из сложных деталей (по крайней мере две ее составные части) была выкроена из целого куска ткани с орнаментом. Чтобы получить необходимую длину, древняя швея раскроила ткацкий кусок на необходимое количество частей, но при сшивании не только не позаботилась о совпадении деталей орнамента (что, впрочем, в данном случае почти невозможно), но также пренебрегла и его направлением: на сшитых между собой частях Iа и Iб, IIIа и IIIб детали 6 элементы рисунка имеют разное направление. По всей вероятности, мастерицу в первую очередь интересовало сочетание цветов (деталь 6 состояла из трех полос, крайние из которых были синими, а средняя — красной), а не орнамент на ткани.

В заключение можно сказать, что находки текстиля из погребений Старовознесенского могильника в Пскове, несомненно, пополнили базу археологических источников и представляют интерес для исследователей древних тканей, технологии швейного дела в Средневековье и историков костюма.

---

[1] Подробное описание: Зубкова, Орфинская, А2004; Зубкова, Орфинская, А2006; Зубкова, Орфинская, А2010.



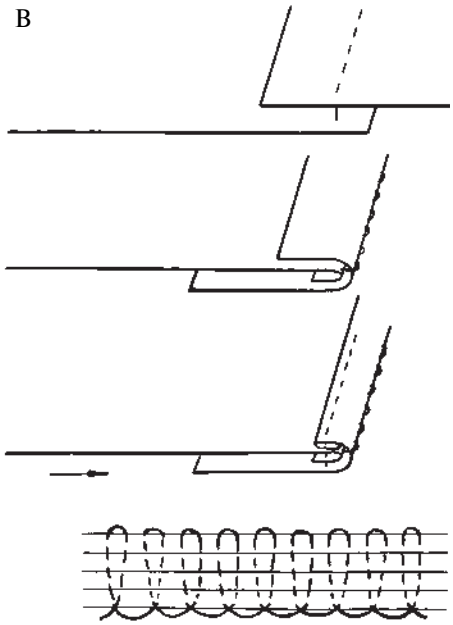


Рис. 17. Обработка края изделий кантом:
А — лицевая сторона детали с кантом (деталь 1, погребение 3); Б — изнаночная сторона детали с кантом (деталь 1, погребение 3); В — схема обработки края изделия кантом

E. S. Zubkova, O. B. Orfinskaya

Textiles from Chamber Graves of Old Ascension Nekropolis of Pskov

Summary

The article is devoted to textile finds in chamber graves of the necropolis found and investigated in 2003–2008 at Old Ascension monastery in Pskov. The work describes methods and the main results of research of textile goods remains found in the course of excavation of burials 1, 3, 4, 6 and 7. Several types of raw materials on the basis of which cloth is made — vegetable, woolen and silk fiber — are defined. The types of cloth, different in interlacing pattern are allocated: linen (mainly fabrics from vegetable fibers among which the fabric from silk with a repp interlacing) and serge. Silk cloth makes the majority. However among the fabrics made on the basis of woolen fibers, fragments with a serge interlacing are also met. Besides, in one of the burials (grave 7) the remains of a brocade band were found.

The main technical characteristics of the fabrics brought in the table are defined. On the basis of research the authors come to a conclusion that all silk fabrics, brocade band including, come from the circle of Byzantine silk-weaving workshops.

The description of characteristic seams and the stitches used at making of the clothes the remains of which are found in graves is also provided. Beside, the rapport of a woven ornament on one silk detail (grave 3) broken in the course of a cut, is restored. The motive of the ornament is the scene of hunting of Bakhram Gur.

The main result of the textile from chamber graves study was reconstruction of elements of female (grave 3) and male (grave 6) costumes, made by the authors on the basis of allocation of a number of clothes details and other indisputable facts revealed in the course of research.

Т. Е. Ершова, А. В. Яковлев

Подвеска со знаком Рюриковичей и изображением птицы с крестом из камерного погребения 6 Старовознесенского некрополя Пскова

Археологический контекст

Шестое камерное погребение — одно из самых больших сооружений могильника, было выявлено в ходе охранных раскопок на Подзноевском XII раскопе в 2008 г. под руководством Т. Е. Ершовой (см. т. II, раздел I данного издания, Погребение 6). При создании камерной конструкции для захоронения мужчины позднего зрелого возраста (45–55 лет) использовались корабельные детали. В историческом прошлом камера была ограблена. Останки извлечены из могилы. Отдельные кости обнаруживались при раскопках на разных уровнях заполнения камеры. Часть костей скелета была лишь перемещена внутри камеры, в центральной части гробницы, где локализуются остатки погребального ложа. Погребальная камера разделялась вертикальной перегородкой на две неравные части: бóльшую — «усыпальницу» и меньшую — «кладовую» (рис. 1). Несмотря на ограбление, сохранившийся комплекс предметов свидетельствует о богатстве

Рис. 1. Внутреннее пространство деревянной гробницы камерного погребения 6. Вид с северо-запада

Рис. 2. Комплекс предметов из центральной части «усыпальницы»: 1 — серебряная подвеска, 2 — бронзовое кольцо для привешивания предметов, 3 — нож железный (кв. 116). Вид с юго-запада

и престижности инвентаря. Так, в «кладовой» находился большой деревянный сундук с железными оковками и большим количеством крупных железных заклепок. Рядом стояло деревянное ведро с железными оковками; здесь же была раскрыта доска с красочным слоем, на полу находилась деревянная чаша с разрозненными костями курицы, рядом с которой стояла конусовидная восковая свеча. Напротив был найден фрагмент одежды с многочисленными серебряными пуговицами, рядом — перевернутая деревянная чаша с серебряной оковкой края, внутри которой лежали чашечки весов с коромыслом в берестяной упаковке. Под весами — два серебряных дирхема и византийский медный фоллис.

В «усыпальнице» у противоположных стенок камеры были обнаружены два скелета обезглавленных птиц (глухаря и петуха).

В центре сруба (в «усыпальнице») найдены две серебряные подвески: литой крест, пластина со знаком Рюриковичей, а также дирхем. Там же на некотором расстоянии друг от друга находились костяной составной гребень — расческа в футляре, бронзовое кольцо и железный нож с рукоятью, обмотанной серебряной проволокой (рис. 2).

Всего в составе инвентаря камерного погребения 6 присутствовало четыре монеты (три дирхема и медный византийский фоллис), которые дают веские основания для датировки погребального комплекса. По определению авторитетного шведского специалиста по восточной нумизматике Г. Рисплинга, половинка дирхема — монета Саманидов, халифа аль-Муктадира, эмира Насра ибн Ахмада, чеканка в Балхе предположительно. Дата — г. х. 312–315/Р.Х. ок. 924–928? Другая — монета (подвеска) Саманидов, халифа аль-Мустакфи, эмира Нух ибн Насра, чеканка в Самарканде, дата — г. х. 342/Р.Х. 953/54. Третий дирхем — Саманидов, эмира Насра ибн Ахмада, аш-Шаш, год стерт (914–943)[1]. Медная

[1] Сердечно благодарим хранителя Королевского нумизматического кабинета Стокгольма (Kungliga Myntakabinettet, Stockholm) господина Герта Рисплинга за определение арабских монет из погребения 6,

византийская монета — фоллис Романа I Лакапина, византийского императора с 920 по 944 г. По определению П. Г. Гайдукова, этот монетный тип датируется 931–944[1]. Таким образом, нумизматические находки по датам чеканки укладываются в интервал 924–953/54 гг. Наиболее поздняя монета — дирхем 953/54 г. — определяет terminus post quem для погребения. Она имеет две дырочки для привешивания, т. е. побывала в составе ожерелья. В этом случае ясно, что оба отверстия относились к креплению одного ушка.

Следы бытования монеты в качестве украшения свидетельствуют в пользу некоторого «омоложения» комплекса. Степень этого хронологического сдвига зависит от нескольких факторов, в числе которых первостепенное значение имеет интенсивность поступления монет в регион его обнаружения. На 950-е гг. приходится максимум поступления арабского серебра в Западную и Восточную Европу (Янин, 2009, с. 146–149).

Это значит, что середина 50-х гг. X в. маловероятна для датировки захоронения 6. Конец 50-х — 60-е гг. выглядят более правдоподобно.

Описание находки

Подвеска представляет собой цельнолитую трапециевидную пластину из серебра со слегка выпуклыми краями и слабо скругленными углами. Ширина верхней стороны трапеции 2,3 см, ширина нижней части 3,2 см, высота 4,2 см. Толщина пластины по центру 0,12–0,13 см, по краям 0,05 см. Подвеска увенчана подтреугольным ушком высотой 0,7 см. Диаметр отверстия 0,25 см. В отверстие продето кольцо из серебряной проволоки, завязанное так называемым «скандинавским узлом». Диаметр кольца 1,5 см. Сохранность металла хорошая, лишь местами пластина покрыта небольшой темной патиной.

Обе стороны подвески содержат изображения, выполненные в технике черни (см. Погр. 6. Прил. 3, Каталог, ***1***). Углубления для черни сделаны, по-видимому, с помощью мессерштихеля. Таким же или похожим инструментом сделаны выемки для линейного черневого декора в серебряной оковке чаши из погребения 6 (см. далее статью Н. В. Ениосовой в настоящем томе). Это сходство хорошо видно на рисунке, где показаны фрагменты ручки чаши и подвески с утратами черни (рис. 3). Черневая техника декора, вообще редкая в Восточной Европе раннего Средневековья, никогда раньше не была обнаружена на подвесках со знаками Рюриковичей.

На стороне подвески, обращенной вверх при обнаружении (рис. 2), помещен двузубец — родовой знак Рюриковичей. Между отрогами — изображение ключа (см. Погр. 6. Прил. 3, Каталог, ***1***; рис. 2). Примитивный тип замка, у которого ключ — единственная металлическая деталь, известен с древнейших времен и широко распространен по всей Европе. В хронологии Новгорода бытование этих предметов ограничено X — началом XII в., хотя в сельском обиходе Центральной и Западной Европы они используются по сей день. Это ключ от нутряного замка типа I по классификации Б. А. Колчина (Колчин, 1982, с. 161).

На другой стороне подвески помещено схематичное изображение хищной птицы с головой, повернутой влево (см. Погр. 6. Прил. 3, Каталог, ***1***). Голова птицы увенчана крестом с расширяющимися лопастями. Две поперечные черточки на шее, возможно, означают ошейник охотничьей птицы. Тело птицы передано двумя параллельными линиями в виде подтреугольной фигуры с небольшим заостренным выступом внизу (хвост?). Парные косые линии по нижним углам внутреннего треугольника, возможно, изображают лапы.

Подвеска, должно быть, была предназначена для ношения поверх одежды. Многочисленные микродефекты — потертости и небольшие утраты черни со стороны с изображением птицы — говорят о том, что она носилась двузубцем к зрителю, птицей — к владельцу.

Функциональное назначение подвески и ближайшие аналогии

Эта подвеска — инсигния власти, делегированной погребенному в камере 6 лицу князем — обладателем двурогой эмблемы ранних Рюриковичей с загадочным ключом. Изображение ключа не может служить знаком должности

специально сделанное для этой публикации. Приносим сердечную благодарность Елене Александровне Мельниковой, доктору исторических наук, заведующей центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН, подсказавшей путь поиска аналогий изображению на подвеске среди монет — подражаний дирхемам.

[1] Сердечно благодарим заместителя директора ИА РАН, доктора исторических наук Петра Григорьевича Гайдукова за помощь в определении византийской монеты из камерного погребения 6.

Рис. 3. Следы треугольного штихеля на подвеске и на оковке чаши

погребенного. Подобные изображения несут исключительно символику суверена.

Б. А. Рыбаков отметил сходство знаков на подвесках со знаком на монетах Ярослава Мудрого и предположил, что подвески являлись верительными знаками княжеских чиновников (Рыбаков, 1940, с. 238, 239). А. А. Молчанов также признал подобные подвески верительными знаками официальных представителей великокняжеской власти (Молчанов, 1976, с. 78–90). Кроме того, в последующих работах А. А. Молчанов сопоставил древнерусские геральдические подвески с jartegnir скандинавских саг и предположил, что традиция использования верительных знаков в дипломатической практике пришла на Русь из Скандинавии (Молчанов, 1986, 1996). В вопросе о происхождении древнерусских княжеских символов с ним совершенно не согласна Е. А. Мельникова, которая считает, что «скандинавской культуре довикингского и викингского времени несвойственен сам принцип владельческих знаков, которые появляются в форме руноподобных тамг не ранее XII в. В ней также отсутствуют символические изображения, которые можно было бы связать с репрезентацией властных функций» (Мельникова, 2011, с. 241). По мнению Е. А. Мельниковой, двузубцы происходят от хазарских тамгообразных знаков (Мельникова, 2011, с. 248). В. Л. Янин, комментируя найденные при раскопках в Новгороде деревянные цилиндры, использовавшиеся для опечатывания «собранных вирниками ценностей», отметил, что трапециевидные подвески с изображениями княжеских знаков «в действительности были верительными знаками вирников» (Янин, 1982, с. 154).

С. В. Белецкий, который посвятил изучению древнерусских княжеских знаков не одно десятилетие и в 2004 г. опубликовал полную сводку известных тогда предметов (Белецкий, 2004), обратил внимание на то, что у большинства подвесок на разных сторонах изображены различные символы. Для многих изображений были предложены варианты персонификации, а сами подвески исследователь расценивает вслед за Б. А. Рыбаковым и А. А. Молчановым в качестве верительных знаков официальных представителей княжеской власти; при этом властные полномочия держатели подвесок могли получать как от одного, так и от двух князей (Белецкий, 2004, с. 250–251).

Подобных подвесок X в. с изображением двузубца найдено до сих пор три: две серебряные и одна костяная. Первая — случайная находка из Гнёздова. На ее лицевой стороне изображен двузубец, на оборотной — стяг. Подвеска

хранится в частной коллекции (Шемаханская, Равич, 2000; Белецкий, 2004, с. 252). Ближайшей аналогией изображению стяга является граффито на монете из клада у д. Погорельщина, сокрытого около 910 г. (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 139, № 72; Белецкий, 2003, с. 385). По определению С. В. Белецкого, двузубец на гнёздовской подвеске мог принадлежать Рюрику (ум. 879 г.), Игорю Рюриковичу (ум. 945 г.), Святославу Игоревичу (ум. 972 г.), Ярополку Святославичу (ум. 980 г.). (Белецкий, 2003, с. 404). Изображения стяга на другой стороне сходно с изображением на подвеске с городища Каукай, что позволяет с большой степенью вероятности считать гнёздовскую подвеску изготовленной в годы княжения Святослава Игоревича (945–972) или Ярополка Святославича (972–980). Сходные изображения стяга зафиксированы среди граффити на восточных монетах, причем ближайшей аналогией является стяг, процарапанный на дирхеме 916/17 г. из Клейменовского клада, сокрытого в начале 920-х гг., т. е. в годы княжения Игоря Рюриковича (Melnikova, 1996, p. 87; Нахапетян, Фомин, 1994, с. 168, 170). Нам кажется наиболее убедительной последняя аналогия и связанная с ней атрибуция подвески Игорю.

Вторая подвеска найдена при раскопках городища Каукай (Литва) в слое, широко датируемом VIII–XIV вв. На лицевой стороне — изображение двузубца с крестовидной ножкой, на оборотной — изображение стяга, перекрытого схематичным образом «турьего рога».

Третья — костяная — подвеска, найденная в Новгороде на Троицком раскопе в слое третьей четверти X в. Комментируя подвеску, В. Л. Янин писал: «На одной ее стороне изображен простой двузубец; впоследствии другая сторона была снабжена рисунком трезубца, а на знаке лицевой стороны дополнительно процарапан средний зубец, что было сделано очень легким штрихом. Поскольку дата слоя совпадает со временем перехода Новгорода от Святослава к Владимиру, а трезубец является, несомненно, тамгой Владимира, двузубец лицевой стороны может быть отнесен только к Святославу» (Янин, 1982, с. 149). Переделка знака на одной из сторон свидетельствует об изменении характера власти, представлять которую был уполномочен держатель подвески. В это время происходит борьба между Святославичами, в результате которой погиб под Овручем Олег Древлянский, а Владимир бежит «за море». С. В. Белецкий отмечает, что сочетание на подвеске знаков Святослава и Владимира указывает на то, что держатель подвески вначале выступал полномочным представителем одновременно и киевского князя, и его новгородского посадника; именно так должен был быть оформлен верительный знак чиновника, представлявшего Владимира Святославича в годы его правления в Новгороде от имени Святослава Игоревича. Переделка подвески произошла в тот момент, когда Ярополк Святославич сменил отца на киевском столе: заменив двузубец на трезубец, владелец подвески превратился в представителя исключительно Владимира Святославича (Белецкий, 2003, с. 391–392). Добавим, что в совсем недавней публикации исследователь предложил считать костяные подвески не настоящими верительными знаками, а детскими игрушками (Белецкий, 2012, с. 443).

Необходимо отметить, что трапециевидная подвеска с геральдическим знаком из камерного погребения 6 — вторая находка такого рода в Пскове. Первая подвеска со знаками Рюриковичей была найдена в 1976 г. на раскопе III на ул. Ленина (Лабутина, Кильдюшевский, Щапова, 1977). В 1983 г. подвеска была впервые опубликована и прокомментирована И. К. Лабутиной (Лабутина, 1983, с. 17, 18, 21, 23). Эта бронзовая подвеска на обеих сторонах несет изображения княжеских двузубцев, обрамленных замкнутой рубчатой орнаментальной линией, повторяющей контуры предмета. Знаки и орнаментальный поясок переданы неглубокими линейными выемками. Подвеска изготовлена в технике литья, гравировки и чеканки. На одной стороне изображен двузубец прямолинейных очертаний, без «ножки», с отрогом вправо на правом зубце, на другой — тоже двузубец прямолинейных очертаний, но с крестом с правой стороны правого зубца и с треугольной «ножкой». И. К. Лабутина сообщает, что предмет был найден в слое XI в. над материком и не исключено, что входил в состав погребального инвентаря одного из разрушенных погребений курганного могильника X — начала XI в., обнаруженного на этой территории. В статье, опубликованной в 1986 г., А. А. Молчанов высказал суждение о псковской подвеске как о современном фальсификате (Молчанов, 1986, с. 185). Недоверие к подлинности этой подвески в дальнейшем всегда обозначалось в работах С. В. Белецкого (Белецкий, 1996а; Белецкий, 2004). Однако исследователь не уклонялся от попыток интерпретировать изображения на ней. В каталог подвесок с геральдическими знаками Рюриковичей псковский экземпляр 1976 г. включен им под № 47 (Белецкий, 2004, с. 273–277). Мы считаем подвеску из раскопа ПЛ-III, безусловно, подлинной и относимся к ее статусу

«сомнительного источника» как к затянувшемуся историографическому недоразумению.

Со времени первой публикации подвески из камерного погребения 6 прошло более трех лет (Ершова, 2010б, с. 24–29). В апреле 2011 г. на 57-м заседании семинара «Археология Пскова и Псковской земли» из уст профессора С. В. Белецкого прозвучал первый отклик на эту публикацию (Белецкий, 2011, с. 44–48). В 2012 г. появилась большая статья американского исследователя Р. К. Ковалева, в основном посвященная анализу изображений нашей подвески (Kovalev, 2012, с. 460–517). Настала пора скорректировать некоторые первоначальные положения и предложить новые версии.

Изображения лицевой стороны подвески

В статьях 2010 г. относительно двузубца с ключом на лицевой стороне подвески из камерного погребения 6 одним из авторов настоящей публикации была высказана гипотеза о принадлежности этого знака юному Владимиру (до его посажения на новгородский стол), при этом ключ рассматривался как символ его незаконнорожденности и начало третьего, центрального элемента позднейшего трезубца (Ершова, 2010б, с. 27). С такой интерпретацией решительно не согласился С. В. Белецкий. По его мнению, в начальный, новгородский период своей деятельности Владимир уже пользовался трезубцем. Изображение ключа не имело геральдического значения, а изображение двузубца представляет собой родовой, а не лично-родовой знак. Подвеска же могла быть изготовлена в широких пределах второй-третьей четверти X в. и может быть атрибутирована с равной вероятностью Игорю, Святославу и его сыну Ярополку (Белецкий, 2011, с. 47). По мнению Р. Ковалева, двузубец, родовой знак Рюриковичей, на подвеске из камерного погребения 6 символизирует право на власть, унаследованное Святославом от Игоря. Ключ между зубцами — знак регентских полномочий Ольги. Изготовление подвески следует отнести ко времени около 947 г., датировку погребения надо ограничить концом 50-х — первыми годами 60-х гг. X в. (Kovalev, 2012, с. 516–517).

Необходимо отметить, что относительно атрибуции подвески мы пришли к сходным выводам в процессе подготовки этой статьи. Мы рады были получить подтверждения нашим выводам от американского коллеги, который несколько опередил нас в публикации своего исследования. Относительно хронологии, или, точнее, верхней хронологической границы погребения 6, есть несколько вопросов, которые мы обсудим ниже.

Чтобы попытаться понять значение эмблемы двузубца с ключом, нужно определить, какой смысл могло иметь изображение ключа для жителя Руси X в.? Для этого сначала обратимся к древнерусским письменным источникам.

Ключ в древнейших летописных и законодательных памятниках Древней Руси

Древнерусские письменные источники содержат немного известий о ключах, которые могли бы осветить знаковый смысл термина. В ПВЛ ключ упомянут в статье лета 6415 (907 г.), которая повествует о походе Олега на Царьград в контексте условий мирного договора (ПВЛ, 1950, т. I, с. 24). Очевидно, что в данном случае «ключь» — это корабельная уключина и речь идет об экипажах кораблей Олега. Именно так объяснял этот термин Д. С. Лихачев в своих комментариях (ПВЛ, 1950, т. II, с. 266–268).

В ПВЛ под 6478 (970) г. упомянут, как хорошо известно, термин «*ключница*» в связи с распределением столов между сыновьями Святослава и настойчивой просьбой новгородцев дать им князя (ПВЛ, 1950, т. I, с. 49). Добрыня, который приходится Владимиру дядей, советует новгородцам просить на княжение именно Владимира, при этом он честно объясняет зависимое положение его матери Малуши при Ольге. В академическом издании ПВЛ Д. С. Лихачев использовал текст Лаврентьевской летописи (ПВЛ, 1950, т. II, с. 149). Именно в Лаврентьевской летописи в статье 6478 г. употреблено слово «ключница»; больше в ПВЛ этот термин нигде не встречается.

Новый подход к анализу летописной статьи 6478 г. возможен благодаря работам А. А. Гиппиуса. Развивая идеи А. А. Шахматова (Шахматов, 1908), А. А. Гиппиус, в частности, стремится выделить древнейшее нарративное ядро ПВЛ (повествовательное ядро в отличие от анналистического, или кратких погодных записей). Согласно его наблюдениям, только небольшой фрагмент текста статьи 970 (6478) г. в заключительной части сообщения может претендовать на принадлежность к нарративному ядру ПВЛ (Гиппиус, 2012, с. 51). Термин *«ключница»* нигде больше не встречается в ПВЛ, как и в древнейшей части НПЛ. В Ипатьевской летописи Малуша названа

милостницей Ольги (ПСРЛ, т. 2, 1908, стлб. 57). Д.С. Лихачев отметил, комментируя известия ПВЛ, что термин *«милостник»* имеется в Никоновской летописи в статье 980 г., где он использован в составе поздней вставки в текст (ПВЛ, т. II, с. 323). В НПЛ милостники упомянуты в статьях 1136, 1174, 1180 гг., т.е. не ранее XII в. (НПЛ, 1950, с. 34, 209, 232). Ключники фигурируют в Ипатьевской летописи в статьях более поздних, чем ПВЛ: «амбалъ ключникъ» в статье 1175 г. (в рассказе об убиении Андрея Боголюбского) (ПСРЛ, 1908, т. 2, с. 586, 590); см. также «с ключемъ ходити» в Слове Даниила Заточника (Тихомиров, 1953, с. 151).

Случаи употребления термина «ключ» в сугубо правовом значении содержатся в Русской Правде Пространной редакции в статье 104, которая определяет холопство для лиц, «привязавших к себе ключ без ряду» (Тихомиров, 1953, с. 109). Такое же значение термина зафиксировано в статье 42 Сокращенной редакции Русской Правды (Тихомиров, 1953, с. 118). Исследователями давно установлено, что Пространная редакция датируется временем не ранее первой четверти XII в., а Сокращенная — позднее Пространной (Правда Русская, 1940, т. I, с. 99; Юшков, 2002, с. 402–456.). М.Н. Тихомиров в «Материалах для словаря Русской Правды» так определил значение термина «ключ»: «запор, замок; волость, ведомство (отсюда — *ключник*)» (Тихомиров, 1953, с. 151).

Академический «Словарь русского языка XI–XVII вв.» представляет целый ряд терминов, относящихся к держателю или владельцу ключа, например: ключарь, ключедержецъ, ключникъ, ключница. Эти существительные далеко не одинаковы по смыслу, хотя их прямое значение кажется сходным. Приведем значения, которые указаны для документов XI–XIII вв.: Ключарь — 1. Хранитель ключей. 2. Эконом, ключник. Ключедержецъ — тот, кто держит ключи от чего — либо. Ключникъ — слуга, управляющий хозяйством в отдельной вотчине или городском доме господина; эконом. Термины существенно различаются по контексту. Ключники упомянуты в сугубо бытовом смысле. Но ключарь — это и апостол Петр, «небесного царствия ключарь» и эконом, раздающий нуждающимся христианскую мзду (Словарь русского языка XI–XVII вв., 1980, вып. 7, с. 183, 184, 186, 187).

Совершенно определенно можно сказать, что для XII в. ключ как символ социально неполноправного, подчиненного слуги или раба, управляющего имуществом господина, укоренен в менталитете древнерусского общества, но такая трактовка символа не была единственной. Насколько отвечали эти термины XI–XIII вв. реалиям X столетия? Нам представляется, что при современном состоянии источников на этот вопрос нельзя уверенно ответить. Все же, если допустить уместность экстраполяции данных словаря, отразивших термины XI–XIII вв., означающие обладание ключом, на X в., какой из них приложим к нашей подвеске? Надо понять, идет речь о ключнике или о ключедержце. В этой связи следует обратиться к другой группе источников.

Ключ в архетипических представлениях древних скандинавов

Анализируя изображение ключа на нашей подвеске, Р.К. Ковалев пришел к заключению о скандинавских и, если учитывать более широкий географический и хронологический фон, общегерманских корнях этого символа (Kovalev, 2012, p. 473–476). Мы также обратили внимание на скандинавские источники. В песнях мифологического и эпического содержания, зафиксированных в Старшей и Младшей Эддах, упоминания ключей не часты, но весьма выразительны. В Старшей Эдде — это прежде всего «Песнь о Риге» — произведение, отразившее социогенетический миф (Старшая Эдда, 1975, с. 336–340). Когда Карл, прародитель свободных крестьян, взрослеет, ему в дом приводят невесту Снёр — «хозяйку в одежде из козьей шерсти, с ключами у пояса (hanginluklu — буквально *подвешенный ключ*)». Здесь, без сомнения, ключи символизируют статус полновластной хозяйки дома, которая по праву брака может и обязана заботиться о доме и награждать слуг (Старшая Эдда, 1975, стих 23, с. 338). Еще выразительнее выглядит символика ключа в «Песне о Трюме» (Старшая Эдда, 1975, с. 235–238). В этом динамичном повествовании коллизия заключается в том, что молот Тора — Мёлнир коварно похищен великаном Трюмом. Трюм выдвигает обитателям Асгарда условие: за возвращение Мёлнира ему отдают в жены богиню Фрейю. Поскольку Фрейя наотрез отказывается от этого брака, Тор выходит из положения с помощью известного трикстера — бога Локи. Покровитель воинов вынужден надеть свадебный наряд невесты: «Связка ключей бренчать будет сзади, женская скроет колени одежда». Описание свадебного наряда с ключами повторятся в Песне о Трюме в стихах 16 и 19. Ключи опять представляются атрибутом вступающей в брак будущей хозяйки дома

(Старшая Эдда, 1975, стихи 16, 19, с. 236). Р. Ковалев рассматривает те же источники (Kovalev, 2012, p. 478–582), кроме того, использует источники древнего скандинавского и англо-саксонского права (Kovalev, 2012, p. 479). Связь ключа как символа со статусом замужней женщины или вдовы — полноправной хозяйки дома — нам кажется весьма убедительной. Ключи в Эддах выступают в качестве атрибута обряда брачной инициации, но не для всех женщин, а только для полноправных хозяек дома. Но все же связывать этот символ непосредственно с Фрейей, как это делает Р. Ковалев (Kovalev, 2012, p. 480), нам представляется опрометчивым. Источники не дают оснований для такого вывода. Опосредованная связь Фрейи или Фригг с ключами, конечно, возможна, но она вовсе не очевидна.

Археологические исследования шведского могильника Бирка в общем подтверждают трактовку ключа как в первую очередь атрибута жены — полноправной хозяйки дома. В статье А. Улфилм о ключах из Бирки находим следующие цифры: всего в культурном слое поселения и в могильнике найдено 143 ключа, из них 54 — на поселении. В могильнике найдено 92 ключа, которые происходят из 75 погребений, что составляет 7 % от общего количества исследованных захоронений. Ключи встречены в 26 камерных погребениях — это 22 % всех камер, в 19 захоронениях женщин и в 4 — мужчин. Это составляет 7 % от числа мужских и 44 % от числа женских камерных погребений. Из пяти детских камер две содержали ключи. Также ключи встречены в 18 «некамерных» ингумациях в гробах — это 8 % от общего количества могил такого типа в Бирке. Из них 12 погребений, или 17 %, приходятся на долю женских, 1 — мужское (3 %), и 5 — детских (11 %) от общего числа погребений в гробах (Ulfhielm, 1986, s. 130–131).

Для гнёздовских погребений статистика встречаемости ключей в ингумациях, приведенная Ю. А. Жарновым, выглядит менее убедительно — они встречены только в 2 камерах — в одной с мужским захоронением и в одной — с женским, а также в 3 могильных ямах — в одном мужском погребении и двух женских; в детских ингумациях ключей нет (Жарнов,1998, табл. 3, с. 100–101).

В Старовознесенском некрополе Пскова ключи найдены в 4 камерах из 8. Камерные погребения 1, 2 и 8 содержали захоронения взрослых женщин, а камера 7 — погребение маленькой девочки.

Среди миниатюрных древнерусских привесок-амулетов, как правило, изготовленных из бронзы, ключ — не самый распространенный предмет, но всё же составляющий довольно представительные серии. К их изучению обращались Е. А. Рябинин и Н. Г. Недошивина (Рябинин, 1988; Недошивина, 1997). Е. А. Рябинин определяет хронологический диапазон их бытования как XI–XII вв. Исследователь выделил две группы привесок-ключиков. Первая из них отличается разнообразием форм, отсутствием «стандартного, серийного образца» (Рябинин, 1988, с. 60). Ареал этой немногочисленной группы охватывает Верхнее Поднепровье, бассейны Верхней Оки и Верхней Волги, который характеризуется как «зона плотного славянского расселения» и совпадает с областью наибольшего распространения древнерусских женских оберегов других типов. Н. Г. Недошивиной учтены 13 экземпляров этой группы из 12 пунктов (Недошивина, 1997, с. 82). Е. А. Рябинин отмечает, что эти «нестандартные» ключики свойственны не только древнерусскому ареалу, но и памятникам ливов, древних латышских и литовских племен.

Другая группа ключиков-амулетов, представленная главным образом в курганных погребениях юго-восточного Приладожья (23 экземпляра) и в северо-восточном Прионежье, отличается унифицированностью формы. Это ключи с петлевидной головкой и крестовидной прорезью в прямоугольной бородке. Принадлежность этого типа подвесок финно-угорской этнической традиции не вызывает сомнения у авторов. Абсолютное большинство ключей-оберегов обоих типов обнаружено в составе инвентаря женских погребений, обыкновенно в сочетании с другими амулетами. Обе разновидности ключиков-привесок, за единичными исключениями, воспроизводят форму ключей от нутряных замков второго варианта типа 2 по классификации Б. А. Колчина (Колчин, 1982, с. 161–162). Бытование таких ключей в Новгороде определяется в хронологическом интервале кон. XI — первая половина XIV в. Комбинированные замки варианта 2 второго типа — с деревянным засовом и металлическим механизмом и ключом — отличались стержневым устройством ключа в отличие от более раннего варианта 1, в котором использовались втульчатые ключи. Выступ-стерженек, выдающийся вперед от края прямоугольной бородки, определяет принадлежность ключа к варианту 2 второго типа. Значит, последние десятилетия XI в. следует принять как terminus post quem этих двух типов привесок (Лесман, 1990, с. 84). Изображение ключа на подвеске из камеры 6, как мы уже отмечали, передает форму более архаичного запирающего устройства (тип I по Б.А. Колчину). Интересно и важно для нас, что в конце XI–XII в. миниатюрные модели ключей

в качестве специфически женских амулетов-оберегов распространились на огромных пространствах Восточной Европы. Хотя топография находок демонстрирует наибольшую актуальность таких амулетов для финно-угров, совершенно ясно, что они не были чужды славянам и балтам. Распространение нового для своего времени набора амулетов, вероятно, следует связывать с некими идеологическими новациями и веяниями средневековой моды. Однако восприятие ключа как женского сакрального символа с конца XI в., засвидетельствованное находками ключиков-оберегов на столь обширных пространствах, населенных разными этносами, вероятнее всего, существовало здесь и раньше.

Р. Ковалев указывает на многочисленные примеры использования ключей-оберегов в женских погребениях, относящихся к германской этнической традиции, — от могильников эпохи Меровингов и ранних англосаксонских погребений в Англии до эпохи викингов (Kovalev, 2012, p. 476). Среди скандинавских амулетов, найденных на территории Древней Руси, особое внимание нашего американского коллеги привлек экземпляр, относящийся к составу инвентаря погребения 57 «большого кургана» Псковского курганного некрополя (см. т. I настоящего издания). Этот интереснейший набор оберегов был опубликован И. О. Колосовой и Н. Н. Милютиной (Колосова, Милютина, 1994). Погребение датируется в пределах второй половины X — начала XI в. В его состав входят 13 миниатюрных предметов, из числа которых Ковалев рискнул интерпретировать два. Человеческая фигурка в лодочке определена им как изображение Ньёрда — родового главы Ванов, старших божеств Северного пантеона, или его сына Фрейра. Ключик с раздвоенной бородкой исследователь предложил толковать как символ Фрейи — дочери Ньёрда (Kovalev, 2012, p. 476). Относительно интерпретации ключа мы не можем согласиться с Ковалевым. Символика ключа в скандинавских источниках связана с брачной инициацией, но покровительницей брака была, конечно, не Фрейя. С куда большими основаниями эту роль следует присвоить Фригг — супруге Одина.

Исходя из сказанного выше вполне допустимо трактовать ключ как женский символ, а точнее, как символ женщины, вступившей в брак в качестве полновластной хозяйки дома. Значит, вполне возможно, «номинальным хозяином» нашего знака был Святослав — наследник родового двузубца, а ключ принадлежал Ольге, которая распоряжалась родовым двузубцем ранних Рюриковичей по праву замужества и материнства, пока наследник был малолетним. То есть двузубец с ключом — символ протектората Ольги, которая распоряжалась всей полнотой власти рода Рюриковичей до наступления совершеннолетия законного наследника.

«Парадный» двузубец ранних Рюриковичей

Обратимся к изображению самого двузубца. Двузубец с подвески из погребения 6 входит в иконографический ряд, который начинается, по-видимому, подвеской из Гнёздово № 40 (по номенклатуре С. В. Белецкого), а завершается монетами Святополка (Белецкий, 2004, с. 252, 313). Их объединяет четкое оформление ножки родового знака в виде узла. С. В. Белецкий, в полном согласии с И. Г. Спасским и М. П. Сотниковой, отмечает, что своеобразие двузубца Святополка объясняется его стремлением подчеркнуть свое первородство. Его знак восходит к неизвестному нам двузубцу отца, Ярополка Святославича. Узел на ножке воспроизводится на всех монетах Святополка с разной степенью умения, но неукоснительно. Даже на загадочной монете № 203 каталога М. П. Сотниковой и И. Г. Спасского, где воспроизведен трезубец Владимира, ножка знака снабжена специфическим асимметричным узлом (Сотникова, Спасский, 1983, с. 190). Что касается знаков на сребрениках Владимира типов II–IV, то на их ножках мы видим дериваты архаических узлов, все более удаляющиеся от прототипа. В качестве последних рудиментов узлоподобных изображений на ножках трезубцев нужно расценивать кружки на сребрениках Ярослава Мудрого, которые в свое время О. М. Рапов предложил считать глазами пикирующего сокола (Рапов, 1968, с. 67, 68). По мнению С. В. Белецкого, «начиная с Игоря Рюриковича и вплоть до Ярополка Святославича происходило прямое наследование родового двузубца» и «тамга Рюриковичей начинает претерпевать изменения с поколения внуков Святослава» (Белецкий, 1996б, с. 111). По мнению Р. Ковалева, родовой двузубец начали видоизменять уже дети Святослава, причем еще при жизни отца, когда он в 970 г. решил перенести столицу из Киева в Преслав на Нижнем Дунае и дал сыновьям уделы (Kovalev, 2012, p. 471–472). В случае с подвеской из погребения 6 речь, по всей видимости, идет о распоряжении наследственным знаком Рюриковичей Ольгой в период малолетства Святослава. В этом последнем заключении мы вполне согласны с Р. Ковалевым.

Изображение на оборотной стороне подвески и монеты с крестами и птицами — историографический экскурс

Аналогии изображению птицы с крестом на голове находим в статье Г. Рисплинга «Монеты с крестами и головами птиц — христианские имитации исламских монет?» (рис. 4) (Rispling, 1987, p. 78–79). Этот автор среди прочих имитаций выделяет тип северных подражаний куфическим дирхемам с изображением птицы с крестом. Исследователь опубликовал три монетных типа (рис. 5). Изображения первого типа отличают высокое мастерство и тщательность исполнения. На монетах представлен образ, напоминающий фронтально сидящего сокола, голова которого развернута вправо, а крылья и лапы никак не обозначены. Изображения первого типа в основных деталях соответствуют птице с подвески из камеры 6 (рис. 4). Второй тип передает сокола более похожим на попугая (Rispling, 1987, p. 76, fig. 1, E) (рис. 5). Третий тип стал известен недавно и был представлен Г. Рисплингом в 2007 г.[1] Рисунок птицы похож на изображения типа I, но контурный, без внутренней деталировки. Обозначен только глаз. Сверху, снизу и по сторонам размещены целых четыре креста (рис. 5). Надо сказать, что в первых публикациях мы представили ситуацию несколько упрощенно, акцентируя внимание на монетах типа I и подвеске. Ясно, что изображение на этих монетах могло послужить прототипом для подвески. «Птица» и крест в данном случае совершенно определенно составляют композиционное единство, связь этих образов выглядит не случайной. Тогда мы объяснили появление таких монет, а значит, и подвески, как прямое следствие крещения Ольги. Это упрощение не укрылось от взгляда С. В. Белецкого.

Рис. 4. Изображение птицы на монете типа I (по Г. Рисплингу) и на подвеске из камеры 6

Он заметил, что кресты на двух других типах монет вовсе не столь очевидно связаны с птицей, и решил, что эта связь во всех случаях несущественна: «...крестики на псевдодирхемах не имеют никакого отношения к изображению птицы: они связаны с круговыми надписями, имитирующими куфическое письмо, — разделяют начало и конец надписи, являясь своего рода инвокацией, а иногда даже разделяют надпись на несколько частей». Белецкий пишет, что точно так же крестик, размещенный непосредственно над двузубцем, разделяет начало и конец круговой греческой надписи на печати Святослава Игоревича, однако считать Святослава «новокрещенной персоной» не приходится. Надо отметить, что на монетах крестик отчетливо отделен от изображения птицы, в то время как на подвеске крест «вырастает» из головы птицы. По предположению С. В. Белецкого, скорее всего, при изготовлении подвески мастер копировал изображение с дефектного (вероятнее всего, сильно стертого) экземпляра монеты, на котором крестик и голова птицы слились в одно изображение» (Белецкий, 2011, с. 46). Такой взгляд также является упрощением ситуации. Чтобы правиль-

[1] Сердечно благодарим хранителя Королевского нумизматического кабинета Стокгольма (Kungliga Myntakabinettet, Stockholm) господина Герта Рисплинга за присланные фотографии арабских монет-подражаний и разрешение их публикации.

Рис. 5. Изображение трех типов монет с птицей с крестом на голове.
Фото монет любезно предоставлены господином Г. Рисплингом

но оценить положение вещей, необходимо более внимательно рассмотреть сведения, известные на сегодня о «птичьих монетах» (“bird coins”).

В статье, опубликованной Г. Рисплингом в 1987 г., представлены данные, послужившие нам основной базой для сопоставлений. Зафиксировано два типа «птичьих монет»

Тип III добавился после находки в 2006 г. на о. Готланд нового клада. Монеты типа I (рис. 5) отличаются тщательно выполненным изображением птицы на аверсе и необычной орнаментальной цепочкой, опоясывающей центральную часть монетного поля, на реверсе. Крест на монетах типа 1 с четко выполненными ромбовидными завершениями ветвей расположен прямо над головой птицы, соприкасаясь с ней. На сегодняшний день известно 8 экземпляров монет типа I. В статье была названа цифра 9 (Rispling, 1987, p. 83). Видимо, тогда Рисплинг еще не знал, что монета, опубликованная Бэром, и дирхем с птицей из коллекции Британского музея — один и тот же экземпляр. На публичной лекции «Монеты с Востока» в Стокгольмском университете на кафедре археологии в 2007 г. эта неточность была ликвидирована. Из числа «птичьих монет» 7 происходят из кладов. Пять монет — с о. Готланд, одна — из материковой Швеции, одна — из Польши. Еще одна монета была найдена на территории Эстонии, близ Тарту, при неизвестных обстоятельствах.

Монеты второго типа отличаются несколько грубоватым и «упрощенным» изображением птицы и креста у нее над головой (рис. 5). Крест не касается головы (Rispling, 1987, p. 76–77). Имеются 2 половинки таких монет из одного клада, тоже с Готланда. Terminus post quem этого клада 954–961 гг. Монеты типа II известны в трех экземплярах из двух кладов. Один экземпляр — из Польши, два — из одного клада на Готланде.

Теперь стал известен еще один экземпляр монеты с изображением птицы с крестом, найденный только в 2006 г., опять на Готланде, в кладе с t.p.q. 960–961 гг. (рис. 6). Г. Рисплинг выделил ее как тип III. Эта монета, как отмечено выше, была обнародована на публичной лекции в 2007 г. Изображение птицы менее детализировано, чем на монетах типа I, по краям монетного поля помещены 4 креста, которые, действительно, делят круговую арабскую надпись на 4 части. Верхний и нижний крестики имеют кольцевидные завершения ветвей с точками внутри, два боковых крестика — с заостренными завершениями лопастей. Верхний крестик касается головы птицы, нижний — «хвоста». Ниже в табл. 1, составленной на основании данных, приведенных Г. Рисплингом в статье 1987 и на лекции 2007 г., представлены сведения о местах находки и датировке кладов с «соколиными» монетами трех типов. Всего на 2007 г. было известно 12 «соколиных» монет. В одном случае, в кладе Dzierznica II

Таблица 1. «Птичьи» подражания дирхемам
(составлена по: Rispling, 1987, p. 77, t. 2; Rispling, 2007, f. 28–30)

№	Монетный тип	Страна	Место обнаружения	t.p.q. по исламским монетам	t.p.q. по европейским монетам	Процент сохранности монетного кружка, его диаметр (mm),
1	I	Швеция	Smiss, Lye, Gotland	951–952	–	86 %, d = 31,4
2	I	Швеция	Tuer II, Bro, Gotland	952–953	–	100 %, d = 30,7
3	I	Швеция	Yxnarum, Listerby, Blekinge	954–955	–	46 %, d = ?
4	I	Швеция	Stora Velinge II, Buttle, Gotland	957–958	–	44 %, d = ?
5	I	Швеция	Kvarne, Vamlingbo, Gotland	968–969	994	100 %, d = 30,0
6	I	Польша	Dzierznica II	977–978	–	? %, d = ?
7	I	Швеция	Sigsarve, Hejde, Gotland	1002–1003	1054	100 %, d = 33,0
8 (до 1850 г.)	I	Эстония	Окрестности Тарту	–	–	100 %, d = 30,0
9	II (2 ex.)	Швеция	Nors, Lärbro, Gotland	954–961	–	56 %, d = 36,7; 55 %, d = 24,4
10	II	Польша	Dzierznica II	977–978	–	? %, d = ?, менее половины кружка
11 (2006 г.)	III	Швеция	Västergårde, Sundre sn, Gotland	960–961	–	100 %, d=?

из Польши, вместе встречены монеты типов I и II; в кладе из Lärbro с Готланда найдены две монеты типа 2. В 7 случаях из 12 монеты подвергались дроблению.

У всех монет типа I соотношение аверса и реверса 180°, у монет типа II — 270°.

В статье Р. Ковалева упоминается ранее неизвестная монета с птицей, хранящаяся в составе нумизматической коллекции Государственного Эрмитажа (Kovalev, 2012, p. 466–467). О ней сообщил американскому коллеге петербургский нумизмат, сотрудник ГЭ В. С. Кулешов. Ковалев пишет, что эта монета принадлежит типу IV, неучтенному Г. Рисплингом, и отмечает только, что крест на этом экземпляре отделен от изображения птицы.

Из монет с «соколом» дольше всех (с 1850 г.) известен науке экземпляр, найденный в окрестностях Тарту в Эстонии при неизвестных обстоятельствах. Монета теперь хранится в Британском музее в Лондоне. Ее опубликовал Иоганн Карл Ульрих Бэр (1801–1869). Его перу принадлежит работа «Могильники ливов», в составе которой впервые увидела свет «птичья монета» типа I по Г. Рисплингу (Bähr, 1850, S. 54). Надписи на монете для книги Бэра перевел арабист доктор Карл Генрих Шиер из Дрездена (1802–1869). Дата чеканки оказалась не читаема. Имена правителей — аббасидский халиф Ал-Кахир (932–934 гг.) и саманидский эмир Наср ибн Ахмад (914–943 гг.). Место чеканки — древний афганский город Андараб. Бэру казалось, что очертания птицы напоминают щит. Он считал, что монету чеканил какой-то из немусульманских князей Азии, который воспользовался именем Саманидов, не будучи на самом деле под их влиянием (Bähr, 1850, S. 54).

В 20-е гг. XX в. известный финский археолог Т. Арне проявил интерес к монетам с крестом и птицей. В 1927 г. он послал фотографию монеты Ричарду Фасмеру в Ленинград (Rispling, 1987, p. 85). Арне надеялся, что в богатом собрании Эрмитажа найдутся аналогии, однако Фасмер знал только монету, которую опубликовал Бэр в 1850 г.

Улла Велин, шведский нумизмат-востоковед (1909–1983), определила свою атрибуцию монет с соколом следующим образом: «...их прототипы (прототипы монет с «христианскими» символами) могут быть датированы 930 г. Мы можем предположить, что имитации отчеканил какой-то варварский князь из числа северных соседей Халифата» (Rispling, 1987, p. 84). Велин запланировала статью о монетах с изображением сокола, которая должна была появиться в печати в 1949 г., однако так никогда и не вышла. Никакой ее рукописи, кроме различных заметок, Рисплингу обнаружить не удалось. Велин зна-

ла о шести из восьми экземпляров монет типа I с изображением птицы (Rispling, 1987, p. 85).

Статья Г. Рисплинга, опубликованная в 1987 г., составила важнейший этап в изучении исламских монет-подражаний с птицами и крестами. Им были учтены все известные на тот момент монеты интересующих нас типов, приведены их размерные и весовые характеристики. Подробно проанализировав различные версии относительно места чеканки и государственной принадлежности подражаний исламским монетам с крестами и птицами, он пришел к выводу о возможности их изготовления в Русском государстве времен Олега и Игоря (Rispling, 1987, p. 84). На основании датировки прототипов этих монет Рисплинг счел возможным определить время их появления 922–932 гг. (Rispling, 1987, p. 75) или 922–931 (Rispling, 1987, p. 82). Необходимо сказать, что в статье рассматривались не только подражания исламским монетам с крестами и птицами, но и дирхемы с крестообразными значками, но без птиц. Эти монеты Рисплинг впервые определил как оригинальное явление, собрал сведения о всех известных находках и классифицировал, выделив три монетных типа (рис. 6, табл. 2).

Открытие «крестовых» монет в 1985–1987 гг., позволило более чем вдвое расширить источниковую базу для изучения «христианских» подражаний дирхемам, поскольку очевидна хронологическая и стилистическая близость «крестовых» и «птичьих» имитаций. Для обоснования выводов по хронологии «христианских подражаний»

Таблица 2. «Крестовые» подражания дирхемам (составлена по: Rispling, 1987, p. 77, t. 1–2)

№	Страна	Монетный тип	Место обнаружения	t.p.q. по исламским монетам	t.p.q. по европейским монетам	Процент сохранности монетного кружка, его диаметр (mm),
1	Швеция	I	Vårby, Huddinge, Södermanland	937	–	100 %, 31,7
2	Швеция	I	Vårby, Huddinge, Södermanland	937	–	100 % , 31,4
3	Швеция	I	Vårby, Huddinge, Södermanland	937	–	100 %, 30,6
4	Швеция	I	Vårby, Huddinge, Södermanland	937	–	100 %, 31,5
5	Швеция	I	Björkö, Adelsö, Uppland	963	–	30 %, –
6	Швеция	I	Slubbemåla, Mönsterås,	956	962	55 %, 27,5
7	Швеция	I	Alva, Gotland	930 (946)	–	?, 28,5
8	Швеция	I	Stora Velinge II, Buttle, Gotland	957	–	56 %, 31,4
9	Швеция	I	Stora Velinge II, Buttle, Gotland	957	–	45 %, 30,9
10	Швеция	I	Hägvalds, Gerum, Gotland	976	991	62 %, 34,0
11	Швеция	I	Timans II, Roma, Gotland	948	991	80 %, 30,0
12	Швеция	I	Unknown, Sweden (Kungl Myntkabinettet, Royal Coin Cabinet, Stockholm)	–	–	55 %, 31,0
13	Швеция	I	Unknown, Sweden (Uppsala University Coin Cabinet)	–	–	?, 31,2
14	Швеция	II	Österby, Othem, Gotland	1002		?, 28,1
15	Финляндия	III	Unknown, Finland (Coin Cabinet of the National Museum, Helsinki)	–	–	?, 29,5
16	Швеция	III	Unknown, Sweden (Kungl Myntkabinettet, Royal Coin Cabinet, Stockholm)	–	–	?, 27,7

Рис. 6. Хронологическое распределение кладов с «птичьими» и «крестовыми» монетами

ученый использовал всю их совокупность. В статье 1987 г. довольно много внимания уделено чтению легенды «крестовых монет» типа I, но, к сожалению, совершенно ничего не сказано о легендах «птичьих монет». Исследователь уделил особое внимание тому факту, что «христианские имитации» существуют на широком фоне «исламских имитаций», распространенных в Северной и Восточной Европе IX–X вв., и генетически связаны с традицией подражательных монетных чеканов Волжской Булгарии. Общее число исламских имитаций эпохи викингов в скандинавских коллекциях достигает приблизительно 4000 экз., что составляет около 10 % всего исламского материала. Примерно 25 % образцов имитаций относится к IX в. Из оставшихся 3000 подражаний X в. по крайней мере 80 % можно отнести к Булгарам. Большинство волжско-булгарских подражаний имеют «официальные» прототипы, датированные в интервале 914–932 гг. Лишь 0,75 % отчеканены по образцам с более поздней датировкой (Rispling, 1987, p. 79).

В 2001 г. шведская исследовательница Э. Линдбергер опубликовала статью «Сокол, ворон, и голубь. Некоторые птичьи мотивы на средневековых монетах» (Lindberger, 2001, p. 29–86). В этой работе, опираясь на данные ПВЛ и результаты исследований Е. А. Мельниковой, она приходит к выводу, что из числа правителей Руси X в. монеты с изображением сокола и креста могли принадлежать только княгине Ольге. Кстати, она решительно определила птиц на монетах, опубликованных Рисплингом, именно как соколов в охотничьих клобучках. Г. Рисплинг допускает в этом вопросе самые различные толкования, приглашая ученых разных специальностей к обсуждению (Rispling, 1987, p. 78). Р. Ковалев справедливо замечает, что, связав изображение птицы с крестом с Ольгой, Линдбергер проигнорировала датировку монет Рисплингом (не позднее 932 г.), хотя Ольга стала регентом при юном Святославе и обрела полноту государственной власти только после гибели Игоря в 944/945 г. (Kovalev, 2012, p. 468).

В первых публикациях подвески из погребения отмечалась тесная связь между неким представителем княжеского дома Рюриковичей и носителем знака птицы с крестом (Ершова, 2010а; Ершова, 2010б). В докладе, прочитанном на 55-м заседании Псковского семинара им. академика Седова, были предложены две версии «прочтения» двузубца с ключом между отрогами. Согласно первой из них, знак мог быть истолкован как эмблема юного Владимира. Согласно второй ключ между отрогами можно рассматривать в качестве знака протектората Ольги, как оберег властных полномочий наследника — Святослава (Ершова, 2010б, с. 29). Казалось, летописная статья ПВЛ под 970 г. содержит довольно определенную «подсказку» в пользу первой версии, но, как нам пришлось показать выше, выводы не могут быть столь однозначны. В статье того же года для сборника «Краеугольный камень» внимание было сосредоточено на первой версии и не упоминалось о второй (Ершова, 2010а). Теперь мы изменили свою позицию по этому вопросу и в основном согласны с критическими замечаниями, высказанными Р. К. Ковалевым (Kovalev, 2012, p. 468). «Птицу» с крестом над головой вслед за Э. Линдбергер мы сразу и без колебаний определили как символ княгини Ольги. По нашему мнению, подвеска из камеры 6 служит серьезным подтверждением гипотезы о русском эмиссионном центре монет с крестами и птицами. Нельзя не отметить, что Г. Рисплинг, впервые высказавший эту идею в 1987 г., по крайней мере к 2007 г. от нее отказался в пользу Волжской Булгарии и пришел к мнению о возможности чеканки этих монет не в Киеве, а в Суваре.

Как уже отмечалось выше, известный американский историк и нумизмат Р. К. Ковалев в 2012 г. опубликовал работу «Великая княгиня Руси Ольга в образе птицы: ее символ “христианский сокол”» (Kovalev, 2012). Статья посвящена в основном анализу смыслов изображений на подвеске из камеры 6. В ней получила интересную разработку вторая версия — о принадлежности символов на подвеске Ольге и Святославу — и выдвинут ряд убедительных аргументов против первой версии. Ключ между отрогами двузубца — женский символ, по мнению автора, связанный с культом богини Фрейи, помещен здесь в качестве знака регентской власти Ольги. «Птица» — не совсем птица, а соколиное воплощение, связанное с важнейшим атрибутом этого божества. Исследователь приходит к заключению, что Ольга до принятия христианства была жрицей Фрейи и исполняла важнейшие государственные функции вёльвы — прорицательницы. Соколиное оперение Фрейи — символ власти, причем власти женской, аристократической и сакральной по происхождению (Kovalev, 2012, p. 516–517). Для нас крайне интересно известие, которое Р. Ковалев передает в одном из подстрочных примечаний. Оказывается, Г. Рисплинг пересмотрел свое прежнее заключение о времени чеканки «соколиных» монет. Теперь он датирует их появление не с 922 до 932 г., а около 950 г. (Kovalev, 2012, p. 516–517). Этот пересмотр опирается на новое чтение имени халифа с «птичьих» монет типа I и на датировку кладов. Имя халифа следует читать как аль-Муттаки. Правление аббасидского халифа Ибрахима аль-Муттаки относится к 940–944/45 гг. В сочетании с датами правления эмира Насра ибн Ахмада (914–943 гг.) получаем временной промежуток, в котором возможна чеканка прототипов «птичьих» монет типа I, — это 940–943 гг.

Изображению крестов на подвеске и монетах Р. Ковалев уделил мало внимания, отметив, что это тема для отдельного большого исследования. Относительно собственно подвески как инсигнии власти исследователь предположил, что она могла быть изготовлена в связи с проведением Ольгой мероприятий по упорядочению податей и насаждению опорных пунктов государственной власти на Северо-Западе Руси в 947 г. или вскоре после этого. Погребенный в камере 6 был одним из представителей киевской великокняжеской администрации.

Изображения на монетах и подвеске: предварительные выводы по хронологии

Подведем предварительный итог относительно изображения на оборотной стороне нашей подвески. Птица с крестом на голове является, скорее всего, репликой с аверса «птичьих» монет типа I по Рисплингу. Впрочем, нельзя совсем исключить вариант, что у этих изображений мог быть общий протограф. Клады с монетами этого типа образуют две хронологические группы — относительно «компактную» группу кладов 50-х гг. X в. (951, 952, 954, 957 гг.) и «запаздывающие» клады (977–978, 994, 1053 гг.). Одна из трех известных монет типа II найдена в кладе 977–978 гг. из Польши вместе с монетой типа I; две другие — в кладе 954–961 гг. из Lärbro на Готланде. Единственная известная «птичья» монета типа III встречена в кладе 960–961 гг. из Västergårde, тоже на Готланде.

Клады с «крестовыми» монетами типа I, как видно из табл. 2, датируются 937, 946, 957, 962, 963, 991, 1002 гг., т. е., как и «птичьи» монеты, подразделяются на основную группу (937–963 гг.) и «запаздывающую» (991, 1002 гг.). Однако самый ранний клад из Vårby в материковой Швеции для общих хронологических выводов использовать нельзя, и Рисплинг в своей статье 1987 г. это отмечает. Этот клад вещевой, а не денежный. Он содержал шесть позолоченных дирхемов с ушками для подвешивания, из которых четыре — «крестовые» монеты типа I (Rispling, 1987, p. 75–76). В совокупности хронологическое распределение кладов с «птичьими» и «крестовыми» монетами показано на диаграмме, построенной нами на основании публикаций Г. Рисплинга (рис. 6). Из 16 монетных кладов 10 датируются в интервале 946–963 гг., причем 9 из них укладываются в совсем короткий хронологический период — 12 лет (951–963 гг.). Следующие шесть кладов отлагались в основном с более значительными промежутками от «основной группы», верхний хронологический предел которой определяется 963 г., — клад Dzierznica II в Польше («птичьи монеты» типов I и II) — с отрывом от «основной группы» в 14–15 лет; с отрывом в 28 лет — два клада 991 г. — Timans II , Hägvalds («крестовые монеты» типа I); с удалением на 31 год — клад Kvarne 994 г. («птичья монета» типа I); далее — 1002 г., Österby («крестовая монета типа II) с дистанцией в 39 лет, и 1054 г. — Sigsarve («птичья монета» типа I) с удалением на 91 год.

Возможно, монеты с «крестовыми» подражаниями начали отлагаться несколько раньше, чем с «птичьими». Основная группа «крестовых» монет зафиксирована в кладах 946–963 гг., в то время как клады «основной группы» с «птичьими» монетами целиком укладываются в промежуток 951–961 гг. Можно предположить, что с «крестовых» монет начался опыт самостоятельной чеканки Киевской Руси. «Птичьи» монеты с крестами стали развитием этого опыта.

Наша подвеска по датировке относится к финальной части первой группы. По наиболее поздней монете камера 6 датируется «после 953/54 г.». Учитывая тот факт, что монета успела побывать в составе ожерелья и имеет два отверстия для крепления ушка, датировка может быть отнесена по крайней мере ко времени не ранее конца 50-х — начала 60-х гг. X в. Р. Ковалев считает, что верхнюю хронологическую границу камерного погребения 6 следует определить более конкретно — не позднее первых лет шестого десятилетия X в. (Kovalev, 2012, p. 464). По его мнению, погребенный в камере мужчина при жизни постоянно участвовал в деятельности, связанной с оборотом монетного серебра, и значит, имел доступ к монете самых «свежих» поступлений. Именно отсутствие в составе инвентаря монет, отчеканенных в 60-х гг. X в., исследователь предлагает рассматривать как доказательство, ограничивающее верхнюю дату комплекса. Хотя мы тоже полагаем такую датировку наиболее вероятной, однако нельзя совсем пренебрегать возможностью более поздних дат. Строго говоря, отсутствие какой-либо вещи в комплексе погребения, тем более погребения ограбленного, никаким доказательством быть не может.

Есть все основания интерпретировать подвеску как верительный знак властных полномочий лица очень высокого ранга. Это довольно массивное изделие из серебра с чернью, весьма редкой для древнерусских памятников X в. (Макарова, 1986, с. 29, 30). Предмет обнаружен в погребении, которое находится в ряду самых богатых могил своего времени. Нам представляется, что верительный знак был вполне актуален на момент погребения. Считать его чем-то подобным «просроченному удостоверению», помещенному в могилу «заслуженного пенсионера», нам кажется необоснованным допущением.

Возможные истоки образа «птицы» и его значения

Пора вернуться к вопросу о «птице» на монетах. В раннесредневековой иконографии трудно найти прямые аналогии такому изображению. Оно выглядит слишком обобщенным, на монетах никак не обозначены крылья и лапы, которые совершенно естественны и обычны в изображениях птиц этого времени. Этот сюжет довольно подробно рассмотрен Р. Ковалевым (Kovalev, 2012, p. 516–517). Заметим, что Г. Рисплинг допускает несколько версий толкования изображения на «птичьих» монетах. Одна из них заключается в том, что это не птица, а предмет с птичьей головой — например, шлем или украшение носа корабля (Rispling, 1987, p. 78). Э. Линдбергер предложила трактовать образ птицы на монетах как изображение охотничьего сокола в клобучке, закрывающем глаза (Lindberger, 2001, p. 66.). Но Р. Ковалев отметил, что на всех изображениях глаза у птицы открыты (Kovalev, 2012, p. 467). Исследователь считает, что это образ богини Фрейи в свойственном ей магическом одеянии. Тогда перед нами довольно обычный случай определения божества через его узнаваемый атрибут (Kovalev, 2012, p. 516–517). Соколиное оперение Фрейи фигурирует в Песне

о Трюме Старшей Эдды (Старшая Эдда, 1975, стих 3, 4, с. 235). В Младшей Эдде Снорри Стурлусона оно играет важную роль в сюжете о спасении богини Идунн от великана Тьяцци (Младшая Эдда, с. 99–100). Именно о Фрейе Снорри сообщает, что «она всех благосклоннее к людским мольбам, и по ее имени знатных жен величают госпожами» (Младшая Эдда, 1994, с. 45). В двух упомянутых сюжетах волшебное оперение, одолженное у богини, использует Локи. Но в сюжете о поездке Тора к великану Гейррёду тот же Локи использует уже соколиное оперение Фригг (Младшая Эдда, 1994, с. 118). Перечисляя кеннинги Фригг, Снорри предлагает называть ее «госпожою Фуллы, соколиного оперенья и Фенсалира» (Младшая Эдда, 1994, с. 120). Фулла — служанка Фригг, Фенсалир — ее чертог. В числе кеннингов Фрейи соколиное оперение не упомянуто (Младшая Эдда, 1994, с. 120, 121). Тем не менее вариант Фрейи нам кажется предпочтительным. Во-первых, ее имя стало нарицательным именем госпожи вообще для многих германоязычных народов. Во-вторых, некоторые черты этого мифологического персонажа сближают ее с княгиней Ольгой Повести временных лет и НПЛ. Это прежде всего вдовство Фрейи. Враждебные великаны — ётуны в трудных для Асов обстоятельствах требуют отдать ее в жены за одного из них (песнь о Трюме Старшей Эдды; рассказ о нарушении договора со строителем стены Асгарда в Младшей Эдде) (Младшая Эдда, 1994, с. 63, 64). Эти матримониальные планы каждый раз срываются в последний момент, и поползновения недругов жестоко наказываются. Здесь просматривается параллель мести Ольги древлянам, хотя, конечно, она мстила не за предлагаемый мезальянс, а за смерть супруга. Наконец, образ Фрейи как божества, которое на равных правах с Одином принимает души погибших в сражениях воинов и устраивает их посмертное существование, должен был импонировать древнерусской дружине. Мы совершенно разделяем ту мысль Р. Ковалева, что Ольга вполне могла использовать соколиный образ Фрейи или Фригг в качестве эмблемы своей власти.

Оценка полученных результатов

В начале статьи мы очертили археологический контекст подвески из камеры 6, привели ее описание, обозначили ее функциональное назначение и круг ближайших аналогий среди предметов этого типа. Затем мы перешли к подробному анализу изображения лицевой стороны подвески с двузубцем и ключом. Ранее Т. Е. Ершовой были предложены два варианта принадлежности двузубца с ключом между отрогами (Ершова, 2010б). Версия о принадлежности знака юному Владимиру рассматривалась как основная. Мы усматривали в ключе символ его бастардного происхождения. Согласно другому варианту атрибуции, двузубец с ключом мог принадлежать Святославу, при этом ключ служил знаком регентских полномочий Ольги. Теперь, рассмотрев известия наших древнейших письменных источников и еще раз уточнив хронологическую позицию погребения 6, мы были вынуждены отказаться от первой версии в пользу второй. В поисках иных подходов к символическому значению ключа в культуре Руси X в. мы вслед за Р. Ковалевым обратились к источникам, которые могут в некоторой степени осветить языческую ментальность ее скандинавской составляющей — к песням Старшей Эдды и мифологическим рассказам Младшей Эдды Снорри Стурлусона. Сознавая рискованность интерполяции данных Младшей Эдды, источника, который был составлен в Исландии в первой половине XIII в. и дошел до нас в еще более поздних списках, на историческую реальность Руси середины X в., мы всё же находим для этого некоторые основания. Эти основания зиждутся на использовании ключей в погребальном обряде Руси и Швеции X в. Причем очевидные параллели погребального и свадебного обрядов традиционно отмечаются этнографами и археологами (Зеленин, 1991, с. 347; Петрухин, 1976, с. 170–171). При этом вопрос о роли и назначении ключей в составе погребального инвентаря, конечно, не имеет вполне однозначного решения. Эта тема нуждается в дальнейшей разработке. Все же для Руси X в. ключ вполне корректно воспринимать как элемент преимущественно женской символики. Мы считаем достаточно убедительным предположение о значении ключа на подвеске как символа регентских полномочий Ольги, которая должна была распоряжаться родовым двузубцем ранних Рюриковичей по праву замужества и материнства, пока наследник не достиг совершеннолетия, т. е. с 945 до начала 960-х гг.

Что касается родового двузубца ранних Рюриковичей, изображенного на нашей подвеске, то он входит в небольшую группу «парадных» изображений, в которых «ножка» знака оформлена в виде характерного узла. Эта серия начинается изображением на гнёздовской подвеске, знаки на которой, скорее всего, относятся к временам Игоря (до 945 г.), и продолжается двузубцами на монетах Святополка Ярополчича (1015–1019 гг.).

Следуя логике С. В. Белецкого, наш вариант прочтения знака на подвеске из камеры 6 следова-

ло бы признать маловероятным. Ведь в опубликованном им своде значится под № 32 костяная подвеска со знаком Ольги (Белецкий, 2004, с. 271–273, 313, рис. 12, *3*). Знаки княгинь, по мысли С. В. Белецкого, повторяют знаки их супругов-князей, но лишены нижних выступов — ножек. Однако заметим, что подвеска № 32 — случайная находка из Новгорода, лишенная какого-либо археологического контекста. Ее удлиненные и зауженные сверху пропорции выбиваются из общего иконографического ряда, указывая скорее на связь с поздними подражаниями. Изображения нанесены небрежно, лишены лаконичной определенности и содержат много невнятных деталей. Вряд ли такой предмет, грубо изготовленный из подручного материала, может всерьез претендовать на роль верительного знака княжеского представителя. Правда, в работе, опубликованной в 2012 г., С. В. Белецкий предложил рассматривать костяные подвески как детские игрушки-имитации (Белецкий, 2012, с. 443). В этой статье автор уже довольно определенно соотносит подвеску из камеры 6 со временем Святослава, но принять «чтение» оборотной стороны (птицы с крестом) как символику Ольги ему мешает верность им же установленному принципу «знак без ножки — знак княгини», который в данном случае распространен на такой ненадежный источник, как подвеска № 32 из Новгорода.

Изображение «птицы» с крестом на голове с оборотной стороны подвески из камеры 6 оказалось связанным с аверсами загадочных монет — «исламских подражаний», известных главным образом по находкам из кладов с острова Готланд. Предположение о принадлежности этих монет кому-то из первых князей Киевской Руси, как уже отмечалось, высказывали шведские исследователи Герт Рисплинг и Эльза Линдбергер. Наиболее подробный анализ монет с крестами и птицами выполнен Г. Рисплингом в статье «Coins with crosses and bird heads — Christian imitations of Islamic coins?» (1987). Мы посчитали необходимым изложить в нашей статье основные данные, приведенные в этой работе, без которой значение подвески из камеры 6 не могло быть убедительно обосновано. Мы считаем эту подвеску надежным «связующим звеном» между монетами, чеканенными, как предполагается, во времена княгини Ольги и от ее имени, и символом дома Рюриковичей — двузубцем.

Загадочное изображение «птицы» на монетах и подвеске требует объяснения. Г. Рисплинг сделал предположение, что на монетах изображена не настоящая птица, а некий артефакт с птичьей головой. Р. Ковалев обратил внимание на связь этого образа с атрибутами важнейших скандинавских богинь (Kovalev, 2012, p. 516–517). Мы разделяем это мнение. Читая тексты, отразившие мифологические представления раннесредневековых скандинавов, нельзя не заметить магического соколиного оперения богинь Фрейи и Фригг, которое можно расценивать как атрибут этих двух главных женских божеств северного пантеона. При всей рискованности соотнесения этого образа с изображениями на монетах и подвеске гипотеза показалась нам настолько привлекательной, что мы решили развивать ее как предпочтительный вариант объяснения.

Выше мы уже говорили, что клады с «птичьими» монетами образуют две хронологические группы — относительно «компактную» группу 50-х — начала 60-х гг. X в. и «запаздывающую» (рис. 6). Концентрация дат шести кладов с «птичьими» монетами из девяти известных на временно́й шкале в пределах десятилетия (951–961 гг.) вряд ли случайна.

Таким образом, наиболее вероятная дата псковского погребения с подвеской — не ранее конца 50-х — начала 60-х гг. X в. — вполне вписывается в интервал «основной» группы кладов с «птичьими» монетами. Значит, хронологическая позиция большинства известных на сегодня памятников, содержащих изображение птицы с крестом, не противоречит гипотезе о принадлежности этого знака княгине Ольге в период ее регентства. Монеты с крестом и птицей как наиболее «христианские», вероятно, начали производиться в период «регентства» Ольги — после 945 г. Именно аверсы монет типа I могли дать образец для изображения на обратной стороне нашей подвески.

Можно ли безоговорочно признать христианскими кресты на «крестовых» монетах типа I? Рисплинг в этом вовсе не уверен (Rispling, 1987, p. 75–87). Мы также считаем, что в решении этого вопроса возможны варианты. Крест для Руси и Скандинавии X в. — полисемантичный символ. Кресты, например, встречаются на роскошно орнаментированных «медвежьеголовых» фибулах с Готланда, на бляшках поясной гарнитуры, в декоре конских оголовий (Thunmark-Nylén, 1995б, Taf. 9–10). Тогда как крестики на «крестовых монетах» всех трех типов расположены в центральной части монетного поля, ниже исламской надписи, и развернуты относительно направления надписи под углом 45°, кресты на «птичьих» монетах развернуты прямо, на монетах типов I и II помещены непосредственно над головой «птицы», а на единственном известном пока экземпляре типа III размещены с четырех сторон

от центрального изображения. Безусловно, кресты на «птичьих» монетах выглядят более значимым элементом композиции (рис. 5).

Мы уже отметили выше, что С. В. Белецкий предложил считать крестики на «птичьих псевдодирхемах» всего лишь элементом традиционного оформления круговых надписей на монетах христианских государств, прежде всего — византийских. Якобы эти значки «своего рода инвокации», служащие только для отделения начала и конца надписи, элементы устоявшегося формуляра. По мысли С. В. Белецкого, они вовсе не имеют самостоятельного смысла. У нас по этому поводу есть ряд возражений. Во-первых, подобные «разделительные значки» полностью чужды арабскому тексту и никак с ним не связаны. Во-вторых, нам представляется, что монеты с птицами могут быть отнесены к категории подражаний лишь формально. Резчики штемпелей для «птичьих» монет, воспроизводя в качестве «подосновы» оформление дирхемов, для создания основных отличительных элементов — образа птицы и крестов — не обращались прямо к каким-либо нумизматическим прототипам. Видимо, заказчик не ставил задачу добиться сходства с какой-либо известной христианской монетой. Он, кажется, стремился к двум целям: сохранить сходство с основной массой дирхемов, избежать того, чтобы его монета выглядела «белой вороной» в общем потоке восточного серебра, и создать максимально яркий, понятный современникам образ своей власти. В таком контексте кресты не могут быть данью традиционному формуляру, поскольку новая монета создавалась вне традиции.

Возможно, монеты «с крестами и птицами» оказали некоторое влияние на русскую монетную чеканку начала XI в. У монет Святополка есть любопытные особенности, которые могут быть «генетически» связаны с «птичьими» монетами типа III по Г. Рисплингу. Речь идет о характерном для оборотной стороны монет Святополка «значке в виде равноконечного креста с кружками на концах», который помещается над двузубцем (Сотникова, Спасский, 1983, с. 180). Этот значок имеет несомненное сходство с боковыми крестиками «птичьей» монеты типа III (рис. 5). Крест, венчающий левый отрог двузубца Святополка, также напоминает кресты с заостренными концами ветвей на «птичьих» монетах. Интересно, что на многих монетах Святополка хорошо видны также и крестики того самого типа, о котором пишет С. В. Белецкий. Они располагаются левее ножки двузубца, ими начинается продолжение круговой легенды. Эти крестики гораздо мельче двух других крестов в монетном поле, и они вполне соразмерны буквам легенды. Именно такой небольшой крестик виден на лицевой стороне печати Святослава (Белецкий, 2001, с. 36). Исследователь назвал этот знак инвокацией по аналогии с традиционным «образцовым формуляром» средневекового акта, поскольку крестик в начале легенды был «синонимом» благочестивого пожелания господину печати или монеты. В случае с печатью Святослава Белецкий, скорее всего, прав. Греческая круговая надпись начинается с обычного в таких случаях крестика, который не имеет самостоятельного смысла. Р. Ковалев, как нам кажется, ошибся, предположив, что изображение на лицевой стороне печати (крестик над двузубцем) следует атрибутировать Ольге, а изображение на оборотной — Святославу (Kovalev, 2012, p. 483–484).

В оформлении печатей, которые, вероятно, предназначались прежде всего для дипломатического общения с иностранными правящими домами, канцелярия киевских великих князей восприняла византийские традиции. Но в чеканке монеты и в изготовлении верительных знаков для своих доверенных лиц Ольга пошла по другому пути. Декларация власти была воплощена в образах, а не в тексте. Воспроизводимый на монетах арабский текст об этой власти совсем ничего не сообщает. Но и кресты, и богиня в образе сокола — составляющие декларации власти. Нам представляется, что основным содержанием этого манифеста мог быть компромисс между язычниками и христианами под властью Ольги, т. е. монеты провозглашают доктрину веротерпимости, которой затем придерживался и Святослав. Топография находок (о. Готланд, материковая Швеция, балтийское побережье Польши, Эстония) указывает на совершенно определенную «адресность» эмиссии Ольги. Монеты с птицей предназначались специально для награждения варягов, послуживших русскому княжескому дому. Они должны были стать средством распространения доброй вести о щедрой и справедливой правительнице Руси, побуждая новые группы варягов становиться под ее знамена. Выражаясь современным языком, перед нами орудия государственной агитации и пропаганды, инструменты северной политики времен княгини Ольги. Необходимо учитывать, что чеканка этих монет началась в период самого интенсивного поступления восточного серебра в Россию. Через 40–60 лет эмиссия Владимира, Святополка и Ярослава осуществлялась в условиях быстрого сокращения «большой восточной торговли», в результате которого дирхем совсем перестал проникать на Русь в начале XI в. (Янин, 2009, с. 190; Нунан,

2004, с. 303). Таким образом, если чеканка Владимира — Ярослава хотя бы отчасти имела своей целью компенсировать растущий дефицит монетного серебра, то во времена Ольги такой проблемы еще не было (Нунан, 2004, с. 291). Задача ее эмиссии чисто политическая, причем узко политическая — привлечение варягов в дружину и государственный аппарат. Вопрос о взаимоотношении терминов «Русь» и «варяги» подробно рассмотрен в недавней статье Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина (Мельникова, Петрухин, 2011, с. 153–171). В условиях начала регентского правления политика «призвания варягов» вполне логично могла быть обусловлена стремлением опереться на людей, еще не «пустивших корни» в местных элитах, но обязанных великой княгине клятвой верности. Надо учитывать и тот факт, что совсем незадолго до этого, в 944 г., князь Игорь успешно использовал варяжское войско для похода на Царьград (ПВЛ, 1996, с. 23).

Форма крестов на подвеске и «птичьих» монетах типа I (с расширяющимися и заостренными на концах ветвями) находит аналогии среди ранних нательных крестиков из женских погребений древнерусских могильников. Правда, эти аналогии весьма немногочисленны: назовем крестик из камеры 1 Старовознесенского некрополя Пскова и подвеску из верхневолжского могильника Избрижье (Степанова, 2010, с. 295). Кресты на «соколиных» монетах княгини Ольги и на подвеске из камеры 6 мы считаем христианскими символами, получившими своеобразное оформление в условиях Руси.

T.E. Ershova, A.V. Yakovlev

A Suspension Marked by the Sign of the Rurikovichi and the Bird with a Cross from Chamber Grave 6 of The Old Ascension Necropolis of Pskov

Summary

The authors analyze the archaeological context of the suspension with heraldic images from grave 6 of the Old Ascension necropolis of Pskov and mark the closest circle of analogies of the objects of this type. The suspension is distinguished from all known credential signs of Ancient Rus Princes as the most precious in material (silver) and rare for its time jewelry technique (nelo). Analyzing symbolism of the front side of the suspension with the image of generic two pronged fork of the early Rurikovichi with the key located between the prongs, the authors find it possible to interpret it as a sign of Princess Olga regency authority, during the minority of the legitimate heir of the sign — Svyatoslav Igorevich. The key here is interpreted as a symbol of mother's protectorate.

The depiction of a bird with a cross on the head on the back of the suspension from grave 6 appeared to be related to the obverse of the mysterious coins — "Islamic imitations", known mainly by the finds from treasures from the island of Gotland. Earlier the supposition that those coins could have belonged to one of the first Princes of Kievan Rus was expressed by the Swedish researchers Gert Rispling and Elsa Lindberger. The authors consider the suspension from chamber grave 6 "a bridge" between the coins probably minted at the time of Princes Olga on her behalf, and the symbol of the house of Rurikovichs — a duo prong. They support the version of an American scientist R. Kovalev about the symbolism of the images with the hawk heads on the coins and the suspension. These images can mean the most important female deities of the ancient Norse mythology — Freya or Frigga. The crosses on the "falcon" coins of the Princess Olga and on the suspension from grave 6 are Christian symbols that have received a peculiar design in Russia. The images on the coins and the suspension demonstrate religious and political compromise between Christians and pagans in the ruling elite of Rus.

Most likely the date of Pskov burial with the suspension — no earlier than the late 50's — early 60's of the Xth c. — fits the chronological span of most treasures with "bird" coins. Hence, the chronological position of the majority of the currently known sites containing the image of a bird with a cross, does not contradict the hypothesis of that mark belonging to Princess Olga during her regency.

It is likely that coins "with crosses and birds" influenced Russian coinage of the beginning of the XIth century.

К. А. Михайлов

Костюм из псковских камерных погребений 2-й пол. X в. на фоне раннесредневековых европейских аналогий

Исследователи костюма признают, что наши представления о древнерусской одежде зачастую фрагментарны и недостаточны для ее детальной реконструкции. Преимущественно наши знания основаны на памятниках церковного изобразительного искусства (иконопись, фресковая живопись, книжные миниатюры) или скупых на детали летописных свидетельствах. Нередко изобразительные источники отражают сложившуюся в течение столетий церковную живописную традицию, которая может существовать в виде общепринятого канона значительно дольше, чем в действительности существовал тот или иной тип одежды, на них изображенный. Из-за своеобразия и следования канону памятники средневекового изобразительного, чаще всего церковного, искусства далеко не всегда могут служить основой для достоверной реконструкции исторического костюма (Рабинович, 1986, с. 40–41; Сабурова, 1997, с. 97). Это утверждение наиболее справедливо для самого раннего периода древнерусской истории — X–XI вв. В это время главный фонд источников по костюму Древней Руси X–XI вв. составляют данные археологии: фрагменты тканей и одежды, украшения и фурнитура костюма, обнаруженные в древнерусских погребениях и на местах средневековых поселений (Рабинович, 1986, с. 40; Седов, 1986, с. 30–39). В ситуации, когда наши представления о древнем костюме основываются на сохранившихся от него металлических украшениях, любые другие детали костюма становятся редкими и даже уникальными. Однако еще большую ценность представляют серии предметов, относящиеся к одному виду одежды. Они позволяют нам реконструировать «типичные», наиболее распространенные типы костюма, а не только отдельную, случайно сохранившуюся деталь.

В связи с ограниченностью наших знаний о древнерусском костюме и немногочисленным количеством источников любая новая находка может стать важной вехой в его изучении. Поэтому открытие в Пскове сразу нескольких захоронений с хорошо сохранившимися тканями и деталями одежды эпохи викингов стазу же выделяет этот памятник из общего ряда. На мой взгляд, среди находок из псковских захоронений самые интересные оказались связаны с мужским костюмом. Наиболее крупные его фрагменты были найдены в погребальной камере 6. В захоронении мужчины удалось исследовать остатки двух комплектов одежды. Первый был найден на разрушенном костяке погребенного в камере мужчины, а второй, запасной, лежал в свернутом виде около юго-восточной стены камеры. На потревоженном грабителями скелете погребенного археологам удалось расчистить фрагменты одежды, сшитой из шелка и застегивавшейся на бронзовые пуговицы грибовидной формы. Число пуговиц было не меньше 6, но, возможно, их было и больше. От второго комплекта также сохранились фрагменты ткани и 10 серебряных пуговиц грибовидной формы. К одежде пуговицы были пришиты шелковыми нитками (см. статью Е. С. Зубковой и О. В. Орфинской в настоящем томе). Безусловно, оба комплекта принадлежали к одному типу распашной одежды, который в отечественной литературе называют кафтанами. Эта находка ставит псковские камеры в ряд аналогичных погребений с находками однотипной одежды. Серия таких близких друг другу остатков верхнего

распашного мужского костюма с металлическими пуговицами была обнаружена в погребальных камерах могильника Гнёздово, Киевского, Черниговского и Шестовицкого некрополей, а также могильника Бирка.

Среди древнерусских погребений X в. наиболее подробную информацию об остатках одежды можно получить из захоронений по обряду ингумации. Среди них наибольшим богатством и разнообразием инвентаря отличаются захоронения, совершенные в деревянных погребальных камерах (Лебедев, 1977, с. 151–156; Жарнов, 1991. с. 217–220; Gräslund, 1980, p. 79–82). В древнерусских погребальных камерах остатки одежды и ее металлические украшения зачастую находят на тех местах, куда их поместили во время церемонии погребения. Подобное размещение позволяет реконструировать тип одежды по расположению металлических украшений и фрагментам ткани.

В первую очередь следует упомянуть остатки мужской одежды, исследованные в кургане Дн-4 могильника Гнёздово под Смоленском. Они наиболее близки находке из Пскова. На дне могильной ямы in situ лежали фрагменты двух рядов узкой шелковой тесьмы, составившей что-то вроде нагрудника длиной 36 см, и ряд из 24 бронзовых пуговиц грибовидной формы с петельками для подвешивания (рис. 1, *1*; 2, *2*). Как предположили исследователи, сохранившиеся вещи принадлежали к верхней запашной мужской одежде типа кафтана (Авдусин, Пушкина, 1989, с. 198, 201; Фехнер, 1999, с. 8). В другом гнёздовском захоронении, в погребальной камере кургана Поль-62, археологи нашли куски шелковой тесьмы, аналогичные шелковой тесьме из кургана Дн-4. Некоторые куски тесьмы сохранились вместе с бронзовыми пуговицами грибовидной формы, украшенными рифлением (рис. 3). Всего в камере обнаружили 10 бронзовых и 1 стеклянную пуговицу, аналогичные пуговицам из камеры Дн-4. М. В. Фехнер определила, что ткань из этой камеры была шелком красного цвета с набивным зеленым рисунком. Помимо этих фрагментов

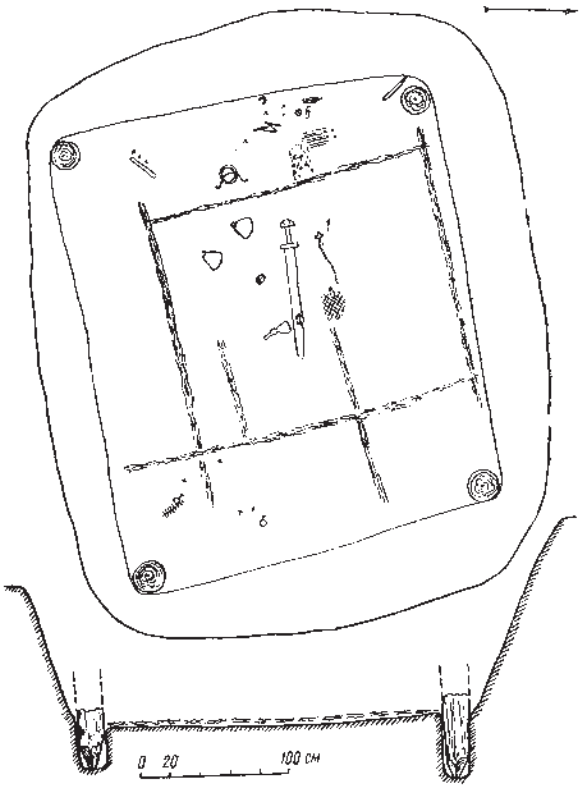


Рис. 1. Могильник Гнёздово. Погребальный инвентарь в камере кургана Дн-4. *1.* Пуговицы и шелковая тесьма (по: Авдусин, Пушкина, 1989)

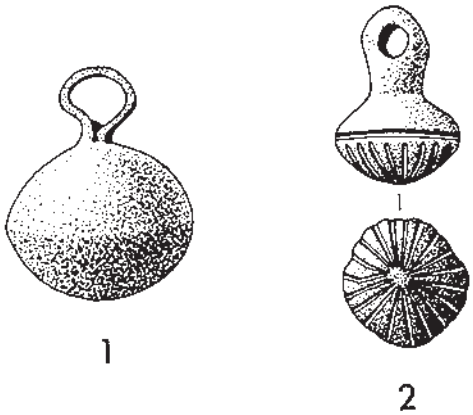


Рис. 2. Образцы металлических пуговиц из погребений X в.

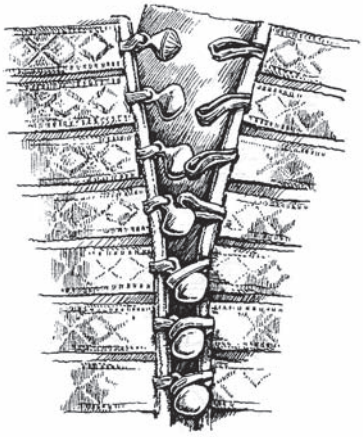


Рис. 3. Реконструкция крепления пуговиц и тесьмы на кафтане из Гнёздова (реконстр. худ. О. Фёдорова)

в Поль-62 сохранилась узкая тесьма, которая была сплетена из шелковых и серебряных нитей (длина обрывков от 2,5 до 18 см и ширина 0,9 см). В погребении также лежал «фрагмент тончайшего шелка, который вместе со стеклянной пуговицей может быть остатками нижней рубахи». Шелковая ткань, по мнению М. В. Фехнер, оказалась византийского происхождения (Каменецкая, 1994, с. 151, 171–172; рис. 7, *3–5*; Фехнер, 1999, с. 8).

Остатки мужской одежды из погребений Гнёздова имеют несколько характерных особенностей, которые позволяют сравнивать эти находки с другими, где сохранность ткани оказалась хуже. Во-первых, для них характерно наличие галунов или шелковой тесьмы, вышитой серебряными или золотыми нитями, или вырезанными из шелка. Во-вторых, обязательной деталью этого типа одежды является ряд из однотипных, бронзовых пуговиц грибовидной формы, украшенных насечками (рис. 2, *2*). Расположение пуговиц указывает на то, что одежда застегивалась до пояса, а ниже пояса, по-видимому, была распашной. В-третьих, часто с такими наборами пуговиц обнаруживают фрагменты шелковых тканей. Следует особо подчеркнуть, что в раннем средневековье на Севере Европы верхнюю и нижнюю одежду застегивали при помощи специальных застежек с иглой — фибул. Ими скрепляли края одежды, чаще всего плащей и рубах. По-видимому, на фоне повсеместного распространения фибул одежда, застегнутая на пуговицы, выглядела на лесных пространствах Восточной Европы предельно экзотично.

Ближайшие аналогии остаткам мужской одежды, открытой в могильнике Гнёздово, происходят из некоторых захоронений древнейших древнерусских могильников и камер шведского могильника Бирка. Шведские исследователи называют все остатки верхней распашной мужской одежды с осевым разрезом на груди, застегнутые бронзовыми пуговицами, украшенные тесьмой, «восточными кафтанами» (Hägg, 1986, S. 68–69; Jansson, 1988, S. 594). Фрагменты «восточных кафтанов», наиболее близкие гнёздовским, вместе с пуговицами от таких кафтанов были обнаружены в погребениях № 716, 752, 944, 985, 1074 могильника Бирка (Gräslund, 1980, p. 13). В этих захоронениях нашли от 4 до 18 бронзовых пуговиц, которые лежали в один ряд от черепа до поясного отдела погребенного (рис. 4). Расстояние от верхней до последней пуговицы колебалось от 10–15 см (4 пуговицы) в камере № 985 до 38–40 см в камере № 752, где находилось 10 пуговиц (Arbman, 1943, S. 273, 411, Abb. 221, 365)[1]. Вместе с пуговицами в погребениях

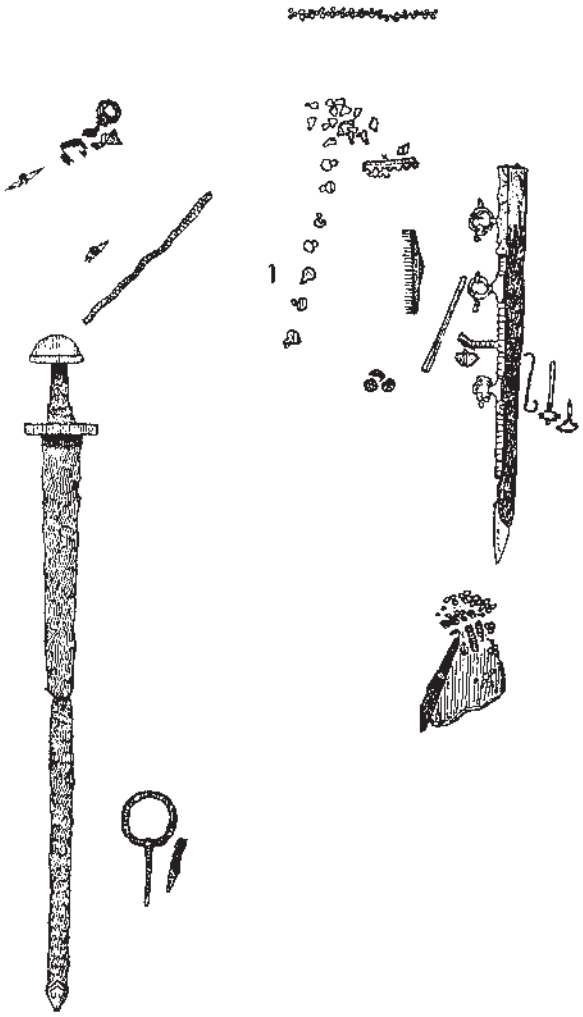


Рис. 4. Могильник Бирка. Погребение № 944: 1 — размещение в камере пуговиц от кафтана

[1] В погребении № 716, совершенном в гробовище, расстояние от первой до последней пуговицы составляло около 20 см (ниже располагался пояс, украшенный бляхами, с остатками сумки). В камере № 752 пуговицы лежали в ряд длиной около 38–40 см от фибулы (у горла погребенного) до пряжки от пояса. В № 944 пуговицы лежали в ряд от остатков черепа на расстоянии 28–30 см. В № 985 пуговицы лежали до пояса, украшенного бляхами, в длину до 30–34 см. Помимо этих погребений, где пуговицы обнаружены in situ, аналогичные бронзовые пуговицы (числом 8) найдены в сожжении из кургана № 56. В камере № 985 четыре массивные бронзовые пуговицы лежали вдоль позвоночника мужчины на расстоянии 10–15 см.

В кургане № 949 могильника Бирка три такие пуговицы служили застежками для сумки с бронзовыми оковками (ближайшие аналогии таким сумкам происходят из могильников Волжской Булгарии и могильника Тимерево) (Arbman 1940. Taf. 128. 2). В погребе-

обнаружили фрагменты золото- и сребротканых позументов, которыми обшивали края одежды (Jansson, 1988, S. 594, 606). За пределами Бирки, на территории Средней Швеции-*Свеаланда*, мужская одежда типа кафтана и литые пуговицы с петелькой распространения не получили. Однотипные пуговицы, наличие галунов, тесьмы и, вероятно, покрой — характерная особенность костюма — позволяют говорить о единой моде как для Бирки, так и для древнерусских памятников. Так как большинство этих находок связано с поздней хронологической фазой Бирки, то и датировать их можно концом IX — X в. По всей видимости, отрывочные воспоминания именно об этой моде сохранились в скандинавских сагах эпохи викингов. Например, в исландской саге об Эгиле есть упоминание о покрое богатой одежды знатного скандинава. Примерно в 940–960 гг. в Англии Эгилю Скаллагримсону, предводителю дружины викингов и богатому землевладельцу, подарили «длинное одеяние, сшитое из шелка, с золотой каймой и золотыми пуговицами до самого низа» (Сага об Эгиле, 1956, с. 205)[1].

Цельнолитые пуговицы «восточных кафтанов» в шведской Бирке и в древнерусских некрополях X в. имели характерную грибовидную форму и круглую петельку для пришивания. Характерные особенности позволяют отличать этот тип литых пуговиц от шарообразных пуговиц с петелькой и других, более поздних видов металлических пуговиц с петелькой. Однако в последующую эпоху большее распространение получили бронзовые пуговицы другой формы — шаровидной или пуговицы грибовидной формы с более вытянутыми формами (рис. 2, *1*). Так, например, в Киеве археологи обнаружили даже несколько средневековых литейных формочек для отливки пуговиц шаровидной формы (Шовкопляс, 1958, с. 147–148, табл. 5, *9, 12*; табл 6, *7*). По нашим данным, пуговицы грибовидной формы с рифлением не получили в дальнейшем широкого распространения. В то же время сложная форма этих пуговиц напоминает форму печатей-подвесок из византийских городов. Несколько похожих бронзовых пуговиц было обнаружено на территории Константинополя-Стамбула и при раскопках византийского Коринфа[2]. Эти находки связаны с отличным от североевропейского, скреплявшегося фибулами типа одежды, для которой застегивание при помощи пуговиц стало обычной деталью[3].

Характерной и значимой деталью одежды, которую исследователи называют «восточным кафтаном», служит число застежек. Их минимальное количество не бывает меньше 4–6, но чаще всего на погребенных находят от 8 до 12 пуговиц. Собственно к кафтанам, по-видимому, следует отнести только те комплексы, в которых найдено от 10 и более бронзовых пуговиц. В виде исключения к их числу следует при-

нии женщины № 1105 одна бронзовая пуговица с ушком лежала вместе со стеклянными бусинами около нижней челюсти погребенной (от рубашки или ожерелья). Помимо Бирки бронзовые пуговицы грибовидной формы были найдены в Упланде, на островах Аландского архипелага и в Южной Финляндии. Однако эти находки, скорее всего, не связаны с находками «восточных кафтанов» (Jansson, 1988, S. 606).

[1] Следует учесть, что в эту эпоху самая распространенная мужская одежда Северной Европы и Англии — это туникообразные рубахи и плащи.

[2] Archäologisches Museum, Istanbul, № 6867 (По: Jansson, 1988, S.и607).

[3] Ими скрепляли ворот рубашки, но чаще всего наборы таких пуговиц связаны с верхней мужской одеждой. В ряде древнерусских погребений зафиксированы следы такой одежды, которая отличается по своим особенностям от костюма большинства погребенных в ранних древнерусских могильниках. Особенно ярко этот костюм прослеживается в комплексах с трупоположениями, где остатки ткани и бронзовые пуговицы фиксируются прямо на костях погребенных. Отличительной особенностью этого костюма являются бронзовые пуговицы грушевидной формы, которые располагаются вдоль позвоночника погребенных от груди до тазовых костей. Бóльшая часть подобных находок сделана в мужских погребениях или в погребениях с мужским инвентарем. В литературе подобный тип костюма называется «кафтаном», и его происхождение выводится с территории Средней Азии и Ирана. Различного покроя кафтаны были распространены в среде азиатских кочевых народов (Самашев, 1998, с. 406–408). Находки целых раннесредневековых кафтанов, застегивающихся пуговицами, связаны с известным северо-кавказским могильником Мощевая Балка (Иерусалимская, 1992).

Изображения подобной одежды можно увидеть на согдийских росписях, тюркских каменных стелах и в Менеалогии Василия II (в сцене избиения болгарами византийских военнопленных). Помимо бронзовых пуговиц грушевидной формы кафтаны могли скрепляться и костяными пуговицами. Набор подобных костяных орнаментированных пуговиц полусферической формы происходит из кургана Гульбище в Чернигове. В то же время часть бронзовых пуговиц грушевидной формы, по-видимому, не имеет отношения к кафтанам. Это можно утверждать для комплексов, где найдено менее 3 пуговиц. В качестве ближайшего примера можно привести данные из древнерусских погребений XI–XIII вв., где зафиксировано от 1 до 3 пуговиц, которые скрепляли стоячие воротники мужских и женских рубашек (Сабурова, Елкина, 1991, с . 54–62; Сабурова, 1997, с. 100).

соединить и погребение из древнерусского могильника Гущино под Черниговом. В нем, судя по положению 6 пуговиц на скелете и типу погребения, также находилась одежда типа кафтана. Всего, по моему мнению, к комплексам с кафтанами следует отнести не менее 11 древнерусских погребений в камерах, где вдоль позвоночника от черепа до пояса костяков бронзовые пуговицы зафиксированы исследователями in situ. К таким комплексам принадлежат: погребение из могильника Гущино под Черниговом, погребения № 36, 42, 61.4, 98 могильника Шестовица, погребения Ц-157, Дн-4, Л-129, Поль-11 и Поль-62 из Гнёздово (Боровський, Калюк,, 1993, с. 3–8; Самоквасов, 1917, С. 77–80; Рыбаков, 1949, с. 22; Бліфельд, 1977. с. 128–131, 138–141, 151–155; Станкевич, 1962, с. 23–27; Жарнов, 1991, с. 208, 210–211; Авдусин, Пушкина, 1989, с. 196–200; Каменецкая, 1991, с. 165, 171–172). В качестве редкого исключения можно упомянуть захоронение из некрополя в Киеве, где в погребальной камере № 114 на груди мужчины нашли только 3 пуговицы[1]. По-видимому, также от кафтана сохранились 9 пуговиц грибовидной формы в камерном погребении № 1 из раскопа на Большой Житомирской улице в том же некрополе (Боровский, Калюк, Сыромятников, Архипов, 1988, с. 5–12; Боровський, Калюк, 1993, с. 3–8). В четырех самых богатых камерных погребениях могильника Шестовица (№ 36, 42, 61.4, 98) обнаружено от 11 до 45 пуговиц (Бліфельд, 1977, с. 43). В кургане № 145 на кострище, которое было расположено поверх деревянной погребальной камеры, вместе с вещевым набором всадника было найдено 8 бронзовых пуговиц (Бліфельд, 1977, с. 188–189). В шестовицком погребении 61.4 пуговицы (26 экз.) лежали от верхних рёбер до тазовых костей покойника на расстоянии около 40 см. Ниже пуговиц обнаружены фрагменты поясной сумки (рис. 5). В кургане № 98 шелковая ткань с тесьмой и бронзовыми пуговицами находилась как на груди погребенного, так и в стороне от него. Вероятно, в этом погребении было положено два кафтана. Тот факт, что пуговицы пришиты одна над другой, был зафиксирован в нескольких камерах, где даже сохранились остатки шелковой и льняной ткани (Станкевич, 1962, с. 23–27; Андрощук, 1999, с. 65, рис. 43, 47). Следует отметить, что в шестовицкой камере сохранились пуговицы со следами шелковой нити

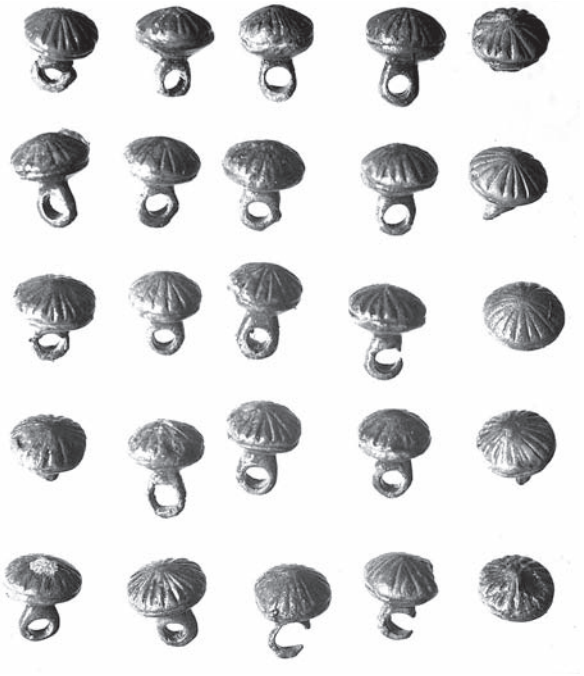


Рис. 5. Набор латунных пуговиц грибовидной формы из кургана 61.4 могильника Шестовицы (по: Бліфельд, 1977)

Рис. 6. Пуговица грибовидной формы из камеры кургана 98 могильника Шестовицы со следами шелковой нити (фото К. А. Михайлова, фонды ИА НАНУ)

и способом крепления к ткани, напоминающим псковскую находку (рис. 6).

По аналогии с трупоположениями, где зафиксировано определенное количество и определенное положение пуговиц одной формы, к тому же типу одежды можно отнести пуговицы той же формы и того же количества из древнерусских сожжений. Например, в семи гнёздовских

[1] В этом случае число пуговиц совпадает с числом пуговиц на кафтанах из Мощевой Балки. Можно предположить, что одежда из этой камеры отличалась от «традиционного» древнерусского кафтана X в.

комплексах с одиночными погребениями мужчин по обряду кремации найдено от 4 до 10 литых пуговиц грибовидной формы (Серг-5 (55), Поль-25/I, Л-17, 22, 69, 103, Ц-106) (Жарнов, 1991, с. 211). Из раскопок В. И. Сизова в могильнике Гнёздово происходит 4 комплекса по обряду кремации (Курганы № 15, 17, 65, 122), где найдено от 4 до 6 бронзовых пуговиц (Ширинский, 1999, с. 103, 107, 117, 120–121, 127). В погребении по обряду сожжения из кургана № 16 черниговского могильника на «старом кладбище в Березках» 6 таких пуговиц лежали в ряд прямо на кострище, на месте сгоревшей одежды (Бліфельд, 1965, с. 10–138; 123, табл. IV.12–15). Еще 17 бронзовых «грибовидных» пуговиц было найдено на кострище в кургане № 15 того же некрополя (Бліфельд, 1965, с. 117). В ограбленной камере кургана № 17 «на кладбище в Березках» нашли две бронзовых пуговицы, которые оторвались, когда грабители вытаскивали тело погребенного на поверхность (Бліфельд, 1965, с. 131). По-видимому, в этой могиле таких пуговиц от кафтана могло быть больше. В Седневском древнерусском могильнике в трех погребениях, относящихся к X в., нашли соответственно 8, 10 и 35 пуговиц[1]. В настоящее время из древнерусских могильников X в. происходят остатки не менее 12 «восточных» кафтанов в трупоположениях и не менее 16 — в сожжениях. Вместе с псковскими находками общее число таких комплексов доходит до 29, а количество комплектов распашной одежды с пуговицами грибовидной формы — до 32.

Приведенный список находок, на мой взгляд, наглядно демонстрирует, что отличительной особенностью древнерусского кафтана в X в. были многочисленные бронзовые или латунные пуговицы характерной грибовидной формы. Иногда они располагались сплошной полосой через каждые 1,5 см (чаще через 4–5 см), придавая особую нарядность одежде. Судя по сохранившимся деталям, узкие шелковые галуны, которые украшали петельку-застежку у каждой пуговицы, были расположены также часто. Галуны или шелковая тесьма нашивались на одежду параллельно друг другу и параллельно поясу. Но иногда ими могли обшивать обшлага рукавов или края одежды. Эта характерная деталь костюма отличает древнерусских находки от хорошо известных кафтанов из могильника в Мощевой Балке. Последние практически не были украшены пуговицами и галунами. Они имели 3–4 пуговицы, изготовленные из ткани или обтянутые тканью и нашитые на полоски ткани — галуны. Три или четыре пары узких шелковых галунов украшали нагрудную часть кавказских кафтанов (Иерусалимская, 1992, с. 14–15, рис. 1–2, фото 9).

Помимо остатков кафтанов, которые обнаружены вместе с телами умерших, в некоторых камерах фрагменты шелковой одежды с бронзовыми пуговицами лежали в стороне от тел. По-видимому, это были остатки дополнительного комплекта погребальных одежд, которые укладывали вместе с покойником. Такие дополнительные комплекты кафтанов находились в гнёздовском погребении Поль-11 и шестовицком кургане № 98. Можно также предположить, что это тот комплект одежды, в который переодевали покойника во время погребального обряда. Переодевание умершего руса во время процедуры похорон то в одну, то в другую одежду описывает Ибн-Фадлан. Он же упоминает о том, что перед сожжением руса одели в кафтан с «золотыми» пуговицами, специально сшитый для этого случая (Крачковский, 1939, с. 80–81)[2].

Одной из важнейших проблем, связанных с археологическими находками древнерусских кафтанов, является проблема происхождения этого вида одежды. С каким кругом находок и изобразительных источников можно сопоставить древнерусские находки? По поводу происхождения этого типа одежды существуют различные мнения, которые, на мой взгляд, можно свести к нескольким основным версиям. Эти версии

[1] Исключением из этого ряда комплексов, на мой взгляд, можно считать погребение из большого кургана Гульбище в Чернигове. Это единственный комплекс X в., где многочисленные пуговицы изготовлены из кости, а не из бронзы. Из вещевого набора этого погребения происходит 9 орнаментированных пуговиц полусферической формы, которые, скорее всего, относятся к кафтану. В пользу такого предположения говорит как число пуговиц, так и их среднеазиатское или иранское происхождение (Путь из варяг в греки, 1996, № 696, с. 80). Многочисленные находки подобных орнаментированных пуговиц происходят также из средневековых городов Средней Азии и Азербайджана. Наиболее многочисленные находки костяных пуговиц полусферической формы с циркульным орнаментом происходят из слоев X в. поселений Хорезма (Вишневская, 2001, с. 105–108, рис. 42, *1–15*, 45, *11–14*; Ахмедов, 2003, с. 382, табл .192, *8–20*).

В то же время такие пуговицы происходят из средневековых слоев византийского города Коринф.

[2] Однако остается не до конца проясненным, какой вид одежды имел ввиду Ибн-Фадлан. Следует отметить, что в персидской средневековой литературе словом «кафтан» часто обозначали род ***доспеха*** покрытого тканью (благодарю за консультацию н.с. ИИМК РАН Даврона Абдулоева).

можно условно обозначить по их культурно-географической принадлежности: тюркско-согдийская, иранская, степная или хазаро-аланская, венгерская и болгаро-византийская.

«Тюркско-согдийская» версия происхождения кафтана. Исследователи средневекового тюркского костюма до сих пор так и не пришли к единой терминологии при описании одних и тех же изображений одежды. Например, один и тот же, внешне похожий, верхний мужской костюм могут называть как халатом, так и кафтаном. Вероятно, такая сумятица в определениях связана с тем, что на средневековых древнетюркских изваяниях Центральной Азии прослежена верхняя одежда как минимум двух типов (Кубарев, 2000, с. 81–85). Только один из них можно назвать халатом. Чаще всего он имеет левосторонний, глубокий запах, когда верхняя, чаще всего правая, пола налегает на левую и застегивается на боку или перетягивается поясом (Кубарев, 2000, с. 85, рис. 1, *8*, *23*, *25*, *27*; 3, *9–11*, *18*). Второй, менее распространенный тип верхней распашной одежды тюркских кочевников имел глубокий вырез с треугольными отворотами-лацканами, прямой осевой разрез от ворота до низа одежды, узкие рукава. Этот вариант мужской одежды был слегка притален и спускался ниже колен (Кубарев, 2000, рис. 1, *2*, *17*, *19*; 2, *3*, *4*, *34*; 3, *2*, *16*, *17*, *28*). На некоторых тюркских изваяниях заметно, что этот тип одежды застегивался до пояса на одну-три застежки-пуговицы, ниже пояса был распашным (Кубарев, 2000, рис. 1. *2*; 2, *4*; 3, *2*). По-видимому, именно вторую разновидность древнетюркской верхней одежды следует называть кафтаном (рис. 7). Несколько более ранние по времени аналогии такому костюму прослеживаются в Восточном Туркестане. Например, на фресковых росписях Кучи и Хотана V–VIII вв. мужские кафтаны знати имеют передний осевой разрез и треугольные отвороты (Яценко, 2000, с. 332–333, табл. 59, *1–3, 5*; 60, *1, 2*). Средневековый костюм уйгуров Турфана также долго сохранял два варианта верхней одежды: халат с широким запахом и кафтан-халат с осевым разрезом посередине и глухим стоячим воротом (Яценко, 2000, с. 370, рис. 67, *1–3*; 69, *1–3*; Кляшторный, 2003, с. 374).

Самые поздние по времени изображения средневековых кочевников в кафтанах с отворотами обнаружены на серебряных блюдах, происходящих из Нижнего Приобья (Сокровища Приобья, 1996, с. 114–117, 120–121, № 53, 55). Эти находки датируют IX–X вв. и традиционно относят к торевтике древних венгров. На одном блюде всадник изображен в длиннополом распашном кафтане с осевым разрезом без отворотов (Сокровища Приобья, 1996, с. 116). На другом — в кафтане с треугольными отворотами и правым запахом (Сокровища Приобья, 1996, с. 121). Если первое изображение напоминает находки из Мощевой Балки, то второе изображение ближе к тюркским каменным изваяниям Центральной Азии. Вероятно, раннесредневековый тюркский кафтан доживает в среде кочевников вплоть до IX в. и его покрой мог служить основой для многочисленных подражаний. Как нам кажется, он не мог стать прямой основой для древнерусских образцов кафтана из-за отсутствия пуговиц, галунов и ряда других характерных деталей.

Производной от «тюркской» можно считать «степную» или «хазаро-аланскую» версию происхождения средневекового кафтана. В основе этой версии лежит предположение некоторых исследователей о том, что подобный тип одежды наиболее удобен для кочевников и именно из их среды он мог быть заимствован древнерусской верхушкой. В пользу сторонников этой версии косвенно свидетельствуют находки шелковых кафтанов в северокавказском могильнике Мощевая Балка. Так как этот памятник явно испытал влияние салтово-маяцкой культуры, то покрой кафтанов из этого могильника мог быть связан с господствующей в регионе культурой степных кочевников. Однако против этого предположения свидетельствует отсутствие такого важного признака, как многочисленные бронзовые пуговицы и вытканные металлическими нитями галуны. Подобные пуговицы грибовидной формы также пока не найдены в материалах степного варианта салтово-маяцкой культуры. В свою очередь, кафтаны с отворотами, которые изображены на тюркских каменных стелах и согдийских росписях, имели одну внутреннюю пуговицу. Внутренние пуговицы имелись у некоторых кафтанов из могильника Мощевая Балка. Однако большинство кафтанов из этого могильника имели не более четырех пуговиц, которые были изготовлены из органических материалов — особенность, которая не наблюдается у древнерусских кафтанов.

«Венгерская» версия появления кафтана в Европе также может считаться производной от «тюркской». Она связана с находками бронзовых пуговиц «грибовидной» формы, которые редко, но попадаются в средневековых венгерских погребениях. В ряде случаев они зафиксированы в составе убора, в том числе, женских погребений «эпохи обретения Родины» (Jansson, 1988, S. 606). Расположение бронзовых пуговиц на останках погребенных в Венгрии несколько

Рис. 7. Изображения «кафтанов» на тюркских каменных изваяниях (по: Кубарев, 2000)

отличается от расположения пуговиц в древнерусских захоронениях. Довольно много таких отдельных пуговиц нашли в венгерских могильниках X в., расположенных в юго-западной Словакии, недалеко от карпатских перевалов, ведущих к границе с древнерусским государством. Так, например, в могильнике Серед I пуговицы грибовидной формы лежали на груди погребенного, но не в один, а в два ряда по шесть пуговиц (Točík, 1968, с. 43, Taf. XXXIV:9). Недавно свод сведений о подобных комплексах с бронзовыми пуговицами грибовидной формы и остатками шелковых тканей опубликовал Аттила Тюрк и его коллеги. В комплексах из Середа и Тисабуры ряды пуговиц лежали вертикальными рядами вдоль позвоночника. Несмотря на некоторые параллели с древнерусскими находками, венгерские исследователи считают, что костюм «эпохи обретения Родины» скорее был похож на кафтаны из Мощевой Балки, чем на древнерусские кафтаны из Гнёздова и Шестовицы (Bollók, Knotic, Landó at al., 2009, p. 206–213, fig. 33).

«Иранская версия» происхождения кафтанов «восточного» типа была выдвинута и подробно обоснована И. Янссоном для находок из шведского могильника Бирка. Исследователь считает, что покрою кафтанов из Бирки наиболее близки изображения кафтанов газневидских гвардейцев — гулямов на фресках из дворца в Лашкари-Базаре (рис. 8) (Jansson, 1988, S. 602, Abb. 18). Эти изображения не единственные в своем роде. Они имеют параллели среди образцов средневековой иранской торевтики. Например, на блюде начала XI в., обнаруженном в Ямало-Ненецком АО, изображен царь Махмуд Газневи на троне и два придворных по его сторонам. Царь и придворные одеты в халаты с глубоким правосторонним запахом и треугольными лацканами. Эта одежда характерна для изображений тюрок на росписях городища Афрасиаб, а также для каменных изваяний из Центральной Азии (Маршак, 1971, с. 66–68, рис. 29; Сокровища Приобья, 1996, с. 125, № 59). В свою очередь, упомянутые тюркские гулямы на фресках из дворца в Лашкари-Базаре (Афганистан) одеты в халаты с глубоким правосторонним запахом, но только с одним треугольным отворотом. Эти халаты отдаленно напоминают тюркскую верхнюю одежду на каменных стелах и некоторые варианты верхней распашной одежды средневековых уйгур (Кубарев, 2000, рис. 1, *23*, *27*; 3, *9–11*; Яценко, 2000, с. 374–375, табл. 67/1). От кафтанов X в. они отличаются глубоким косым запахом, односторонним отворотом, отсутствием пуговиц и галунов. По-видимому, собственно к тюркским кафтанам

Рис. 8. Прорисовка фрески с изображением тюркских гвардейцев-гулямов во дворце Газневидов в Лашкари-Базар около 1000 г. (по: Jansson, 1988)

периода второго каганата эта одежда не имеет прямого отношения. В последнее время в пользу иранского или согдийского происхождения средневековых кафтанов Северного Кавказа выступила А. А. Иерусалимская, которая увидела прямые аналогии аланскому костюму на согдийских росписях (Иерусалимская, 2001, с. 93).

«Византийско-болгарская» версия. В пользу этой версии происхождения древнерусских кафтанов свидетельствуют как археологические находки, так и данные письменных и изобразительных источников. Например, находки бронзовых пуговиц, аналогичных древнерусским и пуговицам из Бирки, известны в византийском Коринфе, Болгарии и Константинополе (Jansson, 1988, S. 606–607, Abb. 20.2; Davidson, 1952, p. 262, N 2119, 2120).

Одно из главных свидетельств письменных источников на этот счет содержится в Книге церемоний византийского двора, составленной в X в. Анализируя данные византийских источников, крупнейший русский византинист XX столетия Н. П. Кондаков пришел к выводу, что византийский тип всаднической одежды — скарамангий — по виду мало отличался от кафтанов средневековых кочевников. Этого мнения придерживаются такие исследователи, как И. Хэг, А. А. Иерусалимская и в некоторой мере

И. Янссон. Н. П. Кондаков ставил знак равенства между византийским скарамангием и восточными кафтанами. Однако это мнение было скорее основано на интуиции, чем на фактах или изобразительных источниках (Кондаков, 1929, с. 264). В Книге церемоний византийского двора скарамангий упоминается как излюбленная одежда военных чинов Византии. Источник сообщает, что в скарамангиях появляются на царских пирах так называемые царские друзья, и особенно часто «друзья» из «союзной» Болгарии (Кондаков, 1929, с. 236). Сопоставив эти сведения с изображением знатных болгар из Менеалогия Василия II, можно предположить, что болгары на рисунке одеты в упомянутые в Книге церемоний скарамангии (рис. 9) (Ангелов, Петров, Примов, 1981, с. 143). Болгары изображены в распашных, обрезных кафтанах с меховой опушкой на полукруглом воротнике и, по-видимому, с внутренней меховой подкладкой. Судя по цвету и орнаментам ткани, болгарские кафтаны изготовлены из шелка. Вертикальный осевой разрез кафтанов до пояса скреплен рядом из 8–9 пуговиц, которые украшены галунами. Широкие рукава сужаются у кисти, где имеются наручи из ткани того же цвета. Единственная особенность этих изображений связана с тем, что один из кафтанов не имеет продолжения разреза ниже пояса. Разрез показан на правом боку болгарского воина. Эта деталь позволила некоторым исследователям предположить, что данная одежда расстегивалась только до пояса. Подобный покрой кажется очень неудобным для конных воинов, которыми являлись болгары. Поэтому появление такого разреза скорее можно связать с приемами художника-миниатюриста, чем с реально существовавшими особенностями одежды. Некоторые параллели этому костюму можно увидеть в покрое кафтанов Северного Кавказа, где есть и меховая подкладка, и осевой разрез, и галуны (Ierusalimskaja, 1996, Fig. 9) (рис. 10). В то же время на кафтанах болгарских воинов из Менеалогия Василия II галуны расположены чаще, чем на кафтанах из Мощевой Балки.

Знакомство византийцев с кафтанами подтверждают рисунки одежды из рукописи византийского хрониста Иоанна Скилицы из Мадридской библиотеки. Например, в кафтане с галунами желтого цвета (скорее всего, из золота. — *К.* М.) в рукописи Иоанна Скилицы дважды изображен болгарский хан Омуртаг, а также один из его придворных. В кафтане с осевым разрезом, обшитым галуном, нарисован «архонт турок», с которым ведут переговоры послы «персид-

Рис. 9. Менеалогий императора Василия II. Сцена избиения византийских мучеников болгарскими воинами (по: Ангелов, Петров, Примов, 1981)

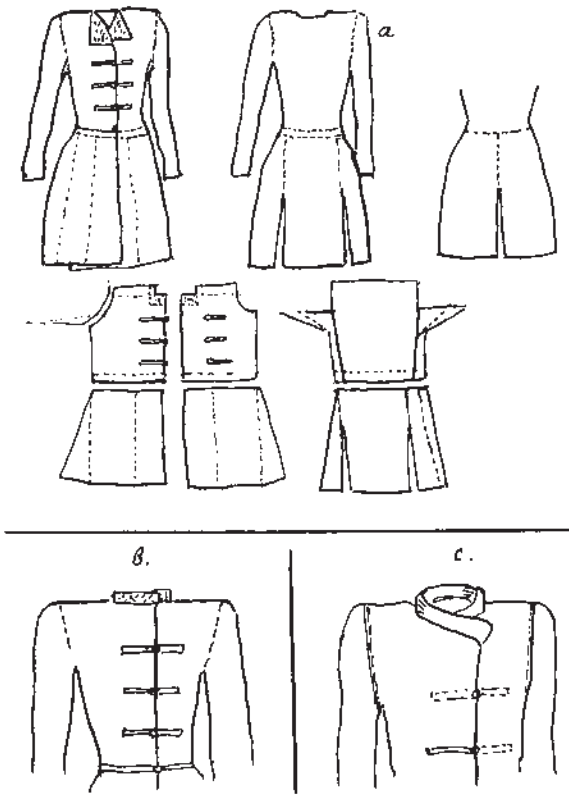


Рис. 10. Покрой кафтанов из могильника Мощевая Балка (по: Ierusalimskaja, 1996)

ского принца» (рис. 11–13). По-видимому, византийский художник рисовал в таком костюме «варварских» вождей, возглавлявших тюркских кочевников (Божков, 1972. с. 37, 59; Ангелов, Петров, Примов, 1981, с. 149, 164; Grabar, 1972). В то же время детальное изображение этого костюма на византийских миниатюрах XI–XII вв., по моему мнению, указывает на распространение этой одежды в византийской среде. Скорее всего, только по этой причине художники-миниатюристы могли так подробно передать детали кафтанов, которые совпадают с фрагментами этой одежды из Мощевой Балки и могильника Бирка. О высокой престижности этой одежды в Византии X в. напоминает Книга церемоний византийского двора. Во время приема послов эмира из Тарса при Константине Багрянородном (глава 15-я, 2-я книга) все придворные чины «от протоспафариев до последнего человека (т.е., по-видимому, военные и придворные чиновники. — *К.* М.), носящего скарамангий, становились по цвету и рисунку своей одежды. Особо становились те, у кого на одежде были быки и орлы во многих кругах, а с зелено-розовыми орлами становились там и сям» (Кондаков, 1929, с. 301).

Следует также отметить отсутствие отворотов-воротников как на кафтанах из Мощевой

Рис. 11–13. Изображения кафтанов на миниатюрах из Мадридской рукописи И. Скилицы (по: Grabar, 1972)

Балки, так и на изображениях «болгарских» кафтанов на рисунках из рукописи Иоанна Скилицы и Менеалогия Василия II. Эта деталь отличает эти кафтаны от их среднеазиатских и тюркских прототипов. На большинстве изображений кафтанов из Центральной Азии: на поминальных каменных стелах тюркских аристократов, на изображениях дехкан на росписях из Пенджикента и Турфана, на халатах-кафтанах гулямов из Лашкари-Базара — везде изображены отвороты. Следует особо подчеркнуть, что такие детали, как латунные пуговицы, золотое шитье на галунах и отсутствие отворотов являются характерными признаками для западного варианта средневековых кафтанов.

Существуют некоторые указания на то, что кафтаны (скарамангии?) продолжали носить и в конце XI в. Например, на рисунке из знаменитой Трирской псалтыри князь Ярополк Изяславич изображен в длиннополой распашной одежде из цветной ткани. Разрезы, обшлага

и края этой одежды украшены галунами (Кондаков, 1906, с. 99–101, таб. VI). В похожей одежде с галунами на груди и меховыми воротниками, которые сближают их с кафтанами из Менеалогия Василия II, изображены его двоюродные братья — Святославичи на рисунке в Изборнике Святослава (Кондаков, 1906, с. 41, рис. 6; Изборник Святослава, 1983, с. 2). В похожую верхнюю распашную одежду с 15 пуговицами от воротника до подола одет высокопоставленный византийский чиновник. Из подписи на окладе иконы можно узнать, что это великий логофет Георгий Акрополит (1220–1282). По мнению, Н. П. Кондакова, на логофете надет кафтан или каввадий (Кондаков, 1906, с. 83, рис. 10). На миниатюрах XI–XII вв. из собраний Парижской национальной библиотеки и одного из синайских монастырей есть изображения византийских чиновников в одежде с вертикальным разрезом и отложным воротником (рис. 14). Целая серия одновременных византийских и древнерусских изображений кафтаноподобной разрезной одежды подтверждает ее распространение в областях византийского культурного влияния.

«Местная», североевропейская версия происхождения кафтанов. И. Хэг писала о такой возможности для одежды из могильника Бирка. Она предположила, что из привозной ткани одежду кроили уже на месте, в Скандинавии. В пользу местного варианта происхождения этой одежды свидетельствует специфическое число пуговиц, по-видимому, характерное только для древнерусских памятников. Судя по находкам формочек, служивших для отливки металлических пуговиц, они могли копироваться с привозных образцов уже в древнерусских городах, а не являлись предметами прямого импорта (Ivakin, 2000, fig. 9). Большинство находок таких пуговиц происходит из Киева, окрестностей Чернигова и Гнёздова. Безусловно, эта одежда с латунными пуговицами копировала образцы престижной одежды эпохи. Эта мода могла распространяться как с территорий Халифата через Хазарию, так и из Византии через земли Болгарии и через Византийский Крым. На мой взгляд, мода на всаднические кафтаны, безусловно, распространялась с кочевниками из Центральной Азии. В то же время длительное соседство с Византией могло внести определенные изменения в эту моду. Известно, что для всадника запашная одежда с завязками была удобнее, чем с пришивными пуговицами. По-видимому, под влиянием Византийской империи дунайские болгары могли видоизменить традиционный покрой одежды. И, скорее всего,

Рис. 14. Распашная византийская одежда с отложным воротником.
Миниатюра изображает сбор налогов. XI–XII вв. Миниатюра из Парижской национальной библиотеки.
(Paris, Bibliotheque nationale. Gr. 543, fol. 102v)

уже этот, измененный вариант кафтана X в., возможно в его византийском исполнении, и был воспринят в Древней Руси, а впоследствии попал в Бирку. На мой взгляд, археологические находки указывают на то, что версия заимствования кафтанов из Болгарии или Византии может считаться более аргументированной. В пользу этой версии свидетельствуют как изображения кафтанов на миниатюрах из византийских рукописей, так и археологические находки. В свое время Н. П. Кондаков высказал предположение, что «многие уборы... были усвоены византийским двором от варварских вождей и, претерпев изменения, согласно византийскому церемониалу, вернулись к этим (варварским. — *К.* М.) дворам уже со специальным значением» (Кондаков, 1906, с. 87).

В труде ал-Истахри упоминается, что «русы — народ, сжигающий своих мертвых... и **одежда их короткие куртки**...» (Новосельцев, 1965, с. 411–412). Мы не знаем, какую одежду имеет в виду арабский источник. Возможно, это уточнение можно связать с покроем болгарских кафтанов, которые доходили только до колен. Кафтаны или куртки в качестве одежды русов упоминает Ибн Фадлан во время описания широко известных похорон знатного руса на Волге.

В настоящее время возможна только самая приблизительная датировка древнерусских комплексов с бронзовыми пуговицами. По-видимому, они появляются не ранее середины X в. и существуют в пределах второй половины X в. Например, погребение № 42 из некрополя Шестовицы из-за присутствия вещей, украшенных в стиле Маммен, может датироваться не ранее 960–970-х гг. (Jansson, 1991, p. 284). Десятым столетием датируются погребения с грибовидными пуговицами из Венгрии. Все погребения с аналогичными бронзовыми пуговицами из Бирки относятся к поздней фазе существования могильника (880–970 гг.). Следовательно, можно предположить, что данный тип мужской одежды получил распространение в Древней Руси с середины — второй половины X в. Судя по изображению верхней одежды,сыновей князя Святослава Владимировича и рисункам Трирской псалтыри, он существовал в княжеском окружении вплоть до 1070-х гг. Эта хронология подтверждается таким независимым источником, каким является византийская миниатюра. На основании датировок миниатюр из Менеалогия императора Василия II в., рукописи Иоанна Скилицы из Мадридской библиотеки и изображения княжеской семьи из Изборника Святослава можно предположить, что распашные кафтаны, расшитые шелком, продолжают существовать в Восточной Европе в первой четверти — конце XI в. Об этом свидетельствуют не только сами рисунки, но и та точность, с которой художники передавали особенности покроя и даже рисунок ткани.

K. A. Mikhailov.

Costume from Pskov Chamber Graves of the Second Half of the Xth Century on the Background of the Early Medieval Analogies

Summary

The article is devoted to the remnants of the long tunics with waist-girdle (caftans) from chamber grave 6 of the Old Ascension necropolis and their analogies in ancient Russian, Scandinavian and Caucasian burial mounds. The feature of various types of male medieval caftans are considered in detail. Different versions of the origin of this military clothing are given. In the end the author comes to the conclusion that this prestigious military costume could get to the territory of Ancient Rus through Byzantium.

Н.М. Ткачева

Опыт реставрации и попытка атрибуции доски с полихромией из камерного погребения 6 Старовознесенского некрополя

Поступивший на реставрацию объект (рис. 1–3)[1] представлял собой извлеченный из раскопа на листе жести песчано-органический конгломерат неправильной формы и неодинаковый по толщине (от 3 до 17 см). Это была монолитная вырезка грунта из дна могильной ямы на уровне пола погребальной камеры. На поверхности монолита прослеживался древесный тлен, местами на его поверхности и на песке, а также непосредственно в нем, просматривались отдельные небольшие участки полихромии. Толщина наслоений песка по всей поверхности объекта составляла от 0, 2 до 4–5 см.

Деревянная основа в процессе тысячелетнего пребывания в условиях влажного грунта истончилась настолько, что толщина ее не достигала 1 мм.

Некоторое время, пока в толще монолита оставалось много влаги, верхние слои также поддерживались в достаточно влажном состоянии. Затем поверхность монолита увлажнялась лишь настолько, насколько это было необходимо для того, чтобы не допустить полного просыхания верхних слоев и неравномерного просыхания всего массива. Для увлажнения использовалась вода с добавлением раствора катамина АБ в качестве антисептика. Особая сложность состояла в том, что необходимо было сначала расчистить от наслоений песка хрупкий красочный слой, почти утративший связь с такой же хрупкой основой, и только потом укреплять.

Производить укрепление до расчистки было нельзя, так как впоследствии толстый слой песка, пропитанный адгезивами, со склеившимися частицами удалить с поверхности красочного слоя было бы уже практически невозможно. Кроме того, очистить слой полихромии от наслоений песка было возможно, только не допуская полного просыхания древесного тлена, на котором сохранились фрагменты полихромии. Толстый слой песка сначала был осторожно утоньшен с помощью скальпеля и щетинной кисти. Затем песок, непосредственно контактирующий с красочным слоем, полностью (где это было возможно) или частично удалялся с помощью микроскальпеля и очень маленькой колонковой кисти. В процессе расчистки каждый участок неоднократно увлажнялся водно-спиртовой смесью с добавлением катамина АБ.

После расчистки на поверхности оставались частицы песка, прилипшие к красочному слою, на некоторых участках в значительном количестве, но их довыборка не производилась, так как невозможно было удалить эти частицы, не повредив красочный слой. Каждый расчищенный участок немедленно подвергался укреплению, так как основа, освобожденная от тяжести «консервирующего» слоя песка, при соприкосновении с воздухом быстро высыхала и сворачивалась в мелкие чешуйки, а красочный слой при этом осыпался. Для укрепления был использован раствор полибутилметакрилата в смеси ксилола и толуола.

После расчистки и первичного укрепления по всей площади были осуществлены полноценное укрепление сохранившегося фрагмента и стабилизация его временной дублирующей основы (слоя спрессованного песка) на глубину 1,5–2 см, в том числе дополнительно укреплены края трещин монолита.

В дальнейшем планируется осуществить перенос обнаруженного в камерном погребении 6 фраг-

[1] См.: Погр. 6, Прил. 3, Каталог, ***23***.

Рис. 1. Монолит с фрагментом полихромии в процессе расчистки и укрепления. Погребение 6, Прил. 3, Каталог, *23*. Фото Р. Г. Подгорной

мента доски с полихромной росписью с песчаного монолита на соответствующую дублирующую основу. Разрабатывается методика и осуществляется поиск способов переноса сохраненного фрагмента, а также поиск альтернативных вариантов его консервации, если перенос окажется невыполнимым. Главную трудность представляет осуществление операции по отделению фрагмента от песчаного монолита, частицы верхних слоев которого сцементировались в процессе укрепления объекта растворами синтетических смол.

Только после удаления рыхлых слоев песка можно будет определить, выполнима ли операция по удалению слоев, пропитанных синтетическими смолами. Если эту операцию удастся осуществить, то после дополнительного укрепления основы нашего фрагмента с оборота он будет сдублирован на соответствующую реставрационную основу, материал которой еще подбирается. Однако очень вероятно, что удалить эти слои все-таки окажется невозможным, так как любое значительное механическое воздействие крайне опасно для хрупкого фрагмента. Для этого случая предусмотрен вариант придания большей механической прочности верхним слоям монолита с помощью дополнительного введения синтетических смол, а также максимальное выравнивание оборота и монтаж объекта на специальную подложку, защищающую края и оборот от механических повреждений.

В результате уже проведенных реставрационно-консервационных мероприятий был сохранен и раскрыт от наслоений фрагмент изображения, выполненного на деревянной основе в технике темперной живописи (рис. 1). Автор раскопа Т. Е. Ершова датирует камерное погребение X в.[1] Характер и степень разрушений материалов объекта и технико-технологические особенности полихромии не противоречат предложенной археологом датировке.

Кажется, что красочный слой изображения нанесен непосредственно на доску, так как грунт не просматривается. Но какая-то минимальная подготовка доски, необходимая для того, чтобы дерево не впитывало всю влагу из связующего, а красочный слой не «проседал», скорее всего, имела место. Доска могла быть покрыта тонким слоем связующего с небольшой добавкой пигмента, например охры красной. Но основа превратилась в тончайший слой древесного тлена, а связующее красочного слоя подверглось деструкции. Какова главная составляющая этого связующего? Была ли это яичная эмульсия, клей животного или растительного происхождения — установить это, скорее всего, уже невозможно. Но, бесспорно, что это темперное связующее. В качестве одного из компонентов в нем присутствовали, возможно,

[1] После 953/954 г. Подробнее см. публикацию Т. Е. Ершовой в настоящем томе (погребение 6).

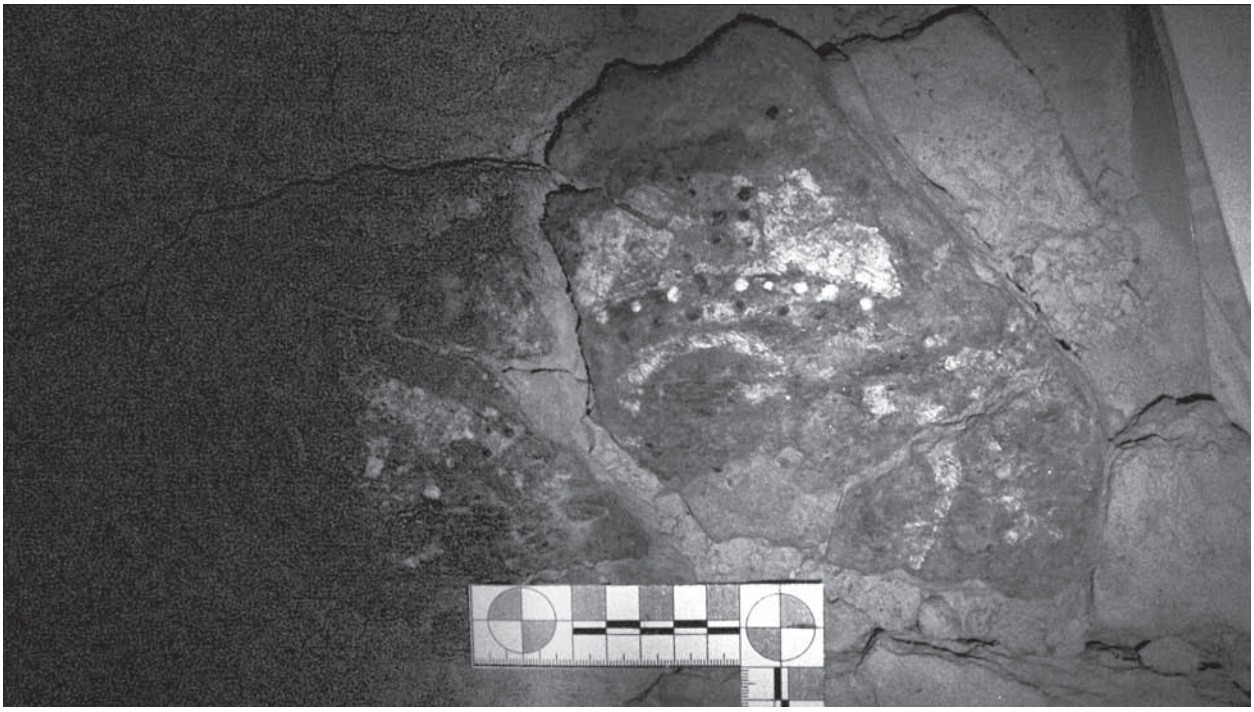


Рис. 2. Монолит с фрагментом полихромии в процессе расчистки и укрепления. Съемка в инфракрасных лучах. Погребение 6, Прил. 3, Каталог, *23*. Фото Р. Г. Подгорной

льняное масло или воск. Пигменты, обнаруженные в составе красочного слоя немногочисленны. Это свинцовые белила, охра красная, охра желтая, черная (угольная; сажа).

Сохранившийся фрагмент изображения (рис. 1–3) имеет размеры примерно 27 × (10–17) см и представляет собой часть окружности, размещенной на белом фоне. Сложносоставная полоса окружности состоит из двух основных широких полос и 3 узких полос обводки. Наружная, узкая обводка — белая и не сливается с фоном полностью за счет того, что белила здесь положены корпусно. Следующая, широкая, — серовато-голубоватого цвета (черный пигмент в разбеле), украшена крупными «жемчужинами», выполненными корпусно нанесенными белилами. Затем — узкая обводка, выполненная охрой красной. Затем — опять широкая полоса, выполненная охрой желтой (возможно, чуть разбеленной), украшенная черными «жемчужинами». Последняя, внутренняя узкая обводка, выполнена охрой красной и почти сливается с фоном внутри окружности. За пределами окружности сохранился крупный фрагмент светлого (белого) фона. На этом фоне — участок голубовато-сероватого цвета, примыкающий к окружности и имеющий одну наружную линию, почти перпендикулярную окружности. По этому участку разбросаны несколько более мелких черных «жемчужин», просматриваются также фрагменты черных, очень тонких, мелких завитков. Возможно, здесь был изображен какой-то растительный орнамент. Внутри окружности сохранились изображения двух крупных белых завитков, расположенных вдоль ее периметра. Белые завитки обведены охрой красной. В колере внутреннего поля окружности присутствуют в основном охра красная и охра желтая, причем последняя преобладает.

Визуальные исследования и фотосъемка объекта в инфракрасных лучах, а также изучение в свете видимой люминесценции (рис. 2), проведенные после расчистки и укрепления, позволили более четко определить рисунок сохранившихся деталей изображения (рис. 3).

Прямых аналогий нашему изображению мы, вероятно, не найдем. Но условная реконструкция фрагментарно сохранившегося изображения и анализ ряда допустимых аналогий позволяют предположить, что на доске из камерного погребения 6 была изображена монограмма Иисуса Христа, вписанная в круг, диаметр которого, по нашим подсчетам, составлял примерно 20 см.

На доске могла бы быть и не монограмма, а круглый медальон с равноконечным «константиновым» (греческим)[1] крестом[2] или про-

[1] С лопастями, расширяющимися к концам.

[2] Фреска XII в. в Гарде на о. Готланд (изображения в медальоне на своде) была бы, пожалуй, наиболее близкой аналогией в этом случае (см. Lagerlöf, 1999, s. 76, Fig. 55. см. далее рис. 21).

сто крест[1]. Однако пропорциональные соотношения диаметра окружности и сохранившихся фрагментов вкомпонованных в нее элементов не соответствуют пропорциональным соотношениям таких изображений. В данном случае наиболее вероятным представляется вариант с монограммой.

Сохранилась значительная часть сложносоставной полосы окружности, что позволило определить внутренний и наружный ее периметры.

В реконструированной окружности два крупных белых завитка заняли треть пространства вдоль внутреннего периметра. Их расположение на сохранившемся фрагменте полихромии (друг за другом) позволяет предполагать, что в композиционном заполнении пространства внутри окружности эти элементы симметрично повторялись, т. е. в изображении присутствовали еще четыре завитка, каждый из которых, как и сохранившиеся, вписывался в шестую часть круга.

Окружность, разделенная на шесть секторов, — это композиционная схема монограммы Иисуса Христа.

К сожалению, степень сохранности красочного слоя не дает возможности определить, являлись ли белые завитки декоративными разделителями между концами знаков, образующих монограмму, или непосредственно концами самих этих знаков. Но оба варианта одинаково возможны.

Монограмма Иисуса Христа (христограмма, хризма) — один из самых ранних (сначала тайных) христианских символов, оформление которого завершилось в период правления византийского императора Константина I Великого[2] (306–337 гг.), когда христограмма стала фактически государственной эмблемой. Особенно широкое распространение она получила после издания Миланского эдикта (313 г.), даровавшего

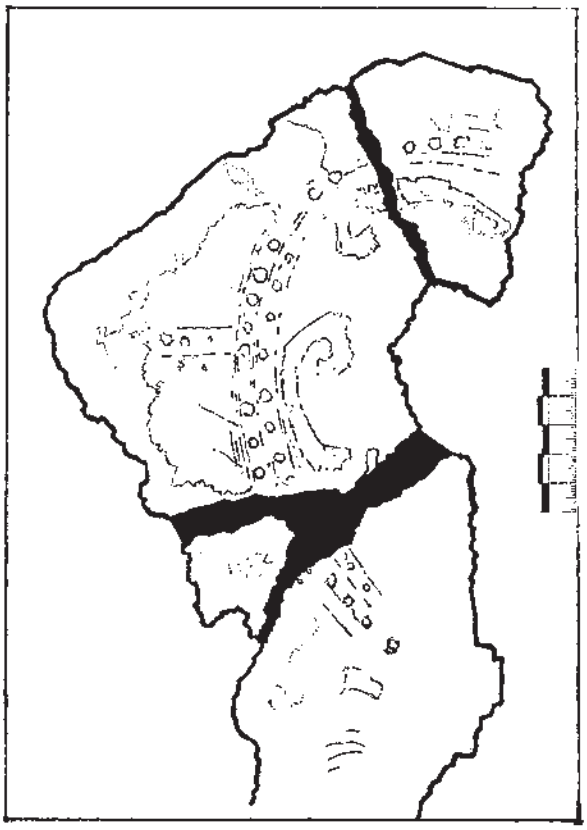


Рис. 3. Прорисовка фрагмента полихромии (выполнена автором статьи)

гражданам империи свободу вероисповедания. Согласно жизнеописанию Константина, монограмма Христа была явлена ему перед битвой с Максенцием 28 октября 312 г.

«Ассоциация креста и солнца, — пишет Б. А. Успенский, — отразилась в видении Константина Великого... Евсевий Памфил ("Жизнь Константина", кн. I, гл. 28), приводя слова самого Константина, сообщает, что тот *увидел лежащее над солнцем знамение креста*; аналогично и в анонимном византийском житии Константина. Слова "сим побеждай" (τουτω νίκα), которые, согласно Евсевию, сопутствовали видению креста (анонимное житие указывает, что слова εν τουτω νίκα были написаны "латинскими буквами"), отвечают пониманию солнца как "непобедимого" божества (Deus Sol Invictus). Надо полагать, что Константин соединил таким образом поклонение солнцу с поклонением кресту... Объединение солнца и победы в видении Константина отвечает... не только культу Непобедимого Солнца — государственному культу Римской империи со времени императора Аврелиана — но и восприятию Солнца и Победы как божественных спутников — покровителей (comites) императора, ср. посвящения как "Непобедимому

[1] Символическое значение всех этих изображений в контексте погребения одинаково, и они могут присутствовать как одновременно, так и по отдельности.

[2] «В III в. она осложняется присоединением буквы «I» в середине: монограмма эта означает (И)исус Христос. В III–IV вв. явилось дальнейшее видоизменение этой монограммы в виде соединенных букв «X» и «P»; монограмма эта называется монограммою Константиновою, потому что по повелению императора Константина после видения им креста на небе изображена была на полковых знаменах, а потом и на монетах, как самого Константина, так и последующих императоров: Константа, Магненция, Иовиана, Валентиниана I, Грациана, Валентиниана II, Феодосия, Гонория и Аркадия» (Покровский, 1900, с. 30, 31 и рис. 9 на с. 31).

Рис. 4. Плита с гробницы Себерия из римских катакомб. Граффити. IV в. Музеи Ватикана (по: Православная энциклопедия [Электронный ресурс])

Солнцу" ("Sol Invicto"), так и "Неизменной благодатной победе вождя" ("Victoriae laetae principis perpetuae"), обычные на монетах Константина... Характерным образом посвящения Непобедимому Солнцу и Победе на монетах Константина могут сочетаться с изображением креста, что соответствует восприятию креста как солярного символа. В свою очередь, в христианской традиции это определяет сочетание креста с надписью νίκα...»[1]. На некоторых монетах Константина встречается изображение креста, заключенного в круг, объединяющее оба солярных символа (Успенский, 2006, с. 237). «Ассоциация креста и солнца отчетливо представлена», по мнению Б. А. Успенского, в мозаиках Равенны (VI в.), где в апсиде Капеллы архиепископа и в апсиде базилики Сант-Аполлинаре-ин-Классе изображен крест на фоне звездного неба. Успенский считает, что «сочетание креста и солнца, характерное вообще для христианского искусства, очевидным образом восходит к представлению креста как солярного символа» (Успенский, 2006, с. 238).

Но уже в раннехристианский период окружность (венок) монограммы Христа, а позже и крест, часто сопровождается греческими буквами α и ω, утверждающими иное представление, иное содержание этих символов.

«Изречение «Я есмь Альфа и Омега», приводимое в Апокалипсисе, Отцы и учители Церкви толкуют применительно к Логосу и Иисусу Христу. В «Строматах» Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215 гг.) сравнивает Логос с кругом, в котором Его силы как бы «свиваются», а Его начало и Его конец (α и ω) сливаются, не оставляя между собой «ни расстояния, ни интервала». В «Педагоге» он размышляет о духовной пище, называемой ап. Павлом «молоком», замечая, что «под образом молока иносказательно говорится о Логосе» как «об альфе и омеге, о начале и о конце», потому что Ипостасное Слово питает верных и в их земной жизни, и в жизни вечной» (Православная энциклопедия, 2008, т. 2, с. 83).

При Константине христианство уже проникло во многие сферы жизни, в том числе — общественной. И вероятно, устойчивое распространение изображений именно христограммы обусловлено прежде всего всеобъемлющей полнотой содержания этого лаконичного по форме символа христианства. Христограмма воспринималась как символ триумфа, символ победы, а в рамках погребального обряда — как символ бессмертия (победы над смертью).

Изображения христограммы присутствуют повсюду: на нательных медальонах и перстнях, на дверях домов и предметах быта, на фронтонах и в интерьерах храмов, на плитах раннехристианских катакомб (рис. 4), саркофагах (рис. 5–8, 18–20), богослужебных предметах (рис. 9, 12, 15), предметах вотивного характера (рис. 10, 11), на фресках (рис. 13) и мозаиках (рис. 14, 16, 17).

После победы Константина над Максенцием, которой предшествовало известное видение (см. выше), христограмма стала ассоциироваться также с военными победами, триумфом императора.

Она размешается на государственном знамени Рима — лабаруме, с 325 г. чеканится на многих монетах (Словарь античности, 1989, с. 304), изображается на воинских щитах и знаменах[2]. Подтверждение тому, что христограмма изображалась на щитах полководцев и позже, в эпоху Юстиниана Великого (527–565 гг.), находим в том числе в одной из композиций базилики Сан-Витале (Равенна, VI в.), где в свите императора Юстиниана один из воинов изображен со щитом, украшенным христограммой (рис. 16).

Несмотря на то что уже в годы правления Константина известны варианты монограммы Иисуса Христа, приближенные к изображению «действительного креста», классическая христограммма, вписанная в круг-венок[3], продолжает распространяться. И не только в центре, но и на дальних

[1] «Так, на монетах, чеканенных в 314–317 гг., изображен греческий крест с легендой "Soli in victocomiti"; такие же монеты чеканятся затем и в 324–326 гг. Ср., вместе с тем, монеты 317 г. с буквами CRP, т.е. "Crux perpetua", изображением креста и легендой "Victoriae laetae principis perpetuae"; эпитет *perpetuus* объединяет Солнце и Победу, подобно тому как объединяет их и эпитет *invictus*. Между тем на монете 320–324 гг. та же легенда сочетается с монограммой Христа» (Успенский, 2006, с. 236).

[2] О распоряжении Константина изобразить христограмму на воинских щитах и знаменах повествует поэт Пруденций (Православный собеседник, 1869, с. 248).

[3] Венок, окружающий монограмму, в римской военной символике обозначал победу.

Рис. 5. Саркофаг IV–V вв. Фрагмент с изображением лабарума. Музеи Ватикана. Рим, Италия (по: Museo Pio Cristiano I [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:/ www//christusrex.org/www1/vaticano/PC3-Sars.html/21 k/)

Рис. 6. Саркофаг IV–V вв. из ц. Св. Павла. Рим. Музеи Ватикана (по: Покровский, 1900, с. 84, рис. 36)

Рис. 7. Саркофаг IV в. (?) на кладбище Аликампе, возле часовни Сент-Оноре. Фрагмент. Франция, Арль. Фото О. Шапошниковой

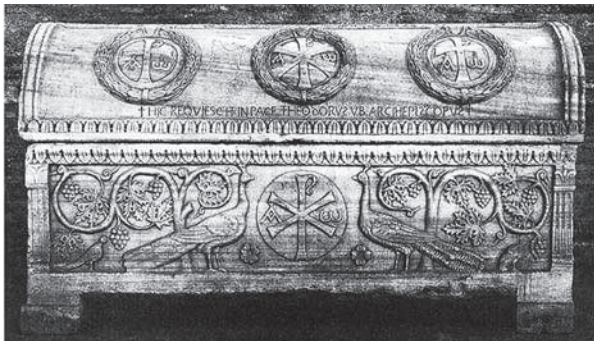


Рис. 8. Саркофаг архиепископа Феодора. V–VI вв. Базилика Сант-Аполлинаре ин Классе. Равенна, Италия (по: Православная энциклопедия [Электронный ресурс])

Рис. 9. Донце поминальной чаши. Стекло, позолота, гравировка. Византия. IV в. Метрополитен музей, США (по: Православные мастерские РУССКАЯ ИКОНА [Электронный ресурс] — Режим доступа: www. ruicon. ru/arts.new/carving/1x1/ДПИ-2638)

Рис. 10. Серебряная пластина. Клад из Уотер — Ньютон (Water NewtonTreasure). IV в. Кембриджшир, Великобритания. Британский музей (по: The British Museum [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.britishmuseum.org/)

Рис. 11. Золотая пластина. Клад из Уотер-Ньютон (Water Newton Treasure). IV в. Кембриджшир, Великобритания. Британский музей (по: The British Museum [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.britishmuseum.org/)

Рис. 12. Серебряная чаша с монограммой Христа. Клад из Уотер-Ньютон (Water NewtonTreasure). IV в. Кембриджшир, Великобритания. Британский музей (по: The British Museum [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.britishmuseum.org/)

Рис. 13. Фреска на южной стене часовни виллы Лиллингстон. IV в. Кент, Великобритания. Британский музей (по: The British Museum [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.britishmuseum.org/explore/Room 49: Romanbritain/)

Рис. 14. Монограмма Христа. Мозаика. Вторая четверть V в. Мавзолей Галлы Плацидии. Равенна, Италия (по: Православные мастерские РУССКАЯ ИКОНА [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.ruicon.ru/arts.new/carving/1x1/мозаика -2309)

Рис. 15. Блюдо — дискос из захоронения возле г. Полтавы, Украина. Серебро, позолота. 491–518 гг. Византия. Государственный Эрмитаж (по: Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Кн. 1, 1977. Кат. № 142, с. 106)

Рис. 16. Воины в свите императора Юстиниана. Мозаика.VI в. Фрагмент композиции. Базилика Сан-Витале. Равенна, Италия (по: Ravenna. I mosaici, I monumenti e l'ambiente, 1993, p. 32)

Рис. 18. Саркофаг VIII в. Базилика Сант-Аполлинаре ин Классе. Равенна, Италия (по: Ravenna. I mosaici, I monumenti e l'ambiente, 1993, p. 93)

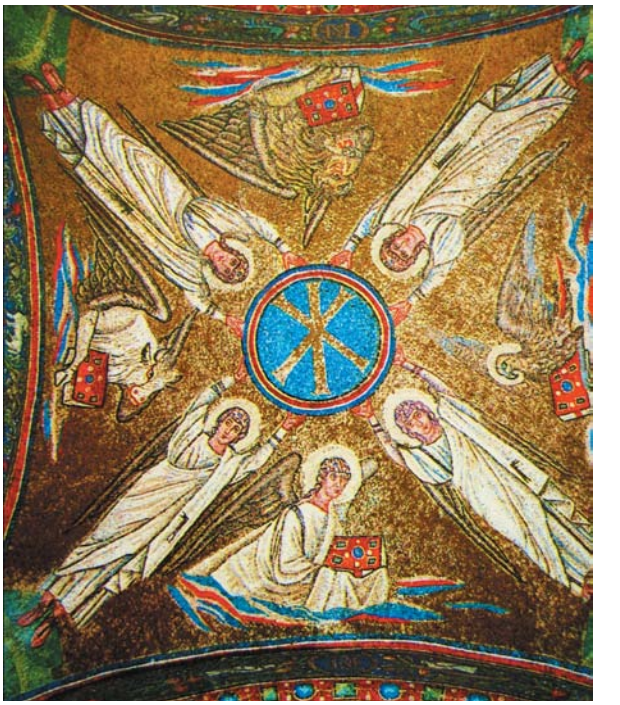


Рис. 17. Ангелы, поддерживающие монограмму Христа, и символы Евангелистов. Мозаика. VI в. Композиция на своде Капеллы Архиепископа. Равенна, Италия (по: Ravenna. I mosaici, I monumenti e l'ambiente, 1993, p. 49)

Рис. 19. То же, фрагмент крышки (по: Ravenna. I mosaici, I monumenti e l'ambiente, 1993, p. 93)

окраинах (фреска с хризмой в захоронении IV в. в Таврии[1]; фреска, богослужебные и вотивные предметы IV в. в Британии (Андрей (Филлипс), протоиерей, 2012: рис. 10–13), и за пределами империи (саркофаг XI в. в Киеве: рис. 20).

Христограмма встречается и в «константиновом» варианте, с отчетливо читающимися

[1] Отметим сообщение в СМИ об открытии в Крыму: «...рядом с жилым кварталом в Карантинной бухте Севастополя найдено 2 древнейших христианских склепа, которые относятся к IV веку нашей эры. Об этом заявил 5 декабря археолог Евгений Туровский. В склепах ученые обнаружили фрески, в том числе монограмму Христа» (belarus.regnum.ru/news/cultura/750760/6.12.2006).

Рис. 20. Саркофаг князя Ярослава Мудрого. XI в. Софийский собор. Киев, Украина (по: Орнаменти Софії Київської, 1949, с. 67)

греческими буквами «Х» и «Р», и с вписанными в центральные (по горизонтали) секторы греческими буквами α и ω, и в старом, «немом», скрытом варианте, когда три совершенно одинаковые перекладины («Х» и «I») с одинаковыми концами делят круг (венок) на шесть равных частей.

На двух саркофагах IV–V вв., так называемых «Латеранских» (рис. 5, 6), в арке, по центру, изображен лабарум — шест с перекладиной, завершающийся христограммой, обрамленной венком, на перекладине — две птицы, «внизу — две человеческие фигуры. Если справедливо, что эти фигуры означают стражей при гробе Спасителя, то вся сцена эта выражает покой перед воскресением Христа из мертвых под формами символическими» (Покровский, 1900, с. 83). На первом саркофаге, «с левой стороны, в другом отделении, воин возлагает на голову Спасителя терновый венец...» (Покровский, 1900, с. 84), далее — несение креста, справа — Иисус Христос перед Пилатом. «Венок и птицы могут означать как воскресение Христа (победу над смертью), так и вознесение на небо» (Покровский, 1892, с. 319).

«Традиционно сохраняя название гробниц саркофагами,[1] христианство наделило их знаками и символами торжествующей веры не только в загробную жизнь, но и в воскресение самой плоти при Втором пришествии Христа...» (Сидоренко, 2000, с. 248). «Так, в связи с пророчеством Исайи: "...и кости ваши расцветут, как молодая зелень" (Ис. 66:14), на одной из сторон саркофага князя Ярослава Владимировича Мудрого[2], на плите с листьями дуба, виноградными гроздьями и трилистниками — процветший крест с монограммой Христа, <...> а изображение Голгофского креста с двумя пальмами и двумя рыбами, с надписью "Иисус Христос Ника" определенно находилось в связи с текстом пророка Осии: "От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?" (Ос. 13:14), — сакральная византийская традиция, возникшая еще в IV в. и сохранявшаяся вплоть до XI в., судя по саркофагам Десятинной церкви и саркофагу Ярослава Мудрого в Софии Киевской» (Сидоренко, 2000, с. 258, прим. 62).

Изображение монограммы Христа достаточно часто размещали на византийских надгробных стелах и саркофагах. Если предложенная атрибуции изображения верна, то можно предположить, что при устройстве камерного погребения 6 имела место своеобразная практика совмещения двух традиций. Сам факт включения таких элементов, как изображение христианских символов, в рамки традиционного камерного обряда захоронения отвечал официальным требованиям своего времени и привносил новый смысл, но не противоречил северо-европейской традиции, не разрушал ее, а способ включения этой атрибутики не видоизменял привычные формы погребального обряда.

Иконографические варианты христограммы, традиции применения и период распространения хорошо известны, поскольку сохранилось немало памятников с ее изображением, а историческому исследованию раннехристианских символов посвящена обширная литература.

Более сложным представляется вопрос о художественной традиции, в которой работал автор нашей полихромии. И на Руси, и тем более в соседней Скандинавии в X в. еще слишком рано искать памятники христианской живописи, позволяющие произвести сравнение. Но полихромная роспись различного характера, пусть даже чисто декоративного, присутствует неизменно во всех культурах с древнейших времен. А ее региональные, местные художественные традиции, которые вырабатываются столетиями, очень устойчивы и жизнеспособны. Они выражаются в выборе определенной палитры цветов, их оттенков и сочетаний (колористический строй), в своеобразии

[1] По-гречески саркофаг — «пожиратель мяса» (Сидоренко, 2000, с. 257, прим. 61).

[2] См. рис. 20.

Рис. 21. Фрагмент фрески XII в. Церковь в Гарде (Garde). О. Готланд, Швеция (по: Lagerlöf, 1999, fig. 55, s. 76)

Рис. 22. Фрагмент стенной росписи деревянной церкви в Эке (Eke). XII в. О. Готланд, Швеция (по: Lagerlöf, 1999, fig. 34, s. 56)

орнаментального декора, частой повторяемости каких-то элементов и (или) заметном их выделении, в отработанных приемах росписи.

В XI–XII вв., в период активного распространения христианства на Руси и в Скандинавии, когда строились и расписывались многие храмы, даже строгие рамки иконографического канона и ограничения, связанные с использованием образцов и прорисей, не помешали формированию самобытных живописных стилей. Какие-то элементы, известные в традиционной росписи, просто приспосабливаются, какие-то перерабатываются, но все они остаются узнаваемыми. И конечно, неизменными остаются цветовые предпочтения, колористический строй.

Поэтому привлечение памятников более позднего периода для поиска истоков художественной традиции, в которой создавался наш объект, не случайно. Изобразительный ряд (рис. 21–32), представляющий скандинавскую

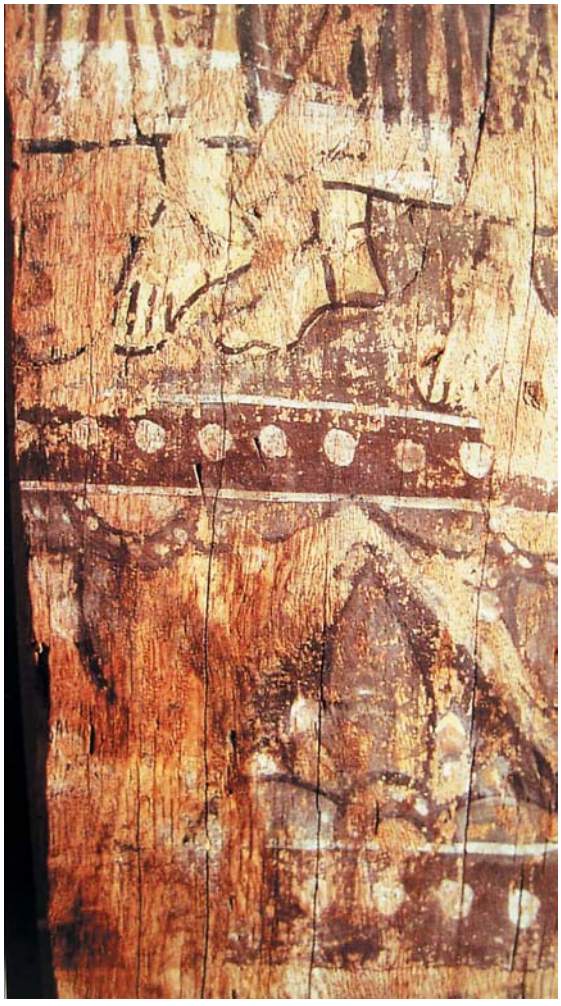


Рис. 23. Фрагмент стенной росписи деревянной церкви в Эке (Eke). XII в. О. Готланд, Швеция (по: Lagerlöf, 1999, fig. 35, s. 56–57)

Рис. 24. Фрагмент стенной росписи деревянной церкви в Эке (Eke). XII в. О. Готланд, Швеция (по: Lagerlöf, 1999, fig. 36, s. 56–57)

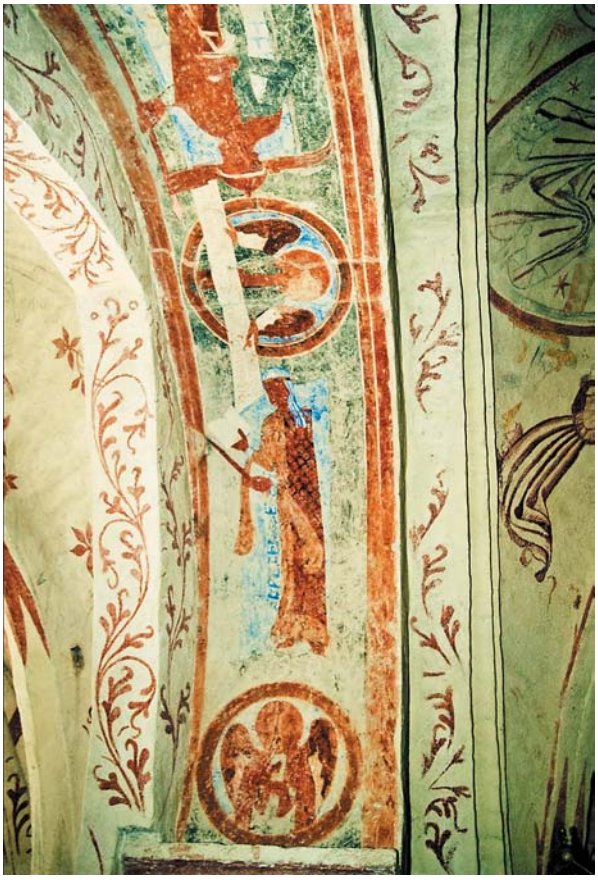


Рис. 25. Медальоны с изображениями ангелов. Фреска. Третья четверть XII в. Гуалёв (Gualöv), Швеция (по: Index of Christian Art — Princeton University [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:// ica.princeton.edu/ albertson/ Image id 609)

Рис. 26. “Salvator Mundi”. Фреска. Вторая четверть XII в. Ваэ (Vä), Швеция (по: Index of Christian Art — Princeton University [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:// ica.princeton.edu/ albertson/ Image id 308)

Рис. 27. Роспись кивория. 1130 г. Деревянная церковь в Хопперстаде (Hopperstad Stavkirkje), Норвегия. Фото С. Тихомирова

Рис. 28. Неизвестный святой. Фреска 1125 г. Гундсомагле (Gundsømagle), Дания (по: Index of Christian Art — Princeton University [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:// ica. princeton.edu/mills/ № 10–100)

Рис. 29. “Agnus Dei”. Фреска 1200 г. Хагестэд (Hagested), Дания (по: Index of Christian Art — Princeton University [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:// ica.princeton.edu/ mills/ № 11–006)

Рис. 30. “Agnus Dei”. Фреска 1175 г. Скиббю (Skibby), Дания (по: Index of Christian Art — Princeton University [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:// ica.princeton. edu/mills/ № 21–096)

Рис. 31. Неизвестный святой. Фреска 1175 г. Твэде — Мерлозе (Tvede / Tveje — Merløse), Дания (по: Index of Christian Art — Princeton University [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:// ica.princeton. edu/mills/ № 26–016)

Рис. 32. “Salvator Mundi”. Фреска 1175 г. Вестер Бробю (Vester Broby), Дания (по: Index of Christian Art — Princeton University [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:// ica.princeton.edu/mills/ № 28–053)

живопись XII в. (фрагменты фресок каменных храмов Швеции и Дании и стенных росписей деревянных церквей Швеции и Норвегии), достаточно показателен. Везде мы видим, что окружности (овалы) здесь также сложносоставные, тщательно проработанные, причем независимо от назначения — изображение ли это мандорлы (как на фреске в Вестер Бробю в Дании: рис. 32) или просто обрамление (как, например, в Хопперстаде, Норвегия: рис. 26). С образцами скандинавской живописи сближают наш объект также и цветовые предпочтения, и общий колористический строй. Это заметнее при сравнении с росписями деревянных церквей (рис. 23–26), так как технико-технологически[1] наш объект очень схож с ними.

N. M. Tkacheva

Restoration and the Attempt of the Board with Polychrome from Chamber Grave 6 of the Old Ascension Necropolis Attribution

Summary

The object for restoration was a sand stone of irregular shape and not uniform in thickness (from 3 to 17 cm) recovered from the excavation on a sheet of tin. In the thickened part of it under a layer of sand some small areas of polychrome were seen. The wooden base after the thousand-year stay in damp soil became as thin as less than 1 mm.

After the first clearing and primary strengthening throughout the whole area the full strengthening of the fragment survived and the stabilization of its temporary duplicating basics — the compacted layer of sand to a depth of 1.5–2 cm, including further strengthening of the monolith edge cracks was fulfilled. Currently further extraction of sand particles left behind in the process of clearing and strengthening of individual sections of polychrome is being carried out. The method of preservation that can provide long-term preservation of the object is searched.

As a result of already completed restoration — conservation activities a fragment of an image drawn on a wooden base in the technique of tempera painting has been preserved and freed from the newer layers (fig. 1). The author of the excavation T. Yershova dates chamber grave 6 by the Xth century (after 953/954). The nature and degree of the damage of the object material and technical — technological features of polychrome do not contradict the dating proposed by the archaeologist.

The preserved portion of the image has a size of about 27 × (10–17) cm and is a part of the circle, placed on a white background. The multi-lane circle consists of 2 main broad bands and 3 narrow strip strokes. The pigments in the paint layer composition are lead white, red ocher, yellow ocher, black (carbon).

The visual research of the object carried out in the process of refurbishing in the light of visible luminescence and in the infrared rays, as well as its photography in infrared light (fig. 2), carried out after the clearing and strengthening made it possible to define the remaining parts of the image pattern more clearly (fig. 3). The conventional reconstruction of the fragmentary kept image and the analysis of a number of permissible analogies suggest that it was the monogram of Jesus Christ, inscribed in a circle, the diameter of which, according to our calculations, was about 20 cm that was depicted on the board from grave 6. The monogram of Jesus Christ (Christogramma, Chrisma) is one of the earliest (first secret) Christian symbols, the design of which was completed during the reign of the Byzantine Emperor Constantine I the Great (306–337) when hristogramma actually became the state emblem. It became particularly widespread after the publication of the Edict of Milan (313 AD), which gave the citizens of the Empire the freedom of Christian belief.

Under the Emperor Constantine Christianity had already penetrated into many areas of life, including public. And, possibly, sustainable distribution of the images of the Christogramma is due, above all, to the completeness of the content of this laconic symbol. Christogramma was seen as a symbol of triumph, a symbol of victory, and when a part of funeral ceremony — as a symbol of immortality (victory over death).

The attraction of the monuments of the later period to the search for the origins of artistic tradition in which our object was created is not accidental: it is too early to look for the monuments of Christian art, allowing a comparison, in Russia or in the neighboring Scandinavia in the Xth century. But polychrome painting of various kinds is consistently present in all the cultures since the ancient times, its regional, local artistic traditions are very stable and viable. The iconic series (fig. 21–32), presenting Scandinavian painting of the XIIth c., the fragments of frescoes of stone temples of Sweden and Denmark and murals of the wooden churches in Sweden and Norway are quite telling.

[1] Но подготовка основы и грунтовка под росписи были сложнее, так как предполагалось, что росписи должны быть достаточно долговечны, тогда как наш объект имел лишь временное ритуальное значение.

В. М. Горюнова

Раннегончарная керамика из камерных погребений Старовознесенского некрополя древнего Пскова

В камерных погребениях Старовознесенского некрополя раннегончарная посуда была обнаружена только в трех комплексах: в погребениях 3, 5 и 7[1].

Сосуд из погребения 3 имеет высоту 12,5 см, диаметр венчика — 13, диаметр наиболее выпуклой части сосуда, плеча — 13, диаметр дна — 7,5 см (рис. 1: *1*; Погр. 3; Прил. 3, Каталог, ***22***). Поверхность сосуда серо-желтого цвета.

Сосуд из погребения 5 имеет высоту 9,5 см, диаметр венчика — 10, диаметр плеча — 13, диаметр дна — 7,5 см (рис. 1: *2;* Погр. 5; Прил. 3, Каталог, ***25***). Обжиг был неравномерным. Снаружи горшок имеет темно-серый цвет, местами — черный, изнутри — красновато-охристый оттенок.

Сосуд из погребения 7 имеет высоту 10,5 см, диаметр венчика — 10,6, диаметр плеча — 11,5, диаметр дна — 6–6,3 см (рис. 2; Погр. 7; Прил. 3, Каталог, ***36***). Обожжен был равномерно до охристой красноты. На дне сосуда виден четкий отпечаток клейма в виде сложной геометрической формы на основе свастики, включенной в комбинацию нескольких квадратов с выступами. Концы свастики повернуты слева направо.

Тесто всех сосудов относительно плотное со слабо калиброванной дресвой среднего размера. Судя по «течению» теста в разломе придонной части горшков из камер 3 и 5 (рис. 1, *1*, *2*), они имели монолитный донный начин, когда дно делалось в виде лепешки из одного комка глины, а стенки конструировались на плоскости этой лепешки из жгутов. При этом нижний жгут деформировался и приобретал форму сапожка (ср.: рис. 1, *1* и Бобринский, 1978, с. 131, 132, рис. 43). Возможно, на экземпляре из погребения 5 была использована несколько другая программа конструирования начина — монолитный емкостный начин, когда нижняя часть стенок сосуда изготавливалась отдельно, а потом прикреплялась к донной лепешке дополнительным внутренним жгутом (рис. 1, *2*) (Бобринский, 1978, с. 131, 134, 135, рис. 45). В отношении техники наращивания тела сосуда только для экземпляра из камеры 5 можно предполагать применение жгутов (рис. 1, *2*). На остальных сосудах проследить этот технологический процесс не удалось[2].

Снаружи сосуды обработаны на гончарном круге почти на всю высоту, от венчика до нижней трети. Край венчика несет следы применения ножа: края венчиков сосудов из погребения 5 и 7 имеют прямой срез, у последнего намечен незначительный желобок. У горшка из погребения 3 край венчика имеет мягкое закругление в плоскости косого среза. Шейка у всех сосудов хорошо выражена, хотя явных следов профилировки на гончарном круге не имеет. Отчетливые следы обработки ножом придонной части мож-

[1] Два керамических фрагмента, обнаруженные в погребении № 1 (2004 г.) в заполнении могильной ямы (на уровне пл. 15, кв. Г-12), не имеют отношения к погребальному обряду. Один из них — кусочек обмазки с отпечатками растительности, второй — в силу своих небольших размеров (2 × 0,8 см, толщиной 0,4 см) — трудноопределим в культурно-хронологическом отношении. Оба они связаны со случайными перемещениями культурного слоя.

[2] Все наблюдения над технологией изготовления сосудов проведены на уже существовавших случайных разломах. Специальные распилы и последующая полировка не были сделаны, так как задача специального исследования по методике А. А. Бобринского не ставилась.

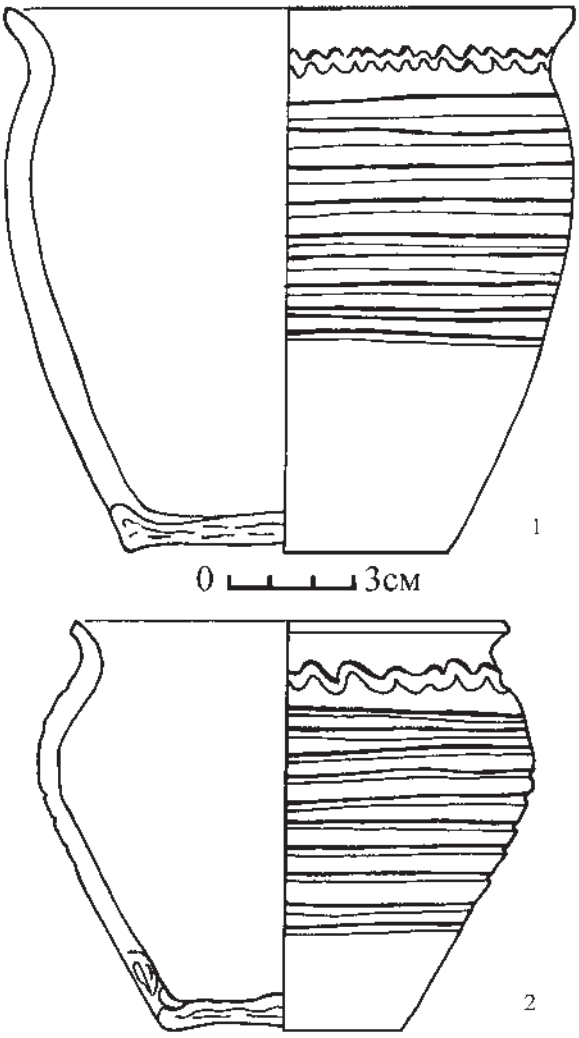


Рис. 1. Раннегончарные сосуды из камерных погребений «Старовознесенского» некрополя: *1* — погребение 3; *2* –погребение 5

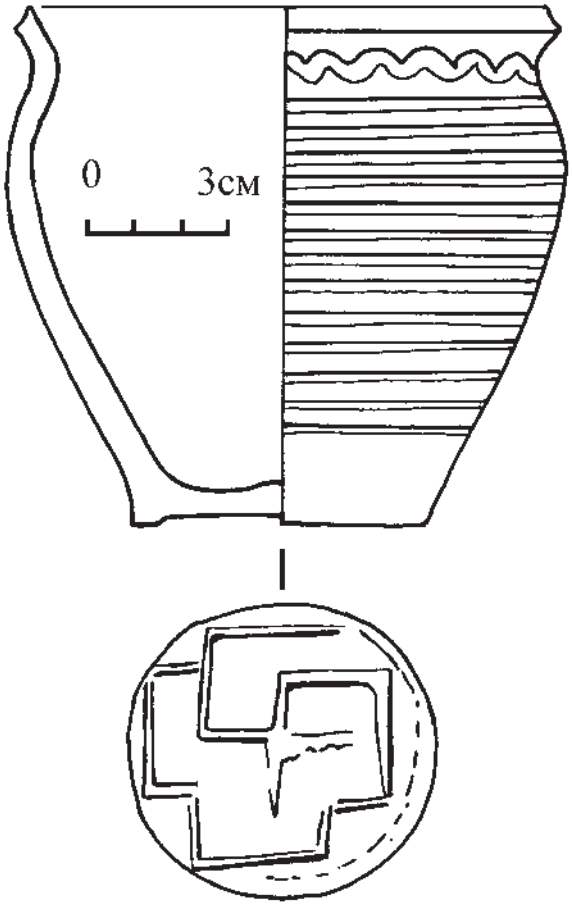


Рис. 2. Раннегончарный сосуд из камерного погребения 7 «Старовознесенского» некрополя

но отметить только на горшке из погребения 7. Изнутри сосуды обработаны гончарным ножом только на одну треть, от венчика до плечевого излома, ниже идут горизонтальные следы заглаживания рукой или ветошью.

Орнаментированы сосуды палочкой с тупым концом линиями, нанесенными по спирали, и одиночной волной. Волна располагается на шейке сосуда, под венчиком, линейный орнамент на сосуде из погребения 3 покрывает две трети его высоты, а на остальных сосудах доходит до придонной части.

Все три сосуда могут быть отнесены к одному типологическому разряду — «S»-видный горшок выраженной профилировки приземистых пропорций, последние определяются незначительным расхождением между общей высотой сосуда и диаметрами его венчика и плеча. Все сосуды выполнены на одном технологическом уровне (РФК — 2/3), а если судить по манере нанесения орнамента, то, возможно, и одним мастером.

Данный типологический разряд посуды в погребениях Псковского некрополя, открытого в районе ул. Ленина, представлен серией вариантов. Некоторые из них для рассматриваемых нами сосудов могут быть достаточно полными аналогиями не только по общей профилировке, но и по способу оформления края венчика и особенностям орнаментации (см. т. I настоящего издания; сосуды из погребений: **20** — табл. XIV, *4*; **23** — табл. XV Б, *1*, *1а*; **36** — табл. XXI, *2*, *5*; **70** — табл. XLI, *1–3*; **78** — Табл. XLVI, *1*, *4*). На ряде донных частей раннегончарных сосудов из этого некрополя прослежен монолитный донный начин (см. т. I настоящего издания; погребения — **17** — табл. XI. *2, 5, 5а*; **20** — табл. XIV. *4*; **23** — табл. XV. Б — *1, 1а*; **27** — табл. XVII.А, *1*; **70** — табл. XLI, *1–3*) и выявлены клейма (см. т. I настоящего издания; погребения **23** — табл. XV.Б, *1*, *1а*; **36** — табл. XXI, *2*, *5*; **50** — табл. XXX, *3а*; сосуд из ровика кургана с погребением **69** — табл. XL, 1–*3*, *1а*). Клейма из этих погребений по своему характеру напоминают клеймо на сосуде из камерного по-

гребения 7. Это сложные геометрические фигуры с комбинацией прямоугольников и квадратов с выступами (см.: т. I настоящего издания, Горюнова, Милютина. Керамический комплекс древнерусского некрополя Пскова. Табл. LXXVI, *1*, *2*, *5*) или крестообразной фигуры с отростками (там же; табл. LXXVI, *6*). Отпечаток на дне лепного сосуда, подражающего гончарным, из погребения 42 (там же; табл. LXXVI, *3*) трудно определять в качестве полноценного клейма. Не исключено, что это случайная комбинация отпечатков каких-то артефактов не совсем ясного происхождения (трава, солома?).

По своим техническим и морфологическим особенностям рассматриваемая группа сосудов соответствует формам второй группы I типа варианта I-Б Рюрикова городища (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 246, табл. 74, *2*, *3*; с. 254, табл. 82, *1*; с. 255, табл. 83, *1*, *2*; с. 265, рис. 93, *1*, *4*; с. 268, табл. 96, *2*, *5*), которые получают наибольшее распространение на третьем этапе развития керамического комплекса этого памятника (после 979 г.). Правда, в отличие от городищенской посуды этого варианта псковский экземпляр из погребения 5 сохраняет архаическую форму края венчика — прямой срез, в то время как на Рюриковом городище на сосудах варианта I-Б венчик преимущественно оформлялся огранкой или на нем появлялись легкие ложбинки и слегка намеченные оттяжки вниз (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 284, табл. 112: *2*, *3*).

Такие же архаичные приемы оформления края венчика сохраняются и на новгородской «S»-видной посуде I группы подгруппы 1, которая существует на протяжении всей второй половины X и встречается в начале XI в. Однако в отличие от псковских экземпляров она сохраняет также и более архаичную плавную общую профилировку (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 283, табл. 111, *2*, *3*, *8*). Рассматриваемые псковские сосуды по своей общей профилировке (степени отогнутости венчика, большей выраженности плеча) более близки следующей, более развитой классификационной группе новгородских сосудов — группе II подгруппе 1, которая, судя по материалам Троицкого X раскопа, появившись после середины 60-х гг. X в., достигает своего наибольшего распространения в начале XI в. (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 104, табл. Б; с. 284, табл. 112, *2*, *3*). При этом следует отметить, что новгородские гончары владели теми же приемами конструирования посуды, что и псковские мастера. Среди материалов 19-го–18-го пластов Троицкого X раскопа прослежены признаки применения монолитного донного и монолитного донно-емкостного начинов (ср.: рис. 1, *1*, *2* и Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 98, 293, табл. 121).

«S»-видные формы с набором признаков, характерным для рассматриваемых нами сосудов, на Рюриковом городище появляются после середины X в. и получают наибольшее распространение в последние два десятилетия этого столетия. В Новгороде они зафиксированы в отложениях последних десятилетий X и самого начала XI в. (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 95–97, 104, табл. Б; с. 105, 248, табл. 76). Таким образом, следует отметить, что для городских центров Северной Руси сосуды с выраженно отогнутым венчиком с архаичным прямым или косым срезом существуют всю вторую половину X в. и, судя по новгородским материалам, в качестве пережитка продолжают встречаться в начале XI в. (Горюнова, 2009, с. 135)[1].

На этом можно было бы считать законченным определение хронологического интервала для времени существования форм посуды, обнаруженной в «камерных» погребениях Пскова (вторая половина X — самое начало XI в.), если бы не присутствие на одном из сосудов клейма. Данный факт вносит, на наш взгляд, некоторую корректировку в определение нижней границы этого интервала. Все авторы, так или иначе разрабатывавшие тему клеймения посуды древнерусского времени, никогда не занимались специально вопросом определения точного времени появления клейм. Речь всегда шла об общих вопросах их назначения или принципах клеймения (Тухтина, 1960, с. 140, 158; Каменецкая, 1983, с. 244).

В одной из последних работ, посвященных клеймам новгородской керамики, самые ранние клейма рассматриваются в общих рамках всего X в. (Хижняков, 2002, с. 139, 144, 146, 147). Надо сказать, что до настоящего времени в изученных нами наиболее полноценных коллекциях керамики X — начала XI в. Рюрикова городища и памятников его округи клейма на раннегончарной керамике для этого хронологического интервала обнаружены не были. В Новгороде, на Троицком X раскопе, керамические материалы которого были изучены с учетом распределения по пластам

[1] В деревенских могильниках такая посуда изредка встречается и в середине XI в. (Станкевич, 1960, с. 135, 292, табл. LXXII: 2). В коллекции Деревяницкого могильника XI–XII вв., расположенного под Новгородом, мне известен сосуд такой архаичной профилировки с архаичным линейно-волнистым орнаментом, небрежно нанесенным гребенкой на большую часть тулова сосуда (Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, инв. КП31899/А45–327; погребение 80).

и дендродатам, мне известны клейма только начиная с 18-го пласта, который имеет самую позднюю порубочную дату — 993 г. Поскольку материалы из погребений, раскрытых в раскопах у пединститута и на ул. Ленина, дают дополнительный материал по ранним клеймам, обойти эту проблему было невозможно. В результате предпринятого нами исследования с привлечением материалов других памятников (Гнёздова, Киева, Новогрудка и др.)[1] были получены достаточно убедительные выводы о том, что в Пскове данное явление не могло возникнуть раньше, чем в последней четверти X в. К тому же именно в последней четверти X в. гончары раннегородских центров Северной Руси начинают широко использовать для орнаментации посуды наряду с гребенкой палочку с тупым концом, которой наносятся одиночная волна и линейный орнамент по спирали. Именно такая орнаментация определяет облик сосудов из камерных погребений Пскова. И если учесть, что для всех рассмотренных клейменых горшков были характерны более развитая профилировка верхней трети сосуда (Гнёздово) и сложное оформление края венчика (западнорусские города), то в случае с псковским материалом мы можем отсечь начало XI в. Таким образом, дата керамических форм из «камерных» погребений 3, 5, 7 Псковского некрополя может быть сужена до последней четверти X в.

V. M. Goryunova

Early Wheel Pottery from Chamber Graves of Old Ascention Necropolis of Ancient Pskov

Summary

In the Old Ascension necropolis the early-wheel pottery was found in burials 3, 5 and 7 (fig. 1, 2). The vessels were made at one technological level (RFK-2/3) and according to the manner of ornamentation, most probably by one master. At the bottom of the vessel from grave 7 there is a mark in the form of a complicated geometrical form on the basis of swastika. All the three vessels can be attributed to one typological category — S-shape pot of the vivid profiling of stocky proportions. This typological category of ware is characteristic for graves 20, 23, 36, 70, 78 of Pskov necropolis revealed in Lenin St.

By their technical and morphological features the vessels from chamber graves 3, 5 and 7 correspond to the forms of the second group of the I-st type option I-B of the Ryurikovo Gorodishche, which have gained the greatest distribution at the third stage of this site ceramic complex development (since 979). The closest to them in general profiling (angle of a nimbus bend, steeper shoulder) are vessels of group II of subgroup 1 from Novgorodian ceramic collection of Troitsky X excavation which reach the greatest distribution at the beginning of the XIth century. But the ware from the Old Ascension necropolis differs from the above analogies by the archaic sign — lack of complexity in nimbus profiling and the presence of a straight cut on its edge.

Similar signs both in Novgorod, and on the Ryurikovo Gorodishche on the vessels of the vivid S-shape profiling are occasionally met during the whole second half of the Xth century. It would seem, that the chronological interval for the forms of ware found in chamber graves of Pskov should be defined by the second half of the Xth — the early XIth century, if not the presence of a label on one of the vessels. The study of materials of other sites (Gnezdovo, Kiev, Novogrudok, etc.) allowed us to think that the ware labelling in Pskov couldn't arise earlier, than in the last quarter of the Xth century. The same time period is read from the blunt point stick by which a single wave and linear spiral ornament are put on the pots from chamber graves, application. On the other hand, the archaic method of a nimbus edge ending by a straight cut, allows us to reject its dating by the beginning of the XIth century. Thus, the date of ceramic forms from chamber graves 3, 5, 7 of the Old Ascension necropolis can be narrowed to the last quarter of the Xth century.

[1] Сюжет, посвященный определению времени появления клейм на раннегончарной керамике северных русских городов, подробно изложен в т. I настоящего издания. См.: Горюнова, Милютина. Керамический комплекс древнерусского некрополя Пскова. См. также: Горюнова, 2014, с. 55–66.

Я. В. Френкель

Изделия из стекла и янтаря из камерных погребений Старовознесенского некрополя: опыт культурно-хронологической атрибуции[1]

1. Введение

Настоящая работа посвящена рассмотрению бус из стекла и природных материалов и некоторых других изделий из стекла, обнаруженных при исследовании камерных погребений 1 и 7 Старовознесенского некрополя (дальше — камерных погребений 1 и 7). Целью работы является культурно-хронологическая атрибуция этих находок. Для достижения этой цели мы использовали «бусинную хронологию»[1] и анализ состава изделий из стекла (бус, сосудов, стеклянных пластинок).

При исследовании камерного погребения 1 были обнаружены многочисленные бусы и подвески, которые в составе погребального убора структурно соотносятся с зоной одеяния, расположенной спереди, между шеей и животом. Помимо бус из стекла и янтаря в эту серию входили эффектные металлические изделия: лунница, монеты-привески, привески-маски, крестик, зерненые бусы (Погр. 1, Прил. 3, Каталог, ***7–10***). Велик был соблазн не дробить комплексы и рассматривать эти артефакты вместе с бусами из стекла и янтаря.

Тем не менее мы стараемся не обращаться к источниковедческому потенциалу металлических изделий. Металлические находки будут лишь упоминаться в той мере, в какой это необходимо. Такой дифференцированный подход позволяет сопоставлять выводы, полученные командой исследователей, каждый из которых исходит из независимых источников.

В предлагаемой статье интерпретация результатов анализов состава стекла составляет археометрический раздел, автономный по используемому аналитическому аппарату. Для удобства изложения этот раздел организован в приложение, расположенное в конце текста.

Бусы, найденные в камерных погребениях, мымы кодируем и нумеруем (бусины камерного погребения **X** снабжаются кодом «к **X.**-» и номером, например **к 1.-5**). Бусы соотносятся с опубликованными классификациями. Предпочтение отдается работам З. А. Львовой, Ю. Л. Щаповой и Ю. Кальмера (Львова, 1968; Щапова, 1956; Callmer, 1977). При упоминании этих работ развернутые ссылки, если они не являются необходимыми, будут опускаться (например группа II по Львовой, тип E 061 T по Кальмеру). Работа Ю. Кальмера (Callmer, 1977) очень удобна в информационном и иллюстративно-классификационном плане, однако мы воздерживаемся от прямого использования датировок Ю. Кальмера, полученных в результате специфической процедуры.

---

[1] Под «бусинной хронологией» мы понимаем процедуру датирования, базирующуюся на анализе бус, происходящих из датированных археологических комплексов. Многочисленный и типологически вариабельный бусинный материал оказывается очень удобным для датировки. Это позволяет говорить о «бусинной хронологии» как о достаточно автономном источниковедческом подразделении системной хронологической процедуры (наряду с другими ее подразделениями, такими как «фибульная хронология», «амфорная хронология» и т. д.).

2. Камерное погребение 1

При исследовании камерного погребения 1 была обнаружена 21 бусина[1] из стекла, металла и природного материала[2] (Прил. 3, Каталог, ***1–7***) . В это число входят 2 серебряные зерненые бусины[3] (Прил. 3, Каталог, ***1, а; 7***), янтарная бусина (Прил. 3, Каталог, ***6***) и 18 стеклянных бусин (Прил. 3, Каталог, ***1–5***), одна из которых нанизана на золотое колечко[4] (Прил. 3, Каталог, ***2***).

Одна стеклянная бусина декорирована полихромными мозаичными глазками (рис. 1) (Прил. 3, Каталог, ***5***), прочие экземпляры — одноцветные. Среди одноцветных бус выделяется серия из 6 экземпляров плохой сохранности, выполненных из свинцово-силикатного стекла[5] (Прил. 3, Каталог, ***1, б, в, д, ж, н, м***).

Все бусы, кроме одной, были обнаружены около головы погребенной, под черепом или несколько восточнее его[6]. Там же были зафиксированы и металлические подвески: подвески-маскоиды, лунница, подвески-монеты (Прил. 3, Каталог, ***8, 9, 11–13***). Видимо, стеклянные и металлические украшения располагались на шее или в верхней части груди, составляя либо одну низку, либо две низки, носившиеся вместе (далее — ожерелье). В это же ожерелье входило и украшение, состоящее из бусины, напущенной на золотое колечко с завязанными концами, найденное «под черепом» погребенной. Подвеска-крест, напротив, была найдена западнее черепа, между ожерельем и овальными фибулами. Вероятно, в данном случае крест не входил в ожерелье, а носился на отдельном шнурке[7]. Шею погребенной помимо ожерелья украшала еще серебряная гривна (Прил. 3, Каталог, ***18***).

В Северной Европе и на территориях, попавших в эпоху викингов под «северную вуаль», иногда использовалась и иная схема расположения бус и привесок — на груди между овальными фибулами. В рассматриваемом нами случае такая схема реализована не была.

Единственная полихромная бусина была обнаружена при расчистке берцовой кости левой ноги погребенной, ниже овальных фибул — рис. 1 (Прил. 3, Каталог, ***5***). Поскольку прочие бусы и привески располагались компактной группой, позволившей даже отследить расположение металлических элементов ожерелья (Яковлева, 2006, с. 72), нет оснований считать данную бусину случайно скатившейся. К нижней части овальных фибул были прикреплены кольца для привешивания украшений. Видимо, полихромная бусина была привязана к кольцу левой фибулы (к кольцу правой фибулы были прикреплены маленькие серебряные колечки) (Прил. 3, Каталог, ***36, 37***).

В погребении были найдены следующие бусы:

к1.-1. Зонная бусина[8] (Прил. 3, Каталог, ***5***) молочно-белого непрозрачного стекла, декорированная тремя мозаичными глазками (сохранились два глазка), — рис. 1. Глазки «ресничковые»: от центрального «ядрышка» синего стекла по ярко-белому полю расходятся красные «реснички». Относится к IV группе, первая подгруппа, по Львовой (ср. Львова, 1968, рис. 3,: *18*). Сопоставима с типами B030 и B033 по Кальмеру.

к1.-2. Боченковидная ребристая бусина[9] (Прил. 3, Каталог, ***3***) прозрачного стекла цвета морской волны — рис. 2. По форме близка к типу A006T по Кальмеру, с учетом цвета стекла — сопоставима с типом A265T той же классификации. Узкий усеченно-конический канал. Меньшее отверстие окружено выступом, напоминающим выступы лимоновидных бус, однако сходство это внешнее.

к1.-3. Боченковидная двуслойная бусина[10] (Прил. 3, Каталог, ***1, з***) — рис. 3. Наружный слой — синее прозрачное стекло, сердцевина — белое непрозрачное стекло. Нам неизвестны работы по классификациям бус, включающие такие бусы. Абсолютно аналогичные бусины были найдены в Бирке и в 2001 и 2007 гг. на Земляном городище Старой Ладоги[11].

---

[1] Предварительная публикация бус камерного погребения 1 проведена в изданных работах (Яковлева, 2006; Лабутина, Малышева, Закурина и др., 2009). Все последующие в разделе 2 ссылки на Прил. 3 подразумевают Прил. 1 к статье «Погр. 1».

[2] Номера полевой описи 28,29, 37, 38, 50–52

[3] Номера полевой описи 28(15) и 37. В данной работе подробно не рассматриваются.

[4] Номер полевой описи 38.

[5] Определение проведено в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа методом рентгенофлюоресцентного анализа (аналитик С. В. Хаврин).

[6] В полевой документации отмечено следующее расположение найденных бус: «внутри черепа», «под черепом», «под нижней челюстью».

[7] О таком расположении крестиков в погребениях «не только в составе ожерелий, но и отдельно от бус, на груди погребенной» писала Н. Г. Недошивина (Недошивина, 1997, с. 91). Для датировки псковского комплекса немаловажно, что в цитированном разделе работы Н. Г. Недошивиной речь шла о погребениях XI–XII вв.

[8] Номер полевой описи 29.

[9] Номер полевой описи 51.

[10] Номер полевой описи 28(8).

[11] Раскопки А. Н. Кирпичникова, 2001, раскоп 3, СЛ-07/№ 260, кв. И-XVI, гл. +17; 2007, раскоп 4, СЛ-07/№ 2164 , кв. Н-XII, гл. –7.

Рис. 1. Бусина **к1.-1**

Рис. 2. Бусина **к1.-2**

Рис. 3. Бусина **к1.-3**

Рис. 4. Бусина **к1.-5**

Рис. 5. Бусина **к1.-7**

Рис. 6. Бусина **к1.-8**

Рис. 7. Бусина **к1.-9**

Рис. 8. Бусина **к1.-10**

Рис. 9. Бусина **к1.-11**

Рис. 10. Бусина **к1.-12**

к1.-4. Боченковидная бусина[1] непрозрачного печеночно-красного стекла (Прил. 3, Каталог, ***4***) (группа III по Львовой, A090O по Кальмеру).

к1.-5. Боченковидная бусина[2] (Прил. 3, Каталог, ***1, о***), непрозрачного оранжевого стекла — рис. 4 (группа III по Львовой, A131O по Кальмеру).

к1.-6. Зонная неправильной формы бусина[3] полупрозрачного светлого травянисто-зеленого стекла (Прил. 3, Каталог, ***1, к***) (группа IV, вторая подгруппа, «б», первый вид, по Львовой, A351ST по Кальмеру).

к1.-7. Зонные бусины (2 экземпляра)[4] (Прил. 3, Каталог, ***1, г, л***) непрозрачного белесого стекла — рис. 5 (группа IV, первая подгруппа, «а», по Львовой).

к1.-8. Зонная бусина[5] (Прил. 3, Каталог, ***1, е***) бесцветного прозрачного стекла, оттенок морской волны — рис. 6 (группа IV, вторая подгруппа, «а», по Львовой).

к1.-9. Зонная бусина[6] (Прил. 3, Каталог, ***2***) непрозрачного травянисто-зеленого стекла — рис. 7 (группа IV, первая подгруппа, «а», по Львовой). Смонтирована на золотом колечке с завязанными концами.

к1.-10. Зонные бусины с широким каналом (2 экземпляра)[7] (Прил. 3, Каталог, ***1, и, п***) прозрачного светло-синего стекла — рис. 8 (IV группа, третья подгруппа, «а», по Львовой; отдел I, тип 2, первый вариант синих зонных бус по Щаповой; тип A171T по Кальмеру).

к1.-11. Зонные неправильной формы бусины (6 экземпляров)[8] (Прил. 3, Каталог, ***1, б, в, д, ж, м, н***) плохой сохранности, патинированная поверхность буро-коричневого цвета — рис. 9. Рентгенофлюоресцентный анализ[9] показал, что бусы изготовлены из свинцово-силикатного стекла.

к1.-12. Бусина[10] янтарная продольно-уплощенная многогранная битрапецоидная, с граненым пояском (Прил. 3, Каталог, ***6***) — рис. 10. Форма бусины соответствует форме сердоликовых бус T0103 по Кальмеру.

3. Камерное погребение 7

Стеклянные изделия, обнаруженные в камерном погребении 7, для удобства изложения были разделены нами на две группы.

Первая группа: бусы

Было обнаружено 9 стеклянных бус[11], две из которых нанизаны на колечки драгоценного металла: в одном случае золотое, в другом — из серебра.

[1] Номер полевой описи 32.
[2] Номер полевой описи 28 (1).
[3] Номер полевой описи 28 (4).
[4] Номера полевой описи 28 (2–3).
[5] Номер полевой описи 28 (5).
[6] Номер полевой описи 38.
[7] Номера полевой описи 28 (6–7).
[8] Номера полевой описи 28 (9–14).
[9] Аналитик — С. В. Хаврин (Государственный Эрмитаж).
[10] Номер полевой описи 50.
[11] Номера полевой описи: 10, 12, 13, 41, 42.

Рис. 11. Бусина **к7.- 2(2)**

Рис. 12. Бусина **к7.-3**

Рис. 13. Бусина **к7.-4**

Бусы были зафиксированы при разборе центральной части захоронения.

Бóльшая часть бус (6 стеклянных зеленых, одна из них — на серебряном колечке) была обнаружена скоплением, в кв. 52, среди фрагментов черепа и зубов[1]. Еще одна бусина на золотом колечке с завязанными концами была найдена вместе с остатками золототканой тесьмы в непосредственной близости от зеленых. Все перечисленные бусы залегали компактно, что позволяет отнести их к одному ожерелью. Назначение бусины на золотом колечке точно не определяется, следов крепления ее к тесьме достоверно не прослежено. Несколько северо-восточнее (примерно в 85 см), на расстоянии 37 см друг от друга, найдены еще две бусины синего стекла (Прил. 3, Каталог, ***2, 3***) (Погр. 7, Прил. 1, *6*).

В погребении были найдены следующие бусы:

к7.-1. Бусины зонные[2] непрозрачного зеленого стекла (5 экземпляров) (Прил. 3, Каталог, ***1***). Соответствуют IV группе, первой подгруппе, «а», по Львовой (Львова, 1968). Могут быть отнесены к группе родственных типов, отличающихся пропорциями, оттенком зеленого стекла, полупрозрачного и непрозрачного: A260, A261, A270, A280, A291, A350, A251, A360 по Кальмеру.

к7.-2. Бусины крупные продольно-рифленые лимоновидные (2 экземпляра) (Прил. 3, Каталог, ***2, 3***). Относятся к продольно-рифленым бусам VIII группы, четвертой подгруппы по Львовой, или к бусам Отдела II, Тип 2 (ребристые эллипсоидные) по Щаповой.

Бусина **к7.-2(1)**[3] изготовлена из прозрачного кобальтово-синего стекла (Прил. 3, Каталог, ***2***). Относится к типу E061 по Кальмеру. Бусина **к7.-2(2)**[4] (Прил. 3, Каталог, ***3***) изготовлена из непрозрачного голубого стекла (рис. 11).

к7.-3. Бусина неправильной зонной формы[5] (рис. 12), оплавленная, светло-синего прозрачного стекла, с красным пятном. Вокруг красного пятна поверхность бусины зеленоватая. Бусина напущена на колечко из гладкой золотой проволоки с завязанными концами. Следы термического воздействия на колечке отсутствуют (Прил. 3, Каталог, ***4***).

к7.-4. Бусина неправильной формы[6] (рис. 13), зеленоватого прозрачного стекла, некогда декорированная глазками, позднее отпавшими. Напущена на колечко из серебряной рубчатой проволоки с завязанными концами[7](Прил. 3, Каталог, ***5***).

Вторая группа: другие изделия из стекла

Во вторую группу стеклянных изделий входят многочисленные разноцветные тонкие стеклянные пластинки круглой, полукруглой, четырехугольной формы (Прил. 3, Каталог, *7*). Такую форму получали, ретушируя стеклянные заготовки. Стекло прозрачное. Цвет стекла: синее, голубое, красное, фиолетовое, зеленое, желтое и бесцветное (разных оттенков). Фрагменты бесцветного (Прил. 3, Каталог, ***7.21, 7.23, 7.27***), зеленого (Прил. 3, Каталог, ***7.10***), синего (Прил. 3, Каталог, ***7.38***) и красного (Прил. 3, Каталог, ***7.3***) стекол — с закраинами. Пластинки стандартизованы по размерам и по форме: диаметр круглых пластинок 10–12 мм, размеры пластинок прочих форм примерно 13–15 × 20–22 мм. Пластинки были изготовлены из стекла двух химических типов (см. приложение). Один из этих химических типов идентифицируется как содовое стекло.

В эту же группу помещены фрагменты тонкостенных стеклянных сосудиков. Судя по внешнему облику стекла, фрагменты принадлежали не менее чем двум сосудам. Сосуды сильно фрагментированы, реконструировать их форму не удается. Исследованный фрагмент сосуда был изготовлен из бесцветного прозрачного зольного стекла по «восточной рецептуре» (см. Приложение).

Перечисленные находки были обнаружены в ногах у погребенной, в южной части камеры, условно названной автором раскопок «кладовой».

---

[1] Посткраниальный скелет не сохранился.

[2] Номер полевой описи 12 (1–5).

[3] Номер полевой описи 41.

[4] Номер полевой описи 42.

[5] Номер полевой описи 10.

[6] Номер полевой описи 13.

[7] Металл колечка был проанализирован в лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа методом рентгенофлюоресцентного анализа (аналитик К. С. Чугунова). Состав металла: 95% серебра, 2–4% меди, 0,5–1% свинца, около 1% висмута, следовые концентрации цинка и золота.

4. Культурно-хронологическая атрибуция наборов бус псковских камерных погребений

Наборы бус камерных погребений 1 и 7 обладают рядом сходных черт. Эти наборы немногочисленны. Стеклянные бусы неброские (лучше всего подходит слово «тусклый»), большинство бус монохромные, каменных бус нет. Как правило, бусы относятся к IV технологической группе по Львовой («крученые бусы»). Среди материалов обоих камерных погребений имеются бусы, смонтированные на колечках драгоценного металла (Погр. 1, Прил. 3, Каталог, ***2***; Погр. **7**, Прил. 3, Каталог, ***4, 5***) — рис. 7, 12, 13. Заметим, что в случае камерного погребения 7 прекрасная сохранность металла колечек контрастирует со «скромным» обликом напущенных на колечки бусин.

Бус камерного погребения 1 больше примерно в два раза, они типологически разнообразнее. Но и само это погребение ярче и представительнее и по набору фибул, и по числу украшений из драгоценных металлов. В составе бус камерного погребения 7 есть экземпляры VIII технологической группы по Львовой («бусы из тянутой трубочки»).

В работах о камерных погребениях неоднократно упоминаются бусы (например, Жарнов, 1998, табл. 3). В 2004 г. вышла смелая по замыслу статья А.А. Тодоровой, посвященная бусам камерных погребений Гнёздовского, Шестовицкого и Киевского некрополей (Тодорова, 2004). Это единственная тематически центрированная работа о бусах камерных погребений Древней Руси. В статье убедительно показано, что само по себе обилие бус у женщин, погребенных по камерному обряду, не указывает на «знатность и богатство» (Тодорова, 2004, с. 218).

Поскольку содержание статьи уважаемой коллеги связано с темой данной работы, обратимся к некоторым аспектам статьи А.А. Тодоровой, кажущимся нам спорными. А.А. Тодорова логично предположила, что наиболее репрезентативной будет выборка из одиночных женских камерных погребений. Сочетание этих признаков (одиночные, женские, камерные) должно гарантировать высокий социальный статус погребенной. А.А. Тодорова декларировала, что «женщины, занимающие высокое положение в обществе, предпочитали небольшие сборные комбинации из разнообразных стеклянных, каменных и металлических бус» (Тодорова, 2004, с. 218). Но единственная закономерность, которую реально удалось проследить А.А. Тодоровой для рассмотренных комплексов, несколько противоречит этой декларации. Оказалось, что общим для наборов бус рассмотренных погребений было только составление ожерелий из сравнительно небольшого количества бус. Ожерелья могли состоять как из эффектных (каменных, полихромных, серебряных) бус, так и из дешевых массовых «лимонок», образующих вопреки декларированному тезису не сборную, а образцовую комбинацию (Тодорова, 2004, с. 219). Таким образом, «сыграть» на составе ожерелий у А.А. Тодоровой не получилось, а иную закономерность в наборах бус автору выявить не удалось. Да и названный признак для Гнёздовского могильника работал не очень хорошо. Это обусловило несколько растерянное завершение статьи. Заметим, что сравнительно незначительное количество бус в ожерелье трудно назвать специфически «камерным» признаком. Тем более для синхронных камерных погребений Тимеревского могильника (которые А.А. Тодорова не рассматривает) и этот признак не срабатывает.

Вернемся к материалам рассматриваемых псковских камерных погребений 1 и 7. Наборы бус этих погребений — численно небольшие сборные комбинации, что корреспондируется с наблюдениями А.А. Тодоровой. Но одноцветные стеклянные бусы, доминирующие в ожерельях, — не лимоновидные бусы VIII группы (бусы из тянутых трубочек), а зонные бусы IV группы («крученые»).

Заметим, что в культурных напластованиях псковского посада, в целом синхронных функционированию псковского раннесредневекового некрополя[1], бус-лимонок достаточно много (Лабутина, 1983, с. 145, табл. 7; с. 146). В погребениях раннесредневекового некрополя (раскопы на ул. Ленина), совершенных по иному, не камерному, обряду, бусы-лимонки тоже присутствуют. Так, погребение 20 (кремация, в качестве урны — раннегончарный горшок) содержало 14 разнообразных лимоновидных бус (Лабутина, 1996б, с. 107–109, рис. 9, *3*). Из псковских раннесредневековых погребений с бусами камерному погребению 1 Старовознесенского раскопа по составу ожерелья ближе всего погребение 66 (кремация, в качестве урны — лепной горшок) раскопа на ул. Ленина (Колосова, Милютина, 1996, с. 149–151, рис. 6). При этом сколько-нибудь многочисленные

[1] Как погребениям, выявленным на раскопе на ул. Ленина, у Педагогического института, так и погребениям, выявленным на Старовознесенских и Подзноевских раскопах.

наборы бус в погребениях Псковского раннесредневекового некрополя пока не встречены (Милютина, 1994, с. 147, табл. 9). Так что признак «небольшое ожерелье» и для псковских погребений, обнаруженных при раскопках на ул. Ленина и на Старовознесенской возвышенности, не является специфически «камерным».

Заметим, что при раскопках раннедревнерусских поселений, синхронных псковским камерным погребениям и относящихся к тому же культурно-историческому пласту, — в Ладоге, Новгороде, Гнёздове, на Рюриковом городище — обнаруживаются многочисленные и разнообразные эффектные стеклянные полихромные, фаянсовые и каменные бусы и еще более многочисленные стандартизованные (а значит, дешевые) одноцветные бусы и бисер VIII группы по Львовой. Немногочисленные и неброские наборы стеклянных бус псковских камерных погребений на этом фоне приобретают особый интерес.

Численно преобладающие в псковских камерных погребениях 1 и 7 одноцветные бусы IV (например, рис. 8) технологической группы[1] широко распространены именно в Северной Европе (Львова, 1968, с. 75, 78). То же можно сказать и о единственной полихромной бусине камерного погребения 1 — экземпляре молочно-белого стекла с ресничковым мозаичным глазком (рис. 1). Подобные бусы, декорированные нитями и мозаичными глазками (типы B010–B040 по Кальмеру), типичны для североевропейских памятников эпохи викингов. «Североевропейской» является и традиция монтировать бусы на колечки из драгоценных металлов с завязанными концами, причем бусы могут быть как эффектными (каменными, полихромными), так и иметь достаточно скромный облик[2].

По названным признакам «тусклые» наборы стеклянных бус псковских камерных погребений обнаруживают связь с древностями Северной Европы эпохи викингов. Но связь эта не явная, завуалированная, особенно в сравнении с куда более отчетливыми связями, выявляемыми по металлическим украшениям. В самом деле, ведь в погребальных комплексах Северной Европы, в целом синхронных рассматриваемым псковским камерным погребениям, встречаются великолепные ожерелья из десятков эффектные бус!

Место камерного погребения 1 Старовознесенского некрополя в ряду североевропейских погребальных комплексов, сопоставимых по набору бус и фибул

Камерное погребение 1 Старовознесенского некрополя сопровождается набором скандинавских фибул — двух овальных (P 52/55) и круглой (Погр. 1, Прил. 3, Каталог, ***19, 36, 37***). В литературе подчеркивалось, что для женских камерных древнерусских погребений X в. «наиболее яркой чертой... являются фибулы» (Жарнов, 1998, с. 99).

В состав погребального убора женщины, захороненной в первом камерном погребении, входили: 17 стеклянных одноцветных, 1 стеклянная полихромная и 1 янтарная бусина (Прил. 3, Каталог, ***1–7***).

Рассмотрим, как соотносится псковская камера с погребениями на территории Скандинавии (не обязательно камерными), сопоставимыми с Старовознеским погребением 1 по наборам бус и фибул. Для сравнения отбираются в целом синхронные североевропейские погребения, во-первых, с овальными фибулами и, во-вторых, с внешне неброскими ожерельями. Подчеркнем, что эта операция не решает хронологические задачи. Напротив, чтобы избежать риска ошибки, связанной со значительной изменчивостью стилистики формирования ожерелий на протяжении 250-летней эпохи викингов, будем рассматривать только комплексы со сравнительно поздними овальными фибулами P 51 и P 52/55. Типологическое различие этих фибул нами на этом этапе пока сознательно игнорируется: комплексы не дифференцируются по типу овальных фибул на погребения с фибулами P 51 и погребения с фибулами P 52/55, во внимание принимается признак наличия овальных фибул названных типов.

Признаки, определяющие выборку, следующие:

1. Наличие овальных фибул определенных типов.

2. Бус сравнительно немного (не более 30 экземпляров).

3. Бусы по преимуществу одноцветные, эффектных бус (каменных, полихромных) не более 4 экземпляров в наборе.

В качестве дополнительных признаков возьмем наличие круглых фибул и фибул иных кон-

[1] Кроме бусин **к1.-10**. Эти бусы относится к типу, многочисленному в Северной Европе, но распространенному очень широко и за ее пределами. Ю. Л. Щапова связывает такие бусы с Византией (Щапова, 1998, с. 136–137, рис. 21, *1*).

[2] Так, многочисленные золотые изделия Хонского клада IX в. (Норвегия) соседствуют с многочисленными преимущественно одноцветными бусами, многие из которых нанизаны на колечки (Les Vikings... 1992, p. 90, fig. 3).

струкций, наличие металлических привесок (без типологической дифференциации), соотношение в ожерелье бус VIII и IV технологических групп по Львовой (по принципу «есть-нет»), наличие среди полихромных бус экземпляров, относящихся к типам B010–B043 по Кальмеру. Отбор комплексов проведем по Каталогу Ю. Кальмера, помещенному в классической работе (Callmer, 1977), с учетом работы И. Янссона об овальных фибулах (Jansson, 1984a).

Выбранные признаки — намеренно грубые. С псковским комплексом сравниваются формально отобранные, примерно одновременные погребения, культурная принадлежность которых не вызывает сомнений. После группировки, проведенной на основании этих грубых признаков, начнется следующий этап анализа. В ходе него получившиеся группы комплексов будут рассматриваться на более тонком уровне, с использованием дробной типологии. Для нас важно, что закономерности, выявляемые на этом этапе, не были изначально «заложены» ни в отбор комплексов выборки, ни в процедуру формирования групп.

Всего удалось выделить 18 комплексов, отвечающих заданным требованиям. Вместе с псковским камерным погребением 1 Старовознесенского некрополя— всего 19 комплексов (см. табл. 1). Для удобства изложения пронумеруем их римскими цифрами (**I–XIX**).

Посмотрим, какое место займет Старовознесенское камерное погребение 1 при сопоставлении с отобранными по выделенным признакам североевропейскими комплексами. Иначе говоря, выясним, насколько близко рассматриваемое псковское камерное погребение сопоставимым комплексам Северной Европы.

Большинство отобранных скандинавских комплексов составляют погребения Бирки (13 из 18). Следует выяснить, будут ли различаться по выделенным признакам погребения богатой торговой Бирки и погребения менее масштабных, периферийных могильников Скандинавии и какое место займет в этой картине псковское камерное погребение 1.

Исходные данные отражены в табл. 2.

Коэффициенты сходства комплексов вычислялись по известной формуле Левина (по: Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с. 50).

Вычисленные коэффициенты сходства между комплексами помещены в табл. 3.

На основании данных табл. 3 строится граф сходства между комплексами (рис. 14).

Данный граф позволяет выделить три группы погребений.

Таблица 1. Список погребальных комплексов, сопоставляемых с камерным погребением 1 некрополя псковского Старовознесенского монастыря

№	Номер комплекса (по Кальмеру) + Псковская камера	Комплекс
I	203	Gävle, Kungsbäk
II	301	Бирка-1161
III	283	Бирка-963
IV	281	Бирка-959
V	259	Бирка-703
VI	276	Бирка-865
VII	265	Бирка-791
VIII	257	Бирка-660
IX	273	Бирка-847
X	292	Бирка-983
XI	270	Бирка-843A
XII	266	Бирка-800
XIII	262	Бирка-739
XIV	238	Бирка-523
XV	Псков-камера 1	Псков-камера 1
XVI	206	Ockelbo parish, Ulvsta
XVII	106	Österlars parish, Lousgård
XVIII	115	Alvesta, Värendsgatan
XIX	125	Vimmerby, Gästgivarehagen

В **первую** группу входят маргинальные комплексы XII[1] и XIX[2], не связанные с прочими комплексами сильным сходством. Эти комплексы отделились от остальных не в силу своего своеобразия, а в силу своей «бедности».

Вторая группа объединяет большинство комплексов: 14 комплексов[3] из 19. Сюда входят как погребения Бирки, так и комплексы иных могильников.

Третья группа объединяет псковское камерное погребение 1 и комплексы XIII[4] и XIV[5] — оба погребения некрополя Бирки.

Среди отобранных 18 скандинавских комплексов овальные фибулы P 52/55, самые позд-

[1] № 266 по каталогу Кальмера: Бирка-800.

[2] № 125 по каталогу Кальмера: кремация Vimmerby, Gästgivarehagen, юго-восток Швеции, юго-западнее Бирки.

[3] № 106, 115, 203, 206, 257, 259, 265, 270, 273, 276, 281, 283, 292, 301 по каталогу Кальмера (Österlars parish, Lousgård; Alvesta, Värendsgatan; Gävle, Kungsbäk; Ockelbo parish, Ulvsta; Бирка-660; Бирка-703; Бирка-791; Бирка-843A; Бирка-847; Бирка-865; Бирка-959; Бирка-963; Бирка-983; Бирка-1161).

[4] № 262 по каталогу Кальмера: Бирка-739.

[5] № 238 по каталогу Кальмера: Бирка-523.

Таблица 2. Элементы погребального убора (фибулы, металлические подвески, бусы), встреченные в погребениях, перечисленных в табл. 1

№	Фибулы овальные (пара)	Фибула овальная (одна)	Фибулы круглые (одна или две)	Другие типы фибул	Подвески	Бусы одноцвет., не из тянутых трубочек	Бусы одноцветные, из тянутых трубочек	Бусы из природ. материала	Бусы полихром. (не B010—B040)	Бусы полихром. B010—B040
II	X		X			X	X	X		
X	X			X		X	X	X		
III	X		X				X	X		
IV	X						X	X		
VI	X		X			X	X	X		
IX	X		X			X	X	X	X	
XI	X			X		X	X	X		
XII	X					X				X
VII	X		X			X	X	X	X	
XIII	X				X	X	X		X	X
V	X		X				X			
VIII	X					X	X	X	X	
XIV	X				X	X		X	X	X
I	X						X	X		
XVI	X			X	X	X	X	X	X	
XVII	X			X		X	X		X	X
XVIII		X			X	X	X	X	X	
XIX		X				X	X			
XV	X		X		X	X		X		X

Таблица 3. Коэффициенты сходства между комплексами, перечисленными в табл. 1

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII
II	0,6																	
III	**0,75**	**0,8**																
IV	**1**	0,6	**0,75**															
V	*0,44*	0,6	**0,75**	*0,44*														
VI	0,6	**1**	**0,8**	0,6	0,6													
VII	*0,5*	**0,83**	***0,67***	*0,5*	*0,25*	**0,83**												
VIII	0,6	***0,64***	*0,45*	0,6	*0,27*	***0,64***	**0,83**											
IX	*0,5*	**0,83**	***0,67***	*0,5*	*0,5*	**0,83**	**1**	**0,83**										
X	0,6	***0,64***	*0,45*	0,6	*0,27*	***0,64***	*0,53*	***0,64***	*0,53*									
XI	0,6	***0,64***	*0,45*	0,6	*0,27*	***0,64***	*0,53*	***0,64***	*0,53*	**1**								
XII	*0,11*	*0,27*	*0,08*	*0,11*	*0,11*	*0,22*	*0,22*	*0,27*	*0,22*	*0,27*	*0,27*							
XIII	*0,22*	*0,3*	*0,17*	*0,06*	*0,22*	*0,3*	*0,44*	*0,53*	*0,44*	*0,3*	*0,3*	*0,5*						
XIV	*0,22*	*0,3*	*0,17*	*0,22*	*0,06*	*0,3*	*0,44*	*0,53*	*0,44*	*0,3*	*0,3*	*0,5*	***0,69***					
XV	*0,22*	*0,53*	*0,38*	*0,22*	*0,22*	*0,53*	*0,44*	*0,3*	*0,44*	*0,3*	*0,3*	*0,5*	*0,44*	***0,69***				
XVI	*0,43*	*0,48*	*0,32*	*0,43*	*0,19*	*0,48*	0,60	***0,71***	0,60	***0,71***	***0,71***	*0,19*	*0,38*	0,60	*0,38*			
XVII	*0,5*	*0,53*	*0,38*	*0,5*	*0,22*	*0,53*	***0,69***	**0,83**	***0,69***	**0,83**	**0,83**	*0,22*	*0,44*	*0,44*	*0,25*	***0,64***		
XVIII	*0,22*	*0,3*	*0,17*	*0,22*	*0,06*	*0,3*	*0,44*	*0,53*	*0,44*	*0,3*	*0,3*	*0,06*	*0,44*	*0,44*	*0,25*	0,60	*0,44*	
XIX	*0,11*	*0,27*	*0,08*	*0,11*	*0,11*	*0,27*	*0,22*	*0,27*	*0,22*	*0,27*	*0,27*	*0,11*	*0,06*	*0,06*	*0,06*	*0,19*	*0,22*	*0,5*

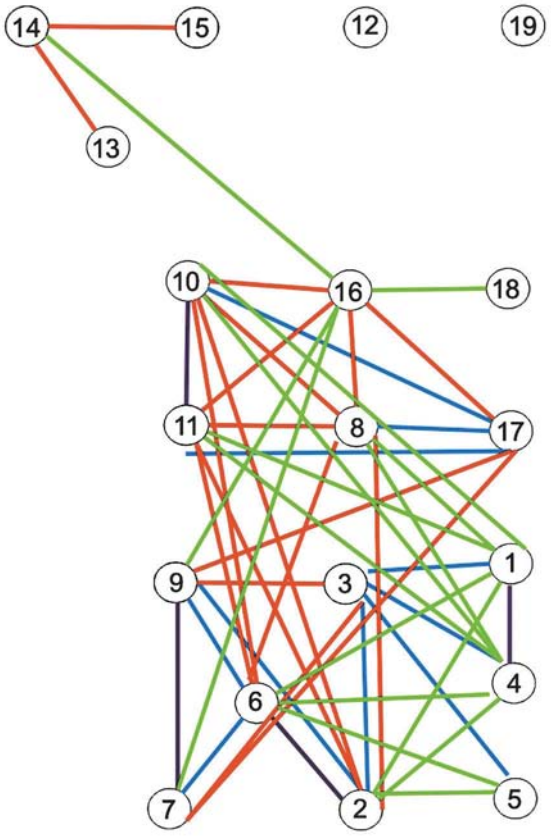


Рис. 14. Граф сходства погребальных комплексов по рассматриваемым элементам погребального убора, указанным в табл. 2. Цифрами обозначены номера комплексов. Цвета линий отражают силу сходства комплексов, выраженную коэффициентами сходства, указанными в табл. 3 (в порядке убывания коэффициента сходства: фиолетовый, голубой, красный, зеленый цвета)

ние в Бирке (такие же, как в псковском камерном погребении 1), встречены в 7 комплексах[1]. Все погребения **третьей** группы, в которую попало псковское камерное погребение 1, содержат фибулы именно этого типа. Напомним, что на первом этапе мы не разделяли овальные фибулы по типам. Попадание псковского камерного погребения 1 в одну группу со скандинавскими погребениями, содержащими овальные фибулы того же типа, что и псковское погребение, подтверждает неслучайность проведенной группировки.

Среди стеклянных бус погребений Бирки, попавших в интересующую нас **третью** группу, было 4 типа, имеющих аналогии среди стеклянных бус псковского камерного погребения 1. Согласно Каталогу Ю.Кальмера, это одноцветные бусы А090, А131, А171 и полихромная бусина В030. Согласно Каталогу, в погребении Бирка-523 были найдены боченковидная бусина оранжевого глухого стекла А131 и молочно-белая бусина с мозаичным «ресничковым» глазком В030. Кроме того, в погребении Бирка-523 были найдены три боченковидные бусины А090, в Каталоге не указанные. В погребении Бирка-739, согласно Каталогу, были найдены боченковидная бусина печеночно-красного стекла А090, зонная бусина синего прозрачного стекла А171 и молочно-белая бусина с мозаичным «ресничковым» глазком В030.

Эти бусы широко распространены в Северной Европе (особенно — боченковидные бусы глухого оранжевого и печеночно-красного стекла). Однако в 16 североевропейских погребальных комплексах рассмотренной нами выборки, входящих в **первую** и **вторую** группы (табл. 4), такие бусы встречаются редко или вовсе не встречаются (особенно это касается типов А171 и В030).

Таблица 4. Встречаемость в погребальных комплексах 1-й и 2-й групп погребений тех типов бус 3-й группы погребений, которые встречены в ожерелье камерного погребения 1 псковского Старовознесенского некрополя

№	А090	А131	А171	В030
I	–	–	–	–
II	X	–	–	–
III	–	–	–	–
IV	–	–	–	–
V	–	–	–	–
VI	–	–	–	X
VII	–	–	–	–
VIII	–	X	–	–
IX	–	–	–	–
X	–	X	–	–
XI	–	–	–	–
XII	X	X	–	–
XVI	X	X	–	–
XVII	–	X	–	–
XVIII	–	–	–	–
XIX	–	–	–	–

Добавим к этому, что среди бус погребений Бирки, попавших в **третью** группу, как и в наборе бус псковского камерного погребения 1, имеются одноцветные стеклянные бусины, напущенные на металлические колечки (Arbman, 1940, Taf. 122,*16-c, d*; Taf. 122,*18-f*).

Таким образом, обнаруживается близость комплексов **третьей** группы по типам стеклянных

[1] № 106, 115, 238, 262, 276, 301 по каталогу Кальмера (Österlars parish, Lousgård; Alvesta, Värendsgatan; Бирка-523; Бирка-739; Бирка-865; Бирка 1161).

бус, выделяющая наборы бус этой группы от наборов бус комплексов **первой** и **второй** групп. Еще раз подчеркнем, что в признаки, положенные в основу группировки 19 комплексов выборки на три группы, не входили дробные типы стеклянных бус. Это наблюдение вновь подтверждает неслучайность проведенной группировки.

Заметим, что одно из погребений Бирки с фибулами P52/55, находящееся во **второй** группе (Бирка-865), содержит подвеску-маску (Arbman, 1940, Taf. 92, *4*). Хотя эта подвеска морфологически отличается от подвесок-масок камерного погребения 1, но, учитывая немногочисленность серии, с полным основанием может быть сопоставлена с псковскими экземплярами. Во **второй** группе находится и погребение Бирка-791, в состав которого входит маленькая круглая фибула (тип V B по И. Янссону: Jansson, 1984 б, S. 66). Фибула эта декорирована сопоставимыми деталями-масками (Arbman, 1940, Taf. 70, *11*; Новикова, 1999, с. 52, сн. 4). Правда, эти комплексы попадают во **вторую** выделенную группу, а псковское камерное погребение 1 попало в **третью** группу. Но для нас важнее другое: сосредоточение погребений с такими металлическими украшениями-маскоидами в выборке скандинавских погребений, отобранных по формальным признакам «скромности» набора стеклянных бус. Видимо, это тоже не случайность.

То, что псковское камерное погребение 1 попало в одну группу с погребениями Бирки, — неудивительно: ведь большинство скандинавских погребений выборки — это погребения некрополя Бирки. Важнее то, что на основании сочетания типов фибул и стеклянных бус засвидетельствована связь псковского камерного погребения 1 с самыми поздними погребениями Бирки.

Датировка камерного погребения 1

При попытке узко датировать псковское камерное погребение 1 с помощью «бусинной хронологии» выясняется, что большинство стеклянных бус этого погребения имеют широкие даты. Бусины **к1.-1** (рис. 1), **к1.-4** (Прил. 3, Каталог, *4*), **к1.- 5** (рис. 4), **к1.-6** (Прил. 3, Каталог, *1к*), **к1.-7** (рис. 5)**, к1.-9** (рис. 7), **к1.-10** (рис. 8) относятся к типам, бытовавшим на протяжении всей эпохи викингов. Бусина **к1.-8** (рис. 6) относится к типу, который, также широко датируясь в Северной Европе, в Старой Ладоге появляется с 860-х гг. (Богуславский, Мачинская, 1993, с. 120)[1], что, однако, никак не помогает при решении данной задачи. Точные аналогии бусине **к1.-2** (Прил. 3, Каталог, *3*; рис. 2) нам неизвестны.

Бусы **к1.-11** (рис. 9) изготовлены из свинцово-силикатного стекла. Наиболее ранние известные нам бусы такого стекла, относящиеся к раннедревнерусскому культурно-историческому пласту, обнаруживаются в Гнёздово, на пойменной части селища (бусы I-3-Г-1; раскоп П-8), в ямах (яма 4 и углистый слой ямы 28), датирующихся в пределах второй половины X в. (Френкель, 2007, с. 81, 108).

Перспективными являются бусины: **к1.-3** (рис. 3), **к1.-12** (рис. 10) и с некоторыми оговорками **к1.-10** (рис. 8).

Нам известны три абсолютные аналогии бусине **к1.-3**: две бусины из Старой Ладоги и одна — из некрополя Бирки.

Два экземпляра были найдены в ходе раскопок А. Н. Кирпичникова на Земляном городище Старой Ладоги. Судя по высотным отметкам и включающему слою, оба ладожских экземпляра относятся к культурным напластованиям, соответствующим нижней части горизонта Г и границе горизонтов Д-верхнее и Г традиционной ладожской стратиграфии. Такие напластования на границе стратиграфических горизонтов, разделенных более чем полувековым хиатусом, «коварны» в силу перемешанности контактного слоя, в результате чего артефакты горизонта Д, датирующиеся не позже конца X в. (Френкель, 2009, с. 96–97; Френкель, 2011, с. 23–24), и горизонта Г-нижнее, датирующиеся не раньше последней трети или последней четверти XI в., обнаруживаются на одном уровне. Бусы, однотипные экземпляру **к1.-3** (рис. 3), в материалах конца XI–XII в. нам неизвестны. Тогда ладожские бусы с большей вероятностью относятся к напластованиям горизонта Д Земляного городища и соответственно должны датироваться не ранее верхней хронологической границы этого горизонта.

К сожалению, на наш взгляд, в ладожской стратиграфии существует «проблема горизонта Д-верхнее»: на Земляном городище культурные напластования самого конца X в сохранились плохо, большая часть массива горизонта Д-верхнее производит впечатление переотложенных напластований предшествующего (не позднее 980-х гг.)

[1] В работе О. И. Богуславского и А. Д. Мачинской проставлена дата таких бус («не ранее горизонта Е1»), полученная А. Д. Мачинской после консультации с З. А. Львовой. Сообщение О. И. Богуславского.

и последующего (не раньше конца XI в.) времени. Этот вопрос требует специальной разработки[1]. Заметим здесь следующее. Для «бусинной шкалы» Старой Ладоги налицо существенная разница между двумя наборами бус. Речь идет, с одной стороны, о наборе бус верхней части горизонта Д (верхняя часть горизонта Д-нижнее, образовавшаяся после пожара 950-х гг., и горизонт Д-верхнее) Земляного городища, широко датируемых второй половиной X в. И с другой стороны — о наборе бус раскопа В. П. Петренко на Варяжской улице (Петренко, 1985), происходящих из культурных напластований, которые начинают накапливаться после 990 г. Объяснить такую разницу можно хиатусом: в какой-то момент последней четверти X в. (980-х гг.?) центр ладожского поселения перемещается с Земляного городища на посад (Варяжская улица); участок же поселения на городищенском холме становится нежилым, и там возникает известный некрополь, функционирующий с конца X — на протяжении большей части XI в., о котором в литературе продолжается многолетняя (и, к сожалению, вялотекущая) дискуссия (Платонова, 1997; Санкина, 1998). Очень осторожное замечание о возможном хиатусе уже было сделано В. М. Горюновой на основании изучения керамического материала (Горюнова, 2002) На момент написания данной работы мы склоняемся к тому, чтобы датировать верхнюю границу горизонта Д на Земляном городище Старой Ладоги не позднее 980-х гг.

Еще одна бусина того же типа, что и экз. **к1.-3** (рис. 3), присутствует в ожерелье погребения **Бирка-825** (Arbman, 1940, Taf. 120: 6-o) (рис. 15). В 1974 г. это погребение было датировано 800-ми гг. (Hägg, 1974, p. 139), но эта датировка потом была пересмотрена. В погребении найдены овальные фибулы P 47, характерные для позднего периода Бирки (Jansson, 1984 a, S. 46–47). Подвески, найденные в погребении, относятся к варианту 3 группы А классификации Ю. Кальмера; такие подвески датируются исследователем второй половиной X в. (Callmer, 1989, S. 24, 29). Набор бус данного погребения сложился не ранее середины X в. Такая дата следует из присутствия среди бус погребения очень крупных ребристых лимоновидных бус бесцветного прозрачного стекла. Учитывая время затухания жизни Бирки, погребение Бирка-825 следует датировать третьей четвертью X в. (950–970-е гг.).

[1] Так, представляется важным попытаться точнее определить, о каком именно отрезке времени завершающей фазы XI в. (последняя треть, последняя четверть, самый конец столетия) следует говорить.

Итак, бусину **к1.-3** (рис. 3) на основании рассмотренных аналогий следует датировать 950–980-ми гг.

Датировка янтарной бусины **к1.-12** (рис. 10) требует многоступенчатого эволюционного построения — с присущей такому подходу предположительностью. Отдавая себе отчет в том, что с каждым звеном такого построения падает его надежность, все же приведем наши соображения.

Одной из особенностей янтарных бус является подражание формам каменных бус. М. Д. Полубояринова пишет: «Среди янтарных бус есть формы, повторяющие каменные» (Полубояринова, 1994, с. 77). О том же пишут Р. Л. Розенфельдт и М. Е. Родина (Родина, 1998, с. 198). Так, среди бус погребения Бирка-943 присутствуют две янтарные бусины, форма которых повторяет специфическую форму сердоликовых и хрустальных бус T005 — S008 по Кальмеру.

Среди находок на археологических памятниках Северо-Запада известны (с последней трети IX в.) шаровидные гранчатые бусы из сердолика и горного хрусталя (типы S0121–2 и T0101–2 по Кальмеру). Форма этих бус на протяжении нескольких столетий не оставалась неизменной. Наряду с шаровидной гранчатой появились симметричная битрапецоидная форма с граненым пояском (длина канала примерно равна высоте бусины) (типы S0123 и T0104 по Кальмеру) и битрапецоидная, продольно-уплощенная (длина канала заметно меньше высоты), сначала — еще гранчатая, потом — с граненым пояском (типы S0124 и T0103 по Кальмеру). Янтарная бусина **к1.-12** как раз и имитирует последнюю сердоликовую форму.

Направленность процесса «уплощения» бус типов S012 и T010 несомненна. В комплексах XI в. такие бусы встречаются в Березовецком могильнике (Успенская, 1993, с. 94, рис. 6). К самому началу XI в. относится бусина подобной формы, найденная в пойменной части Гнёздовского селища (бусина V-3–2[2]; раскоп П-2), в горизонте 3, датирующемся самым началом XI в. (Френкель, 2007, с. 83, 108). Характерно, что этот экземпляр выполнен не из сердолика, а из агата или халцедона. Уплощенный вариант хрустальной бусины типа S012 был найден в ходе

[2] Когда в 2007 г. мы публиковали бусы пойменной части Гнёздовского селища, обозначенный здесь процесс эволюции форм каменных бус ускользнул от нашего внимания. По этой причине описание формы бусины V-3–2 «по пропорциям близка к шаровидной» (Френкель, 2007, с. 83) должно быть признано ошибочным.

А

Б

В

Рис. 15. а — Бусины и подвески из погребения Бирка-825 (фото Ингмара Янссона); б — бусина из погребения Бирка-825. Тот же тип, что и экз. **к1.-3.** Вид сверху; в — бусина из погребения Бирка-825. Тот же тип, что и экз. **к1.-3.** Вид сбоку

раскопок М. А. Родионовой на Владычном дворе Великого Новгорода[1], в контексте, датирующемся автором раскопок концом X в. — во всяком случае, не позднее середины XI в.

Самые ранние известные нам сердоликовые экземпляры подобных пропорций происходят с Земляного городища Старой Ладоги[2], из культурных напластований второй половины или третьей четверти X в. Типологически это начало эволюционного ряда: бусины уже заметно «уплощены», но вместо граненого пояска — еще фасетки. Янтарная бусина **к1.-12** (рис. 10) с четким граненым пояском имитирует типологически более позднюю форму, по логике эволюции появившуюся где-то в конце X в.

Некоторые основания для датировки дают и бусы **к1.-10.** Вообще-то такие бусы датируются достаточно широко. Но начиная с самого конца X в. на археологических памятниках Северо-Запада их количество заметно возрастает. Это наблюдение хорошо иллюстрируется упомянутым выше соотношением ладожских бус, происходящих с Земляного городища (где бус такого

[1] Кремлевский-I раскоп, 2010 г., яма № 14, кв. 12, № 1420. Благодарю М. А. Родионову за разрешение ознакомится с материалами раскопок и сослаться на них в настоящей статье.

[2] Раскопки В. И. Равдоникаса, 1939 г. 2752/79 и 2752/98.

облика немного) и раскопа на Варяжской улице (где таких бус десятки).

По датировкам бус, однотипных бусам **к1.-3** (рис. 3), **к1.-10** (рис. 8) и **к1.-12** (рис. 10), можно попытаться датировать камерное погребение 1. Нижняя дата погребения, учитывая некоторую неопределенность в установлении нижних дат бус, однотипных бусам **к1.-10** и **к1.-12**, может быть осторожно обозначена как «не ранее 970-х гг.». Верхняя дата, учитывая верхнюю дату бус, однотипных бусине **к1.-3**, определяется как «не позднее» 980-х гг.; итоговый интервал: 970–980-е гг. Иначе говоря, погребение датируется в пределах последней четверти X в., причем более вероятной нам представляется первая половина этого интервала.

Заметим, что такая дата оказывается на несколько десятилетий более поздней, чем датировка, сделанная на основании монетных находок.

Датировка камерного погребения 7

Лобовая попытка узкой датировки псковского камерного погребения 7 с помощью «бусинной хронологии» не дает результатов. Следует признать, что бусы **к7.-3** и **к7.-4** классифицировать не удается. Не удается и отнести бусину **к7.-1** к какому-либо конкретному типу в ряде сопоставимых типов классификации Ю. Кальмера — A260, A261, A270, A280, A291, A350, A251, A360. Крупные продольнорифленые лимонки синего прозрачного и голубого непрозрачного стекла, аналогичные экземпляру **к7.-2,** несколько иного оттенка приведены в работе «Археология северорусской деревни» (Захаров, Кузина, 2008, с. 177, рис. 166, *б*) и датируются X–XI вв. В Ладоге подобные бусы обнаруживаются в культурных напластованиях горизонта Д. В Бирке такие бусы такой формы, но выполненные из синего прозрачного стекла, обнаруживаются в погребениях Бирка-517 и Бирка-825 с овальными фибулами P 51 и P 47, характерными для позднего периода Бирки (Jansson, 1984a, S. 46–47). Широкие даты бус не позволяют узко датировать комплекс точнее, чем вторая половина X–XI в. Именно такую ситуацию описывали Ю. А. Лихтер и Ю. Л. Щапова: «...взятая в отрыве от полного комплекса находок она (хронология бус. — *Я.* Ф.) не имеет самостоятельного значения. Комплексы бус примерно одновременны: как правило, они относятся к середине — второй половине X в. <...>» (Лихтер, Щапова, 1991, с. 257).

На помощь приходят стеклянные изделия второй группы. По набору стеклянных изделий с камерой 7 могут быть сопоставлены два комплекса.

Во-первых, это камерное погребение в одном из гнёздовских курганов Ольшанской группы (Оль-30). Погребение, исследованное в 1988 Д. А. Авдусиным, датируется московскими археологами второй половиной X в. (Ениосова, Пушкина, 2012, с. 58). Среди находок присутствовало около 100 разноцветных стеклянных пластинок, изготовленных «из обломков сосудов и оконного стекла» (Там же, с. 59, рис. 8). Эта великолепная серия находок опубликована (Меч и златник..., 2012, с. 88, кат. № 207). Уместно полностью процитировать выдержку из упомянутой статьи Н. В. Ениосовой и Т. А. Пушкиной: «Судя по компактному расположению пластин в погребальной камере, они украшали несохранившееся изделие из органики, сложенное в несколько слоев» (Ениосова, Пушкина, 2012, с. 58). Московские исследователи приводят и североевропейские аналогии таким находкам (Там же, с. 60).

Во-вторых, это обнаруженное в Киеве женское одиночное камерное погребение № 49 с богатым инвентарем, включающим эффектные серебряные украшения (подвески, фибула, перстни и т. д.) (Ивакин, 2005, с. 288–289). Ожерелье этого погребения состояло из 20 бусин (1 полихромная). У декорированного драгоценным металлом головного венца погребенной была найдена одноцветная бусина, напущенная на золотое колечко из рубчатой проволоки (Ивакин, 2005, с. 298, рис. 7, *3*). Вблизи погребенной располагалось скопление вещей (латунный сосуд, ножницы и др.). Все эти вещи изначально лежали в ларце (в скоплении были обнаружены железные детали ларца). Среди находок было 27 стеклянных пластинок, по размерам, цвету и форме сопоставимых со стеклянными пластинками камерного погребения 7 Старовознесенского некрополя и гнёздовского кургана Оль-30. Г. Ю. Ивакин, после консультации с Т. А. Пушкиной (Ивакин, 2005, с. 289), также интерпретирует эти стеклянные пластинки как нашивки на одежду.

Сходство гнёздовского камерного и киевского камерного погребений с псковским погребением в камере 7 несомненно. На этом основании можно предположить, что все три погребения были совершены примерно в одно время. Гнёздовское погребение, пока развернуто не опубликованное, московские исследователи датируют достаточно широко — второй половиной X в. (см. выше). Так же было датировано Г. Ю. Ивакиным киевское погребение (Ивакин, 2005, с. 289). Однако развернуто опубликованный киевским

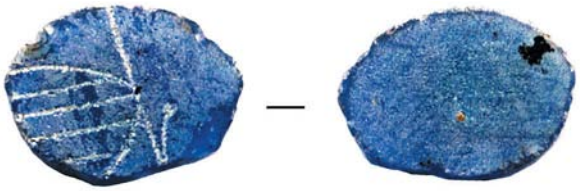


Рис. 16. Стеклянная пластинка с гравировкой, найденная на Рюриковом городище в 2011 г.

исследователем материал погребения делает возможным некоторое уточнение датировки, предложенной уважаемым коллегой.

Присутствие в составе ожерелья мозаичной «рыже-пестрой» бусины позволяет сузить полувековый интервал. Самые ранние известные нам стратиграфически надежные, экземпляры рыже-пестрых мозаичных бус были найдены в Старой Ладоге (раскоп В. П. Петренко на Варяжской улице) в культурных напластованиях, датирующихся не ранее самого конца X в.[1] Видимо, не ранее конца X в. следует датировать и подобные бусы, найденные на Неревском раскопе Великого Новгорода[2]. На этом основании нижнюю дату киевского камерного погребения № 49 можно определить как не ранее самого конца X в. В то же время трудно предположить организацию на некрополе столичного Киева погребения по языческому обряду сколько-нибудь заметно позднее христианской религиозной реформы князя Владимира. Из сопоставления этих соображений получаем дату: конец 980-х — начало 990-х гг.

Подобные псковским и киевским стеклянные пластинки были выявлены в 1980-х, 2007–2008 и 2011 гг. в ходе раскопок Е. Н. Носова и Н. В. Хвощинской[3] на Рюриковом городище. Следует признать, что в этом случае непросто без специального изучения, на основании только морфологии, определить, относились ли данные изделия к декору одежды X в. или являлись деталями витража позднесредневекового времени: и в том и в другом случае небольшие разноцветные стеклянные пластинки правильной формы обработаны по краям мелкой ретушью. В работе об исследовании центральной части Городища в 1984–1989 гг. есть упоминания о трех таких находках (Носов, Плохов, 2005, с. 46, 61). Приводятся изображения двух стеклянных пластинок, предположительно определенных как витражи и отнесенных Е. Н. Носовым и А. В. Плоховым к позднесредневековому времени (Носов, Плохов, 2005, с. 61, табл. VII, *1*, *4*). Находки 2007–2008 гг., к сожалению, были сделаны при разборе мешаного слоя. Но в 2011 г. стеклянная пластинка с гравировкой[4] (рис. 16) была найдена в яме конца I тысячелетия. Заполнение ямы по керамическому материалу предварительно датируется второй половиной X в. (Носов, А2011, с. 17–18). Такая дата не противоречит датам гнёздовской и киевской находок.

Гнёздовские находки и находка Рюрикова городища широко датируются второй половиной X в. Киевское погребение единственное имеет более узкую дату. Исходя из этой узкой даты представляется возможным осторожно датировать псковскую камеру 7 в пределах последней четверти X в., причем более вероятной нам представляется вторая половина этого интервала.

5. Вывод

Таким образом, рассмотренные камерные погребения 1 и 7 псковского Старовознесенского некрополя, исходя из использованной нами процедуры датирования, хронологически локализуются в последней четверти X в. В пределах этих 25 лет камерное погребение 1 — как будто несколько более раннее, а камерное погребение 7 — как будто несколько более позднее.

6. Специфика культурных связей

«Комплекты ожерелий» и изделия из стекла псковских камерных погребений 1 и 7 конца X в. позволяют осторожно говорить о направленно-

[1] Три экземпляра таких бус из раскопок на Варяжской улице локализуются в пределах деревянных конструкций (постройка II-9-ВУ, постройка II-11-ВУ или III-16-ВУ, настил между постройками III-1-ВУ, III-2-ВУ, III-3-ВУ) имеющих надежные дендродаты: 991, 995 и снова 991 г. (Петренко, 1985; Черных, 1985, с. 121; Горюнова, 2002, с. 58).

[2] Стратиграфическое положение и датировка подобных бус Неревского раскопа требует тщательного анализа. Сердечно благодарим П. Г. Гайдукова за консультацию.

[3] Сердечно благодарим Е. Н. Носова и Н. В. Хвощинскую за предоставленную возможность ознакомиться с этими материалами и за разрешение сослаться на эти находки.

[4] НОЭ-11, РГ-595. Заметим, что одна из находок 1980-х гг. также несла следы декора: Е. Н. Носов и А. В. Плохов пишут о «прямоугольной пластине синего прозрачного стекла (края покрыты мелкой ретушью) с протравленным узором, представляющим собой два четырехлепестковых цветка» (Носов, Плохов, 2005, с. 61).

сти и интенсивности культурных связей коллектива, оставившего камерные погребения.

Североевропейские черты камерных погребений 1 и 7 не вызывают сомнений. Но скандинавские элементы присутствуют во многих памятниках древнерусской элитарной субкультуры, в литературе традиционно обозначаемой как «дружинная субкультура». Более того, для X — начала XI в. как раз такие элементы «цементируют» эту субкультуру. Заметим, что связь псковского камерного погребения 1 именно с Северной Европой (а не с североевропейскими чертами древнерусской элитарной субкультуры) отчетливо проявляется в наборе стеклянных бус, по внешним характеристикам довольно скромном и невыразительном.

В рамках древнерусской «дружинной субкультуры» особенно заметна связь псковских камерных погребений с несущими скандинавские признаки погребениями древнерусского Поднепровья — верхнего (Гнёздово) и среднего (Киев). В погребениях Киевского и Гнёздовского могильников, в кладах Гнёздова обнаруживаются многочисленные украшения, однотипные с найденными в псковских камерах. Это бусы, нанизанные на золотые и серебряные колечки с завязанными концами, привески из византийских монет (Ениосова, 2007, с. 310–311), полые серебряные бусы с зернью и т. д. Лунница псковского камерного погребения 1 уникальна, но относится к той же группе артефактов, что и гнёздовские лунницы (Путь из варяг..., 1996, с. 48–49, № 148–155). Стеклянные ретушированные пластинки геометрической формы зафиксированы на Северо-Западе: в Пскове, на Рюриковом городище, и в Поднепровье: в Киеве и Гнёздово. Сходство псковских камерных погребений с камерными погребениями Поднепровья по материалу стеклянных находок как будто более сильное, чем с камерными погребениями Шестовицкого и Тимеревского некрополей.

«Поднепровский вектор» ярче всего проявляется при рассмотрении металлических украшений, входящих в ожерелья. Вероятно, через Поднепровье проявляется «византийский вектор», к которому наряду с монетами-подвесками и некоторыми бусами следует отнести и стеклянные ретушированные пластинки. Византийская культурная атрибуция гнёздовских стеклянных пластинок убедительно доказана Н. В. Ениосовой и Т. А. Пушкиной (Ениосова, Пушкина, 2012, с. 59–60). Добавим со своей стороны еще один аргумент в пользу такой атрибуции: византийское происхождение стеклянных пластинок псковского погребения следует из содовой рецептуры стекла[1] (см. приложение): ближневосточный импорт, скорее всего, был бы изготовлен из зольного стекла. Дело в том, что если зольное стекло восточной рецептуры универсально и использовалось как византийскими мастерами, так и мастерами мусульманских городов, то содовое стекло в большей степени характерно именно для византийской ремесленной традиции.

Однако, говоря о византийском происхождении такого приема украшения одежды, как и о византийском происхождении самого стекла, мы должны сделать немаловажное замечание. Н. В. Ениосова и Т. А. Пушкина пишут: «...можно предположить, что шелковые одеяния, расшитые цветными стеклами, изготавливали в императорских мастерских специально для дипломатических даров. В мире “варваров” их потребителями были архонты и знатные люди, стремившиеся получить парадные облачения представителей константинопольского двора» (Ениосова, Пушкина, 2012, с. 60). Мы не можем полностью, без оговорок, принять такую реконструкцию. Обратим внимание на удивительную «простодушную непритязательность» представительниц киевской, гнёздовской и псковской элиты — ведь женщины, захороненные в камерных погребениях, особенно если речь идет об одиночных погребениях, несомненно относились к какой-нибудь страте элиты — в вопросе украшения парадного платья. Ведь стеклянные пластинки, блестевшие на таком, несоменно дорогом платье, и укрепленные на нем золотыми нитями, оказываются сделанными из переиспользованных стеклянных изделий — сосудов, оконного стекла и т. д.! Для византийского внешнеполитического ведомства, ведающего дипломатическими дарами, учитывая широкое распространение продукции стеклоделия в Византии, не представляло труда в случае сколько-нибудь важного акта дарения добиться изготовления специально сделанных стеклянных деталей одежды. Но отмеченное использование

[1] Конечно, изделия из содового стекла в рассматриваемое время изготовлялись не только на территории Византийской империи. Так, изделия из такого стекла производились в Западной Европе. Однако все известные нам западноевропейские (условно — «каролингские») стеклянные изделия этого времени — достаточно толстостенные. Исключение составляют великолепные испанско-мавританские стекла, формально — западноевропейские, но фактически относящиеся к восточно-средиземноморской ремесленной традиции. Названный признак (толстостенность) надежно отграничивает западноевропейские («каролингские») изделия от рассматриваемых нами стеклянных пластинок камерного погребения 7.

осколков сосудов и оконного стекла, на наш взгляд, скорее говорит о местном, восточноевропейском подражании византийскому великолепию — при этом для стеклянных деталей декора использовалось то, что оказывалось под рукой. Соответственно, скорее всего, в наших случаях (Киев, Гнёздово, Псков) речь идет о представительницах отнюдь не самой верхней страты элитарной женской субкультуры.

А вот «восточный вектор» едва заметен. Фактически можно говорить о восточно-средиземноморском или западно-азиатском происхождении только пары стеклянных бус (**к7.-2**) и тонкостенного сосудика из камерного погребения 7. Еще раз отметим, что в материалах раннедревнерусских поселений, синхронных псковским камерным погребениям, численно доминируют стеклянные бусы и бисер VIII группы по Львовой, рецептура и технологическая схема изготовления которых отвечают ближневосточной (в широком смысле) ремесленной традиции. На этом фоне малочисленность бус VIII группы в материалах рассматриваемых псковских камерных погребений представляется небезынтересной иллюстрацией культурной избирательности.

Приложение. Результаты анализа химического состава стекол

Химический состав стеклянных пластинок и сосуда из камерного погребения 7

Для анализов было отобрано 10 образцов: 9 фрагментов тонких стеклянных пластинок (прозрачного синего, фиолетового, бесцветного стекла разных оттенков) и 2 фрагмента стеклянного сосуда прозрачного бесцветного стекла. На анализы мы старались отбирать по два образца от визуально близких стеклянных пластинок: два образца синего стекла, два образца фиолетового стекла и т. д. (табл. 1). При этом от конкретной стеклянной пластинки отбиралось по одному образцу. От фрагмента сосуда и от пластины тонкого бесцветного прозрачного стекла были взяты по одному образцу. Таким образом, всего рассматривались 6 видов стекла.

Образцы исследовались двумя методами: методом количественного эмиссионного спектрального анализа и методом рентгеноспектрального микроанализа. Количественный эмиссионный спектральный анализ (ЭСА) был проведен в физической лаборатории ИИМК РАН (аналитик А. Н. Егорьков). Всего было проведено 10 анализов. Результаты анализа отражены в табл. 2. Рентгеноспектральный микроанализ был проведен в Радиевом институте им. В. Г. Хлопина (СПб) (аналитик Ю. Л. Крецер). Результаты анализа отражены в табл. 3.

Таблица 1. Образцы стекла из камеры 7, взятые для анализа

№	Описание
1	Пластина синего прозрачного стекла
2	-«-
3	Пластина фиолетового прозрачного стекла
4	-«-
5	Пластина бесцветного прозрачного стекла с заметным желтым оттенком
6	-«-
7	Пластина бесцветного прозрачного стекла с оттенком цвета морской волны
8	-«-
9	Пластина очень тонкого бесцветного прозрачного стекла (практически без оттенков)
10	Сосуд бесцветного прозрачного стекла, слабый желтоватый оттенок

Использование двух методов обусловлено тем, что эти методы дополняют друг друга. ЭСА с высокой точностью определяет микроконцентрации элементов, содержащихся в стекле. Это позволяет определять примеси и некоторые технологические добавки. Рентгеноспектральный микроанализ с высокой точностью определяет содержание в стекле щелочных и щелочноземельных элементов. При этом используемая методика измерения не позволяла с помощью этого анализа успешно определять содержание элементов, концентрация которых в стекле не превышала 0,2 %.

Соответственно при интерпретации состава стекла, если возникали разночтения между данными двух анализов, то при определении содержания основных стеклообразующих элементов — окислов Na, K, Ca и Mg — предпочтение отдавалось рентгеноспектральному микроанализу, а в определение технологических добавок — методу ЭСА.

1. Стекло из природной соды

Из результатов анализов (соотношения содержания натрия к калию и кальция к магнию) следует, что часть исследованных стекол (образцы № **1** и **2**, **5** и **6**, **9**) изготовлены из природной соды. По номенклатуре химических типов

В. А. Галибина, формула химического типа такого стекла: **Si-Na-Ca**.

Из 10 анализов такой формуле отвечает 5 анализов. Учитывая сдвоенность отбора образцов, к химическому типу **Si-Na-Ca** относятся 3 вида объектов из 6 подвергнутых анализу видов стеклянных объектов (пластинок и фрагмента сосуда), происходящих из камерного погребения 7.

Синее стекло (№ 1–2)

Состав синего стекла, полученный двумя разными методами, дает разные результаты. Согласно ЭСА, это стекло изготовлено по «восточному» рецепту. Согласно рентгеноспектральному микроанализу, это стекло — содовое. Химический тип получается из соотношения окислов

Таблица 2. Результаты ЭСА стеклянных изделий из камеры 7

Шифр лаборат.	841–14	841–15	841–16	841–17	841–18	841–19	841–20	841–21	841–22	841–24
Предмет	Пластина	Пластина	Пластина	Пластина	Пластина	Пластина	Пластина	Пластина	Пластина	Сосуд
№ образца	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Цвет, прозрачность	Синее прозр.	Синее прозр.	Фиолет. прозр.	Фиоле., прозр.	Б/ц прозрач. с замет. желтым оттенком	Б/ц прозрач. с замет. желтым оттенком	Б/ц прозрач. оттенок морской волны	Б/ц прозрач. оттенок морской волны	Б/ц прозрач (практически без оттенка)	Сосуд бесцвет. прозрач. слабый желтоват. оттенок
SiO_2	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.
Na_2O	17	16	16	17	15	15	17	17	16	18
K_2O	2,6	2,3	2,5	2,6	1,8	1,8	2,6	2,8	1,8	2,7
CaO	8,7	10	13	8,0	2,0	2,1	9,0	9,4	8,7	7,2
MgO	1,7	3,5	2,7	2,6	0,3	0,3	2,4	3,3	0,6	3,5
Al_2O_3	3,3	3,4	3,6	3,8	1,5	1,4	3,7	4,0	2,0	2,2
Fe_2O_3	2,0	1,6	1,2	1,7	0,4	0,6	1,5	1,8	0,5	0,8
MnO	1,8	0,7	**2,0**	**2,7**	0,02	0,02	1,5	1,9	0,03	1,6
TiO_2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,04	0,04	0,2	0,2	0,06	0,06
PbO	0,4	0,2	0,06	1,0	–	–	0,2	0,06	0,07	–
SnO_2	0,05	–	–	–	–	–	–	–	–	–
CuO	0,4	0,3	–	–	–	–	–	–	–	–
CoO	0,1	0,1	0,01	0,02	–	–	0,02	0,02	–	–
Sb_2O_5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ag_2O	–	–	–	0,02	–	–	–	–	–	–
NiO	0,01	0,02	0,03	0,03	–	–	0,03	0,02	–	–

Таблица 3. Результаты рентгеноспектрального микроанализа стеклянных изделий камерного погребения 7

Предмет	Пластина	Пластина	Пластина	Пластина	Сосуд
№ образца	*1*	*3*	*6*	*8*	*10*
Цвет, прозрачность	Синее прозр.	Фиолет, прозр.	Б/ц прозрач. с замет. желтым оттенком	Б/ц прозрач. оттенок морской волны	Сосуд бесцвет. прозрач., слабый желтоват. оттенок
SiO_2	66,2	64,2	71,1	66,4	64,42
Na_2O	17,8	17,0	14,2	18,5	18,6
K_2O	1,2	1,4	1,3	1,2	3,19
CaO	7,7	8,1	6,3	7,4	6,71
MgO	Nd	1,8	Nd	1,7	5,06
Al_2O_3	2,3	2,5	3,4	2,3	1,98
Fe_2O_3	1,4	1,0	0,8	0,8	0,45
MnO	1,0	2,6	0,8	1,2	1,16
CuO	0,4				
CoO	0,3				

щелочных и щелочноземельных элементов. Данные, получаемые по результатам рентгеноспектрального микроанализа, в данном случае представляются более надежными.

Стекло обесцвечено марганцем (Mn). Синий цвет обеспечивается кобальтом (Co).

Сложно интерпретировать присутствие в стекле меди (Cu). Медь способна окрасить стекло в голубой цвет. Но красящая способность Co значительно выше, чем у Cu. Из рациональных соображений объяснить совместное использование меди и кобальта при составлении синего красителя в данном случае не удается.

Возможно, медь является не технологической добавкой, а примесью в кобальтосодержащем минерале. Кобальтовые месторождения Старого Света не очень многочисленны и характеризуются достаточно устойчивым «шлейфом» примесей. Сочетание Co и Cu характерно для некоторых синих, окрашенных кобальтовой краской стекол «восточного»[1] происхождения (Gratuze, Soulier, Blet, Vallauri, 1996, p. 80, Tab. 1). С таким заключением как будто согласуется обнаруживаемая в стекле образцов № 1 и 2 примесь никеля (Ni). Заметим, что для иранского кобальта характерно сравнительно высокое содержание примесных никеля и железа (Kerr, Wood, 2004, p. 663).

В одном из анализов синего стекла (см. табл. 2, анализ № 1) ЭСА зафиксировал присутствие незначительного (0,05 %) количества примесного олова (Sn). В истории стеклоделия известны случаи, когда Sn в состав стекла попадало вместе с медным красителем (Галибин, 2001, с. 50), добавляемым в виде бронзы. Возможно, Sn является примесью к медному **красителю**, введенному в кобальтовую краску сознательно. Тогда синяя краска, окрашивающая стекло образцов № 1 и 2, составлена из двух красителей — Cu и Co (совместное использование которых для окрашивания стекла в синий цвет не является рациональным в современном понимании).

Свинец (Pb), в незначительном количестве обнаруженный в стекле образцов № 1 и 2, является примесью. ЭСА-анализы стекла этих образцов выявили близкое содержание Co, а содержание Pb в образцах различается (см. табл. 2). Возможно, свинец попал в состав стекла образцов № 1 и 2 в процессе варки стекла как своеобразное «наследие» предшествующих свинцовосодержащих выплавок (Егорьков, 2001, с. 143). В этом случае свинец является не природной, а производственно-технологической примесью.

[1] Судя по контексту, французские исследователи имеют в виду Ближний Восток.

Бесцветное прозрачное стекло с заметным желтым оттенком (№ 5 и 6)

Два образца стекла (образцы № 5 и 6) были взяты из пластинок бесцветного прозрачного стекла с заметным желтым оттенком. Результаты ЭСА этих образцов практически одинаковы. А вот сравнение результатов ЭСА и рентгеноспектрального микроанализа (см. табл. 2 и 3) обнаруживает заметную разницу в концентрации CaO. А. Н. Егорьков отмечал, что содержание кальция (и магния) в стекле «методом оптико-эмиссионной спектрографии определяется с большей уверенностью, чем щелочные металлы» (Егорьков, 2011). Однако если мы отдадим в данном случае предпочтение результатам ЭСА, то столкнемся с известными затруднениями. Согласно разработанной В. А. Галибиным процедуре интерпретации результатов ЭСА, формула химического типа стекла образцов № 5 и 6 должна обозначаться как **Si-Na-(Ca)**. В блок-схему химических типов стекла, помещенную в монографии В. А. Галибина, такой химический тип стекла не входит (Галибин, 2001, с. 86, табл. 35). В. А. Галибин высказывал сомнение в возможности существования стекол такого состава (Галибин, 2001, с. 72).

По этой причине в данном случае мы отдаем предпочтение результатам рентгеноспектрального микроанализа. Согласно данным, полученным этим методом, стекло образцов № 5 и 6 следует отнести к содовым стеклам, практически не содержащим загрязняющих примесей, за исключением окислов железа (Fe) и алюминия(Al). Желтый оттенок стекла, вероятно, объясняется красящими свойствами Fe (обесцвечиватель в стекло не добавлялся) или кремния (Si).

Бесцветное прозрачное стекло (№ 9)

Содовое стекло образца № 9 — бесцветное прозрачное, практически не имеет оттенка. Пластинка, изготовленная из этого стекла, отличается от других исследованных пластинок большей тонкостью.

Особенностью результата анализа данного экземпляра является удивительная чистота сырья. В данном экземпляре — самая низкая в серии концентрация железа: 0,5 %. Такое низкое содержание железа не требовало специального введения в состав стекла марганца в качестве обесцвечивателя. И действительно, содержание марганца в образце № 9 — очень низкое: 0,03 %. В этом образце и самая низкая концентрация алюминия во всей рассмотренной серии образцов стекла камеры 7.

Единственной примесью, зафиксированной в этом стекле, является свинец, причем концентрация его очень мала — 0,07%. Для основных био-геологических компонентов шихты содового стекла — для природной соды, природного силикатного песка и для раковинной крошки — не характерна примесь свинца, даже такая незначительная.

Вероятно, Pb (как и в случае образцов №1 и 2) попал в стекло как производственно-технологическая примесь.

2. Стекло химического типа Si-Na-Ca(Mg)

Часть исследованных стекол (образцы №3 и 4, **7** и 8) изготовлены из стекла, результаты рентгеноспектрального микроанализа состава которого отвечают по номенклатуре химических типов В.А. Галибина формуле **Si-Na-Ca(Mg)**.[1] Из 10 анализов такой формуле отвечает 4 анализа (2 вида стеклянных объектов). Мы не можем уверенно определить сырье, использованное для приготовления стекла такого химического типа. Речь может идти как о стекле, сваренном на соде и песке, загрязненном продуктами разложения морских растений, так и о зольном стекле, изготовленном с использованием золы морских растений.

Фиолетовое прозрачное стекло (№3–4)

Прозрачное стекло образцов №3–4 окрашено в мутновато-фиолетовый цвет марганцем (Mn). ЭСА зафиксировал в стекле слабую примесь кобальта. Вероятно, кобальт входил в состав марганцевого минерала, использованного в качестве технологической добавки. О такой возможности писал В.А. Галибин: «...примесь кобальта, который нередко встречается в марганцевых рудах», «небольшие количества кобальта могут сопутствовать большим содержаниям марганца и железа» (Галибин, 2001, с. 38, 49). Примесь никеля может быть связана с примесью кобальта: «...никель является спутником кобальта, поэтому он часто встречается вместе с ним» (Галибин, 2001, с. 49). Это предположение как будто подкрепляется тем, что в результатах ЭСА примеси кобальта и никеля встречаются совместно в стеклах, содержащих заметное количество марганца в качестве технологической добавки, будь то краситель или обесцвечиватель (образцы №3–4, 7–8).

Свинец, обнаруженный в фиолетовом стекле, является производственно-технологической примесью, как и в случаях образцов №1–2 и 9. Незначительную примесь серебра (Ag), фиксируемую ЭСА в анализе №4, можно попытаться трактовать, как сопутствующий свинцу элемент (Галибин, 2001, с. 50; Егорьков, 2001, с. 142). Действительно, именно в анализе №4 обнаруживается сравнительно высокое значение примесного свинца (1%). В таком случае серебро можно интерпретировать как природную примесь к производственно-технологической примеси. Подчеркнем, что это лишь предположение: рассуждения такого рода о происхождении примесей в стекле, не подтвержденные убедительными корреляциями, носят достаточно гадательный характер.

Прозрачное бесцветное стекло (№7–8)

В этом прозрачном бесцветном стекле марганец является технологической добавкой — обесцвечивателем, компенсирующим окрашивающую способность присутствующего в шихте примесного железа. Стекла №7–8 и 3–4 изготовлены по схожей рецептуре и на основе некого одинакового сырья. Это следует из присутствия примесного никеля в стеклообразующих компонентах шихты, из которой изготовлено стекло образцов №7–8, примесного кобальта в марганцевом минерале — технологической добавке, и примесного свинца, видимо, как и в случае с фиолетовым стеклом, имеющим производственно-технологическое происхождение (ср. №3–4).

2. Зольное стекло «восточного типа» (образец №10)

Такому стеклу отвечает только один образец: фрагмент сосуда бесцветного прозрачного стекла, имеющий слабый желтоватый оттенок (образец №10). Состав этого стекла, полученный разными методами анализа, практически совпал. Как следует из результатов обоих анализов, сосуд был изготовлен из зольного стекла с преобладанием натрия над калием и кальция над магнием. По номенклатуре химических типов В.А. Галибина (Галибин, 2001), формула химического типа такого стекла: **Si (Al)-Na (K)-Ca, Mg**. Учитывая сдвоенность отбора образцов, к этому химическому типу относится 1 вид стекла из 6 рассмотренных.

Стекла, отвечающие химическому типу **Si (Al)-Na (K)-Ca, Mg**, в литературе трактуются как изготовленные на основе золы галофитов — растений, произрастающих на засоленных почвах.

[1] Заметим, что фиолетовое стекло (№3–4) и бесцветное прозрачное стекло с оттенком морской волны (№7–8), если бы мы исходили из результатов ЭСА (табл. 2), по разработанной В.А. Галибиным процедуре интерпретации следовало бы отнести к зольным стеклам «восточного» типа.

Таблица 4. Результаты анализов составов стекол камеры 7

№ образцов	Химический тип стекла (по В. А. Галибину)	Тип сырья	Интерпретация состава стекла	Технологически добавки	Элементы-примеси
1, 2	**Si-Na-Ca**	Природная сода	Содовое стекло	Окрашено **Co** и **Cu**, обесцвечено **Mn**	**Ni, Pb**
3 и **4**	**Si-Na-Ca(Mg)**	?	?	Окрашено **Mn**	**Ni, Pb**
5 и **6**	**Si-Na-Ca**	Природная сода	Содовое стекло	—	—
7 и **8**	**Si-Na-Ca(Mg)**	?	?	Обесцвечено **Mn**	**Ni, Pb**
9	**Si-Na-Ca**	Природная сода	Содовое стекло	—	**Pb**
10	**Si(Al)-Na(K)-Ca(Mg)**	Зола «солончаковых» растений	Зольное стекло «восточного» типа	Обесцвечено **Mn**	—

Для таких растений иногда используется термин «солончаковые растения».

Стекло обесцвечено марганцем (Mn). Содержание примесей незначительно.

***

Итак, рассмотрение результатов анализов составов стекла позволило заключить, что исследованная серия стекол камеры 7 относится к трем разным химическим типам: зольному стеклу «восточного типа», содовому стеклу и стеклу, состав которого может быть обозначен формулой **Si-Na-Ca(Mg)** (табл. 4).

При этом для разноцветных стеклянных пластин, совместно использованных для декора, было использовано стекло двух рецептов. Содовое стекло было изготовлено в Европе или Византии. Сколько-нибудь узко определить место изготовления зольного стекла «восточного» типа в X в. представляется невозможным в силу универсальности рецепта.

Химический состав стеклянных бус, происходящих из камерного погребения 7

Ретнтгеноспектральному микроанализу были подвергнуты 3 бусины, обнаруженные в камерном погребении 7. Результаты анализа отражены в табл. 5.

В случае бус **к7.-3** (рис. 12), **к7.-2(2)** (рис. 11) и **к7.-1(1)** (Погр. 7, Прил. 3, Каталог, ***1***) анализировалась поверхность бус, более всего подверженная выщелачиванию. В случае бусины **к7.-3** (рис. 12) это должно было привести к занижению содержания щелочей (при этом натрий выщелачивается из стекла интенсивнее, чем калий). В случае стекла бус **к7.-2(2)** (рис. 11) и **к7.-1(1)** последствия выщелачивания должны быть менее существенны в силу высокого содержания в стекле алюминия, «стабилизирующего» стекло. Заметим, что в результатах анализа поверхности бусины **к7.-1(1)** (Прил. 3, Каталог, ***1***) настораживает сочетание высокой концентрации алюминия и невысокой концентрации щелочных элементов и свинца. Такой состав предполагает значительную тугоплавкость стекла. Возможно, концентрация алюминия в данном анализе все же несколько завышена.

Стекло бусины **к7.-3** (рис. 12) было проанализировано в лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа методом рентгенофлюоресцентного анализа (РФлА) (аналитик С. В. Хаврин при участии автора). Необходимость такого анализа объясняется слабой чувствительностью метода рентгеноспектрального микроанализа к технологическим добавкам низких концентраций[1].

Бусина **к7.-3** (рис. 12) изготовлена из «восточного» свинцово-щелочного стекла (Галибин, 2001, 74). Химический тип стекла бусины по анализу поверхности однозначно уверенно определить не удается. Это либо **Si(Al)-Pb-Na(K)-Ca(Mg)** либо **Si(Al)-Pb-Na-Ca(Mg)**. Низкое содержание оксида кальция заставляет заключить, что стекло — зольно-свинцовое. Стекло обесцвечено марганцем. Рентгеноспектральный микроанализ не выявил красителя, благодаря которому стекло бусины имеет светло-голубой цвет[2]. По результатам РФлА бусина была окрашена небольшим количеством кобальтового красителя с примесью или добавкой меди. Красителем крупного красного пятна на боку бусины является медь (закись меди Cu_2O).

---

[1] Результаты поэлементного анализа методом РФлА проводились в условных единицах интенсивности и не переводились в количественные значения. По этой причине полученные данные носят вспомогательно-уточняющий характер и должны рассматриваться только в комплексе с данными других анализов.

[2] Такая ситуация отмечена Ю.Л. Щаповой: «К сожалению, краситель синего цвета аналитически не определен, однако несомненно это окись кобальта» (Щапова, 1998, с. 111).

Таблица 5. Результаты рентгеноспектрального микроанализа стеклянных бус

Объект	к7.-3.	к7.-2(2)	к7.-1(1)
Номер полевой описи	10	42	12(1)
Цвет, прозрачность	Светло-синяя, просвечивающее стекло	Голубое, непрозрачное стекло	Зеленое, непрозрачное стекло
SiO_2	63,8	56,98	75,16
Na_2O	7,8	11,73	4,11
K_2O	1,5	3,86	2,35
CaO	4,5	4,06	4,97
MgO	1,2	3,23	2,38
Al_2O_3	2,5	8,22	6,81
Fe_2O_3	2,3	3,54	0,58
MnO	0,4	0,58	nd
TiO_2	nd	0,33	nd
PbO	14,3	3,55	0,92
SnO_2	+	Микробляшки	
CuO	nd	1,0	0,38
CoO	nd	–	–

Бусина **к7.-2(2)** (рис. 11) изготовлена из зольного стекла «восточного типа» с преобладанием натрия над калием и кальция над магнием. Химический тип: **Si,Al-(Pb)-Na(K)-Ca,Mg**. Красителем является медь. В качестве глушителя выступает олово. Олово находится в стекле в виде крошечных «комочков» металла, хорошо видных на электронно-микроскопической фотографии (рис. 17). Фиксируется значительное присутствие алюминия (8,22%), делающего стекло тугоплавким. Видимо, в силу этого в качестве дополнительного плавня в шихту был добавлен свинец (3,55%).

Бусина **к7.-1(1)** изготовлена из зольного стекла. Рецепт «восточный» — в качестве основы шихты выступала зола. Преобладание натрия над калием незначительно, суммарная концентрация щелочных элементов невелика. То есть зольный компонент шихты, выявляемый анализом, очень незначителен. Возможно, это связано с тем, что была исследована поверхность бусины. Химический тип: **Si,Al-Na,K-Ca,Mg**. Красителем является медь. Роль свинца неочевидна, возможно, свинец попал в стекло вместе с медью (свинцовая бронза). Технологические добавки — глушители — анализом не зафиксированы. Вероятно, непрозрачность стекла — «кажущаяся». Содержание примесного железа незначительно.

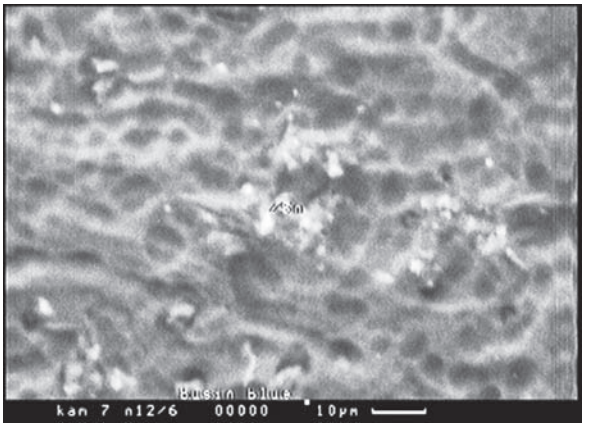


Рис. 17. Электронно-микроскопическая фотография стекла бусины **к. 7–2(2)**. Хорошо заметны «комочки» металлического олова

Ya.V. Frenkel

Glass and Amber Objects from Chamber Graves of the Old Ascension (Starovoznesensky) Necropolis: Experience of Cultural-chronological Attribution

Summary

1. On the basis of necklaces and glass objects the dating of chamber graves is carried out. Chamber 1, according to this dating, is attributed to the years 970-ies — 980-ies. Chamber 7 is attributed to 980-ies — 990-ies.

2. The studied categories of finds allow us to suppose communications with the neighbouring territories. The glass beads indicate Scandinavian contacts, metal elements of necklaces point to the direct connection with “druzhinny” burial grounds of Podneprovye (Gnezdovo, Kiev) and mediated connection — through Podneprovye — with Byzantium.

Rather obscure connection with the East is noted.

3. Chemical composition of 13 glass objects from chamber grave 7 is defined. The most part of glass plates of chamber grave 7 is made of soda glass which was at that time produced in Byzantium and Western Europe. Two of the three beads from chamber 7 chosen for glass chemical composition analysis are made of cinder glass according to “eastern” recipe.

С. А. Салмин

Оружие псковского некрополя X — нач. XI в.

Камерные гробницы являются одним из важнейших источников информации об оружии и воинском быте Древней Руси. Старовознесенский некрополь Пскова не оказался исключением. В погребениях 4 и 5, датированных X в., были найдены четыре предмета вооружения. В четвертой камере, в захоронении № 1 (мужчина), — навершие и подвесы ножен короткоклинкового оружия, в захоронении № 2 (подросток) — боевой топор. В погребении 5 (подросток) обнаружены топорик и наконечник стрелы.

1. **Топор** (Старовознесенский V раскоп, рук. Ершова Т. Е., 2007 г., камерное погребение 4, захоронение № 2; см. Погр. 4, Прил. 2, Прил. 3, Каталог, ***8*).**

Железо, ковка; в проухе сохранились остатки деревянной рукояти (рис. 1, *а*).

Находка представляет собой топор-чекан с дополнительным клином на обухе, угол разноса лезвий топора равен 140 градусам. Передний (боевой) клин топора представляет собой трапецию, расширяющуюся к лезвию, длиной 70 мм, шириной 45–27 мм, с выраженным перехватом у проушной части (18 мм). Основная толщина клина — 6 мм, плавно уменьшается к лезвию. От проушной части клин отделяют выраженные плечики. Щековицы овальные, длиной 50 мм, шириной 32 мм. На левой щековице сохранились остатки корродированного железного кольца (?). Ширина проушной части —30 мм, общая длина — 58, диаметр проуха — 20 мм.

Обушной клин («стабилизатор») имеет форму трапеции, сужающейся к проушной части, длина его — 42 мм, ширина — 16–30, толщина — 5 мм. Следов заточенности или рабочих повреждений заднее лезвие не имеет. Общая длина топора — 168 мм. Масса топора составляет 169 г, т. е. приближается к 2,5 древнерусским гривнам. Предполагаемая длина рукояти — 600–800 мм.

Топор сильно корродирован, металлическое ядро в нестабильном состоянии, на теле выраженные трещины и кракелюры. Проведены мероприятия по расчистке и консервации объекта[1].

Топор происходит из сопровождающего, второго захоронения камерной гробницы 4. Находился на бедренных костях погребенного подростка 8–9 лет, железко — у левого колена, по наблюдениям Е. А. Яковлевой — упиралось боевым лезвием в борт лодки. Расположение проуха топора позволяет предположить, что конец рукояти находился возле правой кисти погребенного, в районе таза.

Топор принадлежит к типу II по типологии А. Н. Кирпичникова: топорики-чеканы с трапециевидным плоским выступом на обухе (Кирпичников, 1966а, с. 34). Топоры этого типа датируются X — началом XI в. и связаны с «дружинной культурой» этого периода. Они получили широкое распространение в Центральной и Восточной Европе (Древнерусское государство, Швеция, Пруссия, Чехия, Венгрия, Северо-Восточная Болгария — буквально от «варяг до греков» — см., например, Arbman, 1940, Tab. 14, *9*; Йотов, 2004, с. 97, обр. 51, тип 4, вариант А по Йотову). По мнению А. Н. Кирпичникова, тип II сформировался в Приуралье и Предкавказье. Большинство подобных топоров на Руси происходит из погребений. Топор того же типа найден при раскопках могильника на ул. Ленина в Пскове (см. приложение). По типологии У. Ю. Кочкаро-

[1] Здесь и далее — реставрационные работы с предметами вооружения из Старовознесенского некрополя проведены автором статьи.

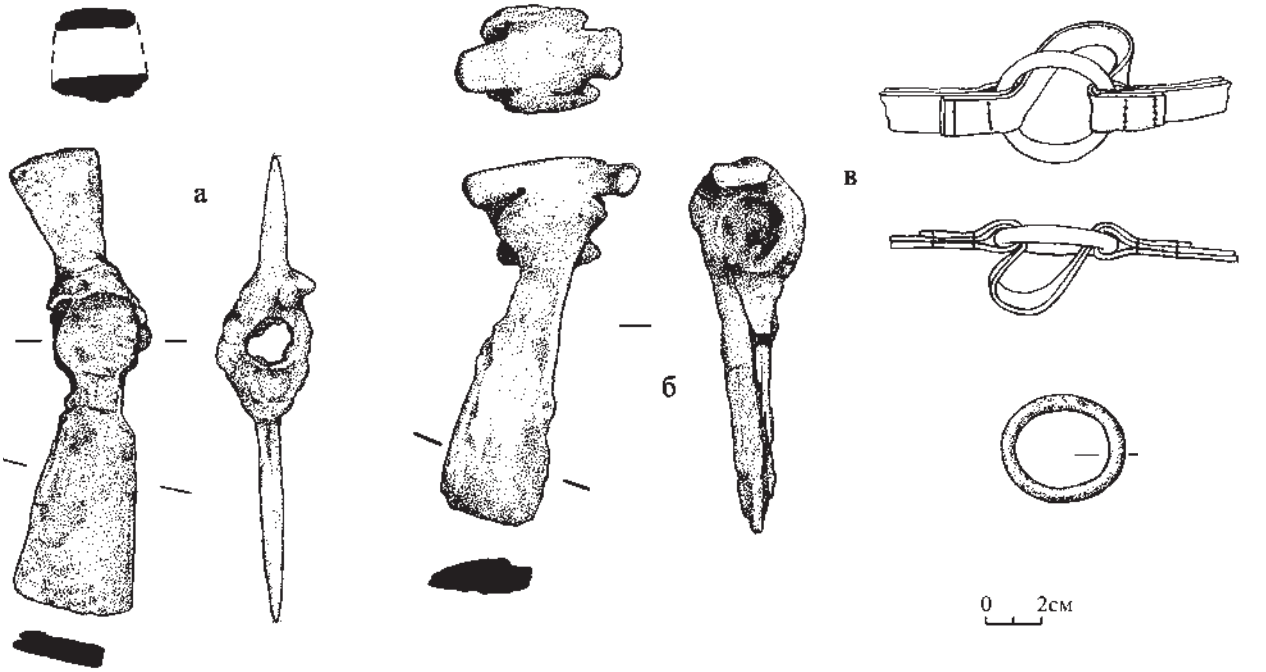


Рис. 1. Топоры из камерных погребений Старовознесенского некрополя:
а — топор (П-07-СтВз-V, камерное погребение 4, захоронение 2, уч. В, кв. 72, пл. 17 (–334), яма 25); б — топор (П-08-ПдП-XII, камерное погребение 5, уч. Д, кв. 156, пл. 16 (–311), яма 22); в — самозатягивающаяся петля для крепления топора к портупее (реконструкция)

ва он относится к типу I, подтипу 1, варианту Б. (Кочкаров, 2008, с. 66–67, табл. XXXI). Конструктивные особенности подобных топоров (наличие небоевого «лезвия-стабилизатора» на обухе, расположение лезвий под тупым углом) повышали их эффективность в качестве именно всадническо оружия, приспособленного для нанесения быстрых ударов по вертикально-круговой траектории (Федоров, 2010, с. 29–35).

Возникновение и широкое распространение топоров этого вида в столь узкий хронологический период может быть объяснено перевооружением всадническ дружин степного пограничья в период очередного натиска кочевников (венгры, печенеги). Вероятно, в паноплию древнерусских дружинников топоры типа II попадают в начале X в., в период контакта с мигрирующими на запад венграми. Высокая мобильность элиты древнерусского государства в этот период и активное перемещение воинских контингентов по оси Киев–Новгород провоцировали освоение новых систем ведения военных действий и способствовали унификации вооружения русского войска.

2. **Топор** (Подзноевский XII раскоп, рук. Ершова Т. Е., 2008 г., камерное погребение 5; см. Погр. 5, Прил. 2, Прил. 3, Каталог, кольцо — ***5,*** топор — ***6***). Железо, ковка; в проухе сохранились остатки деревянной рукояти (рис. 1, *б*; 2).

Рис. 2. Топор и кольцо крепления из камерного погребения 5 Старовознесенского некрополя в процессе реставрации

Представляет собой узколезвийный топор с вырезным обухом и симметричными мысовидными щековицами. Общая длина топора составляет 138 мм. Клин топора вытянутой трапециевидной формы, сужается к проушной части. Длина клина — 98 мм, ширина — 35–12 мм. Клин равномерно утолщается от лезвия к проуху, достигая толщины 20 мм. Ширина проушной части — 32 мм, диаметр проушного отверстия — 24 мм. Угол наклона проушного отверстия относительно клина топора составляет около 60 градусов. Такой угол создает невозможность эффективного использования оружия при насаживании на прямую рукоять —

в таком случае, вероятно, следует предполагать использование дуговидной рукояти. Высота щековиц — 43 мм, высота обуха — 59 мм. Вес топора составляет 168 г, что очень близко к весу первого топора.

Топор располагался справа от погребенного (подростка 11–12 лет), железком на уровне бедра, рукоятью к стопам.

К боковине топора примерно посередине, заходя на щековицу, плотно прилегало овальное кольцо из медного сплава (41 × 36 мм, проволока круглая в сечении, толщина проволоки 4 мм). Глубокое погружение кольца в железные окислы позволяет уверенно считать, что его расположение не случайно. На наш взгляд, это кольцо использовалось для привешивания топора к поясной или плечевой портупее, являясь частью самозатягивающегося устройства. Подчеркнем также, что характеризуемое кольцо — более крупное, чем кольца-разделители пояса погребенного.

Возможно, остатками подобного по назначению железного кольца являются и условно складывающиеся в кольцо дуговидные наросты на щековице топора, найденного в камерном погребении 4.

Топор сильно корродирован, металлическое ядро в нестабильном состоянии, на теле предмета выраженные трещины и кракелюры. В настоящее время проведены мероприятия по расчистке и консервации объекта.

Топор относится к типу III (Кирпичников, 1966а, с. 34–35), одному из наиболее распространенных типов топоров на территории Древнерусского государства. Многочисленность находок и высокая вариативность признаков позволяют связать его происхождение с восточнославянскими землями. Кроме восточнославянских земель топоры этого типа встречаются в прибалтийских землях, Поволжье, Сербии. Период распространения таких топоров традиционно ограничивают X–XII вв.

Как и охарактеризованный предыдущим, топор из камеры 5 был наиболее эффективен в случае его использования всадником — в данном случае роль «стабилизатора» выполняла изогнутая рукоять.

Малый вес этих топоров при незначительной длине лезвий позволял наносить точные удары на высокой скорости и мог составить конкуренцию более дорогому и сложному в изготовлении клинковому оружию. Ориентацией на высокоскоростной бой объясняется и обязательное наличие у топоров этого круга своеобразных «стопоров» — резко расширяющихся обухов, ограничивающих возможность излишне глубокого проникновения в цель.

Из-за особенностей конструкции (узких клинков, малого веса, острого угла насадки на рукоять) все эти топоры были малоэффективны против крупноразмерных дощатых щитов, доминировавших в X–XI вв. на территории Восточной Европы. Это делало их малопригодными для использования в пешем строю и превращало в специализированное оружие конницы.

Первый топор предназначался скорее для поражения бездоспешного или защищенного органическим (кожаным, тканевым) или гибким кольчужным доспехом противника, топор из погребения 5 с его узким и мощным клинком ориентирован в большей степени на пробитие жесткого металлического бронирования (шлем, ламеллярный доспех) (Петренко Ю. А., Петренко А. Л., 2004, с. 110).

* * *

Преобладание топоров среди оружия, помещаемого в погребения, вполне объяснимо. Топор был базовым оружием большинства европейских культур раннего Средневековья и в связи с этим выступал показателем полноправного статуса свободного мужчины. Небходимость подчеркивания этого статуса делала обязательным наличие боевых топоров даже в погребениях подростков мужского пола[1] — находясь в состоянии «пограничного возраста», последние особенно нуждались в подтверждении своего полноправия при переходе в жестко стратифицированный «мир мертвых» (Алексеева, Макаров, Балуева, Сегеда и др., 1993, с. 13; Pedersen A., 1997, p. 126).

Являясь сакральным аналогом меча в качестве предмета вооружения, топор на территории Северной и Восточной Европы зачастую превосходил его по ритуальной значимости. В традиционных восточнославянских верованиях топор являлся собирательным символом наступательного вооружения и в этом качестве на долгое время сохранил свое ритуальное значение. Долгое время топор воспринимался как символ и оружие бога-громовника, выступавшего в качестве защитника миропорядка и борца со злыми проявлениями мироздания (в том числе — с иноплеменными врагами). Результатом этого было превращение топора в универсальный оберег, особенно в случаях «погранич-

[1] См. также топор в инвентаре погребения 3 Изборского XI раскопа, 2006 г., охарактеризованный в приложении к статье.

ных» ситуаций, связанных с взаимодействием с потусторонним миром (Левкиевская, 2002, с. 24, 27, 46). После прихода христианства в Восточную и Северную Европу топор превратился в хрониках в один из устойчивых атрибутов активных борцов с язычеством (святой Олаф, Глеб Святославлевич в эпизоде с волхвом, Стефан Пермский). Летописи неоднократно отмечают высокий статус персонажей, использующих топоры в качестве оружия (Ипатьевская летопись, запись под 6524 и 6579 гг., с. 130, 171; Новгородская четвертая летопись, запись под 6524 г., с. 107; 6579 г., с. 131–132; 6724 г., с. 192).

Трактовка этого вида оружия как принадлежности младшей дружины или ополчения, сражавшихся в пешем строю, может относиться с некоторыми оговорками только к так называемым топорам «универсального назначения» (Кирпичников, 1966а, с. 27). Едва ли в качестве «оружия свободных воинов невысокого статуса» могут рассматриваться высокоспециализированные формы кавалерийского короткодревкового оружия, каковыми являются топоры из камерных погребений 4 и 5 Старовознесенского некрополя.

3. **Навершие короткоклинкового оружия** (Старовознесенский V раскоп, рук. Ершова Т. Е., 2007 г.: см. Погр. 4, Прил. 2, Прил. 3, Каталог, *3*). Серебро, набивка на позитивной форме (?), пайка, золочение, чернь. Внутри сохранились остатки деревянной рукояти и железный штырь — остаток черешкового насада (рис. 3, *а*).

Навершие прямоугольное в вертикальных проекциях и миндалевидное — в горизонтальной, на боковых сторонах навершия изображение выделенной рельефом и золочением стилизованной лилии (крин), поверхность покрыта черневым узором. Пятка навершия плоская, не имеет узоров, позолоченная. Высота навершия — 32 мм, больший диаметр донца — 24 мм, меньший — 13, верхний диаметр — 27 мм. Вес навершия — 17,5 г. Навершие принадлежало, скорее всего, боевому ножу («скрамасаксу» или некоторому его восточному аналогу).

По форме близкой аналогией этому предмету является навершие из оружейной мастерской XIII в Гомеле, которое автор публикации считает навершием сабли (Плавінскі, 2009, с. 139, мал. 42, 5).

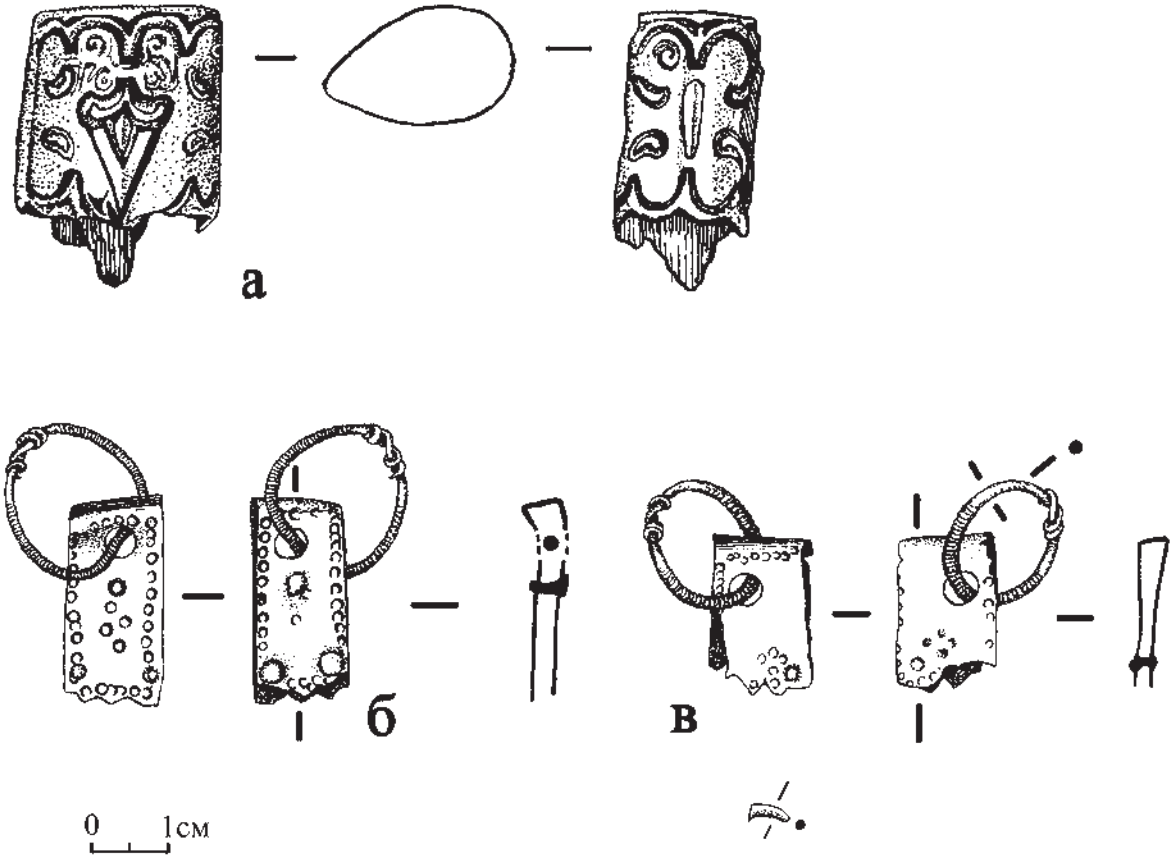


Рис. 3. Навершие и подвесы короткоклинкового оружия из камерного погребения 4 Старовознесенского некрополя (П-07-СтВз-V, камерное погребение 4, уч. В, кв. 62, пл. 17 (–327), яма 25): а — навершие; б, в — подвесы

Навершие из камерного погребения 4 выполнено в технике и стиле киевской (или общей древнерусской) черни, расцвет которой относится к XI–XII вв. Важным представляется, что здесь присутствуют все характерные особенности русской традиции: изображение крина — устойчивого орнаментального мотива на русских черневых изделиях, сочетание тонких черневых узоров и позолоты (Макарова, 1997, с. 60–63). Возможно, здесь мы имеем здесь дело с одним из византийских образцов или с одним из ранних произведений киевских ювелиров, работавших в этой технике.

Нельзя не обратить внимания, что среди инвентаря камерных погребений Пскова присутствуют еще несколько высокохудожественных изделий, выполненных в технике черни (см. соответствующий раздел настоящего издания). Еще два декорированных в этой технике предмета происходят из раскопок отложений X–XII вв. в Пскове на Завеличье (Салмина, Салмин, 2008, с. 44, рис. 15, *4*) и на Запсковье[1].

Не исключено, что находившиеся рядом с навершием серебряные прямоугольные обоймицы с кольцами с завязанными концами (Погр. 4, Прил. 3, Каталог, ***5, 6***) служили для подвешивания этого ножа к поясу владельца — рис. 3, *б*, *в*[2]. Обоймицы с кольцами находились на расстоянии 140 мм друг от друга, в районе разрушенных тазовых костей. Расположение обоймиц и навершия соотносимо с предполагаемым расположением пояса погребенного. По аналогии с хорошо сохранившимся скрамасаксом из погребения 834 Бирки (Arbman, 1943, Abb. 253: 6) можно предположить, что расстояние между подвесами не превышает 1/3–1/4 общей длины предмета, в этом случае длина боевого ножа из камерного погребения 5 составляла 420–560 мм. Против более крупных габаритов оружия может свидетельствовать недостаточная прочность подвесов (рис. 3, *б*, *в*).

Подчеркнем, что навершие выполнено очень тщательно и, несомненно, представляет собой законченное произведение, в то время как обоймицы изготовлены грубо и явно не одновременно с навершием. Если это и в самом деле детали одного предмета, то мы имеем здесь дело с вторичным оформлением гарнитуры оружия.

Установлено, что камера 4 была ограблена в историческом прошлом. Нам представляется, что факт сохранения внутри погребения навершия и подвесов боевого ножа при отсутствии следов клинка и ножен говорит о том, что разграблению камера подверглась спустя значительный период времени после совершения погребения. Органическая составляющая ножен, к которой крепились подвесы, должна была истлеть, а тонкий черен рукояти — в значительной мере быть разрушенным коррозией, активизированной соседством благородного металла. Только в этом случае грабители могли забрать ножны (вероятно, тоже богато декорированные), но при этом не заметить отделившиеся детали, скрытые грунтом.

Место боевых ножей в паноплии североевропейских воинов до сих пор не определено. С одной стороны, эти предметы технологически просты в изготовлении, не требуют дорогих материалов и легко представляются в качестве дешевого массового оружия, с другой — почти все случаи обнаружения боевых ножей связаны с элитными погребениями, в которых они образуют устойчивые пары с длинноклинковым оружием. По числу находок боевые ножи значительно уступают другим видам вооружения (это касается и зоны их основного распространения в Скандинавии). Создается впечатление, что это оружие было связано с некоторой узкой прослойкой внутри воинской элиты. Особенности устройства боевых ножей (короткий, часто с толстой спинкой однолезвийный клинок; горизонтальный подвес к поясу) позволяют предположить, что оружие это предназначено для боя в ограниченном пространстве (например внутри помещения), где сравнительно узкий клинок с широкой спинкой являлся грозным колющим оружием, а малая длина достаточно массивного клинка позволяла наносить мощные рубящие удары в стесненных условиях. Вполне возможно, что скрамасаксы являлись личным оружием, которое владелец мог оставить при себе в ситуации «декларированной разоруженности» например, на пиру или военном совете. С таким вариантом использования хорошо соотносятся горизонтальное подвешивание оружия к поясу в ножнах вверх лезвием, позволяющее сидящему владельцу удобно размещать его на коленях, а также «утопленность» рукояти в ножны, демонстрирующая неагрессивную, оборонительную позицию носителя. Не исключено также, что это имеющее архаичный облик оружие яв-

[1] Доклад А. В. Михайлова «Работы на Образском раскопе в 2008 г.», прочитанный на LV заседании псковского семинара имени академика В. В. Седова.

[2] Подобная же обоймица происходит из камеры 1, где была обнаружена рядом с ножом с остатками кожаных ножен и костяной рукоятью, обмотанной серебряной проволокой. Возможно, она также относилась к гарнитуре ножен (Погр. 1; Прил. 3, Каталог, ***28***).

лялось маркером определенного социального статуса владельца. Интересные параллели можно усмотреть в «Саге о Греттире», где упоминается, что «короткий меч» — «родовая драгоценность» — был помещен в камерную гробницу Кара Старого, поскольку сын последнего «так и не получил его от отца, покуда он был жив». Вспомним и то, что Кар был погребен сидящим (Сага о Греттире, 1976, с. 30–32). В пользу высказанной версии говорит и исчезновение этого вида оружия в период сложения скандинавской государственности вместе с уничтожением прослойки местных правителей.

4. **Наконечник стрелы** (Подзноевский XII раскоп, рук. Ершова Т. Е., 2008 г.; Погр. 5, Прил. 2, Прил. 3, Каталог, ***4)***. Железо, ковка; на черенке сохранились остатки минерализованного древесного тлена (рис. 4).

Наконечник располагался острием вверх у правого плеча погребенного. Именно с этим связано то, что первоначально он был принят за наконечник сулицы. Возможно, автор раскопа был не так уж и не прав в этом, поскольку в этнографии известны случаи использования крупноразмерных наконечников стрел в качестве наконечников древкового оружия (см., например, Элашвили, 1956, с. 33). Поскольку других находок, связанных с паноплией лучника, в погребении не выявлено, а значение метательного копья в традиционных представлениях населения циркумбалтийского пространства всегда было довольно высоким, такое истолкование находки представляется вполне возможным.

Наконечник относится к типу 67 по А. Ф. Медведеву (Кирпичников, Медведев, 1985, с. 352, 354, табл. 140), представляет собой черешковый срезень с пером уплощенно-ромбовидного сечения, с шейкой и упором. Наконечники этого облика имеют широкое распространение (до Восточной Азии включительно) и широчайшую датировку (IX–XVII вв).

Общая длина наконечника составляет 96 мм, около 9 мм приходится на шейку и 35 мм — на черешок. Максимальная ширина пера с учетом утрат на одной из сторон — 27 мм. Угол острия — около 60 градусов, длина острия — 18 мм. Толщина пера у шейки — 4 мм. Шейка слегка расширяется к острию и упору, круглая в сечении, минимальный диаметр ее — 8 мм. Площадка упора имеет округлую форму, ширина упора — 11 мм. Черешок имеет подквадратное сечение, максимальная толщина — 6 мм, равномерно сужается к окончанию. Перо слегка изогнуто в плоскости.

Вес наконечника составляет 13,7 г. Однако состояние предмета (полная минерализация

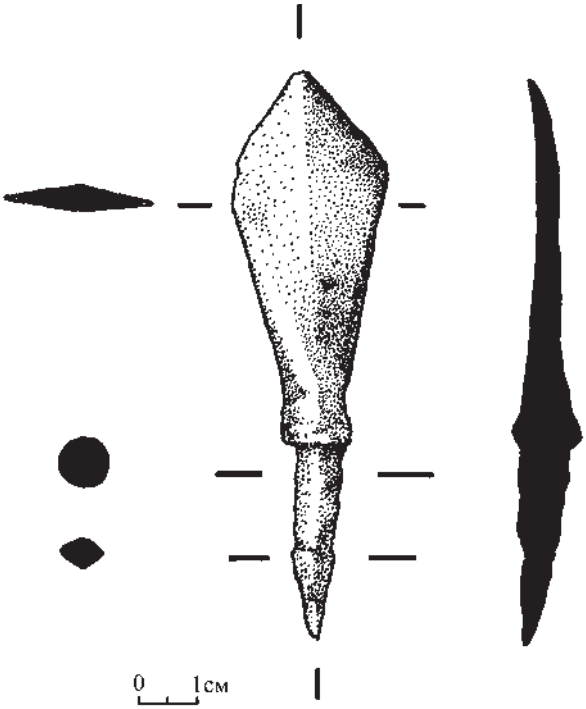


Рис. 4. Наконечник стрелы из камерного погребения 5 Старовознесенского некрополя (П-08-ПдП-XII, уч. Д, кв. 156, пл. 16 (–312), яма 22, № 21, № 19)

с образованием внутренних пустот) не позволяет с достаточной уверенностью признать этот показатель значимым.

* * *

При сравнении материалов камерных погребений Старовознесенского могильника и синхронного ему городского некрополя с Городецкой возвышенности, исследованного раскопами на ул. Ленина и Трупеховскими, мы наблюдаем очень сходный качественно и неожиданно почти равный количественно набор артефактов. Последнее обращает на себя особенное внимание из-за большой количественной разницы в числе исследованных погребений — 8 и 80.

В Городецком могильнике предметы вооружения встречены только в трех погребениях, общее число предметов вооружения, происходящих с основной территории некрополя и могущих быть датированными периодом его существования, — 10 (краткий каталог их представлен в приложении к настоящей статье). Непосредственно из «городецких» погребений (1, 9, 25) происходят топор типа II по Кирпичникову, аналогичный обнаруженному в 4-й Старовознесенской камере, наконечник копья и наконечник стрелы.

Из слоя, связанного с разрушением некрополя, в раскопах на ул. Ленина, происходят также

боевой (?) нож и 6 наконечников стрел. Стратиграфические обстоятельства находок не позволяют с полной уверенностью относить их к предметам погребального инвентаря. Исключением, вероятно, является боевой нож, случайная утрата которого на территории могильника маловероятна и, скорее всего, он все же происходит из разрушенного погребения.

Шесть ланцетовидных короткочерешковых наконечников стрел из отложений некрополя найдены в «слое гумусированного песка на сохранившейся части курганной насыпи»; в «слое гумусированного песка под слоем погребенного дерна», в яме перекопа, заглубленной в материк, в частокольной канавке и т. п. (см. приложение к настоящей статье). Высока вероятность того, что эти вещи не связаны с погребальной обрядностью и попали в культурный слой некрополя в процессе его естественного формирования и накопления. Типологическая близость и хронологическая одновременность наконечников стрел позволяют, например, связывать их с военными действиями раннесредневекового времени, затронувшими территорию, близкую к расположению Городецкого могильника. Присутствие стрел в слоях некрополей, как неоднократно высказывалось исследователями, не является само по себе признаком «дружинного погребения» или даже «погребения с оружием» вообще (Горский, 1989, с. 28; Фетисов, 2004, с. 89–90). В сущности, нельзя исключать даже, что часть наконечников стрел попадает в кремации, находясь в тканях тела погребенного, будучи причиной его ранения или смерти.

По имеющимся в нашем распоряжении материалам можно сделать вывод, что традиция захоронений с оружием не была типична для основной части городского населения раннесредневекового Пскова. В случаях, когда оружие было обнаружено в погребениях ну улице Ленина, последние, и без того претендовали на особую статусность — захоронения совершались в камерах (погребение 1) или иных конструктивносложных сооружениях (погребение 25).

Напротив, на Старовознесенском кладбище оружие найдено во всех мужских погребениях. Исключением может показаться камера 6, но найденные в ногах погребенного остатки росписи по дереву, на мой взгляд, с высокой долей вероятности, могут являться остатками щита.

Такая разница может свидетельствовать как об инородности (иноэтничности?) погребенных в могильнике у Старовознесенского монастыря, так и об их особом социальном статусе или о том и другом одновременно.

Приложение. Каталог предметов вооружения древнерусского некрополя Пскова X — нач. XI в.[1]

В данном каталоге дополнительно к обзору оружия из камерного Старовознесенского некрополя приведены описания предметов вооружения, обнаруженного при раскопках других участков древнерусского некрополя Пскова X — нач. XI в.: городского кладбища (раскопы на ул. Ленина и Трупеховские) и отдельных захоронений на Завеличье (Изборский XI раскоп). Нумерация в приложении — сплошная, в хронологическом порядке обнаружения.

1. **Наконечник копья (ПГПИ-74, погребение 1, уч. М, кв. 173, пл. 23, № 806).** Находка утрачена, сохранился только рисунок в полевой описи, по которому и выполнены промеры. Наконечник определяется как принадлежащий к типу V (?) по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966а, с. 14–15). Лежал справа у ноги погребенного, острием вниз. Общая длина наконечника — 325 мм, длина пера — 210 мм, перо в форме вытянутого треугольника, с выраженными скругленными плечиками, втульчатый, узколезвийный с ребром, с квадратным сечением пера, нижний диаметр втулки около 3 см. Во втулке сохранялись остатки древесины.

2. **Наконечник стрелы (ПГПИ–74, уч. М, кв. 174, пл. 18, № 513).** Железо, ковка. Происходит из контактной зоны культурного слоя и слоя некрополя над погребением 1.

По классификации А. Ф. Медведева — отдел 2, тип 62, ланцетовидный с упором и шейкой (Медведев, 1966, с. 73–74). Сильно разрушен коррозией, утрачены часть черешка и острие. Общая длина сохранившейся части — 100 мм, длина сохранившейся части пера — 6, длина шейки — 32 мм, длина сохранившейся части черешка — 4 мм, сечение пера линзовидное, сечение шейки и черешка круглое. Ширина пера — 10 мм, толщина шейки — 3, черешка — 1,5 мм.

[1] При составлении каталога автор привлек данные диссертационного исследования Н. Н. Малышевой (Малышева, А2004) и опирался на собственное изучение вещевого материала. Паспортные данные, приводимые для каждой находки, соответствуют данным полевых (или коллекционных) описей и содержат следующие (по порядку описания) сведения: *шифр раскопа — погребение и его номер* (*если предмет входил в состав погребального комплекса*) — *участок — квадрат — пласт* (*глубина*) — *номер по описи*.

Наконечник изогнут, возможно, это произошло еще в процессе эксплуатации.

3. **Наконечник стрелы (ПЛ-76-II, погребение 9, уч. И, кв. 127, пл. 14; № 922).** Железо, ковка. Был «воткнут» в дно ямки, заполненной пережженными костями, где присутствовали и другие предметы погребального инвентаря (Лабутина, Кильдюшевский, Урьева, 1981, с. 74).

Наконечник относится к отделу 2, типу 46 по А. Ф. Медведеву — ромбовидный, черешковый «новгородского типа» (Медведев, 1966, с. 67–68, табл. 135). Крупный, длина составляет около 120 мм, максимальная ширина — 24 мм, сечение пера ромбическое, черенка — прямоугольное, максимальная толщина 8 мм, острие обломано, возможно в процессе эксплуатации, так как присутствует деформация металла, невозможная после минерализации предмета. При таких размерных характеристиках предмет мог быть и наконечником легкой сулицы, но отсутствие фиксатора на черешке заставляет отнести его к наконечникам стрел.

4. **Топор (ПЛ-79, погребение 25, кв. 10, пл. 17 (гл. -324), № 148**). Железо, ковка. Обнаружен у правой голени молодого мужчины, захороненого в домовине.

Топор относится к типу II по А. Н. Кирпичникову. (Кирпичников, 1966а, с. 34). По типологии У. Ю. Кочкарова классифицируется как тип I, подтип 1, вариант Б (Кочкаров, 2008, с. 66–67, табл. XXXI). Однако при всем сходстве с топором из камеры 4 раскопа СтВз-V, охарактеризованным выше, этот топорик не имеет щековиц и на основе этого признака может быть датирован несколько более поздним временем (конец X — начало XI в.). Длина топора — 130 мм, максимальная ширина лезвия — 40 мм, таким образом, этот экземпляр относится к самым миниатюрным находкам этого рода на территории Руси. Боевое лезвие имеет следы значительного разрушения, возможно вызванного нагрузками в процессе эксплуатации. Диаметр проуха рукояти — 20 мм. Конструктивное сходство его с первым топором свидетельствует о сходных условиях использования обоих.

5. **Наконечник стрелы (ПЛ-82, уч. Ю, кв. 403, пл. 13, № 1024).** Железо, ковка. Происходит из слоя гумусированного песка под слоем погребенного дерна.

По А. Ф. Медведеву — отдел 2, тип 62, ланцетовидный (Медведев, 1966, с. 73–74). Однако метрические характеристики наконечника и отнесение к типу достаточно условны, поскольку он сильно разрушен коррозией. Общая длина сохранившейся части — 75 мм, длина пера — 55, длина черешка — 25 мм, сечение пера линзовидное, сечение черешка круглое. Максимальная ширина пера — 11 мм, толщина — 1,5, толщина черешка — 1,2 мм.

6. **Наконечник стрелы (П-85-Л-VII, уч. Ш, кв. 779, пл. 15, № 295).** Железо, ковка. Происходит из ямы перекопа, заглубленной в материк.

По А. Ф. Медведеву — отдел 2, тип 62, ланцетовидный с упором и шейкой (Медведев, 1966, с. 73–74). Общая длина — 120 мм, длина пера — 66, длина шейки — 24, длина черешка — 30 мм, сечение пера линзовидное, сечение шейки и черешка круглое. Ширина пера — 11 мм, толщина — 1,3, толщина шейки — 4, толщина черешка — 2 мм.

7. **Наконечник стрелы (П-85-Л-VIII, уч. Д, кв. 936, пл. 17, № 1126).** Железо, ковка. Точное место обнаружения неясно.

По классификации А. Ф. Медведева — отдел 2, тип 79, ланцетовидный граненый, сплющенный, разновидность 1 с граненой шейкой, с упором и коротким черешком (Медведев, 1966, с. 80). Общая длина — 109 мм, длина пера — 54, длина шейки — 36, длина черешка — 19 мм. Острие ромбовидное, тулово пера — уплощенно-шестигранное. Шейка имеет квадратное сечение, черешок — круглое сечение. Максимальная ширина пера составляет 9,2 мм. Толщина шейки — 6 мм, толщина черешка — 4 мм. Наконечник изогнут, возможно, в процессе эксплуатации.

8. **Боевой нож (П-85-Л-VII, уч. М, кв. 598, пл. 14, № 172).** Железо, ковка. Обнаружен в слое переотложенного гумусированного песка недалеко от погребения 42/1985. Этот факт не позволяет отнести находку с полной уверенностью к предметам погребального инвентаря, но все же происхождение его из разрушенной могилы гораздо более вероятно, чем случайная утрата этого довольно большого предмета на достаточно благоустроенной в период функционирования некрополя территории.

Черен рукояти отогнут к лезвию, заточка идет по вогнутой части. Общая длина предмета — 379 мм, из которых на рукоять приходится 97 мм. Максимальная ширина клинка — 24 мм, толщина обуха — от 2 до 3 мм. Железный черен имеет на конце выкованную петлю, по мнению первого публикатора находки — для закрепления темляка (Артемьев, 1998, с. 228). Однако вероятнее, что изогнутый конец черенка служил для более надеж-

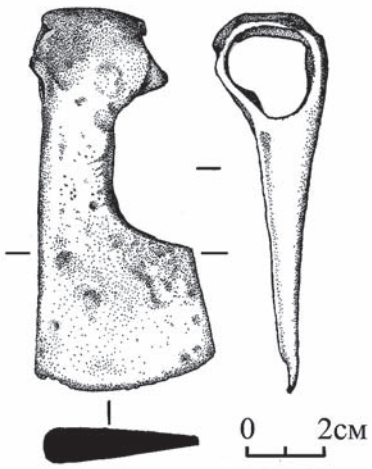


Рис. 5. Топор из камерного (?) погребения на Изборском — XI раскопе (П-Изб-XI-06, погребение 3, Б-11(-207) -69. № 54)

ного скрепления клинка со щечками накладной рукояти и не был виден снаружи. На территории Древней Руси известны по меньшей мере 15 находок боевых ножей. Однако характерный боевой нож раннего древнеруского времени, за которым закрепился термин «скрамасакс», имеет бóльшую толщину обуха и меньший изгиб. Крупные боевые ножи, обладающие несомненной рубящей функцией, применялись на Руси краткое время и не получили значительного распространения.

9. **Наконечник стрелы (П-89-Л-XIII, уч. Б, пл. 25, кв. 472, № 342).** Железо, ковка. Находка происходит из гумусированного песка на поверхности сохранившейся части курганной насыпи погребения 63.

По классификации А.Ф. Медведева, наконечник относится к отделу 2, типу 62, ланцетовидный с упором и шейкой (Медведев, 1966, с. 73–74). Общая длина составляет 116 мм, длина пера — 66, длина шейки — 24, длина черешка — 16 мм, сечение пера линзовидное, сечение шейки и черешка круглое. Максимальная ширина пера — 5,8 мм, толщина шейки — 3, толщина черешка — 2 мм.

10. **Наконечник стрелы (Тр-98-I, уч. Е, кв. 189, пл. 22, № 1163).** Железо, ковка. Происходит из заполнения частокольной канавки, прорезающей слой некрополя.

По классификации А.Ф. Медведева — отдел 2, тип 62. Ланцетовидный, с шейкой, черешком и упором (Медведев, 1966, с. 73–74). Общая длина — 105 мм, длина шейки — 21, длина черешка — 14, длина пера — 70 мм. Сечение пера линзовидное, шейки и черешка — круглое. Ширина пера — 9 мм, диаметр шейки — 4, максимальный диаметр черешка — 2,5 мм. Лезвия сильно выщерблены, повреждены коррозией.

В группу оружия, происходящего из камерных или подражающих камерным погребений, входит и топор, обнаруженный на Завеличье.

11. **Топор (П-Изб-XI-06, погребение 3, уч. Б, кв. 69, пл. 11 (гл. -207), № 54.** Железо, ковка (рис. 5). Найден в погребении, располагался справа от погребенного (подростка 12–18 лет — определ. Д.В. Пежемского), железком на уровне колена (Закурина, Степанов, 2008, с. 15–16).

Представляет собой бородовидный топор с симметричными мысовидными щековицами, округлым лезвием. Относится к типу VI по типологии А.Н. Кирпичникова. Топоры этого типа датируются X–XI вв. (Кирпичников, 1966а, с. 38). Общая длина топора составляет 110 мм. Длина клина — 81 мм. Высота клина — 52–22, толщина — от 2 до 20 мм, увеличение от лезвия к проуху. Проух асимметричный. Ширина проушной части — 32 мм, диаметр проушного отверстия — 23 × 26 мм. Высота щековиц — 40 мм, высота обуха в задней части — 27 мм. Лезвие имеет округлую форму, заточка несколько асимметричная. Вес топора в настоящее время (после расчистки и консервации) составляет 178 г. Сохранность металла хорошая, утраты незначительные. Минерализация заметно меньше, чем у топоров, происходящих из центральной части города. Проведена расчистка и консервация предмета, а в 2007 г. он был реставрирован Н.В. Серовой.

В отличие от трех топоров, происходящих из междуречья Великой и Псковы, последний не является высокоспециализированным оружием и по форме совпадает с распространенным типом древнерусских рабочих топоров. К числу боевых его позволяют отнести небольшие размеры, острый угол заточки и, возможно, выраженная закругленность лезвия, повышавшая его проникающую способность.

S.A. Salmin

Weapons from Pskov Necropolis of the Xth — the Beginning of the XIth c.

Summary

Chamber tombs are among the most important sources of information about the objects of arms and military way of life of Ancient Rus.

In the chamber graves at Starovoznesensky Monastery in Pskov there were four items of arms — two battle axes, a pommel (and sheath suspensions?) of a short armed weapon and an arrowhead found.

When comparing these materials with synchronous data from Pskov necropolis in Lenin street and Trupehovsky excavations we observe a very similar in quality and almost equal in quantity set of artifacts. It seems especially striking because of the large difference in the number of burials investigated — 8 and 80. It is directly from the burial tombs in Lenin street that the battle-axe, a spear and an arrowhead come from.

All of them come from burials with elaborate designs.

One more axe was found in the burial chamber at Pskov Zavelich'e.

Judging by the available materials we can conclude that the tradition of burials with weapons was not typical for the majority of the urban population of early medieval Pskov.

At the same the weapons were found in all male burials of the Starovoznesensky necropolis. This may indicate either heterogeneity (other etnicity?) of those buried in the cemetery at Starovoznesensky monastery, their special social status or both.

А. В. Яковлев

Торговый инвентарь из камерных погребений Старовознесенского некрополя

К предметам торгового инвентаря при исследованиях древнерусских курганных могильников традиционно относят весы и гирьки. В могильнике, обнаруженном в раскопах у Старовознесенского монастыря, из восьми известных на настоящий момент погребений торговый инвентарь встречен в пяти.

В камере 1 погребена взрослая женщина с очень богатым и престижным инвентарем. Торговый инвентарь располагался в ногах, справа от останков.

В захоронении найдены 2 сильно корродированные бочонковидные железные гирьки, обтянутые бронзой (Погр. 1; Прил. 3, Каталог, ***34***) —

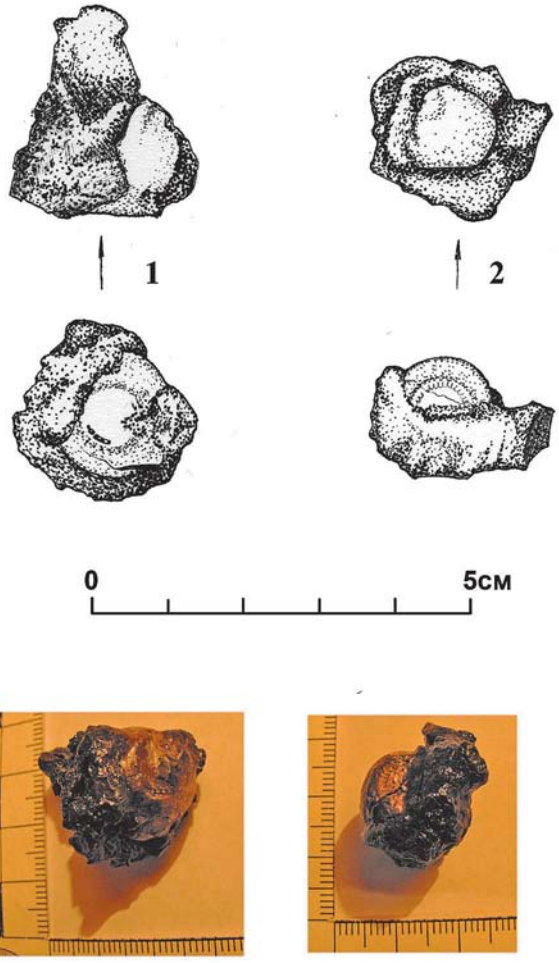


Рис. 1. Две бочонковидные железные гирьки с бронзовой обтяжкой из камерного погребения 1

Рис. 2. Бронзовые складные весы из камерного погребения 1

рис. 1. Значки кратности не читаются. По краю плоских граней видны пояски из круглых пуансонных оттисков. Вес гирек — 9,77 и 12,72 г (табл. 1).

Равноплечные коромысловые складные весы (Погр. 1; Прил. 3, Каталог, ***32***) — рис. 2. изготовлены целиком из бронзы — вилка, оба коромысла и центральная перекладина. Размах коромысел в рабочем состоянии 11 см. Их концы имеют петельчатые завершения округлой формы и украшены 4 рельефными перехватами — рис. 2.

Тонкие бронзовые чашечки диаметром более 5 см были вложены одна в другую (Погр. 1; Прил. 3, Каталог, ***31***) — рис. 3: *1–3*. Сохранность плохая. Точные размеры не определяются. Бронзовая петелька (Погр. 1; Прил. 3, Каталог, ***31***) — рис. 3, *4*. обнаруженная в чашечках весов, скорее всего, является завершением обломанной половинки коромысла весов.

В камере 5 захоронен мальчик 11–12 лет. Остатки деревянного футляра, содержащего весы и разновесы, обнаружены в западной части камеры, у пояса погребенного, с правой стороны, рядом с боевым топором. Деревянная коробочка (футляр) имела, по-видимому, округлую форму. Ее поперечный размер — более 5,7 см, толщина стенок — до 0,6 см. Внутри найдены 5 бочонковидных железных гирек, в разной степени корродированных, обтянутых бронзой (Погр. 5; Прил. 3, Каталог, ***9, а—д***), — рис. 4. Их вес: 2,49 г; 8,71; 14,16; 16,4; 22,33 г. Кроме того, обнаружен фрагмент гирьки весом 0,6 г (Прил., табл.). Вместе с разновесами лежал мелкий обрезок серебряного дирхема весом 0,22 г (Погр. 5; Прил. 3, Каталог, ***11***) — рис. 5.

Равноплечные коромысловые складные весы биметаллические. Из бронзы изготовлены вилка, оба плеча коромысла и центральная перекладина. Перекладина украшена по бокам зигзагообразным орнаментом. Из железа сделана стрелка-указатель, остатки которой сохранились внутри вилки (Погр. 5; Прил. 3, Каталог, ***8.1, б 1–3***), — рис. 6. Размах коромысел в рабочем состоянии 10,2 см. Их концы имеют петельчатые завершения подтрапециевидной формы и украшены 4 рельефными перехватами.

Тонкие бронзовые чашечки диаметром 5,7 см, глубиной 1,4 см были вложены одна в другую (Погр. 5; Прил. 3, Каталог, ***8. 1, а, в, г***) — рис. 7. Сохранность средняя.

В камере 6, обширное пространство которой разделялось на 2 помещения, торговый инвентарь находился в юго-западной части, в том отделении, которое было интерпретировано как «кладовая». Весы находились внутри деревянной чаши с серебряной оковкой (Погр. 6; Прил. 3,

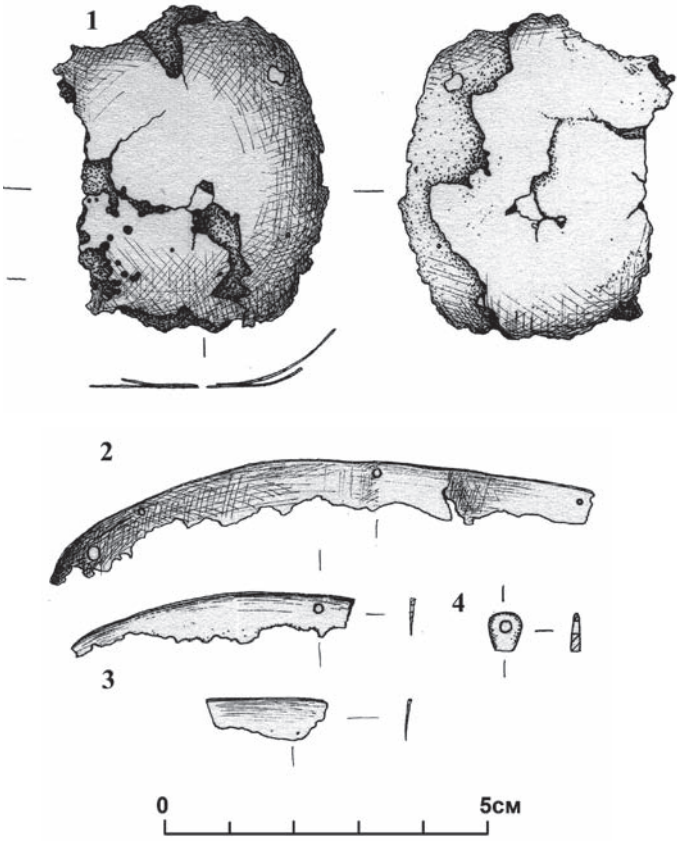


Рис. 3. *1–3* — Фрагменты чашек весов из камеры 1. Оловянистая латунь;
4 — петельчатое завершение бронзового коромысла весов из камеры 1

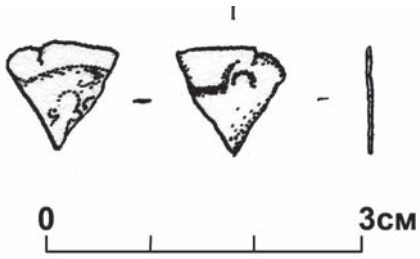


Рис. 5. Фрагмент дирхема из камеры 5 (вес 0,22 г). Найден вместе с гирьками

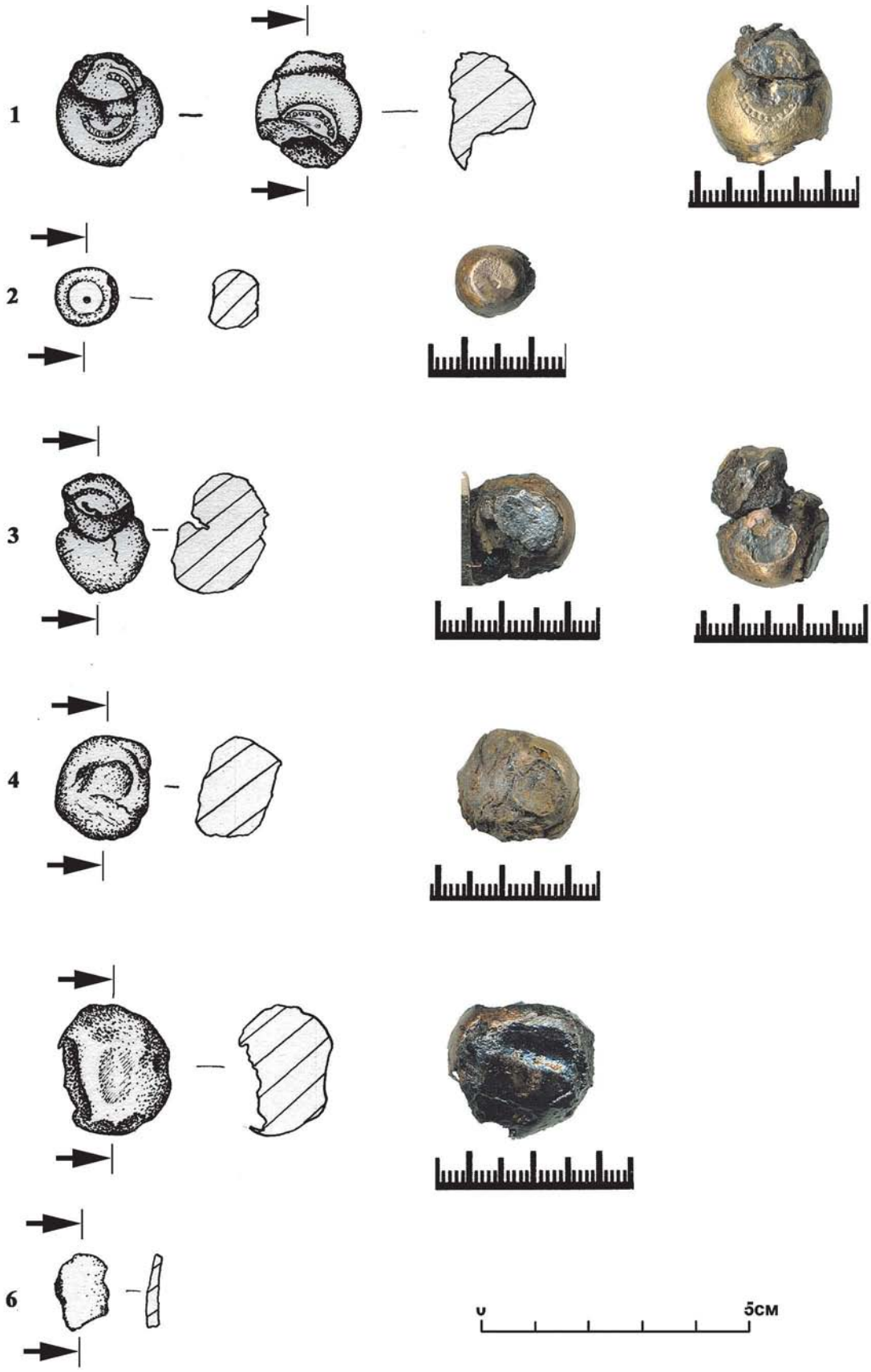


Рис. 4. *1–5* — Пять бочонковидных железных гирек с бронзовой обтяжкой из камеры 5; *6* — обломок гирьки

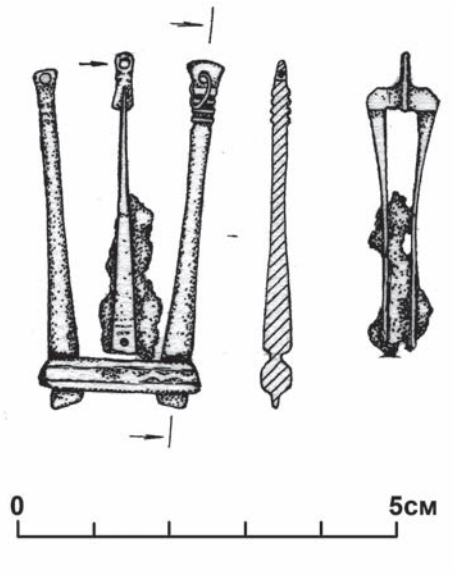


Рис. 6. Складные биметаллические весы из камеры 5. Бронза, железо

Рис. 8. Деревянная чаша с серебряной оковкой в камере 6. Внутри чаши — весы и весовые чашки. Вид с северо-востока

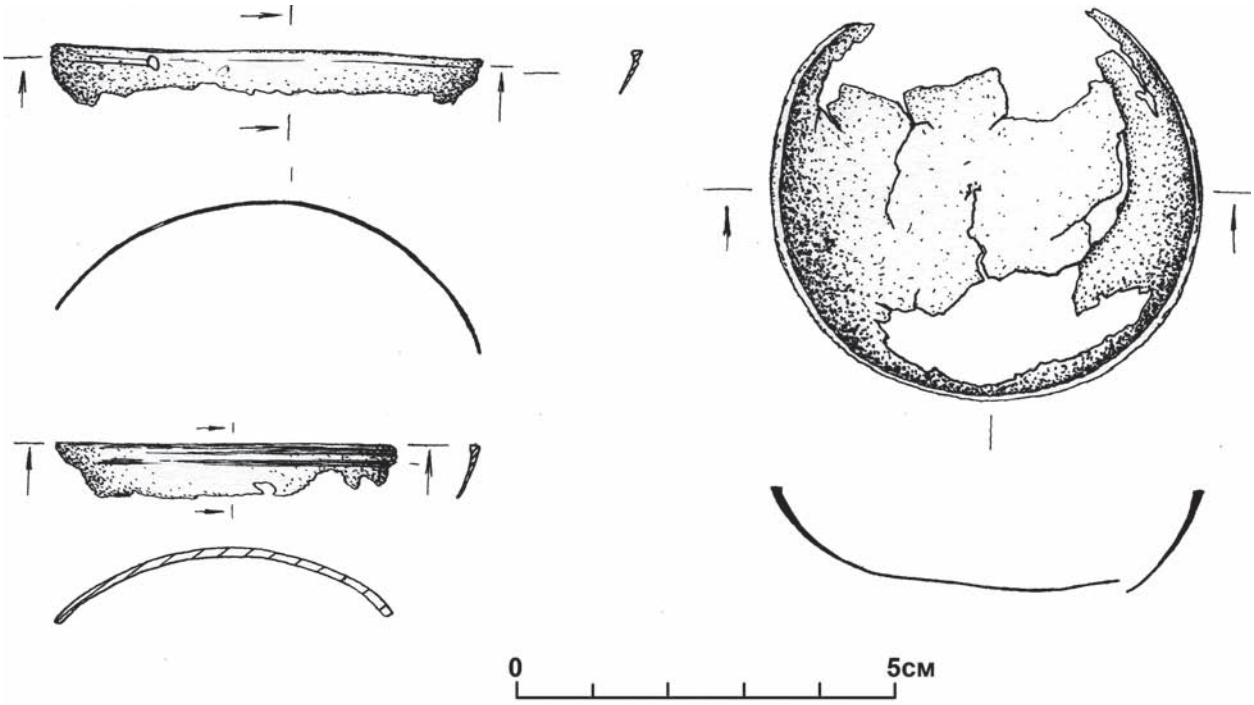


Рис. 7. Фрагменты бронзовых весовых чашек из камеры 5

Каталог, ***3***) — рис. 8. Они были упакованы в бересту, может быть, в берестяную коробочку. Вместе с весами найдены медный фоллис Романа Лакапина (Погр. 6, Прил. 3, Каталог, ***4***) — рис. 9, а также саманидские дирхемы (Погр. 6, Прил. 2, Прил. 3, Каталог, ***5–7***).

Равноплечные коромысловые складные весы — биметаллические (Погр. 6, Прил. 3, ***9***) — рис. 10, 11. Из железа изготовлена вилка, она сохранилась плохо. Обе половинки коромысла и центральная перекладина бронзовые. Перекладина украшена по бокам зубчатым орнаментом. Общая длина коромысла в рабочем состоянии 7,2 см. Это самые маленькие весы в нашей выборке. Их концы имеют петельчатые завершения округлой формы и украшены 3 рельефными перехватами.

Тонкие бронзовые чашечки диаметром 4,5 см, глубиной 1,4 см были вложены одна в другую. Сохранность средняя. По краям

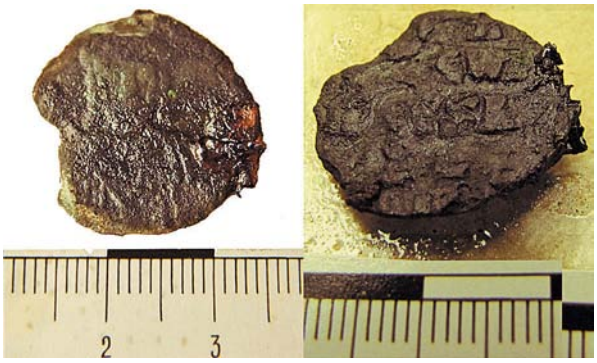


Рис. 9. Медный фоллис византийского императора Романа Лакапина (931–944 гг.)

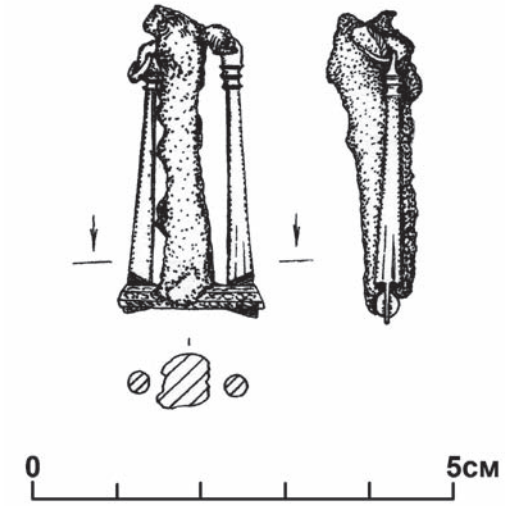


Рис. 10. Коромысло складных биметаллических весов из камеры 6. Бронза, железо

снаружи чашечки украшены двумя гравированными линиями-поясками. Каждая чашечка имела по 4 круглых отверстия для подвешивания.

Погребенный в камере 6 мужчина позднего зрелого возраста занимал исключительно высокое общественное положение, о чем свидетельствует богатство инвентаря и наличие серебряной подвески со знаком Рюриковичей.

В камере 7 погребена девочка старше 3, но младше 7–8 лет в сопровождении богатого и разнообразного инвентаря, в том числе украшений из драгоценных металлов. Складные весы и чашки для взвешиваний найдены в южной части гробницы, условно говоря, в ногах погребенной, с правой стороны, в остатках ларца, некогда украшенного разноцветными стеклами.

Равноплечные коромысловые складные весы — биметаллические (Погр. 7; Прил. 3, Каталог, *8*) — рис. 12. Из железа изготовлена стрелка-указатель, она сохранилась плохо. Обе половинки коромысла, вилка и центральная перекладина бронзовые. Перекладина украшена по бокам зубчатым орнаментом. Размах коромысла в рабочем состоянии 8 см. Его концы имеют петельчатые завершения подпрямоугольной формы и украшены 3 рельефными перехватами. Бронзовые чашки весов, как и во всех других камерах, были уложены одна в другую. Сохранность плохая, размеры чашек не восстанавливаются.

В камерном погребении 8 погребена взрослая женщина средних лет. Весы и чашки для взвешиваний найдены в северной части гробницы, «в ногах» погребенной, с правой стороны. Коро-

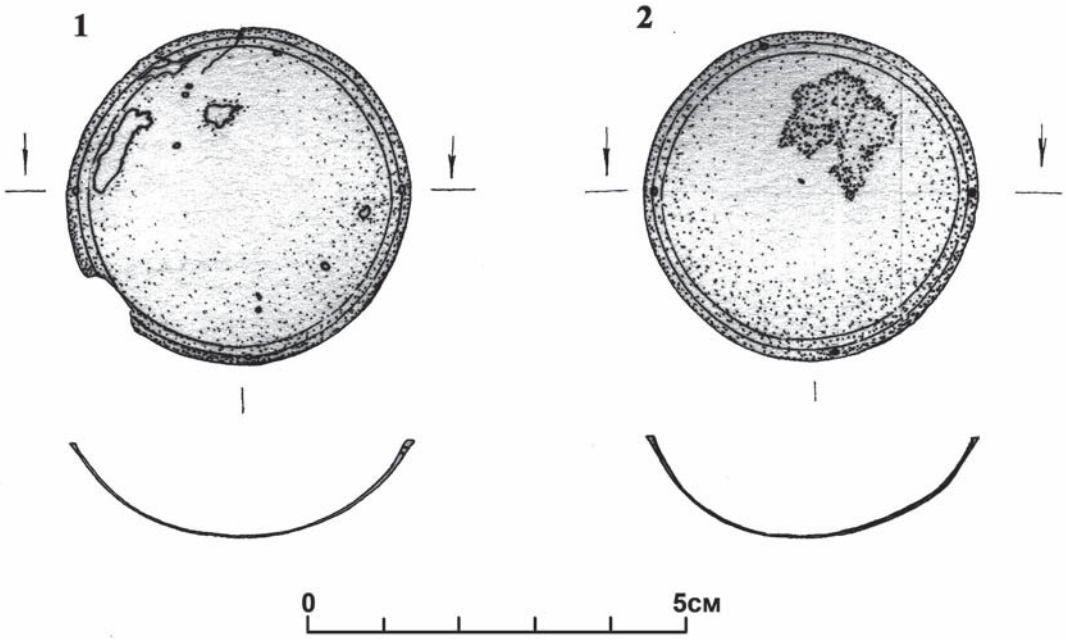


Рис. 11. Бронзовые чашки весов из камеры 6

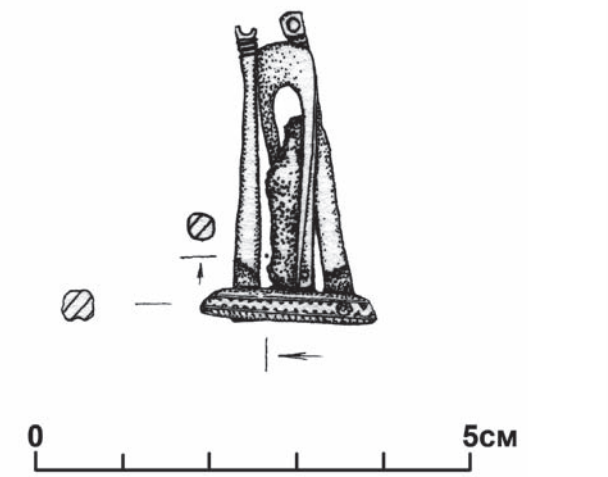


Рис. 12. Складные биметаллические весы из камеры 7. Бронза, железо

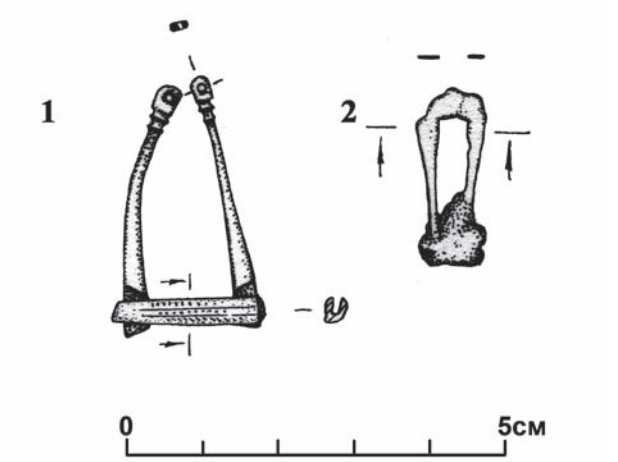


Рис. 13. Бронзовые складные весы из камеры 8: *1* — коромысло, *2* — держатель с фрагментом стрелки

мысловые складные весы изготовлены из бронзы (Погр. 8; Прил. 3, Каталог, *2*) — рис. 13. Перекладина украшена по бокам линейным и точечным орнаментом. Размер коромысла в разложенном виде 8 см. Его концы имеют петельчатые завершения подпрямоугольной формы и украшены 2 рельефными перехватами. Бронзовые чашки весов сохранились лишь в довольно мелких фрагментах.

До сих пор в Пскове среди захоронений некрополя в Среднем городе были открыты только два погребальных комплекса с торговым инвентарем: в погребении № 9 (раскоп II на ул. Ленина, 1976 г.), среди кальцинированных костей, обнаружена оплавленная железная гирька в бронзовой обтяжке (Малышева, 2004, с. 19–20) и остатки орудий взвешивания в погребении № 57 «большого кургана» некрополя в Среднем городе (раскоп XIII на ул. Ленина, 1988–1989 гг.). В последнем случае (это также была кремация) погребение существенно повреждено, частично переотложено. В нем обнаружены бронзовая вилка — держатель, бронзовое коромысло и две гирьки (Колосова, Милютина, 1994, с. 122, рис. 13: *1–4,*).

Бочонковидная гирька диаметром 25 мм и высотой 18 мм была сделана из железа, покрытого бронзой (Колосова, Милютина, 1994, с. 122, рис. 13: *3*). На одной из плоскостей имеется обозначение кратности в виде пяти глазков, соединенных тремя усиками; вокруг циркульный орнамент. Другая гирька — биконической формы, сделана из бронзы (Колосова, Милютина, 1994, с. 122, рис. 13: *4*). Диаметр гирьки — 13 мм, высота — 9 мм. На одной плоскости — обозначение кратности в виде двух кружков — один в другом. Вес гирек (3,762 и 3,925 г) близок к весу «законного» арабского дирхема (3,97 г) и связан с восточной денежно-весовой системой, принятой в древнерусских землях (Колосова, Милютина, 1994, с. 125–126).

Коромысло весов из большого кургана (Колосова, Милютина, 1994, с. 122, рис. 13: *2*), скорее всего, является звеном костыльковой цепочки.

В переотложенном состоянии в раскопах у здания Педагогического института и на ул. Ленина выявлены 2 бронзовых коромысла весов для малых взвешиваний, фрагмент чашечки весов и 2 гирьки. Все предметы, кроме коромысла весов, обнаруженного в слое гумусированного песка над площадкой святилища, были найдены в нижней части культурного слоя (Малышева, 2004, с. 20).

В культурном слое псковского Крома найдена одна бочонковидная гирька и один фрагмент коромысла весов (Белецкий, 1996а, с. 58). Из раскопок Довмонтова города происходит еще одна гирька того же типа. На Труворовом городище в Изборске за все годы исследований удалось обнаружить одну бронзовую вилку — держатель складных весов и три бочонковидные гирьки (Седов, 2007, с. 392, рис. 386: *10, 11*; с. 396, рис. 388: *6–8*).

Согласно известной работе В. Л. Янина (Янин, 2009, с. 229–231), в первые века н. э., когда на территорию Восточной Европы поступает в большом количестве римский денарий весом 3,41 г, на его основе формируется весовая единица в 68,22 г, которая бытует в дальнейшем как древнейшая славянская гривна и кратные ей величины. В начале IX в. начинается поступление на Русь дирхема весом 2,7 г, который относится к гривне как 1 : 25. Величина 2,73 г — это куна Русской Правды. В соответствии с этой нормой, как отмечает исследователь, отбираются монеты для восточноевропейского обращения в течение всего IX в.

В начале X в. вес дирхема расшатывается, и к куне добавляется новая единица — ногата весом 3,41 г. С конца 30-х гг. X в., в связи с начавшимся кризисом восточного серебра, вес дирхема становится еще более неопределенным и его начинают активно резать и дробить, принимая на вес. Тогда появляется мелкая фракция гривны — резана, весом 1,36 г. Денежный счет становится таков: гривна (68,22 г) = 20 ногат (3,41 × 20) = 25 кун (2,73 × 25) = 50 резан (1,36 × 50).

В. Л. Янин пришел к выводу о том, что в середине X в. общерусская система трансформируется в две новые — северную и южную, причем весовые основы новых систем изменяются, а счетные единицы остаются прежними. Резана северной системы — 1,02 г, гривна — 51,19 г. В основу южной системы легла византийская литра — 163,728 г.

Т. А. Пушкина, анализируя торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья, убедительно показала, что в Гнездове весовые гирьки появились в составе погребального инвентаря уже в первой четверти X в. (Пушкина, 1991, с. 232). Причем два наиболее распространенных типа, бочонковидные и четырнадцатигранные, появляются почти одновременно. По материалам из Старой Ладоги, опубликованным О. И. Давидан, бочонковидные железные гирьки появились здесь не позднее первой половины IX в. (Давидан, 1978, с. 123).

Количественно бочонковидные разновески везде преобладают над 14-гранными. Остальные типы встречаются довольно редко. В Пскове пока найдены только бочонковидные гирьки.

Даже для крупнейших курганных могильников X в. предметы торгового инвентаря — не слишком распространенная категория находок. Так, в Тимереве из 466 комплексов эта категория находок встречена в 32 погребениях, в Гнездове — в 62 из 920 документированных, в Шестовице — в 11 из 147. Соотношение 1 : 15–1 : 13 (Пушкина, 1991, с. 234).

Исследовательница отмечает, что сами по себе весы и разновесы не могут служить маркером высокого общественного положения погребенного, «только сочетание находок торгового инвентаря с определенным набором других вещей подтверждает принадлежность погребенного к высшему социальному слою» (Пушкина, 1991, с. 234).

Именно такое сочетание мы наблюдаем во всех пяти погребениях псковского камерного некрополя, где обнаружены весы и гирьки вместе с незаурядным по богатству и разнообразию инвентарем.

Приложение. Таблица. Результаты взвешиваний гирек из камерного некрополя Пскова

№ по каталогу*	Высота, см	Диаметр, см	Вес (г)	Примечания
Погребение 1. Старовознесенский I раскоп, 2003/2004 гг.				
34–2	Не определяется	Не определяется	9,77	Железо + бронзовая обтяжка, гирька корродирована. На верхней грани по краю –пуансонный поясок
34–1	Не определяется	Не определяется	12,72	Железо + бронзовая обтяжка, гирька корродирована. На верхней грани по краю — пуансонный поясок
Погребение 5. Подзноевский XII раскоп, 2008 г.				
9, г	0,9	Центр — 1,1 Верх — 0,65	2,49	Железо + бронзовая обтяжка, гирька корродирована. На верхней грани 1 кружок — знак кратности
9, д	1,4	Центр — 1,7 верх — 1,0	8,71	Железо + бронзовая обтяжка, гирька сильно корродирована. Знаки не читаются
9, в	1,7	Центр — 1,8 верх — 1,1	14,16	Железо + бронзовая обтяжка, гирька сильно корродирована. На верхней грани по краю пуансонный поясок, к центру — волютообразная фигура с кружками на концах
9, а	Не определяется	Не определяется	16,4	Железо + бронзовая обтяжка, гирька корродирована. На верхней грани по краю — пуансонный поясок
9, б	Не определяется	Не определяется	22,33	Железо + бронзовая обтяжка, гирька сильно корродированна. Знаки не читаются
9, ф-т	Не определяется	Не определяется	0,6	Фрагмент. Железо + бронзовая обтяжка

* См. приложение 3 к описаниям камерных погребений в соответствующем разделе данного тома издания.

A. V. Yakovlev

Trade Inventory from Chamber Graves of the Old Ascension (Starovoznesensky) Necropolis

Summary

Scales and small weights can be referred to trade inventory. From eight excavated graves of the burial ground at the Old Ascension (Starovoznesensky) monastery trade inventory is found in five — in chamber graves 1, 5, 6, 7, 8.

The article gives a description of all details of scales found and the results of small weights weighing control. Small weights are found only in graves 1 (2) and 5 (5). All small weights found are made of iron, covered by bronze and are of cask type.

The results of weighing, the signs of frequency rate met on them and ornamentation features are reflected in the table. All the scales are balanced and of the beam type.

In all cases their components are the fork holder, two beams and the central crossbeam which are usually made of bronze, and only in grave 6 the fork was iron. In graves 5 and 8 the scales construction was supplemented by an arrow — an index made of iron.

The beams scope rates from 7,2 cm in a chamber grave 6 to 11 cm in chamber grave 1. Bronze cups of scales in all the cases are enclosed one in another. Their diameter is from 4,5 to 5,5 cm.

The article provides some data from publications about scales and small weights, found earlier in Pskov and Izborsk, and about trade inventory from the largest burial mounds of Ancient Rus.

Е. А. Яковлева

Деревянные сооружения камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова. Конструкции и вопросы сохранности

Наличие деревянной постройки — усыпальницы в составе комплекса погребального сооружения так называемого камерного типа является одним из основных атрибутивных признаков этого обряда. В большинстве случаев плохая сохранность древесины не позволяет установить детали и рассмотреть нюансы конструктивных особенностей камер — гробниц, а лишь дает основания для констатации наличия основных элементов и определения их плановых параметров.

Во всех захоронениях Старовознесенского некрополя зафиксированы бесспорные свидетельства существования деревянных построек и имеются основания для определения основных частей погребальных сооружений[1], которые с различной степенью детализации наблюдались археологами и на других памятниках этого круга (рис. 1–4).

В камерных гробницах Пскова[2] помимо оформления стен погребальная постройка во всех случаях имела верхнее перекрытие и пол — т. е. основные элементы, свойственные конструкциям деревянного жилища (рис. 1, 4). Это простое наблюдение, как и сам смысл погребального обряда, указывает на то, что прототипом домов для мертвых послужили современные им жилые постройки.

Идея связи внутреннего устройства погребальных сооружений и жилищ обитателей региона не нова и имела множество подтверждений в археологических и этнографических материалах. Так, например, сходство конструкций в подкурганных захоронениях южного Приладожья и построек современного им местного населения отмечали еще А. А. Спицын и Н. Е. Бранденбург (Бранденбург, 1895, с. 143–154). Мысль о том, что смысловым стержнем погребальной обрядности этого микрорегиона являлась достаточно широко распространенная идея создания дома для умершего по образу дома для живых, была поддержана и развита многими советскими учеными (по: Назаренко, 1974, с. 39; он же, б/д).

В отношении камерных захоронений это предположение также представляется справедливым. И если семантическое сходство деревянной камеры-усыпальницы и жилой постройки может быть для кого-то еще и требует дополнительных доказательств, то единство конструкции и технологии изготовления обеих, продиктованные прежде всего спецификой материала — дерева, на мой взгляд, очевидны. Эта близость построек разного функционального назначения позволяет применять общую терминологию для обозначения основных элементов обеих групп деревянных сооружений.

Не на всех известных раннегородских некрополях Древней Руси, в составе которых присутствуют камерные могилы, есть возможность сопоставления деревянной жилой застройки и конструкций погребальных сооружений. Это положение прежде всего определяется состоянием сохранности памятников, а также напрямую обусловлено степенью изученности темы на базе регионального материала и опубликованности

---

[1] Статья основана на материалах отчетов (Ершова, А2007, А2008, А2009; Михайлов А. В., А2004; Яковлева, А2004); опубликованных данных; исследованиях, проведенных в рамках проекта РГНФ 2009–2010 гг. № 09–01–00362 а «Комплексное изучение Псковского некрополя X–XI вв.»; консультациях с руководителями раскопок.

[2] Без учета камерных могил некрополя на «Городецкой возвышенности».

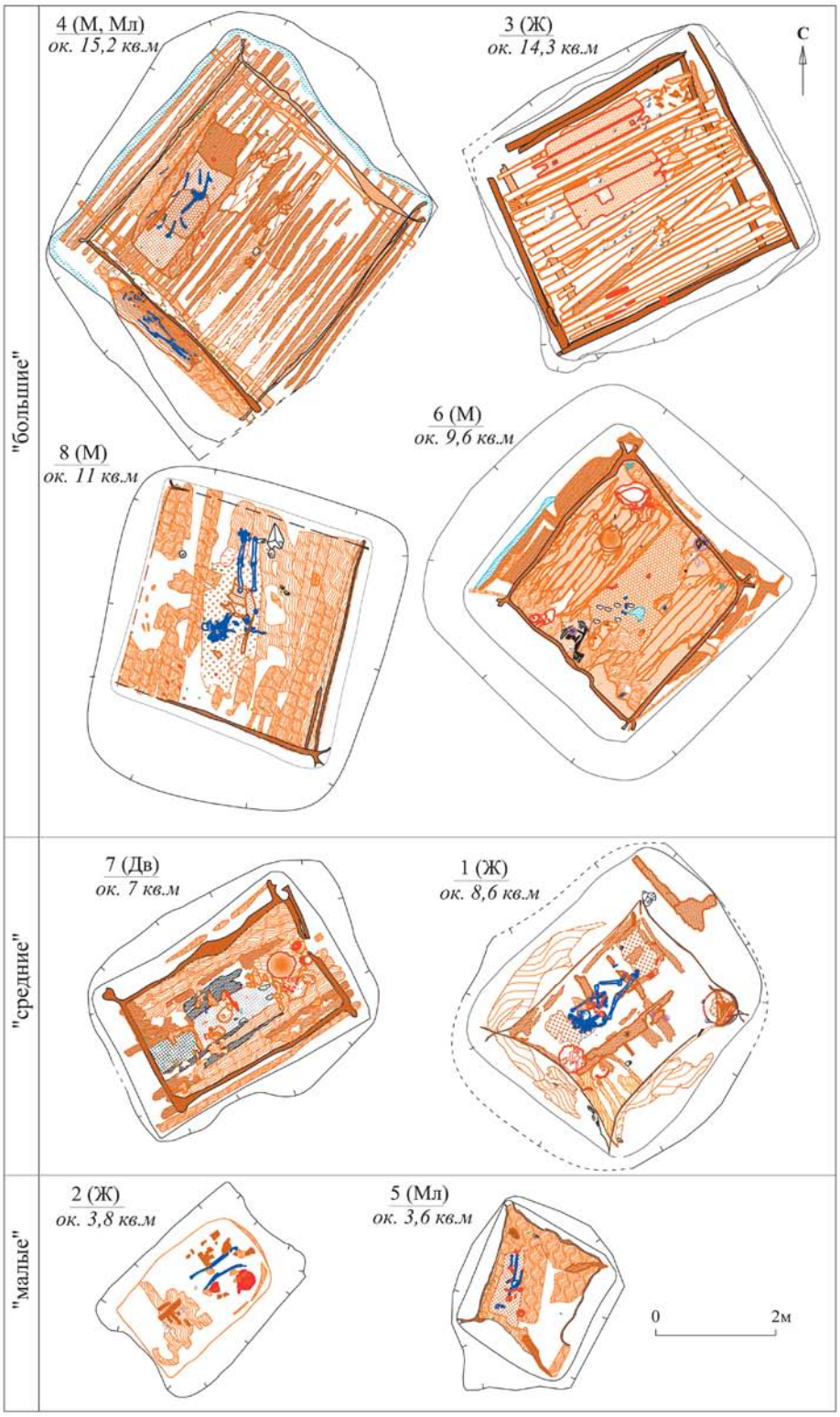


Рис. 1. Деревянные конструкции (срубы и полы) камерных погребений Старовознесенского некрополя. Сводный план с разделением на условные группы.
Расшифровка подписей: номер камерного погребения (половозрастная характеристика погребенного) — площадь внутреннего пространства деревянной камеры.
Половозрастная характеристика:
М — мужчина; Ж — женщина; Мл — мальчик; Дв — девочка

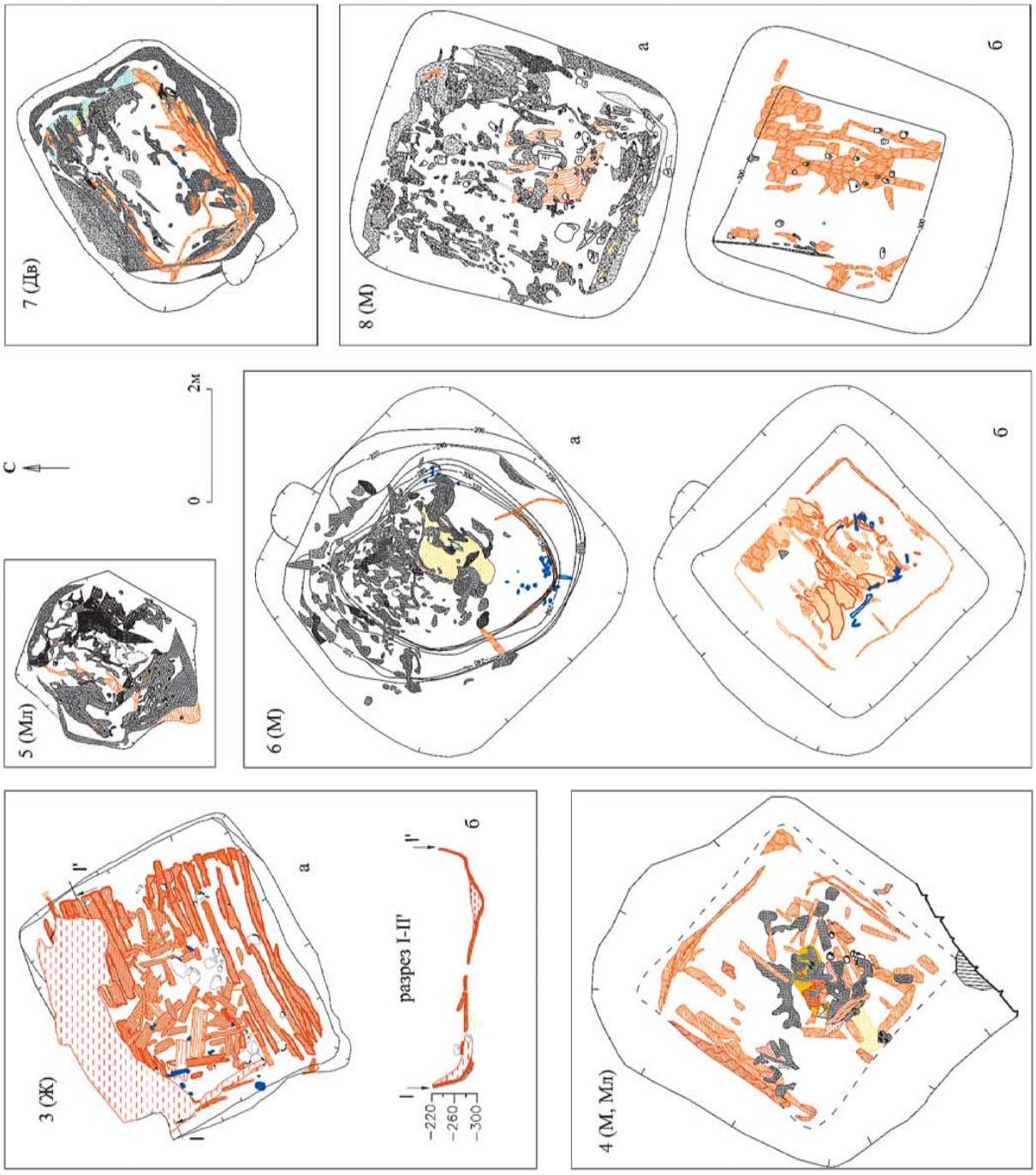


Рис. 2. Деревянные конструкции камерных погребений Старовознесенского некрополя. Остатки верхних перекрытий погребений 3–8. Сводный план

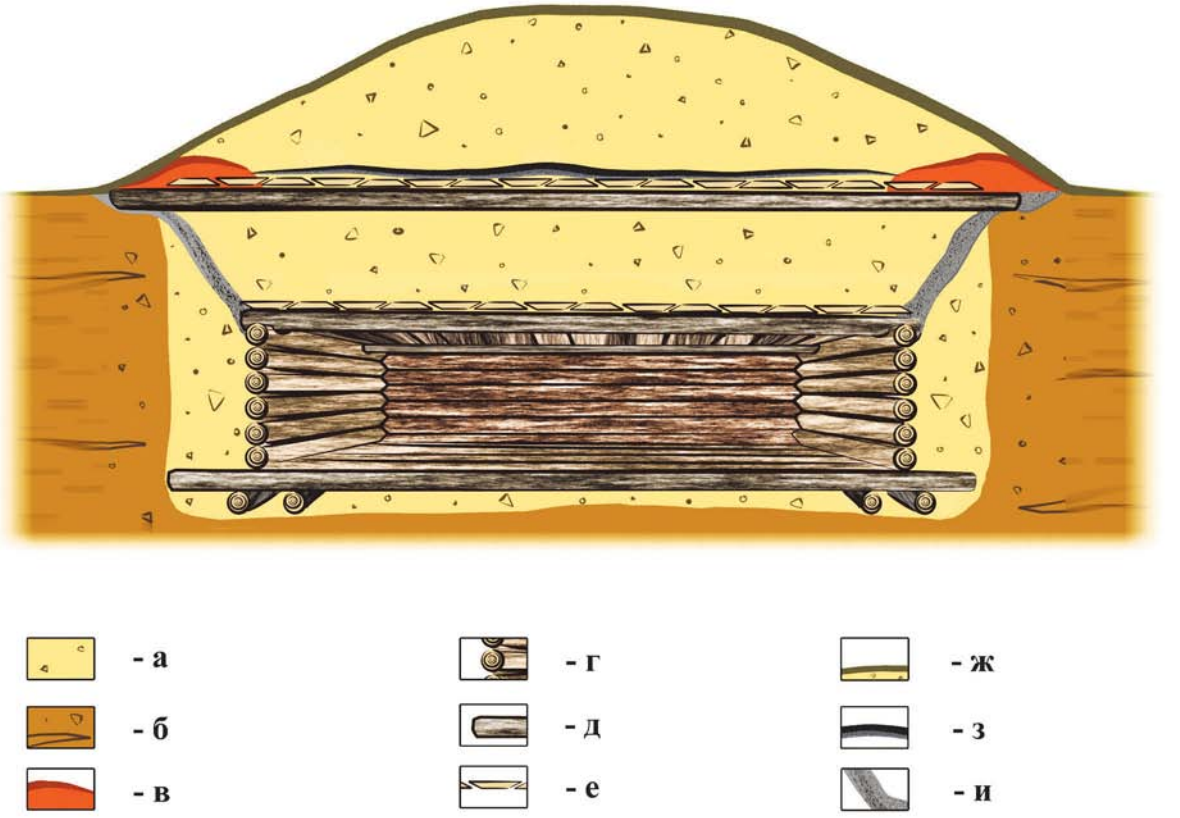


Рис. 3. Схема-реконструкция подкурганной погребальной камеры (на примере погребения 4). Разрез: а — перемещенная материковая порода; б — материковая порода в естественном залегании (песок, супесь, суглинок, прослои глины, щебень-галька); в — глина со следами прокаленности; г — бревна сруба, балок верхнего перекрытия и переводин пола; д — бревна; е — элементы верхних перекрытий; ж — почвенный слой (дерн), сформировавшийся после создания погребального объекта; з — серая супесь и зольно-угольные прослойки; и — серая гумусированная супесь

результатов исследований. Поэтому здесь привлекаются материалы о домостроительстве X в. Киева, Ладоги, Новгорода, поскольку обобщающих работ по домостроительству Пскова этого времени пока нет[1]. Отечественная и зарубежная литература, в той или иной степени затрагивающая многообразные аспекты исследований камерных погребений Древней Руси, обширна. Практически каждая тематическая статья касается и деревянных конструкций этих погребальных памятников. Есть многочисленные публикации результатов раскопок и комплексных исследований отдельных погребений, групп захоронений, некрополей древнерусских городов (например: Бліфельд, 1965, 1977; Каргер, 1958; Авдусин, Пушкина, 1989; Ивакин, 2005, 2011; Зоценко, Тараненко, Бітковский и др., 2010 и др.). Но наиболее обобщенно исследования именно деревянных конструкций в составе камерных погребальных комплексов представлены в работах Ю. Э. Жарнова и К. А. Михайлова.

Прежде всего, это исследования Гнёздовского могильника, выполненные Ю. Э. Жарновым, который из 85[2] ингумаций выделил 23 случая, когда были «зафиксированы в большей или меньшей степени четкие следы или остатки деревянных конструкций», и обстоятельно проанализировал их (например: Жарнов, 1992, с. 13).

В диссертации К. А. Михайлова, посвященной элитарным погребениям Древней Руси, подробно рассмотрены способы сооружения и отдельные элементы камерных могил на примере 68 погребений (Михайлов К. А., А2005, гл. III)[3]. Большинство конструктивных особенностей этих сооружений

[1] Так, например, достаточно отчетливо прослеживается близкая связь жилых построек Киева (Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985, с. 149) и конструкций местных деревянных гробниц X в. (Каргер, 1958).

[2] По данным на нач. 90-х гг. XX в.

[3] Благодарю К. А. Михайлова за возможность ознакомиться с диссертацией (Михайлов К. А., А2005) и привлечь ее данные в настоящей работе.

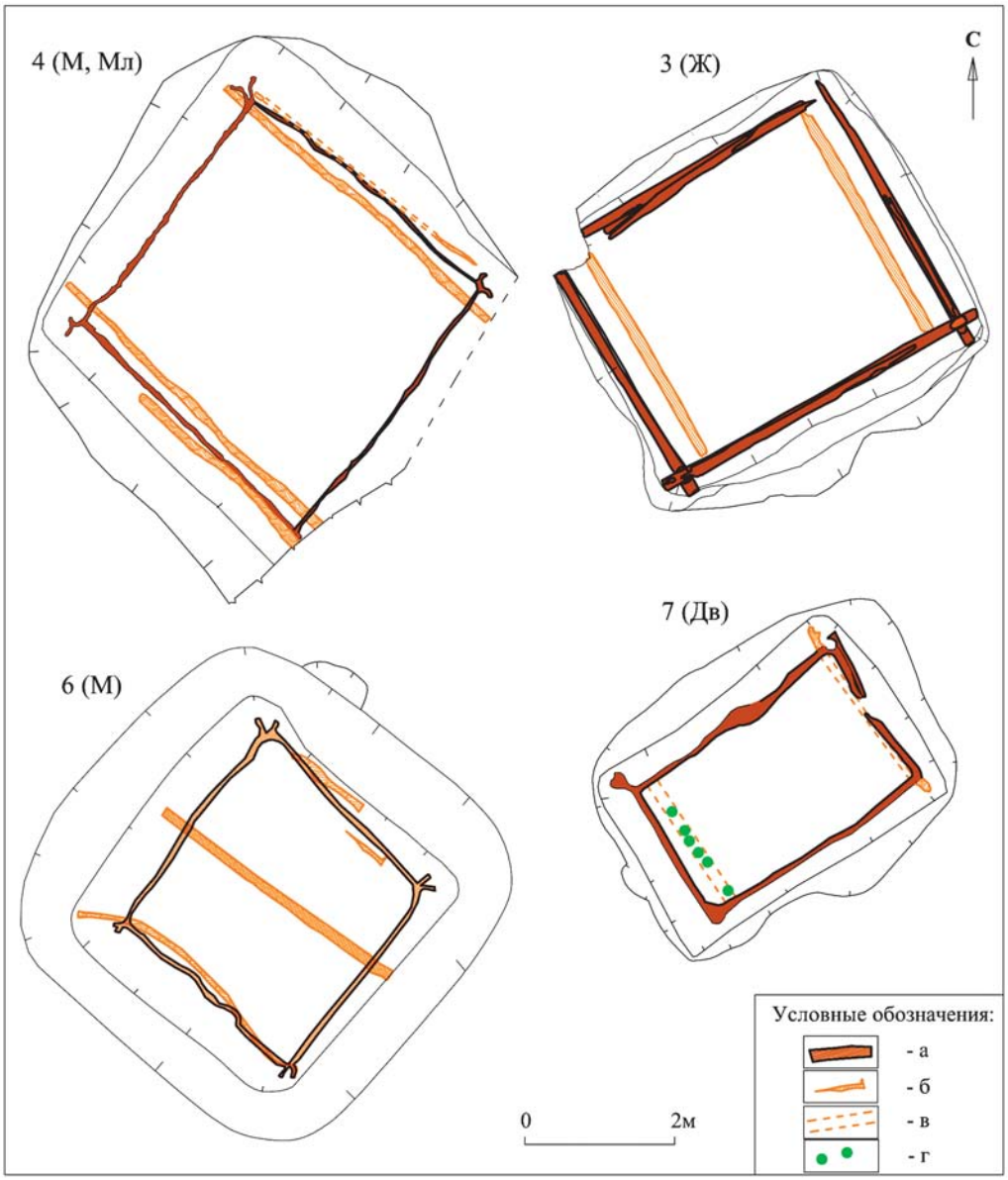


Рис. 4. Переводины пола в срубах камерных погребений 3, 4, 6, 7. Сводный план:
а — контуры срубов; б — переводины; в — реконструируемое положение переводины; г — железные гвозди

свидетельствует о том, что они возводились с учетом опыта древнерусского и североевропейского домостроительства (Михайлов К.А., 2005, с. 8).

Материалы о деревянных конструкциях Старовознесенского некрополя немногочисленны по сравнению с другими известными погребальными комплексами. Однако это же обстоятельство позволяет более подробно остановиться на деталях, которые, на наш взгляд, имеют не статистическую, а фактологическую ценность для пополнения информации об устройстве гробниц камерных погребений Древней Руси.

Верхние перекрытия

(рис. 1, 2, 5; таблица)

Важнейшим элементом деревянной погребальной конструкции были верхние перекрытия могил, остатки которых были отчетливо зафиксированы во всех псковских камерах (рис. 2). Эти части сооружения претерпели наиболее значительные по сравнению с другими деформации. Верхние настилы, некогда служившие и основаниями курганных насыпей, со временем разрушились и просели во внутренний объем усыпальниц (рис. 2).

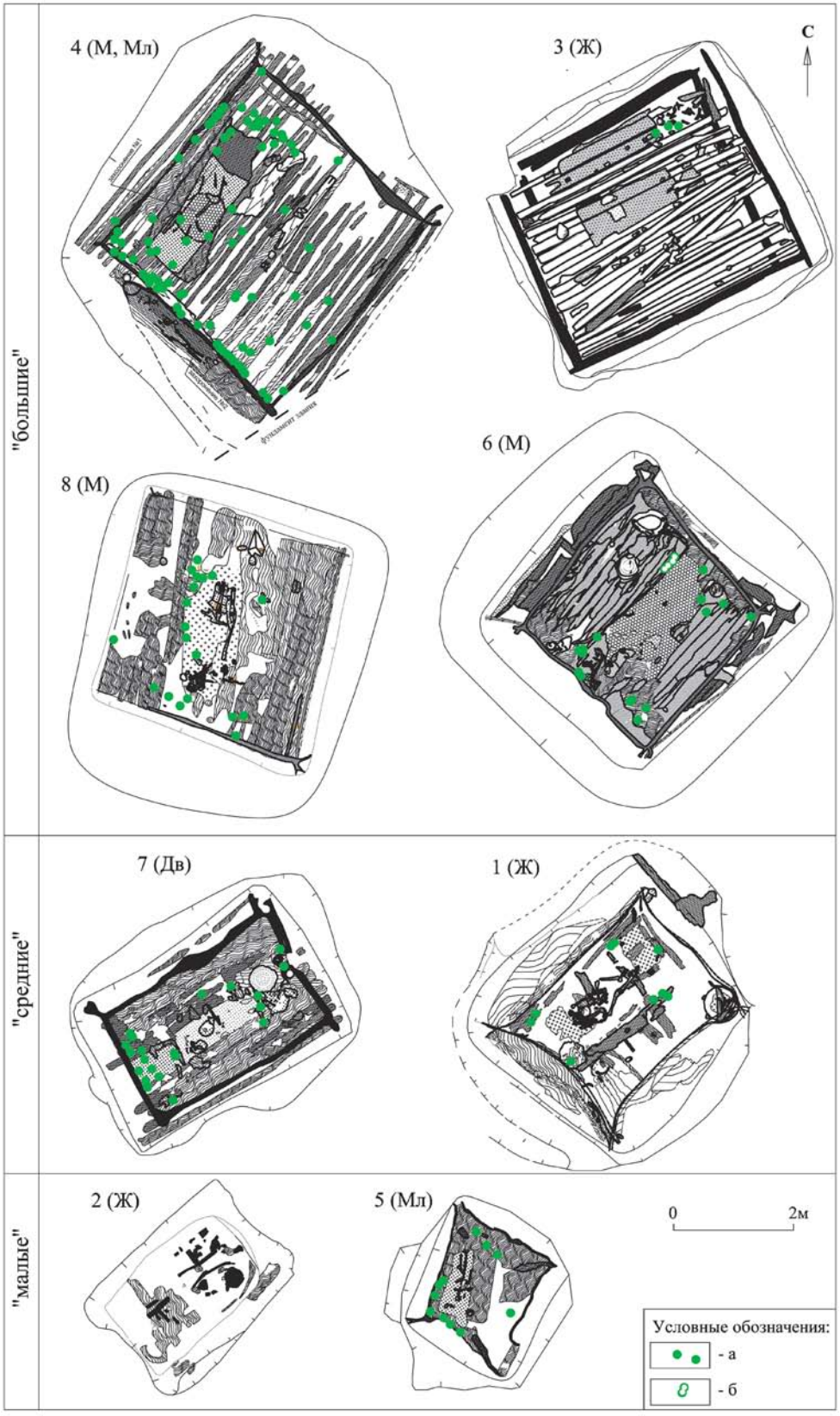


Рис. 5. Схема находок гвоздей в камерных погребениях Старовознесенского некрополя. Сводный план с разделением на условные группы:
а — кованые железные гвозди; б — корабельные заклепки

Таблица. Деревянные конструкции камерных

Камерные погребения:	**1**	**2**	**3**
			ЯМА
Размеры (в м): на уровне выявления на уровне погребения	5,12 × 4,4 4,5 × 3,6–4	3,2 × 2,24 2,4 × 1,6	5 × 4,64 4,7 × 4,1
Ориентация	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ
Глубина	1,8–2 м	1,1–1,3 м	1,7 м
			СРУБ
Размеры внутреннего пространства (макс. по осям)	3,3 × 2,64 м	2,45 × 1,6 м	4,15 × 3,5 м
Площадь внутреннего пространства (макс.)	Ок. 8, 6 кв. м	Ок. 3,8 кв. м	Ок. 14,3 кв. м
Ориентация	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ
Количество зафиксированных венцов	?	?	Не менее 7
Высота сруба (по сохранившимся фрагментам)	Не менее 0,6 м	0,6–0,8 м	Не менее 0,86 м
Диаметр (ширина) сохранившихся частей (бревен) сруба	Не менее 0,1 м	0,03–0,04 м	0,1–0,12 м
Длина элементов (бревен) сруба	3,5 × 3,12 м	Ок. 2,4 × 1,6 м	4,5–4,9 м
Длина выпусков (макс)	0,15–0,3 м	-	0,25–0,3 м
Способ рубки	В обло	В лапу(?)	В обло
			ПОЛ
Сохранность	В основном — гумусированный песок, тлен. Фрагмент досок (?)под бронзовым тазом	Фрагменты досок (?), тлен	22 бревна
Диаметр, ширина сохранившихся элементов настила пола	0,15–0,2 м	0,22 × 0,03 м	10–12 см
Направление настила пола	СВ—ЮЗ, поперечное дл. оси сруба и погребению	СВ—ЮЗ, вдоль длинной оси сруба и захоронения	СВ—ЮЗ, вдоль длинной оси сруба и захоронения
Особенности расположения настила	По всему дну ямы	Прослежен внутри сруба	Внутри сруба
Наличие переводин	?	?	2
			ВЕРХНЕЕ
Ярусы, прослойки	1 — глина (по краям); 2 — дерево; 3 — супесь.	1 — доски плохой сохранности; супесь. Соотношение неясно	1 — глина (по краям); 2 — супесь; 3 — дерево (плахи)
Ориентация зафиксированных участков элементов настила	Параллельно (?) направлению настила пола, длинной оси сруба и ориентации захоронения	?	Параллельно направлению настила пола, длинной оси сруба и ориентации захоронения

* в плане близок к квадрату

Условные обозначения: ? — точно не установлено, не прослежено, не сохранилось;
(?) — предположительно «да»; – — «нет», отсутствует; + — «да», присутствует.

погребений Старовознесенского некрополя

	4	5	6	7	8
	$\frac{7,2 \times 6,4}{5,5 \times 5,2}$	$\frac{3 \times 2,88}{2,7 \times 2,2}$	$\frac{5,5 \times 5,4}{4 \times 4}$	$\frac{4,4 \times 3,7}{4,1 \times 2,75}$	$\frac{5,35 \times 4,7}{3,9 \times 3,8}$
	СВ—ЮВ	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ
	До 1, 93 м	1,07–1,1м	2,24–2,45м	1,5 м	1,4–1,52 м
	3,9 × 3,86 м	1,4–1,8 × 1,7–2 м	3 × 3,2 м	2,2 × 3,4 м	3,2 × 3,4 м
	Ок. 15,2 кв. м	Ок. 3, 6 кв. м	Ок. 9, 6 кв. м	Ок. 7 кв. м	Ок. 11 кв. м
	СВ—ЮЗ × СЗ—ЮВ*	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ × СЗ—ЮВ*	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ × СЗ—ЮВ*
	Не менее 7	?	Не менее 4	Не менее 2	Не менее 3
	Не менее 0,9 м	Ок. 0,4 м	Не менее 0,79м	Не менее 0,6–0,7м	Не менее 0,62м
	0,11–0,18 м	?	Не менее 0,1 м	0,12–0,15м	Не менее 0, 1м
	4,4–4,8 м	2,4 × 2,05 м	4,8 × 4,45 м	3,6 × 2,4 м	4 × 3, 75м
	0,2–0,37 м	-	0,75–0,83м	0,2–0,3 м	до 0,27м
	В обло	В лапу(?)	В обло	В обло	В обло
	33–34 бревна	Тлен, доски (?)	19 элементов, доски (?)	12 бревен (?)	Тлен, доски (?)
	10–12 см	ок 0,18 м	Ок. 0,2 м	До 0,12м	Ок. 0,25 м
	СВ—ЮЗ, вдоль длинной оси сруба и захоронения	СВ—ЮЗ, вдоль длинной оси сруба и захоронения	СВ—ЮЗ, вдоль длинной оси сруба и захоронения	СВ—ЮЗ, вдоль длинной оси сруба и захоронения	СВ—ЮЗ, вдоль длинной оси сруба и захоронения
	По центру, на дне ямы, под срубом, со значительными выпусками за его пределы	Прослежен внутри сруба	По центру ямы, под срубом, со значительными выпусками за его пределы в поперечном направлении	По центру ямы, под срубом, со значительными выпусками за его пределы	По центру, на дне ямы, под срубом, с незначительными выпусками за его пределы
	4	2	3	2?	2
ПЕРЕКРЫТИЕ					
	1 — глина (по краям); 2 — серая супесь; 3 — древесный тлен; 4 – серая супесь; 5 — красная глина; 6 — серая супесь	1 — серая супесь; 2 — древесный тлен	1 — серая супесь; 2 — древесный тлен	1 — серая супесь; 2 — древесный тлен	1 — древесный тлен + супесь; 2 — серая супесь; 3 — древесный тлен + супесь
	Верхний ярус — перпендикулярно направлению настила пола, длинной оси сруба и ориентации захоронения	?	Параллельно направлению настила пола, длинной оси сруба и ориентации захоронения (?)	Параллельно направлению настила пола, длинной оси сруба и ориентации захоронения	Параллельно направлению настила пола, длинной оси сруба и ориентации захоронения (?)

Их части в разрушенном состоянии в виде пятен древесного тлена фиксировались по всей глубине заполнения и в разных местах могил[1]. Наиболее высокие отметки имели фрагменты, лежавшие на краях и вдоль склонов верхних частей стенок ям. В центре погребений следы древесины верхнего настила обнаруживались на уровне пола, иногда — фрагментарно — на останках[2]. Повсеместно древесный тлен сопровождался пятнами серой гумусированной супеси. В верхней части заполнения, на краях ям, дерево, как правило, перекрывало тлен. Именно по горизонтальным срезам этих прослоек, фиксировавшихся по периметру ямы, выявлялись габариты древних могил.

По площади верхние настилы на 10–40 см превосходили размеры ям на верхнем уровне фиксации. В двух случаях (погребения 1 и 3), зафиксировано, что настил на 40–80 см перекрывал края ямы. При совпадении внешних контуров остатков полотна перекрытия и границ ямы предполагается уничтожение верхнего слоя погребенной почвы, сформировавшейся над «заполненной» курганной насыпью могилой в результате последующей антропогенной деятельности.

Различная степень сохранности древесины в погребальных комплексах была связана не только с факторами естественного характера. Значительный урон сохранности перекрытий был нанесен при отмеченных авторами раскопок ограблениях камер 3, 4, 6, 8. Несмотря на это, наилучшее состояние дерева, позволявшее рассмотреть особенности конструкций, имели верхние настилы в захоронениях 3 и 4. Наименее информативны в связи с сохранностью древесины остатки верхних настилов в камерах 1, 2, 5. Здесь удалось лишь констатировать их существование. Следует отметить, что сложность реконструкции верхних перекрытий могил связана еще и с тем, что в средней части высоты стенок ям и ниже, вдоль стен, отмечалось наложение (смыкание) древесного тлена стенок сруба и остатков просевших на них перекрытий. Сохранность дерева в большинстве случаев не позволяла разграничить эти слои.

Вероятно, во всех *больших* камерах верхний деревянный настил опирался на переводины-балки, перекинутые через яму. При этом в 3-й могиле концы переводин, лежавших на краях ямы, были полностью скрыты настилом.

Количество опорных балок перекрытия, вероятно, зависело от размера ямы (длины пролета), который нужно было перекрыть. В камерах 3, 4 и 6 прослежено существование трех переводин, расположенных примерно на равных расстояниях друг от друга. При этом крайние лежали на очень незначительном отдалении от краев ямы. Характер деловой древесины балок-переводин определяется лишь шириной сохранившихся пятен тлена — до 15 см. Зафиксированные участки «потолков-крыш» деревянных гробниц свидетельствуют о том, что настилы верхних перекрытий выполнялись тщательно и аккуратно. Так, в 3-й и 4-й гробницах торцевая линия настила, маркированная древесным тленом вдоль края ям, была довольно ровной, отдельные элементы плотно примыкали друг к другу.

Материал, из которого выполнялись сами настилы, определяется лишь в 3-й усыпальнице. Здесь настил был выполнен из плотно уложенных друг к другу элементов, опирающихся на поперечные переводины. Под тяжестью насыпи, по мере разрушения, он плавно просел во внутренний объем камеры. Его внешние части «легли» на края и стенки ямы. Торцевые части после проседания оказались в вертикальном положении, продольные — «легли» на края и стены ямы, а центральные — упали на дно. Перекрытие было выполнено из горбыля или полубревен (?) стволов деревьев хвойных пород. Толщина отдельных плах в сохранившемся виде достигала 3 см, а ширина — 12–20 см. На наиболее целых участках удалось проследить, что плахи были уложены плотно друг к другу «вразбежку», или «кузовком»: попеременно то вверх, то вниз округлой стороной, местами перекрываясь краями. Плахи сохраняли определенную пластичность, имели черный цвет и значительную крепость на участках, залегающих на наиболее низких отметках, над полом, вдоль северо-восточной и юго-западной стен. На мой взгляд, черный цвет свидетельствовал не о горении древесины[3], а о специфических биохимических процессах, произошедших с древесиной, длительное время находившейся под спудом насыпи[4].

[1] За исключением межстенных пространств между стеной ямы и сруба.

[2] Как правило, было невозможно точно установить, связаны ли пятна тлена и фрагменты древесины, перекрывающие останки, с перекрытиями или крышками гробов, существование которых в ряде случаев не исключается.

[3] Древесина «не пачкала» черным цветом даже после высыхания, что наблюдалось бы, если бы это был уголь.

[4] Подобное почернение древесины неоднократно наблюдалось автором при выборке слоя консервации раскопов 3–10-летней давности, содержавшего современные деревянные фрагменты.

В стратиграфических разрезах (в поперечной проекции) через остатки верхних перекрытий в 1-й и 4-й камерах (см. настоящий том, Погр. 1, Прил. 1; Погр. 4; Прил. 1) в слое серой супеси отмечены характерные полукруглые следы, сохранившиеся от деревянных элементов типа «горбыль — полубревно». В 4-й камере зафиксированы пятна достоверно обугленной по верху древесины, маркирующие широкие плахи или доски, перекрывавшие камеру поперек длинной оси.

Направление настила верхних перекрытий определимо не во всех случаях. Прослежены как продольное (камеры 3, 6, 7, 8), так и поперечное (камера 4) оси захоронения и ориентации настила пола направления. Есть основания предполагать, что в камере 1 верхний настил был уложен параллельно настилу пола, поперечного захоронению. Для 2-го и 5-го комплексов ориентация перекрытия точно не устанавливается.

Несколько слов о следах горения кровли погребений. В 3-й, 7-й усыпальницах обращала на себя внимание обожженность переводин, выделявшаяся на фоне коричневатого цвета детрита остатков самого настила. В камере 1 биоморфный анализ остатков перекрытия показал наличие в составе образца обгоревших фитолитов луговых трав. В 4-м погребении от верхнего горизонта перекрытия (настила и переводин) остался тонкий углистый слой. Вероятно, на поверхности настилов могли гореть небольшие «легкие» костры из сухой травы или соломы, в результате чего и происходило обугливание поверхности элементов.

Следует подчеркнуть, что следов костров, горевших на поверхности земли на месте устройства будущих камер, до отрытия ям, как в Гнёздово (Жарнов, 1991, с. 209), в Пскове пока достоверно не прослежено. Не исключено, что остатки таких костров могли быть уничтожены при последующей хозяйственной деятельности, хотя, вероятно, какие-либо следы всё же должны были сохраниться. Конечно, неоднократно обнаруженные отдельные угольки в составе заполнения могильных ям могут быть связаны и с таким костром. В таком случае размеры кострища были равны и (или) меньше площади пятна ямы. При этом отдельные угольки в слое заполнения могут быть связаны с указанным горением и на поверхности настила. Устройство костров на верхних перекрытиях отмечено также в курганных захоронениях с деревянными камерами Южной Скандинавии, плакунском погребении № 11, в камерных захоронениях датского острова Лангелан, а также в кургане № 100 Тимеревского некрополя (Михайлов К. А., 1996, с. 56)[1].

В составе остатков верхних настилов всех камер, за исключением 2-й и 5-й, зафиксировано несколько слоев «кровли» или «потолка». В погребениях 1, 3 и 4 прослежено, что первым сверху «жестким» слоем был деревянный настил, залегавший в верхней части стен ямы на серой супеси и местами по краю — под прослойками глины.

Возможно, глина использовалась в целях гидроизоляции при устройстве верхнего «потолка-крыши» усыпальниц[2]. Пятна-полосы этой породы прослеживались по периметру ям и внешних границ настилов, частично перекрывая последние. В камере 3 вдоль северо-западной стены отмечен значительный слой глины (рис. 2), перекрывавший длинный край настила[3]. Похожее явление прослежено в 1-й и 4-й камерах. В 4-й и 6-й камерах пятна глины на краю ямы имели следы прокаленности. Вероятно, красный цвет глина приобрела вследствие пребывания вблизи огня или остатков костра, горевшего на поверхности настилов.

Отдельно следует остановиться на серой супеси, отмеченной во всех камерах. О существовании подобного серого гумусированного слоя, связанного с верхними перекрытиями деревянных камерных гробниц в других могильниках Древней Руси, из опубликованных данных нам пока не известно.

Выходы этого слоя на уровне материка маркировали погребения[4]. Супесь заглублялась наклонно-вертикально, образуя по мере выборки заполнения некие «временные стенки», в пределах которых производилось первоначальное раскрытие погребения (подробно см. раздел I настоящего тома). Супесь встречалась «под» древесным тленом на краях ям, а в центре могил и в

---

[1] К.А. Михайлов относит этот признак к южноскандинавским чертам группы камерных захоронений с гробами.

[2] Следует отметить, что красная глина в том виде, в котором она фиксировалась, не встречена нами в естественном залегании на территории некрополя. Не исключено, что глина приобрела такой цвет в результате контакта с огнем, который мог гореть на поверхности настилов внутри периметра глиняного «валика», уложенного по краю полотна перекрытия.

[3] С противоположной стороны верхняя часть ямы была уничтожена поздней траншеей.

[4] Исключение составляет 6-я камера, выявленная по «кольцу» крупного песка.

глубине заполнения — «над» деревянными остатками (рис. 2). Она фиксировалась отдельными «кусками» различной формы, которые в ряде случаев имели относительно ровные края. Размеры «кусков» супеси были различными, но, как правило, достаточно большими — до 30 см в поперечнике. Биоморфный анализ серого гумусированного субстрата, выполненный А. А. Гольевой, пока не позволил точно определить его природу. В составе супеси наряду с древесным детритом, связанным с деревянными конструкциями, встречаются фитолиты луговых трав, остатки корней растений, травяной детрит, следы мхов и ветвей хвойных деревьев. На текущем этапе изучения памятника мы предполагаем, что серая аморфная, однородная супесь представляла собой участки снятой и перемещенной погребенной почвы, т. е. куски дерна с участием различных флористических остатков (сено, трава, ветви и т. п.), уложенные на деревянные настилы и местами на откосы верхних, незакрытых срубами верхних частей ямы.

Неясен вопрос: на чем лежал (держался) слой супеси, в случаях, когда он сверху перекрывался деревянными остатками? Это и ряд других наблюдений позволяют предполагать существование в некоторых гробницах еще одного яруса верхнего деревянного перекрытия, на котором могла лежать супесь. Подтверждением этому в камерах 1 и 4 служат стратиграфические разрезы заполнения межстенного пространства (между стеной ямы и сруба). В верхней части в них отчетливо зафиксированы характерные полукруглые разрезы несохранившихся элементов конструкций. В момент фиксации эти углубления были заполнены серым субстратом, вероятно, заменившим собой основной объем сгнившей древесины. Направление этих несохранившихся элементов — перпендикулярное настилу верхнего яруса, от которого сохранились более убедительные полосы древесного тлена. В погребении 4 на северо-восточной стене достаточно отчетливо прослеживались следы двух ярусов перекрытия. В камере 6, в стратиграфии и планиграфии заполнения, отмечено 3 яруса, связанных с просевшим верхним настилом, в последовательности (сверху вниз): дерево–супесь–дерево.

Функция верхних перекрытий в комплексе погребального объекта, наряду с выполнением роли «крыши дома», состоит также в том, чтобы предотвратить попадание грунта в камеру и обеспечить погребение могилы под слоем земли и курганной насыпью. В связи с этим встает вопрос о прочности и несущей способности настилов, а также связанных с этим параметров курганной насыпи.

Поскольку при раскопках никаких различий и микроперепадов рельефа поверхности пятен погребальных объектов и окружающего материка не было обнаружено, мы предполагаем, что объем курганной насыпи как минимум соответствовал объему грунта, изъятого при рытье ямы, и затем, по мере разрушения перекрытий, просевшего и заполнившего могилу. Курган практически полностью заполнил яму, почти не оставив следов насыпи на поверхности[1].

Расчет примерной массы такой «минимальной» курганной насыпи над ямой размером 4 × 4 м при глубине ок. 1,5 м дает показатель более 38 т, из расчета средней плотности песка в естественном залегании[2] 1600 кг/куб. м (ЕНиР, глава 1, табл. 1. 16). Маловероятно, что конструкции верхнего яруса, особенности которых были прослежены, могли выдержать такую нагрузку.

Однако перераспределение этой нагрузки между несколькими (даже двумя) ярусами настилов перекрытий могло решить эту проблему. Как один из вариантов реконструкции устройства системы верхних перекрытий, на основе сделанных наблюдений и элементарной инженерной логики, можно предположить, что эти ярусы лежали не один на другом, при этом лишь усиливая нагрузку на переводины, а находились на разных уровнях. Один перекрывал яму сверху, а второй был устроен на уровне верхнего венца сруба. Пространство между перекрытиями должно было заполняться грунтом, поверхность которого служила дополнительной опорой для переводин и настила верхнего яруса.

Поскольку камерные деревянные гробницы более всего напоминают имитацию жилых построек своего времени, верхнее перекрытие соотносится в системе домостроения с потолком, кровлей — крышей. Информация об устройстве верхних частей деревянных построек Древней Руси X в. немногочисленна, поскольку они практически не сохранились. Вероятно, бóльшая часть построек X в. имела двускатные или четырехскатные крыши, утепленные глиной, землей или соломой (Раппопорт, 1975, с. 135–136). Для

[1] Возможно, какие-то незначительные возвышения были снивелированы в ходе последующего хозяйственного освоения.

[2] Показатель «естественного залегания» применен для объема грунта (песка), заполнявшего могильную яму, с учетом того, что за тысячу лет в ней сформировались условия, близкие к природным.

предположения (или отрицания) наличия подобных покрытий в погребальных постройках недостаточно данных. Однако, на наш взгляд, несомненно существование верхних перекрытий, конструктивно более близких к устройству потолков.

На основании исследований приемов средневекового деревянного зодчества Руси XV–XVIII вв. принято считать, что длительное время одноэтажные жилые постройки простых людей могли не иметь потолков. Основным древнейшим типом перекрытия срубного жилища являлась самцовая кровля, выполненная на основании сужающихся кверху бревен противоположных стен. Наряду с этим, вероятно, существовали и настилы, поддерживаемые матицей из жердей (накатника) или плах, соединенных пазами в четверть (Засурцев, 1963, с. 39).

Потолки в избах русских крестьян как обязательные элементы конструкции дома описывает известный исследователь русского хозяйства, быта и нравов С. В. Друковцев. В частности, о конструкции верхних настилов он сообщает: «Во всякой избе должно быть три перевода, чтобы потолок не гнулся» (Друковцев, 1772, с. 133). «Переводы» — это балки, опирающиеся на стены сруба избы. Сам потолок составлялся из тонких бревнышек или полубревен. Сверху щели замазывались глиной, закрывались сухим листом, льном, пенькой, пряжей, соломой, прутьями, деревянной стружкой и даже сеном (Милов, 1998, с. 220). Об устройстве земляных утепляющих кровель на основе двускатной крыши во времена Древней Руси и использовании грунта, глины, соломы, перегноя для утепления неоднократно упоминается в специальных исследованиях (Спегальский, 1972; Раппопорт, 1975, с. 136; Шенников, 1988, с. 101 и др.)[1]. В ряде случаев, на мой взгляд, речь идет об утеплении деревянного настила потолка. Возможно, и прослойки серой (коричневой) супеси, отмеченные при раскопках всех камер, являются остатками такого «утепления» срубных усыпальниц, следами гидроизоляции могилы.

[1] Интересно в связи с этим понятие «под землей». В рассказе о свадебном обряде в Псковском уезде в начале XX в. священник Вл. Ладинский сообщает: «...молодых заставляют помолиться, затем выводят в сени... В избе, на потолок которой обычно насыпается для теплоты земля, обручальная церемония не проделывается, так как благословение, данное под землей, сделает для молодых тяжелой всю жизнь» (Погост Саввина пустынь Псковского уезда, 2006, с. 270).

Срубы

(рис. 1, 3, 5; таблица)

Основу деревянной конструкции для устройства захоронений в глубокой грунтовой яме составляли оформленные тем или иным способом стены (рис. 1).

Среди погребений псковского камерного некрополя авторами раскопок предполагается срубный характер всех восьми обнаруженных гробниц[2] — один из наиболее древних и распространенных при создании деревянных построек.

По площади внутреннего пространства из их состава выделяются три условных группы: *большие* (3, 4, 6, 8) — с площадью более 9 кв. м; *средние* (1, 7) — с площадью более 6 и менее 9 кв. м; *малые* — до 4 кв. м (2, 5) (табл.). Малое количество исследованных объектов, несомненно, не дает оснований для построения какой-либо особой «местной» классификации камерных погребальных конструкций, да в этом и нет необходимости. Но предлагаемое разделение на условные группы находит дополнительный критерий в плановых формах построек: *большие* сооружения имеют в плане форму, близкую квадрату, остальные — прямоугольную.

Тип деловой древесины, из которой были сложены срубы вследствие уровня сохранности удалось достоверно установить лишь в 3-й и 4-й камерах. В 3-й — достаточно хорошо сохранились два нижних венца, в 4-й — удалось расчистить древесный тлен, точно передававший форму элемента. Это были бревна диаметром ок. 10–14,5 см. В 1-й и 6-й усыпальницах, где древесина была значительно худшей сохранности, в стратиграфических разрезах сохранились лишь полукруглые очертания, напоминающие следы полубревен (или горбыля), уложенных выпуклой стороной наружу. Их ширина устанавливается в диапазоне 12–13 см. Вероятнее всего, с учетом общих габаритов постройки, требовавших использования определенных материалов, это также были бревна. К тому же сопоставление параметров *следов* деревянных элементов и их реально сохранившихся на других участках фрагментов показывает, что не всегда прямое соотнесение формы отпечатка (в том числе в поперечном разрезе: тонкие полосы, полукруглые отпечатки) с известными видами «рабочей» древесины (доска, бревно, горбыль и т. п.) верно (см. далее о сохранности). Тем не менее во 2-й и 5-й камерах

[2] Погребения 2 и 5 имели деревянные камеры *предположительно* срубного характера.

авторы более склонны предполагать использование полубревен или толстых досок. Во 2-й — зафиксированы лишь тонкие полосы интенсивных включений древесного тлена шириной ок. 3–4 см в составе песка.

Отмечу, что зафиксированная толщина бревен, использованных при строительстве камерных могил в Пскове, несколько уступает традиционным для городской средневековой застройки значениям — «от 16 см и более» (Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985, с. 145, 147).

По участкам стен срубов усыпальниц с наилучшей сохранностью можно говорить об использовании цельных бревен по всей длине стен в камерах 1, 3–6, 8. Длина деревянных деталей срубов представлена в таблице.

Сохранность деревянных конструкций камер Старовознесенского некрополя не позволила установить конкретные породы дерева отдельных частей построек и срубов. Но проведенные биоморфные анализы и определения наиболее сохранившихся фрагментов указывают на использование в захоронениях только хвойной древесины (сосна и ель)[1], что также характерно для жилого домостроительства Древней Руси (Засурцев, 1963, с. 19; Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985, с. 139; Сагайдак, 2010, с. 539).

Возвращаясь к срубному характеру погребальных конструкций, отмечу, что для шести (1, 3, 4, 6–8) камер, отнесенных к группе *больших* и *средних*, убедительно зафиксированы особенности, позволяющие установить способ рубки — «в обло» (рис. 1).

Для *маленьких* 2-й и 5-й камер, несмотря на плохую сохранность древесины, есть основания для определения углового крепления — «в лапу». В них не было прослежено ни ям от возможных угловых столбов, которые могли бы удерживать деревянную облицовку каркасного типа, ни следов угловых выпусков бревен или плах, ни железных гвоздей, связанных с устройством стен способом обшивки. В 5-м погребении зафиксировано расхождение краев стен в углах сруба, что ни разу не наблюдалось в конструкциях с достоверным креплением «в обло».

В шести остальных камерах угловые выпуски бревен достаточно точно определялись по пятнам древесного тлена. В плане и при зачистке по наклонной плоскости до 45° (вовнутрь ямы), они напоминали «заячьи уши» длиной 14–40 см (таблица). Такой своеобразный отпечаток, вероятно, маркировал не только местоположение концов бревен, но и процесс разложения древесины при изменении ее физических характеристик. «Растянутые» следы угловых выпусков свидетельствуют о деформации элементов сруба не только в горизонтально-наклонном направлении, но и в вертикальной проекции: концы выпусков всегда появлялись на более высоких отметках, чем сам узел угла сруба. Самые длинные выпуски зафиксированы в парном погребении 4 — до 0,37 м (табл.)[2].

Хорошая сохранность древесины нижней части заполнения могильной ямы позволила проследить особенности укладки бревен в срубе лишь в 3-й камере, собранной из элементов вторичного использования. На бревнах сруба и всех, использовавшихся в настиле пола, сохранились продольные пазы и круглые чашки для углового крепления. В частности, учитывая наблюдения за особенностями деревянного домостроительства Киева X в. (например: Сагайдак, 2010, с. 538), продольный паз, свидетельствующий об особо тщательной подгонке при первичном строительстве, может указывать на жилой характер постройки, использованной для устройства погребальной камеры.

Бревна, из которых был сложен сруб 3-й гробницы, в углах лежали чашкой вверх, как и в основной массе современных ему «наземных» построек Новгорода, Киева и других древнерусских городов (например: Засурцев, 1963, с. 19; Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985, с. 139; Сагайдак, 2010, с. 537 и др.). Здесь же микробиоморфными анализами грунта у стен сруба зафиксировано наличие мха, который мог использоваться в качестве уплотнителя пазов между бревнами либо сохранился на них со времени их первоначального использования в составе жилой постройки (см. далее т. 2 настоящего издания, статью А. А. Гольевой).

Недостаточно ясным остается вопрос о высоте погребальных срубов. Сохранившиеся части древнерусских деревянных усыпальниц в большинстве случаев насчитывают 4–9 венцов, на высоту до 1 м от дна ямы (по: Михайлов К. А., А2005, разд. 3.1.2.). На Старовознесенском кладбище также ни разу не был прослежен вариант

[1] Лишь в угольках из заполнения могил определяются лиственные породы: береза, липа, ясень, кустарник (см. далее т. 2 настоящего издания, статья А. А. Гольевой).

[2] Как правило, для выявления угловых выпусков венцов приходилось производить дополнительные земляные работы по расширению краев ямы, которые оказывались значительно шире первоначально визуально определимых границ.

достоверного выявления верхней части сруба на одном уровне с краями ямы[1].

При этом даже в случаях плохой сохранности древесины, во всех постройках, рубленных «в обло», фиксировались вертикальные участки угловых узлов срубов, позволяющие определить приблизительное количество венцов погребальной камеры и соответственно высоту ее стен. Следует учитывать, что показания полевой фиксации при этом будут несколько отличаться от реконструируемых параметров, поскольку от верхних венцов сохранялись лишь слабые следы, не всегда достоверно соотносимые с древесиной именно сруба. Воссозданная на основании верхних отметок фиксации стен и предполагаемого диаметра бревен, высота срубов составляет в *больших и средних* камерах 0,6 м (1-я камера) — ок. 1,2 м (4-я камера), что приблизительно соответствует 5–9 венцам.

Наиболее высокие деревянные стенки зафиксированы в крупных камерах 1, 3, 4, 6, 7, где соотношение глубины ямы к высоте стенок было следующим (соответственно): 1,86/0,7 м; 1,79/0,89 м; 2,4/0,8 м; 1,63/0,6–0,7 м. Таким образом, при глубине ям 1,5–2,4 м их грунтовые стены в большинстве случаев были закрыты деревянными стенами срубов примерно на треть–половину высоты. Сходные данные (не более 3/4 высоты) приводил Ю. Э. Жарнов в своей обобщающей работе по Гнёздово.

Как глубина могилы дает косвенные основания для реконструкции высоты деревянных стен усыпальницы, так и плановые габариты ямы, несомненно, коррелируют с размерами сруба. К. А. Михайлов считает, что устройство сруба «в лапу» является более рациональным (и следует понимать — распространенным) при создании погребальных камер, поскольку требует меньших усилий при копке ямы меньших размеров. В Пскове во всех случаях прослежено превышение размеров ямы над габаритами сруба. Даже в небольших усыпальницах со срубами, крепленными «в лапу», ширина межстенных зазоров, между ямой и срубом варьировалась от 10 до 60 см. В камере 4, большой гробнице, в таком зазоре за стеной сруба было устроено сопровождающее погребение в лодке- долбленке. В других случаях никаких находок за пределами габаритов сруба обнаружить не удалось.

Есть основания предполагать, что межстенное пространство (между срубом и стенкой ямы), вероятно, сразу засыпалось при устройстве погребальной конструкции, образуя своеобразную «завалинку». В результате засыпки на уровне верхних венцов усыпальницы, находившихся ниже краев ямы, вероятно, существовала некая грунтовая ступень или откос. В противном случае при наличии пустоты между стенами тлеющая древесина сруба «разложилась» бы на стены ямы. Такого положения остатков деревянных конструкций не было зафиксировано ни разу. Благодаря этой изначальной засыпке остатки стен срубов при раскрытии занимали относительно вертикальное положение. Следует отметить, что в средней и нижней частях заполнения межстенного зазора не прослеживалось включений серой супеси (дерна?), которую я связываю с устройством верхних перекрытий и, возможно, с облицовкой дерном верхней части стенок ям. При этом внутри срубов-гробниц пятна этого слоя в заполнении встречались с самого верха до уровня пола. Это значит, что супесь не могла попасть в межстенное пространство, поскольку оно было засыпано перед перекрытием этого зазора верхним настилом.

С высотой сруба также связан и вопрос о конструкции перекрытия гробниц. При прослеженной высоте срубов (ок. 3/4 высоты стенок ямы) их конструкции не могли быть основанием для настила, перекрывавшего яму, концы которого фиксировались на краях могил (погребения 1, 3, 4). На основании приведенных наблюдений с учетом особенностей прослеженных при раскопках погребения 4 выполнена схематическая реконструкция устройства погребальной камеры (рис. 3).

Информации об оформлении интерьеров погребальных срубов получено немного. О внутренней отделке псковских камерных усыпальниц на сегодняшний день сказать что-либо сложно. Ни в одной из гробниц не прослежено следов окрашивания или обмазывания стен изнутри. Бревна 3-й усыпальницы, сохранность которых позволяла это точно установить, не имели следов подтесывания в интерьере, как и в современных ей жилых постройках древнего Новгорода (Засурцев, 1963, с. 22). Не исключено использование текстиля, шкур, отдельных предметов или элементов для украшения стен. Об этом косвенно могут свидетельствовать находки кованых гвоздей, некогда крепивших всё это к срубу.

[1] Предположительный характер этого утверждения сохраняется, поскольку в 1-й и 3-й камерах в углах на краю ямы (частично уже на стенке) фиксировались участки «перекрестья» неких деревянных элементов, которые всё же, вероятнее всего, были связаны с устройством верхних перекрытий.

В шести гробницах (1, 4, 5–8) прослежено использование гвоздей[1] (рис. 5). На мой взгляд, их назначение в каждой из камер было разным.

В первом захоронении положение гвоздей (9 экз.), скорее всего, маркирует габариты погребального ложа, детальная реконструкция которого затруднительна. Оно дает основания для предположения существования некого подиума (носилок, настила и т. п.), покрытого тканью (?), закрепленной гвоздями по углам.

В 4-й могиле обнаружено 97 фрагментов гвоздей (в том числе 69 шляпок). Значительная их часть хаотично «разбросана» по внутреннему объему сруба, за исключением восточного угла, откуда, вероятно происходило грабительское вторжение. Важно отметить, что ни один из этих гвоздей не был забит в бревна пола. Другая часть — довольно плотно друг к другу располагалась вдоль СЗ и ЮЗ стен, вблизи которых находились захоронения: у северо-западной — основное, а за юго-западной — сопровождающее. В составе гвоздей, найденных внутри сруба, выделяется группа, обнаруженная непосредственно над полом в песке, окрашенном древесным детритом, либо между бревнами. На мой взгляд, это следы рухнувшего настила верхних перекрытий. Помимо этих гвоздей, учитывая среднюю плотность находок гвоздей «внутри сруба», вокруг места основного захоронения, маркированного пятнами древесного тлена, выделяется еще одна зона концентрации железных стержней, связанных, очевидно, с конструкциями погребального ложа. Предполагаю, что гвозди, зафиксированные вдоль СЗ стены, частично также относятся к конструкциям вместилища останков, которое вплотную примыкало к соответствующей стене сруба. Более всего по количеству и характеру гвоздей, форме пятен древесного тлена и плановым параметрам (ок. 1,55 × 3,15 м) «ложе» напоминает повозку с наклонными боковыми стенками. Доказательством последнего могут служить в том числе гвозди, лежавшие вдоль длинных сторон пятна древесного тлена, маркирующего основание ложа, на некотором отдалении от его границ. И наконец, еще одна группа гвоздей — обнаруженная вдоль юго-западной стены. Эти гвозди связаны с пятном древесного тлена перпендикулярного направлению настила пола и параллельного стене. Отдельные экземпляры этой группы были найдены на бревнах, другие — между ними. Их точное назначение пока не имеет объяснения, но несомненно, что их использование как-то было связано с оформлением места второго, «застенного» захоронения.

В 5-й камере найдено 10 гвоздей. Все они, на мой взгляд относятся к погребальному ложу.

В 6-ой усыпальнице, подвергшейся ограблению, сохранилось 13 гвоздей. Все они сосредоточены вдоль противоположных отрезков стен юго-восточной части камеры. Северо-западная половина отделялась от нее некоей доской, в которой найдено несколько корабельных заклепок. Положение доски и контекст (пространство от нее до СЗ стены вымощено досками, отличными по сохранности от основного замощения пола) (рис. 1, 5) дают основания для предположения наличия здесь небольшой лодки или повозки (изготовленной с использованием лодейных досок с заклепками) внутри погребального сруба[2].

В 7-м погребении определяются гвозди, связанные с устройством дощатого пола, возможным оформлением стены и погребального ложа. Первые отчетливо прослежены по шляпкам, на фоне пятен древесного тлена досок пола. Вероятно, они маркируют положение несохранившейся лаги у юго-западной стены камеры. Там же, вдоль стены, параллельно предыдущей группе, найдено пять гвоздей, лежащих «в цепочку» вдоль центрального отрезка стены. Как и в других могилах, вокруг местоположения останков и пятна древесного тлена, подстилающего их, также найдены гвозди, вероятно, связанные с устройством (оформлением) погребального ложа.

В погребении 8, на мой взгляд, все гвозди относятся к несохранившемуся погребальному ложу, плановые размеры которого по местоположению гвоздей определяются как ок. 2 × ок. 1,2–1,5 м.

В камерах 1, 4, 6 и 8 гвозди, соотносимые с условной группой «погребальное ложе», могли быть связаны и с устройством крышки или покрова вместилища останков.

Отсутствие гвоздей в 3-й камере, на мой взгляд, подтверждает предположение о том, что находки этих предметов в других гробницах в основном связаны с конструкциями погребального ложа (может быть и гробов, в т. ч. с крышками) или оформлением интерьеров, а не креплением конструкций построек камер. Поскольку в 3-й камере в качестве ложа использовалась деревянная кровать «безгвоздевой» конструкции, здесь не было обнаружено крупных кованых железных стержней со шляпками.

[1] Гвоздики, найденные в 3-й камере, — вероятно, мебельные. В приведенном обзоре — не привлекаются.

[2] Более конкретная интерпретация назначения гвоздей в 6-й камере будет предложена автором раскопок в последующих исследованиях.

Относительно внутреннего устройства срубных гробниц подчеркиваю, что капитальных перегородок, за исключением отдельных досок, возможно, условно разделявших внутренний объем, достоверно не прослежено. Планировочное разделение на части «дома для мертвых» скорее имело семантическое значение. В четырех случаях местом расположения останков служила северо-западная часть срубов, причем всех трех, выделенных по размерам в этой работе, условных групп (камеры 1, 3, 4, 5). Во второй, седьмой и восьмой могилах останки занимали центральное положение в камере. По мнению автора раскопок Т. Е. Ершовой, и в шестом погребении захоронение занимало центральное место. Зависимости расположения останков в срубе от пола или возраста погребенного не отмечается. Приведенные наблюдения позволяют с достаточной долей уверенности предполагать, что открытые погребальные сооружения Старовознесенского некрополя, даже значительные по площади были однокамерными, как и наиболее распространенный вид синхронных им жилищ (например: Фараджева, 1997, с. 402; Раппопорт, 1975 г., с. 141, 142).

Завершая обзор особенностей погребальных срубов, следует отметить, что нами ни разу не было прослежено традиционных для деревянной застройки древнерусских городов фундаментов, характерных как для жилых, так и для хозяйственных построек. При этом лишь 3-я и 5-я камеры стояли непосредственно на материковом суглинке, а остальные были установлены, на предварительно уложенный на дно ямы деревянный настил пола (рис. 1, *4*), который наряду с прямым назначением выполнял роль своеобразного основания сооружения.

Относительно деревянных конструкций погребальных камер Древней Руси и Европы наиболее распространены следующие представления. Так, в Южной Скандинавии выделяются два вида сооружения стен погребальных камер: столбовой (со стенками из горизонтально уложенных плах) и со стенами из вертикально стоящих плах, или досок (по: Михайлов К. А., А2005, с. 84, 86). Оба приема применялись достаточно часто, и причины применения того или иного изучены пока недостаточно. Данных о применении срубной техники в скандинавских камерах эпохи викингов автору пока не известно. В древнерусских гробницах X в. также отмечается два основных технологических приема строительства деревянных усыпальниц: срубные и каркасно-столбовые конструкции. По результатам исследований К. А. Михайлова, срубная техника наиболее характерна для могильников Гнёздово (так же: Жарнов, 1992, с. 13) и Киева (так же, Сагайдак, 1988, с. 127), каркасно-столбовая — для Шестовиц и Чернигова (Михайлов К. А., А2005, гл. 3). При этом на территории Древней Руси, и в частности в Пскове, пока ни разу не прослежена вертикальная установка элементов облицовки.

В Киеве, впрочем, как и в других местах, погребальный сруб чаще всего складывался из круглых бревен посредством угловых вырубок «в обло» и имел небольшие выносы венцов. Дно гробницы выстилалось досками, а перекрытие, которое делалось ниже дневного горизонта, представляло собой бревенчатый накат. Наиболее ярко представлены конструкции в погребениях № 109, 112, 113, 115, 123 могильника на Старокиевской горе. Этот же тип деревянных сооружений под курганной насыпью неоднократно отмечен в составе Шестовицкого могильника (Сагайдак, 1988, с. 127).

В Гнёздове, как считал Жарнов, к камерам-«срубам» можно отнести 12 погребений с остатками деревянных конструкций: Ц-86, 157, 191, 198, 212, 301, Оль-30, Дн-40, Оль-11, 25/II, 50, 62 (Жарнов, 1998, с. 96). При этом отмечалось абсолютное преобладание варианта срубной конструкции с соединением углов «в лапу». Рубка «в обло» была прослежена лишь однажды, в погребении Ц-301. В усыпальницах с наиболее значительной площадью дна камер (Поль — 62 (16,8 кв. м) и Оль — 30 (32 кв. м) зафиксированы центральные опорные столбы, несущие основную нагрузку верхнего перекрытия (Жарнов, 1992, с. 13).

На данном этапе исследования могильника псковский камерный некрополь представляется более близким киевской традиции захоронения в срубах-усыпальницах, рубленных в большинстве известных случаев «в обло».

Пол

(рис. 1, 3, 4; таблица)

Поскольку сходство погребальных камер и синхронных усадебных построек древнерусских городов, хотя бы на уровне конструктивных особенностей, представляется явным, нижние настилы, на которых находились захоронения и сопровождающий инвентарь, прослеженные во всех камерах, можно признать своеобразными полами. Свидетельства существования деревянных настилов на дне ямы зафиксированы во всех

погребениях, однако различная сохранность древесины не везде позволила установить особенности их устройства.

В 1-й камере от полов на дне ямы остались небольшие желобки-вдавления, заполненные песком с древесным тленом, шириной ок. 10–12 см. Отпечатки сохранили округлую в поперечном разрезе форму элементов, напоминающих полубревна. Однако под металлическим тазом в восточном углу усыпальницы были достоверно прослежены фрагменты, более похожие на доски того же направления, что и отпечатки. Несмотря на плохую сохранность дерева, по пятнам древесного тлена за пределами стен гробницы можно предполагать наличие настила, покрывавшего почти все дно ямы, по площади значительно превосходившего сруб.

Нижние настилы в погребениях 2, 5 и 7, по мнению руководителей раскопок, также были дощатыми. В камерах 3 и 4 пол состоял из бревен, в 6 и 8 погребениях — предположительно из бревен или плах («шириной — диаметром» 16–20 см).

Длина элементов, использованных при устройстве полов, достигала 4,5 (камера 4) — 4,9 м (камера 6), в погребениях 3, 6, 7 — ок. 3,8 м. В 4-м захоронении зафиксировано использование для устройства пола неошкуренных еловых бревен.

В наиболее значительных по размеру гробницах (3, 4, 6–8) настилы полов были уложены на подкладки-переводины, сохранившиеся в различной степени. В 3-й камере переводины-бревна находились внутри габаритов сруба, на одном уровне с его нижним венцом, без соединения с каркасом постройки. В 4-й — обнаружены четыре бревенчатые переводины. У юго-западной и северо-восточной стен прослежены по две, уложенные «внутри» и «снаружи» стен сруба, на небольшом расстоянии от стены и друг от друга. В 6-й камере прослежены три лаги. Но они были равномерно распределены по длине объема: средняя занимала центральное положение, а крайние в плане почти совпадали с местоположением СВ и ЮЗ стен сруба. Вероятно, все они, как и центральная, от которой сохранился характерный отпечаток в материковом дне ямы, были бревнами. В 7-й камере от переводин пола почти ничего не осталось. Однако об их существовании свидетельствует «цепочка» из 10 гвоздей, которыми доски настила пола прибивались к лежащей под ними подкладке. Гвозди на протяженности более 1,5 м маркируют положение переводины вдоль ЮЗ стены (примерно в 30 см от нее) «внутри» сруба. От второй переводины сохранился лишь небольшой фрагмент, примыкающий снаружи к СЗ стене сруба в районе северного угла. В 8-й камере — два подкладочных бревна, уложенных вдоль «торцевых» по отношению к останкам стен сруба (СВ и ЮЗ). В 1, 2, 5-й — самых небольших по размеру гробницах, сохранность дерева не позволила различить в пятнах древесного тлена, покрывавших пол, достоверных остатков лаг[1].

Во всех захоронениях сохранность древесины позволила определить направление нижних настилов — в основном параллельное оси захоронений (СВ—ЮЗ). Исключение составили 1-я и 2-я усыпальницы, где предполагается поперечное захоронению направление половиц.

В 1-й камере в основном пятна тлена, сохранявшие информацию о направлении элементов настила, были прослежены фрагментарно в той части сруба, где располагался сопровождающий инвентарь (таз, ведро). Во 2-й гробнице с еще худшей сохранностью дерева, на месте, где должна была находиться верхняя часть туловища погребенной[2], прослежены фрагменты пятен древесного тлена, ориентированные перпендикулярно оси захоронения.

Наилучшая сохранность древесины в 3-м захоронении позволила более детально проследить особенности устройства полов в этой усыпальнице[3]. Здесь бревенчатые полы, выполненные из 24 деталей сруба постройки, некоторое время функционировавшей «на поверхности», были уложены на бревенчатые же переводины. Последние лежали параллельно коротким стенам сруба, на расстоянии ок. 12–40 см от них, внутри постройки, примерно на одном уровне с нижним венцом сруба-усыпальницы. Больший, 40-сантиметровый зазор с юго-восточной стороны, вероятно, был сделан таким преднамеренно, поскольку между переводиной и стеной сруба находился тайник с запасным комплектом одежды и парными фибулами в берестяном туесе (подробно см. выше раздел I наст. тома, Погр. 3). Настил пола и переводины не связывались с конструкцией сруба, полностью располагаясь внутри его габаритов. В бревнах настила

[1] Не исключено, что в ряде мест пятна древесного тлена являлись остатками конструкций погребального ложа (?).

[2] Останки камерного погребения 2 имели неполную комплектность. В могиле зафиксированы лишь кости ног.

[3] Сохранность дерева позволила получить 24 дендроспила, 13 из которых оказались пригодными для получения порубочных дат. В составе образцов: 21 — сосна, 3 — ель (подробно см. т. II настоящего издания, статья М. И. Кулаковой).

пола, через одно, прослеживалась круглая чашка, характерная для угловых креплений сруба. Каждое второе бревно вдоль одной переводины не имело на конце круглой выборки. Чашка у них находилась на противоположном конце, где она также была наложена сверху на бревно — подкладку. Такой способ укладки пола отражает желание приспособить имеющиеся элементы первоначальной разобранной срубной постройки к новому функциональному использованию. Поскольку длина бревен первоначального сруба была избыточной для устройства пола, их отпилили с одного конца. Для устройства настила пола были использованы бревна хвойных пород диаметром 0,12–0,135 м[1].

В погребениях 4, 6–8 прослежено, что на дно ямы первоначально укладывались подкладки-переводины, затем настилался пол, по площади превосходивший плановые размеры постройки, и уже потом на настил устанавливался сруб.

Переводины в этом случае располагались как «внутри» сруба (под полом, вдоль стен), так и за контурами постройки. Таким образом, в захоронениях 1, 2, 4, 6–8 сруб устанавливался не на земляное дно ямы, а на основание и подкладки, функцию которых выполняли сам настил пола и переводины.

Следов чистых, дощатых полов в постройках с бревенчатыми (жердевыми) настилами достоверно не прослежено. Хотя следует отметить, что при зачистке остатков полов в камерах 4, 6 и 7 между фрагментами сохранившихся элементов и непосредственно над ними наблюдался грунтово-органический субстрат с высокой концентрацией древесного детрита, который мог быть связан с существовавшим, но почти полностью сгнившим дощатым настилом (?).

Устройство полов в камерах псковского Старовознесенского некрополя не единообразно. В ряде случаев оно конструктивно совпадает с технологиями современного им деревянного строительства как жилых, так и хозяйственных сооружений. При этом выделяются особенности, свойственные лишь погребальным постройкам (камера 3).

Так, полы из тонких бревен (жердей)[2], достоверно прослеженные в захоронениях 3 и 4, характерны для черных полов производственных помещений или погребов древнего Новгорода (Засурцев, 1963, с. 28, 29). В Киеве, как и в Новгороде, настилы полов жилых построек состояли из довольно широких (не менее 0,2 м), добротных, обычно колотых досок. Доски подобной ширины, вероятно, были использованы в камере 7, более тонкие — в камерах 1, 2, 5.

В деревянных постройках древнерусских городов чаще всего пол настилался на лагах — переводинах. В Киеве нередко лаги укладывали прямо на землю, иногда без связи со срубом (Сагайдак, 2010, с. 537). Подобный прием был использован в 3-й камере. В Новгороде же, как правило, полы были значительно подняты над землей (на 30–60 см) и уложены на переводины, врубленные в нижние венцы сруба (Засурцев, 1963, с. 23). Такой конструкции в деревянных усыпальницах прослежено не было, что может объясняется и состоянием сохранности дерева. В небольших (до 5,5 × 5,5 м), подквадратных в плане постройках укладывалось не менее 3 переводин (Засурцев, 1963, с. 23). К указанному размеру близки все шесть наиболее крупных усыпальниц (1, 3, 4, 6–8) Старовознесенского некрополя. Наличие и местоположение центральной переводины, делившей внутренний объем построек X в. примерно пополам (Сагайдак, 2010, с. 537), в жилищах Новгорода связывались с необходимостью устройства печи (Засурцев, 1963, с. 23). В погребальных постройках центральная переводина, с учетом значительной длины элементов, прежде всего указывала на необходимость дополнительной центральной опоры для настила.

Таким образом, как и при анализе характеристик срубов камер, детальные наблюдения за устройством полов в погребениях показали различные особенности их конструкций. Они не позволяют однозначно характеризовать погребальные постройки на основе привлечения аналогов деревянного строительства X в., ни с точки зрения близости северной или южной традиции древнерусского домостроения, ни в типологическом аспекте: как жилые или хозяйственные.

***

Помимо стен, верхнего перекрытия и нижних настилов, на мой взгляд, в 3-й камере, под бревенчатым полом были зафиксированы признаки функционально-семантического включения этой зоны в состав комплекса погребальной постройки. На дне материковой ямы, в границах нижнего венца сруба, были обнаружены предметы, которые специально были помещены

[1] В связи с этим, учитывая общее количество всех бревен, использованных при сооружении 3-й камеры (пола и сруба) с чашками — вырубками на концах, можно предположить, что стены первоначальной постройки насчитывали не менее 16 венцов и достигали высоты ок. 2 м.

[2] Для Новгорода жерди — бревна диаметром 14–16 см (Засурцев, 1963, с. 28).

туда, где, по замыслу устроителей погребения, они должны были находиться для «удобства» захороненной в срубе «хозяйки» дома. Здесь помимо тайника с костюмом были обнаружены деревянные предметы: два весла и хлебная лопата. На грунтовой поверхности дна ямы, ближе к южному углу, определялись пятна, напоминающие остатки или модель очага. Гумусные и углистые пятна в сопровождении нескольких гранитных валунчиков вдоль северной стены сруба также найдены и под полом женского погребения 8.

О том, что пространство под полом воспринималось как модель хозяйственного «подполья», свидетельствуют и действия грабителей, переместивших бревна с целью поиска ценных предметов в 3-й камере. Вероятно, поиск велся осознанно, и поскольку в этом погребении, в отличие от других, бревна можно было поднять (т. к. они полностью находились внутри сруба), гробокопатели заглянули и под пол. Очевидно, о возможности расположения каких-либо предметов или тайников в подполье современных им срубных построек грабители хорошо знали.

О существовании подполов в постройках X в., по археологическим данным известно немного. Тем не менее, учитывая новгородский опыт устройства настилов на 30–60 см выше уровня земли в усадебной застройке, можно предполагать наличие неких свободных объемов под полом, которые могли использоваться в качестве места хранения.

***

Приведенный обзор конструкций деревянных усыпальниц показывает, что, несмотря на кажущееся единообразие (все погребальные камеры Старовознесенского некрополя представляли собой срубы), каждая гробница имела свои особенности.

Срубный характер псковских камер добавляет аргументы в пользу тесной взаимосвязи погребенных, близких скандинавской культурно-ментальной исторической линии, с местной, древнерусской бытовой традицией, на уровне предмета анализа — с домостроением.

Срубная техника, преобладающая в застройке древнерусских городов X в., стала характерной для Швеции и Норвегии позже. Как считают северо-европейские исследователи, она проникала туда из Руси в течение или в конце эпохи викингов. Принято считать, что самые ранние настоящие срубные дома в Норвегии и Швеции датируются лишь XI в. (например: Стальсберг, 1999, с. 99). Таким образом, наблюдения за особенностями устройства конструкций псковских гробниц не позволяет однозначно использовать его в качестве четкого этнического индикатора, как и для других некрополей с камерными захоронениями на территории Древней Руси (Моця, 1988, с. 194). Скорее они отражают переход «последователей обряда камерных погребений» от бытовых традиций «родины предков» к материальной культуре новой отчизны.

Все отмеченные при раскопках в Пскове технологические приемы создания деревянных гробниц имеют аналоги в археологических данных и специальных исследованиях по истории русского домостроительства. При этом обращают на себя внимание некоторые отступления от нормативов и характеристик, определенных исследователями. Например, использование материалов, более свойственных для хозяйственных, чем для жилых построек (например: Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985, с. 148–149): бревен — вместо досок или плах при устройстве полов, использование в срубах бревен незначительного диаметра (менее 15 см). Камеры отличались от жилых построек и «неполными» стенами, отсутствием дверей и окон, отопительных устройств.

Камерные усыпальницы все же являлись не полной копией, а скорее семантической моделью, имитацией дома, специально создаваемыми для целей погребения сооружениями. По «полезной» площади псковские срубные камеры имеют значения от 3,6 (5) до 15,2 кв. м (4). С учетом небольшого диаметра бревен, уступающего толщине бревен синхронных жилых построек, представляется, что даже самые значительные и богатые погребальные сооружения формально по указанным параметрам ближе к хозяйственным постройкам, нежели к жилым. При этом нерядовой имущественно-социальный статус погребенных не позволяет предполагать использование хозяйственных сооружений в качестве «проектных образцов» для создания усыпальниц столь значительных людей своего времени. Срубы-камеры, вероятно, представляют собой особую группу сооружений — погребальные постройки, для которых важен сам по себе конструктивный набор элементов (верхний настил, стены, пол). Основные характеристики этих конструкций определялись иными, нежели в жилищно-хозяйственном строительстве, целями, мотивами, обстоятельствами, условиями и требованиями. Немаловажную роль имели социально-имущественный статус погребенного, а также возможности (временны́е,

ресурсно-экономические, сезонные, территориальные и т. п.) заказчиков строительства камерных построек.

***

При рассмотрении деревянных сооружений срубных гробниц первостепенным для анализа и интерпретации археологического источника является фактор сохранности.

Сохранность древесины псковских камер была различной. В значительной степени она была обусловлена инженерно-геологическими условиями и антропогенными факторами (см. выше: Яковлева Е. А., Историко-топографический очерк).

Природные геологические условия местности могильника примерно одинаковы для всех погребений, расположенных на относительно небольшом с географической точки зрения участке. Тем не менее отмечена уловимая разница сохранности деревянных остатков в разных могилах[1].

Мы предполагаем, что из восьми захоронений четыре (3, 4, 6, 8) были ограблены в историческом прошлом. При этом, несомненно, был изменен температурно-влажностный режим гробниц. Однако это обстоятельство, вероятно, недолго влияло на объекты, связанные с погребальной камерой. Грабительские лазы были засыпаны или, как мы неоднократно наблюдаем в случае современных грабительских раскопок курганов, ямы постепенно сами заплыли песком насыпи. После вторжения, вероятно спустя относительно небольшой отрезок времени, произошли обрушение верхних перекрытий, проседание курганной насыпи в объем деревянной гробницы, скрывшее грабительские следы. Скорее всего, обрушение потревоженных курганов случилось даже ранее, чем уцелевших от ограбления, и своеобразная консервация могла благотворно сказаться на сохранении археологизированных материалов. Значительной разницы в состоянии деревянных конструкций целых и грабленых захоронений нами не отмечено. Вероятно, вторжение грабителей незначительно повлияло на фактор сохранности. Так, в наиболее «чисто» ограбленной усыпальнице 3 отмечалась наилучшая сохранность древесины и ткани, а в непотревоженных 1-й, 5-й, 7-й — от деревянных конструкций остался лишь тлен, а от текстиля — незначительные фрагменты.

Еще одно обстоятельство могло повлиять на микроклимат погребальных объектов, способствовавший разрушению или сохранению органики, — поздние перекопы. Углы ям захоронений 1, 3, 4 были нарушены поздними объектами XVI–XX вв. В камерах 3 и 4 перекопы прорезали геологические отложения ниже уровня дна могильной ямы, но это не повлияло существенно на состояние остатков конструкций. Хотя поздний фундамент из известняковой плиты на цементном растворе и траншея, связанная с ним, более разрушительно сказались на сохранности объектов 4-й камеры (в частности, лодки-долбленки и прилегающих участков стен и пола), нежели деревянный колодец XVI–XVII вв., перерубивший угол ямы и сруба гробницы 3.

Состояние сохранности органических материалов также можно связать с высотным положением отдельных объектов на местности. Погребения произведены на участке, имевшем примерно одинаковые высотные отметки материковой поверхности: от –140 (3, 4) до –204 (7) — –217 (5). Непосредственно сами захоронения, расположенные на дне ям, также незначительно отличаются по глубинным параметрам: от –317 (5) — –319(3) — до –361 (7) — –413 (6). Разница глубин составляет чуть менее 1 м. При этом сохранность деревянных конструкций никак не соотносится с глубиной их нахождения. С учетом значения условного «0» Подзноевских и Старовознесенских раскопов[2] нижний уровень даже самых глубоких могил не достигал верхнего водоносного горизонта, расположенного на уровне ок. +40,50 в Балтийской системе высот (Вязкова, Татарников, Яковлева и др., 2003, с. 94).

Кстати, глубина погребальных ям, соотносимая с «высотой» домов-усыпальниц, напрямую коррелирует с размерами деревянных камер. Наиболее значительные гробницы 1, 3, 4, 6 имели и наибольшую глубину ям от 1,8 (1) до 2,4 м (6). Однако наиболее «глубокое» положение захоронения 6 не повлияло существенно на сохранность останков и предметов из органических материалов.

Возможно, имело значение, в какой геологической породе были устроены могилы. Все, за исключением 1-й, были выкопаны в плаще четвертичных пород, перекрывающих толщу коренных, — в верхней части трещиноватых, доломитизированных известняков. Этот верхний,

[1] Сохранность индивидуальных находок из органических материалов во всех случаях характеризовалась как «плохая». Исключение составляли фрагменты предметов, имевших контакт с драгоценными металлами (ткани под позолоченной скорлуповидной фибулой в камере 1, фрагменты тканей в камере 4), обернутых в бересту (ткань в погребении 3).

[2] Глубины, упоминаемые в текстах описаний, имеют общий условный «0» отсчета, имеющий значение в Балтийской системе высот — +46,02.

более рыхлый слой в районе некрополя состоит из тонкого слоя пылеватых песков и супесей (от 0 до 1,5 м), с незначительными прослоями суглинков. В заполнении всех погребений отмечался довольно рыхлый субстрат, состоящий из перемешанных материковых пород, являющихся агрессивными средами для органики, при отсутствии значительного естественного водоупора. Пачка геологических пород местности, в верхней части состоящая из осадочных пород, залегает на поверхности трещиноватых известняков, не создающих препятствий для воды. Камера 1, устроенная в пятне моренного суглинка, могущего, казалось бы, создать водоупор, прорезала его линзу и донной частью вошла в прослой среднего и крупного песка, также не являющегося водоупорным. Сохранность пола в этом погребении — одна из худших. Наилучшая сохранность дерева в 3-й камере, вероятно, связана с тем, что по поверхности погребального объекта прошла средневековая траншея, напоминающая придорожный кювет. Это антропогенное понижение могло собирать и некоторое время удерживать сезонную влагу, оказавшую консервирующее влияние на остатки дерева.

Вероятно, при рассмотрении вопроса сохранности органических, и в частности древесных, остатков нужно учитывать и другие моменты, такие как время года совершения захоронения, материал, из которого строились усыпальницы, время стояния могил открытыми после ограблений и др. Но эти детали пока слабо уловимы археологически, и мы имеем лишь несколько косвенных намеков на эти обстоятельства. Так, в двух случаях в могилах (погребения 1 и 4) найдены ледоходные обувные шипы, которые могли быть элементами «сезонного» погребального наряда.

Совсем не прослеживается корреляции между сохранностью костных останков и предметов (конструкций) из органических материалов. На наш взгляд, в отношении останков это объясняется биохимическими особенностями погребенных индивидуумов. Так, наилучшая сохранность костей зафиксирована в 1-м, не ограбленном погребении, на фоне крайне плохой сохранности другой органики (деревянной чаши и ведра, кошелька, деревянных конструкций). Конструкции камеры в этом случае просматривались в виде гумусированности песка отдельными волокнами дерева, придававшими геологической породе характерный оттенок. При этом на уровне пола хорошо сохранилось несколько фрагментов досок, а одна, условно разделявшая камеру на две части, — почти целиком. Обращает на себя внимание лучшая сохранность фрагментов древесины, тканей и кожи, соприкасавшейся с предметами из цветных и благородных металлов (1-я камера — доски под металлическим тазом в погребении, ткани и доски над левой позолоченной фибулой; 4-я камера — органические остатки вокруг серебряных предметов). Благодаря этому, а также асептическим свойствам бересты сохранилась часть костюма в камере 3.

Остается нерешенным вопрос о «комплектности» костных останков погребения 2, где от скелета были представлены только кости ног. Не отвергая версий ограбления, захоронения по каким-то чрезвычайным причинам только части тела, не стоит отказываться от объяснения зафиксированного состояния костяка разной сохранностью отдельных частей скелета. Подобные «неполные» захоронения встречаются и в Гнёздове. А в камере 4 останки основного захоронения взрослого мужчины и сопутствующего — подростка стали визуально отличимы по прошествии некоторого времени после раскрытия, при искусственном освещении крытого павильона.

Сохранность деревянных конструкций срубных усыпальниц Старовознесенского некрополя была различной не только в разных захоронениях, но и внутри одной могилы. Так, в камере 3 верхние венцы сруба фиксировались в виде тонких прослоек, как бы свидетельствующих о том, что сооружение было выполнено из досок или плах. Однако на уровне двух-трех нижних венцов отчетливо фиксировались бревна, имевшие диаметр не менее 13 см. Разница высот между двумя состояниями одного вида элементов сруба, между тленом и бревном, составляла ок. 1,2–1 м. Поэтому в ряде случаев, когда от элементов сохранился только слой гумусированного песка, даже при «отчетливом» следе «доски» или «плахи» стоит учитывать приведенное наблюдение

Таким образом, в настоящий момент отчетливых взаимосвязей между сохранностью органических компонентов погребальных объектов и инженерно-геологическими условиями их залегания нами пока не прослежено. Прежде всего, это связано с небольшим количеством исследованных объектов. Тем не менее, на наш взгляд, важно продолжать накопление подобной информации, которая может прояснить вопросы «полноты-неполноты» комплектности погребального инвентаря и уточнить представления о конструктивных особенностях деревянных сооружений камерных гробниц.

Следует обратить внимание на еще одну особенность, отмеченную при раскопках камерных погребальных сооружений Старовознесенского некрополя. В погребениях 1, 3, 4, 6–8 на нижней стороне бревен пола и в местах контакта сохра-

нившихся деревянных элементов с материковой красно-глинистой породой прослежены следы голубой глины. В геологической последовательности здесь, на уровне пола, залегал красноватый пластичный суглинок. В камерах 1, 3 и 4 тонкий слой голубой глины (до 2,5 см толщиной) прослеживался на стенах ямы. Местами в 3-й и 4-й — на дне, под полом, по поверхности глины сохранялась очень тонкая прослойка древесного тлена. Не исключено, с учетом толщины голубого слоя, что это следы преднамеренной консервационной промазки синей глиной деревянных конструкций, известной по этнографическим данным. Возможно также объяснение этих наблюдений особенностями химических процессов, происходивших в анаэробной среде деревянных склепов.

В завершение обзора наблюдений за археологическими данными деревянных усыпальниц Старовознесенского некрополя в связи с их сохранностью мы не приводим каких-либо выводов и заключений. XXI в. стремительно наращивает временну́ю дистанцию, отделяющую нас от момента эпохи создания камерных гробниц. Ощутимые экологические и техногенные изменения с каждым годом все более значительно влияют на состояние всего археологического наследия, и в частности этих, особо ценных и информативных свидетельств первых веков русской истории. Вероятно, гораздо проще и достовернее эти памятники могли быть «прочитаны» специалистами еще несколько десятилетий назад. Надеюсь, что материалы фиксации деревянных конструкций тысячелетней давности в Пскове не только будут полезны коллегам как мониторинг их нынешнего состояния, но и помогут в принятии методических решений и объективной интерпретации при раскопках будущего.

E.A. Yakovleva

Wooden Structures of Chamber Graves of the Old Ascension Necropolis of Pskov. Construction Types and Conservation Issues

Summary

All the chamber graves of the necropolis were log cabins ranging in size from 3.6 to 15 m^2. The largest of them are cut (1, 3 , 4, 6 , 7, 8) “in oblo”, which is more characteristic of carcass tombs of Kiev. Despite the apparent uniformity, each grave had its own peculiarities.

Carcass type of Pskov chambers adds the arguments in favor of the close relationship of those buried in line with the Scandinavian cultural-mental history with local domestic ancient Russian tradition, on the level of our analysis — with the house-building.

All technological methods of creating wooden chambers, found by the excavations in Pskov, have counterparts in the archaeological evidence and research on the history of Russian house-building. At the same time, there have been discovered some deviations from specifications and characteristics peculiar to residential buildings. For example, the use of materials which are more typical for home economy than for residential buildings: logs instead of the boards or floor timbers, the use of logs of small diameter (less than 15 cm). The chambers differed from residential buildings by the ‘incomplete’ walls, the lack of doors and windows, absence of heating structures. Chamber graves, though, were the semantic models, simulations of the house, with deliberately created burial facilities.

К. А. Михайлов

Следы средневековых грабителей камерных погребений Старовознесенского некрополя древнего Пскова

Одной из отличительных особенностей погребальных камер, открытых на Старовознесенском и Подзноевском раскопах, стали следы грабительских вторжений, обнаруженные во время их исследований. Из восьми камер следы проникновения в могилу оказались наиболее заметны в четырех. Это погребения 3, 4, 6 и 8.

В камере 3 следы проникновения грабителей в подземный склеп были наиболее хорошо различимы. Тело захоронненой в ней женщины было вынесено из сруба вместе со значительной частью инвентаря. Из всего погребального набора на полу камеры археологам удалось обнаружить только фрагменты женского ожерелья: сканную серебряную бусину и серебряную же подвеску. Вероятно, во время ограбления ожерелье рассыпалось и в тесноте грабители не смогли собрать все его миниатюрные детали. Помимо основной части в камере был сделан тайник. Под деревянными лагами пола археологам удалось обнаружить берестяной пакет с прекрасно сохранившимся запасным комплектом женской одежды (Яковлева, 2008, с. 420). Несмотря на хорошую сохранность органики, за пределами тайника в могиле отсутствовали как следы текстиля от погребального костюма, так и металлические предметы, характерные для женского убора X в. Вдоль северо-восточной стенки сруба лежали остатки разломанного деревянного погребального ложа, но без малейших следов самого тела[1]. Судя по тому, что в камере не были обнаружены остатки деревянной или керамической посуды[2], обычные для большинства подобных захоронений, грабители вынесли бóльшую часть громоздкого погребального инвентаря. Еще одна яркая деталь грабежа была выявлена при зачистке поверхности пола погребения. Некоторые бревна пола оказались приподняты и сдвинуты со своих мест. Можно предположить, что грабители тщательно обследовали подземный склеп и в поисках сокровищ заглянули даже в подпольное пространство. На мой взгляд, все наблюдения над сохранностью инвентаря и погребального пространства камеры свидетельствуют о проникновении грабителей в могилу еще до начала ее разрушения. В камере сохранилось верхнее перекрытие и нет отчетливых следов грабительского лаза. Несмотря на его отсутствие, грабители смогли без потерь вынести из камеры тело и одежду погребенной женщины. Всё это указывает на то, что ее тело и ткани платья не подверглись сильному разрушению. Хорошая сохранность органики и тот факт, что предметы из органических материалов еще представляли собой ценность, указывают на то, что, вероятно, грабители смогли проникнуть в камеру уже вскоре после ее сооружения.

Явные следы ограбления были обнаружены в погребальной камере 6, где находилось захоронение мужчины. В остатках верхнего перекрытия исследователи зафиксировали признаки грабительского хода. На его трассе были обнаружены: разрозненные человеческие кости (ребра, позвонки, бедренные и тазовые кости), бронзовые пуговицы и фрагменты шелковой ткани

[1] В заполнении могильной ямы встречены отдельные кости. Череп был обнаружен у юго-западной стены сруба. — *Прим. Е. А. Яковлевой*.

[2] За исключением одного горшка (см. Погр. 3, Прил. 3, Каталог, ***22***).

от мужского костюма. На одном из обломков тазовой кости in situ сохранился фрагмент одежды с двумя бронзовыми пуговицами грушевидной формы. Фрагменты человеческого скелета располагались в слое заполнения, от поверхности пола камеры и до верхнего края могильной ямы, на высоту до 1,75 м. Следует отметить, что за пределами центральной части камеры грабители не тронули крупногабаритные предметы инвентаря. На мой взгляд, подобная ситуация могла сложиться лишь в том случае, если бы на момент ограбления камера уже была заполнена грунтом. Разрозненные кости могли попасть на разные уровни засыпки грабительского хода только при плохой сохранности костяка и костюма. Вероятно, в погребальную камеру 6 грабители попали через более длительный отрезок времени, чем в камеру 3. Попав вовнутрь погребения, под земляными осыпями они уже не смогли увидеть большу́ю часть погребального инвентаря. К тому времени он или был завален грунтом, или уже успел частично истлеть и разрушиться. Можно предположить, что грабители попытались вынести на поверхность останки покойника, но они рассыпались у них в руках вместе с деталями шелковой погребальной одежды. На мой взгляд, похожая ситуация зафиксирована в погребальных камерах 4 и 8, где на частях человеческих скелетов заметны следы вторичного перемещения. В камере 4 сохранились останки двух погребенных. Но если во втором захоронении костяк сохранился in situ с большей частью костей скелета, то верхняя часть скелета первого захоронения оказалась уничтожена, а часть костей передвинута и лишилась анатомического порядка. Косвенно на факт ограбления также указывает отсутствие предметов вооружения и металлической гарнитуры от костюма. В подавляющем большинстве остальных древнерусских камер рядом с телом погребенных обязательно лежали наборы вооружения, фибулы и детали поясного набора. В ходе изучения захоронений в камерах были выявлены устойчивые наборы погребального инвентаря, характерные как для женских, так и для мужских захоронений. Большинство предметов, связанных с костюмом и набором вооружения, располагались или на костяке, или рядом с ним. Ничего из такого обязательного набора инвентаря, кроме миниатюрного навершия от ножа, рядом с основным погребением так и не нашли (Михайлов К.А., 2005, с. 17–23). Аналогичная ситуация прослежена в камере 8, где верхняя часть скелета и череп оказались сдвинуты в сторону от нижней в отдельную кучку. Они располагались без анатомического порядка. Это скопление костей разительно отличалось от того расположения костей, которое зафиксировано в сидячих захоронениях эпохи викингов. Об ограблении этого захоронения свидетельствует отсутствие таких обязательных предметов костюма, как ожерелье и фибулы.

На мой взгляд, все эти наблюдения позволяют отнести к числу ограбленных половину из восьми камер. В связи с этим возникает вопрос о времени и характере ограбления богатых псковских захоронений. Можно ли утверждать, что вскрытие могил происходило одновременно? Мне кажется, что ограбление камер происходило не одномоментно. Камеры вскоре после сооружения грабили в разные годы и разные группы грабителей. Судя по всему, первой тотально была разорена камера 3. Из нее вынесли тело покойницы и почти весь погребальный инвентарь. В погребальные камеры 4, 6 и 8 грабители проникали через лаз в центральной части захоронения. Ограблению подвергалась верхняя часть человеческого костяка там, где лежало большинство украшений, предметов личного обихода и предметов вооружения. При этом грабители не тронули предметы инвентаря, расположенные вдоль стен сруба. Больше всего эта методика напоминает действия русских крестьян — грабителей сибирских курганов.

Буквально с первых своих шагов российской археологии пришлось столкнуться с таким явлением, как массовое разграбление древних некрополей. Рассказы о деятельности русских «бугровщиков» — профессиональных грабителей могил в Сибири и на Алтае в XVIII в., или описания расхищения сокровищ скифских курганов в Новороссии и Крыму XIX–XX вв. давно и широко известны. Деяния дореволюционных грабителей археологических древностей многократно описаны и даже вошли в разделы некоторых учебников археологии. В последние десятилетия XX столетия эта проблема стала опять актуальна для Восточной Европы и была многократно обозначена в публикациях наших коллег (Незаконные раскопки..., 2002; Макаров, 2004). Древние кладбища грабили в поисках мифических сокровищ с глубокой древности и до наших дней. Следы грабительских ходов и ям нередко встречаются археологам во время их исследований. Мое же внимание привлекли те из них, которые связаны с эпохой сооружения самых ранних древнерусских захоронений.

С другой стороны, нельзя полностью отвергать предположения о ритуальном ограблении могилы или перезахоронении погребенных в камерах людей во время христианизации Руси.

Примеры подобных ритуальных действий, характерных для ряда культур раннего Средневековья, хорошо известны у некоторых народов Евразии.

В первую очередь меня заинтересовали примеры ограбления древнерусских погребальных камер (или срубных гробниц, как их принято называть в украинской историографии), аналогичных псковским захоронениям. Этот погребальный обряд появляется в Восточной Европе в X в. и главным образом распространяется в некрополях первых древнерусских городов. Захоронения в погребальных деревянных камерах были найдены в Старой Ладоге, Пскове, Киеве, Чернигове, в могильниках Гнёздово, Тимерёво, Удрай, Плиснеск и Шестовица (Михайлов К. А., 2001, с. 159–165). Предположительно обряд погребальных камер (chamber-graves) появляется на территории Руси на рубеже IX–X вв. из районов Средней Швеции и, вероятно, Южной Дании. В Восточной Европе эти яркие погребения претерпели некоторые изменения, которые до сих пор вызывают споры между исследователями о доле скандинавского и славянского в этом обряде. В связи с незаконченной дискуссией о происхождении данного типа захоронений любая новая особенность в их обряде может предоставить исследователям дополнительный материал об истоках формирования древнерусской погребальной культуры. За одну из таких характерных особенностей можно было бы принять следы древних «ритуальных» ограблений. Зафиксированные археологами примеры грабежа камер на первый взгляд вызывают аналогии с некоторыми заупокойными ритуалами, практиковавшимися различными культурами Евразии. Например, известно о существовании специальных лазов в усыпальницы могильника Пазырык. Особенно широко обсуждались следы проникновений в склепы салтово-маяцкой культуры, где практиковались вторичные подзахоронения в катакомбные могилы. В зоне распространения салтово-маяцкой культуры неоднократно отмечались в качестве массового явления следы проникновения в подземные склепы после завершения обряда захоронения. Некоторые исследователи связывают эти вторжения в могилы с обрядами «обезвреживания покойника». Данный ритуал на территориях от Дунайской Болгарии до Поволжья и Кавказа VIII–X вв. подробно описан отечественными исследователями (Флёров, 1998; Плетнёва, 2000, с. 38; Жиронкина, Цитковская, 2004, с. 205–223). В. С. Флеров предположил существование особого обряда, обусловленного страхом «салтовского» населения перед своими умершими и направленного на обезвреживание покойников (Флеров, 1998). О. О. Жиронкина и Ю. И. Цитковская на материалах Нетайловского могильника высказали предположение о существовании у части населения салтово-маяцкой культуры другого обычая, связанного с нарушением целостности захоронения. Они обозначили этот ритуал как «выкладывание» вещей в анатомическом порядке на том месте, где должно было находится тело покойника (Жиронкина, Цитковская, 2004, с. 205). В североевропейской археологии существовало мнение, согласно которому многочисленные перекопы в насыпях курганов эпохи викингов могут быть результатом расправы с «беспокойными» мертвецами (Brøndsted, 1936, p. 271; Петрухин, 1975, с. 47). Некоторые отечественные археологи подчеркивают особо тесные связи кочевников Причерноморья и Древней Руси в X в. Они полагают, что в обряде погребальных камер заметны характерные черты «хазарского» влияния (Петрухин, 1993, с. 68–83). Аналогии из салтовской культуры и Скандинавии эпохи викингов кажутся наиболее близкими из-за их территориальной и хронологической близости первым древнерусским захоронениям.

Сразу хочу оговориться, что примеры ограбления археологических памятников в Новое время и в позднем Средневековье останутся за пределами границ моего исследования. Тем более что новейшие вторжения в средневековые погребения прекрасно прослеживаются и по ряду признаков отличаются от вторжений, произошедших в эпоху сооружения и функционирования погребений. К числу могил, подвергшихся ограблению, безусловно, следует отнести несколько киевских камер: из раскопок М. К. Каргера на территории Десятинной церкви, камеры из раскопок Я. Э. Боровского на Житомирской улице, Г. Ю. Ивакина на территории Михайловского Златоверхого монастыря и В. К. Козюбы на площади перед Софийским собором, захоронение из раскопок С. Р. Килиевич на ул. Десятинная, 2 (Каргер, 1958, с. 182–185; Килиевич, 1982, с. 44, 151–152; Боровський, Калюк, 1993, с. 3–9; Івакін, Козюба, 2003, с. 39–40). Погребальные камеры со следами грабежа были открыты в Чернигове (Бліфельд, 1965, с. 127–131) и могильнике Удрай под Новгородом (Платонова, 1998, с. 377–379).

Обстоятельства псковской находки заставили меня еще раз внимательно присмотреться ко всей группе захоронений со следами грабежа.

В Киеве, где зафиксировано наибольшее число ограбленных могил, археологи неодно-

кратно отмечали следы фундаментов XVIII–XIX вв. и современных коммуникаций, которые прорезали погребения X столетия. В этих случаях строители частично прокапывали средневековые могильные ямы, но не замечали сами погребения. Наше же внимание будет обращено только на достоверно ограбленные камеры. Так, например, в ряде случаев отечественным исследователям древнерусских камер во время раскопок удалось проследить такое интересное явление, как могилы, преднамеренно ограбленные вскоре после совершения обряда захоронения.

Во время раскопок погребальной камеры на средневековом «кладбище в Березках» в Чернигове Д. И. Блифельд зафиксировал грабительский лаз, который шел в камеру с поверхности кургана (Бліфельд, 1965, с. 127–131). На момент вторжения грабителей деревянный сруб камеры, скорее всего, не был заполнен землей, так как исследователь не обнаружил следов значительных земляных работ на кургане. Грабители вытащили через узкий лаз часть вещей и труп покойника, но ими оказались незамеченными некоторые вещи, лежавшие вдоль стенок могилы. В то время, когда грабители попытались вытащить тело покойника через лаз на поверхность кургана, от трупа отвалилась часть костюма. Вероятно, эта попытка свидетельствует о том, что с момента захоронения прошло немного времени, так как грабители стремились вытащить погребальные одежды вместе с самим телом.

В киевском погребении № 112 Ф. Н. Молчановскому также удалось зафиксировать следы вторичного проникновения в камеру-сруб. Тела двух захороненных в могиле людей оказались не тронуты (Каргер, 1958, с. 178–182)[1]. Средневековые грабители забрали только те вещи, которые лежали вокруг или в ногах погребенных мужчины и женщины. На телах покойников сохранились личные украшения из серебра. Сами же кости скелетов погребенных в камере мужчины и женщины оказались перемешаны. Вероятно, они могли перемешаться между собой в том случае, если покойники были помещены в могилу в сидячем положении. С действиями грабителей их положение может быть не связано. Мне кажется, что важной особенностью этого захоронения является отсутствие в нем громоздких вещей инвентаря. Во время раскопок захоронения в 1937 г. Ф. Н. Молчановский зафиксировал целые деревянные перекрытия и остатки деревянных стен в камере к северо-востоку от апсид Десятинной церкви. Следовательно, можно предположить, что в камеру проникли до ее окончательного обрушения.

Своеобразные обстоятельства ограбления демонстрирует киевское захоронение № 113 (Каргер, 1958, с. 182–185; Килиевич, 1982, с. 151). В монографии «Древний Киев» М. К. Каргер отмечает, что верхнее перекрытие камеры уже давно обрушилось, а пространство заполнилось грунтом, когда при строительстве «стасовского» Десятинного собора в XIX в. ее обнаружили рабочие-строители. Но они смогли вытащить только ту часть скелета погребенного мужчины и инвентаря, которые попали в фундаментную яму нового собора. Остальная часть скелета и бóльшая часть инвентаря были покрыты толщей грунта и остались на своих местах. Точно так же на своих местах оказались части богатого камерного погребения № 49, оказавшегося затронутым фундаментами Михайловского Златоверхого монастыря (Ивакін, Козюба, 2003, с. 41–42, рис. 5А).

В парном погребении из раскопа Я. Э. Боровского на Житомирской улице части серебряного мужского поясного набора и фрагменты женского ожерелья оказались разбросаны в разных частях камеры. Однако крупных предметов инвентаря, которые должны были оказаться в подобном захоронении (меча, топора, копья, сундука), в могиле не обнаружили. Скорее всего, в погребальное помещение проникли уже в тот момент, когда камера была частично заполнена землей, а предметы из органических материалов уже истлели. Поэтому грабители смогли вытащить только крупные вещи, которые были хорошо заметны. Камера оказалась перекрыта постройками XI–XII вв., и можно предположить, что ограбление произошло во время строительных работ. Несколько иная ситуация наблюдается в соседнем захоронении, где также были зафиксированы следы грабежа. В нем человеческие останки и скелет коня остались на своих местах, но практически никаких следов погребального инвентаря обнаружено не было, что совершенно не характерно для подобного типа захоронений. Можно предположить, что люди, ограбившие могилу, попали в нее вскоре после ее сооружения, когда она не была заполнена грунтом и все предметы были хорошо заметны. В этих двух случаях погребальные камеры оказались в зоне

[1] Полевые чертежи этого погребения считались ранее утраченными, но в 1997 г. были вновь обнаружены в Архиве ИА НАН Украины (НА ИА НАНУ, Фонд ІІМК/Київ. Дело № 32. Археологічні работи по дослідженню м. Киева. Київська археологічна експедиція 1936 р. на территорії колішної Десятинної церкви. Т. М. Мовчанівський, польовий кресленник. 7.06.1936).

средневековой застройки XI–XIII вв. и частично перекрыты углубленными в землю средневековыми жилыми постройками. Наблюдения исследователей позволяют предположить, что в обоих погребениях грабители, по-видимому, разобрали крышу деревянной камеры (Боровський, Калюк, 1993, с. 2–6, 12, рис. 1). Похожая ситуация была зафиксирована С. Р. Килиевич в том же районе Киева при раскопках на ул. Десятинной, 2. Исследовательница смогла выявить фрагмент камеры с остатками скелета коня и погребального инвентаря. Большая часть подземного сооружения оказалась уничтожена котлованом древнерусской полуземлянки, датированной XI в. (Килиевич, 1982, с. 44, 151–152).

Один из немногих достоверных примеров, когда мы можем предполагать «преднамеренное» вскрытие погребальной камеры, относится к киевскому погребению № 109, которое находилось под апсидами Десятинной церкви. Погребальное сооружение представляло собой сруб из сосновых бревен, рубленных в «обло». Сруб имел квадратную форму (5,5 × 5,5 м), камера сохранилась на высоту около 0,3 м. Сооружение находилось на 0,5 м ниже фундаментов собора и на 1,4 м ниже древнего культурного слоя (по наблюдениям М. К. Каргера). Сруб был ориентирован СВ—ЮЗ. В заполнении погребального сруба археологи не обнаружили ни костей, ни погребального инвентаря. Исключениями стали самые небольшие предметы инвентаря: накладка венгерского типа на налучье, два дирхема и бронзовая пряжка, датированные X в. (Каргер, 1958, с. 172–174; Михайлов К. А., 2004, с. 35–45). Громоздких вещей в могиле не сохранилось, несмотря на ее выдающиеся размеры. Подобные особенности отличают эту могилу как от случаев средневековых грабежей, так и грабежей могил в Новое время. Эта могила оказалась полностью очищена от всех следов захоронения. Заслуживает внимания тот факт, что во всех случаях ограбления в могиле оставалась часть погребального инвентаря, но не в погребении № 109. В связи с этим можно допустить, что в этом случае могло произойти перезахоронение останков погребенного и погребального инвентаря.

Любопытный пример ограбления могилы зафиксирован Н. И. Платоновой в могильнике Удрай II Новгородской области. Погребение № 2 оказалось вскрыто и ограблено еще в средневековье. По неясным причинам части скелета и богатого воинского инвентаря, в том числе меч, топорик-чекан, железная «шумящая» плеть, оказались аккуратно сложены в центре могильной ямы (Платонова, 1998, с. 376–379). В заполнении ямы также обнаружили ключ типа А (по типологии Колчина) и пряжку лировидной формы. Эти находки, вероятно, указывают на то, что могила была вскрыта и засыпана в XI–XII вв. Возможно, вскрытие могилы произошло непреднамеренно в эпоху функционирования древнерусского жальника — раннего христианского кладбища.

Помимо документально подтвержденных примеров вторжения в древние могилы существуют косвенные данные о разрушении погребальных камер X в. в Вышгороде под Киевом, Чернигове и Старой Ладоге. В этих случаях следы разрушенных гробниц были прослежены по остаткам специфического погребального инвентаря (Михайлов К. А., 2003, с. 73–78). Из всего вышеперечисленного следует, что большинство зафиксированных примеров грабежа погребений было связано как с массовым средневековым, так и современным городским строительством. Могильники, оказавшиеся за пределами современных городов, пострадали несколько меньше. Например, в могильниках Шестовица под Черниговом или Тимерево под Ярославлем до сих пор не отмечалось достоверных случаев древнего грабежа погребальных камер. Современные грабители, вероятно, до последних десятилетий XX в. не догадывались об их существовании.

Следует отметить, что в Скандинавии для могил эпохи викингов случаи преднамеренного ограбления могил в древности также почти не зафиксированы. В могильнике Бирка есть примеры, когда при расширении могильника более поздние погребения вторгались в более ранние, но полностью их никогда не разрушали. Для камер могильника Бирка зафиксирован только один подобный случай.

Единственный достоверный пример преднамеренного вскрытия аристократического захоронения в эпоху викингов связан с усыпальницей датского короля Горма в северном кургане королевской усадьбы Еллинге. Известно, что через несколько лет после захоронения могила была вскрыта сыном Горма — Харальдом, который перезахоронил тело отца. Харальд принял крещение около 960 г. и поэтому перезахоронил тело отца-язычника по христианскому обряду. В 1861 г. датские исследователи вторично вскрыли погребальную камеру короля Горма. Они зафиксировали в ней сохранившиеся деревянные конструкции и собрали обломки предметов, входивших в погребальный инвентарь: мелкие детали деревянной мебели и небольшие украшения от костюма (Krogh, 1982).

Многочисленность случаев ограбления захоронений в камерах и тот факт, что ограбление

произошло еще в древности, заставляют обратить особое внимание на это явление. Возникает резонный вопрос: скрывается ли за этими примерами характерная практика, связанная с погребальным обрядом, или эти богатые захоронения подверглись случайному разграблению? Это тем более интересно, что в восточнославянской этнографии часто описываются случаи вскрытия могил, перезахоронения и уничтожения «вредоносных» или заложных покойников. Аналогичные ситуации описывают исландские саги, которые рассказывают об эпохе викингов. Так, например, в «Саге о людях из Лаксдаля» несколько раз вскрывают курган и перезахоранивают «беспокойного» покойника по имени Храпп[1]. В конце концов, его тело сжигают. В «Саге о жителях Эйра» аналогичным образом расправляются с «вредоносным покойником» — Торором[2]. В «Саге о Греттире» и «Саге о Хальдаре из Хольмверья» рассказывается о том, как герои проникают в курган, в котором находилось обширное помещение с сокровищами. Ограбление курганов оправдывалось тем, что покойник, живший в кургане, вредил обитавшим в округе людям. Исландский герой Греттир проник в курган знатного норвежца и победил Кари Старого (Сага о Греттире, 1976, с. 30–31)[3]. Герой саги забрал богатства покойника, захороненные в кургане. Интересно, что в обеих сагах описывается сооружение, близко напоминающее погребальную камеру, а также высоким является социальный статус самих погребенных. В первом случае «вредоносным» покойником оказался легендарный король Соти, во втором — Кари Старый — это бывший хозяин богатой усадьбы и острова. Можно предположить, что смутные воспоминания об обряде захоронения в камерах представителей знати и о тех богатствах, которые можно было бы обнаружить в таких погребениях, сохранялись в Скандинавии довольно долго. Вероятно, в период перехода от язычества к христианству грабеж могил вполне мог быть осознанным и, так сказать, «легализованным» действием, оправданным «вредоносностью» покойника. Существовали примеры и иного рода, когда после принятия христианства родичи старались перезахоронить своих предков-язычников по христианскому обряду. В таких случаях могилу вскрывали для дальнейшего перезахоронения тела мертвеца. Саги сохранили примеры таких действий. Один из них связан со знаменитым викингом, скальдом и основателем могущественного исландского рода Эгилем Скаллагримсоном (Сага об Эгиле, 1956, с. 250). Еще один подобный случай упомянут в связи с перезахоронением останков знатного исландца Снорри Годи. В конце XII — начале XII в. его кости и кости его ближайших родичей, умерших еще в язычестве (матери Снорри — Тордис и его дяди — Берка Толстяка), были перезахоронены в построенной им церкви (Успенский, 2002, с. 144). Можно предположить, что близкими мотивами могли руководствоваться средневековые жители Киева, Чернигова и Пскова на рубеже X–XI вв.

Ограбленные погребальные камеры можно разделить на несколько групп, для которых характерны свои особенности сохранности инвентаря и конструкций:

1-я группа. Погребения, разрушенные или ограбленные во время строительных работ. В этих случаях могильная яма бывает частично или полностью разрушена, а инвентарь и костяки так же частично или полностью сохраняются.

2-я группа. Ограбленные вскоре после сооружения могилы. В этих случаях деревянные конструкции могилы остаются неразрушенными. Вероятно, во время проникновения грабителей в могилу еще существовали перекрытия и незаполненное землей пространство камеры. В таких могилах костяк и инвентарь оказываются полностью или частично вынесены из камеры. Грабительский лаз фиксируется в поле кургана, под перекрытием, что может свидетельствовать о попытке сохранить тайну проникновения. Вероятно, состояние конструкций и трупа, которое позволило бы произвести такие действия, должно было сохраняться в первые годы после совершения обряда.

3-я группа. Особняком может находиться ситуация с киевской камерой № 109 под южной апсидой Десятинной церкви. В этом случае можно предположить преднамеренное перезахоронение тела из этой камеры.

В случае с псковскими камерами Старовознесенского некрополя следует отметить, что их разрушение, на мой взгляд, не связано с процессом переустройства и расширения городской застройки. Эти могилы долгое время находились за пределами территории средневекового города. Их разграбление произошло вскоре после сооружения; тела и костюм погребенных еще не успели разрушиться. Несомненно, что грабеж происходил в конце X–XI в., тогда же, когда частично были разрушены и застроены некрополи Киева, Чернигова, Рюрикова городища. Мне кажется, что все приведенные примеры ни в коей мере

[1] По: Петрухин, 2003, с. 311.
[2] По: Петрухин, 1995, с. 208.
[3] По: Петрухин, 2003, с. 316.

не могут свидетельствовать о существовании какого-либо специального древнерусского ритуала, связанного с вторичным проникновением в могилу и с обрядами погребальных камер эпохи викингов.

K. A. Mikhailov

Traces of Medieval Robbers of Chamber Graves of the Old Ascension Necropolis of Ancient Pskov

Summary

Looting of the majority of chamber graves became characteristic feature of the necropolis. The robbers invaded four of the eight chamber graves. Good preservation of burial structures and inventory of organic material suggests that the graves were robbed shortly after their construction. Most likely, it happened in the late Xth – early XIth c. during the period of Christianisation of Pskov. Traces of the robbers were seen not only in Pskov necropolis. Arhaeologists discoivered them in the early medieval burial grounds of Old Ladoga, in the necropolis of Kiev, Chernigov, and in the burial ground of Udrai.

The burial chambers could have been ruined during the construction works. They could have been specially opened for the new reburial of the deceased body during the period of Christianisation. Some scholars suggest that there could even have been a special pagan ritual of looting the graves. But compared to the other robbed chamber graves of the Vikivng age the finds from the Old Ascension necropolis of Ancient Pskov stand apart. The remains of the implements and the fragments of bodies in the chamber graves of the necropolis suggest that the graves were plundered for profit.

The bodies of men and women buried in them were thrown out of their graves and probably deliberately desecrated. Such a fact of the mass and one-time robbery of such a large number of elite burials is unprecedented for the ancient Russian burial grounds of the Xth century.

А. А. Александров

К вопросу о семантике и генезисе «сидячих» погребений (по материалам скандинавских саг и письменных источников)

Настоящая заметка вовсе не охватывает весь хронологический диапазон сидячих погребений, а ограничивается только ранним пластом камерных и тяготеющих к ним погребений с сожжением X в. При этом камерные погребения имеют явное скандинавское происхождение. Совершенно очевидно, что истоки этого обычая уходят в языческую мифологию Скандинавии. Исторические источники здесь троякого рода: 1. Скандинавские мифы. 2. Скандинавские саги. 3. Исторические источники.

Начну с третьего рода источников. Собственно, источник здесь один: это известное сообщение Ибн Фадлана о погребениях русов: «...если [это] бедный человек из их числа, то делают маленький корабль, *кладут* его в него и сжигают его [корабль]» (Ибн Фадлан о русах, 1970, с. 66). Итак, бедного человека *кладут*. Для знатного же руса, купца, устанавливали большой корабль, на котором он приплыл. «В середину этого корабля они ставят шалаш из дерева и покрывают этот шалаш разного рода “кумачами”. Потом они принесли скамью, поместили ее на корабль, покрыли ее стегаными матрацами и византийской парчой, и подушки — византийская парча» (Ибн Фадлан о русах, 1970, с. 67). Затем умершего руса «понесли <...>, пока не внесли его в находившийся на корабле шалаш, *посадили* его на стеганый матрац, *подперли его подушками*...» (там же). Иначе говоря, сидячее положение умершего руса-купца на корабле, приготовленном к сожжению, тщательно фиксировалось. Это очень существенная деталь: знатные — в большой ладье и *сидят*; незнатные — в маленькой ладье и *лежат*. Можно и так: знатные — *сидят*, незнатные — *лежат*. В известной мере — это показатель социального статуса.

Далее источник весьма подробно сообщает о тех обрядовых действах, которые совершает девушка, предназначенная в жертву: «Когда же пришло время спуска солнца, в пятницу, привели девушку к чему-то, сделанному ими еще раньше наподобие обвязки ворот. Она поставила свои ноги на ладони мужей, поднялась над этой обвязкой [смотря поверх нее вниз] и произнесла [какие-то] слова на своем языке, после чего ее спустили. Потом подняли ее во второй раз, причем она совершила подобное же действие, [как] и первый раз. Потом ее опустили и подняли в третий раз, причем она совершила то же свое действие, что и в первые два раза. Потом ей подали курицу, — она отрезала ей голову и швырнула ее [голову]. Они [же] взяли эту курицу и бросили ее в корабль. Итак, я спросил переводчика о ее действиях, а он сказал: “Она сказала в первый раз, когда ее подняли: «Вот я вижу своего отца и свою мать», и сказала во второй раз: «Вот все мои умершие родственники, *сидящие*», — сказала в третий раз: «Вот я вижу своего господина, *сидящим* в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, — так ведите же меня к нему»”» (Ибн-Фадлан о русах, 1970, с. 68).

Итак, она видит отца и мать, затем умерших родственников — *сидящих*, и своего господина, которому назначена в жертву, — *сидящим*. Положение то же, что на ладье перед сожжением, — сидячее. При этом надо отметить любопытную деталь: девушка видит в неком «парадизе» своего умершего господина еще до сожжения. В то же время некий рус на расспросы араба о способе погребения умершего сказал: «...мы сжигаем его во мгновение ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай». Иначе говоря, то место, куда отправляют руса, — рай. В рай он попадет

сразу после сожжения, но девушка видит его там до этого. Это миф; миф же не линеен во времени и пространстве, все его измерения — особые. То, что должно свершиться, оказывается уже свершившимся — явление совершенно нормальное для мифологического образа мышления.

Попытаемся найти соответствия в мифах и «обвязке ворот». Аналогию этим воротам, через которые девушка заглядывала в иной мир, уже пытались найти, и как будто получалось, что это в скандинавской мифологии ворота Вальгринд, за которыми находится обитель умерших героев — Валгалла (Петрухин, 2003, с. 146, 294). Известно и жертвоприношение петуха: при погребении Хаддинга — петуха с отрубленной головой — перебрасывают через некую стену, и там, в потустороннем мире, он оживает (Петрухин, 2003, с. 284). Точно так же там должны были ожить и все жертвенные животные, и сама рабыня. А вот стена, отделяющая оба мира, — это гораздо ближе по смыслу к той «обвязке ворот», которая фигурирует в источнике. Едва ли это Врата Валгаллы. На погребальных камнях с картинками умерших героев, которые туда идут и едут, встречают перед этим валькирии, у каждой из которых в руке рог. А до ворот палат Валгаллы там еще доехать надо, они где-то в глубине мифологического пространства.

Теперь относительно того, что видит девушка за этими «воротами». Здесь не так всё ясно. На классический скандинавский рай в вариантах Валгаллы или Сессрумнира с их пиршественными залами, где за полными столами на скамьях *сидят* умершие герои, этот рай не похож. По мифу, только половина погибших героев шло к Одину в Валгаллу; половина же шла в чертоги Фрейи — Сессрумнир — буквально «Вмещающий много *сидений*». Однако кроме героев умирало много всякого иного народу, не такого знатного и воинственного, в том числе и тот мирный купец, погребение которого видел на Волге Ибн Фадлан. В общем, в скандинавском потустороннем мире для них тоже должно было иметься какое-то место, кроме преисподней — Хель, которая предназначалась для совсем уж отъявленных злодеев. Кое-какие намеки на это боковое направление есть. Известно, что у громовержца Тора, народного бога, был свой дворец — Бильскирнир — «Сверкающий как молния» (Петрухин, 2003, с. 178). И этот дворец был так же огромен, как палаты Валгаллы, и, очевидно, этот дворец не пустовал. Кто туда попадал — об этом миф умалчивает. Косвенно на это направление указывает то обстоятельство, что на некоторых горшках-урнах с сожженными костями в скандинавских захоронениях были надеты железные гривны с подвесками — «молоточками Тора» — своего рода адрес. У скандинавов было также представление о чудесной стране Одаинсак — «Луг бессмертия», которой тщетно пытался достичь в саге Эйрик Путешественник (Петрухин, 2003, с. 34, 59). Кто и что там делал — непонятно; должно быть, судя по названию, достигали бессмертия.

Довольно близок к этому представлению славянский рай — вирий или ирий, царство вечной весны. Между тем на эту, казалось бы, очевидную аналогию к ритуальным словам девушки о рае обратил внимание А. Н. Афанасьев — по чешским преданиям, страна усопших — это «zelena louka» — зеленый луг, который в моравских народных песнях представлялся как обитель добродетельных душ (Афанасьев, 1994, т. II, с. 262–263). По-видимому, обе традиции восходят к индоевропейскому представлению о лугах бессмертия, «обиталище мертвых». Это понятие, «пастбище» или «луг», имеет сходные образы в разных индоевропейских традициях, где оно обозначалось этимологически родственными лексемами, восходящими к индоевропейскому слову *u̯el-, первоначальное значение которого «пастбище», «луг» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, т. II, с. 824).

Но здесь, по Ибн-Фадлану, не луг, а сад. Отличие существенное. В общем, в германском мире есть представления о неком потустороннем царстве Гольды, где вечно цветущие луга и вечнозеленый сад, но в это место попадают только добродетельные души (Афанасьев, 1994, т. III, с. 257). В Валгаллу мирному купцу-аршиннику, понятное дело, путь закрыт. Но на то он и купец, чтобы знать другие укромные места. Вот в этот-то зеленый рай в виде сада и отплывает скандинавский погребальный корабль с умершими знатным русом и девушкой на борту. Для мирного, добродетельного купца-работорговца — это самое подходящее местечко.

Хорошо известно, что идею погребальной камеры скандинавы заимствовали у своих южных германских соседей; по-видимому, это произошло под христианским влиянием. Возможно также, что заимствованию материальному сопутствовало заимствование идеологическое — некий рай в виде сада для лиц не только добродетельных, но и состоятельных. Ибо ко времени этого заимствования уже выросло торговое сословие, которое вовсе не претендовало на воинственный скандинавский рай, но и в Хель — преисподнюю — тоже не собиралось. При этом ясно, что только состоятельные люди могли обеспечить себе сооружение обширной погре-

бальной камеры с разнообразным и богатым инвентарем. К этому времени высокий социальный статус сидячего погребения, отработанный по стереотипам Валгаллы и Сессрумнира с их скамьями и сидящими на них воинами-героями, уже укоренился в обществе. Поэтому мирные, добродетельные купцы и иной состоятельный люд, к героям непричастный, охотно использовали этот символ высокого социального статуса в погребениях, при том что путь их лежал в ином направлении — в вечнозеленые сады некого параллельного рая, возможно, заимствованного из древненемецкой мифологии. В любом случае, сад в древней Германии — явление относительно позднее, поскольку Тацит прямо указывает, что германцы «не сажают плодовых деревьев, не огораживают лугов, не поливают огороды» (Тацит, 1993, с. 364). А к эпохе викингов немцы уже довольно давно были христианами и в немецкой народной мифологии часто встречаются элементы христианских представлений.

Что есть рай в христианстве? Рай — это сад; первый сад-рай организован Богом: «И насади Бог раи в едеме на встоце и введе ту человека» (Библейская энциклопедия, 1891, с. 594). В древнерусских представлениях рай и сад постоянно соотносятся; при этом сад — это именно место с посаженными деревьями (Срезневский, 1903, т. III, с. 62–63). Сад — изобретение древневосточных земледельческих цивилизаций; кочевники-индоевропейцы сада не знали. Образ сада-рая мог быть заимствован русами либо через посредство немецкой мифологии, либо — что вероятнее — непосредственно из христианства вместе с идеей ингумации и связанной с ней идеей погребальной камеры.

Если княгиня Ольга, по летописи, запретила делать над собой «бъдын», т. е. погребальную камеру с применением огня (подробно: Александров, 2001, с. 233–240), то в 1175 г. умершие могли быть «вложимы и любо си в буди, любо си в гроб» (Котляревский, 1868, с. 119). «Буда», т. е. погребальная камера как таковая, христианству не противоречила, ему претил только языческий погребальный обряд, который при этом совершался.

В Житии князя Константина Муромского, восходящего к началу XII в. (до 1129 г.?), имеется полный перечень языческих действ, противоречивших христианским воззрениям (Котляревский, 1868, с. 125–126):

1. Ориентировка лицом не на восток, а в другую сторону.

2. Насыпание «могилы верх холмом», т. е. кургана.

3. Тризнище или тризна.

4. Дыня (дыма) или бдын.

5. Битва.

6. Ножекроение (кожи кроение).

7. Лицедрание.

8. Плач безмерный.

Княгиня Ольга, по летописи и Прологу XIV в., запретила действа 2–4 (подробно: Александров, 2001, с. 234–235). Очевидно, действо первое подразумевалось само собой. Надо отметить, что положение в могилу погребального инвентаря не отмечается никак. По-видимому, это действо было несущественным. Точно так же не сказано ничего о способе погребения — сидячее или лежачее; по-видимому, главное — ориентировка лицом на восток.

В камерах хоронили самый разный народ, вовсе не бедный. Это и отразилось в скандинавских сагах, где описывается проникновение в камеру под курганом для похищения того или иного сокровища. Самый известный герой Исландии — Греттир — лазал в курган Кара Старого: «Греттир раскопал курган, и пришлось ему изрядно потрудиться. Он работает без передышки, пока не доходит до сруба. День к тому времени был уже на исходе. Он проломал бревна. Аудун заклинал его не заходить в курган. Греттир просил его подержать веревки.

— А уж я докопаюсь, кто здесь живет!

Спустился Греттир в курган. Там было темно, и запах не из приятных. Он старается разведать, что там такое. Ему попались конские кости. Потом он ударился о столбы седалища, и оказалось, что *на седалище сидит человек*. Там была сложена груда сокровищ — золото и серебро, а под ноги ему поставлен ларец, полный серебра» (Сага о Греттире, 1976, с. 30–31).

Герой другой саги — Хёрд — тоже лазал в курган викинга Соти: «Рано утром они подъезжают к кургану и принимаются разрывать его и к вечеру доходят до бревен... На четвертый день разобрали они все бревна, а на пятый открыли двери. Хёрд всем велел остерегаться зловонного воздуха, выходящего из кургана... Хёрд наконец отыскал дверь, и они взломали ее. Тут задрожала вся земля, и свет потух. Наружу вырвалась ужасная вонь. За дверью, в боковом склепе был слабый свет. Они увидели ладью и в ней великие сокровища. Соти *сидел* на носу корабля, и на него было страшно смотреть. Гейр остался стоять в дверях, а Хёрд подошел и хотел взять сокровища» (Сага о Хёрде...,1999, с. 395–396).

Принято считать, что в основе таких рассказов лежали реальные факты, поскольку в Скандинавии есть много курганов, разграбленных

еще в древности. В обоих случаях погребения — сидячие. Разница только в том, что в первом случае погребенный сидел просто на седалище, а во втором — на носу корабля; камера, по-видимому, была так обширна, что в ней хватило места и для небольшого корабля. Ну, воинственный Соти мог, пожалуй, претендовать на место на скамье среди героев у Одина или Фрейи, а вот Кар Старый... — трудно сказать.

Есть в сагах и другие намеки на этот странный погребальный обряд. Когда умер отец известного скальда и воина Эгиля, люди увидели, что «Скаллагрим *сидел* мертвый, прислонясь к столбу. Он так закоченел, что люди не смогли разогнуть его, сколько ни старались». Только Эгиль «взял Скаллагрима за плечи и разогнул его. Он положил его на скамью и сделал всё, что было надо... Эгиль велел насыпать могильный холм на самом мысу. Туда *положили* Скаллагрима, его оружие, коня, кузнечные орудия. Положили ли с ним его добро — об этом ничего не рассказывают» (Сага об Эгиле, 1956, с. 184).

Когда там же, в Исландии, умерла знатная и родовитая дама Унн Мудрая, уехавшая из Норвегии приблизительно тогда же, когда и Эгиль, то «Унн *сидела* на постели, откинувшись на подушки... Унн перенесли в курган, который был для нее воздвигнут. Ее *положили* внутрь холма в ладье, и много богатств было положено вместе с нею. Затем над нею насыпали курган» (Сага о людях из Лаксдаля, 1956, с. 262).

Какая «естественная» поза для умирающего — сидя, не правда ли? По-видимому, саги сохранили упоминание о том положении — *сидя*, в котором умерли эти люди, хорошо зная, что их ждет, по мифу, в потустороннем мире. К XIII в., когда саги записывались, человеческая память, по-видимому, «откорректировала» остальное, поскольку к этому времени изменился погребальный обряд.

Когда конунг Харальд Косматый завоевывал Норвегию, один из мелких конунгов, Херлауг из Наумдаля, вместе с братом «три лета были заняты тем, что сооружали курган. Этот курган был из камня и глины и укреплен бревнами. Когда он был готов, до братьев дошло известие, что Харальд конунг идет на них походом. Тогда Херлауг конунг велел подвезти к кургану много еды и питья. Затем он вошел в курган сам двенадцатый и велел закрыть его за собой» (Стурлусон, 1980, с. 44). Судя по съестным припасам, конунг с дружинниками решили перейти в мир иной, *сидя* за пиршеством, и, таким образом, войти в общество героев воинственного скандинавского рая.

Появившись в Восточной Европе, скандинавы принесли с собой все свои «привычки и непривычки», в том числе и по части погребальных обрядов, о чем, собственно, свидетельствует Ибн Фадлан. Кое-какие намеки на «сидячий» погребальный обряд есть и в русских источниках. О том, что к первому древлянскому посольству, состоявшему из 20 человек, применили в качестве «чести» обряд погребения в ладье, я уже писал (Александров, 2001, с. 182–185). Но в источниках есть детали: как именно это было. Летопись сообщает, что, когда киевляне «понесоша я в лодьи. Они же *седяху* в перегъбех, въ великихъ сустугахъ гордящеся...» (Повесть временных лет, 1978, с. 70). Согласно Житию Ольги, древлян «посадивше их в малыя ладийцы по единому, несоша дмящихся и гордящихся...» (Книга Житий святых.., 1888, с. 170); в таком положении их и бросили в яму с раскаленными дубовыми углями, и в ней засыпали. Иначе говоря, послов похоронили заживо *сидящих*. Обещанная «честь» и с этой стороны была воздана сполна.

Однако вернемся к сообщению Ибн Фадлана. О национальности приносимой в жертву девушки есть пока что только одно наблюдение — ножные кольца: «Итак, они прошли с ней в направлении к кораблю. И она сняла два браслета, бывшие на ней и отдала их оба той женщине-старухе, называемой ангел смерти, которая ее убьет. И она сняла два бывших на ней ножных кольца и дала их оба тем двум девушкам, которые [всё время] служили ей, а они обе — дочери женщины, известной под названием ангел смерти» (Ибн Фадлан о русах, 1970, с. 68). Ножные кольца в этот период носили только мордвинки. Однако и в этом случае надо иметь в виду, что тот рай, куда была послана девушка-рабыня и который она узнавала в ритуальных фразах, не мордовский, а тот, куда уходит рус. Поэтому при произнесении ритуальных фраз и во время проведения ритуальных действий национальность здесь особого значения не имела.

Продолжим экскурс в описание русов у Ибн Фадлана. Весьма оригинальным являлся способ умывания русов из тазика, который служанка по очереди подносит сидящим на скамейке русам, несмотря на то, что рядом — целая река с чистой водой.

Г. С. Лебедев обратил внимание на то, что такой способ умывания, когда несколько человек пользуются для этого одной лоханью, является чуждым славянской бытовой культуре и он, несомненно, германского происхождения (Лебедев, 1978, с. 21–24).

Привлекает внимание еще одна колоритная деталь погребального обряда:

«Потом явился ближайший родственник умершего, взял палку и зажег ее у огня. Потом он пошел, пятясь задом, — затылком к кораблю, а лицом к людям, [держа] зажженную палку в одной руке, а другую свою руку на заднем проходе, будучи голым, — чтобы зажечь сложенное дерево, [бывшее] под кораблем» (Ибн Фадлан о русах, 1970, с. 69).

В комментарии указывается, что человек шел в таком виде и задом, чтобы умерший не узнал его и не вздумал ему мстить, и что для этого он закрывал сзади самое уязвимое место. Мне кажется, здесь всё не так просто. А. Н. Афанасьев нашел аналогии такому действу в германском мире: «...в Германии сохранилось поверье, что для защиты себя от ведьм, драконов и вообще нечистых духов, которых только и может напугать один гром небесный, достаточно показать обнаженную задницу» (Афанасьев,1994, т. II, с. 755). При этом у многих народов принято не плевать на огонь и не бросать в него ничего нечистого — ни соплей, ни кала; за подобные действия огонь наказывал болезнями (Афанасьев, 1994, т. II, с. 9). Мне кажется, что в источнике человек закрывал рукой свое самое нечистое место, чтобы не оскорбить огонь — тот самый, который он нес, но в то же самое время типично германским действом он пытался оборонить себя от злых сил. Судя по всему, отмеченное действо является именно германской чертой, имеющей соответствие в немецком народном фольклоре. Этот прием в данном случае применялся для погребального обряда. Славяне для отпугивания злых сил использовали иные средства.

В завершение необходимо отметить, что в X в. христианство неотвратимо и исподволь проникало не только в умы и души язычников, но и в их погребальные обряды. Проникало оно также и в представления о потустороннем мире, являя блистающий и притягательный образ христианского рая-сада. В самой Скандинавии при жесткой дилемме Валгалла или Хель туда, в этот рай-сад, устремлялись души тех, кто не хотел быть незаслуженно обиженным этой жестокой и несправедливой для них дилеммой.

Тот, кто принял христианский рай, должен был рано или поздно принять и само христианство. Некоторые принимали его поэтапно, принимая сначала неполное крещение (оглашение) и оставаясь в этом состоянии довольно долго, иногда — всю жизнь. В таком состоянии особенно часто пребывали купцы, которым приходилось торговать и с христианами, и с язычниками. Нельзя исключать и того, что умерший на Волге купец-рус также мог быть предварительно крещен, учитывая то место в потустороннем мире, куда он попал (по мнению коллег-купцов) после полного языческого обряда захоронения.

A. A. Aleksandrov

On the Problem of Semantics and Genesis of "Sedentary" Burials of the Xth Century (on the Scandinavian Sagas and Written Sources)

Summary

The article is devoted to chamber sedentary burials of the Viking era in Scandinavian sagas and historical sources. The sedentary burial of a notable rus dated by 922 is analyzed according to Ibn-Fadlan's data in line with the division of the buried according to their social status: those noble — sit, poor — lie. In the other world the dead rus also sits.

According to a Scandinavian myth, Valhall of Odin and Sessrumnir of Freya also have seats on which the died heroes sit. Examples from Scandinavian sagas in which notable people die sitting, and another — the notable person — dies directly on an honourable seat are given. In other sagas sedentary burials at penetration of heroes into the mound are mentioned.

It is accepted that these lines describe real facts. The conclusion is drawn that all the sedentary burials are united by the right of the dead to an honourable seat behind which there is quite a high social status. Possibly, the height of the funeral chamber could have been defined by the height of the back of an honourable seat and the height of a funeral mound over the chamber.

According to Ibn-Fadlan's data, merchants who couldn't get either to Valhall, nor to Sessrumnir, intended for heroes, and did not want to get to Bilskirnir of Thor, intended for poor also had the right to sedentary burials. Judging by the views recorded by Ibn-Fadlan, they got to seats in a certain blossoming garden which isn't present in classical Scandinavian myth but which could have been a way to the other world, intended for merchants and the like.

III. ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ КАМЕРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ СТАРОВОЗНЕСЕНСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Н. В. Ениосова

Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского некрополя

Пытаясь понять, как, где и когда сделаны археологические объекты, необходимо совместить их типологическое определение с данными о составе материала и технике изготовления. Несмотря на исключительное разнообразие естественнонаучных методов, характерных для современных исследований, можно указать три основных направления изучения древней металлообработки. Первое связано с поверхностным изучением вещей с помощью различных увеличительных приборов — от лупы до сканирующего электронного микроскопа. Выявляя следы технологических операций и инструментов, сохранившихся на предметах, можно определить весь производственный цикл изготовления в его последовательности. Второе направление — структурное изучение металла — является логическим продолжением первого: металлография воссоздает в деталях и документирует «технологическую историю» вещи. Однако микроскопический анализ металла не обеспечивает исследователя полноценной информацией без сведений о его химическом составе. Итак, третье условие, позволяющее превратить технологические наблюдения в полноценный источник изучения древнего ремесла, — получение данных об элементном составе металлов и их сплавов.

Исследование 82 находок из 8 камерных погребений Старовознесенского некрополя было проведено в Псковском археологическом центре и на кафедре археологии исторического факультета МГУ. Изучение химического состава металла выполнено с помощью переносного портативного прибора РЛП3 (рис. 1)[1] и на стационарном оборудовании ArtTAX-BRUKERAXS (рис. 2)[2]. Оба прибора дают возможность определять химический состав металла рентгенофлюоресцентным энергодисперсным методом (РФА), который основан на измерении длины волн и интенсивности рентгеновских спектральных линий. Портативный прибор снабжен полупроводниковым детектором рентгеновского излучения: «Si–PIN diode» детектор (200 эВ по Ka линии Mn) в области энергий 15–38 кВ с регистрирующим многоканальным амплитудным анализатором. Расчет концентраций элементов проведен с помощью метода фундаментальных параметров. Количественные результаты определены для 9 элементов: серебра, меди, олова, свинца, цинка, висмута, мышьяка, золота и ртути (Коновалов, Ениосова, Митоян и др., 2008, с. 114–120).

Некоторые находки, предоставленные для изучения на кафедру археологии, исследованы также на стационарном оборудовании с молибденовой трубкой и полупроводниковым детектором. Измерительная часть прибора снабжена видеокамерой, фиксирующей изображения анализируемых предметов площадью 6 × 4 мм. Исследованию подвергалась поверхность площадью 0,2 мм (диаметр коллиматора). Положение образца по отношению к рентгеновскому излучению фиксировалось с помощью лазерного луча (рис. 2).

Это оборудование дает уникальную возможность изучать отдельные конструктивные дета-

---

[1] Автор выражает искреннюю признательность Р. А. Митояну — кандидату геолого-минералогических наук, заведующему рентгеноспектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ за аналитическую работу.

[2] Исследование выполнено Н. В. Ениосовой.

Рис. 1. Переносный портативный прибор РЛПЗ-3–01 (рентгенофлюоресцентный лабораторный прибор)

ли предметов и определять такие декоративные приемы отделки поверхности, как позолота, лужение и чернь. Измерения проводились для каждого образца в течение 180 с при электрическом напряжении в 50 kV и силе тока в 700 μA. Результаты измерений представлены в виде рентгеновских спектров, специальная программа позволяет идентифицировать пики, соответствующие химическим элементам сплава, и определять их аналитическую интенсивность на качественном уровне.

Рассматривая полученные данные, следует учитывать, что метод РФА имеет определенный предел чувствительности: для свинца, висмута, золота и цинка лимит обнаружения составляет 0,05%, для олова он не превышает 0,3%. На конечный результат измерений влияет также невозможность достичь абсолютно ровной поверхности анализируемого предмета и удалить поверхностный слой металла, в котором серебра всегда больше, чем внутри пробы (Kruse, Tate, 1992, p. 298–299). Различие в концентрации серебра между металлической поверхностью и ядром составляет приблизительно 1% для чистого серебра и около 6% для серебра пониженного качества. Таким образом, поверхностный характер РФА затрудняет получение точных данных о составе металла, но является единственно возможным методом для исследования находок из музейных коллекций, не вызывая разрушения образцов.

С помощью визуального осмотра и оптического микроскопа (ZeissStemi) с увеличением от 10 до 500 раз были получены данные о технике изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений (рис. 3). Для фиксации наблюдений и точного измерения мелких и крупных деталей была использована соединенная с микроскопом фотокамера с программным обеспечением AxioVision (KarlZeiss).

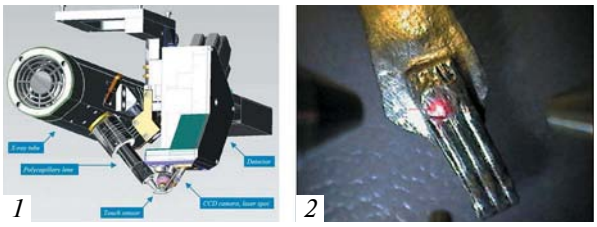


Рис. 2. Прибор ArtTAX для неразрушающего анализа элементного состава металлов (1) и сплавов с фиксацией положения образца (крест из погребения 1) по отношению к рентгеновскому излучению (2)

Выявляя следы технологических операций и инструментов, сохранившиеся на предметах, можно определить весь производственный цикл изготовления в его последовательности. Особое значение имеют оценка качества изделия и фиксация производственных дефектов.

Результаты анализа

Количественный анализ химического состава изделий из драгоценных и цветных металлов выполнен для 105 проб, представляющих 82 предмета из 8 погребений Старовознесенского некрополя (табл. 1).

Таблица 1. Распределение проб и предметов, подвергнутых анализу, по погребениям

Погребение	Число проб	Число предметов
1	45	32
2	2	2
3	12	5
4	3	3
5	19	19
6	12	11
7	10	9
8	2	1
Всего	105	82

В фонд исследованных образцов вошли следующие категории находок: гривна (1 экз.; погребение 1); браслеты (4 экз.; погребения 1, 7); перстни (2 экз.; погребение 1); фибулы (9 экз.; погребения 1, 3, 4, 7); подвески (6 экз.; погребения 1, 6); бусины (3 экз.; погребения 1, 3); пуговки (3 экз.; погребение 6); кресты (3 экз.; погребения 1, 6, 8); монеты (5 экз.; погребения 1 (2 милиарисия), 6 (3 дирхема)); поясные аксессуары (15 экз.; погребение 5); приспособления для взвешивания (6 экз.; погребения 1, 5–8); навершие и обмотка

Рис. 3. Фиксация технологических наблюдений (пуансон с поврежденной рабочей частью, d — 1,41 мм) и определение размеров конструктивных деталей (диаметр шпенька — 2,82 мм) с помощью оптического микроскопа ZeissStemi

рукояти ножа (3 экз; погребения 1, 5); сосуды и оковки сосудов (21 экз.; погребения 1, 6–8); кресало (1 экз.; погребение 2). При отборе проб учитывалось несколько обстоятельств, прежде всего доступность объектов для анализа. Важный момент — исследование категорий украшений и бытовых предметов, изготовленных с помощью различных технологий. По возможности привлекались серии однотипных объектов, с помощью которых лучше всего изучать приемы и навыки работы с металлом и установить связь между техникой изготовления и типом сплава. Однако условия формирования выборки в погребальном комплексе ограничивают возможности изучения представительных серий. Следует помнить также, что изученный материал происходит всего из восьми погребений.

Полученные результаты представлены в виде таблицы WORD. Сплавообразующие элементы ранжированы в столбце «Тип сплава» в зависимости от их концентрации (табл. 2). В эпоху Средневековья в качестве основы сплава чаще всего выступали медь, серебро, олово или свинец. Эти же металлы и цинк применяли в различных концентрациях и как легирующие добавки (Bayley, 1991, p. 14–16). Очевидно, что они могли попадать в металл разными путями: в результате выплавки металла из руды; в результате действий ювелира, соединяющего компоненты в определенных пропорциях для получения сплава с необходимыми оптическими и механическими свойствами; в результате вторичного использования лома металлических изделий. Каждый из способов — искусственный или случайный — сопряжен со сложными, многообразными и неконтролируемыми факторами, способными кардинально изменить не только набор и содержание примесей в металле, но и повлиять на состав его основных компонентов, что затрудняет оценку сплавов с точки зрения их осознанного получения. По этой причине в работах, посвященных классификации древних сплавов, используют условное деление металлов на «чистые» — нелегированные, и сплавы независимо от способа их получения. В качестве границы искусственного легирования принимается условная величина — 1% (Riederer, 1984, p. 220–221; Галибин, 1990, с. 177).

Помимо количественных характеристик учитывалась зависимость технологических свойств

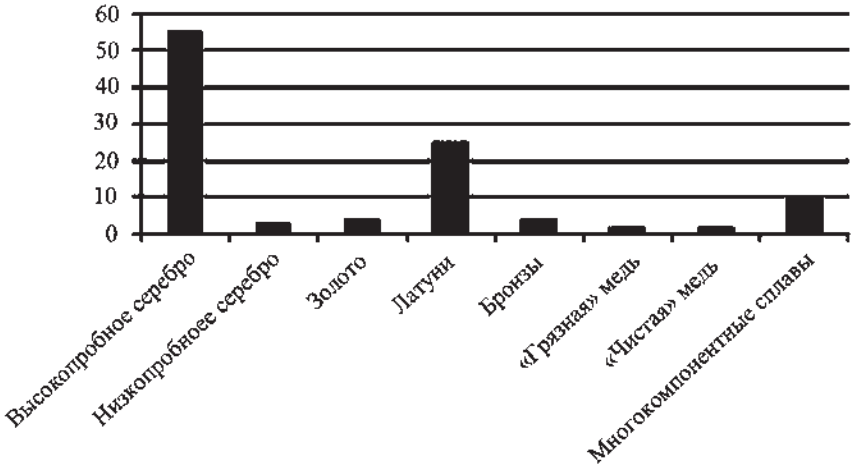


Рис. 4. Количественное соотношение металлов и сплавов в выборке

металла от его элементного состава. Так, при ранжировании элементов в сплаве в зависимости от их содержания свинец во всех случаях помещается на последнее место независимо от разницы в соотношении концентраций Sn/Pb или Zn/Pb. Свинец не принимается в расчет по причине его нерастворимости в меди, бронзе и латунях — он не вступает в твердый раствор с другими компонентами сплава, а выпадает в виде крупных и мелких включений в междендритных пространствах (Мальцев, Теплинская, Степанова, 1955, с. 130–134).

Исходя из критериев сходства, определенных заранее, аналитические результаты разбиты на 7 групп, среди которых представлены «чистая» и «грязная» медь, а также сплавы на основе серебра, меди и золота (рис. 4).

Драгоценные металлы

Более половины выборки составляют изделия из серебра (58 образцов). В этой группе доминируют изделия из бинарного высокопробного серебра, на втором месте многокомпонентное высокопробное серебро, остальные типы сплавов серебра представлены единичными образцами.

2 экземпляра относятся к очень чистому металлу, содержание ни одной из примесей в котором не достигает 1% (рис. 5). Из серебра самой высокой пробы сделаны крестик «скандинавского типа» из камеры 6 и навершие рукояти ножа из камеры 4 (табл. 2, *3447*, *3476а*; рис. 6).[1]

35 проб относятся к двойному высокопробному сплаву серебра и меди, содержание серебра в котором варьирует между 90 и 97%. Из бинарного металла сделаны проволочные браслеты, шейная гривна, проволочная обмотка рукояти ножа, круглая фибула, бусины, оковки рога и сосудов, обоймицы, ручка ковша, византийские монеты (табл. 2, *1562–1564*, *1828–1837*, *2722–2731*, *2733*, *2735*, *2737–2739*, *2741*, *2743–2746*, *2749*, *2754*, *3444*, *3451*, *3453*, *3456*, *3478–3482*, *3485–3488*; рис. 7). Мы видим, что в эту группу попали объекты, полученные в процессе кузнечной деформации, а также изделия, выполненные в технике зерни и скани.

23 образца помимо серебра и меди содержали небольшую примесь золота (0,37–3,53%). К ним относятся подвески-личины, широкосрединный и коронковый перстни, бусины с геометрическим орнаментом; круглая подвеска, фибула с завязанными концами; колечки от круглой и овальной фибул, подковообразная фибула, обод ковша и серебряное колечко с напускной стеклянной бусиной; пуговка, браслет, кольцо, обоймица, обкладки сосудов (табл. 2, *1829–1835*, *2722*, *2725*, *2727*, *2731*, *2738*, *2739*, *3445*, *3454*, *3456*, *3479–3482*, *3485–3488*; рис. 8). Золото могло попасть в металл из рудного источника или при переплавке лома изделий с позолотой. Еще в 70-х гг. XX в. были проведены эксперименты, связанные с купеляцией серебра. В процессе очистки драгоценного металла от примесей из него практически полностью уходят олово и цинк, содержание меди сокращается до 0,2–0,5%, концентрацию свинца и висмута невозможно сократить ниже 0,5–1%, и только золото никогда не меняется, отражая исходный состав руды. Таким образом, золото и висмут являются диагностическими элементами для определения источников металла (McKerrel, Stevenson, 1972, p. 197–198).

[1] Здесь и далее на рисунках указаны номера проб на определение химического состава металла в соответствии с табл. 2 к настоящей статье. В табл. 2 полностью приведены паспортные данные на каждый исследованный предмет.

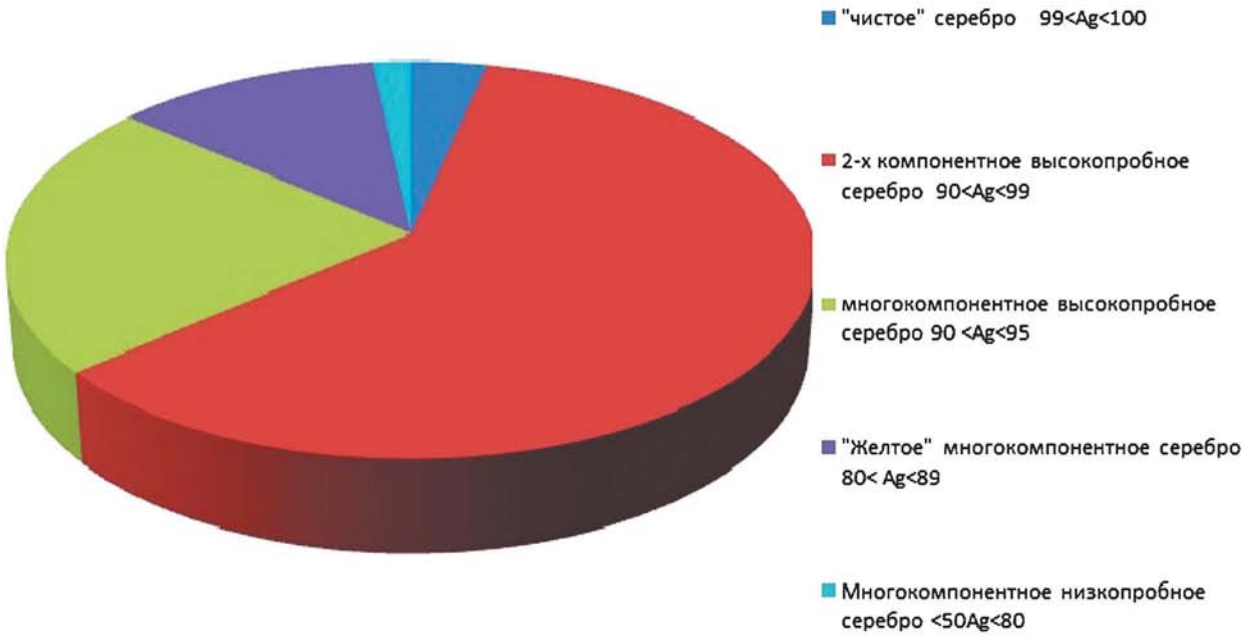


Рис. 5. Типы серебряных сплавов, представленные в выборке

Рис. 6. Изделия из «чистого» серебра (3447 — погребение 6; 3476а — погребение 4)

Рис. 7. Украшения из двойного высокопробного серебра (погребение 1)

Рис. 8. Украшения из двойного высокопробного серебра с примесью золота (2722 — погребение 3; 1829, 1834 — погребение 1)

Рис. 9. Украшения с позолотой (ртутная амальгама) (2736, 2732 — погребение 1; 3476 — погребение 4)

В 8 серебряных пробах золото обнаружено совместно с ртутью, что свидетельствует о нанесении позолоты с помощью ртутной амальгамы (табл. 2, *2731–2736*, *3476*, *3478*; рис. 9). В позолоте, сохранившейся на поверхности лунницы, накладки, двух византийских милиарисиев-подвесок и рукояти боевого ножа обнаружена ртуть.

Позолоченые византийские милиарисии исключительно редко встречаются в погребениях на территории Древней Руси и Польши. Монета Василия II и Константина VIII (976–1025) или Василия I и Константина (869–879) встречена в Киеве при раскопках Десятинной церкви в погребении 122. Она

Таблица 2. Химический состав металла

№ п/п	Название	Паспорт*	
1562	Проволочный браслет с левой руки	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 18, кв. Г12, № 40	
1563	Проволочный браслет с правой руки	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 58	
1564	Кованая шейная гривна (вокруг черепа)	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 45	
1565	Колечко с напускной бусиной (завязка)	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 54	
1566	Фрагмент сосуда (малый)	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Д11, № 7	
1567	Фрагмент сосуда (большой)	П-03-СтВз, погребение 1, уч.В, пл. 18, кв.Д11, № 12	
1828	Оковка деревянной чашечки	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 29	
1829	Подвеска-личина	П-03-СтВз, погребение 1, уч.В, пл. 17, кв. Г12, № 56	
1830	Подвеска-личина	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 46	
1831	Крестик из листового металла	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 18, кв. Г12, № 24	
1833	Перстень широкосрединный с завязанными концами	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 18, кв. Г12, № 41	
1834	Перстень коронковый с фаянсовой вставкой	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 18, кв. Г12, № 42	
1835	Бусина с осыпавшейся зернью	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 43	
1836	Обмотка проволочная рукояти ножа	П-03-СтВз, погребение 1, уч. Б, пл. 18, кв. Г11, № 5	
1837	Обмотка проволочная рукояти ножа	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 18, кв. Г12, № 47	
2722	Подвеска круглая из лунницы	П-06-СтВз-IV, погребение 3, уч. А, пл. 15, кв. 19, № 1	
2723	Кольцо разомкнутое круглого сечения	П-06-СтВз-IV, погребение 3, уч. А, пл. 14, кв. 19, № 4	
2724	Бусина с филигранным спиральным орнаментом	П-06-СтВз-IV, погребение 3, уч. А, пл. 15, кв. 19, № 2	
2725	Фибула с завязанными концами и цепочкой (кольцо)	П-06-СтВз-IV, погребение 3, уч. А, пл. 14, кв. 1 9, № 5	
2726	Фибула с завязанными концами и цепочкой (цепочка)	П-06-СтВз-IV, погребение 3, уч. А, пл. 14, кв. 19, № 5	
2727	Оковка рога (?)	П-06-СтВз-IV, погребение 3, уч. А, пл. 15, кв. 20, № 6	
2728	Шпенек от оковки рога (?)	П-06-СтВз-IV, погребение 3, уч. А, пл. 15, кв. 20, № 6	
2729	Фибула круглая, лицевая сторона	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 60	
2730	Фибула круглая, оборотная сторона	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 60	
2731	Фибула круглая, колечко	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 60	
2732	Лунница, лицевая сторона	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 57	
2733	Лунница, оборотная сторона	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 57	
2734	Монета-подвеска, лицевая сторона	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 55	
2735	Монета-подвеска, оборотная сторона	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 55	
2736	Монета-подвеска, лицевая сторона	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 52	
2737	Монета-подвеска, оборотная сторона	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 52	
2738	Бусина с геометрическим орнаментом	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 53	
2739	Фибула подковообразная	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 18, кв. Г12, № 21	
2740	Коромысло весов	П-03-СтВз, погребение 1, уч. Б, пл. 18, кв. Г11, № 6	
2741	Обоймица ремешка (с остатками кожи)	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Д12, № 33	

находок из камерных погребений

	Ag	Cu	Sn	Zn	As	Pb	Bi	Au	Hg	Тип сплава
	95,58	4,42								Ag-Cu
	95,26	4,74								Ag-Cu
	95,78	4,22								Ag-Cu
	3,37	0,75						95,87		Au-Ag-Cu
		82,34	0,66	16,6		0,39				Cu-Zn
		85,14	0,81	13,42		0,67				Cu-Zn
	90,47	7,07		1,11		1,34				Ag-Cu-Pb-Zn
	97,27	1,96						0,67		Ag-Cu (Au)
	96,79	2,62						0,59		Ag-Cu (Au)
	90,8	6,72					2,02	0,46		Ag-Cu-Bi (Au)
	94,26	4,22					1,0	0,52		Ag-Cu-Bi (Au)
	95,81	3,5						0,69		Ag-Cu (Au)
	96,15	3						0,85		Ag-Cu (Au)
	94,98	5,02								Ag-Cu
	97,38	2,62								Ag-Cu
	97,62	1,51						0,87		Ag-Cu (Au)
	92,98	7,02								Ag-Cu
	97,06	2,94								Ag-Cu
	96,53	3,1						0,37		Ag-Cu (Au)
	96,94	3,06								Ag-Cu
	95,14	4,36						0,5		Ag-Cu (Au)
	96,07	3,93								Ag-Cu
	96,47	3,53								Ag-Cu
	96,81	3,19								Ag-Cu
	96,49	2,8						0,71		Ag-Cu (Au)
	49,34	0,55						41,72	8,4	Ag-Cu-Au (Hg)
	95,96	2,82						0,45	0,78	Ag-Cu-Au (Hg)
	53,51	0,96						35,36	10,17	Ag-Cu-Au (Hg)
	90,9	3,64						1,02	4,45	Ag-Cu-Au (Hg)
	56,13	0,58						34,53	8,76	Ag-Cu-Au
	96,57	1,38				0,89		1,16		Ag-Cu-Au
	96,55	2,31						1,14		Ag-Cu-Au
	92,78	3,68						3,53		Ag-Cu-Au
	0,19	86,09	1,55	12,18						Cu-Zn-Sn
	95,09	4,91								Ag-Cu

№ п/п	Название	Паспорт*	
2742	Обоймица	П-03-СтВз, погребение 1, уч. Б, пл. 18, кв. Г11, № 1	
2743	Колечко от обоймицы	П-03-СтВз, погребение 1, уч. Б, пл. 18, кв. Г11, № 1	
2744	Обоймица малая	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 49	
2745	Обоймица малая	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 49	
2746	Шпенек	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 49	
2747	Фибула JP52 с правого плеча, ажурная скорлупка	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 38	
2748	Фибула JP52 с правого плеча, нижняя скорлупка	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 38	
2749	Фибула JP52 с правого плеча, колечко	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 38	
2750	Фибула JP52 с левого плеча, ажурная скорлупка	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 39	
2751	Фибула JP52 с левого плеча, колечко	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 39	
2752	Чашечка весов (венчик)	П-03-СтВз, погребение 1, уч. Б, пл. 18, кв. Г11, № 14	
2753	Чашечка весов (донце)	П-03-СтВз, погребение 1, уч. Б, пл. 18, кв. Г11, № 14	
2754	Бусина с осыпавшейся зернью (повтор 1835)	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 17, кв. Г12, № 43	
2757	Латунная оболочка железной гирьки	П-03-СтВз, погребение 1, уч. Б, пл. 18, кв. Г11, № 15	
2758	Кресало прикамское	П-04-СтВз-II, погребение 2, пл. 18, кв. К8, № 2	
2759	Тисненая пластина — накладка на короб	П-04-СтВз-II, погребение 2, пл. 18, кв. К8, № 9	
2760	Фибула JP52 с железной иглой, деформированная	П-06-СтВз-IV, погребение 3, уч. А, пл. 16, кв. 12, № 24	
2761	Фибула JP52 деформированная	П-06-СтВз-IV, погребение 3, уч. А, пл. 16, кв. 12, № 23	
2803	Фибула JP52 (1), серебро с шишки	П-06-СтВз-IV, уч. А, пл. 14, кв. 19, п. 3, я. 30	
2804	Фибула JP52 (2), металл с бортика нижней скорлупки	П-06-СтВз-IV, уч. А, пл. 14, кв. 19, п. 3, я. 30	
2809	Сосуд-тазик (донце, ремонт внутри)	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 18, кв. Д11, № 12	
2810	Сосуд-тазик (донце, ремонт на обороте)	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 18, кв. Д11, № 12	
2813	Припой на тазике	П-03-СтВз, погребение 1, уч. В, пл. 18, кв. Д11, № 12	
3444	Ручка ковша	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 20, кв. 115, № 27	
3445	Обод ковша	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 20, кв. 115, № 27	
3446	Чашка весов	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 20, кв. 115, № 41	
3447	Крест с чернью	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 20, кв. 126, № 31	
3448	Пуговка	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 21, кв. 115, № 24/4	
3449	Колечко	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 20, кв. 116, № 43	
3451	1/2 дирхема	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 21, кв. 115, № 30	
3452	Дирхем-подвеска	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 21, кв. 115, № 29	
3453	Дирхем	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 21, кв. 116, № 25	
3454	Пуговка	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 21, кв. 115, № 24/2	
3455	Пуговка	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 21, кв. 115, № 24/3	

Продолжение табл. 2

	Ag	Cu	Sn	Zn	As	Pb	Bi	Au	Hg	Тип сплава
		99,19	0,81							Cu
	92,97	7,03								Ag-Cu
	94,66	5,34								Ag-Cu
	95,32	3,11				0,97	0,6			Ag-Cu(Pb, Bi)
	93,68	6,32								Cu-Zn
		93,03		6,97						Cu-Zn
		98,62		1,38						Cu-Zn
	94,83	3,66				0,83	0,67			Ag-Cu(Pb, Bi)
	0,43	94,94	0,81	3,5				0,31		Cu-Zn
	88,06	9,72				2,22				Ag-Cu-Pb
	0,06	85,58	0,79	12,82		0,75				Cu-Zn
	0,08	86,06	1,4	12,47						Cu-Zn-Sn
	96,67	3,33								Ag-Cu
		81,89	0,43	6,23		11,45				Cu-Zn-Pb
		88,82		5,78		5,4				Cu-Zn-Pb
		67,54	23,49			8,3				Cu-Pb
		87,78				11,76				Cu-Zn-Pb
		70,56		11,72		14,72				Cu-Zn-Pb
	72,5	11,78				15,72				Ag-Cu-Pb
	1,97	20,2						67,12	10,71	Au-Cu-Ag-Hg
		80,69	0,9	18,42						Cu-Zn
		88,87	0,51	10,62						Cu-Zn
		57,62	27,37	15,01						Cu-Sn-Zn
	95,52	4,48								Ag-Cu
	97,79	1,66						0,55		Ag-Cu
	0,08	83,42	1,68	13,04		1,78				Cu-Zn-Sn-Pb
	99,64	0,36								Ag
	86,13	4,76	3,36	0,88		3,11	1,75			Ag-Cu-Sn-Pb-Bi
		99,67		0,33						Cu
	92,33	3,42				1,96	2,3			Ag-Cu-Pb-Bi
	89,16	7,66				1,27	1,91			Ag-Cu-Pb-Bi
	92,36	3,56				1,72	2,36			Ag-Cu-Pb-Bi
	88,39	5,67				3,62	1,42	0,9		Ag-Cu-Pb-Bi
	89,25	5,85				0,57	4,32			Ag-Cu-Bi

№ п/п	Название	Паспорт*
3456	Колечко	П-08-ПДП-XII, погребение 6, уч. В, пл. 21, кв. 115, № 40
3457	Позумент (крест)	П-08-ПДП-XII, погребение 8, уч. Г, пл. 16, кв. 59, № 8
3458	Позумент (крест)	П-08-ПДП-XII, погребение 8, уч. Г, пл. 16, кв. 59, № 8
3459	Кольцо	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 22
3460	Чашка весов	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 18
3461	Кольцо	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/1
3462	Кольцо	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/2
3463	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/6
3464	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/7
3465	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч.Д, пл. 16, кв. 156, № 5/10
3466	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч.Д, пл. 16, кв. 156, № 5/5
3467	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/21
3468	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/11
3469	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/17
3470	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/3
3471	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/20
3472	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/12
3473	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/14
3474	Поясная накладка	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/19
3475	Поясное кольцо	П-08-ПДП-XII, погребение 5, уч. Д, пл. 16, кв. 156, № 5/4
3476	Навершие ножа	П-07-СтВз-V, погребение 4, уч. В, пл. 17, кв. 62, № 99
3476а	Навершие ножа	П-07-СтВз-V, погребение 4, уч. В, пл. 17, кв. 62, № 99
3477	Браслет	П-08-ПДП-XII, погребение 7, уч. Б, пл. 13, кв. 51, № 1
3478	Накладка (лицо)	П-08-ПДП-XII, погребение 7, уч. Б, пл. 18, кв. 52, № 17/2
3478а	Накладка (оборот)	П-08-ПДП-XII, погребение 7, уч. Б, пл. 18, кв. 52, № 17/2
3479	Фибула	П-08-ПДП-XII, погребение 7, уч. Б, пл. 19, кв. 52, № 15
3480	Обоймица	П-07-СтВз-V, погребение 4, уч. В, пл. 17, кв. 62, № 90
3481	Кольцо	П-07-СтВз-V, погребение 4, уч. В, пл. 17, кв. 62, № 90
3482	Браслет	П-08-ПДП-XII, погребение 7, уч. Б, пл. 19, кв. 52, № 16
3483	Игла фибулы	П-07-СтВз-V, погребение 4, уч.В, пл. 14, кв. 62, № 9
3484	Обкладка сосуда	П-08-ПДП-XII, погребение 7, уч. Б, пл. 18, кв. 52, № 17/8
3485	Обкладка сосуда	П-08-ПДП-XII, погребение 7, уч. Б, пл. 18, кв. 52, № 17/3
3486	Обкладка сосуда	П-08-ПДП-XII, погребение 7, уч. Б, пл. 18, кв. 52, № 17/6
3487	Обкладка сосуда	П-08-ПДП-XII, погребение 7, уч. Б, пл. 18, кв. 52, № 17/4
3488	Обкладка сосуда	П-08-ПДП-XII, погребение 7, уч. Б, пл. 18, кв. 52, № 17/1

* № находки — полевой.

Окончание табл. 2

	Ag	Cu	Sn	Zn	As	Pb	Bi	Au	Hg	Тип сплава
	95,99	3,49						0,55		Ag-Cu
	3,2	0,64						96,16		Au-Cu
	3,31	0,55						96,16		Au-Cu
	0,06	96,48	1,37		0,03	2,06				Cu-Sn-Pb
	0,06	85,94	0,17	8,3		5,62				Cu-Zn-Pb
	0,16	92,88	1,62	2,02	0,07	3,25				Cu-Zn-Sn-Pb
	0,08	95,46	0,45	2,07		1,94				Cu-Zn-Pb
	0,07	84,92	0,49	3,9	0,18	10,44				Cu-Zn-Pb
	0,1	91,7	1,08	2,92		4,19				Cu-Zn-Sn-Pb
	0,11	88,6	1,37	1,61		8,31				Cu-Zn-Sn-Pb
	0,08	94,77	0,5	2,25		2,4				Cu-Zn-Pb
	0,09	94,05	0,58	1,93		3,35				Cu-Zn-Pb
	0,08	91,22	1,65		0,07	6,97				Cu-Sn-Pb
	0,08	91,34	3,2	3,97		3,97				Cu-Zn-Sn-Pb
		87,3		1,14		9,22				Cu-Zn-Pb
	0,07	74,55	2,71	6,26	0,13	16,27				Cu-Zn-Sn-Pb
	0,05	92,29	0,29	2,57		4,1				Cu-Zn-Pb
	0,08	94,95	0,25	1,62	0,11	2,99				Cu-Zn-Pb
	0,04	88,86	1,41	4,02	0,17	5,5				Cu-Zn-Sn-Pb
		78,56	0,95	6,38	0,66	13,43				Cu-Zn-Pb
	83,43	0,19						13,46	2,91	Ag позолота
	99,71	0,29								Ag
	0,27	65,16	4,71	7,16	0,81	21,89				Cu-Zn-Sn-Pb
	91,84	1,54						5,31	0,76	Ag, позолота
	98,27	1,75								Ag
	92,4	5,44				0,44		1,72		Ag-Cu-Au
	97,91	1,07				0,51		0,5		Ag-Cu
	90,52	8,93						0,55		Ag-Cu
	94,31	3,56				0,7	1,08	0,36		Ag-Cu-Bi
	0,33	66,69	14,83	13,7	0,39	4,06				Cu-Sn-Zn-Pb
	71,97	2,32						25,71		Ag-Cu позолота
	92,58	4,71				2,29		0,42		Ag-Cu-Pb позолота
	94,11	2,9				2,03		0,96		Ag-Cu-Pb позолота
	92,1	5,9				1,49		0,52		Ag-Cu-Pb позолота
	93,28	4,61				1,72		0,3		Ag-Cu-Pb позолота

превращена в подвеску (Каргер, 1958, с. 206, табл. XXVI, *2а*; Кропоткин, 1962, с. 32, № 178). Другая позолоченая серебряная византийская монета-подвеска Василия II и Константина VIII (976–989) найдена в погребении, исследованном на рыночной площади Кракова (Salamon, 2009, p. 625–634). Автор последней публикации справедливо полагает, что монеты покрывали позолотой после приклепывания ушка для придания им сходства с золотом. В Византии золото — самый ценный металл и основа денежно-весовой системы. Выполняя репрезентативные и сакральные функции, золото было металлом престижа на территории Древней Руси и Скандинавии. Вывоз золота за пределы империи был строго ограничен, о чем свидетельствует II глава «Книги эпарха». Золотые византийские монеты встречаются на территории Руси X–XI вв. исключительно редко, особенно севернее Полоцка и Суздаля (Ениосова, 2007, с. 314). Номисма Константина VII и Романа II (945–959), превращенная в подвеску, найдена в Довмонтовом городе во время раскопок С. В. Белецкого (Гурулева, 2002, с. 34–36). Завершая список позолоченных монет-подвесок, следует упомянуть аббасидский дирхем (862 г.) из раскопок производственной зоны в пойменной части Гнёздовского селища. Он найден в верхнем пограничном горизонте 1, который нельзя считать непотревоженным. Любопытно, что по размерам эта монета редкого чекана похожа на золотой динар (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007, с. 66).

В металле 10 проб обнаружен висмут в концентрациях от 0,6 до 4,32 %. Этот элемент часто встречается в дирхемах (концентрация от 0,1 до 15 %), чеканенных на монетных дворах Средней Азии — в аш-Шаше и Самарканде, а также на территории Афганистана — Андарабе и Балхе. Висмут является диагностическим элементом для источников серебра на территории Карамазарской рудной области (Узбекистан, Таджикистан и Киргизия) и Пенджшира (Афганистан) в эпоху Саманидов (кон. IX — нач. XI в.). На протяжении нескольких десятилетий эти регионы обеспечивали серебром Восточную и Северную Европу (Янин, 2009, с. 140–149; Ениосова, Митоян, 2011, с. 91–92). Неудивительно, что висмут обнаружен в металле всех трех дирхемов из погребения 6 (табл. 2, *3451–3453*; рис. 10).

С достаточной степенью уверенности можно сказать, что предметы из погребения 1: крестик из листового металла, широкосрединный перстень с завязанными концами, обоймица, колечко-подвеска к овальной фибуле, выполнены из арабского серебра. К этой группе относятся также пуговки из погребения 6 и браслет из погребения 7 (табл. 2, *1831*, *1833*, *2744*, *2749*, *3448*, *3454*, *3455*, *3482*; рис. 11). Об этом свидетельствует содержащийся в их металле висмут.

В двух случаях в составе серебра зафиксирован цинк. Это оковка деревянной чаши из погребения 1 и одна из литых пуговиц погребения 6 (табл. 2, *1828*, *3448*; рис. 12).

В арабском серебре примесь цинка не превышает тысячных или в редких случаях сотых долей процента (Ilisch, Lorenz, Stern, 2003, S. 31–39). Присутствие цинка в целых и даже десятых долях процента всегда указывает на разбавление серебра медным сплавом, содержащим цинк. В псковской выборе цинк обнаружен в металле оковки деревянного сосуда и массивной литой пуговки, аналогии которой можно обнаружить в материалах салтово-маяцкой и роменской культур (Плетнева, 1989, с. 107, рис. 56, *1*; Григорьев, 2005, с. 101, рис. 42, *11*, *18*). В IX–X столетиях цинк присутствует в серебре двух удаленных друг от друга регионов. Судя по опубликованным

Рис. 10. Дирхемы из камерного погребения 6 с высоким содержанием висмута в серебре

Рис. 11. Украшения с высоким содержанием висмута в серебре (3482 — погребение 7; 1833, 1831 — погребение 1; 3448 — погребение 6)

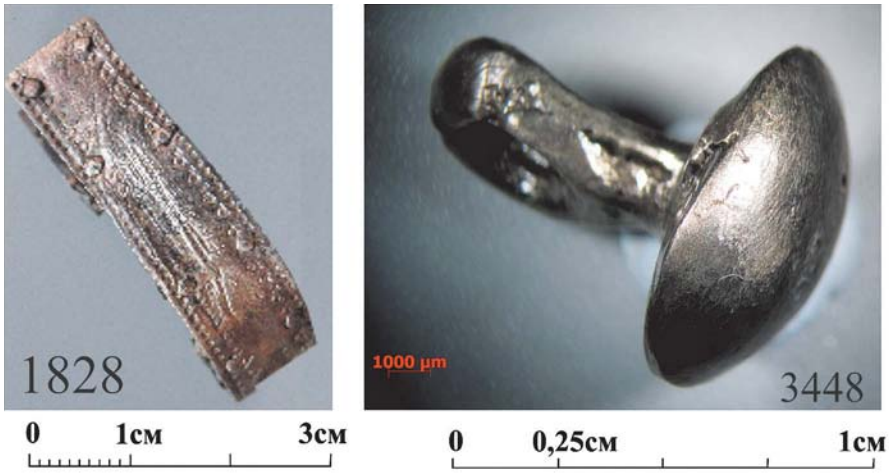


Рис. 12. Находки с повышенным содержанием цинка в серебре (1828 — погребение 1; 3448 — погребение 6)

данным, для изготовления украшений серебро разбавляли латунными сплавами на территории Волжской Болгарии и Хазарского каганата (Валиулина, Храмченкова, 2001, с. 273–274, табл. 1; Сапрыкина, Митоян, Никитина и др., 2010, с. 319–320). Из серебра, легированного медью с цинком, чеканили в X столетии англо-саксонские монеты (Metcalf, Northover, 1986, p. 35–63). Как полагают, в Скандинавии вещи, изготовленные из англо-саксонских монет, появляются в последней четверти X столетия. Слитки, гривны и браслеты из серебра с примесью цинка обнаружены в Бирке, на Готланде и в кладах Южной Швеции. Из 180 исследованных серебряных украшений гнёздовских кладов только 6 проб содержали цинк — это скандинавские изделия и поясная накладка салтовского происхождения (Arrhenius, Linder Welin, Tapper, 1972–1973, s. 151–160; Hårdh, 1976, S. 110–112, 115–119; Eniosova, 2012, c. 271–273). Состав металла пуговки из камеры 6 является прекрасным свидетельством смешения серебряного лома из различных источников, так как помимо цинка содержит почти 2 % висмута: для отливки этого предмета использовали арабское серебро, смешанное с многокомпонентным сплавом на основе меди (Cu-Sn-Zn-Pb).

Разнообразие серебряных сплавов отражает различное происхождение сырьевого металла, использованного для производства серебряных украшений, и особенности технологии их производства (рис. 13).

Известно, что в середине X в. происходит ухудшение качества серебра из Средней Азии и других стран мусульманского Востока: содержание меди достигает 5–8 %, а к концу столетия оно стремительно увеличивается до 35–40 %, что привело к масштабному кризису и прекращению поступления восточного металла на территорию Восточной и Северной Европы (Давидович, 1966, с. 115–118; Cowell, 1991, p. 277; Noonan, 2000, p. 4–7; Steuer, Stern, Goldenberg, 2002, S. 152–153; Abb. 12).

Анализ металла псковских погребений не показывает падения пробы серебра, характерного для арабских монет этого времени. Высокопробное серебро доминирует в выборке, зафиксировано всего пять проб с содержанием серебра

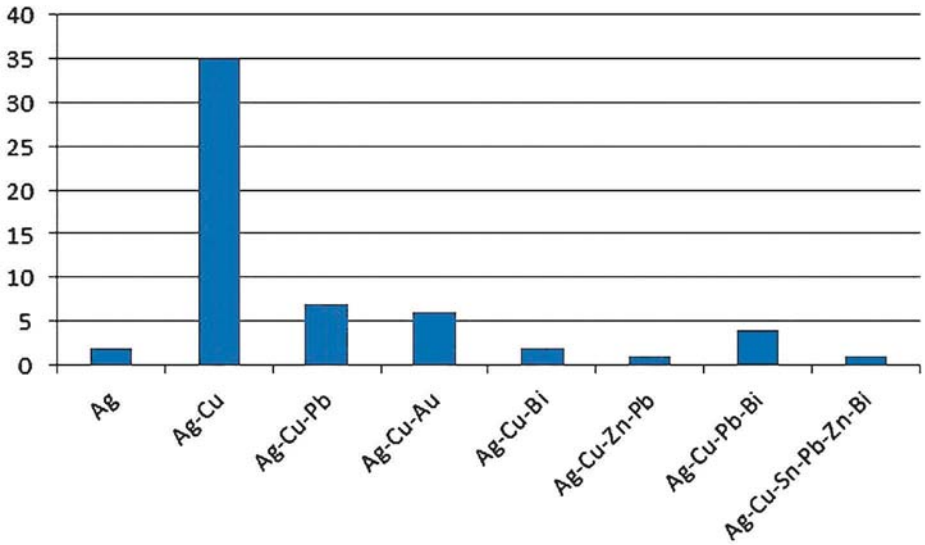


Рис. 13. Гистограмма, отражающая элементный состав исследованных образцов из серебра

ниже 90% (рис. 5). В эту группу входят дирхем-подвеска из погребения 6; накладная декоративная шишка овальной фибулы из погребения 3 и три литые пуговки из камеры 6, для производства которых использовали серебро, разбавленное медью и многокомпонентным сплавом (табл. 2, пробы *2803*, *3448*, *3452*, *3454*, *3455*).

Очевидно, что в ювелирных мастерских монетное серебро подвергали купеляции — очистке от меди, свинца и других примесей, так как для изготовления престижных изделий в сложных техниках, таких как скань и зернь, требовался высокопробный металл (Бреполь, 2000, с. 44–50).

Если сравнивать данные псковской выборки с имеющимися сведениями о составе немонетного серебра IX — нач. XI столетия, можно отметить, что на территории Хазарского каганата, Волжской Болгарии, Среднего Поволжья (древнемордовские и древнемарийские могильники), Венгрии и Южной Руси чаще встречаются изделия, выполненные из металла невысокой пробы — ниже 80% (Енисова, Сарачева, 2004, с. 29–32; Сапрыкина, Митоян, Никитина и др., 2010, с. 320–321, 324). Результаты исследования состава металла украшений из семи гнёздовских кладов показывают, что в большинстве случаев они изготовлены из очень чистого серебра, его концентрация в пробах превышает 90% (Енисова, Митоян, 2011, с. 95). Такая же картина характерна для кладов Южной Швеции (Hårdh, 1976, S. 114–115). Несмотря на ограниченное число памятников, материал которых подвергся анализу, можно предположить, что высокая проба серебра, зафиксированная для подавляющего большинства изделий из камерных погребений Пскова, кладов Гнёздова и Скандинавии, отражает его реальную и символическую ценность. Она свидетельствует, вероятно, и о контроле, которому подвергался драгоценный металл, принадлежащий представителям скандинавской элиты в Северной Европе и на территории Древней Руси при жизни и помещаемый в могилы после смерти. В этой связи уместно упомянуть отрывок из свода королевских саг 1-й пол. XIII столетия «Круг земной». В нем говориться о награде — массивной булавке, скрепляющей плащ на плече, — исландцы подарили ее придворному поэту норвежского короля Хакона Доброго в 1-й пол. X в. Они собрали с каждого жителя острова по три серебряных пенни, но для изготовления украшения монетный металл был предварительно очищен от примесей: не только вес, но и проба металла определяла высокий статус дара (Graham-Campbell, 2007, p. 216).

Рис. 14. Золотые колечки-подвески с напускными стеклянными бусинами из Пскова (1) и Гнездова (2)

Процесс очистки серебра был хорошо знаком скандинавским ювелирам: блюдца-купели найдены при раскопах ювелирных мастерских VII–XI вв. на территории материковой Швеции (Хельгё, Бирка, Сигтуна) и Готланда (Фрёйель), Дании (Фюркат, Виборг), Норвегии (Каупанг),

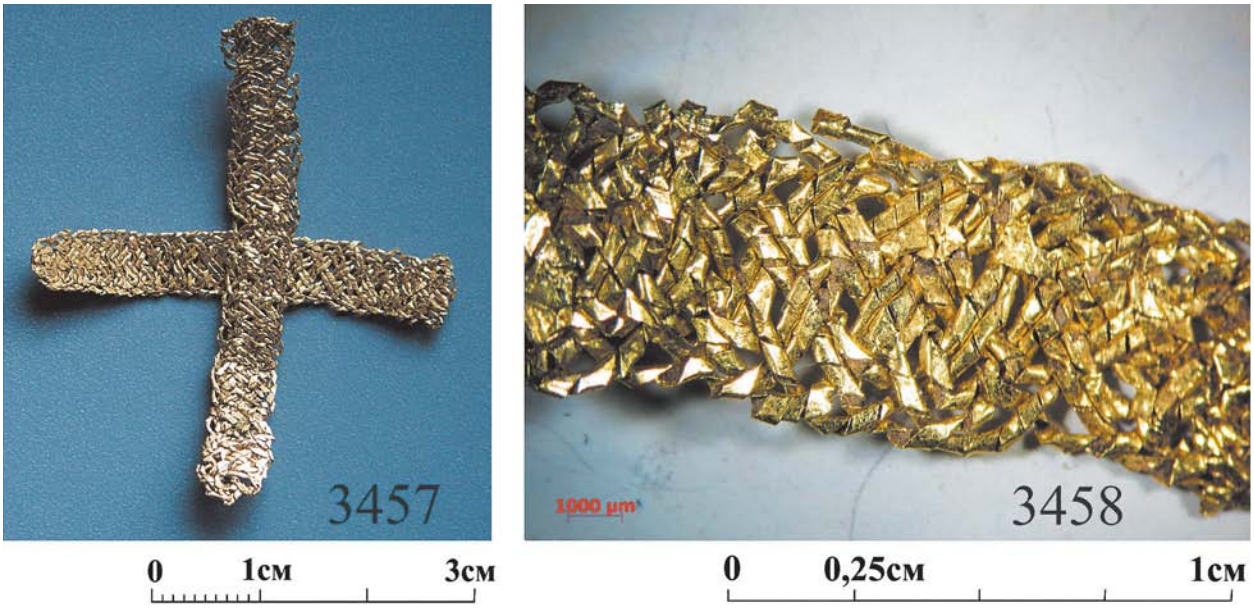


Рис. 15. Нашивной равноконечный крест из золотной нити из погребения 8

Британских островов (Йорк) и Ирландии (Дублин) (Söderberg, 2011, p. 13–14). Самые ранние находки на территории Древней Руси происходят из Гнёздова и Новгорода (Eniosova & Mitoyan, 2005, p. 328).

В камерных погребениях 1 и 8 встречены украшения из золота. Подвеска-колечко с завязанными концами и напускной бусиной (погребение 1) сделано из отрезка волоченой высокопробной проволоки, содержание золота в которой превышает 95 % (табл. 2, *1565*; рис. 14). Форма узла, скрепляющего концы колечка, характерна для украшений Скандинавии (Stenberger, 1958, S. 271; Hårdh, 1976, S. 48, abb. 2). В погребениях на территории Северной Европы проволочные колечки с напускными бусинами, как правило, подвешивались к шейному украшению. Так, в погребении Туна (Tuna, Alsike), обнаруженном в шведской провинции Упланд, ожерелье из сердолика и горного хрусталя было дополнено 12 проволочными колечками с каменными и стеклянными бусинами (Stenberger, 1977, S. 425, abb. 281). Аналогичные украшения из гладкой и рубчатой проволоки найдены в 4 погребениях Киевского некрополя в области черепа, на пальцах рук и в составе ожерелья. На трех из восьми колечек этого типа были помещены стеклянные и каменные бусины[1]. Две золотые и пять серебряных подвесок обнаружены в гнёздовских погребениях, на городище и селище[2].

Из очень чистого металла выполнен нашивной равноконечный крест из погребения 8. Его лопасти сплетены из золотной нити, состоящей из органической основы и накрученных на нее полосок золотой фольги (табл. 2, *3457*, *3458*; рис. 15).

Нашивной равноконечный крест, сплетенный из серебряных нитей, найден в погребении епископа Сигтуны, датированном серединой XII в. Судя по его расположению на костяке, крест размещался в области ключицы, украшая омофор (Holmquist Olausson, 2003, p. 79–98, fig. 2, 3). Более ранние равноконечные нашивные кресты из золотных нитей, украшавшие одежду, обнаружены в погребениях Бирки, датируемых X в. (Gejer, 1938, S. 76–90). В отличие от псковского креста они получены из тонкой волоченой проволоки равномерного круглого сечения.

Золотные нити и позументы, встречающиеся в погребениях и культурном слое, свидетельствуют о присутствии несохранившегося дорогого текстиля. Согласно публикации К. А. Михайлова, ранние образцы золотных нитей обнаружены помимо Пскова в Гнёздове, Киеве, Черной Могиле, шести богатых курганах Шестовицкого

[1] Золотые колечки с напускными бусинами и без них найдены в камерных женских погребениях 123–125 (Каргер, 1958, с. 208–209, табл. XXVII–XXIX). Из последних находок (1999 г.) — богатое женское камерное погребение 49 на территории Михайловского Златоверхого монастыря (Ивакин, 2005, с. 289, рис. 7, *3*).

[2] Золотые подвески происходят из кургана Поль-76, Гн-80 (гладкая проволока, синяя бусина) и раскопа ВС-10-Б, Гн-98 в восточной части селища (рубчатая проволока, бусина белого прозрачного стекла).

некрополя и пяти погребениях могильника Тимерево. Пряденые золотные нити найдены также в культурных напластованиях Старой Ладоги и Рюрикова Городища 2-й пол. X в. Расшитая золотными нитями тесьма и позументы из золотой и серебряной проволоки украшали головные уборы, обрамляли края парадной верхней одежды — туники, рубахи, кафтана, плаща или фартука (Михайлов, 2010а, с. 267–272). Близкие параллели золотным нитям и позументам раннегородских центров Древней Руси происходят из богатых погребений Бирки (329, 520, 561 и 944) и других аристократических захоронений Швеции, Норвегии и Дании (Михайлов К. А., 2010а, с. 274–275). Несмотря на то что образцы шелка и золотного шитья известны в Скандинавии с середины VI в., пик их распространения относится ко 2-й пол. X в. Исследователи связывают этот факт с начальным этапом распространения христианства среди высшего слоя аристократии. Поступление драгоценной одежды на территорию Северной Европы было связано как с дипломатической и торговой активностью русов в Константинополе, так и тесными контактами с империей Оттонов (Hägg, 1991, s. 155–162; Krag, 1999, S. 425–444). Это заключение верно и для древнерусских материалов, в том числе шелка, позументов и золотных нитей из Пскова.

В отличие от серебра изделия из золота редко встречаются как в Скандинавии, так и в странах Западной и Восточной Европы, где ощущалось значительное северное влияние. На территории Древней Руси в X–XI вв. находки из золота, включая монеты, севернее Полоцка и Суздаля единичны (Енисова, 2007, с. 314). Золотая византийская монета, превращенная в подвеску, найдена в Пскове: Константин VII и Роман II, 945–959 (Гурулева, 2002, с. 34–36).[1] Изделия из самого престижного металла свидетельствуют о необычайно высоком социальном статусе людей, погребенных в этой части Псковского некрополя.

О химическом составе золота эпохи викингов мы можем судить на основе исследования 75 образцов (табл. 3). В их число входят украшения и сырьевые продукты из Хедебю, все предметы из клада Хидензее, одиночные предметы из некоторых памятников Швеции и Дании, а также немногочисленные находки из Чернигова, Суздаля, Гнёздова, Пскова и Брянска (Oddy, Meyer, 1986, p. 172, tabl. 11; Pernicka, 2002, p. 199–200; Armbruster, Eilbracht, 2006, p. 36; Eniosova, 2009, p. 375–383).

[1] Найдена в Довмонтовом городе во время раскопок С. В. Белецкого. Вес — 4,11 г., Au — 85 %, Ag — 13 %.

Таблица 3. Содержание золота в металле находок эпохи викингов из России (Гнёздово, Псков, Брянск, Чернигов, Суздаль); Швеции, Великобритании и Северной Германии (Хедебю и Хидензее)

Содержание золота (%)	Украшения	Ювелирный лом	Слитки
99–100	–	2	3
91–98	16	18	6
80–90	6	7	1
54–79	9	7	–

Содержание золота в выборке варьирует от 54 до 99 %, однако в целом для периода викингов более характерна высокая проба металла (Au > 90 %), чем для предшествующих эпох Великого переселения народов и Венделя (сплавы содержат 45–75 % золота) (Oddy, Meyer, 1986, p. 157). Золото обычно разбавляли серебром или медью для придания ему твердости. С помощью добавок этих металлов можно было изменять цвет золота от красного до желтовато-зеленого, однако свидетельств о последовательном снижении пробы драгоценного металла в эпоху викингов нет. Степень разбавления зависела от доступности металла в определенных регионах, а также от личной честности мастера или финансовых возможностей заказчика (Ogden, 1994, p. 161). О возможности контролировать качество золота свидетельствуют находки пробирных камней из Бирки, Хедебю и Винчестера (Moore, Oddy, 1985, p. 59–80; Armbruster, 2002, S. 179; abb. 41, *2*).

Медь и сплавы на медной основе

47 проб относятся к меди и медным сплавам (рис. 4). Из чистого металла — меди выполнено два предмета: обоймица из камеры 1 и колечко из поясного набора камеры 6 (табл. 2, *2742*, *3449*; рис. 16). Из оловянно-свинцовой бронзы сделаны детали поясного набора из камеры 5 (табл. 2, *3459*, *3468*; рис. 16).

В выборке преобладают латуни, представленные бинарными (Cu-Zn), свинцовыми (Cu-Zn-Pb), оловянными (Cu-Zn-Sn) и многокомпонентными сплавами (Cu-Zn-Sn-Pb) — всего 39 проб. Бинарные латуни с содержанием цинка от 1,38 до 18,42 % послужили материалом для изготовления сосуда — чаши, овальной фибулы и чашечки весов из погребения 1 (табл. 2, *1566*, *1567*, *2746–2748*, *2750*, *2752*, *2809*, *2810*; рис. 17).

Свинцовую латунь использовали для производства оболочки железной гирьки, нижней

Рис. 16. Изделия из «чистой» меди и свинцово-оловянной бронзы (Cu-Sn-Pb) (2742 — погребение 4; 3459, 3468 — погребение 1)

Рис. 17. Изделия из бинарной латуни (Cu-Zn)

Рис. 18. Изделия из свинцовой латуни (Cu-Zn-Pb) (погребение 5)

скорлупки овальной фибулы (погребение 1), рукояти прикамского кресала (погребение 2), чашки весов, колец и накладок из поясного набора, обнаруженных в камере 5 (табл. 2, *2757*, *2758*, *2760*, *3460*, *3462*, *3463*, *3466*, *3467*, *3470*, *3472*, *3473*, *3475*; рис. 18).

Из оловянной латуни сделана чашечка весов из погребения 1 (табл. 2, *2739*; рис. 19).

Большая группа изделий получена из многокомпонентной латуни. В нее входят тисненая пластина — накладка на ларец (табл. 2, *2759*; погребение 2), поясные кольца и накладки из погребения 5 (табл. 2, *3461*, *3464*, *3465*, *3469*, *3471*, *3474*), браслет из камерного погребения 7 (табл. 2, *3477*) (рис. 20).

Анализ выборки показывает, что различные типы латуней были основным материалом для изготовления таких категорий изделий, как сосуды, приспособления для взвешивания, овальные фибулы, детали ременной гарнитуры. Эти данные прекрасно вписываются в картину распространения медно-цинковых сплавов на территории Восточной и Северной Европы X–XI столетий. Так, например, все исследованные коромысла, чашки весов и гирьки этого периода сделаны из латуни. Помимо псковских экземпляров в этот список

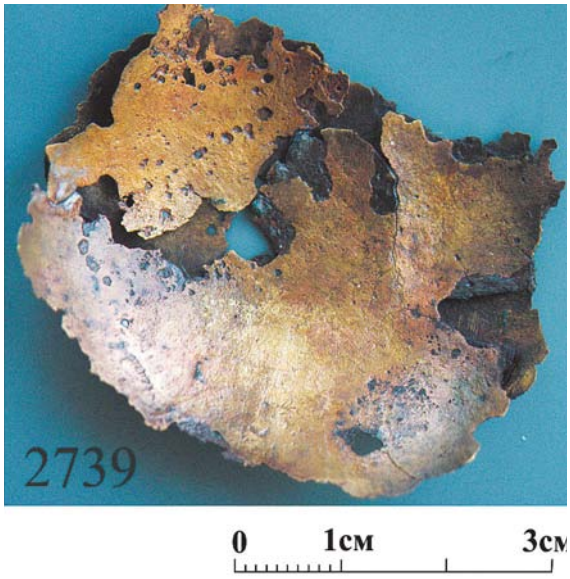


Рис. 19. Чашечка весов из оловянной латуни (Cu-Zn-Sn) (погребение 1)

вошли 17 находок из Новгорода, 12 из Гнёздова и единичные изделия из Владимирских курганов, Белоозера и Болгара (Коновалов , Ениосова, Митоян и др., 2008, с. 43; Базоян, А2008, с. 71–85).

Тонкие и легкие чашки весов ранних экземпляров произведены на токарном станке — латунь является прекрасным материалом для обработки металла резанием.

Интересно сравнить также и металл, служивший для отливки псковских овальных фибул, с образцами из Скандинавии и Восточной Европы (рис. 21).

Для изготовления двух пар псковских фибул (погребения 1 и 3) использовали бинарную и свинцовую латунь, а также свинцовую бронзу. Судя по имеющимся данным, большинство восточноевропейских экземпляров произведено из свинцовой латуни. Такой сплав присутствует и в скандинавской выборке. Если сравнивать концентрацию цинка в известных образцах, нельзя не отметить, что в гнёздовских и псковских экземплярах она существенно ниже (1–10 %), чем в металле фибул из Скандинавии, Старой Ладоги и Рюрикова городища (10–30 %). Вероятно, для производства украшений из Гнёздова и Пскова использовали многократно переплавленную латунь, утратившую летучий цинк. У ювелиров, отливших экземпляры из Скандинавии, Старой Ладоги и Рюрикова городи-

Рис. 20. Изделия из многокомпонентной латуни (Cu-Zn-Sn-Pb) (2759 — погребение 2; 3477 — погребение 7; 3469 — погребение 5)

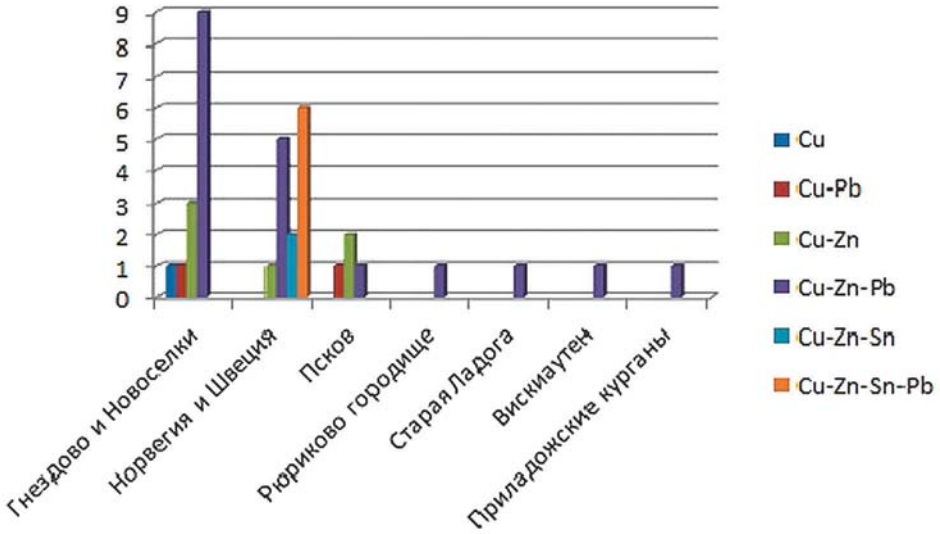


Рис. 21. Наборы сплавов для изготовления овальных фибул из Скандинавии и Восточной Европы

ща, был доступ к «свежему» металлу с высоким содержанием цинка. Второе отличие связано с использованием оловянных латуней для производства этих украшений в Скандинавии. Кроме того, в скандинавской выборке отсутствуют фибулы, изготовленные из чистой меди и свинцовой бронзы; в Гнёздове и Пскове такие случаи зафиксированы. Несмотря на ограниченное число анализов овальных фибул, полученные данные позволяют предположить, что псковские экземпляры сделаны скорее не в Скандинавии, а на территории Древней Руси, где как минимум в двух пунктах — Старой Ладоге и Гнёздове обнаружены свидетельства производства овальных фибул (Давидан, 1980, с. 63–68; Ениосова, 2001, с. 83–92).

Исследование 16 деталей поясного набора из камеры 5 (12 ременных накладок и 4 кольца) показывает, что для их изготовления использовали 3 вида сплавов — оловянно-свинцовую бронзу, свинцовую латунь и многокомпонентный сплав с преобладанием цинка (рис. 22). Содержание цинка в пробах варьирует от 1,14 до 6,26 %; олова — от 1,07 до 3,2, свинца — от 1,94 до 16,27 %. Однако даже в тех случаях, когда совпадает состав легирующих компонентов, по содержанию элементов-примесей (серебро и мышьяк) мы можем судить, что практически все поясные аксессуары сделаны из разных порций металла (табл. 2, *3461–3475*).

Можно предположить, что накладки, произведенные в различных мастерских, могли крепиться на один пояс. Нельзя исключить также, что поврежденные или утраченные аксессуары копировали в том месте, где оказался владелец пояса. Кроме того, при создании декора одного пояса мастер готовил сплав несколько раз, используя при этом металл из различных источников.

В наборе из камеры 5 представлены три варианта однотипных поясных накладок, аналогии которым широко известны на территории Волжской Болгарии (Измерское селище), могильников Среднего Поволжья (Крюково-Кужновский, Дубовский, Нижняя Стрелка) и Древней Руси (Гнёздово, Владимирские курганы, Минино и другие памятники). Полагают, что Волжская Болгария была одним из центров производства ременной гарнитуры во 2-й пол. X — нач. XI столетия (Казаков, 1991, с. 159–161). Сравнение металла псковских ременных украшений с образцами из Волжской Болгарии показывает, что бóльшая часть накладок с ее территории отлита из свинцово-оловянных бронз и многокомпонентных сплавов, но по концентрации легирующих примесей они существенно отличаются от экземпляров из погребения 5. Процентное содержание олова, цинка и свинца в болгарских образцах значительно выше, чем в псковских (Зайцева, 2010, с. 120–133). Поясные накладки могильников Среднего Поволжья изготовлены преимущественно из оловянных и высокооловянных бронз со средним и высоким содержанием олова (Сапрыкина, Митоян, Никитина и др., 2010, с. 321).

Еще один центр производства ременной гарнитуры волжско-болгарского круга — мастерская в пойменной части Гнёздовского селища (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007, с. 65–67). Как показало исследование химического состава металла гнёздовской ременной гарнитуры (111 образцов), основным материалом для изготовления

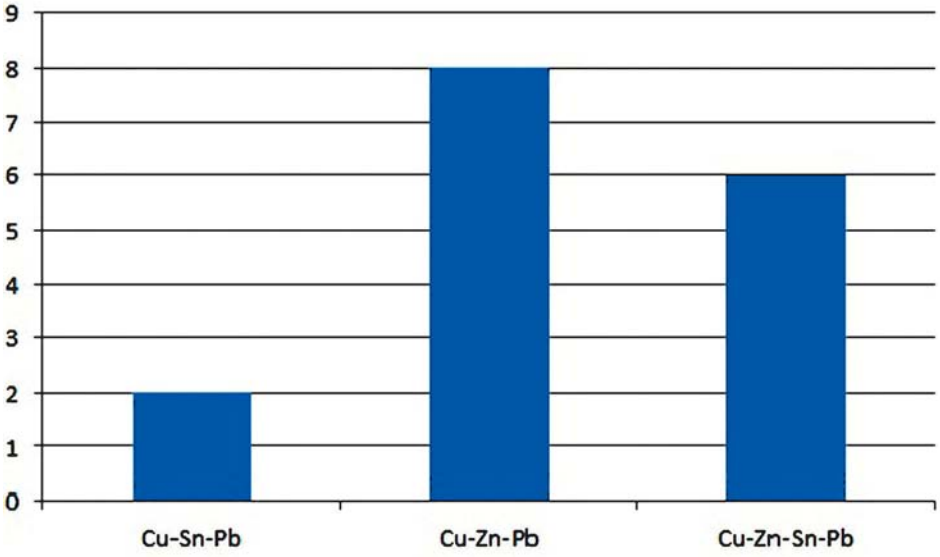


Рис. 22. Типы сплавов наременных украшений из камеры 5

поясных накладок была нелегированная медь, однако значительную долю выборки составляют свинцовые и многокомпонентные латуни, а также оловянно-свинцовые бронзы. Концентрация легирующих примесей (менее 10 %) сближает их с псковскими образцами (Eniosova, Murashova, 1999, p. 1099). Вероятно, для мастеров, отливавших детали ременной гарнитуры из Пскова и Гнёздова, рецептура сплава не имела значения: для изготовления тонких накладок невысокого качества с нечетким орнаментом и низким рельефом подходил любой медный сплав, оказавшийся под рукой.

Техника изготовления

В камерных погребениях, обнаруженных в Пскове в 2003–2008 гг., найдены украшения, близкие параллели которым происходят из Скандинавии и Древней Руси, включая территории Северо-Запада и Северо-Востока, Верхнего и Среднего Поднепровья. Небольшая группа изделий находит параллели в Волжской Болгарии и Прикамье, а также в кочевнических древностях Юга Восточной Европы. Изучение морфологии, технологии и химического состава металла этих предметов дает возможность отнести бóльшую часть находок к различным производственным традициям. Однако среди погребального инвентаря представлены и «этнически нейтральные» типы вещей, получившие распространение на огромной территории: проволочные браслеты и височное кольцо, широкосрединный перстень, дротовая гривна и монеты, превращенные в подвески.

Скандинавская производственная традиция объединяет такие категории изделий, как фибулы: круглая, овальные и подковообразные проволочные; подвески-крестики и личины; проволочная подвеска с напускной бусиной; сканно-зерненая бусина со спиральным орнаментом; оковка рога; приспособления для взвешивания; массивная чаша и тисненая накладка на ларец. Среди них есть украшения, выполненные в различных техниках.

Две пары литых овальных фибул относятся к типу 52 по классификации Я. Петерсена (Petersen, 1928, s. 67–68). Это двухскорлупные украшения с центральной «короной», которая с помощью штифта крепится к ажурной верхней половине (рис. 23, *1, 2*).

Вокруг нее расположены 4 скульптурные фигурки животных с запрокинутой головой, отлитые вместе с верхней скорлупкой. Полагают, что существо с передними и задними лапами, ромбическим туловищем, состоящим из двух широких долек с поперечными полосками и спиралями, и головой на длинной шее является изображением лошади или птицы (Jansson, 1985, s. 84–86). На всех псковских экземплярах орнамент хорошо проработан, все его детали отчетливы, несмотря на воздействие коррозии (рис. 24).

Фигурки животных расположены в центральных точках обрамления, организующего членение верхней скорлупки на несколько полей, украшенных в зверином стиле, — центральное (1), боковые (2), угловые (2) и торцевые (2). На полосах обрамления размещались накладные шишки на штифтах, состоящие из серебряной оболочки, заполненной легкоплавким металлом (рис. 25). Нижняя половина фибулы гладкая с бортиком, разделенным на 6 частей, соответствующих полям верхней скорлупки.

Кроме накладных шишек створки фибул скрепляли 8 заклепок — шпеньков с расклепан-

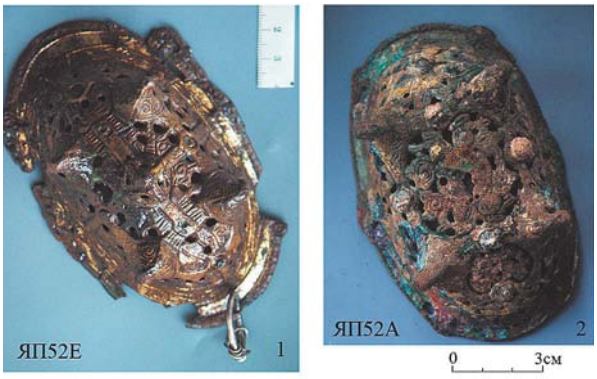


Рис. 23. Овальные фибулы из погребений 1 (1) и 3 (2)

Рис. 24. Скульптурные головки животных и центральная накладная шишка на верхней скорлупке из камеры 1

ными концами, расположенных в бордюрной части украшения (рис. 26).

В бордюрной части нижних створок всех фибул сохранились два ряда петель, через которые пропускали серебряную проволоку. Однако у пары украшений из камеры 1 — это рудименты в виде выступов без отверстий, результат копирования более качественного образца. Не случайно рядом с нижними петлями проделаны отверстия для проволоки. На фибулах из камеры 3 — это функциональные детали с отверстиями. Однако в обоих случаях проволока не сохранилась или отсутствовала изначально (рис. 27).

Считается, что орнамент фибул ЯП52/55 является последней стадией развития стиля Усеберг, возникшего в скандинавском прикладном искусстве IX в. Следы пышного, «барочного» стиля сохранились в оформлении центральной короны и выпуклых фигурках животных. Переплетающиеся мотивы из двух лент, тройных спиралей и парных животных также несут черты этой орнаментальной традиции (Jansson, 1985, s. 196). И. Янссон полагает, что этот стиль на позднем этапе имел много общих черт с прикладным искусством Готланда. Однако готландские украшения всегда сделаны более качественно, чем фибулы из Бирки и других регионов.

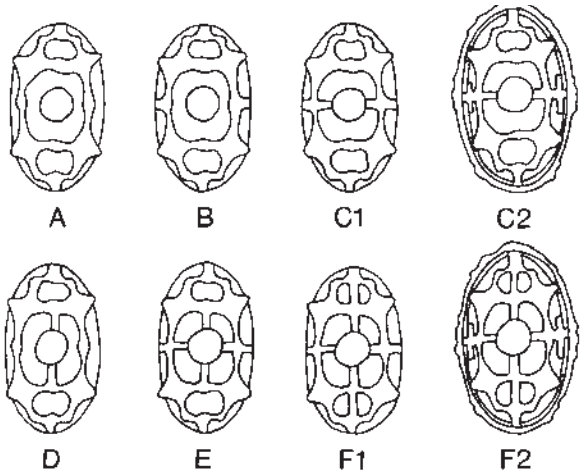


Рис. 25. Схема членения верхних скорлупок овальных фибул на поля (по: Jansson, 1984a, S. 54, Abb. 7:3)

Несмотря на сходство в конструкции и орнаменте, фибулы из погребений 1 и 3 принадлежат к разным вариантам типа ЯП52: А и Е. Об этом свидетельствуют различия в организации полей верхней ажурной скорлупки. У экземпляров из погребения 1 мы видим больше поперечных

Рис. 26. Шпеньки, скрепляющие скорлупки фибулы из камеры 1 (лицевая поверхность и оборот)

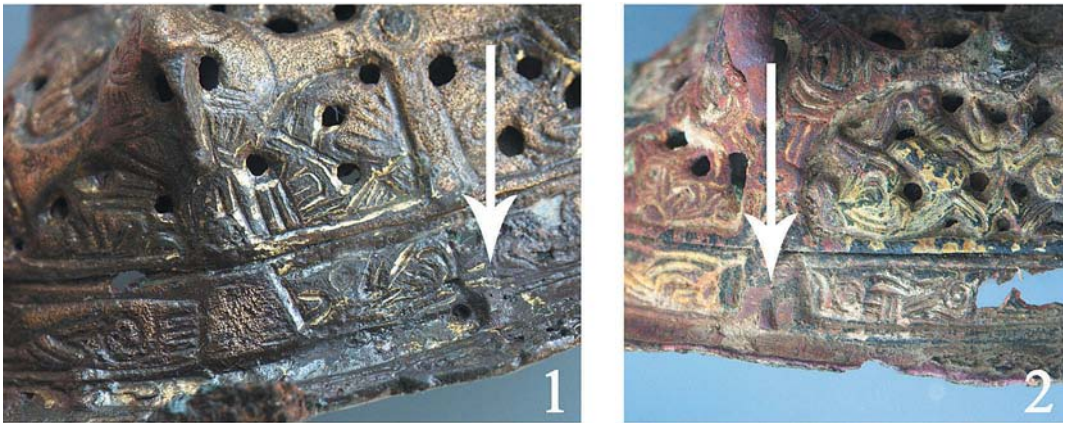


Рис. 27. 1 — фибула из камеры 1; 2 — фибула из камеры 3

членений. Декор украшений из погребения 3 более отчетлив из-за проработки мелких деталей. У другой пары фибул орнамент трансформировался в более или менее организованные абстрактные поперечные полоски (рис. 28, *1*, *2*).

Овальные фибулы в целом отражают феномен массового производства украшений в эпоху викингов. Он связан с копированием восковых или твердых моделей в пластичные глиняные разъемные формы. Во многих случаях отливка изделий происходила без применения промежуточных форм и моделей, что подтверждается корреляцией между размерами фибул и качеством их орнамента. На примере больших серий однотипных украшений установлено, что копирование из-за усадки глины при сушке и металла при застывании приводило к последовательному уменьшению размеров последующих отливок и ухудшало их качество (Thunmark-Nylén, 1983, s. 36–100; Jansson, 1985, s. 11–92).

Для механического копирования овальных фибул посредством оттиска в глину в качестве твердой, постоянной модели чаще всего использовали находящиеся в употреблении украшения (Jansson, 1985, s. 90–91). В отличие от других массовых типов эпохи викингов фибулы ЯП52 значительно сложнее производить с помощью отпечатка готовой вещи в глиняной форме. Из-за объемных фигурок животных форму для ажурной верхней скорлупки нужно делить в поперечно-продольных направлениях как минимум на три и даже на четыре части (Минасян, 2010, с. 259–260).

Примечательно, что на обороте нижней створки обеих фибул из погребения 1 есть отпечатки тонкой шерстяной ткани с саржевым переплетением нитей на (рис. 29).

Принято считать, что ткань использовали при изготовлении фибул посредством оттиска готового украшения с иглой, держателем и приемником на обороте. В этом случае легче было извлечь модель после получения отпечатка в верхней створке формы и просушки. Вместо копируемого образца в полость помещали пластичную ткань, пропитанную теплым воском. Воск позволял уложить материю ровно,

Камера 1 Камера 3

Рис. 28. Различия в декоре боковых полей двух вариантов типа ЯП52

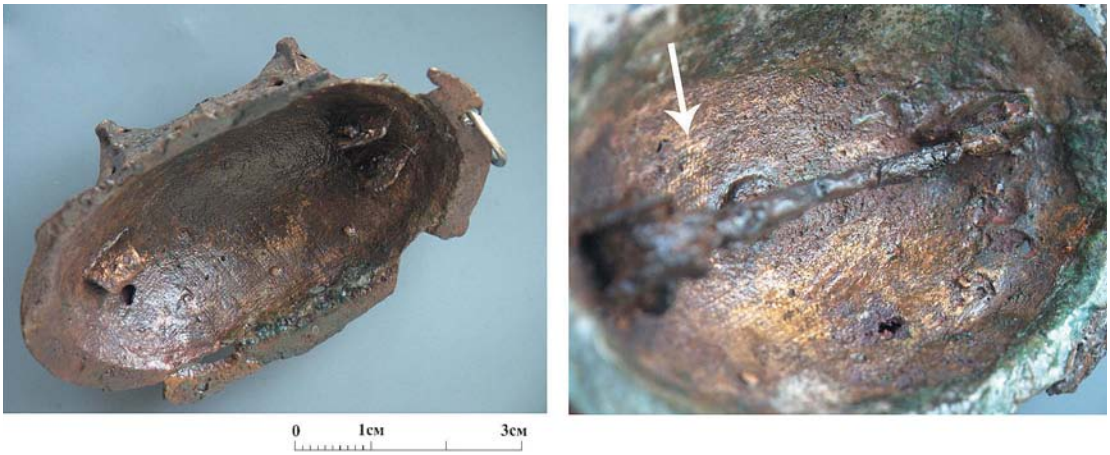


Рис. 29. Отпечатки ткани на обороте нижних створок фибул из камеры 1

без складок и морщин. Текстиль отпечатывался на мокрой пластичной глине нижней створки в процессе ее формовки. После просушки обеих полостей разделительную мембрану извлекали. Таким образом, ткань служила для точного совмещения створок формы и задавала толщину изделия (Zachrisson, 1960, s. 227–229; Malmius, 1996, p. 79–80). В Бирке из 35 сохранившихся фибул ЯП52 11 имели отпечатки шерстяной ткани саржевого переплетения, текстиль использовали и для изготовления гнёздовских овальных фибул (Jansson, 1985, s. 117; Ениосова, 2001, с. 85).

Несмотря на возможность копирования в многочастной форме, многие экземпляры хорошего качества выполнены литьем по выплавляемой восковой модели. Тонкая проработка деталей орнамента свидетельствует, что мастер часто резал модель от руки или подправлял литые восковые копии. Не случайно овальные фибулы ЯП52 принято относить к самым роскошным и престижным украшениям поздней эпохи викингов. Ян Петерсен считал, что этот тип украшений носили женщины более высокого статуса, чем обладательницы застежек ЯП51.

Для многих типов скандинавских овальных фибул характерна позолота, которая покрывала лицевую поверхность обеих скорлупок. Иногда золочение сочеталось с накладными украшениями из серебра — проволокой и накладными шишками (рис. 30).

Позолота и другие украшения покрывали поверхность фибул самого разного качества, но наиболее частое употребление этих приемов характерно для овальных фибул типов ЯП51С и ЯП52, часто присутствующих в богатых погребениях Бирки, Гнёздова, Киева и других памятников. Фибулы с позолотой обнаружены в Гнёздово в трех камерных погребениях (7 экз.) и богатом сожжении (Лб-1). Четыре экземпляра из Пскова также позолочены. Исследован состав металла обломка бортика нижней скорлупки из погребения 3. Анализ показал высокое содержание золота (67 %), меди (20 %) и ртути (10 %). Ощутимая концентрация последнего элемента свидетельствует о ртутном золочении овальных фибул. Амальгама состояла из золота, меди, серебра и ртути. Схожие результаты получили при исследовании золоченых овальных фибул из Бирки (Jansson, 1985, s. 83). Исследована также фольга — оболочка накладной свинцовой шишки с другой фибулы этого же погребения. Она сделана из серебра, содержащего 12 % меди. Таким образом, по технике исполнения и набору декоративных приемов псковские фибулы не отличаются от аналогичных скандинавских.

Результаты РФА показывают также, что пары практически идентичных фибул из одного погребения отлиты из разных сплавов. Так, в погребении 1 верхняя и нижняя скорлупки одной фибулы выполнены из чистой двойной латуни с содержанием цинка ниже 10 %. Второй экземпляр также сделан из латуни, но содержит микропримеси олова, серебра и золота. Другая пара из погребения 3 отлита из различных сплавов: одна — из свинцовой латуни с относительно высоким содержанием цинка (15 %), другая — из сплава меди со свинцом. Зафиксированные разброс в концентрации легирующих

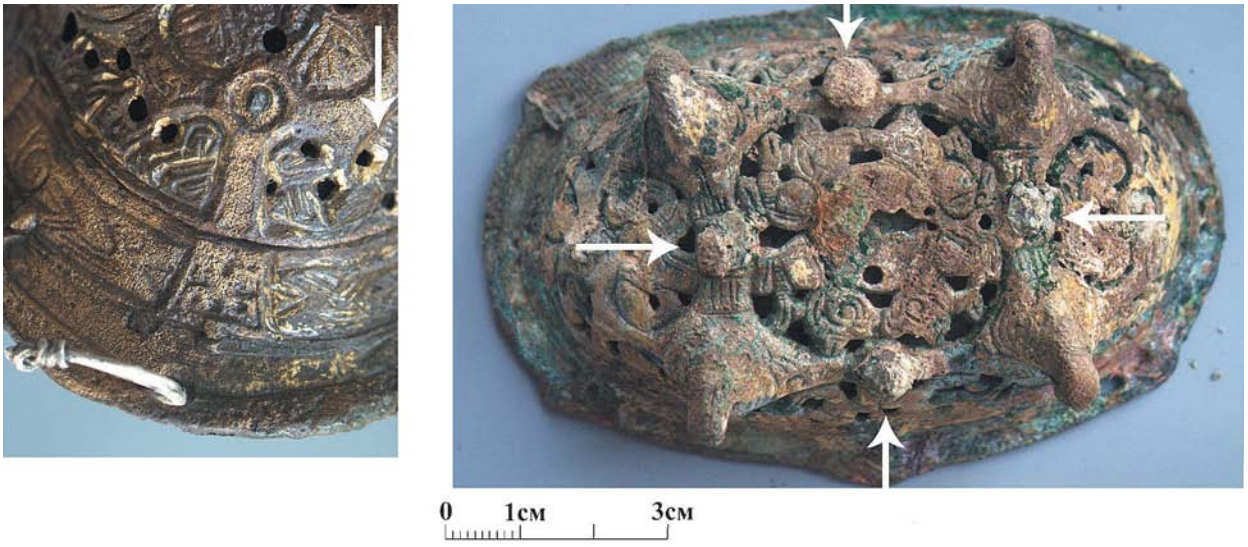


Рис. 30. Позолота на верхней скорлупке фибулы из погребения 1 и накладные шишки из серебряной фольги, заполненные свинцом на фибуле из погребения 3. Гладкая круглая площадка в центре фронтального медальона и дырочки для крепления указывают на центральную несохранившуюся шишку

компонентов и микропримесь мышьяка в одной из фибул погребения 3 указывают на использование лома из различных источников при производстве украшений, сделанных одновременно для одного владельца. В целом, можно отметить более высокое качество фибул ЯП52А из камеры 3: мастер для отливки верхней скорлупки вырезал модель из воска и не использовал ткань при производстве нижней. Он сделал накладные шишки из легкоплавкого сплава, обтянутые серебряной фольгой, и прикрепил бронзовые иглы на обороте. Украшения ЯПЕ из камеры 1 получены с помощью копирования готовой фибулы в глиняные формы, для нижней скорлупки мастер использовал ткань. У этой пары фибул были железные иглы и накладные украшения, но они практически не сохранились. С большой долей уверенности можно говорить, что застежки для женщин из двух погребений сделаны разными ювелирами.

Фибулы ЯП52 распространены менее широко, чем самый массовый тип эпохи викингов — ЯП51, но по числу находок занимают второе место в материалах такого памятника, как Бирка: 35 целых и фрагментированных экземпляров происходят из погребений, 3 фрагмента — с территории поселения. Бóльшая часть фибул Бирки принадлежит к варианту ЯП52А, и только две пары относятся к варианту ЯП52Е. За пределами Бирки украшения ЯП52 встречены в Норвегии, Средней Швеции и на острове Оланд, в Шотландии, Восточной Пруссии и на территории Латвии в низовьях Даугавы (Jansson, 1985, s. 204–220; 1992, s. 63–67). Детальное исследование взаимовстречаемости различных украшений северных типов, привлечение данных о находках монет и доступных абсолютных дат позволили И. Янссону предположить, что фибулы ЯП52 относятся к поздним типам украшений Бирки. Они, вероятно, появились в Скандинавии в 1-й пол. X в. (норвежский клад с младшей монетой 910 г. чеканки) и существовали до конца столетия. Для определения верхней даты их бытования привлекают материал из «лагеря викингов» Треллеборг на острове Зеландия в Дании. Согласно дендродатам, королевская крепость была построена в 980 г. и использовалась не более 20 лет. Здесь найдены овальные фибулы 51-го, 52-го и 48-го типов. Около 1000 г. на территории провинции Сконе (Южная Швеция) возникает датский королевский город Лунд, в археологических материалах которого овальные фибулы не представлены. О бытовании фибул ЯП52 после заката Бирки в 70-е гг. X в. свидетельствуют также комплексы, где эти застежки встречены вместе с украшениями, неизвестными в материалах могильника и поселения.

В целом область распространения овальных фибул ЯП52 охватывает огромные территории от Исландии на Западе до Днепра и Волги на Востоке. На территории Древней Руси единичные экземпляры обнаружены во Владимирских курганах (Весь, к. 4), в разрушенном кургане у оз. Зеликовье в окрестностях Торопца, в погребении Крохинские пески (52А) и культурном слое Белоозера (Дедюхина, 1967, с. 194–199; Макаров, Новикова, 2002, с. 127; Захаров, 2004, рис. 96, *17*). В Ярославских курганах найдено 5 экземпляров (Фехнер, 1963, с. 82–83). На юге Древней Руси обнаружено 6 фибул 52-го типа: вариант А — случайная находка из разрушенной части Киевского некрополя I на углу Владимирской и Житомирской улиц; вариант D — в погребении 125 Киевского некрополя II (усадьба Марра) и в погребении 59(40) курганного кладбища в Шестовице; еще один фрагментированный экземпляр происходит из шестовицкого погребения 92(9) (Zocenko, Vergun, 2007, p. 191–193). Самая представительная серия обнаружена в Гнёздове — 15 фибул из погребений, среди которых преобладают экземпляры варианта А (8), в двух погребениях найдены фибулы вариантов С и Е (Енисова, 2001, с. 84, табл. 1).

Обобщив все наблюдения, связанные с фибулами из погребений 1 и 3 Старовознесенского некрополя, можно сделать следующие выводы. Обе пары застежек относятся к типу, получившему в X в. широкое распространение на территории Северной Европы и Древней Руси. К массовым типам украшений эпохи викингов относится также пара односкорлупных фибул 55-го типа из погребения 4, исследованного в Пскове на ул. Ленина в 1976 г. (Лабутина, Кильдюшевский, Урьева, 1981, с. 69, рис. 3, *12*). Однако если мы сравним число находок различных вариантов 52 типа на территории Скандинавии и Восточной Европы, то увидим, что только фибулы ЯП52А производились в значительных масштабах. Аналогии фибулам из погребения 1 (ЯПЕ) единичны, они встречены в двух погребениях Бирки (523 и 965) и одном из гнёздовских курганов (Ц-169). Две случайные находки происходят из низовьев Даугавы (Даугавпилс) (Jansson, 1992, p. 66, 68; Меч и златник, 2012, с. 82, 184). Можно предположить, что эта малочисленная группа фибул произведена в одной мастерской либо одним странствующим ювелиром. Топография находок редкого варианта овальных застежек — ЯП52Е свидетельствует о системе коммуникаций между Средней Швецией, восточным побережьем Балтики и раннегородскими центра-

Рис. 31. Лицевая сторона и оборот круглой фибулы

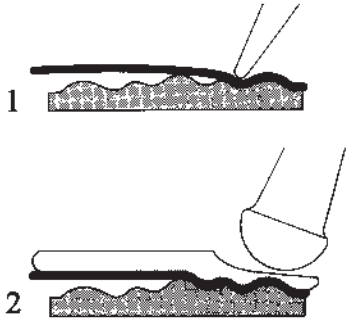


Рис. 32. Изготовление лицевой пластины круглой фибулы. По: Armbruster, 2002, S. 240, Abb. 11: 1–2

ми на Верхнем Днепре и реке Великой во 2-й пол. X столетия. В этот период важную роль играет транзитный путь, связавший Западную Двину с Верхним Поднепровьем (Eremeev, 2007, p. 260). Вместе с тем из нижнего течения Двины-Даугавы открывалась возможность движения на Псков вдоль реки Гауи (Мугуревич, 1965, с. 108).

Судя по богатому инвентарю погребений, содержащих фибулы ЯП52, на Севере Европы и в Древней Руси эти украшения были частью костюма представительниц скандинавской элиты. На территории Скандинавии отдельные комплексы с фибулами 52-го типа датируются первой половиной X в., однако бóльшая часть погребений в Северной и Восточной Европе оставлена во второй половине столетия. Нельзя исключить, что часть фибул ЯП52 произведена в мастерских на территории Древней Руси. На это указывают особенности химического состава металла овальных фибул из Гнёздова (различных типов) и Пскова и свидетельства их производства, обнаруженные в Старой Ладоге и Гнёздове (Давидан, 1980, с. 63–68; Ениосова, 2001, с. 83–92).

К скандинавской технологической традиции относится и круглая фибула из камеры 1. Это украшение состоит из нескольких элементов, каждый из которых изготовлен отдельно, затем они соединены с помощью различных операций. Конструктивные детали фибулы — рельефная тисненая основа, на которой помещался орнамент из скани и зерни, а также круглая плоская нижняя пластина — оборотная сторона. На ней припаяны приспособления для крепления иглы, приемник и петелька для подвешивания мелких украшений на колечке или цепочках (рис. 31).

Лицевая пластина фибулы произведена с помощью плоско-выпуклой матрицы с позитивным изображением, которая во время работы крепилась на смоляной подушке. В результате получился рельеф с основными контурами орнамента и центральной полусферой. В процессе тиснения мастер мог использовать посредник — свинцовую пластинку, накрывавшую серебряный лист (рис. 32). Судя по «мягким» линиям рельефа, для получения качественного отпечатка на тонкой заготовке не требовалось сильного давления, основным инструментом был деревянный молоток (Armbruster, 2002, p. 238–243).

Орнамент создавали из нескольких видов проволоки. Для этого использовали круглую проволоку различного диаметра (d — 1 и 1,5 мм), превращенную с помощью специального напильника в филигранную нить. Инструмент, поставленный под углом вращения, последовательно перемещался, создавая эффект «винтовой резьбы» — цепочки соединенных между собой миниатюрных бусин со скошенными краями (рис. 33: *1, 2*).

Затем из готовой проволоки нарубали отрезки нужной длины, некоторые из них были прокованы с обеих сторон для получения плоского брусочка с фестончатыми краями. Зооморфный орнамент в виде 4 звериных головок с круглыми глазами, носом и ушками и разделяющие их волюты выложены на рельефной лицевой поверхности фибулы из прямых и изогнутых отрезков проволоки. Для получения изображения использовали два «слоя» проволоки. Сначала создавали контурный рисунок из тонких отрезков, затем укладывали более толстую проволоку с «винтовой» нарезкой или гладкие уплощенные брусочки для ушек, носа и лба. Из-за разницы в диаметре проволоки эти декоративные элементы не поместились внутри нижнего контура и оказались немного выше остальных деталей, придавая

Рис. 33. 1 — бусинная проволока с «винтовой» нарезкой в орнаменте круглой фибулы из погребения 1; 2 — профиль напильника для создания миниатюрных бусин со скошенными углами. По: Whitfield, 1998, S. 67, fig. 18

орнаменту дополнительную рельефность. В центре круга помещена полая тисненая полусфера, оконтуренная тонкой бусинной проволокой. Бордюрная часть фибулы состоит из двух рядов толстой проволоки. Напаянная на пластину-основу бусинная проволока создавала оптический эффект переплетенных лент металла. В орнаменте псковской фибулы зернь играет подчиненную роль — ее использовали только для четырех пар глаз: крупные шарики (d — 1,2 мм) были посажены на проволочные колечки, а затем слегка уплощены проковкой.

На обороте фибулы первоначально были припаяны петельчатые «ушки» — держатели иглы, пластина с изогнутым краем — приемник и круглая петля из 3 спаянных вместе отрезков проволоки (d — 1,5 мм) для подвешивания цепочек. В петлю вставлено колечко из толстой проволоки с «винтовой» нарезкой (d — 3 мм), концы которой завязаны узлом. Вероятно, фибула долго находилась в употреблении: металл на лицевой стороне немного «сношен», а на обороте хорошо видны следы ремонта крепежных приспособлений (рис. 31).

В целом, фибулу отличает хорошее качество работы за счет точной укладки филигранного рисунка на подкладной пластине, использования проволоки разного диаметра и сечения, а также чистоты припоя: он не «топит» орнамент. Судя по отсутствию следов припоя на поверхности, соединение деталей фибулы происходило с помощью химического состава, включающего соединения меди (карбонаты, ацетаты, оксиды или куприты) и органический компонент (рыбий клей, квасцы, оливковое мыло). Поверхность, подготовленную для укладки филигранного узора, покрывали полученным веществом — присутствие клейкой субстанции позволяло мастеру зафиксировать отрезки проволоки и гранулы в нужном порядке; добавляли флюс (буру — тетракарбонат натрия). Затем изделие помещали в древесный уголь и нагревали до тех пор, пока все детали украшения не соединялись друг с другом. При нагревании происходило разрушение органического вещества и высвобождение углерода, который восстанавливал медь из соединений. В контакте с поверхностью пластины и накладных проволочек и шариков восстановленная медь образовывала промежуточный низкотемпературный сплав, соединяющий отдельные элементы изделия с основой и между собой. Такой способ пайки был пригоден только для высокопробных золота и серебра. Процесс образования сплава Ag-Cu происходил в этих условиях при низкой температуре — около 800 °С, а химический припой не оставлял следов, видимых глазу (Duczko, 1985, s. 26; Бреполь, 2000, с. 335). Техника изготовления сканно-зерненых изделий с помощью химического припоя известна с эпохи античности, она упоминается в ювелирных руководствах X (Marae Clavicula) и XII (трактат Теофила «О разных искусствах») столетий (Ogden, 1994, p. 173–174). Использование химического припоя было зафиксировано при технологическом изучении украшений из Бирки и Хедебю (Duczko, 1985, s. 26; Armbruster, 2002, p. 174–175).

Серебряная застежка из Пскова не имеет прямых аналогий в материалах Северной и Восточной Европы. Ряд стилистических признаков сближает псковскую находку с маленькими круглыми фибулами типа ЯП128 или IIA по классификации И. Янссона, несмотря на различные технику производства и материал. Эти застежки изготовлены из медных сплавов с помощью литья и позолочены (Petersen, 1928, s. 125; Jansson, 1984a, S. 61). Их орнамент характерен для стиля Борре: он сочетает изображения трех анфасных звериных голов с характерными круглыми ушками и глазами и центральной трехлопастной фигуры, делящих поле фибулы на три одинаковых треугольника. Головы животных размещены в их вершинах, пасти обращены к центру круга. Ор-

Рис. 34. Круглые скандинавские фибулы: 1 — ЯП128 / IIA, d — 27 мм. По: Jansson, 1984a, S. 61; Abb. 8:2; 2 — фибула типа Терслев, d — 39,3 мм, Ульбро, Упланд, Швеция (SHM 20407:3); 3 — фибула типа Хидензее, d — 80 мм, Стокгольм, Упланд, Швеция (SHM 9154)

намент в виде проволочных лент и перемычек, а также оформление бордюра в виде двух рядов гладкой или бусинной проволоки имитируют сканный узор в литье (рис. 34, *1*). Разница в числе головок и лопастей не позволяет говорить о полном тождестве орнаментальных композиций, но сходство между фибулами ЯП128 и псковским экземпляром очевидно.

В качестве отдаленных параллелей можно рассматривать две фрагментированные фибулы с орнаментом из четырех масок и крестовидной фигуры в центре композиции из камерного погребения 791 в Бирке и клада Эстерюфтес на Готланде (Österryftes, Ksp. Fole). Они имеют двухчастную конструкцию и выполнены из бусинной проволоки со спиральной нарезкой, дополненной отдельными шариками зерни, например глаза — гранулы на колечках, как и у псковской находки. Экземпляр из Бирки относится в целом к позднему периоду этого памятника (рубеж IX–X вв. — 970-е гг.), готландский клад принадлежит к XI в. (Jansson, 1984a, s. 66–67, 73–74; Abb. 8: 6).

Техника производства круглой фибулы из Пскова ставит ее в один ряд с группой сканно-зерненых застежек, орнаментированных в стилях Терслев и Хидензее (рис. 34, *2*, *3*). Все украшения сделаны из серебряных или золотых пластин, соединенных пайкой. Рельефный контур изображения на верхней пластине получен на выпуклом штампе, затем он дополнен филигранным и зерненым узором. Получение основы для зерни и скани посредством тиснения на рельефных матрицах, бусинная проволока и использование гранул различного диаметра — отличительные особенности скандинавского ювелирного искусства эпохи викингов (Duczko, 1985, p. 79–80). Круглые фибулы, выполненные в этой технике, получили распространение на территории Скандинавии и Древней Руси во 2-й пол. X — нач. XI в. (Eilbracht, 1999, S. 30, Taf. 13–24). Псковская серебряная фибула и некоторые застежки типа Хидензее имеют общую иконографическую особенность — изображение 4 сопоставленных звериных голов в центральной части круга, однако орнамент стиля Хидензее демонстрирует бóльшую стилизацию, а техника исполнения этих украшений значительно сложнее.

К скандинавскому кругу изделий можно отнести также подвески — маски из камерного погребения 1. Они изготовлены с помощью тех же операций, что и круглая фибула. На выпуклом штампе получен позитивный рельеф лицевой стороны (рис. 35, *1*).

Оборотная сторона — плоская серебряная пластина, обрезанная зубильцем по контуру матрицы. В верхней части оставлен прямоугольный выступ для ушка подвески, он заворачивался назад и окантовывался гладкой проволокой (рис. 35, *2*). На лицевой стороне с помощью гладкой круглой проволоки, сложенной петлей с небольшим зазором внутри, выкладывали орнамент — прическу, лоб, нос, усы (рис. 36, *1*). Затем внутри проволочных петель помещали ряды

Рис. 35. Лицевая и оборотная стороны подвески с изображением антропоморфной маски из камеры 1: 1 — рельефная лицевая сторона; 2 — гладкая оборотная сторона с ушком для подвешивания

гранул одинакового размера (d — 0,3–0,5 мм). Круглые глазницы сделаны из свернутых в цилиндрики тонких пластинок и тоже оконтурены регулярной зернью. Такие же шарики вместе с гладкой проволокой припаяны по контуру изображения на стыке лицевой и оборотной пластин (рис. 36, *2*). Несмотря на утраченные гранулы, на «щеках» и в лобной части масок различимы геометрические фигуры — треугольники и ромбы, выложенные из шариков зерни (рис. 36, *3*). На заключительном этапе изготовления, после пайки, лицевая поверхность была прокована легкими ударами молоточка — зернь слегка приплюснута, но следов деформации рельефа нет.

Плохая сохранность подвесок не дает возможности определить вид припоя. Судя по следам от облетевших шариков зерни в виде маленьких колечек-оснований и отсутствию «утопленных» деталей, можно заключить, что, как и в случае с круглой фибулой, использовали химический тип припоя. В целом, по качеству работы фибула и подвески имеют ряд существенных различий. Фибула выполнена умелым ювелиром с использованием технических приемов, характерных для скандинавского искусства зерни и скани. Подвески были изготовлены другим менее искусным мастером: в его арсенале не было бусинной проволоки, но он старался ее имитировать, напаивая шарики зерни на круглую гладкую проволоку, свернутую в петли. Для него главную роль в орнаменте играла зернь — шарики одного диаметра: из них выложены треугольники и ромбы и окантовка бордюра. В отличие от скандинавской зерни — разнокалиберной, напаянной бессистемно, геометрический орнамент из регулярных гранул характеризует славянское искусство зерни и скани IX–X вв. (Duczko, 1985, p. 79–80). Несмотря на то что обе подвески произведены с помощью одного выпуклого штампа, они не выглядят одинаковыми из-за разницы в мелких деталях, размерах оборотной пластины и ушка.

Рис. 36. Зернь и скань в орнаменте подвесок-масок из камеры 1: 1 — зернь внутри проволочной петли, ромб из шариков зерни; зернь в оформлении бордюра; 2 — треугольники зерни на второй подвеске; 3 — колечки — основания осыпавшихся шариков зерни

Самыми близкими аналогиями антропоморфным маскам из погребения 1 являются два украшения листовидной формы со сканнозерненым орнаментом, обнаруженные в Средней Швеции и на Готланде. Обе подвески имеют объемную двухчастную конструкцию: рельефную верхнюю пластину, полученную тиснением на выпуклом штампе, и нижнюю плоскую. Декор подвески из погребения 865 могильника Бирка — черты лица с округлым лбом и острым подбородком, прическа, усы, борода — выполнен с помощью бусинной проволоки и редких шариков крупной зерни (Arbman, 1940, Taf. 92, *4*). Маска из клада Фёльхаген демонстрирует большую стилизацию изображения, ее орнамент практически целиком создан из одинаковых по размеру гранул, сгруппированных в двойные, сходящиеся под углом ряды. Бусинную проволоку мастер не использовал, а гладкая круглая проволока понадобилась ему только для бордюра и контура глаз (Duczko, 1983a, s. 348, fig. 19).

Сочетание скандинавского стиля и славянской геометрической зерни сближает псковские находки и с другими серебряными подвесками-амулетами в форме лицевых масок из клада Фёльхаген. Двенадцать экземпляров, несмотря на мелкие различия в орнаменте, сделаны одной рукой, мастером высокого класса. Он использовал бусинную проволоку с винтовой нарезкой и мелкие шарики, образующие треугольники и ромбы. Список находок, демонстрирующих сочетание скандинавской и славянской зерни, можно дополнить украшениями из Киева, Гнёздова, Владимирских курганов и клада Собачьи Горбы в Новгородской области. Обнаруженные там круглые серебряные фибулы, подвески с геральдической птицей и крестовидные подвески орнаментированы в стилях, характерных для скандинавского искусства, но содержат геометрическую зернь в периферийных зонах декора или на ушках для подвешивания (Новикова, 1993, с. 46–56, рис. 1, *1*, *2*; 2, *1*, *3*, *4*; 3, *3*).

В группу антропоморфных подвесок, выполненных в технике зерни и скани следует включить также три экземпляра из эстонских кладов, чрезвычайно близких готландским по ряду морфологических признаков (Tamla, 1995, p. 92, fig. 2, *1–3*). Более отдаленными параллелями являются подвески-маски, лишенные антропоморфных черт, из клада в д. Забельская (Гдовский уезд, восточная сторона Чудского озера) и с Рюрикова городища (Новикова, 1999, с. 47).

Хронологический анализ подвесок-масок показывает, что самым ранним изделием этого круга является подвеска-маска из женского

трупоположения 865 в Бирке. Сочетание овальных фибул ЯП55, круглой ЯП128 и золотостеклянных бус позволяет отнести это погребение к позднему периоду Бирки и датировать комплекс серединой — 70-ми гг. X столетия (Arbman, 1943, p. 338–339). Дата сокрытия клада из Фёльхагена по младшей монете датируется около 1000 г. (Янссон, 1996, с. 52). Эстонские подвески относятся к первой половине XI в., а украшения из клада у д. Забельская — к концу этого же столетия (Tamla, 1995, p. 91–92; Корзухина, 1954, с. 100).

Таким образом, все известные к настоящему времени объемные подвески-маски (антропоморфные и зооморфные) можно разделить на три группы, исходя из соотношения скандинавских и славянских элементов в их декоре. В первую группу можно включить подвеску-маску из Бирки и две подвески из Забельской. Эти украшения целиком принадлежат скандинавской традиции: в орнаменте преобладает филигрань, зернь играет вспомогательную роль, славянские элементы полностью отсутствуют. Вторая группа — 12 лицевых масок из клада Фёльхаген и зооморфная подвеска с Рюрикова городища: декор этих украшений состоит из скандинавских и славянских элементов, хотя зернь, сгруппированная в геометрические фигуры, занимает периферийные зоны орнамента. И, наконец, третья группа, включающая листовидную подвеску из Фёльхагена, 3 эстонских экземпляра и псковские маски: несмотря на скандинавский облик украшений, их орнамент состоит только из славянских элементов — регулярной зерни и круглой проволоки. Вероятно, изделия всех групп выполнены скандинавскими ювелирами, однако некоторые из них были знакомы с образцами славянской зерни. Они заимствовали отдельные приемы и мотивы для производства сложных украшений, в каждом случае отражающие индивидуальное мастерство и художественные пристрастия мастера. Нельзя исключить и такой фактор, как доступность инструментов и полуфабрикатов: бусинную проволоку нельзя получить без органариума и специального напильника — наиболее совершенных и дорогих орудий труда, не обнаруженных пока в археологических материалах эпохи викингов. Можно предположить, что странствующий мастер, оказавшийся далеко от королевских или аристократических мастерских на территории Скандинавии, использовал местные возможности, получая сырье для работы. Подвески-маски из погребения 1 — убедительный пример имитации северной бусинной проволоки с помощью гладкой круглой в сочетании с уложенными в ряд мелкими шариками зерни.

Принимая во внимание данные о распространении сканно-зерненых украшений, сочетающих северные и славянские приемы декора, некоторые исследователи считают, что местом их производства был Готланд, в позднюю эпоху викингов в ювелирном искусстве острова ощутимо проявляется славянское влияние (Duczko, 1983a, s. 347–356). Жители Готланда были достаточно богаты для того, чтобы обеспечить высокий уровень развития ювелирного ремесла и организовать изготовление украшений, предназначенных как для местных жителей, так и для продажи во время торговых экспедиций к западу и востоку от острова. Готландцы принимали участие в торговле с Восточной Прибалтикой на протяжении длительного периода — с VI по 2-ю пол. X столетия, а с 70-х гг. X в., после заката Бирки, их торговая активность распространилась и на другие регионы Восточной Европы (Stalsberg, 1988, p. 168–169). Нельзя исключить, что готландские ремесленники могли работать и на древнерусской территории, но находки — индикаторы изготовления скандинавских украшений в технике зерни и скани в мастерских Восточной Европы пока отсутствуют. Тем не менее подвески-маски из погребения 1 Старовознесенского некрополя с большой долей вероятности можно отнести к продукции готландских ювелиров и датировать последней четвертью — концом X столетия.

Из погребения 3 Старовознесенского некрополя происходит сильно деформированная сферическая бусина, орнаментированная спиральными завитками и редкими крупными шариками зерни на колечках (рис. 37, *1*). Основа бусины —

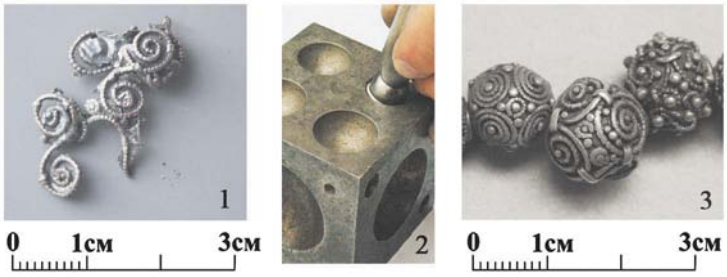


Рис. 37. 1 — поврежденная сферическая бусина со спиральным орнаментом из погребения 3; 2 — процесс производства тисненых полусфер на наковальне-анке (по Codina, 2002, p. 50); 3 — сферические бусины со спиральным орнаментом из Большого гнездовского клада 1867 г.

две тисненые из тонкой серебряной заготовки полусферы с отверстиями для канала. Их получали тиснением с помощью двух металлических инструментов — наковальни-матрицы с полусферическими углублениями различного диаметра и пуансона с округлым окончанием (рис. 37, *2*). Железные и бронзовые наковальни, которые в современном ювелирном деле называются анки, известны в древностях Волжской Болгарии (Кузьминых, Семыкин, 2006, с. 270). Затем на соединенные полусферы укладывали орнамент из филигранной проволоки, завернутой в спирали. Для удержания сложной конструкции на округлой поверхности использовали органический клей и проволочные скобочки-стяжки. В пространстве между спиральными завитками помещали колечки проволоки с шариками крупной зерни внутри. После пайки орнамент слегка проковали молоточком.

Сферические бусины со спиральным орнаментом имеют скандинавское происхождение и характерны для кладов и погребений на территории Скандинавии, Прибалтики, Финляндии и Древней Руси (Duczko, 1985, p. 72). Так, например, 8 бусин этого типа обнаружено в Большом гнёздовском кладе 1867 г., относящемся ко 2-й пол. X в. (рис. 37, *3*). В целом, в Скандинавии, Финляндии и на Руси бусины с филигранным спиральным орнаментом встречены в комплексах сер. X–XIII столетий (Duczko, 1987, s. 211–240).

В рамках скандинавской производственной традиции можно рассматривать и два серебряных креста из погребений 1 и 6, характерных для начального этапа христианизации Древней Руси (Петрухин, Пушкина, 2009, с. 159). Находка из камеры 1 принадлежит к крестам из листового серебра (рис. 38). Вероятнее всего, он изготовлен из раскованного арабского дирхема, об этом свидетельствует высокое содержание висмута в серебре (табл. 2, *1831*). Толщина полученного кружка составляла 0,2 мм, с помощью удара пуансона с оборотной стороны был получен центральный полусферический выступ, затем на лицевую сторону был нанесен циркульный орнамент. Судя по тому что на обороте нет следов пуансона, процесс чеканки происходил на твердой поверхности, рабочая часть инструмента была повреждена — контуры всех отпечатков-кружков разорваны. Контуры равноконечного креста вырезали зубильцем после чеканки, частично обрезав отпечатки пуансона, оказавшиеся в краевой зоне, что говорит о небрежности мастера. Ушко вырезано из рифленой пластины и приклепано с помощью шпенька с раскованными концами. В целом, крестик — изделие невысокого качества.

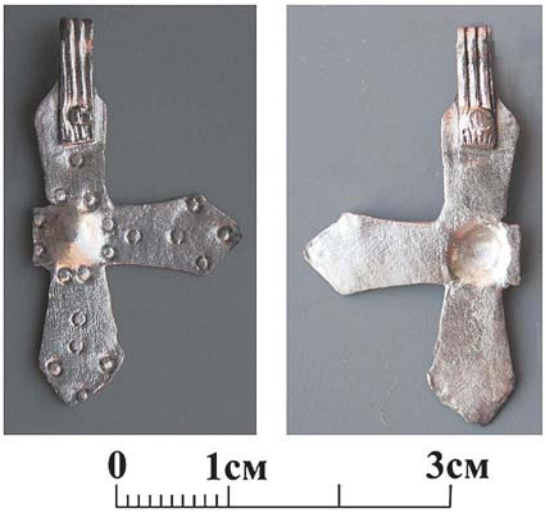


Рис. 38. Лицевая и оборотная стороны креста из погребения 1

Крестики из листового серебра известны в Гнёздове, Киеве, Шестовице, Коростене, Тимереве (Петрухин, Пушкина, 2009, с. 159; Зоценко, 2010, с. 466–471, табл. 1). Известны они и на территории Скандинавии (Staecker, 1999, S. 83–84). Псковский экземпляр отличает от остальных наличие центрального полусферического выступа.

Крест из погребения 6 выполнен из очень чистого серебра, декорирован чернью и позолотой. На гладкой оборотной стороне в центре — полусферическое углубление, как и у крестика из камеры 1. Судя по качеству украшения — проработанному ложнозерненому орнаменту, крест получен литьем по выплавляемой восковой модели. В литое ушко вставлено кольцо из толстой гладкой серебряной проволоки, концы которой завязаны узлом, образуя две петли для подвешивания на массивную цепь (рис. 39). Черневые вставки обрамляют края лопастей, они есть на «шариках», которыми завершаются лопасти и на центральной выпуклой розетке: это окружности с точкой в центре. Черневые фигуры в виде петель помещены также на расширяющихся частях лопастей и ушке.

Неглубокие канавки под чернь, вероятно, были вырезаны еще на восковой модели, но на отливке они доработаны резцом либо пуансоном (рис. 40, *1*). В декоре креста чернь похожа на инкрустацию проволокой: она уложена в углубления ровно, как плоская лента. Эксперименты, проведенные в Дании К. Петерсен, показали, что в эпоху викингов использовали не только сульфид серебра, измельченный в порошок, но и серебряную проволоку, которую нагревали в тигле с серой, получая полую трубочку, по диаметру

в два раза превосходившую исходную заготовку. Ее в виде «колбасок» укладывали в подготовленные канавки в нагретом состоянии и снова подвергали воздействию высокой температуры. Затем изделие шлифовали и полировали с помощью различных абразивов (Petersen, 1994–1995, p. 133). Рентгеноспектральный анализ дает возможность определить, что в составе заполнения помимо серебра в малых концентрациях присутствуют свинец и ртуть (рис. 40, *2*). Ртуть свидетельствует о ртутном золочении — амальгамировании после нанесения черни. Свинец мог попасть в металл черни как естественная примесь к серебру, полученному из галенитовой руды (Ениосова, Митоян, 2011, с. 92–93). Нельзя исключить также, что свинец в виде сульфида добавили умышленно, но для того, чтобы установить состав минералов, входящих в чернь, необходим рентгеноструктурный анализ.

Черневой узор-инкрустация, полученный с помощью полых трубочек — серебряной проволоки, превращенной в сульфид серебра, обнаружен на многих изделиях поздней эпохи викингов. Анализ состава черни выявил, что в некоторых случаях она содержала небольшую примесь свинца (Petersen, 1994–1995, p. 143–148). Масштабное технологическое исследование техники черни в скандинавском прикладном искусстве пока не проведено, но полученные к настоящему времени наблюдения позволяют предположить, что мастер, изготовивший крест из погребения 6, следовал северной производственной традиции. Псковская находка принадлежит к крестам так называемого «скандинавского типа». Исследователи либо связывают их происхождение с византийскими равноконечными крестами, либо видят исходную форму в каролингских крестовидных фибулах (Petrukhin, Pushkina, 1997, p. 255; Staecker, 1999, S. 111, 470–471). Следует отметить, что все ранние находки середины — 2-й пол. X в. с территории Древней Руси происходят из комплексов, имеющих скандинавские черты и относящихся, по мнению некоторых ученых, к «варяго-славянской дружинной среде»: клада и слоя поселения в Гнёздове или богатых погребений Киева (Зоценко, Иевлев, 2010, с. 373). К концу X — первой половине XI в. относятся два одинаковых креста из двойного погребения в большом кургане летописного Плесненска (Ливох, 2010, с. 489, рис. 2, *2–3*). По пропорциям находки из Львовской области и крест из Пскова очень похожи: гнездовские экземпляры имеют более широкие и короткие лопасти (рис. 41, *1–2*). Однако орнамент креста из погребения 6 имеет наибольшее сходство с находкой из слоя

Рис. 39. Лицевая и оборотная сторона креста из погребения 6

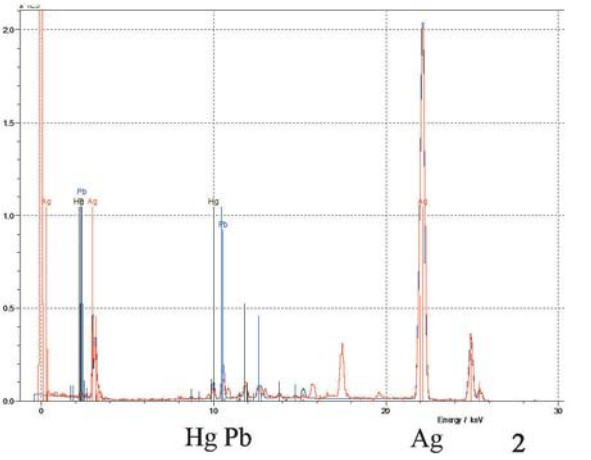


Рис. 40. 1 — макросъемка креста из Погребения 6 с участком выкрошившейся черни; 2 — рентгеновский спектр, показывающий, что в составе черни есть высокопробное серебро и свинец. Небольшая примесь ртути попала в спектр из позолоты

Центрального городища в Гнёздове: их сближает центральная розетка, ложнофилигранный орнамент на лопастях и двойной контур окончаний-шариков, хотя на гнёздовском экземпляре нет черни и позолоты (рис. 41, *1*). Вероятно, каждый из ранних крестов «скандинавского типа» выполнялся ювелиром индивидуально. Крест из камеры 6 — наиболее сложное и искусно выполненное изделие этого типа из известных на настоящий день находок.

В Киеве в усадьбе 2-й пол. XI в., расположенной в «городе Ярослава», найдена литейная формочка из медного сплава для отливки крестиков

Рис. 41. Кресты «скандинавского типа» сер. — 2-й пол. X в. из Гнёздова: 1 — раскопки Центрального городища (Петрухин, Пушкина, 2009, с. 161, рис. 3: 2); 2 — Гнёздовский клад, найденный в восточной части Гнёздовского селища в 1993 г.

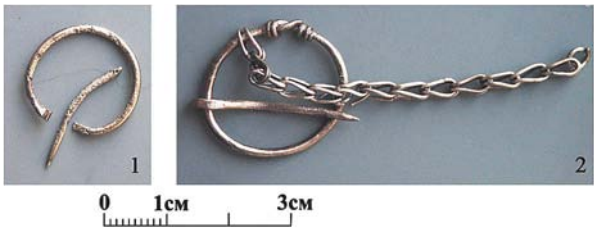


Рис. 42. 1 — проволочная подковообразная фибула со спиральными концами (погребение 1); 2 — проволочная фибула с завязанными концами (погребение 3)

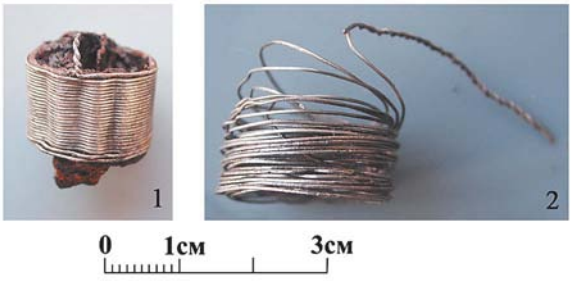


Рис. 43. Проволочная обмотка рукоятей ножей из погребения 1

«скандинавского типа» (Зоценко, Иевлев, 2010, с. 371–374). В металлических формах, вероятнее всего, производили изделия из свинцово-оловянных сплавов, но из-за плохой сохранности легкоплавких металлов в сухом культурном слое, такие отливки известны плохо (Ениосова, Сарачева, 2006, с. 89). В мокром слое Новгорода дешевые копии серебряных изделий есть, например свинцово-оловянный крестик «скандинавского типа» найден на Троицком раскопе в напластованиях XI столетия (Н-99 Тр-Х 15–20/1344 № 123).

К скандинавской технологической традиции можно отнести некоторые изделия из проволоки и вещи, декорированные проволокой. Это украшения: фибулы со спиральными или завязанными концами (погребения 1, 3) и колечки-подвески с завязанными концами и напускными бусинами (погребения 1, 7), а также колечки-подвески, крепившиеся к круглой и овальным фибулам (погребения 1, 3). Небольшие по диаметру кольца из круглой в сечении проволоки служили для подвешивания украшений и бытовых предметов — креста, оселков, ножниц, обоймиц (погребения 1, 3–7). Все эти изделия выполнены с помощью несложных операций, которые проводили вхолодную с небольшой степенью обжатия металла. У подковообразной фибулы концы раскованы и свернуты в спирали (рис. 42, *1*), а у «завязанных» колец — закручены на обе стороны в несколько оборотов с помощью щипцов (рис. 42, *2*). Проволоку использовали чаще серебряную — гладкую или рубчатую, единичные экземпляры выполнены из золота или медного сплава. Из отрезков тонкой проволоки, свернутой восьмеркой, сделана цепочка, крепившаяся к маленькой фибуле с завязанными концами (рис. 42, *2*). Звенья цепи не спаивались.

Гладкая серебряная проволока круглого сечения использована и для отделки деревянных рукоятей ножей, из-за их фигурной формы проволочная обмотка выглядит «гофрированной» (погребения 1, 2; рис. 43, *1*).

Для того чтобы уложить тонкую обмотку (диаметр — 0,6 мм) плотными рядами, мастер использовал значительный по длине (приблизительно 90 см) отрезок проволоки равномерного сечения. Такую проволоку невозможно произвести без использования волочильной доски (рис. 44, *1*). В процессе протягивания проволоки через отверстия волочила происходила сильная направленная деформация металла, в результате которой диаметр проволоки уменьшался, а длина увеличивалась. Металлографическое исследование проволочной обмотки из камеры 1 показывает, что в структуре чистопробного серебра

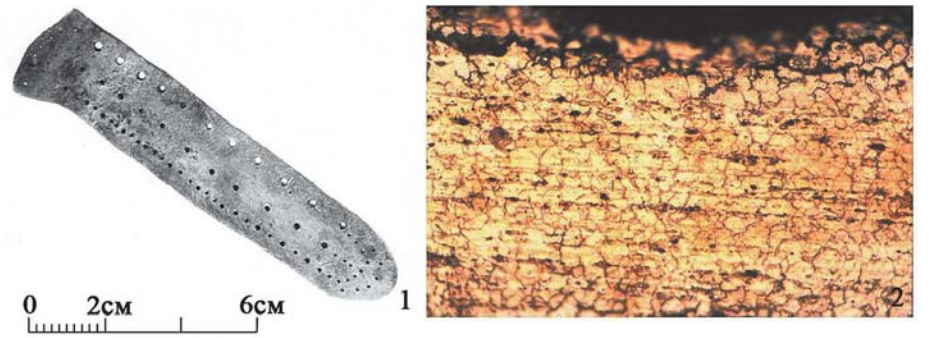


Рис. 44. 1 — Латунное волочило IX в. из Старой Ладоги; 2 — структура металла проволоки — обмотки рукояти ножа из камеры 1, чистопробное серебро (×200)

хорошо различимы вытянутые в продольном направлении параллельные включения оксида меди и следы сильной деформации, в результате которой образовались полиэдрические кристаллы (рис. 44, *2*).

Сильное механическое воздействие делало металл хрупким, для возвращения пластичности проволоку нужно было нагревать при низкой температуре довольно часто. Следы заключительного отжига мы видим и на поперечном срезе проволочной обмотки ножа из камеры 1. Можно заключить, что мастер, изготовивший ножи, располагал очень качественным сырьевым продуктом — тонкой пластичной проволокой значительной длины.

Все находки волочильных досок VIII–XI вв. на территории Древней Руси связаны со скандинавской ювелирной традицией. Вероятно, техника волочения была принесена на Северо-Запад Руси в VIII в. скандинавскими мастерами (рис. 44, *1*). Находки волоченой проволоки в производственных комплексах X в. Гнёздова и Новгорода документированы с помощью металлографического анализа. В Пскове самый ранний инструмент для волочения найден в производственном комплексе ремесленного квартала Среднего города, он датируется XII в. (Ениосова, Сингх, 2009, с. 70–85; Закурина, 2006, с. 116).

Ножи с деревянной рукоятью с «гофрированной» обмоткой из тонкой серебряной проволоки в X в. были характерным элементом погребального инвентаря состоятельных скандинавских женщин. В мужских погребениях находки единичны. 15 ножей с проволочной обмоткой известны в Бирке, более 35 — на территории Дании, включая могильники Треллеборга и Фюрката. Из могильника Хедебю происходит 5 находок. Металлическая обмотка эффективно защищала деревянные рукояти от повреждений и деформации и украшала повседневный предмет — орудие труда (Lyngstrøm, 1995, p. 8–82; Arents & Eisenschmidt, 2010, S. 63). Нож с серебряной обмоткой найден в женском камерном погребении Тимеревского могильника, датируемого третьей четвертью X в. (Зозуля, 2012, с. 90–98); несколько экземпляров, по данным Т.А. Пушкиной, происходит из Гнёздовского могильника. Серебряной проволокой была обмотана рукоять боевого ножа из камерного парного погребения 2-й пол. X в., исследованного в Шестовице в 2006 г. (Коваленко, Моця, Сытый, 2012, с. 336, рис. 19).

Навершие рукояти ножа найдено также в камере 4 (рис. 45). Дерево было обтянуто тонким позолоченным серебряным листом (толщина — 0,5 мм), на который с помощью резца нанесли неглубокие канавки под чернь (рис. 46, *1*). Орнамент сочетает мотив пальметты и ленточное плетение. Отдельная пластина каплевидной формы закрывает торец рукояти.

Рис. 45. Обоймица — серебряная оправа рукояти ножа, декорированная чернью и позолотой, из камеры 4

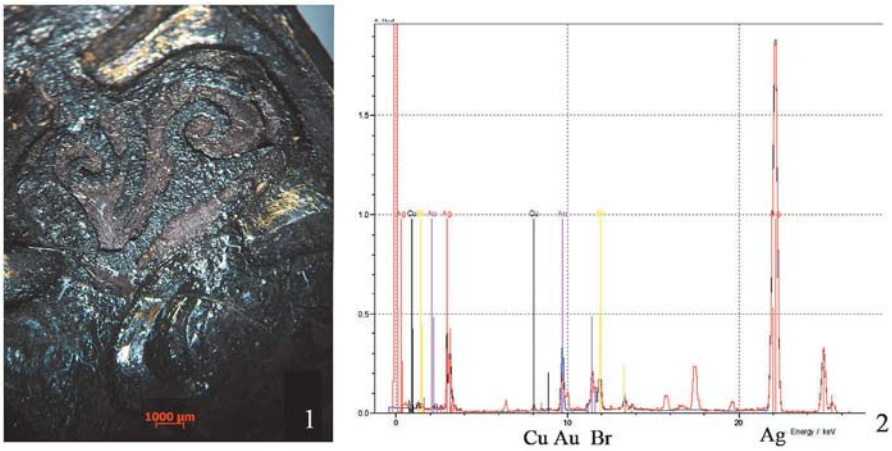


Рис. 46. 1 — Макросъемка участка серебряной оправы рукояти из Погребения 4, стрелкой отмечено углубление, из которого выкрошилась чернь; 2 — рентгеновский спектр, показывающий, что в составе черни высокопробное серебро

Анализ, проведенный для черневого заполнения, показывает, что мастер использовал серебро; содержание меди зафиксировано на уровне примеси к основному металлу. Золото, обнаруженное в пробе, содержалось в позолоте, нанесенной на оправу на заключительном этапе изготовления после операций, связанных с чернью. В образце присутствует также бром, свидетельствующий о коррозионных процессах в серебре в определенных почвенных условиях (рис. 46, *2*). Техника черни широко применялась в ювелирном искусстве X в. на Западе и Востоке, о чем свидетельствуют два источника этого времени — сочинение арабского географа аль-Хамдани и западноевропейский сборник ювелирных рецептов «Marae Clavicula». Оба источника описывают приготовление черни из чистого серебра и серы (Allan, 1979, p. 19–20; Ogden, 1994, p. 178).

В результате получали сульфид серебра в виде порошка, который смешивался с бурой и водой перед тем, как заполнить углубления орнамента, затем изделие помещали в печь. На рукояти ножа черневой декор немного выступает над общим фоном — он уложен в неглубокие канавки, а затем обработан абразивами и отполирован не очень тщательно.

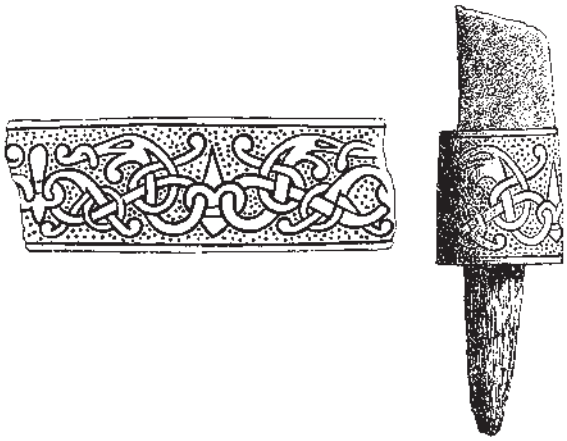


Рис. 47. Серебряная оправа деревянной рукояти ножа с Готланда (по: Thunmark-Nylén, 1998, III:2, S. 402, abb. III:42:9)

Стилистически схожая накладка на нож происходит из погребения XI в., открытого в церковном дворе Стонга (Stånga) на Готланде. В публикации сказано, что растительный декор серебряной накладки выполнен с помощью гравировки и имеет общие черты с изображениями на руническихкамнях, сочетающими растительные элементы и мотивы «ленточного» зооморфного орнамента (Thunmark-Nylén, 1995a, p. 182; 179, fig. 20d). Судя по публикации, готландскую оправу ножен украшал точечный фон, выполненный пуансоном, черни и позолоты на ней не было (рис. 47).

Другая находка, которую можно поставить в один стилистический ряд с псковским навершием ножа — высокий серебряный наконечник ножен меча из погребения, раскопанного М. К. Каргером в 1938 г. в западной части центрального нефа Десятинной церкви. Нижняя часть этого предмета декорирована пышным растительным орнаментом, сочетающим пальметты и переплетающиеся побеги. Орнамент выполнен с помощью гравировки и черни, а также покрыт амальгамной позолотой (Кирпичников, 1966б, с. 65, табл. XXXIII, *1*; Бредіс, 1996, с. 46). Аналогии киевскому наконечнику ножен меча найдены в юго-восточной Прибалтике: могильнике Турайдас Путели в Латвии начала XI в. и Гряужайском кладе XII в. в Литве. Киевский наконечник ножен благодаря особенностям стратиграфии, связанной со строительством Десятинной церкви, и радиоуглеродным датам, полученным для костяка, имеет относительно узкую датировку — 997–1020 гг. (Андрощук, Панченко, Ковалюх, 1996, с. 44–46).

Мотив пальметты и растительных побегов со стилизованными многочастными листьями и завитками, составляющих симметричную ком-

Рис. 48. Серебряная оправа деревянного ковша из погребения 6: 1, 2 — лицевая и оборотная стороны рукояти; 3 — макросъемка фоновой черни и черни вдоль линий рисунка; 4 — макросъемка гравированных линий под чернь, оставленных мессерштихелем

позицию, мы находим также на самой роскошной и необычной находке из погребений Старовознесенского некрополя. Это серебряный обод с горизонтальной фигурной рукоятью от деревянной чаши из камеры 6 (рис. 48, *1*). Такие сосуды — небольшие чаши с округлыми стенками — носили в футляре, подвешенном к поясу или седлу (Сокровища Приобья, 1996, с. 200). Обод выполнен из листового серебра, вероятно, массивный серебряный слиток был раскован в тонкий круг большого диаметра. Сначала мастер вырезал «выкройку» изделия с отверстием в центральной части и выступом, а затем получил рукоять с помощью выколотки листа на матрице с неглубоким рельефом и дальнейшей тщательной проработки орнамента с помощью резца — следы этих операций отразились в негативном рельефе оборотной стороны ручки ковша (рис. 48, *2*). Затем на круглой оправе был откован обод с глубоким желобом по всей окружности чаши, и пробиты отверстия для крепления к дереву с помощью миниатюрных гвоздиков.

Мастер использовал два вида черневого декора — фоновый и линейный (рис. 48, *3*), следующий линиям рисунка, нанесенного гравировкой при помощи стального резца, довольно глубоко погружавшегося в металл (Макарова, 1986, с. 10, рис. 3). На рукояти мы видим повторяющийся след рабочей части трехгранного штихеля, оставленный рукой опытного гравера: треугольные зубцы (сторона треугольника — 0,53 мм) вытянуты в сплошную линию (рис. 48, *4*).

По результатам рентгенофлюоресцентного анализа в металле ковша зафиксировано высокопробное серебро, легированное медью, содержание которой не превышает 5% (табл. 2, *3444, 3445*). Спектр, полученный для черневого заполнения, показывает, что в его составе присутствует только серебро, свинец обнаружен в виде микропримеси, не превышающей десятых долей процента (рис. 49).

Таким образом, для декора ручки ковша мастер использовал чистый сульфид серебра, в соответствии с рецептурой письменных источников X столетия. Он наносил черневую массу в виде порошка, смешанного с водой и бурой, тщательно вдавливая ее в гравированные углубления — уступчатая поверхность, оставленная

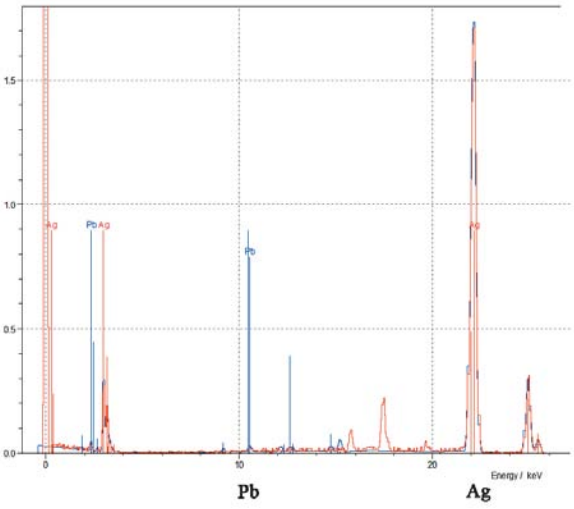


Рис. 49. Рентгеновский спектр, показывающий, что в составе черни высокопробное серебро с микропримесью свинца

мессерштихелем, создавала хорошее сцепление между основой и заполнением. После нанесения черни, ее очень тщательно отполировали абразивными инструментами. По качеству работы, обкладка ковша намного превосходит крест и навершие рукояти ножа. Кроме того, при изготовлении сосуда не использовали ртутное золочение в отличие от двух других находок с чернью из погребений 5 и 6.

Близкими параллелями псковской металлической оправе деревянного ковша являются находки из Киевского некрополя. Серебряный обод сосуда происходит из женского погребения 122, открытого во время раскопок Десятинной церкви в Киеве. Судя по фотографии в публикации М. К. Каргера, у сосуда была горизонтальная фигурная ручка. Инвентарь этого трупоположения в гробу имеет некоторые общие черты с погребениями Старовознесенского некрополя. Здесь найдена круглая скандинавская фибула, выполненная в технике зерни и скани, а в ожерелье представлены серебряные зерненые бусины славянского происхождения (Каргер, 1958, с. 205–206, табл. XXVI, *2*, *е*). Другая находка происходит из камерного погребения № 118, обнаруженного в 1899 г. на Верхней Юрковице в Киеве. Точеная деревянная чаша, окованная сверху серебряной пластинкой, прибитой к венчику чаши серебряными гвоздиками, стояла между голенями покойного (рис. 50). Расширенная часть оковки, свидетельствующей о наличии в прошлом ручки, была вызолочена (Каргер, 1958, с. 191, рис. 38). В погребальный инвентарь этого мужского погребения входило также прикамское кресало с бронзовой рукоятью.

Список стилистических аналогий орнаментальной композиции, помещенной на ручку

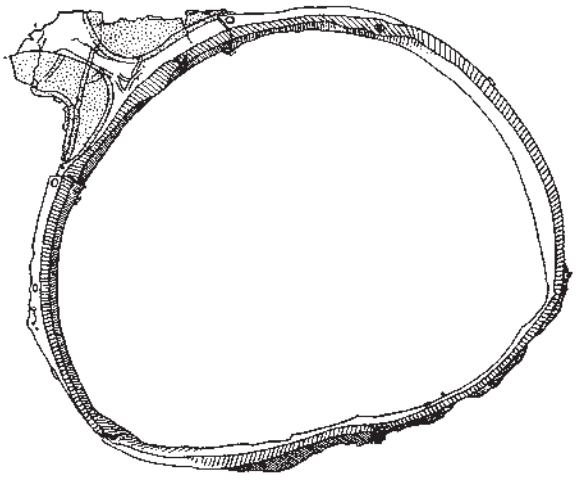


Рис. 50. Серебряная оковка деревянной чаши из погребения 118 Киевского некрополя

ковша из Старовознесенского некрополя, насчитывает несколько десятков произведений китайской (танской), сасанидской, согдийской, хазарской и византийской торевтики (Маршак, 1971; Фонякова, 2010; Minaeva, 1996, p. 89–95). Если ограничить поиск параллелей 2-й пол. X — началом XI в., мы должны включить в него две вещи, упомянутые в монографии Т. И. Макаровой в качестве первых изделий — «пробы пера» в черневом деле, произведенных в великокняжеских мастерских пришлыми мастерами. Это меч из Карабчиева и наременная бляшка из Второго Пекуновского могильника. Исследовательница предполагала восточное происхождение мастера, изготовившего рукоять карабчиевского меча (Макарова, 1986, с. 31–33, рис. 12).

Анализируя уздечные наборы X — первой половины XI в., А. Н. Кирпичников пришел к выводу, что сбруйные украшения с растительными мотивами черневым узором и позолотой из таких памятников, как Гаевка, Каменка, Котовка, Сарайлы-Кият производились в мастерских на юге Восточной Европы. Они выпускали изделия для Руси, Крыма и причерноморских степей (Кирпичников, 1973, с. 28–29). В дальнейшем А. И. Кубышев и Р. С. Орлов локализовали этот центр в Северном Причерноморье и связали его с развитием художественного ремесла у торкопеченежских племен. Истоки ювелирной техники и орнаментальных мотивов прикладного искусства этого региона авторы видят как в степной евразийской традиции, так и в византийском влиянии благодаря контактам с населением Северо-Восточной Болгарии и Херсонеса, а также возрастающему импорту византийской металлической утвари, тканей и поливной посуды (Кубышев, Орлов, 1982, с. 23–246).

Другой центр художественной обработки металла X — начала XI в. находился в Нижнем Поволжье: здесь после распада Хазарского каганата главной военно-политической силой стали огузы — с ними связаны исследованные в этом регионе памятники, такие как Быково, Рахинка, Ленинск. В погребальных комплексах кочевой знати найдены серебряные и золотые уздечные украшения, декорированные в техниках черни, золочения и инкрустации. Занимавшие территорию между арабским миром и Киевской Русью огузы участвовали как посредники в торговле серебром и пушниной (Круглов, 2001, с. 6–7; каталог, *№ 15*). Некоторые виды огузских уздечных и поясных украшений имеют явное стилистическое и технологическое сходство с серебряной оправой деревянного ковша из камеры 6 Старовознесенского некрополя (рис. 51, *1*). Вероятно,

изделия из Нижнего Поволжья могли попадать на Север Руси в результате торговых или политических контактов. Военная элита Древней Руси активно заимствует предметы вооружения, снаряжение коня и моду на ношение всаднических элементов одежды в середине — 2-й пол. X в. (Mikhailov, Kainov, 2011, p. 241–242). Изделия ювелиров из Нижнего Поволжья встречаются и на территории Скандинавии (рис. 51, *2*). Так, подвески к ожерелью из клада Ворбю (Сёдерманланд, середина X в.) сделаны из наременных накладок, чрезвычайно близких морфологически, стилистически и технологически сбруйным украшениям огузов (Янссон, 1996, p. 49–50).

Завершая тему, хотелось бы подчеркнуть, что изделия с чернью, обнаруженные в погребениях 5 и 6 Старовознесенского некрополя, принадлежат к различным технологическим традициям. Крест из камеры 6 с большой долей вероятности можно отнести к продукции скандинавских ювелиров. Судя по концентрации находок ранних крестов «скандинавского типа» на территории Древней Руси, их выпускали высококлассные мастера из среды «русских варягов», хотя свидетельства производства пока отсутствуют. Между навершием ножа из камеры 5 и оправой ковша из погребения 6 больше общего, но первый объект сделан более грубо. В качестве возможного места его изготовления можно рассматривать Готланд, Прибалтику или Киев. Он произведен для того же круга людей, что и крест, возможно, на западном или восточном побережье Балтики. Ковш с серебряной оправой создан в кочевнической среде и по качеству исполнения превосходит остальные изделия из псковских погребений. Следует заметить, что спустя почти тридцать лет со времени публикации Т. И. Макаровой назрела необходимость создания нового свода изделий с чернью с территории Древней Руси. Современные методы анализа сейчас позволяют успешно решать вопросы технологии черни и других

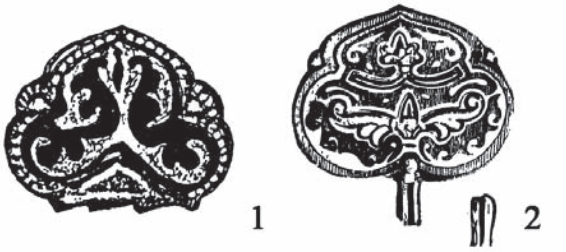


Рис. 51. Литые серебряные накладки с черневым растительным декором позолотой: 1 — курганы у г. Ленинск Волгоградской обл., раскопки В. И. Мордвинцевой и Н. В. Хабаровой, 1991 г.; 2 — подвеска-накладка из клада Ворбю, Швеция

приемов декоративно-прикладного искусства. Без проведения масштабных исследований невозможно определить происхождение находок с чернью и истоки появления черневого дела в Древней Руси.

Славянская производственная традиция представлена подвесками и бусинами. Лунница из камеры 1 по форме и деталям оформления относится к широкорогим экземплярам. Она сделана из листового металла, обрезанного по заранее намеченному контуру украшения с дополнительным прямоугольным выступом, из которого формовалось ушко для подвешивания. Края трубочки-ушка украшены толстой проволокой круглого сечения, которая продолжается и на оборотной стороне украшения (рис. 52, *1*).

Дополнительные полоски металла на обороте укрепляли тонкую листовую основу лунниц. Бордюрный орнамент составляет проволока двух видов: тонкая гладкая и витая. Поле украшения заполнено правильными геометрическими фигурами. Уникальной особенностью псковской лунницы является напаянное на лицевой стороне гнездо для вставки, которая не сохранилась. На некоторых экземплярах из других памятников под ушком украшения помещались тонкие полые тисненые полусферы, полученные с по-

Рис. 52. 1 — Лицевая сторона и оборот лунницы из камеры 1; 2 — «чистая» поверхность свидетельствует о химическом типе припоя; гранулы одного размера

мощью специального штампа. Работу мастера, сделавшего лунницу из погребения 1, отличают особые чистота и качество: при большом увеличении хорошо видно, что были отсортированы абсолютно одинаковые гранулы; на поверхности нет избытка припоя, который всегда «топит» мелкие детали и лишает орнамент четкости (рис. 52, *2*).

На территории Древней Руси найдено приблизительно 60 экземпляров лунниц, декорированных в техниках зерни и скани. Концентрация лунниц отмечается также на территории Польши (более 60 экземпляров). Они представлены в основном обломками из кладов «рубленного» серебра 2-й пол. X — 1-й пол. XI в., но по форме и технике изготовления идентичны древнерусским. Аналогичные лунницы встречены также в кладах Румынии и в Скандинавии. Считается, что все экземпляры, обнаруженные в Северной Европе, по происхождению славянские (Duczko, 1985, p. 67–68). Г. Ф. Корзухина полагала, что лунницы древнерусских кладов относятся к особой киевско-волынской группе украшений. Их производство на Волыни документируется находкой штампа в погребении ювелира из Пересопницы (Корзухина, 1954, с. 22–23).

Необычным украшением является круглая подвеска из камеры 3 (рис. 53, *1*). На первый взгляд создается впечатление, что она сделана из лунницы с тремя полусферическими колпачками под ушком. Геометрический орнамент из рядов зерни, сходящихся под углом, как будто обрезан в кружок, а затем украшение заново окантовано тремя рядами проволоки — гладкой и витой. Зернь прокована сверху и производит впечатление нагретой вторично: на ушке и в основном поле украшения она «подплавлена» (рис. 53, *2*).

Однако впечатление «вторичного использования» лунницы ложное: в одном из кладов, обнаруженных на западе Польши — Обра Нова в междуречье Одера и Варты, есть похожая по форме и конструкции подвеска, но на ней шарики зерни образуют другую геометрическую композицию (рис. 53, *3*). Пирамидки из шариков зерни, дополненные ромбами из четырех шариков, расположены полукругом в центральной части украшения. Дата польского клада конец X — начало XI в. (Kóćka-Krenz, 2007, s. 139, N 200). Следует отметить, что обе подвески выполнены менее искусно, чем лунница из погребения 1 и другие отличающиеся мастерством исполнения украшения из кладов Древней Руси 2-й пол. X — начала XI в.: в композиции нет строгой симметрии, шарики зерни различаются по диаметру, припой «топит» детали орнамента. Морфологическое и технологическое сходство этих редких подвесок позволяет предположить, что украшения из Пскова и Польши сделаны в одной мастерской менее умелым мастером или учеником.

Овальные и сферические бусины из погребений 1 и 3 с геометрической зернью составлены из двух полусферических половинок: в них пробиты отверстия для канала, окантованного проволокой круглого сечения. Поверхность бусин украшена треугольниками зерни, на хорошо сохранившемся экземпляре шарики зерни очень мелкие (диаметр — 0,1 мм), они соединены в пирамидки и ромбы по 8–10 шариков, которые утоплены в припое, а затем прокованы сверху. На двух других экземплярах зернь осыпалась (рис. 54, *1*, *2*).

Такие бусины широко распространены на территории Древней Руси. Только в кладах, найденных в Гнёздове, их известно не менее 50 экземпляров. Аналогичные экземпляры происходят из Польши, Германии и Швеции и датируются X–XI вв. (Duczko, 1983b, s. 189–233).

Подводя итог предпринятому исследованию, можно заключить, что более половины изученных находок составляют изделия из серебра, причем основной массив изделий произведен из высокопробного металла. В погребальных комплексах Старовознесенского некрополя встречены

Рис. 53. 1 — лицевая сторона и оборот круглой подвески в технике зерни и скани из погребения 3; 2 — макросъемка участка прокованной сверху и «подплавленной» зерни той же подвески; 3 — круглая подвеска из клада Обра Нова (Великопольское воеводство, в окрестностях г. Вольштын)

единичные украшения из золота — самого редкого металла в эпоху образования Древнерусского государства. Химический анализ серебра свидетельствует о смешении металла из разных источников, хотя небольшая группа изделий имеет в составе диагностический элемент — висмут, который является индикатором арабского монетного серебра. В целом, состав и качество серебра определялись доступностью металла, источниками его поступления и в какой-то мере отражали особенности технологии изготовления украшений и других предметов. Проба монетного серебра заметно ухудшается со 2-й пол. X в., но падение качества драгоценного металла практически не отразилось на составе металла украшений и сосудов. Это свидетельствует об очистке драгоценного сырья в ювелирных мастерских Северной и Восточной Европы, производивших продукцию для представителей элиты этой эпохи вне зависимости от этнической принадлежности заказчиков и потребителей. Вероятно, высокий статус погребенных определял качество вещей, окружавших их при жизни и после смерти.

Разнообразие сплавов, зафиксированное в псковской выборке, указывает не только «этническую окраску» предметов, помещенных в погребения, но и отражает разнообразие технологий и технологических приемов, с помощью которых изготовлены дошедшие до нас предметы. На основе изучения техники изготовления украшений из Старовознесенского некрополя представляется возможным выделить несколько производственных традиций, к которым могут быть отнесены наиболее характерные для этого комплекса находки. Скандинавская производственная традиция объединяет такие типы изделий, как проволочные подковообразные и кольцевидные фибулы, овальные и круглую застежки, подвески — проволочные колечки с напускными бусинами, подвески-личины, бусина со спиральным орнаментом, кресты, ножи с декорированными рукоятями. В Скандинавии либо скандинавскими мастерами в IX–X вв. производились приспособления для взвешивания — складные весы, чашечки весов и гирьки (Steuer, 1997, S. 405–527).

В скандинавской производственной традиции доминировало литье в разъемные формы. Применение этой техники известно на Севере Европы с VI в н. э., о чем свидетельствуют тысячи фрагментов разъемных форм, обнаруженных при раскопках Хельго в Средней Швеции. Находки двухчастных литейных форм для скандинавских украшений в Гнёздове, Старой Ладоге, Рюриковом Городище, Городке на Ловати и Белоозере документирует их производство в разъемных формах в мастерских на территории Древней Руси (Ениосова, 2001, с. 83–92). Благодаря преимуществам составных литейных форм, позволяющих копировать не только модели, но и готовые вещи, возник феномен «массового производства» рельефных украшений со сложным орнаментом. Для ювелирных изделий эпохи викингов характерны накладные детали из серебра и сплавов свинец–олово, позолота и лужение (Jansson, 1985, s. 108–110). Украшения скандинавских типов из Пскова по набору декоративных приемов не отличаются от аналогичных скандинавских. Лужение, позолота и накладные детали зафиксированы на овальных фибулах из Пскова.

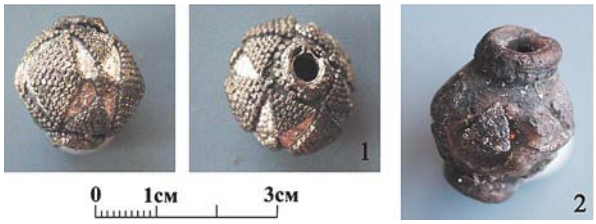


Рис. 54. Зерненые бусины из погребения 1

Скандинавские ремесленники владели обширным набором кузнечных операций. Изделия из листового металла, преимущественно серебра, обнаруженные в погребениях Старовознесенского некрополя, свидетельствуют о применении техники чеканки, гравировки, чернения, тиснения и выколотки. Операции, связанные с получением проволоки и изготовлением проволочных вещей, также были хорошо знакомы северным ювелирам. Волоченая проволока получила широкое распространение в Скандинавии уже в эпоху Великого переселения народов. Так называемая «филигранная проволока», сделанная с помощью специального напильника, или органариума, является одним из отличительных признаков скандинавского искусства зерни и скани. Среди других характерных особенностей можно назвать также нерегулярную зернь и получение основы для филигранного узора посредством тиснения на рельефных подкладных штампах. Инструменты для самой сложной техники в ювелирном ремесле этого времени найдены в 10 пунктах на территории Скандинавии, однако самая представительная серия штампов происходит из Хедебю в Шлезвиге (Duczko, 1993, p. 185–190). Небольшая группа изделий из погребений Старовознесенского некрополя выполнена в североевропейской филигранной технике. Круглая фибула и подвески-личины из погребения 1 отличаются по морфологическим и стилистическим признакам от украшений, известных

в Скандинавии и на территории Древней Руси. С большой долей осторожности можно предположить, что эти вещи выполнены по заказу женщины, погребенной в одном из самых богатых погребений не только Псковского некрополя, но и Древней Руси. Ряд признаков позволяет предположить, что они появились на Готланде либо являются делом рук странствующего мастера готландского происхождения. Сходные вещи появляются на территории Древней Руси и Прибалтики в конце X — начале XI в. Торговые и культурные контакты внутри восточнобалтийской экономической зоны были стабильны на протяжении всего раннего Средневековья. Однако производственные свидетельства, подтверждающие эти предположения, пока отсутствуют как на Готланде, так и на древнерусской территории.

Круг аналогий псковским находкам скандинавского происхождения включает памятники Центральной Швеции, Готланда, Прибалтики и таких древнерусских памятников, как Киев, Шестовица, Чернигов, Гнёздово и Ярославские курганы. Тем не менее по составу находок комплексы камер Старовознесенского некрополя наиболее схожи с аристократическим погребениями Киева и Гнёздова третьей четверти X — начала XI в.

Некрополи Киева, Гнёздова и Пскова сближает присутствие украшений славянских мастеров, выполненных в технике зерни и скани. Согласно сложившимся представлениям эта группа называется киевско-волынской из-за концентрации находок в районе Киева и на Волыни и благодаря производственным свидетельствам, обнаруженным в погребении ювелира Пересопницкого некрополя. Однако находки матриц для производства изделий в славянской технике зерни и скани — височного кольца волынского типа и полых бусин в Гнёздове кардинально меняют картину и указывают на другой центр, выпускавший сложные и дорогие украшения в Верхнем Поднепровье (Мурашёва, Рузанова, 2012, с. 128–137; Ениосова, 2012, с. 211). Технологические особенности и ощутимая разница в уровне мастерства, с которым исполнены славянские сканно-зерненые украшения из кладов, погребений и культурного слоя X–XI в., позволяют предположить, что их производили ювелиры в нескольких стационарных мастерских либо странствующие мастера, перемещающиеся от одного состоятельного заказчика к другому.

Третья общая черта камерных погребений Верхнего, Среднего Поднепровья и Пскова — наличие «восточных» вещей, причем в их число входят поясные накладки из Волжской Болгарии или Прикамья, прикамские кресала, а также пуговицы и серебряные оправы деревянных ковшей, имеющие параллели в кочевнических древностях Юга Восточной Европы.

Среди вещей, обнаруженных в восьми погребениях Старовознесенского некрополя, есть украшения и сосуды, долго служившие своим хозяевам и, возможно, переходившие из рук в руки. Среди них блюдо из погребения 1 со следами серьезной починки поврежденного дна с помощью полос металла, приклепанных гвоздиками с внутренней и наружной стороны (рис. 55).

Судя по следам сношенности и ремонта, в длительном употреблении находилась круглая серебряная фибула из погребения 1. Для изготовления обоймиц на венчик и донце деревянной чаши из погребения 7 мастер использовал обрезки предмета, возможно, серебряного с позолотой сосуда (рис. 56).

Рис. 55. Следы ремонта сосуда из погребения 1

Рис. 56. Металлические накладки на венчик и донце деревянного сосуда из камеры 7

Все эти наблюдения говорят о ценности старых и даже поломанных вещей. Вероятно, у людей, похороненных в Старовознесенском некрополе, не было доступа к источникам, благодаря которым можно было легко получать новые престижные вещи.

N. V. Eniosova

Investigation of the Chemical Composition of Non-ferrous Alloys and Manufacturing Technique of the Jewellery and Household from the Chamber-graves of the Starovoznesensky Necropolis [1]

Summary

The present study includes 88 grave goods from eight chamber graves dating to the late Xth — early XIth centuries excavated in 2003–2008 at the Starovoznesensky necropolis in Pskov. Morphological, stylistic and technological studies allow for identifying objects of Scandinavian, Slavic and oriental origin. One hundred and five samples obtained from 81 objects were investigated using ED XRF analysis. The objects were studied in the context of silver and copper alloy composition in the relation to manufacturing techniques. As a general result, different groups of alloys could be distinguished. A silver of high quality (over 90 %) clearly dominated; brass and gunmetal do make up more than 30 % of the alloys analyzed from the chamber graves; gold, bronzes, pure and impure copper are detected only as isolated examples. High bismuth level detected in silver ornaments show that Arabic coins were the main source of silver for Slavic and Scandinavian craftsmen. The copper, lead and bismuth concentrations in the silver ornaments are remarkably lower than the contents found in the Arabic coins. It indicates silver cupellation and the ability to control silver fineness. Many grave goods are magnificent examples of the early medieval craftsmanship comprising an extensive use of casting, hammering, wire drawing, embossing metal sheets over metal dies, filigree, granulation, fire-gilding and niello. Expensive female ornaments unified stylistically and technologically belonged to the upper strata of the local society. Some ornaments have traces of significant damage and repair.

[1] Перевод автора статьи.

Д. В. Пежемский

Опыт антропологического исследования останков из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова

Хорошо известно, что скелетные останки, извлекаемые при археологических работах, являются ценным историческим источником. Древние кости позволяют многое узнать о наших далеких предках, и зачастую эта информация не может быть получена никакими другими средствами (Дебец, 1948, с. 17–23, 322–332; Алексеев, 1979, 1989). В случае с комплексом рассматриваемых погребальных камер X в. это особенно актуально по двум причинам. Палеоантропологические материалы X–XIII вв. из Пскова крайне малочисленны и отличаются не очень хорошей, а чаще всего плохой сохранностью. За исключением одного черепа из Псковского некрополя (Хартанович, 1996), нескольких черепов с Романовой горки (Санкина, 2000а, 2000б), а также неопубликованных пока единичных материалов автора из Трупеховского, Изборского IX, Образского II раскопов, мы не располагаем достаточной источниковой базой для каких-либо далеко идущих палеоантропологических обобщений. Вторая причина обусловлена исключительным интересом, который представляет камерный некрополь Пскова для истории и археологии Древней Руси.

Изучение скелетных останков людей прошедших эпох — специальная область знаний, самостоятельный раздел современной физической антропологии. В нашей стране с середины XX в. он именуется *палеоантропологией*. Информационная мощь палеоантропологического источника определяется как субъективными факторами, например квалификацией специалиста, взявшегося за исследование, так и объективными, среди которых ведущую роль играют *сохранность* костных останков и *уровень разработки* методики их изучения. Указанные факторы тесно взаимосвязаны. В секторе объективных сложностей эти взаимосвязи выглядят следующим образом — плохая сохранность скелетных останков понижает их информационную значимость, а всё более совершенствующиеся методы палеоантропологического анализа повышают ее. Таким образом, важно не только качественно, на соответствующем методическом уровне, изучить ископаемые черепа и кости посткраниального скелета, но и сохранить их для будущих исследований, ибо процесс развития методической базы практически бесконечен. Для краниологических и остеологических серий хорошей сохранности это важно в силу полноты источника; когда же мы имеем дело с плохой сохранностью, это важно в случаях уникальности, исключительности палеоантропологического материала. Именно такой случай — сочетание плохой и очень плохой сохранности костей с уникальностью самого палеоантропологического материала — представляют нам скелетные останки из камерных погребений Пскова. В силу природно-климатических условий и физико-химических свойств почвы человеческие останки из Старовознесенского некрополя обладают высокой степенью деструкции костной ткани. Огромная историко-культурная ценность обнаруженного в Пскове камерного могильника придает обнаруженному палеоантропологическому материалу непреходящую значимость, а плохая сохранность костей добавляет этой ситуации оттенок трагичности. Небольшим исключением здесь является погребение женщины из камеры 1 (Старовознесенский I раскоп), череп которой после тщательной консервационной и реставрационной работы удалось использовать для описания и реконструкции физических особенностей их обладательницы. Во всех остальных случаях мы должны говорить о том, что *пол-*

ноценное их палеоантропологическое исследование, сколь бы тщательным и комплексным оно не являлось, невозможно. В данной публикации будет отражен текущий этап исследования скелетных останков из всех восьми камерных погребений Пскова, изученных в 2004–2009 гг. В силу несколько лучшей сохранности фрагментов костей из камерного погребения 1 им будет уделена бóльшая часть нашего внимания.

Подходы к консервации и реставрации костных останков

Оценивая сохранность костной ткани, иначе говоря, — степень ее деструкции, нужно помнить, что это свойство определяется не только тем, что на кость влияли неблагоприятные внешние факторы. Существуют факторы, изначально определяющие ту или иную степень сохранности. Речь идет о свойствах самой кости, сформировавшихся в течение жизни организма, т. е. о внутренних факторах. Можно было бы сказать, что они определяют *нулевой* или *стартовый уровень сохранности* и дальнейшие ее деструкции. Среди них — остеопороз, как клинический, так и возрастной, уровень минерализации и компактизации здоровой кости, патологические процессы. Вне зависимости от степени сохранности костной ткани можно наблюдать разную сохранность скелета. Для того чтобы отличать сохранность того, что мы описываем в конкретный момент, мной было введено понятие «комплектности» или «представленности скелета» (Синицына, Пежемский, 2009). *Комплектность скелета* — общая характеристика, показывающая полноту скелетной системы конкретного индивида на момент археологической фиксации. Для получения этой характеристики достаточно детального учета всех сохранившихся элементов скелета.

Понимая всю сложность палеоантропологической работы с материалами из камерных погребений Пскова, мы не торопились использовать консервирующие вещества, а старались обеспечить такие условия сушки и расчистки обнаруженных останков, чтобы как можно дольше иметь возможность использовать их в ряде других, не морфологических анализов, в частности в химическом или молекулярно-биологическом. Подход, использованный в работе с останками из псковских камер, изложен в публикациях, посвященных изучению останков плохой сохранности и методам их консервации (Пежемский, 2000а, 2009).

Очистка скелетных останков от поверхностных загрязнений — это, конечно же, первое и непременное условие, выполнение которого требует дальнейшая работа с ними. Очистка костных элементов должна предшествовать всем прочим мероприятиям по их первичной или более детальной обработке, как технической, так и научной. Тем не менее, как ни парадоксально, практический опыт работы показывает, что с очисткой костей не стоит торопиться, особенно когда они происходят не из «рядовых» погребений, а являются останками первостепенной исторической ценности.

Время, которое необходимо выдержать с момента выемки останков из погребения до начала очистки, а также способы и техника очистки должны напрямую зависеть от целого ряда факторов — характера грунтов, окружавших останки, их влажности, сохранности структуры костной ткани, предполагаемой консервации, дальнейших исследовательских мероприятий и т. п. Так как загрязнения или то, что мы за них принимаем (!), безусловно, несут определенную информацию об истории и характере бытования погребального комплекса, следует тщательно продумать возможные последствия преждевременного их удаления. Исходя из этого можно было бы сформулировать следующий тезис: не стоит удалять поверхностные загрязнения, если они не мешают конкретным исследовательским акциям.

Консервация костных останков, под которой традиционно понимают пропитывание их клеящими веществами, должна проводиться с учётом целого ряда обстоятельств. Первым из них, безусловно, является сохранность. Останки очень хорошей и хорошей сохранности просто не нуждаются в каких-либо консервационных мероприятиях. Останки посредственной сохранности чаще всего неплохо поддаются изъятию из погребения, упаковке и переносу в лабораторные помещения, следовательно, их консервация более чем необязательна. Здесь стоит указать на очень важный момент: так как любые консервирующие вещества — это вещества химические, необходимо как можно меньше применять их в работе с костными останками. Во-первых, характер влияния каждого из них на костную ткань до конца еще не изучен, а главное — для многих из них неизвестны реальные сроки нахождения в стабильном состоянии при различных условиях окружающей среды. По большому счету, реставратор никогда не может быть уверен до конца в том, насколько вредоносными окажутся его действия по применению тех или иных хими-

ческих веществ в ходе консервации. Во-вторых, применение консервирующих веществ во многом ограничивает дальнейшую работу по детальному исследованию костных останков: становятся неприменимыми тонкие методы анализа.

Останки плохой и очень плохой сохранности, которые не в состоянии переносить даже малейшие механические воздействия, должны подвергаться консервации в соответствии с задачами исследования. Если задача морфологического изучения костей не единственная или не стоит на первом месте, торопиться с консервацией не нужно. При этом следует иметь в виду и другие обстоятельства, важнейшим из которых помимо степени сохранности является увлажненность самих скелетных останков. Необходимо помнить, что переувлажненные останки при щадящем режиме высушивания становятся гораздо более прочными, нежели были исходно. После просушки даже оценка степени их сохранности может измениться. Это еще одна причина, по которой не стоит сразу приступать к консервации. Из всех факторов, негативно влияющих на сохранность структуры костной ткани, хотелось бы выделить именно влагу. Она способна не только растворять различные соли и пропитывать ими кость, что при уменьшении влажности приводит к кристаллизации этих солей и разрушению костной ткани. При соответствующем уровне аэрации вода поддерживает жизнедеятельность различных биодеструкторов, обеспечивающих определенный уровень поглощения как клеточного, так и неклеточного компонента костной ткани. Кроме того, вода способна и самостоятельно разрушить структуру кости, если последняя уже ослаблена целым рядом факторов, среди которых время — не самый последний. Именно поэтому древние скелетные останки не рекомендуется очищать при помощи воды, т. е. мыть их! Исключением, конечно, являются останки очень хорошей сохранности, однако псковские камерные погребения — не тот случай.

Центральным моментом является запрет на консервационные мероприятия переувлажненнных костных останков, какими они и предстают перед исследователями в большинстве случаев. Костные останки из камерных погребений Пскова — яркий пример того, что при определенных степенях сохранности никакие манипуляции с ними во влажном состоянии невозможны. Дело в том, что влага, содержащаяся в костной ткани, не позволяет полноценно проникать в ее структуру даже хорошо растворимым клеящим веществам, не говоря уже об эмульсиях. К сожалению, степень деструкции подавляющего большинства костей из псковских камерных погребений столь велика, что высыхание их не привело к существенному увеличению прочности, а некоторая часть их продолжила разрушаться. Все это существенно затруднило сухую очистку костных фрагментов от тяжелого супесчаного и суглинистого грунта.

Методика исследования

Изучение скелетных останков из псковских камер проводилось по классическим для отечественной палеоантропологии методикам. Определение пола и возраста индивидов осуществлялось в соответствии с приемами, принятыми в антропологии и судебной медицине (Герасимов, 1955; Никитюк, 1960а, 1960б, 1960в, 1969; Пашкова, 1963; Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Никитин, 2009). Зубной возраст у детей определялся по схеме Дугласа Убелакера, не раз опубликованной в различных методических руководствах (Ubelaker, 1978).

Краниологический материал исследован по стандартной методике (Martin, 1928; Алексеев, Дебец, 1964). При реконструкции лица по черепу применены как традиционные разработки, так и новейшие уточнения метода (Герасимов, 1955; Лебединская, 1998; Никитин, 2009). Все статические анализы были проведены в рамках программы STATISTICA 6.0, применен метод главных компонент. Остеологическое исследование осуществлялось с использованием стандартного остеологического бланка 1965 г. и рекомендаций В. П. Алексеева относительно мартиновской остеометрической системы (Алексеев, 1966). Для оценки абсолютных значений признаков привлекались рубрикации их величин, составленные В. В. Бунаком (Мамонова, 1986). Реконструкция длины тела (роста) проводилась в соответствии с новыми методическими приемами (Пежемский, 2011).

Общая характеристика костных останков и половозрастные определения

Камерное погребение 1 (Старовознесенский I раскоп; раскопки Е. А. Яковлевой, 2003–2004 гг.). На начальном этапе работы было осуществлено знакомство с полевой документацией (чертежи, фотографии) для оценки положения костей ске-

лета «антропологическим взглядом». Полевая документация позволила сделать ряд обоснованных предположений относительно первоначального положения тела в погребальной камере. Череп был обнаружен в области нижней части грудной клетки (покоился на ней правой половиной лицевого отдела, затылочной частью вверх), здесь же обнаружены и шейные позвонки. Кисти рук расположены заметно ниже костей таза, более того, расстояние между дистальными отделами костей предплечья и костями пясти слишком велико и неестественно. Правая лопатка смещена вниз, влево и покоится внутренней поверхностью на дне ямы лопаточной остью вверх, при этом она остается сочленованной с головкой плечевой кости. Кости верхней части грудной клетки и ключицы значительно смещены в левую сторону. Ноги полусогнуты в коленных суставах: правая — довольно слабо, левая — заметно сильнее. Все эти наблюдения исключают возможность того, что тело было уложено горизонтально на спину. Вероятность постороннего вмешательства также крайне мала. Наиболее достоверным будет предположение о первоначальном размещении тела в полусидячей позе. Посадка должна была быть не очень высокой (в этом случае костные элементы располагались бы в большем беспорядке).

Комплектность скелета достаточно хорошая, тем не менее возможности палеоантропологического анализа ограничены в силу плохой сохранности костной ткани, которая частично может быть охарактеризована как удовлетворительная, а в основном — как плохая или очень плохая. Череп из камерного погребения 1 был разрушен значительно (более 50 фрагментов), но представлен практически всеми элементами. Исключение составили носовые кости и отдельные участки нижней челюсти. Несмотря на некоторую неполноту фрагментов и небольшую посмертную деформацию, череп был успешно отреставрирован. Реставрация была проведена восковой мастикой с предварительной пропиткой отдельных фрагментов клеем БФ-6, что было вызвано осыпанием эмали зубов, шелушением компакты лобной и правой височной костей, а также нижней челюсти, которая имеет наиболее неудовлетворительную сохранность (особенно в области подбородочного отдела).

Судя по морфологическим особенностям черепа и таза, а также абсолютным размерам костей, данный скелет принадлежит женщине, что подтверждает и погребальный инвентарь. Ее биологический возраст может быть достоверно установлен по швам, которые полностью открыты, в том числе и изнутри (имеется небольшое уплотнение теменного и левой половины затылочного швов). С учетом данных о слабой стертости зубной системы индивидуальный возраст может быть оценен категорией Adultus (25–35 лет). Яркий инвентарный набор камерного погребения 1, в составе которого обнаружилось значительное количество вещей *скандинавского круга*, предопределил, кроме прочего, вектор сравнительного анализа, направленный на палеоантропологические материалы средневековой Швеции (см. ниже).

Посткраниальный скелет данной женщины достаточно грацилен и несет на себе трещины (неполные разломы) на правой ключице и плечевой кости, которые могут быть предположительно интерпретированы как травмы, полученные перед самой смертью или посмертно, например при обрушении свода камеры (см. ниже описание деформаций черепа).

Камерное погребение 2 (Старовознесенский II раскоп; раскопки А. В. Михайлова, 2004 г.). Комплекс отличался плохой сохранностью древесины и костных останков. Для определений были переданы кости обеих ног очень плохой сохранности и комплектности в сопровождении большого количества прилегавшего грунта.

По величине частично сохранившихся эпифизов бедренных костей, наименьшей окружности большеберцовой кости, размерам плюсен, размерам и пропорциям левого надколенника можно с большой долей вероятности говорить о женском поле погребенного индивида. При этом хорошо развитый макро- и микрорельеф длинных костей добавляет этому заключению определенную гипотетичность.

Если не принимать в расчет сохранность костной ткани (так как здесь, возможно, имеют место явления остеопороза), а учитывать только состояние сохранившихся суставных поверхностей и их краев, которые во многих случаях заострены и сопровождаются узелками остеофитов, то можно предположительно оценить биологический возраст данной женщины. Его следует определять в широких пределах периода зрелости (35–55 лет), с предпочтением раннего зрелого возраста — Maturus I (35–45 лет). Никаких патологий и следов травм на фрагментах костей не выявлено.

Камерное погребение 3 (Старовознесенский IV раскоп; раскопки Е. А. Яковлевой, 2006 г.). Погребальная камера подверглась разграблению еще в древности, что очень плачевно сказалось на останках — как с точки зрения их комплектности, так и сохранности структуры костной тка-

ни. Для изучения были переданы 18 скоплений разрозненных костных фрагментов, 15 из которых содержали останки человеческого скелета, а прочие состояли из костей животных. Так как для археологического анализа может быть важным понимание топографического распространения фрагментов в камере, приводим их детальное описание (табл. 1). Как видим, человеческие останки встречены в пл. 13–15, на отметках от –251 до –283, т. е. были рассеяны в толще грунта мощностью 30 см. Зона их распространения — квадраты 11, 18–20 и 27. Все фрагменты, за исключением костей животных, принадлежат одному индивиду — скорее всего, женского пола и старческого возраста — Senilis (старше 55 лет). Сильно разрушенный череп, несмотря на наличие крупного фрагмента свода и некоторых других его частей, реставрации не подлежит.

Камерное погребение 4 (Старовознесенский V раскоп; раскопки Т. Е. Ершовой, 2007 г.). В данном комплексе были выявлены захоронения двух индивидов: *основное* — в погребальной камере и *сопровождающее* — за пределами сруба усыпальницы (см. т. II, Погр. 4). Сохранность обоих скелетов очень плохая, они представлены лишь небольшим количеством костных фрагментов рыхлой структуры.

Захоронение № 1 (основное). В северо-западной части камеры найдены останки взрослого индивида. Его скелет представлен небольшими фрагментами черепа, в том числе нижней челюстью (3 фрагмента), позволяющей предположить мужской пол погребенного (морфологические признаки ее недостаточно выразительны). Изношенность зубной системы свидетельствует о позднем зрелом возрасте индивида — Maturus II (45–55 лет). Стертость премоляров оценивается в 3–4 балла, первого моляра — в 4 балла. Второй моляр отсутствует, его альвеолярная лунка полностью облитерирована, альвеолярный отросток на этом месте значительно редуцирован. Именно по этой причине зубы-антагонисты имеют значительно меньшую стертость. Так, ярким примером является правый третий моляр (M^3), который практически не имеет стертости, однако снабжен значительным отложением зубного камня, в том числе на окклюзивной поверхности, что говорит о неучастии данного зуба в процессе жевания. Кроме того, найден левый второй моляр, также практически не имеющий стертости — 0–1 балл.

Небольшие фрагменты диафизов длинных костей (например плечевой) позволяют предположить, что данный индивид не обладал крупными размерами тела, что, впрочем, еще не противоречит определению его половой принадлежности. В этом же направлении заставляют думать морфологические особенности костей предплюсны, наилучшей сохранностью из которых отличается правая таранная кость. На отдельных фрагментах костей зафиксированы признаки артроза и остеопороза, что хорошо согласуется с возрастом, диагностированным по зубам.

Захоронение № 2 (сопровождающее). Второй скелет представлен неполным набором зубов и отдельными фрагментами трубчатых костей, позвонков и ребер. Останки принадлежат ребенку. Удалось зафиксировать проксимальный эпифиз левой бедренной кости, головку этой кости, фрагмент тазовой (подвздошной) кости, на котором хорошо видно, что в момент смерти в организме ребенка протекали активные процессы возрастной перестройки скелетной системы, в частности происходило формирование суставной впадины (ацетабулюма). Эти данные, уточненные по степени сформированности сохранившихся зубов (m^1, m^2, m_2, M^1, M_1, M^2, M_2, C, P^1 и P^2), позволяют утверждать, что ребенок умер в период второго детства — Infantilis II, скорее всего, в возрасте 8–9 лет. Первоначальное определение — 10–12 лет — позднее было скорректировано в связи с обнаружением среди костного тлена дополнительных костных фрагментов и зубов. По мнению авторов раскопок, погребальный инвентарь (топор) свидетельствует о мужском поле ребенка.

Камерное погребение 5 (Подзноевский XII раскоп; раскопки Т. Е. Ершовой, 2008 г.). Скелетные останки имеют очень плохую сохранность. Представлено всего несколько определимых фрагментов, в первую очередь — диафизы длинных костей, которые позволяют уверенно говорить, что погребение содержало останки ребенка. В частности, из монолита был выбран фрагмент нижней челюсти (правая половина) с зубами. Степень сформированности зубной системы данного ребенка соответствует периоду второго детства — Infantilis II, предположительный возраст смерти — 11–12 лет. Как считает автор раскопок, погребальный инвентарь позволяет определить, что здесь был погребен мальчик.

Камерное погребение 6 (Подзноевский XII раскоп; раскопки Т. Е. Ершовой, 2008 г.). Сохранность выявленных костных останков — удовлетворительная и плохая, что, кроме прочего, было предопределено и ограблением камеры в древности. Скелет был разрознен. Тем не менее характер сохранности костей и их фрагментов сопоставим с таковым у скелета из камерного погребения 1: большинство отделов скелета пред-

ставлено. Наличие диафизов трубчатых костей, в том числе пястей и фаланг кисти, фрагментов ребер, позвонков, лопаток и ключиц, позволяло делать положительный прогноз относительно их реставрации и исследования. Однако после высыхания фрагментированность подавляющего числа костей усилилась, что практически исключает их качественный морфологический анализ. Размеры и форма сохранившихся фрагментов, в частности — свода черепа (кальварии) и нижней челюсти, позволяют сделать надежные определения пола и возраста. Останки принадлежат мужчине позднего зрелого возраста — Maturus II (45–55 лет). Череп, представленный фрагментами, к сожалению, не подлежит реставрации. Сравнительный морфологический анализ сохранившихся его элементов лучше всего провести позднее, на фоне выборки ранних черепов с территории Пскова, когда фонд этих находок будет достаточно большим или увеличится хотя бы на несколько экземпляров.

Камерное погребение 7 (Подзноевский XII раскоп; раскопки Т. Е. Ершовой, 2008 г.). Костные останки представлены мизерным количеством фрагментов очень плохой сохранности (осколки длинных костей, фрагменты покровных костей черепа), которые дают возможность определить, что в данном случае был погребен ребенок. Сохранившиеся фрагменты челюстей и зубы позволяют сделать заключение о возрасте лишь в широком диапазоне — старше 3 и младше 7–8 лет (в любом случае — это период первого детства, Infantilis I). Особенности погребального инвентаря позволили предположить автору раскопок, что здесь была захоронена девочка.

Камерное погребение 8 (Подзноевский XIV раскоп; раскопки Т. Е. Ершовой, 2009 г.). Скелетные останки из данного погребения отличаются несколько лучшей сохранностью, чем останки прочих индивидов из Старовознесенского некрополя. По отдельным позициям их сохранность и комплектность соответствуют таковым в камерном погребении 1 или даже превосходит их. В расчистке и сборе палеоантропологического материала из данной камеры мне довелось принимать непосредственное участие. Сохранность костей плохая, однако изъятие их в соответствующем порядке и неприятие методики забора костей монолитом позволили сохранить часть костей целыми. Были представлены все отделы скелета, тем не менее благоприятный прогноз возможности их исследования оправдался лишь отчасти — после полного высыхания многие кости и их фрагменты получили дополнительные разрушения. Череп представлен не менее чем 60 фрагментами, с которыми проводились комплексные консервационные мероприятия. Несмотря на достаточную полноту различных его отделов, реставрация пока не увенчалась успехом в силу чрезвычайной ломкости фрагментов, осыпающихся сломов и ряда посмертных деформаций.

Первоначальное определение пола и возраста, сделанное еще на раскопе, заключалось в том, что нам открылись скелетные останки молодого мужчины. Определение возраста базировалось на полностью открытых, как снаружи, так и изнутри, швах черепа и степени стертости зубов, которая на клыках, премолярах и третьих молярах характеризуется 1–2 баллами, а на резцах, первых и вторых молярах — 2–3 баллами. Слабая стертость зубов в сочетании с открытыми швами, специфической формой ямки на головках бедренных костей и некоторыми другими признаками (например, подъязычной костью, к которой еще не приросли рога — *cornu majus*) свидетельствуют о возрастной когорте Adultus (25–35 лет). Противоречит этому определению только состояние ушковидных поверхностей безыменных костей — шершавых, с небольшими кавернами и узелками, с неровными краями, снабженными остеофитами. Такое состояние сочленованных поверхностей таза соответствует скорее поздней зрелости, т. е. возрасту Maturus II (45–55 лет), однако может наблюдаться и в более ранние периоды нисходящего онтогенеза, например при некоторых травматических состояниях.

Если биологический возраст индивида из камерного погребения 8 не вызывает особых сомнений, то этого совершенно нельзя сказать о его половой принадлежности. Первоначальное определение пола как мужского основывалось на достаточно крупных, не сказать массивных, костях скелета, снабженных развитым мышечным рельефом, на ряде признаков черепа — толстых костях свода черепа, развитом надбровье. При дальнейшей работе с фрагментами стало очевидно, что перед нами тот редкий случай, когда *бесспорное определение пола* в силу специфического сочетания морфологических признаков просто *невозможно*. Очищенные и состыкованные фрагменты тазовых костей, несмотря на плохую сохранность, позволили увидеть форму большой тазовой вырезки — она представляет собой средний вариант, в большей степени приближающийся к «женским» морфам. Кроме того, тазовые кости характеризуются небольшими размерами (в частности, малый диаметр суставной впадины — M.22. = 51 мм). Подвздошные кости относительно низкие, миндалевидной формы,

что скорее свойственно женскому тазу. Несмотря на достаточно массивную скелетную систему, у данного индивида были короткие и слабоизогнутые ключицы, большой коллодиафизарный угол бедренных костей, что также более характерно для женского скелета.

Вернемся к морфологии черепа из камерного погребения 8. Нельзя отрицать, что он, как и скелетная система в целом, обладает рядом черт, позволяющих говорить о его массивности. Так, например, достаточно велика толщина костей свода: лобная кость в области бугров — 8,5–8,7 мм, в области брегмы — 5,5–5,7, теменные кости в области брегмы — 5,4–5,5, в области корональных точек — 7,2, в области бугров — 7,0, в области обелиона — 7,5, затылочная кость в области лямбды — 7,8–8,3 мм.

Фрагменты нижней челюсти показывают короткое, низкое и относительно толстое тело, небольшие ветви с углами, направленными внутрь, слабо развитый, несколько заостренный подбородок, что в сочетании с мелкими зубами не оставляет сомнений в том, что она скорее характерна для женщины. Яркие морфологические признаки, которые в условиях раскопа выглядели как «мужские», оказались сочетанными с рядом «женских» признаков. Так, развитый рельеф затылочной кости оказался исключительно затылочным валиком, который рядом авторов рассматривается как эпигенетический, дискретно-варьирующий признак. Собственно затылочный бугор не развит вовсе (балл 0). Череп обладает довольно тонкими скуловыми дугами. Верхний край орбит толстый, однако он несколько приострен. Сосцевидные отростки могут быть описаны 2 баллами, что хорошо согласуется с общей массивностью черепа. Надбровные дуги — также 2 баллами, однако латеральные их участки, несмотря на пневматизированность надбровья, практически не достигают середины орбитального края. Если же посмотреть на развитие надпереносья, которое характеризуется не более чем 3 баллами, станет очевидно, что «мужские» признаки совсем не превалируют в морфологическом комплексе данного черепа. В настоящее время, с учетом всех изложенных фактов, я склоняюсь к тому, что в камерном погребении 8 была захоронена молодая *женщина*, для скелетной системы которой свойственны крупные размеры и некоторая массивность. В этой связи стоит обратить внимание на весьма примечательный момент — в камерном погребении 2 также была погребена женщина, обладавшая, судя по костям ног, довольно массивным скелетом.

Любопытно, что ровно с такими же проблемами при определении пола по морфологическим признакам скелета мне довелось столкнуться в ходе изучения ископаемых останков из разрушенного погребения конца XI–XII в. на поселении Прость в Приильменье (Пежемский, 2001). Женщина, погребенная на Прости, обладала всеми теми же признаками, что и скелет из камерного погребения 8, — крупными размерами, относительной массивностью, в том числе черепа, для которого свойственны толстые кости свода и некоторые «мужские» признаки.

Результаты изучения черепа из камерного погребения 1

Описание черепа. Как было показано ранее, в ходе длительной реставрации череп из камерного погребения 1 удалось практически полностью восстановить, однако исправить некоторые его посмертные деформации не получилось. Так, вследствие длительного давления на область правой половины лобного шва (грунт или балка погребального сооружения?) образовалась слабая посмертная деформация свода. Это привело к расхождению данного участка шва и отведению правой височной кости назад и наружу. Наибольшие потери понесли противолежащие участки черепа — левая и нижняя. В силу этого большинство краниометрических характеристик дано со знаком «?», а их значения должны оцениваться в пределах ±1 мм. Часть важнейших краниометрических характеристик измерению не поддается, например № 17, 5, 11, 40, 62, 63 по Р. Мартину (Martin, 1928), параметры переносья, широтные размеры нижней челюсти. Несмотря на это, в краниологическом отношении череп удалось изучить по достаточно подробной программе (табл. 2).

Череп из камерного погребения 1 характеризуется средними размерами, рельеф его развит слабо. Овоидная мозговая капсула длинная и среднеширокая, по указателю долихо-мезокранная (M.8 : 1. = 75,6?), продольно-сагиттальное ее соотношение очень велико (M.1 : 25. = 51,7?). Свод черепа очень низкий, что подтверждается и указателями (M.20 : 1. = 57,2?; M.20 : 8. = 75,7?). Лоб достаточно широкий, относительно ширины черепа средний (M.9 : 8. = 69,8?), лобная кость изогнута слабо (M.29 : 26. = 92,1). Затылок очень широкий как абсолютно, так и относительно (M.12 : 8. = 83,8?), затылочная кость изогнута значительно (M.31 : 28. = 81,9).

Из морфологических признаков внутренней поверхности мозговой капсулы следует отметить правый поворот желоба венозного синуса в области крестообразного возвышения и так называемые пальцевые вдавления в области переднего отдела сагиттального шва (3 шт., через одно из них проходит разлом, что позволяет увидеть практически полное отсутствие здесь диплоэ и наличие только компактной пластинки).

Лицевой отдел узкий и средневысокий по абсолютным размерам. Значения лицевых указателей большие (М.48 : 45. = 55,0?; М.47 : 45. = 93,3?), что говорит об узком, относительно высоком лице. Углы горизонтальной профилировки малые, т.е. лицо хорошо профилировано, его можно назвать клиногнатным. Нос высокий и очень широкий, по указателю платиринный (М.54 : 55. = 52,9?). К сожалению, отсутствует возможность измерить степень выступания носовых костей. Судя по морфологическим особенностям лобных отростков верхней челюсти, выступание носовых костей не могло быть значительным, а переносье, вероятно, было развито средне. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Орбиты крупные, средних пропорций (М.52 : 51. = 83,3?). Нижняя челюсть длинная с достаточно грацильным телом (указатель массивности = 37,9).

Восстановление лица по черепу из камерного погребения 1 позволяет визуализировать его морфологические особенности и воспринимать облик не по цифровым и словесным характеристикам, а более привычным способом. В данном случае мы можем видеть узкое и достаточно высокое женское лицо с довольно «тяжелой» нижней челюстью (рис. 1). Высокие глазницы и неглубоко посаженные глазные яблоки определяют отсутствие выраженной складки верхнего века, а широкое грушевидное отверстие обусловливает широкой нос. Носогубные складки, достаточно резко пролегающие к уголкам рта и относительно редкие для столь молодого возраста, определяются хорошо моделированными элементами отрицательного рельефа верхней челюсти — глубокой собачьей ямкой и глубокой верхнечелюстной вырезкой. Особо стоит оговорить форму спинки носа. Как сказано выше, носовые кости, определяющие ее особенности, отсутствовали, однако хорошая сохранность остальных деталей лицевого отдела черепа такова, что оказалось возможным гипотетически реконструировать их из восковой мастики. При столь широком грушевидном отверстии угол выступания носовых костей вряд ли был большим и вряд ли имел резко очерченную горбинку. В среднем, как показывают стандартные коэффициенты корреляции, ширина носа и угол его выступания связаны слабой, но отрицательной связью (Ефимова, 1991, с. 86). Однако при столь значительной ширине далеко не исключена вогнутая форма спинки носа. В данном случае были учтены все морфологические особенности черепа. Дело в том, что вогнутая спинка носа более всего присуща беломорско-балтийскому расовому комплексу, черты которого на черепе из камерного погребения 1, как мне представляется, отсутствуют. Именно поэтому в процессе восстановления лица по данному черепу был выбран средний вариант — прямая спинка носа, что делает лицо более гармоничным с точки зрения наших знаний о связях морфологических признаков.

Сравнительная краниологическая характеристика. Прежде чем перейти к рассуждениям о вариантах возможной интерпретации особенностей строения изучаемого черепа, хотелось бы сказать несколько слов о теоретических аспектах подобных интерпретаций. Хорошо известно, что морфологический статус индивидуальной находки может значительно отличаться от среднегрупповых характеристик. В этом отношении

Рис. 1. Пластическая реконструкция лица по черепу из камерного погребения 1 (Старовознесенский I раскоп, 2004 г.)

недостаточность индивидуальных данных должна быть осознана отчетливо, так как это напрямую связано с достоверностью заключений и предположений. С другой стороны, связь морфологических (в конечном итоге — расовых) категорий с категориями историческими и социальными, например этносом, является более чем опосредованной. Антропологические данные позволяют лишь оценить направление изменчивости признаков и их комплексов и предположить наличие связей в географическом или/и хронологическом отношении. Таким образом, антропологические (расовые) признаки не могут служить основой для определения этнической принадлежности.

В случае с черепом из камерного погребения 1, несмотря на единичность и неполноту находки, морфологический комплекс может быть предварительно интерпретирован следующим образом. Сочетание долихо-мезокранной и очень низкой черепной коробки с узким и относительно высоким, резко профилированным лицом свидетельствует о североевропейских связях. Это хорошо узнаваемый краниологический комплекс, присущий целому ряду популяций Северной Европы, относимых к атланто-балтийской малой расе, в основном говорящих на германских языках (Алексеева, 1973, с. 146–155). При этом не стоит забывать о широком, не резко выступающем носе, который более естественно вписывается в размах морфологической изменчивости популяций Северо-Запада Русской равнины (Алексеева, 1963, с. 122–143; Гончарова, 1995, 2000, 2003, с. 206–211; Санкина, 1995, 2000а, 2000б). Казалось бы, данные краниологии замечательным образом совпадают с данными археологии и вещевой набор из камерного погребения 1, где найдены скандинавские вещи, приобретает определенное звучание. Полагаю, что этот, наиболее привлекательный на первый взгляд, ход мыслей будет продолжен некоторыми коллегами. Например, в свете исследований С.Л. Санкиной, предпринимающей активные попытки «найти» скандинавов не только на Северо-Западе (Старая Ладога, Ижорское плато), но и на р. Мологе (Санкина, 2004, 2008), череп из камерного погребения 1 может быть интерпретирован как «скандинавский». Специально обратившись к данной теме некоторое время назад, я усомнился в том, что в случаях фиксации в средневековых выборках краниологических вариантов с низким сводом черепа, узким и высоким лицом мы имеем дело именно со следами скандинавского присутствия на севере Восточной Европы (Пежемский, 2012). Краниологические серии, описанные С.Л. Санкиной как «скандинавские», безусловно имеющие самостоятельный морфологический статус в ряду средневековых антропологических типов Русского Севера и Северо-Запада, допускают иную интерпретацию, что пока не позволяет говорить о выявлении именно «варяжских» групп населения. По моему мнению, в Старой Ладоге, на Ижорском плато и в Белозерье удалось зафиксировать редкие для развитого средневековья популяции, аналогии которым находятся исключительно в раннесредневековом и еще более древнем населении Европы. В древнерусскую эпоху они были распространены по Северо-Западу и Восточной Прибалтике уже очень дискретно. Выявленные так называемые «скандинавские» серии свидетельствуют о длительном сохранении (консервации) антропологических особенностей древнего населения Северной Европы. В настоящее время эта точка зрения подтверждается и данными молекулярной генетики (Балановская, Пежемский, Романов и др., 2011).

Для того чтобы высказать более определенные заключения относительно черепа из камерного погребения 1 Старовознесенского некрополя, необходимо провести широкие сопоставления его характеристик с краниометрическими данными по большому количеству ископаемых популяций. При этом, как уже говорилось, индивидуальный характер находки по-прежнему будет оставлять некоторый простор для предположений.

На начальном этапе анализа обратимся к эмпирическому сравнению черепа из камерного погребения 1 с опубликованными данными по Северо-Западу. Среди них черепа XII–XIII вв. из грунтовых погребений Пскова (Романова горка), серии XI–XIII вв. из курганов бассейна Плюссы (Которск), Полужья (Удрай, Хреплё) и Юго-Восточного Приладожья (Санкина, 2000а, 2000б; Гончарова, 2000). Кроме того, привлечены изолированные черепа XII–XIII вв. из Великого Новгорода (Пежемский, 2000б). Приведенные краниометрические данные позволяют сделать ряд существенных наблюдений (табл. 3). Так, по большинству признаков череп из камерного погребения 1 близок новгородскому черепу начала XIII в. из Троицкого VII раскопа, однако последний отличается от него более широким, мезокранным черепом и заметно более низкими орбитами. Впрочем, эти различия невелики и могут быть объяснены нормальной изменчивостью. То же самое следует сказать и о втором новгородском черепе, из Андреевского раскопа, хотя в последнем случае выявляется очень большая

высота свода. Из среднегрупповых характеристик стоит отметить близость псковского черепа к выборке черепов из курганов бассейна р. Нарвы. Здесь стоит напомнить, что сопоставление индивидуальных данных со среднегрупповыми не вполне корректно и имеет только ориентировочное значение. Ни с одной другой группой сколько-нибудь убедительных параллелей обнаружить не удается, за исключением некоторого сходства с серией из Удрая, где имеет место очень большая высота орбит. Однако удрайские черепа более узкие и долихокранные, с узким носом и менее клиногнатным лицом. Наиболее близкие в географическом отношении черепа с Романовой горки отличаются от черепа из камерного погребения 1 более коротким и узким мозговым отделом, узким лбом, более низким и широким, несколько более уплощенным лицом, а также низкими орбитами. К этому же краниологическому комплексу относятся и черепа Которска и Юго-Восточного Приладожья, также максимально отличающиеся от черепа из камерного погребения 1.

Теперь обратимся к сравнению искомого черепа с восточноевропейскими группами, которые по данным антропологии или археологии связываются со скандинавским этническим элементом или в которых предполагается присутствие этого элемента (табл. 4). В первую очередь это некрополь XI–XII вв. на Земляном городище Старой Ладоги (Санкина, Козинцев, 1995) и небольшие серии X–XI вв. из Гнёздово (Алексеева, 1990) и Шестовиц (Зіневич, 1962). «Скандинавская» серия из Старой Ладоги по своим морфологическим особенностям заметно отличается от черепа из камерного погребения 1. Черепа в ней мезобрахикранны, с узким лбом, относительно более крупным лицом и низкими орбитами. Краниологические материалы из курганного могильника Гнёздово, изученные А. М. Чумаковой и опубликованные Т. И. Алексеевой, включают в себя черепа, происходящие, как и псковский, из погребальных камер (комплексы Ц-212 и Ц-241). Последние уверенно связываются со скандинавским культурным кругом (Жарнов, 1991, 1998). Серия из Гнёздово долихокранная, с очень высоким сводом, не столь клиногнатным лицом и относительно узким носом. Убедительной параллели не получается и в данном случае. На этом фоне разительно сходство псковского черепа с выборкой из Шестовиц (отличие наблюдается только по высоте орбит, довольно низких в этой выборке), в краниометрическом отношении они практически неотличимы! Мимо этой аналогии никак нельзя пройти, необходим более детальный анализ, пока невозможный из-за неполноты опубликованных на сегодняшний день индивидуальных данных по курганам Шестовиц (вновь в силу плохой сохранности).

Далее перейдем на более корректный для данного случая уровень морфологического анализа — уровень индивидуальных данных. Рассмотрим особенности черепа из камерного погребения 1 на фоне краниологического материала с территории средневековой Скандинавии. Для этого удалось подобрать близкий по времени материал, удовлетворяющий критерию достаточной численности, — индивидуальные краниометрические данные Н.-Г. Эйваля по могильнику XII–XIV вв. в Вестерхусе, Швеция (Gejvall, 1960). Перед тем как их использовать, был произведен отбор черепов, полностью соответствующих по сохранности черепу из камерного погребения 1. Таким образом, была сформирована выборка из 23 женских черепов. Со всеми оговорками укажем, что среднегрупповая краниометрическая характеристика выборки из Вестерхуса хорошо соотносится с характеристиками псковского черепа. Существенными исключениями здесь являются более широкое и высокое лицо, а также узкий нос женщин Вестерхуса (табл. 5). Опираясь на данные о размахе изменчивости краниологических признаков в выборке из Вестерхуса, можно отметить, что высота псковского черепа и его скуловая ширина лежат в области минимальных значений этих признаков в шведской серии, а высота орбиты и ширина носа, наоборот, в области максимальных значений. Яркой морфологической чертой строения черепа в обоих случаях является очень большая верхняя ширина лица.

Компонентный анализ материалов Вестерхуса совместно с данными по черепу из камерного погребения 1 позволяет утверждать, что его краниометрические особенности органично (!) вписываются в то морфологическое пространство, которое было представлено в Швеции, по крайней мере в развитом Средневековье. Первая главная компонента (далее — ГК) включает в себя широтные характеристики черепа (ширина лба, ширина лица), вторая ГК — высоту носа и орбиты (с отрицательными знаками), третья ГК — высоту лица. На первые две ГК приходится более 48 % изменчивости, на все три ГК — более 63 % (табл. 6). В пространстве первых двух главных компонент широкие черепа с низкими носом и орбитами отделяются от узких с высокими носом и орбитами. Череп из камерного погребения 1 располагается в центре координатной плоскости, демонстрируя свою нейтральность по отношению к дифференцирующему действию

первых двух главных компонент (рис. 2). В пространстве ГК I и ГК III, где разделяются широкие черепа с высоким лицом от черепов с противоположным комплексом признаков, псковский череп расположен точно так же, как и в предыдущем случае (рис. 3).

С самых различных точек зрения было бы интересно посмотреть, насколько органично в серию из Вестерхуса вписываются другие черепа, предположительно принадлежавшие скандинавам. В настоящее время автором этих строк продолжается изучение краниологических материалов из курганов Гнёздово, что позволяет привлечь их к нашему анализу. В обработку вошли наиболее полные черепа из курганов Ц-212, Ц-241, Ц-289 и Ц-292. Часть морфометрических характеристик на этих черепах взяты со знаком «?», приблизительно измерены размеры мозговой капсулы и скуловой ширины черепа Ц-292, что, конечно же, обусловлено их не очень хорошей сохранностью. Однако полагаю, что для ориентировочной оценки корреляционных связей эти данные вполне можно использовать (особенно сейчас, когда при многомерных статистических анализах мои коллеги практикуют замену недостающих индивидуальных данных среднегрупповыми, с чем трудно согласиться).

Теперь рассмотрим череп из камерного погребения 1 на фоне морфологического разнообразия черепов из Вестерхуса и Гнёздово. Проведенный компонентный анализ показывает, что первые две ГК описывают около 58 % общей изменчивости. Они разделяют черепа с большим продольным диаметром, крупным лицом и высокими орбитами от черепов с противоположным комплексом признаков (табл. 7). Любопытно, что псковский череп вновь демонстрирует нейтральность по отношению к дифференцирующему действию первых двух главных компонент в рассматриваемом на этот раз пространстве. Еще более важно отметить, что все четыре черепа из Гнёздово заняли периферию морфологического поля (рис. 4). Судя по результатам проведенного анализа, женские черепа из Гнёздово обладают комплексом признаков, в целом чуждым краниологическому разнообразию Вестерхуса.

На следующем этапе анализа было решено рассмотреть морфологические особенности черепа из камерного погребения 1 в контексте индивидуальной изменчивости женских черепов курганной поры, происходящих с территории Северо-Запада. Попытка провести непосредственное сравнение псковского черепа с женскими черепами X–XI вв. наталкивается в настоящее

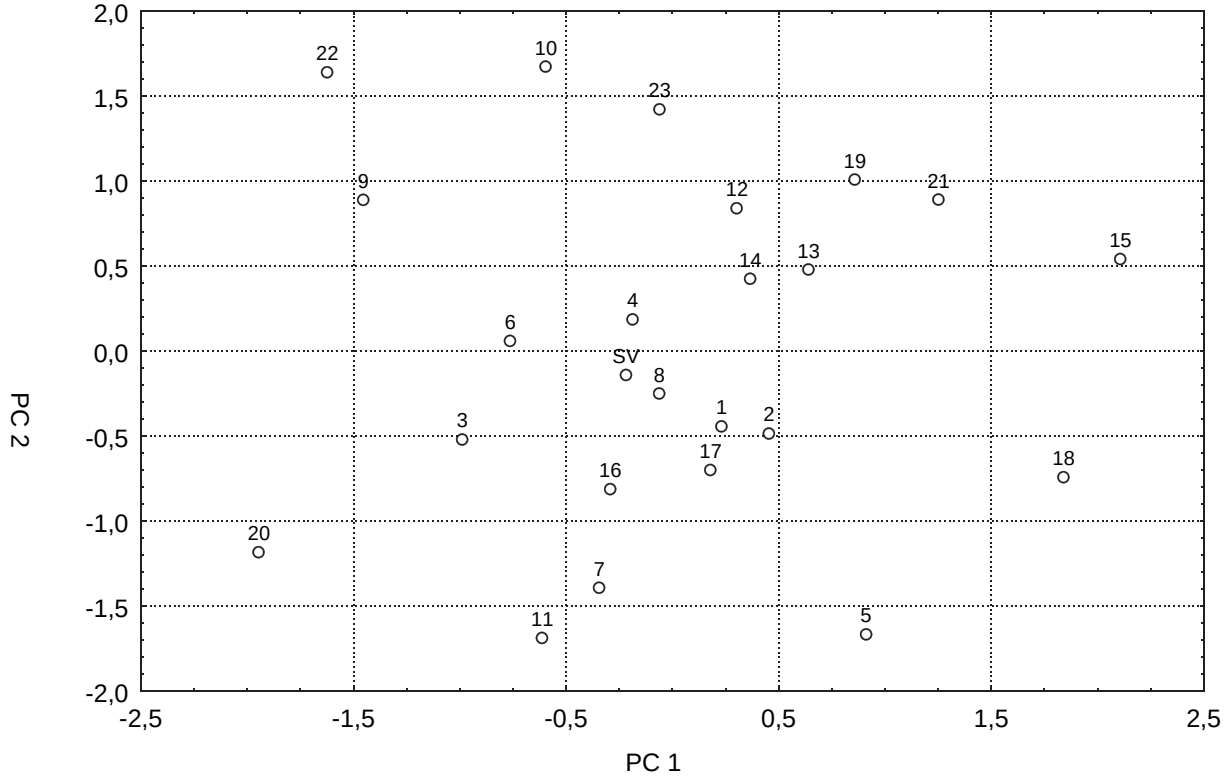


Рис. 2. Распределение женских черепов из Вестерхуса и из камеры 1 (=SV) в пространстве первой и второй ГК(=PC)

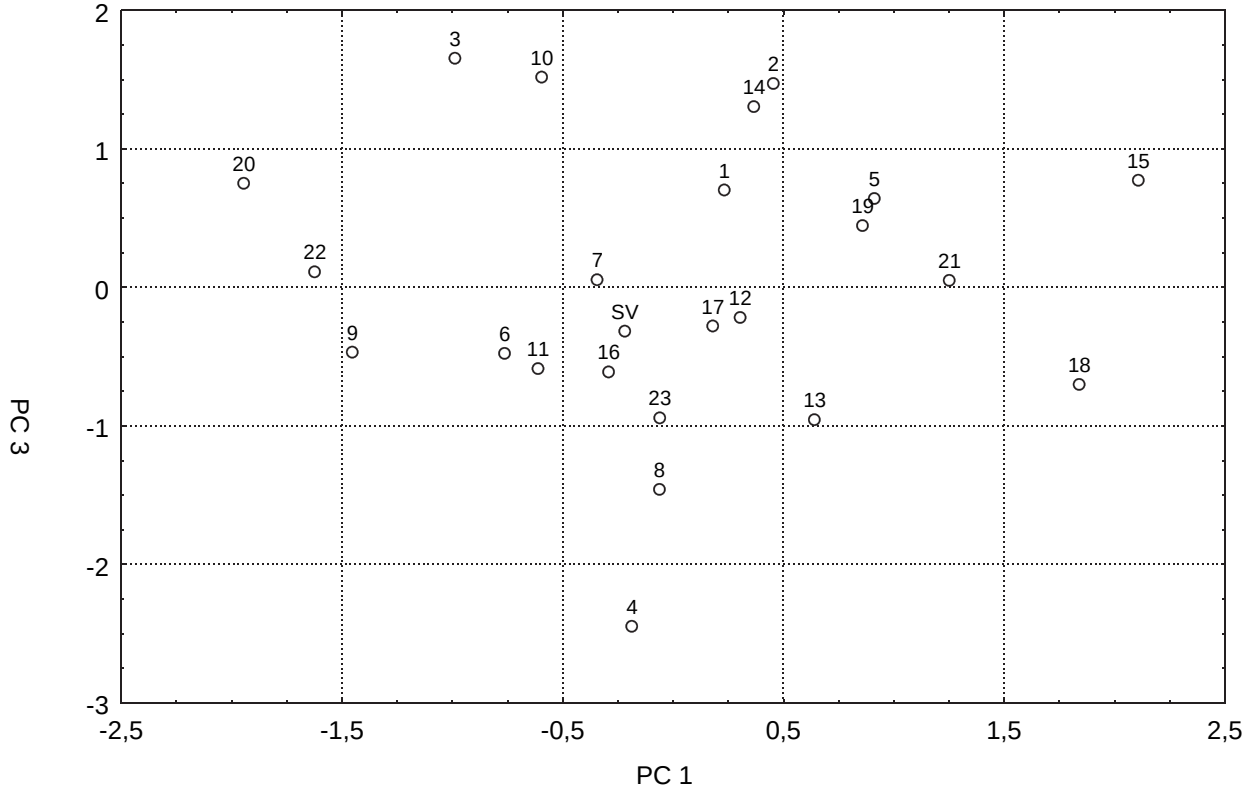


Рис. 3. Распределение женских черепов из Вестерхуса и из камеры 1 (=SV) в пространстве первой и третьей ГК(=PC)

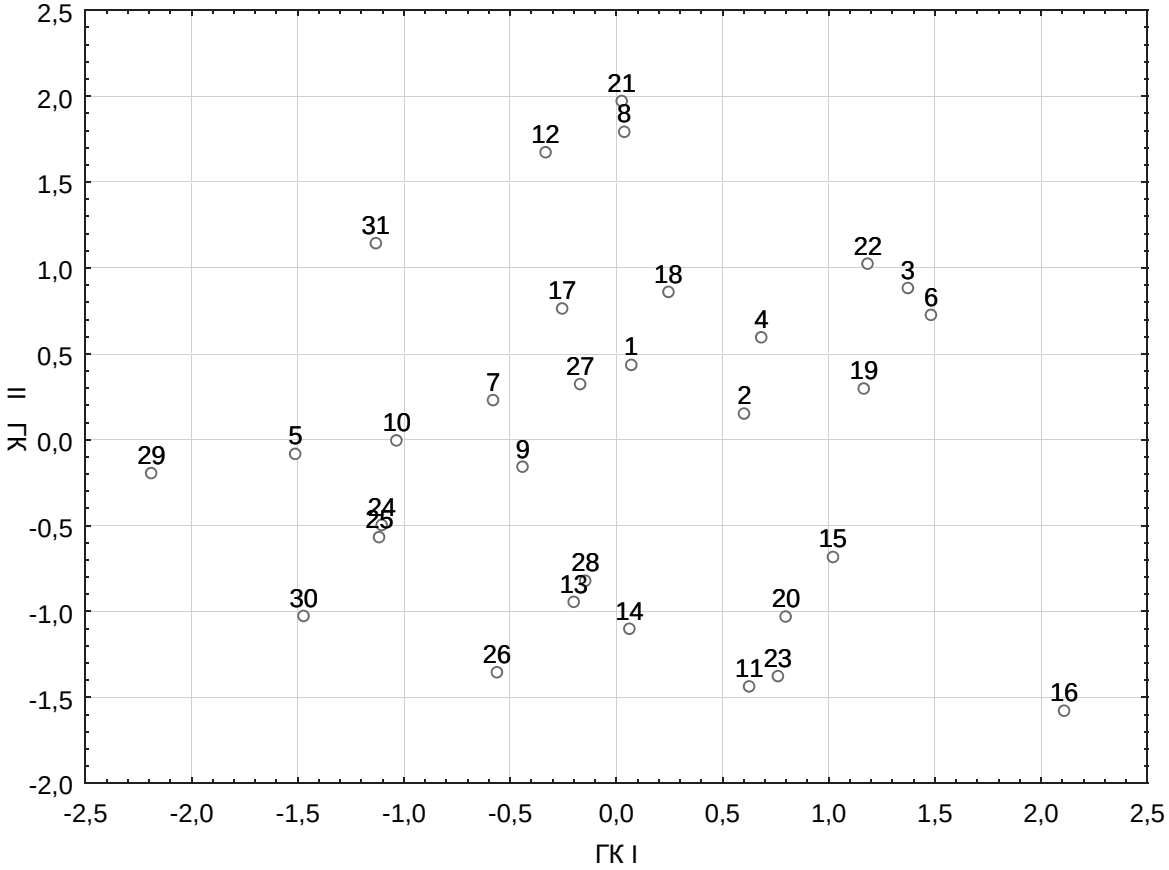


Рис. 4. Распределение женских черепов из Вестерхуса, Гнёздова и из камеры 1 в пространстве первой и второй ГК; 1 — Камера 1, 2–27 — Вестерхус, 28–31 — Гнёздово

время на непреодолимое препятствие — таких находок мало и сохранность большинства из них оставляет желать лучшего. Если взять более широкий хронологический диапазон — X–XIII вв., ситуация улучшится несущественно. Сказывается отсутствие в публикациях индивидуальных данных, которые бы позволили проводить многомерные статистические анализы для конкретных находок. К счастью, по некоторым группам Северо-Запада индивидуальные краниометрические данные были опубликованы Г. Ф. Дебецем и Т. И. Алексеевой (Дебец, 1948; Алексеева, 1963). Это материалы из Хреплё (бассейн р. Луги) и материалы из Сланцевского района Ленинградской области (бассейн р. Нарвы). В последнем случае в компонентном анализе участвовали краниометрические данные по курганным могильникам Ольгин крест (кург. 9–1, 9–14, 29, 30, 32–1, 33), Загривье (мог. А-1, А-12, В-1, Е-1) и Криуши (кург. 3, погр. 2). Сформированная таким образом выборка насчитывает 21 женский череп. Суммарная их характеристика такова: это мезобрахикранное население, череп которого характеризуется средними размерами и пропорциями, за исключением абсолютно и относительно широкого носа (!) — чертой, столь характерной и для черепа из камерного погребения 1 (табл. 2). Затем был проведен компонентный анализ данной выборки. Первые две ГК описывают почти 59 % изменчивости. ГК I — это высота лицевого отдела черепа, высота и ширина носа, ГК II — это ширина мозгового отдела (табл. 8). Они отделяют черепа с высоким лицом, широким носом и широкой мозговой капсулой от черепов с противоположным комплексом признаков. Распределение черепов в пространстве этих главных компонент показало, что, во-первых, череп из камерного погребения 1 является органичной частью этого пространства, а во-вторых, всё это пространство распадается на три части (рис. 5). В области положительных значений обеих ГК концентрируются черепа, обозначенные как группа 1. В центральной части координатной плоскости компактно расположены черепа, выделенные в группу 2. В области отрицательных значений — черепа группы 3. На первый взгляд это разделение не имеет специального морфологического смысла, потому что черепа распределены по первой ГК в соответствии с абсолютными размерами. Черепа группы 1 крупнее черепов

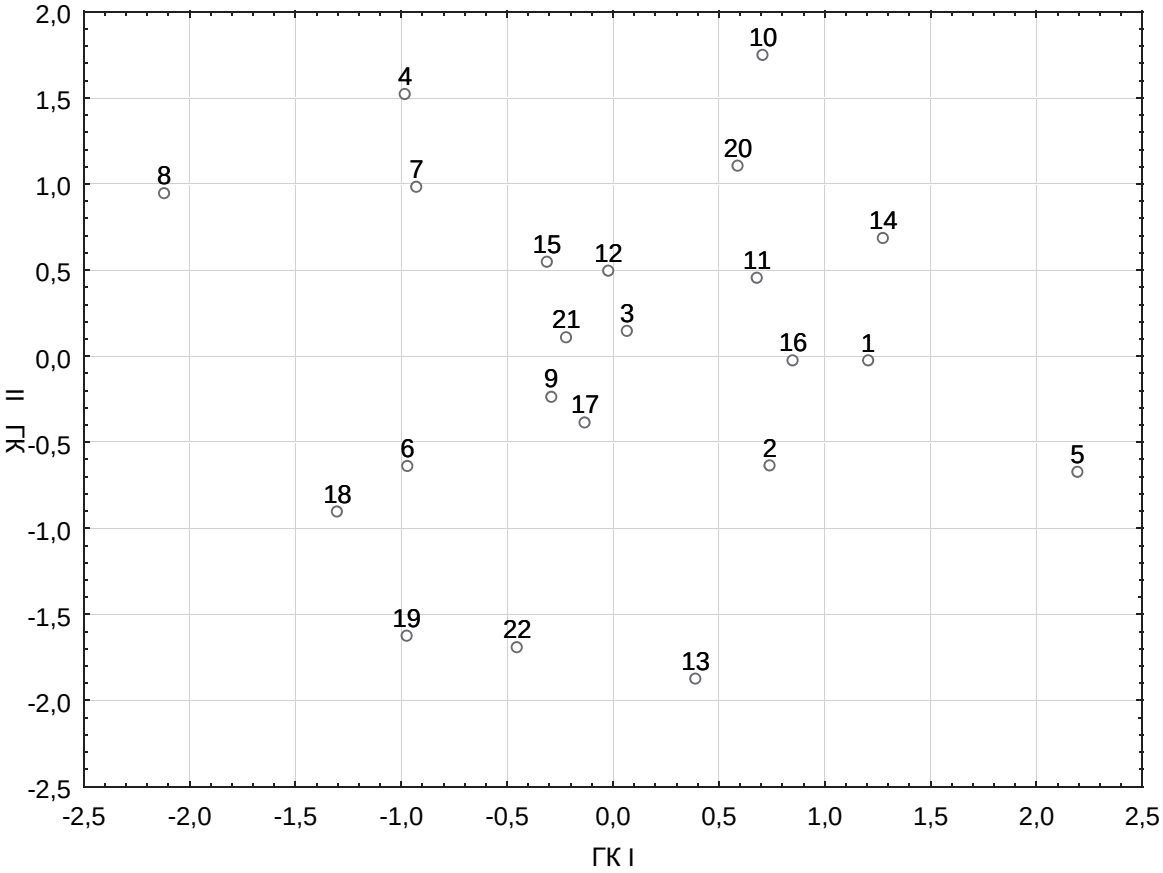


Рис. 5. Распределение женских черепов с территории Северо-Запада и из камеры 1 в пространстве первой и второй ГК: 1 — камера 1, 2–11 — Хреплё, 12–22 — бассейн р. Нарвы

группы 2, а последняя содержит черепа крупнее тех, что входят в группу 3 (табл. 9). Однако если охарактеризовать группы по отдельности, то выяснится, что группа 1 — это относительно длинноголовая, по указателю все же мезокранная выборка с абсолютно широким лицом и очень широким носом, что очень показательно. Сравнение ее особенностей с краниологическим комплексом Вестерхуса показывает отсутствие такой аналогии. Связи со Скандинавией в данном случае не прослеживаются. Напротив, при сравнении группы 1 с черепами из Старой Ладоги такая аналогия выглядит вполне убедительной, так как группа 1 выделяется высоким лицом, высоким и широким носом. Важно, что в группу 1 входит и череп из камерного погребения 1. Кроме того, краниометрические характеристики групп 2 и 3 находят себе прямые аналогии среди характеристик других этно-территориальных выборок. Группа 2 выраженно брахикранная, ее сходство, например, с женскими черепами из Сють-Сирми очень наглядно. Группа 3, несмотря на абсолютную гипоморфность (мелкоголовость), обладает еще и относительно очень низким лицом и самым широким по указателю носом. В наибольшей степени она сходна с выборками раннесредневековых поволжских финнов. Все это позволяет строить более обоснованные гипотезы о краниологической структуре женской части населения Северо-Запада в эпоху Средневековья. Для данного исследования важно отметить, что череп из камерного погребения 1 органично вписан в известное нам краниологическое разнообразие, имевшее место в бассейнах рр. Луги и Нарвы. Более того, он легко соотносим с одной из морфологических групп, истоки которой, судя по всему, восходят к древнему населению Северной Европы и севера Восточной Европы, проживавшему здесь минимум с эпохи бронзового века.

Характеристика длины тела (роста)

Реконструкция длины тела в рамках данного исследования встретила существенные препятствия. Сохранность эпифизов трубчатых костей *всех* взрослых индивидов исключала их прямое измерение. По этой причине был применен комбинированный подход.

В случае со скелетом из камерного погребения 1 использовался «метод симметричного складывания» правой и левой костей, что позволило оценить длину бедра женщины приблизительно в 435–437 мм. Данное значение относится к категории больших величин, по этой причине для реконструкции длины тела были использованы формулы для высокорослых популяций (формулы Дюпертюи–Хэддена, Троттер–Глезер). Разброс значений восстановленной длины тела находится в пределах 159–163 см, в среднем — 162 см, что по классической рубрикации Р. Мартина является характеристикой высокорослых женщин. Ширина плеч может быть оценена как средняя, плечебедренный указатель свидетельствует о коротком плече и удлиненном бедре, что полностью согласуется с высоким ростом данной женщины.

В случае со скелетом из камерного погребения 8 удалось состыковать фрагменты бедренных костей таким образом (традиционная реставрация крайне затруднена!), что продольные их размеры подлежали измерению с минимальными погрешностями — правая ≈ 435 мм, левая ≈ 438 мм. Если оставаться на точке зрения, что в камерном погребении 8 была захоронена женщина, то стоит обратить внимание на идентичность этих значений длине бедра женщины из камерного погребения 1. Используя те же самые формулы, получаем интервал в 160–164 см, в среднем — 162,5 см. Эти данные позволяют говорить о большом сходстве женщин из камерных погребений Пскова по длине тела (росту). Отметим также, что женщина из камерного погребения 8 обладала несколько более массивным скелетом, с хорошо развитым мышечным рельефом длинных костей и при этом, судя по всему, имела более узкие плечи.

Длина тела у средневековых популяций Северо-Запада Руси изучена в настоящий момент недостаточно, поэтому сопоставить данные, полученные по Старовознесенскому некрополю, пока достаточно сложно. Если же обратиться к данным по средневековым популяциям Скандинавии, в частности Швеции, то окажется, что женщины из псковских камерных погребений обладали длиной тела, вполне сопоставимой, например, с длиной тела женщин Вестерхуса — 160,6 см, в пределах статистической погрешности даже неотличимой от них. В целом же для средневековой Швеции характерна несколько меньшая длина тела — 156–160 см (Werdelin, 1985).

Палеогенетическое исследование

В силу уникальности и важности находки, которую представляет собой камерное погребение 1 Старовознесенского раскопа, было решено провести палеогенетический анализ костных останков,

происходящих из него. Исследование ДНК, выделенной из зуба, выполнено совместно Лабораторией популяционной генетики Медико-генетического научного центра РАМН (зав. лаб. — профессор Е. В. Балановская) и Австралийским центром древней ДНК (директор — профессор Алан Купер/Cooper). Лабораторный анализ проведен в Австралии известным специалистом в области изучения древней ДНК доктором Вольфгангом Хааком/W. Haak, а поиск в базах данных генотипических соответствий полученным результатам и статистическая обработка выполнены в Медико-генетическом центре в Москве. Лабораторный анализ состоял из трех этапов:

а) выделение ДНК из внутренней полости (пульповой камеры) зуба в условиях специально оборудованной лаборатории и с соблюдением всех условий минимизации риска контаминации образца;

б) секвенирование перекрывающихся коротких фрагментов митохондриальной ДНК (мтДНК), позволяющих определить последовательность первого гипервариабельного сегмента (ГВС1) мтДНК;

в) мультиплексный анализ 22 однонуклеотидных (SNP) маркеров кодирующей части митохондриальной ДНК с использованием метода SNapShot.

Анализ SNP-маркеров показал, что данный образец относится к гаплогруппе U мтДНК, а в пределах U — к гаплогруппе K, являющейся ее подветвью. Анализ ГВС1 выявил два отличия от Кембриджской последовательности (используемой в качестве условного эталона при изучении мтДНК). Они обнаружены в позициях 16224 и 16311. Эти позиции являются типичными для гаплогруппы K. Таким образом, имеет место взаимное подтверждение двух видов анализа.

Статистическая обработка, выполненная ведущим научным сотрудником Медико-генетического научного центра РАМН О. П. Балановским, заключалась главным образом в поиске совпадающих гаплотипов в разрабатываемых им базах данных и определении вероятной популяционной принадлежности обнаруженного гаплотипа[1].

Данный гаплотип является исходным (founder haplotype) для гаплогруппы K и, как и большинство исходных гаплотипов, является широко распространенным в современном населении. В базе данных, содержащей характеристики более 130 тысяч образцов мтДНК, обнаружено 887 точных совпадений с данным гаплотипом. Эти совпадающие гаплотипы встречаются по всей территории как Западной, так и Восточной Европы, с меньшей частотой обнаруживаются в популяциях Анатолии, Ближнего Востока, Средней Азии и Северной Африки. К сожалению, сходные частоты этого гаплотипа как у скандинавских, так и у восточнославянских популяций не позволяют использовать результаты анализа ДНК для дифференцированной популяционной привязки исследуемого образца. С подобной ситуаций часто приходится сталкиваться, когда в исследуемом образце обнаруживается широко распространенный гаплотип. Если же обнаруживаемый гаплотип оказывается относительно редким, в этом случае информативность популяционно-генетического исследования резко возрастает. Показательно, что в данном случае результаты молекулярно-генетического анализа полностью соотносятся с результатами морфологического (краниологического).

Заключение

Несмотря на то, что возможности палеоантропологического исследования костных останков из камерных погребений Пскова очень ограничены из-за их плохой сохранности, а заключения по единичным находкам отличаются значительной долей гипотетичности, комплексное исследование, сочетающее в себе морфологические и молекулярно-генетические методы работы, позволило получить важную информацию о них.

Останки принадлежат девяти индивидам. Половозрастные характеристики показывают, что в Старовознесенском некрополе Пскова были погребены минимум двое мужчин позднего зрелого возраста и двое мальчиков периода второго детства. Судя по всему, в некрополе выявлены погребения четырех женщин, две из которых умерли в молодом возрасте, а одна — в старческом. Кроме того, найдено погребение девочки возраста первого детства. Малочисленность наблюдений пока не позволяет нам сделать сколько-нибудь внятное обобщение палеодемографических наблюдений по данной группе. Сохранившиеся длинные кости ног позволили реконструировать длину тела (рост) в женской части выборки, которая оказалась довольно большой — 162 см.

Характерный морфологический комплекс черепа из камерного погребения 1 на первых

[1] Пользуясь случаем, выражаю доктору биологических наук О. П. Балановскому глубочайшую признательность за возможность использовать результаты неопубликованного исследования.

этапах исследования позволил предположить, что происхождение его обладательницы связано с Севером Европы. Однако дальнейшее его изучение показало не только сходство с черепами с территории Швеции, но и полное его соответствие краниологическому разнообразию Северо-Запада. В частности, близкими аналогиями черепу из Пскова являются два ранних черепа из Великого Новгорода, несколько черепов из Хреплё и курганов бассейна р. Нарвы.

Новейшие палеоантропологические разработки свидетельствуют о том, что в эпоху Средневековья на Русском Севере и Северо-Западе сохранялся древний антропологический тип, широко распространенный в Северной Европе и на севере Восточной Европы в эпоху бронзы. Можно предположить, что средневековые популяции Скандинавии, некоторые группы Прибалтики и Северо-Запада России будут очень близки по своим физическим характеристикам в силу того, что они сформировались на основе одного и того же древнего расового пласта. Ярким свидетельством протекавших здесь морфогенетических процессов является женский череп из первого погребения Старовознесенского некрополя Пскова.

Таблица 1. Сводная таблица определимых фрагментов человеческих костей из камерного погребения 3

№ п/п	Пласт	Отм.	Кв.	Полевой №	Определения
1	13	–	20	2	Фрагменты диафизов длинных костей — обеих бедренных, большой берцовой, левой плечевой
2	13	–251	19	1	Левая бедренная кость — диафиз и головка (возраст: старше 55 лет)
3	13	–251	20	3	Фрагмент правой локтевой кости
4	13	–257	19	4	Диафиз пястной кости 3-го луча левой руки
5	14	–268	27	11	Фрагменты черепа: кальва (свод, швы полностью заросли, две височные кости, фрагменты затылочной, левая скуловая, фрагменты клиновидной); судя по развитию рельефа черепа, он принадлежал женщине
6	14	–280	19	12	Фрагменты ребер, левой таранной кости, левой тазовой кости и левой лопатки
7	14	–268	11	–	Осколки большой берцовой кости
8	14	–271	19	7	Фрагмент правой лучевой кости
9	14	–268	27	10	Правая скуловая кость
10	14	–270	19	–	Кости животных, фрагмент правой лопатки человека
11	14	–269	27	9	Фрагмент головки плечевой кости (?)
12	14	–251	19	1а	Фрагмент головки плечевой кости
13	14	–280	18	3	Фрагмент черепа — альвеолярный отросток верхней челюсти (большинство лунок облитерированы)
14	14	–271	27	6	Фрагмент нижнего эпифиза бедренной кости
15	15	–283	19	1	Фрагмент поясничного позвонка и фрагмент диафиза левой локтевой кости

Таблица 2. Морфометрическая характеристика женского черепа из камерного погребения 1 (Старовознесенский I раскоп; Е. А. Яковлева, 2004 г.)

Признак, № по Р. Мартину	мм	Признак, № по Р. Мартину	мм
1. Продольный диаметр	180?	45. Скуловой диаметр	120?
8. Поперечный диаметр	136?	48. Верхняя высота лица	66?
8:1. Черепной указатель	75,6?	47. Полная высота лица	112?
20. Ушная высота	103?	43. Верхняя ширина лица	102
9. Наименьшая ширина лба	95	46. Средняя ширина лица	91?
10. Наибольшая ширина лба	117?	60. Длина альвеол. Дуги	50?
12. Ширина затылка	114?	51. Ширина орбиты	42?
29. Лобная хорда	105?	52. Высота орбиты	35?
30. Теменная хорда	107?	55. Высота носа	51?
31. Затылочная хорда	95?	54. Ширина носа	27?
23. Горизонтальная окружность	510?	77. Назомалярный угол	135,8?

Окончание табл. 2

Признак, № по Р. Мартину	мм	Признак, № по Р. Мартину	мм
24. Поперечная окружность	290?	∠Zm' Зигомаксиллярный угол	125,1?
25. Сагиттальная дуга	348	68(1). Дл. ниж. чел. от мыщелков	110?
26. Лобная дуга	114	70. Высота ветви	54 пр
27. Теменная дуга	118	71а. Наименьшая ширина ветви	32? пр
28. Затылочная дуга	116	69(1). Высота тела	29?
16. Шир. затылочного отверстия	27?	69(3). Толщина тела	11

Таблица 3. Сравнительная морфометрическая характеристика черепа из камерного погребения 1 и женских черепов X–XIII вв. с территории Северо-Запада

Признак, № по Мартину	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Продольный ∅	180?	176,0	169,3	173,8	180,0	175,5	172,6	182,0	179,0
8. Поперечный ∅	136?	132,5	137,6	134,6	132,0	137,8	129,9	139,0	141,0
8:1. Черепной указ.	75,6?	76,2	81,4	77,4	72,9	78,5	75,3	76,4	78,8
20. Высотный ∅	103?	–	110,3	–	–	107,9	–	123,0	115?
9. Наим. ширина лба	95	93,5	93,0	92,0	94,5	92,6	89,3	95	93
45. Скуловая ширина	120?	129,0	122,4	125,5	122,0	125,7	125,0	–	120?
48. Высота лица	66?	65,2	64,1	63,5	69,5	64,6	64,1	–	–
51. Ширина орбиты	42?	41,0	41,4	41,7	44,5	40,2	40,1	40,5	39,9
52. Высота орбиты	35?	32,0	33,4	32,0	34,5	30,9	32,0	31,5	31,0
55. Высота носа	51?	48,3	47,4	48,5	50,0	47,0	46,7	51,0	49,0
54. Ширина носа	27?	26,0	26,0	27,0	24,0	24,2	24,7	26?	25,3
77. Назомалярный ∠	135,8	145,8	139,8	138,8	142,9	140,8	133,9	132,9	137,0
Зигомаксиллярный ∠	125,1	138,6	123,5	–	119,7	125,9	127,1	–	122,4

Примечание: **1** — Псков, Камерное погребение 1 Старовознесенского некрополя; **2** — Псков, Романова горка (n = 6); **3** — бассейн р. Нарвы (n = 18); **4** — бассейн р. Плюссы, Которск (n = 5); **5** — Удрай (n = 2); **6** — Хреплё (n = 17); **7** — Юго-Восточное Приладожье (n = 10); **8** — Великий Новгород, Андреевский раскоп (n = 1); **9** — Великий Новгород, Троицкий VII раскоп (n = 1); Данные: 1 — настоящая работа; 2–4, 6 — Санкина, 2000а,б; 3 — Алексеева, 1963; 5 — Гончарова, 2000; 7–8 — Пежемский, 2000б.

Таблица 4. Сравнительная морфометрическая характеристика черепа из камерного погребения 1 и женских черепов X–XII вв. из могильников со «скандинавским компонентом»

Признак, № по Мартину	1	2	3	4
1. Продольный ∅	180?	174,4	173,4	181,2
8. Поперечный ∅	136?	139,8	128,2	134,6
8:1. Черепной указатель	75,6?	80,2	73,9	74,3
20. Высотный ∅	103?	–	114,4	108,0
9. Наим. ширина лба	95	92,6	95,2	93,4
45. Скуловая ширина	120?	127,0	124,8	124,5
48. Высота лица	66?	69,6	63,0	68,9
51. Ширина орбиты	42?	41,0	42,2	39,3
52. Высота орбиты	35?	31,6	33,6	31,8
55. Высота носа	51?	48,0	48,0	48,8
54. Ширина носа	27?	23,6	24,6	26,0
77. Назомалярный ∠	135,8	137,1	143,4	139,0
Зигомаксиллярный ∠	125,1	125,3	131,5	124,0

Примечание: **1** — Псков, Камерное погребение 1 Старовознесенского некрополя; **2** — Старая Ладога, Земляное городище (n = 5); **3** — Гнёздово (n = 5); **4** — Шестовицы (n = 9). Данные: 1 — настоящая работа; 2 — Санкина, Козинцев, 1995; 3 — Алексеева, 1990; 4 — Зіневич, 1962.

Таблица 5. Краниометрические данные по женским черепам из Вестерхуса (Швеция, XII–XIV вв.; n = 23) в сравнении с данными по черепу из камерного погребения 1

Признак, № по Р.Мартину	X	S	min	max	Кам. 1
1. Продольный диаметр	181,5	5,8	171	196	180
8. Поперечный диаметр	134,5	4,2	126	144	136
8:1. Черепной указатель	74,2	2,9	66,8	79,7	75,6
20. Ушная высота	109,7	3,9	103	117	103
20:1. Высотно-прод. указатель	60,5	2,1	56,1	64,5	57,2
20:8. Высотно-попер. указатель	81,6	3,0	76,4	85,8	75,7
9. Наименьшая ширина лба	95,1	4,4	88	104	95
10. Наибольшая ширина лба	114,7	4,8	102	124	117
9:10. Широтный лобный указатель	82,9	3,0	76,1	89,2	81,2
45. Скуловой диаметр	125,7	4,5	120	136	120
48. Верхняя высота лица*	68,6	4,2	62	79	66
48:45. Верхний лицевой указатель	54,6	3,2	50,0	61,2	55,0
43. Верхняя ширина лица	102,7	4,2	97	113	102
46. Средняя ширина лица	91,6	3,7	86	100	91
51. Ширина орбиты	41,7	2,0	37	45	42
52. Высота орбиты	33,4	1,9	30	36	35
52:51. Орбитный указатель	80,1	4,9	72,1	90,0	83,3
55. Высота носа	50,0	3,3	44	56	51
54. Ширина носа	24,4	1,9	21	29	27
54:55. Носовой указатель	48,9	4,8	41,2	56,3	52,9

* Возможно, высота лица измерена Н.-Г. Эйвалем до простиона.

Таблица 6. Факторные нагрузки на признаки в выборке 23 женских черепов из Вестерхуса (с добавлением данных по черепу из камерного погребения 1)

Признак, № по Мартину	ГК I	ГК II	ГК III
1. Продольный диаметр	0,510046	–0,286155	0,457222
8. Поперечный диаметр	0,506861	0,244961	0,399632
20. Ушная высота	0,328091	–0,057412	0,480538
9. Наименьшая ширина лба	0,871122	0,065318	0,100832
10. Наибольшая ширина лба	0,833574	0,132714	–0,050166
45. Скуловой диаметр	0,716396	0,079060	0,314333
48. Верхняя высота лица	0,088000	–0,292546	0,768214
43. Верхняя ширина лица	0,918320	0,067455	0,218446
46. Средняя ширина лица	0,167460	0,527238	0,358363
55. Высота носа	0,049940	-0,799453	0,350581
54. Ширина носа	0,007528	0,303448	0,583408
51. Ширина орбиты	0,655271	–0,563052	0,049541
52. Высота орбиты	–0,190226	–0,857824	–0,043304
Величина дисперсии	3,938838	2,325526	1,945061
% описанной изменчивости	30,3	17,9	15,0

Таблица 7. Факторные нагрузки на признаки в выборке женских черепов из Вестерхуса и Гнёздово (с добавлением данных по черепу из камерного погребения 1)

Признак, № по Мартину	ГК I	ГК II
1. Продольный диаметр	0,742028	–0,014913
8. Поперечный диаметр	0,668244	–0,294725
9. Наименьшая ширина лба	0,671876	–0,247658
45. Скуловой диаметр	0,714338	–0,312214
48. Верхняя высота лица	0,736520	0,279785
55. Высота носа	0,536604	0,715260
54. Ширина носа	0,490006	–0,229620
52. Высота орбиты	0,145496	0,825264
Величина дисперсии	3,050533	1,569560
% описанной изменчивости	38,1	19,6

Таблица 8. Факторные нагрузки на признаки в выборке женских черепов с территории Северо-Запада (с добавлением данных по черепу из камерного погребения 1)

Признак, № по Мартину	ГК I	ГК II
1. Продольный диаметр	0,465476	0,499599
8. Поперечный диаметр	0,128905	0,881337
9. Наименьшая ширина лба	–0,173834	0,821249
45. Скуловой диаметр	0,477379	0,598754
48. Верхняя высота лица	0,830411	0,038046
52. Высота орбиты	0,322826	0,028847
55. Высота носа	0,891331	0,110393
54. Ширина носа	0,731161	0,103183
Величина дисперсии	2,614259	2,084424
% описанной изменчивости	32,7	26,1

Таблица 9. Структура краниологического разнообразия в женских выборках с территории Северо-Запада

Признак, № по Мартину	Суммарно	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Численность	22	7	9	5
1. Продольный диаметр	171,7	175,7	171,4	165,4
8. Поперечный диаметр	137,5	139,3	139,7	131,2
8:1. Черепной указатель	80,1	79,3	81,5	79,3
9. Наименьшая ширина лба	92,9	94,1	93,7	88,2
45. Скуловой диаметр	123,2	126,7	123,0	119,8
48. Верхняя высота лица	64,0	66,1	64,3	61,2
48:45. Верхнелицевой указ.	52,0	52,2	52,4	51,1
52. Высота орбиты	32,2	33,3	31,9	32,0
55. Высота носа	47,3	49,6	47,3	45,0
54. Ширина носа	25,6	27,4	24,7	25,2
54:55. Носовой указатель	54,2	55,4	52,1	56,1

D. V. Pezhemsky

Anthropological Case Study of the Human Skeletal Remains from Chamber Graves of the Old Ascension Necropolis of Pskov

Summary

Human skeletal remains, extracted during archaeological excavations are a valuable historical source. Digging up bones we can learn a lot about our distant ancestors. The skeletal remains of the burial chambers of Pskov were studied under the classical scheme adopted in Russian physical anthropology. Dental age of children was determined according to D. H. Ubelaker (1978). The safety of all the skeletons was bad or very bad. It came possible to restore only one skull. Craniological and osteological material was investigated according to R. Martin (1928).

The complex morphological and molecular genetic testing was undertaken. The remains belong to nine individuals. Gender and age characteristics indicate that in the chamber necropolis of Pskov there were buried two men at the age of 45–55 and two boys in the second period of childhood (Infantilis II). Apparently the burials of four women were discovered there too, two of them died at the age of 25–35, and one — in old age (Senilis). In addition, the grave of a girl at the age Infantilis I was found. The survived long bones of the legs allowed to reconstruct the length of the body in the female portion of the sample, which appeared rather big — 162 cm.

The morphological complex of the skull from chamber grave 1 at the beginning of our studies suggested that the origin of its owner might be associated with the North of Europe. However, the further study showed not only the similarity with the skulls from Swedish territory, but also its complete correspondence to the craniological diversity of the medieval population of the North-West of Russia. The latest paleoanthropological discoveries testify to the fact that in the Middle Ages there remained craniological ancient type, widely spread in Northern Europe and the North Eastern Europe during the Bronze Age. It can be assumed that the populations of medieval Scandinavia, some groups of the Circum Baltic Region and of the North-West of Russia are very similar in their physical characteristics because they are formed on the basis of the same ancient populations. The female skull from grave 1 can serve a vivid case of the ethnogenesis of that time.

О.М. Татарников, Е.А. Яковлева

Геолого-геоморфологические и палеоландшафтные особенности территории и окрестностей некрополя на Старовознесенской возвышенности

Массив археологических раскопов[1], работы на которых обнаружили некрополь с камерными захоронениями, находится в квартале, ограниченном современными улицами Некрасова, Советской, Свердлова и Музейным переулком. В системе Модели погребенного рельефа Пскова эта территория расположена в пределах верхней, или Новозастенной, высотной ступени реконструированной палеоповерхности исторической части города (Татарников, Яковлева, 2003а, 2003б; Вязкова, Татарников, Яковлева, 2003; Яковлева, Татарников, 2010). Она соотносится с юго-восточной частью изолированного поднятия этой ступени, именуемого Старовознесенской возвышенностью. Вышеназванные раскопы локализуются на окраине относительно плоской поверхности вершины этой возвышенности в непосредственной близости от бровки ее северного/северо-западного склона (см. рис.).

В геоморфологическом отношении склон данного поднятия является верхней частью правого коренного борта древней доледниковой долины р. Великой, к подножию которого примыкает площадка первой цокольной надпойменной террасы данной реки.

Полого-наклонная, понижающаяся в южном/юго-восточном направлении поверхность вершины Старовознесенской возвышенности имела на момент начала освоения ее человеком средние абсолютные отметки +44,00–45,00 м и максимальные — около +48,00 м (в Балтийской системе высот). Подошва ее северо-западного склона, являясь одновременно тыловым швом площадки первой надпойменной террасы р. Великой, проходила на абсолютной отметке +40,50–41,00 м. Таким образом, превышение вершинной поверхности этой положительной формы первоначального рельефа над примыкающей к ее подножью площадкой первой надпойменной террасы составляло примерно 3–4 м. Анализ материалов геологической съемки и имеющегося материала инженерно-геологических скважин позволяет утверждать, что основой коренных пород Старовознесенской возвышенности являются трещиноватые серые с бурыми и фиолетовыми пятнами хемогенные доломитизированные известняки псковских слоев саргаевского горизонта франского яруса верхнего отдела девонской системы, в толще которых имеются прослои органогенных брахиоподовых известняков-ракушечников и пестроокрашенных мергелистых глин. Пласты девонских пород, образующие эту, главным образом карбонатную, толщу, залегают моноклинально с падением на юго-восток под углом в 1–2°. Выявленная буровыми скважинами мощность таких коренных пород составляет от 1,5 до 3,5 м.

Девонская карбонатная толща территории древнего Пскова разбита на блоки системой тектонических трещин, для фоновых направлений которых характерны азимуты СЗ 300–330° и СВ — 30–60°. Азимуты северо-восточных направлений близки к простиранию северо-западного склона Старовознесенской возвышенности. Коренные девонские породы с поверхности перекрыты маломощной толщей рыхлых четвертичных (позднеплейстоценовых) ледниковых и лимно-гляциальных отложений. Ледниковые отложения представлены красновато-бурыми и коричневато-бурыми моренными супесями и суглин-

[1] Подзноевские раскопы кон. XX в.; Старовознесенские раскопы 2003–2007 гг.; Подзноевские раскопы 2006–2009 гг.

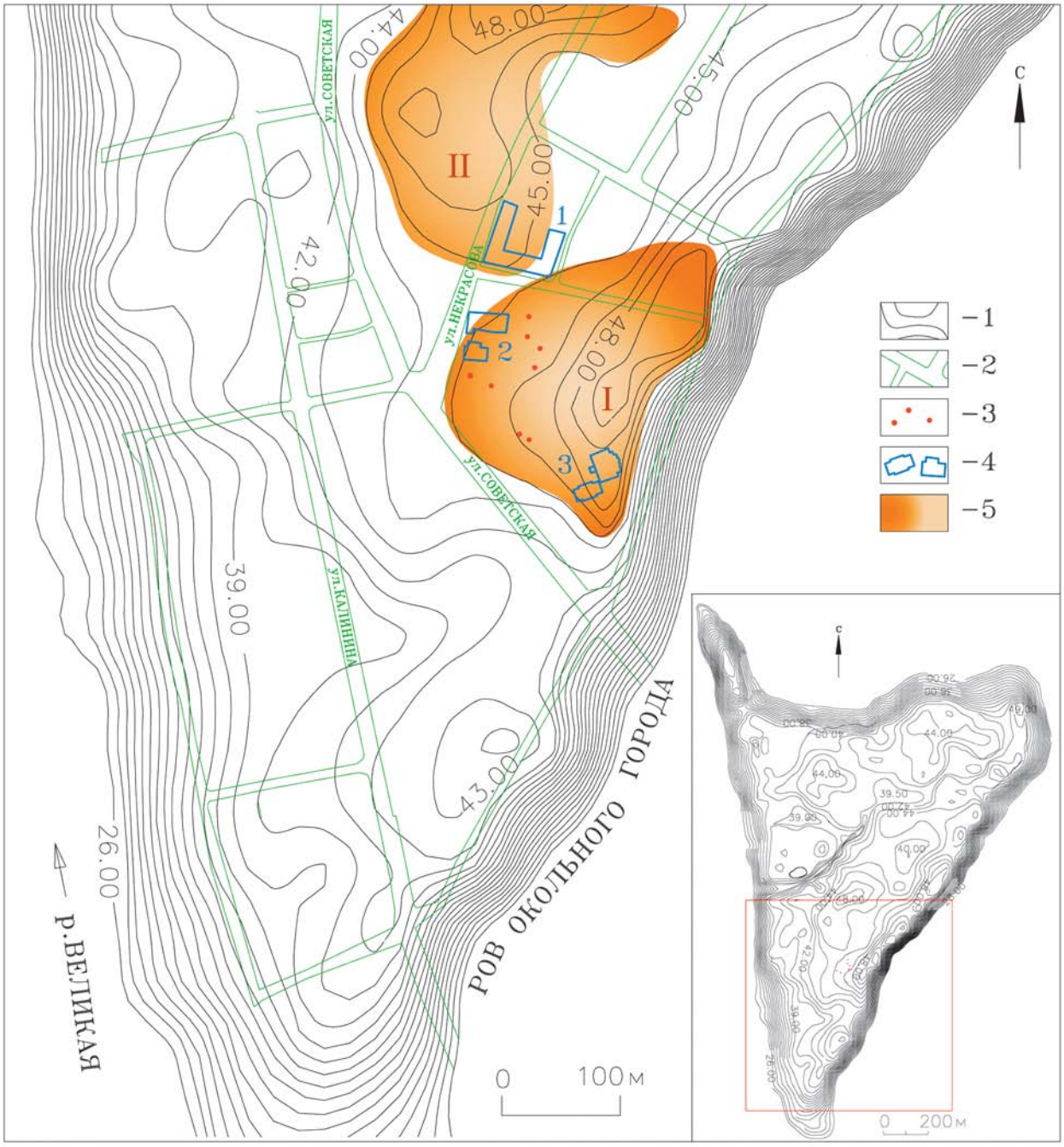
ками основной морены лужской стадии развития поздневалдайского ледникового покрова. В толще данных моренных супесей и суглинков встречаются включения валунов, гальки и гравия из скандинавских кристаллических пород, а также щебня и дресвы из местных карбонатных коренных пород. Поверхность отложений основной морены несет следы абразии волновыми процессами. Местами она перекрыта слоистыми осадками переотложенных суглинков и супесей субаквальной морены, а также серовато-желтыми и бурыми, пылеватыми и тонкозернистыми лимногляциальными песками. Мощность таких четвертичных осадков, подстилающих насыпной грунт, изменяется на характеризуемом участке некрополя, согласно данным археологических раскопок и материалов бурения инженерно-геологических скважин, от 0,8 до 5,0 м. Это позволяет предполагать достаточную контрастность рельефа поверхности коренных пород. При этом следует подчеркнуть взаимоотносительный характер возвышений и низин на территории древнего Пскова.

Характер геологических пород местности во многом определил возможности существования на этом месте погребальных объектов: как самого некрополя, так и отдельных его захоронений. Не везде на территории Пскова возможно сооружение курганных насыпей и устройство могильных ям 2-метровой глубины. В нескольких десятках метров к юго-западу от Старовознесенской возвышенности, на территории т. н. «Покровского угла», под незначительными по мощности антропогенными отложениями сразу залегает поверхность девонской плиты. На многочисленных Покровских раскопах зафиксировано почти полное отсутствие четвертичных пород. В этом месте, более приближенном к реке и недалеком от основной дороги древнего Пскова — улицы Великой, устройство камерного кладбища было бы затруднительно. Особенности археологического «материка» (отсутствие или скудость четвертичных пород) на раскопах, расположенных к западу от ул. Великой (Советской), на краю береговой террасы реки, впервые были отмечены И. К. Лабутиной при характеристике погребенных геологических поверхностей в разных частях города.

Геоморфология изучаемого участка также объясняет крайне плохую сохранность органики в найденных захоронениях. Трещиноватые известняки микрорайона и нетолстый шлейф осадочных пород не создают какого-либо значительного водоупора и являются агрессивной средой по отношению к кости, дереву, коже и т. п.

По данным буровых скважин, в толще четвертичных отложений горизонт грунтовых вод отсутствует, однако к прослоям лимногляциальных песков в весенний и осенний периоды увлажнения могут быть приурочены линзы верховодки. Горизонт подземных грунтовых вод приурочен к толще трещиноватых девонских карбонатных пород, и его водоупорным слоем, по-видимому, является прослой известковистой пестроокрашенной глины мощностью около 0,5 м, расположенный на глубине около 5–6 м от поверхности археологического материка, т. е. в районе отм. +40,00. Зона разгрузки данного водоносного горизонта в виде источников подземных вод, вероятно, приурочена к средней и нижней частям склона надпойменной террасы р. Великой. Выходы источников подземных вод могли также тяготеть с южному склону Старовознесенской возвышенности, который, по нашим предположениям, ограничивался относительно глубоким естественным понижением балочного типа, открывавшимся своим устьем в долину р. Великой. В историческом ландшафте это понижение было усилено и сохраняется в составе рва Окольного города на участке у Великих ворот. В пользу существования подобного естественного понижения свидетельствуют такие летописные топонимы, как «Болото», «Ровень» и «Утопленники» (Яковлева, 2001, с. 95).

Анализ геолого-геоморфологических данных позволяет считать достаточно крутой северо-западный склон Старовознесенской возвышенности фрагментом правого коренного берега долины р. Великой, а ее поверхность — фрагментом абразионно-аккумулятивного уровня Псковской озерно-ледниковой равнины. Последний мог сформироваться в результате деятельности волновых абразионно-аккумулятивных процессов в мелководной части литорали подпрудного Псковского приледникового озера, которое существовало у края поздневалдайского покровного ледника в талабскую фазу рецессии активного края Псковско-Великорецкой лопасти Чудского ледникового потока (Исаченков, 1967, с. 88–90; Раукас, Ряхни, 1969, с. 120, 1982, с. 118; Татарников, 2007, с. 90–91). После осушения от вод данного приледникового водоема и расконсервации доледникового вреза долины р. Великой от мертвого льда данный участок левого борта древней долины становится ареной деятельности денудации, из морфолитогенетических факторов которой главными являются водно-эрозионные процессы и процессы покрытого карста. Зоны активной деятельности этих процессов локали-



Модель погребенного рельефа южной части Окольного города г. Пскова (Фрагмент. Версия: 10.12.12): I — Старовознесенская возвышенность; II — южная часть Романовой горки; 1 — Поганкины палаты; 2 — Дома Подзноева; 3 — ансамбль Старовознесенского монастыря. На врезке — модель погребенного рельефа Окольного города Пскова в границах междуречья рек Великая и Пскова (гипсометрия). Условные обозначения: 1 — горизонтали; 2 — элементы современной планировки; 3 — камерные погребения; 4 — памятники архитектуры; 5 — возвышенности

зовались по фоновым направлениям трещиноватости и формирующимся склонам Старовознесенской возвышенности. Одновременно с этим началось освоение данной территории растительностью и формирование под ее пологом почвенного покрова.

Особенности оролитогенной основы, дренажа атмосферных осадков и относительно благоприятные климатические условия времени использования человеком территории этого участка древнего Пскова в сакральных целях на рубеже I–II тыс., совпадающие с временны́ми рамками

малого климатического оптимума субатлантического периода (2500–3000 л. н. — начало XII в.), позволяют предположительно охарактеризовать локальную ландшафтно-климатическую обстановку данной территории.

Согласно имеющимся сведениям, во время малого климатического оптимума в лесной зоне европейской части России годового количества атмосферных осадков выпадало меньше, чем в настоящее время, примерно на 50 мм, а летние температуры воздуха превышали современные на 1–3 градуса (Бронникова, Панин, Борисова, Пахомова и др., 2010, с. 455). Такие климатические условия обеспечивали нормальное увлажнение в весенний и осенний сезоны и недостаточное — в летний сезон поверхности вершинной части Старовознесенской возвышенности, что обусловило формирование здесь суходольного урочища с фитоценозами, представленными главным образом травянистой растительностью с куртинами деревьев, в составе которых преобладали сосна и береза. Определения А. А. Гольевой пород дерева по угольками, собранным при раскопках погребений и, вероятно, связанным с остатками ритуальных костров, дают именно этот набор древесной растительности: береза, сосна, кустарник, луговые травы (см. статью А. А. Гольевой в настоящем томе).

На более увлажненных склонах этой положительной формы рельефа древнего Пскова произрастали сообщества березы, ольхи и ивы с примесью широколиственных пород и, возможно, ели. Под пологом таких лугово-разреженно-лесных фитоценозов, почти аналогичных ландшафтам альваров, в условиях естественного дренажа и относительно промывного режима, обеспеченного фильтрацией атмосферных осадков через покров рыхлых четвертичных осадков в трещиноватые коренные девонские карбонатные породы, сформировались на материнских моренных карбонатных суглинках и супесях дерново-карбонатные оподзоленные разновидности почв, близкие по своим свойствам к скандинавским рендзинам.

Наличие некрополя с камерными погребениями не исключает существование в его окрестностях синхронной ему зоны селитьбенного освоения. Учитывая традиционную приуроченность поселений древнерусского периода на территории северо-запада Восточно-Европейской равнины к крупным речным артериям, логично предполагать местоположение такого поселения на площадке первой надпойменной террасы, вероятно, на ее отрезке между улицами Урицкого и Свердлова.

Следует также отметить, что приуроченность погребальных объектов древнего Пскова к возвышенностям имеет неоднократные подтверждения, отмеченные при комплексном изучении первоначального рельефа Пскова. Локализация палеовсхолмления Старовознесенской возвышенности позволяет на уровне анализа природных условий уточнить границы открытого кладбища. Вероятно, естественные пределы открытого могильника были определены окружающими возвышенность низинами. Именно в пределах этой относительной возвышенности продолжение исследований открытого некрополя будет наиболее перспективным.

O. M. Tatarnikov, E. A. Yakovleva

Geological-Geomorphological and Paleolandscape Features of the Territory and the Surrounding Area of the Necropolis on “The Old Ascension” Upland

Summary

Special analysis of geomorphological and key indicators of paleolandscape conditions of the site of the necropolis helps to clarify a number of issues related to the localization of the boundaries of the burial ground, the preservation of organic residues, etc. The connection of the burial places with the elevated sites, confirmed by many years of archaeological survey and complex research of the ancient Pskov necropolis is also affirmed in this case. The necropolis, with 8 chamber burials now studied, is located on the slope of paleo hill, almost indefinable in the landscape of the modern city. The elevated region, conventionally called “The Old Ascension” is localized. The definition of its borders at the level of natural environment analysis allows to clarify the direction of the most promising archaeological search for other supposed burials. Reconstruction of the mayor elements of the natural features of the area at the burial time specifies the area landscape type.

М. И. Кулакова

Дендрохронологическое изучение дерева конструкций камерного погребения 3
(Старовознесенский IV раскоп, 2006 г.)

С 2003 по 2009 г. в Окольном городе Пскова, в квартале улиц Некрасова — Советской — Свердлова — Комсомольский пер. проводились работы на Старовознесенских и Подзноевских раскопах. В ходе исследований изучено 8 подкурганных захоронений в деревянных гробницах (Яковлева, 2008, с. 419–421). Сохранность конструкций погребальной камеры 3 позволила взять спилы с бревен пола, которые имели относительно хорошую сохранность и оказались пригодными для дендрохронологического анализа.

Все образцы в выборке, общим числом 24, принадлежат хвойным породам дерева (21 — сосна, 3 — ель; см. приложение).

Вся древесина, подверженная анализу, относится к 1-й и 2-й возрастным группам: до 50 годичных колец — 18 образцов; 51–100–6 образцов. Самое большое количество годичных колец — у образца № 14–71 год. Среди образцов 1-й возрастной группы только 7 имели более 30 годичных колец, и таким образом, пригодными для дендрохронологического датирования оказались 13 спилов.

Исследованные спилы имели плохую сохранность внешних колец: практически полностью у всех нарушен внешний край — заболонь. На сегодняшний день система подсчета количества нарушенных внешних колец разработана для дуба: для подсчета к границе ядра и заболони прибавляется 20–25 колец (Черных, 1996, с. 40). К сожалению, для хвойных пород данная методика неприменима. Для хвойных пород применима лишь грубая приблизительная оценка числа утраченных колец по пропорции ядра и заболони при условии знания условий среды произрастания дерева. Для археологической древесины этот метод не используется (Черных, 1996, с. 57).

Из 13 спилов дата последнего («непорубочного») кольца получена для 10. Важным в определении даты строительства камеры является вывод, сделанный в ходе полевых археологических исследований, о том, что большинство стволов в постройке использовано вторично. При нарушенном внешнем крае определение даты строительства становится еще более условным.

По археологическим данным время возведения кургана определялось X в., поэтому для перекрестного датирования привлекались датированные образцы, охватывающие хронологический промежуток X–XI вв. Для указанного периода среди псковской археологической древесины датированные образцы немногочисленны, и, как следствие, этот участок псковской дендрохронологической шкалы слабо разработан.

Характеризуя общий фон псковского дерева, используемого для датирования, следует отметить, что образцы, имеющие дату рубки древесины X–XI вв., единичны и все они происходят из раскопов 1968–1991 гг., располагавшихся на ул. Ленина и у здания Пединститута. Общее количество датированных образцов с исследованного участка 1534, и только 17 (1,1 %) датируются концом X — нач. XI в. (самая ранняя дата 981 г. — поздняя 1019 г.). Все спилы взяты с сооружений, располагавшихся в северной части комплекса раскопов (раскоп X), где в середине — второй половине X в. находилась окраина посада, примыкавшая к некрополю, занимающему возвышенную часть участка.

К началу XII в. (1103 г.) относится столб из раскопа 1970 г. у здания Пединститута, возраст которого 315 лет, и потому кривая погодичного прироста его годичных колец является ос-

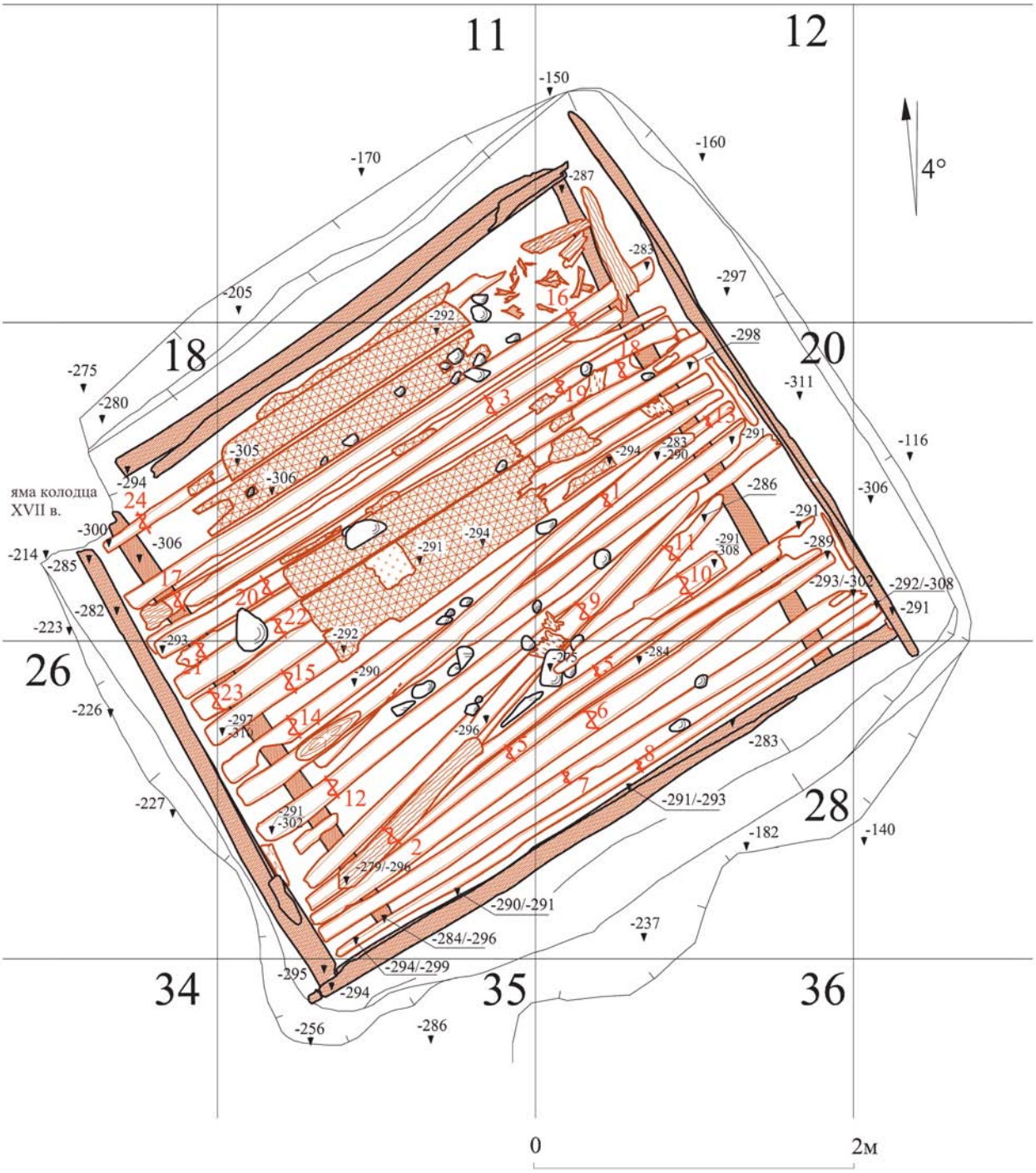


Рис. 1. План камерного погребения 3 Старовознесенского IV раскопа, 2006 г., на уровне пола с обозначением мест взятия дендроспилов

новой для датирования ранних образцов из раскопов Пскова.

В работах, посвященных дендрохронологическому изучению псковской археологической древесины, отмечается, что для периода X–XI вв. псковскому дереву наиболее близки в развитии погодичного прироста кривые дерева археологических построек Старой Ладоги (Урьева, Черных, 1983, с. 213–214; Черных, 1996, с. 112, 123). Для уточнения привязок использовались данные дендрохронологических коллекций из раскопов Старой Ладоги 2002–2009 гг., работа с которыми проводилась автором этой статьи.

Для корректировки привязок также использовались опубликованные кривые погодичного прироста древесины погребальных камер кур-

ганов из Гнёздово (Карпухин, 2001, с. 204–207), подобных псковской.

Работа по датировке пригодных образцов проводилась по традиционной методике, которая включает в себя следующие этапы:

— построение относительной («плавающей») последовательности кривых роста колец;

— перекрестное датирование с абсолютно датированными образцами.

На материалах псковских образцов прослеживается цикл угнетенных колец 1-го десятилетия X в. Подобный же цикл фиксируется и на большинстве образцов камеры погребения 3, что дало основания для абсолютных хронологических привязок (рис. 1).

Поскольку, как уже отмечено выше, все исследованные образцы имели менее 100 годичных колец и у всех образцов был нарушен внешний край, то при перекрестном наложении отрезок взаимного перекрытия составил 72 года (рис. 2).

Определяющими для датировки были выбраны реперные участки, характерные для всех образцов. При последующем сопряжении с датированными образцами дерева последовательные угнетения были соотнесены с характерными для псковского дерева и дерева из раскопов Старой Ладоги периодом начала X в. Определяющими для нас являлись характерные для уже датированных кривых угнетения рубежа IX–X вв. и конца 1-го десятилетия X в., которые достаточно четко читаются на ранее датированных кривых (рис. 1, *2*, *3*, *5*): угнетения 900–903, 910–911 гг., 920, 940 гг.

Следует отметить, что как для исследованных псковских образцов, так и для ранее датированных, менее характерно угнетение рубежа 30-х гг. X в., которое достаточно отчетливо читается на кривых погодичного прироста дерева из курганов в Гнёздово (Карпухин, 2001, рис. 2, 3). Для дерева Земляного городища Старой Ладоги этот участок также менее выражен (Карпухин, 2001, рис. 1, *1*, *2*), что, вероятно, для северо-западной древесины является более характерным.

В ходе работы установлены даты последнего («непорубочного») кольца для 10 спилов. Они имеют разброс от 915 до 946 г. Наиболее приближена к дате рубки — дата последнего кольца у образца 7, у которого часть заболони сохранилась. Полученные даты не дают нам основания датировать время сооружения камеры по двум причинам: во-первых, нами определены лишь даты последнего кольца, во-вторых, значительная часть дерева была во вторичном использовании. Однако поздняя дата позволяет сделать предположение об использовании древесины для первичного строительства в начале второй половины X в. Ранее в археологической литературе был сделан вывод о длительности периода, в течение которого существовала деревянная застройка. Продолжительность ее существования составляла около 20–30 лет (Янин, Колчин, 1978, с. 2). Таким образом, можно предположить, что исследованные нами образцы древесины повторно могли использовать в конце X в., возможно, в последней четверти X в.

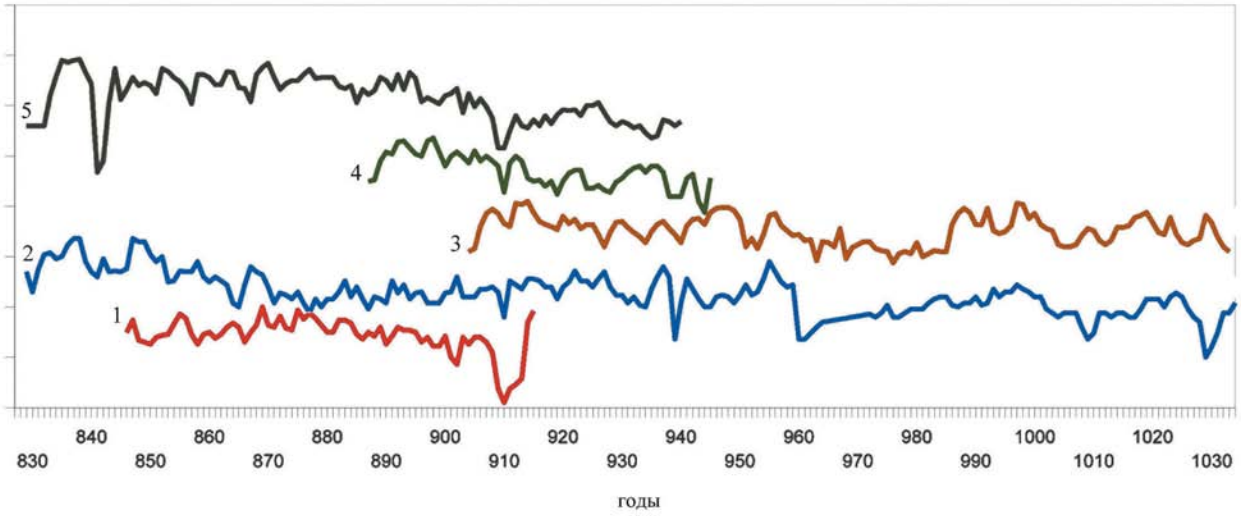


Рис. 2. Сопряжение кривых роста годичных колец дерева X в.:
1 — Псков, Старовознесенский IV раскоп, 2006 г., камерное погребение 3, образец № 14; 2 — Псков, раскоп у Псковского педагогического института, 1970 г. (ППИ-70), образец № 86 (участок X — нач. XI в.); 3 — Псков, раскоп X на ул. Ленина, 1990 г. (П-90-Л-X), образец № 44; 4 — Псков, Старовознесенский IV раскоп, 2006 г., образец № 7; 5 — Старая Ладога, раскоп 2002, образец № 4

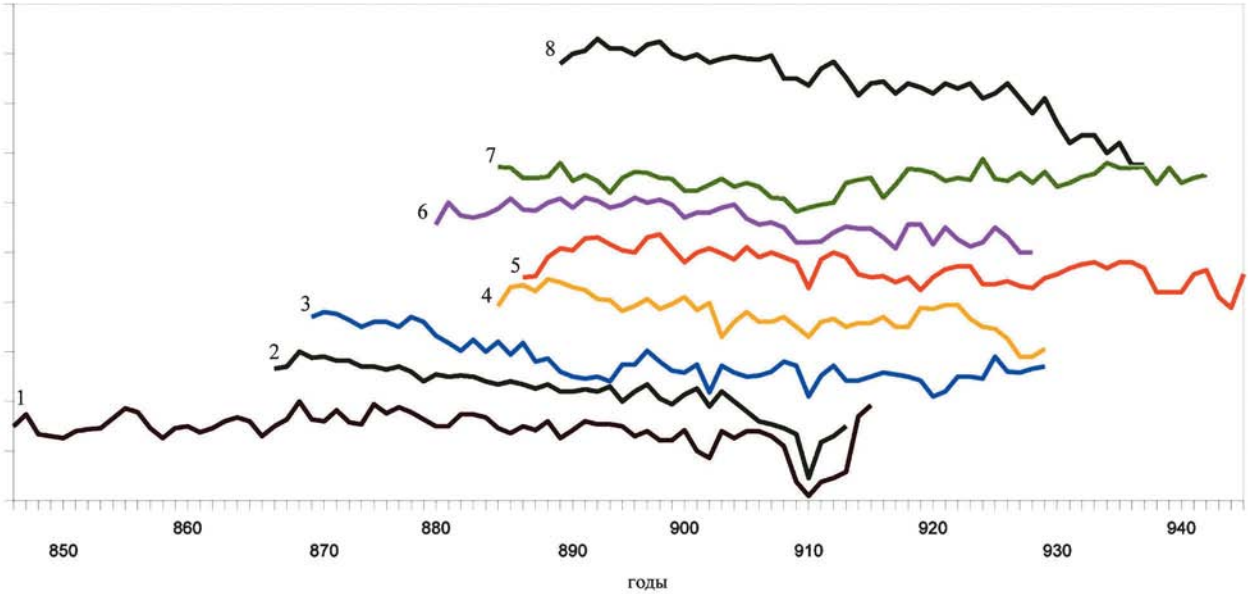


Рис. 3. Сопряжение кривых роста годичных колец дерева деревянных конструкций камерного погребения 3 (Старовознесенский IV раскоп, 2006 г.):
1 — образец № 14; 2 — образец № 8; 3 — образец № 10; 4 — образец № 23; 5 — образец № 7; 6 — образец № 12; 7 — образец № 15; 8 — образец № 1

Несмотря на то что полученные данные не позволяют нам точно датировать время сооружения исследованной в раскопе 2006 г. погребальной камеры, значение образцов для псковской дендрохронологии достаточно высоко. Полученные данные позволяют дополнительно подкрепить ранний отрезок дендрохронологической шкалы.

Приложение. Опись спилов из Старовознесенского IV раскопа (камерное погребение 3)

№ спила	Деталь	Количество годичных колец	Дата последнего кольца	Сохранность внешних колец	Примечание
1	Бревно пола камеры	49	938	Нет	Ель
2	Бревно пола камеры	27	Не датирован	Нет	
3	Бревно пола камеры	25	Не датирован	Нет	
4	Бревно пола камеры	15	Не датирован	Нет	
5	Бревно пола камеры	21	Не датирован	Нет	
6	Бревно пола камеры	29	Не датирован	Нет	
7	Бревно пола камеры	60	946	Заболонь частично сохранилась	
8	Бревно пола камеры	50	913	Нет	
9	Бревно пола камеры	51	Не датирован	Нет	
10	Бревно пола камеры	60	929	Нет	
11	Бревно пола камеры	45	Не датирован	Нет	
12	Бревно пола камеры	51	929	Нет	
13	Бревно пола камеры	30	Не датирован	Нет	
14	Бревно пола камеры	71	915	Нет	
15	Бревно пола камеры	58	942	Нет	
16	Бревно пола камеры	25	Не датирован	Нет	
17	Бревно пола камеры	20	Не датирован	Нет	
18	Бревно пола камеры	41	922	Нет	
19	Бревно пола камеры	19	Не датирован	Нет	
20	Бревно пола камеры	26	Не датирован	Нет	
21	Бревно пола камеры	45	Не датирован	Нет	
22	Бревно пола камеры	47	937	Нет	Ель

№ спила	Деталь	Количество годичных колец	Дата последнего кольца	Сохранность внешних колец	Примечание
23	Бревно пола камеры	45	929	Нет	«
24	Бревно пола камеры	27	Не датирован	Нет	

M.I. Kulakova

Dendrochronological Study of the Wooden Constructions of the Chamber Grave 3 (Old Ascension IV excavation, 2006)

Summary

The article is devoted to the results of dendrochronological study of wooden samples from constructions of the chamber grave 3 of the Old Ascension excavation IV of 2006. All in all 24 saw cuts from which 13 came to be suitable for dendrochronological dating were taken from the chamber constructions.

In the cause of work the dates of the last ("non felling") ring for the 10 saw cuts were determined. They have chronological dispersion from the year 915 to 946.

As a considerable part of wood was repeatedly used during the chamber construction, the received datings don't allow us to attribute the exact construction time to a period within a year. It is still possible to assume that the investigated samples of wood could have been used repeatedly in the last quarter — the end of the Xth century.

А. А. Гольева

Археоботанические исследования материалов камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова

Археоботанические исследования – новое, перспективное направление естественнонаучных работ на археологических объектах. Эти исследования включают в себя большой комплекс частных анализов, позволяющих определять использование разных видов органики людьми в прошлом. В данной работе представлены результаты определения древесных пород и микробиоморфного анализа в камерных погребениях Старовознесенского некрополя Пскова.

Представляется необходимым дать краткую характеристику использованных методов.

Определение древесных пород

Псковская область расположена в умеренном климатическом поясе. Это значит, что все многолетние растения имеют период покоя в зимние месяцы, а следовательно, различную скорость нарастания древесины, что способствует формированию годичных колец. Данный процесс максимален весной и замедляется к осени, создавая неоднородную размерность проводящих сосудов и клеток. Важно, что деревья, принадлежащие к различным ботаническим семействам, формируют специфический рисунок сочетания клеток и сосудов внутри годичного кольца. Рисунок отличается у различных родов растений, что позволяет использовать этот признак при диагностике древесины или древесных углей даже спустя длительный промежуток времени. Существуют определители древесных пород по особенностям рисунка годичных колец (Гаммерман, Никитин, Николаева, 1946) (рис. 1–3).

Основным ограничением метода является тот факт, что определение породы, как правило, возможно лишь в пределах родов, а иногда — семейств. Определение в пределах вида — исключение. Например: род Сосна (*Pinus*) включает виды: Сосна обыкновенная, Сосна карликовая (кедровый стланник), Сосна крымская, Кедр сибирский и др. (Алексеев, Жмылев, Карпухина, 1997, с. 83–94), но рисунок древесины у всех деревьев будет один.

Необходимо принимать во внимание и ограничение метода в связи с особенностями сохранности образцов. Наибольшая сохранность во времени характерна для древесного угля: он не поедается микрофлорой и имеет относительно жесткий каркас из обугленной целлюлозы. Сохранность древесины значительно ниже. Дерево может быть сплющено за счет давления вышележащих грунтов, разрушено микроорганизмами за период консервации в толще грунта, нельзя исключать и антропогенную деформацию дерева, когда оно сдавливалось в процессе эксплуатации, что иногда наблюдается для нижних венцов срубов, особенно если для погребения используется не новая древесина, а части каких-то хозяйственных деревянных изделий.

Микробиоморфный анализ

В условиях сезонности климата, чередования влажных и сухих периодов происходит быстрая минерализация (разложение) любого органического материала в почвенном слое, особенно в верхних 50–70 см. То есть уже спустя несколько сотен лет, бывает трудно определить не только какие конкретно растения, деревья или виды жи-

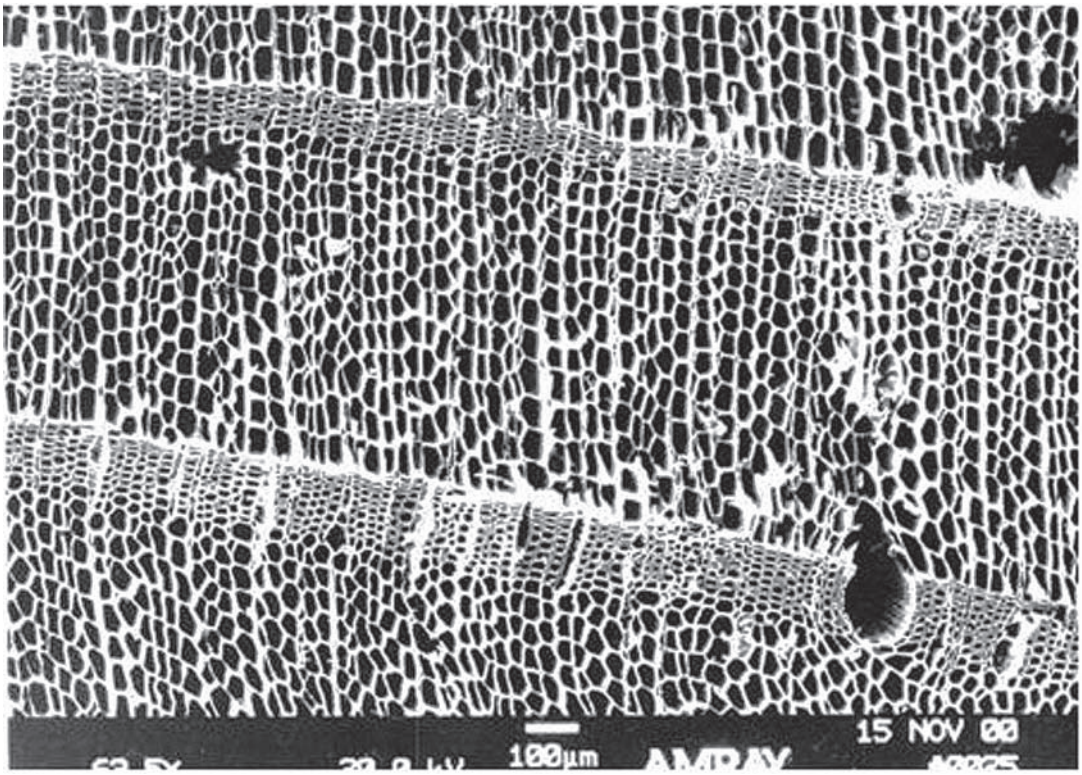


Рис. 1. Древесина сосны

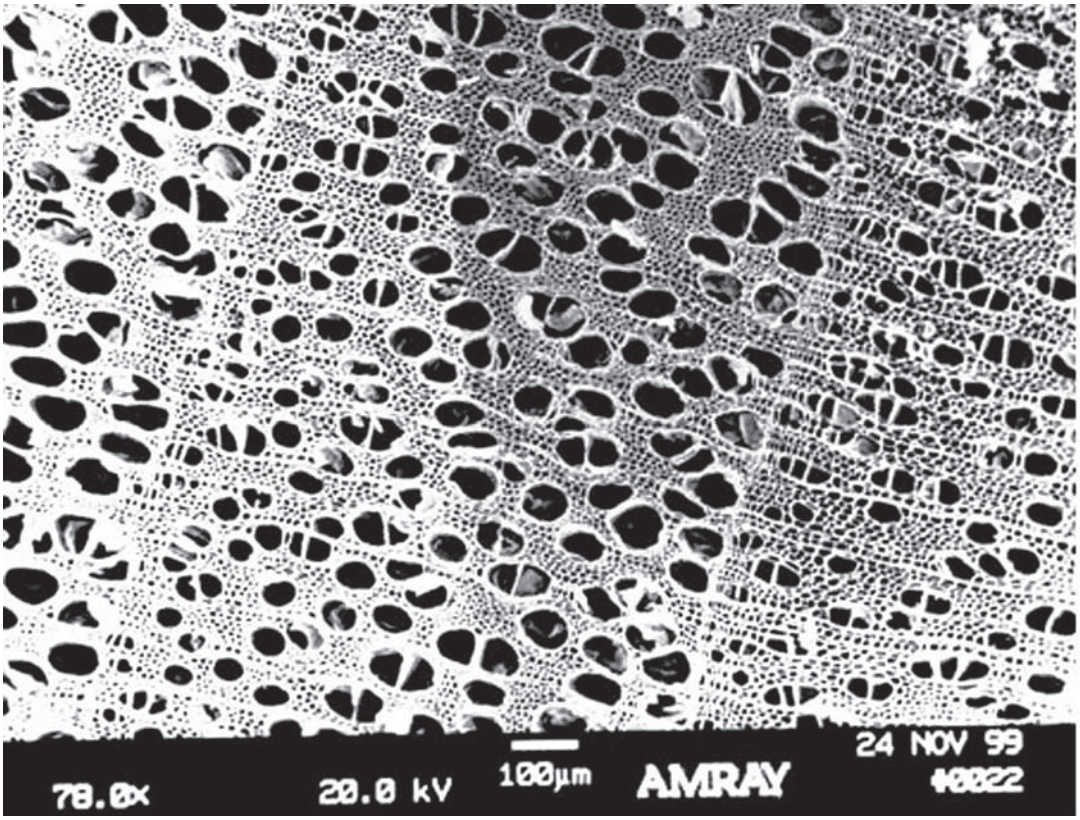


Рис. 2. Древесина липы

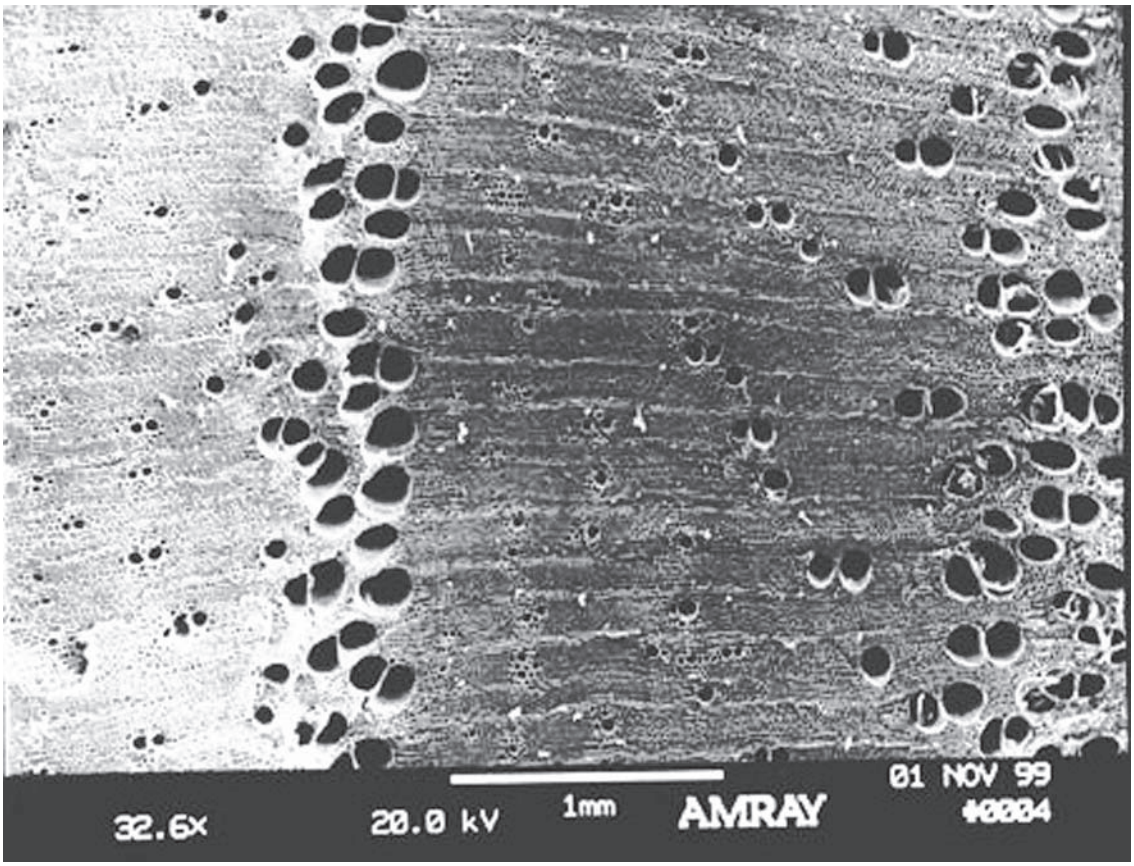


Рис. 3. Древесина ясеня

вотной органики (шерсть, кожа, войлок и т. п.), использовались в погребальном обряде, но даже иногда затруднительно говорить об использовании органического материала как такового вообще. В подобных случаях помогает использование микробиоморфного анализа, поскольку микроскопические частицы любого вида органики имеют относительно хорошую сохранность.

Микробиоморфный анализ — это изучение микроскопических частиц биогенной природы (детрита, фитолитов, кутикулярных слепков и др.) с целью определения их генезиса (Гольева, 2008). Каждая из этих частиц формируется при разложение конкретного вида органического объекта и в итоге является его «визитной карточкой». Но поскольку работа идет с частицами малой размерности (менее 0,05 мм), информативность получаемых данных имеет достаточно общий характер. Например, можно уверенно определять древесный детрит и говорить об использовании древесины, но практически никогда нельзя диагностировать породу дерева. Органика животного происхождения (кожа, шерсть, волосы, шкуры, войлок и пр.) не имеет какого-либо прочного «скелета», в отличие от растительных волокон, и под микроскопом определяется в виде крупных бесформенных сгустков аморфного облика. Таким образом, можно уверенно диагностировать наличие в прошлом на данном месте «следа» животной органики, но что именно это было, определить невозможно. Свою специфику имеют фитолиты — кремниевые копии растительных клеток. По индикационной информативности морфологии фитолитов все растения делятся на две группы. Опаловые образования растений первой группы не обладают характерной морфологией для последующей их индикации в образцах почвы. То есть фитолиты в растениях формируются, но их форма не специфична. Фитолиты растений второй группы, наоборот, с высокой степенью достоверности можно идентифицировать при анализе почвенного материала. Именно эти формы фитолитов и являются основой фитолитного анализа. Иными словами, фитолитный анализ позволяет определять не все растения, которые использовались людьми, а только те из них, где эти фитолиты есть: все злаки (включая тростник и культурные формы), осоки (включая камыш), мхи, ряд разнотравья, в том числе сорную флору (крапиву, коноплю).

При всех своих ограничениях микробиоморфный метод все же достаточно информативен, поскольку позволяет получать информацию там, где никакими другими методами это сделать нельзя

ввиду полной минерализации исходного материала. Комплексный подход, когда учитывается всё разнообразие биогенных частиц в исследуемой фракции, позволяет с высокой долей вероятности реконструировать тип органического материала, если он использовался. Например, наличие кутикулярных слепков растений совместно с остатками корней является убедительным признаком, позволяющим говорить и том, что образец являлся дерниной или лесной подстилкой. В то же время наличие только кутикулярных слепков без корней позволяет делать вывод, что растения на данном месте не произрастали, они были искусственно привнесены и это были только растения, а, например, не дернина или лесная подстилка.

Подобного рода работы на могильниках для реконструкции погребальной обрядности много лет проводятся на юге нашей страны, получены интересные данные (Гольева, 2005, 2006, 2011; Гольева, Белинский, Калмыков, 2001; Гольева, Калмыков, 2009 и др.).

Непосредственно методику проведения анализа можно разделить на две части — подготовка пробы (мацерация) и непосредственно просмотр под микроскопом выделенных из почвы или иного субстрата частиц. Каждая часть работы требует специального оборудования и химических реактивов.

Мацерация

Для исследования микробиоморф в почвах и грунтах различного генезиса берется навеска массой 40 г, переносится в фарфоровые стаканчики и кипятится в течение одного часа в растворе с 30 %-ной перекисью водорода с целью дезинтеграции породы и сжигания органического вещества. Для этих целей также можно использовать 10 %-ную соляную кислоту.

Для удаления песчаной фракции прокипяченный осадок охлаждают приблизительно до 20 °С, тщательно взмучивают с дистиллированной водой и через 30 секунд сливают через сито с отверстиями 0,5 мм в батарейный мерный стакан, доводя объем жидкости до отметки 8 см от дна стакана. Осевший за полминуты на дно исходного фарфорового стакана осадок песчаной фракции и частицы, оставшиеся на сите, из дальнейшей обработки выбывают, их выбрасывают. Через 3 часа столб воды в батарейном мерном стакане высотой 4 см от верхней границы аккуратно сливается. Стакан доливается дистиллированной водой до метки 8 см, осадок хорошо перемешивается мешалкой и оставляется на 3 часа. Далее вновь аккуратно сливаются верхние 4 см. Стакан снова доливается водой, все перемешивается и отстаивается. Производится 3–7 сливов до полного просветления столба воды верхних 4 см за 3 часа, т. е. до полного удаления илистой фракции.

Оставшийся осадок высушивается, переносится в центрифужные стаканчики (пробирки) емкостью 50 мл и заливается тяжелой жидкостью (например, кадмиевой жидкостью) с удельным весом 2,3 в размере трех частей объема осадка, т. е. жидкости должно быть примерно в 3 раза больше получившегося осадка.

Для разделения осадка используется тяжелая жидкость, представляющая собой водный раствор йодистого кадмия и йодистого калия в отношении 1 объем воды к 2,5 объемам йодистого кадмия и 2,25 объемам йодистого калия.

После тщательного и осторожного перемешивания осадка с кадмиевой жидкостью пробирки помещают в центрифугу на 10 минут при оборотах 1000 об./с. В результате биоморфы извлекаются в легкую фракцию, которую хорошо видно как плотный сгусток вверху пробирки. Этот верхний слой тяжелой жидкости вместе с частицами сливается на фильтр. Осадок с фильтра аккуратно смывается дистиллированной водой в другой центрифужный стаканчик. Водный раствор с выделенными частицами центрифугируется при 1500 об./с. в течение 5 минут для промывки от тяжелой жидкости. После центрифугирования слой воды сливается, а на дне остается пылеватая фракция, обогащенная микробиоморфами. Выделенные таким образом частицы можно хранить в сухом виде в пакетиках или мелких пробирках с закрытой пробкой или сразу перенести в чистую пробирку и залить глицерином. Раствор глицерина должен быть выше осадка на 1–2 мм.

Просмотр под микроскопом, обработка полученного материала

Полученная легкая по удельному весу и обогащенная органическим материалом фракция рассматривается при помощи обычного оптического микроскопа в растворе глицерина (плотность 1,54) при увеличениях 250–350 раз. Проводится качественная и количественная оценка всех присутствующих в образце частиц. При работе на оптическом микроскопе каплю препарата (взвесь пылеватой фракции в растворе глицерина) наносят на предметное стекло, сверху накрывают покровным стеклышком (размер 24 × 24 мм) и аккуратно, но плотно прижимают пальцем, чтобы

убрать воздух и чтобы капля заняла весь объем между обоими стеклами. Полученный слой препарата должен быть прозрачным или полупрозрачным с желтоватым или буроватым оттенком.

Под микроскопом рассматривается разнообразие форм, ведутся фиксация и подсчет диагностических форм. Количество встреченных частиц так же важно, как и их морфологический облик. Исследованиями определено усредненное количество фитолитов, встречаемое в поверхностных горизонтах почв, и их динамика с глубиной (Гольева, 2001). Если в образце фитолитов больше — растения искусственно добавлялись (привносились) на данное место. Если фитолитов мало, то или использовали другие травы, или трав как таковых на данном месте практически не было. В этом случае необходимо учитывать наличие других частиц — травянистого детрита, кутикулярных слепков и пр.

Основной целью исследования являлась диагностика использования какого-либо органического материала в погребениях и по возможности определение генезиса этого материала. Для этого при археологических работах на некрополе в Окольном городе Пскова в погребениях были отобраны для анализа древесный уголь и фрагменты древесины различной степени сохранности. Микробиоморфный анализ был проведен в 36 образцах из камерного могильника в Пскове.

Результаты исследований

Определение древесины

Изучение образцов из псковских камер при помощи бинокуляра (рабочее увеличение ×40) позволило определить в большинстве образцов породу древесины, которую использовали при создании погребений, а также фрагментов, сохранившихся в виде угольков в составе грунта. Результаты работы представлены в табл. 3.

Рис. 4. Общий состав древесных пород, %

Всего определение породы было проведено для 31 образца. Данное количество не является статистически достоверным. Но, учитывая, что все образцы из погребений узкого временнóго интервала, можно считать, что они адекватно отражают традиционный набор пород, используемый в ритуале погребения. Сравнительный анализ всех встреченных пород показал абсолютное преобладание хвойных — они суммарно составляют 81 % среди всех встреченных древесных пород (рис. 4). Внутри хвойных доминирует ель — 55 % от всех встреченных пород.

Микробиоморфный анализ

Анализ проводился в Институте географии РАН. Мацерация сделана аналитиками Е. А. Агафоновой, И. В. Туровой и Е. В. Гусевой. Результаты исследования представлены в табл. 1 и 2. Основная часть образцов содержит незначительное количество фитолитов, что не является статистически значимым. Поэтому большинство выводов для фитолитных комплексов отражают лишь качественную характеристику состава встреченных форм. Лишь в двух образцах, где количество фитолитов было более 100 единиц в рассматриваемом стандартном объеме, результаты количественного состава фитолитов достоверны.

Полуколичественная сравнительная характеристика микробиоморф дана в табл. 1. В табл. 2 приведены количественные данные по распределению форм фитолитов для тех образцов, где они были выявлены.

Старовознесенский I раскоп (2003–2004 гг.). Погребение 1

Исследованы 11 образцов. Бóльшая часть выявленных микробиоморф не подлежит количественному учету ввиду высокой хрупкости и возможного дробления в процессе подготовки препарата. Иными словами, возможно получение заведомо высоких значений. Это относится к детриту и аморфной органической массе. Количественный анализ среди всех выявленных частиц возможен лишь для фитолитов — кремниевых копий клеток растений. Но во всех изученных образцах фитолитов мало, что не позволяет провести количественный анализ, поскольку результаты статистически незначимы.

В связи с этим сводная таблица содержания и распределения микробиоморф имеет сравнительный полуколичественный характер.

Ниже приводятся описание микробиоморфных комплексов и выводы по отдельным образцам. Названия образцам даны согласно археологической описи.

№ 1, уч. В, кв. Г 12, пл. 17, серая супесь из пятна в слое заполнения (см. Погр. 1, Прил .1, *4*)

В образце преобладает древесный детрит. Встречается и травянистый, но существенно меньше.

Вывод по рассмотренному образцу. Образец является полностью разложившейся древесиной.

№ 2, уч. В, кв. Г 12, пл. 15 (–293), серая супесь из пятна в слое заполнения (см. Погр. 1, Прил. 1, *4*)

В образце присутствует древесный и травянистый детрит. Единичные фитолиты представлены формами, характерными для двудольных трав. Характерно, что фитолиты и частично детрит обуглены.

Вывод по рассмотренному образцу. Образец имеет сложный генезис. Для его формирования использовались древесина и травы. Наличие обугленных форм указывает на то, что использовались и обгоревшие растения или на данном участке ранее что-то горело.

№ 3, уч .В, кв. Д 12, пл. 17, серая супесь из пятна в слое заполнения (см. Погр. 1, Прил. 1, *4*)

В образце преобладает древесный детрит. Встречается и травянистый, но существенно меньше. Единичные фитолиты — это формы, типичные для двудольных трав.

Вывод по рассмотренному образцу. Образец является полностью разложившейся древесиной. Участие трав не исключается, но их доля была незначительной.

№ 4, уч. В, кв. Г 12, пл. 18, ржавое пятно в погребении, у правого плеча (см. Погр. 1, Прил. 1, *5*)

Содержание всех микробиоморф невелико.

Вывод по рассмотренному образцу. Скорее всего, на данном месте органические материалы не присутствовали. Обнаруженные микробиоморфы — случайны и занесены извне.

№ 5, уч. В, кв. В 12, пл. 11, грунт из слоя заполнения (просевшая насыпь)

Образец содержит небольшое количество мелкого детрита. Малая размерность детрита не позволяет определить его генезис — древесный или травянистый.

Вывод по рассмотренному образцу. Подобный микробиоморфный комплекс характерен для нижних частей гумусированных почвенных горизонтов. Скорее всего, для создания насыпи использовались различные почвенные горизонты и их части, в том числе и низ гумусовых горизонтов.

№ 6, уч. В, кв. Д 12, пл. 17 (–339), грунт из скопления костей птицы (см. Погр. 1, Прил. 1, *5*)

Образец содержит большое количество аморфной органической массы. Также много копролитов почвенной фауны и остатков корней.

Вывод по рассмотренному образцу. Аморфная органическая масса является полностью минерализованной органикой животного генезиса — кожа, шерсть, шкура и т. п. Обилие копролитов — следов жизнедеятельности почвенной фауны и грибных гифов — указывает на высокую интенсивность процессов разложения материала. Таким образом, на данном месте было что-то из кожи или шерсти (подстилка? одежда?).

№ 7, уч. В, кв. Д 12, пл. 17 (–340), коричневый песок на уровне остатков настила пола, вокруг дужки ведра

Образец содержит большое количество травянистого детрита. Древесный детрит присутствует, но существенно в меньших количествах. Есть фитолиты лесных и луговых трав.

Вывод по рассмотренному образцу. Под настилом была трава. Древесные частицы, скорее всего, попали из настила.

№ 8, уч. В, кв. Г 12, пл. 17 (–337), тлен с фибулы (см. Погр. 1, Прил. 1, *5*, Прил. 3, Каталог, *37*)

Образец содержит обилие аморфной органической массы.

Вывод по рассмотренному образцу. На фибуле было что-то из шерсти или кожи.

№ 9, уч. В, кв. Д 12, пл. 14, серая супесь с юго-западной стенки камеры (см. Погр. 1, Прил. 1, *5*)

Образец содержит большое количество древесного и травянистого детрита. Есть фитолиты лесных и луговых трав.

Вывод по рассмотренному образцу. Западная стенка камеры была обложена деревом и травами, скорее всего, в виде кусков дерна. Не исключается использование трав в виде каких-либо циновок.

№ 10, уч. В, кв. Д 12, пл. 16, серая супесь со стенки камеры (см. Погр. 1, Прил. 1, *5*)

Образец характеризуется обилием древесного детрита. Крупные фрагменты детрита позволили определить, что его бóльшая часть является

микроостатками древесины хвойных пород деревьев. Травянистый детрит также присутствует, но значительно меньше. Встречены единичные фитолиты трав.

Вывод по рассмотренному образцу. Стенки камеры были закрыты древесиной. Использовались хвойные породы дерева. Возможно, были и циновки из трав или использование травы в каких-либо иных формах.

№ 11, уч. В, Кв. Д 13, пл. 14, серая супесь с юго-западной стенки (см. Погр. 1, Прил. 1, *5*)

Образец содержит мало детрита, аморфной органики, фитолитов.

Вывод по просмотренному образцу. Наиболее вероятно, слой был создан из нижней части гумусированного горизонта почвы. Это не дернина.

Старовознесенский II раскоп (2004 г.). Погребение 2

Рассмотрены 7 образцов из разных мест заполнения могильной камеры, включая доски пола, материал заполнения ровика. Во всех образцах основным компонентом является обугленный детрит разного генезиса.

№ 1. Кв. К 11, –236; коричневая супесь

Образец содержит крупные частицы обугленного травянистого детрита. Фитолитов нет, следовательно, злаков или осок на данном месте не было.

Вывод по просмотренному образцу. На участке отбора пробы горели значительные объемы двудольных трав.

№ 2. Кв. Л 9, –218; гумусированный песок (ровик) — (?)

Образец содержит большое количество крупных частиц обугленного травянистого детрита и немного древесного, который не обуглен.

Вывод по просмотренному образцу. Скорее всего, на данном месте горели травы, возможно, впоследствии участок зарос лесом.

№ 3. Кв. Л 9, –230; гумусированный песок (ровик)

Образец, как и два предыдущих, характеризуется большим количеством обугленного и не обугленного травянистого детрита. Единично присутствуют фитолиты лесных трав.

Вывод по просмотренному образцу. Возможно, в окрестностях был пожар, горели травы и зола заполняла ровик. Возможно, в самом ровике росли травы, поскольку часть детрита не обуглена. Фитолиты, как и другие частицы, скорее всего, переотложены.

№ 4. Кв. К 12, –260; коричневая супесь

Образец характеризуется обилием крупного обугленного древесного и травянистого детрита с преобладанием древесного. Единично присутствует фитолит разнотравья.

Вывод по просмотренному образцу. На данном месте горела древесина. Травы так же сжигались, но их объемы были меньше. В составе трав не было злаков или осок, поскольку отсутствуют их фитолиты.

№ 5. Кв. К12, –242; погребенный дерн

Образец, как и предыдущий, характеризуется обилием крупного обугленного древесного и травянистого детрита с преобладанием древесного. В отличие от предыдущего образца здесь больше фитолитов, а также присутствуют обломки спикулы губки и двух панцирей диатомовых водорослей. Фитолитный комплекс типичный лесной с разнотравьем. Незначительное количество спикул губок и панцирей диатомовых водорослей характерно для лесных дернин гумидной зоны.

Вывод по просмотренному образцу. В целом микробиоморфный комплекс образца типичен для лесных дернин гумидной зоны. Некоторым отличием является большое количество обугленных частиц. Это позволяет предположить, что на момент погребения дерна лес был уничтожен пожаром.

№ 6. Доски пола камеры

В составе микробиоморфной фракции присутствуют травянистый и древесный детрит. Травянистого несколько больше, чем древесного. В небольшом количестве есть фитолиты. В основном это окремневшие эпидермальные клетки, характеризующие разнотравье, также присутствуют два фитолита тростника.

Вывод по просмотренному образцу. На полу камеры были доски, но также и травы. В составе последних, возможно, использовался и тростник.

№ 7. Доски пола камеры

Образец характеризуется большим количеством крупного древесного детрита, аморфной органической массы. Присутствует также травянистый детрит, но в меньших объемах. Единично встречены фитолиты разнотравья, а также корни растений. Образец отличается от предыдущего обилием древесного детрита, что позволяет предположить большие объемы дерева, использованного на данном месте. Аморфная

органика связана с минерализованной животной органикой.

Вывод по просмотренному образцу. Доски пола камеры были массивными, также на данном месте находилась травянистая масса в небольшом объеме и что-то из животной органики, возможно, одежда.

Старовознесенский IV раскоп (2006 г.). Погребение 3

№ 1. Кв. 19, пятно соломы (?) с бревен пола и досок (см. Погр. 3, Прил. 1, *5*)

Содержание микробиоморф низкое. Можно отметить мелкий детрит, аморфную органическую массу, грибные гифы, единичные фитолиты трав.

Вывод по просмотренному образцу. Состав образца не соответствует названию. Это не может быть солома или дернина.

№ 2. Кв. 19, пл. 15, дно ямы, пятно 2

Образец содержит древесный детрит, в составе которого высока доля хвойных. Травянистый детрит также есть, но в меньших количествах. Присутствуют фитолиты, в основном это частицы лугового разнотравья и мхов. Также в фитолитном комплексе есть фитолит тростника или камыша. Единично встречена корродированная спикула губки. Вероятно, обе последние частицы попали в образец одновременно.

Вывод по просмотренному образцу. В основном образец является древесной трухой, но на данном месте были и травы, в составе которых был камыш или тростник, но его было мало. В составе древесины были хвойные породы.

№ 3. Кв. 11, серая супесь на северной стенке, пл. 12 (см. Погр. 3, Прил. 1, *4*)

Образец содержит небольшое количество древесного и травянистого детрита, мало фитолитов. В составе фитолитного комплекса есть частицы лесных трав и разнотравья.

Вывод по просмотренному образцу. Состав микробиоморфной фракции образца сходен с таковым для нижних гумусовых горизонтов почв. Это не дернина.

№ 4. Кв. 28, серая супесь, южная стенка камеры, пл. 12–13 (см. Погр. 3, Прил. 1, *4*)

Образец характеризуется небольшим количеством детрита, обрывками корней трав, относительно значимым количеством кутикулярных слепков мхов. Встречен один фитолит, очевидно, занесенный случайно.

Вывод по просмотренному образцу. Кутикулярные слепки являются диагностами разложения органики in situ, следовательно, при создании слоя использовался мох, вернее, моховая подстилка.

№ 5. Кв. 29, серая супесь с южной стенки, из-под досок перекрытия, пл. 9 (см. Погр. 3, Прил. 1, *4*)

Образец содержит крупный древесный детрит, в составе которого преобладают частицы хвойных пород деревьев. Есть единичные корни и пыльцевые зерна трав. Фитолитов мало, скорее всего, они случайны. В пользу данного предположения говорит наличие фитолитов хвойных. Очевидно, эти частицы попали в образец вместе с детритом.

Вывод по просмотренному образцу. Образец в основном является древесной трухой. Пыльца трав позволяет предположить, что погребение создавалось летом, в период цветения трав. Наиболее вероятно, это остатки лесной дернины.

№ 6. Кв. 11, серая супесь с углем с северной стенки камеры, пл. 10 (см. Погр. 3, Прил. 1, *4*)

Образец выделяется обилием древесного детрита, в составе которого много микроостатков хвойных пород. Травянистый детрит также есть, но его меньше. Присутствуют фитолиты, в составе которых преобладают частицы, характерные для лугового разнотравья. Единично встречены споры мхов.

Вывод по просмотренному образцу. Основная часть образца является древесной трухой. В составе древесины были хвойные породы деревьев. Наличие относительно высокого для песчаных почв количества фитолитов, а также травянистого детрита позволяет предположить, что здесь также были травы, возможно в виде дернины.

№ 7. Кв. 20, пятно органического тлена с пола (см. Погр. 3, Прил. 1, *5*)

Образец обогащен аморфной органической массой, кутикулярными слепками и спорами мхов, корнями. Фитолитов немного, в их составе фитолиты мхов преобладают.

Вывод по просмотренному образцу. Здесь была подстилка из мха.

№ 8. Кв. 20, пятно органического тлена с пола камеры (см. Погр. 3, Прил. 1, *5*)

Образец содержит в основном аморфную органическую массу, мало мелкого детрита и единично фитолиты.

Вывод по просмотренному образцу. Возможно, здесь было что-то из животной органики, например кожа в небольшом количестве.

Старовознесенский V раскоп (2007 г.). Погребение 4

№ 1. Грунт из нижней части камеры, кв. 62

Образец выделяется обилием обрывков шерстяных волосков, колоний микробной массы, копролитов почвенных животных, корней трав. Фитолиты единичны, скорее всего, они случайны. Встречены пыльцевые зерна сосны, липы и ели в небольшом количестве.

Вывод по просмотренному образцу. На данном месте было что-то из шерсти. Можно предположить, что рядом с могильной ямой росла липа, поскольку в отличие от хвойных деревьев липа продуцирует мало пыльцы и ее летучесть мала. Также можно предположить, что погребение совершалось в середине лета — период цветения липы. В регионе росли сосны и ели, но на значительном удалении от могильной ямы.

№ 2. Грунт между нижней частью перекрытий и полом камеры, кв. 62

Образец несколько сходен с предыдущим, но количество микроостатков шерстяных волосков существенно меньше. Встречаются фрагменты, напоминающие кору деревьев.

Вывод по просмотренному образцу. Возможно, здесь также было что-то из шерсти, но значительно в меньших объемах. Небольшое количество фрагментов древесной коры может быть остатком от древесного настила или же на грунт укладывалась кора достаточно тонким слоем.

№ 3. Пол камеры, кв. 63

Состав образца практически идентичен образцу грунта из нижней части камеры кв. 62 — такое же обилие микроостатков шерсти и различных типов биоты, которые являются основными деструкторами животной органики. Следовательно, генезис образца сходен.

Вывод по просмотренному образцу. На данном месте было что-то из шерсти.

№ 4. Грунт из-под навершия рукояти; захоронение 1, кв. 62

Образец содержит большое количество аморфной органики, есть копролиты почвенной фауны, мелкий детрит, гифы почвенных грибов. Фитолитов мало, они, скорее всего, занесены случайно. Микроостатки шерстяных волокон, обильно представленные в предыдущих образцах, здесь также есть, но существенно в меньших объемах.

Вывод по просмотренному образцу. Очевидно, здесь также было что-то из шерсти, но в небольшом количестве.

№ 5. «Покров» над погребением

Образец содержит растительный детрит, кутикулярные слепки мхов и трав, аморфную органическую массу, остатки корней. Присутствуют фитолиты в небольшом количестве. В их составе преобладают формы, характерные для лугового разнотравья.

Вывод по просмотренному образцу. Скорее всего, здесь была дернина из мхов и луговых трав.

Подзноевский XII раскоп (2008 г.). Погребение 6

№ 1. Серый гумус из песка крупных фракций (верхняя часть перекрытий), кв. 115

Образец практически не содержит микробиоморф. Все встреченные частицы единичны.

Вывод по просмотренному образцу. Наиболее вероятно, это нижняя часть гумусового горизонта почвы, не дернина.

«Покров» над погребением. В составе образца небольшое количество древесного детрита и аморфной органической массы.

Вывод по просмотренному образцу. Скорее всего, в образце находятся частицы древесного тлена.

№ 2. Грунт с северо-восточной стены камеры (верхняя часть перекрытий)

Образец обогащен древесным детритом, есть фитолиты. Травянистый детрит присутствует, но его меньше, чем древесного. Фитолитов немного, в основном это формы разнотравья. Встречен один фитолит тростника. Он сильно корродирован, скорее всего, переотложен или очень древний — реликт периода формирования породы.

Вывод по просмотренному образцу. Возможно, здесь была маломощная дернина. Но вероятнее всего, это почвенный гумусовый горизонт, формирующийся сразу под дерниной.

«Лодейный борт» (?) в конструкции камеры, кв. 106, 116. В образце много детрита, кутикулярных слепков и спор мхов, грибных гифов, колоний микроорганизмов. Фитолитов мало, в их составе также есть фитолиты мхов.

Вывод по просмотренному образцу. На данном месте использовался мох, вернее моховая подстилка, в значительных количествах.

№ 3. Северо-западная стенка, кв. 105

Образец содержит древесный и травянистый детрит при преобладании древесного. Фитолитов мало, в составе комплекса доминируют луговые формы.

Вывод по просмотренному образцу. Скорее всего, основной частью образца является древесная труха. Это не дернина, вероятнее всего, это нижняя часть гумусового горизонта почвы.

Подзноевский XII раскоп (2008 г.). Погребение 7

№ 1. Проба грунта из юго-восточной стены камеры (верхняя часть), кв. 51, яма № 16

Микробиоморф мало. Можно отметить лишь небольшое количество древесного детрита и фитолитов. Основную часть фитолитов составляют формы, характерные для лугового разнотравья.

Вывод по просмотренному образцу. Вероятнее всего, образец является нижней частью гумусового горизонта почвы.

№ 2. Юго-западная стенка камеры, кв. 59

Микробиоморф мало: детрит и аморфная органика единичны, фитолитов мало.

Вывод по просмотренному образцу. Генезис образца, скорее всего, такой же, как и у предыдущего, — это нижняя часть гумусового горизонта почвы.

№ 3. Древесный тлен над полом, кв. 52

Образец содержит небольшое количество мелкого детрита и аморфной органической массы.

Вывод по просмотренному образцу. Подобный состав характерен для нижних горизонтов почв. Скорее всего, здесь не было органического материала.

№ 4. Тлен бревна (?) из южной стенки сруба, кв. 52, (–315)

Микробиоморф мало. Это в основном грибные гифы, мелкий травянистый детрит, колонии микроорганизмов, аморфная органическая масса. Фитолитов также мало, в основном они отражают луговое разнотравье.

Вывод по просмотренному образцу. Наиболее вероятно, это почвенный гумусовый горизонт.

№ 5. Слой заполнения ямы над захоронением, кв. 52 (–355)

Образец содержит большое количество аморфной органической массы и травянистого детрита. Есть так же фитолиты, колонии микроорганизмов, копролиты почвенной фауны, единичная пыльца трав. Среди фитолитов есть формы, характерные для культурных злаков и растений сухих лугов.

Вывод по просмотренному образцу. Данный состав микробиоморфной фракции характерен для луговой дернины, сформированной неподалеку от какого—то участка, связанного с хозяйственной деятельностью людей.

№ 6. Грунт под полом, кв. 47/52

Образец практически не содержит микробиоморф.

Вывод по просмотренному образцу. Это минеральный горизонт без добавления органического материала.

№ 7. Доска пола (с глиной?), кв. 52 (–355)

Образец содержит древесный детрит, корни трав, аморфную органическую массу. Фитолиты и грибные гифы единичны.

Вывод по просмотренному образцу. Образец является разложившейся древесиной.

№ 8. Доска пола (?), кв. 52 (–351)

Образец практически не содержит микробиоморф. Можно отметить лишь небольшое количество аморфной органики.

Вывод по просмотренному образцу. Состав образца не соответствует названию. Образец является практически чистым минеральным горизонтом.

№ 9. Грунт рядом с костяком, кв. 51 (–351)

Образец содержит большое количество травянистого детрита, аморфной органической органики, грибные гифы, колонии почвенной микробиоты. Есть фитолиты. В фитолитном комплексе есть формы, характерные для культурных злаков.

Вывод по просмотренному образцу. Здесь было что-то из трав и, скорее всего, из животной органики (например, кожа или шерсть), но в небольшом объеме.

№ 10. Древесный тлен над полом (верхнее перекрытие?) (–356)

Образец содержит большое количество аморфной органической массы, травянистого детрита. Фитолитов немного, состав их тот же, что и в остальных образцах из данного погребения, — есть культурные злаки и формы, характерные для сухих лугов.

Вывод по просмотренному образцу. Образец не является древесным тленом, это остатки трав и животной органики.

№ 11. Доска пола или того, чем были накрыты вещи и кости

Образец выделяется обилием фитолитов — максимальным среди всех исследованных образцов. Также есть крупный древесный и травянистый детрит. В составе фитолитного комплекса высока доля культурных злаков и форм сухих лугов.

Вывод по просмотренному образцу. Вещи и кости были накрыты соломой и сеном.

Подзноевский XIV раскоп (2009 г.). Погребение 8

№ 1. Серый слой в перекрытии камеры (западная стена), кв. 59б

Образец содержит крупный древесный и травянистый детрит. В составе древесного детрита высока доля хвойных. Фитолитов много. Состав фитолитного комплекса смешанный — есть фитолиты хвойных и, например, культурных злаков. При этом доля фитолитов хвойных высока, следовательно, они в образце не случайны.

Вывод по просмотренному образцу. В перекрытии камеры использовали древесину, различные травы, включая солому культурных злаков и ветви хвойных. Фитолиты формируются только в иглах у хвойных деревьев. Наличие большого количества данных форм фитолитов свидетельствует, что здесь кроме трав использовали и ветви с хвоей.

№ 2. Слой из условного очага под полом, в ногах погребения

Образец не содержит микробиоморф.

Вывод по просмотренному образцу. На данном месте органического материала не было.

№ 3. Тлен из перекрытий из южной части стены, кв. 59

Образец не содержит микробиоморф.

Вывод по просмотренному образцу. На данном месте не было органического материала.

№ 4. Покров над правой ногой костяка, кв. 59а

Образец содержит корни трав, древесный и травянистый детрит, фитолиты. В составе фитолитов относительно высока доля хвойных и лесных трав, мхов. Интересно наличие фитолитов тростника или камыша.

Вывод по просмотренному образцу. Возможно, над костяком были разные травы, включая некоторую примесь тростника. Можно предположить наличие на данном месте какой-либо подстилки (циновки?) из тростника/камыша.

№ 5. Нижняя часть перекрытий, кв. 59б

Образец обогащен аморфной органикой, корнями. Детрита и фитолитов мало.

Вывод по просмотренному образцу. Данный состав типичен для середины–низа гумусовых горизонтов почв.

№ 6. Пол камеры

Образец содержит аморфную органическую массу, корни трав, грибные гифы, детрит, кутикулярные слепки мхов. Фитолиты единичны, скорее всего, случайны.

Вывод по просмотренному образцу. Возможно, на данном месте была небольшая по мощности подстилка из мхов.

Заключение

Присутствие древесины лиственных пород, скорее всего, случайно. Возможно, это дерево от каких-то конструкций, использованных для создания погребения. Приуроченности отдельных пород к конкретным объектам, вещам не выявлено.

Встреченный состав древесных пород, и особенно соотношение между ними, не является отражением состава древесины в окрестных лесах того времени. Это набор пород, выборочно использованный в погребальном обряде. Безусловно, высокая концентрация хвойных подтверждает, что они были широко распространены и, вероятно, доминировали в лесах территории исследования в конце I тыс. н. э. В отношении других пород, какие-либо устойчивые корреляции между составом дерева и особенностями его хозяйственного использования, на основании представленного материала, не прослеживаются.

Исследованные материалы из камерных погребений указывают на присутствие в погребальных камерах различных видов органического сырья. Во всех камерных усыпальницах присутствует мох. Он мог использоваться при создании подстилок и перекрытий, а также попасть в погребения вместе с корой бревен, послуживших строительным материалом для срубов-усыпальниц. Не исключается использование дерна. Дернина использовалась, но гораздо реже.

Выделяются образцы из камеры 4 (Старовознесенский V раскоп, 2007 г.). В этом погребении в составе представленных образцов встретились остатки шерстяных волокон в значительных объемах, чего не было в других погребениях.

В грунте из камеры 7 (Подзноевский XII раскоп, уч. Б) сохранились отдельные шерстяные волокна и многочисленные следы культурных злаков — там присутствовала солома или зерно культурных злаков и, возможно, что-то из кожи или шерсти.

Об использовании соломы или сена можно достаточно уверенно говорить только по образцам из двух погребений: камера 8 (Подзноевский XIV раскоп) и камера 7 (Подзноевский XII раскоп). При этом в погребении 8 использовались и ветви хвойных, что не прослеживается в других захоронениях.

Продолжение подобных исследований позволит накопить статистически значимое количество данных из различных объектов, что, в свою очередь, будет способствовать пониманию природной обстановки того времени и особенностей хозяйственного уклада жителей.

Таблица 1. Сравнительное содержание микробиоморф

№. Координаты образца	Детрит	Аморфн. органика	Спикулы губок	Фитолиты	Кутик. слепки	Пыльца, споры	Прочие
Погребение 1, Старовознесенский I							
№ 1. Кв. Г12, пл. 17, серая супесь	+++	+	—	—	—	—	—
№ 2.Кв. Г12, пл. 15 (–293)	+++	+	—	Ед.	—	—	—
№ 3. Кв. Д12, пл. 17, серая супесь	+++	—	—	Ед.	—	—	—
№ 4. Кв. Г12, пл. 18, ржавое пятно у правого плеча	Ед.	Ед.	—	—	—	—	—
№ 5. Кв. В12, пл. 11, насыпь	+	Ед.	—	—	—	—	—
№ 6. Кв. Д12, пл. 17 (–339), из скопления костей птицы	+	+++	—	—	—	—	Копролиты почвенной фауны, корни
№ 7. Кв. Д12, пл. 17 (–340), вокруг дужки ведра, с настила пола	+++	+	—	+	—	—	—
№ 8. Кв. Д12, пл. 17 (–337)	—	+++	—	—	—	—	—
№ 9. Кв. Д12, пл. 14, серая супесь	+++	+	—	+	—	—	—
№ 10. Кв. Д12, пл. 16, серая супесь	+++	+	—	Ед..	—	—	—
№ 11. Кв. Д13, пл. 14, серая супесь с юго-западной стенки	+	+	—	+	—	—	—
Погребение 2, Старовознесенский II							
№ 1. К 11–236, Коричневая супесь	+++	—	—	—	—	—	—
№ 2. Кв. Л9–218, гумусированный песок (ровик) (?)	+++	—	—	—	—	—	—
№ 3. Кв. Л9–230, гумусированный песок (ровик)	+++	—	—	Ед.	—	—	—
№ 4. К12–260, Коричневая супесь	+++	—	—	Ед.	—	—	—
№ 5. К—12–242, Погребенный дерн	+++	—	Ед.	++	—	—	Обломки панцирей диатомовых водорослей — ед.
№ 6. Доски пола камеры	+++	—	—	+	—	—	—
№ 7. Доски пола камеры	+++	+++	—	Ед.	—	—	Корни
Погребение 3, Старовознесенский IV							
№ 1. Кв. 19, пятно соломы (?) с бревен пола и досок	+	+	—	Ед.	—	—	Гифы
№ 2. Кв. 19, пл. 15, пятно 2, дно ямы	++	+	Ед.	+	—	—	—
№ 3. Кв. 10, серая супесь на северной стенке, пл. 12	+	—	—	+	—	—	—
№ 4. Кв. 28, серая супесь, южная стенка камеры, пл. 12–13	+	Ед.	—	Ед.	+	—	Корни, гифы
№ 5.Кв. 29, серая супесь с южной стенки, из-под досок перекрытия, пл. 9	+	—	—	+	—	Ед. (травы)	Корни

Продолжение табл. 1

№. Координаты образца	Детрит	Аморфн. органика	Спикулы губок	Фитолиты	Кутик. слепки	Пыльца, споры	Прочие
№ 6. Кв. 11, серая супесь с углем с северной стенки камеры, пл. 10	+++	+	Ед.	+	—	Ед. (споры мхов)	—
№ 7. Пятно органического тлена с пола	+++	+++	—	+	++	—	Корни
№ 8. Кв. 20, пятно органического тлена с пола камеры	+	++	—	Ед.	—	—	—
Погребение 4, Старовознесенский V							
№ 1. Грунт из нижней части камеры, кв. 62	++	+++	—	Ед.	—	+ (липа, сосна, ель)	Остатки волокон
№ 2. Грунт между нижней частью перекрытий и полом камеры, кв. 62	+++	+++	—	Ед.	—	—	Волоски, корни, колонии микрофлоры
№ 3. Пол камеры, кв. 63	+++	+++	—	Ед.	—	Ед. (сосна)	Остатки волокон
№ 4. Грунт из-под навершия рукояти 62	+++	+++	—	Ед.	—	Ед. (сосна)	Корни, копролиты
№ 5. «Покров» над погребением	+++	++	—	+	++	—	Корни
Погребение 6, Подзноевский XII							
№ 1. Серый гумус из песка крупных фракций (верхняя часть перекрытий), кв. 115	Ед.	Ед.	—	Ед.	—	—	—
«Покров» над погребением	+	+	—	+	—	—	—
№ 2. Грунт с северо-восточной стены камеры (верхняя часть перекрытий)	++	+	—	—	—	—	—
«Лодейный борт» (?) в конструкции камеры, кв. 106, 116	+++	Ед.	—	+	+++	+++ (споры мхов)	Корни, гифы
№ 3. Северо-западная стенка, кв. 105	++	+	—	+	—	—	—
Погребение 7, Подзноевский XII							
№ 1. Грунт из юго-восточной стены камеры (верхняя часть), кв. 51, яма № 16	Ед.	Ед.	—	+	—	—	—
№ 2. Юго-западная стенка камеры, кв. 59	Ед.	Ед.	—	+	—	—	—
№ 3. Древесный тлен под полом, кв. 52	+	+	—	—	—	Ед. (споры мхов)	—
№ 4. Тлен бревна (?) из южной стенки сруба, кв. 52 (–315)	++	++	—	+	—	—	Корни. гифы
№ 5. Слой заполнения ямы над захоронением, кв. 52 (–355)	+++	+++	—	+	—	+ (травы, злаки)	Гифы
№ 6. Проба грунта под полом, кв. 47/52	—	—	—	—	—	—	—
№ 7. Доска пола (с глиной?), кв. 52 (–355)	++	+++	—	Ед.	—	—	Корни
№ 8. Доска пола (?), кв. 52 (—351)	—	+	—	Ед.	—	Ед. (споры мхов)	Гифы
№ 9. Грунт рядом с костяком, кв. 51 (–351)	+++	+++	—	+	—	—	Колонии микроорганизмов
№ 10. Древесный тлен над полом (верхнее перекрытие?) (—347)	++	+++	—	+	—	Ед. (споры мхов)	Гифы
№ 11. Доска пола или того, чем были накрыты вещи и кости	+++	+	—	+++	—	—	—

Окончание табл. 1

№. Координаты образца	Детрит	Аморфн. органика	Спикулы губок	Фитолиты	Кутик. слепки	Пыльца, споры	Прочие
Погребение 8, Подзноевский XIV							
№ 1. Серый слой в перекрытии камеры (западная стена), кв. 59б	+++	+	—	+++	—	—	—
№ 2. Слой из условного очага под полом, в ногах погребения	—	—	—	—	—	—	—
№ 3. Тлен из перекрытий из южной части стены, кв. 59	—	—	—	—	—	—	—
№ 4. Покров над правой ногой костяка, кв. 59а	++	—	—	++	—	—	Корни
№ 5. Нижняя часть перекрытий, кв. 59б	+	+++	—	+	—	—	Корни
№ 6. Пол камеры	+	++	—	Ед.	Ед.	—	Корни

Примечание. Крестиками показано сравнительное полуколичественное содержание частиц: +++ — много (более 100 единиц в стандартном объеме); ++ — средне (50–100 единиц); + — мало (5–50 единиц); Ед. — единично (1–4 штуки); – — отсутствуют.

Таблица 2. Распределение диагностических групп фитолитов

Образец, глубина, см	Всего (шт./%)	1[1]	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Погребение 1, Старовознесенский I											
№ 11. Серая супесь с юго-западной стенки, кв. Д 13, пл. 14	4/100	75	—	25	—	—	—	—	—	—	—
Погребение 3, Старовознесенский IV											
№ 1. Кв. 19, пятно соломы (?) с бревен пола и досок	3/100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 2. Кв. 19, пл. 15, пятно 2, дно ямы	17/100	17	—	17	24	—	6	24	—	—	12
№ 3. Кв. 11, серая супесь на северной стенке, пл. 12	6/100	67	—	33	—	—	—	—	—	—	—
№ 5. Кв. 29, серая супесь с южной стенки, из-под досок перекрытия, пл. 9	5/100	40	40	—	20	—	—	—	—	—	—
№ 6. Кв. 11, серая супесь с углем с северной стенки камеры, пл. 10	17100	53	—	6	29	—	—	12	—	—	—
№ 7. Кв. 20, пятно органического тлена с пола	34/100	29	—	6	9	6	—	50	—	—	—
№ 8. Кв. 20, пятно органического тлена с пола камеры	2/100	50	50	—	—	—	—	—	—	—	—
Погребение 4, Старовознесенский V											
№ 1. Образец грунта из нижней части камеры, кв. 62	2/100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 2. Образец грунта между нижней частью перекрытий и полом камеры 1, кв. 62	2/100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 3. Пол камеры, кв. 65	3/100	—	33	67							
№ 4. Образец грунта из-под навершия рукояти: захоронение 1, кв. 62	3/100	67	—	33	—	—	—	—	—	—	—
№ 5. «Покров» над погребением	36/100	51	3	8	11	—	—	22	—	—	5
Погребение 6, Подзноевский XII											
№ 1. Серый гумус из песка крупных фракций (верхняя часть перекрытий), кв. 115	2/100	50	—	—	50	—	—	—	—	—	—
№ 2. Проба грунта с северо-восточной стены камеры (верхняя часть перекрытий)	18/100	68	11	11	5	—	5	—	—	—	—
Лодейный борт в конструкции камеры, кв. 106, 116	7/100	58	—	—	—	—	—	42	—	—	—
№ 3. Северо-западная стенка, кв. 105	15/100	40	—	7	40	—	—	13	—	—	—

Окончание табл. 2

Образец, глубина, см	Всего (шт./%)	1[1]	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Погребение 7, Подзноевский XII											
№ 1. Проба грунта из юго-восточной стены камеры (верхняя часть), кв. 51, яма № 16	21/100	57	—	10	23	—	—	—	—	—	10
№ 2. Юго-западная стенка камеры, кв. 59	11/100	18	—	18	46	—	—	18	—	—	—
№ 3. Древесный тлен под полом, кв. 52											
№ 4. Бревно из южной стенки сруба, кв. 52 (–315)	17/100	58	6	6	18	6	—	24	—	—	—
№ 5. Проба грунта, кв. 52 (–355)	31/100	29	3	—	3	39	—	16	—	10	—
№ 7. Доска пола (с глиной?), кв. 52, (–355)	1/100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 8. Доска пола (?), кв. 52 (–351)	1/100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 9. Грунт рядом с костяком, кв. 51 (–351)	27/100	59	15	4	4	—	—	7	—	11	—
№ 10. Древесный тлен над полом (верхнее перекрытие?) (–347)	23/100	43	4	—	—	31	—	13	—	9	—
№ 11. Доска пола или того, чем были накрыты вещи и кости	207/100	17	2	—	3	40	—	7	2	20	9
Погребение 8, Поздноевский XIV											
№ 1. Серый слой в перекрытии камеры (западная стена), кв. 59б	146/100	48	15	11	14	—	—	5	—	2	5
№ 4. «Покров» над правой ногой костяка, кв. 59а	73/100	29	10	12	15	—	3	21	—	—	10
№ 5. Нижняя часть перекрытий, кв. 59б	7/100	58	14	14	14	—	—	—	—	—	—
№ 6. Пол камеры	2/100	—	—	50	—	50	—	—	—	—	—

[1]*Примечание*. Цифрами показаны диагностические группы фитолитов: 1 — двудольные травы; 2 — иглы хвойных; 3 — лесные злаки; 4 — луговые злаки; 5 — злаки сухих лугов (степные); 6 — тростник; 7 — мхи; 8 — осоки; 9 — культурные злаки; 10 — несформированные частицы, обломки и иные не диагностируемые фрагменты.

Таблица 3. Определение древесных пород

№ образца по описи	Координаты образца	Вид образца	Определение	Примечание
Погребение 1, Старовознесенский I				
1	Кв. Д12, над 17 пл., слой заполнения	Уголь	Ель (*Picea sp*)	
2	Кв. Д12, слой заполнения	Уголь	Ель (*Picea sp*)	
3	Кв. Д12, пл. 17	Уголь	Сосна (*Pinus sp*)	
	Кв. Д12, уголь из засыпки	Уголь	3 образца — ель (*Picea sp*)	
4	Кв. Г12, из слоя заполнения камеры, пл. 13	Уголь	3 образца == ель (*Picea sp*)	
6	Кв. Д11, подложка чаши для омовений	—	Береста, сложенная в несколько слоев	
9	Кв. Д12, (–341), пятно к востоку от костей правой ноги	Уголь	3 образца — ель (*Picea sp*)	
Погребение 3, Старовознесенский IV				
5	Кв. 29, с южной стенки камеры из-под досок перекрытия и сруба	Уголь	4 образца: 2 — сосна (*Pinus sp*); 2 — ясень (*Fraxinus sp*)	
8	Кв. 20, органическое пятно (доски?) на бревнах пола камеры с лежащими в нем растительными остатками, кв. 19	—	Образец состоит из несколько слоев, одним из них является береста, другой, скорее всего, — кожа и возможно участие древесины — определение породы невозможно	Дерево сильно спрессовано

Окончание табл. 3

№ образца по описи	Координаты образца	Вид образца	Определение	Примечание
	Бревно северной стены (3–4-й венец), кв. 11	Дерево	Сосна (*Pinus sp*)	
Погребение 6, Подзноевский XII				
2	Кв. 126, слой заполнения	Уголь	5 шт. — ель (*Picea sp*); 1 шт. — береза (*Betula sp*)	
4	Кв. 116, дерево пола из северной части камеры	Дерево	Определение невозможно	Дерево полностью разложено — труха
5	Кв. 117, дерево пола	Дерево	Предположительно хвойное	Дерево почти полностью разложено — труха
7	Кв. 117, дерево стенки камеры	Дерево	Сосна (*Pinus sp*)	
10	Ложе (?) (кресло с росписью) (?)	Дерево	Сосна (*Pinus sp*)	
Погребение 7, Подзноевский XII				
1	Кв. 51, из слоя заполнения камеры,	Уголь	2 шт. — ель (*Picea sp*); 2 шт. — кустарник; 1 шт. — липа (*Tilia sp*)	
3	Кв. 51, гл. –310, северная стенка сруба (бревно)	Уголь	Предположительно лиственная порода	Очень мелкий фрагмент
8	Кв. 52, доска пола	Дерево	Определение невозможно	Очень мелкие спрессованные фрагменты
12	Кв. 52, глубина –356, доска пола, тлен (?)	Дерево	Предположительно хвойное	Спрессованный, мелкий фрагмент
16	Кв. 52, глубина –351, доска пола	—	Не древесина, один песок с буроватой аморфной массой	
Погребение 8, Подзноевский XIV раскоп				
3	Остатки древесины из западной стенки сруба камеры	Дерево	Определение невозможно	Дерево почти разложено — труха
9	Ложе (?) между костяком и полом	Дерево	Сосна (*Pinus sp*)	

A. A. Golyeva

Archeobotanical Studies of Chamber Graves Materials of the Old-Asension Necropolis of Pskov

Summary

The article presents definitions and attempts of interpretation of microbiomorphic analyses of 36 organic material samples from the chamber burials of the Old Ascension necropolis, and also coal fragments and detrit samples, with the aim of the wood breed determination.

The samples comparative analysis shows absolute prevalence of the coniferous trees — 81 % of all breeds. Among the coniferous the fir-tree dominates — 55 %. Microbiomorphic analysis indicates presence of different types of organic raw materials. Moss presence is the most common. It was probably used for layings and overlappings, or got to the burials with the bark of logs which served as construction material for the tomb frames. The use of turf is not excluded.

In grave 4 numerous remains of woolen fiber were found. In the soil from chamber 7 separate woolen fibers and numerous traces of cultural cereals remained — we meet there cultural crops straws or grains and, probably, something from skin or wool. In general it is possible to affirm the use of straw or hay only on the samples from two burials: 8 and 7. Besides in the grave 8 branches of the coniferous were also used.

Список сокращений

АВ — Археологические вести.
АИП — Археологическое изучение Пскова.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы ежегодного археологического семинара. М.; Псков.
АНО ПАЦ — Автономная некоммерческая организация «Псковский археологический центр».
АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
БВЛ — Библиотека всемирной литературы. М.
ВА — Вопросы антропологии.
ВВ — Византийский временник.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л.
ГБУК АЦПО — Государственное бюджетное учреждение культуры «Археологический центр Псковской области».
ГИМ — Государственный исторический музей. М.
гл. — глубина.
ЕНиР — Единые нормы и расценки на строительные, монтажные и ремонтно-строительные работы.
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук. М.
ИАК — Императорская Археологическая комиссия.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.
кв. — квадрат.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАР — Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией.
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР — Материалы и исследования по археологии России.
МКСА — Международный конгресс славянской археологии.
НА ІА НАНУ — Науковий архів Інституту археології АН України.
ННЗ — Новгород и Новгородская земля: история и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород.
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
ПВЛ — Повесть временных лет.
пл. — пласт.
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. М.
Погр. — Погребение... (сокращенное название статьи в разделе I этого тома).
Прил. — Приложение.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПсковГУ — Псковский государственный университет.
РА — Российская археология. М.
РАМН — Российская академия медицинских наук.
РГБ — Российская государственная библиотека.
РЛПЗ — Рентгенофлюоресцентный лабораторный прибор.
РФА — рентгенофлюоресцентный энергодисперсный метод анализа.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа.
ТИЭ — Труды института этнографии АН СССР.
уч. — участок.
RGZM — Römisch-Germanischen Zentralmuseums.

Архивные материалы

1. *Базоян К. В.,* А2008. Сосуды из цветных и драгоценных металлов из раскопок Гнёздовского археологического комплекса // Дипломная работа. Кафедра археологии МГУ. М.
2. *Бирюков Ю. Б.,* А1990. Отчет об археологическом изучении участка вблизи двора Подзноевых — раскопы VI–VII. 1990 г. Псков—Ленинград // Архив ИА РАН. Р-1. № 14880.
3. *Боровский Я. Е., Калюк А. П., Сыромятников А. К., Архипов Е. И.,* А1988. Археологические исследования в «Верхнем Киеве» в 1988 году // НА ІА НАНУ, дело № 1988/17. Киев.
4. *Ершова Т. Е.*, А2007. Отчет о работах АНО ПАЦ на Старовознесенском V раскопе в Пскове в 2007 году. Т. 1, 2 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 28063.
5. *Ершова Т. Е.*, А2008. Отчет о работах на Подзноевском XII раскопе в 2008 году в Пскове. Т. III (Камеры: текст, приложения, альбом) // ГБУК «АЦПО».
6. *Ершова Т. Е.,* А2009. Отчет о работах на Подзноевском XIV раскопе в 2009 году в Пскове. Т. I, II // ГБУК «АЦПО», б/н.
7. *Жаркова В. А.,* А2007. Клады Псковской земли как исторические источники. Дипломная работа студентки 5-го курса исторического факультета ПГПУ. Рукопись // ПсковГУ, кафедра отечественной истории и музеологии.
8. *Зубкова Е.С, Орфинская О. В.,* А2004. Отчет о технологическом исследовании текстиля из раскопа Ствз-I в Пскове // ГБУК «АЦПО».
9. *Зубкова Е.С, Орфинская О. В.,* А2006. Отчет о технологическом исследовании текстиля из раскопок в Пскове у церкви Старое Вознесение на ул. Советской // ГБУК «АЦПО».
10. *Зубкова Е.С, Орфинская О. В.,* А2010. Отчет об исследовании текстиля из камерных погребений 4, 6, 7 псковского некрополя по проекту РГНФ № 09–01–00362 2009–2010 гг. «Комплексное исследование псковского некрополя» // ГБУК «АЦПО».
11. *Лабутина И.* К., А1976. Отчет о раскопках в городе Пскове в 1976 году на ул. Ленина // Архив ИА РАН. Р-1. № 6855, 6855а-ж.
12. *Малышева Н. Н.,* А2004. Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века (Историко-топографическое исследование): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06: Москва, РГБ ОД, 61:04–7/534 // www.disser.com.
13. *Михайлов А. В.,* А2004. Отчет об археологических исследованиях в г. Пскове по адресу: ул. Советская, 60а, Старовознесенский II раскоп, в 2004 году// Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 28131.
14. *Михайлов К. А.,* А2005. Древнерусские элитарные погребения X — начала XI в. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Дис. ... канд. ист. наук // ИИМК РАН. СПб.
15. *Никитин А. В.,* А1977. Археологический отчет о раскопках в 1977 году в г. Пскове (Подзноевские палаты) // Архив ИА РАН. Р-1. № 6814.
16. *Никитин А. В.,* А1978. Археологический отчет о раскопках в 1978 году в г. Пскове (Подзноевские палаты) // Архив ИА РАН. Р-1. № 7474.
17. *Носов Е. Н.,* А2011. Отчет о полевых археологических работах в Новгородской области в 2011 г. ИИМК. СПб.
18. *Плоткин К. М.,* А1991. Отчет об археологическом изучении двора Подзноевых в г. Пскове в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1673.
19. *Плоткин К. М.,* А1992. Отчет об археологическом изучении двора Подзноевых в г. Пскове в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1862.
20. *Яковлева Е. А.,* А2003. Отчет об охранных археологических раскопках в южной части Окольного города Пскова на Старовознесенском раскопе в 2003 г. Камерное погребение X в. // Архив ИА РАН. Ф-1, Р-1, № 27929, № 27930, № 27931.
21. *Яковлева Е. А.,* А2004. Отчет об охранных археологический раскопках в южной части Окольного города Пскова на Старовознесенском III раскопе в 2004 г. // Архив ИА РАН. Ф-1, Р-1, № 28134, 28135.
22. *Rispling G.*, А2007. MYNT FRÅN ÖSTER, Offentlingtföredrag vid arkeologiska Institutionen (SU). Авторская копия. Личный архив Т. Е. Ершовой.

Литература

1. *Авдусин Д. А., Пушкина Т. А.,* 1989. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М.
2. *Авдусина С. А., Ениосова Н. В.,* 2001. Подковообразные фибулы Гнёздова // Археологический сборник. Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М.
3. *Александров А. А.,* 2001. Во времена княгини Ольги. Псков.
4. *Алексеев В. П.,* 1966. Остеология. Методика антропологических исследований. М.
5. *Алексеев В. П.,* 1979. Историческая антропология. М.
6. *Алексеев В. П.,* 1989. Историческая антропология и этногенез. М.
7. *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.,* 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.
8. *Алексеев Ю. Е., Жмылев П. Ю., Карпухина Е. А.,* 1997. Деревья и кустарники. М.
9. *Алексеева Т. И.,* 1963. Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху средневековья // Антропологический сборник. Вып. IV: ТИЭ. Новая сери., Т. 82. М.
10. *Алексеева Т. И.,* 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.
11. *Алексеева Т. И.,* 1990. Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенетические процессы. Рига.
12. *Алексеева Т. И., Макаров Н. А., Балуева Т. С., Сегеда С. П., Федосова В. Н., Козловская М. В.,* 1993. Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.
13. *Ангелов Д., Петров П., Примов Б.* (Ed.), 1981. История на България. Перва Българска държава. Т. II. София.
14. *Андрей (Филлипс), протоиерей,* 2012. От римского православия к православию Британских островов // Православие.Ru [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/put/53219.htm.[1]
15. *Андрощук Ф. О.,* 1999. Нормани і слов'яни у Подесенні (Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ.
16. *Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М.,* 1996. До передісторії спорудженння Десятинної церкви (Хронологічний аналіз поховальних комплексів) // Церква Богородиці Десятинна в Киеві. Київ.
17. *Артемьев А. Р.,* 1998. Скрамасакс из псковского некрополя X — нач. XI в. // Археологические вести. 1996–1997. № 5. СПб.
18. *Арциховский А. В.,* 1948. Одежда // История и культура древней Руси. Т. I. М.— Л.
19. *Аун М.*, 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.
20. *Афанасьев А. Н.,* 1994. Поэтические воззрения славян на природу. Т. II, III. М.
21. *Ахмедов Г. М.,* 2003. Азербайджан в IX–XIII вв. // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. // М.
22. *Балановская Е. В., Пежемский Д. В., Романов А. Г., Баранова Е. Е., Ромашкина М. В., Агджоян А. Т., Балаганский А. Г., Евсеева И. В., Виллемс Р., Балановский О. П.,* 2011. Генофонд Русского Севера: Славяне? Финны? Палеоевропейцы? // Вестник МГУ. Серия XXIII. Антропология. 2011. № 3.
23. *Белецкий С. В.,*1996а. Начало Пскова. СПб.
24. *Белецкий С. В.*, 1996б. О лично-родовых знаках князей-Рюриковичей X–XI вв. // АИППЗ 1995. Псков.
25. *Белецкий С. В.*, 2001. Введение в русскую допетровскую сфрагистику: Учебное пособие для студентов специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры» // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 4. СПб.
26. *Белецкий С. В.,* 2003. Зарождение русской геральдики // Stratum plus. N 6.
27. *Белецкий С. В.*, 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // «Ладога и Глеб Лебедев». Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
28. *Белецкий С. В.*, 2011. Две древнерусские геральдические подвески // АИППЗ. Псков.

[1] Опубликовано в: Ortodox England. Vol. 11. N 2; русский перевод — Дмитрий Лапа, 2012.

29. *Белецкий С. В.,* 2012. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет. СПб.
30. Библейская энциклопедия, 1891. М.
31. *Бліфельд Д. І.,* 1965. Древньоруський могильник в Чернігові // Археологія. Т. XVIII. Киев.
32. *Бліфельд Д. І.,* 1977. Давноруські памятки Шестовиці. Киев.
33. *Бобринский А.* А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
34. *Богуславский О. И., Мачинская А. Д.,* 1993. Сясьское городище и поселения нижнего Поволховья (опыт сопоставления) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Сборник археологических статей в честь 65-летия Дмитрия Алексеевича Мачинского. ПАВ 6. СПб.
35. *Божков А.,* 1972. Миниатюра от Мадриския ръкопис на Йоан Скалица. София.
36. *Боровський Я. Э., Калюк О. П.,* 1993. Дослідження київського дитинця // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989 гг. Кіев.
37. *Бранденбург Н. Е.,* 1895. Курганы южного Приладожья. Дополнительные замечания. С XIV таблицами рисунков и с 27 политипажами в тексте. МАР. № 18. СПб.
38. *Бредіс Н.,* 1996. Технологічні дослідження стародавнього меча с княжого поховального комплексу // Церква Богородиці Десятинна в Киеві. Київ.
39. *Бреполь Э.* 2000. Теория и практика ювелирного дела. СПб.
40. *Бронникова М. А., Панин А. В., Борисова О. К., Пахомова О. М., Успенская О. Н., Шеремецкая Е. Д., Мурашова В. В., Нефедов В. С.,* 2010. Малый климатический оптимум голоцена и освоение пойм бассейна верхнего Днепра // Геоморфологические процессы и их прикладные аспекты (Тр. VI Щукинских чтений). М.
41. *Булкин В. А., Лебедев Г. С.,* 1974. Гнёздово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л.
42. *Валиулина С. И., Храмченкова Р. Х.,* 2001. Химический состав изделий из цветного металла Больше-Тиганского могильника // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск.
43. *Вишневская Н. Ю.,* 2001. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н. э. — XIII в. н. э.). М.
44. *Владимирова О. Ф., Голиков В. П., Егоров В. Л., Лантратова О. Б., Орфинская О. В.,* 2002. Исследования уникальных археологических памятников из собрания Государственного исторического музея — комплектов одежд XIII–XIV веков. М.
45. Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. БВЛ. Т. 9. М., 1975.
46. *Вязкова О. Е., Милютина Н. Н.,* 1996. Палеорельеф междуречья Великой и Псковы, подвергшийся антропогенному воздействию в X — начале XI в. (по материалам раскопок на ул. Ленина) // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков.
47. *Вязкова О. Е., Татарников О. М., Яковлева Е. А.,* 2003. Опыт и некоторые результаты реконструктивного моделирования погребенного рельефа древнего Пскова // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). Т. I. М.
48. *Галибин В. А.,* 1990. Древние сплавы на медной основе (основные принципы интерпретации) // Древние памятники Кубани. Краснодар.
49. *Галибин В. А.,* 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.
50. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.,* 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси.
51. *Гаммерман А. Ф., Никитин А. А., Николаева Т. Л.,* 1946. Определитель древесин по микроскопическим признакам с альбомом микрофотографий. М.
52. *Герасимов М. М.,* 1955. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). М.
53. *Гиппиус А. А.,* 2012. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда.
54. *Годовиков И. Ф.,* 1881. Описание и изображение древностей Псковской губернии. Вып. 2. Псков.
55. *Голубева Л. А., Варенов А. Б.,* 1993. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями // РА. № 4.
56. *Гольева А. А.,* 2001. Фитолиты и их информационная роль при исследовании природных и археологических объектов. М.; Сыктывкар; Элиста.
57. *Гольева А. А.,* 2005. Органическое сырье в погребальных обрядах Мустаевских курганов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. Оренбург.
58. *Гольева А. А.,* 2006. Особенности использования органического материала в ямных погребениях юга Оренбургской области //

Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. 111-е Городцовские чтения. Оренбург.
59. *Гольева А.А.,* 2008. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: генезис, география, информационная роль. М.
60. *Гольева А.А.,* 2011. Микробиоморфные исследования почв и грунтов из погребений курганного могильника Филипповка 1 // Естественнонаучные методы в изучении Филипповского I могильника. МИАР № 14. М.
61. *Гольева А.А., Белинский А.Б., Калмыков А.А.,* 2001. Биоморфный анализ материалов из погребений катакомбной культуры (Ставропольский край) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2. Археология, антропология, палеоклиматология. М.
62. *Гольева А.А., Калмыков А.А.,* 2009. Исследования микроскопических биогенных частиц и древесины из погребений эпохи бронзы Ипатовских курганов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Археология, краеведение. Ставрополь.
63. *Гончарова Н.Н.,* 1995. Антропология словен новгородских и их генетические связи. Автореф. дис. ... канд. биолог. наук. М.
64. *Гончарова Н.Н.,* 2000. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М.
65. *Гончарова Н.Н.,* 2003. Антропология словен новгородских и вопросы их происхождения // Горизонты антропологии. М.
66. *Горский А.А.,* 1989. Древнерусская дружина. М.
67. *Горюнова В.М.,* 2002. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и Старой Ладоги. Опыт синхронизации // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.
68. *Горюнова В.М.,* 2009. Датирующие возможности раннегончарной керамики X — начала XI в. // РА. № 4.
69. *Горюнова В.М.*, 2014. О времени появления клейм на раннегончарной посуде Северо-Западной Руси // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб.
70. *Григорьев А.В.,* 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула.
71. *Гурулева В.В.,* 2002. Золотая византийская монета X в., найденная в Пскове // Десятая всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. М.
72. *Давидан О.И.,* 1980. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. Вып. 21. Л.
73. *Давидан О.И.,* 1987. Весовые гирьки Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 28. Л.
74. *Давидан О.И.*, 1995. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ. № 9. СПб.
75. *Давидович Е.А.,* 1966. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах // Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. М.
76. *Дебец Г.Ф.,* 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.
77. *Дедюхина В.С.,* 1967. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.
78. *Демаков А.А., Чумак И.Л.,* 1988. К вопросу об исторической интерпретации верхнекубанской группы храмов X в. // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
79. *Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.*, 1991. Граффити на восточных монетах // Древняя Русь и сопредельные страны. Л.
80. *Друковцев С.В.,* 1772. Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам. СПб.
81. *Дубровин Г.Е.,* 1998. Фрагмент лодки-однодеревки с Троицкого IX раскопа // ННЗ. Вып. 12. Новгород.
82. *Дубровин Г.Е., Окороков А.В., Старков В.Ф., Черносвитов П.Ю.*, 2001. История северорусского судостроения. СПб.
83. *Егорьков А.Н.,* 2001. Химический состав тверского посудного стекла монгольского времени // Тверской кремль. Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской Кремль — 11, 1993–1997 гг.). СПб.
84. *Егорьков А.Н.*, 2011. Взгляд на некоторые проблемы интерпретации состава древнего стекла // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и новое время: изучение и реставрация: Тезисы докладов Международной научной конференции. М.
85. Единые нормы и расценки на строительные, монтажные и ремонтно-строительные работы (ЕНиР) Сборник Е2. Земляные работы. Вып. 1. Механизированные и ручные работы. С изменениями, утвержденными постановлением Государственного строительного комитета СССР, Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам и Секретариата СССР по труду и социальным вопросам от 18 декабря 1990 г. № 109/452.

86. *Ениосова Н. В.,* 2001. Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Археологический сборник. Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М.
87. *Ениосова Н. В.*, 2007. Золото викингов на территории Древней Руси // У истоков русской государственности. СПб.
88. *Ениосова Н. В.,* 2012. Находки — индикаторы ювелирного производства из раннегородского центра Гнёздова // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Научная конференция, посвященная 110-й годовщине со дня рождения И. И. Ляпушкина. СПб.
89. *Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г.,* 2004. Серебро в металлообработке Южной Руси IX–XI вв. // Стародавній Іскоростень і Слов'янські гради VIII–X ст. Збірка наукових праць. Київ.
90. *Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г.,* 2006. Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов (результаты химико-технологического исследования) // КСИА. Вып. 220. М.
91. *Ениосова Н. В., Сингх В. К.,* 2009. Волочильные доски из раскопок древнего Новгорода // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М.
92. *Ениосова Н. В., Митоян Р. А.,* 2011. Арабское серебро как источник сырья для славянских и скандинавских ювелиров (по материалам гнёздовских кладов X в.) // От палеолита до Средневековья: Сборник памяти Г. А. Федорова-Давыдова. М.
93. *Ениосова Н. В., Пушкина Т. А.,* 2012. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздова в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Вып. V. Материалы V Судацкой международной научной конференции «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 23–24 сентября 2010 г.). Киев; Судак.
94. *Ершова Т. Е.,* 2010а. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. М.
95. *Ершова Т. Е.*, 2010б. Погребение 6 псковского камерного некрополя и подвеска со знаком Рюриковичей // АИППЗ. Псков.
96. *Ефимова С. Г.,* 1991. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.
97. *Жарнов Ю. Э.*, 1991. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово. М.
98. *Жарнов Ю. Э.,* 1992. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.
99. *Жарнов Ю. Э.,* 1998. Гнёздовские курганы с остатками трупоположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
100. *Жиронкина О. О., Цитковская Ю. И.,* 2004. Несколько интерпретационных стереотипов в свете стратиграфических и иных наблюдений на Нетайловском могильнике // Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков.
101. *Журавлева Ю. Б., Чубур А. А.,* 2005. Средневековое судостроение в юго-восточной Руси (бассейны Десны и Оки) по археологическим источникам // Куликово поле и юго-восточная Русь в XII–XIV вв. Тула.
102. *Зайцева И. Е.,* 2010. Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XIV веках. Новые археологические исследования. М.
103. *Закурина Т. Ю.,* 2006. Погребение 1 (74) Трупеховского I раскопа в Пскове // АИППЗ, Псков.
104. *Закурина Т. Ю., Степанов С. В.,* 2008. Археологические раскопки на Завеличье (Изборские IX–XI раскопы) // АИППЗ. Псков.
105. *Засурцев П. И.,* 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. 1963. № 123. М.
106. *Захаров С. Д.,* 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
107. *Захаров С. Д., Кузина И. Н.,* 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2. М.
108. *Зеленин Д. К.,* 1991. Восточнославянская этнография. М.
109. *Зіневич Г. П.,* 1962. До антропології Шестовицького могильника // Матеріали з антропології України. Вип. 2. Київ.
110. *Зозуля С. С.,* 2012. Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимеревского некрополя // РА. № 4
111. *Зоценко В. Н.,* 2010. Киевский некрополь – II: место в исторической топографии города, типология погребального инвентаря, хронология // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб.
112. *Зоценко В. Н., Иевлев М. М.,* 2010. Бронзовая литейная форма XI в. из Киева // Славяно-

русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб.
113. *Зоценко В. М., Тараненко С. П., Бітковський В. О., Чорновол С. Є., Івакін В. Г.*, 2010. Дослідження у Києві по Ярославському пров., 1/3 у 2008 р. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ.
114. *Зубкова Е. С., Орфинская О. В.,* 2009. Опыт исследования и реконструкции текстиля из раскопок погребений в Пскове // Хорошие дни... Памяти Александра Степановича Хорошева. М.
115. *Зубкова Е. С., Орфинская О. В.,* 2010. Результаты исследования текстиля из раскопок в Пскове в 2006 г. // Археологические вести. 16 (2009). СПб.
116. Ибн-Фадлан о русах. 1970 // Сборник документов по истории СССР. Ч. I. М.
117. *Ивакин Г. Ю.,* 2005. Погребения X — первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.
118. *Ивакин Г. Ю.,* 2011. Киевские погребения X века // Stratum plus. № 5. Кишинев.
119. *Івакін Г.Ю, Козюба В. К.,* 2003. Нові поховання X–XI ст. верхнього Києва (з розкопок архітектурно-археологічної експедиції 1997–1999 рр.) // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів.
120. *Иерусалимская А. А.,* 1961. Ткань с Бахрамом Гуром из могильника Мощевая Балка (Северный Кавказ) // ТГЭ. Культура и искусство народов Востока. Т. V. Л.
121. *Иерусалимская А. А.,* 1967. О Северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА. № 2. М.
122. *Иерусалимская А. А.,* 1992. Кавказ на шелковом пути: Каталог временной выставки. СПб.
123. *Иерусалимская А. А.,* 2001. Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (по материалам анализа одежды адыго-аланских племен VII–IX вв.) // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Самара.
124. Изборник Святослава 1073 г., 1983. Факсимильное издание. М.
125. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М, 1998.
126. *Исаченков В. А., 1967.* Приледниковые водоемы Псковской низины // История озер Северо-Запада. Л.
127. Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. Кн. 1. 1977. М.
128. *Йотов В.,* 2004. Въорьжението и снаряжението от българското средновековие (VII–IX век). Варна.
129. *Каждан А. П.,* 1950. Рецензия: R. Lopez. Silk industry in the Byzantine Empire. 1945 // ВВ. Т. III. М.
130. *Казаков Е. П.,* 1991. Булгарское село X–XIII веков в низовьях Камы. Казань.
131. *Каменецкая Е. В.,* 1991. Заольшанская курганная группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.
132. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.,* 1975. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.
133. *Каргер М. К.,* 1958. Древний Киев. Т. 1. М.; Л.
134. *Карпухин А. А.,* 2001. Некоторые результаты дендроанализа материалов из раскопок в Гнёздове // Археологический сборник. Гнёздово: 125 лет исследований памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М.
135. *Килиевич С. Р.,* 1982. Детинец Киева IX — первой половины XIII века. По материалам археологических исследований. Киев.
136. *Кирпичников А. Н.,* 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. САИ. Е1–36. М.—Л.
137. *Кирпичников А. Н.,* 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли // САИ. Е1–36. М.—Л.
138. *Кирпичников А. Н.,* 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. Л.
139. *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.,* 1985. Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М.
140. *Кляшторный С. Г.,* 2003. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.
141. Книга житий святых на месяц июль, 1888. М.
142. *Ковалевский А.* П., 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.
143. *Коваленко В. П.,* 2001. Новые исследования в Шестовице // Археологический сборник. Гнёздово: 125 лет исследованиям памятника // Труды ГИМ. Вып. 124. М.
144. *Коваленко В., Моця А., Сытый Ю.,* 2012. Курган с камерным погребением из раскопок 2006 г. // Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Paris.

145. *Козак Д. Н.*, 1984. Пшеворьска культура у Верхньому Подністрові і Західному Побужі. Київ.
146. *Колосова И. О., Милютина Н. Н.*, 1994. «Большой курган» древнерусского некрополя Пскова (погребения 57 и 59) // АИП. Вып. 2. Псков.
147. *Колосова И.* О., *Милютина Н. Н.*, 1996. Древнерусский некрополь Пскова (по материалам раскопа XVI) // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города. Т. 1. Псков.
148. *Колпакова Ю. В.,* 2007. Христианские древности населения Пскова и Псковской земли конца X — XVIII в. (Предметы личного благочестия): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
149. *Колчин Б. А.,* 1959. Железообрабатывающее производство Новгорода Великого // МИА. № 65. М.
150. *Колчин Б. А.,* 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
151. *Кондаков Н. П.,* 1906. Изображения княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб.
152. *Кондаков Н. П.,* 1929. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага.
153. *Коновалов А. А., Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.,* 2008. Цветные и драгоценные металлы и сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.
154. *Константин Багрянородный,* 1991. Об управлении империей. М.
155. *Корзухина Г. Ф.*, 1954. Русские клады. М.—Л.
156. *Котляревский А. А.*, 1868. О погребальных обычаях языческих славян. М.
157. *Кочкаров У.* Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.
158. *Крачковский И. Ю.,* 1939. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л.
159. *Кропоткин В. В.,*1962. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Е4–4. М.
160. *Круглов Е. В.,* 2001. Население Восточной Европы в раннее Средневековье // Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды: Каталог из фондов Волгоградского областного краеведческого музея / Сост. Н. В. Хабарова. Волгоград.
161. *Кубарев Г. В.,* 2000. Халат древних тюрок Центральной Азии по изобразительным материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (3). Новосибирск, 2000.
162. *Кубышев А. И., Орлов Р. С.,* 1982. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. № 1.
163. *Кузьминых С. В., Семыкин Ю. А.,* 2006. Цветная металлообработка // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань.
164. *Лабутина И. К.,* 1983а. Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // АИП. М.
165. *Лабутина И. К.*, 1983б. Культурный слой Пскова // АИП. М.
166. *Лабутина И. К.*, 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.
167. *Лабутина И. К.,* 1996а. Раскопки в древней части псковского посада (1967–1992) // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города. Т. 1. Псков.
168. *Лабутина И. К.,* 1996б. Погребения Псковского некрополя (17–24, 26–28) // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города. Т. 1. Псков.
169. *Лабутина И. К.,* 2003. Археологическое наследие и проблемы истории Пскова // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Международная научная конференция. Т. I. М.
170. *Лабутина И. К.,* 2011. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.
171. *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф.,* 1981. Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // КСИА. Вып. 166. М.
172. *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Щапова Ю. Л.*, 1977. Раскопки в Пскове на ул. Ленина // АО. 1976. М.
173. *Лабутина И. К., Малышева Н. Н., Закурина Т. Ю., Яковлева Е. А., Михайлов А. В.*, 2009. Древнерусский некрополь Пскова // АО. 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.
174. *Лебедев Г. С.,* 1977. Социальная топография могильника эпохи викингов в Бирке // Скандинавский сборник. Вып. XXII. Таллинн.
175. *Лебедев Г. С.,* 1978. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // Из истории феодальной России. Л.
176. *Лебединская Г. В.,* 1998. Методика реконструкции лица по черепу. М.
177. *Левашова В. П.,* 1968. Венчики женского головного убора из курганов X–XII вв. // Славяне и Русь. М.
178. *Левкиевская Е. Е.*, 2002. Славянский оберег. Семантика и культура. М.

179. *Лесман Ю. М.*, 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М.
180. *Ливох Р.,* 2010. Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб.
181. *Литаврин Г. Г.,* 1981. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // ВВ. Т. 42.
182. *Лихтер Ю. А., Щапова Ю. Л.,* 1991. Гнёздовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.
183. *Львова З. А.,* 1968. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. I // АСГЭ. Вып. 10. Л.
184. *Макаров Н. А.,* 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2.
185. *Макаров Н. А.,* 2004. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России. М.
186. *Макаров Н. А., Новикова Г. Л.,* 2002. Древнейший некрополь летописного Белоозера // Старая Ладога и проблемы Северной Руси. СПб.
187. *Макарова Т. И.,* 1986. Черневое дело Древней Руси. М.
188. *Макарова Т. И.,* 1997. Украшения с чернью // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.
189. *Малышева Н. Н.,* 2003. Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI в. (основные итоги исследования) // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Международная научная конференция. Т. I. М.
190. *Малышева Н. Н.*, 2004. Древнерусский некрополь Пскова X — нач. XI века (Историко-топографическое исследование). Автореф. дис. ... канд ист. наук. М.
191. *Мальцев М. В., Теплинская В. М., Степанова М. В.,* 1955. Исследование влияния свинца и висмута на свойства меди и α-латуней // Исследование сплавов цветных металлов. № 1. М.
192. *Мамонова Н. Н.,* 1986. Опыт применения таблиц В. В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.
193. *Маршак Б. И.,* 1971. Согдийское серебро. М.
194. *Медведев А. Ф.,* 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. САИ. Е1–36. М.
195. *Мельникова Е. А.,* 2011. К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей // Е. А. Мельникова. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М.
196. *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.,* 2011. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Е. А. Мельникова. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М.
197. *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.,* 1984. Древнерусское влияние в культуре раннего средневековья // История СССР. № 3.
198. Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. ГИМ. М., 2012.
199. *Милов Л. В.,* 1998. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.
200. *Милютина Н. Н.,* 1994. Некоторые результаты изучения древнерусского кладбища Пскова (погребальный обряд) // АИП. Вып. 2. Псков.
201. *Минасян Р. С.,* 2010. Литье викингских овальных фибул // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.
202. *Михайлов А. В., Салмин С. А.,* 2010. Ларец из камерного погребения 2 Старовознесенского раскопа в Пскове (опыт реконструкции) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб.
203. *Михайлов К. А.,* 1996. Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника // ННЗ. Вып. 10. Новгород
204. *Михайлов К. А.,* 2001. Древнерусские камерные погребения и Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово: 125 лет исследования памятника / Труды ГИМ. Вып. 124. М.
205. *Михайлов К. А.,* 2003. Время появления камерных погребений в Старой Ладоге // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти А. А. Мачинской. СПб.
206. *Михайлов К. А.,* 2004. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // РА. № 1.
207. *Михайлов К. А.,* 2005. Древнерусские элитарные погребения X–XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
208. *Михайлов К. А.,* 2007а. Ранние образцы древнерусского золотного шитья // ННЗ. Вып. 21. Великий Новгород.

209. *Михайлов К.А,*. 2007б. Ранние образцы древнерусского золотого шитья в Чернигове и Шестовице // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць, присвячених 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів.
210. *Михайлов К.А.,* 2008. Топография могильников с камерными погребениями в Северной и Восточной Европе // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб.
211. *Михайлов К.А.,* 2010а. Византийские влияния на парадный костюм североевропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.
212. *Михайлов К.А.*, 2010б. Детские погребения X в. в некрополе древнерусского города (русско-скандинавские связи в области погребального обряда) // Культурное наследие Российского государства. Вып. V. Ч. I. СПб.
213. Младшая Эдда. М., 1994.
214. *Молчанов А.А.,* 1976. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. Т.VII. Л.
215. *Молчанов А.А.*, 1986. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jartegnir // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Ч. I. М.
216. *Молчанов А.А.*, 1996. Верительные знаки в древнескандинавских сагах // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г. Материалы к чтениям. СПб.
217. *Моця А.П.,* 1988. Кветунь // Тезисы докладов 1 Брянской межвузовской историко-краеведческой конференции. Брянск.
218. *Мугуревич Э.С.,* 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига.
219. *Мурашева В.В.,* 2000. Древнерусские ременные украшения X–XIII вв. М.
220. *Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А.,* 2007. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.
221. *Мурашёва В.В., Рузанова С.А.,* 2012. Матрица для тиснения подвесок к серьгам «волынского» типа // Образы времени. Из истории древнего искусства. Труды ГИМ. Вып. 189.
222. *Мусин А.Е.,* 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–IV веках. СПб.
223. *Назаренко В.*А., 1974. О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами // КСИА. Вып. 140.
224. *Назаренко В.А.,* 1985. Могильник и урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л.
225. *Назаренко В.А.,* б/д. Ладожские «большие дома» и приладожские «Дома мертвых» (авторская публикация http//www.oldladoga.ru).
226. Наследие варягов. Диалог культур, 1996. Государственный музей-заповедник «Московский Кремль», Государственный исторический музей, Стокгольм.
227. *Нахапетян А.А., Фомин А.*В., 1994. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991. М.
228. *Недошивина Н.Г.,* 1997. Древнерусские амулеты в виде миниатюрных предметов быта и их роль в погребальном обряде // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. Вып. 93. М.
229. *Недошивина Н.Г., Фехнер М.В.,* 1985. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. № 2.
230. Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // РА. 2002. № 4.
231. *Нидерле Л.,* 1956. Славянские древности. М.
232. *Никитин С.А.,* 2009. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. М.
233. *Никитюк Б.А.,* 1960а. О закономерностях облитерации швов на наружной поверхности мозгового отдела черепа человека // ВА. Вып. 2.
234. *Никитюк Б.А.,* 1960б. Определение возраста человека по скелету и зубам // ВА. Вып. 3.
235. *Никитюк Б.А.,* 1960в. Определение пола по скелету и зубам человека // ВА. Вып. 4.
236. *Никитюк Б.А.,* 1969. Некоторые особенности старческого синостозирования черепных швов современного человека // ВА. Вып. 31.
237. *Никифор II Фока*, 2005. Стратегика. СПб.
238. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
239. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. М., 2000.
240. *Новикова Е.Ю.,* 1993. Подвеска с птицей из Владимирских курганов. Опыт атрибуции // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 82. М.

241. *Новикова Е. Ю.,* 1999. Подвески-маски из кладов Швеции, восточной Прибалтики и Древней Руси // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. М.
242. *Новосельцев А. П.* 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси IV–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.
243. *Носов Е. Н.*, 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
244. *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.,* 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья: новые материалы и исследования. СПб.
245. *Носов Е. Н., Плохов А. В.*, 2005. Исследования центральной части Рюрикова городища в 1984–1989 гг. // Е. Н. Носов, В. М. Горюнова, А. В. Плохов. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья: новые материалы и исследования. СПб.
246. *Нунан Т. С.,* 2004. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб.
247. *Окулич-Казарин Н. Ф.,* 1913. Спутник по древнему Пскову. Псков.
248. Орнаменти Софії Київської, 1949. Киев.
249. *Пашкова В. И.,* 1963. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.
250. *Пежемский Д. В.,* 2000а. Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) // РА. № 4.
251. *Пежемский Д. В.,* 2000б. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М.
252. *Пежемский Д. В.,* 2001. Палеоантропологические материалы со средневекового поселения Прость (Приильменье) // Вестник антропологии. Вып. 7. М.
253. *Пежемский Д. В.,* 2009. Методика первичной обработки и консервации скелетных останков в лабораторных условиях // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. М.
254. *Пежемский Д. В.,* 2011. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.
255. *Пежемский Д. В.,* 2012. Скандинавское присутствие на Северо-Западе по данным палеоантропологии // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб.
256. *Петренко В. П.,* 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
257. *Петренко Ю. А., Петренко А. Л.,* 2004. Защитные свойства средневековых панцирей Юга Сибири и Центральной Азии: Сб. статей. Новосибирск.
258. *Петров М. И.,* 2006. Обувные шипы из новгородских раскопок // ННЗ. Вып. 20. Новгород.
259. *Петрухин В. Я.,* 1975. К характеристике представлений о загробном мире у скандинавов эпохи викингов (IX–XI вв.) // Советская этнография. № 1.
260. *Петрухин В.* Я., 1976. Погребения знати эпохи викингов // Скандинавский сборник XXI. Таллин.
261. *Петрухин В. Я.,* 1980. Погребальная ладья викингов и «корабль мертвых» у народов Океании и Индонезии // Символика культов и ритуалов у народов зарубежной Азии. М.
262. *Петрухин В. Я.,* 1993. Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение. № 3.
263. *Петрухин В. Я.,* 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М.
264. *Петрухин В. Я.,* 2003. Мифы древней Скандинавии. М.
265. *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.,* 2009. Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства // ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA. М.
266. *Плавінскі М. А.,* 2009. Нарысы гісторыі клінковай зброі X–XIII стагоддзяу на Беларусі. Мінск.
267. *Платонова Н. И.,* 1997. Средневековый могильник на Земляном городище Старой Ладоги // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб.
268. *Платонова Н. И.,* 1998. Камерные погребения XI — начала XII в. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Труды VI МКСА. Т .4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М.
269. *Плетнева С. А.,* 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
270. *Плетнёва С. А.,* 2000. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим.

271. *Плоткин К. М.,* 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.
272. *Плоткин К. М.,* 1992. Изучение двора Подзноевых (информация о работе 1991 г.) // АИППЗ. Псков.
273. *Плоткин К. М.,* 1994. Археологическое изучение двора Подзноевых в Пскове в 1992 г. // АИППЗ. Псков.
274. Повесть временных лет. М.—Л., 1950. Т. I, II.
275. Повесть временных лет // ПЛДР. Начало русской литературы. X — начало XII века. М., 1978.
276. Повесть временных лет. СПб., 1996.
277. Погост Саввина пустынь Псковского уезда, 2006 // Псковские Епархиальные Ведомости. № 10. 16–31 мая 1907 г. // Святыни и древности Псковского уезда. По дореволюционным источникам / Сост. Н. Ф. Левин. Псков.
278. *Покровский Н. В.,* 1892. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб.
279. *Покровский Н. В.,* 1900. Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб.
280. Полное собрание русских летописей. М., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись.
281. *Полубояринова М. Д.,* 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород.
282. Правда Русская. 1940. Т. I. М.–Л.
283. Православная энциклопедия, 2008. Т. 2. М.
284. Православный собеседник, 1869. М.
285. Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки. ГИМ. М., 1996.
286. *Пушкина Т. А.,* 1991. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.
287. *Пушкина Т. А., Орфинская О. В.,* 2011. Текстиль из женского камерного погребения Ц-301 в Гнёздово // АИППЗ. М.; Псков.
288. *Рабинович М. Г.,* 1986. Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.
289. *Рапов О. М.,*1968. Знаки Рюриковичей и символ сокола // СА. № 3.
290. *Раппопорт П. А.,* 1975. Древнерусское жилище // Археология СССР. САИ. Е1–32. Л.
291. *Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В.,* 1985. Жилище // Археология СССР. Город. Замок. Село. Гл. 4-я. Сооружения. М.
292. *Раукас А. В., Ряхни Э. Э.,*1969. О геологическом развитии впадины и бассейнов Чудского и Псковского озер // Изв. АН ЭССР. Сер. Химия и геология.
293. *Раукас, А. В., Ряхни Э. Э.,* 1982. Донные отложения и геологическое развитие Псковско- Чудского озера // Позднекайнозойская история озер в СССР. Новосибирск.
294. *Родина М. Е.,* 1998. Янтарные украшения из археологических колекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
295. *Роэсдаль Э.*, 2001. Мир викингов. СПб.
296. *Рыбаков Б. А.,* 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. Т. VI.
297. *Рыбаков Б. А.,* 1949. Древности Чернигова // МИА. № 11. М.—Л.
298. *Рябинин А. Е.,*1988. Языческие привески — амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М.
299. *Сабурова М. А.,* 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) //СА. № 2. М.
300. *Сабурова М. А.,* 1997. Древнерусский костюм. Одежда // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.
301. *Сабурова М. А., Елкина А. К.,* 1991. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г. Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.
302. Сага о Греттире, 1976. Новосибирск.
303. Сага о людях из Лаксдаля, 1956 // Исландские саги. М.
304. Сага о Хёрде и островитянах, 1999 // Исландские саги. Т. II. СПб.
305. Сага об Эгиле, 1956 // Исландские саги. М.
306. *Сагайдак М. А.,* 1988. О конструкциях погребальных комплексов Киевщины и Черниговщины IX–XI вв. // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: Сборник статей. Киев.
307. *Сагайдак М. А.,* 2010. Гражданская архитектура Киева (некоторые аспекты изучения восточнославянского жилища) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. СПб.
308. *Салмина Е. В.,* 2007. Новые археологические данные о погребальных памятниках догородского периода на Запсковье // Изборск и его округа: Материалы III научно-практической конференции. Изборск.

309. *Салмина Е. В., Салмин С.* А., 2008. Ольгинские I–III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // АИППЗ, Псков.
310. *Самашев З. С.,* 1998. Одежда и прически средневековых номадов // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (Вопросы хронологии). Самара.
311. *Самоквасов Д. Я.,* 1917. Могильные древности Северянской Черниговщины. Посмертное издание. М.
312. *Санкина С. Л.,* 1995. Антропологический состав и происхождение средневекового населения Новгородской земли. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
313. *Санкина С. Л.,* 1998. Скандинавы в составе населения Старой Ладоги (XI–XII вв.) // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
314. *Санкина С. Л.,* 2000а. Антропологический состав средневекового населения Новгородской земли // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М.
315. *Санкина С. Л.,* 2000б. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб.
316. *Санкина С. Л.,* 2004. Антропология средневекового населения Русского Севера (X–XIV вв.) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. СПб.
317. *Санкина С. Л.,* 2008. Скандинавская проблема в свете антропологических данных: группы Русского Севера и Северо-Запада эпохи средневековья (XI–XIII века) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (33).
318. *Санкина С. Л., Козинцев А. Г.,* 1995. Антропологическая характеристика серии скелетов из средневековых погребений Старой Ладоги // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб.
319. *Сапрыкина И., Митоян Р., Никитина Т., Зеленцова О.,* 2010. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII — начала XI в. из могильников Среднего Поволжья // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. ParsVIII. Piliscsaba.
320. *Седов В. В.,* 1984. Предметы древнерусского происхождения из Финляндии и Карелии // КСИА. Вып. 179.
321. *Седов В. В.,* 1986. Одежда восточных славян VI–IX вв. н. э. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.
322. *Седов В. В.,* 2003. Становление Пскова // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Международная научная конференция. Т. 1. М.
323. *Седов В. В.,* 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.
324. *Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.
325. *Сидоренко Г. В.,* 2000. «Михайловские» рельефные плиты XI в. О возможной алтарной преграде Дмитриевского собора в Киеве. // Иконостас: Происхождение — развитие — символика. Сборник статей. М.
326. *Сизов В. И.,* 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнёздовский могильник близ Смоленска. МАР. № 28. СПб.
327. *Симпсон Ж.,* 2005. Викинги. Быт, религия, культура. М.
328. *Синицына Н. П., Пежемский Д. В.,* 2009. Методика изъятия из саркофагов погребального инвентаря, органических материалов и скелетных останков // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. М.
329. Словарь античности, 1989. М.
330. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980.
331. Сокровища Приобья, 1996: Каталог выставки. СПб.
332. *Сотникова М. П., Спасский И.* Г., 1983. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л.
333. *Спегальский Ю. П.,* 1972. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.
334. *Спицын А. А.*, 1905. Владимирские курганы // ИАК 15. СПб.
335. *Срезневский И. И.,* 1903. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб.
336. *Стальсберг А.,* 1998. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.
337. *Стальсберг. А.,* 2001. Археологические свидетельства об отношениях между Норвегией и древней Русью в эпоху викингов: возможности и ограничения археологического изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. М.
338. *Станкевич Я. В.,* 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и нач. II тыс. н. э. // МИА. № 76.
339. *Станкевич Я. В.,* 1962. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г. // КСИИМК. Вып. 37. М.
340. Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах. БВЛ. Т. 9. М., 1975.

341. *Степанова Ю. В.,* 2010. Привески в составе древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб.
342. *Стурлусон С.,* 1980. Сага о Харальде Прекрасноволосом // Круг Земной. М.
343. *Татарников О. М.,* 2007. Рельеф и палеогеография Псковской области. Псков.
344. *Татарников О. М., Яковлева Е. А.*, 2003а. Реконструкция природно-территориальных комплексов низовий междуречья рр. Великой и Псковы в границах стены окольного города // Северо-Западная Россия и Белоруссия: вопросы экологической, исторической и общественной географии: М-лы общественно-научной конференции с международным участием. Псков.
345. *Татарников О. М., Яковлева Е. А.,* 2003б. Влияние геолого-морфологических условий междуречья Великой и Псковы на развитие планировки древнего Пскова // Региональные тенденции взаимодействия человека и природы в процессе перехода от аграрного к индустриальному обществу: Материалы международной научной конференции. Тверь.
346. *Тацит К.,* 1993. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. I. М.
347. *Тихомиров М. Н.,* 1953. Пособие для изучения Русской Правды. М.
348. *Тодорова А. А.,* 2004. О наборах бус в камерных погребениях X в. // ННЗ. Вып. 18. Новгород.
349. *Толль Н. П.,* 1929. Сасанидские ткани с изображением Бахрама Гура // Seminarium Kondakovianum. III. Prague.
350. *Тухтина Н. В.,* 1960. Средневековые славянские гончарные клейма // Труды ГИМ. Вып. 37. М.
351. *Урьева А. Ф., Черных Н. Б.,* 1983. Дендрохронологическое изучение дерева построек из раскопов Пскова // АИП. М.
352. *Успенская А. В.,* 1993. Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Труды ГИМ. Вып. 82. М.
353. *Успенский Б. А.,* 2006. Крест и круг. М.
354. *Успенский Ф. Б.,* 2002. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М.
355. *Фараджева Н. Н.*, 1997. Становление и развитие строительной культуры Древнего Новгорода // Труды VI МКСА. Т. 2. Славянский средневековый город.
356. *Федоров В. Г.*, 2010. Холодное оружие. М.
357. *Федоров В. М.,* 2011. О восточном влиянии на охоту с ловчими птицами, проводимую в средневековой Руси, с точки зрения практики ее применения (по предметам археологических находок) // Лавровский сборник: Материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010–2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.
358. *Фетисов А. А.*, 2004. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // РА. № 3.
359. *Фехнер М. В.,* 1963. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. М.
360. *Фехнер М. В.,* 1968. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М.
361. *Фехнер М. В.,* 1977. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // СА. № 3.
362. *Фехнер М. В.,* 1982. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. № 2.
363. *Фехнер М. В.,* 1993. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы. М.
364. *Фехнер М. В.,* 1999. Ткани из Гнёздова // Археологический сборник памяти М. В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. М.
365. *Фиркс И., фон,* 1982. Суда викингов. Л.
366. *Флёров В. С.,* 1998. Обезвреживание погребенных на Северном Предкавказье и на Дону в I–VIII вв. н. э. // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докладов. Ростов-на-Дону.
367. *Фонякова Н. А. (Чувило),* 2010. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII — X в. по материалам художественной металлообработки. Казань.
368. *Френкель Я. В.,* 2007. Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.
369. *Френкель Я. В.,* 2009. Стратиграфическая схема раскопок Н. И. Репникова на центральном участке Земляного городища Старой Ладоги и источниковедческий потенциал коллекции бус из этих раскопок // Староладожский сборник. Вып. 7. Старая Ладога.
370. *Френкель Я. В.,* 2011. Хронология бус Земляного городища Старой Ладоги // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и новое время: изучение и реставра-

ция: Тезисы докладов Международной научной конференции. М.
371. *Ханус С.,* 1991. Как шить (перевод с польского). М.
372. *Хартанович В. И.,* 1996. Характеристика антропологических материалов из погребений и культурного слоя в г. Пскове (раскопки 1972, 1974 и 1976 гг.) // АИП. Вып. 3. Псков.
373. *Хижняков О. И.*, 2002. Новгородские гончарные клейма // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь.
374. *Черных Н. Б.,* 1985. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
375. *Черных Н. Б.,* 1996. Дендрохронология и археология. М.
376. *Шахматов А. А.,* 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.
377. *Шемаханская М. С., Равич И. Г.,* 2000. К проблеме археологической идентификации древнерусской подвески // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. СПб.
378. *Шенников А. А.,* 1988. Средневековые жилые дома на Руси и в Скандинавии // Славяно-русские древности. Вып. 2. Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л.
379. *Ширинский С. С.,* 1999. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник: исследования и публикации. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI. М.
380. *Шовкопляс Г. М.,* 1958. Археологічні пам'ятки гори Киселівки в Києві // Праці київського державного історичного музею. Вип. 1. Киев.
381. *Щапова Ю. Л.,* 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I.
382. *Щапова Ю. Л.,* 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.
383. *Элашвили В. И.,* 1956. Парикаоба (Хевсурское фехтование). Тбилиси.
384. *Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П.,* 2005. Исследование золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля (Ч. 4) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М.
385. *Юшков С. В.*, 2001. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М.
386. *Яковлева Е. А.,* 2001. Модель первоначального рельефа Пскова и летописные топонимы Среднего города // АИППЗ. Псков.
387. *Яковлева Е. А.,* 2006. Камерное погребение X в. из Старовознесенского раскопа // АИППЗ. Материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В. В. Седова. Псков.
388. *Яковлева Е. А.,* 2008. «Камерные» погребения псковского некрополя // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.
389. *Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королева Э. В.*, 2012. Псков // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда.
390. *Яковлева Е. А., Татарников О. М.,* 2010. Первоначальный рельеф древнего Пскова и его влияние на развитие городской среды // Краеугольный камень: Археология, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. II. М.
391. *Янин В. Л.,* 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
392. *Янин В. Л.,* 2009. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.
393. *Янин В. Л., Колчин Б. А.,* 2009. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М.
394. *Янссон И.,* 1996. Сокрытые сокровища эпохи викингов // Наследие варягов — диалог культур: Каталог выставки. Стокгольм.
395. *Яценко С. А.,* 2000. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. М.
396. *Allan J.,* 1979. Persian Metal Technology 700–1300 AD. London.
397. *Arbman H.*, 1940. BIRKA I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm.
398. *Arbman H.*, 1943. BIRKA I. Die Gräber. Text. Stockholm.
399. *Arents U., Eisenchmidt S.*, 2010. Die Gräber von Haithabu. Band 1. Neumünster.
400. *Armbruster B.*, 2002. Goldschmiede in Haithabu — Ein Beitrag zum frünmittelalterlichen Metallhandwerk // Das archäologische Fundmaterial VII. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 34. Neumünster.
401. *Armbruster B., Eilbracht H.*, 2006. Technological aspects of the Viking age gold treasure from Hiddensee, Germany // Historical Metallurgy. 40 (1).

402. *Arne T. J.*, 1914. La Suède et l'Orient. Uppsala.
403. *Arrhenius B., Linder Welin U. S., Tapper L.*, 1972–1973. Arabiskt silver och nordiska vikingasmycken. Tor. XV.
404. *Arvidsson G.*, 1986. Die Eissporen // BIRKA II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
405. *Bähr, J. K.* 1850. Die Gräber der Liven. Ein Beitrag zur Nordischen Alterthumskunde und Geschichte. Dresden.
406. *Bau F.*, 1982. Seler og slæb i Vikingetid Birka's Kvindednagt i nytlys // "Kuml" 19–81, I komission hos Gyldendalske Boghandel, Nordisk Forlag, København.
407. *Bayley J.*, 1991. Alloy Nomenclature // Egan G., Pritchard F. Medieval Finds from Excavations in London: 3. Dress Accessories. London.
408. *Bollók A., Knotik M. T., Langó P., Nagy K. E., Türk A. A.*, 2009. Textile remnants in the archaeological heritage of the Carpathian Basin from the 10th–11th centuries // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 60. Budapest.
409. *Brøndsted J.*, 1936. Danish Inhumation Graves of the Viking Age // Acta Archaeologica. Vol. 7. København.
410. *Callmer J.*, 1977. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 a.D. // Acta Archeologica Lundensia Series in 4. Nr 11. Lund; Bonn.
411. *Callmer J.*, 1989. Gegossene Schmuckänhanger mit nordischer Ornamenyik // BIRKA II:3. Systematische analysen der Gräberfunde. Stockholm.
412. *Codina C.*, 2002. Yandbook of jewellery techniques. London.
413. *Cowell M.*, 1991. Analyses of some 11th century Islamic dirhams // XIth International Numismatic Congress. Brussels.
414. *Davidson G. R.*, 1952, The Minor objects // Corinth. Results of excavations. Vol. XII. Princeton.
415. *Duczko W.*, 1983a. Slaviskt och gotländskt smide i älda metaller // Gutar och vikingar. Stockholm.
416. *Duczko W.*, 1983b. En slavisk pärla från Uppland. Några problem kring den vikingatida granulationskonsten // TOR. N 19 (1980–1982).
417. *Duczko W.*, 1985. The filigree and granulation work of the Viking Period. Stockholm.
418. *Duczko W.*, 1987. En guldpärla från Bjärges, Gotland. En kory inlending till den gotländiska senvikingatida filigrankonsten // Tor. N 21.
419. *Duczko W.*, 1993. Scandinavian dies of the Viking Age // Outils et ateliers d'orfèvres des temps anciens. Paris.
420. Early Decorative Textiles, 1969. London, New York, Hamlyn.
421. *Eilbracht H.*, 1999. Filigran und Granulationkunst im Wikingischen Norden Untersuchungen zum Transfer Frühmittelalterlicher Gold- und Silberschmiedetechniken zwischen dem Kontinent und Nordeuropa// Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Beiheft 11. Köln—Bonn.
422. *Eisenschmidt S.*, 1994. Kammergräber der Wikingerzeit in Altdänemark. Bonn.
423. *Eniosova N.*, 2009. A unique 10th century AD gold-plated brooch from south-east Russia: technical and stylistic authentication // Authentication and Analysis of gold work. Archaeosciences. Revue d'archaéométrie. # 33 2009 / Presses Universitaries de Rennes.
424. *Eniosova N.*, 2012. Tracing the routes of silver procurement to the early urban centre Gnezdovo in the 10th — early 11th century // Die Archäologie der frühen Ungarn. Mainz (в печати).
425. *Eniosova N., Mitoyan R.*, 2005. Metal melting crucibles from Old Russian Towns // Proceedings of the 33rd International Symposium on Archaeometry // 22–26 April. 2002. Amsterdam.
426. *Eniosova N. & Murashova V.*, 1999. Manufacturing techniques of belt and harness fittings of the 10th century AD // Journal of Archaeological Science, 26.
427. *Eremeev I.*, 2007. North European objects of the 9th–11th Centuries from the Upper Reaches of the Western Dvina and "the route from the Varangiens to the Greeks"// Cultural interaction between east and west. Archaeology, artifacts and human contacts in northern Europe during the pre- and early history. Stockholm.
428. *Geijer A.*, 1938. Die Textilfunde aus den Gräbern, Birka III. Stockholm.
429. *Gejvall N.-G.*, 1960. Westerhus: Medieval Population and Church in the Light of Skeletal Remains. Lund.
430. *Grabar A.*, 1972. Manussacas M. L'illustration du manuscript de Skylitzès de la Bibliothèque Nationale de Madrid. Venise.
431. *Graham-Campbell J.*, 2007. Reflections on 'Silver Economy in the Viking Age'// Silver Economy in the Viking Age. Walnut Creek.
432. *Gräslund A.-S.*, 1980. The Burial Customs. A study of the graves on Bjorko // Birka IV. Stockholm.
433. *Gratuze B., Soulier I., Blet M., Vallauri L.*, 1996. De l'origine du cobalt: du verra à la céramique // Revue D'Archeometrie. N 20б.
434. *Hägg I.*, 1974. Kvinnodräkten i Birka, Aun 2, Uppsala.

435. *Hägg. I.*, 1986. Die Tracht // BIRKA II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
436. *Hägg I.*, 1991. Rangsymboliska element i vikingatida graver // Mammen. Grav, kunst og samfund I vikingetid. Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter XXVIII. Århus.
437. *Hårdh B.*, 1976. Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden. Probleme und Analysen // Acta Archaeologica Lundensia Series in 8° Minore N 6. Bonn-Lund.
438. *Hårdh B.*, 1984. Feuerstahle // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
439. *Holmquist Olausson L.*, 2003. Den förstekände Sigtuna biskopens begravning — laborativ analysav en unikgrav //Dragtogmagt. Københavns Universitet.
440. *Ierusalimskaja A. A.*, 1996. Die Gräber der Moščevaja Balka. München. 1996.
441. *Ilisch L., Lorenz S., Stern W., Steuer H.*, 2003. Dircham und Rappenpfenning // Mittelalterliche Münzprägung in Bergbauregionen. Bonn.
442. *Ivakin G.*, 2000. Kiev aux VIII-e–X-e siècles // Les centers proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient // Réalités Byzantines 7. Paris.
443. *Ivakin G.*, 2004. Scandinavian grave finds in Kiev // Historiska Niheter, statens Historiska museum 2004–2005. Stockholm.
444. *Jamka R.*, 1936. Cmentarzysko w Kopkach (pow. Niski) na tle okresu rzymskiego w Małopolsce Zachodniej // Przegląd archeologiczny. Kraków. T.V, z. 1.
445. *Jansson I.*, 1984a. Ovale Shalenspangen // BIRKA II:1. Systematische analysen der Gräberfunde. Stockholm.
446. *Jansson I.*, 1984b. Kleine Rundspangen // BIRKA II:1. Systematische analysen der Gräberfunde. Stockholm.
447. *Jansson I.*, 1985. Ovala spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fynden. Uppsala.
448. *Jansson I.*, 1988. Wikingerzeitlicher orientalicher Import in Skandinavien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 69. Mainz am Rhein.
449. *Jansson I.*, 1991. 970/971 AD and the chronology of the Viking Age // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid // Viborg Stiftsmuseums række. Bd. 1 // Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter. Bd. 28. Højbjerg.
450. *Jansson I.*, 1992. Scandinavian oval brooches found in Latvia // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Studia Baltica Stockholmiensia, 9. Stockholm.
451. *Jørgensen L. B.*, 1986. Forhistoriske tekstileri Skandinavien. Prehistoric Scandinavian Textiles. Nordiske Fortidsminder. Serie B 9. Copenhagen.
452. *Kerr R., Wood N.*, 2004. Ceramic Technology // Needham J. Science and Civilization in China. Vol. 5. Part XII. Cambridge.
453. *Kóćka-Krenz H.*, 2007. Wczesnośredniowieczna bizututeria metalowa ze zbiorów Państwowego Muzeum Archeologicznego // Skraby wieków średnich. Warszawa.
454. *Kovalev R. K.*, 2012. Grand Princess Olga of Rus' Shows the Bird: Her 'Christian Falcon' Emblem // Russian History. 39 (2012).
455. *Krag A. H.*, 1999. Fränkisch-Byzantinische Trachteinflüsse in drei Dänischen Grabfunden des 10. Jahrhunderts // Archäologisches Korrespondenzblatt 29. Mainz.
456. *Krogh K.*, 1982. The Royal Viking-Age Monuments at Jelling in the Light of recent Archaeological Excavations. A Preliminary Report // Acta Archaeologica. Vol. 53. København.
457. *Kruse S. E. & Tate J.*, 1992. XRF analysis of Viking Age silver ingots // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. N 122.
458. *Lagerlöf E.*, 1999. Gotland och Bysans: Bisantinskt influtande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden. Visby.
459. Les Vikings... Les Scandinaves et .lE urope 800–1000. Paris, 1992.
460. *Lindberger E.*, 2001. The Falcon, the Raven and the Dove. Some bird motifs on medieval coins // Eastern Connections. Part One: The Falcon Motif. Stockholm.
461. *Lyngstrøm H.*, 1995. Knives from the Late Iron Age in Denmark // Archaeology East and West of the Baltic. Stockholm.
462. *Malmius A.*, 1996. Tortoise brooches, textile impressions and textiles // Laborativ Arkeologi 9. Stockholm University.
463. *Martin R.*, 1928. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Bd. 2. Jena.
464. *Méller D. A.*, 1969. Imperial Constantinople. New York.
465. *Melnikova E. A.*, 1996. The Eastern World and the Vikings. Eight Essays about Scandinavia and Eastern Europe in the Early Middle Ages. Gothenburg Old Norse Studies. 1.
466. *Metcalf D. M., Northover J. P.*, 1986. Interpreting the alloy of the later Anglo-Saxon coinage // British Numismatic Journal. 56.
467. *McKerrell H., Stevenson R. B. K.*, 1972. Some analyses of Anglo-Saxon and associated oriental

silver coinage // Methods of chemical and metallurgical investigation of ancient coinage. N 8.
468. *Mikhailov K.A., Kainov S.Y.*, 2011. Finds of structural details of composite bows from Ancient Rus // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 62. Budapest.
469. *Minaeva O.*, 1996. The cup of Sivin from Preslav, Bulgaria // Laborativ Arkeologi. 9. Stockholm University.
470. *Moore D.T., Oddy W.A.*, 1985. Touchstones: some aspects of their nomenclature, petrography and provenance // Journal of Archaeological Science, 12.
471. *Müller-Wille M.*, 1987. Das wikingerzeitliche Gräberfeld von Thumby-Bienebeck / Kr. Rendsburg-Eckenförde. Teil II. Neumünster.
472. *Nagy K.E., Bíró Á., Bollók Á., Költő L., Langó P., Türk A.A.*, 2010. Byzantine Silk Fragments from a tenth-century Grave at Fonyód. New Data on an Garment Clothing in the Tenth-century Carpathian Basin // Ars Decorativa 27. Budapest.
473. *Noonan T.S.*, 2000. The impact of the Islamic Trade upon Urbanization in the Rus'Lands: the Tenth and Early Eleventh Centuries // Les centres proto-urbanis russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Realites Byzantines. Paris.
474. *Oddy W.A. & Meyer V.E.G.*, 1986. The Analysis of the gold finds from Helgö and their relationship to other early medieval gold // Lundström & Clarke (eds.). Excavations at Helgö X. Coins, Iron and Gold. Stockholm.
475. *Ödman A.*, 1992. Hus och hem // Viking og Hvidekrist. Norden og Europa 800–1200. København.
476. *Ogden J.*, 1994. The Technology of Medieval Jewelry // Ancient and Historic Metals. Conservation and Scientific Research. Marina del Rey, CA: Getty Conservation Institute.
477. *Owen-Crocker G.R.*, 1986. Dress in Anglo-Saxon England. Wolfeboro, NH Manchester University Press.
478. *Pedersen A.*, 1997. Weapons and riding gear in burials — evidence of military and social rank in 10th century Denmark? // Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1–13000. Paper from fn International Research at the Danish National Museum, Copenhagen, 2–4 May 1996. Copenhagen.
479. *Pernicka E.*, 2002. Röntgenfluoreszenzanalyse der Goldobjekte von Haithabu. In: Armbruster B., 2002. Goldschmiede in Haithabu — Ein Beitrag zum frümittelalterlichen Metallhandwerk // Das archäologische Fundmaterial VII. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 34. Neumünster.
480. *Petersen J.*, 1928. Vikingatidens smykker. Stavanger.
481. *Petersen K.S.*, 1994–1995. Danish niello inlays from the Iron Age. A technological investigation // Journal of Danish Archaeology. 12.
482. *Petrukhin V., Pushkina T.*, 1997. Old Russia the earliest stages of Christianization//Rum und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Bd. 2. Stuttgart.
483. Ravenna. I mosaici, I monumenti e l'ambiente, 1993. Ravenna.
484. *Riederer J.*, 1984. Metallanalysen römischer Bronzen // Toreutik und figürliche Bronzen römischer Zeit. Berlin.
485. *Rispling G.*, 1987. Coins with crosses and bird heads — Christian imitations of Islamic coins? // Fornvännen 82. Stockholm.
486. Russie viking, vers une autre Normandie? Novgorod et la Russie du Nord, des migrations scandinaves a la fin du Moyen Age (VIII–XV s.). Sous la direction de Sandrin Berthelot et Alexandre Musin, 2011. Paris.
487. *Salamon M.*, 2009. A Gilded Miliaresion from Excavations in the Market Square in Cracow // Byzantine Coins in Central Europe between the 5th and 10th century. Kraków.
488. *Söderberg A.*, 2011. Eyvind Skáldaspillir's silver — refining and standards in pre-monetary economies in the light of finds from Sigtuna and Gotland // Sigtune Dei. Årsskrift för Sigtuna forskning och historisk arkeologi. Sigtuna.
489. *Sorokin Peotr*, 2011. La construction navale dansla Russie du Nord-Ouest au Moyen Âge // Russie viking, vers une autre Normandie? Novgorod et laussie du Nord, des migrations scandinaves à la fin du Moyen Age (VIIe–XVe s.). Paris.
490. *Staecker J.*, 1999. Rex regum et diminus dominorum: die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänmark und Schweden. Stockholm.
491. *Stalsberg A.*, 1988. The Scandinavian Viking Age finds in Rus'. Overview and analysis // Oldenburg—Wolin—Staraja Ladoga—Novgorod—Kiev. Handel und Handelsverbindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während frühen Mittelalters. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69, Mainz.
492. *Stenberger M.*, 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit I. Text. Uppsala.
493. *Stenberger M.*, 1977. Vorgeschichte Schwedens // Nordische Vorzeit. Band 4. Neumünster.
494. *Steuer H.*, 1997. Waagen und gewichte aus dem mittelaltterlichen Schleswig: Funde des 11. Bis

13. Jahrhunderts aus Europa als Quellen zur Handels-und Währungsgechichte. Köln-Bonn.
495. *Steuer H., Stern W., Goldenberg G.*, 2002. Der Wechsel von der Münzgeld — zur Gewichtsgeldwirtschaft in Haithabu um 900 und die Herkunft des Münzsilbers im 9. und 10. Jahrhundert // Haithabu und die frühe Stadtenwicklung im nördlichen Europa. Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Band 8. Neumünster.
496. *Stubavs A.*, 1976. Kentes pilskalns un apmetné. Rīgā.
497. *Tamla Ü.*, 1995. Scandinavian Influences on the Estonian Silver Ornaments of the 9th–13th Centuries // Archaeology East and West of the Baltic. Stockholm.
498. *Thunmark-Nylén L.*, 1983. Vikingatida dosspännen — teknisk stratigrafi och verkstadsgruppering. Uppsala.
499. *Thunmark-Nylén L.*, 1995a. Churchyard Finds from Gotland (11th–12th centuries) // Archaeology East and West of the Baltic. Stockholm.
500. *Thunmark-Nylén L.*, 1995b. Die Wikingerzeit Gotlands I. (The Viking Age of Gotland. Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien). Stockholm.
501. *Thunmark-Nylén L.*, 2006. Die Wikingerzeit Gotlands III:2. Stockholm.
502. *Točík B.*, 1968. Altmagyarische gräberfelder in der südwestslowakei // Archaeologica Slovaca. T. III. Bratislava.
503. *Trotzig G.*, 1991. Craftsmanship and function. A study of metal vessels found in Viking Age tombs on the island of Gotland, Sweden. Stockholm.
504. *Ubelaker D. H.*, 1978. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago.
505. *Uitgerij P.*, 1991. Stofuit de kist — De middeleeuwseuit de abij van. St-Truiden. Leuven.
506. *Ulfhielm A.*, 1986. Schlüssl // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
507. Vikingatidens ABC. Historia I fickformat. Statens historiska museum. 1995.
508. *Werdelin L.*, 1985. The stature of some medieval Swedish populations // Fornvännen. Journal of Swedish Antiquarian Research, 80. Stockholm.
509. *Whitfield N.*, 1998. The Manufacture of Ancient Beaded Wire: Experiments and Observations // Jewellery studies. Vol. 8.
510. *Zachrisson I.*, 1960. De ovala spännbucklornas tillverkningssätt. TOR 7. Uppsala.
511. *Zocenko V., Vergun O.*, 2007. Oval Brooches in Southern Rus' and their Social Interpretation // Cultural interaction between east and west. Archaeology, artifacts and human contacts in northern Europe during the pre- and early history. Stockholm.

Интернет-ресурсы (к ст. Н. М. Ткачевой)

1. Православная энциклопедия [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:// www.pravens.ru/illustrations и www.pravens.ru/text/
2. Православные мастерские РУССКАЯ ИКОНА [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.ruicon.ru/arts.new/carving/
3. *Albertson L.-O.*, 2012. The Lars-Olof Albertson Database of Swedish Art // Index of Christian Art — Princeton University [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:// ica.princeton.edu/ albertson/
4. *Mills J.*, 2000. The Mills-Kronborg Collection of Danish Church Wall Paintings, 1100–1600 // Index of Christian Art — Princeton University [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:// ica.princeton.edu/mills/
5. Museo Pio Cristiano I [Электронный ресурс] — Режим доступа: http:/ www//christus-rex.org/www1/vaticano/
6. The British Museum [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.britishmuseum.org/

Научное издание

ДРЕВНЕРУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ ПСКОВА X — НАЧАЛА XI ВЕКА

Том II
Камерные погребения древнего Пскова
(по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг.
у Старовознесенского монастыря)

Корректор *А.М. Никитина*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *Р.Г. Подгорная, Е.А. Яковлева*

Подписано в печать 25.12.2015. Формат 60×90 $^{1}/_{8}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 77,0
Тираж 800 экз. Заказ № 63

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23